

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО,
ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВО,
ОБЩЕСТВО,

1887 г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ТОМА ХІ. 1887 г.

За Сентябрь, 1887 г.

I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ И ПЪСЕНЬ (<i>Продолженіе</i>).	1
II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.	
VIII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВИЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОГАЛИ (<i>Окончаніе</i>).	56
III. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПЕЧАТИ ВЪ МАЛОРОССІИ ОТЪ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ ДО ЕКАТЕРИНЫ II. А. Барсунова	90
IV. КЪ ВОПРОСУ О КОЛОНИЗАЦІОННОМЪ ЗНАЧЕНІИ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ СЛОВОДСКОЙ УКРАИНѢ. Евгенія Макси́мова	93
V. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО	109
VI. ПЯТЬ ДОКУМЕНТОВЪ РОДА САВИЧЕЙ	153
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Michael von Zmygodzki. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. München. 1886 (Михаилъ фонъ Змигродскій. Мать у народовъ арійскаго племени).— <i>Н. Чернышева</i>	159
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: Когда и гдѣ совершилось крещеніе кievлянъ при св. Владимірѣ.— <i>П. Л.</i> —б) Потемкинъ и черноморцы.— <i>Ор. Л—й.</i> —в) Жертва купальскаго огня.— <i>Сообщ. П. Е.</i> —г) Ходатайство Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь.—д) Малоруская «паленица».— <i>В. К—шь.</i> —е) Народное преданіе о Саввѣ Чаломѣ.— <i>В. Я.</i> —ж) Панская «пыха».— <i>О. Л.</i> —з) Любечъ. (Стихотвореніе).— <i>И. Плотникова</i>	157

II.

Октябрь.

I. ГОРЛЕНКИ. (Очерки прилуцкой старины). (<i>Продолженіе</i>).— Ии. А. Дабини	190
II. ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОД- НЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. (<i>Окончаніе</i>).—П. Кузьмического . . .	233
III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМЫ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА «НИКМТА ГАЙДАЙ».	277
IV. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО (<i>Продолженіе</i>)	289
V. РЪЧЬ М. А. МАКСИМОВИЧА НАДЪ ГРОБОМЪ ГЕНЕ- РАЛЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ САКЕНА.	331
VI. БЫТОВАЯ МАЛОРУССКАЯ ОБСТАНОВКА ВЪ ДОКУМЕН- ТАХЪ XVII—XVIII ст.	336
VII. СОНЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ПО СПИСКУ ГЕНЕ- РАЛЬНОГО ВОЙСКОВОГО СУДЬИ САВЫ.	357
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Гр. Алексѣевичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Спб. 1887 г.—В. Ястребова.—б) Квитка (Основьяненко), Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.—С.—в) Истори- ческіе очерки сель конотопскаго уѣзда. А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1886 г.—Э—ъ.—г) О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г. Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украй- нѣ, К. Н. Мельникъ. Львовъ. 1886 г.—II. Голубовскаго. . .	369
XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памятники древности въ окрест- ности Корсуня.—б) Южно-русскій списокъ «Александрія» конца XVIII ст.—В. Каллаша.—в) Добрый починъ.—В. Г. г) Археологическая находка. Н. Ч.—д) Актъ «побратимства» въ церковной метрицѣ Л. II.—е) Волинская бывальщина. О. И. ж) Кобелякское повѣтовое училище (1808—1833)—А. Фи- сенка.—з) Къ портрету С. Я. Ширая.	398
Приложеніе: Портретъ стародубскаго войта С. Я. Ширая.	

Ноябрь.

Отъ редакціи.

РАИНА МОГИЛЯНКА, КНЯГИНЯ ВИШНЕВЕЦКАЯ	I
I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕ- СКИХЪ СКАЗАНІЙ И ПѢСЕНЪ. (<i>Окончаніе</i>).—Н. Ѳ. Сум- цова.	401
II. БЕЗТАЛАННЫЙ (Поэма Т. Гр. Шевченка)	557

III

III. САВВА ЧАЛЕНКО (изъ исторiи Гайдамачины прошлаго вѣка). —Д-ра Антонiя I. (<i>Переводъ съ польскаго</i>)	471
VI. КЪ ВОПРОСУ О «ПАРУБОЦТВѢ», КАКЪ ОСОБОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППѢ—Н. Н. Чернышева. , ...	401
V. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО. (<i>Окончанiе</i>).	505
VI. ЛѢТОПИСЬ ЯНА ЮЗЕФОВИЧА, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ РУСИ. В. Антоновича.	546
VII. О КАРПАТСКОЙ РУСИ. (<i>краткiй этюдъ Андрея П. Дешка</i>).	537
VIII. БИБЛИОГРАФIЯ: а) Холмская Русь. Историческiя судьбы русскаго Забужья. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1887 г. <i>К. Цыбульскаго</i> .—б) Историческая записка о злотовольской гимназiи, составленная ко дню 50-ти лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. инспекторомъ А. Андрiевскимъ. Кiевъ, 1887 г.— <i>В. П.</i> —в) Материалы для исторiи воронежской и сосѣднихъ губернiй. Воронежскiе акты. Изданiе воронежскаго статистическаго комитета. Т. I. Воронежъ. 1887 г.— <i>К. Шнейдеръ</i>	559
IX. ИЗВѢСТIЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мимолетное знакомство мое съ Т. Гр. Шевченкомъ и мои объ немъ воспоминанiя.— <i>Ф. Лободы</i> . б) Еще свѣдѣнiе о «дикомъ попѣ».— <i>А. Л.</i> —в) Къ исторiи рода Свѣчекъ.— <i>Н. Стороженка</i> .—г) Замѣтка къ статьѣ «О шелудивомъ Бунякѣ».— <i>П. Авенариуса</i> .—д) Народное преданiе о взытiи Бендеръ.—Сообщ. <i>Л. П.</i> —е) „Писанный крестъ“— <i>О. К.</i> —ж) Небесные архистратиги во образѣ заповождцевъ.— <i>А. Р-ва</i> .—з) Пѣсня о Кармелюкѣ	590
Приложенiе: Портретъ Раины Могилявки, княгини Вишневецкой. Объявленiе.	

Декабрь.

Отъ Редакцiи.

I. БУГСКОЕ КОЗАЧЕСТВО И ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНIЯ. (<i>Лѣтописныя наброски о. Владимира Лобачевскаго</i>)	591
II. МУЗЫКАНТЪ. (<i>Повѣсть Т. Гр. Шевченка</i>).	627
III. РОДЪ ЛАШКЕВИЧЕЙ и ДНЕВНИКЪ ОДНОГО ИЗЪ НИХЪ. <i>Ф. Николайчина</i>	696
IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНIЙ ОТШЕЛЬНИКА К-СКОЙ ПУСТЫНИ.— <i>Иер. Ф-ла</i>	717
V. БИБЛИОГРАФIЯ: а) Первое столѣтiе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Сост. М. М. Владимiровъ. Екатерино-	

IV.

славъ. 1887 г.—Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Состав. преподаватель екатериносл. семинаріи К. Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.—*В—о.*—б) Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, сост. при этнографическомъ отдѣлѣ имп. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Москва. 1887 г.—*О.*—в) Холмскій народный календарь на 1888 годъ.—*Г.* IV. Кіевъ. 1887 г.—*Холмскаго старожила.*—г) Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I. Сост. А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.—*К. Шнейдера* 761

VI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.—*О. Л.*—б) Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.—*П. Л—ва.* в) Къ древней топографіи Кіева.—*А. Маркевича.*—г) Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.—*Ө. Лободы.*—д) Междуплеменные соприкосновенія.—*И. Колумбаша.*—е) „Царь Максимилианъ“ въ Ковлѣ.—*И. Б.*—ж) Два стихотворенія П. И. Артемовскаго-Гулака.—Сообщ. *И. П. Сокольскій.*—Рекрутская пѣсня.—Сообщ. *И. Пономаревъ* 775

Поправка. 804

Отъ редакціи.

Журналь „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *должны* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Марьинова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, предавшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обязуется рецензія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1887 г. (VI годъ изданія.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составѣ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, межуары, хроника, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

1) Записки гофмейстера Н. Д. Селецкого (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. е., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосѣвскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левницкаго (Печуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. е.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ф. Г. Лебединцевъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Сентябрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Жбитом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1887 г.

I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНИЙ И ПЪСЕНЪ. (<i>Продолженіе</i>)	1
II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VIII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВИЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ (<i>Окончаніе</i>).	56
III. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПЕЧАТИ ВЪ МАЛОРОССІИ ОТЪ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ ДО ЕКАТЕРИНЫ II. А. Барсукова	90
IV. КЪ ВОПРОСУ О КОЛОНИЗАЦІОННОМЪ ЗНАЧЕНІИ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНѢ. Евгенія Максимова.	93
V. ЗАЧИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО	109
VI. ПЯТЬ ДОКУМЕНТОВЪ РОДА САВИЧЕЙ	153
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Michael von Zmygrodzki. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes, München. 1886 (Михаилъ фонъ Змигродскій. Мать у народовъ арійскаго племени).— <i>Н. Чернышева</i>	159
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Когда и гдѣ совершилось крещеніе кievлянъ при св. Владиміръ.— <i>П. Л.</i> —б) Погемкинь и черноморцы.— <i>Ор. Л.—й.</i> —в) Жертвакупальскаго огня.— <i>Сообщ. П. Е.</i> —г) Ходатайство Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь.—д) Малоруская «наленица».— <i>В. К.—шь.</i> —е) Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ.— <i>В. Я.</i> —ж) Панская «цыха».— <i>О. Л.</i> —з) Любечь. (Стихотвореніе).— <i>И. Плотникова</i>	157
Приложенія: Шесть малороссійскихъ печатей отъ времени Стефана Баторія до Екатерины II-й.	

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Дозволено цензурою. Київъ, 31-го августа 1887 года.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень.

(Продолженіе) ¹⁾.

Апокрифическія сказанія о Божіей Матери, Спасителѣ и апостолахъ проникли глубоко въ украинскую народную словесность и, сочетавшись съ основными и коренными народно-поэтическими образами, мотивами и эпитетами, составили особый, своеобразный отдѣлъ народныхъ разсказовъ, повѣрій и пѣсень новозавѣтнаго апокрифическаго содержанія. Въ этотъ отдѣлъ входятъ разсказы и пѣсни чисто народные и церковно-схоластическіе, напримѣръ, многія колядки и почти все псалмы. Историко-литературное и художественное значенія этого отдѣла народной словесности должны опредѣлиться изъ предстоящаго детальнаго разсмотрѣнія составныхъ его частей.

10.

Пресвятая Дѣва Марія.

Извѣстно, что чествованіе Богородицы развивалось въ христіанскомъ мірѣ постепенно. Въ первыя два, три столѣтія больше занимались моральной стороною христіанства; четвертый и пятый вѣка—были періодомъ догматическихъ опредѣленій христіанства. Первоначально «догма имѣла въ виду исключительно личность божественнаго Основателя христіанства, и Богоматерь занимаетъ вниманіе первыхъ отцовъ церкви только по своему отношенію ко Христу. Съ половины V столѣтія Богоматерь съ Младенцемъ становится популярнымъ изображеніемъ; только тогда чествованіе Мадонны, до тѣхъ поръ проявлявшееся спорадически, освящается авторитетомъ властей предрежащихъ, получаетъ широкое, всехристіанское распространене-

---

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюньско-іюльск. кн., стр. 215—268.

ніе»¹⁾. Мало-по-малу о личности Дѣвы Маріи слагаются многочисленныя апокрифическія сказанія, большею частью задушевныя и поэтическія. Гностицизмъ оказалъ вліяніе на развитіе апокрифическихъ сказаній о Богородицѣ²⁾. Возникли апокрифическія евангелія, протоевангеліе Іакова, евангеліе Ѳомы, евангеліе Маттея о рожденіи Маріи и др.³⁾. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ съ большими или меньшими подробностями говорится о Дѣвѣ Маріи, ея родителяхъ, воспитаніи, благовѣщеніи, рождествѣ Спасителя, бѣгствѣ въ Египеть. Въ IV и V вв. въ римской имперіи уже обнаружилось два потока поэтического творчества: ученый, согласный съ евангельскимъ текстомъ, и народный, опиравшійся главнымъ образомъ на апокрифическія сказанія. Эти потоки сливаются въ различныхъ пропорціяхъ въ духовной поэзіи и въ церковномъ искусствѣ народовъ новой Европы⁴⁾. Римско-католическій культъ Мадонны въ средніе вѣка получилъ блестящее развитіе, литературное и художественное. «Міръ управляется своими идеалами, говоритъ Лекки, и рѣдко, или никогда не было идеала, который имѣлъ бы болѣе глубокое и въ цѣломъ болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ средневѣковое представленіе Мадонны. Женщина въ первый разъ поднята была до своего полноправнаго положенія, и святость слабости была признана такъ же, какъ святость печали... Въ первый разъ была почувствована нравственная прелесть и красота женскаго достоинства. Новый характеръ былъ призванъ къ жизни; воспитывался новый родъ удивленія. Въ суровое, невѣжественное и помраченное время этотъ идеальный типъ внесъ представленіе нѣжности и чистоты, неизвѣстное самымъ гордымъ цивилизаціямъ прошедшаго. Въ страницахъ живой нѣжности, которыя монахъ-писатель составлялъ въ честь своей небесной покровительницы, въ тѣхъ милліонахъ людей, которые во многихъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ стремились образовать свои характеры по ея образцу, въ новомъ чувствѣ чести, въ рыцарскомъ уваженіи (къ женщинѣ), въ мягкости нравовъ и утонченности вкусовъ, которыя обнаружили

¹⁾ *Киртичниковъ*, Сказанія о Дѣвѣ Маріи, стр. 17.

²⁾ *Гартполь Лекки*, Исторія рационализма въ Европѣ, т. I, стр. 168.

³⁾ Подробное изслѣдованіе объ апокрифическихъ евангеліяхъ *Альбова* см. въ Христ. Чтеніи 1871 г.

⁴⁾ *Киртичниковъ*, стр. 25.

во всѣхъ слояхъ общества,—въ эгомъ и во многомъ другомъ обнаруживается вліяніе религіозно-поэтическаго образа Мадонны. Все что было лучшаго въ Европѣ, жило и дѣйствовало подъ этимъ вліяніемъ, и оно было источникомъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ нашей цивилизаціи»¹⁾).

Между восточными-византійскими, и западными-католическими представленіями Дѣвы Маріи обнаруживается значительное различіе. Чествованіе Богоматери на христіанскомъ Востокѣ не было окружено такою пышностью и обрядностью, какъ чествованіе Мадонны на Западѣ; въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ оно было значительно бѣднѣе и блѣднѣе послѣдняго; но за то оно всегда сохраняло характеръ высокой простоты, искренности, величія и святости, не было игрой личнаго прозвона или каприза художниковъ, а по этому и не впадало въ приторный сентиментализмъ или пошлый реализмъ,—эти, всѣмъ извѣстные, недостатки западнаго, католическаго чествованія Мадонны.

Малорусскія сказанія о Богородицѣ сложились подъ вліяніями восточно-византійскимъ и западно-католическо-польскимъ. Апокрифы о Дѣвѣ Маріи проникли въ народную жизнь и словесность не въ видѣ чего-либо цѣльнаго и систематическаго, не въ формѣ стройныхъ сказаній, а въ видѣ краткихъ апокрифическихъ разсказовъ и преданій, отдѣльныхъ повѣрій, мелкихъ мотивовъ. Одни мотивы, упавъ на почву южнорусской схоластической литературы, не дали народно-поэтическихъ ростковъ; другіе, частью при посредствѣ этой литературы, большею частью независимо отъ нея, проникли въ самую глубь народа, вопли въ общій строй народнаго міросозерпанія и получили развитіе въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ мѣстной, краевой жизни и мѣстной крестьянской психологіи. Повидимому, въ южнорусскій народъ проникли апокрифическія сказанія о Богородицѣ, встрѣчающіяся у отцовъ церкви и въ апокрифическихъ евангеліяхъ. Можно положительно утверждать, что крупными проводниками апокрифовъ о Богородицѣ въ простой нашъ народъ были сочиненія южнорусскихъ писателей второй половины XVII ст., Галятовскаго и Радивиловскаго и въ особенности Чети-Миней св. Димитрія Ростовскаго.

---

1) *Лекки*, Ист. раціонализма, т. I, стр. 172.

Галатовскій составилъ нѣсколько проповѣдей на праздники Богородичные и нѣсколько сборниковъ чудесъ отъ иконъ Богородицы, преимущественно отъ иконъ купятицкой, печерской и елецкой. Наибольшей извѣстностью пользовалось «Небо новое», сборникъ 445 чудесъ Богородицы, расположенныхъ по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ св. Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Иисуса Христа, отъ Ея имени, отъ Ея перстня, надъ монахами, надъ больными и т. д. Въ началѣ «Неба» на л. л. 1—4 приведены пророчества Сивилль о 12 чудесахъ Богородицы ¹⁾). Радивиловскій оставилъ нѣсколько проповѣдей на богородичные праздники въ «Огородкѣ Божіей Матери», приче́мъ обѣими руками черпалъ изъ католическихъ книгъ. Въ составленіи Малыхъ Четьихъ-Миней участвовали многіе южнорусскіе писатели второй половины XVII ст. Еще Петръ Могила сталъ собирать матеріалы для составленія сборника житій святыхъ на славянскомъ языкѣ; въ томъ же направленіи дѣйствовали немного позднѣе Иннокентій Гизель, Варлаамъ Ясинскій и въ особенности Димитрій Ростовскій, прожившій на этотъ трудъ двадцать лѣтъ. Чети-Миней выходили трехмѣсячiami, по мѣрѣ изготовленія, въ 1689—1695 и 1700—1705 годахъ. 28 августа 1689 г. архимандритъ кіево-печерской лавры Варлаамъ Ясинскій послалъ въ Москву трехмѣсячную книгу житій святыхъ, и черезъ полъ-года, 14 марта 1690 г., онъ испрашивалъ у патріарха разрѣшенія продолжать печатать Чети-Миней ²⁾). Апокрифическія черты о жизни и успеніи пресв. Дѣвы Маріи разсѣяны въ Малыхъ Чети-Минейхъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ 8 числомъ сентября, 21 ноября, 25 марта, 25 декабря, 2 февраля и 15 августа. Чети-Миней Димитрія Ростовскаго, написанныя прекраснымъ, чистымъ языкомъ, проникнутыя глубокой вѣрой и благочестіемъ, сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ русскихъ людей, и вошедшія въ Чети-Миней апокрифическія сказанія о Богородицѣ получили широкій доступъ въ духовенство и народъ.

Извѣстно, что въ старинное время духовные писатели обнаруживали большую наклонность къ сопоставленіямъ и сравненіямъ новозавѣтныхъ лицъ и событій съ ветхозавѣтными лицами и собы-

¹⁾ Подробности см. въ моемъ соч. о Галатовскомъ, стр. 43—46.

²⁾ *Архивъ* минист. иностр. дѣлъ. Малорос. дѣла, связки 80 п 82.

тіями. Эта наклонность въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ поддерживалась и воспитывалась въ духовенствѣ сочиненіями отцовъ церкви и преимущественно Палеей. Разказы древнихъ и священныхъ еврейскихъ книгъ объяснялись, какъ тѣнь и прообразъ христіанскихъ событій. Такого рода объясненія мы постоянно находимъ у южно-русскихъ писателей, начиная отъ митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго и кончая Галатовскимъ и Радивиловскимъ. Пр. Дѣва Марія издавна вошла въ кругъ этого литературнаго параллелизма лицъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Еще отцы церкви, опровергая еретиковъ эбіонитовъ, не признававшихъ дѣвства Маріи, доказывали необходимость его тѣмъ соображеніемъ, что дѣва (Ева до грѣхопаданія) погубила міръ; дѣва потому должна была послужить и орудіемъ спасенія ¹⁾. Уже Иринея (II вѣка) сопоставляетъ пр. Дѣву Марію, какъ спасительницу человѣчества, съ Евой, бывшей причиною его гибели, и это сопоставленіе съ теченіемъ времени получаетъ широкое развитіе. Въ апокрифическомъ евангеліи Іакова, извѣстномъ и въ древней Россіи въ отрывкахъ, архангелъ Гавріиль обращается къ пр. Дѣвѣ Маріи съ такими словами: «Не бойся, Марія, не поткнешь бо ся ты, яко Евва. Отъ Еввы бо смерть бысть, а отъ тебе воскресеніе мертвыхъ; отъ Еввы плодъ смертоносный, а отъ тебе крестъ животворящій; отъ Еввы леть, а отъ тебе любовь; отъ Еввы разлученіе человѣкомъ отъ Бога, а отъ тебе совокупленіе несказанно; отъ Еввы мрачный сонъ адовъ, а изъ тебя свѣтлый свѣтильникъ всему міру; отъ Еввы клятва, а отъ тебя благословеніе; отъ Еввы осужденіе, а отъ тебя отданіе; отъ Еввы скорбь, а отъ тебя радость и вѣра; отъ Еввы слезы, а отъ тебя рѣка воды живы, отъ Еввы трудъ, а отъ тебя покой; отъ Еввы тернородная земля, а отъ тебя троичная жизнь; отъ Еввы братоненавидѣніе, а отъ тебя челоуѣколюбіе; отъ Еввы потопъ, а отъ тебя баня безсмертія; отъ Еввы убійство, а отъ тебя мертвыхъ воскресеніе» ²⁾. Вообще, въ сочиненіяхъ многихъ старинныхъ церковныхъ писателей о Богородицѣ говорится, какъ о второй Евѣ, прародительницѣ освобожденнаго человѣчества.

Рядомъ съ сопоставленіемъ Богородицы съ Евой и независимо отъ него шло прославленіе пр. Дѣвы въ литературныхъ сказаніяхъ,

¹⁾ *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи дѣвы Маріи, стр. 19.

²⁾ *Лытинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 76.

въ пѣснопѣніяхъ и въ живописи. Благочестиво настроенная фантазія и глубоко проникнутое религіозностью чувство искали во всемъ мірѣ, физическомъ и моральномъ, образовъ и красокъ для прославленія пр. Дѣвы. Естественно напрашивалось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами, какъ наиболѣе изящными произведеніями земли, а изъ цвѣтовъ, разумѣется, съ самыми красивыми и благоухающими, съ розой и лиліей. Символическое толкованіе Библии усмотрѣло указаніе на пр. Дѣву въ словахъ Ездры V, 24—25: «О владыко Господи, отъ всѣхъ дубравъ земли и отъ всѣхъ деревьевъ ея избралъ еси виноградъ единъ... И отъ всѣхъ цвѣтовъ вселенныя избралъ еси себѣ кривъ единъ». Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ пр. Дѣва называется «криномъ благоуханнымъ».

Южнорусская схоластическая проповѣдь, какъ извѣстно, чрезвычайно любила всякаго рода параллелизмы, символы и аллегоріи, и въ ней нашло мѣсто сопоставленіе пр. Дѣвы Маріи съ цвѣтами, преимущественно съ лиліей.

Сравненіе Богородицы съ Евой встрѣчается, между прочимъ, въ «Огородкѣ» Радивиловскаго въ первомъ словѣ о непорочномъ рожденіи пр. Дѣвы Маріи отъ Іоакима и Анны: «Яко правѣ Евва, не послушною будучи, сталася и себѣ и всему рожаю людскому причиною смерти, такъ и преблагословенная Дѣва Марія, послушная, и себѣ и всему рожаю людскому сталася причиною спасенія.»

Въ особенности по вкусу схоластическихъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка пришлось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами. Это было еще самое естественное и простое изъ сравненій Богоматери съ предметами физическаго міра, къ какимъ прибѣгали южнорусскіе проповѣдники схоластическаго направленія. Радивилевскій посвятилъ цѣлую проповѣдь на сравненіе пр. Дѣвы съ лиліей, именно въ «Огородкѣ» третье слово на Введеніе пр. Богородицы во храмъ. «Первое подобенство пр. Дѣвы Маріи до лѣлѣи, же лелѣи жадныхъ на себѣ не маєть макулъ, которыи бы піенкность еи нарушали... Второе—лѣлѣи суть бѣлыи и червоныи... Пр. Дѣва Марія бѣлая, иле до невинности первородной, есть тежъ и червона, иле до встыду дѣвическаго... Потрете, маєть и тое до себе лѣлѣя, же межи зеліями не маєть плодовицкаго надъ лелѣю, албо вѣмъ зъ одного корня пятьдесятъ цуцаеть головокъ, яко пишеть Плиніушь... Въ Маріи... насине (добра и благодати) принесло плодъ тридесатый, шестиде-

святый и сторакій... Опустивши иншія многія власности, которыми есть лѣлѣя оздобленая, тое мовлю, ижъ жадного цвѣту большаго и высшаго немашь надъ лѣлѣю, бо ведлугъ Плиніуша въ три локтя растеть выше надъ иншіи цвѣты, и для того старожитныи лѣлѣю назвали цвѣтомъ царскимъ».

Религіозно-поэтическія сравненія пр. Дѣвы Маріи съ Евою и со цвѣтами, въ частности съ лиліей, проникли въ южнорусскій народъ, были имъ своеобразно истолкованы и выразились въ словесности южнорусскаго народа въ формѣ любопытныхъ сказаній о томъ, что Богъ создалъ пр. Дѣву Марію въ началѣ свѣта изъ цвѣтовъ, и въ формѣ темныхъ пѣсенъ о близости пр. Богородицы къ лиліи и маку. Въ народѣ распространень своеобразный апокрифъ, что Богъ создалъ перваго человѣка съ кожей роговой, а первую женщину изъ цвѣтовъ. Но Адаму женщина эта не понравилась, и онъ просилъ Бога дать ему другую подругу жизни, не столь нѣжную. Тогда Богъ цвѣтную дѣвушку взялъ къ себѣ, а для Адама создалъ Еву, изъ его ребра, также съ роговымъ тѣлеснымъ покровомъ. Послѣ грѣхопаденія прародителей они потеряли роговой покровъ, остаткомъ котораго служатъ только ногти. Дѣвѣ изъ цвѣтовъ суждено было стать впослѣдствіи пресв. Дѣвой Маріей и Богоматерью. Ева была причиной грѣхопаденія; и дѣвѣ изъ цвѣтовъ предопредѣлено было въ лицѣ Богородицы сдѣлаться источникомъ спасенія человѣчества ¹⁾. Существованіемъ въ народѣ разсказа о тождествѣ Богородицы съ первой цвѣтной дѣвой объясняются нѣкоторыя на первый взглядъ странныя сравненія пр. Дѣвы Маріи съ розой, мальвой и лиліей въ колядкахъ и щедривкахъ, напримѣръ, въ малор. колядкѣ у Чубинскаго т. III, стр. 374. Повидимому, апокрифическая дѣва изъ цвѣтовъ скрывается въ слѣдующей темной колядкѣ:

Рожденная мати, небеська цариця,
 Радуйся, пречиста, прекрасна цариця!
 Дива обрадованная Христа породила
 И за Евою, за Адамомъ слидкома ходила,
 Выплакала за насъ гришныхъ, якъ мати одина...
 Ты красна панна зъ високого маку,
 Не дай же намъ загинуть зъ великого страху.

(Чуб., т. III, стр. 333).

¹⁾ Nowosielski, т. II, стр. 5—6, Чубинскій, т. I, стр. 145—146.

А. Н. Веселовскій въ реценціи на «Труды Этн. Стат. Экспедиціи» П. П. Чубинскаго въ отчетѣ о XX присужденіи награды графа Уварова обратилъ вниманіе на своеобразное преданіе о сотвореніи «жинки зъ цвиту». Онъ предполагаетъ, что источникъ этого преданія «скрывается въ какомъ нибудь христіанскомъ апокрифѣ». Я уже замѣтилъ, что преданіе это могло возникнуть изъ краткихъ сравненій и украшающихъ эпитетовъ пр. Дѣвы въ церковныхъ иѣснопѣніяхъ. Г. Веселовскій сопоставляетъ малорусскій рассказъ о цвѣтной дѣвѣ съ французскимъ стихотвореніемъ XII вѣка о Фануилѣ; но содержаніе послѣдняго слишкомъ своеобразно, и вовсе не объясняетъ малорусской сказки о цвѣтной дѣвѣ. Ближе къ малорусскому сказанію другая французская легенда, приводимая г. Веселовскимъ. Эта краткая легенда упоминается, какъ отреченная, въ одной поэмѣ «Sur la Conception» (о зачатіи) ¹⁾.

11—12.

Благовѣщеніе и звезда пр. Богородицы.

Въ древнѣйшемъ новозавѣтномъ апокрифѣ, протоевангеліи Іакова (начала II вѣка) первое благовѣстіе происходитъ у колодца, когда пр. Дѣва Марія вышла почерпнуть воды. Пр. Марія услышала гласъ ангельскій: «Радуйся, возрадованная! Господь съ тобою; благословенна ты въ женахъ», но самаго ангела не было видно, и затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ другое благовѣщеніе, по евангельскому тексту ²⁾. Этотъ мотивъ повторяется въ одномъ старинномъ галицко-русскомъ казаньѣ на Рождество Христово: «Гды

---

¹⁾ Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenee,
Ce saiechiez nous certainement,
Mais d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient un roman qui fu,
Qui dist que flour fust venue
Sainte Anne et engeneue (*Записки Акад. Н. т. 37, с. 183*).

Догматическая основа этого стиха—латинское ученіе о дѣвственности св. Анны, матери Богородицы.

²⁾ *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, стр. 36.

Христось Сынъ Божій оутѣлилъ ся и оуишоль Духомъ святымъ у пречистую Панну, тогда пресв. Богородица стояла у колодезя, хотѣла почерпать воды оу сосудъ. И ту пришелъ ангель Господень къ ней и рече: Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, днесь пополнишися Духа святаго. А Она обозрить ся на ангела и увидѣла звѣзду великую»¹⁾... Этотъ мотивъ изрѣдка встрѣчается въ народныхъ духовныхъ стихахъ, напр. у Чуб., т. III, стр. 11.

Съ апокрифическимъ сказаніемъ о первомъ благовѣщеніи у колодца тѣсно связано апокрифическое сказаніе «о звѣздѣ, которую маеть пр. Богородица на себѣ». Во время перваго благовѣщенія «звѣзда, пришедши къ ней, сѣла на головѣ еи, а потомъ зъ головы сѣла на правомъ плечи, а потомъ зъ праваго плеча изступила на лѣвое плече, а зъ лѣваго зышла снову на голову, а зъ головы уступила во уста и ту ся Пречистая наполнила радости великои и тогда во утробѣ своей зачала Сына Божія, и то та звѣзда пребывала въ Ней при отроцати, дондеже породила Христа». Далѣе говорится, что надъ колодцемъ, гдѣ произошло первое благовѣщеніе, построена «церковь великая, каменная, пречудная», и надъ ней дважды въ годъ всходитъ свѣтлая звѣзда, въ ночь Рождества Христова и на Благовѣщеніе пр. Богородицы. Звѣзда входитъ черезъ южное окно въ церковь, погружается въ колодезь и затѣмъ удаляется изъ церкви. Когда Спаситель родился, то звѣзда стала на головѣ пр. Богородицы и бросила свои лучи на Ея плечи. Послѣ воскресенія Спасителя пр. Богородица съ звѣздой на головѣ пришла къ Пилату. Пилать хотѣлъ взять звѣзду рукой; но рука его при этомъ оцѣпенѣла. Тогда Пилать увѣровалъ во Христа, вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями, и впослѣдствіи пострадалъ мученической смертію. При этомъ въ апокрифѣ находится любопытная фраза, что Пилать о своемъ обращеніи «пише широце въ житіи своемъ»²⁾. Эпизодъ о Пилатѣ, заключающійся въ галицко-русскомъ апокрифѣ о звѣздѣ, представляетъ любопытное дополненіе къ апокрифическому «Посланію Пилата къ Тиверію», изданному А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XV—XVI в.³⁾

¹⁾ *Калитовскій*, Матер. до литер. апокр., стр. 14.

²⁾ Тамъ-же, стр. 16.

³⁾ *Пыпинъ*. Памят. стар. рус. лит., т. III, стр. 107—108, 103—104.

Апокрифическое сказаніе о звѣздѣ выросло, вѣроятно, изъ топографическихъ или живописныхъ традицій и комментаріевъ. Г. Елисѣевъ въ сочиненіи «Съ русскими паломниками на св. землѣ весною 1884 г.» говоритъ, что и въ настоящее время проводники сообщаютъ странникамъ много мѣстныхъ преданій и рассказовъ о палестинскихъ святыняхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эти рассказы вошелъ также колодезь, около котораго произошло первое благовѣщеніе, вошелъ, можетъ быть, еще въ старое время.

Изображеніе звѣзды надъ головой пр. Богородицы встрѣчается въ древнихъ памятникахъ христіанской живописи въ катакомбахъ ¹⁾.

Въ апокрифѣ о звѣздѣ находится одинъ частный эпизодъ, составленный несомнѣнно подъ вліяніемъ иконописи: «Слыши пильно о тихъ звѣздахъ, которыя теперь видимо пишутся на шатѣ пр. Матки Божой. На Пречистой три звѣзды, яко на небѣ... Христосъ... лишилъ пресвятой матери своей таковыя знаки предивныя три, абы то знали, ижъ то Она есть Матка Божя и царица небесная и земная всего свѣта» ²⁾.

Южно-русскіе схоластическіе проповѣдники воспользовались апокрифомъ о звѣздѣ пр. Богородицы, такъ какъ апокрифъ этотъ какъ нельзя болѣе подходитъ подъ схоластическія «циркумстанціи» или «околичности» для расширенія проповѣди и какъ нельзя болѣе удовлетворялъ наклонности проповѣдниковъ XVII вѣка къ искусственнымъ сопоставленіямъ священныхъ лицъ съ предметами физическаго міра. Такъ Галатовскій цѣлую проповѣдь построилъ на перечисленіи тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ пр. Дѣва Марія сдѣлала себѣ корону ³⁾.

13.

Рождество Иисуса Христа.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Памятн. стар. рус. литер. издалъ апокрифъ о Рождествѣ Иисуса Христа, по Румянцевскому Торжественнику конца XV ст. Въ началѣ апокрифа находится длинное разгла-

¹⁾ *Seemann*, *Kunsthist. Bilderbogen*, № 331.

²⁾ *Калитовскій*, стр. 16.

³⁾ *Галатовскій*, Ключъ Разумѣнія. Второе казане на Успеніе пр. Богородицы.

гольствованіе на тему: «Возсія, намъ днесь праведное солнце», затѣмъ слѣдуетъ пространное сравненіе пр. Богородицы съ Еввой, краткое замѣчаніе о звѣздѣ и волхвахъ и многорѣчивое разсужденіе по поводу Рождества Христова, наконецъ, съ половины апокрифа говорится о Рождествѣ Христовѣ, путешествіи Іосифа съ Маріей въ Вифлеемъ, вертепѣ, бабѣ Саломіи, волхвахъ и избіеніи младенцевъ.

Вторая часть апокрифа о Рождествѣ Іисуса Христа вошла въ старинное малорусское «Казаня на Рождество Христова», сохранившееся въ рукописномъ сборникѣ во Львовѣ въ библиотекѣ Оссолинскихъ и изданное въ 1884 г. г. Ом. Калитовскимъ. Сравнивая это «Казаня» съ апокрифомъ, изд. Пыпинымъ, мы видимъ, что неизвѣстный проповѣдникъ приспособилъ апокрифъ къ понятіямъ своихъ слушателей, темное устранилъ, недостаточно ясное снабдилъ небольшими комментаріями, и все Казаня изложилъ довольно простымъ языкомъ. На этомъ Казань можно видѣть, какъ приспособлялось книжными людьми инородное и иноземное къ быту и понятіямъ роднаго народа, какъ націонализировались заходящія повѣсти. Апокрифическія пѣсни могли возникнуть только изъ такого предварительнаго приспособленія книжныхъ сказаній къ южно-русской почвѣ.

«За панованя и за королевства Августа, кесаря благочестиваго и побожнаго, былъ розказъ по всей вселенной, абы было переписано царство его»—такъ начинается малорусская редакція апокрифа о Рождествѣ Спасителя, и затѣмъ слѣдуетъ сходный съ евангельскимъ текстомъ разсказъ о путешествіи Іосифа и пр. Маріи въ Вифлеемъ. Въ этотъ разсказъ вставленъ слѣдующій эпизодъ: «А коли ишоль дорогою, видѣлъ Іосифъ Марію: ово ся смѣе, ово плаче. И рече Іосифъ: «Маріе, что се чинишь... Рече ему Пречистая: о, Іосифе, вижу на свѣтѣ двое людей; еднии ся смѣють, а другіе горко плачуть; то я я, которые ся смѣють, и съ тыми ся смѣю и радую, а которые плачуть, и я съ ними плачу и смучу ся» (Калиг., стр. 12). Этотъ эпизодъ почти дословно повторяется въ апокрифѣ у Пыпина, т. III, стр. 78. Въ Казань только расширено немного объясненіе пр. Дѣвы, что она участвуетъ въ радостяхъ и горестяхъ людей.

Въ апокрифѣ говорится: «егда быша посреди пути идуща, и рече Марія Іосифу: «сади мя съ осляти сего, яко суще во мнѣ нудить мя, изыти хотя. И сади ю Іосифъ». Въ Казань это мѣсто

повторяется почти дословно, и затѣмъ слѣдуетъ любопытное добавленіе: Іосифъ помогъ пр. Дѣвѣ Маріи сойти на большой и плоскій камень, лежавшій на дорогѣ. Ноги пр. Богородицы погрузились въ камень, «яко у тѣсто; позналъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопа ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медь... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое» (Калит., стр. 12).

Въ апокрифѣ говорится только, что Іосифъ нашелъ вертепъ и ввелъ въ него пр. Богородицу (Пыпинъ, 78). Въ Казаньѣ это выраженіе снабжено комментариемъ: «Ту увидѣла Пречистая вертепъ, погребъ или шопу, старое становиско нѣякоесъ, гдѣ пастухи скотъ или овцы запирали. А въ томъ вертепѣ тогда не было ничего: только нѣкоторые пастухи виелеемскіе лишили при яслехъ вола и осла, а сами пошли за овечками въ поле». Когда родился Іисусъ, тогда «оубогая стайня внеть ся наполнила предивнаго» (Калит., стр. 13).

Далѣе и въ апокрифѣ, и въ Казаньѣ слѣдуетъ рассказъ о бабкѣ Саломіи, явившейся въ вертепъ по зову ангела. Эпизодъ о томъ, почему отсохла у Саломіи рука и какимъ образомъ Саломія получила исцѣленіе, находящійся въ апокрифѣ, въ Казаньѣ не встрѣчается. Составитель Казанья, лице духовное, должно быть, счелъ этотъ эпизодъ неумѣстнымъ.

Извѣстно, что народъ обнаруживаетъ большую склонность къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, силъ и явленій природы, болѣзней и даже большихъ праздниковъ. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, какъ было въ древности, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, наиболѣе полного и отчетливаго его представленія, для развлечения и удовольствія, такъ какъ человѣкъ сочувственно можетъ отнестись къ внѣшнему міру, лишь приблизивъ его къ своей духовной личности. Въ кругъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ олицетвореній вошелъ праздникъ Рождества Христова, въ интересахъ наиболѣе отчетливаго прославленія его въ ряду другихъ большихъ праздниковъ зимняго времени. Такъ, въ одной колядкѣ:

Да выросло дерево тонке да высоке,
А на тому древу да намалеванѣ,

А намалевано а три святители:
 Шо первый святитель—святѣ Рожество,
 Другій святитель—то жь святый Василій,
 А третій святитель—то жь Иванъ Христытель.

(Чуб., т. III, стр. 338).

Въ этихъ трехъ святителяхъ съ одной стороны выразились желаніе народа прославить сразу три крупныхъ зимнихъ праздника, а съ другой стороны выразился излюбленный народно-поэтическій приемъ троенія мысли или предмета.

Весьма своеобразное олицетвореніе Рождества обнаруживается въ слѣдующей колядкѣ:

А вси святѣи ослономъ сили;
 Тилько нема святого Риздва.
 Рече Господь святому Петру:
 «Петре, Петре, послуго моя,
 Пиди, принеси святее Риздво!»
 Не выйшовъ Петро якъ пивъ дороги,
 Здыбало Петра чудо чудное,
 Чудо чудное, вогнемъ страшное!
 Петро жажнувся, назадь вернувся,
 Рече Господь до святого Петра:
 «Ой Петре, Петре, послуго моя,
 Чомъ ты не принисъ святее Риздво?»
 «Ой здыбало мене чудо чудное»...
 «Ой, не есть то, Петре, нияке чудо,
 А то есть святѣ Риздво;
 Було его взяти, Петре, на руки,
 Сюды принести, на стилъ покласти;
 Зрадовались бы вси святѣи,
 Що передъ ними Риздво сило».

(Чуб., т. III, стр. 351).

Можетъ быть подъ «чудомъ чуднымъ» колядки скрывается древнее языческое божество, въ другихъ случаяхъ скрывающееся подъ словомъ Крачунъ, Керечунъ, Карачунъ, причемъ самое слово Крачунъ или Керечунъ, вѣроятно, румынскаго происхожденія ¹⁾.

¹⁾ См. ст. *Шузардта*, въ „Archiv“ Ягича“ 1886 г., т. III, стр. 526.

Евангельское повѣствованіе о Рождествѣ Спасителя (отъ Луки гл. 2) отличается краткостью. Апокрифическія сказанія даютъ дополнительныя черты, почти всецѣло вошедшія въ народную поэзію, преимущественно колядки и щедривки. Уже на древне-христианскихъ саркофагахъ являются осель и быкъ при Рождествѣ Христовѣ. Къ IX вѣку на востокѣ и западѣ пользуется огромною популярностью форма изображенія Р. Х., гдѣ главныя дѣйствующія лица изображены такимъ образомъ: въ горѣ пещера, въ пещерѣ ясли, въ которыхъ лежитъ Христосъ: надъ Нимъ головы осла и быка. Богоматерь лежитъ на одрѣ, лицомъ къ зрителю. Іосифъ сидитъ внизу въ раздумьѣ, либо грусти, или же въ дремотѣ¹⁾. Извѣстно, какъ традиціонныя осель и быкъ послужили великимъ италянскимъ художникамъ, напр., Корреджіо. Въ Чети-Минейхъ Димитрія Ростовскаго говорится, что къ яслямъ привязаны были воля и осель. Ихъ привелъ Іосифъ изъ Назарета. На ослѣ ѣхала пресвятая Дѣва, а вола Іосифъ привелъ на продажу, чтобы было чѣмъ уплатить царскую подать и содержать себя въ Виолеемѣ и въ дорогѣ. Сія то безсловесныя животныя, стоя при ясляхъ, дыханіемъ своимъ согрѣвали Младенца отъ зимней стужи и такимъ образомъ служили Владыкѣ и Творцу своему. Этотъ разсказъ изъ Чети-Миней проникъ въ народъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на народную мысль, такъ что въ духовныхъ стихахъ и легендахъ малорусскаго народа онъ передается почти съ дословною вѣрностью. Такъ, въ одномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губерніи говорится: «Ото якъ находився Господь та лежавъ у ясляхъ, то вилъ не нарушавъ зъ ясель жадного стебла, а ще дыхавъ и загривавъ Бога... Ото жъ то Божа Мати и сказала: «будеиш же ты, добрый воле, завсегда въ Бога сытый» (Драг., стр. 109). Въ литинскомъ уѣздѣ записано повѣрье, что воля и ослы благословенны Богомъ за то, что укрывали Спасителя въ ясляхъ соломой и согрѣвали Его (Чуб. т. I, втр. 48). Отсюда произошло повѣрье, что рогатый скотъ наканунѣ Р. Х. получаетъ способность говорить человѣческимъ голосомъ (Ibid., стр. 48). Колядка, записанная въ бердичевскомъ уѣздѣ и вошедшая въ III т. «Грудовъ» Чубинскаго, стр.

¹⁾ *Кирличниковъ*, Миниатюры часослововъ, въ „Худож. Повост.“, 1883 г., № 16.

340—341, представляетъ любопытный образчикъ стихотворной передѣлки чети-минейнаго сказанія:

Скинiя вся золата—
Ковчегъ завила,
Выдiтъ днесъ Марiя
Сына повита.
Радуйся Марiя!
Воль и осель, дышуще,
Хвалы воздають,
Озябшого въ ясляхъ
Парою грiють...

Сравненiе Богоматери съ кивотомъ завѣта также взято изъ Чети-Миней. Здѣсь говорится о Кивотѣ въ святая святыхъ iерусалимскаго храма, какъ о прообразѣ Марiи Дѣвы. Такимъ образомъ первыя четыре строки составлены на основанiи одного чети-минейнаго сравненiя подъ 21 ноября; слѣдующiя затѣмъ пять строкъ изъ чети-минейнаго сказанiя о Р. Х. подъ 25 декабря, а осталъная часть колядки о поклоненiи волхвовъ, нами опущенная, составлена также на основанiи чети-минейнаго сказанiя о Рождествѣ Спасителя. Изъ этого примѣра достаточно ясно видно, какое важное значенiе имѣли Чети-Миней на возникновенiе и развитiе малорусскихъ колядокъ духовнаго содержанiя.

Чети-Минейное сказанiе о присутствiи вола и осла при Р. Х. въ малорусскихъ колядкахъ встрѣчается въ разныхъ пересказахъ, иногда довольно курьезныхъ, напримѣръ:

Да зъихалось да три волы,
Да три волы, три буйвалы,
Ой стали вони да чмохати, гадати,
Чимъ сее дзецъко даровати:
Одинъ даруе муромъ, кадиломъ,
Другiй даруе золоту квиточку.

(Чуб. т. III, стр. 355).

Отъ апокрифнаго вола при Р. Хр. произошелъ часто встрѣчающiйся въ колядкахъ мотивъ:

Озьму вола за ригъ,
Та выведу на муригъ,
Та выкручу ему ригъ.

Такъ какъ рождественскіе праздники—время веселья и самыя колядки служить нынѣ для увеселенія, то въ нѣкоторыя духовныя колядки проникъ праздничный разгулъ и вольность въ выраженіи религиозныхъ чувствъ, напр., въ колядки, находящіяся въ «Трудахъ» Чубянскаго, т. III, стр. 376, 377, «коло ясель старый Осипъ оберемкомъ сино носить». Нужно впрочемъ сказать, что духовныхъ пѣсенъ съ ироническимъ отношеніемъ къ священнымъ лицамъ и событіямъ весьма мало. Въ нѣкоторыхъ колядкахъ волю при ясляхъ считаются ангельскими превращеніями или прямо замѣняются ангелами, напр.: «надъ яслами волю стояли; то жъ не волю, то два янголы» (Чуб., т. III, стр. 323). Огромное большинство колядокъ создано съ цѣлью:

Навчить диты малии
Книги читати, въ церковь ходити,
Святе Рожество праздникомъ чтити,
Батька, матинку вирне любити.

(Чуб., т. III, стр. 385).

Въ связи съ апокрифическими сказаніями о Р. Х. находится одинъ небольшой эпизодъ въ повѣсти Г. Θ. Квитки «Панна Сотниковна». Въ святъ-вечеръ панъ сотникъ любовно объясняетъ своему сыну, что кутью и узваръ въ это время ѣдятъ на сѣнѣ, т. е. положивъ на столъ сѣно, въ воспоминаніе того, что Иисусъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ.

На западѣ подъ вліяніемъ религиознаго сентиментализма уже въ средніе вѣка развились литературныя и художественныя формы обожанія Христа Маріей Дѣвой и Іосифомъ. Марія стоитъ передъ Христомъ на колѣняхъ—таково обычное изображеніе на старинныхъ картинахъ и на миниатюрахъ¹⁾. Этотъ элементъ обожанія Христа Матерью проникъ въ Чети-Минеи, а отсюда въ малорусскіе духовные стихи, напр.:

А пресвятая Дѣва Марія едина,
А просила ласки у своего сына.

(Чуб., т. III, стр. 348).

Въ евангеліи отъ Луки гл. 2 кратко говорится, что пресвятая Дѣва Марія «*роди сына своего первенца и повитъ его и положи*

¹⁾ Кирпичниковъ, въ „Худож. Листвѣ“ 1883 г., № 16.

его въ яслехъ». Въ Чети-Минеяхъ говорится, что пр. Дѣва обвила сладчайшаго своего Сына бѣлыми, чистыми, тонкими пеленами, еще прежде приготовленными ею въ Назаретѣ. Въ малорусскихъ колядкахъ это перифразируется слѣд. словами:

А биленькіи пелюшечки сповивала,
А зъ девятого шовку сповивачикъ сукала,
А зъ сребла-злата приголовочокъ прикладала.

(Чуб., т. III, стр. 324).

Мале дитя на престоли положила,
Надъ тымъ дитямъ три свички засвѣтила (Ibid., стр. 325).

Тамъ Пречиста у крижмове сповила,
А сповивши въ василечки вложила (Ibid., стр. 327).

Поэтическимъ распространеніемъ этого мотива являются колядки, въ которыхъ Богородица бѣлитъ ризы на Дунаѣ; вѣтеръ уноситъ ихъ подъ небеса, а тамъ принялъ ихъ ~~самъ Господь~~ (Чуб., т. III, стр. 329; Голов., т. II, стр. 90).

14

Поклоненіе волхвовъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ статей, въ Казаньѣ на Рождество Христово, находится пространное сказаніе о поклоненіи волхвовъ. Пророкъ Валаамъ оставилъ свои пророческія книги тремъ персидскимъ царевичамъ, которые учились у него звѣздохетству, и просилъ ихъ слѣдить за появленіемъ на небѣ «звѣзды отъ Іакова», упоминаемой въ Библии. Царевичи, по именамъ Кашперъ, Еліамъ и Еликуръ, потомъ счастливо управляли Персіей... «Единой нощи, гди онии три цари, читаючи книги.... издремали ся и, не угашаючи свѣчи, приснули мало, и видѣли во снѣ, якобы стоятъ усѣ три у божниці своен передъ своею богинею Урією, и здалося имъ, яко бы пришла звѣзда барзо великая, и чудная, и пресвѣтлая вельми и уишла у божвицу ихъ окномъ полунощнымъ и освѣтила всю божницу, яко слонце, и походила довго по божниці и по всѣхъ богиняхъ, и пришла до старшен ихъ богини Уріи и сѣла на головѣ», потомъ перешла на правое плечо, затѣмъ на лѣвое, снова поднялась

на голову и вошла во уста, побывши не долгое время въ Уріи, звѣзда вышла изъ капища южнымъ окномъ. Всѣ идола при этомъ упали и рассыпались въ прахъ, и осталась одна Урія. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ и съ главнымъ жрецомъ, они отправились на поклоненіе божественному Младенцу въ Виолеемъ¹⁾.

Все это сказаніе объ Уріи и персидскихъ царяхъ построено на апокрифическомъ сказаніи Афродитіана, которое издано Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XIII вѣка. Въ древней Россіи сказаніе Афродитіана пользовалось значительной популярностью, и Максимъ Грекъ написалъ противъ него обличительное слово. Въ сказаніи Афродитіана говорится объ Ирѣ=Ураніи=Маріи и паденіи идоловъ во время Рождества Христова. Разница между этимъ апокрифомъ и сходнымъ съ нимъ Казаньемъ состоятъ въ собственныхъ именахъ. Въ Казаньѣ нѣтъ ни Афродитіана, ни имени жреца Прупа, но за то поименовываются цари, чего нѣтъ въ апокрифѣ. Въ апокрифѣ является одинъ царь; онъ посылаетъ волхвовъ. Въ Казаньѣ видвинута подробность о явленіи звѣзды. Вообще, Казанье опирается на редакцію Сказанія Афродитіана, отличную отъ извѣстной по изданіямъ Пыпина и Тихонравова.

О поклоненіи волхвовъ говорится во многихъ колядкахъ, причемъ обнаруживаются черты сходства колядокъ этого рода съ апокрифическимъ Казаньемъ львовскаго рукописнаго сборника. Въ колядкахъ обычно выраженіе «три цари пришло» (Чуб., т. III., стр. 324 и др.); иногда встрѣчаются вмѣсто царей три ангела и даже три вола. Цари дарятъ Иисусу «мвро, кадило и цвѣтокъ» (ib., стр. 324) или «ливанъ, смирамъ и злато» (стр.327).

15.

Избіеніе младенцевъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ сказаній встрѣчается любопытное Казанье на Соборъ пр. Богородицы. Здѣсь говорится объ избіеніи младенцевъ, притомъ въ формѣ почти гѣсенной, съ ясными чертами стихотворнаго склада. Въ дѣйствительности здѣсь мы имѣемъ духовную гѣсню, напоми-

¹⁾ *Калитовскій*, стр. 9—22.

нающую въ отдѣльныхъ выраженіяхъ народныя эпическія пѣсни. «Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виелеемскій повѣтъ, заразы почали чинити по малыхъ диточкахъ невинныхъ отвѣтъ. Отъ персій матернихъ отрывали да погубляли и розмаитыи имъ смерти завдавали. Иныхъ коньми топтали по улицахъ, иныхъ за волосы брали, о каменя разбивали, иныхъ за ножки брали и на двое раздирали, иныхъ острыми сулицами скрузь пробивали, иныхъ на огенъ метали, иныхъ дымомъ заперши душили, иныхъ на дворахъ ихъ на коли истыкали, иныхъ у воду метали, иныхъ на поли псеисами разтесовали, иныхъ у хвостовъ конскихъ увязавши волочили, иныхъ истинали мечомъ, не маючи милости, а дѣточки, яко немовлятка будучи, того не знаютъ, они донѣмають, ижъ то зъ ними жарты мають, за мечъ ручками сягають, подъ мечъ головки свои хляють, а они окаянныя головки имъ истинають. Инымъ ручки и ножки отнявши передъ отци и матки розметають; иныхъ истыкали на копія. На конецъ не еденъ тамъ по сыну заплакалъ отецъ и мати по своему милому дитяти. Отци бѣдныя и матери смутнія до ногъ жолнѣромъ упадають, слезами своими ноги ихъ обливають, дорогіе имъ подарунки дають, скарби своя имъ отворяють, о змилованю дѣточекъ своихъ просятъ. Иніе же сами голови свои надъ диточками своими подъ мечи остріи подкладають, абы то не видѣли такой окрутной смерти дѣточекъ своихъ милыхъ. Але они окрутники на то ничего не дбають, але еще горшими ся ставають, немилостиве дѣточокъ малихъ погубляютъ, яко чистую пшеницу пожинають. Тамъ кровь по всѣхъ улицахъ, яко потеки, текла, быстрыми струмени плынула, гды жъ бо тамъ жадного двора бѣда не минула..... Отцы бѣдніи и матки до Бога волають, въ небо руки поднимають, о землю персями ударяють, голосомъ жалоснымъ горько волають: о небо и земле, чому насъ не покрывешъ и чому насъ бѣдныхъ не ратуешъ съ нашими дѣточками, чомъ насъ не укрывешъ, абисмо не были мордованы тыми то окрутными Иродовыми слугами. Въ смутку и горести кожного дѣтатка говорила matka: о дѣточки наши милые, волѣли бы смо васъ на свѣтъ не родити, нижли на васъ теперь такую окрутную смерть видѣти..... О безбожный кролю Ироде, за тій то маліи дѣточки запевне будешъ у пеклѣ сидѣти. И такъ на него отъ Бога помста испала, ижъ его живого на маестатѣ кралевскомъ черви росточали, только що хробори (хворобы) zostали,

а дьяволи душу его до пекла позвали, а дѣточки царства небеснаго себѣ достали. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь»¹⁾).

Въ этомъ сказаніи-пѣснѣ прежде всего обращаетъ вниманіе задушевность, мягкость и нѣжность чувства, мѣстами переходящая даже въ сентиментальность; эти черты сказанія выражаютъ мягкость и нѣжность чувствъ малорусскаго народа, такъ какъ подтверждаются другими памятниками народной поэзіи и новой малорусской литературой. Далѣе заслуживаютъ вниманія эпическія черты сказанія, доказывающія сильное вліяніе народнаго эпоса на приспособлявшіеся къ народному пониманію апокрифы. Нѣкоторыя преступленія слугъ Ирода напоминаютъ преступленія Алексѣя Поповича въ думѣ про бурю на Черномъ морѣ, напримѣръ, топтаніе конемъ дѣтей. Горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольничьихъ думахъ. Наконецъ, въ этомъ сказаніи отразились, повидимому, кое-какія бытовыя черты, напримѣръ, извѣстныя въ XV—XVII ст. способы пытки и казни и воспоминавія о случаяхъ избіенія дѣтей татарами и поляками.

Въ колядкахъ избіеніе младенцевъ упоминается какъ бы мимоходомъ, коротко и безцвѣтно. Иродъ приказалъ своимъ «жовнирамъ землю сплендрувати» (Чуб., т. III, стр. 328). Здѣсь нужно еще отмѣтить встрѣчающееся въ колядкахъ и народныхъ разсказахъ сказаніе о томъ, что посланные въ погоню за св. семействомъ воины Ирода возвратились въ Іерусалимъ, послѣ того какъ узнали, что пр. Богородица прошла, когда мужикъ сѣялъ, причемъ видѣли хлѣбъ уже созрѣвшій. Они не знали, что пшеница выросла и созрѣла быстро, по повелѣнію Бога. Въ древнихъ апокрифахъ о пр. Богородицѣ нѣтъ этого разсказа. Настоящее его мѣсто въ апокрифахъ о хожденіи Іисуса Христа съ апостолами по землѣ.

Къ апокрифамъ объ избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ пр. Богородицы въ Египетъ примыкаютъ большія колядки о томъ, какъ жида Христа искали. Жида спрашиваютъ пр. Богородицу, гдѣ она скрыла Христа. Пр. Богородица отвѣчаетъ, что спрятала Спасителя въ лѣсу, а потомъ, на новые о томъ же вопросы говорить, что спрятала въ травѣ, высокихъ горахъ, глубокихъ

¹⁾ *Калитовскій*, стр. 22—25.

рѣкахъ, и наконецъ, что Спаситель взошелъ на небеса (Голов., т. II, стр. 25, 26; Чуб., т. III, стр. 343).

16.

Крещеніе Спасителя.

Въ Казаньѣ на Богоявленіе Господне, находящемся во львовскомъ рукописномъ сборникѣ, крещеніе Иисуса Христа находится въ связи съ апокрифомъ о рукописаніи Адама и семи змѣиныхъ головахъ на лицѣ Каина. Взявъ отъ Адама обязательство принадлежать царству дьявола, дьяволъ снялъ змѣй съ лица Каина и спряталъ рукописаніе и змѣиныя головы на днѣ Иордана въ камнѣ. Во время крещенія Спаситель уничтожилъ змѣиныя головы. Слѣды этого сказанія отразились уже въ греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ восьмага вѣка и въ греческой церковной живописи. Такъ у св. Козьмы Маюмскаго Иисусъ Христосъ, во время крещенія, «зміевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ»; у Іоанна Дамаскина: «Опали струею зміевы главы». Дидронъ въ сочиненіи о христіанской иконографіи говоритъ, что видѣлъ изображеніе этого апокрифическаго мотива до 20 разъ на греческихъ мозаикахъ и фрескахъ ¹⁾.

Въ колядкахъ и щедривкахъ крещеніе Спасителя понято, какъ совершенное надъ младенцемъ Иисусомъ. Пр. Богородица купаетъ и креститъ Иисуса, пеленаетъ его въ шелковыя пеленки, моетъ ихъ на тихомъ Дунаѣ и даетъ новорожденному имя. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ (у Головацкаго, т. II, стр. 12, 27; Чуб., т. III, стр. 333—335) къ пр. Дѣвѣ Маріи приходятъ 40 ангеловъ и 12 священниковъ. Они отнесли Младенца на Иорданъ, окрестили его и стали:

Книги читати, имья глядати
Сына Божого, а найвысшого.
«Именуймо го та святымъ Петромъ»;
Божа Мати то не злюбила.
«Именуймо го та святымъ Павломъ»;
Божа Мати то не злюбила,
То не злюбила, не дозволила.
«Именуймо го Паномъ небеснымъ»;

¹⁾ *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукоп. Солов. библ., стр. 42.

Божа Мати то излюбила,
 То излюбила и дозволила,
 То дозволила и благословила.

17.

Сонъ пресв. Богородицы.

Апокрифъ этотъ, какъ извѣстно, вошелъ глубоко въ народную словесность. Издано много народныхъ сказаній и пѣсень о томъ, что пр. Богородица изъ пророческаго сна узнала о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Въ V выпускѣ «Калѣкъ переходящихъ» находимъ 27 прозаическихъ и стихотворныхъ пересказовъ сна. Сонъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) описаніе самаго сна и объясненіе къ нему Спасителя и 2) заговорное значеніе сна, или объясненіе того, какая польза носить его на шеѣ въ ладонкѣ или хранить дома. Вторая часть входитъ въ разрядъ ложныхъ молитвъ. Величина составныхъ частей сна въ разныхъ пѣсняхъ различна.

Въ лѣтописцѣ Ерлича подѣ 1660 г. записано два любопытныхъ апокрифическихкихъ памятника: Сонъ Богородицы и Листъ Иисуса, съ разными нравственными наставленіями, посланный будто бы съ неба папѣ Льву и найденный въ британской землѣ, на Оливной горѣ¹⁾). Оба памятника встрѣчаются и въ настоящее время иногда вмѣстѣ, но большею частью отдѣльно, какъ два разныхъ апокрифа, сонъ Богородицы и эпистоля о недѣлѣ. У Ерлича говорится: «Zasnęła była przenaajświętsza Panna Bogarodzica w Brytanii na górze Oliwnój i przyszedł do nej Pan Crystus Jezus syn onój najmiliszy i mówi: Matka moja najmilsza, spisz li albo li słyszysz? I mówi: spałam, alem się ocznęła i snił mi się dziwny sen o Tobie: widziałam cię w ogroju pojmanego i związanego przed Annasza, Kaifasza, Piłata, Heroda przywedzionego, u słupa przywazanego, z twej świętej głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenaajświętsze ciało, jak skorupa się padało». Далѣе, Спаситель въ короткихъ словахъ объясняетъ, что кто будетъ носить этотъ листъ (подразумѣвается списокъ сна) съ собою, тотъ получитъ вѣчное спасеніе. Въ концѣ апокрифа находится помѣтка пе-

¹⁾ *Литинъ*, Памятн. стар. рус. лит., т. III, стр. 128.

реписчика апокрифа: *Pisano ten sen albo list pod rokiem 1546, miesiaca Augusta 25 dnia*. Весьма близкій, мѣстами тождественный пересказъ этого сна напечатанъ въ «Малор. народ. преданіяхъ» Драгоманова стр. 167—168. Обѣ части апокрифа одинаково кратки. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ И. И. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится пространная пѣсня о снѣ пр. Богородицы. Мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ любопытную относительно содержанія и внѣшней формы.

Ой сонъ Богородици явився!
 Сила мати, Марія пресвятая,
 Та вечеряти—мало припочивала.
 Ой много мени во снѣ сновъ явилось:
 Ой якъ я тебе, чадо мое, родила,
 А во гради Вихліеми,
 На святій гори, у вертепи,
 Пеленами я тебе спеленала,
 И въ поясъ твій ликъ завивала.
 А во гради Іерусалыми—
 На святій на ричци, на Ордани,
 Выростало тамъ древо кипарисене,
 На томъ древи на кипарыси
 Пречуденъ той хрестъ самъ явився.
 Прорикся Христось, царь небесный.
 Сьвить Мати, Марія пресвятая!
 Я и самъ той сонъ знаю,
 Шо быть мени на хрести распяту,
 А вбитому, скрвавленному,
 Винець на главу возложенному,
 Тростію по глави биенному,
 А въ ребра копіемъ пробитому,
 А мою святу кровь пролитую.
 И рече Марія ко Іісусу:
 Сьвить мій, чадо возлюбленнее!
 На кого ты мене, Диву, покидаешъ,
 Кому пресвятую уручаешъ?
 И рече Іісусъ Христось ко Маріи:

Съвить Мати, Марія пресвятая!
Я одинъ въ тебе, Диво,
Споручаю на святого Ивана Богослова,
А на друга на Христова,
Нарикаю ёго, Мати, сыномъ.
Сожди-жь, Мати, малое времяа,
Якъ съ хреста мое тило здіймутъ,
Я во плащаницю облечуся,
И въ гробницу положуся,
И погребень за всихъ буду,
Въ той часъ, моя Мати, животъ вичный
Дамъ я вирнымъ для спасения,
А безвирнымъ вичною муку.
А во третій день воскресну,
И на небеса вознесуся,
И на земли зновъ явлюся,
Живыхъ мертвыхъ судити.
А якъ прійде на Тебе смертна година,
Погребу твои мощи со святыми,
Во славному гради въ Іерусалыми,
Въ святій Божій церкви за престоломъ.
А погребши къ мощамъ преклонюся,
Преклонившись роспрощуся.
Скоро зъ мертвыхъ тебе воскрешаю,
Самъ же твою душу пріймаю,
Посажу тебе для вичного покою
Въ небесному царстви съ собою,
Де анголивъ лики ликують,
Трепещуть небесныя силы,
Съ трепетомъ стоятъ предъ престоломъ.
Съвить Мати, Марія пресвятая!
Нанишу я ликъ твій на икони,
Поставлю ёго на Божому престоли,
Тебе Мати будутъ величати,
Во Христи Бога прославляти.
Хто сей сонъ, Мати, перейме,
Избавлень буде отъ вичной муки.

Хто сей стихъ Божій перепомне,
 Достоинъ небеснаго царствія.
 На стихи поюще: Аллилуя,
 Слава тобі Христе Боже нашъ! ¹⁾).

18.

Общеніе Ісуса Христа съ народомъ.

Въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ превосходной главѣ «Великій инквизиторъ», Спаситель является среди бѣдствующаго народа въ Испаніи, въ самое страшное время инквизиціи, и народъ стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Спаситель молча проходитъ среди народной толпы съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, знанія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ людямъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Эта прекрасная страница въ романѣ Достоевскаго не стоитъ одиноко въ исторіи литературы. Сходные рассказы встрѣчаются у разныхъ народовъ: великоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, въ деревенской глуши, среди крестьянъ. Поэтическіе рассказы о томъ, какъ Христосъ ходилъ по землѣ, входилъ въ общеніе съ простымъ народомъ, облегчалъ его физическія и духовныя боли, варьируются у разныхъ народовъ согласно съ степенью ихъ нравственнаго развитія, повсемѣстно удовлетворяя идеальнымъ стремленіямъ народа къ добру и правдѣ.

Рассказы о хожденіи Спасителя по землѣ и общеніи съ народомъ тѣсно связаны съ апокрифическими обходами апостольскими. Почти всегда спутникомъ Спасителя является ап. Петръ, иногда Богородица, иногда св. Николай. Въ настоящее время мы будемъ говорить лишь о хожденіи Ісуса Христа, отдѣльно отъ ап. Петра и св. Николая.

Христосъ большею частью принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Онъ терпѣливо сноситъ ошибки и грубыя выходки людей и своими чудесами направляетъ ихъ на путь истинный. Въ одной великорусской легендѣ Христосъ обратилъ богатаго и немилостиваго мужика въ коня

¹⁾ Этотъ духовный стихъ записанъ въ Люботинѣ, валковскаго уѣзда.

и отдалъ доброму бѣдняку. «Отношенія бѣдныхъ и богатыхъ составляютъ очень обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ вознагражденъ»¹⁾. Спаситель иногда будто ошибается въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, прибавляетъ новыя нужды нищему, но въ концѣ концовъ открываетъ сомнѣвающимся въ Его правосудіи, насколько кратковременны и призрачны были земныя блага злаго сравнительно съ той наградой, которую добрый бѣднякъ получаетъ въ послѣдствіи на землѣ, при жизни, и на небѣ, послѣ смерти. Г. Пыпинъ указалъ на преобладающую въ легендахъ мысль, что выступающія въ нихъ со стороны Бога или ангела несправедливости оказываются потомъ необходимыми по расчетамъ высшей справедливости. Такой мотивъ встрѣчается въ легендахъ великорусскихъ (Сборн. Аванасьева 1860 г.), малорусскихъ (у Драг., стр. 110—119), польскихъ (особенно выдается легенда въ «Lud-ѣ» Кольберга, т. VIII, стр. 92), Римскихъ Дѣянійхъ.

Насколько близко Спаситель стоить къ народу въ легендахъ, можно видѣть въ слѣдующемъ эпизодѣ одного малорусскаго разсказа объ адскихъ мукахъ и райскомъ блаженствѣ. Одинъ добрый мужикъ ежедневно давалъ бѣднымъ милостыню. Въ Свѣтлый праздникъ онъ вышелъ на большую дорогу, чтобы пригласить какого-нибудь прохожаго бѣдняка разговѣться. «Только що выйшовъ винъ на шляхъ, ажъ иде чоловикъ въ биленькій свытци, въ чоботяхъ, въ шапочци и зъ палычкою. А це бувъ самъ Спасытель, Христокъ воскресшій. «Куды ты йдешь, Божій чоловиче?»—«Та йду, чи не покличе хто мене розгивляться», каже Спасытель.—«А я того и шукаю», сказавъ Василь... Отъ вони пришли до дому, да и сили за стиль розгивляться... Розговившись, Спасытель и каже Василеви: «отъ я у тебе, брате, розговився, такъ приди жъ и ты до мене въ гости; я тоби оддякую за хлибъ, за силъ»²⁾.

Съ апокрифомъ о хожденіи Спасителя по землѣ связано много народныхъ разсказовъ разнообразнаго содержанія, напр., разсказъ о происхожденіи свиньи изъ жидовки (Чуб. т. I, стр. 49; Драг. 4),

¹⁾ Пыпинъ, Рус. народ. легенды, стр. 84.

²⁾ Филологич. Записки 1870 г., т. IV, стр. 2.

разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ мельника, надѣвшаго ко-
жухъ мѣхомъ наверхъ, съ цѣлю испугать проходившаго черезъ
гать Спасителя (Чуб. I, 50; Драг. 5), разсказъ о хлѣбномъ
колосѣ, который при Спасителѣ шель отъ самой земли (Драг. 14),
разсказъ о томъ, какъ Богъ научилъ жену мужика прясть (Драг.
125), разсказъ о птицѣ кони (milvus), о происхожденіе скоекъ
(рѣчныя молюски) (Драг. 386) и мн. др. Въ разсказѣ «Спасъ и
оводы» (Др. 129) выступаетъ олицетвореніе праздника Преображе-
нія Господня, по народной пословицѣ, «прійде Спасъ,—держи рука-
вички про запасъ».

Въ древнихъ рукописныхъ индексахъ апокрифическихъ книгъ
встрѣчается уже указаніе на апокрифическое сказаніе о томъ, «что
Христосъ плугомъ оралъ». Сказаніе это, повидимому, возникло въ
древнее время въ Болгаріи и принадлежитъ къ числу «болгарскихъ
басень». Оно извѣстно было не только русскимъ, но также сербамъ
и хорватамъ. Ягичъ нашель этотъ апокрифъ въ сербо-хорватской
письменности и напечаталъ его въ Archiv za pov. jugosl. 1868 г. по
кирилловской рукописи 1520 г. Въ южную Русь сказаніе это,
нужно думать, проникло въ глубокой древности; оно вошло въ на-
родную поэзію, въ пѣсни наиболѣе древнія, именно, колядки и
щедрилки и выразилось здѣсь въ формѣ вполне народной. Такъ, въ
галицко-русской колядкѣ:

Эй въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкомъ полѣ,
Тамъ же мій золотый плужокъ,
А за тымъ плужкомъ ходить самъ Господь,
Ему поганяеть та святой Петро,
Матинка Божа насѣнѣчко носить,
Насѣнья носить, Пана Бога просить:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!»

Этотъ мотивъ повторяется въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ (Чуб.
т. I, стр. 85) и во многихъ колядкахъ (Голов. т. II, стр. 8, 14,
15, 16, 17) съ незначительными измѣненіями. Нѣтъ надобности
предполагать въ основаніи этого пѣсеннаго мотива первоначальный
образъ языческаго божества, покровителя земледѣлія. Колядки такого
содержанія могли возникнуть исключительно на почвѣ апокрифа о

хожденіи Спасителя по землѣ и Его участіи въ земледѣльческихъ работахъ.

Тотъ же самый мотивъ повторяется въ одной галицкой царинной пѣснѣ. Парубки и дѣвушки, поднимаясь во время праздничной игры на гору, поютъ:

Эй, горе, горе, самъ ты Богъ оре;

Божа Матинка насиння носыть (Гол. т. II, стр. 245).

Божія Матерь при этомъ проситъ Іисуса Христа, чтобы уродились пшеница, виноградъ и ладанъ; пшеница на просфоры, вино для причащенія, ладонъ для кажденія.

Спаситель освящаетъ поле своимъ трудомъ, а жилище крестьянина своимъ личнымъ посѣщеніемъ, причемъ домохозяинъ угощаетъ Іисуса и святыхъ его спутниковъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ, въ одной колядкѣ домохозяинъ

Посадивъ Бога посередъ стола,
Святу Пречисту при другимъ столу,
Усихъ святыхъ навколо неи;
Прыймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усихъ святыхъ шумновъ горѣлковъ.

(Голов. т. II, стр. 31).

19.

Объ іерействѣ Іисуса Христа.

Въ древней болгарской, сербо-хорватской и русской письменности были распространены апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа, или, какъ выражаются индексы отреченныхъ книгъ, о томъ, какъ Христа въ попы ставили. Во II т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова приведено двѣ редакціи этого апокрифа, одна полная изъ сербской рукописи XV в., другая краткая изъ «Іерусалимскаго Путника», написаннаго въ 1590 г. Даниломъ, архимандритомъ Корсунскаго монастыря въ Бѣлой Россіи, по списку 1747 г., принадлежащему Троицко-Сергіевской лаврѣ. Содержаніе апокрифовъ объ іерействѣ Іисуса Христа въ короткихъ словахъ состоятъ въ слѣдующемъ. У евреевъ въ большіе праздники должны были служить въ храмѣ сорокъ священниковъ, и священная служба

не могла состояться, если не хватало одного священника. Случилось такъ, что одинъ священникъ умеръ, и остальные 39 были въ большемъ затрудненіи, кого выбрать на его мѣсто. Нѣкоторые священники предложили Иисуса. Старшій изъ нихъ призвалъ пр. Дѣву Марію и сталъ Ее спрашивать, откуда Иисусъ родомъ и кто его отецъ. Божія Матерь сказала о благой вѣсти арх. Гавріила и послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ евангельской исторіи. Иисусъ былъ поставленъ священникомъ. Когда Онъ шелъ во Святыя Святыхъ, на пути Его растилали ковры и дорогія ткани. Иисусъ отслужилъ 40 службъ въ Святыя Святыхъ. Священники возненавидѣли Спасителя за Его добродѣтель и святость и отпустили Его.

Въ малорусской народной словесности находятся ясныя свидѣтельства, что апокрифы объ іерействѣ Иисуса Христа въ старину были извѣстны въ Малороссіи; но свидѣтельства эти такого рода, что не уясняютъ южнорусской литературной исторіи апокрифовъ объ іерействѣ Спасителя, другими словами, не уясняютъ, когда и какимъ образомъ, черезъ какія литературныя ступени апокрифъ перешелъ въ народные рассказы и стихи. Сравненіе народныхъ пѣсенъ объ іерействѣ Христа съ славянскимъ апокрифомъ представляетъ тотъ интересъ, что выясняетъ пріемы народнаго пѣсеннаго творчества, и опредѣляется при этомъ матеріалъ, изъ котораго составлены пѣсни данной категоріи. Точное опредѣленіе мотивовъ народныхъ и иноземныхъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ представляется однако весьма затруднительнымъ, по причинѣ тѣснаго соединенія разнородныхъ поэтическихъ элементовъ, и то, что намъ представляется пріемомъ народно-поэтической переработки, можетъ быть результатомъ вѣшняго перенесенія сходнаго эпизода изъ одной пѣсни въ другую, и, наоборотъ, кажущееся намъ чуждымъ, инороднымъ, можетъ представлять своеобразную народную переработку мотива, хотя и литературнаго, но вполне отрѣшившагося и далекаго отъ своего первоисточника. Какъ бы то ни было, не подлежитъ спору, что апокрифы объ іерействѣ Христа усвоены народной мыслью и переработаны самостоятельно въ пѣсняхъ.

Прозаическимъ осколкомъ древняго апокрифа объ іерействѣ Христа представляется одинъ эпизодъ въ рассказѣ о хожденіи Христа и св. Петра по землѣ. Одинъ добрый и честный парубокъ шелъ на вечерницы и увидѣлъ въ недостроенной хатѣ свѣтъ отъ

свѣчки. «Дай, каже, заляжу. Полизъ та и лигъ на пичь. Ажъ приходе два священники въ золотыхъ ризахъ, запалили свичечку, достали проскурку, закусують... А то були Господь та святыи Петро.» (Драг. 123).

Болѣ крупные остатки апокрифа объ іерействѣ Иисуса сохранились въ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ Богоматерь спрашиваетъ колядовщиковъ, не видали ли они Христа; колядовщики отвѣчаютъ:

Ой мы жъ бачили та въ монастыри,
 Та въ монастыри, коло престола;
 Служить службоньку все соборную,
 Все соборную, заздоровную,
 Та за здоровье усего міру.
 На немъ ризочки все гатласовіи;
 На немъ патрафиль срибный, шовковый,
 А нарукавники гаптованіи;
 На немъ поясокъ жовтая свѣча,
 На немъ шапочка соболева;
 На немъ корона щирозлатая.

(Голов., т. II, стр. 24).

Въ другой галицкой колядкѣ:

Ой Римъ—Собота, гора висока,
 А на той горѣ церковця стоить,
 А въ той церковци золотый престоль,
 За тымъ престоломъ самъ милый Господь,
 Самъ милый Господь книжейку читавъ,
 Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
 Эй а якого?.. та Петрового;
 Кто жъ ми го спостыть та й по щирости,
 А буде тому рай отвореный,
 Рай отвореный, пекло замкнено.

(Гол., т. III, стр. 242).

Трудно было ожидать, чтобы въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ объ іерействѣ Спасителя удержались мелкія подробности апокрифа, когда Спаситель поступилъ въ число священниковъ,

сколько службъ отслужилъ и т. п. Для народа достаточно было одного апокрифическаго факта, что Спаситель былъ одно время іереемъ, и на основаніи этого факта возникаютъ подробности о священнической одеждѣ Спасителя, о золотомъ престолѣ, о соборномъ служеніи «за здоровье усѣго міру».

20—21.

О страданіяхъ Господнихъ и крестномъ древѣ.

Евангельское повѣствованіе о страданіи и крестной смерти Спасителя всегда производило глубокое впечатлѣніе какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на массы народныя; по силѣ вліянія на мысль и воображеніе христіанскихъ народовъ съ этимъ повѣствованіемъ можно сравнить только евангельское сказаніе о страшномъ судѣ. Извѣстно, на примѣръ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на франкскаго короля Хлодвика рассказъ проповѣдника о страстяхъ Господнихъ. Малороссіяне выразили въ духовныхъ стихахъ сожалѣніе, что Христосъ «сѣдналъ себѣ слугу невѣрнаго, Юду проклятаго» (Гол., т. II, стр. 735). Галицко-русскій духовный стихъ вѣрно передаетъ главныя событія послѣднихъ дней земной жизни Иисуса Христа. Выраженіе горя Божіей Матери въ стихѣ отличается поэтической силой, выразительностью, задушевностью (Гол., т. II, стр. 736). Заслуживаетъ вниманія та черта въ галицко-русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Господнихъ, что Спаситель поручаетъ свою Мать заботливости св. ап. Петра и говоритъ ему: «Будешь пребывать въ небѣ вразъ со мною!» Къ всеобщему въ христіанскомъ мірѣ почитанію ап. Петра здѣсь, повидимому, присоединилось римско-католическое ученіе о главенствѣ св. ап. Петра надъ другими апостолами. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ:

Жидове Христа мучили,
 На распятію гей роспинали,
 Клюковъ за ребра гей ровбивали.
 Терновый вѣнецъ на голову клали,
 Глагови шпильки за ногти били.

(Гол., т. II, стр. 23).

Эти подробности пытки Спасителя встрѣчаются не только въ пѣсняхъ, но и заговорахъ; напр., въ шептаніи отъ сглазу: «стали жиды Христа распинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ Нѣго текла кровь, якъ быстра рѣка» («Кіев. Стар.», 1885 г., т. XII, стр. 736). Въ другомъ заговорѣ находимъ очень любопытную мѣстную черту: «Христа до ратуши приведено; стали Его вязати и въ стовпа мордовати» (Ефим., Малорос. заклин., т. II).

Нѣкоторыя подробности въ описаніи мученій Спасителя, напримѣръ, забиваніе деревянныхъ спиць подъ ногти и захватываніе ребра крюкомъ, могли возникнуть въ древнее время подъ влияніемъ часто наблюдавшихся пытокъ въ мѣстныхъ судахъ, а также рассказовъ о пыткахъ и казняхъ въ сосѣднихъ съ Малоросіей странахъ, Турціи и Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что въ Константинополѣ сбрасывали преступниковъ съ башни на крюки, вдѣланные въ стѣны, у морскаго залива. Такимъ образомъ былъ казненъ Дмитрій Вишневецкій во второй половинѣ XVI ст., и этотъ случай выразился въ народныхъ пѣсняхъ о Байдѣ («за ливе ребро гакомъ возьмите»; «на гакъ ребромъ зачепите»). Что касается до забиванія деревянныхъ гвоздей подъ ногти, то эта форма пытки была въ ходу въ Московскомъ государствѣ, отъ чего произошло названіе «подногная» истина, т. е. выбитая посредствомъ такой пытки.

Апокрифы о крестномъ древѣ примыкаютъ къ апокрифамъ объ Адамѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ народныхъ рассказахъ. Апокрифы эти изданы г. Тихонравовымъ въ 1 т. «Памятниковъ отреч. литер». по двумъ спискамъ XV—XVI в. в., г. Порфирьевымъ въ Апокр. сказ. по Солов. рукописямъ и г. Пыпинымъ въ 3 т. «Памят. стар. рус. литер. Академикъ А. Н. Веселовскій въ 32 т. «Сборника отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ» помѣстилъ обширное спеціальное изслѣдованіе апокрифовъ о крестномъ древѣ, въ связи съ западными легендами о древѣ креста. Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы; исторія трехъ крестныхъ древъ, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Григорія Двоеслова, и рассказъ объ одномъ крестномъ древѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго, причемъ имена Григорія Богослова и Северіана Габальскаго подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго (Весел. XXXII, 369; 48—49). Сказанія эти передаютъ

историю деревъ, на которыхъ распяты были Спаситель и разбойники. Нѣкоторыя редакціи Сказанія о крестномъ дрѣвѣ подверглись вліянію богумильства и приписываются пресвитеру Іереміи (Порф. 48). Въ ряду другихъ «болгарскихъ басенъ», и сказаніе о крестныхъ деревьяхъ проникло въ южную Россію и вошло въ народную словесность. Въ народномъ разсказѣ о смерти Адама и треблаженномъ дрѣвѣ говорится, что Адамъ во время болѣзни послалъ своего сына въ рай за золотымъ яблокомъ; но сынъ принесъ вмѣсто яблока тотъ пруть, которымъ гнали Адама изъ рая. Адамъ сдѣлалъ изъ этого прута три вѣнка на голову; онъ былъ похороненъ съ этими вѣнками, и изъ нихъ выросло три дерева, кипарисъ, кедръ и треблаженное дерево. Божія Матерь однажды споткнулась о треблаженное дерево и сказала: «О, треблаженное дерево, на тебѣ будетъ распятъ мой Сынъ», а Спаситель сказалъ при этомъ: «правда». «И справди, добавляетъ разсказъ, сколько посла хрестивъ не пидбирали, на жаднимъ не могли Его розипьяти, а тилько на еднимъ треблаженнимъ древи, котре ще тогда, якъ росло, мало выгядъ хреста» (Драг. 94). Тутъ все апокрифично; апокрифично даже выраженіе «треблаженное дерево». Въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ дрѣвѣ, напечатанномъ г. Порфирьевымъ по соловецкой рукописи XVII в. и повидимому возникшемъ первоначально среди болгарскихъ богомиловъ, говорится, что треблаженное дерево было сначала взято Соломономъ на построеніе іерусалимскаго храма. «Слышавъ же царица Сивилла о дрѣвѣ, приде видѣти его, сѣде на дрѣвѣ, попали же ея огонь; тогда Сивилла рече: о, дерево проклятое! и вси людие воспѣста: о треблаженное дерево, на немъ же распятца Господь» (Порф. 98).

Апокрифическое сказаніе о трехъ крестныхъ древахъ какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу народа, такъ какъ отвѣчало исконному народному приему троенія мысли и предметовъ въ поэзіи. Въ силу этой склонности народа въ пѣсняхъ появляется не только три креста, но и три гроба. Исходнымъ пунктомъ для послѣдняго мотива, повидимому, послужило сближеніе крестныхъ деревьевъ съ надмогильными крестами и основанное на бытовой жизни соображеніе, что надъ каждой могилой или гробомъ долженъ быть крестъ. Народная мысль работала самостоятельно и сильно на скудной почвѣ немногихъ апокрифическихъ фактовъ, и потому нѣтъ ничего

удивительнаго въ своеобразной народно-поэтической обрисовкѣ трехъ крестовъ и трехъ гробовъ. Такъ, въ одной галицко-русской пѣснѣ, въ сборникѣ г. Головацкаго какими-то судьбами очутившейся въ отдѣлѣ «думъ господарскихъ и скотарскихъ» (т. I, стр. 233), вдова встрѣчаетъ трехъ жиденковъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они Христа мучили. Потомъ она находитъ дерево (т. е. крестное), подъ которымъ три креста, а подъ тѣми крестами три гроба. Таковъ основной мотивъ колядки. Далѣе слѣдуетъ народное поэтическое толкованіе и расширеніе его, въ силу этого толкованія. Въ одномъ гробѣ лежитъ Сынъ Божій, въ другомъ Богоматерь, въ третьемъ св. Іоаннъ. Передъ св. Іоанномъ играютъ органы, передъ Богоматерью цвѣтетъ роза, а передъ Христомъ пылаютъ свѣчи. Въ малорусскихъ колядкахъ органовъ нѣтъ, а въ галицкія они попали какъ обычный предметъ въ католическомъ богослуженіи, роза вошла въ духовные стихи, какъ такой цвѣтокъ, съ которымъ обыкновенно сравнивается Богоматерь, а свѣчи—какъ обычная жертва Богу. Въ другой галицко-русской колядкѣ (Голов., т. II, стр. 6), вмѣсто трехъ жиденковъ является одно «дѣвча жидовча» и говорится объ одномъ «золотомъ» крестѣ, подъ которымъ стоитъ Христосъ въ кровавой сорочкѣ. Это развитіе пѣсни на тему, какъ жида Христа мучили, безъ эпического троенія лицъ и предметовъ. Мотивъ о трехъ гробахъ встрѣчается въ западно-славянской поэзіи. Такъ, въ одной моравской пѣснѣ на бѣломъ камнѣ стоитъ монастырь, а въ монастырѣ находится три гроба; въ одномъ гробу лежитъ Богъ (*Sam pan Buh lezi*), въ другомъ Богородица, въ третьемъ св. Іоаннъ. Надъ Богомъ поютъ ангелы, надъ Богородицей горятъ свѣчи, а надъ св. Іоанномъ цвѣтутъ розы. Изъ этихъ розъ вылетѣла птичка; то не птичка — то Сынъ Божій, Творецъ міра и людей¹⁾. Здѣсь можно подозрѣвать заимствованіе, и скорѣе заимствовали моравяне отъ галичанъ, чѣмъ галичане отъ западныхъ славянъ, такъ какъ въ галицко-русскихъ и малорусскихъ²⁾ колядкахъ мотивъ этотъ сохранился въ лучшемъ видѣ. Здѣсь нѣтъ затемняющаго смыслъ пѣсни бѣлаго камня, и розы цвѣтутъ надъ Богоматерью, какъ и должно быть въ малорусской поэзіи при народно-поэтическомъ представленіи пр. Дѣвы Маріи

¹⁾ *Веселовскій*, Разыск., т. III, стр. 41.

²⁾ Напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, стр. 343—353.

вышешірнымъ и первоначальнымъ существомъ изъ цвѣтовъ. Мотивъ о птицѣ-Спасителѣ также встрѣчается въ малорусскихъ колядкахъ. Лучшимъ, образцовымъ вариантомъ представляется вариантъ, записанный въ козелецк. у., у Чубинскаго т. III, стр. 353.

Ишла Марія на крутую гору;
 Стрила Марія да три жидовины:
 «Вы, жидове, Христа замучили?»
 «Не мы, Маріе, то наши предки».

Эти строки встрѣчаются въ приложеніи къ другимъ духовнымъ колядкамъ; первая двѣ — преимущественно въ началѣ колядокъ о томъ, какъ жида Христа искали.

Ишла Марія на крутую *гору* ¹⁾,
 А на тій гори *церковка* ²⁾ стоитъ,
 А въ тій церковци три гроба стоятъ;
 Въ первому гроби Сынъ Божій лежитъ,
 Въ другомъ гроби Иванъ Хреститель,
 Въ третьему гроби Дива Марія.
 Надъ Исусомъ Христомъ ангели поють,
 Надъ Иваномъ Хрестителемъ свичи палають,
 Надъ Дивою Марією рожа зацвила.
 Изъ тыеи рожы та вылетивъ птахъ,
 Да полетивъ птахъ да по пидъ небесами;
 Все небеса ростворилися;
 Все святыи уклонилися.
 Не есть то птахъ, а есть то Сынъ Божій,
 Есть то Сынъ Божій—Исусъ Христось.

Весьма сходныя по содержанію щедривки (у Чуб., т. III, стр. 447) записаны въ литинскомъ, острожскомъ и заславскомъ уѣздахъ.

Къ апокрифамъ о крестныхъ деревьяхъ тѣсно примыкають малорусскіе народные рассказы о покаяніи разбойника (Драг., стр. 131—132 и у Кулиша въ Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 309—311). А. Н. Веселовскій уже обратилъ вниманіе на этотъ отдѣлъ народныхъ сказаній (въ X ч. Розыск. въ области русск. духовнаго стиха) и

1) Въ моравской пѣсни *блгий камень*.

2) *Монастырь* по моравской пѣсни.

указаль многочисленныя сходныя западно-европейскіе рассказы (32 т. Сборн. Акад. Наукъ, 379, примѣч.). Въ малорусскомъ рассказѣ разбойникъ убилъ 12 поповъ и сталъ раскаеваться въ своихъ грѣхахъ. Священникъ велѣлъ ему положить на огонь руки до локтей и ноги до колѣнъ, притомъ огонь былъ разведенъ изъ мелко порубленной яблони, росшей въ саду священника. Потомъ священникъ принесъ мѣдное ведро и приказалъ разбойнику 12 лѣтъ носить воду и поливать спаленную яблоню до тѣхъ поръ, пока она снова выростетъ и дастъ плоды. Разбойникъ 12 лѣтъ исполнялъ это приказаніе, и черезъ 12 лѣтъ у него снова выросли руки и ноги: тогда же выросла и дала плоды яблоня. Далѣе слѣдуютъ подробности, не идущія къ дѣлу, о томъ, какъ разбойникъ покаяніемъ покрылъ грѣхи отца и матери. Въ апокрифѣ о крестныхъ деревьяхъ (въ 1 т. Памят. Тихонравова стр. 305) находится слѣдующее мѣсто, служившее источникомъ для малорусскихъ сказаній о покаяніи разбойника и сходныхъ съ ними сказаній русскихъ и западно-европейскихъ: «Древо разбойниче, на немже распятыя разбойникъ вѣрныи. Тоже древо израсте изъ главень пречюдно и красно зѣло, еже принесетъ три главнѣ. Лотъ, егда согрѣши, прииде ко Аврааму на покаяніе. Авраамъ же посла его взяти огонь въ Нилой рѣцѣ, того же огонь звѣріе стрѣгоутъ; егда же прииде Лотъ, обрѣте звѣріе спящи и взя три главнѣ и принесетъ ко Аврааму. Авраамъ же повелѣ ему посадити главнѣ, да процвѣтутъ и плодъ створятъ, рече ему: тогда будеша прощень. Лотъ же посади ихъ на горницѣ мѣстѣ, поливаше ихъ трижды на день и проростона главня и взыде древо пречюдно и прекрасно зѣло».

22.

Плачь пресвятой Богородицы.

Въ евангеліи отъ Іоанна (гл. XIX, ст. 25—27) говорится о стояніи пр. Богородицы при крестѣ Спасителя. Эта трогательная сцена вызвала апокрифическіе плачи пр. Богородицы, причемъ наибольшей извѣстностью пользовался канонъ Симеона Логовета, изображающій плачь пр. Богородицы. Извѣстно, какъ широко и разносторонне разработаны этотъ апокрифическій мотивъ въ западно-европейской религіозной живописи. Въ южнорусской иконописи подъ западными вліяніями возникли изображенія скорбящей Богоматери,

Mater dolorosa. Апокрифическіе мотивы плача пр. Богородицы проникли и въ малорусскіе духовные стихи, напримѣръ, въ пѣсню Остапа Вересая о мукахъ Христа ¹⁾). Пѣсня эта довольно сухая, искусственная, схоластическая, и тѣмъ отчетливѣе выдѣляется по задушевности вставленный въ нее плачь пр. Богородицы.

Матка Его жалослива
 Стоить пидь крестомъ смутлива,
 И на Сына узирае,
 Слезами лице умывае:
 «Ой, сыну мій, прелюбезный,
 Моему сердцю есть болесный,
 Терпишь муки невинни
 Отъ жидовы невірной;
 Терпишь муки, терпишь раны
 За вси вирни християне...

Этотъ мотивъ повторяется во многихъ пѣсняхъ, напримѣръ, у Чубинскаго т. III, стр. 16. Здѣсь горе пр. Богородицы выражено сильнѣе: «видь жалю великого умливала».... Въ Плачѣ пр. Богородицы встрѣчаются отвлеченныя сравненія, проникшія въ народъ изъ богословскихъ трактатовъ и церковныхъ проповѣдей ²⁾), каковы напр. сравненіе Спасителя съ хлѣбнымъ зерномъ и названіе Его всемірнымъ храмомъ.

23.

Происхожденіе храма.

Встрѣчающіяся въ малорусскихъ духовныхъ стихахъ объясненія происхожденія перваго храма или церкви настолько различны, что трудно свести ихъ къ одному источнику. Они могли возникнуть изъ мотивовъ апокрифическихъ, религиозно-пѣсенныхъ и древне-христіанскихъ преданій объ апостольской Сіонской церкви. Опираясь исключительно на южнорусскіе духовные стихи, можно намѣтить три своеобразныхъ разряда пѣсенъ о происхожденіи перваго храма.

Первый разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма стоитъ въ связи съ апокрифами о крестномъ древѣ. Такъ въ колядкахъ поется, что Богородица

¹⁾ *Записки* юго-зап. отд. геогр. общ., т. I, стр. 28.

²⁾ Для примѣра см. у Чуб., т. III, стр. 18.

Знайшла деревце,
Зъ того деревця стала церковця.

Въ другихъ пѣсняхъ:

На крутий гори
Кедрове древо,
А съ того древа
Хресты рубають,
Церкву будують (Весел., Розыск. т. IV, стр. 69).

Этотъ основной мотивъ осложнился разными бытовыми подробностями, на примѣръ указаніями, какіе плотники строятъ церковь, изъ какого матеріала:

Волоси церковь муруютъ,
Ой коло споду каминейчикомъ,
А въ серединѣ деревейчикомъ,
А къ виршечкови срибломъ, золотомъ.

(Гол. т. II, стр. 12).

Далѣе осложненіе пѣсни происходитъ вслѣдствіе приложенія къ ней формальнаго приѣма троенія:

Костель муровавъ на восимь угольцивъ,
На восимь угольцивъ, на четверо дверци,
На четверо дверци, на три оконци,
На три оконци, на три вершечки:
Въ едно оконце зъ истока сонце,
Въ друге оконце зъ полудне сонце,
Въ трете оконце зъ захода сонце.
Въ одномъ вершечку ворганы грають;
Въ другимъ вершечку' ладанъ ся курить;
Въ третьемъ вершечку службы ся служатъ.

(Гол. т. II, стр. 67).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Топоры дзвеняють, каминья тешуть,
Каминья тешуть, церковь муруютъ,
Церковь муруютъ во три двери,
Во три двери, во три облаки;
У еднихъ дверехъ иде самъ Господь,

У другихъ дверехъ Матинка Божа,
У третихъ дверехъ ей святой Петро...

(Гол. т. II, стр. 7).

Въ вариантѣ этой колядки церковь имѣетъ три верха, два окна и райскія двери (Гол. т. II, стр. 22).

На обрисовку церкви повліяли древнѣйшія религіозно-миѳическія представленія народа о небѣ. Въ церкви два окна:

Еднымъ оконцемъ сонечко сходитъ,
Другимъ виконцемъ мѣсяць заходитъ.

(Гол. т. II, стр. 34).

Второй разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма имѣетъ теологическое основаніе. Церковь Христова, какъ общество вѣрующихъ, построена на крови и тѣлѣ Спасителя, на живомъ общеніи съ Нимъ въ таинствѣ Евхаристіи. Народная фантазія поняла церковь Христову какъ вещественный храмъ и примѣнила къ нему религіозно-пѣсенныя и отеческія замѣчанія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ. Отсюда произошла встрѣчающаяся въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ идея происхожденія храма отъ крови и разныхъ частей тѣла Спасителя. Такъ въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что послѣ крестной смерти Спасителя

Де кровця цяне—церковця стане,
Де плечи впали—престолы стали,
Де руки впали—тамъ свѣчи стали,
Де очи впали—тамъ книги стали,
Де личка впали—образы стали,
Де зубы впали—дзвононька стали,
Сами ся престолы позастилали,
Сами ся свѣчи позажигали,
Сами ся книги перечитали,
Сами ся образы помалевали,
Сами ся дзвоны передзвонили,

Сами ся службы переслужили (Гол. т. II, стр. 23).

Въ малорусскомъ вариантѣ, сравнительно съ галицкимъ короткимъ и слабымъ, «де слизки пали—престолы стали» (Чуб. т. III, стр. 358).

Третій разрядъ духовныхъ колядокъ о храмѣ могъ возникнуть подъ вліяніемъ апокрифовъ объ іерействѣ Христа, какъ дополнительная къ нимъ подробность. Храмъ, въ которомъ Христосъ былъ іереемъ, понятно, рисовался передъ воображеніемъ народа въ необыкновенныхъ формахъ, свѣтлымъ и просторнымъ. Въ этомъ храмѣ

Сами двери одчиняются,
Сами дзвоны радзвонилися,
Сами свичи запалилися,
Царскіи врата отворилися.

(Чуб. т. III, стр. 442).

Всѣ эти три разряда пѣсенъ о храмѣ смѣшиваются и раздѣлать ихъ довольно трудно. Иныя пѣсни начинаются съ описанія чудеснаго дерева, затѣмъ говорятъ о томъ, что на немъ распяли Христа и наконецъ повѣствуютъ о чудесной церкви, возникшей изъ пролившейся на землю крови Спасителя.

А. Н. Веселовскій, принимая во вниманіе великорусскіе духовные стихи о чудесномъ храмѣ на Сіонской горѣ ¹⁾, высказываетъ

---

¹⁾ Наприм.: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская:
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва.
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія:
Надъ Іоанномъ Богословомъ ангелы,
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся.

Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ
Стоитъ церковь соборная,
Соборная, богомольная;
Во святой церкви во соборная
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самаго Христа.

Церковь эта— всѣмъ церквамъ. Въ другомъ стихѣ:
Отъ той церкви отъ соборная,
Отъ соборная, богомольная,
Отъ ее службы всѣ служатся,
По усей землѣ, по всей вселенная.

мѣнѣе, что здѣсь обнаружилось вліяніе мѣстныхъ сіонскихъ преданій объ апостольской церкви на Сіонѣ, съ приуроченными къ ней воспоминаніями о Тайной вечери, Успеніи Богородицы и объ ап. Іоаннѣ, причѣмъ подробность о трехъ гробахъ вошла въ духовные стихи подѣ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ (Розыск. т. III, стр. 36). Великорусскіе духовные стихи объ апостольской церкви подходят въ подробностяхъ подѣ это объясненіе, но малорусскіе не совѣмъ. Нѣтъ въ нихъ намековъ на Сіонъ и апостоловъ. Мы уже говорили о возможной связи мотива о трехъ гробахъ съ апокрифическими сказаніями о трехъ крестныхъ древахъ. Имя Іоанна въ эти пѣсни, можетъ быть, попало изъ тѣхъ колядокъ, гдѣ говорится о главныхъ зимнихъ праздникахъ: Рождествѣ Христовѣ, св. Василія Великаго и Іоанна Крестителя.

24.

О нерукотворенномъ образѣ.

Къ числу изслѣдованій, которыми гордится нѣмецкая наука, принадлежитъ «Die Sage vom Ursprung der Christusbilder» (1842 г.) Вильгельма Гримма. Здѣсь подробно разсмотрѣно апокрифическое посланіе Авгаря ко Христу, заключающее въ себѣ сказаніе о нерукотворенномъ образѣ. Уже у Евсевія († 340) находится письмо Авгаря ко Іисусу Христу и отвѣтъ на него Спасителя въ переводѣ съ сирскаго языка. Царь Эдессы Авгарь, заболѣвъ, послалъ письмо къ Іисусу съ просьбой прійти въ Эдессу и исцѣлить его. Спаситель послалъ ап. Ѡаддея, который возложилъ руку на больного и исцѣлилъ его. У Евагрія († 593) находится посланіе Авгаря съ присоединеніемъ сказанія, что Іисусъ Христосъ послалъ Авгарю не рукотворенный, но богосозданный образъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи образа находятся у Іоанна Дамаскина († около 760). Ни о болѣзни Авгаря, ни о письмѣ его ко Христу здѣсь не говорится. Авгарь, пылая любовью къ Господу, отправляетъ живописца, который долженъ былъ срисовать Его лице. Но живописецъ не могъ этого сдѣлать, по причинѣ сіянія, исходявшаго отъ лица Христова. Тогда Господь приложилъ свой плащъ къ божественному, животворящему лицу и отображаетъ на немъ Свой образъ, который посылаетъ потомъ Авгарю. Константинъ Порфиросъ

генеть († 959) написалъ специальное сочиненіе объ образѣ въ Эдессѣ и торжественномъ перенесеніи его и письма Иисуса Христа въ Константинополь въ 944 г.

Оставляя въ сторонѣ многочисленная западно-европейскія сказанія о нерукотворенномъ образѣ, разсмотрѣнныя В. Гриммомъ, мы можемъ ограничиться сказаніемъ Іоанна Дамаскина, такъ какъ славянскіе апокрифы о посланіи Авгаря, повидимому, связаны съ сказаніемъ Іоанна Дамаскина о нерукотворенномъ образѣ. Посланіе Авгаря издано Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литер.» по рукописи XVI в. Здѣсь говорится, что эдесскій царь Авгарь послалъ живописца Луку въ Іерусалимъ снять портретъ съ Иисуса; но Лука не могъ этого сдѣлать. Тогда Спаситель возложилъ полотно Себѣ на лицо, и Его лицо напечатлѣлось на полотнѣ. Спаситель отправилъ въ Эдессу ап. Фаддея. Достигнувъ города Іерополиса, Фаддей и Лука побоялись войти въ него и остановились внѣ города. Огненный столбъ надъ нерукотворнымъ образомъ открылъ горожанамъ ихъ мѣстопребываніе. Горожане не застали на мѣстѣ Фаддея и Луку, которые передъ ихъ приходомъ отправились дальше въ дорогу, но нашли камень, на которомъ отъ лежавшаго убруса напечатлѣлся образъ Спасителя. Они внесли камень въ городъ. Въ Іерополисѣ отъ этого камня, а въ Эдессѣ отъ убруса съ нерукотвореннымъ образомъ Иисуса Христа произошло много чудесъ.

Въ Галиціи записана любопытная пѣсня о нерукотворномъ образѣ, принявшая въ себя между прочимъ пѣсню о чудесномъ (нерукотворномъ) храмѣ:

А тамъ доловъ при Выравѣ
 Святый образъ малевали.
 Лукачъ почаль малевати;
 Пришла къ нему Божа Мати:
 Ляжь, Лукачу, лягни спати,
 Буду образъ малевати!»
 Лемъ тварячку притулила
 Доразъ образъ утворила.
 «Встань, Лукачу, встань заспанный,
 Ужь ти образъ смалеванный!»
 Четыре волы запрягали,
 Святый образъ на визъ клали.

Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
 Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили.
 «Стій, фурмане, не ходь дали!
 Мы твой образъ порубаме».
 Фурманъ кричить: «не рубайте,
 Стовпами ту поставайте!
 Внетъ стовпами поставали,
 Святый образъ не рубали,
 А такъ они дали шли,
 Ажъ и къ святой церкви пришли.
 Дзвоны сами зазвонили,
 Свѣчки сами ся зажжали.
 Якъ до церкви образъ клали,
 То ангели заспивали.
 Богъ кличе: «Фурманъ, гори,
 Понагляйся, подь гевъ скори».
 «Якъ я маю гори ити,
 Маю жену, маю диты».
 Ци ли хочешъ корецъ грошей,
 Ци хочешъ райски роскоши?»
 «Не хочю я корецъ грошей;
 Волю я райски роскоши!»

(Гол., т. II, стр. 714, 95).

Характерная особенность галицкихъ пѣсень—мѣстное приуроченіе. Въ данномъ случаѣ находится въ началѣ пѣсни прямое указаніе, гдѣ рисовали святой образъ. Выравой въ Галиціи называется одна горная вершина. Самое слово Вырава—румынское, отъ латинскаго *vegum, veguina*—копье.

Сравнивая галицко-русскую пѣсню о нерукотворномъ образѣ съ Посланіемъ Авгаря, мы находимъ, что народная пѣсня воспользовалась только двумя мотивами апокрифа: сказаніемъ о живописцѣ Лукѣ и сказаніемъ о томъ, что Лука побоялся войти въ Іерополисъ; но затѣмъ сильно измѣнила эти сказанія, въ особенности второе. вмѣсто жителей Іерополиса, которые не обнаружили враждебнаго отношенія къ ап. Фаддею, но которыхъ ап. Фаддей лишь остерегся, являются лѣсные разбойники.—Въ апокрифѣ огненный столбъ стоитъ

надъ камнемъ съ ликомъ Спасителя; въ пѣснѣ фурманъ грозитъ разбойникамъ, что они обратятся въ столбы, и они дѣйствительно обращаются въ столбы.

Пѣсня остановилась на Богоматери и поставила Ее въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица. Богородица «лемъ тваричку (т. е. лице) притулила, доразъ образъ утварила»; но не поясняется при этомъ, свое ли лице или лице своего Сына. Народная фантазія самостоятельно обработала апокрифическіе мотивы посланія Авгаря. Воспользовавшись немногими чуждыми апокрифическими элементами, она снабдила ихъ чертами народнаго добродушія и юмора (Лукачъ заспанный) и чертами домашнаго быта (фурманъ, четыре вола, запряженные въ одинъ возъ).

25—27.

Обходы апостольскіе. Повѣсть о панаяи пресв. Богородицы. Сказанія объ Іудѣ предателѣ.

Въ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской письменности, «Святославовомъ сборникѣ», уже упоминаются «Обиходи и ученія апостольская», апокрифъ, встрѣчающійся и въ греческомъ индексѣ отреченныхъ книгъ, приписываемомъ Анастасію Синаиту. Въ большей части русскихъ индексовъ находится объяснительная глосса къ заглавію «Обходи апостольскіе», служащая, между прочимъ, отдѣльнымъ заглавіемъ для одной редакціи апокрифа, по которой «пришедше (апостолы) ко граду, обрѣгоша человѣка, оруща воли и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взораша ниву и насѣяша, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Въ этихъ немногихъ словахъ выражается содержаніе апокрифическаго «Хожденія апостоловъ Петра, Андрея, Маттея, Руа и Александра», напечатаннаго Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литературы по рукописи XVII вѣка».

Въ этомъ апокрифѣ есть превосходное сказаніе о томъ, какъ апостолы засѣяли крестьянскую ниву. Апостолы шли полемъ и почувствовали голодь. Они увидѣли старика крестьянина, выѣхавшаго пахать ниву. «Приближишася ко старцу и рече Петръ къ нему: радуйся, дѣлатель добрый! И рече имъ старецъ: радуйтесь и вы, добріи странницы! И рече ему Петръ: имаши ли хлѣбъ, да даси намъ, яко алчни есмы? И глагола имъ старецъ: поблюдите вола моего и

нивы; азъ шедъ принесу вамъ хлѣбы изъ града. И рече Петръ: поиди, а мы поблюдемъ, да ходи скоро. И рече Петръ: а воли твои ли есть? И рече старецъ: нанялъ есмь. Пошедъ же старецъ во градъ, и рече Андрѣй: нѣсть намъ лѣпо сѣдѣти; но потрудимся за старца. Петръ же воставъ и взять за рало, Андрѣй же за волы, и рече къ Петру: брате, что трудъ возлягаеши (на себя)? ты бо еси пастырь и отецъ всѣмъ намъ; то ли ты трудитися хоцещи? И приямъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руецъ же и Александръ и Матѣй бѣша одесную валовъ хожаху, и благословиша и рѣша: приди роса небесная благая и вѣй вѣтръ добрый, и облакъ да обросить, и да придуть и почіють на нивѣ сей. И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена классъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы, и видѣ ниву возрашту, и положи хлѣбы скоро, паде къ ногамъ ихъ, и рече: владыки, бози вы есте! И рече ему Петръ: востани, чело-вѣче, мы нѣсмь бози, но посланники есмы Божіи».

Это величественное и поэтическое сказаніе произвело сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе землевладѣльческаго народа русскаго и отразилось во многихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ. Въ малорусской щедривкѣ:

Въ чистимъ поли плужокъ оре,
 А въ тымъ плужку чотыри волы половіи,
 А въ нихъ роги золотіи.
 Святый Петро за плугомъ ходить;
 Святый Павло волы гонить.
 Пресвятая Дива ѣсти носить,
 Исти носить, Бога просить:
 «Уроди, Боже, жито, пшеницю,
 Усяку папницю».

(Чуб., т. III, стр. 450).

Въ галицко-русской колядкѣ:

По загуменью плуженько оре,
 За плужкомъ ходить самъ Богъ небесный,
 А святыи Павло волоньки гонить,
 А святыи Петро волоньки водить.
 А вышла и къ нимъ Божая Мати:

«Орить, сыночки, зъ дрибна нибочки.

Будемъ сіяти жито, пшеницю,

Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю». (Гол. т. II, стр. 16).

Въ народныхъ разказахъ и пѣсняхъ о хожденіяхъ апостоловъ говорится большею частью, что апостолы сопутствуютъ Иисусу Христу. Господь ходитъ съ апостолами по землѣ, испытываетъ людей, награждаетъ людей добродѣтельныхъ и наказываетъ порочныхъ, иногда вступаетъ въ споръ съ ап. Петромъ о величинѣ неба и земли или о законахъ высшей справедливости, причемъ апостолы подвергаются на пути разнымъ житейскимъ неприяностямъ, голоду и жадѣ.

Въ нѣкоторыхъ разказахъ и пѣсняхъ выступаютъ только два верховныхъ апостола Петръ и Павелъ (напр. у Чубин. т. I, стр. 167). Изрѣдка встрѣчается выраженіе Петро-павло. Нельзя однако обосновать на немъ мнѣнія, что простой народъ отождествляетъ Петра и Павла и принимаетъ ихъ иногда за одно лице. Это формальное появленіе сокращенія или даже соединенія словъ, часто встрѣчающихся рядомъ, напримѣръ грунтъ-худоба (Анг. и Драг., Истор. пѣс. т. I, стр. 119), хлибъ-силъ (118), звирь-птиця (117), часъ-година (139), степь-долина (139).

На первыхъ страницахъ древней лѣтописи находится сказаніе о хожденіи ап. Андрея по русской землѣ, съ остановками на мѣстахъ, гдѣ возникли впоследствии Кіевъ и Новгородъ. Сказаніе это настолько хорошо всѣмъ извѣстно, что здѣсь нѣтъ надобности его повторять. Достаточно сдѣлать ссылку на 1 т. «Исторіи русской церкви» проф. Е. Голубинскаго, гдѣ это сказаніе рассмотрѣно подробно, по кіевской редакціи въ древнѣйшей лѣтописи и по новгородской— въ Степенной книгѣ и въ житіи Михаила Саллоса, въ связи съ греческими сказаніями объ ап. Андреѣ. «Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, говоритъ г. Голубинскій, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежащее какому-нибудь досужему грамотнику. Вѣроятноѣе и желательнѣе думать, конечно, первое; но нисколько не невозможно и второе»¹⁾). Колебаніе въ сужденіи о народности легенды о св.

¹⁾ Голубинскій, Ист. рус. церьви, т. I, стр. 1.

Андреѣ излишне. Проф. Дашкевичъ категорически и, мы думаемъ, вполне основательно замѣчаетъ, что легенда о путешествіи св. Андрея по Россіи «христіанская, книжнаго происхожденія»¹⁾. Существуетъ цѣлый циклъ славянскихъ народныхъ сказаній о хожденіи апостоловъ, сказаній великорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ, сербскихъ; основной характеръ всѣхъ этихъ сказаній, главные ихъ мотивы и даже подробности повѣствовательныхъ мотивовъ сходны. Обходы апостольскіе большею частью относятся ко времени земной жизни Спасителя и совершаются подъ Его высшимъ руководствомъ. Правда, встрѣчаются сказанія о хожденіяхъ апостоловъ безъ участія Иисуса Христа; но при этомъ почти всегда апостолы ходятъ группой. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ встрѣчаются обходы двухъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла; но эти разсказы очень малочисленны и анекдотическаго свойства. Затѣмъ апостолы входятъ въ самое тѣсное общеніе съ крестьянами, посѣщаютъ села, а не города, причемъ названія селъ не встрѣчаются, такъ какъ вся сила народнаго разсказа о хожденіяхъ апостоловъ коренится въ фактѣ ихъ гуманнаго сближенія съ міромъ—народомъ Божиимъ, въ ихъ заботливости о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи сѣрой крестьянской массы. Въ народныхъ сказаніяхъ о хожденіяхъ апостоловъ постоянно встрѣчаются противоположенія гордаго человѣка смиренному, богатаго бѣдному, скупаго и хищнаго доброму и благожелательному, тѣ же противоположенія дидактическаго свойства, которыя находятся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ сказкахъ о трехъ братьяхъ; но нѣтъ въ нихъ противоположенія народа по мѣстнымъ этнографическимъ различіямъ, противоположенія, вышедшаго не изъ дидактизма или морализаціи, свойственной народной поэзіи, а изъ ироніи и насмѣшки, которыя, правда, встрѣчаются и въ народной поэзіи, но какъ нѣчто низменное, второстепенное, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія и вліянія.

Въ житіяхъ ап. Андрея Епифанія (VIII в.) и Симеона Метафраста говорится о путешествіи ап. Андрея на сѣверномъ берегу Чернаго моря, о его пребываніи въ Херсонесѣ таврическомъ и проповѣдываніи евангелія среди скиѳовъ. Помимо всякаго тщесла-

2) Дашкевичъ, въ „Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ“ 1886 г., т. XI, стр. 222.

вія, на которое неоднократно указывает проф. Голубинскій, древній русскій книжникъ, скромный и благочестивый монахъ, составляя по греческимъ источникамъ повѣсть о св. Андрѣ, простоудушно принялъ сѣверный берегъ Чернаго моря и Скиюю за русскія земли искони, тѣмъ болѣе, что имѣлъ достаточный поводъ думать такимъ образомъ въ существованіи въ его время на черноморскому берегу въ Тмуторакани русскихъ поселеній. Достаточно было, что въ русскую письменность проникло извѣстіе о личномъ пребываніи ап. Андрея въ Россію. Къ легендѣ объ ап. Андрѣ, первоначально, можетъ быть, очень простой и краткой, приросли разныя этнографическія и географическія подробности, вполне или отчасти вошедшія въ древнѣйшую лѣтопись. Подробности эти могли выработаться среди дружинниковъ, людей бывалыхъ, много видѣвшихъ и много слышавшихъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными этнографическими различіями русскихъ славянъ. Можетъ быть, легенда о путешествіи ап. Андрея по Днѣпру и Волхову была совсѣмъ неизвѣстна простому народу за предѣлами Кіева, гдѣ популярности этой легенды содѣйствовала церковь крестовоздвиженская, нынѣ не существующая, а позднѣе столь живописно красующаяся на холмѣ церковь ап. Андрея Первозваннаго.

Особнякомъ стоитъ весьма мало извѣстный апокрифъ о панагії святыя Богородицы, найденный Калужняцкимъ въ одномъ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ. Въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресв. Богородицей и состоявшей въ томъ, что пресв. Богородица подарила ему свою зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срътвнія ¹⁾.

Въ различныхъ памятникахъ малорусской народной словесности находятся краткія замѣтки объ Іудѣ предателѣ, замѣтки апокрифическаго свойства, дающія поводъ предполагать, что въ старинной южнорусской письменности было что-либо цѣльное въ этомъ отношеніи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» текущаго года находится указаніе, что въ одной находящейся въ Смоленскѣ рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства (стр. 537). Желательно

¹⁾ *Калужняцкій*, Обзоръ слав.-рус. памят., стр. 2

было бы этотъ апокрифъ въ печати, тѣмъ болѣе, что въ этомъ указаніи находится заманчивая подробность: «съ дѣтства». Въ малорусскихъ заговорахъ отъ закрукы: «якъ берестъ отъ огню корчитя, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного видьмача, щобъ корчило и ломало» (Ефим. 42, 43). Благодаря любезности П. В. Иванова, я получилъ изъ купянскаго уѣзда харьк. губ. слѣдующій любопытный народный рассказъ объ Іудѣ, связанный въ апокрифическимъ, подробно развитымъ въ евангеліи Никодима, сказаніемъ о сошествіи Христа во адъ.

«Сусъ Христось всихъ выввѣ изъ пекла, тилько Юда-ябеда остався; винъ и тому ажъ трычи казавъ, щобъ выйшовъ изъ пекла, а Юда побоявся, щобъ святы отци его не вкоряли. Якъ за третимъ разомъ Юда не послухавъ Христа, такъ Господь сказавъ: «проклятый же ты, Юда-ябеда, отъ ныни и до вику! Тутъ же ты оставайся и перелогамы питайся». Ото-жь якъ личать одъ перелогивъ, то кажутъ: Сусъ Христось за столомъ сыдытъ, проскурку ѡда и виномъ запива, а лукавый Юда-ябеда пидъ столомъ лежить та перелогы зажира». (Слобода Преображенна).

П. В. Ивановъ записалъ также другой народный рассказъ о томъ, что Іуда отъ угрызенія совѣсти повѣсился на осинѣ. Указаніе на этотъ рассказъ находится въ одной фразѣ заговора «на вырване завѣтте», записаннаго Шишацкимъ Иличемъ въ черниг. губ.: «якъ на осинѣ Юда вѣшався» (Ефим., 42).

Въ малорусскихъ народныхъ рассказахъ объ Іудѣ обнаруживается стремленіе сблизить Іуду съ дьяволомъ. Это стремленіе обнаруживается въ румынской народной поэзіи. Такъ въ румынской повѣсти о табакѣ главный демонъ Искаріотъ посылаетъ изъ ада на землю трехъ демоновъ, чтобы они всюду сѣяли тютюнь (Веселовскій, въ XXXII т. Сборн. Ак. Н., стр. 88); въ румынской колядкѣ Іудой называется водяной царь (ib., 263); въ другой румынской колядкѣ Іуда пробирается въ рай и, пользуясь сномъ ап. Петра, крадетъ райскіе ключи, престоль Господа, солнце, мѣсяць, утреннюю зарю, купель Сына, траву босилька и райскіе цвѣты, крестъ, муро, и все это приносить въ адъ. Илія взялъ молнію, разгромилъ Іуду, отнял у него добычу и привязалъ его цѣпями къ столбу (ib., 264). Названіе Іуды въ малорусскомъ заговорѣ «мисячнымъ видьмачомъ» показываетъ, что малоруссамъ извѣстно сказаніе о томъ, что Іуда

похитилъ было съ неба солнце и мѣсяцъ; нельзя однако опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились румынское и малорусское сказанія, и если было заимствованіе, то кто у кого заимствовалъ.

28.

Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ (отъ Луки, 16), вошла въ народныя пѣсни. Въ римско-католической церкви Лазарь получилъ значеніе покровителя нищихъ, въ особенности больныхъ нищихъ. Отсюда произошло названіе больницы лазаретомъ. У славянъ православнаго вѣроисповѣданія есть много духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ, причемъ самое слово Лазарь иногда теряетъ значеніе собственнаго имени и обращается въ нарицательное названіе бѣднаго человѣка. Великорусскія пѣсни о богатомъ и Лазарѣ представляются болѣе уклонившимися отъ евангельскаго текста, болѣе своеобразными, чѣмъ малорусскія пѣсни этого рода. Во многихъ великорусскихъ духовныхъ стихахъ о богатомъ и Лазарѣ говорится, какъ о родныхъ братьяхъ, причемъ оба они называются Лазарями (напр. въ «Калѣкахъ переходжихъ» т. I, стр. 43, 44, 48, 49).

Было два братца, два Лазаря:
Одинъ братецъ—богатый Лазарь,
Другой братецъ—убогій Лазарь.

Малорусскіе духовные стихи о богатомъ и Лазарѣ очень близко стоятъ къ евангельскому тексту, настолько близко, что ихъ нельзя назвать стихами апокрифическими. Они представляютъ лишь осложненіе евангельскаго сказанія разными, не столько бытовыми, сколько моральными мотивами, и весьма сходны. Въ сочиненіи Н. И. Костомарова «Объ историческомъ значеніи русск. народ. поэзіи», изданномъ въ 1843 г. въ Харьковѣ, находится стихъ о богатомъ и Лазарѣ. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится духовный стихъ о богатомъ и Лазарѣ, записанный И. И. Манжурой въ семидесятыхъ годахъ въ с. Люботинѣ валковскаго уѣзда. Сравнивая эти стихи, мы усматриваемъ большое сходство между

ними, доходящее мѣстами до тождества выраженій. Сравнивая далѣе эти малорусскіе стихи съ галицко-русскими духовными пѣснями о богатомъ и Лазарѣ, находящимися въ сборникахъ г. Головацкаго и г. Кольберга, мы видимъ столь же большое сходство мотивовъ и выраженій. Въ вариантѣ, записанномъ г. Кольбергомъ въ Покутьѣ (т. II, стр. 280), находятся лишь незначительныя дополненія при описаніи грѣховъ богатаго. Къ общимъ во всѣхъ вариантахъ чертамъ (богатый не ходилъ въ церковь, одѣвался въ дорогія одежды, не соблюдалъ постовъ) добавляются такія мелочи:

Пре мисця та Божимъ главы не скланявъ,
Молитвы божественны нигы не змавлявъ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ получила большую популярность въ народѣ, между прочимъ потому, что вполне удовлетворяла народнымъ понятіямъ о несправедномъ значеніи богатства, понятіямъ выразившимся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ многихъ пословицахъ, въ родѣ: изъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ; сребро-золото тягнетъ чоловика въ болото; богатый дрибно краетъ; богатый о биднимъ не гадае.

29.

Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи.

Г. Калужняцкій въ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря въ Львовѣ нашель любопытное апокрифическое «Сказаніе Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ, вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцомъ». Г. Калужняцкій напечаталъ этотъ апокрифъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ» (стр. 26—28). Приводимъ въ подлинникѣ его начало.

«Бысть Анфилогъ отъ царскаго рода, дръжаще въ тѣ лѣта поганымъ срациномъ. И поихавшу же Анфилогу къ брату своему въ Іерусалимъ градъ и видѣ церковь. И видѣ же Анфилогъ въ святилище Божіе не тѣкмо самъ, но и велблуды велаше увести, велблуды же падше изъмроша вѣси. Анфилогъ же рече: хошу видѣти поганскую вѣру и службу ихъ. И вѣшедъ на полату, нача

смотреть опасно, идеже съвършается святая служба. И видѣ попа приступающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтися лице его (т. е. попа), яко слънце, а ризы его яко огонь, когда приступи къ святому жертвовнику. И не показа Богъ поганому просфурѣ, но показа ему дѣтишь образъ свой. И множество ангель стояще окрестъ съ оружіемъ. И нача попь заклати дѣтище, и абіе истече кровь и вода. По скончаніи же того, егда рече попь: *благослови, оладыко!* въ той часъ ста церковь ледяна, а алтарь огненъ. А егда рече попь: *пресвятую, чистую*, въ той часъ приступиша множество ангель, подемше руцѣ за весь міръ христіанскій, моляшеса Богу. Егда же іерей начнетъ глаголати: Богъ святый на святыхъ почивая, тогда множество ангель поднимуть апостоль, и речеть Михаилъ: *вонмѣмъ!* а Гавріиль речеть: *миръ вамъ!* И начнетъ чести попь евангеліе и въ то время триста ангель взимають съ похвалою слова та, несутъ на небо. Когда глаголетъ попь: яко милостивъ челоуѣколюбець Богъ еси, тогда вышедъ изъ олтаря ангель, нося стекляницу полную мура, знаменаеть предстоящая люди. Егда попь начнетъ глаголати: *оглашенніи изыидете*, тогда ангелы, собравше грѣшники, вѣдутъ вонъ изъ церкви, а праведники оставляютъ...». Участіе ангель продолжается далѣе въ теченіи всей литургіи, и наконецъ въ богослуженіи принимаютъ участіе Исусъ Христось и Св. Духъ въ видѣ голубя. Въ храмъ врываются демоны и облакають іерея сѣтями, чтобы его прельстити; но ангелы прогоняють ихъ огненнымъ оружіемъ. Св. Духъ въ видѣ голубя спускается на св. Дары; далѣе приходитъ Христось съ 12 апостолами и цѣлуетъ Дары и священнослужителя. Св. Духъ спускается на іерея и покрываетъ его. По произнесеніи словъ: *пріимите, идите*, хлѣбъ претворяется до половины, а послѣ словъ священника: *пійте отъ нея* совершается полное пресуществленіе св. Даровъ. Тогда ангелы снимають съ людей грѣхи и сожигаютъ ихъ. Послѣ словъ діакона: *главы ваша преклоните и слѣдующихъ затѣмъ словъ священника: Бож е святый живый въ вышнихъ*, ангель выходитъ изъ алтаря и кладеть вѣнецъ на людей, стоящихъ со страхомъ на молитвѣ. По окончаніи литургіи священникъ поднесъ Анфілогу просфору; но Анфілогъ отказался ее взять и съ негодованіемъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ священникъ убилъ ребенка. Священникъ сказалъ, что такого чуда еще никто не видѣлъ. Пораженный этимъ чуднымъ видѣніемъ, царь

Анфилогъ крестился и принялъ даже схиму. По совѣту патріарха Анфилогъ отправился въ сараинскую землю и обратилъ въ христіанство брата своего Кликанца. Анфилогъ и Кликанцъ стали проповѣдывать христіанскую вѣру и были казнены сараинцами. Люди стали чтить ихъ память и поклоняться ихъ мощамъ¹⁾.

Происхожденіе этого апокрифа мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, апокрифическое сказаніе о царѣ Анфилогѣ возникло подъ вліяніемъ сборника патріарха Фотія «Амфилохін», заключающаго въ себѣ разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и получившаго названіе отъ имени лица, къ которому разсужденія были адресованы²⁾.

Въ южнорусскихъ литературныхъ памятникахъ семнадцатаго вѣка находятся отрывки изъ сказанія Анфилога, напримѣръ въ «Небѣ Новомъ» Галятовскаго 1662 г. Въ Чети-Минейхъ Димитрія Ростовскаго говорится объ участіи ангеловъ при совершеніи литургіи.

Г. Калужняцкій усматриваетъ слѣды сказанія Анфилога въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана II († 1515) къ Николаю Шембергу. «Поэтическіе образы Анфилогической легенды могли понравиться преосвященному Вассіану именно какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усомнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы святыхъ ликовъ, чтобы участвовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы и получили въ устахъ Вассіана (а мы добавимъ отъ себя: и въ устахъ южнорусскихъ проповѣдниковъ), по предварительномъ устраниніи апокрифическихъ прибавленій, значеніе поэтическихъ мотивовъ, при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и людей вмѣстѣ (28).

¹⁾ *Калужняцкій*, стр. 26—28.

²⁾ Объ Амфилохіяхъ см. *Филарета*, Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 336.

Кромѣ «Сказанія Анфилога» въ южной Руси, повидимому, было въ старину извѣстно еще другое апокрифическое сказаніе о литургіи, упоминаемое въ индексѣ отреченныхъ книгъ въ рукописномъ сборникѣ львовскаго свято-онуфріевскаго монастыря, именно въ «Статьѣ о службѣ тайнъ Христовыхъ», гдѣ говорится, что «если опоздають священники съ жертвоприношеніемъ, то ангели поца клянуть, рекше: врата небесныя затворяются» (Калужн., 24).

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕИЗДАВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВИЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

VIII,

Очаровательная хозяйка послѣ обѣда сейчасъ-же удалилась вмѣстѣ съ братомъ. За ними послѣдовалъ и догадливый Прохоръ, а я, подумавши немного, сладко, мягко, бархатно-мягко сомкнулъ мои очарованныя вѣжды, уложивъ свою особу на мягкой постели. Но увы! не успѣлъ я переступить границу дѣйствительности, какъ до полуслуха моего коснулись какіе-то странные неясные звуки, похожіе на чтеніе псалтыря надъ покойникомъ. Вслушиваюсь, дѣйствительно чтеніе, и чтеніе церковное. И голосъ какъ будто знакомый, но гдѣ этотъ знакомый голосъ: за стѣной, или подъ поломъ, не пойму. Я раскрылъ глаза; но зрѣніе слуху не помогло. Я всталъ, подошелъ тихонько къ двери, растворилъ ее, смотрю— въ передней никого нѣтъ, а звуки сдѣлались явственнѣе, и все таки похожи на чтеніе псалтыря. Нѣтъ-ли и въ самомъ дѣлѣ у меня сосѣда преставльшагося? Отворяю другую дверь, выхожу на лѣстницу и, ларчикъ просто отворялся, псалмо-любивый сторожъ мой Прохоръ, чтобы не беспокоить меня своимъ псалмолюбіемъ, расположился на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и по всѣмъ правиламъ дьячковской декламациі борзо читаетъ; *«не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе»*. Съ удовольствіемъ прослушалъ я псаломъ до конца и возвратился во свояси, дивясь бывшему.

Благоговѣнное чтеніе Прохора теперь на меня дѣйствовало иначе. Черезъ нѣсколько минутъ неясные звуки совсѣмъ исчезли, и мнѣ уже начало представляться какое-то очаровательное видѣніе

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ за августъ 1887 г., стр. 589—626.

въ родѣ прекрасной Елены, какъ вдругъ раздалось прозаическое громкое: дабе! дабе... соб! тпру!...

Не могу сказать, что именно, но мнѣ представилось что-то страшное. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, и о зрѣлище, достойное кисти Вувермана!—Великолѣпный дормезь, запряженный четырьмя огромными, сѣрыми волами остановился противъ моей квартиры. Прохоръ отворилъ дверцу и, какъ какого-нибудь кардинала, высаживалъ изъ дормеза моего не пышнаго Трофима. Эта оригинальная сцена уничтожила во мнѣ мысль не только о снѣ, но и о самомъ полежаньи.

Земляки мои, въ томъ, числѣ и я, самую серьезную матерію не могутъ не проткать хоть слегда, хоть едва замѣтною шуточкой. Землякъ мой (разумѣется невольно) въ потрясающій финаль «Гамлета» всучить такое словцо, что сквозь слезы улыбнешься. Въ доказательство я приведу примѣръ историческій.

Сообщники Искры и Кочубея, попъ М.М. и писарь Подобайло, послѣ доброй пытки кнутомъ, лежали окровавленные на полу подъ рогожею и разсуждали о томъ, что не мѣшало бы позычить у москаля кропила (кнута) для своихъ непослушныхъ женъ. Не правда-ли, на своемъ мѣстѣ шуточка?

Вотъ и я теперь готовлю своего Трохима въ педагога, къ дѣлу высокой степени благородному и серьезному. Такъ бы и начать слѣдовало это доброе дѣло. Нѣтъ, я вздумалъ его начать шуточкой, а отъ шуточки чуть было въ прахъ не рассыпалось мое доброе и серьезное намѣреніе.

Безъ малѣйшей причины пришла мнѣ въ голову нелѣпная фантазія притвориться сердитымъ на Трохима и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Когда онъ съ помощію Прохора внесъ чемоданъ въ комнату, я даже не взглянулъ на него, т. е. на Трохима. Онъ это замѣтилъ и взглянулъ на меня недовѣрчиво. Я продолжаю свою роль. Не обращаю вниманія на сконфуженнаго Трофима; приказываю Прохору принять по счету бѣлье, книги и прочія вещи, а самъ наскоро одѣваюсь и ухожу. Глупо, удивительно глупо! Но я, какъ школьникъ, былъ доволенъ этой импровизированной глупостью.

Извѣстной уже читателю волчьей тропинкой прошелъ я мимо патріарха клена въ также извѣстную аллею и потомъ въ завѣтный павильонъ. Тутъ встрѣтила меня съ братомъ прекрасная Елена и

панна Дорога съ чашкой чая въ рукѣ. Послѣ чая и веселаго живаго разговора герой мой взялся за шарманку: она завизжала какой то вальсъ, а я съ прекрасною Еленою, какъ неистовый пѣмецъ, закружился подъ это визжаніе. Панна Дорога выглядывала изъ-за самовара и замѣтно улыбалась.

Между тѣмъ начало уже замѣтно темнѣть въ павильонѣ. Мы вышли въ садъ, и тутъ-то я вспомнилъ о Трохимѣ и сообщилъ о его прибытіи моему герою. Герой мой, какъ умѣлъ, раскланялся и пошелъ привѣтствовать своего профессора и друга. Я предложилъ моимъ спутницамъ прогулку по волчьей тропинкѣ; онѣ охотно согласились, и мы безъ особенныхъ приключеній засвѣтло еще добрались до большой тополевой аллеи, ведущей къ дому. Въ аллеѣ встрѣтился намъ Иванъ Ивановичъ Бергофъ, ѣдущій четверней въ коляскѣ моего возлюбленнаго родича. Гордый успѣхомъ, Иванъ Ивановичъ показалъ видъ, что насъ не видитъ, а мы даже отвернулись, когда онъ проѣхалъ мимо насъ. И по дѣламъ тебѣ, пѣмецкій шулеръ!

При входѣ на широчайшій дворъ насъ встрѣтилъ герой мой и съ ужасомъ объявилъ намъ, что Трохимъ пропалъ.

Вотъ тебѣ и шуточка! подумалъ я, раскланиваясь со своими спутницами, и побѣжалъ на квартиру.

— Гдѣ Трохимъ? спросилъ я торопливо Прохора.

— А Богъ ёго святыи знае, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Онъ тебѣ ничего не сказалъ, когда уходилъ? спросилъ я нетерпѣливо.

— Сказалъ... и Прохоръ остановился.

— Что же онъ тебѣ сказалъ? говори скорѣе.

— Онъ сказалъ... та цуръ ёму! онъ нехорошее слово сказалъ...

— Говори скорѣе, я все хочу знать!

— Онъ сказалъ, что на васъ не только добрый человекъ, самъ чертъ не угодитъ и что когда онъ вамъ понадобится, такъ чтобы вы его и въ Кіевѣ не шукали.

— Попроси ко мнѣ Осипа Федоровича, сказалъ я Прохору.

Онъ поспѣшно скрылся, и черезъ минуту явился ко мнѣ опечаленный герой мой. Я объявилъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его не медля отправиться въ погоню за Трохимомъ.

— Онъ вѣрно теперь въ Будищахъ, у отца Саввы, прибавилъ я.

Герой мой выпелъ. Я остался и отъ нечего дѣлать началъ углубляться въ смыслъ моей глупой шуточки.

Значить, я плохо зналъ моего Трофима, когда позволилъ себѣ подобную выходку. Глупо и еще разъ глупо! И даже неоригинально глупо! Прохоръ первый думаетъ теперь, что я тиранъ, что я бѣшеная собака, что со мною не только добрый человѣкъ, самъ чертъ не уживется. Еще разъ глупо!

— Пожалуйте, васъ просятъ въ покои, проговорилъ Прохоръ, отворяя дверь.

— А въ покояхъ ничего не говорятъ о Трохимѣ? спросилъ я его экспромptomъ.

— А Богъ ихъ святой знаетъ. Назаръ лакей говоритъ, что...

— Что Назаръ лакей говоритъ? перебилъ я его.

— Что, говоритъ, Трохимъ отъ васъ убѣжалъ.

— Вреть онъ! Трохимъ забылъ въ Будицахъ очень нужную мнѣ книгу и пошелъ за нею. Кто же виноватъ?—Не забывай! прибавилъ я экспромptomъ весьма неудачно и даже непростительно глупо. Ну, къ чему мнѣ было врать передъ Прохоромъ? Чтобы утвердить его мнѣніе, что я дѣйствительно бѣшеная собака, да еще и хитрая собака. Одна ошибка ведетъ за собою другую,—это въ порядкѣ вещей. Какъ бы однакожь вывернуться изъ этого глупаго порядка вещей?

Прохоръ лукаво посмотрѣлъ на меня, а я, какъ будто ничего не замѣчая, безпечно просвисталъ качучу, взялъ шапку и вышелъ.

— Вреть да еще присвистываетъ, навѣрное такъ подумалъ Прохоръ,—сказалъ я про себя, и, скрѣпя сердце, вошелъ въ извѣстную круглую залу á la турецкая палатка. Въ залѣ никого не было; я расположился на отоманѣ въ ожиданіи когонибудь. Наскучивъ ожиданіемъ, вошелъ я въ кабинетъ хозяина и наткнулся на происшествіе такого свойства: хозяинъ и мой возлюбленный родичъ сидѣли молча за испачканнымъ ломбернымъ столомъ, вперивъ багровые глаза и такіе же носы въ стаканы съ дымящимся пуншемъ. По временамъ произносилось слово *моя*, и за словомъ передвигался пѣлковый съ одного конца стола на другой. Я долго не могъ понять, что между ними происходитъ. Они играютъ, это вѣрно, но въ какую игру? Наконецъ я догадался. Они забавляются въ муху, т. е. въ чей стаканъ прежде упадетъ муха, того и призъ. Хороши мальчики, подумалъ я, глядя на пріятелей и, гнушаясь ихъ отвратительной забавой, вышелъ изъ кабинета, не замѣченный ими.

Я оставилъ пріятелей ругающихся за сомнительное плюэ. Въ палаткѣ-залѣ по прежнему никого не было; мимо десяти загадочныхъ чулановъ прошелъ я въ китайскую залу съ загадочными фирмами. И тамъ никого не было. Я вышелъ въ садъ—никого, въ павильонѣ—тоже. Куда же скрылася моя прекрасная Елена со своею дуэньею? Задавши себѣ такой вопросъ, я прежними переходами возвратился въ свою квартиру, легъ и занялся внимательнымъ созерцаніемъ потолка.

Въ непродолжительномъ времени Прохоръ отворилъ дверь и сказалъ, что меня просятъ на вечерю. Я отказался отъ вечера и снова принялся за потолокъ. Не помню, на чемъ я остановился въ своихъ тонкихъ наблюденіяхъ, помню только, что я проснулся, погасилъ свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и опять заснулъ.

Проснулся я рано, и мнѣ живо представился заманчивый горизонтъ съ двумя вѣтряными мельницами. Семь-ка провѣдаю, что тамъ дѣлается за мельницами! Всталъ, надѣлъ шапку, взялъ палку и вышелъ. Златовласая, румяноланитая Аврора уже умылася алмазною росой и радостно улыбалась сладко дремавшей землѣ. Вздохнувъ свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ, я вздрогнулъ легонько и, помолившись Богу, направился къ широкой тополевой аллеѣ. Пройдя аллею, остановился я на распутии двухъ дорогъ. Одна мнѣ знакома, она ведетъ въ село Будища, а другая, Богъ знаетъ, куда приведетъ. Я выбралъ ту, которая Богъ знаетъ, куда приведетъ. Иду. Направо лѣсъ, налево поле, а впереди сѣрѣетъ село, подернутое облакомъ прозрачнаго дыма. Вхожу въ село. Извилистая улица спускается внизъ и соединяется съ греблей. Ниже гребли мельница и винокурня, а по другую сторону, почти въ уровень съ греблей, блестящій широкой прудъ. За прудомъ такое же сѣроватое село и вьющаяся улица по красноватому пригорку. На пригоркѣ шинокъ, за шинкомъ царина, поле и двѣ вѣтряныя мельницы. Васъ-то мнѣ и нужно, голубушки.

— Добрый день, батьку! сказалъ я сѣдобородому старику, прилаживавшему лубочныя двери къ своему куреню.—Нехай Богъ поможе, прибавилъ я, приподымая шапку.

— Добрый день, сыну! Нехай и вамъ Богъ поможе, проговорилъ онъ, снимая шапку.

— А куда Богъ несе? спросилъ онъ почтительно.

— Гуляю, батьку! отвѣтилъ я, проходя мимо его.

— Гуляй собі съ Богомъ, сыну! проговорилъ онъ, надѣлъ шапку и снова принялся за лубковую дверь. А я вышелъ въ поле и пошелъ себѣ шляхомъ-дорогою, насвистывая какую то украинскую пѣсню.

Прошелъ я мимо вѣтряныхъ мельницъ и шагъ за шагомъ незамѣтно поднялся на заманчивую возвышенность и вдругъ остановился. Передо мною открылась неоригинальная и не новая для меня, но очаровательная картина. Обрамленная темнымъ лѣсомъ, широкая и бесконечно длинная поляна раскинулась на отлогой покатоности, уставленная въ безпорядкѣ старыми суховерхими дубами. Налюбовавшись до отвала, мнѣ вдругъ пришла охота пощупать ногами эту старую, неоригинальную картину. Крѣпко захотѣлъ—въ половину сдѣлалъ... Проговоривши эту святую истину, пустился я ощупывать старую картину и, переходя отъ дуба къ дубу, нечаянно наткнулся на широкій и глубокій ровъ. Смотрю, за ровомъ на большомъ пространствѣ, приблизительно двухъ квадратныхъ верстѣ, зеленѣетъ на бархатномъ мѣстѣ молодая пажить. А между этой тучной роскошной зеленью, какъ темныя ленты, протянулись два обнижка (межа) и на одномъ изъ нихъ гуляетъ высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ. Я далеко отъ вѣры въ заколдованные клады, которые счастливымъ являются тоже въ бѣломъ. Но тутъ чуть чуть не приблизился я къ этой нелѣпой вѣрѣ. Хорошо, что этотъ мнимый кладъ, увидя меня, сталъ ко мнѣ приближаться. Когда онъ подошелъ на нѣсколько шаговъ ко рву, то я приподнял шапку, пожелалъ ему добраго утра и спросилъ:

— Чья это такая прекрасная пшеница?

— Доктора Прехтеля, т. е. моя, отвѣчалъ незнакомецъ и, приподнявъ бѣлую фуражку, прибавилъ: имѣю честь рекомендоваться.

Я посмотрѣлъ на него внимательно. Это былъ бѣлый, свѣжій, худощавый, высокаго роста старикъ, въ кавалерійскомъ бѣломъ кителѣ и въ такихъ же широкихъ шароварахъ. Съ минуту стояли мы молча другъ противъ друга. Я уже намѣренъ былъ сказать что то, какъ онъ внезапно уничтожилъ мой проектъ вопросомъ.

— Вы не здѣшній? и вѣроятно заблудились?

— Ваша правда, я не здѣшній! Я художникъ Дармограй, отвѣчалъ я, какъ будто растерявшись, что со мною дѣлается всегда при первой встрѣчѣ.

— Вашу руку! Я люблю художниковъ, истинныхъ Божіихъ дѣтей, проговорилъ онъ быстро и протянулъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ тоже и очутился въ канавѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ сначала выговоръ за неосторожное движеніе, потомъ подалъ мнѣ руку и вытащилъ, аки пророка Даниила изъ рва львиного, немного выпачканнаго грязью.

— Теперь здравствуйте, какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ, улыбаясь и пожимая мои руки.

— Ваше имя? спросилъ я его.

— Степанъ Осиповичъ Прехтель.— А ваше? прибавилъ онъ быстро. Я сказалъ ему свое имя.

— Очень хорошо. Теперь пойдѣмъ къ моей старухѣ; она, какъ и я самъ, тоже любитъ художниковъ. И, говоря это, онъ вывелъ меня на обнѣжокъ. Но какъ эта дорога оказалась тѣсною для двоихъ пѣшеходовъ, то онъ пустилъ меня впередъ, а самъ пошелъ за мною. Молча прошли мы зеленую ниву и вступили въ молодую, аккуратно подчищенную рощу. Тутъ насъ встрѣгилъ красивый, здоровый парень въ бѣлой чистой рубахѣ и такихъ же широкихъ шароварахъ. Парень снялъ смушевую черную шапку и кланяясь проговорилъ:

— Добрый день, дядюшка!

— Добрый день, Сидоръ! отвѣчалъ ему новый мой знакомый.

— Что хорошее скажешь, Сидоръ? спросилъ онъ его.

— Тетушка Софія Самойловна послали васъ шукать, отвѣчалъ парень, кланяясь.

— Добре, скажи: прійдемо, сказалъ докторъ Прехтель моимъ роднымъ нарѣчіемъ, что меня не мало удивило, принявъ въ соображеніе его ученую степень и нѣмецкую фамилію.

Пройдя дубовую рощу, мы очутились передъ бѣлою большою хатою съ ганкомъ (крылечко) и четырьмя, одной величины, окнами. Изъ-за хаты выглядывали еще какія-то строенія, но я не успѣлъ ихъ разсмотрѣть, потому что въ дверяхъ показалась кубическая, свѣжая, живая старушка въ ширококрыломъ бѣломъ чепцѣ и въ бѣлѣйшей широкой блузѣ.

— Рекомендую вамъ мою Софью Самойловну, сказалъ Прехтель, показывая на приближающуюся къ намъ старушку.

Я поклонился и проговорилъ свое имя и званіе.

— Ахъ! произнесла моя новая знакомка и, обратясь къ мужу, спросила:

— Гдѣ это ты взялъ такого дорогаго гостя?

— Богъ намъ послалъ, другъ мой, сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя свою Софью Самойловну.

— Я вамъ пришлю кофе сюда въ рощу: въ комнатахъ еще безпорядокъ, сказала она скороговоркой и скрылась въ хату.

Телемонъ и Бавкида, подумалъ я, возвращаясь съ хозяиномъ въ рощу.

IX.

— Теперь отдохнемъ, сказалъ мой вожатый, садясь на дерновую, полукруглую скамейку.

— Отдохнемъ, повторилъ я, опускаясь на ту же скамейку.

Черезъ минуту къ намъ подошла бѣлолицая, свѣжая дѣвушка, въ малороссійскомъ костюмѣ и кланяясь сказала едва слышно:

— Де, дядюшка, прикажете столъ поставить?

— Хоть за воротами, мнѣ совершенно все равно, давай намъ только кофе, сказалъ мой Амфитріонъ, улыбаясь.

Дѣвушка вспыхнула и закрыла лице бѣлымъ шпирокимъ рукавомъ рубахи.

— Ты слова путнаго никогда не скажешь, сказала тутъ же очутившаяся Софія Самойловна.—Принеси скорѣе, Параско, круглый столикъ, прибавила она, обращаясь къ своей сконфуженной сотрудницѣ. А старикъ взглянулъ на меня и лукаво мигнулъ глазомъ, какъ бы говоря: каковъ я!

Въ одну минуту бѣлолицая Геба-Параска уготовала для насъ пиръ съ самомалѣйшими подробностями. На небольшомъ кругломъ столѣ она помѣстила все: и кофейникъ и кофейничекъ, и кипяченныя сливки въ миниатюрныхъ горшечкахъ, и булки и булочки, и сухари и сухарики, и наконецъ двѣ большія черныя сигары, и зажигательныя спички. Недоставало одной Софьи Самойловны. Незамедлила и она явиться, но уже не въ блузѣ, а въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ щеголеватомъ свѣжемъ чепчикѣ. Она присосѣдилась къ намъ, и послѣ первой чашки кофе бесѣда завязалась. Я рассказалъ имъ подробно, кто я и что я. А они, или лучше сказать она, не вдаваясь въ мелочи, какъ это обыкновенно бываетъ у женщинъ ея лѣтъ, рассказала мнѣ все про свое житье бытие, не касаясь ни однимъ словомъ своихъ сосѣдокъ. Большая рѣдкость у женщинъ даже и не ея лѣтъ. Въ заключеніе она сказала мнѣ, что

у нихъ есть дочь, красавица, въ кievскомъ институтѣ и что черезъ мѣсяць она оставитъ институтъ, и какъ она ее будетъ дома учить хозяйничать, и какъ замужъ думаетъ выдать. Тутъ только она вдалась въ подробности, но матери это простиительно.

Есть на свѣтѣ такіе счастливые люди, которымъ не нужна ни какая рекомендація, съ которыми не успѣешь осмотрѣться хорошенько, какъ уже, самъ того не замѣчая, дѣлаешься своимъ, роднымъ, безъ малѣйшаго съ твоей стороны усилія. А есть и такіе несчастнѣйше люди, съ которыми и изъ семи печей хлѣба поѣшь, а все таки не узнаешь, что оно такое, человѣкъ или амфибія.

Не вставая съ дерновой скамьи и до половины не докуривъ сигары, я узналъ, что Степанъ Осиповичъ Прехтель былъ когда-то штабъ-лекаремъ въ курляндскомъ драгунскомъ, теперь уланскомъ полку, и что учился въ Дорпатѣ и что Софія Самойловна воспитанница графини Гудовичъ, жены командира того самаго курляндскаго драгунскаго полка, въ которомъ онъ служилъ когда-то медикомъ и что въ мѣстечкѣ Ольшанѣ (кievской губерніи) они спозналися съ Софьей Самойловной, тамъ же и побралися и что сначала было не безъ нужды, пока Степанъ Осиповичъ не окрылился, т. е. пока не выслужилъ пансіонъ и не оставилъ службу. Потомъ купили себѣ тотъ хуторокъ, обзавелись хозяйствомъ да и живутъ, какъ у Бога за дверью.

Въ свою очередь и я разговорился и нарисовалъ имъ самими радужными красками мою прекрасную Елену и ея благороднаго, великодушнаго рыцаря-брата. Я такъ увлекъ стариковъ своимъ рисункомъ, что они со слезами на глазахъ стали меня просить познать ихъ съ братомъ и съ сестрою, о которыхъ они уже слышали, хотя еще не имѣли счастья видѣть эту благородную чету. Я обѣщала. Я предвидѣлъ отъ этого знакомства много прекраснаго и полезнаго для моей героини и еще болѣе для образованной красавицы, дочери Софьи Самойловны.

Онѣ раздѣляютъ свое нравственное добро, какъ родныя сестры, и обѣ будутъ богаты.

Старики предложили мнѣ остаться у нихъ обѣдать. Я не отказался, а въ ожиданіи обѣда Степанъ Осиповичъ предложилъ мнѣ прогуляться по его палестинѣ. Я тоже не отказался, и мы пустились

соглядать не широкое, но милое, чистое, аккуратное хозяйство медико-агронома.

О подробностях видѣннаго мною я распространюсь въ другомъ мѣстѣ, а теперь и не мѣсто и не время, потому что Софья Самойловна послала уже своего Сидора-Меркурія просить насъ къ обѣду. Я однакожь ошибся. Сидоръ дѣйствительно шелъ искать къ обѣду, только не насъ, а карасей въ пруду. И когда мы проходили греблю, то я увидѣлъ сквозь тростникъ, какъ онъ вытащилъ вершу и изъ нея посыпались въ човенъ крупные, золотистые караси. Я посмотрѣлъ и только облизался. Каковы же эти пріятели будутъ поджаренные со сметаной, подумалъ я и еще разъ облизался. Пріятели оказались дѣйствительно такими, какъ я думалъ. А вообще обѣдъ превзошелъ мое воображеніе своею простотою и чистотою до педантизма. Послѣ обѣда Степанъ Осиповичъ пригласилъ меня въ свою лабораторію—библіотеку прочитать, какъ онъ выразился, знаменитое твореніе особаго и перваго мудреца Морфея. Перейдя темныя сѣни, вступили мы въ половину Степана Осиповича. Это была большая комната съ четырьмя небольшими окнами, украшенными разной величины бутылками съ разноцвѣтными жидкостями. Въ промежуткахъ оконъ помѣщались шкафы—одни съ аптекарскими банками, а другіе съ книгами; на столахъ сушились первовесеннія ароматическія травы, а вѣнцемъ украшенія комнаты были двѣ койки съ свѣжими постелями, на которыя мы возлегли и заснули, да не какъ нибудь по воровски, а заснули по хозяйски, т. е. до заката солнца.

Чтеніе знаменитаго творенія мудреца Морфея продлилось бы и долѣе, еслибы не послышался изъ-за дверей знакомый звонкій голосъ Софьи Самойловны, спрашивавшей, не желаемъ ли мы чаю, на что Степанъ Осиповичъ лаконически отвѣтилъ: желаемъ!

— А когда желаете, такъ выходите въ садъ, сказала Софья Самойловна, стукнувши чѣмъ то металлическимъ въ дверь, вѣроятно ключемъ.

Мы встряхнулись, умылись и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышли уже не въ дубовую рощу, а въ настоящій фруктовой садъ, расположенный по другую сторону хаты. Усѣлись мы на дерновой скамьѣ подъ старою огромною липою, раскинувшейся по серединѣ сада.

— А какъ бы намъ кто нибудь приподнесъ воды и сахару или варенья, сказала Степанъ Осиповичъ идущей къ намъ Софьѣ Самойловнѣ.

— Ты настоящій нѣмецъ! сказала она, улыбнувшись однимъ угломъ рта, что дѣлало ее необыкновенно милою старушкою.—Все бы ему воду да сахаръ. А чай куда дѣнешь? Настоящій нѣмецъ, повторила она.

— И не сидѣлъ около нѣмца! сказалъ, безъ улыбки, Степанъ Осиповичъ, закуривая сигару.

Софья Самойловна возвратилась въ хату. И въ скоромъ времени бѣлолицая чернобровая Геба-Параска вынесла на подносѣ требуемый продуктъ, поставила на скамейку и проговорила краснѣя:

— Дяденька!.. тѣгенька велѣла спросить у васъ, не подать ли вамъ еще чего нибудь.

— Перцу съ лукомъ и горчицы немного попроси у своей тетеньки, а потомъ уже чаю, прибавилъ онъ не улыбаясь.

Какъ спѣлое яблоко зардѣлася бѣлолицая Геба и, закрывъ лице рукавомъ, убѣжала въ хату.

Зачавъ рѣчь, вертѣлись сначала на шуточкахъ Степана Осиповича, потомъ рѣчь перешла на прекрасную сестру и великодушнаго брата и наконецъ на панну Дороту.

— Что за субъектъ эта безмолвная панна Дорота? спросилъ я у Степана Осиповича.

— Мрачный психическій феномень, отвѣчалъ онъ.

Она идіотка вслѣдствіе обмана и оскорбленія; ея печальная исторія тѣсно и даже родственно связана съ гнусной исторіей стараго Курнатовскаго, отца теперешняго владѣльца. Я вамъ расскажу ея исторію, мнѣ она болѣе, нежели кому-нибудь другому, извѣстна. И по моему такія исторіи не только рассказывать—печатать слѣдуетъ. Эти растлители, беззаконники, закономъ ограждены отъ кнута, то ихъ слѣдуетъ и должно печатно казнить и позорить, какъ гнусное нравственное безобразіе.

Только что Степанъ Осиповичъ вошелъ въ сущность рѣчи, а я превратился въ слухъ, какъ подошла ко мнѣ бѣлолицая Геба и краснѣя вполголоса сказала, что меня какой то однорукій панъ спрашиваетъ. Я теперь только хватился, что я сдѣлалъ непрости-

тельную глупость: ушелъ изъ дому, не сказавъ даже Прохору, куда я ушелъ. А впрочемъ я и самъ тогда не зналъ, куда я ушелъ.

— Что случилось? спросили меня вдругъ оба мои Амфитріона.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я, смутившись.— Меня, какъ бѣглеца, разыскивають въ околodкѣ.

— Кто васъ ищетъ?

— Человѣкъ, великодушiемъ котораго мы недавно восхищались.

— Неужели онъ самъ? Гдѣ онъ?

— Оттуть стоитъ за хатою, отвѣчала простодушная Геба.

— Что же ты остановилась? Проси ихъ сюда къ намъ, сказала Софья Самойловна, обращаясь къ Гебѣ.

— Вы намъ сегодня гору золота подарили, говорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

Бѣлолицая Параска пошла просить гостя до компаніи, а мы всѣ трое, вслѣдъ за Параскою, пошли триумфально встрѣтить моего героя.

— Вы меня знаете. а я васъ еще лучше знаю, и кончено;—такъ встрѣтилъ Степанъ Осиповичъ своего гостя и, пожимая ему руку, прибавилъ, показывая на Софью Самойловну: а вотъ и моя старая нѣмка; прошу полюбить.

Софья Самойловна сдѣлала книксенъ и благоговѣнно посмотрѣла на моего героя. А онъ, простодушный, покраснѣлъ, какъ дѣвушка, при встрѣчѣ съ незнакомымъ юношею и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ на ухо: за воротами Трохимъ васъ дожидаетъ.

Я исчезъ, какъ кошка.

За воротами стояла бричка, а въ бричкѣ сидѣлъ, понура голову, мой оскорбленный Трохимъ. Увидя меня, онъ отвернулся. Подходя къ бричкѣ, я слегка кашлянулъ; онъ еще больше отвернулся. Я вижу, что дѣло плохо; зашелъ съ другой стороны, онъ отвернулся въ противоположную сторону. Плохо, нужно перемѣнить маневръ.

— Здравствуйте, Трохимъ Сидоровичч! сказалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Здравствуйте и вамъ, сказалъ онъ и еще повернулся отъ меня.

— Не хотите ли чего покушать?

— Не хочу, сказалъ онъ протяжно и оборотился ко мнѣ спиною.

Не безъ труда умаслилъ я моего Трохима и ввелъ его въ освѣщенный геникей Софья Самойловны. На дворѣ уже было темно. Я отрекомендовалъ его, какъ моего вѣрнаго слугу и сподвижника и какъ будущаго учителя моего героя.

— Bravo, молодой профессор! Будемъ учиться и все пойдетъ хорошо, проговорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая ему руку. Софья Самойловна приласкала его какъ сына, попотчивала вотрушкой и посадила около себя на диванъ. Трохимъ не безъ церемоніи исполнилъ ея желаніе, сначала поцѣловавъ ея руку, изъ чего я замѣтилъ, что онъ парень бывалый.

Послѣ весьма нелегкаго ужина, къ немалому изумленію Софьи Самойловны, мы собрались въ путь. А она уже велѣла въ клунѣ на соломѣ и постели намъ приготовить. Услыхавъ о такой роскоши, я уже было и нюни распустилъ, но герой мой, какъ истинный спартанецъ, рѣшительно отказался отъ этого невиннаго плотоугодія, и тѣмъ болѣе, что панна Дорота вчера вечеромъ крѣпко захворала и сестры нехѣль перемѣнить у ея постели.

Такъ вотъ гдѣ причина вчерашняго безмолвія, подумалъ я. И, пожелавъ хозяевамъ покойной ночи, мы вышли на дворъ, давъ слово навѣщать ихъ чаще и чаще.

— А все таки лучше было-бъ, если-бы вы переночевали, говорила ярко освѣщенная свѣчей Софья Самойловна.

Степанъ Осиповичъ, проводивъ насъ до воротъ и прощаясь, просилъ учителя и ученика безъ церемоніи обращаться къ нему за учебными книгами и удостоивать его свѣдѣніями о ходѣ своихъ занятій по педагогической части. Я молча пожалъ ему руку и мы разстались.

X.

Западный небосклонъ еще рдѣлся, какъ потухающее зарево отдаленнаго пожара. На мягкомъ, красноватомъ фонѣ рисовалась темная прозрачная дубовая роца; изъ-за роци фіолетовой игривой струйкою подымался вверхъ дымъ, вѣроятно изъ кухни Софьи Самойловны. Глядя на этотъ невозмутимый миръ природы, сладкія успокоительныя грезы посѣтили мою тревожную душу.

...Не для волненій, не для битвъ—

Мы рождены для вдохновеній,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Стихи Пушкина не сходили у меня съ языка, пока мы не подъѣхали къ селу. При въѣздѣ въ село вмѣсто цариннаго дѣда намъ отворилъ ворота Прохоръ, и вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія произнесъ онъ клятвенное обѣщаніе въ томъ, что не будь онъ Прохоръ Хивричъ, а будь онъ собачій сынъ, если онъ съ этого часу отпустить меня отъ себя хотя на двѣ пяди. Возьму, говоритъ, на веревку, тай буду водить, якъ того ведмедя, и что другой рады онъ не можетъ дать съ такимъ божевильнымъ паномъ, какъ я. При этихъ словахъ Трохимъ посмотрѣлъ на меня значительно, какъ-бы говоря: что? небось, неправда?

— Посунься къ тому боку, сказала Прохоръ Трохиму, влѣзая въ бричку.— Съ самаго ранку на ногахъ, якъ той хортъ на ловлѣ!— Рушай! сказалъ онъ кучеру, усаживаясь.

Мимо едва освѣщеннаго шинка спустились мы тихо съ пригорка и очутились на греблѣ. На гладкомъ зеркалѣ пруда всплескивала рыбка, оставляя по себѣ тихо расширявшійся на водѣ кругъ. Проѣхавъ село и тополевую аллею, мы остановились на широкомъ дворѣ. Изъ темнаго фона выдвигалась черная женская фигура. Я узналъ въ ней мою прекрасную Елену.

— Чи вси дома? спросила она, встрѣчая насъ.

— Вси! сказалъ я, выскакивая изъ брички.

— Гдѣ вы пропадали до сихъ поръ? спросила она; взявъ меня за руку.

Я сказалъ ей о моей находкѣ.

— А что, развѣ я не говорила тебѣ, что они непременно тамъ, сказала она, обращаясь къ брату.

— Да почему вы узнали, что я именно тамъ? спросилъ я ночную красавицу.

— Потому, что вы рано поутру прошли за царину и не возвращались, а до хутора Прехтеля недалеко, я и догадалась.

Умница, подумалъ я, подаль ей руку, и мы молча отошли отъ брички.

— Какъ здоровье вашей панны Дороты? спросилъ я мою молчаливую спутницу.

— Очень нехорошо; завтра необходимо попросить Степана Осиповича, и я не знаю, какъ это сдѣлать. Мужъ уѣхалъ, а я...

— Куда вашъ мужъ уѣхалъ? прервалъ я ее, какъ будто меня тяготило его присутствіе.

— Не знаю, куда онъ уѣхалъ съ вашимъ родичемъ, вѣрно въ Будища, отвѣчала она, не измѣняя тона.

Разговоръ нашъ какъ-то не вязался. Елена сегодня не была похожа на себя. Я ей это замѣтилъ, и она сказала, что ей сегодня скучно. Я нарисовалъ ей привлекательную Софью Самойловну и въ заключеніе объявилъ ей искреннее желаніе познакомиться съ нею. Она и эту любезность приняла замѣтно сухо, изъ чего я могъ догадаться, что мнѣ осталось пожелать ей пріятныхъ сновидѣній и ретироваться во свояси, что я благоразумно и исполнилъ.

Что ее такъ сильно беспокоитъ? Неужели болѣзнь панны Дороты, этого живаго автомата, или отсутствіе безпутнаго мужа? Или и то и другое? И то и другое по одиночкѣ дрянъ, а вмѣстѣ безпривѣтственная гадость. А она скучаетъ безъ нихъ. Странно!

Долго я еще шлялся въ темнотѣ по двору и повторялъ зады, пока наконецъ усталъ и пошелъ къ себѣ на квартиру.

Въ ожиданіи меня, Трохимъ читалъ вступительную лекцію своему ученику. Когда я входилъ въ комнату, онъ заставлялъ его узнавать буквы на оберткѣ Морскаго Сборника и прехитро толковалъ ему, что означаютъ двѣ палочки съ перекладиной наверху и что значать такія же двѣ палочки съ перекладиной по срединѣ. Прохоръ же, не обращая ни малѣйшаго вниманія на любознательную молодежь, читалъ вслухъ псалмы Давидовы, осторожно переворачивая пожелтѣвшіе листы псалтиря. Эта новая сцена освободила меня отъ томительнаго впечатлѣнія предшествовавшихъ ощущеній. Похваливъ моего героя за понятливость и прилежаніе, Трохима за точное исполненіе своей обязанности, а Прохора за борзое чтеніе и писаніе, я хотѣлъ поклониться имъ и лечь спать, какъ Прохоръ выступилъ впередъ и взялъ смѣлость спросить у меня, что значить «Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ?»—Я, признаюсь, былъ озадаченъ такимъ нечаяннымъ вопросомъ; но сейчасъ же оправившись, отвѣчалъ ему на-удалую. «Селеніе возлюбленное Господне», сказалъ я ему, означаетъ ни что иное, какъ монастырь. Прохоръ посмотрѣлъ на меня съ благоговѣніемъ, а на предстоящихъ съ удивленіемъ, и больше ничего.

— Я и самъ такъ думалъ, говорилъ Прохоръ, придя въ себя: а можетъ быть и не такъ думаю себѣ, а спросить некого. Панна Дорота—они хотя и читаютъ книгу, такъ не по нашему, а по польски,

такъ ее и спрашивать нечего. Слава Богу, что васъ Господь послалъ къ намъ, а то бы я и до гробовой доски не выразумѣлъ сего святаго слова.—Чи вы вечеряли? спросилъ онъ меня внезапно.

— Вечерялъ, отвѣчалъ я.

— Гладитесь жъ зъ Богомъ. та спить. Ходимо хлопци! прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.

Въ продолженіи рѣчи Прохора я какъ бы отъ нечего дѣлать перелистывалъ Морской Сборникъ и, найдя то мѣсто, гдѣ было сказано о подвигѣ моего героя, заставилъ Трохима прочитать въ слухъ. Героя моего этотъ напечатанный секретъ на минуту озадачилъ, но онъ вскорѣ оправился и сказалъ:

— Да если бы не самъ графъ Велегорскій, царство ему небесное, насъ тогда допрашивалъ, то я другому бы и слова не высказалъ.

Миръ праху твоему, достойный представитель челоуѣколюбія! почти въ слухъ проговорилъ я и, пожелавъ покойной ночи честной компаніи, ушелъ въ свою комнату.

Разставшись съ моими protegè друзьями, я нелицемѣрно принялся мѣрить вдоль и поперекъ свою комнату. Но какъ я тщательно не работалъ надъ ея измѣреніемъ, а кончилъ тѣмъ, что, не узнавши ея точной величины, потушилъ огонь и легъ спать. Я рассчитывалъ на богатырскій сонъ, а вышло совсѣмъ не такъ. Меня что то беспокоило; этого я, какъ ни старался, опредѣлить не могъ. Въ эти жестокія и безконечно длинныя минуты я немного смахивалъ на влюбленнаго, слѣдовательно и на помѣшаннаго. Но этого сходства быть не можетъ, во первыхъ, потому, что я не прапорщикъ, а во вторыхъ, что я уже хотя и не въ чинахъ, то по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ и въ добавокъ совершенно не эротической комплексіи. А между тѣмъ, о чемъ бы я ни задумалъ: о старыхъ красавцахъ дубахъ, о бѣломъ ли Прехтелѣ, о Софѣ ли Самойловнѣ, о ея милой оригинальной улыбкѣ,—вездѣ и во всемъ проглядываетъ она, она, прекрасная и непорочная моя простушка героиня. Боже мой! Боже мой! восклицалъ я мысленно. Сохранить ли она свѣжесгь, эту дѣвственную чистоту, какъ сохранила ея Софья Самойловна? Едва ли. Она полна самой нѣжной, самой возвышенной любви. Ей необходима по крайней мѣрѣ привязанность, ей необходима опора, на которой бы она могла сосредоточиваться; ей необходимъ разумный и вѣрный другъ, а не пьяный сластолюбецъ ремонтеръ

или жалкая идиотка панна Дорота, къ которой она привязана изъ необходимости къ кому нибудь привязаться. А если эта жалкая рунна совсѣмъ рухнетъ—тогда что? Тогда... тогда все можетъ случиться. Хорошо еще, если она послѣ томигельной холодной пустоты сдѣлается только похожею на мою бездушную кухню; а если, что также естественно, утративъ святое женское достоинство, она прямо перейдетъ въ поднощицы своего растлителя? И наконецъ, истощивъ слабые остатки нравственной силы, она разомъ увидитъ всю отвратительную мерзость собственнаго уничтоженія? Тогда... Да, она второй экземпляръ жалкой юродивой панны Дороги! Какъ же отвести эту темную густую тучу отъ ея блистательно прекрасной головки? И я, какъ великій Франклинъ, задумался надъ этимъ нравственнымъ отводомъ.

Послѣ долгихъ соображеній я остановился на Софьѣ Самойловѣ и ея инстигугкѣ дочери и не откладывая въ длинный ящикъ, рѣшилъ завтра же познакомить между собою моихъ пріятельницъ. Эта неоригинальная мысль такъ мнѣ понравилась, что я развилъ ее до самой дикой несбыточности, и убаюканный республиканцами вну чатами моей прекрасной Елены и прочими тому подобными мечтами, заснулъ сномъ блаженнаго.

Проснулся я довольно поздно, и первое, что представилось моему уже бодрствующему воображенію, это вчерашній проэктъ съ самомалѣйшими подробностями. Не смотря на то, что это было чадомъ моей собственной фантазіи, я не узналъ его. Оно было слишкомъ вычурно. Я его уничтожилъ и на тѣхъ же данныхъ принялся строить другое зданіе солиднѣе, положителнѣе, принаравливая его болѣе къ климату и обычаямъ.

— А не пора ли вамъ вставать? сказалъ Прохоръ, тихонько отворяя дверь.

— Не знаю, какъ ты думаешь? спросилъ я его, вставая съ постели.

— Я такъ думаю, что пора. Уже два раза приходили просить васъ на чай туда въ садъ, говорилъ онъ, развертывая полотенце.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже подходилъ къ дверямъ завѣтнаго певильона и, какъ дверь была растворена, то я издали внутри его увидѣлъ бѣлую блестящую голову Степана Осиповича.

— Какими судьбами вы здѣсь очутились? сказалъ я, подходя къ нему и кланяясь его собесѣдницѣ, прекрасной Еленѣ.

- Очень просто: я медикъ, отвѣчалъ онъ, протягивая руку.
- А какова ваша больная? спросилъ я его.
- Какъ вообще больные, сказалъ онъ, улыбаясь.

Хозяйка ушла провѣдать свою больную, я принялся за чай, а Степанъ Осиповичъ закурилъ сигару и принялся за панегирикъ моей прекрасной Еленѣ. И только что дошелъ онъ до самаго паюса, какъ вошла въ павильонъ сама героиня и объявила своему новому поклоннику, что больная заснула.

— И слава Богу, сказалъ улыбаясь Степанъ Осиповичъ и предложилъ прогулку сначала въ саду, а потомъ къ себѣ на хуторъ. Сонъ въ руку, подумалъ я и, разумѣется, охотно согласился на его милое предложеніе. Прекрасную Елену затрудняла больная, но Степанъ Осиповичъ, какъ медикъ, увѣрилъ ее, что больная проспитъ до вечера и проснется здоровою. Она согласилась, приказала приготовить экипажъ и догонять себя за цариною.

По дорогѣ я забѣжалъ на квартиру, взялъ портфель, карандашъ и палку и пустился по слѣдамъ моихъ спутниковъ. Едва успѣли мы выйти за село, какъ нагнала насъ коляска и приняла въ свои мягкія нѣдра. Проѣзжая мимо одного стараго дуба, я велѣлъ кучеру остановиться и къ изумленію моихъ спутниковъ вышелъ изъ коляски. На вопросъ, что я намѣренъ дѣлать, я показалъ на дерево и сказалъ, что намѣренъ нарисовать этого суховерхаго патріарха. Степанъ Осиповичъ молча махнулъ рукой и велѣлъ кучеру трогать, а я на нѣкоторомъ разстояніи обошелъ вокругъ широко-вѣгвистаго Мафусаила и, не найдя желаемаго пункта по причинѣ полдневнаго освѣщенія, прилегъ въ тѣни того же Мафусаила, полюбавался издали на его могучихъ сверстниковъ да и задремалъ.

Когда проснулся я, то увидѣлъ, что густая тѣнь лѣса изменила мнѣ: она отскочила отъ меня сажени на три. Хорошо еще, что я догадался лице закрыть платкомъ отъ мухъ, а иначе изъ меня сдѣлался бы препорядочный англичанинъ. А гдѣ же мой портфель? Странническая дубина здѣсь, а портфеля нѣтъ. Обошелъ я нѣсколько разъ вокругъ патріарха, заглянулъ въ его широкое дуло, нѣтъ моего портфеля, а освѣщеніе самое настоящее, и лысый Мафусаиль какъ бы смѣется надо мною, показывая свои соблазнительно широко освѣщенные сучья и вѣтви. Съ досады я пошелъ къ другому патріарху, тотъ еще лучше, къ третьему, еще

лучше, а четвертый какъ будто бы убѣжалъ изъ портфеля Калама и опять напрашивается подъ карандашъ. Я чуть не плакалъ съ досады. Пославъ дюжину проклятій безсовѣстному вору, вышелъ я на дорогу и направилъ стопы свои къ хутору Прехтеля. Кромѣ Софьи Самойловны и бѣлолицой Параски я на хуторѣ не нашелъ никого больше. На вопросъ, обѣдалъ-ли я, я отвѣчалъ отрицательно, и тотчасъ былъ введенъ на половину Софьи Самойловны и начиненъ всѣми сѣдобными благодатями и между прочимъ узналъ, что героиня моя просто очаровала Софью Самойловну и что она гостила не долго потому, что боялась за свою больную панну Дороту и что Степанъ Осиповичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею, а что она Софья Самойловна ѣдетъ къ ней на вечерній чай и просить меня быть ея кавалеромъ. Отъ этой части я не отказался, и мы, полчаса спустя, отправились въ дорогу.

XI.

Въ тополевой аллеѣ, противъ самой волчьей тропинки, я велѣлъ остановиться и просилъ свою спутницу выйти изъ брички, намѣреваясь провести ее этой волчьей дорогой прямо въ павильонъ, гдѣ предполагалъ я найти хозяйку и ея сѣдого гостя. Предположеніе мое не сбылось, потому что не успѣли мы ступить на тропинку, какъ въ концѣ аллеи къ сторонѣ дома показалась сама хозяйка, сопровождаемая Степаномъ Осиповичемъ и своимъ благовѣрнымъ ротмистромъ. Мы пошли имъ на встрѣчу. Съ непритворной радостью обнялись и поцѣловались новыя знакомки, а самъ хозяинъ съ ловкостью истиннаго гусара отрекомендовался Софьѣ Самойловнѣ и просилъ ее жаловать въ комнаты.

— Удался-ли вамъ сегодня рисунокъ? спросилъ меня лукаво Степанъ Осиповичъ.

— Очень, отвѣчалъ я, стараясь быть серьезнымъ.

— Правду-ли вы говорите? спросилъ онъ, глядя на меня пристально.

— Правду, отвѣчалъ я тѣмъ же тономъ!

— Нельзя ли намъ полюбоваться вашей работой? сказала хозяйка, смѣясь.

— И вы противъ меня, сказалъ я ей, тоже смѣясь.

Довольный Степанъ Осиповичъ пожалъ ей дружески руку и тутъ-же рассказалъ, какъ было дѣло: какъ я измѣнилъ ихъ трой-

ственному союзу во имя прекраснаго искусства и какъ они на обратномъ пути замѣтили меня глубоко преданнаго этому божественному искусству, до того глубоко, что онъ не замѣтилъ, какъ мы у него изъ рукъ портфель украли. Такъ заключилъ свой рассказъ Степанъ Осиповичъ. Рассказъ его возбудилъ всеобщій смѣхъ, въ томъ числѣ и мой.

Мнѣ необходимо было зайти на квартиру, и я не надолго расстался со своими веселыми друзьями. Прохоръ встрѣтилъ меня на лѣстницѣ покачиваніемъ главы, какъ бы говоря: горбатаго могила исправить. Я показалъ видъ, что не замѣчаю его тошкаго и справедливаго упрека. Тутъ же встрѣтилъ меня герой мой съ заявленіемъ, сколько имъ книгъ привезъ Степанъ Осиповичъ. Комната, въ которую онъ меня ввелъ, была его и Трохима квартира и классъ. Корзина съ книгами разной величины и формы стояла на полу, надъ нею, какъ хищный беркутъ, сидѣлъ Трохимъ, погружившись въ изображеніе историческихъ героевъ, въ систематическомъ порядкѣ выведенныхъ на хитрую таблицу по методѣ Язвинскаго.

Я освидѣтельствовалъ дорогой подарокъ и сдѣлалъ приличное случаю наставленіе моимъ пріятелямъ, какъ они должны быть внимательны и благодарны Степану Осиповичу за этотъ истинно драгоценный подарокъ. Окончивши рѣчь съ достоинствомъ оратора, я оставилъ моихъ пріятелей думать о случившемся, а самъ вышелъ на дворъ. На дворѣ уже никого не было. Я пошелъ въ домъ. Пройдя корридоръ и красную комнату и еще корридоръ, я вошелъ въ другой корридоръ и потомъ въ другую залу и палатку, и тутъ только нашелъ нашу компанію за чайнымъ столомъ, потѣшаемую любезнымъ хозяиномъ какимъ-то тривіально-гусарскимъ анекдотомъ. Дверь, ведущая въ корридоръ съ недвусмысленными десятью чуланами, была заставлена столомъ, украшеннымъ разными сладостями и бутылкою какого-то вина, Кто это такъ мило догадался заслонить корридоръ беззаконіа? Во всякомъ случаѣ не хозяинъ. Онъ въ этой гнусной декорациі не видитъ ничего предосудительнаго, иначе онъ бы ее давно уничтожилъ.

Между разнаго содержанія небылицами хозяинъ разсказалъ одну былицу о томъ, съ какимъ триумфомъ былъ встрѣченъ мой проигравшійся родичъ свою неисговою половиной. И когда торжественныя проклятія дошли до самаго бѣшенаго пиччикато, внезап-

но явился въ комнату Иванъ Ивановичъ Бергофъ, точно съ креста снятый: истощенный, измятый, въ какомъ то лакейскомъ чекменѣ выпачканномъ грязью и кровью. Онъ, извольте видѣть, заключилъ хозяинъ поучительную былицу, затесался куда-то въ доброе мѣсто, въ Звенигородку, кажется, къ уральскимъ козакамъ; тѣ его, добра молодца въ одинъ денекъ облудили, какъ липочку, да въ добавокъ поколотили. И по дѣламъ! въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. Трагическій разговоръ былъ ловко замкнутъ поговоркой. Чайное угощеніе смѣнилось конфетнымъ, конфетное ужиномъ, за которымъ любезный хозяинъ чуть-чуть не по гусарски наливался. Кончилось все однакожь, какъ слѣдуетъ, разставаньемъ, поцѣлуями и приличнымъ числомъ: до свиданія.

Проводивъ моихъ старыхъ друзей до брички, пожелавъ имъ счастливой дороги и покойной ночи, я посмотрѣлъ, какъ они утопаютъ во тьмѣ ночной, да и самъ отправился на боковую.

Слѣдующій и нѣсколько послѣдующихъ дней я, какъ порядочный артистъ, провелъ за работой. Результатомъ моего трудолюбія вышелъ акварельный рисунокъ, представляющій мою героиню въ томъ видѣ, какъ я ее подсмотрѣлъ въ павильонѣ, въ кругу своихъ нелицемѣрныхъ подругъ. Рисунокъ вышелъ эффектный и въ отношеніи сходства очень удачный.

Въ особенности хорошъ вышелъ герой мой, невозмутимо вертящій шарманку. Когда я окончилъ и показалъ рисунокъ свой во всеузнаніе, то Курнаговскій десять разъ сряду побожился, что онъ въ жизни свою не видалъ ничего прекраснѣе, художественнѣе, чему я совершенно вѣрю, потому что онъ въ жизнь свою ничего не видѣлъ, кромѣ бутылки и картъ. Но чтобы довершить свое торжество, я прибавилъ и его портретъ въ полутонѣ. Прибавка эта произвела желаемое впечатлѣніе. Курнаговскій пришелъ въ неописанный восторгъ: называлъ меня и другомъ и братомъ, товарищемъ по чувствамъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ тысячу рублей, отъ которыхъ я долженъ былъ отказаться, потому что я дѣлалъ рисунокъ для жены его и безъ всякаго возмездія. Мое безкорыстіе его озадачило: онъ посмотрѣлъ на меня не какъ на товарища по чувствамъ, а какъ на заморскаго звѣря и, посовѣтовавшись съ своимъ экономомъ, предложилъ мнѣ бричку-негодчанку, пару добрыхъ коней и кучера. Отъ по-

слѣдняго я отказался, а прочее съ благодарностью принялъ. У меня давно была мысль обзавестись этою, въ моемъ кочующемъ быту необходимой, мебелью, но все какъ-то не удавалось; а тутъ разомъ удалось и удалось недорого. Прохору удивительно какъ по нутру пришлось мое внезапное пріобрѣтеніе, изъ чего я замѣтилъ, что у него органъ скотолюбія преимущественно развитъ.

— А не пора ли намъ собираться въ походъ? спросилъ я его, обревизовавши въ десятый разъ свое новое добро.

— Если вы въ карты не играете, то не пора, а если играете, то пора, сказалъ онъ, лукаво улыбнувшись.

Я похвалилъ его за остроумное слово, и мы рѣшили завтра же отправиться во свояси, о чемъ было объявлено и гостепріимной хозяйкѣ и хозяину. И такъ какъ эго дѣло было къ вечеру и погода благопріятствовала, то мы рѣшили съобща сдѣлать визитъ Прехтелямъ, а завтра по пути и моимъ милымъ родичамъ, Я велѣлъ Прохору вооружить свою бричку и самому вооружиться. Вооруженіе быстро совершилось, и я поѣхалъ къ Прехтелямъ въ своей собственности.

Когда я объявилъ моимъ старымъ друзьямъ о моемъ крѣпкомъ намѣреніи завтра оставить ихъ, то они приняли это за шутку и даже неумѣстную. Они думали, что я непременно дождуся ихъ милой Маши изъ института, нарисую ея портретъ, да тогда и поѣду себѣ, куда угодно, а если захочу, то и у нихъ могу остаться хоть на всю жизнь.

— А какого бы я изъ васъ сдѣлалъ превосходнаго нѣмца, сказалъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

— У тебя только нѣмцы на умѣ, прервала его Софья Самойловна: тутъ нужно говорить дѣло, прибавила она и задумалась.

— О какомъ же это дѣлѣ ты такъ глубоко призадумалась, моя старая нѣмка? спросилъ ее Степанъ Осиповичъ ласково.

— А вотъ о какомъ, отвѣчала она, улыбнувшись: теперь въ исходѣ май, въ іюнѣ будетъ выпускъ, возьмите и меня съ собою въ Кіевъ, прибавила она, быстро обращаясь ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я, принимая ея слова въ прямомъ смыслѣ. А Степанъ Осиповичъ перекрестилъ ее большимъ крестомъ. На это она улыбулась и посоветовала ему самому перекреститься, что онъ и исполнилъ.

— А теперь что прикажете? спросилъ онъ, вытягивая руки по швамъ.

— Теперь ничего, а завтра готовить бричку и лошади, а послѣ завтра я поѣду въ Кіевъ. Вотъ вамъ и вся недолгая, прибавила она, прищелкнувъ пальцемъ.

Итакъ по желанію Софьи Самойловны я рѣшился отложить до послѣ завтра мою поѣздку, послѣ чего Курнатовскіе и я пожелали старикамъ покойной ночи и поѣхали въ домъ свой.

Слѣдующій день прошелъ въ сборахъ и наставленіяхъ Трохиму, какъ должно вести себя съ чужими людьми. Вечеромъ побывалъ я у моихъ старыхъ друзей, узналъ, какъ и когда именно мы пустимся въ дорогу. Рѣшено было выѣхать изъ дому рано, чтобы обѣдать въ Богуславѣ и на ночь поспѣть въ Потокъ. Порѣшивши эту важную статью, я разстался со стариками.

За ужиномъ у Курнатовскихъ объявилъ я о нашемъ непреклонномъ рѣшеніи, при чемъ героиня моя медленно, сердечно мягко посмотрѣла на меня, а хозяинъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго на прощанье.

Солнце еще покоилось за горизонтомъ, а мы уже были на ногахъ. Прохоръ возился около брички и лошадей; герой мой съ Трохимомъ около чемодана и корзины съ пирожками и прочимъ добромъ, а я ничего не дѣлалъ. Когда все пришло къ концу и Прохоръ торжественно возсѣлъ на козлахъ, тогда я вышелъ на дворъ, перекрестился, и процесія двинулась. За бричкой пошелъ Трохимъ съ моею палкою и съ портфелемъ въ рукахъ, за Трохимомъ послѣдовали мы съ моимъ героемъ, взявшись за руки. Въ такомъ порядкѣ мы прошли дворъ и часть тополевой аллеи; тутъ порядокъ шествія былъ нарушенъ внезапнымъ появленіемъ моей прекрасной Елены. Она, какъ лучезарная денница, явилася предъ нами и освѣтила наше мрачное шествіе. Но этотъ лучезарный свѣтъ исчезъ въ одно мгновеніе: грустно опустила на грудь свою прекрасную головку, она молча пошла между мною и братомъ и, когда бричка выѣхала изъ аллеи, взявъ круто вправо и скрылась за деревьями, тогда она остановилась и, быстро схвативъ мою руку, поднесла ее къ своимъ губамъ. Не успѣлъ я ахнуть, какъ она уже легче газели неслася по аллеѣ къ дому. Я посмотрѣлъ на улыбающагося моего спутника и не зналъ, что сказать на это.

— Она прїѣдетъ съ вами проститься къ Софьѣ Самойловнѣ, проговорилъ онъ простодушно, и мы молча пошли за бричкой.

За селомъ къ нашей процессіи присоединился съ тощей собакой мой старый знакомый царинный дѣдъ. А когда мы усѣлись въ бричку, то Прохоръ, прощаясь съ своимъ ровесникомъ, сказалъ ему:

— Зроби-жь!

— Добре! отвѣчалъ тогъ, и наша бричка покатила по дорогѣ. Молчаніе царило надъ нами до самаго хутора.

На хуторѣ Телемонъ и Бавкида хлопотали уже около своего ковчега, т. е. около дорожной брички или правильнѣе крытаго фургона. Бѣлолицая Параска выносила изъ хаты ворочки, узелки, корзинки, ящички и все это передавала Степану Осиповичу, а онъ, тщательно осмотрѣвши предлагаемую вещь, передавалъ ее бережно Софьѣ Самойловнѣ, а та, осмотрѣвши вещь также тщательно, укладывала на свое мѣсто.

— Богъ помочь! сказалъ я, подходя къ бричкѣ.

— Гутъ моргенъ! отвѣчалъ мнѣ Степанъ Осиповичъ, улыбаясь.

Въ это время были вынесены подушки и огромныя перины, а когда и это добро было всунуто въ ковчегъ, Степанъ Осиповичъ снялъ свою бѣлую фуражку, перекрестился и сказалъ: слава Тебѣ Господи!

— А коверъ, душко, и забыли, сказала Софья Самойловна, выглядывая изъ фургона.

Вынесенъ былъ и коверъ.

— Теперь все, душко? сказалъ Степанъ Осиповичъ.

— Все! отвѣчала Софья Самойловна.

— Еще разъ слава Тебѣ Господи! и... старикъ еще что-то хотѣлъ сказать, но не успѣлъ: въ это время къ намъ подходили Курнатовскіе, оставивъ свой экипажъ за воротами.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и любызаній былъ осмотрѣнъ всѣмъ комитетомъ ковчегъ. Послѣ удовлетворительнаго осмотра, хозяйка предложила кофе и легенькій фриштикъ, состоящій изъ жареной индѣйки, дюжины цыплятъ и тому подобной овощи. Во время завтрака Степанъ Осиповичъ просилъ моего героя и его профессора быть его постоянными гостями до прїѣзда молодой хозяйки. Тогда Софья Самойловна обращалась къ нимъ съ просьбою, чтобы поберегли ея стараго нѣмца, а бѣлолицой Параскѣ крѣпко на крѣпко

наказала, чтобы гости безъ нея не голодали, а иначе она обѣщала привезти ей изъ Кіева дулю, а не гостинецъ.

— Ты знаешь, какой онъ у насъ? прибавила она, показывая на Степана Осиповича.— По немъ хоть волкъ траву ѣшь, ему все равно, ему былъ бы только флейшъ, а другіе хоть съ голоду умри, онъ и не подумаетъ о другихъ. Я уже, продолжала она, обращаясь къ гостямъ, немного приучила его къ рыбному, а прежде ни среды, ни пятницы не зналъ: настоящей *tata*..., да на этомъ *tata* и остановилась, ласково посмотрѣвъ на своего улыбающагося Телемона, какъ бы прося прощенія за такое не христіанское сравненіе.

Послѣ кофе и такъ называемаго легкаго завтрака, мы помолились Богу, на минутку присѣли по принятому обычаю и, помолясь еще разъ, пошли по своимъ мѣстамъ. Курнаговскіе вызвались насъ провожать до Шендеривки, чему я былъ очень радъ. Курнаговскій, какъ истинный кавалеристъ, поѣхалъ верхомъ, а я занялъ его мѣсто въ коляскѣ возлѣ моей прекрасной Елены.

До самаго мѣста разставанья прекрасная Елена ничего не говорила. Я тоже молчалъ. Мы были очень похожи на жениха и невесту, ѣдущихъ къ вѣнцу по волѣ родителей.

Сцена разставанья наконецъ настала. Героиня моя молча пожала мнѣ руку и едва внятно проговорила: благодарю васъ за брата. Ротмистръ, не слѣзая съ лошади, тоже пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за какое-то одолженіе, а Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку, просилъ поберечь его добрую старую вѣмку. На томъ и разстались.

XII.

Герой мой не такъ простъ, какъ я его воображалъ себѣ. Онъ смекнулъ дѣломъ, что предполагаемый нами ночлегъ въ Потокѣ состояться не можетъ по причинѣ такъ называемаго легкаго завтрака и вообще разставанья. Основываясь на этихъ данныхъ, онъ незамѣтнымъ образомъ обогналъ насъ и, не останавливаясь въ Шендеривкѣ, пустился далѣе въ Богуславъ съ мыслью, которая сдѣлала бы честь любому леопарду, съ мыслью приготовить квартиру для Софьи Самойловны. Каковъ матросъ! Солнце уже опускалось за горизонтъ, когда онъ съ профессоромъ своимъ встрѣтилъ насъ по сю сторону Роси и проводилъ на приготовленную квартиру. Софью

Самойловну до слезъ тронула эта неожиданная любезность. Герой мой въ глазахъ Софья Самойловны всегда былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, а теперь сдѣлался и человѣкомъ свѣтскимъ: въ глазахъ женщины это вѣнецъ всѣмъ добродѣтелямъ. Все бы хорошо, только вотъ что случилось: едва успѣла Софья Самойловна показаться на улицѣ передъ своей квартирой, какъ ее окружила густая грязная толпа самыхъ отчаянныхъ факторовъ и почти на рукахъ внесли ее въ комнату. Бѣдная до того растерялась отъ этой новой печальности, что не могла выговорить слова и только отмахивалась носовымъ платкомъ, какъ отъ мухъ, отъ услужливыхъ христопродавцевъ. Но эта кроткая мѣра ни къ чему не повела: они и не думали отступать. Тогда она схватила въ обѣ руки свой огромный ридикюль и начала прокладывать себѣ дорогу обратно къ своему мирному ковчегу. Я вступилъ въ дѣло и съ помощью севастопольскаго защитника разсѣялъ толпу израильтянъ и уговорилъ Софью Самойловну возвратиться въ комнату, а на случай внезапнаго нападенія поставилъ на часахъ у дверей неусыпнаго Трохима.

На другой день рано по утру, напившись вмѣстѣ чаю, я окончательно простился съ моимъ доблестнымъ героемъ и съ моимъ бывшимъ сподвижникомъ и вѣрнымъ слугою.

Изъ Богуслава черезъ Расаву и Штокъ мы на другой день благополучно пріѣхали въ Триполье, а изъ Триполья по надъ Днѣпромъ дремучимъ боромъ на другой день пріѣхали въ Кіевъ, тоже благополучно. Можно было бы въ три дня совершить этотъ путь, но мы, какъ добрые хозяева, щадили скотину и, какъ люди неравнодушные къ прелестямъ природы, останавливались попасать у ручейка или на широкомъ лугѣ у Днѣпра, нечаянно врѣзавшемся въ дремучій лѣсъ. И пока Софья Самойловна съ Прохоромъ хлопотала около кофейника, я рисовалъ сосну или березу, а лошади задумчиво траву щипали да хвостами помахивали. Словомъ, мы путешествовали, какъ слѣдуетъ путешествовать и всѣмъ порядочнымъ людямъ. На послѣднемъ попасѣ или привалѣ я рисовалъ группу сосенъ и для масштаба пасующуюся лошадь. Софья Самойловна варила кофе и какъ-то нечаянно заговорила съ Прохоромъ о паннѣ Доротѣ и о старомъ Курнатовскомъ. Я приготовилъ уши, а карандашъ только такъ для плезиру держалъ въ рукѣ и въ продолженіи получаса узналъ всю отвратительную подноготную сѣдаго

сластолюбца и трогательно жалкую исторію бѣдной панны Дороты, исторію къ несчастію обыкновенную даже въ наше время.

Въ своемъ мѣстѣ я сообщу моимъ терпѣливымъ читателямъ эту глубоко грустную и поучительную исторію и, если умудрюсь, словами самого Прохора, а теперь поведу рѣчь о пребываніи Софьи Самойловны въ Кіевѣ.

Квартира у меня въ Кіевѣ была какъ разъ противъ института, не на Крещатикѣ, а на горѣ. Я предложилъ ее Софьѣ Самойловнѣ, а самъ поселился на время въ трактирѣ, не на водахъ, а на Крещатикѣ, въ домѣ архитектора Беретти. Въ тотъ же день съ помощію добрыхъ людей представилъ я моей спутницѣ опрятную скромную и расторопную хохлячку Марину, которая вполнѣ ей замѣнила бѣлолицую Параску. Устроивши все, какъ слѣдуетъ, мы держали совѣтъ, посѣщать-ли Машу въ институтѣ, или переждать экзамены и явиться прямо на актъ. Какъ благоразумная и нѣжная мать, она отказала себѣ въ радости поцѣловать единое дитя свое прежде экзамена, чтобы не развлечь и не повредить ему въ день испытанія. Въ ожиданіи этого блаженнаго дня, я развлекалъ мою гостью, какъ могъ и какъ умѣлъ: потчивалъ ее прогулками по церквамъ и монастырямъ, возилъ раза два въ Кинь-грусть; уже было началъ посвящать ее въ таинства кіевскихъ древностей, какъ слухъ пронесся о выпускномъ актѣ и балѣ въ институтѣ, на которомъ покажутъ себя публично будущіе пантеры и львицы.

Не помню, почему я не могъ сопровождать мою гостью на это высокое торжество и видѣть ея красавицу Машу въ критическія минуты испытанія.

На другой день уже увидѣлъ я ее въ объятіяхъ счастливой рыдающей матери. Это была юная и стройная, какъ лѣторосль тополи, гибкая, прекрасная брюнетка, съ блѣднымъ матовымъ лицомъ и съ большими умными черными глазами. Черезъ полчаса мы уже были свои люди и къ неопisanному восторгу матери пѣли въ два голоса малороссійскую пѣсню:

Зійшла зоря зъ вечера,
не назорилася,
Прийшовъ милый зъ походу,
Я не надивилася.

Она превосходно владѣла своимъ баритономъ, который сначала показался мнѣ грубымъ для ея возраста. Я тутъ же окрестилъ ее знаменитымъ именемъ Альбони. Прошло еще полчаса, и мы уже другъ друга обожали. Она мнѣ, какъ обожаемому и обожателю, рассказала, разумѣется по секрету, кого изъ учителей всѣ дѣвицы обожали, а кого только нѣкоторые, и котораго какъ онѣ называли, напимѣръ Ф., учителя минералогіи, онѣ называли купчикомъ, за то, что онѣ на лекцію приходилъ всегда съ ящичкомъ, а инспектора И.,— такъ заключила она свою дѣтскую исповѣдь,—ни одна дѣвица не обожала, потому что у него глаза кошачьи.

Наговорившись по секрету о предметахъ первой важности, я рассказалъ ей, тоже по секрету, исторію про моего героя и про его очаровательную сестру.

Внимательно она выслушала мою повѣсть и, чего я не чаялъ отъ ея возраста, глубоко задумалась. Я тоже призадумался и, глядя на нее, самъ себя спрашивалъ, не сочиняетъ-ли она теперь поэму на эту возвышенную тему, какъ я сочинялъ. А почему же и не такъ? Ея непорочной душѣ эго доступнѣе, нежели записному поэту.

— Какой прекрасный! какой благородный братъ! проговорила она, едва удерживая слезы.—Мамо! сказала она, обращаясь къ матери, а когда мы домой поѣдемъ?

— А какъ отговѣмся, мое сердце, такъ тогда и поѣдемъ, отвѣчала Софья Самойловна, цѣлуя свое задумчивое дитя.—Что ты такая невеселая, пташечко моя, рыбка моя красноперая? За папою скучаешь? Не скучай, мое серденько, скоро, скоро увидишь.

На ласки матери она задумчиво вздохнула.

— Что вы съ нею сдѣлали? спросила меня Софья Самойловна.

— Они рассказали мнѣ исторію про матроса.

— Про нашего сосѣда? Про Осипа Федоровича? прервала ее догадливая Софья Самойловна, и вдохновленная свыше она повторила мой рассказъ съ такимъ душевнымъ краснорѣчіемъ, что я слушалъ ее, какъ бы никогда не зналъ о слушившемся происшествіи. Она открыла въ моемъ героѣ такія романическія прелести, какихъ я и не подозрѣвалъ. Напимѣръ мнѣ и въ голову не приходило, что мой герой владѣетъ даромъ слова, а по словамъ Софьи Самойловна онѣ настоящій Златоустъ.

Разсказъ про обожаемаго матроса и его прекрасную сестру повторялся каждый день съ новыми вариациями. Я начиналъ бояться, чтобы герой мой отъ частыхъ повтореній не опошлѣлъ въ воображеніи его пламенной обожательницы. Опасенія мои были напрасны. Въ послѣднюю ночь передъ выѣздомъ изъ Кіева она уже его видѣла во снѣ прекраснымъ, очаровательнымъ.

Благочестивыя мои пріятельницы отслужили молебень Варварѣ великомученицѣ и въ одно прекрасное утро закупорились въ свой ковчегъ и пустились во свояси. Я проводилъ ихъ до самаго того мѣста, гдѣ я рисовалъ группу старыхъ сосенъ и слушалъ трогательный разсказъ Прохора про панну Дороту и про стараго грѣшника Курнатовскаго. На прощанье просила меня Софья Самойловна принскать для Машеньки фортепіано и до зимы прислать имъ на хуторъ, что я не замедлилъ исполнить, какъ нельзя удачнѣе.

Въ Кіевѣ мнѣ не сидѣлось, и я, посоветовавшись съ Прохоромъ, въ одно прекрасное утро оставилъ его вмѣстѣ съ Прохоромъ.

Завидное, очаровательное положеніе въ свѣтѣ человѣка ни отъ кого независимаго: ѣдешь себѣ, куда вздумается, въ собственной бричкѣ и на собственныхъ лошадяхъ; остановишься, гдѣ захочется, нарисуешь, что тебѣ понравится и ѣдешь далѣе. Волшебное состояніе! И сколько есть этихъ независимыхъ счастливецевъ въ свѣтѣ, которые и не подозрѣваютъ своей независимости. Бѣднѣ жалкіе рабы ничтожно узенькихъ страстишекъ и тонко обдуманыхъ потребностей!

Измѣривши вдоль и поперекъ Воынь и Подолію и дождавшись въ Житомирѣ осенней грязи, мы возвратились благополучно въ Кіевъ.

Изъ Житомира послалъ я пачку огородныхъ и садовыхъ сѣменъ Степану Осиповичу, собранныхъ мною у воынскихъ и подольскихъ агрономовъ, а юнымъ прекраснымъ друзьямъ моимъ тетрадку малороссійскихъ пѣсенъ, записанныхъ мною отъ подолянъ и воынянъ. И по возвращеніи въ Кіевъ, недѣли двѣ спустя, я получилъ отъ Степана Осиповича письмо такого содержанія:

Любезный и незабвенный земляче!

Съ самаго начала не удивляйтесь, что я васъ называю землякомъ своимъ. Я самъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что я настоящій

дейчь, а вышло, что я такой же нѣмецъ, какъ и вы, т. е. настоящій хохоль. И знаете, кому я обязанъ этимъ открытіемъ? Съ самаго начала вамъ, т. е. вашему фортепіано и тетрадикъ хохлацкихъ пѣсень; погомъ моей Машѣ и вашей пріятельницѣ Курнаатовской; да и старуха моя туда же. Но минуто терпѣнія, я вамъ расскажу все по порядку. Съ перваго свиданія Маша моя влюбилась въ вашу пріятельницу до обожанія, какъ она сама выразилась. Мы съ Соничкой чрезвычайно обрадовались ихъ сближенію. Проходитъ недѣля, другая, новые друзья неразлучны, какъ Касторъ и Поллуксъ. Только замѣчаетъ сначала Соничка, а потомъ и я, что неразлучные друзья украдкою отъ насъ какую то книгу читаютъ. Намъ это не понравилось. Я сталъ внимательнѣе слѣдить за поведеніемъ неразлучныхъ друзей, да въ одно прекрасное утро и накрылъ пріятелей подъ липою въ саду.—Какую эту ты книгу въ карманъ спрятала? спрашиваю я свою.—Не покажу, говоритъ она. Настоящая хохлачка! А пріятельница ваша такъ и вспыхнула. Я сдѣлалъ около своей искусный вольтъ да и выхватилъ изъ кармана книгу. Вообразите же себѣ мое изумленіе, вмѣсто пошлаго романа у меня въ рукахъ была нѣмецкая грамматика. Дурочки! говорю я имъ, зачѣмъ же вы прячитесь съ этимъ добромъ?—Гелена, говоритъ моя хохлачка, хотѣла вамъ сюрпризъ сдѣлать, нечаянно заговоривъ съ вами по-нѣмецки. Каковы проказницы! Потомъ моя повисла мнѣ на шею да и просить, чтобы я училъ ее по французски. Я, разумѣется, охотно взялся за это святое дѣло, и тѣмъ болѣе охотно, что я, старый дуракъ, вообразилъ себя окруженнаго нѣмками съ Шиллеромъ въ рукахъ. А какія удивительныя способности у вашей пріятельницы? Фортепіано все дѣло испортило, т. е. не все, нѣмецкій и французскій языкъ идетъ своимъ порядкомъ, да я то сильно одураченъ. Вмѣсто чтенія Шиллера и Гете пою подъ фортепіано хохлацкія пѣсни, да еще и ногою пригонтываю. Вотъ что сдѣлали изъ меня ваши хохлачки! Я попробовалъ ключъ прятать отъ инструмента и задать большіе уроки,—ничего не помогло. Черезъ полчаса урокъ готовъ и по уговору инструментъ долженъ быть открытъ. Такъ вотъ какого рода обстоятельства! А ротмистра Курнаатовскаго вы теперь не узнаете. Настоящій барашекъ. Выписываетъ изъ Петербурга рояль для своей обожаемой Гелены. А вы пришлите для меня еще тетрадку хохлацкихъ пѣсень да, если можно, и съ нотами. На

праздники приѣдутъ къ намъ погостить герой вашъ и его ученый профессоръ. Приѣзжайте-ка и вы съ Прохоромъ, а пока цѣлуютъ васъ ваши хохлачки, а мои будущія нѣмки и я. Прощайте! Благодарю за житомирскую присылку.

P. S. Панна Дорота увѣ! не выдержала, бѣдная, окончательно помѣшалась. И, Боже, какая она жалкая! Я въ жизнь мою не видалъ такого жалкаго субъекта. Помѣшательство ея тихое, спокойное и тѣмъ грустнѣе и безнадежнѣе. Ядъ этотъ медленно съ самой ранней юности проникъ въ ея нѣжную организацію, въ ея кроткую непорочную душу. И Богу извѣстно, когда кончится это горькое существованіе. Она можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ: въ исторіи душевныхъ болѣзней эги примѣры не рѣдки. Каковъ долженъ быть человекъ, рѣшившійся очумить душу въ то самое время, когда она только что начинала сознавать прелесть и очарованіе жизни! Ужасное и безнаказанное преступленіе!

Но я заболтался съ вами. Дѣти кончили уроки и требуютъ ключъ отъ инструмента,—пойду! Не забывайте вашего стараго земляка и моихъ будущихъ нѣмокъ. Еще разъ прощайте!

И такъ далѣе...

Я имѣю благодарную привычку отвѣчать сейчасъ же на полученное письмо. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ извѣстій, какія бы они не были, какъ то легче пишется: не чувствуешь работы, не замѣчаешь того томительнаго труда, который сопряженъ съ отвѣтомъ запоздалымъ, гдѣ необходимо извиняться, а нерѣдко и врать, а это мнѣ пуще ножа стараго. Самая невинная ложъ въ моихъ глазахъ уголовное преступленіе. Я началъ письмо мое такъ.

Многоуважаемый мой друже и новый мой землякъ!

Не успѣлъ я поставить знакъ восклицанія, какъ вошелъ въ комнату Прохоръ и сказалъ, что сегодня погода такая прекрасная, что грѣшно было бы сидѣть дома и смотрѣть въ окно на улицу, и тѣмъ болѣе, что у насъ, слава Богу, все есть свое для ѣзды.

— Ты дѣло говоришь, Прохоре, сказалъ я ему и началъ придумывать, куда бы этакъ махнуть подальше. А въ ожиданіи доброй мысли я прочиталъ ему письмо Степана Осиповича, на что онъ весьма основательно замѣтилъ, что все хорошо написано, а одно такъ и совсѣмъ не написано.

— А чего же, по твоему, тутъ недостаетъ? спросилъ я его.

— А по моему недостаетъ тутъ Осипа Федоровича да Трохима Сидоровича.

— Правда твоя! Я напишу ему объ этомъ, а пока иди да приговляйся въ дорогу.

Прохоръ вышелъ, а я занялся вопросомъ, почему мнѣ старый нѣмецъ ничего не пишетъ о моемъ героѣ и его учителѣ. Сказаль только, что они прїѣдутъ къ нимъ на праздники въ гости, а откуда они прїѣдутъ, ничего неизвѣстно. Странно! предположеніямъ моимъ и конца бы не было, если бы Прохоръ не постучалъ въ окно и не сказалъ, что онъ готовъ хоть на край свѣта.

ХІІІ.

Я по природѣ моей принадлежу къ категоріи людей разсѣянныхъ и отчасти нерѣшительныхъ. Эти, можно сказать, невинные недостатки нерѣдко ставили меня въ смѣшное, а иногда и въ непріятное положеніе. Теперь, на примѣръ, совершенно невинно я постригъ себя въ такіе дурни, что хоть на выставку, такъ въ пору. Поѣхали мы съ Прохоромъ въ Бровары: ну, и довольно, воротиться бы назадъ, написать письмо Прехтелю, и дѣло въ шляпѣ. Нѣтъ, нужно было проѣхать въ Оглавъ да завернуть въ Барышевку навѣстити стараго прокурора бориспольца. Очень нужно. А между тѣмъ прошелъ мѣсяць, а письмо не написано. Хорошо еще, что я догадался послать ноты, книги и еще тетрадку малороссійскихъ пѣсень. А то бы мои добрые хуторяне могли подумать, что я уже на лонѣ Авраамлѣ. Мало того, что не хорошо,—безсовѣстно. Прекрасная мысль! и какъ разъ пришла въ мою коллекцію: не писать до весны, а весной вдругъ какъ съ облаковъ свалиться. А каковъ будетъ эффектъ? А послѣ эффекта все таки прїдется извиняться, врать и краснѣть. Лучше теперь же напишу, пускай, что хотятъ, думаютъ, а я покрайней мѣрѣ очищу совѣсть; нужно только написать такъ, чтобы видна была правда, но правда опоэтизированная.

Для этого я началъ письмо слѣдующимъ эпитафюмъ:

Какъ въ наши лучшіе годы,
Мы пролетаемъ безъ участья,
Помимо истиннаго счастья,

Мы молоды; душа горда,
 Какъ въ насъ запосчивости много!
 Предъ нами свѣтлая дорога;
 Проходятъ лучшіе года.

Да вмѣсто одного куплета выписаль все стихотвореніе, да въ этомъ же тонѣ и письмо нахваталь. Эффектъ былъ необыкновенный. Подъ стихами забыль я написать: *Б. Курочкинъ* и пріятельницы мои не задумались влѣпить меня въ пантеонъ міровыхъ поэтовъ. Вотъ какіе могутъ быть послѣдствія такъ называемой невинной разсѣянности! Безъ всякаго намѣренія можно попасть въ самозванцы; я отдѣлался только тѣмъ, что послалъ моимъ хуторянамъ декабрьскую книжку Библиотеки для чтенія за 1856 годъ, и послѣ такого аргумента они разочаровались во мнѣ только въ половину. Въ ихъ понятіяхъ я все таки остался великимъ поэтомъ за то только, что сообщилъ имъ это гениальное стихотвореніе.

Зима съ контрастами и прочими радостями не видимо мелькнула передо мною. Передъ лицомъ мартовскаго солнца сконфузился и почернѣлъ бѣлый снѣгъ. Ручьи весело зашевелились въ горахъ и побѣжали къ своему пращуру Днѣпру Бѣлогруду сказать о приближеніи праздника богини Яры. Съ любовью принялъ лепечущихъ крошекъ старый Бѣлогрудъ и распахнулъ свою синеполую ризу чуть чуть не по самые Бровары.

Рязанова трактиръ, какъ голова утопленника, показывается изъ воды, а гигантъ мостъ, какъ морское чудовище, растянулся поперекъ Днѣпра и показываетъ изумленному человѣку свой темный хребетъ изъ блестящей пучины. Прекрасная, величественная картина! Не говорю, весна! Одинъ запахъ весны меня способенъ вывести въ поле не только изъ Кіева, изъ самаго Парижа, что я и доказаль въ прошломъ году моей черепашьей прогулкой по неисходимой грязи.

Но я годомъ постарѣлъ, сдѣлался хладнокровнѣе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а все таки трудно было мнѣ выговорить роковое слово: не поѣду!—т. е. пока грязь не уgomонится. Я однакожь сказаль это роковое слово, а ужъ если я что однажды сказаль, такъ это все равно, что напечаталь: никакая земная сила не заставитъ меня перемѣнить однажды принятое намѣреніе. Этѣмъ я безъ хвастства могу похвалиться.

Сижу я, скрѣпя сердце, въ Кіевѣ, а седьмое апрѣля, день Пасхи, такъ сказать, на носу висить, а грязь, какъ нарочно, жиже и жиже растворяется. Дождь за дождемъ такъ и льется. Все противъ меня—и небо и земля! Посмотримъ, кто кого пересилить? И я навѣрное переупрямилъ бы и небо и землю, да случилось вотъ что. Въ самое Лазарево воскресенье получаю я письмо отъ новаго земляка моего Прехтеля, письмо самого курьезнаго содержанія. Оно то и покелебало мою энергическую или, лучше сказать, хохлацкую натуру. А чтобы недовѣрчивые читатели не сказали, что я хвостомъ верчу, то, какъ доказательство моей непорочности, прилагаю при семъ письмо много-уважаемаго мною Степана Осиповича Прехтеля, чтобы они сами могли разсудить, основательно ли я поступилъ въ этомъ необыкновенномъ случаѣ.

Вселюбезнѣйшій земляче!

Начать съ того, что вы эгоистъ, и самый закоренѣлый, холодный эгоистъ. Хотя простодушныя нѣмки мои и увѣряютъ меня, что вы только лѣнтяй и, слѣдовательно, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ-художниковъ (неправда ли, наивное понятие!), по меня стараго воробья на мякинѣ не проведешь. Видаль я вапу братью великихъ чудотворцевъ! Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ дѣло. Всѣ мы, начиная съ вашей пріятельницы Гелены, глаза проглядѣли, дожидаячи васъ къ себѣ на праздникахъ, а вы!.. Ну, не эгоистъ ли вы послѣ всего этого? А какъ у насъ было весело—чудо! Героя вашего и его достойнаго профессора вы бы не узнали: элеганты, перваго сорта элеганты! Маша моя... ну, да Богъ съ нею! Мнѣ нуженъ человекъ, а не мишурная тряпка. А герой вашъ... но объ этомъ послѣ. Жаль, что вы не пріѣхали. Васъ только и не доставало для полной хохлацкой асамблеи. Пріѣзжайте же къ Пасхѣ, непременно пріѣзжайте. Вы у насъ увидите большія перемѣны. Соничка моя помолодѣла и похорошѣла, я тоже. Маша и ея другъ Гелена сдѣлались настоящими нѣмками, и я думаю къ пріѣзду вашему открыть нѣмецкіе литературные вечера, если только вы не привезете новыхъ хохлацкихъ пѣсень. Ротмистра Курнатовскаго вы совсѣмъ не узнаете—прелестъ мужикъ! Кузину вапу называетъ бездушной куклой, а ея благовѣрнаго сожителя осломъ въ гусарскомъ вицмундирѣ. Панну Дороту вы совсѣмъ не увидите, и ска-

жите, слава Богу: она недавно умерла. Приѣзжайте, я вамъ сообщу интересныя данныя для ея печально поучительной біографіи. А теперь, чтобы болѣе заинтересовать васъ, скажу, что она была родною матерью ротмистра Курнатовскаго. Прощайте. Цѣлуютъ васъ мои нѣмки и я.

Р. С. Болталъ болталъ, а главнаго не сказалъ; не сказалъ, что Курнатовскій изъ гусара дѣлается человѣкомъ. Вотъ вамъ доказательство: онъ ломаетъ отцовское жилище, не играетъ въ карты, не пьетъ и вашего бывшего слугу Трохима воспитываетъ на свой счетъ въ Бѣлоцерковской гимназіи. Какъ обстановка измѣняетъ человѣка! Съ прошлой осени герой вашъ и его гимназистъ-профессоръ живутъ въ Бѣлой Церкви и учатся. Статью эту, правду сказать, я обдѣлалъ съ помощью вашей прекрасной Елены. Да это все равно, кто-бы не дѣлалъ, лишь бы хорошо. И вамъ будетъ большой грѣхъ, если вы не приѣдете къ намъ на праздникъ, хотя бы для того только, чтобы взглянуть на своего Трохима-гимназиста и на храбраго защитника Севастополя, на моего будущаго... да что тутъ за секретъ, на моего будущаго зятя.

Прохоре! Прохоре! закричалъ я, выбѣгая въ переднюю.

Съ псалтыремъ въ рукахъ явился Прохоръ.

— Ыдемъ, собирайся! сегодня ѣдемъ! сказалъ я ему скороговоркой. На это онъ равнодушно произнесъ: добре! и пошелъ собираться въ дорогу.

Н. Дармограй.

1858 г., февраля.

Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II.

(Историческая справка по документамъ архива департамента герольдіи).

Въ 1576 году, польскій король Стефанъ Баторій, одновременно съ раздѣленіемъ Малороссіи на полки, даровалъ гетману запорожскому, вмѣстѣ съ другими знаками гетманскаго достоинства, и печать «съ гербомъ, означающимъ на оной стоящаго козака, держащаго на плечѣ ружье, на головѣ скривленная высокая шапка, а у бока висящій пороховой рогъ». (См. прилож. № 1-я).

Печать эта оставалась въ употребленіи и по воссоединеніи Малороссіи съ Московскимъ государствомъ, въ 1654 году, до самаго упраздненія гетманства въ 1764 году.

16 мая 1722 года, Петръ Великій повелѣлъ учредить въ Глуховѣ, при гетманѣ Скоропадскомъ, малороссійскую коллегію; а 1-го іюня того же года, правительствующій сенатъ опредѣлилъ, для сего новаго учрежденія, «учинить особливую печать противъ другихъ коллегій, съ надписаніемъ такимъ: *печать коллегіи Малой Россіи*». (Прилож. № 2-я).

Маллороссійская коллегія была открыта бригадиромъ Степаномъ Лукичемъ Вельяминовымъ (ея первымъ президентомъ) 20 іюля 1722 года, уже послѣ кончины гетмана Скоропадскаго, послѣдовавшей 3 числа того же іюля.

Лишь въ царствованіе императора Петра II-го, 9 го сентября 1728 года, Малороссія опять получила гетмана, въ лицѣ Данила Апостола. При немъ, кромѣ малороссійской коллегіи, состояли еще «великороссійскія знатныя особы» съ такъ называемою министерскою канцелярією, которая также имѣла свою особую печать. (Прилож. № 3-я).

Послѣ кончины Данила Апостола (17 января 1734 г.), гетманскій постъ оставался незамѣщеннымъ до 5-го іюня 1750 года. т. е. до высочайшаго утвержденія въ санѣ гетмана Малороссіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Въ томъ же году печати малороссійской коллегіи и министерской канцеляріи, вмѣстѣ съ дѣлами послѣдней, сданы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. а оттуда, по перенесеніи малороссійскихъ дѣлъ въ правительствующій сенатъ. переданы для храненія въ сенатскій архивъ. Гетманъ Разумовскій все время употреблялъ вышеизображенную старую запорожскую печать.

Въ 1764 г. императрица Екатерина II окончательно упразднила гетманство и въ Малороссію назначила генераль-губернаторомъ извѣстнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи графа Петра Александровича Румянцева.

Въ 1765 году графъ Румянцевъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее:

«Въ малороссійской коллегіи иногда нужда бываетъ подъ титуломъ вашего императорскаго величества давать універсалы и другія повелѣнія, а печать употребляется и по нынѣ запорожская».

«По высочайшемъ вашего императорскаго величества учрежденіи правительства, въ сей землѣ главнаго, въ коллегіи печать бывшая козацкая вовсе не приличествуетъ; а какъ здѣсь въ Малой Россіи пять княженіевъ считаются, а именно: кievское, переясловское, стародубовское, сѣверское и черниговское, то я, по худому однако искусству въ геральдикѣ. осмѣливаюсь вашему императорскому величеству представить два абриса на апробацію: одинъ съ держателями малороссійцами съ бунчукомъ, а другой просто подъ короною императорскою и епанчею, щиты-жъ подъ великокняжеской (короной)». (Прилож. №№ 4 и 5).

«Подъ номеромъ первымъ¹⁾ по всей Малой Россіи двоголовой черной орелъ въ золотомъ полѣ, въ грудяхъ вензелевое имя вашего императорскаго величества имѣющей; подъ номеромъ вторымъ, по княженію кievскому, серебряной ангелъ въ голубомъ полѣ; подъ номеромъ третьимъ, по переясловскому, серебряная башня въ красномъ полѣ; подъ номеромъ четвертымъ, по стародубовскому,

¹⁾ См. второй абрисъ.

зеленый дубъ въ красномъ полѣ; подъ номеромъ пятымъ, по сѣверскому, золотая стѣна въ красномъ полѣ; подъ номеромъ шестымъ, по черниговскому, единоголовый орелъ въ голубомъ полѣ».

Императрица Екатерина, именнымъ указомъ, отъ 9-го іюля 1765 года, повелѣла правительствующему сенату: «представленіе генераль-аншефа, малороссійскаго генераль-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати разсмотрѣть и представить съ мнѣніемъ». Въ тотъ же день сенатъ опредѣлялъ: «какъ оное есть герольдическое дѣло, для того отдать къ производству въ герольдмейстерскую контору».

Герольдмейстерская контора нашла, что, хотя при донесеніи ея императорскому величеству отъ генераль-аншефа, малороссійскаго генераль-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати и приложены два примѣрные рисунка, на которыхъ означены гербы пяти княженій, Малую Россію составляющихъ, а въ срединѣ оныхъ россійскій государственный гербъ, но какъ оному въ той малороссійскоѣ печати по правиламъ герольдическимъ приличіе быть главнымъ изображеніемъ, нежели поставленнымъ въ срединѣ княжескихъ гербовъ и составлять будто бы нѣкоторую часть или княженіе Малая Россія, то по сей причинѣ въ герольдмейстерской конторѣ сочиненъ рисунокъ, въ коемъ оное расположеніе герба перемѣнено и государственный гербъ поставленъ главнымъ изображеніемъ малороссійской печати. Прочихъ же пяти княженій гербы расположены надлежащимъ порядкомъ и въ приличныхъ имъ поляхъ». (Прилож. № 6).

Рисунокъ этотъ представленъ былъ императрицѣ Екатеринѣ при всеподданнѣйшемъ докладѣ сената, въ коемъ изложено было прописанное заключеніе герольдмейстерской конторы, и въ 24-й день февраля 1766 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: «малороссійской коллегіи печать употреблять по изображенному рисунку».

А. Барсуковъ.

Къ вопросу о колонизационномъ значеніи монастырей въ слободской Украинѣ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ все пространство южнѣе Оки и Тихой Сосны представляло обширную дѣвственную равнину, почти никѣмъ не заселенную. Днѣпровскія, донскія и волжскія степи сливались въ сплошное «дикое поле», «татарское приволье». Русскіе князья еще въ XII вѣки пыгались имѣть на окраинахъ «дикаго поля» постоянныя сторожи, чтобы слѣдить за движеніемъ кочевыхъ хищниковъ, но послѣ татарскаго погрома, когда границы пустынныхъ степей расширились далеко на всѣ стороны, всякая постоянная сторожа въ нихъ на долго прекращается. Только въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка сторожевой вопросъ вновь всплываетъ въ средѣ московскихъ правителей. Къ этому времени относятся первыя извѣстія о поселеніяхъ въ «дикомъ полѣ» и въ числѣ ихъ, правда, очень немногихъ, упоминается Бѣлгородъ. Былъ ли этотъ послѣдній возобновленъ или вновь построенъ—это вопросъ темный, но во всякомъ случаѣ въ началѣ XVI вѣка онъ одиноко стоитъ въ пустынномъ, почти необитаемомъ краѣ. Первые поселенцы «дикаго поля» знали, разумѣется, что каждую минуту они могутъ подвергнуться риску нападенія то со стороны татаръ, то со стороны различной вольницы, что ихъ жизнь и жизнь семьи въ страшной опасности, что изъ зажиточныхъ людей они, если уцѣлѣютъ, легко могутъ сдѣлаться нищими. Поэтому нельзя не видѣть въ нихъ тѣхъ именно типичныхъ піонеровъ края, крѣпкихъ духомъ и мужествомъ, которые создали новую область государству и тѣмъ способствовали его величію. Приливъ этихъ переселенцевъ увеличивается съ половины XVI вѣка, когда усилившееся московское княжество начинаетъ заботиться о своихъ окраинахъ. Съ 1571 г. сторожи въ «дикомъ

полѣ» образуютъ уже цѣлую линію постовъ на протяженіи всей московской окраины. Назначенный въ этомъ году Іоанномъ IV начальникъ сторожевой службы князь Воротынскій началъ съ того, что изслѣдовалъ состояніе сторожи до 1571 г. Оказалось, что уже лѣтъ пятнадцать, какъ передовыя сторожи образовали рядъ городовъ, начиная съ Алатыря, нынѣ казанской губ. и Темпикова, нынѣ тамбовской и до Рыльска и Путивля, нынѣ курской губерніи. Но еще впереди этихъ городовъ въ «дикомъ поле» лежали полевыя сторожи, укрѣпленныя рвами и засѣками. Все онѣ находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, поддерживавшихся разъѣздами стражниковъ. Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ полевыхъ сторожъ послужили потомъ къ образованію городовъ. Бѣлгородъ, тоже возникъ, какъ предполагаютъ, изъ такого полевого укрѣпленія, какъ и многія другія поселенія. Кн. Воротынскій расширилъ сторожу и увеличилъ число сторожевыхъ пунктовъ. Преемникъ его бояринъ Никита Юрьевъ выдвинулъ ихъ еще дальше въ «дикое поле» такъ, что въ 1586 г. онѣ дошли до р. Сосны и устья Воронежа. При Ѳедорѣ Іоановичѣ Бѣлгородъ далеко выдвигается впередъ изъ линіи пограничныхъ городовъ и скоро дѣлается средоточіемъ сторожевой службы. Наблюденія за движеніями татаръ въ «дикомъ полѣ» велись неуспынно и непрерывно. Жители, предупрежденные о появленіи орды, скрывались въ города, вся сторожевая линія становилась на ноги и ратные люди сосредоточивались на пути татаръ. Съ 1588 г. переселенія по Бѣлгородской сторожевой чертѣ значительно увеличиваются, вслѣдствіе движенія сюда малороссовъ изъ правобережной Украины. Первыхъ выходцевъ далъ черкасскій уѣздъ, нынѣ кievской губерніи, и за малороссійскими переселенцами надолго сохраняется названіе черкасъ. Скоро послѣдніе дѣлаются преобладающими и среди ихъ сосредоточиваются главнѣйшія сторожевыя силы бѣлгородской черты. Въ 1641 г. новопоселенія малороссіянъ были саниціонированы особой грамотой царя Михаила Ѳеодоровича, вслѣдствіе чего черкасамъ предоставляется право дѣлать земельныя донмки, безошленно торговать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и получать государево жалованье. Царскими указами московскимъ воеводамъ и всякимъ начальникамъ строго наказывается оберегать интересы черкасъ, оказывать имъ всяческое вниманіе и ласку. Такія распоряженія дѣлаются вполне понятными, если вспомнить, что

до воцаренія Петра Великаго вся мѣстность по бѣлгородской чертѣ была въ постоянной опасности отъ татарскихъ набѣговъ и разореній, слѣдовательно правительству были особенно дороги малороссы, привычные къ войнѣ и воинской организаціи, которую они переносили въ новыя поселенія. Однако, кромѣ защиты, московское правительство ставило имъ въ непремѣнную обязанность занятіе земледѣліемъ и осѣдлую жизнь. Это обстоятельство требовало извѣстныхъ условій, напимѣръ, возможности удовлетворять религіознымъ потребностямъ переселенцевъ, а потому мы видимъ, что на ряду съ воинственнымъ козачествомъ будущая словодская Украина заселяется чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ; особенно монашество охотно шло въ «дикое поле», гдѣ, если и не было постоянной безопасности, за то была возможность свободно исповѣдывать свою религію. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ берега тогда степныхъ рѣкъ Псла, Сейма, Десны, Донца и многихъ другихъ были усѣяны пустынниками, пришедшими сюда въ большинствѣ случаевъ изъ польской Малороссіи. Московскіе цари Михаилъ Федоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и даже Петръ Великій охотно покровительствовали этимъ монахамъ пионерамъ. По ихъ челобитнымъ московское правительство назначало скитамъ и монастырямъ то государево жалованье, то земельныя угодья, каковы: сѣнные покосы, лѣса, рыбныя ловли, бобровыя гоны и бортныя ухожья. Въ иныхъ случаяхъ, когда поселенія пустынниковъ были самыми первыми въ краѣ, онѣ служили центрами, вокругъ которыхъ группировались новыя пришельцы. Какъ только ихъ набиралось значительное количество, немедленно строился городъ, съ острогомъ, рвами и засѣками. Съ эгихъ поръ окрестныя поселенцы, равно какъ и монашествующіе могли найти уже убѣжище отъ небольшихъ татарскихъ отрядовъ, за стѣнами крѣпостей. Въ другихъ случаяхъ монастыри возникали почти одновременно съ новыми городами и поселеніями, но и тогда они играли немалую колонизаторскую роль: они оживляли край, придавали ему болѣе благоустроенный и заселенный видъ, заводили сады, мельницы, бортныя ухожья, воздѣлывали землю, строили поселенія, привлекали въ свои стѣны богомольцевъ, а на свои угодья новыхъ поселенцевъ работниковъ. Наконецъ, были и такіе случаи, когда иноческія обители возникали уже тогда, когда край былъ безопасенъ отъ татарскихъ набѣговъ и бѣлгородская старожевая линія потеряла значеніе ох-

ранителя украинъ русскаго государства. Эти монастыри почти не имѣютъ уже колонизационнаго значенія, а потому мы остановимся на первыхъ двухъ, т. е. возникшихъ до заселенія края и въ самомъ началѣ переселенческаго движенія, а также на устроившихся во время разгара заселенія края. Само собою разумѣется, что при выясненіи колонизационнаго значенія монастырей необходимо коснуться нѣсколько ихъ возникновенія и исторіи.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка въ бѣлгородской епархіи насчитывалось до 1000 церквей и свыше 50 монастырей; большинство послѣднихъ возникли гораздо раньше и играли немалую роль въ колонизаціи края.

Еще задолго до движенія главныхъ массъ переселенцевъ въ путивльскія и бѣлгородскія дикія поля, близъ Путивля, разореннаго татарскими набѣгами, существовала Молченская иноческая пустынь. Время основанія ея точно неизвѣстно, но въ описаніи пустыни, составленномъ въ 1845 г., говорится, что она возникла еще въ концѣ XIII столѣтія, и слѣдовательно, не смотря на разореніе и запустѣніе края, служила на значительномъ пространствѣ единственнымъ обитаемымъ убожищемъ «дикаго поля». Но если даже допустить неосновательность такого предположенія о слишкомъ раннемъ возникновеніи обители и основываться исключительно на сохранившихся документахъ, то и тогда приходится допустить, что Молченская пустынь существовала еще до 1557 г., къ которому относятся документальныя данныя, и слѣдовательно предшествовала появленію не только главной массы колонизаторовъ края, но даже первымъ изъ нихъ. Эта пустынь располагала значительными земельными угодьями и въ 1591 г. состояла уже изъ игумена и 15-ти братій. Въ томъ же году она приобретаетъ «осадный дворъ» въ Путивль «для приходу крымскихъ людей», на которомъ и основывается храмъ во имя святыхъ Флора и Лавра. Постройка осаднаго двора сдѣлалась необходимой въ виду того, что постоянные набѣги татаръ привели въ запустѣніе монастырскія вотчины. Въ 1592 г. однимъ изъ подобныхъ набѣговъ разорена вся путивльская окрестность вмѣстѣ съ молченской пустынью. Такія событія дѣлаютъ наконецъ невозможнымъ пребываніе братіи въ монастырѣ и побуждаютъ монашествующихъ искать болѣе безопаснаго уголка. Осадный

дворъ въ Путивлѣ съ новою церковью являются такимъ пріютомъ, и сюда переселяется братія молченской пустыни во главѣ съ игуменомъ Ильею. Но разъ заселенныя мѣста покидаются монашествующими не такъ-то легко. Въ разоренномъ монастырѣ остался его прежній игумень—старецъ Пафнутій; онъ не рѣшился покинуть священное для него мѣсто, на которомъ подвизались въ пещерахъ первые основатели обители, къ тому же и не желалъ переносить въ свою новую колонію чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Молченской. Только новыя непрерывныя разоренія, причиняемая метрополіи монастыря и путивльскимъ землямъ полчищами самозванца, побудили его наконецъ перенести эту святыню и вмѣстѣ самому переселиться на новое мѣсто. Но въ то время, какъ устроился окончательно новый монастырь, старый все таки не запусѣлъ окончательно. При первой возможности онъ былъ возобновленъ вновь и монашествующая братія энергично продолжала свой колонизаторскій подвигъ. Если она и была вынуждаема уступать разъ уже облюбованныя мѣста подъ гнетомъ постоянныхъ разореній, то только для того, чтобы скоро вновь занять ихъ и продолжать заселеніе «дикаго поля». Къ этому была полная возможность, такъ какъ выписъ монастырскихъ угодій отъ 1621 г. показываетъ, что земельныя владѣнія обители были довольно значительны ¹⁾).

Но примѣръ молченской пустыни не единственный. Святогорская успенская пустынь едва-ли моложе молченской. Мѣстоположеніе ея на высокихъ горахъ по берегу р. Донца, длинные подземные ходы и церкви и другіе признаки указываютъ, что она играла иногда роль не только св. обители, но и сторожеваго пункта, съ котораго слѣдили за ордами кочевниковъ, и крѣпости, въ пещерахъ и ходахъ которыхъ скрывались немногочисленные пионеры-колонизаторы во время опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ. Архіепископъ Филаретъ ²⁾ относитъ возникновеніе святогорской пустыни къ XIV вѣку; въ лѣтописяхъ же она упоминается впервые въ 1547 г. Эта обитель переживала всѣ невзгоды Слободской

¹⁾ Матеріалы для исторіи курской епархіи: „Глинская Рождество-Богородицкая пустынь“. Прилож. къ „Курск. Епарх. Вѣд.“, архимандрита Анатолія.

²⁾ Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отд. 1-е.

Украины и много разъ была разоряема татарскими кочевниками, отъ чего извѣстій о древней жизни ея сохранилось очень мало. Земельныя владѣнія и пустоши ея были значительны, а потому и въ заселеніи края она играла не малую роль.

Послѣ святогорской вторая по древности иноческая обитель въ предѣлахъ нынѣшней харьковской епархіи носила названіе Аркадіевской по имени основателя ея. Время основанія этого монастыря неизвѣстно, но уже въ 1660 г. «Аркадіеву пустынь приписали къ новому Чугуевскому Успенскому монастырю для богатыхъ ея угодьевъ»¹⁾. Послѣ этого времени она не одинъ еще разъ была разоряема татарами, но снова возобновлялась, получая новые дары, какъ мельницы, земли, лѣса, хутора и пр. Нынѣ этотъ монастырь упраздненъ.

Менѣе древнимъ, но болѣе извѣстнымъ является Обоянскій монастырь, возникшій, по вполне вѣроятному предположенію, раньше города Оболяни и ближайшихъ къ нему поселеній. Рыльскій архимандритъ Анатолій, собиравшій матеріаловъ по исторіи курской епархіи, разбирая мѣстныя о происхожденіи г. Оболяни и доказавъ несостоятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ, останавливается на слѣдующемъ, наиболѣе вѣроятномъ, мѣстномъ преданіи, слышанномъ имъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

«Когда-то, въ незапамятныя времена, по ту и другую сторону рѣчки, соименной теперь монастырю и городу, жили въ непроходимомъ лѣсу два старца-отшельника, которые по имени своему были *оба Яны*, очевидно, выходцы изъ-за Днѣпра—польской стороны, бѣжавшіе, подобно многимъ другимъ, отъ свирѣпствовавшей тамъ уніи. Здѣсь на новомъ пустынномъ, безлюдномъ и совершенно дикомъ мѣстѣ, крайняя скудость и тяжесть отшельнической, разобщенной жизни—съ одной стороны, и совершенная беспомощность при нуждахъ тѣлесныхъ и душевныхъ съ другой—заставили ихъ искать сближенія между собою; и вотъ они начали сперва другъ друга перезывать къ себѣ на житье, а потомъ, мало-по-малу, стали принимать въ сожители къ себѣ и другихъ христіанцевъ, изъ которыхъ постепенно образовалось цѣлая обитель—общежитіе иноковъ,

¹⁾ Ibid., стр. 295.

кои въ послѣдующее время, по уваженію къ памяти первыхъ основателей и своихъ духовныхъ руководителей, извѣстный ручей, служившій имъ въ нуждахъ тѣлесныхъ, окрестили именемъ *Обояни*, а обитель свою *Обоянскою*. Черезъ нѣсколько времени явился около сей обители сторожевой городокъ (около половины XVII вѣка), которому имя приготовлено уже было первыми насельниками этой мѣстности; а затѣмъ явился и посадъ пригородній—населеніе мирское, торговое, которое, по показанію разныхъ повѣствованій, въ теченіи долгаго времени извѣстно было подъ именемъ *Обоянщины*»¹⁾. Это преданіе весьма вѣроятно, между прочимъ и потому, что указанный въ немъ пугъ возникновенія монастыря, а затѣмъ поселенія подтверждается и другими случаями. Нужно однако замѣтить, что первое время обоянская обитель не была вполне организованнымъ и юридически признаннымъ монастыремъ, а считалась простымъ монашескимъ общежитіемъ. Построеніе же собственно обоянскаго Богородицко-знаменскаго монастыря относится къ 1663 и 1664 гг., когда и городъ Обоянь былъ переименованъ изъ сторожеваго въ уѣздный. Но и до этого времени монастырь существовалъ, хотя и неофициально, и владѣлъ множествомъ различныхъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій въ «дикомъ полѣ».

Такимъ образомъ всѣ четыре монастыря, краткія историческія свѣдѣнія о когорыхъ мы привели выше, должны быть причислены къ первымъ колонизаторамъ края. Основатели ихъ искали уединенія въ привольныхъ мѣстахъ «дикаго поля», терпѣли всѣ неудобства одиночества и отдаленности положенія отъ населенныхъ пунктовъ, переносили разоренія татаръ и шаекъ различной вольницы, но все таки, сознательно или безсознательно, съ настойчивостью и упорствомъ продолжали колонизаторское дѣло. «Дикое поле» расплачивалось и разрабатывалось, лѣса вырубались, заводились пасѣнки, сады, мельницы, хутора, скиты, пріобрѣтались монастырскіе крестьяне (по своей волѣ или по куплѣ) и заселеніе шло, если и не быстро, то твердо и настойчиво. Въ совершенно глухихъ, дикихъ мѣстахъ начиналась жизнь, сначала бѣдная и однообразная, лишенная всѣхъ культурныхъ удобствъ,—жизнь отшельниковъ и иноковъ. Но она

¹⁾ „Курск. Епарх. Вѣдом.“, 1882 г., № 4. „Историко-статист. опис. Обоянскаго богород.-знам. монастыря“.

вызывала и привлекала другую жизнь, мірскую, которая несла съ собой новый строй, создавшій изъ дикой пустыни осѣдлыя мѣстности. Разумѣется, далеко не вездѣ такимъ путемъ началось заселеніе Слободской Украины; но указанные нами факты подтверждаютъ, что оно совершалось и такимъ путемъ и что монастыри играли не послѣднюю роль въ колонизаціи края. Не даромъ московское правительство всячески старалось поддерживать новостроющіеся монастыри, жалуя имъ и государево жалованье, какъ все равно «людямъ разныхъ сторожевыхъ службъ», и продукты (напр. соль) и земельныя угодья.

Но и тѣ монастыри, возникновеніе которыхъ не предшествовало заселенію края, а совпадало съ нимъ, имѣли также колонизаторское значеніе: они оживляли край, привлекали новыхъ поселенцевъ и новыхъ работниковъ на свои угодья, вмѣстѣ съ другими они несли разоренія отъ татаръ и, какъ часть массы населенія, противустояли ихъ хищническимъ набѣгамъ. Такіе монастыри лежали въ предѣлахъ нынѣшней курской епархіи. Изъ нихъ, если не ошибаемся, наиболѣе древнимъ будетъ бѣлгородскій николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный. Онъ основанъ при царѣ Борисѣ въ 1599 г., т. е. черезъ 90 лѣтъ послѣ того, какъ можно найти первыя указанія на существованіе самаго Бѣлгорода. Но нужно помнить, что и въ годъ основанія монастыря Бѣлгородъ былъ небольшимъ городкомъ, далеко выдвинувшимся изъ линіи сторожевыхъ городовъ въ «дикое поле», а потому пребываніе въ немъ сопряжено было съ большими опасностями и лишеніями. При монастырѣ имѣлась, недалеко отъ города, Пятницкая пустынь и загородный дворъ, на которомъ въ концѣ XVII вѣка построена церковь. Другія, въ общемъ довольно обширныя, но бездоходныя владѣнія монастыря постоянно оспаривались сосѣдними владѣльцами и ново-поселенцами, каковы: нежегольцы, волчанцы, салтовцы и др. Настоятели николаевского монастыря, отстаивая свои старыя вотчины, старались и о пріобрѣтеніи новыхъ; не смотря на это, монастырь былъ очень бѣденъ, какъ бѣдна была и пятницкая пустынь. Въ разгарѣ переселенія понятія о собственности плохо прививались и монастырь истощалъ свои матеріальныя средства, отстаивая свои вотчины. «Все богатство сей обители», по ироническому замѣчанію архимандрита Анатолія, «заклучалась по описи въ томъ, что въ монастырской казнѣ были

великаго государя жалованная грамоты и всякія монастырскія крѣпости»¹⁾. Въ 1674 г., по просьбѣ нижегольца полковаго козака М. П. Старочуднаго, дано позволеніе отъ бѣлгородскаго намѣстника, кн. Ромодановскаго строить городъ Волчанскъ на монастырской вотчинѣ. Это было извѣстно и просителю и намѣстнику. Первый писалъ: «есть отъ Бѣлгорода, отъ рѣчки Сѣверскаго Донца, въ лѣвой сторонѣ, рѣка Волчы Воды, а на той-де рѣчки Волчьихъ Водахъ есть три брода: бродъ каменный, да бродъ Захарьевъ, да бродъ царевской, да сѣнная поляна, а черезъ тѣ-де броды и сѣнную поляну лежатъ татарскія сакмы въ рускіе города и тѣми сакмами ходятъ воинскіе люди татарова. Сѣверскимъ Донцомъ владѣтъ Бѣлгорода николаевскаго монастыря архимандритъ Кирилль, ... и великій государь, его царское величество пожаловаль бы ево, велѣль на той рѣчкѣ *Волчьихъ водахъ*, на татарскихъ сакмахъ... *построить городъ*, изъ разныхъ городовъ призвать его братью черкасъ..., изселить слободы, села и деревни, и отъ прихода воинскихъ людей около города учинить крѣпости... и по причиннымъ мѣстамъ учинить сторожи, чтобъ воинскіе люди татарова въ украинные города бѣзвѣстно не пришли»²⁾... Новопостроенный такимъ образомъ на монастырскихъ земляхъ городъ Волчанскъ причинилъ не мало хлопотъ монастырю, который, не смотря на опасное положеніе на татарской сакмѣ своей вотчины на Волчьихъ водахъ, не хотѣлъ поступиться ею, такъ какъ умѣлъ, вѣроятно, извлекать изъ нея доходы, хотя бы и незначительные. Въ 1697—99 г., при архимандритѣ Іонѣ, монастырь сдѣлалъ новыя значительныя земельныя приобрѣтенія. У него были и свои «подданные», жившіе на его земляхъ и занимавшіеся ихъ обработкой. Право владѣнія ими, по челобитью архимандрита Филарета, въ 1707 г. подтверждено было монастырю грамотой Петра I-го. По книгамъ 1678 года крестьянскихъ дворовъ за николаевскимъ монастыремъ было 65, а въ наличности число ихъ возросло уже до 80.

Почти въ то же время, какъ развивалъ свою дѣятельность николаевскій монастырь, вновь построенная въ «осадномъ дворѣ» молченская путивльская пустынь, во главѣ съ игуменомъ Ильею, про-

1) „Курскія Епарх. Вѣдом.“, № 1, 1882 г.

2) „Курскія Епарх. Вѣд.“, 1883 г., № 3, стр. 164.

должала выполнять свою колонизаторскую роль. Въ 1627 г. во время литовскаго разоренія были утеряны нѣкоторыя грамоты на вотчины новаго монастыря; но, съ переселеніемъ настоятеля Пафнута изъ стараго монастыря, грамоты были возобновлены по его челобитной. По нимъ монастырю принадлежали значительныя владѣнія въ «дикомъ полѣ» и хотя позже они отданы были козакамъ, но затѣмъ вновь возвращены обители. Козаки, принося жалобу на отобраніе земли, упоминаютъ, что на тѣхъ земляхъ монастыремъ уже поселены деревни. Колонизаторская дѣятельность его признавалась и высшими властями. Патріархъ Іовъ освобождаетъ новыи молченскій монастырь и его вотчины отъ церковныхъ даней и казенныхъ пошлинъ, по тому уваженію, что обитель, не получая государева жалованья и потерпѣвъ запустѣніе вотчинъ, должна была устроить послѣднія, т. е. изъ дикаго поля превратить въ жилыя и культурныя мѣста. вмѣстѣ съ земледѣльческою культурой шло рядомъ и развитіе обрабатывающей промышленности. Такъ еще первымъ игуменомъ новаго молченскаго монастыря испрошено было у царя Бориса Ѳеодоровича разрѣшеніе построить на ручьѣ Катанскомъ, впадающемъ въ р. Сеймъ, мельницу и толчею для монастырскаго обиходу. «Тотъ ручеекъ и прилегающее къ нему болотце съ лозами, пишется въ грамотѣ, «лежитъ пусто и не владѣетъ имъ никто и оброку де въ государеву казну съ того катанскаго ручейка и болотца съ лозами не идетъ ничево. И игумень Илья съ братею государю царю и великому князю Борису Ѳеодоровичу всея Руссіи били челомъ, чтобъ ево пожаловаль, тотъ катанскій ручеекъ и съ болотцемъ и съ лозами на оброкъ къ своему государеву богомолью Пречистые Богородицы къ Молченскому монастырю сдѣлати на томъ ручейку мѣленку и толчею для монастырскаго обиходу, а оброку де онъ даетъ государю царю и великому князю въ казну съ съ того пуставо катанскаго ручейка, съ мelenки и съ толчеи и съ болотца съ лозами на годъ полъ-полтины денегъ да пошлины»¹⁾. Какъ только явилась хоть какая нибудь возможность жить въ старой молченской обители, въ ней была возобновлена деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и построено (1627 г.)

¹⁾ Матер. для ист. курск. епархіи. Глинская Рожд.-Богор. пуст., архимандр. Анаполія. Прибавл. къ „Курск. Еп. Вѣд.“ за 1886 г., стр. 19.

три келіи для старцевъ монастырскихъ и бортниковъ. Такъ какъ эта обитель чтилась далеко вокругъ и къ ней стекались въ значительномъ числѣ богомольцы, то возобновленіе ея еще болѣе способствовало заселенію окрестностей. Цѣня колонизаціонное значеніе иноческихъ обителей и имѣя въ виду постоянныя разоренія то отъ татаръ, то отъ литовцевъ и поляковъ, то наконецъ отъ самозванцевъ, московское правительство часто освобождало ихъ отъ государевыхъ и патриаршихъ платежей и защищало ихъ угодыя отъ захватовъ. Указанія на такое отношеніе московскаго правительства часто встрѣчаются во многихъ грамотахъ того времени. Изъ вышеприведенной описи угодій и вотчинъ молченскаго монастыря видно, что онѣ были постоянно разоряемы и снова принимали жилой видъ. Монастырь способствовалъ поселенію новыми поселками, давая пріютъ и бобылямъ и дворовымъ людямъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1653 г. деревянная церковь, построенная на мѣстѣ стараго монастыря, передѣлана въ каменную и въ ней назначенъ постоянный штатъ монашествующихъ для повседнежнаго служенія. Такимъ образомъ возобновленный старый монастырь дѣлается центромъ, возлѣ котораго вновь группируются поселенія. По имени перваго строителя этого монастыря, онъ именуется Софроніевской пустынью. Съ организаціей послѣдней прекращается главный приливъ переселенцевъ въ слободскую Украину, и монастыри мало по малу теряютъ свое колонизаціонное значеніе.

Въ это время заселеніе шло на болѣе южныхъ окраинахъ, въ теперешнемъ суджанскомъ уѣздѣ. Въ 1665 г. стольникъ Рагозинъ, описывая въ то время очень немногія поселенія нынѣ суджанскаго уѣзда, упоминаетъ о строящемся починокѣ Вдова при впаденіи ручья того же имени въ р. Исель. Въ теченіи пяти лѣтъ починокъ разрастается въ большую слободу, а затѣмъ и городъ, названный Миропольемъ, потому что главная масса переселенцевъ прибыла сюда изъ мѣстечка Мирополя нынѣ каменецъ-подольской губерніи¹⁾). Около этого же времени «въ 171 году (1663) въ острогожскомъ уѣздѣ, въ дивногорской пустынѣ (нынѣ упраздненной), за границею, на устьѣ рѣкъ Дона и Сосны, съ крымской стороны,

---

¹⁾ См. нашу брошюру „Суджанскій уѣздъ въ геогр., стат.-экон. и истор. отнош.“

имѣли жительство іеромонахи Θεодосій, Лаврентій, Кесарій Памва, да старецъ Никодимъ. А понеже въ то время къ тому монастырю стали быть частые приходы татарскіе, и монастырю разореніе непрестанное, то затѣмъ они іеромонахи Θεодосій съ прочими и старецъ Никодимъ, въ 179 году (1671) изъ того монастыря вышли, и пришли въ миропольскій уѣздъ, разстояніемъ отъ города Мирополья въ шести верстахъ, на то мѣсто, гдѣ оный монастырь стоитъ, называемое тогда *дваище городище*, и начали отъ добротныхъ христіанскихъ подателей монастырь строить, и построили они тогда одни только себѣ кельи, а церкви и около монастыря ограды еще не строили»¹⁾. Построенный на мѣловыхъ горахъ, онъ получилъ названіе бѣлогорскаго николаевскаго монастыря отчасти по мѣстоположенію, а отчасти по воспоминаніямъ о дивногорской пустынѣ. Въ 1672 г. монастырь получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича земли и сѣнные покосы; но главные дары принесли частные люди. «Въ 1688 г. стольникъ Кондратьевъ съ старшиною отдали монастырю изъ имѣній, оставшихся послѣ сотника Гавришева, мельницу на р. Псалъ подъ селомъ Великія-Рыбицы, съ поселенными при той мельницѣ подданными черкасами, разнаго лѣса рощею, сѣнными покосами и другими угодыями»²⁾. Но монастырь и самъ заботился о заселеніи своихъ вотчинъ. Такъ въ 1770 г. онъ имѣлъ уже два хутора: Прикольскій да Ивашковскій и двѣ мельницы. При этихъ владѣніяхъ считалось 80 крестьянскихъ дворовъ, подданныхъ же изъ малороссіянъ мужскаго полу 315. Положеніе крестьянъ монастырскихъ было неременительно: денежныхъ, хлѣбныхъ и никакихъ другихъ доходовъ монастырь не бралъ съ нихъ, а пользовался только ихъ работою по два дня въ недѣлю. Изъ 300 чел. работать на монастырскія поля выходили среднимъ числомъ до 80 человекъ. Хлѣбъ съ обработанныхъ ими полей шелъ на монастырскія potreбы и на содержаніе самихъ крестьянъ во время работы; оставшійся затѣмъ поступалъ въ продажу и составлялъ сравнительно одну изъ значительнѣйшихъ статей монастырскихъ доходовъ, вмѣстѣ съ доходами отъ мельницы и продажи сѣна. Другой, еще болѣе значительный, доходъ монастырь

¹⁾ Упраздн. николаевскій бѣлогорскій монастырь, Спб. 1862 г., стр. 6.

²⁾ Ibidem, стр. 8.

получаль отъ продажи извести, которая въ изобиліи находилась въ монастырскихъ горахъ, также отъ кирпичнаго завода; кромѣ того по горамъ были разбиты фруктовые сады, яблонные, грушковые и бергамотовые; отъ продажи плодовъ, дынь и «кавуновъ» съ монастырской бакши также получался доходъ, хотя незначительный, равно какъ и отъ продажи меда и воска съ монастырской пасѣки. Монастырь имѣлъ наконецъ рыбныя ловли и скотоводство, хотя въ небольшихъ размѣрахъ: лошадей и рогатаго скота, особенно воловъ, содержалось сколько было нужно для работы и монастырскихъ потребностей* ¹⁾). Изъ этого описанія, нарочно приводимаго нами изъ брошюры, посвященной бѣлогорскому монастырю, видно, что даже такіе небольшіе и бѣдные монастыри, какъ вышеупомянутый, имѣли несомнѣнное значеніе въ культурномъ прогрессѣ края. Болѣе богатые монастыри, о которыхъ скажемъ ниже, имѣли разумѣется и больше вліяніе на ту же сторону жизни окраинъ русскаго государства.

Интереснымъ явленіемъ въ исторіи колонизаціи Слободской Украины является и такой фактъ, какъ устройство женскихъ монастырей въ мѣстностяхъ, которые не были, какъ извѣстно, безопасны отъ татарскихъ разореній. Въ 1622 г. старецъ Апполинаріи Прытковой, съ сестрами, вслѣдствіе ея челобитной, разрѣшено царемъ Михаиломъ Оеодоровичемъ строить церковь и келіи на землѣ отведенной въ Бѣлгородѣ у посаду, и они на томъ мѣстѣ церковь воздвигнули Рождество Пресвятой Богородицы и келіи поставили. Но такъ какъ построеніемъ церкви обыкновенно заканчивалась организація монастыря, то весьма вѣроятно предположеніе, что самое общежитіе монахинь возникло еще въ концѣ XVI столѣтія. Вслѣдъ за постройкой церкви, за монастыремъ укрѣплена земля, хотя въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Около середины XVII ст. на этой землѣ числятся уже нѣсколько семействъ крестьянъ, бобылей и дворовыхъ людей, которыхъ раньше монастырь не имѣлъ. Дальнѣйшіе экономическое развитіе монастыря находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ имъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Корсунскія ²⁾).

---

¹⁾ Ibid., стр. 10—11.

²⁾ „Курск. Епарх. Вѣд.“ 1823 г., № 18.

Въ нынѣшней харьковской епархіи тоже возникло не мало монастырей въ періодъ ея заселенія въ срединѣ XVII вѣка. много способствовавшихъ колонизаціи этой части Слободской Украины.

Въ первые годы поселенія ахтырскаго полка прибылъ туда изъ заднѣпрскаго лебединскаго монастыря игумень Іоанникій и съ нимъ 40 человѣкъ братіи и нѣсколько *подданныхъ* черкасъ и основали ахтырскій монастырь, которому еще царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ гору Ахтырь съ полями, лугами и рыбными ловлями, «яко впускѣ стоящую» ¹⁾. На самой границѣ ахтырскаго полка, на правомъ берегу р. Ворскла, бѣжавшіе позже монахи курсунскаго монастыря основали монастырь скельскій, владѣвшій обширными угодьями и славившійся своими фруктовыми и виноградными садами ²⁾. Хорошевскій дѣвичій монастырь устроенъ въ 1654 г. на старомъ городищѣ, гдѣ еще въ XII в. была ярославовская церковь ³⁾. Въ концѣ XVII в. ему дана была грамота на приѣмъ въ монастырскіе крѣпостные вольныхъ людей, изъявившихъ на такую зависимость свое желаніе ⁴⁾. Куряжскій Преображенскій монастырь въ срединѣ XVII в. на всемъ протяженіи рѣчки Куряжь былъ единственнымъ заселеннымъ уголкомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непроходимыми лѣсами. Михайловская пустынь была намѣчена еще пустынникомъ, жившимъ здѣсь въ 1671 г., самый же монастырь основанъ нѣсколькими годами позже племянникомъ гетмана Самойловича Михайломъ). Краснокутскій Петропавловскій монастырь основанъ полковникомъ Иваномъ Шпекомъ одновременно съ занятіемъ имъ земель по р. Мерлу. Вольновскій монастырь основанъ энергичнымъ монахомъ Антоніемъ, который усердно созывалъ иноковъ въ опасный край, гдѣ и основалъ названную обитель. Въ народѣ этотъ монастырь и до сихъ поръ называется «накликаннымъ». Зміевскій Николаевскій монастырь уже въ 1673 г. былъ настолько богатъ, что могъ на собственныя средства пріобрѣтать различныя угодья ⁵⁾. Въ 1702 г. владѣнія его были очень обширны. Чтобы

¹⁾ „Харьк. Сборн.“ 1837 г., стр. 81.

²⁾ „Кіев. Стар.“ 1886 г., октябрь, стр. 392—398.

³⁾ Истор.-стат. опис. харьков. епархіи, отд. I, стр. 104.

⁴⁾ Д. И. Багалѣй. Матер. для ист. колон. и быта степн. окр. моск. гос., № 45.

⁵⁾ Истор.-статист. описаніе харьк. епар. Отд. I, стр. 74, 253, 268, 275 и 289

судить о его культурной роли въ новозаселенномъ краѣ достаточно упомянуть, что онъ владѣлъ и кирпичнымъ заводомъ, и рыбнымъ дворомъ, и каменными погребами и домами, пивоварней, и мельницами, и сукновальнями, и просорушками, и сотнями пчелиныхъ ульевъ, и многими избами и домами ¹⁾).

Приведенныхъ нами данныхъ изъ исторіи 15-ти монастырей вполне достаточно, чтобы намѣтить нѣкоторыя стороны въ колонизаціонной роли монастырей Слободской Украйны. Дальнѣйшія изслѣдованія должны освѣтить еще не мало темныхъ сторонъ, но и сказанное выше можетъ послужить къ слѣдующимъ не безынтереснымъ выводамъ.

1) Совершенно дикія и нежилыя мѣста, иногда далеко выдвигавшіяся за сторожевые пункты, давали нерѣдко пріютъ пустыникамъ, которые, сгруппировавъ около себя монашескія общины, строили монастыри, служившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ центрами для первыхъ поселеній края.

2) Монастыри возникали и въ то время, когда новыя мѣста уже были облюбованы переселенцами.

3) Разъ избравъ мѣсто, монашествовавшая братія почти уже не разстается съ нимъ, крѣпко держась его даже въ тяжкія години погромовъ и разореній.

4) Монастыри, независимо отъ времени основанія ихъ, постоянно старались пріобрѣтать земли и различныя угодья въ заселенныхъ уже мѣстахъ. Такія пріобрѣтенія служили, какъ убѣжища, на время татарскихъ набѣговъ, и какъ источники доходовъ.

5) Но еще больше имѣли монастыри угодій въ «дикомъ полѣ», гдѣ имъ предстояло насаждать земледѣльческую культуру. Такія угодья эксплуатировались разными способами: сѣнные покосы косились, степи распахивались, лѣсъ рубился на постройки и другія надобности; во многихъ мѣстахъ монашествовавшая братія пользовалась рыбными ловлями и бортными ухоями. Монастыри заводили пасѣки, сады, огороды, хмѣльники, бахчи и т. п., содержали крупный и мелкій скотъ и нерѣдко вели хозяйство въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

6) Въ такихъ незаселенныхъ мѣстахъ монастыри, какъ это видно изъ ихъ описей и грамотъ, строили сторожки, скиты, ча-

¹⁾ Багалъй, Матеріалы и т. д., № 4^а.

совни и церкви, оживлявшія мѣстность и группировавшія вокругъ себя новыя поселенія.

7) Для промышленныхъ цѣлей служили устраиваемые монастырями пивоварни, винницы, известковые и кирпичные заводы, мельницы, сукновальни, просорушки, кузни и помѣщенія, отдаваемые въ наемъ.

8) Монастыри привлекали на свои вотчины работниковъ, трудящихся для иноковъ изъ благочестивыхъ побужденій, принимали и устраивали бобылей и приобрѣтали крѣпостныхъ крестьянъ. Не отягощая ихъ работой и поборами, монастыри увеличивали число новыхъ починокъ, хуторовъ и другихъ жилыхъ мѣсть.

Разумѣется, относительно небольшое число самыхъ монастырей, не могло способствовать развитію ихъ колонизаціонной дѣятельности до очень большихъ размѣровъ. Но эта дѣятельность была все таки настолько замѣтна, что и московское правительство считало нужнымъ поощрять ее, и оно, какъ мы уже говорили, часто жаловало монастырямъ земли и государево жалованье, а также освобождало ихъ угодыя отъ всякихъ платежей. Въ виду этого желательно было бы, чтобы колонизаціонная роль монастырей обратила на себя вниманіе людей науки и была разработана ими съ строго научной послѣдовательностью и полнотой.

Евгеній Максимовъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО¹⁾.

Родился я ахтырскаго уѣзда въ селѣ Тростянцѣ отъ дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославскаго. Въ дѣтствѣ сказывали мнѣ, что отецъ мой умеръ прежде моего рожденія. Помню, что я жилъ съ матерью своею Марією Васильевою, рожденною въ городѣ Краснокутскѣ, въ нашемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ чрезъ улицу прямо противъ Вознесенской

---

1) Записки эти сообщены намъ дѣйств. членомъ и секретаремъ харьковскаго статистическаго комитета, П. С. Ефименкомъ, а имъ получены отъ харьковскаго протоіерея, члена того же комитета, о. Н. Лащенкова. Приносимъ имъ обоимъ нашу искреннюю благодарность за доставленіе намъ возможности помѣстить на страницахъ нашего изданія столь интересный историко-бытовой матеріалъ.

Авторъ помѣщаемыхъ записокъ В. И. Ярославскій родился, учился и первоначально служилъ въ харьковской губерніи, отъ того и первыя воспоминанія его посвящены этой мѣстности. Эта часть его записокъ была помѣщена въ „Литературно-научномъ приложеніи къ харьковскому календарю на 1887 г.“; другая, относящаяся къ новороссійскому краю и другимъ мѣстамъ, является здѣсь впервые. Обѣ части имѣютъ одинаковыи исключительно историко-бытовой характеръ, что зависѣло отъ общественнаго и служебнаго положенія автора. Сынъ сельскаго дьячка, круглый притомъ сирота, онъ едва могъ получить кое-какое образованіе въ бышемъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Харьковѣ казенномъ училищѣ, одномъ изъ тѣхъ, которыя явились у насъ подъ разными наименованіями вслѣдъ за учрежденіемъ намѣстничества и представляли странную амальгаму самыхъ разнородныхъ познаній. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1797 г., В. И. Ярославскій поступилъ на службу въ харьковское губернское правленіе канцеляристомъ; за тѣмъ, считаясь на службѣ при полиціи въ городѣ Сумахъ, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьковской губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора; въ 1806 г. онъ попалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ прослужилъ два года; въ 1808 г. былъ уже въ Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, въ 1817 г. тамъ же совѣтникомъ казенной палаты, въ 1821 г. совѣтникомъ таврическаго губернскаго правленія, откуда перешелъ на такую же должность въ Тулу. Дослужившись здѣсь пансіона и выйдя въ отставку въ 1833 г., Ярославскій поселился въ Сумахъ, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей, если не ошибаемся въ 60-хъ годахъ.

церкви. Отъ случившагося пожара церковь эта сгорѣла, а съ нею сгорѣлъ и домъ нашъ вмѣстѣ съ сосѣдними домами. Пожаръ былъ такъ силенъ, что мать моя едва успѣла спасти сундукъ на колесахъ съ ея платьемъ.

Послѣ пожара мать моя перешла на житье въ господскій домъ, въ которомъ жилъ какой-то ея родственникъ, престарѣлый человекъ

Записки писаны Ярославскимъ по выходѣ изъ службы и являются воспоминаніями изъ его долгой и разнообразной жизни. Въ подлинникѣ они имѣютъ слѣдующее заглавіе: „Тайная исповѣдь о моей жизни и дѣлахъ и о лицахъ, съ которыми я имѣлъ связи и сношенія“. Сама по себѣ жизнь В. И. Ярославскаго не представляетъ особаго интереса, кромѣ развѣ частныхъ переходовъ его отъ одного мѣста и дѣла къ другому и того, какъ бѣднякъ, сирота прокладываетъ себѣ дорогу къ образованію и „счастью“, т. е. къ положенію лучшему того, какииъ судьба надѣлила его при рожденіи. Иное дѣло его „связи и сношенія“. Тутъ въ воспоминаніяхъ Ярославскаго, какъ въ калейдоскопѣ, выступаютъ и смѣняются одни другими лица самыхъ разнообразныхъ званій и положеній отъ дьячка и двороваго человѣка, до министра и вообще государственнаго сановника. И всѣ они являются не въ предвзятыхъ очертаніяхъ и характеристикахъ, но въ естественномъ теченіи жизни, въ служебныхъ и частныхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ мельчайшихъ чертахъ ихъ будничной обстановки и быта. Въ этомъ отношеніи записки Ярославскаго имѣютъ большое сходство съ помѣщенными у насъ раньше записками новгородскаго подсудка XVI ст. Феодора Евлашевскаго („Кіев. Стар.“ 1886 г., январь) и записками новооскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (тамъ же, №№ 2—5 и 10—12). Скучное первоначальное свое образованіе авторъ записокъ въ значительной степени восполнилъ чтеніемъ книгъ, которыя въ изобиліи находилъ въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, и продолжительнымъ пребываніемъ въ кругу образованныхъ людей. Встрѣча его здѣсь съ нѣкоторыми литераторами заохотила его съ юныхъ лѣтъ къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Въ сороковыхъ годахъ В. И. Ярославскій занимался составленіемъ „Историческаго лексикона замѣчательныхъ мужей“ и готовился составить руководство по сельской архитектурѣ. Благодаря наблюдательности автора и его разнообразнымъ знакомствамъ и сношеніямъ, мы находимъ въ его запискахъ массу любопытныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ, которыя играли не маловажную роль во внутренней жизни различныхъ мѣстностей, преимущественно харьковскаго и новороссійскаго края, а его спеціальныя занятія архитектурою вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу сельскихъ помѣщичьихъ построекъ и отчасти самаго быта помѣщиковъ. Записки Ярославскаго не блещутъ изяществомъ изложенія, увлекательностію разсказа, живостію и полнотою картинъ, языкъ ихъ даже тяжелый и часто неправильный; но они преимуществуютъ предъ другими подобными памятниками въ точности и разнообразіи передаваемыхъ свѣдѣній. Въ частности то мѣсто ихъ, гдѣ авторъ говоритъ обстоятельно о знакомствѣ своемъ съ извѣстнымъ дѣятелемъ югозападнаго края М. И. Комбурлеемъ, въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ тѣ отчасти пристрастныя свѣдѣнія о немъ, которыя содержатся въ запискахъ неизвѣстнаго о т. наз. „волинской революціи“, напечатанныхъ въ „Кіев. Старинѣ“ за 1884 годъ.

Ред.

съ женою старухою, по фамиліи, помнится, Лозинскій, бывший прежде управителемъ всего имѣнія Надаржинскихъ и пользовавшийся ихъ уваженіемъ. Но вскорѣ этотъ родственникъ, котораго называли моимъ дѣдушкой, умеръ.

По смерти этого дѣдушки женѣ его вскорѣ отвели другой господскій домъ, въ который и мать моя перешла жить.

Зимой мать моя поѣхала въ Ахтырку на ярмарку, къ родной своей меньшей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, бывшей за мужемъ за дьячкомъ соборной церкви, гдѣ находится чудотворный образъ Богоматери. Этого моего дядю звали Діомидъ Петровичъ; онъ хорошо игралъ на гусляхъ и училъ церковныхъ пѣвчихъ. Тамъ мать моя услышала отъ прїѣзжихъ изъ Краснаго Кута на ярмарку, что мать ея, Дарья Осиповна, опасно больна горячкою; почему поѣхала къ ней, но такъ старательно и неусыпно смотрѣла за больною, что сама заболѣла еще сильнѣйшею горячкою и вскорѣ умерла. Помню, что когда весною получено было въ Тростянецъ извѣстіе о ея смерти, то я, сидя надъ рѣчкою, горько плакалъ цѣлый день, хотѣлъ самъ умереть, а возвратясь въ домъ, не ѣвши цѣлый день съ горя, легъ спать. Такъ въ печали и частыхъ слезахъ прожилъ я съ бабушкой лѣто; а зимой ее обворовали, послѣ чего вскорѣ и она умерла. И такъ я, бывши пяти или шести лѣтъ, безъ всякой помощи, остался круглымъ сиротою; по этой причинѣ не помню ни дня моего рожденія, ни сколько мнѣ тогда настояще было лѣтъ. Родной братъ моего дѣдушки прїѣхалъ изъ Боромли, забралъ оставшееся движимое имущество и меня взялъ съ собою. Помню, что проѣзжая чрезъ село Радомль, я обѣдалъ за столомъ помѣщика, который былъ какой-то родственникъ этому дѣдушкѣ.

Въ Боромлѣ я жилъ въ самомъ горестномъ положеніи, спалъ всегда подъ коморою: отъ простуды или отъ горя все лѣто былъ боленъ лихорадкою. Бабушка была ко мнѣ не ласкова и какъ будто тяготилась иною, хотя не имѣла собственныхъ дѣтей; она требовала отъ своего мужа, чтобы онъ отвезъ меня обратно въ Тростянецъ и отдалъ какому нибудь родственнику. Этотъ дѣдушка привезъ меня туда въ Спасовку. Проѣзжая по улицамъ

Тростянца, съ горестію смотрѣлъ я на знакомыхъ моего дѣтства. Дѣдушка отдалъ меня какому-то дальнему родственнику, котораго меньшей братъ Мойсей вскорѣ, по его приказанію, отвезъ меня въ Ахтырку къ теткѣ моей Аннѣ Васильевнѣ. Домъ ея мужа былъ въ соборномъ приходѣ, прямо чрезъ улицу противъ большаго двора и длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома графа Подгоричани. Ниже этого дома былъ обширный садъ съ канавами, и я съ своими сверстниками нерѣдко ходилъ туда рвать яблоки. Помню, что я съ толпою народа ходилъ также смотрѣть, какъ отвозили на многихъ экипажахъ умершаго престарѣлаго этого графа, и что люди указывали и говорили: «смотрите, какъ эта молодая жена его горько плачетъ». Она отвезла его съ большою церемонію на погребеніе въ большое его село Пархомовку, которое, какъ послѣ я узналъ, было подарено ему за службу императрицею Елисаветою Петровною.

Мужъ моей тетки Діомидъ Петровичъ, по небреженію и нетрезвой жизни, лишился своего мѣста при соборной церкви и, имѣя одного сына и двухъ дочерей, по бѣдности своей затруднялся въ пропитаніи своего семейства. Хотя въ Ахтыркѣ, кажется, въ Покровской церкви былъ родной старшій братъ моего отца, протополь отецъ Иванъ Ярославскій, но, зная его гордость и суровый нравъ, дядя и тетка не смѣли просить его о принятіи меня, а предложили родственнику ихъ дьячку Николаевской церкви, котораго имени не припомню. У него не было дѣтей, и жена его была ко мнѣ весьма милостива. Я прожилъ у нихъ зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на Рождество я ходилъ съ нимъ Христа славить, вывиршовалъ до 20 копѣекъ и считалъ себя богачемъ.

Передъ масляницей пріѣхалъ на ярмарку второй мужъ моей бабушки, Косма Снѣсаревскій, взялъ меня и привезъ въ Красный Куть. Бабушка меня очень любила; она отдала меня учиться дьячку Покровской церкви и какъ онъ далеко жилъ отъ дома бабушки Николаевского прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликовъ, и я, не ходивши домой обѣдать, учился до вечера. Въ ученіи я былъ тупъ, безпонятенъ и мало внимате-

лень; помню, что однажды онъ больно меня высѣкъ. Лѣтомъ я хаживалъ по длинной плотинѣ купаться въ рѣкѣ Мерло, гдѣ было много гадинъ, жившихъ между хворостомъ. За рѣкой былъ весьма обширный сосновый лѣсъ, который принадлежалъ прежде къ большой казенной слободѣ Мурафѣ, а потомъ, какъ послѣ я узналъ, былъ подаренъ императрицею графу Подгоричани.

Въ Красномъ Кутѣ я прожилъ лѣто и зиму. Мужъ моей тетки Анны Васильевны, продавши или обмѣнявши свой домъ въ Ахтыргѣ, переѣхалъ на житье богодуховскаго уѣзда въ большое село Писаревку, гдѣ были двѣ деревянныя церкви и при одной онъ заводилъ пѣвчихъ. Зная, что я имѣлъ голосъ дисканта, онъ требовалъ отъ бабушки, чтобъ прислала меня въ Писаревку; по приѣздѣ туда я и пѣлъ въ одной церкви. Тетушка, царство ей небесное, видя, что житье мое въ Писаревкѣ не послужитъ къ моему счастью, совѣтовала своему мужу лучше отвезть меня въ Харьковъ, гдѣ родной мой дядя, Петръ Антоновичъ Ярославскій, былъ губернскимъ архитекторомъ: онъ, говорила тетюшка, можетъ вѣрнѣе устроить его счастье.

По утру рано, въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы, я былъ имъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Антоновича за Лопанью. Распрося обо мнѣ подробно, онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучилъ; когда вышла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора, я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близъ Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, приѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ тогожъ дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то, выругавши меня за то, что я не остался, отвелъ меня въ бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса, и отдалъ меня родному старшему моему брату Ивану Ивановичу. Братъ мой, хотя и негдѣ было помѣстити меня, принялъ меня съ радостью и кормилъ меня приносимою имъ отъ общаго стола пищею; спалъ я съ нимъ на одной кровати до воскресенья. А въ воскресенье

онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленіи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору, но какъ регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, то по привозѣ оныхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, но по тѣснотѣ онаго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ я въ классы учиться нотному пѣнію, а въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. И такъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тяготились содержать меня, наконецъ достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастью, я совершенно испыталъ на себѣ пословицу: «за сиротою Богъ съ калитою». Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нуждъ и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблагаго Божія Промысла я не могъ бы перенести всего и остаться живымъ.

Помню, что передъ масляной 1789 года, въ ужасную мятель, пріѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, и остановился у губернатора Феодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, во времени путешествія императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали его хоромъ. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, рассказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ императрицы, она угощала въ этой залѣ харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ, сама же находилась на хорахъ и смотрѣла на нихъ. Вѣроятно, въ этой же залѣ она слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства бывшимъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, награжденнымъ при этомъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники

получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Первыя дамы города Харькова подносили ей свои рукодѣлія, и эта милостивая государыня также удостоила ихъ наградою. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устройеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики; а въ 1797 году эта зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и съ тѣхъ поръ театральныя представленія въ Харьковѣ вовсе уже не бывали.

Теперь обращаюсь къ разсказу о моемъ пребываніи въ казенномъ училищѣ. По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію я былъ невнимателенъ и непонятливъ, а отъ этого каждая наука стоила мнѣ не малаго труда и времени. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись; но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ надѣяться, и отъ того былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало, прочитаетъ нѣсколько разъ въ вечеру и какъ бы ни длиненъ былъ урокъ, изъ французскаго языка или какой науки, онъ и поутру твердо помнилъ его; но за то, не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ и не кончилъ полного ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ; этимъ самымъ и отвлекли его отъ наукъ. Въ 1793 году онъ вышелъ изъ училища, чтобъ быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ; тамъ онъ вовсе оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я могъ начать учиться этому языку только по потерѣ голоса, въ 1794 году. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторіи и географіи, сказалъ мнѣ: «учись прилежниѣ этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ».

Желая отблагодарить теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за ея попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ

своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла, и по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ опредѣлилъ его. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. Итакъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ тетѣ и доселѣ остаюсь ся и ея матери Дарьи Петровны должникомъ.

Въ 1795 году, по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи, Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною Горю крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиры, имѣли тесаки и ружья, и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно чрезъ городъ къ Холодной Горѣ для взятія той крѣпости. Многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. При этомъ случилось однажды такое несчастіе: изъ числа моихъ соучениковъ Степанъ Черпышевъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобъ посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лицо порохомъ, такъ, что едва чрезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаню. Я, стоя во все время близь пушки и подавая снаряды, оглохъ было также на нѣсколько недѣль.

Не помню, въ этомъ ли годѣ или прежде случилось, что опредѣленный прежде въ училище по повелѣнію губернатора, единственно изъ сожалѣнія, изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вакаціонное время въ домъ его родственниковъ, въ надеждѣ, что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, то оставилъ ересь своихъ родителей и непременно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо послѣ, услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости, послѣ того, какъ онъ самъ въ разговорахъ неоднократно издѣвался надъ

своими земляками въ слѣпомъ ихъ заблужденіи. «Что жъ», отвѣчалъ онъ, «я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру, и я хочу жить вмѣстѣ съ ними». Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ таврической губерніи при Молочныхъ Водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отпривлечаютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь.

Лѣтомъ 1796 года пріѣхалъ въ Харьковъ вновь назначенный на эту и воронежскую губерніи генераль-губернаторъ, генераль-поручикъ, Андрей Яковлевичъ Леванидовъ; съ нимъ пріѣхалъ регентъ Ведель, славный композиторъ, капельмейстеръ Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ С.-Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной, сочинитель трехголоснаго пѣнія каноновъ). Господинъ генераль-губернаторъ захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хотя фашиникомъ и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженой занимаемыхъ ими дворовъ¹⁾. При этомъ я и прочіе старшіе ученики были посылаемы для измѣренія дворовъ. Губернскій землемеръ и директоръ классовъ Г. Б. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генераль-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемера, причемъ на мѣсто его былъ опредѣленъ харьковскій уѣздный землемеръ Николай Даниловичъ Драгомиръ; но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и

---

¹⁾ Больше подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ статьѣ И. А. Устинова: „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“. Харьк. Календ. на 1886 г. стр. 85.—П. Е.

вскорѣ умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ былъ директоромъ Ѳеодоръ Ивановичъ Кудрицкій, бывший его коадьюторомъ. Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемѣры и губернской архитектуры; я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это-то время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на николаевскую церковь; по назначенію дяди я сдѣлалъ на-бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ та же колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану.

Г. Леванидовъ надѣялся надолго остаться въ своей должности; но 6 ноября того жъ 96 года скончалась императрица Екатерина, и счастье его совсѣмъ измѣнилось: сначала былъ уничтоженъ пятитысячный корпусъ стрѣлковъ въ кievской губерніи, командуемый имъ, а потомъ и его генераль-губернаторство. Но всему своему несчастію, какъ и по большей части съ людьми случается, онъ самъ былъ причиною. Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и чрезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу и генераль-губернаторство; а еще большую онъ сдѣлалъ ошибку, что при отъѣздѣ изъ Петербурга не поѣхалъ въ Гатчино проститься съ наслѣдникомъ престола, которому лично могъ бы о всемъ объясниться и просить у него прощенія. Но онъ наплевалъ въ колодезь, изъ котораго самому потомъ приходилось, да не пришлось уже пить воду. Въ то же время на мѣсто губернатора Кишинскаго, бывшаго подъ покровительствомъ князя Потемкина, опредѣленъ въ Харьковъ дѣйств. статскій совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, иѣкогда путешествовавшій съ наслѣдникомъ престола по Европѣ.

Въ 1797 году генераль прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ этому губернатору высочайшее повелѣніе о составленіи атласа слободско-украинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и статистическими

описаніями всѣхъ городовъ, сель и деревень съ ихъ заведеніями ¹⁾). Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ четырьмя моими старшими соучениками.

14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того жъ числа причисленъ въ губернское правленіе съ произведеніемъ канцеляристомъ. По докладу князя Куракина землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я съ своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по именному указу 1798 года апрѣля 28-го коллежскимъ регистраторомъ.

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ я въ городъ Сумы съ землемѣромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Резановымъ, гдѣ дѣлалъ планъ для построянія зданія полиціи, на мѣстѣ котораго впоследствии, въ 1835 г., увидѣлъ каменный двухъ-этажный домъ уѣзднго училища. Здѣсь я часто бывалъ у городничаго Ивана Ѳедоровича Богдановича, который меня полюбилъ и давалъ для прочтенія мнѣ книги. По возвращеніи я былъ прикомандированъ въ канцелярію губернатора Ал. Гр. Теплова. Этотъ губернаторъ за что-то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ и, по донесенію послѣднго о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. При переводѣ Теплова губернаторомъ въ кievскую губернію, я получилъ отъ него хорошій аттестатъ, весьма послужившій мнѣ въ пользу при опредѣленіи меня въ 1806 году въ государственный адмиралтейскій департаментъ.

Ив. Ѳед. Богдановичъ ²⁾ пригласилъ меня письмомъ для обученія его сына Ѳеодора, воспитывавшагося у генеральши Парасковьи Михайловны Штеричевой въ Басахъ, предлагая мнѣ

¹⁾ Объ этомъ атласѣ см. замѣтку въ научномъ отдѣлѣ харьк. календаря на 1886 г., стр. 147.—П. Е.

²⁾ Иванъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, городничій города Сумъ, былъ родной братъ извѣстнаго стихотворца Ипполита Богдановича. Самъ Иванъ Ѳедоровичъ написалъ и издалъ слѣд. книги: „О воспитаніи юношества“, М. 1807 г., „Слово, похвальное царю Іоанну Васильевичу IV“. М. 1809 г. и „Россійская грамматика въ пользу поляковъ“. Вильно. 1809 г.—П. Е.

жалованья въ годъ по 200 рублей ассигнаціями; на что я весьма охотно согласился, тѣмъ болѣе, что до того времени изъ губернскаго правленія я вовсе его не получалъ. При докладѣ о семъ Н. Д. Драгомира губернатору Петру Федоровичу Сабурову, онъ сказалъ: «зачѣмъ молодому человѣку терять службу?» и далъ предложеніе о переводѣ меня въ сумскую градскую полицію, 1799 года аирѣля 6. Помню, что ѣхалъ я въ Сумы во время половодья съ почталіономъ, которому губернской почтмейстеръ, по просьбѣ моего дяди Петра Антоновича, велѣлъ привезть меня туда. Въ то время было получено строжайшее именное повелѣніе отнюдь не брать сѣдоковъ почталіонамъ, везущимъ почту, данное по случаю потери почты во владимірской губерніи почталіономъ, который взялъ сѣдока; но у меня тогда и на хлѣбъ не доставало денегъ, а потому безъ сего случая я не могъ бы и пріѣхать въ Сумы. По пріѣздѣ въ Ахтырку, пока почтмейстеръ разбиралъ почту, я пошелъ къ дядѣ отцу протоіерею Ивану Антоновичу Ярославскому; но онъ весьма сухо меня принялъ, между тѣмъ сынъ его Петръ, бывши учителемъ въ Сумахъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, взялъ у меня астролябію и не возвратилъ ее. Также по счастью случилось, что я, пріѣхавши въ Басы на святой недѣлѣ, засталъ еще тамъ Александра Александровича Палицына ¹⁾ съ женою его Авдотьей Александровною. Онъ, узнавши, что я родной племянникъ губернскаго архитектора и занимаюсь архитектурою, просилъ Прасковью Мнхайловну непременно отпускать меня къ нему въ Поповку каждый мѣсяць, на что она и дала ему обѣщаніе. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ его сильно страдающаго болью головы отъ гемороеидовъ. Слыша тяжкіе и мучитель-

---

¹⁾ А. А. Палицынъ, съ которымъ авторъ воспоминаній былъ хорошо знакомъ и о которомъ много сообщаетъ, по словамъ В. Н. Каразина, „имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, къ лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библиотекъ. Ему обязаны мы большею частію началами европейскаго быта на Украинѣ“. Украин. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 129.—П. Е.

ные стоны его, я прослезился. Послѣ, спустя долгое время, жена его Авдотья Александровна припомнила мнѣ, что слезное мое участіе въ болѣзни ея мужа заставило его съ того времени полюбить меня.

Въ то время рассказывали про ужасный случай, происшедшій въ 99 году въ Харьковѣ. Пономарь вознесенской церкви, рано по утру подойдя къ ней для звона къ заутрени, увидѣлъ на дверяхъ приклеенную исписанную бумагу; онъ тотчасъ далъ знать протоіерею отцу Василию Фотіеву, который прежде былъ моимъ учителемъ риторики. Отецъ Василій, прочтя эту бумагу, увидѣлъ, что это пасквиль почти на всѣхъ губернскихъ чиновниковъ (предъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ сказано было: пиши Г., что значило висѣлицу, а тогда, по повелѣнію Государя, вездѣ разставлены были висѣлицы для бѣжавшаго съ ротою за границу какого-то капитана, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ пойманъ, и повѣсить его и солдатъ), и какъ въ немъ былъ расхваленъ Костюшка, предводитель польскаго возмущенія, а управленія государя Павла съ невыгодной стороны описаны, то отецъ Василій и побоялся изорвать эту бранную бумагу, чтобы въ случаѣ отъ кого-либо доноса не имѣть непріятностей, а представилъ ее губернатору Сабурову. Еслибъ губернаторъ исполнилъ именной указъ императрицы Екатерины, повелѣвавшій палачу всѣ подметныя безыменныя письма и пасквили сжечь подъ висѣлицею, то тѣмъ бы это дѣло и кончилось, и другаго пасквиля, достовѣрно, не было бы. Но онъ, отославъ эту бранную бумагу при рапортѣ государю, думалъ показать государю тѣмъ свою подданническую преданность. Она была худо принята, и Сабуровъ въ то же время былъ удаленъ отъ должности. Но этимъ непріятность въ городѣ по предмету пасквиля не кончилась: государь прислалъ генерала Бердяева для строжайшаго изслѣдованія. Разныя лица, на которыхъ падало хоть малѣйшее подозрѣніе, были допрашиваемы; особенно, какъ говорили, пострадалъ при допросахъ невинно отецъ Василій Фотіевъ; Лохвицкій же, изъ семинаристовъ, былъ посланъ въ Сибирь. По замѣчанію многихъ, онъ былъ составителемъ этого пасквиля,

вмѣстѣ съ горбатымъ графомъ Михайломъ Подгоричани, любившимъ надъ всѣми издѣваться; но Лохвицкій, видно, умолчалъ о немъ; самъ же возвращенъ оттуда уже въ царствованіе императора Александра. Говорятъ, что тогда въ Харьковѣ одинъ другого боялись: даже родные опасались посѣщать другъ друга. Въ то же время еще большій на всѣхъ навело ужасъ, когда поручикъ чугуевского полка Артюховъ былъ высѣченъ кнутомъ: подумали, что такимъ тѣлеснымъ наказаніемъ дворянская грамота вовсе государемъ уничтожена; но это случилось отъ его ошибки въ подписи конфирмаціи: «быть по сему» противъ того мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе полагается простолюдинамъ, а не тамъ, гдѣ былъ подведенъ законъ, что дворяне освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ его боялись, что генераль-аудиторъ не смѣлъ доложить, какъ слѣдовало исполнить его конфирмацію¹⁾.

Живя въ Басахъ, въ тѣ годы пріятно было прохаживаться въ городъ Сумы: плотины съ обѣихъ сторонъ осѣнены были вербами, по лугамъ росли цвѣты: ландышъ, незабудка и другіе; рѣка Пселъ тегла гораздо шире теперешняго подлѣ города; за нею вовсе не было жилищъ и огорожъ, обратившихъ главное ея теченіе подлѣ пришиба, ни бань надъ Сумкою. Тогда простолюдины были учтивѣе и почтительнѣе нынѣшняго: предъ старшими и сколько-нибудь лучше одѣтыми снимали шапки и кланялись, а молодые люди не ходили такъ, какъ теперь, взявшись за руки и идя сами по сухому пути, а другихъ принуждая идти по грязи или позади себя.

Прасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательнаго ума дама и примѣрная хозяйка. По смерти своего мужа генераль-маіора Штерича, она, уступивъ пасынку своему слѣдующую ей седмую часть недвижимаго имѣнія въ екатеринославской губерніи за 40,000 рублей ассигнаціями, пріѣхала въ Басы, доставшіеся ей по раздѣлу съ братьями Донецъ-Захаржевскими. Здѣсь, по плану Палицына, построила каменный домъ, существующій и теперь, но только въ запустѣніи.

1) Объ этихъ событіяхъ см. также „Рус. Старину“ 1876 г., кн. 5.—П. Е.

Въ верхнемъ этажѣ, вмѣсто назначенныхъ по плану комнатъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне ея не затруднялись ходить въ городъ для выполнения духовныхъ требъ. Также были построены два каменныхъ флигеля, оранжерея; дворъ огражденъ рѣшеткою и всѣ деревянныя службы на заднемъ дворѣ; заведены близь дома обширный цвѣтникъ и фруктовый садъ, мѣсто котораго теперь занимаютъ дикія деревья. Во время житья моего въ Басахъ; тамъ жили: наемный священникъ, почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставлялъ я читающаго правило или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ, также регентъ, учившій домашнихъ пѣвчихъ. Парасковья Михайловна непременно каждый день бывала у заутрени, потомъ молилась Богу, выслушивала обѣдню, послѣ которой пила уже чай, а въ вечеру бывала у вечерни, толковала съ священникомъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Нерѣдко заставляла она меня читать Бюф-Фонову натуральную исторію и созерцаніе природы Боннета вообщее она любила читать основательныя книги. Послѣ вечерняго чая выходила въ садъ, выслушивала донесенія прикащика и атамана о сдѣланныхъ работахъ и давала имъ приказанія о хозяйственныхъ подѣлкахъ на слѣдующій день. Такимъ строгимъ порядкомъ имѣніе ея было благоустроено; мельницы ея были тогда лучшія въ окрестности; было обширное пчеловодство въ Басахъ и въ Штеповкѣ; въ послѣднюю она ѣздила каждый годъ, и меня съ собою брала, для личнаго ея присутствія при битьѣ пчель и осмотра собраннаго хлѣба. Имѣя большія по тогдашнему времени деньги, она давала ихъ въ заемъ Марку Медвѣдеву и другимъ надежнымъ купцамъ, а первому уступила въ городѣ фруктовый садъ, гдѣ теперь находится домъ Псарева. Я строилъ, по плану А. А. Палицына, въ саду, въ видѣ бесѣдки, колоколенку на каменныхъ столбахъ (которая, къ удивленію моему, и теперь еще въ цѣлости существуетъ: вѣроятно отъ того, что въ столбы вставлены были желѣзные штыри, связанные вверху и внизу, а притомъ и кирпичъ для нихъ былъ дѣланъ по кружалу жженый, а не наливной), а также чертилъ на

было планъ, по проекту А. А., для построения въ Штеповкѣ пяти-купольной круглой церкви, въ которой каменный главный сводъ между стѣнами сведенъ на 6 саженьяхъ. Построение этой церкви стоитъ Прасковья Михайловнѣ, вѣроятно, болѣе 40 тысячъ ассигнаціями.

Я училъ въ Басахъ русской грамотѣ и писанію, священной исторіи и ариметикѣ не только сына Ивана Ѳедоровича Богдановича, но еще Надежду Андреевну, дочь Андрея Михайловича Донецъ-Захаржевскаго, также сына лѣкаря Грудницкаго, имѣвшаго домъ, аптеку и обширный садъ, гдѣ теперь живетъ уѣздный лѣкарь Бѣлицкій. Лѣтомъ 1801 года Прасковья М. ѣздила въ Константиновку, лежащую близъ Хорошевскаго монастыря, къ брату своему Андрею М., и я туда ѣздилъ съ нею. Мы ѣхали чрезъ с. Старое и останавливались у вдовы Кондратьевой, имѣвшей 4 сыновъ и троихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ дочерей. Потомъ были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной, которой мужъ въ царствованіе Екатерины былъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ построилъ въ своемъ селѣ Каплуновкѣ (гдѣ находится чудотворный образъ Матери Божіей) огромную пяти-купольную церковь, точно такой величины, какая была построена, по плану придворнаго архитектора англичанина Камерона, въ гор. Софіи близъ Царскаго Села; въ этой-то церкви служилъ извѣстный протоіерей отецъ Андрей Самборскій. Сынъ Коновницына Петръ Петровичъ былъ генераль-маіоръ и жилъ тогда въ отставкѣ; онъ имѣлъ обширную бібліотеку, въ которой я спалъ и имѣлъ честь долго съ нимъ бесѣдовать. Онъ отплатилъ визитъ Прасковья Михайловнѣ, пріѣзжалъ въ Басы, и я имѣлъ случай долго бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ высшаго образованія. Потомъ онъ опять вступилъ въ службу: въ знаменитую компанію 1812 года при фельдмаршалѣ Кутузовѣ былъ начальникомъ штаба, а послѣ военнымъ министромъ.—При насъ въ Тростяницѣ Настасія Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служеніи большой панихиды надъ гробомъ ея мужа Алексѣя Филиппыча, старшаго Надаржинскаго, гдѣ поставленъ ею былъ въ церковной оградѣ мрам-

морный монументъ, она горько плакала. Я, глядя на ея прекрасное и кроткое лицо, подумалъ: «вотъ какъ она горячо любить покойнаго своего мужа» и самъ заплакалъ, вспомнивъ, что въ дѣтствѣ моемъ я видывалъ его въ церкви. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ,—безъ осужденія, а по правдѣ сказать,—къ немалому удивленію моему, я видѣлъ ее въ объятіяхъ даже родственника и въ обыкновенномъ платьѣ.—Далѣе ѣхали мы мимо Каменки, владѣнія Надаржинскихъ, гдѣ на высокой горѣ построена по плану А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна, ѣдучи даже по дорогѣ изъ Ахтырки въ Богодуховъ; потомъ ѣхали чрезъ Янковъ Рогъ, взятый Настасьєю Николаевною въ выдѣлъ ей седьмой части изъ имѣнія Надаржинскихъ; здѣсь построены на Ворсклѣ превосходныя механическія мельницы, поднимаемыя во время полноводья. Ночевали мы въ селѣ Старыя Рябины Варлама Ильича Гаршева, женатаго на дочери бѣловодскаго Савича (ученицѣ учителя Любима Ивановича, жившаго со мною въ Басахъ, а потомъ въ Рябинахъ и тамъ умершаго). Прожили нѣсколько дней въ Старыхъ Водолагахъ, имѣніи генерала Дунина; жена его была родная сестра жены Ан. М. Захаржевской, дочери Норова, бывшаго давно въ Харьковѣ губернаторомъ и владѣвшаго сельцомъ Григоровкою на Холодной горѣ близъ Харькова. Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносили за обѣдомъ шампанское для питья за ея здоровье, а я не взялъ бокала, потому что еще вовсе не пилъ ни вина, ни водки. Г. Дунина сказала: какъ можно не пить за здоровье? Вѣрно она почла меня сущимъ невѣжею. Г. Дунина достигла глубокой старости; при похоронахъ ея говорилъ надъ гробомъ слово арх. Филаретъ, какъ видно изъ его сочиненій.—Въ Константиновкѣ мы прожили съ мѣсяць и возвратились въ Басы почти по той же дорогѣ, на которой намъ уже не случилось ничего особеннаго, кромѣ того, что были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной.

Вскорѣ по возвращеніи, мнѣ, признаться, какъ молодому человѣку, ищущему большей свободы и извѣстности, наскучило жить по монастырски, и притомъ, чувствуя себѣ цѣну, я все

стремился къ чему-то высшему; поэтому я просилъ уводить меня и Иванъ Ѳеодоровичъ Богдановичъ согласился, такъ какъ оставался еще учитель французскаго языка Любимъ Ивановичъ. Онъ былъ большой мастеръ въ разведеніи хорошихъ дынь и арбузовъ, цвѣты которыхъ иногда толковалъ, указывая мнѣ мужскіе и женскіе роды.

Бдучи въ Харьковъ, по внушенію благаго Промысла, я рассудилъ заѣхать въ Поповку, чтобы проститься съ А. А. Палицынымъ. Онъ удержалъ меня на нѣсколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошла записную книжку мнѣ на память. Она была бблшая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назарьевичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ (вѣроятно, въ то время, какъ онъ, Каразинъ, затѣялъ ходатайствовать о признаніи дѣвицы законною дочерью Надаржинскихъ). А. А. Палицынъ спросилъ меня, къ какой должности имѣю я надежду опредѣлиться. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой вѣрной надежды, а какая мнѣ встрѣтится. Онъ совѣтовалъ мнѣ искать мѣста у стараго его друга Григорія Романовича Шидловскаго ¹⁾ и написалъ къ нему рекомендательное о мнѣ письмо. Шидловскій жилъ въ Мерчикѣ и рѣдко пріѣзжалъ въ Харьковъ. По пріѣздѣ туда я вручилъ ему письмо и объявилъ, что хотѣлъ бы заниматься въ его имѣніи по части архитектуры и землемѣрства, какъ занимался прежде бывший уѣздный землемѣръ Максимъ Драгомиръ, меньшей братъ губернскаго землемѣра Драгомира. Шидловскій отвѣчалъ, что ему не нуженъ архитекторъ, а нуженъ для меньшаго его сына учитель. Соглашаясь принять и эту должность, я запросилъ въ годъ жалованья 400 руб. ассигнаціями, а онъ давалъ мнѣ 300. Въ другой разъ, пришедши къ нему, я засталъ у него моего дядюшку Петра Антоновича съ планами; видя ласковое его со мною обхожденіе, Шидловскій согласился на запрошенную мною цѣну.

¹⁾ Первый губернский предводитель дворянства слободско-украинской губерніи.—П. Е.

И такъ, 4 декабря 1801 года, въ день великомученицы Варвары, увидѣлъ я въ Мерчикѣ Варвару Романовну Подгоричани, которую видѣлъ еще въ дѣтствѣ въ Ахтыркѣ рыдающею надъ мертвымъ мужемъ. Она всегда была ко мнѣ ласкова, любила со мною бесѣдовать и спрашивать о жизни Штеричевой и Палицына и о другихъ лицахъ и дѣлахъ. Тамъ засталъ я еще учителя французскаго языка Ивана Филиппыча Вернета, того самаго, который вызванъ былъ въ Россію нашимъ знаменитымъ героемъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ для иностранной корреспонденціи и чтенія ему исторій о славнѣйшихъ герояхъ, древнихъ и новыхъ. Вернетъ имѣлъ необыкновенную память и умѣлъ ее сохранять: бывало, понравится что-либо прочитанное имъ, сейчасъ пойдетъ по нѣскольکو разъ рассказывать тѣми же словами встрѣчному и поперечному. Это тотъ самый Вернетъ, о которомъ упоминаетъ архіепископъ Филаретъ въ описаніи харьковской губерніи, что онъ прохаживалъ за нѣскольکو верстъ въ городъ Валки для бесѣдъ съ славнымъ протоіереемъ Сибсаревымъ. Письма Вернета, писанныя къ разнымъ лицамъ, были печатаемы въ харьковскомъ журналѣ, помнится, подъ названіемъ «Молодикъ». Онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Мерчика, собравши значительную сумму денегъ, что и мнѣ совѣтовалъ, какъ необходимое средство для спокойнаго житія въ мірѣ ¹⁾... Я написалъ контрактъ съ подрядчикомъ Добрынинымъ, который брался строить каменную церковь въ Пархомовкѣ для графини В. Р. Подгоричани. Сынъ Гр. Р. Шидловскаго Теодоръ почти не умѣлъ по русски читать и писать, не зналъ ни одной молитвы, и мнѣ надобно было приучать его Богу молиться, что однакожъ онъ безпрекословно всегда исполнялъ; а послѣ того я училъ его священной исторіи, ариѳметикѣ и рисованію.

Вскорѣ поѣхали мы къ Хрущову въ Рясное, куда прежде былъ вынсанъ изъ Москвы извѣстный сочинитель и при томъ стихотворецъ маіоръ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Онъ не имѣлъ

---

¹⁾ И. Ф. Вернетъ участвовалъ въ харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ“, издававшемся съ 1816—1818 г. Биографія Вернета помѣщена въ „Современникѣ“ за 1847 г., кн. 1-я.—П. Е.

никакой основательной системы обученія. Все ученіе его состояло для старшихъ двухъ сыновей Александра и Петра только въ чтеніи французскихъ книгъ, любимыхъ имъ, и въ объясненіи ихъ красотъ, а меньшаго сына Константина въ декламированіи рѣчей Гостомысла и Марѣи Посадницы новгородцамъ, чему началъ учить и сына Шидловскаго. Наконецъ, все это ему прискучило; онъ захотѣлъ ѣхать въ Москву, какъ и прежде каждый годъ ѣзжалъ, и требовалъ денегъ. Хрущовъ отказалъ, и между ними произошла ссора. Глинка грозилъ донести правительству объ утѣненіи Хрущовымъ своихъ крестьянъ работами дено и ношно на винокуренномъ заводѣ, и уѣхалъ къ Палицыну, чтобы отъ него ѣхать чрезъ Сумы въ Москву. Хрущовъ въ смятеніи уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ старшими его сыновьями къ А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку къ возврату въ Рясное, въ чемъ мы и успѣли. Такъ какъ Гр. Р. Шидловскій приказывалъ мнѣ увѣдомлять его обо всемъ, что случится, касательно его сына, то я и увѣдомилъ его не только о способѣ ученія Глинка, но и объ этомъ происшествіи. Григорій Романовичъ по пріѣздѣ въ Славгородокъ велѣлъ намъ туда пріѣхать и пригласилъ А. А. Палицына на назначенное число, который лично подтвердилъ ему справедливость моего донесенія. Тутъ они условились, чтобы для обученія его сына въ Поповкѣ пригласить другаго сочинителя и стихотворца, Евстафія Ивановича Станевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга и жившаго тогда въ Низахъ. Послѣ того Григорій Романовичъ прислалъ за нами экипажъ, чтобы мы ѣхали въ Пархомовку, гдѣ строилась церковь по проекту моего дяди. Признаться, мнѣ не нравилась фигура купола и его освѣщеніе, и я отважился составить для него особенный планъ и назначилъ внутри церкви хоры. Мысль моя одобрена была Григоріемъ Романовичемъ, а подрядчикъ находилъ мой проектъ выгоднымъ. Отсюда мы поѣхали въ Мерчикъ, гдѣ я получилъ письмо отъ И. Ѡ. Богдановича, съ извѣстіемъ, что онъ представилъ меня въ губернское правленіе къ награжденію слѣдующимъ чиномъ. По личной просьбѣ моей, Н. Д. Драгомиръ, занимавшійся не только при прежнихъ губернаторахъ, но и при тогдашнемъ, важ-

нѣйшими по губерніи дѣлами, настояль на представленіи въ герольдію и меня вмѣстѣ съ прочими. Я былъ произведенъ губернскимъ секретаремъ 31 декабря того-жъ 1802 года. Иванъ Ое-доровичъ, вызвавъ меня въ Сумы для объявленія мнѣ объ этомъ, сказалъ: «подавай въ отставку, ибо я уже увольняюсь отъ городнической должности». Вотъ какъ въ тѣ годы добрые люди мнѣ благодѣтельствовали, и во всемъ ихъ благодѣяніи я вижу Божескій о мнѣ промысль.

Лѣтомъ 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поѣхала съ нами въ Поповку къ А. А. Палицыну, заѣхавъ прежде къ П. М. Штеричевой въ Басы. Е. И. Станевичъ, узнавъ, что я учил-ся французскому языку, совѣтовалъ мнѣ заниматься имъ; вы-писалъ для меня Томаса сочиненія, изъ которыхъ я перевелъ во время житья въ Поповкѣ рѣчь французскому дофину, герцогу Бурбонскому, а потомъ рѣчь Ж. Ж. Руссо о томъ, какая добродѣтель нужнѣе героямъ и какимъ героямъ не доставало этой добродѣ-тели. Евстафій Ив. каждый разъ поправлялъ мои переводы и указывалъ мои ошибки; я же слова французскія, которыхъ не зналъ, бывало, ходя по лѣсу, стараюсь затвердить, что стоило мнѣ не малого труда, такъ какъ тогда уже мнѣ было около 25 лѣтъ. Чертилъ я также на бѣло прожекты А. А. Палицыну для разныхъ построекъ помѣщикамъ, которые о томъ просили его, и перепи-салъ на бѣло первый томъ переведеннаго имъ романа «Новой Элонзы» для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этотъ романъ. Евстафій Ив. во время житья въ Поповкѣ успѣлъ перевести двѣ поэмы стихами: «Сельскій житель» Делиля и «Ланд-шафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послед-нюю онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, хорошо наградившему его при отъѣздѣ въ Петербургъ. А. А. Палицынъ въ это время переводилъ двѣ поэмы, также стихами: «О садахъ» Делиля и «Времена года» Сень-Ламберта.

Осенью этого 1802 года пріѣзжалъ въ Харьковъ министръ просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій для обозрѣнія основаннаго тамъ университета. Оттуда онъ ѣхалъ въ свои имѣнія черни-говской губерніи; его сопровождалъ Г. Р. Шидловскій, видно,

давно знакомый ему. Въ дорогѣ Шидловскій сказалъ министру, что въ Поповкѣ живетъ старый его сослуживецъ, А. А. Палицынъ, бывшій при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ адъютантомъ. Завадовскій, посѣтивъ его въ пустынномъ жилищѣ, обходился съ нимъ совершенно по дружески. Я также удостоился видѣть сего маститаго вельможу временъ Великой Екатерины. Видны были еще на лицѣ его румянецъ и пріятность взоровъ, кротость и ласковость въ обхожденіи.

Каждый годъ ѣзжалъ я съ сыномъ Григорія Романовича къ празднику Свѣтлаго Воскресенія въ Мерчикъ, гдѣ и говѣлъ на страстной недѣлѣ, постничая, не такъ какъ въ Поповкѣ, гдѣ во весь великій и другіе посты мы ѣли скоромную пищу. Е. И. Станевичъ неоднократно мнѣ признавался, что хотѣлъ бы оставить скучную для него должность учителя и ѣхать въ Петербургъ, куда зовутъ его пріятель. Зимой пріѣхалъ въ Поповку Григорій Романовичъ проѣздомъ въ Вязьму, гдѣ жила его единственная дочь въ замужествѣ за полковникомъ Ѡ. К. барономъ Корфомъ, предобрымъ человѣкомъ, съ которымъ она часто ссорилась, не умѣя цѣнить благородства его чувствъ. Е. И. Станевичъ ѣздилъ тогда въ Нѣжинъ къ своей матери. Мнѣ непріятно было, что, будучи здѣсь, Григорій Романовичъ вовсе не интересовался знать, хорошо-ли учится его сынъ, а только спросилъ у него, цѣлы-ли золотые часы и цѣпочка, для чего онъ не носитъ ихъ и достаточно-ли у него платья? Когда онъ поѣхалъ отсюда къ П. М. Штеричевой въ Басы, я рѣшился написать ему откровенное письмо, сообщая, что Евстафій Осиповичъ намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, что только въ отсутствіи его, по просьбѣ моей, А. А. Палицынъ поправляетъ переводы его сына, самъ-же не учитъ его ничему, что выходитъ не такъ, какъ предполагалъ Григорій Романовичъ, говоря, что если хочетъ этотъ юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушаетъ наши ученые разговоры и старается ихъ помнить, и что наконецъ я самъ, видя, что лѣта мои уходятъ, также хотѣлъ бы перейти на коронную службу. Григорій Романовичъ съ неудовольствіемъ увѣдомилъ А. А. Палицына о содержаніи моего письма, а этотъ

последній строго выговаривалъ мнѣ за то, что я, не сказавши ему и не показавъ моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тѣмъ, что самъ Григорій Романовичъ приказывалъ мнѣ откровенно ему обо всемъ писать, что будетъ касаться къ его сыну. Такое весьма непріятное для меня происшествіе кончилось однако же благополучно. Возвратясь изъ Вязьмы, Григорій Романовичъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 года, прислалъ за нами экипажи, чтобы перевезти насъ къ себѣ въ Мерчикъ, и тутъ-то я, къ удивленію моему, увидѣлъ совсѣмъ противное тому, чего ожидалъ: Евстафій Ивановичъ, цѣлуя меня, радовался, что теперь безъ препятствія можетъ онъ ѣхать въ Петербургъ; Александръ Александровичъ доволенъ былъ счастливою развязкою почти хвухлѣтняго у него нашего житья, тѣмъ болѣе, что раньше сего онъ вовсе не зналъ, что Шидловскій будетъ платить ему за наше содержаніе; даже Авдотья А. Палицына обрадовалась, что она не будетъ больше беспокоиться, въ нелегкомъ и дальнемъ житьи отъ города, о присканіи для стола съѣстныхъ припасовъ. Я объявилъ Александру Александровичу, что намѣренъ поѣхать въ Полтаву и тамъ искать землѣрскаго мѣста. Во время пребыванія моего въ Мерчикѣ, случилось, что Н. Н. Надаржинская пріѣхала туда въ то время, когда Шидловскаго цѣлый день не было, а я одинъ только въ домѣ могъ сидѣть съ нею и разговаривать. При разговорѣ она безпрестанно меня спрашивала о нравѣ и поведеніи сына Григорія Романовича и охотно-ли онъ учится. Я, по всегдашней моей откровенности и безхитростной простотѣ, все разказалъ ей по правдѣ. Бывало, я начну разговоръ о ея дѣлахъ и положеніи, а она, не отвѣчая на мои слова, все о томъ же меня спрашиваетъ, или какъ живетъ А. А. Палицынъ и занимался ли онъ ученіемъ сына Григорія Романовича. На другой день, увидя нѣкоторую холодность ко мнѣ Григорія Романовича, я самъ себя сказалъ: вотъ какъ хитрыя женщины все вывѣдываютъ, а откровенные люди себя губятъ!

Гр. Р. Шидловскій былъ статный и красивый мужчина средняго роста, подходящаго болѣе къ высокому, ума тонкаго,

изобрѣтательнаго, опытнаго, находчиваго во всёхъ случавшихся препятствіяхъ и непріятностяхъ; ласковый, обходительный, онъ умѣлъ всякаго привязать къ себѣ. Удивительно, что, бывши самъ богатъ, изъ числа первѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ женился на Момоновой. Хотя взялъ за нею приданое 800 душъ и имѣніе близъ Терновъ сумскаго уѣзда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, необходимая, подслѣповатая, капризная, ворчливая, вовсе не занималась гостями, всегда одна или съ прислугою сидѣла въ своей спальнѣ, и, нечего грѣха таить, любила пить и умерла отъ водяной болѣзни. Но и дѣти ея во многомъ сходствовали съ ея душевными и тѣлесными недостатками. Старшій сынъ былъ посланъ въ Ригу на воспитаніе къ какому-то профессору; но возвратился оттуда ни съ чѣмъ. По видимому юноша имѣлъ дарованіе и острую память, но познанія его были очень скудны: онъ могъ въ мысляхъ своихъ помножить нѣсколько чиселъ на три множителя и скажетъ, бывало, ихъ произведеніе; тоже самое и въ дѣленіи могъ сказать, какое изъ нихъ вышло частное число. Учился онъ играть на фортепіанѣ; но когда, бывало, попросимъ его что-либо сыграть, то онъ проиграетъ только тѣ пьесы, которыя выучилъ въ пансіонѣ, а новыхъ никогда и не разыгрывалъ. Видно, не имѣлъ склонности къ музыкѣ, да и ни къ какой наукѣ, ни къ чтенію книгъ и ни къ какому занятію. Любилъ сидѣть одинъ, какъ нелюдимъ, походилъ на идіота и подверженъ былъ падучей болѣзни, можетъ быть, и отъ невоздержанія отъ хмельныхъ напитковъ, также какъ мать его. Не порадовалъ онъ ничѣмъ отца своего, не вступилъ ни въ какую службу и умеръ, едва достигши совершенныхъ лѣтъ. Дочь Катерина—красивая и похожая на отца, но гордая и своенравная: никто бывало не угодитъ ей, всегда недовольная и бранчивая съ прислугой. Въ жизни она много причинила горя отцу, и даже при смерти.

Гр. Р. Шидловскій былъ въ свое время самый блистательный помѣщикъ губерніи. Въ Старомъ Мерчикѣ онъ выстроилъ каменный огромный двухъ-этажный домъ на высокомъ цоколѣ; внизу помѣщались печи и отъ нихъ нагрѣвались стѣны залы и

гостиной въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ. Напротивъ былъ каменный двухъ-этажный флигель для помѣщенія кухни и прислуги. Еще два каменныхъ флигеля, одинъ для прїѣзда гостей, а другой для дворецкаго; на заднемъ дворѣ каменные конюшни и сарай. Въ саду каменный манежь, бесѣдка, резервуаръ и ротонда въ видѣ круглаго храма въ два этажа со сводами; на верху, бывало, играетъ музыка, а внизу въ прохладѣ отдыхаютъ посѣтители. Всѣ домашнія и садовыя постройки обнесены были каменною оградой. Сверхъ того и на селѣ построены были два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, одинъ для житья священнику, а другой арендатору. Всѣ эти зданія строены были по планамъ А. А. Палицына. Имѣніе Григорія Романовича было благоустроено; крестьянскіе дома всѣ были чисты и обгорожены. Изъ его науки и опытности вышли два замѣчательныхъ человека: Хлустинъ и Виталій Сурдина. Первый былъ сначала у брата его Михайла Романовича деньщикомъ, потомъ у него надсмотрщикомъ при постройкахъ въ прїемѣ матеріала. Видя его удивительную расчетливость, онъ отдалъ ему свои имѣнія на аренду. Условія этой аренды были весьма благодѣтельны для его крестьянъ: арендаторъ вовсе не имѣлъ права касаться къ собственнымъ ихъ землямъ и заставлялъ ихъ работать вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, положенныхъ закономъ, только два дня. Онъ долженъ былъ пользоваться собственно принадлежащими помѣщику землями, полями, сѣнокосами, лѣсами, доставляя изъ нихъ условленное количество для дома хлѣба, сѣна и дровъ и платя положенную сумму денегъ. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на арендатора; онъ самъ сдѣлался такъ богатъ, что купилъ себѣ болѣе ста душъ, купивши прежде въ Военной Коллегіи патентъ на чинъ поручика. Другой, Виталій Сурдина, былъ скрипачъ и игралъ тихо, какъ будто подъ сурдиной. Григорій Романовичъ, ѣздя по должностямъ своимъ нерѣдко въ Петербургъ, бралъ съ собою и его. Въ послѣдній разъ Сурдина воспользовался поѣздкою: заплатилъ въ Военной Коллегіи, съ кѣмъ уговорился, 500 рублей. По возвращеніи въ Харьковъ получаетъ на почтѣ патентъ съ надписью на

конвертъ: капитану Виталію Сурдинѣ. Искали по цѣлому городу другаго Сурдину и не могли найти. По разспросамъ почтмейстеръ узналъ, что у Григорія Романовича есть музыкантъ этой фамиліи, его крестьянинъ, приноситъ патентъ къ Григорію Романовичу и отдаетъ ему. На мѣстѣ Шидловскаго другой могъ бы разорвать этотъ патентъ, тѣмъ бы дѣло и кончилось, и данныя въ Военную Коллегію деньги пропали бы; Григорій Романовичъ поступилъ иначе. Прежде, чѣмъ вручить скрипачу патентъ на капитанскій чинъ, онъ говоритъ ему однажды: «Виталій! пойдѣмъ въ конюшню, посмотримъ лошадей». Виталій, догадываясь, видно, для чего баринъ зоветъ его въ конюшню, отговаривался тѣмъ, что онъ не знатокъ въ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе итти было надо. Шидловскій, по приходѣ въ конюшню, велѣлъ раздѣть его и высѣчь розгами, за то, что, намѣреваясь купить себѣ чинъ, прежде не просилъ у него на то позволенія. Потомъ онъ вручилъ ему патентъ на капитанскій чинъ, а впоследствии времени сдѣлалъ его арендаторомъ имѣнія сестры своей, В. Р. графини Подгоричани, отъ чего Сурдина обогатился и купилъ себѣ деревню. Вотъ каковы въ прежнія времена, по милости Военной Коллегіи, были военные чиновники!

Поживя нѣкоторое время въ Мерчикѣ, Григорій Романовичъ отдалъ своего сына въ Харьковъ въ пансіонъ. Пысылая къ А. А. Палицыну деньги, онъ позвалъ меня и сказалъ: «вотъ я посылаю ему тысячу рублей; можетъ, это и много?» Я отвѣчалъ ему: «вамъ извѣстно, что онъ не богатый человѣкъ, а для васъ эти деньги мало стоятъ». Обо мнѣ Григорій Романовичъ писалъ рекомендательное письмо къ малороссійскому генераль-губернатору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства Василю Кочубею. А. А. Палицынъ также писалъ обо мнѣ къ извѣстному сочинителю Василю Васильевичу Капнисту, котораго я не засталъ въ Полтавѣ, и къ бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что онъ тамъ служить губернскимъ архитекторомъ, между тѣмъ какъ онъ служилъ тогда въ Черниговѣ. Генераль-губернаторъ весьма ласково меня принялъ, что показывало мнѣ хорошее его располо-

женіе къ Григорію Романовичу; тоже и губернской предводитель. Князь спросилъ меня, въ какой должности хочу я служить. Я отвѣчалъ, что въ архитекторской или землемѣрской. Онъ сказалъ мнѣ, что архитекторъ есть (дѣйствительно архитекторомъ былъ Абросимовъ, у котораго жена англичанка хорошо рисовала и обдѣлывала планы); а въ отношеніи землемѣрской должности велѣлъ губернскому землемѣру проэкзаменоватъ меня. Я однакожь въ воскресные дни хаживалъ къ генералъ-губернатору и всегда заставлялъ у него много чиновниковъ и просителей. Его страстью была обсадка почтовыхъ дорогъ деревьями. Помню, однажды онъ рассказывалъ: «здѣшніе помѣщики тяготеются обсадкою деревьями почтовыхъ дорогъ на своихъ участкахъ земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго, который говорилъ, что во время турецкой войны въ обширныхъ степяхъ какъ увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть подъ тѣнью его, то обрадуешься такъ, будто-бы увидѣлъ лучшаго своего друга». Дѣлая въ чертежной данныя мнѣ землемѣрскіе планы, я слышалъ жалобы уѣздныхъ землемѣровъ на тягостную ихъ службу, что безпрестанно занимаются проводкою почтовыхъ дорогъ и обсадкою ихъ деревьями, не имѣя ни спокойнаго ночлега, ни достаточной пищи, и что на послѣдокъ придется имъ подать въ отставку. Я подумалъ, что здѣшнее служеніе въ землемѣрской не владѣ для меня. Губернскій землемѣръ, проэкзаменовавъ меня въ знаніи межеванія по астролябіи, донесъ о томъ князю. Но когда я послѣ сего явился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ, что въ полтавской губерніи нѣтъ теперь землемѣрской вакансіи, а есть въ Нѣжинѣ, черниговской губерніи. «Если хотите служить тамъ, прибавилъ князь, то я напишу тамошнему губернатору; онъ объ опредѣленіи васъ землемѣромъ представитъ отъ себя сенату». Я отвѣчалъ: «мнѣ лестно было-бы служить въ виду вашего сіятельства, а какъ это невозможно, то позвольте мнѣ возвратиться въ Харьковъ». Князь спросилъ меня: «А если откроется въ полтавской губерніи вакансія, то гдѣ васъ отыскать?» Я отвѣчалъ, что если Григорій Романовичъ получитъ о томъ извѣстіе, то я тотчасъ приѣду въ Полтаву. Я полагалъ, что этимъ усерд-

ная князя забота о моемъ опредѣленіи землемѣромъ и кончится.

Какъ Григорій Романовичъ помѣстилъ уже своего сына въ пансіонъ, то, полагая, что я ему вовсе не нуженъ, при возвратномъ пути я не заѣхалъ къ нему въ Мерчикъ, а поѣхалъ прямо въ Харьковъ. Губернскій предводитель В. М. Донецъ-Захаржевскій, увидѣвъ меня здѣсь, обрадовался и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ село его, изюмскаго уѣзда, Бугаевку, гдѣ строился каменный двухъ-этажный домъ по моему плану и куда я прежде съ нимъ ѣздилъ. Тамъ склонили меня онъ и братъ его Петръ М. остаться у послѣдняго жить; я согласился, но такъ неосторожно, что вовсе не договаривался съ ними, на какомъ основаніи я буду жить у нихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, къ немалому удивленію моему, получаю письмо отъ Г. Р. Шидловскаго съ приложеніемъ копіи съ письма къ нему кн. Куракина; извѣщая его объ открывшейся въ Полтавѣ вакансіи землемѣра, князь просилъ его объявить о томъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я явился къ нему для опредѣленія на это мѣсто. Я былъ въ нерѣшимости, ѣхать-ли мнѣ въ Полтаву, или нѣтъ. Петръ Михайловичъ сталъ уговаривать меня, чтобы я отказался, а занялся воспитаніемъ его сына, котораго онъ имѣлъ отъ любовницы молдаванки, бывшей нѣкогда красавицею. При семъ онъ давалъ мнѣ лестныя обѣщанія, говорилъ, что у него 500 душъ и 6000 дес. земли, а наследниковъ нѣтъ и что со временемъ онъ можетъ меня наградить. Петръ Михайловичъ самъ поѣхалъ со мною въ усненскую ярмарку. Василій Михайловичъ также, уговаривая меня, изъяснялъ подобныя лестныя обѣщанія, то есть, какъ говоритъ пословица: сулили журавля въ небѣ, а не дали и синицы въ руки. Я рѣшился не ѣхать въ Полтаву по причинѣ трудности тамошняго служенія и потому еще, что какъ тамъ земли формально не размежеваны, то для землемѣровъ не можетъ быть занятій частными межеваніями, слѣдственно и никакихъ доходовъ; къ тому же у меня было весьма мало денегъ, а не раньше полугода я могъ быть опредѣленъ сенатомъ и получить жалованье по землемѣрской

должности. Итакъ, я отказался отъ нея, что было Григорію Романовичу весьма непріятно.

Возвратясь въ Бугаевку, я жилъ почти безъ всякаго занятія, кромѣ того, что иногда ходилъ смотрѣть за постройкою дома Василій Михайловича; днемъ игралъ съ хозяиномъ на биллиардѣ, а вечеромъ непремѣнно съ нимъ-же въ дураки. Отъ всегдашней праздности я самъ почувствовалъ расположеніе къ ней, чрезъ что со временемъ сдѣлался бы лѣнтяемъ и неспособнымъ къ дѣлу. По счастью случились со мною непріятности, которыхъ я не могъ перенести. Пользуясь поѣздкой музыканта хозяина въ Харьковъ на покровскую ярмарку, я отправился съ нимъ туда же, а оттуда направился въ Поповку къ Палицыну, не сказавъ при свиданіи здѣсь съ Василіемъ Михайловичемъ, что совѣмъ оставилъ Бугаевку, что, какъ послѣ я узналъ, была ему крайне непріятно. Нанявши извозчика, я разсудилъ захватъ въ Мерчикъ къ Г. Р. Шидловскому; но какъ у него гостили тогда дамы, то я не смѣлъ явиться къ нему въ дорожномъ платьѣ и безпокоить его разговоромъ о своихъ обстоятельствахъ, а переночевавъ у дворецкаго, по настоянію извозчика, скорѣе выѣхалъ.

А. А. Палицынъ весьма обрадовался моему пріѣзду; въ это время у него не было помощника для черченія на бѣло его прожектовъ на строенія разнымъ знакомымъ ему помѣщикамъ, а прежде, бывало, жилали у него по два и по три, и всѣ они обязаны ему были своимъ образованіемъ. Жилось мнѣ здѣсь хорошо. По обыкновенію мы гуляли по лѣсу, подчищали молодые деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ, бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная, грудь крѣпкая, голосъ громкій, краснорѣчіе необыкновенное, къ тому же большое искусство разнообразить предметы разговоровъ, чтобы не утомить слушателя. Бывало, пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокурениемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ съ нимъ вести ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ. Жаль только,

что онъ былъ холодецъ къ обрядамъ христіанской религіи; впрочемъ я впрочемъ отъ него не слыхалъ, чтобы онъ невыгодно отзывался о ней или издѣвался надъ ея приверженцами. Проявляя у Александра Александровича, я сдѣлалъ въ это время, по его прожектору, чертежи для увеличенія каменной церкви и устройства въ ней новаго иконостаса въ селѣ Мерчиѣ. Посылая эти планы Шидловскому, Александръ А. объяснилъ въ письмѣ, что я ихъ дѣлалъ, и Шидловскій прислалъ мнѣ 150 руб., вѣроятно, вспоминая, что при отъѣздѣ въ Полтаву онъ далъ мнѣ только 50 р., тогда какъ Станевичу далъ 1000 рублей; впрочемъ Станевичъ въ признательность за такую награду посвятилъ ему переведенную имъ въ Поповѣ стихами поэмѣ «О садахъ», какъ выше сказано.

Послѣ смерти въ 1802 году знаменитаго нашего стихотворца Ипполита Федоровича Богдановича, творца «Душеньки», Станевичъ писалъ къ А. А. Палицыну, что благодѣтель его, вице-адмиралъ Шишковъ, желалъ бы напечатать его (т. е. Богдановича) стихотворенія, если остались такіа, которыя не были прежде напечатаны. По сему случаю я былъ нѣсколько равъ у брата покойнаго, Ив. Ф. Богдановича, бывшаго городничимъ въ Сумахъ, разбиралъ всѣ его бумаги, нѣкоторыя мелкія его стихотворенія, списанныя мною, но всѣ они оказались напечатанными въ разныхъ журналахъ.

Безпокоясь безпрестанно, чтобы имѣть постоянное и надежное мѣсто, я просилъ А. А. рекомендовать меня къ богатому помѣщику, тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятій по части архитектуры и землемѣрства. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей уважалъ А. А., по планамъ котораго построены въ селѣ Хотѣни большая каменная оранжерея, конюшня и цѣлая улица деревянныхъ сельскихъ домовъ для музыкантовъ, пѣвчихъ и домашней прислуги. По пріѣздѣ въ Хотѣнь, Комбурлей ласково меня принялъ, только нѣсколько времени не соглашался дать мнѣ жалованья 500 р. асс. Наконецъ согласился и сказалъ мнѣ, что онъ по первой санной дорогѣ поѣдетъ въ Москву и меня съ собою

возьметъ, а потому требовалъ, чтобъ я поспѣшилъ взять свои вещи и прїѣхалъ въ Хотѣнь къ тому времени. Послѣ Николаева дня я поѣхалъ съ его человѣкомъ впередъ для заготовленія ему до Москвы лошадей. Въ Курскѣ мы остановились въ домѣ надворной совѣтницѣ Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Тамъ взялъ я у губернатора подорожную для Михайла Иввовича и написавъ отъ имени его письма къ орловскому вице-губернатору и тульскому губернатору съ просьбою заготовить для него 15 лошадей, поѣхалъ съ этими письмами впередъ. Вице-губернаторъ, видно, прежде служившій съ нимъ, обѣщалъ исполнить его желаніе; но тульскій губернаторъ Ивановъ сказалъ мнѣ: проѣздъ въ Москву и обратно каждый день бываетъ великъ, почтовыхъ лошадей на станціяхъ мало, всѣ проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ извозчиковъ, можете и вы тоже сдѣлать. На постоянныхъ дворахъ я пытался нанимать вольныхъ, но они запросили, по ихъ обыкновенію, почти двойную цѣну противъ почтовыхъ и я не осмѣлился дать. Между тѣмъ, вѣдучи день и ночь въ большіе морозы и мятель, я изнурился и озябъ и по прїѣздѣ въ Тулу, пообѣдавши на постояломъ дворѣ, заснулъ крѣпко и спалъ такъ долго, что М. И. нагналъ меня здѣсь, самъ нанялъ вольныхъ лошадей и выѣхалъ прежде, чѣмъ человѣкъ, разбудивши меня, сказалъ, что и для насъ лошади запряжены. Помню, что остановясь въ Серпуховѣ ночевать, Михайлъ Ивановичъ строго выговаривалъ мнѣ, что я не заготовилъ ему лошадей, и не принялъ моего оправданія. Въ особенности онъ оскорбился и сталъ шумѣть, когда я сказалъ ему: «если я не угоденъ вамъ, то прошу уволить меня». Но добрая Анна Андреевна спѣшила успокоить его, говоря: «полно, полно, душенька!» Здѣсь-то, въ Серпуховѣ, въ первый разъ въ жизни моей я вѣлъ стерляжью уху, сваренную съ примѣсью вина.

Въ Москвѣ Михайлъ Ивановичъ остановился на Пречистенкѣ въ собственномъ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ прежде тещѣ его, генеральшѣ Елизаветѣ Петровнѣ Рахмановой. Я бѣгалъ по разнымъ улицамъ, съ большимъ любопытствомъ останавливался противъ великолѣпныхъ домовъ и церквей, раз-

сматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ воскресные и праздничные дни хотѣлъ быть въ нѣкоторыхъ церквахъ у обѣдни; но, приходя къ нимъ, вездѣ видѣлъ церкви запертыя, потому что въ нихъ служились раннія обѣдни, и только въ успенскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ монастыряхъ звонили къ поздней обѣднѣ въ 10 часу. Я нѣсколько разъ слушалъ ее въ томъ соборѣ, прикладывался къ чудотворному образу Владимірской Богоматери и къ мощамъ митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа, а въ теплой церкви—митрополита Алексѣя. Узнавши, что въ Голицынской больницѣ за рѣкою Москвою поють въ церкви превосходные пѣвчіе (подъ дирекцію, кажется, извѣстнаго Аникіева или Дегтярева), я часто туда хаживалъ, хотя и далеко. Хоры для нихъ тамъ сдѣланы подъ самымъ куполомъ, и на нихъ пѣвчихъ не видно, только слышно пѣніе, пріятно раздающееся внизу по церкви. Тутъ на высокомъ пьедесталѣ стоитъ прекрасный бѣлаго мрамора бюстъ покойнаго кн. Голицына, который былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и пожертвовалъ большой капиталъ для устроенія и содержанія этой больницы. Родной братъ его, дряхлый старичокъ, всегда бывалъ у обѣдни. Больница построена въ два этажа на высокомъ цоколѣ; въ срединѣ ея находится церковь, расположенная такъ, что тяжело больные могутъ слушать богослуженіе изъ корридоровъ; съ другой стороны во всю длину усадьбы расположенъ до самой Москвы обширный садъ съ огородомъ. Въ первое воскресенье великаго поста, по данному мнѣ М. И. билету, я былъ на концертѣ въ обширной круглой залѣ, гдѣ всѣ московскіе лучшіе музыканты, въ томъ числѣ и нашъ Блюмъ, играли превосходную ораторію Гайдена «Сотвореніе міра». Былъ я и въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли любимую тогда публикою оперу «Русалку»; актриса Сандунова, представлявшая ея роль, славившаяся при императрицѣ Екатеринѣ на придворномъ театрѣ своимъ пѣніемъ, и подъ сорокъ лѣтъ имѣла еще голосъ пріятный, звонкій и игривый. Я обозрѣвалъ университетъ, но въ церкви его и на лекціяхъ не удалось быть. Любовался строгимъ соблюденіемъ правилъ орденовъ архитектуры зданія сената, постройки славнаго архи-

тектора Баженова, также дворцами Головинскимъ и Слободскимъ. О послѣднемъ рассказываютъ, что онъ принадлежалъ графу Безбородко; императоръ Павелъ, бывши въ немъ и увидѣвъ, что садъ расположенъ на обширной равнинѣ, гдѣ росли большія деревья, сказалъ: «какой прекрасный былъ бы плацъ для ученія войскъ!» Въ ту же ночь деревья были срублены. Вотъ какъ тонкіе придворные умѣютъ льстить прихотямъ государей! Домъ Пашкова, архитектуры Козакова, ученика Баженова (теперь въ немъ помѣщается публичная библіотека), расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, которое придаетъ ему немалую красоту; а садъ, расположенный по скату, сказываютъ, въ прежнее время былъ звѣринцемъ.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ на масляницѣ главнокомандующаго Беклешова, знаменитую княгиню К. Д. Дашкову и многихъ сенаторовъ на блины, а потомъ на катанье. Нарядныхъ экипажей было довольно; на одномъ изъ нихъ помѣщался и я съ виртуозомъ Блюмомъ и докторомъ Ив. Ег., жившими въ домѣ Михаила Ивановича. Помню, что когда за рѣкой Москвою экипажи поровнялись противъ стараго деревяннаго дома извѣстнаго графа Орлова-Чесменскаго, то онъ выѣхалъ со двора на сѣромъ въ яблокахъ рысакѣ, самъ правилъ имъ и кланялся катающимъ. Тогда уже таялъ снѣгъ по улицамъ.

На второй недѣлѣ повѣялъ холодный сѣверный вѣтеръ съ метелью, и мы возвратились въ Украину по санной дорогѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Ѳедоровичъ Алферовъ, лучший изъ учениковъ А. А. Палицына, которому по смерти своей онъ и оставилъ въ наслѣдство свою деревню Поповку. Отсюда пріѣхалъ онъ въ Хотѣнь, гдѣ занялся черченіемъ плана для построения каменной церкви въ Большомъ Бобрикѣ, имѣнія генеральши Елисаветы Петровны Рахмановой. Въ составленіи этого плана онъ уже не слѣдовалъ вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однакожь въ пятидесятыхъ годахъ бывши въ Бобрикѣ, я видѣлъ въ натурѣ построенную церковь совсѣмъ по иному плану, говорятъ, какого-то итальянца.

Н. О. Алферовъ предполагалъ ѣхать за границу, ему необходимо нужны были деньги, а ихъ у него было весьма мало, и отецъ его не въ состояніи былъ пособить ему. При малыхъ деньгахъ, какія могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россією, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился чрезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 году. Онъ правду мнѣ сказалъ, что производимыя подъ моимъ надзоромъ въ Хотѣни постройки не сдѣлаютъ мнѣ чести; собственные крестьяне каменщики, плотники и штукатуры, нигдѣ не учившіеся, что могутъ сдѣлать отличнаго? Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья въ одной половинѣ виртуозу Блюму, а въ другой мнѣ съ механикомъ Шмидтомъ. Вновь перекрыта была желѣзомъ церковь, на фонарѣ которой вмѣсто осьмерика я сдѣлалъ куполь. По указанію механика сдѣлалъ я планъ для построенія каменной и вѣтряной мельницы, да подъ осень ѣздилъ въ курскую губернію для измѣренія чрезполосныхъ участковъ земли, принадлежащей Михаилу Ивановичу, и сдѣлалъ имъ планъ. Вотъ и всѣ мои работы; въ досужее время я по большой части читалъ свои книги и переводилъ изъ нихъ.

Но жить въ Хотѣни было весело: часто играли музыки скрипичная, духовая, а иногда роговая, доставшіяся М. И. отъ Василія Степановича Попова, правителя канцеляріи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго; была сверхъ того пѣвческая, въ которой были двѣ дѣвицы, пѣвавшія аріи; кромѣ Блюма былъ капельмейстеръ музыки, а другой пѣніи. Французъ поварь готовилъ вкусныя и роскошныя блюда, а при томъ Михаилъ Ивановичъ любилъ пить и хорошее вино. Служа вѣскольکو курсовъ губернскимъ прелводителемъ дворянства, а потомъ вице-губернаторомъ въ царствованіе имп. Екатерины, онъ привыкъ дѣлать великолѣпныя и пышныя обѣды, балы и вечеринки. Столовый сервизъ для нихъ былъ подаваемъ все серебряный; суповыя великолѣпныя чаши, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальныя доски, обыкновенно на столахъ употребляемыя для поста-

новленія фарфоровыхъ стопокъ, иногда были усынаемы разноцвѣтными песками въ видѣ прелестныхъ ландшафтовъ. Онъ былъ вице-губернаторомъ при губернаторѣ Кишинскомъ. Кишинскій жилъ только жалованьемъ, а можетъ быть нѣкоторыми посторонними доходами. Рассказывали, что когда онъ былъ отставленъ отъ должности, то въ мясной лавкѣ остался долженъ болѣе тысячи рублей: сколько же онъ былъ долженъ въ бакалейныя и другія лавки? И вотъ иной день соберется, бывало, къ нему много губернскихъ чиновниковъ и дворянъ; тогда онъ, подойдя къ М. И., скажетъ ему на ухо: «гостей довольно, а кормить ихъ нечѣмъ: у меня обѣдъ готовленъ по домашнему только для своего семейства». Михайлъ Ивановичъ или пригласитъ всѣхъ гостей къ себѣ, когда еще время не сблизилось къ обѣду, и предоставитъ гостямъ заняться играми въ карты, пока приготовятъ кушанье; или-же, если настало время обѣда, велитъ принести кушанье изъ своей кухни, какъ онъ жилъ въ казенномъ домѣ чрезъ улицу, гдѣ теперь находится университетская обсерваторія и прочія его помѣщенія.

Часто къ М. И. ѣзжали полковые сумскаго гусарскаго полка, квартировавшіе тогда въ Сумахъ. Въ сентябрѣ родилась ему дочь, названная Елизаветою; она была тогда только одна, потому что сынъ Иванъ, рожденный прежде, въ младенчествѣ умеръ. Тутъ-то было веселья и праздника при крестинахъ! Эта дочь по возрастѣ выдана была за генерала Бутурлина, извѣстнаго описателя войны 1812 года. За нею въ приданое даны ему были Хотѣнь со всѣми близъ лежащими деревнями. При подаркахъ всѣмъ, живущимъ у М. И., и мнѣ достались серебряныя часы, бывшіе у меня даже и въ Сумахъ.

Жившій со мной въ Хотѣни въ одной комнатѣ отставной майоръ N рассказывалъ происшествіе о великихъ и необыкновенныхъ хитростяхъ М. И., употребленныхъ имъ для успѣха въ женитьбѣ на Аннѣ Андреевнѣ. Она родилась по смерти своего отца Андрея Кондратьева въ Курскѣ, въ домѣ бабушки своей Страмплихи, бывшей опекуной всего ея имѣнія и гдѣ всегда жила ея мать Е. П. Рахманова ¹⁾. При достиженіи совершеннолѣтія, за нею про-

¹⁾ Елисавета Петровна безвыѣздно здѣсь жила съ двумя дочерьми дѣвками. Г. Н., ея сынъ, часто пріѣзжалъ съ дядею своимъ генераломъ Гавріи-

сватывались молодые женихи, сыновья графовъ и князей; но М. И., бывши уже подъ сорокъ лѣтъ, отбилъ у нихъ эту богатую невѣсту. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ; вознамѣрясь жениться на ней, онъ дѣлывалъ частыя роскошныя угощенія обѣдами, вечеринками и балами; музыка была всегда съ нимъ и въ Курскѣ, и онъ былъ любитель ея. О своемъ замыслѣ жениться на этой невѣстѣ онъ увѣдомилъ графа Ал. Ан. Безбородко, съ которымъ былъ въ великой дружбѣ по волокитству. Въ зимнее время завелъ послѣобѣденное катанье и почти всегда преимущественно приглашалъ Анну Андреевну кататься съ нимъ на превосходномъ козыркѣ и превосходныхъ лошадяхъ. Поѣхавши по губерніи для обрѣзкованія присутственныхъ мѣстъ, онъ имѣлъ неосторожность взять съ собою и нѣсколькихъ музыкантовъ для увеселенія дворянъ. Кто-то изъ его недоброхотовъ донесъ государю, что губернаторъ, объѣзжая губернію, поручалъ своему секретарю ревизовать дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, а самъ увеселялъ дворянъ музыкою. Государь, при докладѣ о семъ, велѣлъ приготовить указъ объ удаленіи курскаго губернатора. Безбородко прислалъ ему фельдъегеря съ увѣдомленіемъ объ этомъ роковомъ повелѣніи и совѣтовалъ поспѣшить своею женитьбою на богатой невѣстѣ, заявляя, что онъ можетъ продержатъ указъ день, другой, но не болѣе. М. И., не упуская времени, приглашаетъ гостей къ себѣ на катанье, сажаетъ съ собою Анну Андреевну, объясняется ей въ своей любви и получаетъ отъ нея согласіе выйти за него замужъ. На другой день по утру М. И. пріѣзжаетъ къ ея бабушкѣ, проситъ ее въ кабинетъ для личнаго съ нею объясненія и открывается ей въ любви къ ея внуку и въ желаніи жениться на ней. Чтобы избѣгнуть затрудненія въ рѣшительномъ отвѣтѣ, бабушка говоритъ, что это зависитъ отъ матери невѣсты. Тогда М. И. проситъ матушку въ кабинетъ; та отвѣчаетъ ему, что дочь ея со-

---

ломъ Михайловичемъ Рахмановымъ. Также долго здѣсь жила съ малолѣтнимъ сыномъ меньшая сестра Ел. Петр. княгиня Горчакова, которой мужъ былъ сосланъ въ Сибирь; онъ находился при продовольствіи французскаго корпуса принца Кондэ и дѣлалъ для расплаты фальшивыя ассигнаціи.

вершеннолѣтняя и что отъ нея собственно зависить избрать себѣ жениха. Михаилу Ивановичу такой-то отвѣтъ и нуженъ былъ. Войдя въ гостиную, онъ подходитъ къ Аннѣ Андреевнѣ и, цѣлуя у ней руку, объясняется ей въ страстной своей любви и говоритъ, что онъ почелъ бы себѣ счастиемъ, если бъ она согласилась выйти за него замужъ. Это простодушная и добрая малороссіянка отвѣчала: «я согласна!» Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. Михаилъ Ивановичъ первую попросилъ въ кабинетъ для объясненія и спросилъ, что ей нужно. Она отвѣчала:

— Я опекунша имѣнія моей внуки съ самаго малолѣтства, женщина малограмотная; не ѣздила осматривать имѣніе; всегдашній Любченко по своему желанію показывалъ мнѣ доходы въ вѣдомостяхъ, и я принимала ихъ за вѣрные. Вы, сдѣлавшись мужемъ моей внуки, можете быть потребуете отъ меня за всѣ годы строгихъ отчетовъ?

Михаилъ Ивановичъ клятвенно увѣрилъ ее, что ни онъ, ни будущая жена его вовсе не будутъ требовать отчетовъ въ доходахъ и за тѣмъ спросилъ:

— Теперь согласны-ли вы?

— Да вотъ, М. И., деревенька подъ Курскомъ съ водяною мельницею, гдѣ для дома всегда кормились скотъ и птицы, она и впередъ для моего дома будетъ необходима.

— Эта деревня ваша; ну, теперь согласны ли?

Получа отвѣтъ о ея согласіи, Михаилъ Ивановичъ попросилъ въ кабинетъ также матушку и спросилъ ее, что ей нужно.

Та отвѣчала:

— На седмую часть имѣнія давно выдѣлено мнѣ въ селѣ Бобрикѣ 1000 душъ, а теперь на седмую долю по числу крестьянскаго имѣнія слѣдуетъ 1200 душъ съ землею.

Михаилъ Ивановичъ также клятвенно увѣрилъ ее, что эти 200 душъ будутъ ей прибавлены и спросилъ: согласны ли? Она отвѣчала:

— Отъ другаго покойнаго мужа моего остался въ Москвѣ каменный домъ; въ немъ никто не живетъ, онъ совсѣмъ мнѣ не нуженъ, кромѣ городскихъ повинностей не приносить мнѣ никакого дохода.

— А этотъ домъ чего стоитъ? спросилъ Михайль Ивановичъ.

— Сорокъ тысячъ ассигнаціями.

— Хорошо; я заплачу ихъ вамъ. Теперь согласны ли?

Получивъ и отъ матери согласіе, по настоянію его, онъ на другой же день обвѣнчался; и тогда же или на слѣдующій день полученъ изъ сената указъ объ удаленіи его отъ должности губернатора. Любовницу свою, у которой отъ него было два сына, онъ утѣшилъ тѣмъ, что выдалъ ее за маіора Ковалинскаго и отделилъ ей изъ его отцовскаго имѣнія хереонской губерніи, александрійскаго уѣзда, села Онуфріевки, лежащаго за Кременчугомъ, 200 душъ.

Съ торжествомъ Комбурлей весною 1800 года пріѣхалъ съ женою своею въ имѣніе ея въ 8000 душъ и нѣсколько десятковъ тысячъ земли, зажилъ здѣсь припѣваючи и началъ обстроивать свое жилище въ Хотѣни и хозяйственныя заведенія, на зиму ѣздя въ Москву веселиться. Анна Андреевна ни въ какія его распоряженія по управленію имѣніемъ не входила. Въ 1805 году онъ получилъ дохода 120 тысячъ, какъ по отчету значилось; но, живя въ Хотѣни, онъ и половины этого дохода не могъ проживать. За то и онъ доставлялъ ей полное удовольствіе, условясь съ содержателями столичныхъ иностранныхъ магазиновъ, чтобъ они присылали женѣ его каждый разъ новыхъ модъ платья, шляпки, обувь и вновь вышедшіе французскіе романы. Но Михайль Ивановичъ не умѣлъ цѣнить нѣжности и привязанности къ нему своей супруги; нерѣдко ей измѣнялъ, между тѣмъ какъ она оставалась ему всегда вѣрною. Кажется, что Комбурлей поступилъ гораздо умнѣе Каразина въ сватовствѣ и женитьбѣ; получивъ напередъ согласіе отъ невѣсты; все то же, что узнавъ напередъ бродъ, тогда сунулся въ воду. Между тѣмъ вообще полагають, что греки не такъ хитры, какъ армяне и что на двухъ грековъ полагають довольно одного армячина.

Другой примѣръ тонкой хитрости ума и расчетливости М. И., которому я былъ самовидцемъ. При мнѣ пріѣзжали къ нему въ разное

время два чиновника, славившіеся хорошимъ управленіемъ большихъ имѣній; не знаю, сами ли они искали мѣста или были вызваны. Первый требовалъ жалованья 7,000 рублей, а другой 10,000 руб. асс. М. И. просилъ каждого изъ нихъ, съ Любченкомъ, давнишнимъ управителемъ и его крестьяниномъ, обозрѣть всѣ хозяйственныя по имѣніямъ заведенія и сдѣлать свои замѣчанія, что они найдутъ нужнымъ исправить или вновь сдѣлать. Эти замѣчанія онъ давалъ Любченку для руководства, а ихъ обнадежилъ, что когда онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ управителями своего имѣнія, то дастъ имъ знать. При этихъ случаяхъ какъ будто принималось въ расчетъ, что Любченку оцъ платить жалованья только 60 рублей; а если тотъ вздумаетъ воровать у него, то онъ всегда имѣетъ возможность отобрать у него, не такъ какъ у наемныхъ управителей. Въ такомъ намѣреніи онъ до самой смерти не отпустилъ, какъ говорятъ, на волю самого Любченка, а только его сына.

Михаилъ Ивановичъ по обыкновенію готовился ѣхать въ Москву по первому санному пути и назначилъ маіору ѣхать впередъ для заготовленія лошадей; а я долженъ былъ остаться въ Хотѣни безъ всякаго дѣла. Явясъ къ нему, я просилъ вовсе уволить меня, заявляя, что у него нѣтъ для меня никакой работы и что я совѣщусь даромъ получать отъ него жалованье. На это онъ съ ласковымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я хочу, В. И., чтобы ты жилъ у меня, хотя и никакой не будетъ для тебя работы. Платить тебѣ положенное жалованье я охотно буду; это для меня не составляетъ важности.

Не знаю, въ такомъ добромъ расположеніи ко мнѣ не имѣлъ ли онъ намѣренія выдать за меня свою племянницу Катерину Зуевну Афищеву, дѣвушку безъ всякаго образованія, пріѣхавшую изъ Нѣжина гречанку. Онъ самъ замѣтилъ сердечное ея ко мнѣ расположеніе, и какъ онъ любилъ пошутить и посмѣяться при всякомъ случаѣ надъ кѣмъ бы то ни было, то однажды за столомъ при всѣхъ сказалъ:

— Что ты, Катенька, такъ часто и умильно смотришь на В. И.? Не влюблена ли ты въ него?

По отъѣздѣ М. И. въ Москву, поѣхалъ и я въ Поповку къ А. А. Палицыну. Тамъ по обыкновенію началъ заниматься архитектурою; ходить по лѣсу нельзя уже было, и мы бесѣдовали, ходя по комнатѣ. Передъ праздникомъ Рождества Христова съ присланнымъ изъ Хотѣни пчеловодчикомъ неожиданно получаю отъ М. И. письмо слѣдующаго содержанія: „Я вознамѣрился перестроить свой домъ въ Москвѣ; для этого вы нужны будете мнѣ здѣсь для надзора за матеріалами и мастеровыми. Поспѣшите своимъ пріѣздомъ“. Я сталъ раздумывать; но тутъ А. А. сказалъ мнѣ: «въ Москвѣ въ департаментѣ сената служить прокуроромъ Боборыкинъ, племянникъ моей жены; если хочешь, я напишу ему письмо и буду просить его доставить тебѣ мѣсто въ коронной службѣ, когда ты не захочешь жить въ партикулярной должности». Я согласился на это, и онъ дѣйствительно писалъ ему обо мнѣ.

Итакъ, забравши всѣ свои вещи (даже и астролябію, которая была у меня и въ послѣдующей службѣ моей была мнѣ необходима), я поѣхалъ и благополучно достигъ Москвы. По заказу М. И. планъ для перестройки его дома съ великолѣпною галлереею коринтскаго ордена былъ уже готовъ; а мнѣ онъ велѣлъ осмотрѣть въ окрестности Москвы кирпичные заводы и узнать цѣну кирпича, что я и выполнилъ. Однажды прихожу къ М. И. и застаю у него оберъ-прокурора, который по указанію М. И. обратился ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ: „писать мнѣ родственникъ мой А. А. Палицынъ и просить дать вамъ коронное мѣсто; но я не могу инаго вамъ доставить, какъ мѣсто писца въ сенатѣ съ жалованьемъ 120 или 150 руб.“ Я увѣдомилъ объ этомъ А. А., и онъ письмомъ отъ 10 февраля 1806 года предлагалъ мнѣ то же жалованье въ его пустынѣ, гдѣ я нашелъ бы непремѣнно искренность, непритворную простоту и безкорыстную ко мнѣ любовь; но это письмо доставлено мнѣ было въ Петербургѣ гораздо послѣ, по пріѣздѣ уже туда Анны Андреевны.

Зимой 1805 г. пріѣзжалъ въ Москву по своимъ дѣламъ Г. Р. Шидловскій и былъ у М. И., съ которымъ прежде вовсе не былъ знакомъ. Увидѣвъ меня здѣсь, онъ кинулся обнимать и цѣловать. М. И. удивился его привязанности ко мнѣ; а онъ пригласилъ

меня къ себѣ на квартиру, и я ѣздилъ съ нимъ по городу и бесѣдовалъ. Послѣ я узналъ, что они другъ другу не понравились. У нихъ были притомъ и денежныя счеты. Хрущовъ долженъ былъ 50 или 60 тысячъ Григорію Романовичу съ залогомъ Степановки, сумскаго уѣзда; М. И., по убѣдительной Хрущова просьбѣ, далъ ему эту сумму и перевелъ залогъ на себя. М. И. и другое благодѣяніе Хрущову сдѣлалъ. Министръ внутрен. дѣлъ Кочубей жаловался ему, что у него въ полтавской губерніи винокуренный заводъ въ худомъ положеніи. М. И. рекомендовалъ ему Хрущова, какъ лучшаго во всей Украинѣ винокура. Въ вознагражденіе за его труды, Кочубей постарался опредѣлить двухъ стороннихъ его сыновъ въ училище законовѣдѣнія при сенатѣ, гдѣ они вскорѣ были пожалованы титулярными совѣтниками, а потомъ прямо губернскими стряпчими въ волынской губерніи. Вотъ какъ безкорыстные вельможи благодѣтельствуютъ! М. И. захотѣлъ перестроить свой домъ по той причинѣ, что главнокомандующій Москвы Беклешовъ представилъ его въ губернаторы. Но при докладѣ о немъ графомъ Кочубеемъ, государь изволилъ сказать: „Комбурлей—это не русская фамилія; Москва не уважитъ его, ей нуженъ губернаторъ столбовой дворянинъ русской фамиліи“. Покровители М. И. совѣтовали ему изъ Петербурга пріѣхать туда и пожить тамъ нѣкоторое время, пока откроется вакансія въ такой губерніи, гдѣ онъ захочетъ быть губернаторомъ. Рѣшась послѣдовать этому совѣту и поѣхать туда на легкѣ, онъ взялъ и меня съ собою, сказавъ: „В. И.! тебѣ надобно видѣть Петербургъ: тамъ лучшая архитектура домовъ, нежели здѣсь“.

Въ дорогѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной кибиткѣ, а въ другой французъ поваръ съ кухонной посудой. Мы ѣхали день и ночь, морозы большіе, и я, имѣя только на себѣ бекешъ подъ калмыцкими смушками, иногда дрожалъ отъ холоду. М. И., замѣтивши это, однажды сказалъ: „что, В. И., и философія тебя не грѣбеть“? Я подумалъ: „хорошо тебѣ, богачъ, сидѣть въ медвѣжьей шубѣ“! но не смѣлъ это сказать ему.

Въ Петербургѣ М. И. остановился въ домѣ Василія Степановича Попова на Неву, гдѣ никто не жилъ. Отыскавъ въ верхнемъ

этажъ небольшую компату, я заперся тамъ; самъ приносилъ себѣ дрова и топилъ грубку, потому что съ М. И. прїѣхалъ только его камердинеръ, а съ поваромъ его помощникъ. М. И. ни одного дня не обѣдалъ дома; а поваръ всегда мнѣ отказывалъ въ пищѣ, говоря, будто бы онъ и для себя ничего не готовилъ. Искать обѣдовъ въ трактирахъ я тогда еще не привыкъ, да и боялся, а потому всегда довольствовался сухояденіемъ. Помню, что однажды въ вечеру М. И. мнѣ сказалъ: «насъ мало уважаютъ въ Украинѣ, хоть я теперь ѣду къ министру внутр. дѣлъ играть въ карты и безъ меня бостонъ не состоится». По счастью, или, правильнѣе сказать, по божескому обо мнѣ промыслу, въ этомъ же обширномъ дворѣ на Милліонную улицу былъ другой домъ, и въ верхнемъ его этажѣ помѣщался государственнй адмиралтейскій департаментъ, гдѣ при его музеумѣ служилъ помощникомъ директора мой лучший въ жизни другъ Ев. И. Станевичъ. Онъ видѣлъ меня проходящаго въ ворота (только и были одни) этого дома на Милліонную улицу и тотчасъ составилъ себѣ планъ, какъ бы и меня помѣстить въ этотъ департаментъ. Помня, что правитель департамента, статскій совѣтникъ Никольскій, прежде высказывалъ ему свое сожалѣніе, что его два малолѣтніе сына прежде ходили учиться въ Нѣмецкое училище, но, подмочивъ ноги, заболѣли и теперь, оставаясь безъ ученія, теряютъ бесполезно молодые свои лѣта, онъ предположилъ себѣ, что я охотно буду учить этихъ дѣтей, если буду опредѣленъ въ департаментъ. Получивъ отъ него согласіе, Станевичъ прибѣгаетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ музеумъ. Тамъ я увидѣлъ и зятя Никольскаго, жившаго вѣкогда въ Поповкѣ, Моисея Григорьевича Ушинскаго. Попробовавъ меня, умѣю ли извлекать изъ бумагъ содержаніе ихъ для доклада присутствію, Никольскій велѣлъ подать мнѣ просьбу объ опредѣленіи меня въ департаментъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, Станевичъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ первому члену департамента, вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову. Я отказывался, говоря, что не смѣю показаться ему въ старомъ фракѣ.

— Ничего, сказалъ онъ: ты увидишь, какъ онъ меня любитъ.

Пріѣзжаемъ къ Шишкову. Станевичъ рекомендуетъ меня, что я хорошій его пріятель, лучше роднаго брата, и просить его опредѣлить меня въ департаментъ.

— А есть ли вакансія? спросилъ Шишковъ.

— Есть помощника столоначальника по ученой части, отвѣчаетъ Станевичъ.

— Хорошо! сказалъ онъ: я согласенъ его опредѣлить.

— Не будете ли вы сегодня въ департаментъ? спросилъ опять его Станевичъ.

— Нѣтъ! я не совсѣмъ здоровъ, отвѣчалъ Шишковъ.

Но Евстафій Ивановичъ убѣдительно просилъ его сдѣлать мнѣ благодѣяніе—поѣхать и предложить объ опредѣленіи меня. И этотъ добродушный, престарѣлый, почтеннѣйшій вельможа согласился, въ тотъ же день поѣхалъ и предложилъ присутствію объ опредѣленіи меня.

Третій членъ, дѣйств. ст. сов. Александръ Ѳеодоровичъ Лабзинъ (извѣстный изданіемъ «*Сіонскаго Вѣстника*») не соглашался было на опредѣленіе меня и не хотѣлъ подписать журнала, потому что прежде предлагаемыхъ имъ двухъ человекъ на эту должность правитель канцеляріи Никольскій не одобрилъ. Благодаритель Евстафій Ивановича, А. С. Шишковъ спросилъ его, почему онъ не подписываетъ журнала. Лабзинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ его самого:

— Развѣ вы его знаете?

— Знаю, отвѣчалъ онъ: онъ хорошій человекъ.

Лабзинъ хотѣлъ меня лично увидѣть. Евстафій Ивановичъ прибѣжалъ за мною. Лабзинъ, распросивъ меня, почему я оставилъ службу въ губернскомъ правленіи, а перешелъ служить въ полицію, гдѣ мало могъ пріобрѣсть познанія, и оставшись доволенъ моимъ отвѣтомъ, сказалъ:

— Я согласенъ на принятіе васъ въ департаментъ.

Представили объ утвержденіи меня въ должности товарищу министра морскихъ силъ г-ну Чичагову. Въ это время возвратился изъ Англіи садовникъ Слезакъ. М. И., призвавши меня, велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Украину, сказавши, что я уже до-

вольно насмотрѣлся въ Петербургѣ; но я просилъ его позволить мнѣ остаться въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я ищу здѣсь опредѣлиться къ коронной должности.

— Куда? спросилъ онъ.

— Въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ.

— Кто тамъ первый членъ?

— Вице-адмиралъ Шишковъ, сказалъ я.

— Гм...онъ худо играетъ въ бостонъ; но я буду ему васъ рекомендовать, сказалъ М. И.

Тогда я, поблагодаря, сказалъ, что именно по его одобренію я уже представленъ г-ву Чичагову.

Такъ-то я чудеснымъ образомъ неожиданно былъ опредѣленъ въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ помощникомъ столоначальника по ученой части съ жалованьемъ 750 руб. асс. 16 февраля 1806 года и въ семь опредѣленіи видѣлъ явный промыслъ Божій о мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЯТЬ ДОКУМЕНТОВЪ РОДА САВИЧЕЙ.

Широко развѣтвившійся нынѣ дворянскій родъ Савичей принадлежитъ къ числу наиболѣе старыхъ, при томъ чисто малороссійскихъ козачихъ родовъ. Многочисленнымъ потомкамъ сего рода и вошедшимъ съ нимъ въ родство другимъ родамъ интересно будетъ установить документально своихъ старѣйшихъ предковъ и ихъ первыя владѣнія. Въ основу сего и для начала помѣщаемъ здѣсь сообщенные намъ А. А. Савичемъ, въ числѣ другихъ, слѣдующіе пять документовъ.

I.

Запродажная запись на лѣсокъ козака Гумченка, проданный имъ панѣ Федковой и козаку Самохвалу, съ подписью писаря Саввы Тишевича. 1657 г.

Я Дмитро Гумченко, козакъ войска его королевской милости запорозского, чиню вѣдомо симъ моимъ листомъ, іжъ есмь продалъ сѣчь, а меновите ни Чумчиць, панѣ Федковой и пану Ивану Самохвалу за осмь золотыхъ грошей монеты литовской, которой то сѣчи вѣчными часы нѣхто не маеть упоминатся, а нѣ жона моя, а нѣ потомки мои, ни повинные мои не мають дѣла до тоей то сѣчи вышѣ написанной, и на що я даю сей мой листъ для лѣпшой вѣры и памяти тимъ выше написаннымъ людемъ, панѣ Федковой и пану Ивану Самохвалу, козаку войска его королевской милости запорозского, и даю сей листъ съ подписомъ руки писаря, на то прошонного, Савы Тишевича, изъ витисненнемъ печати, и были при томъ люде добрые и вѣры годныи, а меновите Грицко Волошчакъ, атаманъ яблоневскій, на тотъ часъ будущий, и Яцько Юшченко и Захария Мѣцний, козаки войска его королевской милости запорозского.—Писано на Росавѣ, року 4413 (1657).

Сава Тишевичъ, писарь на то прошонный, рукою власною своею.
Запись на четвертушкѣ бѣлой бумаги, писана рукою Савы.

II.

Купчая на мельницу въ Батурино, проданную Семену Савичу батуринымъ жителемъ Бутченкомъ, вмѣстѣ съ хатою при ней, усадьбой и сѣножатю, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата. 1692 г.

Выпись въ книгъ мескихъ ратуша батуринского.

Року тисеча шестсотъ деветьдесятъ второго, месеца декаврѣя тринадцятаго дня.

Передъ нами Дмитріемъ Нестеренкомъ, сотникомъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовымъ, Лукьяномъ Филоновичемъ войтомъ, Самуйломъ Григориевичомъ, бурмистромъ батуринымъ, ставшио очевисто Ярмола Бутченко, мелникъ и житель батуринскій въ жоню своею Агафиею, изъ поради тестя своего Опанаса Поддубного, ясне, явне и доброволне, безъ жадного примушеня, созналъ и до записаня въ книги актъ винешнихъ подалъ, ижъ продалъ власный свой камень робочий у млинѣ учасницкомъ, на рецѣ Сеймѣ стоячій, и на той-же скрипѣ ставидло порожное, сеножать, межею сеножати Грицихи Васюрихи, пляцъ изъ хатою там-же, ведле млина, стоячою, добра свои властніе, отчистіе, никому нѣ въ чомъ не пенніе и въ жадной суммѣ не заведеніе, за певную сумму и готовіе гроши, южъ мовить, до рукъ моихъ отобраніе, то есть за тысечу и шестсотъ золотыхъ лѣчбою полскою доброе монети, урожоному его мылости, пану Симеону Савичу, ему самому, жонѣ и потомкомъ ихъ на вѣчніе и непорушоніе часы: волно будетъ, вже и есть, тимъ каминемъ и иншими добрами, вишей описанными, речоному посессоровѣ владѣти и приходи мелницкіе, одбирати, и спокойне оние добра уживати, и оними шафовати, и кому хотячи продати, дати, даровати, записати и въ наемъ пустити, нѣкого зъ кривнихъ и повиноватихъ Ярмолинихъ и общихъ людей не варуючися, кѣдижъ противъ каждого такового одзовци речоный продавца у каждого суду и права и на каждомъ мѣстцу, где тилко того потреба укажетъ, своимъ копитомъ, и накладомъ боронити и евинковать симъ записомъ росписался, подъ закладомъ выни на такового турбатора тисечи золотихъ на тотъ урядъ, где-бы се справа тоя приточити мѣла, заплачена и всѣхъ накладовъ и утратъ правнихъ нагороженя, а по отправѣ тыхъ

вынь и накладовъ предце тотъ турбаторъ до тихъ проданихъ добръ жаднимъ правомъ и ниякою близкостю припущень бути не маеть и мѣти не будетъ, еще и полрочному сидѣню у вязеню подпадати маеть.

Припомніе тоей продажи будучіе: Стецко Чоусъ, Стефанъ Мѣзь, Демко Загорулченко.

Которое сознание при тихъ правнихъ варункахъ, за потребованемъ стороны, про память до книгъ нинешнихъ есть записано, зъ которихъ и сей випись, подъ печатю мѣскою и зъ подписомъ руки писарское, есть виданъ.

Леонгій Клищенко, писарь мѣский батуриный.

(На оборотѣ выставлено такое заглавіе документа: «Право на млынъ батуриный бучковский»).

III.

Купчая на дворъ съ домогъ и огородомъ, проданной батуринымъ жителемъ Тертичникомъ генеральному войсковому судью Савъ, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата 1697 г.

Випись зъ книгъ мѣскихъ батуриныхъ.

Року Божого тысяча шестсотъ девяностъ сего, мѣсяця іануаря двадцетъ осмого дня.

Предъ нами Дмитриемъ Нестеренкомъ, сотникомъ батуринымъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовимъ, Лукьяномъ Филоновичемъ, войтомъ, Самуиломъ Григориевичемъ, бурмистромъ и при многихъ зацнихъ и вѣри годнихъ людехъ ставши очевисте Каленикъ Тертичникъ, житель нашъ батуриный, явне, ясне и доброволне и непримущене созналъ, ижъ продалъ дворъ свой власный зъ пляцомъ, зъ буднякомъ и зъ огородцемъ, никому нѣ въ чомъ не заведеный и не пенный, заразъ за баштою Мигченскою на пробыгой улицѣ, одъ межи двора зъ одной стороны Петра Безуглого, а зъ другой стороны Ивана Игнатенка, а въ тилу пана Михайловского, его милости пана Савѣ Прокоповичу, судиіи войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералному, за певную сумму золотихъ сто и двадцетъ монети доброй лѣчбы литовской, которую сумму руками своими одлѣчивши, отобралемъ сполна отъ его милости пана судиіи енерального и у вѣчную посессию подалемъ тотъ дворъ. Волно его милости будетъ дать, даровать и, якъ хотѣти, на свой пожитокъ обер-

пути. А я самъ и жона моя и кривные, близкие и далекие, въ потмные часы интересоватися не повинны до преречоного двора, вараю въ каждого суда и права, подь виною золотихъ ста до шкатули войсковой на каждого турбатора. Теды мы урядь вшменованѣй, чуючи доброволное сознание Каленика, велелисмо писаревѣ мѣскому батуриному до книгъ мѣскихъ батуриныхъ записати и випись зъ книгъ мѣскихъ потребуемой сторонѣ зъ притисненемъ печати ратуша мѣского батуриного и съ подписомъ руки писарское видати. Дѣялося року и дня вшменованихъ.

Григорій Александровичъ, писарь мѣскій батуриносій, рукою.

(На оборотѣ слѣдующая надпись: «Выпись зъ книгъ мѣскихъ батуриныхъ о продажѣ двора зъ пляцомъ, будинкомъ и огородомъ отъ Каленика Тертичника, жителя батуриного за Мѣтченскою брамою, недалеко отъ замку»).

IV.

Универсалъ гетмана Мазепы, подтверждающийъ вдовѣ генеральнаго войскового судьи Савы Иринеѣ право владѣннѣя селами Кудровкою и Заговоркою. 1701 г.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя нашего, его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого гетманъ и славнаго чина святого Апостола Андрея кавалеръ, Іоанъ Мазепа.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всѣмъ обще и каждому зособна, кому о томъ вѣдати належитъ, а меновите всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого и всѣмъ малоросыйскимъ обывателемъ, ижъ просила насъ, гетмана, овдовѣлая пани Ирина Савина, жона небощика пана Савы, судиѣ нашего войскового енерального, недавно змерлого, абысмо двѣ селѣ, именно Кудровку и Заговорку зъ млинами, при нихъ будущими и инными належитостями, которіе небощикъ мужъ ее имѣлъ въ своемъ владѣннѣю, ненарушно при ней захозавши, зтвердили нашимъ гетманскимъ универсаломъ.

Мы пре то, гетманъ, склонившия на ее панее Савиною прозбу, выдаемъ сей нашъ потвержательный унѣверсалъ, позволяючи и даючи ей моцъ тыми помененными селами, зъ млинами при

нихъ будучими и инными належитостями, непорушно владѣти и такъ отъ подданныхъ обыкныя роковыя повинности и роботизни, яко зъ млиновъ и всѣхъ кгрунтовъ припадаючіе пожитки отбирати. А такъ, абы никто зъ старшины и чернѣ жадной въ томъ ей паней Савиной не чинилъ перешкоды, симъ-же нашимъ унѣверсаломъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско варуемъ, тако-жь приказуемъ, абы всѣ помененныхъ сель тяглыя жители, кромѣ козаковъ, належитое подданское ей паней Савиной во всемъ отдавали послушенство.—Данъ въ Батуринѣ 4-го февруарія дня 1701 року.

Звышъ менованный гетманъ, рука власная.

На оборотной сторонѣ документа такая помѣта: унѣверсалъ Мазепы гетмана на Кудровку и Загоровку паней Иринѣ Савиной Прокоповичовой, судиной енеральной.

V.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго съ подтвержденіемъ генеральному войсковому писарю Семену Савичу права владѣнія купленною имъ частью озера Самци и уступкою ему другой его части, принадлежавшей самому гетману. 1711 г.

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, его царскаго священнѣйшаго величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, Іоаннъ Скоропадскій.

Его царского пресвѣтлаго величества войска запорожскаго пану полковникови нѣжинскому зъ старшиною его полковою, а особливе сотниковѣ новомлинскому, атамановѣ зъ товариствомъ, войтовѣ зъ урядомъ тамошнимъ и зо всѣми посполитими людми, такъ же села Устечка атамановѣ зъ товариствомъ и войтовѣ зъ посполитствомъ и кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ презентовалъ намъ гетманови панъ Семень Савичъ, писарь войсковскій енеральный, купчий записъ, на урядѣ мѣскомъ новомлинскомъ справзенный на озеро, прозывается Самцѣ, подъ селомъ Устечкомъ, въ сотиѣ новомлинской будучое, а одъ рѣки Сейму въ реку Десну свой протокъ и уступъ мѣючое, и просилъ такъ на тое купленное озеро нашего потверженя, яко

и о надане вновь тонѣ, въ томъ-же одномъ протоцѣ сполнѣ будучой, на насъ належной, Самцѣ жѣ прозываемой, рейментарского унѣверсалу. Мы теда, гетманъ слушному тому пана Семена Савича, писара войскового енералного, не отмовивши прошенію, а респектуючи на его уставичніе войсковые праці и труды на той писарской функціи ронячіеся, видаемъ сей нашъ унѣверсаль, которого крѣпостію и повагою такъ тое купленное озеро Самцѣ ему ствержаемъ, яко и помянутую, на оное належную тоню, тамъ-же сполне будучую, въ зуполное его владѣніе надаемъ и конферуемъ. Вѣдаючи пре то всякъ о таковой волѣ нашой, абы никто зъ старшины и чернѣ войсковыхъ и посполитихъ людей, а особливе дозорца и становничий озеръ нашихъ жадной въ ловленю зъ того озера Самцѣ, купленного и наданного, риби и въ волномъ и спокойномъ онога заживаню ему пану писару войсковому енералному не чинилъ перекшоди, препятія и трудности, а особливе бы новомлинскіе, тамошніе устечскіе и иншіе околичніе жителѣ въ пререченомъ озерѣ жаднимъ способомъ, нѣ тайно, нѣ явно, ку шкодѣ его пана писара войскового енералного, риби ловити не важилися, мѣти хочемъ, сурово грозимъ и пидно подѣ строкгимъ каранемъ приказуемъ.

Данъ въ Переяславлю, апріля 27, року (дѣла) 1711.

Звышъ менованный гетманъ, рукою власною.

Такимъ образомъ родонаачальниками Савичей были писарь, конечно, козачій, а первоначально вѣроятно простой козакъ, впоследствии генеральный войсковой судья Сава, его жена Ирина и ихъ сынъ Семенъ, генеральный войсковой писарь, а первыя земельныя ихъ владѣнія были млинокъ въ Батуринѣ, съ хатою при немъ, потомъ дворъ съ будинкомъ тамъ же и дальше села Кудровка и Загоровка, въ частности у сына озеро Самца. Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ реестръ движимаго имущества, которымъ подѣлились внуки Саввы и который покажетъ, какъ широко разрослись въ сто лѣтъ его козачіе позитки.

Бібліографія.

Michael von Zmygodzki. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. München. 1886 (Михаилъ фонъ Змиродскій. Мать у народовъ арійскаго племени).

Область исторіи брачныхъ отношеній подверглась строгой научной разработкѣ, собственно говоря, въ очень недавнее время. Еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія *Фридрихъ фонъ Раумеръ*, издатель извѣстной карманной исторической книжки, обнаруживъ статью подъ заглавіемъ «Ueber Ehe und Familie» ¹⁾, ограничился въ ней простымъ изложеніемъ фактовъ изъ области брачной жизни некультурныхъ и отчасти культурныхъ народовъ, посвятивъ всю остальную теоретическую часть статьи аналогіи единоженства и сдѣлавъ моимъ лишь одно, слабое впрочемъ, обобщеніе о существованіи трехъ формъ брака: моногаміи, полигаміи и полиандріи. Но и гораздо позже, въ концѣ 50-хъ годовъ, д-ръ *Умеръ*, предпринявъ изслѣдованіе всемірно-историческаго развитія брака ²⁾, счелъ достаточнымъ свести это изслѣдованіе на приложеніе историко-философской концепціи Гегеля о всемірномъ духѣ къ сферѣ брачныхъ отношеній народовъ, бывшихъ носителями этого духа въ процессѣ его самопознанія. Только съ 60-хъ годовъ, со времени появленія блестящихъ обобщеній *Баховена* (1861) и *Макъ-Ленана* (1856), можно считать, что изученіе исторіи брачныхъ отношеній выступило на вполне научную реально-соціологическую почву. Съ тѣхъ поръ научная разработка этого вопроса идетъ непрерывно въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ

¹⁾ Histor. Taschenbuch. Leipz. 1883.

²⁾ Русскій переводъ появился въ 1885 г. подъ наименованіемъ: „Бракъ въ его всемірно-историческомъ развитіи“. Кіевъ.

Дж. Леббокъ ¹⁾, Лев. Морганъ ²⁾, Гер. Спенсеръ ³⁾, Альб. Постъ ⁴⁾, Жиро-Тёлонъ ⁵⁾ и др. Правда, до сихъ поръ въ этой области установлены пока однѣ лишь гипотезы (хотя, впрочемъ, выражаясь словами проф. Ковалевскаго, гипотезы въ высшей степени правдоподобныя), однако съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ все болѣе и болѣе накопляется индуктивныхъ подтвержденій этихъ гипотезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ все болѣе и болѣе приближаются къ строго научнымъ теоріямъ. Сверхъ некультурныхъ народовъ, дающихъ обильный магеріаль для утвержденія сихъ гипотезъ, къ изслѣдованію были привлекаемы и народы культурные. Самъ Баховенъ свое знаменитое сообщеніе объ эпохѣ материнскаго права основалъ главнымъ образомъ на фактахъ, почерпнутыхъ изъ жизни народовъ древняго міра, какъ греко-романскихъ, такъ и восточныхъ. Послѣ него были сдѣланы попытки приложенія его обобщенія и къ новымъ народамъ индо-германской вѣтви. Къ сожалѣнію менѣе всего привлекались къ этому сравнительно-этнографическому изслѣдованію народы славянскіе. Мы говоримъ къ сожалѣнію потому, что изъ всѣхъ почти европейскихъ народовъ арійскаго корня народы славянскіе хранятъ въ своей жизни наибольшее количество остатковъ глубокой старины. Тѣмъ съ большимъ интересомъ останавливаемся мы на трудахъ, стремящихся восполнить этотъ пробѣлъ, а къ числу таковыхъ трудовъ и принадлежитъ трудъ г. Змигородскаго, полное заглавіе котораго мы выписали выше.

Впрочемъ, это не давало-бы еще права замѣткѣ о трудѣ г. Змигородскаго претендовать на мѣсто въ журналѣ, посвященномъ исторіи южной Руси, если-бы фактамъ изъ жизни малорусскаго народа не было отведено въ немъ первенствующее мѣсто въ ряду фактовъ изъ жизни другихъ славянскихъ народовъ. Подобное предпочтительное вниманіе, оказываемое авторомъ малорусскому народу, помимо частныхъ причинъ, каковы личныя симпатіи автора и большее, по собственному его

---

¹⁾ Начало цивилизаціи. Спб. 1876.

²⁾ Systems of consanguinity of the human family (пом. въ 17-мъ томѣ Smithsonian Contributions of knowledge, 1871) и др. Сочиненіе Морганъ о древнемъ обществѣ переведено въ текущемъ году на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Spoleszeństwo pierwotne etc.“ Варш. 1887.

³⁾ Основанія социологіи. Спб. 1877.

⁴⁾ Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit. Oldenb. 1875.

⁵⁾ Les origines du mariage et de la famil. Gen. 1884 г. и др. болѣе раннія произведенія. Одно изъ сихъ послѣднихъ, а именно: „О происхожденіи семьи“, переведено на русскій языкъ и издано ред. журн. „Знаніе“ въ 70-хъ годахъ.

сознанію, знакомство съ жизнью Украины, обуславливается еще и исѣмъ планомъ его работы.

Сочиненіе г. Змигородскаго состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ главнѣйшихъ частей. Первая часть, составляющая введеніе и обнимающая собою 32 §§ (93 стр.), посвящена разсмотрѣнію арійскаго и скинскаго вопросовъ въ ихъ отношеніи къ славянамъ; вторая, обнимающая 210 §§ (257 стр.), составляетъ ядро всего сочиненія, въ ней и заключается основное изслѣдованіе автора о матери у народовъ индо-германскаго корня, и наконецъ третья часть, обнимающая 31 §§ (52 стр.) и составляющая собственно заключеніе, содержитъ въ себѣ опытъ разрѣшенія авторомъ материнскаго вопроса. Главное наше вниманіе мы обратимъ на вторую наиболѣе важную часть сочиненія. Изложеніемъ содержанія послѣдней части, носящей скорѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ и въ которой авторъ занимается между прочимъ такими вопросами, какъ вопросъ о «генералахъ въ юбкѣ» (собственное выраженіе его), мы не считаемъ себя въ правѣ занимать вниманіе читателей. Что же касается первой части, то въ виду ея самаго общаго значенія для вопросовъ, связанныхъ съ исторіею малорусскаго народа, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Съ разсмотрѣніемъ этой части мы и начнемъ нашъ обзоръ.

По мнѣнію г. Змигородскаго, основанному на изслѣдованіи характера и правовъ украинскаго народа, а равнымъ образомъ на филологическихъ розысканіяхъ и изслѣдованіи славянскихъ, по преимуществу опять таки малорусскихъ, сказокъ, славяне покинули азіатскую прародину и заняли теперешнія свои мѣстообиталища въ Европѣ, будучи уже народомъ земледѣльческимъ (38, 87). Выселились они съ восточной родины своей противъ воли, по принужденію (38), гонимые соціальной борьбой (44), подобно тому, какъ и нынѣ эта борьба гонитъ европейскихъ эмигрантовъ на материкъ Америки. Авторъ старается даже опредѣлить по возможности точно время этого переселенія. Съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ съ одной стороны изслѣдованіе того отношенія, въ которое могутъ быть поставлены предки нынѣшнихъ славянъ къ скивамъ (45), а съ другой опредѣленіе давности пребыванія въ Европѣ литовцевъ.

По послѣднему вопросу онъ думаетъ, что литовцы пребывали въ теперешней ихъ области еще до Геродота и до скинскаго переселенія (85). Что-же касается перваго вопроса, то по мнѣнію г. Змигородскаго собственно скивами было кочующее племя ихъ, тѣ-же рабы, которыхъ они употребили для обработки полей и продавали въ Грецію, было пле-

мя осѣдлое и земледѣльческое, это были дѣйствительные арійцы, остатки киммеріанъ и треровъ (67). Въ послѣдствіи времени обаэти племени смѣшались, кочующіе скиѣы аріизировались, разница между земледѣльцами рабами (киммеріане) и кочующими владѣками (скиѣами) совершенно ступшевалась и изъ нихъ образовался одинъ народъ (70). Этому сплоченію въ особенности содѣйствовало господство готовъ, гунновъ, аваровъ, монголовъ и наконецъ татаръ (71).

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, „что литовцы еще до Геродота занимали свое теперешнее мѣстообиталище и что скиѣы-земледѣльцы были арійцы и именно остатки изгнанныхъ киммеріанъ“, авторъ считаетъ себя въ правѣ прийти къ заключенію, что „все арійское племя, изъ котораго въ теченіи времени возникли отдѣльные славянскіе народы, переселялось въ Европу приблизительно въ одно и тоже время (86), и даже болѣе, что „одновременно-же совершилось переселеніе арійцевъ какъ сѣверо-восточной, такъ и южной Европы“ (89).

Путь, которымъ этотъ первобытный арійскій народъ прибылъ въ Европу, лежалъ, по мнѣнію г. Змигродскаго, вблизи нынѣшняго Константинополя, откуда часть арійцевъ направилась къ сѣверу отъ балканскаго хребта, а другая часть спустилась въ Грецію (90).

Такъ г. Змигродскій разрѣшаетъ вопросы скиѣской и арійской. Покончивъ съ ними, онъ переходитъ къ воссозданію той культурной ступени, на которой стояли первобытные арійцы Европы (97), что даетъ ему возможность перейти уже непосредственно къ намѣченной имъ цѣли, т. е. къ изслѣдованію материнскаго вопроса у народовъ индо-германскаго корня. Для воссозданія культурнаго состоянія первобытныхъ арійцевъ Европы г. Змигродскій считаетъ необходимымъ сравнить сказки и нравы, совмѣстно съ различными суевѣрїями, по крайней мѣрѣ двухъ племенъ и останавливается для этого на германцахъ и славянахъ (97), присовокупивъ сюда и бретонцевъ. Дабы произвести это сравненіе съ возможно большей пользой, онъ избираетъ четыре этнологическія станціи: французскую Бретань, Баварію, краковскій округъ и *Украину* (собственно правый берегъ Днѣпра), пункты, въ которыхъ, по мнѣнію его, изслѣдователь въ правѣ рассчитывать встрѣтиться съ наименѣе помутившимися и наименѣе испорченными рукою всеокрушающаго времени арійскими преданїями, такъ какъ «во всѣхъ этихъ пунктахъ живетъ населеніе, основными чертами характера котораго является сила, упрямство, доходящее до упорства и своенравія, а все это ведетъ къ замкнутости по отношенію всѣхъ другихъ націй, хотя-бы и родственныхъ по крови» (98), и несомнѣнно благопрїятствуетъ наиболѣе долгому выживанію стародавнихъ преданій.

Мы не станемъ разбирать, насколько цѣлесообразно поступаетъ авторъ, выбирая въ качествѣ этнографическихъ станцій именно указанные имъ четыре пункта; замѣтимъ только, что дѣйствительно существующая въ извѣстной степени замкнутость малорусскаго народа, по сравненію напримѣръ съ великорусскимъ, значительно преувеличена имъ, когда онъ говоритъ наприм., что украинскій поселянинъ лишь себя одного считаетъ человѣкомъ, лишая этого почетнаго званія представителей всѣхъ другихъ національностей и сословій (44, 102), и за сямъ перейдемъ, вслѣдъ за авторомъ, въ главной части его труда, собственно къ изслѣдованію материнскаго вопроса у арійцевъ.

„Вся сумма нашихъ народныхъ преданій,—такъ начинается г. Змигродскій эту часть своего изслѣдованія,—вращается главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: 1) противоположности добра и зла и 2) семьи. «Для всѣхъ другихъ жизненныхъ явленій мы не въ состояніи указать, продолжаетъ онъ, на такое количество и съ такою заботливостью очерченныхъ преданій, какъ въ отношеніи семьи. Брачное состояніе, чистое отношеніе двухъ половъ—не съ цѣлью чувственнаго наслажденія, а ради продолженія рода человѣческаго,—вотъ тотъ базисъ, на которомъ покоится важнѣйшая часть нашего первобытнаго міросозерцанія. Самый сѣтлый пунктъ въ послѣднемъ принадлежитъ матери, и вотъ причина, заключаетъ г. Змигродскій, почему я избралъ этотъ пунктъ исходнымъ при моихъ детальныхъ изслѣдованіяхъ въ области народныхъ преданій“ (109, 110).

Выяснивъ затѣмъ свой взглядъ на исторію развитія брачныхъ отношеній и принявъ схему д-ра Баховена, согласно которой въ исторіи семьи и брака должно различать три эпохи: 1) эпоху гѣтеризма (Heterismus), 2) эпоху материнскаго права (Mutterrecht) и 3) эпоху права отцовскаго (Vaterrecht) (239), г. Змигродскій обращается къ разысканію въ существующихъ народныхъ нравахъ и преданіяхъ остатковъ сихъ эпохъ или, вѣрнѣе, первыхъ двухъ. Съ этого момента мы постараемся по возможности подробнѣе входить въ разсмотрѣніе изслѣдованія автора.

Характерной чертой первой эпохи г. Змигродскій считаетъ полное подчиненіе женщины мужчинѣ и вытекающую отсюда верховную власть послѣдняго надъ первой (245), переходящую въ простое насиліе, почему эпоху гѣтеризма онъ именуется иногда эпохой насилія (die Gewalteroche) (250). Этой эпохѣ насилія онъ считаетъ присущимъ какъ похищеніе дѣвиць (ib.), такъ и покупку женъ (ib.). Исходя изъ этого, онъ признаетъ свидѣтельствами въ пользу существованія у славянъ эпохи гѣтеризма: 1) какъ отголосокъ черты *насилія*—польское выраженіе „rojacz zong“, соотвѣтствующее малорусскому „поняти“ (245), 2) ясные слѣды

покупки жєнь, сохранившіеся въ малорусской свадебной обрядности и особенно ярко выступающіе въ извѣстной пѣснѣ:

Татаринъ братъ, татаринъ

Продавъ сестру за талырь и пр.

и 3) *умычку* у древлянъ и др. племенъ русскихъ славянъ, а равно остатки похищенія въ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ южныхъ славянъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію сихъ примѣровъ, мы принуждены сказать, что г. Змигородскій, отмѣтивъ *насиліе* мужчинъ надъ женщинами какъ черту, характеризующую стадію гѣтеризма, не достаточно, вѣроятно, уяснилъ себѣ основной характеръ эпохъ въ схемѣ Баховена, по крайней мѣрѣ мы можемъ это сказать объ эпохѣ гѣтеризма. Намъ думается, что въ этомъ случаѣ онъ принялъ несущественное за главное и частное за общее. Насиліе мужчины надъ женщиной, обусловленное физическимъ преимуществомъ перваго, составляетъ слишкомъ общее явленіе, чтобы его возможно было приять за характерную черту той или другой эпохи: несомнѣнно существовавшее въ первобытную эпоху брачныхъ отношеній, носившихъ на себѣ живые слѣды близости чловѣка къ міру животныхъ, оно продолжаетъ существовать и въ эпоху отцовскаго права, являясь какъ яркое явленіе и нынѣ у многихъ африканскихъ, американскихъ и полинезійскихъ народовъ, давно пережившихъ первоначальныя ступени брака.

Точно также едва-ли правильно будетъ считать присущими, а въ особенности исключительно, эпохѣ гѣтеризма и два остальныхъ указываемыхъ авторомъ явленій. О *покупкѣ жєнь* мы уже не говоримъ. Что подобная покупка принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и предполагаетъ значительное, по сравненію съ первобытнымъ состояніемъ, развитіе чловѣчества и осуществленіе въ общественно-экономической жизни цѣлаго ряда весьма сложныхъ измѣненій, лишь при наличности которыхъ возможно возникновеніе и существованіе столь сложнаго сравнительно экономического явленія, какъ купля-продажа, это едва-ли нуждается въ какихъ-либо особыхъ доказательствахъ. Но и относительно *похищенія жєнь* мы должны сказать, что хотя по времени этотъ способъ пріобрѣтенія жєнь и предшествуетъ способу пріобрѣтенія ихъ при посредствѣ купли, однако-же *умычка*, какъ показываютъ факты, можетъ сосуществовать не только съ эпохой гѣтеризма, но и съ эпохой отцовскаго права, что мы и видимъ у многихъ народовъ Новаго и Стараго свѣта, въ томъ числѣ и у славянъ (южныхъ).

Такимъ образомъ приведенные выше три примѣра, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ не могутъ считаться *несомнѣнными* свидѣтельствами существованія нѣкогда у славянъ эпохи гѣтеризма.

Послѣдующіе два примѣра, приводимые авторомъ, также относятся имъ къ числу памятниковъ этой эпохи, какъ пережитой славянами и въ частности малоруссами. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ нимъ. Помимо специальныхъ соображеній, о которыхъ будетъ говорено ниже при разсмотрѣніи самихъ примѣровъ, есть соображенія характера болѣе общаго, препятствующія видѣть въ нихъ примѣры остатковъ первоначальнаго гетеризма.

Первобытное состояніе человѣчества было состояніемъ господства во всѣхъ областяхъ жизни грубаго факта, а слѣдовательно и въ сферѣ брака господствовалъ тотъ-же голый фактъ, ничѣмъ не регулируемый, никакой нормой не опредѣляемый половыя сношенія. Лишь послѣ смѣны многихъ поколѣній, при условіи существованія болѣе или менѣе продолжительной *традиціи*, возможна была выработка какихъ-либо нормъ, какого-либо *обычая*. Весь періодъ, прожитый человѣчествомъ до выработки обычая, именно въ силу того обстоятельства, что онъ былъ періодомъ господства не обычая, а простаго факта, естественно не могъ оставить по себѣ въ послѣдующихъ культурныхъ пластахъ никакихъ этнографическихъ слѣдовъ. Единственно, что могло остаться отъ этой эпохи,—это смутное о ней воспоминаніе, продолжающее жить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ далекое преданіе о глубокой слѣдой старинѣ. Вотъ почему и отъ первобытной эпохи брачныхъ отношеній, какъ эпохи *безпорядочно, не регулируемаго никакими обычаями полового смѣшенія*, не могло, по нашему мнѣнію, остаться ни символовъ, ни обычаевъ, а потому и бесполезно искать подобныхъ остатковъ въ существующей пародной жизни. Единственный остатокъ этой эпохи, но и то какъ смутное о ней воспоминаніе, мы согласны, пожалуй, видѣть въ такихъ преданіяхъ пародовъ, какъ преданія о времени установленія института брака (Кекропсъ, Менесъ, Фуги и др.), хотя впрочемъ не можемъ не замѣтить, что подъ временемъ, «когда брака еще не было», въ упомянутыхъ преданіяхъ можно подразумѣвать и время господства коммунальной формы брака, подобно тому какъ и въ нашемъ летописномъ преданіи бракъ радимичей, вятичей и другихъ племенъ, носившій на себѣ свѣжіе слѣды брачнаго коммунизма, не считается бракомъ.

Такимъ образомъ, если подъ эпохой гетеризма понимать, какъ это справедливо дѣлаетъ г. Змигродскій, состояніе совершенно *неурегулированныхъ* отношеній между полами, т. е. эпоху господства не обычая, а простаго факта, то мы должны признать, что эта эпоха не могла оставить по себѣ слѣдовъ ни въ видѣ обычая (какъ явленіе „покрытки“ въ первомъ изъ разсматриваемыхъ авторомъ примѣровъ), ни въ

видѣ символѣвъ (какѣ обрядовое расплетеніе косы въ малорусской свадьбѣ во второмъ примѣрѣ его).

Но обратимся къ самымъ примѣрамъ.

«На Украинѣ, говоритъ авторъ, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи о соблазнѣ дѣвушки въ средѣ поселянъ, такъ какъ соблазнитель прекрасно знаетъ, что въ концѣ концовъ онъ долженъ жениться на соблазненной» (246, 247). Это даетъ начало „соціальному учрежденію“ *покрытки*. Лишь только станеть извѣстнымъ паденіе дѣвушки, старыя женщины „въ полномъ молчаніи“ снимають съ нея дѣвическія украшенія, обрѣзають косу и покрываютъ ее женскимъ платкомъ. Затѣмъ совѣтъ «старыхъ людей» призываетъ соблазненную и всѣми мѣрами, не исключая и побоевъ, старается узнать отъ нея имя соблазнителя. Разъ послѣдній обнаруженъ, онъ долженъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. «Главная мысль этого обычая, говорятъ г. Змигородскій, слѣдующая: *дитя не должно оставаться безъ законнаго отца*, воль скоро онъ можетъ быть отысканъ. Вспомнимъ тотъ ливійскій и скиевскій обычай, продолжаетъ онъ далѣе, согласно которому также каждое дитя должно было имѣть отца и согласно которому этотъ послѣдній опредѣлялся по сходству лица. Главная мысль одна и та же, только форма иная. У скиевъ форма соотвѣтствуетъ гетеризму первой эпохи, въ Украинѣ-же она образовалась на почвѣ материнскаго права» (248, 249). При свадьбѣ «покрытки», по свидѣтельству г. Змигородскаго, свадебный ритуаль сокращенъ почти на половину, приближался въ этомъ отношеніи къ свадебному ритуалу вдовы и «чѣмъ далѣе, говоритъ онъ, мы будемъ уходить въ глубь прошедшаго, чѣмъ больше будемъ подходить къ той эпохѣ, когда бракъ заключался при помощи простаго *захвата* и принужденія, тѣмъ больше и больше мы будемъ встрѣчать въ немъ сокращеній». «Покрытка есть явленіе, сохранившееся въ материнской эпохѣ отъ эпохи насилія» (249).

Такъ авторъ смотритъ на явленіе «покрытки». Перейдемъ къ другому его примѣру—*обрядовому расплетенію косы*. «Во время дѣвичника въ Польшѣ и во многихъ мѣстахъ Германіи, говоритъ онъ, совершаютъ обрядовое расплетеніе косы невѣсты. На Украинѣ существуютъ даже предписанныя пѣсни, которыя должно при этомъ пѣть». По мнѣнію его, «это обрядовая проституція первой ночи вступленія въ бракъ, которая при переходѣ отъ первой ко второй эпохѣ семьи замѣнилась символомъ... Волосы, коса повсюду издавна являются символами женственности (*der Weiblichkeit*. Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать «*der Jungfräulichkeit*—дѣвства)... Жертва волосъ имѣетъ значеніе возмѣщенія жертвы собственною личностью» (252).

Только что приведенныя объясненія г. Змигородскимъ двухъ указанныхъ обычаевъ заставляютъ насъ еще болѣе укрѣпитися въ высказанномъ уже нами мнѣніи о нѣкоторой неясности въ представленіяхъ автора объ эпохѣ гѣтеризма.

Д-ръ Баховенъ, предложившій упомянутую выше схему генезиса брачныхъ отношеній, понималъ подъ гѣтеризмомъ состояніе совершенно неурегулированныхъ отношеній между полами, то, что англійскіе соціологи удачнѣе называютъ состояніемъ «безпорядочнаго полового смѣшенія» (promiscuity). Однако большинство примѣровъ, приведенныхъ Баховеномъ для доказательства существованія нѣкогда подобной эпохи, свидѣтельствуетъ въ сущности не въ пользу гѣтеризма, состоянія отсутствія какихъ-либо *нормъ* въ сферѣ брачныхъ отношеній, а въ пользу брачнаго состоянія, уже подчиненнаго извѣстнымъ обычаямъ и нормамъ. Ближайшее изученіе сихъ нормъ склонило многихъ изслѣдователей брака признать ихъ за нормы брачнаго коммунизма, такого состоянія брачныхъ отношеній, когда всѣ мушны даннаго племени считались состоящими въ супружествѣ со всѣми женщинами того-же племени и когда можно было говорить о правѣ всѣхъ мушнъ племени на всѣхъ женщинъ его и *vice versa*. Такъ появилась гипотеза брачнаго коммунизма въ сферѣ отношеній между полами, иногда именуемая (Лэббокъ) гипотезой «коммунальнаго брака». Г. Змигородскій не различаетъ этихъ двухъ ступеней въ исторіи развитія брака (эпохи безпорядочнаго полового смѣшенія и эпохи брачнаго коммунизма), а между тѣмъ при толкованіи двухъ приведенныхъ обычаевъ онъ незамѣтно самъ становится на почву гипотезы брачнаго коммунизма.

Одно изъ положеній этой гипотезы состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что эпоха перехода отъ брачнаго коммунизма къ типу индивидуальнаго брака дала начало многимъ явленіямъ, составляющимъ какъ-бы переходныя звѣнья между этими двумя формами брачныхъ отношеній. Къ числу такихъ явленій относится и явленіе брачнаго коммунизма, ограничиваемаго постепенно какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, однимъ изъ видовъ котораго является такъ называемый гѣтеризмъ первой брачной ночи. Съ точки зрѣнія этого-то гѣтеризма г. Змигородскій и пытается объяснить обычай обрядоваго расплетенія косы, видя въ немъ, какъ указано выше, обрядовую проституцію первой ночи вступленія въ бракъ. Ошибка, въ которую онъ впадаетъ въ данномъ случаѣ, до странности изумительна. Тотъ видъ проституціи первой ночи, который онъ имѣетъ въ виду, состоитъ да и можетъ только состоять въ томъ, что новобрачная даритъ свои ласки всѣмъ или нѣкоторымъ (при послѣдующихъ формахъ упадка обычая) свадебнымъ гостямъ, но, само

объю разумѣтся, гостямъ-*мущинамъ*. Этотъ существенный признакъ долженъ непремѣнно удерживаться и при замѣнѣ реального дѣйствія символомъ, напр. поцѣлуемъ или танцами. Между тѣмъ обрядовое расплетеніе косы въ малорусской свадьбѣ совершается *женщинами*. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно, чтобы отвергнуть всякую связь этого обычая съ помянутымъ гѣтеризмомъ первой брачной ночи. Смыслъ обычая, какъ намъ кажется, крайне простъ и ясенъ: коса есть символъ дѣвчества, подобно вѣяку, и естественно, что какъ снятіе вѣнка, такъ и расплетеніе косы знаменуетъ собою выходъ ново-брачной изъ состоянія дѣвчества въ брачную жизнь. Но если въ данномъ случаѣ расплетеніе косы не стоитъ ни въ какой связи съ гѣтеризмомъ первой брачной ночи, то, говоря вообще, по существу оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ препятствій къ превращенію въ символъ подобнаго гѣтеризма. Интересный примѣръ такого превращенія мы можемъ наблюдать съ другимъ символомъ дѣвчества—*вѣнкомъ*.

Какъ извѣстно, явленія гѣтеризма, связаннаго съ первой брачной ночью, не ограничиваются лишь тою формою, въ которой мы наблюдаемъ обязательное сообщеніе новобрачной со свадебными гостями предварительно сожителства ей съ женихомъ. Въ числѣ другихъ формъ интересная форма наблюдается у негритянскаго племени Сото. У этого племени, по свидѣтельству Эндемана, послѣ свадьбы женихъ и невеста вмѣстѣ съ кхоніана (друзки и дружбы, парни и дѣвушки) отираются въ темную хижину, гдѣ и предаются всѣ вмѣстѣ беспорядочному половому сожитію¹⁾. Видоизмѣненіе этого обычая въ простой символъ мы видимъ въ слѣдующемъ обрядовомъ дѣйствіи, имѣющемъ мѣсто на русинской свадьбѣ, при плетеніи вѣнковъ. Послѣ того, какъ попотчуютъ всѣхъ, дружка беретъ вѣнокъ и кладетъ на голову «книгинѣ», а дружка немного танцуетъ съ ней. Затѣмъ дружка сплетаетъ другой вѣнокъ и *всѣ дѣвушки по очереди кладутъ его на мновеніе себѣ на голову*²⁾. Здѣсь снятіе вѣнка=coitus'у. Среднее промежуточное звѣно мы встрѣчаемъ въ одномъ обыкновеніи, сохранившемся въ ставропольской губерніи, гдѣ въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невестой, а парубки съ прочими дѣвицами³⁾.

Итакъ, примѣръ обрядоваго расплетенія косы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ничего общаго съ гѣтеризмомъ первой брачной ночи и ни-

1) Post. Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit, s. 32.

2) Основа, 1862, IV, Русиньске весилля надъ Збручемъ, стр. 6.

3) Якушкинъ. Обычное право.

коимъ образомъ не можетъ почитаться остаткомъ не только эпохи гѣтеризма, т. е. состоянія безпорядочнаго половаго смѣшенія, но и эпохи коммунальнаго брака.

Перейдемъ къ слѣдующему примѣру, приводимому г. Змигородскимъ, а именно къ явленію «покрытки». Какъ было уже сказано выше, «покрытку» г. Змигородскій считаетъ явленіемъ, сохранившимся въ материнской эпохѣ отъ эпохи гѣтеризма или, по его терминологіи, эпохи насилія. Принадлежащимъ этой эпохѣ въ явленіи «покрытки» онъ считаетъ сокращеніе свадебнаго ритуала, при выходѣ покрытки замужъ, почти на половину, какъ это бываетъ при свадьбѣ вдовы (249). Это сокращеніе свадебнаго ритуала, по мнѣнію автора (см. выше), есть остатокъ отъ того времени (эпохи гѣтеризма), когда свадебный обрядъ еще отсутствовалъ и замѣнялся простымъ захватомъ и принужденіемъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ г. Змигородскій прибѣгнулъ къ слишкомъ искусственному объясненію. Не говоримъ уже о томъ, что даваемое имъ толкованіе, достаточное для объясненія явленія сокращенія свадебнаго ритуала при вѣнчаніи покрытки, совершенно непригодно для объясненія однороднаго явленія при вѣнчаніи вдовы,—сокращеніе свадебной обрядности при вѣнчаніи покрытки, на нашъ взглядъ, находитъ себѣ болѣе простое и естественное объясненіе въ томъ обстоятельстве, что какъ вдова, такъ и покрытка *завѣдомо* лишены необходимаго атрибута первобрачной, т. е. дѣвства, а около него-то именно и вращается большая часть свадебныхъ дѣйствій. Къ сожалѣнію мы не можемъ съ увѣренностью настаивать на предложенномъ нами объясненіи, такъ какъ авторъ не указываетъ, въ какихъ именно частяхъ наблюдается сокращеніе свадебнаго ритуала при вѣнчаніи «покрытки», намъ-же лично не случалось ознакомиться съ этимъ ритуаломъ ни въ жизни, ни въ литературѣ. Съ болѣею опредѣлительностью можно высказаться относительно неудовлетворительности толкованія авторомъ другой отличающейся имъ стороны въ томъ-же явленіи «покрытки». Мы имѣемъ въ виду указываемую авторомъ обязательную женитьбу соблазнителя на соблазненной, въ основѣ которой, по мнѣнію его, лежитъ та мысль, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца. Читатель помнитъ, что этотъ обычай г. Змигородскій сближаетъ съ ливійскимъ и скиѣскимъ обычаями распредѣленія дѣтей. Здѣсь опять выступаетъ то смѣшеніе авторомъ эпохъ гѣтеризма и брачнаго коммунизма, о которомъ мы говорили выше. По видимому авторъ имѣетъ въ виду слѣд. свидѣтельство Nicolaus'a о либурнахъ: «либуры владѣютъ своими женами сообща и сообща-же воспитываютъ всѣхъ дѣтей до пятнадцатнаго возраста. На шестой годъ они собираютъ ихъ, опредѣляютъ ихъ сходство съ мужчи-

нами и по нему надѣляются каждаго отцомъ. Кто такимъ образомъ получаетъ отъ матери мальчика, тотъ смотритъ на него, какъ на своего сына» (cit. у Баховена, 20). Тоже относительно агафирсовъ у Геродота, 4, 104,

Здѣсь мы видимъ съ одной стороны ясный прирѣвъ брачнаго коммунизма, сопровождаемаго общиннымъ воспитаніемъ дѣтей, съ другой-же разложеніе этого строя общественной жизни идеей отцовства: подъ вліяніемъ этой идеи, вырабатывающей убѣжденіе, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца, исходитъ *индивидуализація* дѣтей, наблюдаемая у скивовъ и либурновъ. Поэтому, допуская, что въ основѣ общая обязательной женитьбы соблазнителя на соблазненной лежитъ признаваемая г. Змигородскимъ мысль, мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ эта мысль, вытекающая изъ чистой идеи отцовства, можетъ дать начало обычаю, въ которомъ-бы отражалось материнское право.

Но намъ кажется, что для объясненія «бытующаго», по словамъ автора, на Украинѣ упомянутаго обычая нѣтъ нужды отыскивать какихъ-либо соціологическихъ основаній: наблюдаемое въ этомъ обычаѣ обязательное, такъ сказать, покрытіе грѣха можетъ, да вѣроятно и въ дѣйствительности обуславливается простыми этическими понятіями народа, совершенно исключаящими явленіе соблазна. Во всякомъ случаѣ въ фактѣ обязательнаго покрытія грѣха законнымъ бракомъ пельзя не видѣть высокаго уваженія малорусскаго народа къ цѣломудрію, едва-ли имѣющаго что-либо общее съ эпохой гѣтеризма, совершенно равнодушной къ этому, столь высоко цѣняемому нами въ женщинѣ, качеству.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію указываемыхъ г. Змигородскимъ въ существующихъ обычаяхъ и преданіяхъ малорусскаго народа слѣдствъ материнской эпохи.

Эпоха материнскаго права, вторая указанная д-ромъ Баховеномъ генеральная стадія въ исторіи развитія семьи и брака, характеризуется высокимъ соціальнымъ положеніемъ женщины и тѣмъ преимущественнымъ въ системѣ семейно-родственныхъ отношеній значеніемъ ея, которое даетъ начало съ одной стороны своеобразной системѣ наслѣдованія по женской линіи, а съ другой своеобразному складу семьи (противоположному типу патерфамиліальному), при которомъ отецъ играетъ совершенно пассивную и второстепенную роль, а юридическое, въ отношеніи дѣтей, мѣсто его занимаетъ братъ матери, т. е. дядя съ материнской стороны. Исходя изъ этихъ характерныхъ чертъ общественнаго

состоянія, отмѣченнаго господствомъ материнскаго права, г. Змигородскій указываетъ слѣдующіе четыре остатка этой эпохи въ быту современныхъ малоруссовъ:

1) неупоминаніе отца въ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и второстепенное значеніе отцовскаго благословенія ¹⁾ (263),

2) почетное привѣтствіе взрослыхъ мужчинъ наименованіемъ «дядько» и женщинъ именемъ «титка» (265),

3) ограниченіе соціальныхъ правъ холостыхъ, выражающееся напр. въ лишеніи ихъ права голоса въ совѣтѣ стариковъ (264), и

4) обычай перевоза бабки-повитухи изъ дома, гдѣ она воспринимала ребенка, въ шинокъ на другой день послѣ рожденія.

Еще Кавелинъ въ своемъ разборѣ сочиненія г. Терещенка: «Бытъ русскаго народа» отмѣтилъ, какъ примѣчательный фактъ, второстепенную роль отца во всемъ свадебномъ процессѣ, отказавшись, впрочемъ, дать этому факту какое-либо объясненіе. «Почему, говоритъ онъ, братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мѣсто подлѣ невѣсты и косу ел, а не отецъ, почему они, а не онъ защищаетъ невѣсту, почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усиленныхъ просьбъ,—вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову». Намъ кажется, что указываемое г. Змигородскимъ отношеніе этого факта къ эпохѣ материнства можетъ быть призвано вполне правдоподобнымъ. Отецъ, какъ было упомянуто нами выше, игралъ въ общемъ строжѣ материнской семьи совершенно пассивную и второстепенную роль: естественно, что такой характеръ его роли долженъ былъ особенно выступать при наиболѣе важныхъ событіяхъ семейной жизни, а къ числу таковыхъ безспорно надлежитъ отнести бракъ одного изъ членовъ растающаго въ семьѣ молодаго поколѣнія.

Если второстепенность мѣста, занимаемаго отцемъ въ материнской семьѣ, можетъ удовлетворительно объяснить пассивную роль его въ свадебномъ процессѣ, то наоборотъ высокое положеніе, занимаемое въ этой семьѣ братомъ матери, по мнѣнію автора, столь-же удовлетворительно объясняетъ второй указанный имъ обычай почетнаго наименованія «дядько» и «титка». Правдоподобное на первый взглядъ объясненіе г. Змигородскаго въ дѣйствительности наталкивается на многія немало-

¹⁾ Матеріалъ, относящійся къ свадебнымъ обычаямъ, г. Змигородскій черпаетъ главнымъ образомъ изъ соч. г-жи Мошинской: „Свадебные обычаи на Украинѣ“. Zbiór wiadomości do Antrop. krajowej. Antrop. Comission der Krak. Akad. d. Wiss. Lemberg. 1878.

важвил затруденія. Безспорно, характеръ почетности, придаваемый наименованію «дядько», *можетъ* брать свое начало въ эпохѣ материнства, но для этого необходимо, чтобы подъ симъ наименованіемъ подразумевался дядя съ матерней стороны. Древность славянская въ точности различала родство по женской линіи отъ родства по линіи мужской: для обозначенія понятія дяди она создала два термина: *стрый-дядя* по отцу и *уй-дядя* по матери. Нынѣ термины эти, удержанные въ Польшѣ и у чеховъ, у русскихъ славянъ слились въ безразличный терминъ «дядя, дядько». Возможно, конечно, что въ случаѣ, указываемомъ г. Змигородскимъ, прежде употреблялся терминъ *уй*, растворившійся потомъ въ нейтральномъ терминѣ «дядько». Но для поддержанія такой гипотезы у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ г. Змигородскій ихъ не даетъ¹⁾.

Но если источникъ почетнаго наименованія «дядько», хотя бы при посредствѣ трудно допустимой гипотезы, можетъ быть возведенъ къ эпохѣ материнства, то для возникновенія почетнаго наименованія «титка» эта эпоха не представляетъ никакихъ основаній: выдвигая на первенствующее послѣ матери мѣсто дядю съ материнской стороны, принципъ материнскаго права не придаетъ какого-либо особаго значенія категоріи родства «титка» предъ другими категоріями. Такимъ образомъ, если-бы мы пожелали связать превращеніе родственнаго термина «титка» въ почетное наименованіе съ эпохой материнства, то должны были бы сдѣлать это при посредствѣ вторичнаго отношенія, а именно: предположить подобное превращеніе для термина «дядько», а затѣмъ уже допустить распространеніе по аналогіи этого превращенія и на терминъ «титка». Но искусственность подобнаго построенія очевидна, а потому впредь до пріобрѣтенія положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса мы и послѣ попытки объясненія, сдѣланной г. Змигородскимъ, должны считать его совершенно открытымъ.

Третій обычай—ограниченіе социальныхъ правъ холостыхъ—г. Змигородскій связываетъ съ высокимъ положеніемъ женщины, свойственнымъ материнской эпохѣ. Въ основѣ его толкованія лежитъ мысль, что лишь союзъ съ женщиной можетъ предоставить мужчине пользованіе социальными правами въ полномъ объемѣ, что лишь черезъ женщину пріобрѣтается гражданская полноправность, а безъ отношенія къ ней объемъ правъ сокращается для индивидуума-мужчины. Намъ кажется, что обычай, о которомъ идетъ рѣчь, не столько вытекаетъ изъ социологическихъ условій прошедшаго, сколько изъ простыхъ бытовыхъ условій настоящаго.

¹⁾ Онъ просто переводитъ: „Діадко“, т. е. Onkel—Brüder der Mutter, но почему, этого не объясняетъ.

Въ крестьянскомъ мірѣ полноправной гражданской личностью является лишь личность экономически правоспособная, представитель извѣстнаго хозяйственнаго организма, однимъ словомъ «хозяинъ». А какъ строй этого хозяйственнаго организма зиждется не только на мужскомъ, но и на женскомъ трудѣ, являясь при отсутствіи того или другаго или въ состояніи еще неразвитомъ, или-же въ состояніи упадка, то естественно, что лишь *женатый* индивидуумъ въ среднемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и граждански полноправный.

Послѣдній примѣръ, въ которомъ авторъ старается усмотрѣть слѣды эпохи материнства, есть обычай, по которому на Украинѣ утромъ слѣдующаго послѣ родовъ дни двѣнадцать женщинъ везутъ бабку въ деревянномъ лоткѣ въ шинокъ, при чемъ мальчишки бѣгутъ около и пытаются столкнуть лотокъ въ грязь, такъ что бабка достигаетъ шинка вся забрызганная грязью. Лотокъ носить въ этомъ случаѣ характерное названіе «серебряной колесницы», а поѣздка въ немъ бабки до шинка считается для послѣдней особой почестью (120).

Для объясненія этого оригинальнаго обычая г. Змигородскій прежде всего напоминаетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ старинныхъ народныхъ преданіяхъ солнечный свѣтъ сравнивается съ блескомъ золота, а лунный съ блескомъ серебра, почему оба эти металла очень часто имѣютъ значеніе символовъ божествъ солнца и луны. Затѣмъ г. Змигородскій сопоставляетъ преданія, въ которыхъ луна, родильница и колыска находятся между собою въ связи. Изъ такихъ преданій онъ указываетъ на слѣдующія: 1) широко распространенное вѣрованіе, что въ полнолуніе женщины рожаютъ легче всего, 2) богиня Bhavani (именуемая также Saki и Parwati) есть богиня родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богиня луны; она ѣздитъ на кошкахъ, 3) у грековъ была богиня луны Эйлейтія, которая была также специально и олимпской акушеркой, 4) у римлянъ мы встрѣчаемъ богиню Діану; Діана и Артемиза одни и тѣ же персонажи и Артемиза есть богиня родовъ, 5) въ германскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ богиню луны, Фрею, которая ѣздитъ ночью на горизонтѣ въ колесницѣ, запряженной кошками и 6) до сихъ поръ въ Schildthurm'ѣ почитаются трое святыхъ: Einbett, Barbett и Willbett и въ связи съ ними стоитъ находящаяся тамъ серебряная колыска. Беременная женщина, прикоснувшаяся къ ней, по народнымъ вѣрованіямъ, легко рождаетъ (265, 266). Изъ сопоставленія этихъ преданій и вѣрованій съ упомянутымъ выше украинскимъ обычаемъ г. Змигородскій выводитъ заключеніе, что бабка, которую 12 женщинъ везутъ въ «серебряной колесницѣ», есть ничто иное, какъ представительница всѣхъ богинь луны (267). Въ дальнѣйшемъ толкованіи авторъ имѣетъ въ виду предложенную Баховеномъ

гипотезу о связи указанныхъ имъ трехъ ступеней семьи и брака съ почитаніемъ земли и небесныхъ свѣтилъ. По мнѣнію Баховена первой эпохѣ брака (гѣтеризму), эпохѣ господства «чистаго вѣббрачнаго естественнаго права», соотвѣтствуетъ культъ земли, принципъ теллурпческій (чествованіе темныхъ силъ, *ночи*, по мнѣнію г. Змигородскаго); эпоха господства отцовскаго права есть эпоха солнечнаго культа; среднія между ними эпоха материнства находитъ свое выраженіе въ культѣ луны. Исходя изъ этого, г. Змигородскій считаетъ бабу въ упомянутомъ обычаѣ, какъ представительницу богини луны, персонажемъ, принадлежащимъ эпохѣ материнства. То обстоятельство, что мальчишки закидываютъ ее грязью, можетъ имѣть, по мнѣнію г. Змигородскаго, двойное значеніе: или это остатокъ отъ первой эпохи (теллурической), въ которую вода и грязь служили символами плодородія, или-же (и это нашему автору кажется болѣе вѣроятнымъ) упомянутое обстоятельство можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія переходной эпохи между эпохами материнскаго и отцовскаго права, когда многое, возникшее изъ материнской эпохи, подвергалось осмѣянію.

На этомъ мы и закончимъ нашъ обзоръ сочиненія г. Змигородскаго.

Подводя итогъ всему изложенному выше, мы должны, къ сожалѣнію, признать сдѣланную г. Змигородскимъ попытку приложенія общесоціологической гипотезы къ истолкованію фактовъ малорусской этнографіи не вполне удачною; тѣмъ не менѣе эта попытка заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ первая серьезная и широко задуманная попытка истолкованія славянской старины въ области брачныхъ отношеній съ точки зрѣнія выводовъ и построеній реально-научной соціологіи и за это мы, безъ сомнѣнія, должны принести благодарность автору. Считаемъ также долгомъ оговориться, что нами оставлено въ сторонѣ изслѣдованіе автора по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, связаннымъ съ славянской и въ частности съ малорусской этнографіей и доисторическимъ славянскимъ бытомъ; не считая себя достаточно подготовленными къ вполне серьезному научно-критическому разбору сихъ изслѣдованій автора, мы предоставляемъ судить о нихъ другимъ. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Н. Н. Чернышевъ.

Г. Кременчугъ, 1887 г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ.

Вопросъ этотъ близко касается Кіева, а въ виду предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія кіевлянъ и всей Руси, разрѣшеніе его даже необходимо, такъ какъ существуютъ разногласія относительно года, въ которомъ совершилось это крещеніе, и мѣста, на которомъ оно совершено, о чемъ уже и заявлено въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

Первоисточникъ свѣдѣній о крещеніи кіевлянъ и предшествовавшемъ тому крещеніи князя Владиміра заключается въ сочиненіяхъ мниха Іакова: «Похвала князю Русскому Владиміру» и «Житіе блаженнаго Владиміра», которыми преподобный Несторъ лѣтописецъ въ иныхъ мѣстахъ пользовался почти дословно, повѣствуя о томъ же предметѣ ¹⁾. Когда именно жилъ мнихъ Іаковъ, съ точностію неизвѣстно, но самъ онъ считаетъ себя близкимъ ко времени св. Владиміра, иначе онъ, говоря о крещеніи кіевлянъ, не сказалъ бы: «сице бысть малымъ преже сихъ лѣтъ, суцю самодержцю всея рускія земли Володимеру».

---

¹⁾ „Житіе св. Владиміра“ и „Похвала“ ему открыты и выпечатаны преосв. митроп. Макаріемъ въ „Христ. Чтеніи“ 1849 г. Но изъ Чети-Миней видно, что Житіе св. Владиміра мниха Іакова было извѣстно св. Димитрію Ростовскому и что онъ пользовался этимъ источникомъ при составленіи жизнеописанія св. Владиміра для Чети-Миней.

Въ житіи же блаженнаго князя Владиміра обстоятельства, предшествовавшія его крещенію и крещенію кіевлянъ, излагаются такъ: «Ходиша слуги его (Владиміра) въ болгары и въ нѣмцы и видѣша скверныя дѣла ихъ, и оттолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша украшенія церковная и проч... Они же придоша въ Русь. Володимеръ же созва бояры своя и старцы... И рекоша слуги ходившая: яко смотрихомъ, како покланяются болгары и проч... Бояре же рекоша: аще не бы былъ добръ законъ греческій, то не бы пріяла Олга баба твоя. Володимеръ же рече: воля Господня да будетъ! И умысли въ себѣ: сице сотворю.—*Минувшу же лѣту*, иде съ вои на Корсунь. Корсуняне боряхуся крѣпко со града. Володимеръ же рече: аще ми ся не предасте, стояти имамъ за три лѣта. Они же не послушаша, и стояше *шесть мѣсяцъ*». Сказавши за тѣмъ о взятіи Корсуни, прибытіи греческой царевны и крещеніи Владиміра въ Корсуню, мнихъ Іаковъ продолжаетъ: «и поимъ царицю и Анастаса и попы Корсунскія съ мощами Климента и Оивы, ученика его, самъ вшедъ въ Кіевъ, повелѣ испроврещи и избити кумиры, и Волоса идола, его же именовашу скотыя бога, велѣ въ Почайну рѣку вѣврещи; Перуна же повелѣ привязати коневы къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручай, и слуги пристави бити идолы жезліемъ, плакаху ся же его невѣрніи людие, еше бо бяху не пріяли святаго крещенія. И привлече кумира Перуна, вѣвергоша и въ Днѣпръ рѣку, и проплы пороги, изверже и вѣтръ на берегъ, и оттолѣ прослы Перуна гора. И положи заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци, богатъ же или убогъ или нищъ или работень. Да се же людие слышавше, радостно течаху, глаголюще: аще бы се не добро было, не бы се го князь и бояре пріяли. На утрія же изыде Володимеръ съ попы царицны и съ Корсунски, и снисдеся бещцсла народа: влѣзше въ воду до ши, а иніи до персій, младіи же по берегу: а жены младенцы держаще, а попы на брезѣ молятвоваху. И бытъ радость велика крестившимся людемъ и идоша каждо въ дома своя». Изъ этого разсказа видно, что мнихъ Іаковъ не отдѣляетъ года крещенія св. Владиміра отъ года крещенія кіевлянъ, а полагаетъ ихъ въ одномъ и томъ же году, *минувшу лѣту*, по совѣщаніи съ боярами; къ тому же году относитъ онъ и походъ въ Корсунь.

То же передаетъ намъ и лѣтопись преподобнаго Нестора. Раз-

ность только въ томъ, что Несторъ, говоря о взятіи Корсуня, не упоминаетъ о 6-мѣсячной при семь осадѣ, не говоритъ и о вверженіи идола Волоса въ Почайну, а походъ въ Корсунь, съ послѣдовавшимъ затѣмъ крещеніемъ Владиміра и кіевлянъ, полагаетъ точно въ 988 году, при чемъ слѣдующіе 989 и 990 годъ оставляетъ въ лѣтописи съ пробѣлами, не означая противъ нихъ никакихъ событій. Іаковъ же хотя въ житіи св. Владиміра не означаетъ года его крещенія, но въ концѣ своего сочиненія «Похвала блаженному князю Владиміру» говоритъ: «по святомъ крещеніи поживе блаженный князь Володимерь 28 лѣтъ»; «успе съ миромъ мѣсяца іюля день въ 15, въ лѣто 6523» (1015 отъ Р. Хр.); слѣдовательно мнихъ Іаковъ крещеніе св. Владиміра и кіевлянъ полагаетъ въ томъ же 988 году, подъ которымъ оно стоитъ въ лѣтописи преподобнаго Нестора.

Нѣкоторыя затрудненія къ принятію этого года годомъ крещенія кіевлянъ представляются въ вопросѣ о томъ, могли ли въ одинъ годъ совершиться шести-мѣсячная осада Корсуня, прибытіе царевны изъ Царьграда въ Корсунь, возвращеніе Владиміра въ Кіевъ и крещеніе кіевлянъ. Событія эти происходили не на близкомъ разстояніи другъ отъ друга и требовали значительнаго времени, а крещеніе кіевлянъ въ рѣкѣ могло совершиться не позже 2-й половины августа, иначе, въ слѣдствіе пониженія температуры воды, оно было бы неудобно для многихъ, въ частности для дѣтей. Совмѣстять эти событія въ одномъ году дѣйствительно трудно, если начало года считать съ 1-го января; но нужно принять во вниманіе, что, во 1-хъ, въ X-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ до 1700 года, у насъ, какъ и въ Греціи, годъ считался съ 1-го сентября, въ чемъ можно убѣдиться изъ приложенныхъ къ древнимъ богослужебнымъ книгамъ мѣсяцеслововъ или календарей, сохранившихся у насъ съ XI и XII вѣковъ; во 2-хъ, что походъ Владиміра въ Корсунь состоялся *минушу лѣту*, а въ славянскомъ языкѣ, на которомъ писали мнихъ Іаковъ и преподобный Несторъ, подъ словомъ «лѣто» разумѣется не только годъ, но и лѣтніе мѣсяцы года, оканчивающіеся мѣсяцемъ августомъ. При совмѣстномъ окончаніи лѣта и года смыслъ словъ сказанія XI-го вѣка о походѣ св. Владиміра въ Корсунь будетъ таковъ: *минушу лѣтнему времени* и съ окончаніемъ 987 года, въ которомъ происходило совѣщаніе Владиміра съ боярами о вѣрѣ, осенью слѣдующаго 988

года (а не спустя годъ), «иде Владиміръ съ вои на Корсунь». Походъ Владиміра въ Корсунь могъ быть предпринятъ въ сентябрѣ даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ другое холодное или жаркое время. Извѣстно, что и караваны малороссійскихъ чумаковъ совершали свои, прекратившіеся недавно, походы въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой преимущественно также въ осеннее время, возвращаясь оттуда домой, въ кievскую напр. губернію, въ концѣ ноября того-же года. Мѣсяцы октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ могли пройти въ осадѣ Владиміромъ Херсонеса, чему особенно препятствовать не могла короткая и слабая зима крымская, которой въ иные годы и вовсе не бываетъ въ окрестностяхъ Ялты и Херсонеса. По взятіи Херсонеса, апрѣль и май могли быть употреблены на посольство въ Константинополь и прибытіе оттуда царевны, а мѣсяцевъ іюня и іюля достаточно было для крещенія Владиміра и на возвращеніе въ Кіевъ по бракосочетаніи съ царевною Анной. Крещеніе за тѣмъ кievлянь могло совершиться въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Не напрасно по этому въ одномъ синодальномъ сборникѣ старинныхъ рукописей сказано, что крещеніе кievлянь происходило 1-августа ¹⁾). Могло быть оно въ этотъ день и потому еще, что тогда существовалъ уже въ Константинополѣ извѣстный еще съ VIII вѣка обычай совершать 1-го августа освященіе воды чрезъ погруженіе въ нее креста живогворящаго древа, который переносился въ храмъ св. Софіи 31-іюля изъ царской сокровищницы ²⁾). Обычай этотъ вѣроятно не безъизвѣстенъ былъ Кіеву, въ которомъ существовала еще при дѣдѣ св. Владиміра, князѣ Игорѣ, на Подолѣ, надъ впадавшимъ въ Днѣпръ ручаемъ, соборная церковь св. Іліи. Время, установленное церковью 1-го августа для освященія воды, могло быть потому избрано и для приготовленія св. купѣли населенію Кіева; только на этотъ разъ освященіе воды должно было совершиться не въ сосудѣ и не въ храмѣ, а въ рѣкѣ, подъ открытымъ небомъ храма природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно послужило и къ освященію рѣки, оскверненной низверженіемъ идола.

¹⁾ Канонъ на сей праздникъ написалъ Георгій Амастридскій, жившій въ VIII вѣкѣ (Migne, Cours. patrolog. T. 112, стр. 1006).

²⁾ Описан. синод. рук. Гор. и Нев., № 323.

Гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ: въ Почайнѣ или въ Днѣпрѣ?

Что такое Днѣпръ, извѣстно всѣмъ. Разъяснимъ, что такое была и есть Почайна.

Почайна не рѣчка, а большой ручей, образующійся изъ сліянія двухъ малыхъ ручьевъ—Сырца и Глубочицкаго и нѣсколькихъ меньшихъ, которые пробиваются ключами изъ кряжа кіевскихъ горъ. Имѣя протяженія не болѣе 1¹/₂ версты, Почайна направляется сначала чрезъ Оболонье на востокъ или отъ горъ къ Днѣпру, потомъ поворачиваетъ на югъ по восточной сторонѣ Кіево-Подола, параллельно Днѣпру, и въ южномъ концѣ Подола, не доходя крещатицкаго источника, сливается съ Днѣпромъ противъ Христо-рождественской церкви. Въ весеннее время и въ первую половину лѣта русло Почайны противъ Подола заливается Днѣпромъ и только во вторую половину лѣта показывается раздѣляющая ихъ песчаная коса; но въ древности эта коса была выше и шире, и эту форму она удерживала еще въ XVII вѣкѣ. Противъ середины Подола на берегу Почайны, въ концѣ Пасиньчей и Козарской улицъ, стояла церковь св. пророка Іліи, въ которую при Игорѣ водили крещенную Русь къ «ротѣ» или присягѣ по случаю заключенія договора съ греками въ 944 году. Широкое устье Почайны противъ Боричева взвоза составляло вмѣстѣ заливъ Днѣпра и служило удобною гаванью для судовъ, приходящихъ къ Кіеву. Почайну въ древнемъ ея видѣ можно видѣть на хранящейся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ картѣ Кіева 1693 года. При всей близости къ городу, загроможденная судами и лѣсными плотами и служа стокомъ городскихъ нечистотъ, небольшая рѣчка Почайна не могла быть мѣстомъ приличнымъ и удобнымъ для крещенія въ ней всего населенія Кіева. Гораздо удобнѣе было совершить крещеніе всей массы кіевлянъ въ чистыхъ водахъ Днѣпра, отдѣленнаго отъ Почайны песчаной косой. Здѣсь и полагаютъ его совершившимся древнѣйшіе повѣствователи мнихъ Іаковъ и Несторъ лѣтописецъ. Преподобный Несторъ въ своей лѣтописи ясно и опредѣленно говоритъ: «на утрѣя изыде Володимірь съ поны царицны и Корсунскими на Днѣпръ и снисдеся бещисла люди». Іаковъ въ житіи Владиміра, сказавши о вверженіи Перуна въ Днѣпръ, непосредственно за тѣмъ говоритъ: «и положи (Владимірь) заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци». Ясно, что онъ

разумѣль здѣсь не Почайну, а Днѣпръ. О крещеніи кіевлянъ въ Почайнѣ говорится только въ проложномъ житіи св. Владиміра 1400 года и въ Синописѣ Гизеля. Въ Чети-миней подъ 15 іюля св. Димитрій Ростовскій, слѣдуя мнѣху Іакову, сказалъ: «посла (Владиміръ) проповѣдники по граду, повелѣвая, да наутріе соберутся вси на рѣку», но затѣмъ въ скобяхъ добавилъ: «Почайну, изъ Днѣпра текущую и паки въ Днѣпръ впадающую». Этимъ добавленіемъ онъ какъ бы хотѣлъ согласить мнѣнія о крещеніи кіевлянъ то въ Почайнѣ, то въ Днѣпрѣ, хотя извѣстно, что Почайна не вытекаетъ изъ Днѣпра. Само собою разумѣется, что нужно признать болѣе вѣрнымъ то извѣстіе, которое находится у писателей, ближайшихъ къ времени событія, именно, что «Днѣпръ былъ Руси чистая купѣль».

Преданіе, записанное въ Прологѣ 1400 г., указываетъ и то мѣсто берега Днѣпра, на которомъ совершилось крещеніе кіевлянъ; оно указываетъ тамъ, «идѣже стоитъ (въ XIV вѣкѣ) церковь св. Петра». А такъ какъ единственная церковь св. Петра въ древности была только на Михайловской горѣ, въ Изяславовомъ Дмитріевскомъ монастырѣ, то крещеніе кіевлянъ приходилось бы ниже церкви Рождества Христова. Но въ томъ же Прологѣ сдѣлана поправка, въ которой сказано, что крещеніе это было противъ мѣста, «идѣже стоитъ церковь Бориса и Глѣба». Здѣсь же, противъ церкви Бориса и Глѣба, крещеніе кіевлянъ означаетъ Иннокентіемъ Гизелемъ въ Синописѣ и св. Димитріемъ Ростовскимъ въ чети-минейномъ житіи св. Владиміра. Св. Димитрій говоритъ объ этомъ такъ: «бывшу утру, приде самъ князь съ бояры на рѣку, и архіерей съ нимъ и вси священницы, и собрася весь градъ къ рѣцѣ, всякаго чина и возраста, обоего пола безчисленное множество на томъ мѣстѣ, *идѣже нынѣ церковь св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба*. И повелѣно бысть имъ, одежды совлекше, внити въ воду, особъ мужескому полу, особъ женскому, старѣйшимъ въ глубочайшее мѣсто, малымъ же близъ берега: и стояху въ водѣ овѣи до выи, овѣи же до пояса, раздѣльшися на полки. Священницы же во іерейскихъ облаченіяхъ, стояще при берегѣ на доскахъ, нарочно того ради устроенихъ, чтяху надъ народомъ молигвы, крещенію подобающыя, и имена имъ нарицаху, и трижды погрузитися имъ въ водѣ веляху; сами же взываху надъ ними, имя святыя Тройцы по чину крещенія призывающе». Борисоглѣбская церковь извѣстна въ Кіевѣ, на По-

долѣ, по описи кievскаго замка 1552 года. Въ вѣдомости кievо-подольскихъ церквей 1784 года значится, что существовавшая тогда церковь сего имени построена въ 1602 году на мѣстѣ польскаго костела коштомъ кievскаго мѣщанина Онисима Ходковича, и въ одной оградѣ съ нею была каменная церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ 1691 году коштомъ кievскаго полковника Григорія Карповича. Эта каменная Рождество-Предтечевская существуетъ и нынѣ съ особымъ придѣломъ во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, пристроеннымъ въ прошломъ вѣкѣ, вѣроятно, по случаю обветшанія стоявшей отдѣльно отъ нея церкви Борисоглѣбской. Народъ впрочемъ не знаетъ Рождество-Предтеченской церкви, а продолжаетъ называть ее Борисоглѣбскою. Противъ этой то церкви, гдѣ еще въ XVII вѣкѣ былъ мостъ для переѣзда черезъ Днѣпръ, совершилось въ Днѣпрѣ крещеніе кievлянъ при св. Владимірѣ.

Сказавши о времени и мѣстѣ крещенія кievлянъ при св. Владимірѣ, нельзя не дать въ заключеніе хотя краткаго отвѣта автору недавно появившагося въ двухъ толстыхъ книгахъ I-го тома Исторіи русской церкви. Многоученный ея авторъ весь рассказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра и кievлянъ называетъ не болѣе, какъ сказкой, интересной только для тѣхъ, кто, не заботясь ни о чемъ другомъ, любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти. По его словамъ, «не много критики и отъ повѣсти останется лишь голый остовъ, да и тотъ не весь, а лишь его половина» (1-я полов. тома, стр. 96). И вотъ по этой критикѣ у него выходитъ, что не только Игоря и Ольгу, но и самого просвѣтителя Россіи, св. Владиміра расположили къ христіанской вѣрѣ не греческіе проповѣдники, а христіане варяжской дружины (*ibid*, стр. 110); что Владиміръ принялъ крещеніе не отъ грековъ и безъ всякихъ съ ними сношеній, которыхъ онъ и не завязывалъ съ ними въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія (*ibid*, стр. 111), что, обращенный въ христіанство кievскими варягами-христіанами, онъ былъ крещенъ просто руками священниковъ этихъ послѣднихъ (т. е. руками латинскихъ священниковъ) (*ibid*, стр. 112); что самое крещеніе Владиміра происходило не въ Корсуни, а въ Василевѣ, въ 36 верстахъ отъ Кіева, и притомъ

тайно, скрытно отъ народа (*ibid.* 11), а крещеніе кіевлянъ было спустя два года послѣ крещенія Владиміра, которое совершилось въ 987 году (*ibid.* стр. 115). Вотъ то немногое, по словамъ Голубинскаго, что получаемъ мы относительно обращенія Владиміра въ христіанство и относительно его крещенія, отстранивъ баснословіе (*ibid.* стр. 113). Доказательствъ историческихъ на всѣ эти свои измышленія онъ однако не приводитъ, кромѣ ссылки на Исландскую сагу, въ которой будто говорится, что Олавъ, конунгъ норвежскій, крестившись въ *Греціи*, убѣдилъ потомъ и Владиміра къ принятію христіанства (*ibid.* стр. 111). Русскіе лѣтописцы у него меньше значать, чѣмъ заморская сага. Но при всемъ пристрастіи къ мало говорящему свидѣтельству, записанному въ сагѣ гдѣ-то за моремъ, отстоящимъ отъ Кіева болѣе, чѣмъ за 1.000 верстъ, г. Голубинскому надлежало бы не забывать, что лѣтописцы наши, передавшіе намъ свѣдѣнія о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, были почти современниками описываемыхъ событій и жили не гдѣ то за моремъ, а на мѣстѣ происшествія въ Кіевѣ и, какъ свидѣтели ближайшіе и мѣстные, лучше могли знать описываемое и заслуживаютъ болѣе вѣроятія, чѣмъ свидѣтели дальніе и не бывшіе на мѣстѣ, которыхъ у него впрочемъ, кромѣ саги, и не оказывается. Извѣстія о крещеніи Владиміра и крещеніи кіевлянъ, стоящемъ въ близкой по времени и тѣсной связи съ первымъ, передаетъ намъ прежде всего въ своихъ писаніяхъ *Иларіонъ*, бывшій пресвитеромъ церкви св. апостоль на Берестовѣ въ Кіевѣ, при загородномъ дворцѣ св. Владиміра, и поставленный послѣ того митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси при великомъ князѣ кіевскомъ Ярославѣ Владиміровичѣ. Обстоятельства крещенія кіевлянъ, кромѣ другихъ лицъ, онъ могъ знать отъ самаго князя, который имѣлъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду въ годъ крещенія кіевлянъ и, кромѣ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, могъ все подробно знать отъ самаго Владиміра, своего отца, и своей матери Рогнѣды. И вотъ что передаетъ Иларіонъ въ превосходномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, произнесенномъ въ Десятинной церкви въ присутствіи Ярослава и его супруги Ирины: «онъ (т. е. св. Владиміръ) всегда слышалъ о православнои, христіолюбивои и сильной вѣроу греческой землѣ, какъ чтутъ тамъ единого Бога въ Тройцѣ и поклоняются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны

людей, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежать къ молитвѣ, всѣ предстоять Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратитъ всю землю въ христіанство... Во Христа крестившись, на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу креститься во Отца и Сына и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя св. Троицы и всѣ были христіанами. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, если кто не по любви, то по страху къ повелѣнному¹⁾. Такимъ образомъ вся земля наша *въ одно время* стала славить Христа съ Отцемъ и св. Духомъ». Въ концѣ этого слова митр. Иларіонъ, обращая рѣчь свою къ св. Владиміру, какъ бы внимавшему его рѣчи изъ своего гроба, говорилъ между прочимъ: «ты утвердилъ вѣру съ бабкой твоей Ольгою, принесъ крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова и поставилъ его на землѣ своей». Спрашивается: при чемъ тутъ варяги и варяжскіе священники, вызываемые Голубинскимъ въ Кіевъ? Упомянувъ о времени, слѣдовавшемъ за крещеніемъ кіевлянъ, блаженный митрополитъ говоритъ къ лицу св. Владиміра: «ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ сей (христіанскій) среди людей, недавно познавшихъ Господа». Это свидѣтельство о св. Владимірѣ служитъ сильнымъ основаніемъ нисколько не сомнѣваться и въ томъ, что св. Владиміръ рѣшился перемѣнить вѣру не иначе, какъ по совѣщаніи съ боярами и старцами и принять христіанство не для одного себя, а и для всего народа почти одновременно. Нельзя сомнѣваться и въ предшествовавшемъ сему посольствѣ Владиміра въ разныя страны для испытанія вѣры. Посольство это нужно было собственно не для Владиміра, ознаменнаго съ христіанствомъ отъ своей бабки, а для народа, для его бояръ и старцевъ: они должны были на мѣстѣ господства разныхъ

---

¹⁾ Эти слова, повторяемъ, сказаны предъ сыномъ св. Владиміра, очевидцемъ крещенія кіевлянъ, а Голубинскій отвергаетъ все сказанное, недоумѣвая, какъ это Владиміръ „въ одинъ прекрасный вечеръ отдалъ приказъ явиться всѣмъ по утру на рѣку для купанья, и исполнено“ (стр. 142).

вѣрь убѣдиться въ превосходствѣ вѣры греческой и своими разсказами предрасположить кіевлянъ къ принятію этой вѣры. Другія подробности о крещеніи св. Владиміра и кіевлянъ сообщаютъ мнихъ *Іаковъ*, который называетъ эти событія, совершившимися немного раньше своего времени, и преподобный *Несторъ* лѣтописецъ. Тотъ и другой, по признанію самого Голубинскаго, писали не позже 1070 года, слѣдовательно жили при Ярославѣ, сынѣ св. Владиміра († 1054 г.) и его внукахъ: Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, когда еще живо было преданіе о св. Владимірѣ, когда еще живы были старцы, помнившіе крещеніе кіевлянъ, какъ преподобный Іеремія прозорливый и 96-лѣтній бояринъ Янъ Вышатичъ, другъ преподобнаго Феодосія печерскаго, когда наконецъ еще дѣлы были книги, положенныя Ярославомъ въ бібліотеку св. Софіи.

Крещеніе Владиміра Голубинскій полагаетъ въ 987 году (стр. 113), а крещеніе кіевлянъ послѣ того чрезъ два года въ третій, а собственно чрезъ три года, въ 990 году, находя къ сему основаніе въ краткой хронологіи жизни Владиміра, помѣщенной въ концѣ «Похвалы» этому князю мниха Іакова, гдѣ сказано: «на другое лѣто по крещеніи (Владимірѣ) къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунъ городъ взя». Но во 1-хъ походъ къ порогамъ Днѣпра не означаетъ еще похода въ Корсунъ, а кромѣ взятія Корсуна предъ крещеніемъ Владимірѣ могло быть взятіе его и въ другой разъ, по крещеніи. Вспомнимъ, сколько разъ русскія войска брали г. Карсъ, Азовъ, Измаиль и другіе пограничные турецкіе города. Во 2-хъ хотя изъ греческихъ лѣтописцевъ, приводимыхъ у самаго Голубинскаго, извѣстно, что Владиміромъ была оказана вооруженная помощь императору Василю противъ бунтовщика Варды Фоки, по вступленіи Владиміра въ родство съ императоромъ чрезъ бракъ съ царевной, и что этой помощи императоръ просилъ у Владиміра еще до брака его съ царевной и Владимірѣ обѣщаль подъ условіемъ вступленія въ родство, но не говорится, чтобы эта помощь состояла во взятіи Владиміромъ Корсуна, напротивъ ясно говорится, что она состояла въ отраженіи бунтовщика Варды Фоки отъ Хризополя или Скутари, составляющаго предмѣстье Константинополя. Весьма возможно, что первоначально до 987 года Владиміру отказано было въ рукѣ царевны,

какъ отказано было нѣмецкому императору Оттону въ 968 году въ рукѣ старшей сестры нашей Анны для его сына, котораго считали язычникомъ; посему Владиміръ рѣшился завоевать себѣ невѣсту взятіемъ Корсуня, подобно тому, какъ завоевалъ Рогнѣду взятіемъ Полотска: по взятіи Корсуня, когда императоръ въ виду подступа Варды къ Константинополю, поспѣшилъ отправить сестру въ Корсунь для выдачи въ замужество за Владиміра, Владиміръ изъ того же Корсуня послалъ отрядъ войска для подкрѣпленія войскъ императорскихъ. Возвративши Корсунь императору по вступленіи въ бракъ съ царевной, Владиміръ могъ брать Корсунь другой разъ по какимъ либо причинамъ, вызваннымъ обстоятельствами Русской Тмуторокани или по обстоятельствамъ греческой имперіи, отъ которой Херсонъ пытался не разъ отложиться. Во всякомъ случаѣ ради сбивчивой хронологіи двухъ темныхъ событій, добавленной къ-то къ «Похвалѣ» мнѣха Іакова Владиміру, нельзя переставлять фактовъ, послѣдовательно изложенныхъ въ житіи Владиміра того же Іакова и въ лѣтописи Нестора, имѣющей хронологію, провѣренную рядомъ событій, предшествовавшихъ крещенію Владиміра и послѣдовавшихъ за нимъ.

П. Л.

Потемкинъ и черноморцы.

Въ оконченныхъ недавно печатаніемъ на страницахъ «Кіев. Старины» весьма интересныхъ «Историческихъ запискахъ о войскѣ черноморскомъ» А. Туренка сообщается любопытный фактъ (извѣстный, впрочемъ, и изъ другихъ источниковъ), что еще во время существованія запорожской Сѣчи князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, «любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ», добровольно записался въ ихъ войско простымъ козакомъ подъ именемъ *Грицька Нечосы* и тѣмъ подавъ примѣръ и другимъ болѣе или менѣе знатнымъ російскимъ чиновникамъ сдѣлать то же самое. Столь лестное покровительственное вниманіе со стороны могущественнаго временщика къ войску запорожскому не спасло, однакожъ, послѣднее отъ катастрофы, постигшей его въ 1775 г. и подготовленной главнымъ

образомъ самимъ же Потемкинымъ. Извѣстно за тѣмъ, какъ онъ послѣ того относился къ своимъ сѣчевымъ «товарищамъ», какъ легко отвергъ ихъ историческія права, положилъ конецъ самому существованію вѣковаго рыцарскаго братства и устроилъ грандіозный раздѣлъ запорожскихъ земель, съ щедрою бесплатною раздачею ихъ всякому, кто принималъ лишь на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и искони служившій отъ него убѣжищемъ.

И кто бы могъ подумать тогда, что этому баловню судьбы придется унести съ собою въ могилу искреннія слезы и благословеніе со стороны тѣхъ, кто имѣлъ, повидимому, достаточныя основанія питать къ нему при жизни и по смерти совѣмъ иныя чувства!

Когда, по разореніи Сѣчи, запорожцы, подобно овцамъ разогнаннаго стада, расходились въ разныя стороны, то къ чувствамъ тяжелой скорби объ утратѣ вѣковаго гнѣзда и о безславномъ концѣ «славнаго» запорожскаго войска въ умѣ у нихъ примѣшивалась и такая мысль, что настанетъ время, когда ихъ военныя услуги понадобятся правительству, и тогда сами виновники ихъ несчастія вспомнятъ о нихъ съ сожалѣніемъ. Въ одной изъ пѣсенъ на разореніе Сѣчи есть такой куплетъ:

Наступае чорна хмара,
Иде дощикъ зъ неба:
Зруйновали Запорожжя—
Колись буде треба!

Такъ и случилось на дѣлѣ. Когда сдѣлалось очевиднымъ, что заселеніе края, не смотря на всѣ старанія помѣщиковъ-колонизаторовъ, не смотря даже на льготы для поселенцевъ, шло крайне медленно, то при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края, особливо въ виду предпринятой тогда второй турецкой войны, Потемкинъ исполнилъ запорожцевъ, почувствовавъ въ нихъ нужду и черезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ казацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ. Результатомъ всего этого былъ указъ Екатерины (3-го іюля 1887 г.) о возстановленіи бывшаго запорожскаго войска, при чемъ первоначально назначены были для его поселенія земли между Днѣстромъ и Бугомъ, и только впослѣдствіи оно окончательно было поселено на р.

Кубани, въ Черноморіи, отъ чего и получило офіціальное названіе войска *Черноморскаго*. Такимъ образомъ сила обстоятельствъ заставила всемогущаго временщика потрудиться надъ возсозданіемъ того, что имъ же самимъ было уничтожено.

Съ этихъ поръ начинаетъ возрастать популярность Потемкина среди бывшихъ запорожцевъ, въ особенности послѣ того, когда въ генварѣ 1790 г. онъ былъ возведенъ императрицею въ званіе «*великаго гетмана*» новообразованныхъ козачьихъ войскъ. Вѣсть объ этомъ назначеніи была радостно принята не въ одной Черноморіи: въ Малороссіи какой-то неизвѣстный поэтъ сочинилъ по этому поводу стихотворный «диѳирамбъ», въ которомъ новое черноморское войско величается «низовымъ обоихъ сторонъ Днѣпра воинствомъ», т. е. прежнимъ титуломъ, искони принадлежавшимъ войску Запорожскому. Современный событію списокъ этого диѳирамба найденъ нами между фамилными бумагами одного, нынѣ угасшаго, шляхетно-малороссійскаго рода, процвѣтавшаго еще въ началѣ нынѣшняго вѣка въ гадячскомъ уѣздѣ полтав. губ. Передаемъ его здѣсь съ буквальною точностью:

Диѳирамбъ

Низовому обоихъ сторонъ Днѣпра воинству, получившему себѣ великимъ гетманомъ высокоповелительнаго всѣхъ силъ Россійскихъ военачалника князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, сочиненный свойственнымъ симъ новымъ аргонавтамъ нарѣчіемъ, примѣняясь къ содержанію прилагаемаго при семъ отъ ихъ предковъ писанія ¹⁾. 1790 года, февраля 15 дня:

Воскресши, южныхъ странъ возрадуйтеса voi,
 Что въ свѣтѣ чести вы сподобились такой,
 Что на невѣрнаго идущимъ бусурмана
 Давъ Богъ вамъ знатнаго великаго гетмана,
 Который будетъ васъ за храбрость награждати.
 Старайтеса толко вы подѣ нимъ такъ воювати,
 Какъ воювали тамъ преславни предки ваши
 На Черномъ морѣ и на утrenomъ (sic!) Сивашѣ,

¹⁾ Въ нашемъ спискѣ никакого приложенія не имѣется. Трудно сказать, была ли это старинная запорожская *вириша*, или что другое.

Отколь съ моноксиловъ чрезъ огненной свой градъ
 Восточни жгли страни и самій Цариградъ.
 Примѣрамъ таковымъ вы, вои, подражайте
 И съ пламенемъ къ мѣстамъ симъ поспѣшайте,
 Чтобъ вашимъ мужествомъ тамъ гордій Понта врагъ
 Склонивъ предъ вашимъ симъ вождемъ на вѣкъ свой флагъ.

(Внизу стиховъ подпись): «Свидѣтельствовалъ полковий старшина
 Иванъ Радкевичъ».

Повторяемъ, имя автора этого дифирамба ни откуда не извѣстно, и только судя по очевидному знакомству его съ исторіею Запорожья, по его нескрываемымъ симпатіямъ къ «преславному» запорожскому воинству и наконецъ по нѣкоторымъ малороссійскимъ формамъ рѣчи, мы полагаемъ, что это былъ малороссіянинъ, достаточно вкусившій однако отъ плодовъ россійскаго просвѣщенія. Страннымъ лишь представляется намъ его заявленіе, будто дифирамбъ его «сочиненъ *свойственнимъ* симъ новымъ аргонавтамъ *на-рѣчимъ*», тогда какъ на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, въ языкѣ стихотворенія нѣтъ ничего «свойственнаго» нарѣчію его героевъ.

Не знаемъ, доходило-ли до свѣдѣнія-черноморцевъ пѣгическое воззваніе къ нимъ ученаго ихъ земляка, или нѣтъ; только то вѣрно, что они во время тогдашней войны вполне оправдали его лестныя ожиданія и въ штурмахъ Очакова и Измаила, въ овладѣніи при помощи ничтожной своей флотиліи островомъ Березанью, покрыли себя славой, достойною ихъ «преславныхъ предковъ». Въ одномъ лишь не исполнились надежды поэта: одновременно съ окончаніемъ войны неожиданно скончался и самъ «великій гетманъ вѣрнаго черноморскаго войска», не успѣвъ достойно наградить своихъ доблестныхъ сподвижниковъ и, что всего важнѣе, не успѣвъ обезпечить за ними раньше обѣщанныхъ имъ земель между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ по его указаніямъ начали уже селиться ихъ семейства. Тогда-то восплакали козаки о своемъ гетманѣ, а еще болѣе, конечно, о своей несчастной долѣ, такъ какъ съ окончаніемъ войны, когда ихъ услуги были не нужны болѣе, имъ угрожала опасность быть обращенными въ крѣпостное состояніе:

Ой Боже нашъ, Боже, Боже милостывій,
 Що родылись мы въ свити нещасливи!
 Служили мы вирно въ поли и на мори,
 А теперь остались вбоги, боси й голи.
 Старались мы землю соби заслужити,
 Щобъ въ волности вику було де дожити...
 Устань батьку, великій гетмане!
 Будь милостывій, вельможный нашъ пане!
 Устань Грыцьку, промовъ до насъ слово,
 Попроси царицю—буде все готово!
 Дастъ грамоту на вичность намъ жити,
 А мы ий вирнише будемо служити.

Не всталъ изъ могилы самъ гетманъ, такъ за него нашлись добрые люди, все его бывшіе помощники и приближенные (Коховскій, Поповъ и др.), которые помогли козацкимъ ходатаямъ добиться того, что императрица обратила наконецъ милостивое вниманіе на тѣхъ, кого при жизни такъ протезировалъ ея любимецъ. 30 іюня 1792 г. Екатерина подписала грамоту, въ которой, свидѣтельствуя объ усердіи, вѣрности и ревностной службѣ черноморцевъ и желая наградить ихъ за оказанные ими въ минувшую войну «храбрые и мужественные на сушѣ и водахъ подвиги», пожаловала имъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани и опредѣлила ихъ войсковыя права и вольности. Независимо отъ сего, императрица удовлетворила и другое, столь-же пламенное желаніе черноморцевъ, касавшееся печальной судьбы ихъ братьевъ, бывшихъ запорожцевъ, попавшихъ въ крѣпостное состояніе: она повелѣла таврическому губернатору «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ». Изъ всеподданнѣйшей просьбы черноморцевъ объ этомъ предметѣ узнаемъ, что такихъ закрѣпощенныхъ козаковъ имѣлось въ виду болѣе 25,000 душъ, не считая ихъ семействъ.

Вотъ тогда-то черноморцы «отъ полноты сердечныхъ чувствъ» воспѣли извѣстную радостную пѣсню:

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
 Диждалися видъ царици за службу заплати!...

А въ ней вспомнили добрымъ словомъ и своего бывшего гетмана, великодушно простивъ ему всё его прежнія великія впротивъ нихъ же прегрѣшенія:

Слава Богу и царицы и *покій гетману*:

Заличили въ сердцахъ нашихъ великую рану!

Ор. Л—й.

Жертва купальскаго огня.

Не смотря на вѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обрядовъ принадлежитъ также празднованіе Купала. Разведеніе огней, прыганье чрезъ зажженные костры и другіе купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже въ большихъ интеллигентныхъ центрахъ, наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова, гдѣ до настоящаго времени можно наблюдать упомянутыя обыкновенія. По всей вѣроятности, обряды, подобныя купальскому, удерживаются народомъ доселѣ потому, что народъ не видитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противорѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однообразной, трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи искорененіемъ остатковъ языческихъ обычаевъ и празднествъ занимались архіереи, которые перѣдко обращались къ священникамъ съ посланіями объ удержаніи прихожанъ отъ совершенія этихъ обрядовъ. Но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда исполненіе какого-либо обряда влекло за собой вредныя послѣдствія, наприм. чью-либо смерть, искалѣченіе и т. под., и гражданская власть принимала мѣры къ уничтоженію вреднаго обычая.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное генеральнымъ войсковымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія Купала въ Малороссіи. Поводомъ къ изданію приводимаго распоряженія былъ одинъ несчастный случай, имѣвшій мѣсто въ Ичнѣ, мѣстечкѣ нынѣшняго борзенскаго уѣзда черниг. губ.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ генеральнаго суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжество и вездѣ безъ всякаго помѣшательства и воспященной распространяющоюся застарѣлое игрище, называемое Купальнѣ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребить велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе сложено и залежить, открываетъ нынѣ неизбѣжныя уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку Прилуцкомъ, въ мѣстечку Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на такое игрище невѣждами огнѣ, когда оной при вночномъ времени, съ обоихъ сторонъ, одними противъ другихъ перескакиванъ, то одни противъ другихъ съ немалымъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна изъ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца въ разсужденіи неумыслу отъ смертной казни увольняется, однакъ какъ жестокимъ въ страхъ другимъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщины, такъ и не маловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (карается).

А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допускать, но и вовсе искоренять, дабы оныхъ нигдѣ не было, того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генеральнаго суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую черниговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ во всякомъ мѣстѣ, деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено—впередъ таковыхъ законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ не упустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокого безъ пощады наказанія.—1769 году марта 12¹⁾.

Сообщ. П. Е.

Ходатайство Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь.

Исторія послѣднихъ дней Запорожской Сѣчи такъ мало извѣстна у насъ, что, кромѣ только факта разоренія ея генераломъ

¹⁾ Изъ архива малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ.

Текеліемъ и ухода части сѣчевиковъ за Дунай, мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ такъ не далеко отъ насъ событіи, а о послѣднихъ представителяхъ Запорожья, кошевомъ Калпишѣ, судѣ Головатомъ и писарѣ Глобѣ извѣстно лишь то, что они были сосланы въ Соловки за какую-то тяжкую вину и тамъ кончили жизнь.

Помѣщаемое ниже письмо кн. Потемкина къ имп. Екатеринѣ уясняетъ нѣсколько таинственную судьбу этихъ представителей. Изъ него можно догадываться, что Калнишевскій, Головатый и Глоба, послѣ разоренія Сѣчи, находясь гдѣ-то вблизи бывшихъ запорожскихъ мѣстъ, на свободѣ или въ заключеніи, затѣвали что-то очень преступное, быть можетъ самовольное возобновленіе Сѣчи гдѣ-либо на новомъ недоступномъ мѣстѣ, и съ этою цѣлю разсылали «ордеры къ старшинамъ» (вѣроятно укrywавшимся гдѣ либо куреннымъ атаманамъ), попавшіе въ руки Потемкина. За это они были подвергнуты суду и, по мнѣнію Потемкина, не видѣвшаго даже надобности въ какомъ либо разслѣдованіи, подлежали смертной казни. Вину ихъ усугубляло и то, что въ послѣдніе годы существованія Сѣчи они вооруженною рукою защищали свои хутора и слободы со стороны Новосербіи и бывшей Слободской Украйны, захватываемые и разоряемыя сосѣдями, и въ свою очередь разоряли заводимыя ими поселенія, причинивъ имъ, по исчисленію Потемкина, убытковъ болѣе, чѣмъ на 200 т. руб. Потемкинъ, заправлявшій самъ всѣмъ этимъ дѣломъ, ходатайствовалъ предъ Екатериною о замѣнѣ Калнишевскому, Головатому и Глобѣ смертной казни вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырь, и его ходатайство было уважено. Мѣстомъ заключенія, какъ извѣстно, назначенъ былъ Соловецкій монастырь. Какъ видно изъ даты приводимаго письма, судьба послѣднихъ представителей Запорожья находилась въ нерѣшительности около году, считая отъ времени разоренія Сѣчи, и только спустя годъ они посланы были въ ссылку.

Самое письмо найдено нами въ копіи конца прошлаго столѣтія въ огромномъ, въ нѣсколько сотъ листовъ, сборникѣ всякаго рода документовъ, рѣчей, писемъ, стиховъ, выписокъ и пр., начатомъ еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. и переплетенномъ въ одну толстую книгу въ листъ, раздѣленную на 4-ре части съ оглавленіемъ.

ніемъ для каждой. Сборникъ этотъ принадлежитъ священнику с. Троицкаго, екатеринославской губерніи ананьевскаго уѣзда, о. Павлу Чеховичу и обязательно сообщенъ намъ С. Гр. Друславскимъ. Мы будемъ пользоваться этимъ богатымъ источникомъ не разъ, а пока извлекаемъ изъ него любопытное ходатайственное письмо князя Потемкина за свое «товариство», къ которому самъ по кучевскому куреню принадлежалъ съ 1772 года.

Всемилоостивѣйшая Государыня!

Вашему императорскому величеству извѣстны всѣ дерзкіе постоуки бывшаго Сѣчи Запорожской кошеваго Петра Калнишевскаго и его сообщниковъ судья Павла Головатого и пиаря Ивана Глобы, коихъ вѣроломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилоостивѣйшая государыня, исчисляемъ онаго терзати нѣжное и человѣческое ваше сердце и при томъ не мажущу никакой надобности приступати къ каковымъ либо изслѣдованіямъ, имѣя явственнымъ доводомъ оригинальные къ старшинамъ ордера, изъявляющіе великое преступленіе ихъ предъ всеищеннымъ вашего императорскаго величества престоломъ, которое по всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ заслуживаетъ по всей справедливости смертную казнь.

Но какъ всегдашняя блистательной души вашей спутница—добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернымъ исправленіемъ, то и осмѣливалось я всеподданнѣйше представить, не соизволите ли указать поминутымъ, преданнымъ праведному суду вашему, узникамъ, почувствовавшимъ тягость своего преступленія, объявити милосердное изобавленіе ихъ отъ заслуживаемаго ими наказанія, а вмѣсто того, по извѣданной уже опасности отъ близкаго пребыванія ихъ къ бывшимъ запорожскимъ мѣстамъ, повелѣть отправить ихъ на вѣчное содержаніе въ монастырь, съ произведеніемъ изъ постоупившаго въ секвестръ бывшаго Запорожскаго войска имѣнія кошовому по рублю, а прочимъ по полуполтинѣ на день, остающееся же затѣмъ обратитъ по всей справедливости на удовлетвореніе разоренныхъ ими вѣроподданныхъ вашихъ рабовъ, кои, повинувся божественному вашему предписанію, сносили буйство бывшихъ запорожцевъ безъ наймалѣйшаго сопротивленія, ожидая избавленія своего отъ десницы вашей и претерпѣвъ убытковъ болѣе, нежели на 200,000 рублѣвъ, копѣмъ и не оставлю я соразмѣрное дѣлать удовлетвореніе.

Всемилоостивѣйшая государыня! Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: „Быть по сему“. 14 мая 1776 года.—Сарское Село.

Народное преданіе о Саввѣ Чаломѣ.

Извѣстная пѣсня «Ой бувъ собі козакъ старій, по прозвищу Чалый» не была стариками въ херсонской губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ с. Лозоватки елисаветградскаго уѣзда, Яковъ Моисеевичъ Билатенко, знающій пѣсню въ вариантѣ не полномъ, въ поясненіе и дополненіе къ ней рассказываетъ преданіе, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ качествѣ пособницы Савы, выступаетъ жена его, являющаяся здѣсь въ роли ворожеи. Сообщаемъ преданіе это по записи сына рассказчика, Т. Я. Билатенка, съ незначительными поправками въ стилѣ.

У Чалого была жена—ворожея на картахъ и на квасоли. Какъ только гайдамаки подступали ближе къ его дому, она раньше узнавъ о томъ по ворожбѣ, объявляла ему, и гайдамаки никогда не могли подойти къ нему ближе, «якъ на пять гинь». Чалый, узнавая о приближеніи ихъ отъ жены, или скрывался въ степь («подымавъ въ степи»), по словамъ пѣсни), или оборонялся «ляхивскою силою». Наконецъ гайдамаки пронюхали, что жена Савы «одгадує по землі», откуда ждать ихъ, и придумали хитрость: передніе несли лозы терну, бросали подъ ноги и по немъ шли, слѣдующіе несли въ мѣшкахъ землю и кучами насыпали ее передъ собою, а задніе стлали солому. Но ворожея какъ-то почувала приближеніе враговъ мужа и сказала ему: «одинъ загинь гайдамакивъ стоять за тернами, другій стоять за горами, третій десь далеко за скиртами». Въ этомъ случаѣ, какъ видно, предвидѣніе ея было не вполне точное; т. е. по признакамъ обманчивымъ, вслѣдствіе хитрости гайдамакъ, настоящее ихъ мѣстонахожденіе не было опредѣлено. Сава, думая, что враги далеко, «за тернами, за горами и за скиртами», съль писать «листы до ляхивъ», «аж ось—и гайдамаки...»

Рифмованная форма ворожбы о приближеніи гайдамакъ какъ будто указываетъ на возможность существованія болѣе полныхъ вариантвъ пѣсни; очень можетъ быть, что и все приведенное преданіе представляетъ не иное что, какъ пересказъ прозою забытой части пѣсни.

В. Я.

Панская «пыха».

Въ малорусской средѣ, недалекой отъ народа, и въ самомъ народѣ обращается масса анекдотовъ сатирическаго, иногда злобно-саркастическаго характера, въ которыхъ осмѣиваются пороки польскихъ пановъ, ихъ жестокосердіе, лакомство, расточительность и скудость, обжорство и пьянство, не рѣдко глупота, а всего чаще тщеславіе и спѣсь. Народились они въ эпоху кровавой борьбы между двумя вмѣстѣ жившими племенами, изъ которыхъ одно было властвующимъ, а другая подвластнымъ, но всегда стремилось выбиться изъ подъ власти пановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что основою многихъ изъ нихъ служили дѣйствительные случаи, а другіе были вымышлены по образцу ихъ. Съ теченіемъ времени рассказы обращались въ бродячіе анекдоты, удерживающіеся и доселѣ; но случалось нерѣдко, что рассказывающіе, для большей достовѣрности, приурочивали ихъ къ данному мѣсту и времени.

Одинъ изъ такихъ анекдотовъ пришлось мнѣ слышать въ бытность мою на Волыни. Передававшіе мнѣ этотъ анекдотъ старались увѣрить меня, что это случай дѣйствительный и даже не очень давній, хотя сочиненность рассказа очевидна уже изъ самой такъ сказать его соли, основанной на постоянномъ употребленіи въ польской рѣчи слова *панъ* и примѣненіи этого слова, въ его соціальному значеніи, къ самому Богу. Для малорусскаго простолюдья, привыкшаго къ церковно-славянскому термину *Господь* въ примѣненіи къ Богу, названіе Бога паномъ кажется просто кощунственнымъ и во всякомъ случаѣ смѣшнымъ. Но вотъ какъ это выражено въ переданномъ мнѣ рассказѣ.

Лѣтъ 40 назадъ, говорили мнѣ, гдѣ-то въ окрестностяхъ Луцка проживалъ помѣщикъ полякъ, по имени Зенонъ N. По состоянію онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ, но по надменности и чванству далеко превосходилъ любого магната. Это былъ типичнѣйшій представитель «кичливаго ляха», въ родѣ тѣхъ старинныхъ польскихъ шляхтичей, которые не признавали никого выше себя и съ самими королями обращались за панибрата.

Однажды съ этимъ паномъ случилось такое приключеніе. Ъхаль онъ въ Луцкъ и вздумалъ переправиться черезъ рѣку Стырь по льду. Дѣло происходило на исходѣ зимы; ледъ оказался ненадеж-

нымъ, лошади провалились, и неосторожному пану навѣрное пришлось бы утонуть, если-бъ на его крикъ не подоспѣли люди изъ ближайшей деревни, которые и подали ему помощь. Видя въ этомъ случаѣ персть Божій, гордый панъ рѣшился достойно отблагодарить «*Pana Boga*» за свое спасеніе, такъ какъ не привыкъ оставаться въ долгу предъ кѣмъ-либо. На томъ мѣстѣ, гдѣ его вытащили изъ рѣки, онъ велѣлъ поставить высочайшую *фигуру* (крестъ) съ такою надписью:

Pan pana od śmierci wybawił;
Pan Panu figurę postawił.

Впослѣдствіи школьники изъ лудскаго уѣзднаго училища къ этому двустипшю присоединили другое:

Nie bój się, durniu Zenonie;
Co ma wisic, nigdy nie utonie.

Разсказъ этотъ, будь въ основѣ его фактъ дѣйствительный, или вымышленный, во всякомъ случаѣ характеренъ какъ для среды, въ которой онъ возникъ, такъ и для той, къ которой примѣняется.

О. Л.

Малорусская „паленица“.

Въ любопытной пѣснѣ, помѣщенной г. Пономаревымъ въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, мы натолкнулись, кажется, на исключительное въ малорусской народной поэзіи явленіе женщины-богатыря, малорусской «паленицы». Пѣсня записана въ довольно искаженномъ и запутанномъ видѣ. Въ общихъ чертахъ ея содержаніе слѣдующее: козакъ Супрунь попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ къ бусурманамъ, пишетъ письмо къ сестрѣ, которая «почала своимъ добрымъ конемъ, якъ огнемъ, летити»; она гонитъ бусурмановъ «въ полонъ», освобождаетъ брата и упрекаетъ его за то, что онъ не предупредилъ ея о походѣ.

Не знаемъ, какъ кому, а намъ въ этомъ эпизодѣ слышится отзвукъ кіевскихъ былинъ о женщинахъ-воительницахъ, — типъ очень обыкновенномъ въ русскомъ былевомъ эпосѣ (жена Ильи Муромца, Ставра, Дуная, Добрыни и т. д.).

Насколько былевья «палѣницы» отвѣчаютъ дѣйствительнымъ фактамъ жизни древне-русскаго общества, это вопросъ другой, къ сожалѣнію, очень мало у насъ разработанный. По современному его положенію въ наукѣ, трудно допустить, чтобы въ былевыхъ «палѣницахъ» отражалась дѣйствительная древне-русская жизнь, а скорѣе можно видѣть въ созданіи этихъ типовъ вліяніе постороннее. Женщины-воительницы встрѣчаются въ средневѣковомъ византійскомъ эпосѣ (Максимо въ «Дигенисѣ», въ «Александрѣ» амазонки): констатированное вообще ихъ вліяніе на русскую народную поэзію могло имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Помимо того до созданія такихъ типовъ могло дойти наше народное міровоззрѣніе и путемъ общимъ, создавая для своего героя-богатыря чудесную житейскую обстановку: у богатыря необыкновенный конь, необыкновенное оружіе; и родится онъ, и живетъ, и умираетъ не такъ, какъ простые смертные. Естественно, что народное воображеніе надѣляетъ его и необыкновенной женой, сестрой, матерью...

Первоначально «палѣницами» назывались богатыри-мужчины: грамматическій родъ названія, его женское окончаніе могло также производить давленіе на созданіе сказаній о женщинахъ-воинахъ, когда это слово начало выходить изъ употребленія, забываться. Кстати замѣтимъ, что любовная связь богатырей съ «палѣницами», встрѣчающаяся какъ въ византійскомъ, такъ и въ русскомъ эпосѣ, есть, по всему вѣроятію, отзвукъ одной изъ древнихъ формъ умыканія жены изъ другаго рода путемъ насилія, борьбы, захвата.

При всей своей незначительности и неясности заинтересовавшій насъ фактъ даетъ новый поводъ къ постановкѣ очень любопытнаго вопроса объ «отзвукахъ старо-кіевского эпоса въ позднѣйшей мало-русской поэзіи».

В. К—шъ.

Любечъ, 27 іюля 1887 г.

Спасибо тебѣ, старый Любечъ! Усталый
Отъ столичныхъ невзгодъ, я въ тебѣ отдыхалъ.
Какъ любилъ я бродить по аллеѣ тѣнистой,

По часамъ любовался на Днѣпръ серебристый,
 Полной грудью я воздухъ Украйны вдыхалъ.

—

Часто въ ночи бессонныя роемъ нестройнымъ
 Позабытыя тѣни неслись предо мной,
 То съ дружиною своею Святополкъ окаянный
 Изъ за озера мчится, то гимнь покаянный
 Изъ пещеры Антонія слышенъ порой.

—

То мелькнетъ предо мной этотъ образъ неясный
 Старика честолюбца Мазепы. Вотъ онъ
 Изнываетъ подъ лаской козачки прекрасной,
 Вотъ готовить Россіи свой замыселъ ужасный,
 То несется какъ вихрь на конѣ боевомъ.

—

О, сѣдя преданья, преданья Украйны!
 Все въ васъ дышетъ величьемъ прошедшихъ вѣковъ,
 Сколько кроется въ васъ неразгаданной тайны,
 Сколько славы зарыто въ могилахъ случайныхъ
 Этихъ рыцарей Руси родной—козаковъ!

—

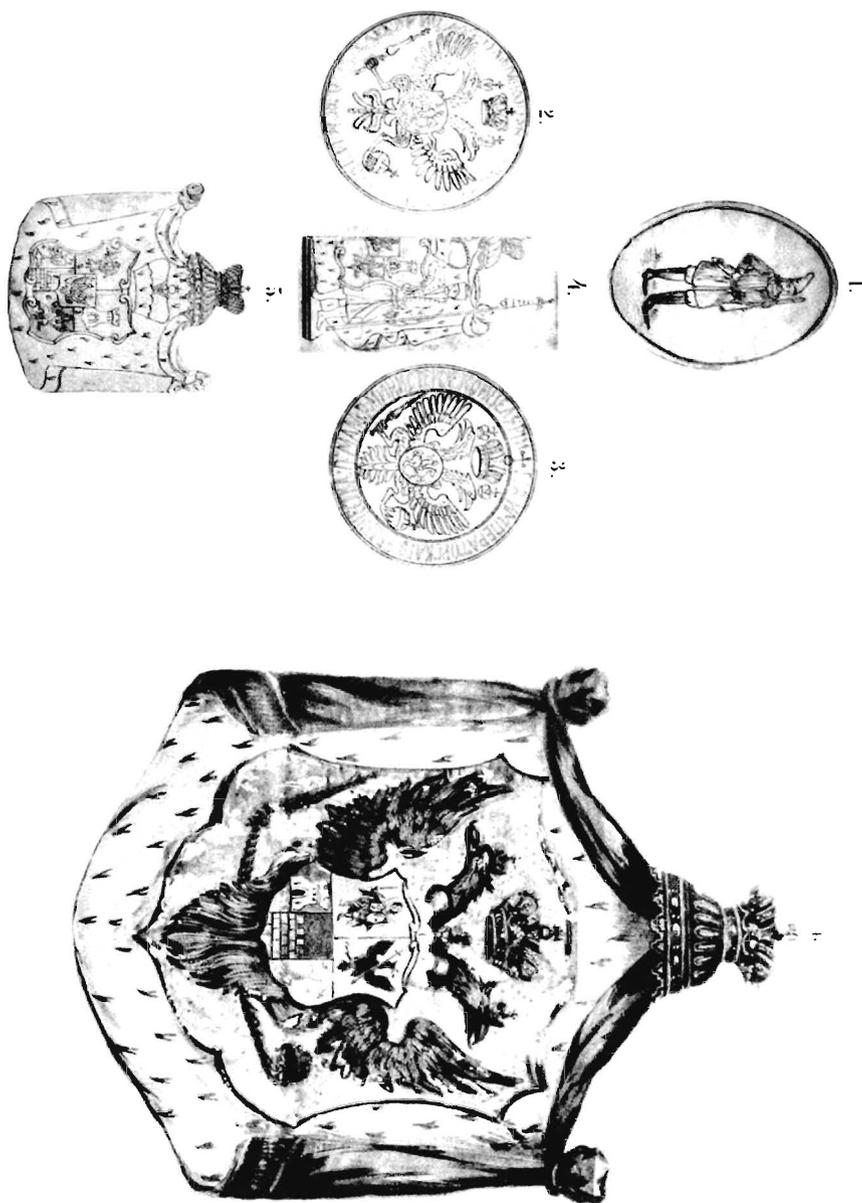
Такъ спасибо тебѣ, старый Любечъ! Быть можетъ,
 Никогда не увижу я больше тебя;
 Если-жъ сердце мое вновь кручина заглохнетъ,
 Если злая судьба свои цѣпи наложитъ,
 На усталую грудь, мои грезы сгубя,

—

Помяну я тебя, помяну твои ласки,
 Теплымъ словомъ, а можетъ горячей слезой!
 Твое солнце горячее мнѣ улыбалось,
 Подъ лучемъ серебристымъ луны засыпалось,
 Какъ подъ ласками мамы родимой моей.

И. Плотниковъ.

Малороссійскія печати.

Приложініє къ сентябрьской книжкѣ „Кіевск. Стар.“ 1887 г.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященны^й исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1886) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ө. Г. Лебединцевъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ ХІХ.

ОКТАБРЬ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Жытом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1887 г.

I. ГОРЛЕНКИ. (Очерки прилуцкой старины). (<i>Продолженіе</i>).— Кн. А. Дабини.	199
II. ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОД- НЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. (<i>Окончаніе</i>).—П. Кузьмичевскаго . . .	233
III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМЫ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА „НИКИ- ТА ГАЙДАИ»	277
IV. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО. (<i>Продолженіе</i>)	289
V. РЪЧЬ М. А. МАКСИМОВИЧА НАДЪ ГГОВОМЪ ГЕНЕ- РАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ САКЕНА.	331
VI. БЫТОВАЯ МАЛОРУССКАЯ ОБСТАНОВКА ВЪ ДОКУМЕН- ТАХЪ XVII—XVIII ст.	336
VII. СОНЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ПО СПИСКУ ГЕНЕ- РАЛЬНОГО ВОЙСКОВАГО СУДЬИ САВЫ	357
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Гр. Алексѣвичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Спб. 1887 г.—В. Ястребова. — б) Квитка (Основьяненко). Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.—С.—в) Истори- ческіе очерки сель конотопскаго уѣзда, А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1886 г.—Э—ъ.—г) О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г. Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украй- нѣ. К. Н. Мельникъ. Львовъ. 1886 г.—И. Голубовскаго. . .	369
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памятники древности въ окрест- ности Корсуни.—б) Южно - русскій списокъ «Александрія» конца XV ст. В. Коллаша.—в) Добрый починъ. В. Г.— г) Археологическая находка. Н. Ч.—д) Актъ «побратимства» въ церковной метрицѣ. Л. П.—е) Воынская бывальщина. О. И. ж) Кобелякское повѣтовое училище (1808—1833).—А. Фи- сенка.—з) Къ портрету С. Я. Ширая	398
Приложеніе: Портретъ стародубскаго войта С. Я. Ширая.	

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Доводено цензурою. Кієвъ, 30-го сентабря 1887 года.

Спиридонъ Яковлевичъ

Ш И Р Д И,

стародубскій войтъ 1681—1708 г.

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилущкой старины).

(Продолженіе)¹⁾.

VI.

Событія наступившаго 1667 года несчастливо сложились для Москвы и неминуемо должны были подготовить то, что вскорѣ произошло въ Гетманщинѣ.

Утрата Москвой первенствующаго значенія и ея вынужденное примиреніе съ Польшей, цѣною уступки исконнымъ врагамъ украинскаго народа завѣтной его святыни—древняго Кіева, уступки, уничтожавшей политическое единство Украйны, произвелъ въ послѣдней удручающее впечатлѣніе. Поколебалась вѣра малороссіянъ въ мощную защиту и покровительство православнаго царя. Тревожныя вѣсти изъ столицы еще болѣе волновали умы, и безъ того уже возбужденные самоуправствомъ присланныхъ на Украйну воеводъ, произвольнымъ веденіемъ переписи и насиліями ратныхъ людей да нѣмецкихъ наемниковъ. Ходили недобрые слухи о «великой мѣшанинѣ, наставшей въ Москвѣ», о низложеніи свѣтлѣйшаго патріарха Никона «простыми чернецами» по проискамъ бояръ²⁾, о появленіи на Донѣ вольнаго казака-атамана Стеньки, предлагавшаго украинцамъ братство и помощь противъ бояръ и московскихъ людей, а разгоравшіяся страсти еще болѣе раздува-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ за февраль 1887 г., стр. 237—268.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 97.

лись запорожцами, массами прибывавшими изъ Сѣчи, гдѣ разсвирѣпѣвшіе «братчики» не побоялись поднять руку на царскаго посла, стольника Лодыженскаго.

Гроза надвигалась и глухо рокотала, словно ожидая перваго удара, чтобы разразиться съ полной силой.

Къ 1-му января 1668 года Горленко былъ вызванъ изъ Прилукъ въ гетманскую резиденцію, Галячь, куда уже съѣхались, по приглашенію гетмана, шесть другихъ полковниковъ¹⁾. Брюховецкій, надежды котораго рушились передъ безсиліемъ московскаго правительства, чувствуя уже, что почва ускользала изъ-подъ его ногъ, на секретной радѣ у себя въ домѣ предложилъ старшинамъ отказаться отъ всякой солидарности съ Москвою и, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, самимъ отстаивать самобытность и независимость Украйны. Накипѣвшая противъ великороссіянъ неприязнь выразилась на этомъ совѣтѣ крайнимъ рѣшеніемъ, принятымъ съобща: предложить воеводамъ оставить край, а въ случаѣ сопротивленія дѣйствовать силой. Последнее положено было до поры до времени хранить въ строгой тайнѣ.

Какъ разъ въ эту пору въ Прилукахъ произошли крупныя недоразумѣнія между мѣстнымъ воеводой Загряжскимъ и полковой старшиной. «Для козака воевода—великая невзгода», замѣтилъ еще Лазарь Барановичъ²⁾. Въ глазахъ прилучанъ резидентъ, не располагавшій средствами, достаточными для поддержанія своего престижа, не имѣлъ большаго значенія. Къ тому же онъ пріѣхалъ какъ-то на легкѣ, съ незначительной свитой и даже безъ семьи, что заставляло многихъ придавать его пребыванію въ Прилукахъ временный характеръ; наконецъ малочисленность бывшаго при немъ гарнизона не давала ему возможности занять въ городѣ прочное положеніе.

Столкновенія возникли при первой же попыткѣ Загряжскаго выйти изъ своей пассивной роли для выполненія царскихъ указовъ.

¹⁾ Кіевскій, черниговскій, миргородскій, нѣжинскій, переяславскій и полтавскій.

²⁾ Письма Д. Барановича, стр. 58.

Уже въ началѣ зимы почва къ общему неудовольствію была подготовлена переписью; начавшійся же вслѣдъ затѣмъ, на основаніи переписныхъ книгъ, сборъ податей, взимавшихся на содержаніе военныхъ постоевъ деньгами, хлѣбомъ и медомъ, возбудилъ громкій ропотъ въ прилуцкомъ полку.

По отъѣздѣ Горленка въ Гадячъ отношенія эти еще болѣе обострились. 3 января, полковой есауль¹⁾ Иванъ Маценко, довѣренное лицо Горленка, безъ вѣдома воеводы распорядился вывезти съ площади большого города одну изъ вѣстовыхъ пушекъ и приказалъ установить ее въ проѣзжихъ воротахъ пирятинской башни. Встревоженный Загряжскій немедленно потребовалъ пушку обратно, ссылаясь на то, что въ пирятинской башнѣ стояло другое орудіе, на случай появленія непріятеля. Посланные за пушкой съ поручикомъ Арндтомъ солдаты вернулись избитыми съ отвѣтомъ, что возаки вывезутъ всѣ пушки и изъ верхняго города.

На другой день явился въ сѣзжую избу прилуцкій войтъ²⁾ съ бурмистрами³⁾, съ денежными и хлѣбными цѣловальниками и заявилъ воеводѣ, что подстрекаемые Маценкомъ прилуцкіе обыватели отказываются платить по огладнымъ книгамъ, что кругомъ все населеніе волнуется и записывается въ возаки и что въ уѣздѣ сборщиковъ податей и сопровождавшихъ ихъ солдатъ народъ хотѣлъ было перебить. Откупщиковъ и мѣщанъ возаки принимались грабить, рѣзали имъ бороды и съ угрозами: «будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ, жить всего до масляницы!»⁴⁾ Подобныя извѣстія, одно другаго тревожиѣе, приходили изъ всѣхъ сотенъ: Краснаго, Карабутова, Срибнаго, Переводочной, Варвы, Журавки, Иваницы,

¹⁾ Должность равнозначившая полковому адъютанту и инспектору по военной части.

²⁾ Нѣмецкій *Voigt*—градоначальникъ, первенствующее въ магистратѣ лице, назначаемое гетманомъ.

³⁾ *Bürgermeister*, помощники войта, безсмѣнно избираемые въ числѣ четырехъ человекъ мѣщанами.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 26.

Монастырища и Ични. Въ послѣдней, гдѣ населеніе издавна отличалось темпераментомъ буйнымъ и безпокойнымъ, сотенный атаманъ отнялъ у войта ключи кружечнаго двора и велѣлъ козакамъ самимъ продавать вино. Запрошенные о причинахъ безпорядковъ войты этихъ мѣстечекъ отказались пріѣхать дать отвѣтъ воеводѣ. Тогда Загряжскій, видя угрожающіе размѣры движенія, все болѣе разроставшагося, и опасаясь со стороны Матценка насилія, заперся въ верхнемъ городѣ, т. е. цитадели и, во избѣжаніе столкновенія съ козаками, пересталъ пускать въ большой городъ своихъ людей.

12-го января возвратился съ гадячской рады нетерпѣливо ожидаемый враждующими сторонами полковникъ. На жалобы воеводы онъ подтвердилъ прежде всего, что гетманъ дѣйствительно разрѣшилъ записывать въ козаки желающихъ, изъ среды мѣщанъ и поселянъ, и приказалъ затѣмъ обнародовать по сотнямъ гетманскіе указы въ этомъ смыслѣ. Все поднялось кругомъ. Тщетно чрезъ подъячаго съѣзжей избы Авдѣева Загряжскій просилъ Горленка выдать ему «сказку» о томъ, что все это дѣлается по распоряженію Брюховецкаго; полковникъ велѣлъ передать ему, что никакого письменнаго удостовѣренія «за рукой» не дастъ и что приказъ былъ отданъ гетманомъ на словахъ.

Такимъ образомъ прилучивъ воевода раньше, чѣмъ успѣлъ предпринять что-либо, очутился въ осадномъ положеніи, связанный по рукамъ и ногамъ малолюдствомъ своего отряда, въ добавокъ на половину разбѣжавшагося. Да и что могъ онъ сдѣлать съ горстью драгунъ и двумя пушками противъ густаго и озлобленнаго населенія Прилукъ, когда уже отстаивать одинъ „верхній городъ, къ тому же не малый“, представлялось непосильной задачей ¹⁾.

Загряжскій продержался не долго.

Изгнаніе воеводы Огарева изъ гетманской резиденціи послужило сигналомъ къ повсемѣстнымъ открытымъ враждебнымъ

---

¹⁾ Акты Ю. и З. Р. Т. VII, стр. 13, 14, 16, 19, 20, 21.

дѣйствіямъ противъ московскихъ резидентовъ. Первымъ изъ нихъ сдался прилуцкій; на масляницѣ нѣжинскій епископъ Меодій узналъ, что воевода съ ратными людьми достались въ руки прилуцкимъ козакамъ¹⁾. Ратныхъ людей перебили. Загряжскій въ оковахъ былъ отведенъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками въ Гадячь, а оттуда въ темницы лубенскаго мгарскаго монастыря²⁾.

Изъ царскихъ воеводъ удержались лишь двое: Толстой въ Черниговѣ и Ржевскій въ Нѣжинѣ. Послѣдній, съумѣвшій снизить расположеніе нѣжинцевъ, спасся благодаря своей популярности и пріятельскимъ отношеніямъ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, какимъ-то образомъ вывѣдавшимъ отъ Горленка о тайныхъ постановленіяхъ гадячской рады и успѣвшемъ заблаговременно предупредить Ржевскаго³⁾.

VIII.

Но ничто уже не могло выручить честолюбца, не знавшаго пощады для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; 30 мая 1668 г. Брюховецкій палъ жертвою разразившейся надъ нимъ народной ненависти. Покинутый войскомъ, вѣроломный бояринъ и гетманъ трагической кончиной у Сербиновой могилы заплатилъ за свои историческіе грѣхи и ошибки.

Гетманщина снова была повергнута въ полную анархію; войско раздѣлилось: одни полки объявили себя за Москву, другіе, въ томъ числѣ и прилуцкій, примкнули къ Дорошенку.

Въ самихъ Прилукахъ произошла смута. Ее поддерживали и эксплуатировали новые, зашедшіе въ край элементы. Въ числѣ

¹⁾ Ригельманъ, т. II, стр. 105.

²⁾ Самовидецъ, 98. О дальнѣйшей судьбѣ прилуцкаго и другихъ воеводъ извѣстно, что по взятіи Лубенъ Дорошенко держалъ ихъ при себѣ, съ цѣлью обвинять ихъ на сосланнаго когда-то въ Москву прилуцкаго полковника Черняховскаго. Загряжскій томился въ заключеніи до 5-го мая, когда ему, при помощи игумена трехтеміровскаго монастыря удалось бѣжать изъ Чигирина чрезъ Днябрь въ московскіе предѣлы (Акты, т. VIII, стр. 12).

³⁾ Акты, т. VIII, стр. 89.

ихъ не послѣднюю роль игралъ нѣкій Ивашко, бывшій на Запорожьи кошевымъ атаманомъ ¹⁾). Онъ былъ у Брюховецкаго своимъ человекомъ и явился однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ изгнанія воеводъ, но послѣ его смерти нашель удобнѣе пристать къ сильнѣйшему, т. е. Дорошенку. Ловко воспользовавшись наступившей неурядицей, Ивашко *кошевой*, какъ его называли, сумѣлъ перетянуть на свою сторону вѣчно-безпокойныхъ козаковъ и вліятельныхъ прилучныхъ старшинъ, пересоривъ ихъ предварительно между собой и «учинивъ разнствіе» между полковымъ есауломъ Маценкомъ и Лазаремъ Горленкомъ, не хотѣвшимъ передаться дорошенковцамъ ²⁾).

Горленко не принадлежалъ къ партіи Дорошенка, какъ полагали нѣкоторые ³⁾). Неся въ концѣ пятидесятихъ годовъ бранную службу подъ его непосредственнымъ начальствомъ, онъ конечно болѣе многихъ иныхъ могъ оцѣнить личность бывшаго своего полковника. Факты указываютъ однако, что это не привлекло Лазаря въ ряды его приверженцевъ.

Результатъ интригъ Ивашки кошеваго сказался очень быстро. «Великое шалоумство» его принудило Горленка оставить полкъ, домъ и семью и выѣхать изъ родныхъ Прилукъ «по нуждѣ, не для чего инаго, только отъ налогу Ивашки и злаго къ нему, Лазарю, намѣренія, такъ какъ онъ на достоинство его и заслугу войску запорожскому наступати хотѣлъ» ⁴⁾). Въ Прилукахъ на *полковничьемъ урядѣ* появился *Иванъ Кошовый* и былъ *утвержденъ* въ этомъ званіи *Дорошенкомъ* ⁵⁾).

Новый полковникъ сталъ круто хозяйничать на новосельи и, безцеремонно пользуясь своей властью, прижимать прилучанъ чисто по запорожски ⁶⁾).

¹⁾ Акты, т. VII, стр. 150. Не одно-ли это лице съ *Иваномъ Бѣлковскимъ*, кошевымъ Запорожской Сѣчи 7-го января и 8 марта 1668 г.?

²⁾ Ibid, т. VIII, стр. 182.

³⁾ Де Пуле: Малороссійскіе эмигранты (Вѣстн. Европы 1872).

⁴⁾ Акты, т. VIII, стр. 182. Письмо Л. Горленка къ Маценку.

⁵⁾ Ibid, т. VII, стр. 153.

⁶⁾ Къ характеристикѣ невьясненной доселѣ личности новаго прилучнаго полковника можетъ служить жалоба извѣстнаго протопопа Адамовича, бившаго челомъ государю на Ивана Кошоваго, что онъ держалъ его, протопопа, жену

Болѣе полугода держался въ Прилукахъ Дорошенковъ ставленникъ. Наконецъ прилучане, потерявъ терѣніе и не вида отъ Дорошенка ни помощи, ни пользы, «скинули» Кошоваго съ полковничества и, избравъ на его мѣсто знакомаго намъ Маценка, въ январѣ 1669 г. били челомъ царскому величеству «въ винахъ своихъ»¹⁾.

27-го числа того-же мѣсяца новый гетманъ лѣвой стороны Днѣпра, Многогрѣшный, извѣстилъ царя, что прилуцкій полковникъ со старшиной изъявилъ ему покорность²⁾.

IX.

Гдѣ-же былъ въ это время Лазарь Горленко, «стародавній» полковникъ прилуцкій?

А Лазаревъ слѣдъ скоро отыскался въ пріютѣ всѣхъ недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей—Сѣчи запорожской. Пробравшись туда изъ Прилукъ, Горленко нашелъ земляка, молодаго кошеваго писаря Суховія, который, не смотря на свои 23 года, противопоставленъ былъ Дорошенку. Осенью 1668 г. талантливый и предприимчивый юноша былъ избранъ въ гетманы запорожцами, которые, съ одной стороны, не могли простить Дорошенку смерти Брюховецкаго, а съ другой, не желая ни польскаго, ни московскаго протектората, стремились къ созданію независимой Украйны, опиравшейся на союзъ съ Крымомъ.

Своимъ умомъ, образованностью и плѣнительнымъ обхожденіемъ юный гетманъ счумѣлъ такъ понравиться въ Бахчисарафѣ,

семнадцать недѣль въ кандалахъ и колодкахъ, вымогая жизни. Изъ этой прилуцкой „неволи“ освободилъ ее нѣжинскій воевода Ржевскій (Акты, т. VIII стр. 12). Еще фактъ: въ декабрѣ того-же 1668 года къ Прилукамъ подступилъ трехтысячный татарскій отрядъ и, предъявивъ письмо отъ Дорошенка, просилъ полковника впустить въ городъ, за присягой, около сотни всадниковъ. Очутившись въ городскихъ стѣнахъ, стениаки, какъ ни крѣпились, но искушенія не выдержали и, бросившись на жителей съ арканами, стали ловить да вязать себѣ „ясырь“. Тогда Кошовый приказалъ запереть всѣ выходы и перебить татаръ (Акты, т. VII, стр. 15).

1) Акты, т. VIII, стр. 61.

2) Моск. архивъ мин. ин. дѣлъ, № 222.

что ханъ поспѣшилъ признать его въ новомъ достоинствѣ и охотно обѣщаль свою поддержку. Однако понесенная на первыхъ же порахъ въ борьбѣ съ Дорошенкомъ неудача принудила его скрыться въ Крыму, откуда впрочемъ весною слѣдующаго года «запорожское рыцарство» снова вызвало его къ себѣ и вторично вручило ему знаки гетманской власти.

Горленко, близко сошедшійся съ Суховіемъ, дѣятельно агитировалъ въ пользу своего пріятеля и разсылалъ вмѣстѣ съ ханомъ Адиль - Гиреемъ «прелестные» листы въ лѣвобережные полки, убѣждая и своего замѣстителя въ Прилукахъ и бывшихъ своихъ полчанъ признать новаго гетмана.

Въ письмѣ «съ Коша, изъ Чертомлыка» ¹⁾, отъ 26 апрѣля 1669 г., Лазарь, поздравляя своего «кума и пріятеля» Маценка съ полковничествомъ, увѣдомлялъ его о совершившемся наканунѣ избраніи «прямымъ гетманомъ и оберегателемъ Петра Суховія», прибавляя, что новоизбранный, «Богомъ вооружась и на своемъ урядѣ гетманскомъ будучи, въ скоромъ времени съ войскомъ запорожскимъ и ордами великими подъ Чигиринъ пойдетъ». «Прямое же дѣло тебѣ похваляю», продолжаетъ Горленко, «что оставивъ весь обманъ Дорошенковъ, къ Многогрѣшному нынѣ подлежаешь... И здѣсь войско запорожское на Многогрѣшнаго ласкавы»... «То и ты, пріятель мой», заключаетъ онъ, «будто *двоеличною китайкою* сего времени будь ко всякому, и то тебѣ лучи ъудеть» ²⁾.

Закончивъ этимъ маккиавелевскимъ совѣтомъ дипломатическую часть своего посланія, Лазарь переходитъ къ своимъ домашнимъ дѣламъ, какъ видно не ладившимся въ его продолжительное отсутствіе. «Ивашку (кошеваго), пишетъ онъ съ радостію, Богъ въ невѣдоміи наказалъ и вручилъ урядъ полковничій тебѣ, пріятелю моему», и затѣмъ выражаетъ „жалость сердечную“, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, какой-то «Тишка

¹⁾ Еваторинославской губерніи и уѣзда, рѣва Чертомлыкъ, притокъ Бузулука, впадающій въ Днѣпровскій лиманъ „Великія Воды“.

²⁾ Акты, т. VIII, № 53, § 12.

Косой, съ Денисомъ створаясь, лошадь его со двора безвинно взяли» и просить его приказать отдать женѣ его коня, «за что, прибавляетъ, Косому конечно воздати общѣваю»¹⁾).

«Прелестные» листы эти имѣли однако мало успѣха: изъ Прилукъ они препровождались въ Батуринъ въ доказательство вѣрности прилуцкихъ полчанъ, а затѣмъ были пересылаемы Многогрѣшнымъ къ царю. Надеждамъ Горленка и Суховія, горѣвшаго нетерпѣніемъ отомстить Дорошенку за свое недавнее поражение, не суждено было осуществиться и въ концѣ концовъ выставленный запорожцами гетманъ, отчаявшись въ успѣхѣ, спустя два съ половиною мѣсяца послѣ своего избранія, отказался отъ гетманства въ пользу уманскаго полковника Ханенка.

Утомленный безплодными интригами на Запорожьѣ и въ Крыму, Горленко оставилъ Ханенка; постоянныя неудачи разочаровали его, а примѣръ товарищей, Суховія²⁾ и Думитрашка Раича, побудилъ его вернуться на родину и наружно примириться съ господствовавшими тамъ порядками.

Преемникъ Брюховецкаго, Многогрѣшный, заставившій провозгласить себя гетманомъ съ помощью иноземныхъ наемныхъ «компаній»³⁾, не могъ естественно рассчитывать на доброжелательство родовитой старшины, на глазахъ которой онъ вышелъ изъ простой крестьянской семьи; ей трудно было примириться съ мыслью, что всѣми станетъ верховодить «Демьянъ-мужичій сынъ»; сверхъ того, многіе вліятельные войсковые чины были смѣщены со своихъ прежнихъ должностей и въ ходъ пошли гетманскіе сродники и друзья. Въ 1671 г. Маценко въ свою очередь принужденъ былъ уступить свое мѣсто въ Прилукахъ нѣкому *Семену Третьяку*⁴⁾, одному изъ тѣхъ близкихъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Акты, т. IX, стр. 818.

³⁾ Самовидецъ, стр. 102. Къ акту избранія Многогрѣшнаго приложили руки лишь весьма не многіе полковники: представителемъ же *прилуцкаго полка* явился одинъ только есаулъ Яковъ Трофимовъ, онъ же и наказной полковникъ (Ригельманъ, т. II, стр. 112, 113).

⁴⁾ До сихъ поръ не встрѣчалось еще этого имени въ спискахъ прилуцкихъ полковниковъ; но въ архивѣ густынскаго монастыря есть письмо Многогрѣш-

или родственныхъ Многогрѣшному лицѣ, въ пользу которыхъ новый гетманъ произвольно распоряжался полковыми урядами.

Возвращаясь на службу къ этому послѣднему, Лазарь имѣлъ свои расчеты, зная чрезъ друзей о накопившемся среди старшинъ нерасположеніи къ гетману и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Маценкомъ силою вещей становился центромъ, около котораго группировались недовольные. Какъ бы то ни было, но въ Прилукахъ онъ удовольствовался званіемъ полковаго судьи ¹⁾ и, смирившись до поры до времени, сталъ выжидать готовившихся событій.

Х.

Они не заставили долго себя ждать.

Глухіе толки, ходившіе въ прилуцкомъ полку, о сближеніи Многогрѣшнаго съ врагомъ Москвы, Дорошенкомъ, становились все громче, настойчивѣе, упорнѣе. Говорили о близкомъ свиданіи обоихъ гетмановъ въ Прилукахъ, съ цѣлью заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Москвы, имѣющаго быть утвержденнымъ обоюдной клятвой, послѣ чего новые союзники, совмѣстно съ ордой, должны двинуться «на московскіе города войной». Этимъ объясняли и спѣшное выступленіе изъ Батурина къ Ичнѣ «надворной пѣхоты», всюду предшествовавшей гетману ²⁾).

Вдругъ ночью съ 12 на 13 марта 1672 г. гетманъ былъ схваченъ полковниками Раичемъ, Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Картина измѣнилась разомъ: друзья, родственники и сторонники низложеннаго гетмана были арестуемы, выселяемы и изгоняемы изъ предѣловъ Малороссіи, а прежніе изгнанники съ торжествомъ возвращались къ утраченной власти ³⁾. Отъ 3-го апрѣля ставшіе

наго, изъ Батурина, отъ 30 іюля 1671 г., съ такою надписью: „моему вельце ласкавому пріятелю, пану С. Третьяку, полковниковѣ В. Е. Ц. П. В. З. прилуцкому“.

¹⁾ Архивъ Густыиск. монастыря; крѣпости отъ 19 сентября 1671.

²⁾ Акты, т. IX, стр. 815.

³⁾ Ibid, т. IX, стр. 740.

во главѣ временнаго управленія генеральный судья Забѣло съ товарищами извѣстили государя, что сродники бывшего гетмана находятся подъ карауломъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста избраны другія лица.

Лишь только вѣсть о паденіи Многогрѣшнаго достигла Прилукъ, прилучане прогнали Третьяка и снова «обрали полковникомъ Лазаря Горленка», а открывшаяся должность судьи досталась Маценку¹⁾. Водворившійся полковникъ немедля собралъ старшинъ и со всѣмъ товариствомъ отправился въ Батурины, куда были приглашены вся генеральная старшина и полковники, съ полковой старшиной, сотниками, атаманами и «значными» войсковыми товарищами. Здѣсь общимъ совѣтомъ постановили просить царя Алексѣя Михайловича, чтобы избирательная рада происходила безъ участія простыхъ козаковъ, какъ единственной гарантіи избранія намѣченного заранѣе кандидата. Получивъ на это царское соизволеніе, представители войска запорожскаго, въ томъ числѣ и Горленко, послали въ Москву благодарственную грамоту за своими подписями²⁾ и затѣмъ въ полномъ сборѣ двинулись въ Конотопу на встрѣчу государеву посольству, вступившему въ предѣлы Украйны.

По пути малороссійскіе старшины, опасаясь обычныхъ при выборахъ беспорядковъ и буйства, могущихъ разстроить всѣ ихъ комбинаціи, рѣшили еще просить царскаго уполномоченнаго подъ благовиднымъ предлогомъ не созывать рады въ шумномъ и многолюдномъ Конотопѣ.

Командированный съ этою цѣлью кievскій полковникъ Солонина потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и вернулся ни съ чѣмъ, если не считать письма, въ которомъ русскій бояринъ, основы-

¹⁾ Акты, т. IX, стр. 725.

²⁾ Ibid, т. IX, стр. 850; 164. Изъ девяти полковниковъ, скрѣпившихъ своими именами грамоту, всего двое „рукою своею подписались“. Остальные „повелѣли“ росписаться за себя своимъ писарямъ, придерживаясь средневѣковаго рыцарскаго возрѣвнiя на грамоту, какъ идущую совсѣмъ въ разрѣзъ съ воинскимъ дѣломъ. Замѣчательно, что высшій *гражданскій* чинъ Малороссiи, генеральный судья Забѣло, былъ повидимому также не грамотенъ.

ваясь на своихъ инструкціяхъ, опредѣлявшихъ мѣстомъ выборовъ Конотопъ, просилъ правителей Малороссіи прислать къ нему изъ своей среды „какую умную особу, съ кѣмъ о томъ разговорить“¹⁾.

Общій выборъ палъ на прилуцкаго полковника, который лично зналъ московскаго посла и уже имѣлъ за собой дипломатическое прошлое. Словесно уполномоченный отъ лица всѣхъ старшинъ «для постановленія и утвержденія всякаго», онъ отправился 14 іюля въ московскій станъ, переговорить съ царскимъ воеводой и постараться подѣйствовать на него силою убѣжденій²⁾.

Горленко настигъ царское посольство близъ пограничнаго мѣстечка Козачьей Дубровы³⁾ и тотъ-часъ же приказалъ увѣдомить о своемъ приѣздѣ князя Ромодановскаго, воеводу и на мѣстника бѣлгородскаго, находившагося во главѣ посольства, въ качествѣ представителя высокой особы царскаго величества. Свиданіе произошло въ шатрѣ боярина, въ присутствіи его товарищей, думнаго дворянина Ивана Ржевскаго и дьяка Ташлыкова. Сообщивъ князю, что онъ прибылъ посовѣтоваться съ нимъ о дѣлѣ чрезвычайной важности, Горленко передалъ ему о настоятельномъ желаніи всей генеральной старшины и всѣхъ полковниковъ устроить раду *тутъ же*, въ Козачьей Дубровѣ, куда они всѣ придутъ «въ сходѣ». Не безъ труда удалось Горленку уговорить Ромодановскаго: воевода, буквально придерживаясь царскаго указа, долго колебался, ссылаясь на то, что ему государь велѣлъ раду чинить и гетмана выбрать въ Конотопѣ; сдавшись наконецъ на краснорѣчивые доводы Горленка, вызвавшего, быть можетъ, еще не изгладившіяся въ памяти боярина воспоминанія о страшныхъ іюньскихъ событіяхъ 1661 года, свидѣтелями и участниками которыхъ они были

¹⁾ Акты, т. IX, стр. 928.

²⁾ Ibid, т. IX, 931, № 178.

³⁾ Путивльскаго уѣзда, въ 15 верст. отъ Конотопа, населеннаго бѣглецами изъ Гетманщины.

оба, онъ посовѣтовался съ товарищами и вручилъ прилуцкому полковнику благопріятный отвѣтъ ¹⁾).

Такимъ-то образомъ, благодаря успѣху миссіи Горленка, трепетавшіе за исходъ ея старшины, не только избавились отъ пугавшаго ихъ грознаго призрака „черной рады“, но устроивъ ее вдали отъ народной громады, на московской землѣ, тѣмъ самимъ обезпечили успѣхъ своихъ выборовъ.

На рѣкѣ Красенѣ, близъ валовъ Козачьей Дубровы, открылась 15 іюля рада, въ виду московскихъ и козацкихъ войскъ, ставшихъ лагеремъ на противоположныхъ берегахъ.

Въ то время, какъ собравшіеся въ «государевомъ шатрѣ» предводители войска запорожскаго, обмѣнявшись привѣтствіями съ царскими послами, приступали къ подписанію громогласно прочитанныхъ и утвержденныхъ статей ²⁾), подтверждавшихъ старинныя козацкія права и вольности, стремительно прискакалъ московскій гонецъ Сенявинъ и, спѣшившись у шатра, подалъ боярину царскую грамоту. Тутъ, среди всеобщихъ благопожеланій и поздравленій, впервые было произнесено имя того, чьему державному гнѣву суждено было тяготѣть надъ двумя поколѣніями—дѣтей и внуковъ присутствовавшаго прилуцкаго полковника. Царь извѣщалъ о рожденіи «великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи».

На слѣдующій день по избраніи въ гетманы генеральнаго судьи Самойловича, во время пышнаго банкета у кн. Ромодановскаго, на которомъ пировали гетманъ, блюститель патріаршаго престола, архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ и

¹⁾ Акты. т. IX, стр. 932, 933.

²⁾ Къ выборнымъ статьямъ отъ прилуцкаго полка приложили руки: полковникъ *Лазарь Горленко* и полковая старшина: писарь Семень *Раковичъ*, обозный Вас. *Севастьяновъ*, судья Ив. *Мащенко*, есаулъ Гр. *Чернявскій*, хорунжіи Андр. *Семеновъ*, сотникъ Мих. *Раковичъ*, да сотники: варвинскій, пченскій, сребрянскій, краснянскій, иваницкій, журавскій, монастырищенскій и карабутовскій (Акты, т. IX, стр. 907).

всѣ старшины, прибывшимъ изъ столицы стряпчимъ Хомутовымъ еще въ болѣе торжественной и оффиціальной формѣ было возвѣщено о рожденіи царевича Петра, будущаго преобразователя Россіи. Козацкіе военачальники были щедро одѣлены царскими подарками и «соболиной казной»: Горленку и прочимъ полковникамъ государь жаловалъ «по сороку соболей, въ шестьдесятъ рублей сорокъ, да по парѣ въ десять рублей пара, да по атласу гладкому въ десять аршинъ»¹⁾.

Долго еще, до поздней ночи, пылали праздничные огни, гремѣли выстрѣлы самопаловъ и пищадей, длилось шумное ликованіе москвичей и козаковъ, соединенныхъ двойнымъ торжествомъ.

XI.

Съ переходомъ власти въ руки Самойловича²⁾, еще въ 1665 году въ званіи сотника краснянскаго, служившаго подъ начальствомъ Горленка, послѣдній болѣе чѣмъ когда-либо могъ считать свое положеніе упроченнымъ. Гетманъ, давнишній собратъ его по оружію, былъ связанъ съ нимъ долголѣтней совмѣстной службой, общностью мѣстныхъ и родственныхъ интересовъ и наконецъ долгомъ признательности, какъ къ главнѣйшему, быть можетъ, виновнику своего избранія.

Въ Прилукахъ, съ другой стороны, на своемъ урядѣ полковникъ имѣлъ поддержку въ окружавшей его старшинѣ, среди которой главными дѣятелями были его свойственники Раковичи и пріятель Маценко. Этихъ связей было болѣе чѣмъ достаточно для утвержденія его значенія и благосостоянія; благодаря имъ, Горленко значительно увеличилъ свои маетности. Кромѣ пожалованной въ 1666 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ с. *Олшаны*, ему принадлежали въ прилуцкой сотнѣ села *Дубовый Гай*, въ иваницкой *Ковтуновщина*, въ монастырищенской

¹⁾ Акты, т. IX, стр. 864.

²⁾ Самойловичъ былъ родомъ изъ прилуцкаго мѣстечка Краснаго Колядина, гдѣ отецъ его былъ священникомъ.

Галица, да сверхъ того онъ владѣлъ еще селомъ *Ряшками*, на р. Удаѣ, принадлежавшимъ къ полковничьемъ уряду ¹⁾).

Не долго однако пришлось наслаждаться Горленку спокойствіемъ и тихой семейной жизнью среди занятій по хозяйству и внутреннему управленію прилуцкимъ полкомъ.

Появленіе на гетманскомъ урядѣ новаго лица неизбежно должно было привести его къ столкновенію съ Дорошенкомъ. Отчаянное дѣло затѣялъ поборникъ независимости Украины! Чтобы оградить ея единство и сохранить ускользавшую отъ него власть, онъ не побоялся предать родную страну въ руки лютыхъ враговъ христіанства и теперь съ горечью безсилія принужденъ былъ видѣть, какъ покровители его, турки, терзали родную землю. Лѣвобережные полки были наполнены бѣглецами изъ за Днѣпра и прилучане, съ содроганіемъ внимая повѣствованіямъ о звѣрствахъ басурманъ надъ единокровными братьями и поруганіи вѣры православной, проклинали бывшего своего полковника, поддавашагося султану.

Самойловичъ ясно понималъ всю опасность, грозившую ему съ этой стороны, и все свое искусство и усилія направилъ къ тому, чтобы преодолѣть обычную косность московскаго правительства и убѣдить его, что одной только силой и можно привести Дорошенка къ покорности. Дѣйствительно, во второй половинѣ января мѣсяца 1674 г., послѣ праздниковъ Рождества Христова, Горленко получилъ приказъ выступить со своимъ полкомъ въ чигиринскій походъ.

Соединенныя велико и малороссійскія войска, съ Самойловичемъ и Ромодановскимъ во главѣ, двинулись по льду, внизъ по замерзшему Днѣпру, къ одному изъ оплотовъ непріятеля, Черкасамъ, господствовавшимъ надъ высотами праваго берега. Послѣ трехдневнаго упорнаго сопротивленія крѣпость сдалась. Охрана этого важнаго стратегическаго пункта была поручена

---

¹⁾ Лазаревскій, Русск. Архивъ, 1875 г., стр. 2, 250. Ряшки впоследствии достались фельдмаршалу графу Миниху и затѣмъ перешли къ князьямъ Юсуповымъ.

Горленку, который со своими козаками и полчанами сумскаго полковника Корибута занялъ крѣпостной замокъ¹⁾. Дальнѣйшія военныя дѣйствія не имѣли впрочемъ особенно важныхъ послѣдствій и главныя силы, за ранней весенней распутицей и недостаткомъ продовольствія, отступили къ Переяславлю. Дорошенко былъ, казалось, неуязвимъ, но за то правобережные полковники явились къ Самойловичу съ повинной. Здѣсь Горленко былъ свидѣтелемъ торжественной присяги ихъ на подданство царю, а въ день государевыхъ именинъ, 17 марта, на пиру у московскаго главнокомандующаго, судьба столкнула его съ лицомъ, игравшимъ впослѣдствіи столь роковую и знаменательную роль какъ въ собственной его жизни, такъ и въ исторіи его потомства. Это былъ прибывшій съ якобы мирными предложеніями генеральный писарь Дорошенка Мазепа²⁾.

Чигиринскій гетманъ, протягивая руку примиренія своему сопернику, другою звалъ къ себѣ на помощь турокъ и татаръ, что заставило Самойловича и Ромодановскаго общими силами ударить на врага въ его же убѣжищѣ.

Въ іюлѣ изъ-подъ Черкасъ была выслана для рекогносцировки впередъ къ Чигирину «сторожею» часть кавалеріи подъ начальствомъ Горленка.

Этотъ летучій авангардъ молодецкимъ наѣздомъ захватилъ въ распахъ непріятельскую «сторожу» и такимъ образомъ очистилъ путь для наступающаго войска³⁾. 21 іюля, подвигаясь къ Чигирину и продолжая свою аванпостную службу, Горленко налетѣлъ съ отборными козаками своего и ахтырекаго полка на Дорошенковъ «подъѣздъ», вышедшій изъ города для развѣдки и, послѣ жаркой сѣчи, разбилъ его на голову. Преслѣдуя бѣгущихъ козаковъ и татаръ, прилучившій полковникъ рубилъ и гналъ ихъ до самыхъ стѣнъ осажденнаго города и вернулся въ лагерь съ большимъ числомъ пленныхъ «языковъ»⁴⁾.

¹⁾ Арх. мин. юстиціи, стр. 24, 596.

²⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XI, стр. 159.

³⁾ Акты, т. IX, стр. 545.

⁴⁾ Ibid., стр. 594.

23-го іюля подошли къ Чигирину гетманъ и бояринъ съ воеводами и начали осаду, но, отбитые вскорѣ подоспѣвшей ордой, должны были, сжегши Черкасы, поспѣшно отступить передъ надвигающимися массами мусульманъ, распространявшихъ паническій страхъ по всей западной Украйнѣ.

Турки, расправившись съ Польшей и потопивъ въ крови Ладыжинъ и Умань, обѣщали Дорошенку раздѣлаться и съ Россіей, а татары грозились къ веснѣ снова вернуться обратно.

Зима 1674—1675 гг. прошла въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ страшныхъ гостей. Лазарь дѣятельно укрѣплялъ Прилуки и принималъ мѣры къ ихъ оборонѣ, заготовлялъ продовольствіе и боевые запасы. Окрестные жители были согнаны съ города съ ихъ припасами; по стѣнамъ и башнямъ разставлены пушки и усилены караулы. Коннымъ и пѣшимъ козакамъ прилуцкаго полка на всякій случай приказывалось быть готовыми къ бою. Проживавшій въ уѣздѣ запорожець Лукьянъ съ товарищами приглашенъ состоять при особѣ полковника. Всюду по дорогамъ, ведущимъ къ городу и на разбросанныхъ въ окрестностяхъ курганахъ стояли форпосты, по утрамъ въ степь наряжались развѣзды, а вѣстовщики и развѣдчики разсылались въ разныя стороны и главнымъ образомъ по направленію къ Пирятину. Не ограничиваясь этимъ, самъ полковникъ дѣлалъ постоянные объѣзды поселеній прилуцкаго полка, нѣсколько разъ видѣлъ показывавшагося вдали непріятеля, не рѣшавшагося впрочемъ открыто атаковать хорошо защищенныя мѣстечка, куда при первомъ извѣстіи о приближеніи враговъ заблаговременно укрылось, по распоряженію Горленка, со всею имуществомъ и скарбомъ, населеніе пригородовъ и слабыхъ мѣстечекъ Иваницы и Журавки ¹⁾).

На масляницѣ наконецъ показали враги: это были передовыя шайки султана Нуреддина, перешедшаго Днѣпръ и надвигавшагося съ 13,000 татаръ на Лубны и Прилуки, полоня и разоряя ²⁾. Но краю уже опасаться было нечего: въ немъ

¹⁾ Акты, т. XII, стр. 24. Донесеніе Горленка Самойловичу.

²⁾ Ibid. т. XII, стр. 85.

были сосредоточены значительныя силы, шедшія на помощь польскому королю. Московское правительство совмѣстно съ Польшей собиралось положить конецъ своевольству Дорошенка и его лютыхъ союзниковъ и только нежеланіе Самойловича дѣйствовать за одно съ ненавистными ему ляхами спасло на этотъ разъ его соперника.

Не мало заботъ было Горленку съ переполнявшими его полкъ войсками, главный сборъ которымъ былъ подъ Прилуками. Съ ранней весны и до самой осени стояла въ прилуцкомъ полку московская рать и происходили передвиженія военныхъ силъ и обзоровъ Ромодановскаго и Самойловича, 7-го сентября соединившихся на Обѣчевской греблѣ, подъ с. Галицею, имѣніемъ Горленка, въ пяти вѣрстахъ отъ Монастырища. Здѣсь бояринъ и гетманъ простояли цѣлую недѣлю и дождались царскаго указа, которымъ пріостанавливалось ихъ дальнѣйшее движеніе на Яготинъ, къ Днѣпру, и разрѣшалось распустить людей по случаю осенняго ненастья ¹⁾).

Въ началѣ зимы узнали въ Прилукахъ о смерти «тишайшаго царя». Вступленіе на престолъ его преемника временно обнадежило Дорошенка, котораго уже въ мартѣ мѣсяцѣ тѣснилъ высланный противъ него со своими козаками Горленко, не смотря на его неоднократныя письменныя укоризны и завѣренія въ преданности государю: ²⁾ по приказанію царя Θεодора, дѣйствовавшій огрядъ былъ отозванъ и только въ іюлѣ, на основаніи энергичныхъ представленій Самойловича, торопившаго развязку, велико и малороссійскія силы двинуты были къ Чигирину.

Походъ, какъ извѣстно, окончился полнымъ торжествомъ Самойловича, побѣдоносно возвратившагося въ свой Батуринъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но внутренніе враги его не дремали и въ то время, какъ онъ распускалъ войска по домамъ и ѣздилъ въ Кіевъ поклониться святымъ угод-

¹⁾ Акты, т. XII, стр. 244.

²⁾ Ibid. т. XII, стр. 598.

никамъ за счастливый исходъ дѣла, среди приближенныхъ къ нему старшинъ былъ обнаруженъ смѣлый заговоръ.

XII.

Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Малороссіи, личный недругъ гетмана, задумавъ выдѣлить свой полкъ изъ вѣдѣнія послѣдняго, чтобы причислить его къ привилегированному разряду слободскихъ полковъ, отправился въ концѣ лѣта въ Москву съ доносами на Самойловича и обвиненіями его въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Не найдя въ столицѣ ожидаемой поддержки. Рославецъ былъ выданъ гетману «головой» и доставленъ скованнымъ въ его резиденцію.

Наряжено было самое строгое слѣдствіе.

Самойловичъ, едва успѣвшій сладить съ Дорошенкомъ и помнившій хорошо еще свѣжій случай со своимъ предшественникомъ, основательно опасался потрясенія своего авторитета и принялъ это дѣло особенно къ сердцу. Тутъ подслужился ему бывший генеральный писарь сдавагося Дорошенка и открылъ обстоятельства, проливавшія новый свѣтъ на дѣло Рославца и придававшія ему особую важность.

Заговоръ будто-бы имѣлъ цѣлью низверженіе Самойловича въ пользу злѣйшаго его врага, Дорошенка, и причастныя къ нему «значныя особы» хотѣли убить гетмана или учинить съ нимъ то, что и Многогрѣшному, а соперника его избрать гетманомъ обѣихъ сторонъ Дняпра ¹⁾). Главнымъ соумышленникомъ Рославца былъ, по сообщенію Вуховича, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, тайно извѣщавшій Дорошенка, что съ нимъ за одно нѣсколько «знатныхъ особъ», а именно полковникъ прилуцкій Лазарь Горленко и переяславскій Думитрашко Райчъ, бывший генеральный писарь Мокрѣвичъ и другіе, т. е. почти всѣ участники низложенія Многогрѣшнаго. Перечисленные лица поручали Адамовичу передать Дорошенку, что они желаютъ имѣть его

¹⁾ Акты, т. XII, стр. 726.

гетманомъ, и это не только съ вѣдома войска и черни, но и съ соизволенія самаго царя, причемъ заранѣе просили его не мстить имъ за прежніе противъ него проступки. Дорошенко отвѣчалъ согласіемъ на все, лишь бы дѣло произошло безъ пролитія крови ¹⁾).

Войсковый судъ надъ обвиняемыми состоялся въ Батуришѣ, 6-го января 1677 года, послѣ Божоявленія.

Горленку и Раичу, участіе которыхъ осталось не доказаннымъ, велѣли присягнуть въ ихъ невинности. Мокріевичъ былъ осужденъ на изгнаніе. Рославцу и Адамовичу, упорно отказывавшимся отъ сношеній съ Дорошенкомъ, но уличеннымъ свидѣтельскими показаніями, смертная казнь была замѣнена: первому тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ безчестіемъ, второму—постриженіемъ ²⁾). Когда же протопопъ отказался исполнить постановленіе духовнаго суда, его отдали мірскому, лишивъ сана. Истязанія и жестокое заключеніе вынудили у Адамовича невольное сознаніе и онъ, не выдержавъ пытокъ, оговорилъ въ Черниговѣ Горленку, Раича и иныхъ въ замыслѣ на жизнь гетмана.

Самойловичъ не пощадилъ заговорщиковъ; по царскому указу отъ 31-го іюля. Рославецъ съ Адамовичемъ были сосланы въ Москву и затѣмъ въ Сибирь; Горленку и Раичу дарована жизнь, но, лишенные урядовъ и должностей, они заключены въ тюрьму, имѣнія ихъ конфискованы въ пользу войска ³⁾).

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Гетманщинѣ, было подавляющее. Современники объясняли его какъ прямое слѣдствіе общаго упадка древняго благочестія, нравственности и порядка. Въ необычайныхъ вьюгахъ и морозахъ наступившей зимы, загубившихъ не мало народу, а вслѣдъ затѣмъ въ ужасномъ пожарѣ, истребившемъ 18-го мая почти весь Стародубъ,

¹⁾ Акты, т. XII, стр. 854, 865.

²⁾ Ригельманъ, т. II, стр. 155; Костомаровъ, т. XV, стр. 531.

³⁾ Самовидецъ, стр. 134; Краткое описаніе Малороссіи, стр. 276; Ригельманъ, т. II, стр. 156; Маркевичъ, т. II, стр. 243; Костомаровъ, т. XV, III и VIII.

съ церквами, крѣпостью и артиллеріей, видѣли ничто иное, какъ небесную кару за людскія неправды и нечестіе. «Въ Стародубѣ», говоритъ лѣтописецъ, «началась ненависть першая», породившая раздоры между посольствомъ, козачествомъ и духовенствомъ и приведшая наконецъ къ столкновенію полковниковъ съ гетманомъ»¹⁾).

Что прикосновенность Горленка къ этому дѣлу, сильно раздутому, была преувеличена²⁾, говоритъ уже то, что онъ очень скоро былъ принятъ обратно на службу Самойловичемъ. Не прошло и года послѣ постигшей его опалы, какъ ему было возвращено, гетманскимъ универсаломъ отъ 12 апрѣля 1687 г., село Ольшаны, а два года спустя и полковничество. Излагая побудившія его къ этому причины, Самойловичъ всенародно объявилъ, что «ижь любо Лазарь Горленко за незбожныхъ людей, полковникуючи, нарушилъ былъ своей повинной и належитой намъ, рейментарови, вѣрности; еднакъ мы, памятуючи его давніи праці...., увесь тотъ проступокъ ему зъ милости нашей христіанской отпускаемъ» и проч.³⁾).

Быть можетъ, этому не чужда была присланная царю изъ глубины Сибири челобитная Адамовича, въ которой ссыльный протопопъ оправдывалъ себя, твердя, что оговорилъ невинныхъ подъ страхомъ мученій.

XIII.

Такимъ образомъ Горленко, въ противоположность другимъ своимъ товарищамъ по несчастью, не только наружно примирился съ Самойловичемъ, но и на дѣлѣ до самой своей смерти оставался вѣрнымъ его сторонникомъ, а женитьба сына его, Димитрія, на родной племянницѣ гетманши еще болѣе сблизила недавнихъ враговъ.

¹⁾ Самовидецъ, стр. 134, 135.

²⁾ Въ доносѣ на Самойловича сказано, что „отъ нихъ же Самойловичевъ съ согласниками обвинены были полковники Лазарь Горленко и другіе, которые *безвинно* страдали, а за что именно, не объявлено“ (Ригельманъ, т. II, стр. 201).

³⁾ Архивъ Н. А. Маркевича, № 6323.

По арестованіи Горленка, его полкомъ управлялъ Маценко ¹⁾, до назначенія туда полковникомъ Ѳ. Мовчана. При немъ старый Лазарь со своими дѣтьми принималъ дѣятельное участіе въ чигиринскихъ войнахъ, въ рядахъ «знатныхъ войсковыхъ товарищей» прилуцкаго полка, сильно потерпѣвшаго въ тяжелыхъ походахъ и вернувшася осенью на родину «изнужавшимъ» и «изнищавшимъ» ²⁾. За подвиги противъ турокъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ почтилъ полкъ похвальной грамотою, а убитыхъ прилучанъ повелѣлъ «написать въ вѣчное помяновеніе въ синодикѣ, въ святѣй величѣй соборнѣй церкви Успенія Пресвятыя Богородицы» ³⁾. Вмѣстѣ съ преемникомъ Мовчана, Димитріемъ Чернявскимъ, Горленки, отецъ и сыновья, ходили противъ турецкаго клеветы Юраски Хмельницкаго, въ послѣдній разъ промелькнувшаго на страницахъ малорусской исторіи съ необычайнымъ титуломъ «князя Сарматскаго», чтобы темнымъ и позорнымъ концемъ завершить свое безславное существованіе.

По смерти Чернявскаго, Горленко, занимавшій при немъ урядъ полковаго судьи, 25-го генваря 1680 г. является уже въ званіи, «на тотъ часъ вакансіи полковой, полковника наказнаго войска его царскаго величества запорозскаго прилуцкаго» и приказываетъ «руку свою при печати подписать» ⁴⁾, а черезъ полгода, осенью, уступивъ должность судьи Маценку, именуется «полковникомъ В. Е. Ц. П. В. З. прилуцкимъ» и рядомъ съ древнею печатью города Прилукъ, изображающей пронзенную кривою саблею голову золоторогаго зубра, велитъ притиснуть собственную свою гербовую печать съ полнымъ своимъ титуломъ ⁵⁾.

1) Густынскій архивъ, Универсалъ И. Маценка отъ 31 декабря 1677 г.

2) Костомаровъ, Монографія, т. XV.

3) Максимовичъ, Сочиненія, т. II.

4) Густынскій архивъ, Листы Л. Горленка отъ 25 января и 10 марта за печатью прилуцкаго полковаго судьи.

5) Архивъ Н. А. Маркевича, Листъ Л. Горленка отъ 8 октября 1680 г.

На оттискахъ печатей Лазаря Горленка, дошедшихъ до насъ въ трехъ типахъ, въ осьмугульномъ щитѣ помѣщено символическое изображеніе водруженнаго на полумѣсяцѣ и окруженнаго сіяніемъ креста; надъ нимъ, справа и слѣва, двѣ звѣзды и пучъ страусовыхъ перьевъ—знакъ благороднаго достоин-

Занявшись дѣлами внутренняго управленія, на которыхъ не могли не отразиться перевороты и безурядица послѣднихъ лѣтъ, Горленко обратилъ особое вниманіе на отношеніе своихъ полчанъ къ духовнымъ властямъ густынской обители.

Въ описываемое время монастырь былъ въ полномъ расцвѣтѣ своего значенія и извѣстности. Духовно-литературное движеніе, первый толчекъ которому былъ данъ Петромъ Могилой и представителями коего на Украинѣ были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій и Антоній Радивилловскій, не осталось чуждымъ Густыни. Въ 1670 г. въ ней былъ написанъ преподобнымъ Николою, игуменомъ Черной Горы, трудъ духовнаго содержанія¹⁾, а пять лѣтъ спустя живое и вдохновенное слово молодаго, только что постриженнаго въ іеромонахи, проповѣдника стало привлекать въ лѣсную прилуцкую пустынь десятки тысячъ богомольцевъ, жаждавшихъ слышать его краснорѣчивыя поученія. Юноша, своими дарованіями прославившій пріютившую его обитель, былъ будущій святитель и знаменитый митрополитъ ростовскій, Димитрій Туптало.

Самойловичъ, особенно благоволившій къ молодому подвижнику, какъ вышедшій самъ изъ духовнаго званія и какъ мѣстный уроженецъ, сдѣлавшись всеильнымъ гетманомъ, не забылъ родной прилуцкой святыни. Собственнымъ иждивеніемъ возвелъ онъ въ 1671 году, на мѣстѣ сгорѣвшей старой деревянной церкви, каменный, двухпрестольный, пятиглавый, коринтскаго ордена соборный храмъ, во имя Св. Живоносной Троицы, весь внутри росписанный аллегорическими изображеніями и те-

---

ства. Вокругъ расположены заглавныя буквы имени и титула: Л. Г. П. В. Е. Ц. В. З. П., а на печати судьи: Л. Г. С. П. Весьма схожія съ этими печати употреблялись и полковниками Маценкомъ и Стороженкомъ: это—прототипъ современнаго Горленковскаго герба, видоизмѣненный уже при сынѣ Лазаря извѣстномъ Димитріѣ Горленкѣ.

¹⁾ Отпечатанный въ 1795 г. въ Почаевѣ, подъ заглавіемъ: „Книга препод. Николы, игумена Черной Горы“ (Главн. церковн. и ризнич. опись Густынскаго монастыря 1859 г.).

кстами изъ св. писанія ¹⁾). Щедро одаривъ новую церковь, набожный гетманъ позаботился и о ея матеріальномъ обезпеченіи: онъ подтвердилъ права монастыря на данное ему еще прежде село Деймановку, въ сребрянской сотнѣ, приписанное къ обителю въ 1668 г. Многогрѣшнымъ «для вшелякаго послушенства, со всеми выгодами».

Приводя въ исполненіе гетманское распоряженіе и увѣдомляя о немъ «все товариство и посполитыхъ людей, у селѣ Деймановцѣ мешкающихъ», Горленко зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы повинности эти въ чемъ-либо не нанесли ущерба козацкимъ привиллегіямъ. Взглядъ его на значеніе и права реестроваго козака рельефно выразился въ упомянутомъ листѣ къ жителямъ Деймановки. Напоминая имъ о долгѣ послушанія «мѣсту святому и властному, превелебному въ Богу господину, отцу игумену густынскому», прилуцкій полковникъ въ то же время въ такихъ выраженіяхъ предупреждалъ своихъ полчанъ: «еднакъ мы запобегаючи того, сколько у томъ же селу знайдется товариства козаковъ, въ войску служачихъ, и абы онымъ якая не дѣялась кривда, о томъ со о. игуменомъ разговорювали, и которые зъ доброй волѣ своей, за *Третьякова полковництва*, ²⁾ откинувшись зъ реестру нашего, сами добровольне монастыреви обовязалися служити, тѣхъ теда и мы, отставивши отъ своего послушенства, изъ реестру витерти казали и подѣ монастырское начало поддали: нехъ же теперъ жаденъ таковой, больше не чинячи себе козакомъ, належного пильне послушанія, знайдуючіеся же въ реестрахъ зъ тамошнего товариства абы заживали своей давной и неотступной козацкой вольности, пильно того мѣти хочемъ и жадаемъ» ³⁾.

¹⁾ Испорченными, къ сожалѣнію, въ 40-хъ годахъ, при реставраціи храма грубой мазней невѣжественныхъ маляровъ, отъ безжалостной кисти которыхъ уцѣлѣлъ лишь портретъ гетмана-основателя, да характерное изображеніе пораженія ангелами бѣсовъ, въ маломъ куполѣ, надъ хорами. Сохранились еще замѣчательной старинной рѣзбы, посеребренный и вызолоченный, липоваго дерева, иконостасъ и два деревянныхъ рѣзныхъ, искусно разрисованныхъ клироса.

²⁾ Семень Третьякъ, полковникъ прилуцкій (1671—1672 г.).

³⁾ Архивъ Густынск. монастыря, Листъ Л. Горленка отъ 30 іюля 1681 г.

Помимо установленія въ полку внутренней дисциплины и порядка, Горленку не пришлось сидѣть сложа руки. Весъ 1680 г. Малороссія была въ тревогѣ; ожидали новаго нашествія турокъ, успѣшно укрѣпляли города и держали войска въ сборѣ до самаго 1681 года, начавшагося подѣ дурными примѣтами: «23-го марта, противъ Лазаревой Субботы» разразилась невиданная въ столь раннюю пору гроза, съ такими ударами и страшной молніей, что небо казалось объятымъ огнемъ, а «на св. Матѳея земля тряслась» ¹⁾.

Въ Малороссіи тѣмъ не менѣ враждебно отнеслись къ предполагаемому союзу Россіи съ Польшей противъ невѣрныхъ и, съ неудовольствіемъ замѣчая возрастаніе при русскомъ дворѣ польскаго вліянія, успѣвшаго даже отразиться на московскихъ обычаяхъ и одеждѣ ²⁾, настаивали на примиреніи съ Турціей и Крымомъ. Съ этой цѣлью посланъ былъ въ Бахчисарай, со стольникомъ Типкинымъ и учителемъ Петра Великаго, Н. М. Зотовымъ, племянникъ Горленка по женѣ, войсковой товарищъ Павелъ Раковичъ, «значный человекъ, бусурманскихъ языковъ и латинскаго языка свѣдущій». Посредникомъ-же между московскимъ правительствомъ и блистательной портой взялся быть князь Молдавіи и Валахіи, Іоаннъ Дука, въ 1670 г. поставленный султаномъ, со званіемъ «господаря украинскаго», великимъ гетманомъ надъ землями между Днѣпромъ и Днѣстромъ и извѣстный въ лѣтописяхъ правобережной Украйны, какъ первый колонизаторъ обезлюдѣвшаго края ³⁾.

¹⁾ Черниговская лѣтопись, изд. Бѣлозерскимъ, Кіевъ. 1856 г., т. I, стр. 36 и 37.

Въ одномъ изъ писемъ Лазаря Горленка упоминается о подобномъ же явленіи въ сребрянской сотнѣ прилуцкаго полка „подѣ селомъ Деймановкой, гдѣ волею Божіей, на ужасное подивленіе людское, *вора съ деревомъ не малымъ внизъ пересунулась*“ (Архивъ Густыиск. монастыря, листъ Л. Горленка отъ 9 ноября 1680 года).

¹⁾ Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 465.

²⁾ Своимъ возвышеніемъ Іоаннъ Дука былъ обязанъ браку своему съ дочерью господаря Молдавіи, князя Евстратія I. Дабижи (1662 † 1666), потомокъ котораго два вѣка спустя женился на праправнучкѣ въ седьмомъ поколѣніи Лазаря Горленка.

Мярь, хотя и невыгодный, но, по пословицѣ, «все же лучше доброй ссоры», далъ Украинѣ возможность отдохнуть отъ продолжительнаго напряженія силъ, подрывавшаго правильное развитіе ея внутренней жизни.

XIV.

27-го апрѣля 1682 скоростижно скончался молодой царь Ѳеодоръ. Выборными людьми земскаго собора былъ избранъ въ Москвѣ на царство малолѣтній царевичъ Петръ, и во всѣ концы земли русской полетѣли гонцы оповѣстить народъ и привести его къ присягѣ.

Въ Прилуки пришла царская грамота на имя Лазаря Горленка. Юный государь, сообщая объ «отшествіи» своего старшаго брата «изъ сего свѣта во вѣчное блаженство небеснаго царствія», указывалъ полковнику привести всѣ чины къ присягѣ *ему*, царю Петру, и брату его, Іоанну, съ нимъ совмѣстно ¹⁾.

Но, не успѣли прилучане присягнуть на подданство новому царю, какъ извѣстія, одно другою невѣроятнѣе, стали распространяться въ народѣ. Въ полку передавалась страшная молва о вспыхнувшемъ на Москвѣ бунтѣ, объ убійствахъ царскихъ родичей и двухдневной дикой рѣзнѣ, въ которой погибъ, растерзанный чернью, припомнившей ему сдачу Чигирина, давній боевой товарищъ Горленка, старикъ князь Ромодановскій.... Всѣмъ заправляли въ столицѣ опьяненные кровью и успѣхомъ стрѣльцы, о царѣ же не было и помину.

Тяжелая неизвѣстность и сбивчивые, противорѣчивые слухи прекратились лишь въ началѣ іюня, съ прибытіемъ «съ царскимъ милостивымъ словомъ» изъ Москвы дворянина его царскаго величества, Ѳедора Анцбукова. Вся козацкая «грогада» жадно внимала, какъ въ новой, пространной грамотѣ къ ея полковнику цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, объявляя о своемъ

¹⁾ Архивъ Н. А. Маркевича, грамота царя Петра Алексѣевича Лазарю Горленку отъ 30 апрѣля 1790 г., № 6331.

вступленіи «на прародительскій великаго и преславнаго россійскаго царствія престолъ», указывали: „а тебѣ бѣ, нашего царскаго величества подданному, прилуцкому полковнику Лазарю Горленку о семь вѣдать... и учинить... и быть во всемъ нашу царскаго величества милость надежну и полку своего во всѣхъ городы и мѣстечка къ старшинѣ и къ сотникамъ и къ всякимъ градекимъ и уѣзднымъ урядникамъ отъ себе писать, чтобы они съѣхались къ тебѣ, полковнику, и по тому учинили». Оба государя обѣщали его, Горленка, и все войско запорожское „держать въ своемъ милостивомъ призрѣніи и, при помощи Божіей, отъ всѣхъ наступающихъ непріятелей въ оборонѣ“, какъ это было при блаженныя памяти отцѣ ихъ и братѣ. «А права ваши и вольности», заканчивала грамота, «ни въ чемъ нарушены не будутъ, въ томъ бы тебѣ, полковнику, и полку твоего всему поспольству на нашу царскаго величества премногую милость быти надежными» ¹⁾,

Такимъ образомъ узнали въ Прилукахъ о совершившемся въ пользу царевны Софіи переворотѣ.

Въ присутствіи царскаго уполномоченнаго Анцбукова, Горленко вторично произнесъ торжественную присягу на вѣрность воцарившимся государямъ, а затѣмъ были «приведены къ вѣрѣ при немъ будущіе поспольство и полку его во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ жилацкіе люди» ²⁾.

ХV.

Наступилъ 1687 годъ.

Вызывающее положеніе, принятое Крымомъ и усилившаяся дерзость набѣговъ хищныхъ его ордъ вынудили московское правительство объявить всеобщее ополченіе на невѣрныхъ.

Получивъ «о св. Георгіѣ» гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ послѣ пятилѣтняго мира къ борьбѣ съ тата-

¹⁾ Главн. моск. архивъ министерства иностран. дѣлъ, по каталогу Бятыша-Каменскаго, № 24. Грамота царей Іоанна и Петра къ Лазарю Горленку отъ 1 іюня 1790 г.

²⁾ Ibidem.

рами, старый Горленко снарядилъ свой полкъ, отслужилъ съ только что отстроеномъ имъ въ Прилукахъ соборъ¹⁾ напутственный молебень и, прѣотившись съ семьей и домашними, выступилъ, на зарѣ яснаго майскаго дня, въ роковой крымскій походъ, изъ котораго не суждено было ему болѣе вернуться.

Стояла дивная весенняя пора. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ гдѣ-то высоко звенѣла трель жаворонка; въ зеленыхъ волнахъ молодыхъ хлѣбовъ, усѣянныхъ алымъ макомъ и васильками, задорно перекликались неугомонные перепела. Яркая свѣжая листва радостно трепетала въ золотыхъ, живительныхъ лучахъ ранняго утренняго солнца, весело игравшаго на дорогомъ оружіи и расшитыхъ одеждахъ шедшаго съ музыкой и пѣснями отряда. Мѣрный топотъ слегка пофыркивавшихъ въ утренней прохладѣ коней едва пылилъ мягкую дорогу. Сверкающей стѣной двигались, сотня за сотней, ряды конныхъ и пѣшихъ козаковъ прилуцкаго полка, блестя цѣлымъ лѣсомъ мушкетовъ и копій, надъ которыми рѣяли въ легкомъ дыханіи вѣтерка пестрые сотенные значки—корогвы. Окруженный старшинами, знатными войсковыми товарищами, среди блестящей свиты гарцующей молодежи, нетерпѣливо сдерживавшей и горячившей коней, подъ стѣнью большаго полковаго знамени, вѣхалъ на кровномъ турецкомъ жеребцѣ престарѣлый полковникъ, задумчиво опустивъ свою посѣдѣвшую въ бояхъ голову. Сильная еще рука привычнымъ, повелительнымъ движеніемъ сжимала драгоценный перначъ, символъ полковничьей власти; бѣлое перо на высокой златоверхой шапкѣ плавно колыхалось и дамасскій въ богатой оправѣ клинокъ мѣрно позвякивалъ о серебрянное стремя, при размашистой иноходи лошади.

Думалось-ли старому козацкому вождю, когда онъ въ послѣдній разъ оглянулся на скрывшіеся за поворотомъ гадяцкаго шляха свои подгородные прилуцкіе хутора, что онъ прощается съ ними на всегда?

1) Въ 1687 г. Горленкомъ была возобновлена деревянная соборная церковь Рождества пресв. Богородицы, основанная въ 1618 году и сгорѣвшая въ 1781 году.

Въ Гадячѣ полкъ Горленка примкнулъ къ шедшему изъ своей столицы, Батурпина, гетману и двинулся съ нимъ, чрезъ Полтаву, на соединеніе съ княземъ В. В. Голыцинымъ. На лице была вся генеральная старшина, всѣ полковники и все козачество, всего до 50,000 человекъ. Внушительная по тому времени армія очутилась вскорѣ за предѣлами Малороссіи „въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкыи“. Начались тяжкія испытанія.

Углубившись въ безконечныя степи и нигдѣ не встрѣчая врага, войска стали изнемогать отъ нестерпимаго зноя. За Сѣчью Запорожской, въ Великомъ Лугѣ, они наткнулись на степной пожаръ. Черныя облака копоти и пепла носились въ удушливомъ, смрадномъ воздухѣ, сквозь который свѣтило тусклое, безъ лучей, солнце; а ночью въ свинцово-фіолетовой мглѣ зловѣще вырѣзывался багровый дискъ луны. Чрезъ силу тащившіеся по раскаленной и обугленной почвѣ, люди и лошади стали заболѣвать и падать, изнуренные безцѣльными переходами и лишениями, войска и военачальники сдѣлали привалъ у степной рѣчки Карачокрака и стали обсуждать свое положеніе.

Послѣ долгихъ преній, въ военномъ совѣтѣ принято было мнѣніе идти, въ виду начавшагося голода и конской безкормицы, обратно къ привольнымъ кормовымъ мѣстамъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій изъ Москвы, а чтобы обезпечить свой тылъ отъ внезапнаго нападенія невидимаго врага, отправить къ Сѣчи, на подкрѣпеніе стоявшаго у Каменнаго Затона храбраго воеводы Касогова, сильный отрядъ для отвлеченія татаръ къ Кизикермену ¹⁾).

Въ составъ его вошли, кромѣ 20,000 ратныхъ людей подъ начальствомъ Неплюева, еще столько же козаковъ, надъ которыми Самойловичъ поставилъ наказнымъ гетманомъ сына своего Григорія. Съ послѣднимъ, сверхъ его черниговцевъ, находились полки извѣстныхъ и опытныхъ предводителей: прилуцкій—Гор-

---

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Донесеніе Самойловича; General Patrick Gordons Diary, т. II, стр. 175, 176.

ленка, переяславскій—генеральнаго бунчучнаго Полуботка, миргородскій—Апостола, четверо охотныхъ полковъ да кошевой Сагайдачный съ своими запорожцами, тотъ самый Сагайдачный,

Що проминявъ жинку
На тютюнъ да люльку,
Необачный!

какъ говорится въ старой народной пѣснѣ ¹⁾).

Этотъ сорокатысячный корпусъ, отдѣлившись отъ главнаго обоза, повернулъ на югъ къ Днѣпру и спустившись къ Каменному Затону, переправился на другой берегъ у Никитинской Заставы ²⁾).

Выборомъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ достигалась такимъ образомъ двойная цѣль: наступательныя дѣйствія поручались вождямъ съ установившейся боевой репутаціей и отборнѣйшимъ малороссійскимъ полгамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ главнаго лагеря удалялись родственники, друзья и сторонники гетмана, составлявшие его надежнѣйшую опору и имѣвшие значительное вліяніе въ войскѣ.

Готовился эпилогъ драмы, завершившей печальной памяти первый крымскій походъ.

21-го іюня, на разсвѣтѣ, гетманъ былъ тайно, безъ шума арестованъ и взятъ подъ стражу по обвиненію въ измѣнѣ. Тотчасъ-же былъ отряженъ на Запорожье, къ Неплюеву, гонецъ, съ секретнымъ увѣдомленіемъ о случившемся и предписаніемъ немедленно арестовать сына низложеннаго гетмана и его совѣтниковъ, полковниковъ прилуцкаго, переяславскаго и др., въ виду возможнаго съ ихъ стороны противодѣйствія и какихъ-либо безпорядковъ ³⁾. Но, несмотря на принятыя Голицынымъ и

¹⁾ Сборникъ малороссійскихъ пѣсень, изд. Г. П. Галагана, Кіевъ, 1856 г.

²⁾ Въ 15-ти верстахъ отъ Старой Сѣчи, въ устьѣ рѣки Чертомлыка. — Велмчко, т. III, стр. 12.

³⁾ Самовидецъ, стр. 172.

Мазепой предосторожности, вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи облетѣла войско и проникла въ передовой отрядъ. Два козака опередили боярскаго гонца и извѣстили о происшедшемъ: первый стоявшихъ въ Кодагѣ козаковъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, второй—Григорія Самойловича, въ Сѣчи ¹⁾).

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ посланные на югъ прилучане разбили свои ставки въ кодацкомъ укрѣпленіи на правой сторонѣ Днѣпра, въ трехъ верстахъ ниже устьевъ Самары и нынѣшняго Екатеринослава. Вблизи ихъ лагерь глухо ревѣлъ грозный водоворотъ Старо - Кодацкаго порога. Здѣсь Днѣпръ бѣшено клокоталъ, вишѣлъ и пѣнился о преграждавшія его гряды громадныхъ скалъ, острыя ребра которыхъ причудливо чернѣли среди буруновъ, водяной пыли и бѣлыхъ всплесковъ волнъ, сердито низвергавшихся съ «лавы» на «лаву». Дикіе, поросшіе лѣсомъ, утесы нависли надъ противоположнымъ берегомъ, а далѣе, по теченію рѣки, зеленой смѣной подымались днѣпровскіе острова, гдѣ стояли «на травѣ» козацкіе лошади и откуда долеталъ ослабленный громъ водопадовъ Сурскаго и Лоханскаго пороговъ.

Праздность и томительное бездѣйствіе, затѣмъ недостатокъ продовольствія сильно отразились на дисциплинѣ козацкаго лагеря. Давно уже недовольные деспотическимъ управленіемъ гетмана, козаки громко роптали на Самойловича и своихъ начальниковъ, обвиняя ихъ въ произвольномъ и бесполезномъ затягиваніи и безъ того непопулярнаго похода. Раздраженіе усилилось, когда узнали, что татары стороной проникли подъ самый Кіевъ и даже «*по сю сторону Днѣпра по селамъ людей въ полонъ брали и рубили*» ²⁾). Тутъ ужъ и силой нельзя было удерживать людей, рвавшихся къ своимъ семьямъ: козаки стали самовольно бросать службу и уходить домой. Ежедневно дезертировали они изъ прилуцкаго, миргородскаго и переяславскаго полковъ ³⁾). Ос-

¹⁾ Gordon. т. II, стр. 188.

²⁾ Ригельманъ, т. V, стр. 3.

тавшіеся, окончателно деморализованные, подстрекаемые гетманскими недоброжелателями и безшабашной запорожской голытьбой, были страшно возбуждены вѣстями съ Украйны, гдѣ, по слухамъ, поднявшійся народъ безпощадно билъ, жегъ и разорялъ пановъ.

Извѣстіе объ отрѣшеніи Самойловича было искрой, попавшей въ порохъ и страшнымъ толчкомъ отдалось на Кодакъ.

Повторились безобразныя сцены кроваваго разгула, сопровождавшія паденіе Якима Сомка. Пьяные, разнузданные козаки бросились къ шатрамъ начальныхъ лицъ, за которыми не было болѣе гетманской поддержки, чтобы свести съ ними старыя счеты. Засверкали обнаженные сабли, раздались яростныя проклятія, свирѣпыя угрозы, еще мгновеніе — и обезумѣвшая отъ вина и крови толпа неистово кинулась рубить своихъ старшинъ и грабить ихъ ставки. Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась звѣрская расправа прилуцкихъ козаковъ. Одной изъ первыхъ жертвъ ея палъ престарѣлый ихъ полковникъ, тщетно старавшійся обуздать своихъ полчанъ. Обезображеннаго сабельными ударами, но еще живаго, Горленка поволокли къ раскаленной печи и бросили въ пылающій огонь ¹⁾.

Такъ кончилъ тревожную жизнь свою «безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцевъ» ²⁾ «панъ Лазарь Горленко, полковникъ стародавній прилуцкій, пострадавъ невинное убійство отъ своихъ полчанъ, на рѣцѣ Сурѣ» ³⁾. 2-го августа 1687 г. останки его, съ воинскими почестями, были преданы землѣ, въ полю, межи Кодакомъ и Самарою, гдѣ и могилу значную высыпано надъ нимъ ⁴⁾. Одинокю высился могильный холмъ стараго козацкаго вождя, чернѣя въ дикой, безлюдной степи, да ведя нѣмую бесѣду съ буйными вѣтрами

¹⁾ Gordon, т. II, стр. 194; Самовидецъ, стр. 172; Величко, т. III, стр. 22; Ригельманъ, т. III, стр. 3; Костомаровъ VХ. 691.

²⁾ Суплика Я. Горленка 1712 г. Архивъ Маркевича, № 272.

³⁾ Лѣтопись монастыря густынскаго, стр. 68; Помяникъ кievской ближней пещеры (Максимовичъ, т. II).

⁴⁾ Ibidem, стр. 64.

да непогодами». Лишь десять лѣтъ спустя кости запорожскаго «лицаря» упокоились въ родной землѣ, подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ и кленовъ Густынской обители.

Извѣстіе о кодацкой катастрофѣ и страшной смерти прилуцкаго полковника, ознаменовавшей первые дни гетманства Мазепы, привезъ на Коломакъ изъ Сѣчи, 9-го августа, сынъ переяславскаго полковника, извѣстный впоследствии Павелъ Полуботокъ¹). Объ ужасной участи Горленка узнала въ Прилукахъ его осиротѣвшая семья въ то время, какъ въ Сѣвсѣ голова другой жертвы переворота, молодого Самойловича, скатывалась на плаху....

«Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой.....»

Изъ ея сѣдаго, загадочнаго тумана, изъ фантастическаго мрака временъ, выплываютъ предъ нами забытыя тѣни прошлаго. Въ влудящемся вихрѣ событій, въ дыму и пламени пожаровъ, войнъ и междоусобій мелькають суровыя лица борцевъ за свободу и независимость Украйны; встають страдальческія тѣни Павлюка, Гуни, Острияницы, подымается величавый призракъ Хмельницкаго; изъ кроваваго хаоса «руины» вырастають трагическіе силуэты Пушкиря и Выговскаго, Сомка и Брюховацкаго, забрызганный кровью каменецкой рѣзни сумрачный обликъ Дорошенка и надменные фигуры Трубецкаго и Ромодановскаго. Чудится громъ оружія на поляхъ эпическихъ битвъ за вѣру и народность; пылають Яссы, Черкасы и Чигиринъ; проносятся блестящія «хоругви» панцырныхъ бояръ короля Яна Казимира и свирѣпыхъ рейтаровъ князя Іереміи Вишневецкаго, Чарнецкаго и Собѣскаго; съ гикомъ стремятся нестройныя орды Исламъ-Гирея, Адиль-хана и Калги-Султана, рыщуть безобразныя, дикія толпы калмыцкихъ тайшей; проходятъ грозныя когорты янычаръ Магомета IV и пестрыя, разноплеменные дружины сербовъ, волоховъ, венгровъ и молдованъ; движутся красныя ряды бородатыхъ московскихъ стрѣльцовъ, полки ратныхъ лю-

¹) Gordon, т. II, стр. 194.

дей, компаниі иноземныхъ наемниковъ и несутся, вслѣдъ за Сѣркомъ и Сагайдачнымъ, въ бѣшеномъ, неудержимомъ порывѣ вольные сыны Сѣчи и Великаго Луга. А тамъ, на рдѣющемъ горизонтѣ, гдѣ въ свистѣ и воѣ бушующаго огненнаго моря слышатся стоны забытыхъ въ дальнихъ сибѣгахъ сибирскихъ тайгъ Самойловича и Многогрѣшнаго и гдѣ въ багровыхъ дымныхъ облакахъ горящихъ крымскихъ степей уже восходитъ роковая звѣзда гетмана Мазепы, изъ непроглядной тьмы мрачной исторической ночи ярко выступаетъ, въ зловѣщемъ отблескѣ костра, «порубанный, постреляный» образъ Лазаря прилуцкаго...

Стоящій на рубежѣ стараго, отживающаго міра легендарнаго козачества и занимающейся новой его эры, онъ олицетворяетъ въ себѣ типичныя черты той переходной эпохи. Близкій къ вершителямъ судебъ Украйны, непосредственный участникъ и свидѣтель ея роста, сближенія ея съ Великороссіей и затѣмъ внутренняго ея разложенія, прожившій одинъ изъ самыхъ гибельныхъ періодовъ малорусской исторіи, на своемъ долгомъ вѣку видѣвшій четыре царствованія, столько же королевствованій и длинный рядъ гетманствъ, одинаково извѣстный въ Москвѣ и Крыму, въ Польшѣ и на Запорожьѣ, воинъ, правитель, дипломатъ,—онъ является одной изъ тѣхъ величинъ, которыхъ не можетъ обойти вниманіе изслѣдователя. Къ сожалѣнію, сбивчивость и отрывочность имѣющихся свѣдѣній и неразработанность документальныхъ данныхъ препятствуетъ пока еще правильной и безпристрастной оцѣнкѣ болѣе чѣмъ полувѣковой политической дѣятельности Горленка. Ближайшій анализъ ея и болѣе строгая, опредѣленная обрисовка и характеристика его личности станутъ возможны лишь тогда, когда вполне разсѣется историческая мгла, на половину застилающая фигуру стараго прилуцкаго полковника.

• **Князь А. Дабина.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА

ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНИЯХЪ.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Начало легенды С. Баронча: чудовищный паразитъ. Подобное начало въ галицкой сказкѣ г. Франка объ униженной царевнѣ. Оно же въ сказкахъ южноевропейскихъ, особенно въ сказкѣ о претенціозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Индійскій первообразъ послѣдней сказки. Переплетеніе ея побѣговъ съ побѣгами персидской сказки объ упорной или фатальной царевнѣ-невѣстѣ. Отдѣленіе отъ этихъ побѣговъ сказки объ униженной царевнѣ. Ея европейскія разновидности: южноевропейская, средняя и сѣверовосточная. Происхожденіе сказки г. Франка отъ среднеевропейской разновидности. Происхожденіе мотива о чудовищномъ паразитѣ въ сказкахъ восточной части средиземноморскаго бассейна. Случайность спайки этого мотива съ преданіемъ о Бунякѣ и приставки его къ легендѣ о королевичѣ въ подземельи. Сказочно-эпическій характеръ имени царицы Елены.

Обращаемся теперь къ оставленному началу легенды С. Баронча. Если, какъ мы видѣли, вся эта легенда не имѣетъ никакой связи съ историческомъ Бунякомъ, то и это начало не имѣетъ никакой внутренней связи съ самой легендой. Какъ разъ такое вступленіе мы находимъ во главѣ сказки, записанной г. Франкомъ въ Галиціи (въ с. Нагуевичахъ около Дрогобича) и напечатанной имъ въ статьѣ «Старинна романско-германьска новеля въ устахъ русскаго народа» въ «Зорѣ» 1883 г., № 2—3. Здѣсь царица, не желая выходить замужъ, такъ какъ женихи казались ей глупыми, выкормила въ маслѣ блоху, сдѣлала изъ ея кожи перчатки и обѣщала свою руку только тому, кто угадаетъ, изъ чего онѣ сдѣланы. На вызовъ отправился одинъ царевичъ, который былъ въ нее особенно влюбленъ. Онъ переодѣлся шолудивымъ нищимъ и по дорогѣ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., август. кн., стр. 676—713.

зашель къ кожевнику, вычинившему кожу на перчатки, и отгадалъ такимъ образомъ тайну царевны. Волей-неволей царевна должна была выйти за шолудиваго нищаго, который отказался отъ всякаго богатства и повелъ молодую жену на свою родину, гдѣ продолжалъ играть избранную роль, поселившись въ бѣдной хаткѣ на краю столицы. Тутъ онъ заставляеть жену зарабатывать хлѣбъ сначала шинкарствомъ, а когда солдаты выпили водку, побили посуду и не заплатили, то велѣлъ ей продавать горшки на базарѣ. Но и эти горшки побили солдаты. Тогда мужъ посылаетъ жену служить на царской кухнѣ, откуда совѣтуетъ ей приносить домой остатки кушаньевъ. Вечеромъ она набрала этихъ кушаньевъ въ маленькіе горшки и, чтобъ не видно было, подвязала ихъ на поясъ. Но царевичъ велѣлъ ей нести воду въ горницы. Только что вошла она, какъ заиграла музыка, а царевичъ потащилъ ее танцовать. Кушанья облили бѣдняжку съ головы до ногъ, и когда она со стыда упала на колѣни, царевичъ поднялъ ее съ вопросомъ: «а что ты меня не узнаешь?» Оказывается, что это и былъ ея шолудивый нищій¹⁾.

Въ иностранной народной словесности намъ извѣстны слѣдующія сказки съ началомъ въ родѣ предъидущей: 1) *албанская* (Dozon, Contes albanais, стр. 27—33, Le rou), гдѣ царевна находитъ вошь въ бородѣ отца, который видитъ въ этомъ обстоятельстве чудо и велитъ хранить животное, вырастающее наконецъ до величины козла, а затѣмъ общаетъ дочь свою тому, кто узнаетъ, что это такое (другой вариантъ въ Albanische Märchen, übers. v. Meyer

¹⁾ Г. Франко сближаетъ эту сказку съ основой Шекспировой комедіи „Укрощеніе своенравной“ (The taming of the shrew), и распространеніе этой основы слѣдитъ, руководствуясь сочиненіемъ Зимрока: „Die quellen des Shakspeare“, по новелламъ разныхъ народовъ, отдавая предпочтеніе сравнительной гуманности украинской новеллы. На самомъ дѣлѣ вышеизложенная сказка вовсе не принадлежитъ къ одной темѣ съ новеллой, легкой въ основу комедіи Шекспира. Къ этой темѣ принадлежатъ у насъ другія, ускользнувшія отъ вниманія г. Франка, напечатанныя въ книгѣ Рудченка „Народныя южнорускія сказки“ и у Чубинскаго („Труды“ и проч., т. II, отд. 2, №№ 33, 34).

Къ побѣгамъ той же темы принадлежатъ у насъ кобзарскія пѣсни объ укрощеніи жены и тещи (напр. въ Зап. югозап. отд. и. р. геогр. Общ., I, Матеріал., стр. 35—41 и въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 г., т. XI, Савродимка), которыя привязываются къ нѣмецкимъ редакціямъ этой темы. Весьма нелюбезное обращеніе съ женщинами во всѣхъ указанныхъ вариантахъ, кромѣ Чубинскаго, № 33, отнимаетъ почти всякую силу отъ патріотическихъ выводовъ г. Франка.

mit Anmerkungen von R. Koehler въ Archiv f. Litterat. Geschichte, XII, 118); 2) *греческая* (J. Pio, *Νεοελληνικά Παραμύθια*, 104), близкая къ албанскимъ вариантамъ; 3) *итальянская* (Schneller, *Märchen und Sagen aus Wälsch-Tyrol*, № 31, Die Frau des Teufels; вариантъ, помѣщенный еще въ XVII в. въ неаполитанскомъ сборникѣ Джамбатиста Базила, *Pentamerone*, g. II, n. 5, Lo Polese, вмѣсто вши ставитъ блоху) и 4) *гасконская* (Cénac Moncant, *Contes pop. de la Gascogne*, 184, Le coffret de la princesse), гдѣ царевна дѣлаетъ изъ кожи блохи оболочку шкатулки (вар. у Bladé, *Contes pop. de la Gascogne*, III, 36, вмѣсто блохи—клопъ).

Всѣ эти сказки родственны между собою не только своимъ началомъ, но и послѣдующимъ содержаніемъ; въ первыхъ трехъ секретъ царя и царевны узнаетъ чудовище: чортъ, или у Базиле—великанъ (Uogso), который и уноситъ царевну къ себѣ въ подземелье, откуда потомъ ее освобождаютъ люди съ чудесными свойствами зрѣнія, слуха и т. п. Только въ гасконскихъ вариантахъ чудовищный отгадчикъ атрофировался и невѣсту добываетъ простой женихъ, узнавъ ея секретъ и преодолевъ, съ помощью чудесныхъ людей, хитрости ея отца.

Подобное начало встрѣчаемъ и въ сказкахъ параллельныхъ или отчасти родственныхъ предъидущимъ. Въ сказкѣ напр. *сицилійской* разбойникъ; владѣвшій головой вѣдьмы (родъ Синей-бороды и Кощея Безсмертнаго), узнавъ секретъ громадной вши, овладѣваетъ царской дочерью, потомъ заманиваетъ и двухъ сестеръ ея, но погибаетъ отъ третьей (Gonzenbach, *Sicilianische Märchen*, № 22). Въ *румынской* сказкѣ о царской дочери и жеребенкѣ (Schott, *Walachische Märchen*, 171) царь велитъ сдѣлать барабанъ изъ кожъ двухъ вшей и возвѣститъ при звукахъ этого барабана, что онъ отдастъ дочь тому, кто узнаетъ, что это за барабанъ. Секретъ узнаетъ драконъ волшебникъ, но впрочемъ не для себя, а для сына, а царевну спасаетъ родившійся въ одинъ день съ нею конекъ, который и уноситъ ее, переодѣтую мальчикомъ, отъ преслѣдованія дракона. Дальше царевна эта сама похищаетъ для другаго царя красавицу изъ стекляннаго дворца и потомъ, открывъ свой полъ, выходитъ за его сына. Наконецъ въ *хорватской* сказкѣ (графъ и пастухъ у Krauss, *Sagen und Märchen der Südslaven*, т. I, № 63) мотивъ о громадной

вши составляет вступление въ вариантъ исторіи о приобрѣтеніи знатной невѣсты бѣднымъ пастухомъ, который угадываетъ секретъ и потомъ еще преодолеваетъ разныя затрудненія, поставленныя ему отцемъ невѣсты.

Сопоставивъ всѣ эти сказки, видимъ, что большинство ихъ (1—4) прямо принадлежитъ къ одной темѣ, а именно о людяхъ съ чудесными свойствами. Разработку и распространеніе этой темы по Азіи и Европѣ прослѣдилъ Т. Бенфей въ статьѣ *Das Märchen von den Menschen mit den wunderbaren Eigenschaften, seine Quelle und seine Verbreitung* (въ *Ausland* 1858, №№ 41—45), ясно показавъ, что всѣ сказки этой темы пошли отъ индійской, которая вошла въ сводъ, извѣстный подъ именемъ «*Двадцать пять исторій упыря*» (о объ немъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ). Въ этой индійской сказкѣ Магадева, дочь перваго министра, проситъ отца отдать ее только за такого жениха, который будетъ обладать какимъ либо непревосходимымъ даромъ. Отецъ встрѣчается съ браминомъ, который построилъ повозку, способную летать по воздуху, и обѣщаль ему дочь. Между тѣмъ старшій братъ дѣвушки обѣщаль ее другому брамину, который имѣетъ даръ все узнавать, а мать обѣщала третьему, который способенъ далеко стрѣлять и попадать по одному звуку предмета. Всѣ три жениха сошлись въ недоумѣніи. Ночью злой духъ (ракшаза) унесъ дѣвушку на горы Виндія. Всевѣдущій узналъ, гдѣ она скрыта, стрѣлецъ вызвался убить ракшазу, а владѣлецъ летучей повозки далъ свой экипажъ, на которомъ была привезена дѣвушка. Отецъ недоумѣваетъ, кому изъ трехъ отдать дѣвушку. Упырь, рассказавъ эту басню царю Викрамадтію, спрашиваетъ его рѣшенія; царь присуждаетъ красавицу всевѣдущему: «ибо вѣдѣніе стоитъ выше другихъ свойствъ: усердія, мужества, терпѣнія, силы, мудрости и храбрости».

Въ этомъ рѣшеніи смыслъ *басни*, сложенной индійскими философами. Смыслъ этотъ затемнился въ побѣгахъ басни у другихъ народовъ, у которыхъ она превратилась въ *сказку*, разработавшую фантастическія подробности ¹⁾. Кромѣ того въ дальнѣйшемъ своемъ

¹⁾ Обзоръ новыхъ, опубликованныхъ послѣ статьи Бенфея вариантовъ см. въ примѣчаніяхъ R. Koehler въ сербскимъ сказкамъ въ *Archiv d. Slav. Philologie*, т. V, стр. 37—38.

движеніи на сѣверъ (къ монголамъ, у которыхъ есть она въ предѣлкѣ исторіи Упыря, извѣстной подъ именемъ Шидди Куръ) и на западъ (отъ Ирана до западной Европы включительно) побѣги сказки этой переплелись съ побѣгами другихъ индійскихъ же сказокъ, особенно *сказки о томъ, какъ простой человекъ, ткачъ, сталъ мужемъ царевны, проникнувъ въ ея спальню* въ видѣ бога Вишну на деревянной птицѣ, въ родѣ Гаруды, птицы Вишну (Th. Benfey, Panchatantra, II, 48—56; I, 159—162; изъ прямыхъ побѣговъ этой сказки, изданныхъ послѣ, укажемъ особенно у Садовникова «Сказки и преданія самарскаго края, № 62), а также съ *сказкой о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки, или дающей имъ задачи*, сказкой, которой наиболѣе обстоятельные восточные варианты представляютъ, по нашему мнѣнію, рассказы иранскіе, напр. у Низами, персидскаго поэта XI стол. (изложеніе см. у Hagen, Gesamtabenteuer, № LXIII, примѣч.) и въ «1001 день» повѣсть о китайской царевнѣ Турандоктѣ и ногайскомъ царевичѣ Калафѣ (Les mille et un jours. Contes persans, trad. par Pétis de la Croix, 1845, 118 и слѣд., день 45 и слѣд.; повѣсть эту, какъ извѣстно, предѣлалъ въ XIII в. итальянецъ Гоцци въ драму, которую Шиллеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ)¹⁾. Совокупность этихъ побѣговъ образуетъ обширную группу, весьма распространенную у разныхъ народовъ²⁾. За опу-

¹⁾ Кромѣ этого въ 1001 днѣ есть нѣсколько рассказовъ на тему о царевнѣ, избѣгающей замужества и страшной для жениховъ, наприм. основной рассказъ повѣсти о царѣ Гормозѣ, который проникаетъ къ помрачающей умы царевнѣ въ видѣ шолудиваго садовника (день 121 и слѣд.). Къ этой же, или во всякомъ случаѣ родственной темѣ, должна относиться и повѣсть о Джемшидѣ въ поэмѣ XI вѣка Кересаспъ-Наме, въ которой Джемшидъ, изгнанный Зогакой, женится на дочери кабульскаго царя, которая согласна выйти только за того, кто ее побѣдитъ (Spiegel, Iranische Alterthumkunde, I, 534—555; Mohl, Livre des Rois, I, Préface LXIII). Но поэма эта, напечатанная въ калькутскомъ изданіи Шахъ-Наме (Masam) недоступна намъ, такъ какъ она не переведена на европейскіе языки. Она должна быть очень интересна для сравненія и съ извѣстной исторіей сватовства Зигфрида и Брунегильды, боя Дуная съ Настасіей Королевичной и тѣхъ европейскихъ сказокъ, гдѣ соревнованіе въ загадкахъ замѣнено соперничествомъ въ силѣ жениха (или свѣта) и невѣсты, какъ напр. и въ великорусскихъ сказкахъ у Аванасьева, № 116, 150, въ украинской, у Чубинскаго, т. II, стр. 227—229, у Кулиша, Зап. о ю. Русн, т. II, стр. 61 и слѣд.

²⁾ Изъ богатой литературы этой группы, кромѣ названныхъ выше, мы укажемъ здѣсь только важнѣйшіе варианты или такіе, при которыхъ можно найти другія указанія: Oesterley, Gesta Romanorum, с. 70 (въ русскомъ переводѣ Рим

щеніемъ вступленія о чудесной блохѣ, сказка, записанная г. Франкомъ, принадлежитъ къ тѣмъ побѣгамъ указанной группы, въ которыхъ изображено *униженіе гордой царевны осмѣянными ею женихомъ*. Наиболѣе родственные со сказкой г. Франка побѣги этого рода укладываются, по нашему мнѣнію, въ двѣ разновидности: а) *южноевропейскую*, въ которой особенно развитъ мотивъ, какъ отверженный, переодѣтый женихъ ухитряется (соблазномъ разныхъ чудесныхъ товаровъ) заставить гордую царевну провести съ нимъ ночь, послѣдствіемъ чего и было удаленіе ея изъ родительскаго дома; образцы этой разновидности даетъ неаполитанская сказка (у Базиле день IV, новелла 10, *La superbia castecata*) и сицилійскія

вѣхъ Дѣявій, № 27), Hagen, Gesamtabenteuer №№ 10, 63, 64, Grimm, D. Kinder- und Hausmärchen, № 114, R. Koehler, — примѣчанія къ итальянскимъ сказкамъ въ Jahrbuch f. die Romanische und Englische Litteratur, 1866, 30—36 (тутъ же и еврейскій вариантъ о чудесныхъ братьяхъ) и Gotting-Gelehrte Anzeigen, 1838, 1383—4 (объ итальянско-тирольской сказкѣ, въ которой даже загадки одинаковы съ загадками Турвандоктъ), Gonzenbach, Sicilianische Märchen, №№ 18, 31, 74, Imbriani, La Novellaja Fiorentina, № 26 (Il figliolo del pecorajo), Pitre, Archivio per lo studio delle trad. popolari, I, 57—64, 183—190, Pitre Novelle popolari toscane № 16 (Soldatino), Legrand, Recueil de contes pop. grecs, 39—46 (*La princesse et le berger*), Bladé, Contes p. de la Gascogne, III, 12—22 (*Le navire marchand sur terre*). Нѣкоторыя великорусскія сказки изъ темы о хитрой и разборчивой невѣстѣ (напр. Аванасьева, №№ 116, 131, 132) разсмотрѣны сравнительно съ похожими западными, г. Веселовскимъ въ статьѣ „Повѣсть о Василии королевичѣ златовласомъ чешскія земли и народныя сказки“ (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, т. I, стр. 62—80). Съ разсмотрѣнными г. Веселовскимъ сказками родственны также у Аванасьева варианты № 130 (Елена Премудрая), а ко всей нашей группѣ принадлежитъ и великорусская сказка о Семи Семіонахъ (Аванасьевъ, № 84). Изъ украинскихъ къ занимающей насъ группѣ относятся, кромѣ разобранныхъ здѣсь, у Рудченка, т. II, стр. 78 (Летючій корабель; подобная же въ великорусскомъ переводѣ у Аванасьева, № 83), у Чубинскаго, т. II, стр. 327—229 (Про сильну царевну ср. въ Запискахъ о Ю. Руси Кулиша т., II, стр. 61 и слѣд. въ сказкѣ объ Иванѣ Голикѣ), стр. 265—269 (конецъ сказки Про Сучченка, похожій на Летючій корабель) и 269—278 (Про трехъ бративъ, що ходили до батька на могилу почувать, про царивну, що сидела на шклянній гори, про дурня Терешка, Елена царивна). Изъ этихъ украинскихъ сказокъ „Летючій корабель“ относится къ кругу сказокъ о чудесныхъ людяхъ; другія же интересно сравнить въ одну сторону съ аварской (Schiefner, Avarische Texte, № IV), а въ другую съ № XLIII Contes populaires de Lorraine, Cosquin (ср. тамъ же №№ XI, XI, XII). Отмѣтимъ особо варианты, въ которыхъ тема загадывающей загадки царивны слилась съ темой о дѣвушкѣ, подчиненной злomu

(Ganzonbach, № 18, Pitre, Fiabe, nouvelle i racconti siciliani, № 105) ¹⁾ и б) *среднеевропейскую*, въ которой болѣе, и притомъ своеобразно, развитъ мотивъ наказанія царевны неудачными и унижительными работами; примѣры этой разновидности даютъ бр. Гриммы (№ 52, Der König Drosselbart или Brüsselbart) и Ад. Кунъ (Westfälische Sagen, Gebräuche und Märchen, II, № 17, 251—255, Die drei Bälle, ср. тамъ-же № 13, стр. 239—243, Die drei Bünde ²⁾).

духу, составляющей между прочимъ основу нашего Вія, пошедшую тоже изъ Индіи: армянскій вар. изъ Гекстраузена, Transcaucasia, у Benfey, Panschantantre, I, 445—448; Hahn, Griechische und Albanische Märchen, № 114; Schott, Walach. Märchen, № 21; Чубинскій, т. II, стр. 113—132. Интересное во многихъ отношеніяхъ переплетеніе поэмы о невѣстѣ съ загадками съ темой о кровосмѣшеніи, которая пошла въ новоевропейскихъ сказаніяхъ отъ исторіи Эдипа (тоже съ загадками) отвлекло бы насъ далеко въ сторону, а потому мы ограничимся только его указаніемъ въ сказкѣ ментонской (Romania 1881 г., 244—245) и тосканской (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 183—190). Въ обихъ герой, плодъ кровосмѣшенія, надѣваетъ перчатки изъ кожи своей умершей матери.

¹⁾ Другіе итальянскіе варианты, которыхъ мы не имѣемъ подъ рукою, указаны и отчасти срезюмированы у Гонзенбаха и Питре. Къ итальянскимъ вариантамъ подходитъ и португальскій (Cochlo, Contos pop. portuguezes, 100—102). Изъ итальянскихъ лиорискій (Knust. Ital. Märchen, № 9, царскій сынъ въ видѣ пекаря, въ Jahrbuch f. Roman. und Engl. Literatur., 1866, 349) сильно отклонился отъ своихъ родственниковъ: въ немъ атрофировались детали соблазна царевны, осталось только испытаніе ее бѣдностью, причемъ устранились опыты ея воровства. Это самый цѣломудреннѣйшій и самый гуманный вариантъ.

²⁾ Къ этимъ нѣмецкимъ сказкамъ, особенно къ гримовскимъ, примыкаютъ французскія (Sebillot, Contes pop. de la Haute Bretagne, I, № 23; La daignaise punie и Cosquin, Contes pop. de Lorraine, № 44, La princesse d'Angleterre) и ирландская (Kennedy, Fireside stories of Ireland, II, 114). Первая половина № 17 у Kuhn, а также старонѣмецкое стихотвореніе (довольно скабрёзное) Die halbe Birne (Hagen, Gesammtabenteuer, № X) вяжутъ названные нѣмецкіе варианты съ скандинавскими (Norvegische Volksmärchen, des. v. Asbjörnson und Moe, deutsch v. Bresemann, II, № 15 и Grundtarig, Gamle dans na Minder, III, 1, у г. Веселовскаго). Другая норвежская сказка (Bresemann, II, № 8) вмѣстѣ съ словацкой (Божены Нѣльцовой, Sebraný spisy, VII, 213 и др. у г. Веселовскаго) и № 14 Simrock, Deutsche Märchen, вводящія въ дѣло чудесные предметы, въ родѣ скатерти самобранки, которыми герой приманиваетъ царевну, составляютъ третью разновидность, *стеровоосточную*, которая родственна въ одну сторону съ великорусскими сказками (у Афанасьева, № 136 и 133, у Рыбникова, Пѣсни, т. III, № 57) и съ старорусскою повѣстью о Василии королевичѣ, а въ другую съ исландскою сагой XIV ст. Slagus Saga, которая, по признанію автора, епископа Йона Гельдерсона, сдѣлана по латинскому стихо-

Мы думаемъ, что средневропейская разновидность пошла отъ южной, какъ это видно наглядно на болонскомъ вариантѣ *Brisla in barba* (*Procrignatore*, VII, № 15). Сама же южная разновидность, а также отчасти и третья можетъ быть возведена къ персидской сказкѣ о царѣ Гормозѣ, переодѣтомъ въ *шолудиваго садовника* (пузырь на головѣ) у царицы Резии, которая помрачаетъ умы мужчинъ своею красотою, но потомъ сама прельщена пѣніемъ и пляскою Гормоза, хотя теперь въ 1001 днѣ конецъ этой сказки измѣненъ, прилаживаясь къ другимъ похождениямъ этого царя¹⁾. Переходная форма между сказкой о царицѣ, загадующей загадки или задачи и сказкой объ униженной царицѣ сохранилась, какъ намъ кажется, въ сербской сказкѣ у Караджича (*Српске нар. приповијетке*, № 23; она же у Krausz, *Sagen und Märchen der Südslaven*, I, № 101, ср. тамже, II, № 131), въ которой кромѣ того подробность обращенія неудачливыхъ жениховъ въ овецъ сближается съ эпизодомъ въ заключеніи основной исторіи 1001 дня. Такъ какъ въ то же время другая подробность сербской сказки, подсматри-

---

творенію, найденному во Франціи (*Clarus Saga*, 1879 г. Lund; резюме въ *Romania*, 1879 г., 479 480 и у г. Веселовскаго). Начало саги сходно съ началомъ старонѣмецкаго стихотворенія о царицѣ съ загадками (*Gesammtabenteuer*, № XLIII). Отмѣтимъ кромѣ того, что № 116 (вар. см. у Аванасьева), какъ и украинскія сказки объ Иванѣ Голикѣ, имѣютъ черты родственныя съ сагой, а вариантъ а № 116 сходенъ съ началомъ № 13 у Куна, гдѣ царевну похищаютъ чудесные люди, въ родѣ героев нашего „Летючаго корабля“. Наконецъ въ старонѣмецкомъ стихотвореніи *Der Jung-herr un der treue Heirriech*, въ которомъ рыцарь ѣдетъ съ слугою, какъ въ названныхъ великорусскихъ и украинскихъ сказкахъ и исландской сагѣ, добывать (на турнирахъ) невѣсту, дочь кипрскаго короля, рыцарь, получивъ отъ птицы чудесный камень, летаетъ по ночамъ въ башню къ царицѣ, какъ ткачъ въ Панчатантрѣ. Такимъ образомъ и этотъ сортъ сказаній все таки вращается въ кругѣ названныхъ выше основныхъ темъ всей нашей группы.

¹⁾ Сказка эта отчасти родственна съ темой, распространенной по Азій, отъ Камбоджи и Индустана, и по всей Европѣ, о юношѣ съ чудесными волосами, которые онъ во многихъ вариантахъ прячетъ подъ пузырь, представляя изъ себя шолудивца; подъ конецъ онъ женится на царицѣ, хотя приключеніи его совѣмъ другія (см. сводъ въ примѣчаніяхъ къ № XII у *Cosquin*, *Le prince et son cheval*). Изъ украинскіхъ сказокъ къ этой темѣ принадлежатъ: у Чубинскаго, т. II, I отд., №№ 58 и 59, у Рудченка, т. I, № 48. Впрочемъ старорусскій рассказъ о златовласомъ царевичѣ Василии соединяетъ тему объ униженной царицѣ съ темой о златовласомъ юношѣ, а румынскія сказки о чудесномъ конѣ, которымъ мы займемся далѣе, прямо сближаются съ занимающей насъ группой.

ваніе счастливымъ женихомъ значка на тѣлѣ царевны, встрѣчается въ великорусской сказкѣ (у Аванасьева, № 131; довольно спутано и блѣдно), то слѣдуетъ тѣмъ болѣе думать, что занимающіе насъ побѣги сказки объ униженной царевнѣ отдѣлились отъ побѣговъ сказки о царевнѣ съ загадками еще на Востокѣ ¹⁾.

Что касается до сказки г. Франка, то она, особенно во второй своей половинѣ, гдѣ описывается неудачная торговля царевны, ея служба на кухнѣ и роковой танецъ, близко подходитъ къ нѣмецкимъ вариантамъ. А такъ какъ эти послѣднія пошли отъ итальянскихъ и такъ какъ танецъ царевны мотивируется старымъ нѣмецкимъ обычаемъ танца на знатной свадьбѣ жениха съ кухаркой и невесты съ поваромъ (Kuhn, op. cit.), то слѣдуетъ признать, что галицкая сказка есть побѣгъ нѣмецкой ²⁾. Этотъ побѣгъ, подвинувшись въ Галицію съ Запада, притянулъ къ себѣ начало одного изъ побѣговъ родственной сказки о людяхъ съ чудесными свойствами и о невестѣ съ загадочнымъ насѣкомымъ, зашедшее въ Галичину съ юга.

Подобнымъ же образомъ прицѣпилось это начало и къ легендѣ С. Баронча о Бунякѣ. Мы видѣли, что сказки съ этой странной подробностію (греческая, албанская, итальянская, гасконская, румынская, хорватская) записаны въ мѣстностяхъ, расположенныхъ съ извѣстною правильностію у береговъ Средиземнаго и Чернаго моря, а потому слѣдуетъ предполагать, что эта подробность образовалась и прицѣпилась къ вариантамъ группы сказокъ о претенціозной невестѣ гдѣ нибудь въ бассейнѣ восточной половины Средиземнаго моря. Намъ кажется, что ключъ къ вопросу о томъ процессѣ фантазіи, по которому образовалась эта странная подробность, дають двѣ извѣстныя намъ румынскія сказки о трудной невестѣ.

Первая изъ нихъ (Schott, Walachische Märchen, 153—160, № 13, Die Princessin und der Schweinhirt) даетъ намъ основу уже

¹⁾ Тиролюскій вариантъ (у Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, 436—441. Die drei Raben), слилъ оба мотива, пришедшіе въ эту нѣмецкую область, очевидно, изъ Италіи.

²⁾ Замѣтимъ также, что редакция сказки г. Франка пропускаетъ общій итальянскимъ и нѣмецкимъ вариантамъ мотивъ предварительнаго осмѣянія царевной героя и черезъ то плохо мотивируетъ его переодѣванье.

известныхъ намъ сказокъ о претенціозной царевнѣ, но только съ своеобразной переработкой подробностей. Здѣсь царевна, имѣя волшебное зеркало, соглашается выйти только за того, кто спрячется отъ нея такъ, что она не найдетъ его. Свинопасъ, при помощи благодарныхъ животныхъ, прячется разъ въ облакахъ, въ другой разъ въ морѣ. но царевна находитъ его. Наконецъ онъ идетъ въ лѣсъ, гдѣ и встрѣчаетъ великана; этотъ помогаетъ ему, превративъ его въ розу, которую продалъ царевнѣ и воткнулъ ей въ волоса. Зеркало не могло открыть секрета, и царевна должна была выйти за свинопаса ¹⁾. Въ другой сказкѣ (тамже, 184—193, № 17, Iuliana Kosseschana) приобрести трудную невѣсту помогаетъ царевичу чудный конь. Тутъ самъ отецъ дѣвушки царь и волшебникъ и предлагаетъ жениху прятаться, при чемъ *поднимаетъ себѣ глаза* (очевидно вѣки) *костылями*, напоминая этимъ нашего Вія-Буняку. За третьимъ разомъ конь прячетъ царевича въ голову самому волшебнику, но уже не въ видѣ цвѣтка, а въ видѣ ши ²⁾. Мы думаемъ, что такого рода подробность въ дальнѣйшемъ своемъ

¹⁾ Интересно, какъ здѣсь прежній похититель невѣсты, ракшаза индійской сказки, дивій великанъ (Uogco) неаполитанской, обратился въ помощника жениху. Такъ точно въ датской сказкѣ „лѣсной великанъ“ помогаетъ принцу, переодѣтому садовникомъ, выиграть царевну побѣдами на турнирахъ (Grundtwig, Dänische Volksmärchen über v. Leo, 228—252, Der Waldmensch). Въ сербской сказкѣ (Караджичъ, № 27) великанъ появляется неизвѣстно зачѣмъ; въ лотарингской сказкѣ (у Cosquin № 43) выведено уже три великана, которыхъ убиваетъ герой-пастухъ и которыхъ оружіе онъ пускаетъ въ ходъ на турнирѣ. Любопытно видѣть, какъ фантазія сказочниковъ, при всѣхъ своихъ произвольныхъ полетахъ, все таки держится разъ пущенныхъ въ оборотъ образовъ.

²⁾ Передъ этимъ эпизодомъ царевичъ долженъ прятаться отъ сестры царя волшебника, и конь, превративъ его въ вошь, прячетъ его межъ своихъ зубовъ. Очевидно, что это удвоеніе мотива, не совсѣмъ ловкое, которое часто встрѣчается въ сказкахъ, особенно черезъ слитіе двухъ вариантовъ. Интересно видѣть, какъ *измѣняется образъ прятанія по мѣрѣ удаленія вариантовъ отъ Чернаго моря*: у трансильванскихъ нѣмцевъ женихъ прячется еще въ волосахъ царевны въ видѣ морскаго залчика (Halbrich, D. Volksmärchen aus den Sachsenlande in Siebenbürgen, 3 Ausg, № 39), въ хорутанской сказкѣ (Valjavec, Narodne pripoviesti, 77—78) онъ прячется въ волосахъ у кобылы, въ великорусскихъ—въ одномъ въ книгу въ видѣ булавки, въ другомъ просто за зеркаломъ (Аванасевъ, № 130), а въ третьемъ подъ кровать (Рыбниковъ, Пѣсни, т. I, стр. 452). Въ то же время въ греческомъ вариантѣ проявляется юмористическое настроеніе, и женихъ прорывается подъ землю до стула царевны и колетъ ее булавкой въ задъ, пока

развитіи дала поводъ къ образованію мотива о чудовищномъ насѣ-комомъ, которое царь или дочка его выставили на загадку женихамъ, и этотъ мотивъ сдѣланъ началомъ нѣкоторыхъ побѣговъ сказки о претенціозной царевнѣ¹⁾. Начало легенды С. Баронча о Бунякѣ есть, очевидно, отрывокъ подобнаго побѣга, который, по нашему мнѣнію, связался съ легендой о сокрытомъ въ землю царевичѣ совершенно случайно. Поводомъ къ этой спайкѣ могла послужить какая нибудь черта въ первоначальномъ украинскомъ вариантѣ, въ родѣ подробности греческаго и албанскаго варианта, въ которомъ чудовищный женихъ названъ дьяволомъ и уносить царевну подъ землю. Образъ же діавола привелъ за собою имя Буикка, который, какъ мы видѣли уже и какъ увидимъ еще, отождествляется въ нашихъ народныхъ преданіяхъ съ чортомъ.

Такимъ образомъ спайка всего вступленія легенды С. Баронча съ самой легендой кажется намъ совершенно случайною, механическою и ужъ конечно не имѣющею никакого отношенія къ историческому Буняку. Замѣтимъ въ заключеніе, что и имя героини Елены не должно имѣть тоже никакого реальнаго, историческаго значенія, а представляется намъ просто сказочно-эпическимъ именемъ Елены (отголоскомъ Елены гомерической), которое и сохранилось въ со-

она разыскиваетъ его въ волшебное зеркало (Налип, I, № 61). Тутъ еще разъ видимъ, что сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ вовсе не съ племеннымъ родствомъ народовъ (какъ было бы, если бы сказки были общимъ достояніемъ племенъ въ древности), а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ.

¹⁾ Въ подтвержденіе нашего предположенія о подобномъ образованіи занимающаго насъ теперь побѣга исторіи о невѣстѣ съ загадками, мы укажемъ еще на одну курьезную редакцію ея, какую находимъ въ гасконской сказкѣ у Bladé, Contes pop. de la Gascogne, II, 116 — 124. Le rou. Здѣсь дѣвушка, дочь мельника, думаетъ о женихѣ; въ эту минуту является нищій, получаетъ милостыню и говоритъ ей, что она останется довольной. Но вслѣдъ затѣмъ показывается изъ дула дерева злой духъ Sagoloni dors и говоритъ ей, что онъ позаботится найти дѣвущкѣ жениха. Вечеромъ онъ приноситъ вошь и говоритъ дѣвущкѣ, что это ея женихъ, который останется таковымъ всю жизнь, если она черезъ три дня не угадаетъ, гдѣ онъ, духъ, спрячетъ три волосинки, которыя онъ возьметъ у ея головы. Вошь влазитъ дѣвущкѣ въ ухо и совѣтуетъ подчиниться, потомъ прячется въ голову злаго духа, высматриваетъ его спрты и, влѣзши затѣмъ въ ротъ дѣвущки, отвѣчаетъ на всѣ вопросы демона. При всей странности обработки и группировки подробностей этой сказки, все таки очевидно, что всѣ онѣ взяты изъ тѣхъ средиземноморскихъ сказокъ, которыми мы сейчасъ занимались.

ответственныхъ сказкахъ великорусскихъ и украинскихъ (см. выше указаніе на Аванасьева и Чубинскаго) и которое слѣдуетъ видѣть и въ румынской Юліанѣ.

IV.

Сказаніе о людодѣ Бунякѣ и его секретѣ. Извращеніе его у польскаго хрониста Юзефовича и за нимъ у Энгеля и Костомарова. Древнія черты въ вариантѣ Юзефовича. Объясненіе сказанія у гг. Голубовскаго и Халанскаго. Его сходство съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ Куръ и классической сказкой о Мидасѣ. Побѣги послѣдней въ Греціи, Сербіи, странахъ кельтическихъ и въ Азіи. Вопросъ о происхожденіи и распространеніи сказокъ о Мидасѣ. Новоазіатскій источникъ нашего преданія о секретѣ Буняка. Его спеціальныя особенности. Отношеніе къ сказкамъ о Костіѣ. Заключение: объ интернаціональномъ характерѣ нашихъ народныхъ преданій о Бунякѣ.

Въ сводѣ «малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ» г-на Драгоманова (стр. 224—226) напечатаны еще двѣ легенды о Бунякѣ, записанныя на Волини. Вотъ онѣ:

А) *Буняково замчище и Настина могила*. Про це замчище багато де чого розказують. Найлучче, якъ бы вы спиталися у нашого добродія; у ёго тамъ у церковнихъ записахъ, кажуть, е переписано про все: и коли ти валы повысылувани и хто тіи мури муровавъ, що теперъ одъ ихъ тильки цегла та каминячки валяються,—про все тамъ е. То, бачите, инши говорять, що тамъ колись мисго було, нибы на тому городищеві; говорять, що и церква була и що тую-бъ то церкву перенесено въ Деревичи. Ще розказують (хто ёго зна, чи воно казка, чи що, такъ стари люди розказують, то й я за ними), що нибы колись давно, давно сидивъ у тому городищеві якійсь лицарь, звався вінъ Шолудивый Буняка. И бувъ той лицарь не абы який, навить и тиломъ не такій, якъ повинно бути людзини; мало того, що страшенно великій, ще, выбачайте, у ёго печинки й легке то були на верси, отакъ отъ и стремили за плечима, такій то неподобный бувъ той Буняка! Ну, живъ вінъ сбли у городищеві, и дуже ёго вси боялись; найстрашнійшій же вінъ бувъ ось черезъ що: ѓвъ людей. Отакъ таки справди ѓвъ; оце кажуть, звелить було, щобъ ёму привели що найкращого хлопця, та визме та и ззисть. И такъ кожного: що приведуть, то й зитне, то й зитне. Багацько позбавлявъ Буняка такимъ способомъ людей,

але жь таки и ёму добра причина сталася! Пришла, бачите, черга ити въ замчище, тобь то на убий, якомусь то тамь хлопцеви (бо то хлопцевъ тихъ по черзи брали и постачали Буняци). А въ того хлопця була тилько мати, батько не давно вмерь. Отъ та бидна мати плаче вже, плаче, та побивається, що никому порятувати хлопця. А якъ ёго вырятувати? Плакала та жинка, плакала, а дали щось то їй пришло на думку, перестала побиватися, розважилась и просить тильки людей, тихъ, що мали вести хлопця до Буняки, щобъ зачекали годиночку, поки вона щось зготуе сынови на остатню дорогу. Ти кажуть: добре. Отъ чекають; а вона взяла, пишла, нациркала у себе зъ грудей покорму, замисила зъ того покорму тиста, спекла перижкивъ, та даючи ихъ своему хлопцеви й каже: «на жь, сыну, оци тоби перижки, та осьь що зъ ними зроби: якъ прыйдешъ до Буняки, то конешне пидведи его, щобъ винь хоть одного перижка зживь; отцимъ ты маешъ вызволитися, бо якъ Буняка наисться монхъ перижкивъ, то вже тебе не займе, для того, що вважатиме тебе за брата (то бь то черезъ ии покормь).

Ну, той хлопецъ такъ и зробивъ: якъ прыйшовъ у замчище, то умисне и ставъ такъ їсти материни перижки, щобъ Буняка побачивъ. Той побачивъ, тай питається: «що се ты їси?»—«Це каже, мини мати дала, выряжаючи въ остатню дорогу».—«А дай лишъ, каже Буняка, покоштувати, що тамъ воно таке!» Хлопецъ отдавъ ему перижки, а той и поивъ ихъ. Якъ же наився Буняка тихъ перижкивъ, заразъ и почувъ, яка въ ихъ заправа була. «Ну, каже, хлопче, дякуй свой матери, що такъ мудро вхитрувалася: теперь ты еси вызволенный видь смерти, не могу бо я тоби того лиха заподїяти, черезъ те, що ты стався мени братомъ».

Отъ той хлопецъ уже такїй радїй, такїй радїй, неначе справи въ друге на свить народився! Ото жь хотивъ бувъ по тїй розмови мерщїй до дому бигти, а потимъ роздумався и не побигъ заразъ: «останусь лишъ я, каже самъ соби, на якїй часъ тутъ ще; я, мовлявъ, теперь безпечный, Буняка мене не ззисть, а тымъ часомъ зробию осьь що: заподїю нашому ворогови таке, щобъ винь не тильки мене, але и никого бильше не мигъ безвременно на той свить заганяти!» Ото и зостався при Буняци; у ночи Буняка заснувъ, а той хлопецъ мерщїй до ёго въ хату, пидступився нищечкомъ до лижка, та черкъ ножемъ и видтявъ Буняци печинки

(вони жъ, бачите, на верси були). Якъ видтявъ, Буняка заразы и пропавъ! ¹⁾).

Б) Въ сѣму миропильскому займищи, отъ що зовуть *Буняко-сымъ*, въ гору по Случи, за мистечкомъ у лиси, живъ колись то давно поганый Буняка, ворожбигъ татаринъ. Коло того займища давно колись бувъ перевизъ черезъ Случь и йшовъ шляхъ на Бердичевъ; того лиса, що навкруги ёго теперечки росте, зовсімъ не було. Огъ той Буняка дуже любивъ Настю, тутешню таки дивку, чи молодыцю, и взявъ ии до себе за жинку. А вона ёго не любила. Та ще якъ стала зъ нимъ жити, то й доглядилася, що у его печинки на верси, такъ просто за плечима, и побачила вона, що то винъ не абы зъ кимъ знається.

Отъ та Настя якось одкрасяся, тай утекла отъ Буняки; а винъ доганяти! Наздогнавъ ии у степу, що теперь за Миропильямъ, туда до Гордїевки, вговорюе вернутися, а вона каже, що черезъ те и те не хочу. Тоди Буняка бачить, що вона про ёго усе знае, та й убивъ ии. Ота жъ сама Настя сказала була, щобъ на ии кошть поставили у степу корчму. То отъ, де ии вбито, высыпали могилу, такъ вона и зветься Настина могила, а на степу за Миропильемъ постановили корчму, вона и теперь стоитъ и тежъ зветься Настиною ²⁾).

Вторая изъ эгихъ легендъ, очевидно, передана неполно и потому не совсѣмъ ясна. Кажется, она относится къ одному кругу съ тѣми частями разработанныхъ въ предъ идущей главѣ преданій, которыя ставятъ Буняка въ конфликтъ съ женщиной ³⁾. Мы отказываемся отъ дальнѣйшаго обсуждения этого рассказа впредь до нахождения другой, болѣе полной его редакціи, отмѣтивъ изъ него только подробность о «печинкахъ на верси», которая сближаетъ его съ первой изъ приведенныхъ сейчасъ легендъ, интересной во многихъ отношеніяхъ.

¹⁾ Слышала Ольга Косачева отъ крестьянина села *Деревичи*, новогродовлянского уѣзда.

²⁾ Слышано отъ крестьянина въ мѣстечкѣ *Миропилья* и передано Ольгой Косачевой.

³⁾ Подобно царицѣ Еленѣ въ вар. Баронча, и имя Насти въ этомъ вариантѣ должно быть тоже эпическимъ. *Настасья Прекрасная* въ нашихъ, какъ и въ великорусскихъ, сказкахъ замѣняетъ собою Елену Прекрасную (см. Драгоманова, Малор. нар. преданія и пр., 286, 299, Чубинскаго, II, 308, Аеаиасьена, №№ 178, 179 и др.).

Эта легенда еще раньше была изложена Костомаровымъ въ рассказѣ о возстаніи волынской черни во время Богдана Хмельницкаго въ 1648 г. «Злодѣянія волынскихъ возстанцевъ, говоритъ нашъ знаменитый историкъ, остались въ народной памяти и теперь въ дико-фантастическомъ образѣ Шолудиваго Буняка: это имя древняго хана половецкаго преданіе помѣстило въ эпохѣ Хмельницкаго. Говорятъ, что такъ назывался начальникъ одного загона: онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лице, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяць ходилъ въ баню и бралъ съ собою козака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не рассказалъ, кто онъ такой... Пришла очередь пойти одному козаку, котораго мать была колдунья: она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ и тотъ догадался, когда съѣлъ его. «Ты ушелъ отъ смерти: я теперь братъ твой, потому что мы питались отъ груди одной матери, но я погибъ». Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что слышалъ, и Шолудивый Бунякъ погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волынскихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто бы погребенъ Бунякъ. Злые духи гнѣзятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни. Въ такихъ то фантастическихъ образахъ перешла къ потомству страшная эпоха возстанія козаковъ»¹⁾.

У Костомарова послѣ этихъ словъ стоитъ ссылка: «Gesch. der Ukraine von Engel, 156». Но обращаясь къ тексту Энгеля (*Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken wie auch des Königreich Halitsch und Wladimir, Halle, 1796, 155—157*), мы не находимъ никакого указанія на курганъ Буняка; очевидно, это указаніе взялъ Костомаровъ изъ другаго источника, быть можетъ, изъ собственныхъ воспоминаній о поѣздкахъ по Волини. Въ самомъ текстѣ Энгеля исторія Буняка рассказана нѣсколько подробнѣе и сопровождается интересными для характеристики современныхъ автору историко-критическихъ пріемовъ соображеніями. «Съ большимъ основаніемъ,

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, изд. 1884 г., т. I, стр. 342.

говоритъ нѣмецкій историкъ, обвиняють Хмельницкаго польскіе писатели въ томъ, что онъ поддавался недостаткамъ козацкой толпы, пьянству и гаданіямъ. На сколько послѣднее, вмѣстѣ съ всяческими другими суевѣріями, было въ ходу у грубыхъ козацкихъ воиновъ, показывается случай при осадѣ Замосця» (здѣсь Энгель рассказываетъ случай съ неудачнымъ пусканіемъ ракеты, который козаки поняли такъ, что «теперь не ихъ доля»). «Но характернѣе и страшнѣе, продолжаетъ онъ, преданіе, которое идетъ отъ времени Хмельницкаго и его военныхъ товарищей Кривоноса, Небабы, Нечая, Гладкаго и т. д. и которое сохранилъ Юзефовичъ (внизу Энгель цитируетъ *Annales revolutionum Regni Poloniae et rerum notabilium civitatis Leoburgicae ab an. 1614—1700*, а *Joh. Thoma Josefowicz, canonicus Leop. et saet.*): жилъ де нѣкогда, рассказываютъ старыя козаки передъ теплою печкою въ долгіе зимніе вечера своимъ дѣтямъ, въ главное время войнъ ихъ отцовъ съ польскою шляхтою, герой, по имени Шолудивый (*Solodiwi*) Бонякъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, съ паршивою головою, отъ которой онъ носилъ и имя, но знаменитый по своей ненависти противъ поляковъ и по тѣмъ могиламъ, которыя онъ имъ приготовилъ на Украинѣ, которые и въ позднѣйшее время назывались холмами (могилами) Шолудиваго Буняка и которыя быстро доставили ему званіе атамана. Этотъ человѣкъ, котораго не брала никакая пуля, былъ никто другой, какъ воплощенный сатана въ человѣческомъ видѣ. Ничего у него не было подобнаго съ обыкновенными сынами земли, кромѣ лица, рукъ и ногъ, но вмѣсто туловища онъ имѣлъ только страшные потроха внутри голаго скелета». Дальше идетъ рассказъ, который передалъ Костомаровъ; наконецъ поляки, «при помощи религіозныхъ заклинаній», убили Буняка. Но духи до сихъ норъ гнѣздятся въ домахъ и замкахъ, въ которыхъ онъ жила. «Изъ этого видно, заключаетъ Энгель, что нѣкоторые удалцы поджигали козаковъ прогивъ поляковъ, даже распуская слухъ о своей неуязвимости, а когда они все таки умирали, то люди умѣли поддерживать вѣру въ эту неуязвимость разными баснями».

Какъ видимъ, сынъ «философскаго вѣка» усиливался рационализировать басни, когорымъ вѣрила «толпа». Но вмѣсто того историку слѣдовало бы обратить рационализмъ на критику самого

текста польскаго писателя, у котораго онъ нашель басню о Бунякѣ, что мы сами сейчасъ и сдѣлаемъ.

Манускриптъ Юзефовича мы имѣемъ въ польскомъ переводѣ ¹⁾, а въ немъ на стр. 266—268, подъ 1648, а не 1663 годомъ, въ описаніи похода короля Яна Казимира на Украину, во время смутъ при Юріѣ Хмельницкомъ (а не Богданѣ), находимъ исторію Буняка въ такомъ видѣ: «Во время этого похода, или, можетъ быть, во время другихъ, немного давнѣйшихъ (!) палъ, какъ говорятъ, въ борьбѣ съ нашими и предводитель козаковъ, Шолудивый Буняка, величайшій непріятель поляковъ и поджигатель ненависти къ нимъ, страшилище, по всему дьяволъ въ человѣческомъ видѣ. А такъ какъ имя его очень извѣстно на Украинѣ, и много могилъ насыпано на Полѣсьи, къ Кіеву, покрытыхъ лѣсами сосновыми и дубовыми, которыя носятъ его имя, то думаю не будетъ нестати, если я расскажу о немъ слѣдующую повѣсть, которая и до сихъ поръ держится у козаковъ, какъ найправдивѣйшая исторія... Нѣкоторые козаки рассказываютъ, что Шолудивый Бонякъ, названный такъ ради паршивой головы, прибылъ неизвѣстно откуда, къ непріязненнымъ Польшѣ козакамъ и тѣмъ самымъ приставши къ войску, такъ отличился жестокостями не только противъ поляковъ, но и противъ козаковъ (!), что въ скоромъ времени выбранъ былъ начальникомъ послѣднихъ. Этотъ злодѣй ходилъ разъ въ мѣсяць купаться и всегда бралъ съ собою одного изъ ряда реестровыхъ воиновъ, котораго самъ же послѣ купанья убивалъ, для того, чтобы этотъ не рассказалъ, что онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей, не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ, или на картинахъ представляющихъ смерть». Рассказавъ дальше извѣстную намъ уже исторію съ коржикомъ и про смерть Буняки, прежде неуязвимаго, каноникъ заключаетъ: если это не можетъ быть принято за правду, хотя козаки вѣрятъ въ подобныя чары, то пусть оно послужитъ читающимъ хоть для развлеченія. Достойно однако вниманія, что, какъ говорятъ, всѣ тѣ

---

¹⁾ Kronika miasta Lwowa 1634—1690 napisana wspólnie w języku Łacińskim przez X. J. Tomasza Józefowicza, teraz przełożona przez M. Piwackiego, Lwów, 1854.

мѣста, въ которыхъ этотъ Бунякъ проживалъ, страшны и не безопасны для людей и потому до сихъ поръ должны оставаться необитаемы. Пусть вѣрять, кто хочетъ, раскащикамъ. Нѣкоторые думаютъ, что подъ именемъ Шолудиваго Буняка разумѣется Болеславъ храбрый, наиболѣе отличившійся въ тѣхъ сторонахъ польскій король».

Сравнивая тексты Юзефовича, Энгеля и Костомарова, мы наглядно видимъ, какъ новые историки поддались вліянію польскаго хрониста, первый, желая представить типическія суетвѣрія «грубыхъ людей», а другой—усмотрѣть поэтическое отраженіе исторической дѣйствительности въ народной фантазіи. Изъ разсказа Юзефовича вовсе не видно, что «народное преданіе помѣстило имя древняго половецкаго хана въ эпохѣ Хмельницкаго», а видно, что *имя это и прицѣпившійся къ нему сказанія приязывались къ разнымъ урочищамъ (въ томъ числѣ и старымъ могиламъ) и временамъ*, и что разные люди, конечно грамотѣи, а вовсе не народъ, усматривали подъ этимъ именемъ разные личности, отъ Болеслава Храбраго до начальника козацкихъ загоновъ, при чемъ первые были вѣроятно русины, а вторые поляки. Полякъ Юзефовичъ охотно помѣстилъ Буняку въ козаки, не замѣтивъ даже противурѣчія въ томъ, что его преданіе дѣлаетъ Буняку учителемъ и козаковъ; при этомъ онъ все таки не рѣшается окончательно опредѣлить эпоху дѣятельности и смерти своего героя и, ставя смерть его подъ 1663 г., прибавляетъ: «а можетъ быть и ранѣе». Сравнивъ же разсказы Юзефовича съ легендою, слышанною г-жею Косачевою «изъ устъ народа» и переданною безъ всякой тенденціи, мы видимъ, что преданіе о Бунякѣ не имѣетъ ничего общаго съ козацкой эпохой, и потому уже, конечно, существовало у него раньше ея, въ томъ почти видѣ, въ какомъ оно существуетъ и теперь и въ какомъ разсказывалось и во время Юзефовича, разсказъ котораго, если отбросить отъ него наивную, хотя и тенденціозную историзацію польскаго хрониста, въ основѣ почти одинаковъ съ варіантомъ г-жи Косачевой.

Впрочемъ между обѣими редакціями есть и отличія, довольно интересныя для естественной исторіи развитія этой и подобныхъ тѣмъ. Такъ редакція Юзефовича ничего не говоритъ о людодѣствѣи и въ тоже время не дѣлаетъ сына вдовы прямымъ убійцей Буняка,

а дѣлаетъ смерть послѣдняго фатальнымъ послѣдствіемъ открытія его тайны. Редакція Юзефовича, по времени записи, болѣе старая, и уже по этому можно предположить, что она прочтѣе сохранила типическія черты сказанія. Но это предположеніе подтверждается, какъ увидимъ дальше, и сравненіемъ нашего сказанія съ родственными ему иностранными.

Вышеприведенное сказаніе обратило на себя вниманіе и другихъ нашихъ ученыхъ, кромѣ Костомарова. Одинъ изъ нихъ, г. Голубовскій въ сочиненіи «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ» (III, Дополненіе) строитъ по поводу его слѣдующую теорію роста подобныхъ сказаній.

«Въ 20 того же мѣсяца день пятокъ, въ часъ 1 дне, приде *Бонякъ* безбожный *шолудивый*, отай, хищникъ, Къеву...», такъ рассказываетъ лѣтопись объ одномъ смѣломъ нападеніи этого хана на Кіевъ. Народная фантазія разукрасила его образъ и придала ему чудовищныя черты. Онъ жилъ въ этомъ городищѣ и ѣлъ людей, которыхъ ему доставляли по очереди... Ханъ половецкій, Бонякъ Шолудивый, никогда не жилъ тамъ, куда приурочено его имя народнымъ преданіемъ. Но это сказаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ съ теченіемъ времени наслаиваются новыя и новыя подробности на первоначальную основу преданія и какъ самый образъ дѣйствующаго лица постепенно измѣняется въ народной памяти, теряя свои оригинальныя черты, обобщаясь, получая чудодѣйственную окраску. Народъ помнилъ о существованіи страшнаго врага своихъ предковъ, увидившаго при своихъ нападеніяхъ плѣнныхъ, которые по большей части навсегда были потеряны для родной земли,—онъ ихъ съѣдалъ. Съ поколѣніями все болѣе и болѣе стусеиваются дѣйствительныя черты бывшей жизни и событій давно минувшихъ, исчезаетъ память о томъ, что нѣкогда велась борьба съ врагами, о томъ, какъ она велась. Остается только ясное воспоминаніе, что существовалъ нѣкогда врагъ, уничтожавшій населеніе, поѣдавшій его; населеніе не могло съ нимъ справиться, стало быть, этотъ врагъ обладалъ какой то чудодѣйственной силой. На такой стадіи развитія народное преданіе не останавливается. Разработка его идетъ у народа далѣе; наслоенія и обобщенія все далѣе растутъ. Теряется самое имя врага; стусеиваются послѣднія оригинальныя

черты лица (все равно, будетъ ли это цѣлый народъ или отдѣльный человѣкъ) и событій; память о борьбѣ съ врагомъ сливается все болѣе и болѣе съ памятью о доисторической борьбѣ съ силами природы, которыя олицетворены уже у народа въ образъ великановъ и змѣевъ. Подъ этими общими образами являются потомъ и всѣ враги, по большей части, цѣлыя племена, съ которыми приходилось долго и кроваво бороться осѣдлому населенію. Въ такомъ видѣ преданіе переходитъ въ былинѹ».

Всѣ эти соображенія, которыя характеризуютъ цѣлое, болѣе или менѣе господствующее теперь, направленіе въ средѣ изслѣдователей нашего народнаго быта и исторіи, были бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы изслѣдователь допустилъ, въ числѣ наслоекъ на остатки первоначальнаго воспоминанія объ извѣстномъ историческомъ событіи или лицѣ, и *наслойки образовъ, возникшихъ со-всѣмъ не въ той странѣ, гдѣ имѣло мѣсто это событіе, гдѣ дѣйствовало это лице, т. е. наслойки сказаній чуженародныхъ*. Но, очевидно, г. Голубовскій, стоя на точкѣ зрѣнія объ исключительно почвенномъ, національномъ происхожденіи народныхъ сказаній, вовсе не имѣлъ въ виду даже возможности наслоекъ такого рода ¹⁾. Эту возможность предположилъ въ данномъ случаѣ Халанскій въ книгѣ «Великорусскія былины кіевскаго цикла» (Варшава, 1885, 34—37), только ему не удалось попасть на настоящую дорогу въ поискахъ за оригиналами нашей легенды о Бунякѣ. Г. Халанскій сравнилъ эту легенду съ сказаніями пятигорскихъ татаръ и другихъ сосѣднихъ съ ними кавказскихъ племенъ о бо-

¹⁾ Вслѣдъ за выше приведеннымъ построеніемъ эволюціи сказки о Бунякѣ, г. Голубовскій подобнымъ же образомъ конструируетъ образованіе на національно-исторической почвѣ сказокъ о Кожемякѣ, не смотря на то, что интернациональный характеръ этихъ сказокъ былъ указанъ въ русской литературѣ въ статьѣ г. Буслаева „Клинообразныя надписи Ахеменидовъ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1873 г., декабрь, стр. 722—725 и въ примѣчаніи къ украинскому сказанію Илья Швецъ и змій, въ Малорос. народн. преданіяхъ и разсказахъ М. Драгоманова, стр. 249. Количество параллелей можно увеличить гораздо болѣе. На основаніи всѣхъ ихъ намъ кажется, что родину сказанія слѣдуетъ признать и въ этомъ случаѣ въ Иранѣ, а не въ Вавилонѣ, какъ думаетъ г. Буслаевъ. На Вавилонъ только перенесли иранцы мѣсто жительства своего змія въ послѣдствіи, а отъ нихъ приняли эту локализацию евреи (апокрифъ о Данилѣ).

гатыряхъ-*нартахъ* и чудовищныхъ женщинахъ великанахъ, *Эмегенахъ*, особенно съ сказаніемъ о женитьбѣ нарта Алаугана на дочери Эмегены. Богатырь спасъ себя отъ Эмегены тѣмъ, что, подкравшись сзади, пососалъ закинута на спину груди великанши и такимъ образомъ сталъ ея молочнымъ сыномъ¹⁾. Г. Халанскій приводитъ также подобную же подробность въ аварской сказкѣ, а также кавказскіе обычай усыновленія и заключаетъ: «по этому намъ кажется, что малорусское преданіе о Шелудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліаніемъ кавказскихъ и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ».

Между тѣмъ гораздо большее сходство съ нашимъ преданіемъ о Гунякѣ представляетъ одно изъ сказаній, вошедшее въ монгольскую книгу Шидди-Куръ²⁾. Книга та есть передѣлка индійской *Vetala pancha vincati* (26 рассказовъ упыря), составленная по всей вѣроятности при посредствѣ тибетской редакціи первоначальнаго индо-буддійскаго оригинала, до сихъ поръ еще ученымъ неизвѣстной³⁾.

1) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ 1881 г., т. I, II, стр. 8—10. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою этого изданія.

2) Оставляя параллель г. Халанскаго для другой, какъ увидитъ читатель, болѣе близкой, мы замѣтимъ, что изображенный въ приводимыхъ г. Халанскимъ кавказскихъ сказаніяхъ способъ обезоруженія чудовищной женщины не составляетъ исключительной принадлежности кавказскихъ преданій. Мы встрѣтили, напримѣръ, въ сѣверо-африканской сказкѣ кабилловъ, чрезвычайно подходящей и къ европейскимъ сказкамъ о трехъ братьяхъ и о добываніи младшимъ жаръ-птицы, коня и чудесной дѣвушки, такое-же самое обезоруженіе (Riviere, Recueil de contes populaires de la Kabylie du Djurdjura, 239). Въ то же время мы встрѣчаемъ въ великорусской сказкѣ того же круга образъ бабы-яги, которая лежитъ въ избушкѣ, „нзъ угла въ уголь ноги уперла, титьки черезъ грядки ви-сятъ“ (Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, стр. 32). Очевидно, что родины остановившихъ на себѣ вниманіе г. Халанскаго кавказскихъ обрядовъ, какъ, добавимъ, и всей русской бабы-яги, въ которой многіе наши ученые видятъ существо древнеславянскаго Олимпа, надо искать даже не на Кавказѣ, а дальше на Востокѣ.

3) Основой индійской книги служитъ исторія о томъ, какъ царь Викрамадитія, по просьбѣ коварнаго *йом*, колдуна, отправляется принести трупъ, висящій на деревѣ, на мѣсто волхвованій, имѣющихъ цѣлью пріобрѣтеніе *siddhi*, т. е. высшихъ совершенствъ (въ томъ числѣ пріобрѣтенія способности дѣлать золото). По дорогѣ царь долженъ молчать, но трупъ рассказываетъ ему исторію и предлагаетъ замысловатые вопросы, на которые царь, не утерпѣвъ, отвѣчаетъ, послѣ чего трупъ всякій разъ уходитъ на старое мѣсто. Подъ конецъ трупъ,

Въ 22-ой главѣ монгольской редакціи трупь рассказываетъ герою (здѣсь царевичу Сайнъ Амулучану) слѣдующую исторію: «Нѣкогда давнымъ давно жилъ въ странѣ чернокитайской, на востокѣ Индія, царь, по имени Дангбонгъ, у котораго былъ сынъ. Этотъ сынъ не показался народу ни разу съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престоль. Каждый день онъ бралъ изъ народа красиваго мальчика и послѣ того, какъ этотъ причесывалъ ему волосы, убивалъ его. Въ теченіе многихъ лѣтъ такъ перебилъ онъ много молодыхъ людей, когда наконецъ дѣло дошло до сына одной старухи. Когда очередь расчесывать волосы царю пала на этого юношу, мать его опечалилась мыслью о его смерти. Она надѣла сыну новое платье, замѣсила въ тѣсто муку молокомъ изъ своей груди и сдѣлала хлѣбцы, которые спрятала ему за пазуху съ такимъ наставленіемъ: «когда будешь причесывать волосы царю, постарайся ѣсть эти хлѣбцы, то онъ тебя не убьетъ». Мальчикъ пошелъ къ царю и когда сталъ расчесывать ему волосы золотымъ гребнемъ, оказалось, что у царя ослиныя уши. Тутъ была причина, почему царь убивалъ мальчиковъ, такъ какъ онъ боялся, что они расскажутъ объ этомъ народу. Пока мальчикъ чесалъ волосы царю, онъ ѣлъ свои хлѣбцы. Царь спросилъ: «это что такое?»—«Рисовые хлѣбцы!» отвѣтилъ мальчикъ.—«А дай мнѣ», попросилъ царь; тотъ подалъ царю хлѣбецъ. Съѣвши, царь сказалъ: «запахъ и вкусъ мнѣ нравятся, что тутъ за примѣсъ?» Мальчикъ отвѣчалъ: «моя мать замѣсила это молокомъ своей груди и дала мнѣ».—Тогда царь по-

---

прельщенный мудростію и доблестію Викрамадити, отерываетъ ему опасность, угрожающую ему отъ йоги; царь убиваетъ послѣдняго и самъ овладѣваетъ совершенствами. Книга переведена, или, лучше сказать, передѣлана на разные языки Индіи, и изъ этихъ передѣлокъ нѣсколько переведены на новые европейскіе языки. Изъ санскритской редакціи Сивидасы части переведены по нѣмецки Бракгаузомъ (*Berichte der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft*, 1853, 281—306) и Лубертомъ (*Der Vetälapançavinçati*, Göez, 1875). Полный переводъ другой санскритской редакціи, внесенный въ огромный сборникъ сказокъ Сомадевы, сдѣланъ въ англійскомъ переводѣ этого сборника: *Kathasaritsagara*, transl. by Tawney (Calcutta, 1880—1884). Изъ переводовъ новѣйшихъ индійскихъ редакцій важнѣе другихъ Osterley, Baital-Pachisi, Leipzig, 1873 (hindi), по обстоятельности сравнительныхъ примѣчаній. Монгольская передѣлка переведена на русскій языкъ въ Этнографич. Сборникѣ, т. VI, а потомъ точнѣе на нѣмецкій (*Jülg, Kalmükische Märchen, Leipz., 1866* и *Mongolische Märchen, Insbruck, 1868*).

думалъ: «нельзя мнѣ его убить; гдѣ во всемъ свѣтѣ возможно такое? послѣ того какъ мы оба пили молоко одной матери, противуестественно убивать человѣка собственнаго рода». А мальчику сказалъ: «я тебя не убью, но ты не долженъ говорить никому, что у меня ослиныя уши!»—«Никому не скажу, царь!» проговорилъ мальчикъ.—«Даже твоей матери не говори; если же ты кому ни будь проговоришься, я тебя убью». Такъ и сказалъ ему».

«Никто объ этомъ не узналъ. Мальчикъ вернулся домой. Другіе же, которые послѣ него ходили чесать волосы царю, по прежнему убивались. Всѣ были удивлены, какъ счастливъ оказался сынъ старухи. Всякій спрашивалъ его, что такое съ нимъ было; но онъ не говорилъ ничего ни матери, ни кому другому. Между тѣмъ, никому не сказавъ, что у царя уши длиннѣе, чѣмъ у другихъ людей, мальчикъ впалъ въ сильную, тяжкую болѣзнь, ибо онъ постоянно объ этомъ думалъ, внутри себя. Ни лѣкарства, ни жертвоприношенія, ничто другое, что дѣлается въ этихъ случаяхъ, не помогали ничего. Будучи уже близокъ къ смерти, позвалъ онъ врача, и когда тотъ пришелъ, далъ ему пощупать свой пульсъ. Врачъ сказалъ: «ты ничѣмъ не боленъ, кромѣ духа; въ такой болѣзни лѣкарства не помогутъ. Еслибъ ты могъ перенести на губы то, что у тебя на сердцѣ, и довѣрить какому нибудь человѣку, тогда бы ты выздоровѣлъ». Всѣ присутствующіе приставали къ нему: «если у тебя на сердцѣ есть малѣйшая тайна, то выскажи ее: когда же ты успѣешь открыть ее, если не сообщишь ее никому даже при смерти?» Но мальчикъ увѣрялъ, что у него нѣтъ никакой тайны, и не говорилъ ничего. Нѣсколько позже мать стала при одномъ случаѣ приставать къ нему и выспрашивать; онъ сказалъ ей: «я таки имѣю тайну; но если я выдамъ ее, то буду наказанъ царемъ». «Если это такъ, наставила мать, то иди въ безлюдную пустыню и выскажи ее въ яму въ землѣ, или въ щель въ скалѣ или деревѣ, и будешь здоровъ».—Сынъ пошелъ и нашелъ нору бурундука (родъ горностаея) и крикнулъ туда: «у нашего хана ослиныя уши!» Выкрикнувши такъ четыре раза, мальчикъ выздоровѣлъ. Но бурундукъ, бывший въ норѣ, услышалъ эти слова, понесъ ихъ далѣе и они, подхваченныя вѣтромъ, донеслись до ушей царя. Царь подумалъ, что это мальчикъ сказалъ эти слова и послалъ за нимъ. Когда мальчика привели къ царю, тотъ ска-

заль: «я тебѣ приказывалъ не говорить никому, а какъ только къ тебѣ приблизилась бѣда, такъ ты сейчасъ и выдалъ тайну!» На этотъ вопросъ молодой человѣкъ отвѣтилъ: «я самъ никому дома не сказалъ ничего».—«Ты, очевидно, сказалъ какому нибудь человѣку, говорилъ царь, такъ какъ слова эти донеслись до меня; еслибъ ты ничего не говорилъ, какъ бы я могъ ихъ слышать?» Тогда мальчикъ отвѣчалъ: «возвратившись домой, я впалъ въ тяжкую болѣзнь» и т. д. (тутъ слѣдуетъ сжатое повтореніе прежде сказаннаго эпизода о болѣзни и врачѣ). «Если это не вѣтеръ выдалъ эти несчастныя слова, то кто бы иначе могъ принести ихъ?» На это царь сказалъ: «пусть будетъ по прежнему; я въ самомъ дѣлѣ услышалъ слова, перенесенныя вѣтромъ; за чѣмъ я буду его убивать?»—и обратясь къ молодому человѣку, продолжалъ: «ну, можетъ быть, ты знаешь какое нибудь средство скрыть мои ослиныя уши?» Юноша отвѣчалъ: «если ты, могучій царь, хочешь послушаться моего совѣта, то у меня есть средство помочь».—«Назови мнѣ, молодой человѣкъ, сказалъ царь, твое средство. Я послушаюсь!» И юноша началъ: «могучій царь, вели приготовить для твоей головы шапку и вели сдѣлать клапаны съ обѣихъ сторонъ головы, чтобъ скрывать уши, и надѣнь ее. Всѣ, кто къ тебѣ будутъ приходить, найдутъ приличнымъ являться къ тебѣ также одѣтыми». Царь одобрилъ предложеніе. Всѣ удивлялись и расхваливали такую шапку. И такъ какъ никто не зналъ, что у царя уши ослиныя, то онъ ввелъ въ моду эту шапку, которая стала извѣстна подъ именемъ шапки съ клапанами. Съ тѣхъ поръ старѣйшины стали носить такія шапки въ присутствіи Дайбангъ-хана. Молодой человѣкъ сдѣланъ былъ министромъ и убіеніе мальчиковъ королемъ прекратилось. Весь народъ чрезвычайно обрадовался и сталъ богатѣть и умножаться»¹⁾).

Сходство первой половины этого разсказа съ нашей легендой о Бунякѣ такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ указаніяхъ. Главное отличіе между двумя версіями заключается въ томъ, что въ монгольской чудовищный человѣкъ имѣетъ ослиныя уши, тогда какъ въ украинской онъ имѣетъ не прикрытыя внутренности. Этимъ своимъ отличіемъ, равно какъ и своей второй

¹⁾ В. Jülg, Mongolische Märchen, 46—51.

половиной монгольской разсказъ сходится съ классическою повѣстью о Мидасѣ, царѣ фригійскомъ, которая дошла до насъ въ наиболѣе полномъ видѣ въ XI книгѣ метаморфозъ Овидія, вслѣдъ за другой, также очень распространенной въ классическомъ мѣрѣ, исторіей о томъ-же лицѣ. Такъ какъ эта исторія будетъ намъ нужна для соображеній о странствованіяхъ занимающей насъ повѣсти, то мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе ихъ обѣихъ.

Когда Вакхъ подошелъ къ горѣ Тмолу, надъ рѣчкой Пактоломъ, Силенъ отсталъ отъ его кортежа; утомленный годами и пьяный, онъ попалъ въ руки фригійскихъ пастуховъ, которые отвели его къ Мидасу. Этотъ, будучи уже посвященъ въ вакхическія мистеріи, узналъ Силену, угощалъ его 11 дней и послѣ отвелъ его къ Вакху, за что получилъ отъ бога обѣщаніе исполненія его желаній. Мидасъ пожелалъ, чтобъ все, къ чему онъ коснется, обращалось въ золото. Глупое желаніе, такъ какъ несчастный долженъ былъ умереть съ голоду. По его новой просьбѣ богъ избавилъ его отъ своего дара, приказавъ ему выкупаться въ Пактолѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ золотоноснымъ. Но Мидасъ не поумнѣлъ (*pingue sed ingenium mansit*) и опять попалъ въ бѣду. Панъ вступилъ съ Аполлономъ въ состязаніе въ музыкѣ, и Мидасъ, въ противность Тмолу и всѣмъ свидѣтелямъ, отдалъ предпочтеніе дудкамъ Пана передъ цитрой Аполлона. Делоскій богъ не потерпѣлъ, чтобъ столь грубыя уши сохраняли человѣческую форму, а удлинилъ ихъ, покрылъ пухомъ, далъ имъ способность двигаться, словомъ—сдѣлалъ ослиными. Мидасъ прячетъ ихъ подъ пурпурной тіарой, но слуга, который стрижетъ ему волосы, узнаетъ его секретъ и, не будучи въ состояніи молчать, прошептываетъ его въ ямку въ землю. На томъ мѣстѣ вырастаетъ густой тростникъ и, колеблемый вѣтромъ, разноситъ вѣсть объ ухахъ царя (*Ovidii, Metamorph. XI, 85—193*).

Послѣдняя половина разсказа о Мидасѣ: повѣсть о его ухахъ, по всей вѣроятности, сложилась не сразу, такъ какъ она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпизодовъ: о наказаніи Мидаса богомъ и болтливымъ юношѣ, какъ это можно думать и потому, что у древняго мифолога Гигина разсказанъ о Мидасѣ только первый эпизодъ ¹⁾.

1) *Hugini Fabulae, ed. M. Schmidt Jeanac, 1872, CXCI Rex Midas, CLXV Marsyas.* Здѣсь только Мидасъ самъ судитъ музыкальный конкурсъ Аполлона съ

Эта повѣсть о царѣ съ звѣринными (козьими, ослиными или конскими) ушами получила довольно широкое распространѣніе въ старинной письменности и даже въ устной словесности европейскихъ народовъ. Въ послѣдней намъ извѣстны варианты:

1) *Новогреческій*, напечатанный у Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder (Leipzig, 1877) № 4; вариантъ этотъ передаетъ исторію довольно спутанно, начиная ее почти съ конца. Осиротѣлый юноша срываетъ по дорогѣ тростникъ и дѣлаетъ изъ него дудку, которая проигрываетъ ему слова: «у царя, закрытаго пятью покрывалами, козлиныя уши». Идя дальше, юноша приходитъ въ царство такого царя, котораго цырульникъ признался, что выдалъ секретъ его землѣ. Еще раньше вѣщія дѣвы (Мойры) предсказали, что царь умретъ, если народъ узнаетъ его тайну. Теперь царь отдаетъ за юношу свою дочь и умираетъ.

2) *Сербскій*, напечатанный у В. Караджича, Српске народne pripovijestke (у Беру, 1870 г., 2-е изданіе; библиографич. рукопись, стр. 150—152). Здѣсь исторія прямо начинается съ того, что царь Троянь имѣлъ козьи уши. Чтобъ цырульники не выдали его тайны, царь убивалъ каждаго цырульника. Когда дошла очередь до одного цырульника, тотъ сказался больнымъ и послалъ своего ученика. Этотъ замѣтилъ уши царя, но на вопросъ его, что онъ увидѣлъ особеннаго, отвѣтилъ, что ничего. Царь далъ ему двѣнадцать золотыхъ и приказалъ всегда приходиться брить его. Только мальчикъ началъ чахнуть и наконецъ признался хозяину, что у него есть нѣчто на сердцѣ и что еслибъ онъ съ кѣмъ подѣлился, то ему бы полегчало. Хозяинъ совѣтуетъ рассказать тайну или ему, или духовнику, или же землѣ.—Дальнѣйшаго рассказывать нечего, кромѣ окончанія, которое въ сербскомъ вариантѣ тоже очень благодушно, но на другой ладъ; царь убѣдившись, что земля ничего не можетъ скрыть, простилъ цырульника и сталъ пускать всякаго брить его.

3) *Ирландскій*, помѣщенный у Kennedy Patrick, Legendary Fictions of the Irish Celts, 1866, 248 и слѣд. Это довольно длинная

Марсіасомъ. Схولیастъ къ Аристофану говоритъ, что Мидасу далъ ослиныя уши Вакхъ за то, что тотъ подсмотрѣлъ его ословъ (Scholiae Graeciae in Aristophanem, ed. Dindorph, v. Plutus, v. 287).

повѣсть, съ излишнимъ даже развитіемъ второстепенныхъ подробностей. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: въ старину былъ въ Ирландіи царь *Lora Lanschaeh* (или *Labhradh Loingseach*), который стригъ волосы только разъ въ годъ, послѣ чего цырульникъ исчезалъ куда-то. Когда такая участь постигла семь человѣкъ подъ рядъ, ни одинъ цырульникъ больше и не подходилъ къ замку. Король выдалъ приказъ приводить ему цырульниковъ по жребію. Первый жребій выпалъ на сына бѣдной вдовы; та успѣла выпросить сыну помилованіе, которое король ему и далъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ поклялся никому не рассказывать, что видѣлъ у него. Молодой человѣкъ увидѣлъ у царя конскія уши, длинныя какъ у осла. Вслѣдъ за тѣмъ цырульникъ заболѣлъ. Докторъ совѣтовалъ ему сказать свой секретъ въ щель дерева въ лѣсу. Черезъ нѣсколько времени былъ нааначенъ конкурсъ арфистовъ въ присутствіи всѣхъ королей и знати Ирландіи, на которой вызывались охотники состязаться съ Крафтиномъ, арфистомъ фатальнаго короля. Крафтинъ нашелъ порчу въ своемъ инструментѣ, пошелъ въ лѣсъ и срубалъ какъ разъ то дерево, въ которое цырульникъ проговорилъ свою тайну и сдѣлалъ изъ него себѣ новую арфу. Въ день конкурса арфа производила чудесныя эффекты, которыхъ не въ состояніи были превзойти арфисты другихъ королей. Подъ конецъ Крафтина заставили опять играть, и арфа его пропѣла: «конскія уши имѣетъ *Labhradh Loingseach*!» Смущенный король поднимаетъ руки къ головѣ, сбиваетъ повязки, обнажаетъ свои уши и падаетъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то раскаялся въ убіеніи бѣдныхъ цырульниковъ, назначилъ пенсіи ихъ женамъ и матерямъ и потомъ уже стригся, какъ обыкновенный человѣкъ.—Разказчикъ, сообщившій собирателю эту повѣсть, ссылался на то, что, по словамъ знакомаго ему начетчика, она находится и въ писанныхъ исторіяхъ Ирландіи. И дѣйствительно, сказка эта найдена въ нѣсколькихъ кельтскихъ рукописяхъ, по которымъ она и напечатана въ болѣе короткомъ видѣ (въ оригиналѣ и въ англійскомъ переводѣ) въ *Revue Celtique*, II, 197—198 (*Labraid Lore and his ears*) и въ болѣе распространенномъ въ *Keating, General History of Ireland, 1723, 161—167*, откуда переведена по нѣмецки въ *Maryenblatt, 1810, № 237* и помещена потомъ у *Kletke (Marchensaal, 1845, II, 131—132)*. Здѣсь

король называется *Macin* по прозванію *Labhradh Loingseach*, а арфістъ его, какъ и въ двухъ предъидущихъ редакціяхъ, *Craftine*.

4) Подобный разсказъ былъ очень распространенъ въ концѣ прошлаго вѣка въ *Бретани*; о томъ говоритъ *Cambray* (*Voyage dans le Finistere, Paris, (an VII de la Republique, II, 287)*), «король Порцмаршъ (*Portzmarch*) убиваетъ всѣхъ своихъ цырульниковъ изъ страха, чтобъ они не разсказали, что у него конскія уши. Разъ пришлось брить его интимному другу; этотъ поклялся не разсказывать того, что зналъ. Но не могли устоять противъ горячаго желанія разсказать объ этомъ явленіи, онъ, по совѣту одного мудреца, разсказалъ объ этомъ береговымъ пескамъ. На томъ мѣстѣ выросли три тростника, барды сдѣлали изъ нихъ части (*des hauehes*) гобоя, которыя повторяли: «Порцмаршъ, король Порцмаршъ имѣетъ конскія уши¹⁾».

Какимъ образомъ объяснить это распространеніе сказки. о Мидасѣ отъ Монголіи до Ирландіи? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ о происхожденіи и первоначальномъ значеніи исторіи Мидаса; а этотъ послѣдній вопросъ изъ числа запутанныхъ, главнымъ образомъ потому, что сказанія о Мидасѣ дошли до насъ не изъ первыхъ источниковъ. Всѣ классическія указанія ведутъ насъ въ Малую Азію, Фригію или Фракію, какъ въ страны, гдѣ дѣйствовалъ Мидасъ и гдѣ должны были существовать разныя сказанія о немъ²⁾. Но эти сказанія дошли до насъ уже въ греческихъ отголоскахъ и даже сколько нибудь полныя редакціи ихъ, какъ Овидія, такъ и Гигина, мы имѣемъ уже въ латинскихъ копіяхъ этихъ отголосковъ. По этимъ копіямъ, равно какъ и по отрывочнымъ указаніямъ болѣе старыхъ, греческихъ писателей, весьма трудно возстановить специально-фригійскій образъ Мидаса и раз-

¹⁾ *Revue Celtique, II, 507—508*. Надо напомнить, что *Mark* по кельтски—лошадь. Эпизодъ о королѣ Маркесѣ съ конскими ушами находится и въ одной изъ старо-французскихъ поэмъ о Тристанѣ (*W. Grimm, Götting. Gel. Anzeigen 1824, I, 118, De la Villemarque, contes populaires des aneuns Bretons, I, 99*). По словамъ Вилле'марке, сходный разсказъ существуетъ и у кельтовъ Уэльса.

²⁾ Геродотъ (*VIII, 138*) помѣщаетъ сады Мидаса, гдѣ плѣненъ былъ Силень, въ Македоніи. Ксенофонтъ (*Anabasis, I, 2, 13*) вспоминаетъ ключъ Мидаса, царя фригійскаго, у города Оимбрии, гдѣ пойманъ былъ Силень, уцѣлійся подлитымъ въ ключъ виномъ. Павзаній (*Descriptio Graeciae, ed. Dindorf, I, cap. IV, 5*) говоритъ о ключѣ называемомъ Мидасовымъ въ Анкирѣ (въ Малой Азіи).

сказовъ о немъ. Нѣкоторыя данныя, какъ напр. изображенія Мидаса сходно съ греческимъ луннымъ богомъ (Μην)¹⁾, котораго рога могли дать поводъ къ эпизоду объ ушахъ, или замѣчаніе Филострата, что Мидасъ былъ изъ рода сатировъ²⁾, указываютъ на то, что первоначально имя Мидаса принадлежало въ Малой Азіи божеству. *Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы всѣ подробности сказокъ, которыя мы теперь имѣемъ о Мидасѣ, имѣли значеніе религіозное и принадлежали къ исконнымъ мифамъ,* какъ это усиливается доказать ученые школы Гриммовъ и М. Миллера, видящіе въ сказкахъ произведенія исконной старины и извѣстную оболочку древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій. Такое религіозное значеніе придаетъ разсказу объ ушахъ Мидаса, напр., Баховенъ (Versuch über die Gräbersymbolik der Alten, 375 и слѣд.) и г. Де Губернатисъ (Mythologie Zoologique, I, 387 — 388, 403 и слѣд.). Первый усматриваетъ въ ослиныхъ ушахъ Мидаса указаніе на теллурическое значеніе этого бога, такъ какъ осель-де символъ половой силы плодородія. Такое-же значеніе имѣетъ, по Баховену, и проростаніе тростника изъ ямки, куда слуга Мидаса проговорилъ его тайну³⁾. Г. Де Губернатисъ усматриваетъ въ Мидасѣ-ослѣ бога солнечнаго, основываясь главнымъ образомъ на экивокѣ въ санскритскомъ языкѣ gardarbha—осель и gandharva существо солнечнаго цикла, небесный музыкантъ), да на томъ, что у Овидія уши Мидаса блѣсоваты и подвижны, т. е. будто-бы напоминаютъ зарю! Существованіе сказки о царѣ съ ослиными ушами въ монгольской книгѣ, составленной на индійской основѣ, даетъ итальянскому ученому тѣмъ болѣе основаній зачислять сказку о Мидасѣ въ ряды древнихъ общеарійскихъ мифовъ. При такомъ взглядѣ существованіе этой сказки и въ народной словесности балканскаго полуострова и кельтовъ, объяснилось-бы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сохраненіемъ устной словесностью древнѣйшаго обще-племеннаго достоянія.

1) Pauli, Real encyclopaedie der Klassischen Alterthumskunde, Midas.

2) Philostrati Tyanensi Apollonie vita, VI, 27.

3) По истинѣ трудно понять, какъ въ такомъ толкованіи одна подробность вяжется съ другой, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ рождаетъ тростникъ не Мадасъ, а слуга, который ослиныхъ атрибутовъ не имѣетъ. Но мифологисты извѣстной школы не смущаются такими подробностями.

Сказку объ ушахъ Мидаса затронули и ученые болѣе положительнаго метода, занимавшіеся вопросомъ объ обмѣнѣ басенъ между Индіей и Греціей. Какъ извѣстно, ученые этой школы не расположены объяснять сходство извѣстнаго рода басенъ у разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ общностью басеннаго капитала у предковъ этихъ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ единства, а стараются объяснить это сходство преслѣдованіемъ осязательныхъ международныхъ отношеній политическихъ и культурныхъ. Но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ еще въ каждомъ частномъ случаѣ не всѣ изъ этихъ ученыхъ освободились отъ идей, по которымъ то или другое сказаніе имѣетъ за собою непременно исконную древность и мифологическое значеніе. Такъ когда бельгійскій ученый Вежене (Wagener, Essai sur les rapports qui existent entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce), сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія греческихъ басенъ (Эзопа), притянулъ (по нашему мнѣнію, неосновательно) сказку объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной (въ Индіи—тигровой) шкурѣ, то знаменитый индіанистъ Веберъ, защитникъ теоріи движенія эописическихъ басенъ въ Индію изъ Греціи, вовсе не усомнился въ этомъ отношеніи сказки объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной шкурѣ, а только увидѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку своей теоріи. «Такъ какъ подъ сказкой этой, говоритъ Веберъ, согласно съ Баховеномъ, скрывается извѣстное мифологическое отношеніе, то греческая басня получаетъ черезъ то полную значенія подкладку», т. е. является очень древнею ¹⁾. Либрехтъ, сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія апологовъ и сказокъ европейскихъ, тоже не оспариваетъ взгляда Баховена на сказку о Мидасѣ, только замѣчаетъ, что и въ Индіи осель имѣетъ значеніе символа производительной силы ²⁾.

Между тѣмъ, прежде всего, *въ Индіи до сихъ поръ не открыто сказки объ ушахъ Мидаса*; ни въ одной изъ собственно индійскихъ редакцій рассказовъ Упыря нѣтъ ничего подобнаго ³⁾.

¹⁾ Weber, Indische Studien, III, 338.

²⁾ Liebrecht, Zum Panchatantra, въ Jahrb. f. Roman. und Engl. Literatur, III, 86—87.

³⁾ Мы не знаемъ, на какомъ основаніи г. Веселовскій говоритъ, что сказка эта есть и въ Индіи (изъ Исторіи литературнаго общенія востока и запада, тгр. 3, примѣч. 4).

Самъ Т. Бенфей считаетъ, что сказка объ ухахъ Мидаса единственная, которая пошла противъ общаго теченія своихъ собратьевъ, а именно съ Запада на Востокъ и предполагаетъ, что монгольская редакція разсказовъ упряя приняла въ себя, кромѣ индійскихъ, еще и иноземные матеріалы ¹⁾. И дѣйствительно греческая литература, въ которой исторія Мидаса была разрабатываема особенно охотно въ драматической формѣ, была такъ распространена въ Азіи въ эпоху послѣ-македонскую, когда греко-азиатскія государства существовали даже въ Бактріи и въ сѣверной Индіи, что проникновеніе исторіи Мидаса до Тибета, гдѣ вѣроятно сложена была редакція разсказовъ трупа, съ которой сдѣлана была монгольская, не представляетъ ничего невозможнаго.

Гораздо съ большею основательностію можно допустить индійское происхожденіе за другими сказками о Мидасѣ, наприм. за исторіей поимки имъ Силена и полученія дара отъ Вакха, котораго, замѣтимъ, и классическое преданіе связываетъ съ Индіей. Поимка опьяненнаго Силена дѣйствительно напоминаетъ опьяненіе демона (Ветала) Викрамадитіей въ другой сказочной исторіи этого царя «Тридцать двѣ повѣсти трона» ²⁾. Въ золототворномъ дарѣ Вакха Мидасу можно видѣть подобіе *сидды* Викрамадитіи ³⁾. Можно также усмотрѣть отголосокъ буддизма въ пессимистической теоріи жизни Силена, изложенной въ его словахъ Мидасу, въ отрывкѣ Аристотеля, сохраненномъ у Цицерона (*Tusculan.* I, 48) и у Плутарха (*Consol. ad Apollinam*, 27), что лучше не родиться, а родившись скорѣе умереть. Но изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобъ и сказка объ ухахъ Мидаса пошла тоже изъ Индіи.

¹⁾ *Pantschatantra*, I, Vorrede, XXII, примѣч.

²⁾ *Feer, Contes indiens, Les frente-deux Recits du trône, Introduction 15.* Переходъ этого Ветала въ Асмодея, пойманнаго по приказу Соломона, потомъ въ Сатра-Китовраса-Мермана указанъ въ русской наукѣ въ извѣстномъ сочиненіи г. Веселовскаго о Соломонѣ и Китоврасѣ.

³⁾ Въ книгѣ *Eug., Lévêque, Les mythes et les legendes de l'Inde et de la Perse dans Aristophane, Platon, Aristote, Virgile, Ovide etc.* (Paris, 1880, 289—294), полной впрочемъ натяжекъ, исторія дара Мидаса сближается съ одной исторіей въ Магабаратѣ (о желаніи царя, чтобъ отдѣленія его сына были золотыя) и съ находящеюся тамъ же басней о птицахъ, которыя и поютъ золотомъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ впредь, пока не найдены будутъ въ В. Азіи другіе варианты исторіи объ ушахъ Мидаса, кромѣ монгольскаго, приходится въ поискахъ за отечествомъ этой исторіи возвратиться на берега Средиземнаго моря и въ частности въ Элладу. Здѣсь же эта сказка всегда имѣла юмористическій характеръ ¹⁾. *И сколько бы ни было указаній на то, что у фригійцевъ Мидасъ былъ богомъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы извѣстная греческая сказка о его ушахъ имѣла какое нибудь символическое значеніе во вѣсѣхъ ея деталяхъ, съ которыми она только и имѣетъ смыслъ.* Если, какъ это очень вѣроятно, въ Малой Азіи Мидасъ считался сатиромъ, или силеномъ, т. е. однимъ изъ боговъ зооморфическаго типа, въ родѣ Марсіаса или Пана, въ пользу которыхъ Мидасъ, по вариантамъ сказки, подалъ голосъ въ музыкальномъ состязаніи ихъ съ Аполлономъ, то греческая сказка объ ушахъ его скорѣе всего будетъ сосѣдскою насмѣшкой береговыхъ эллиновъ, съ ихъ антропоморфическимъ богомъ-музыкантомъ, Аполлономъ, надъ фригійцами, ихъ богомъ и музыкой ²⁾.

Сказка эта такимъ образомъ окажется сравнительно поздною, не имѣющею никакого дѣла съ дѣйсторическою древностью индоевропейскихъ народовъ, а распространеніе ея отъ Ирландіи до Монголіи должно быть объяснено культурнымъ общеніемъ между народами въ эпоху уже совсѣмъ поздною, послѣ Александра Македонскаго. О пути распространенія этой сказки въ Азіи говорено было выше. Сохраненіе ея у новогрековъ и переходъ къ сосѣднимъ имъ сербамъ не представляетъ ничего удивительнаго. Интересно отмѣтить при этомъ то обстоятельство, что въ ново-греческой и сербской народной сказкѣ царскія уши являются не ослиными, какъ у Овидія и Гигина, а козьими, что ближе къ Филостратовымъ словамъ о Мидасѣ, принадлежащемъ къ роду сатировъ, и что, вѣроятно, сходно съ древне-греческими устными вариантами сказки.

¹⁾ Такою она является уже въ намекѣ у Аристофана (Plutus, V, 286—287).

²⁾ Почти такъ объясняетъ сказку объ ушахъ Мидаса Decharmes въ его Mythologie de la Grèce antique, 447—449. По Павзанію, фригійцы сами говорили, что Марсіаль—рѣка ихъ, которая такимъ образомъ стала богомъ музыкантомъ. Силены, друзья нимфъ, собственно водяные боги, какъ сатиры (панъ) дѣсныя, которые впрочемъ впоследствии пережѣшались между собою.

Распространеніе классической сказки среди кельтовъ, и притомъ съ чертами близкими къ латинскимъ редакціямъ, не покажется удивительнымъ, если вспомнимъ, что, послѣ великаго переселенія народовъ, Ирландія и Бретань были одно время убѣжищемъ классической культуры.

Сопоставляя всѣ не классическіе побѣги этой исторіи, мы усматриваемъ въ ней подробности, которыхъ не находимъ въ латинскихъ вариантахъ. Таково во всѣхъ новѣйшихъ вариантахъ убіеніе цырульниковъ (у насъ банщика), а въ ирландскомъ, монгольскомъ и украинскомъ спасеніе молодаго цырульника матерью, которая въ сербскомъ вариантѣ замѣнена старикомъ. Это сходство подробностей въ рассказахъ народовъ столь отдаленныхъ даетъ основаніе предположить, что нѣчто подобное имъ должно было существовать уже въ греческихъ оригиналахъ ихъ, не полно, значитъ, резюмированныхъ Овидіемъ и Гигиномъ. Сравнивая въ частности украинскій вариантъ со всѣми другими, мы получаемъ тотъ интересный выводъ, что онъ *ближе къ варианту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая и варианта не очень далекихъ къ намъ и единоплеменныхъ намъ сербовъ*. Очевидно, это обстоятельство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что *сказка эта зашла не прямо изъ Европы, а уже изъ Азии*, черезъ посредство той смѣси племенъ, которая двигалась въ средніе вѣка по нашимъ степямъ¹⁾.

Намъ остается теперь дополнить уже сдѣланное выше сравненіе самихъ украинскихъ редакцій занимающаго насъ сказанія. Мы указали, что редакція записанная въ XVII в., не знаетъ людодѣства Буняки, ни убіенія его сыномъ вдовы, подробностей, которыя находятся въ современной редакціи, записанной г-жею Косачевой. Теперь читателю очевидно, что редакція Юзефовича ближе къ

---

¹⁾ Впрочемъ съ новогреческимъ вариантомъ нашъ имѣетъ то сходство, что въ обоихъ фатальный герой умираетъ, когда его тайна открывается. По этому поводу возможно сдѣлать два предположенія: или что еще въ классическую эпоху существовалъ вариантъ повѣсти о Мидасѣ съ такою развязкою,—противъ чего впрочемъ говоритъ то обстоятельство, что во всѣхъ другихъ вариантахъ развязка болѣе благополучная,—или что трагическая развязка существовала въ тѣхъ азіатскихъ побѣгахъ классической сказки, отъ которыхъ пошелъ нашъ вариантъ и которые повліяли и на новогреческую версію. Жаль впрочемъ, что послѣдняя извѣстна теперь только въ очень спутанной редакціи.

сказкѣ о Мидасѣ и ко всѣмъ вышеизложеннымъ ея побѣгамъ, чѣмъ современная. При этомъ уже и старѣйшая изъ украинскихъ редакцій носитъ на себѣ слѣды потемнѣнія первоначальной основы въ томъ, что подмѣнила чудовищныя уши Мидаса его страннымъ (скелетообразнымъ) туловищемъ, а потому, вѣроятно, и цырульникъ сдѣлался банщикомъ. А такъ какъ, собственно говоря, этотъ банщикъ совсѣмъ не нуженъ для обычнаго у насъ обмыванія, то въ позднѣйшемъ вариантѣ г-жи Косачевой онъ и атрофировался, а черезъ то ничѣмъ теперь не мотивированное очередное человекоубійство Буняки, такъ сказать, гипертрофировалось и перешло въ людоедство, на которое по очереди поставлялись молодые люди. Такимъ образомъ *это людоедство является самую позднюю черту* въ эмбриогеніи нашего разсказа, въ противность приведенному выше построению г. Голубовскаго.

Является вопросъ о степени самостоятельности нашего народнаго творчества въ изобрѣтеніи этихъ отличій образа Буняки отъ Мидаса и его азіатской копіи. На этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ второстепенный въ данномъ случаѣ, мы теперь не можемъ предложить рѣшительнаго отвѣта и ограничимся пока только сведеніемъ всего имѣющагося у насъ матеріала.

Во первыхъ еще разъ напомнимъ, что между изображеніемъ Буняки у Юзефовича и легендой г-жи Косачевой есть разница: у перваго нѣтъ яснаго образа великана съ открытыми сзади «легкими и печинками», а Буняка изображается такъ: «онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ или *на картинахъ представляющихъ смерть*». Можно думать, что этотъ послѣдній образъ скелета, обтянутаго кожей, безъ открытыхъ сзади внутренностей, но съ открытыми развѣ отчасти спереди, и составляетъ болѣе старую принадлежность представленія о Бунякѣ. Этотъ же образъ есть общеевропейское средневѣковое изображеніе демона смерти¹⁾. Наша «народная»

---

1) Pompeijo Gener., La mort et le diable, 145, note 1. „Въ XIV в. христіанскій міръ былъ убѣжденъ, что смерть есть дѣйствительная и реальная личность. Ее изображали въ формѣ скелета, съ косою въ одной рукѣ и песочными часами въ другой. Нашелся мисгическій писатель, который увѣрялъ очень серіозно,

Фантазія сначала просто взяла этотъ образъ и для своего упырячerta Буняки, а потомъ уже должна была, параллельно развитію этого образа въ церковномъ искусствѣ и подъ вліяніемъ другихъ подобныхъ образовъ, передѣлать его въ фигуру человѣка съ открытыми сзади внутренностями.

Что касается до этого образа, то мы встрѣтили его въ повѣрьяхъ у западно-сибирскихъ козаковъ, великоруссовъ, но не безъ примѣси и не безъ вліянія козаковъ-украинцевъ, отъ которыхъ они несомнѣнно усвоили нѣкоторыя пѣсни. Г. Потанинъ, въ статьѣ «Югозападная часть томской губерніи» (Этнограф. сборникъ, т. VI, стр. 143), сообщая вѣрованія о смѣшеніи женщинъ съ чертями, говоритъ: «чертъ принимаетъ видъ какого нибудь извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобъ отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ», и дальше рассказываетъ преданіе, какъ чортъ такимъ образомъ является одной козачкѣ въ видѣ ея умершаго мужа, изъ чего можно заключить, что по томскимъ повѣрьямъ чортъ беретъ въ такихъ случаяхъ образъ именно умершаго человѣка. Таковыя повѣрья вполне подходятъ къ обще-европейскимъ христіанскимъ представленіямъ о діаволахъ *incubus*

что онъ видѣлъ ее въ этомъ образѣ рядомъ съ ангеломъ-истребителемъ надъ зачумленнымъ городомъ. Около XIII в. и въ началѣ XIV смерть представляли въ видѣ муміи, въ формѣ скелета, покрытаго кожей; тогда еще недостаточно изучили анатомію человѣческаго тѣла, чтобъ знать точную форму костей. Надо пересмотрѣть съ этой стороны вышетыя религіозныхъ книгъ XIII и XIV ст. Въ XV ст. скелетъ уже рисуется превосходно, какъ можно убѣдиться по гравюрамъ этого времени“. Въ сочиненіи Е. Н. Langlois, *Essai historique, philosophique et pittoresque sur les Danses des Morts*, II, находимъ изображенія смерти въ видѣ сухоребраго мертвеца съ легко намѣченнымъ отверстіемъ на животѣ (pl. VIII, IX, X, XV, XXIII, XLVI); на одномъ же рисункѣ, нюрнбергскомъ (pl. XXVII, стр. 141—142), отверстія велики и изъ нихъ висятъ кишки; на рис. XVI, представляющемъ борьбу смерти съ воиномъ, первая изображена въ видѣ вооруженнаго трупа съ открытыми сзади ребрами. Польскія и западно-русскія изображенія должны были отставать вѣка на два отъ западно-европейскихъ. Въ велико-русскомъ синодикѣ Буслаева XVII—XVIII в. смерть еще рисуется сухореброю фигурою безъ всякаго знака отверстія на животѣ (Буслаевъ, *Истор. очерки*, т. I, стр. 624, рис. 56, 7); въ позднѣйшей интермедіи объ Аниѣ воинѣ смерть уже называется „мякинное брюхо“,—намекъ на гнилость его (Ровинскій, *Русскія народныя картинки*, текстъ V, 178; къ сожалѣнію, атласа г. Ровинскаго мы не имѣемъ подъ рукою).

et *suscibus*, которые входили въ трупы мужчинъ или женщинъ¹⁾. Представленіе объ отсутствіи наружныхъ покрововъ на извѣстной части тѣла должно было вырости въ разсказахъ въ родѣ сибирскаго и нашего, на основѣ вышеупомянутаго общеевропейскаго вѣрованія, которое разработали религіозные книжники гораздо болѣе, чѣмъ собственно народъ, массы.

Образъ Буняки скелета, да еще умирающаго только тогда, когда разоблачается его секретъ, призываетъ намъ на мысль еще одинъ образъ сказочнаго существа, на которомъ мы тѣмъ болѣе должны остановить вниманіе читателя, что одно изъ именъ его въ русской области имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ половцамъ. Это *Костій безсмертный* нашихъ сказокъ, *Kościel* польскихъ, Кощей, Кошъ и даже Коть великорусскихъ. Надо впрочемъ сказать, что образъ этотъ и имя чаще встрѣчается въ сказкахъ великорусскихъ²⁾, чѣмъ въ украинскихъ, изъ которыхъ пока напечатаны только одна съ именемъ Костія (у Чубинскаго, т. II, отд. I, № 64). Въ великорусскихъ сказкахъ Кощей является по большей части похитителемъ красавицъ, а безсмертнымъ онъ называется потому, что смерть его запрятана далеко и въ очень сложномъ аппаратѣ: въ яйцѣ, которое спрятано въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, а заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на деревѣ и т. п. Красавица успѣваетъ выпытать секретъ Кощея, герой добываетъ фатальное яйцо и Кощей погибаетъ³⁾. Украинская сказка съ именемъ Костія принадлежитъ

1) Genes, op. cit. 524.

2) Аванасьева, № 93 (3 вар.); ср. № 150, вар. e, конецъ; Садовникова, № 63.

3) Имя Кощей встрѣчается въ великорусскихъ сказкахъ и другой фабулы въ видѣ обычнаго змія безъ фатальнаго яйца (напр. у Аванасьева № 94 и Эрвенлейна, 2-е изд., 1882, 8—91). Изъ польскихъ намъ извѣстны только двѣ сказки съ именемъ *Kościel niesmiertelny*: одна той-же фабулы, что великорусская Аванасьева № 93, другая—особой (о запроданномъ чергу сынѣ, о *Królewiczu Niespodzianku*), въ которой Костій является просто подземнымъ царемъ безъ фатальнаго яйца (Ralston, *The song of Russian people*, 166; Glinski, *Wajarz polski*, 2 wyd., I, 109—128). Безъ имени Кощея, но также образъ существа съ спрятанной далеко смертью встрѣчается и въ другихъ русскихъ сказкахъ, напр. въ бѣлорусской у Аванасьева, № 95 (змѣй) и въ великорусской, тамъ же, 97. Въ одной великорусской сказкѣ у Аванасьева (т. II, стр. 393) любовь царь-дѣвicy скрыта въ яйцѣ, а яйцо въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на дубу, на той сторонѣ моря-океана. Еще въ одной великорусской сказкѣ у Аванасьева (т. I, стр. 499), Иванъ царевичъ только тогда можетъ взлѣзть на сте-

къ другой фабулѣ (Иванъ Богодавецъ, похождения чудесно рожденнаго сына долго бездѣтныхъ родителей, который здѣсь между прочимъ самъ съ товарищами захватываетъ дочекъ Костія). Костій здѣсь называется *бездушнымъ*, такъ какъ душа его спрятана въ яйцѣ, яйцо въ уткѣ, утка въ гнѣздѣ на дубѣ.

Ученые, ищущіе въ сказкахъ мифологіи, сдѣлали изъ того Кошца личность національно-русскаго или темно-славянскаго Олимпа, родъ Плутона, или бога зимы¹⁾. При болѣе точномъ изслѣдованіи сказокъ разныхъ народовъ оказывается, что мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ, чисто сказочнымъ образомъ, распространеннымъ подъ разными именами и формами у разноплеменныхъ народовъ стараго свѣта, отъ Сіама и Индустана до Шотландіи, и отъ арабовъ и кабилловъ до сибирскихъ турокъ и лопарей, особенно же любимымъ въ сказкахъ Индіи, откуда онъ скорѣе всего и пошелъ²⁾.

клянѹ гору и овладѣть царевной, когда убьетъ змія, который живетъ на озерѣ у отца царевны: „въ томъ змій сундукъ таятъ, въ сундукѣ заяць, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яичко, въ яичкѣ сѣмячко“. „Коли ты убьешь змія, говоритъ царевна, да достанешь то сѣмячко, въ тѣ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить“. Изъ этихъ примѣровъ видно, до какой степени *калейдоскопически переставляются образы въ сказкахъ даже одного племени* и какъ мало сказки имѣютъ органической связи въ своихъ частяхъ, въ противность мнѣнію ихъ толкователей мифологической школы!

1) Tkany, Mythologie der Alten Deutschen und Slaven, I, 153—159; Hanusch, Die Wissenschaft des Slavischen Mythos, 334; Аванасьева, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, стр. 594—604. Этому взгляду поддались и болѣе новые изслѣдователи: Ralston, The songs of the Russian people, 164—16, Russian Tales, 109—115, и даже L. Leger въ его трезвой работѣ Essai sommaire de la mythologie slave, 18. Для мифологовъ этого направленія имя Кошца-Костія является производнымъ отъ *костенѣть* въ смыслѣ дѣйствительномъ: наводящій окостенѣніе, т. е. холодъ, зима; но это этимологія совершенно неправильная, извращающая смыслъ окончанія *нѣ, ѣй*, которое при существительномъ корнѣ означаетъ обиліе; кость—ѣй=кость—истый; ср. украинскіе клички: губѣй, чубѣй и т. п. Аналогія съ словомъ Палій совсѣмъ не идетъ здѣсь къ дѣлу. Интересно, что другіе толкователи сказокъ, тоже мифологическаго направленія, говоря о сказкахъ о Кошцѣ и подобныхъ имъ у другихъ народовъ, видятъ въ этой личности существо солнечнаго цикла, напр. L. Brueyre, Contes populaires de la Grande Bretagne, 81.

2) См. Stokes, Indian Fairy Tales, №№ XI и XXIV; Минаева, Индіискія сказки и легенды, № 10 (Унесенная царица); M. Frere, Märchen aus der Indischen Vergangenheit, № I,—всѣ четыре одной фабулы съ № 93 Аванасьева: другія подобныя индіискія, которыхъ мы теперь не имѣемъ подъ рукою, указаны у Cosquin, Contes populaires de Lorraine, № 15, вмѣстѣ съ множествомъ вариантовъ другихъ

Конечно, идея о заключеніи души, извѣстнаго существа, или простаго человѣка, далеко отъ его тѣла принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ вѣрованій, которыя принято теперь называть *анимистическими* ¹⁾. Весьма можетъ быть, что и первообразъ исторіи, отъ котораго пошли азіатскія, а потомъ и европейскія сказки, въ родѣ русскихъ о Костиѣ—Кощеѣ, сложился въ очень сѣдой древности, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ сами эти послѣднія сказки существовали въ Европѣ и въ частности на Руси очень давно, а тѣмъ болѣе, чтобъ они были здѣсь исконны. Теперь выбирая изъ всего, что можно сказать объ этихъ сказкахъ, преимущественно только то, что имѣетъ наиболѣе близкое отношеніе къ предмету настоящаго изслѣдованія, мы замѣтимъ, что герой этихъ сказокъ рисуется если не дракономъ, то великимъ или же просто сильнымъ человѣкомъ безъ специальныхъ наружныхъ отличій. Но въ нѣкоторыхъ индійскихъ сказкахъ, которыя есть основаніе считать болѣе оригинальными, прототипы нашего Костія являются *ракшазами*, т. е. демонами, людодѣдами, которые въ индійскихъ представленіяхъ сливаются и съ *веталами*, т. е. упырями или демонами, засѣдающими въ трупахъ ²⁾. Эти образы, значить, нѣсколько напоминаютъ черты, какими рисуется Буняка въ

народовъ; въ собраніи пенджабскихъ и кашемирскихъ сказокъ Steel и Temple (*Wide-Awake stories*, 47—68) находимъ сказки той фабулы, къ которой принадлежитъ наша сказка объ Иванѣ Богодавцѣ. См. также Cosquin № 50, L. Brueyre, *Contes p. de la Grande Bretagne*, №№ XI—XII, *Orient und Occident*, II, 100—103, *Tolk-Lore Journal*, 1884 X, *Philosophie of Punchkine*. Въ французскихъ сказкахъ существо, соотвѣтствующее нашему Костию, зовется также бездушнымъ (*corps sans âme*),—въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ: безъ сердца (*ohne Herz*).

¹⁾ Множество примѣровъ см. Tylor, *Primitive Culture* и Spencer, *Principle of Sociology*, I. Старѣйшая записанная сказка, которая построена на этомъ анимизмѣ, это египетская сказка о двухъ братьяхъ, въ которой жизнь одного изъ братьевъ, по смерти его, сохраняется въ его сердцѣ-фаллосѣ на деревѣ, пока другой братъ не возвращаетъ ее въ тѣло умершаго (Maspero, *Les contes populaires de l'Égypte Ancienne*, 5—28, по папирусу XIX династіи). У насъ этому представленію соотвѣтствуетъ сказка про царевну, которой душа была въ яйцѣ (Чубинск., *op. cit.* № 6). Со второй половиной египетской сказки (о коварствѣ женщины) прямо связаны наши сказки, въ родѣ Невичній Царенко (Рудченко, I, № 49: ср. Драгоманова, *Малорос. Народ. Преданія*, стр. 297—299), какъ черезъ устные варианты, такъ и черезъ древне-русскую писанную повѣсть объ Иванѣ Пономаревичѣ (Костомаровъ, *Памятн. стар. русской литер.*, т. II, стр. 319—322).

²⁾ M. Frere, *op. cit.*, 384.

легендахъ Юзефовича и г-жи Косачевой, и могли оказать вліяніе на сложеніе этихъ чертъ. Вѣроятно съ подобными чертами рисовался чудовищный герой въ тѣхъ ближайшихъ къ индійскимъ вариантахъ, отъ которыхъ пошли и первообразы славянскихъ сказокъ о Костіѣ—*Kościeju*, если и теперь, когда эти черты стерлись въ этихъ сказкахъ, все таки герой ихъ носитъ имя Костій, т. е. скелеть. Повторяемъ, такихъ сказокъ теперь не должно быть много на Украинѣ и въ Польшѣ; но въ Великороссіи они очень распространены, и конечно великороссійское слово Кощей есть ничто иное, какъ передѣлка Костія—*Kościeja*, которая внѣ этого своего первообраза настолько не имѣетъ смысла, что нѣкоторые великорусскіе варианты измѣняютъ это непонятное имъ имя на Кошь и даже Коть¹⁾; очевидно, что это имя должно было зайти въ Великороссію съ юго-запада, гдѣ оно произносилось въ формѣ, этимологическій смыслъ которой былъ еще ясенъ.

Интересно, что слово *Коцій*, *Кошій*, *Кощей* встрѣчается въ древнерусскихъ памятникахъ въ особомъ смыслѣ и въ связи съ половцами. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ это имя попадаетъ три раза.—Послѣ описанія плѣна сѣвернаго героя:

1) Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ *седло кошцево*.

2) Великій княже Всеволоде! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а *кощей по резанѣ*.

3) Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго *кощя* за землю русскую! Слово *чага* во 2-ой выдержкѣ объясняется, согласно употребленію его и въ лѣтописи, какъ невольница²⁾, соотвѣтственно чему и *кощей* выходитъ тоже въ родѣ невольника, слуги, и вся фраза переводится: если бы ты былъ тамъ, то (побѣдилъ бы половцевъ, такъ что) плѣнница была бы по ногатѣ (монета около 50 коп.), а плѣн-

¹⁾ Теперь въ обычномъ языкѣ слово *кощей* употребляется какъ будто производное отъ романскаго *касса*, т. е. оно означаетъ скупца. Такое значеніе имѣетъ *Кащей* и въ великорусскихъ лубочныхъ картинкахъ (Ровинскій, Русскія народныя картинки, I, 248; *Mélusine*, t. III, № 8, 173).

²⁾ Лѣтопись по Ипатск. списку (изд. 1871 г., стр. 369), 1170 г.: „внязи русьтіи... увѣдавшє, оже половцы побѣгли... гониша цо нихъ... и толико взяша полона множество, якоже всимъ русскимъ воемъ наполнитися дѣ избылія и володники, и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты и конми; хрестьяны же отполонивше пустили на свободу вси“.

никъ по рѣзанѣ (ок. 20 коп.)¹⁾. Сообразно смыслу этого мѣста объясняются и два другія. Но слово *кощей* встрѣчается и въ лѣтописяхъ. Важнѣйшія изъ лѣтописныхъ мѣстъ съ этимъ словомъ—это двѣ фразы въ ипатской лѣтописи, сосѣднія съ выписаннымъ нами уже въ выноскѣ мѣстомъ изъ описанія похода русскихъ князей на половцевъ въ 1170 г.

«Идоша князи 9 днєвъ изъ Кієва, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича, оже идутъ на нѣ князи Рустии..... Братья же вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаивься ихъ, пусти на воронѣ сѣдельники своѣ и кощѣѣ»... Изъ послѣдней фразы выходитъ, что кощїи были родъ слугъ, помѣщавшіеся въ обозѣ вмѣстѣ съ сѣдельниками, а изъ первой выходитъ, что между кощїями были симпатизирующіе половцамъ, какъ была, по другому мѣсту лѣтописи, извѣстная близость и между половцами и сѣдѣльниками²⁾. Можно думать, что и *спдѣльники*, и кощїи были группы населенія, столько же отличныя занятіемъ, сколько и происхожденіемъ, смѣшанной національности, половецко-русской, отъ плѣнниковъ и кліентовъ русскихъ у половцевъ и, наоборотъ, половцевъ у русскихъ,—родъ низшихъ націй-кастъ, какія встрѣчаемъ въ разныхъ политическихъ конгломератахъ, подобныхъ тѣмъ, какими были тогдашнія націи и княжества русскія и половецкія. Мы смѣемъ думать, что имя *кощїи* врядъ ли можно вывести отъ славянскаго корня, такъ какъ принимаемое переводчиками и толкователями Слова о полку Игоревѣ производство отъ *кость*, *костѣй*, *кощѣй* не объяснить намъ смысла слова: рабъ, плѣнникъ,

¹⁾ Максимовичъ переводитъ по украински:

По ногатѣ бѣ полоянникъ,

По рѣзанѣ бувъ бы рабъ.

Украинець, 1859 г., стр. 66, ср. Максимовичъ, сочиненія, т. III, стр. 383, Аристовъ, Христом. по русской исторіи, 1271—1274, Огоновскаго, Слово о полку Игоревѣ, 92—93.

²⁾ Ипатск. лѣтопись подъ 1172 г. (стр. 376): „Тогда же Глѣбъ пусти половци въ вежѣ, и шедше стапа за Васильевымъ (Юрьевымъ) у спдѣльниковъ, съжидающе дружины своея; Василько же Ярополчичъ (сынъ Ярополка Изяславича) увѣдавъ ѣ изъ Михайлова и ѣха на нѣ ночь... за утро, солнцу всходящу, удариша на нихъ. Половцы же, съвѣкупившеся съ сѣдѣльники, бисаша съ ними“...

потому что съ какой стати называть раба скелетомъ? Не слѣдуетъ ли поискать корня этого слова въ языкахъ азіатскихъ, подобно тому, какъ объясняется слово *чага* изъ языка арабскаго: купленная? Слово же *костый* могло сблизиться съ *кощый*, уже готовымъ, черезъ тотъ процессъ наивной этимологизаціи, по какой и теперь называютъ кощею скупца, дрожащаго надъ кассой, по какому старинные книжники сблизали имя *росътане* съ причастіемъ разсѣянные. Очень можетъ быть, что такая этимологизація началась давно, еще во времена столкновеній нашихъ предковъ съ половцами и ихъ вассалами, чему поводомъ могла послужить какая нибудь физическая особенность племени, въ родѣ выдающихся скуль, или худобы стана, постоянной, или послѣ зимняго голодація, довольно обычнаго у кочевниковъ¹⁾. Именемъ такихъ сосѣдей, да еще враговъ своихъ, наши предки могли играть, дѣлая изъ него жестокой каламбуръ, кощѣй—костѣй, тѣмъ болѣе, что и само это имя могло произноситься сначала коштѣй (ц—шт.). Въ пользу такого предположенія говоритъ и 3-я изъ приведенныхъ фразъ Слова о полку Игоревѣ, въ которой не плѣнникъ, но побѣдитель, ханъ половецкій Кончакъ названъ *поганымъ кощемъ*,—фраза характера общаго и явно браннаго. Возможно, что кличка *костый* привязывалась и къ Буняку, о которомъ жила память въ нашемъ народѣ и что имя «Костій—Буняка» послужило своего рода литературнымъ скелетомъ, на который со временемъ нацѣпился вариантъ сказки о Мидасѣ, когда онъ дошелъ до нашей области, и который измѣнилъ эту сказку, замѣнивъ секретъ ушей героя секретомъ его туловища. Считаю впрочемъ нужнымъ оговориться, что мы всего менѣе думаемъ выдавать наши послѣднія соображенія за рѣшительныя. Мы только не могли оставить безъ вниманія всѣ затронутыя здѣсь точки соприкосновенія занимающей насъ легенды съ сказками о Костѣй—Кощеѣ и имени Кощѣй съ половцами, и передаемъ поставленные нами вопросы на дальнѣйшее обсужденіе литературной публики.

Мы окончили сравнительное обозрѣніе всѣхъ опубликованныхъ до сихъ поръ украинскихъ рассказовъ и преданій, связан-

¹⁾ Ср. въ Ипатск. лѣтоп. подъ 1060 г. „Торци... помроша бѣгающе... одни отъ зимы, другіе же гладомъ, инни же моромъ, судомъ Божіимъ“.

ныхъ съ именемъ Буняки. Мы сами очень хорошо видимъ не полноту нашего изслѣдованія и слабость нашей аргументаціи въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ. Та и другая происходитъ, конечно, отъ недостатка нужныхъ для полноты изслѣдованія средствъ, между прочимъ и знаній оріенталиста. Но и помимо нашей вины наша работа должна была натолкнуться и на скудость матеріала, какъ въ области собственно украинской этнографіи, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Очень было бы желательно, чтобы лица, имѣющія къ тому возможность, поискали въ «устахъ народа» еще варианты преданій о Бунякѣ, особенно о его отношеніяхъ къ героинѣ Еленѣ, Ольгѣ, Настѣ, которыя выступаютъ очень не ясно въ опубликованныхъ до сихъ поръ разсказахъ ¹⁾). Кромѣ того пожелаемъ, чтобъ народная словесность племенъ лежащихъ на юго-востокъ отъ насъ: разныхъ степняковъ, кавказцевъ, иранцевъ и др., была собрана хоть бы такъ, какъ собрана теперь словесность сибирскихъ турокъ г. Радловымъ; до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано, многіе вопросы по эмбриологіи европейскихъ народныхъ сказаній, а особенно нашего племени, останутся темными.

Во всякомъ случаѣ, мы позволяемъ себѣ думать, что представленные нами матеріалы и соображенія достаточны хотя бы для того, чтобъ опредѣлить характеръ занявшихъ насъ въ этой статьѣ народныхъ сказаній и путь, по которому должно идти для ихъ объясненія.

Сказанія эти вовсе не представляютъ собою продукта мѣстнаго національнаго творчества, которое бы отражало, хотя бы и въ фантастическихъ формахъ, мѣстную историческую дѣйствительность; мы видимъ, что во всѣхъ занимавшихъ насъ сказаніяхъ *нѣтъ ничего не только историческаго, но даже мѣстнаго, кромѣ имени Буняка да эпитета шолудивый, который даетъ половецкому хану наша мѣтопись*. Всѣ же подробности этихъ сказаній принадлежатъ къ матеріаламъ сказочнымъ и иностраннымъ, которые стали давно уже международными и нацѣпились на имя Шолудиваго Буняки, какъ на вѣшалку.

¹⁾ Эта Елена напомнила намъ „преданіе, связанное съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ“. О преданіи этомъ говорятъ г. Сумцовъ въ „Кіев. Стар.“, 1886, іюль, стр. 489. Къ сожалѣнію, мы не припомнимъ, гдѣ было разсказано въ печати это преданіе.

Обстоятельство это тѣмъ интереснѣе, что въ занимающихъ насъ сказаніяхъ шло дѣло не о личности типической, или абстрактной идеѣ (какъ въ сказкахъ собственно или басняхъ, апологахъ), а о лицѣ историческомъ, загронувшемъ нашу мѣстную національную жизнь. И оказывается, что въ народныхъ сказаніяхъ даже о такомъ лицѣ вовсе нѣтъ ничего мѣстно-національнаго. Въ другихъ изслѣдованіяхъ мы надѣемся показать, что подобный же элементъ, между-національный, сильно участвуетъ въ сказаніяхъ нашего народа даже о личностяхъ гораздо болѣе ему близкихъ и болѣе позднихъ, чѣмъ старый половецкій ханъ.

Собственно говоря въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Поэтическое творчество, какъ и всѣ другія проявленія жизни народовъ, давно уже въ нашей части свѣта вышли изъ національной изолированности. Даже если не говорить о древнѣйшихъ движеніяхъ народовъ и о распространеніи государствъ египетскаго и вавилоно-ассирійскаго, о колонизаціи финикійской, то во всякомъ случаѣ два такія историческія явленія, какъ движеніе буддизма изъ Индіи на пропаганду международную и сложеніе медународнаго государства персидскаго, представляютъ собою рѣшительные переходы исторіи культуры изъ періода національнаго въ періодъ космополитическій, уже за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ всѣ проявленія культуры, наука, искусство, религія, общественныя теоріи и учрежденія становятся въ значительной степени интернаціональными. Взаимодѣйствіе народовъ сдѣлало съ тѣхъ поръ количество сходныхъ явленій въ ихъ жизни и культурѣ еще болѣе значительнымъ даже противъ того количества, каковое обуславливается общностью человѣческой природы и подобіемъ условій жизни разныхъ отдѣльныхъ народовъ. Этого, отъ разныхъ причинъ происходящаго, сходства никогда не долженъ упускать изъ виду историкъ цивилизаціи и этнологъ, а особенно тотъ, который занятъ вопросомъ объ опредѣленіи особенностей національностей. Безъ идеи объ аналогіяхъ въ явленіяхъ жизни и цивилизаціи разныхъ народовъ, а также безъ идеи о прямомъ взаимодѣйствіи народовъ и ихъ культурныхъ заимствованіяхъ даже серіознѣйшія научныя работы по исторіи цивилизаціи и этнологии не могутъ имѣть другаго значенія, кромѣ сбора и сшивки матеріаловъ. Всякія же попытки теоретическаго ихъ освѣщенія и

обобщенія, съ чисто ли научною, или съ практически общественною цѣлью, внѣ названныхъ выше идей и соотвѣтственнаго имъ метода, могутъ быть только упражненіемъ въ логическихъ построеніяхъ или даже въ изліяніяхъ чувствъ и фантазій, совершенно субъективныхъ, а потому и не прочныхъ.

П. Кузьмичевскій.

Отрывокъ изъ драмы Т. Гр. Шевченка „Никита Гайдай“¹⁾.

ДѢЙСТВІЕ III.

Вечерь. Внутренность хаты мрачно освѣщена нагорѣвшею свѣчкой, на столѣ стоящею.

Марьяна одна. Смотритъ пристально въ окно.

Марьяна.

Правду матушка сказала, что козаки всѣ такіе недобрые: имъ все равно, смѣемся мы или плачемъ. Уѣхалъ, ему и горя мало, а еще женихъ! А что же будетъ послѣ?... Цѣлый день что онъ тамъ дѣлаетъ? Несносный этотъ гетманъ, вѣрно угощаетъ его за то, что онъ оборонилъ его отъ смерти. Очень нужно угощать! Такъ Богу было угодно. (*Прислушивается*) Чу! Кажется, ѣдетъ. (*помолчавъ*) Нѣтъ, не ѣдетъ. Хоть бы дорогу было видно, все бы легче. Должно быть будетъ дождь: ни одной звѣздочки на небѣ. Что это мнѣ гетманъ не идетъ изъ головы? Какой онъ нехорошій, должно быть, злой: онъ такъ на меня смотрѣлъ сердито. Что это? (*При-*

---

1) Окончивъ начатое съ половины прошлаго года печатаніе неизданныхъ и бывшихъ доселѣ совершенно неизвѣстными произведеній Т. Гр. Шевченка на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за ними мы помѣстимъ еще два самыя раннія произведенія его въ семь родѣ, именно отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ и поэму „Безталанный“, напечатанныя свыше сорока лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ „Маякъ“ (1842 г., № 5 и 1844 г., т. XIV), уцѣлѣвшемъ, какъ рѣдкость, въ весьма немногихъ библіотекахъ, а также повѣсть „Музыкантъ“, напечатанную недавно, но въ изданіи мало извѣстномъ и нынѣ не существующемъ, въ кievской газетѣ „Трудъ“.—*Ред.*

слушивается) Онъ! Онъ! Пріѣхалъ! Разговариваетъ съ Дорошемъ...
Матушка! Матушка! Никита пріѣхалъ!

(*Никита* входитъ мрачный, на встрѣчу ему бѣжитъ *Марьяна*. *Катерина* выходитъ изъ боковыхъ дверей)

Марьяна.

Что ты тамъ такъ долго дѣлалъ?

Катерина.

Слава Богу! Я думала, что ты опять на Запорожье уѣхалъ.

Никита.

Оно бы было лучше.

Марьяна.

Что съ тобой? Ты такой сердитый, невеселый!

Никита.

Такъ, ничего, — мало спалъ.

Катерина.

Такъ и есть, я говорила, еще рано, успѣешь наговориться съ своимъ гетманомъ.

Никита (подавая *Катеринѣ* шапку и грамоты).

Зашейте въ шапку эти грамоты поскорѣе и покрѣпче.

Катерина (принимая грамоты и шапку).

Какія это грамоты? Зачѣмъ?...
.

Никита.

Послѣ расскажу, зашейте поскорѣе.

Катерина.

Не посланецъ ли ты гетманскій? а?

Никита.

Послѣ узнаете.

Катерина.

Что это? Слова нельзя добиться. (*Уходитъ*).

Марьяна.

Какія это грамоты, Никита? Зачѣмъ ты ихъ въ шапку велѣлъ зашить?

Никита.

Чтобы не растерялись въ дорогѣ.

Марьяна.

Развѣ ты куда ѣдешь?

Никита.

Ѣду и далеко.

Марьяна.

Какой ты, право, все бы ему шутить.

Никита.

Я не шучу.

Марьяна.

Нѣтъ, я не вѣрю, шутишь, шутишь. Ну, развеселись же. Какой ты сердитый! На кого ты разсердился? Или ты нездоровъ? Скажи мнѣ: я все знать хочу.

Хочу тебя развеселять,
Хочу узнать твои желанья,
Твои сердечныя страданья
Хочу съ тобою раздѣлять;
Скажи же мнѣ.

Никита.

Тебѣ сказать!

Къ чему тебѣ мои страданья,
Моя сердечная тоска?

Марьяна.

Чтобъ раздѣлить ее, какъ съ другомъ,
Какъ съ братомъ милымъ и отцемъ;
Предупреждать твои желанья,
Прекрасный взглядъ твой понимать,
И пѣть съ тобою, и рыдать,
И лаской дѣвичьей моею
Твои недуги врачевать;
Чтобы любить тебя!...

Никита.

Любить!

Какъ много, много ты сказала!

Любить!... Любить!... Прекрасный звукъ,
 Прекрасно тайное значенье
 Простого слова. Но, дитя!
 Ты поняла-ль душой невинной,
 Что ты сказала мнѣ?

Марьяна.

Кто? Я?

Ахъ, я любить, любить умѣю,
 Да не умѣю рассказать,
 Какъ я люблю тебя? Съ тобою
 Я все готова раздѣлять;
 Ты для меня отецъ и братъ;
 Ты для меня все, все на свѣтѣ!
 И даже матушку любить
 Я не могу, какъ я любила,
 Когда не видѣла тебя.

Никита.

Ты Божій ангель-утѣшитель;
 Какъ мнѣ отрадно понимать
 Невинныя, простыя рѣчи!
 Любить одно! не раздѣлять
 Любовь прекрасную на двое—
 Это по моему. И тотъ,
 Кто говорить, что все онъ любить,
 Холодный камень онъ: онъ вретъ,
 Онъ ничего тогда не любить,
 Онъ богохульствуетъ. Любовь
 Какъ солнце ясное, высоко
 Одно на небѣ голубомъ.
 Какъ Богъ одинъ, одна любовь!...
 Затаена въ душѣ глубоко,
 Въ душѣ прекрасной, какъ твоя.
 Меня ты любишь, знаю я,
 Но ты соперницу имѣешь,
 Какъ ты прекрасную.

Марьяна.

Кто? Я?

Гдѣ жъ она, и кто такая?

Никита.

Украйна милая моя!
Моя Украйна родная!
Ея широкія поля,
Ея высокіе курганы,
Святая прадѣдовъ земля!
Люблю тебя, моя Украйна:
Твои зеленныя дубровы,
Твои шелковые луга,
Днѣпра кругые берега,
Люблю я васъ любовью новой,
Любовью крѣпкою. И ты,
Украины образъ несравненный,
Люблю тебя, въ тебѣ одной
Я всю Украйну обожаю.

Марьяна.

И я люблю ее, какъ ты;
Я пѣсни родины пѣвала,
И я всегда воображала
Прекрасно-гордыя черты
И брови черныя и станъ,
Какъ у тебя, живой, высокій;
И я въ тебѣ, мой кароокій,
Славу Украины люблю;
Вождей безсмертныхъ обожаю,
Что въ пѣсняхъ кобзари поють.

Никита.

Какъ ты прекрасна! ты козачка,
И я люблю тебя. Люблю,
Какъ мою родину святую...
Какъ счастливъ я! Люби меня,

Воображай во мнѣ героя
Минувшихъ дней,—только люби!...

Марьяна.

Ты мой на вѣки, ты мой милый,
Я неразлучная твоя:
И на край свѣта, и въ могилу
Съ тобою я, съ тобою я!...
Съ тобой повсюду, и какъ любо
Намъ будетъ горе горевать
И пиръ веселый пировать!
Я боевыя пѣсни буду
Пѣть для тебя; пойду плясать;
Ты мнѣ расскажешь про походы:
Какъ вы ходили воевать
Татарь, турецкаго султана,
Какъ Сагайдачный съ козаками
Москву и Польшу воевалъ,
Какъ Наливайко собиралъ
Передъ родными бунчуками
Народъ козацкій защищать
Святую церковь. Все, какъ было,
Будешь рассказывать, а я
Ивана сына пеленаю
И, пеленая, припѣваю:
«Выростай козакамъ на славу,
Врагамъ на расправу»!...
И выростетъ сынъ Иванъ,
Запорожскій атаманъ,
Какъ ты, смѣлый, кароокій,
Какъ ты, стройный и высокій.
Какъ мнѣ весело, какъ любо,
Какъ я рада, рада буду...

(Поетъ и пляшетъ).

Съ золотыми подковами
Башмаки, балмаки!

Не смѣйтесь на улицѣ
 Козаки, козаки.
 Я золото не молотомъ
 Накую, накую,
 Вдоль улицы протанцую,
 Пропою, пропою.
 Что, хорошо?

Никита.

Настоящій ребенокъ! Теперь ты пляшешь, а черезъ минуту готова плакать.

Марьяна.

А ты настоящій дѣдъ старый, никогда не пляшешь, и кажется, не плачешь, а вѣчно хмуришься, какъ будто сердить на меня за то, что я люблю тебя. Или ты боленъ? Скажи, что у тебя болитъ?

Никита (показывая на сердце).

Вотъ что!

Марьяна.

Что-же мнѣ дѣлать? Я не знаю,
 Чѣмъ пособить тебѣ могу...

Никита.

Молися Богу.

Марьяна.

Я молюся,

А ты по прежнему грустишь.

Никита.

Утѣшься, скоро перестану;
 Заплачу радостно, какъ ты,
 Съ тобою вмѣстѣ протанцую.

Марьяна.

Когда же, скоро ли?

Никита.

Очень скоро; только возвращусь изъ Варшавы, и пиръ горой.

Марьяна.

Развѣ ты въ Варшаву ѣдешь? Зачѣмъ?

Никита.

Да, ѣду. А ты, смотри; все къ свадьбѣ приготовь.

Марьяна.

Все приготовлю. Зачѣмъ ты ѣдешь?

Никита.

Я гетманскій посланникъ, ѣду съ грамотами къ королю и сейму.

Марьяна.

Что-жъ въ этихъ грамотахъ написано? Ты читаль?

Никита.

Нѣтъ, не читаль, да и зачѣмъ мнѣ знать пустое маранье придворныхъ хитростей. Они не искренни со мною, хитрятъ, секретничаютъ, но правды имъ не перехитрить: она возьметъ свое. Я полагаю, они трактуютъ о вольностяхъ козацкихъ, чтобъ отстранить Хмельницкаго. Немного поздно спохватились, но, можетъ быть, еще успѣютъ безъ крови дѣло погасить. *Дай то, Господи! пора имъ опомниться; но зачѣмъ они секретничаютъ со мною? Будто я не знаю дѣлъ Хмельницкаго и сейма? Да мнѣ все равно: пускай они пишутъ, что хотятъ, а я скажу, что чувствую и знаю. Владиславъ добрый король, другъ благороднаго Хмельницкаго: онъ меня выслушаетъ.

И Я смѣло стану передъ трономъ,
 Какъ важный сынъ родныхъ полей:
 И сейму правдою моею
 Святость народнаго закона
 Я докажу. Они поймутъ,
 Поймутъ, надменные магнаты,
 Что ихъ огромныя палаты

Траввою дикою поростуть
За поруганіе закона,
Что наша правда, наши стоны
На нихъ судъ Божій призовутъ.
Что Наливайка духъ великій
Воскреснетъ. снова средь мечей,
И тѣмъ страдальческихъ тѣней
Наши неистовые клики
Въ степяхъ разбудятъ. Божій судъ
Страдальцы грозно принесутъ
На тѣ широкіе базары,
Гдѣ Острицы кровь текла,
Гдѣ вы разыгрывали кары,
Гдѣ реву мѣднаго вола
Въ восторгѣ зломъ рукоплескали;
Гдѣ вы младенцовъ роспинали
Въ глазахъ отцовъ и матерей,
На тѣ базары тѣмъ тѣней,
Въ молчаньи грозномъ, какъ страдали,
Расправу злую принесутъ
И вашей кровію польютъ
Ваши широкіе базары. *(Со вздохомъ)*.
О, Боже сильный! Боже славы!
Пошли мнѣ мудрость отвратить
Эту кровавую расправу,
Пошли мнѣ мудрость вразумить
Алчныхъ грабителей лукавыхъ,
Что братья мы, что не любовью,
Раздоромъ грѣшная земля
Утучнена, родною кровью! *(Помолчавъ)*
Я знаю сердце короля;
Онъ добръ, сговорчивъ, но магнаты...
Несчастной черни палачи!...
Они коварны: ихъ словамъ
Не должно вѣрить простодушно...
Они обманутъ, и тогда
Бѣда Украинѣ, бѣда!

И вамъ, кровавые деспоты,
Не сдобровать!

Они думаютъ передать страшную расправу сынамъ и внукамъ. Нѣтъ! Теперь должно кончить и кончить навсегда. Мы знаемъ васъ, вѣроломные! Мученическая смерть Богуна, Острияницы и Наливайка намъ показала, какъ исполняются клятвы. Столѣтняя война—между кѣмъ? Между родными братьями. Страшно! (*Немного помолчавъ*). Что, ежели опредѣлено судьбою мнѣ, простому человеку, окончить словами, чего миліоны не могли кончить саблями?..

Съ какою радостью сердечной
Я возвращуся въ Чигиринъ!
Съ какимъ торжественнымъ восторгомъ
Взгляну на славныя поля,
Гдѣ кровь козацкая текла,
Гдѣ улеглись миліоны
Несчастныхъ жертвъ. Всему конецъ!
Всему кровавому конецъ!
Сынамъ и внукамъ миръ и слава!
О дняхъ минувшихъ, дняхъ кровавыхъ
Кобзарь имъ пѣсню пропоетъ,
Въ концѣ той пѣсни знаменитой
Онъ имя сотника Никиты
Съ благоговѣньемъ помянетъ. (*Въ восторгѣ*)
Я славу словомъ завоюю
И славный подвигъ торжествую
Съ тобой одной! Въ тебѣ одной
Я всю Украину поцѣлюю (*въ восторгѣ цѣлуетъ
Марьяну*).

Марьяна.

Какъ это весело!

Никита.

Какъ мнѣ весело, когда бъ ты знала! Ты, какъ дитя неразумное, веселишься, плачешь, а я?... Но послѣ о радостяхъ поговоримъ. Иди къ матушкѣ и поторопи ее съ шапкой.

Марьяна.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро шапка нужна?

Никита.

Послѣ скажу, иди скорѣе. Невѣста еще только, а уже не слушается.

Марьяна (усмѣхаясь).

Иду, иду. (*Уходитъ*).

(Никита ходитъ зазумавшись по комнатѣ. Немного погодя, останавливаясь говорить, какъ бы съ самимъ собою, сначала тихо, потомъ громче и останавливается на авансценѣ).

Никита.

Святая родина! Святая!
 Иначе какъ ее назвать?
 Ту землю милую, родную,
 Гдѣ мы родились, росли
 И въ колыбели полюбили
 Родныя пѣсни удалой старины. (*Громче*).
 То пѣсни славы! Звуки рая!
 Сынамъ на диво; на любовь
 Сложили ихъ, не умудряя
 Дѣла великія отцовъ;
 И эти звуки, эти горы,
 Эти широкія поля,
 Немолчный говоръ синя моря,
 Небо высокое, земля,
 Съ ея богатствомъ, ницетою,
 Все это наше, намъ родное,
 Родные дѣги мы всему,
 Мы часть ея, земли той милой,
 Гдѣ наши дѣды родились,
 Гдѣ ихъ высокія могилы
 Въ степяхъ такъ гордо поднялися
 И наши очи приковали
 Своею мрачною красой,
 И безъ рѣчей намъ рассказали
 Судьбу Украины родной.

(*Немного помолчавъ*).

Въ комъ нѣтъ любви къ странѣ родной,
 Тѣ седрцемъ ниція калѣки,
 Ничтожныя въ своихъ дѣлахъ
 И суетны въ ничтожной славѣ.

(*Немного помолчавъ*).

И чѣмъ несчастный, тѣмъ милѣй

Всегда намъ родина бываетъ,
 Тѣмъ краше видъ ея полей... (*Со вздохомъ*).
 А наша родина страдаетъ, (*Печально*).
 А прежде счастлива была.
 Тогда враги ее боядсь,
 Тогда сыны ея мужали
 И славныя отцовъ дѣла
 Своею славой обновляли,
 И все минуло! все прошло!
 Козакъ въ неволѣ изнываетъ,
 И поле славы поросло
 Травой негодной... умираетъ
 И звукъ и память о быломъ!
(*Торжественно*).

Нѣтъ, запоемъ мы пѣсню славы
 На пепелищѣ роковомъ,
 Мы цѣпь неволи разорвемъ,
 Огонь и кровь мы на расправу
 Въ жилища вражьи принесемъ!
 И наши вопли, наши стоны
 Съ ихъ алчной яростью умрутъ.
 И наши вольные законы
 Въ степяхъ широкихъ оживутъ!

(Взволнованный долго ходитъ молча по хатѣ, останавливается и говоритъ какъ бы самъ съ собою).

Славяне, несчастные славяне! Такъ нещадно и такъ много
 пролито храброй вашей крови междуусобными ножами. Ужели вамъ
 вѣчно суждено быть игралищемъ иноплеменниковъ? Настанетъ ли
 часъ искупленія? Придетъ ли мудрый вождь изъ среды вашей по-
 гасить пламенникъ раздора и слить воедино любовію и братствомъ
 могущественное племя?

(Задумывается. Входятъ Катерина съ шапкой и Марьяна).

Катерина.

Слава Богу на силу то угроздили ихъ: такія большія!

Никита (очнувшись).

Что вы такъ долго съ ними дѣлали?

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

Послѣ привольной сельской жизни въ помѣщичьихъ домахъ на всемъ готовомъ, жизнь въ Петербургѣ на первый разъ была для меня очень трудна. На первое обзаведеніе требовалось много денегъ, а ихъ у меня было весьма недостаточно. Помѣститься гдѣ либо въ трактирѣ я никакъ не рѣшался. И такъ сыскалъ себѣ на Литейной улицѣ во дворѣ, въ верхнемъ этажѣ флигеля, квартиру въ двѣ комнаты съ кухнею, въ домѣ нѣмца хлѣбника. Прислуги не было никакой, и я самъ долженъ былъ все для себя дѣлать: купилъ сажень рубленныхъ дровъ, сложилъ ихъ въ указанный мнѣ сарайчикъ; бывало, встану поутру рано, натаскаю дровъ, затоплю въ грубкѣ, вскипачу въ чайникѣ воды, напьюсь чаю и иду въ департаментъ, а хозяйку попрошу купить мнѣ четвертку телятины и сжарить. Съ такимъ трудомъ прожилъ я цѣлый мѣсяцъ, а на другой я уже сыскалъ въ переулкѣ, за подворьемъ Троице-сергіевской лавры, квартиру со столомъ и прислугою, и мнѣ было жить гораздо легче; а вскорѣ одинъ чиновникъ, имѣвшій двухъ человекъ у себя, пригласилъ меня жить съ нимъ, раздѣляя по-поламъ издержки.

Узналъ я какъ-то о пріѣздѣ изъ Москвы Анны Андреевны Комбурлеевой и, зная ея доброе ко мнѣ расположеніе, пошелъ поздравить ее съ пріѣздомъ. Тутъ Михайлъ Ивановичъ съ насмѣшкою сталъ говорить: «знаешь - ли ты, душенька, Василій

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябрь, стр. 109—152.

Ивановичъ служить теперь въ ученomъ департаментѣ; онъ и самъ человекъ ученый!» Григорій Николаевичъ Рахмановъ, приѣхавшій съ нимъ изъ Москвы, выслушавъ эту насмѣшку, пригласилъ меня потомъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ: «Михаилъ Ивановичъ оскорбляется тѣмъ, что вы не захотѣли у него служить». — «Что же дѣлать? отвѣчалъ я; коронная служба всегда предпочитается частной, и пословица говоритъ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше». Съ того времени я уже не былъ у Михайла Ивановича ни разу. Можетъ быть, я и худо сдѣлалъ для себя, ибо не получилъ отъ него за 4 мѣсяца жалованья; но какъ я ничего для него не дѣлалъ, то и совѣстно было бы мнѣ просить у него, а безъ просьбы врядъ-ли онъ догадался объ этомъ. Проживъ въ Петербургѣ большую часть лѣта, онъ получалъ должность губернатора въ волынской губерніи; но тамъ, за потачку евреямъ ввозить изъ-за границы контрабанду, въ 1815 году былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду и умеръ подъ судомъ. Такъ часто люди стремятся туда, гдѣ надѣются найти свое счастье, но вмѣсто того находятъ тамъ свою погибель! А притомъ ни одинъ человекъ не можетъ похвалиться, что онъ всю жизнь былъ счастливъ; особенно большіе въ жизни счастливцы рѣдко оканчиваютъ жизнь благополучно.

Уладивши по возможности свои квартирныя заботы, я началъ ходить каждый день послѣ обѣда въ домъ правителя канцеляріи и учить его дѣтей: двухъ сыновей, Аполлона и Петра и маленькую дочь Надежду русской грамотѣ, французскому языку, ариѳметикѣ и рисованью. Бабушка ихъ Анна Ивановна всегда находилась при ученіи, потому что въ ея комнатѣ я и училъ ихъ. Дѣти охотно и успѣшно учились; а отецъ и мать, Марья Ивановна, были мною весьма довольны и приглашали меня обѣдать въ большіе праздники или въ дни ихъ именинъ, когда бывали у нихъ всѣ ихъ родственники.

Е. И. Станевичъ, по привозѣ сына Григорія Романовича въ Петербургъ, еще въ 1805 году, перешелъ жить на квартиру къ вдовѣ старшей сестрѣ Н. И. Надаржинской, гдѣ я его и заста-

валъ. Но сынъ этой вдовы, однихъ почти лѣтъ съ Ѳедоромъ Шидловскимъ, былъ великій баловень, прежде времени развратившійся, а потому я не ожидалъ ничего хорошаго отъ такого товарищества для сына Григорія Романовича, и время подтвердило мою догадку. Зимю 1805 года Григорій Романовичъ пріѣзжалъ съ Н. Н. Надаржинской въ Петербургъ и я былъ у него и одинъ разъ обѣдалъ. Надежда И., казалась, обрадовалась, увидѣвши меня и ласково разговаривала со мною; но я обошелся съ нею уже осторожнѣе прежняго, даже не поцѣловалъ у нея руки. Въ то время она была въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ, оставила монашеское и свой куколь. Григорій Романовичъ при отъѣздѣ взялъ съ собой своего и ея сына и опредѣлилъ обоихъ въ полкъ къ зятю своему барону Ѳ. К. Корфу.

Той же зимы пришлось мнѣ встрѣтиться съ В. Н. Каразинымъ. Однажды послѣ уроковъ съ дѣтьми правителя канцеляріи прихожу ввечеру къ Мойсею Григорьевичу Ушинскому, который, какъ зять его, жилъ въ томъ же домѣ, и застаю тамъ Александра Степановича Бирюкова; а вскорѣ пришелъ туда и В. Н. Каразинъ, пріѣхавшій недавно изъ Украйны. Пошли разговоры. Каразинъ сталъ говорить, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ и весьма полезнымъ для винокуренія проэктомъ объ извлеченіи изъ пива водочнаго спирта и что въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Такъ какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ же департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени чиновникъ сообщилъ мнѣ, что директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, дѣйствительно велѣлъ отвести комнату для устройства, по указанію Каразина, химической печи и печь была устроена, но что ее нѣсколько разъ уже передѣлывали и стоило это не дешево, а между тѣмъ сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ изъ затора простымъ

образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Такъ и не рѣшились, добавилъ онъ, доложить государю, не находя его способъ выгоднымъ.

Разскажу еще другой случай, который едва не окончился для меня неприятностью.

Правитель канцеляріи А. С. Никольскій вздумалъ составить книгу «Основанія россійской словесности», помѣстивъ въ ней грамматику, риторику и поэзію, для преподаванія въ морскихъ училищахъ. Почти всю ее писалъ Ив. Мих. Фовицкій, другой помощникъ столоначальника, преподававшій прежде въ петербургской семинаріи риторику, Никольскій же сдѣлалъ въ ней лишь нѣкоторыя поправки. Имѣя какое-то неудовольствіе на Е. И. Станевича, онъ въ риторикѣ въ примѣръ безсмыслицы привелъ отрывокъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1805 г., назвавъ его «галиматеею». Узналъ я объ этомъ по тому случаю, что Никольскій далъ мнѣ отпечатанные листы для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ нихъ типографскихъ ошибокъ. Читаю я этотъ примѣръ галиматееи и чувствую, что это что-то знакомое мнѣ. Беру сочиненія Евстафія Ивановича и дѣйствительно нахожу приведенный отрывокъ въ статьѣ «О счастіи». Тогда я показалъ приведенное мѣсто старшему сыну Никольскаго, предполагая, что онъ скажетъ о томъ своему батюшкѣ; но онъ не догадался этого сдѣлать. Между тѣмъ дружба моя съ Евстафіемъ Ивановичемъ обязывала меня предупредить его о томъ, такъ какъ это относилось къ хулѣ его слога, которымъ онъ подражалъ благодѣтелю своему Ал. Сем. Шишкову, и я рѣшился сказать ему. Въ справедливости моего заявленія Станевичъ удостовѣрился въ морской типографіи, гдѣ печатался этотъ курсъ литературы, и тотъ-часъ обратился къ директору департамента графу де-Местру, а тотъ, какъ ближайшій другъ министра Чичагова, каждый день бывавшій въ его домѣ, разсказалъ ему. Чичаговъ сдѣлалъ за это Никольскому строгій выговоръ, замѣтивъ, что, приводя примѣры худаго слога изъ сочиненій своихъ сослуживцевъ, единственно по нерасположенію къ нимъ, самъ соста-

витель учебной книги подаетъ худой примѣръ ученикамъ, и добавилъ, чтобы онъ непременно выбросилъ этотъ примѣръ. Тогда Никольскій набросился на меня, называлъ меня неблагодарнымъ, предателемъ, измѣнникомъ, *мазкою* и другими оскорбительными словами, едва только удерживаясь бить меня. Не знаю, что было бы дальше; но тутъ вмѣшалась жена его Анна Ивановна; она мало-по-малу успокоила его и уговорила не сердиться на меня. Никольскій однако былъ въ затрудненіи, чѣмъ замѣнить примѣръ худаго слога, такъ неудачно выбранный, и въ первое присутствіе въ департаментѣ обратился за этимъ къ А. С. Шишкову. Тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «всего лучше помѣстите изъ сочиненій Сумарокова эпиграмму: «Танцмейстеръ! ты богатъ; профессоръ! ты убогъ; конечно, голова въ почтеніи меньше ногъ»? Съ этимъ примѣромъ и напечатаны «Основанія російской словесности» на казенный коштъ, а составителю этой книги А. С. Никольскому пожалованъ орденъ св. Анны 2 класса, вскорѣ же послѣ того онъ былъ произведенъ въ д. ст. совѣтники. Такъ, нерѣдко Божіе провидѣніе жестокія бури обращаетъ въ благотворную тишину!

За все время службы моей въ Петербургѣ я продолжалъ вести письменныя сношенія съ благодѣтелемъ моимъ А. А. Палицынымъ и получать отъ него отвѣты, иногда и по два раза въ годъ. Зимой 1807 года умерла предобрая жена его Авдотья Александровна, по смерти которой онъ сдѣлался весьма скучнымъ.

Послѣ описаннаго случая съ книгой «Російской Словесности», никакихъ уже неприятностей не возникало у насъ съ правителемъ канцеляріи Никольскимъ; напротивъ онъ сталъ показывать какое-то особое ко мнѣ расположеніе. Однажды начинаетъ онъ самымъ чувствительнымъ образомъ благодарить меня за усердное ученіе его дѣтей и говорить, что онъ ничѣмъ инымъ не можетъ меня отблагодарить, какъ только предложивъ мнѣ переѣхать къ нему и пользоваться отъ него квартирой, столомъ и прислугою. Опасаясь быть совершенно занятымъ единственно обученіемъ его дѣтей, я учтиво отказался отъ его милостиваго предложенія. Никольскій переждалъ нѣкоторое время

и то же предложеніе сдѣлалъ мнѣ чрезъ Ев. И. Станевича; я опять отказался, заявивъ, что хочу быть свободнымъ. Наконецъ съ тѣмъ же предложеніемъ подступаетъ ко мнѣ старшій сынъ Никольскаго, Павелъ Александровичъ, съ которымъ часто я прохаживался въ Лѣтнемъ саду, и увѣряетъ меня, что если я исполню моимъ согласіемъ волю его отца и матери, то многихъ обрадую. Опасаясь, чтобы они не подумали, что я веду развратную жизнь, я согласился напослѣдокъ перейти къ нимъ и перешелъ. Что же? Въ тотъ же день жена Никольскаго, Марья Ивановна, говоритъ мнѣ:

— В. И.! что вы любите по утру пить: чай или кофе? Мы всѣ пьемъ чай; а Сашенька (старшая дочь Никольскихъ, уже невѣста) одна пьетъ кофе. Хотите, и вамъ будутъ его приносить.

— Я не разборчивъ и прихотей не имѣю, отвѣчалъ я; что угодно будетъ вамъ велѣть мнѣ приносить, то и буду пить.

И вотъ мнѣ стали подавать кофе, мнѣ и Сашенькѣ. Это бы ничего; но я замѣтилъ, что ласки Никольскихъ ко мнѣ все увеличиваются, особенно увеличивается расположеніе Сашеньки.

Осенью 1807 г. у зятя ихъ Моисея Гр. Ушинскаго были крестины старшаго его сына; при этомъ былъ по обыкновенію, какъ короткій его пріятель, и Ал. От. Бирюковъ. Выпивши шампанскаго за новорожденнаго, послѣдній хотѣлъ поцѣловать Сашеньку; но она прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Этотъ старый, лысый хочетъ меня поцѣловать; лучше я васъ, В. И., поцѣлую.

Я остолбенѣлъ, а Бирюковъ слѣдомъ за нею, слышитъ ея слова, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ: «браво, браво!»

Наканунѣ врешенія 1808 года мать Сашеньки, по обыкновенію, вздумала гадать, выливая оловомъ.

— Хотите, говоритъ она мнѣ: я и вамъ загадаю. Посмотримъ, что выйдетъ.

— Хорошо, говорю я

Она вылила и говоритъ:

— Что это все выходитъ вамъ дорога?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ на этотъ разъ и кончился.

18-го марта былъ день ангела Сашеньки; за столомъ подносятъ и мнѣ вино пить за ея здорье, я отказываюсь. Матушка не вытерпѣла и при всѣхъ родныхъ и при А. С. Бирюковѣ выпалила мнѣ въ упоръ:

— Какъ вамъ не стыдно, В. И.? Сашенька васъ болѣе всѣхъ любитъ, а вы не хотите пить за ея здорье?

Бирюковъ заоралъ во всю глотку: «браво, браво!» Я сторѣлъ отъ стыда.

Однакожъ я всегда имѣлъ въ мысляхъ, что я съ маленькимъ моимъ жалованьемъ не могу прилично содержать жены; вотъ старшій зять ихъ столоначальникъ и 1200 руб. получаетъ, а все же съ трудомъ содержитъ свою жену; ему не разъ уже давали чувствовать, что въ домѣ имъ тяготятся и чтобы онъ искалъ себѣ квартиры, но онъ какъ будто не понимаетъ. Думаю себѣ, что та же участь и мнѣ будетъ, если женюсь на Сашѣ. Иное дѣло Ал. Ст. Бирюковъ, бывшій мой учитель: онъ, хотя и старикъ, но уже начальникъ отдѣленія, получаетъ хорошее жалованье, имѣетъ казенную квартиру и дрова, влюбленъ въ нее, и она можетъ быть за нимъ гораздо болѣе счастлива, нежели за мною.

Положеніе мое было щекотливо и затруднительно. Какъ избѣжать его? Искать перемѣщенія по другому министерству въ Петербургѣ? Но Никольскіе почли бы это съ моей стороны неблагодарностью; а можетъ быть потребовали бы отъ меня еще большихъ и тягостнѣйшихъ жертвъ. Всего лучше, думалъ я, искать мнѣ мѣста въ губерніяхъ. И вотъ, помня, какъ дядюшка мой хорошо живетъ въ Харьковѣ губернскимъ архитекторомъ и зная, что онъ выслужилъ уже срокъ службы, я рѣшился напомнить объ немъ сенатору Ал. Теплову, бывши у него на новый годъ. Тепловъ хорошо отозвался о немъ и сказалъ: «если вашъ дядя подастъ въ отставку, пусть напишетъ ко мнѣ, куда поступить его прошеніе, и я постараюсь испросить ему пенсіонъ». Объ этомъ благодѣтельномъ отзывѣ я увѣдомилъ дядюшку; но вмѣсто письма къ Теплову, онъ написалъ мнѣ, что служить

съ 1765 года, что подалъ въ отставку и желалъ-бы получить хоть малый пенсіонъ и хотя губернаторъ сказалъ ему, что представить въ сенатъ, но затѣмъ онъ не знаетъ, куда поступить его прошеніе, ибо въ таѣихъ дѣлахъ не свѣдущъ». Послѣ этого мнѣ нечего было дѣлать и я уже ничѣмъ не могъ возблагодарить моего дядю, принявшаго меня, безпріютнаго сироту, въ свой домъ. Сталъ я послѣ сего высматривать подобное мѣсто въ другихъ губерніяхъ и узнавъ изъ адресъ-календаря, что въ Херсонѣ есть вакансія губернскаго архитектора, а изъ газетъ освѣдомясь о прїѣздѣ въ Петербургъ управлявшаго тремя губерніями новороссійскаго края Дюка-де-Ришелье, подалъ ему просьбу о назначеніи меня на упомянутую должность, представивъ притомъ и нѣкоторые планы, сдѣланные мною въ Петербургѣ по правиламъ городской архитектуры. Навѣдывался я къ нему нѣсколько разъ и, по счастію, засталъ однажды у него франиуза Томона, строившаго въ Петербургѣ зданіе биржи. Тотъ, разсмотрѣвъ мои планы сказалъ, что всѣ желающіе быть губернскими архитекторами не иначе опредѣляются, какъ по аттестатамъ академіи художествъ за подписью профессора архитектуры Захарова и что Дюкъ велѣлъ мнѣ доставить отъ него аттестать. По счастію профессоръ Захаровъ былъ также и главнымъ архитекторомъ по адмиралтействамъ и по его проекту обстраивалось въ Петербургѣ адмиралтейство, а переписка объ этомъ происходила по моему столу. И такъ представилъ я ему планы, а онъ, испытавъ мои познанія въ архитектурѣ и задавъ мнѣ программу для составленія плана городскихъ воротъ съ башнею при въѣздѣ, дѣланный мною вчернѣ планъ одобрилъ и подписалъ приготовленный мною аттестать. Просьба моя и аттестать отъ Дюка-де-Ришелье, при отъѣздѣ его, переданы были вновь опредѣленному въ Херсонъ гражданскому губернатору князю Петру Сергѣевичу Мещерскому. На представленіе его министерству внутреннихъ дѣлъ князь Ал. Б. Куракинъ, два раза прежде благодѣтельствовавшій мнѣ, изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Будучи уже удостовѣренъ въ полученіи новой должности, я подалъ прошеніе въ главный адмиралтейскій

департаментъ объ увольненіи меня отъ должности помощника стольначальника. Представившіяся затрудненія были преодолены, и я получилъ увольненіе 4 мая 1808 года.

Настало прощанье съ А. С. Никольскимъ и его семьею. Чувствительны для меня были слезы Марьи Ивановны, ея дочери Сашеньки и прочихъ дѣтей; первая не утерпѣла открыться, что она не думала такъ скоро со мною разстаться.

По отношеніямъ князя Мещерскаго выданы мнѣ были прогоны и подорожная по казенной надобности; сыскался также и хорошей попутчикъ, помощникъ одесскаго почтмейстера, колл. ас. Артемій Макарычъ Худобашевъ. Его мать и братъ, жившіе въ Петербургѣ во дворѣ армянской церкви, надѣлили насъ всѣмъ, нужнымъ намъ въ дорогѣ и мы, купя повозку, поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, какъ ближайшей; къ тому же моему товарищу нужно было заѣхать въ Нѣжинъ къ роднымъ.

Выѣхали мы изъ Петербурга еще по зимней дорогѣ; но скоро она начала портиться, и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе дорога дѣлалась для насъ затруднительной. За Витебскомъ мы принуждены были переправляться чрезъ распутившіяся уже рѣчки и рѣки, однакожъ благополучно доѣхали до Николаева гдѣ и разстался я съ добрымъ моимъ спутникомъ. Приставъ почтовой станціи не совѣтовалъ мнѣ одному ночью ѣхать на перекладной повозкѣ въ Херсонъ; по дорогѣ, говоритъ онъ, встрѣчаются иногда грабежи, и въ самомъ Херсонѣ жена губернскаго землемѣра Сиврачи убила своего мужа. «Ну, въ хорошую же сторону я ѣду служить», невольно подумалъ я и все таки поѣхалъ.

По приѣздѣ моемъ въ Херсонъ прежде всего я поставилъ себѣ обязанностію письменно благодарить Ал. Сер. Никольскаго и жену его Марью Ивановну за тѣ милости, какими я пользовался въ ихъ домѣ; писалъ и къ сыну ихъ Павлу Ал. и зятю Моисею Гр., а также къ почтенному моему наставнику Ал. Ал. Палицыну, извиняясь предъ нимъ, что не могъ ѣхать черезъ Украину и заѣхать къ нему. Въ разное время я велъ отсюда переписку не только съ нимъ, но съ Е. И. Станевичемъ и Ив. Ѳед. Богдановичемъ. Послѣдній давалъ мнѣ замѣтить, что въ

Петербургъ я могъ бы болѣе выиграть по службѣ, нежели въ Херсонѣ. Можетъ быть, его мысли и справедливы; но я чувствовалъ свои недостатки: простоту, излишнюю откровенность, неискательность и неумѣнье льстить; а съ этими, для большаго свѣта, пороками далеко тамъ не уѣдешь.

Впродолженіи многолѣтняго моего здѣсь служенія со мною случались обстоятельства, сколько припомню, пріятныя и непріятныя.

Первое. Былъ здѣсь строительный комитетъ, въ которомъ князь назначилъ меня быть архитекторомъ съ жалованьемъ по 500 руб. Ему не нравилась фигура купола на зданіи съѣстнаго рынка, именуемаго „шопю“, по плану адмиралтейскаго архитектора О. Ив. Вунша. Я сдѣлалъ фасадъ съ бельведеромъ, уменьшавшимъ величину купола; онъ былъ одобренъ княземъ и въ натурѣ произведенъ.

Второе. Комитетъ призналъ нужнымъ построить близъ пристани рѣки Днѣпра лавки для торговцевъ и складки разныхъ припасовъ; для построенія ихъ я сдѣлалъ планъ. По вырытіи ровъ для фундамента оказалось вода; я разсудилъ сдѣлать изъ деревянныхъ плещиковъ роствергъ и на немъ уже основать каменный фундаментъ. Этотъ способъ оказался хорошимъ, а строеніе столь прочнымъ, что во все время моего въ Херсонѣ житія не было ни малѣйшей трещины на строеніи.

Третье. Составилъ я планы и смѣты для квартиръ военнымъ офицерамъ, въ облегченіе жителей города. Построеніе отдано было подрядчику. При рытіи канавъ для фундаментовъ оказалось во многихъ мѣстахъ, что здѣсь прежде были погребя француза Антоана и завалены навозомъ; градской голова Албрандтъ, бывший у него прикащикомъ, объ этомъ не сказалъ, и надобно было дѣлать дополнительныя смѣты.

Четвертое. Благодарственный для меня князь Мещерскій не долго былъ въ Херсонѣ губернаторомъ. Дюкъ передалъ ему свою обязанность, возложенную на него государемъ: заготовить на сотни тысячъ провіанта и овса для молдавской арміи, пригласивъ дворянъ для поставки его. Дворяне потребовали высокія

цѣны. Въ это время явились Фундуклей и повѣренный Перетца. всеобщаго подрядчика и его товарища по подрядамъ, и просили дать имъ на комиссію эту поставку, съ платежемъ имъ по 5 процентовъ съ рубля, съ тѣмъ, что они берутся поставить провіантъ ниже справочныхъ цѣнъ. На представленіе князя объ утвержденіи этого подряда, Дюкъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что это остается на собственной его отвѣтственности. Коммисіонеры, получа деньги, разослали по разнымъ мѣстамъ своихъ коммисіонеровъ для покупки провіанта, возовъ, воловъ и фурщиковъ, для доставки его въ Молдавію. Между тѣмъ князь Багратіонъ, командовавшій тогда молдавскою арміею, донесъ государю, что солдаты умираютъ съ голоду. И такъ князь Мещерскій для оправданія, почему онъ не исполнилъ повелѣнія государя о заготовленіи провіанта посредствомъ дворянъ-помѣщиковъ, долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и оттуда уже не возвратился, а вице-губернаторъ Есиповъ и секретарь его, совѣтовавшіе ему отдать заготовленіе провіанта на комиссію Фундуклею и Перетцу, воспользовались отъ нихъ важными подарками.

Пятое. По молодости и невоздержности моей я заразился скверною болѣзнію и не умѣлъ при началѣ совершенно излѣчиться отъ нея, отъ чего мое здоровье много пострадало: всегдашній на лицѣ моемъ румянецъ и ясность взора исчезли, я сталъ худѣть и сдѣлался непохожъ самъ на себя.

Шестое. Поручено было мнѣ надсматриваніе за починками дома почтовой конторы, а починки эти производилъ почтмейстеръ Пятницкій и дѣлалъ все по своему произволу, а не по смѣтѣ; отъ сего возникла между нами непримиримая вражда, а вскорѣ нашлась другая, еще большая, для того причина. Мой харьковскій соученикъ Николай Подколзинъ былъ женатъ на дочери сего почтмейстера, но не жилъ съ нею, а говорилъ мнѣ, что сама она живетъ съ другими. Однажды ввечеру соборный протоіерей Григорій Саржановичъ приходитъ къ вице-губернатору Ивану Христофоровичу Балагеоргію, который всегда любилъ меня и въ домѣ котораго я всегда былъ принятъ, какъ бы ближайшій его родственникъ. Протоіерей говоритъ ему, что Подколзинъ, оставя

жену, дочь почтмейстера, живетъ съ любовницею и просить, чтобъ ему воспрещено было такое незаконное житье. Выслушавъ протоіерея, я имѣлъ неосторожность сказать: «Батюшка! вы говорили о развратной жизни Подколзина; вамъ бы слѣдовало прежде выслушать его самого; онъ бы вамъ сказалъ, что и жена его не совсѣмъ хорошо ведетъ себя. Какъ отецъ духовный, вы должны ссоры между мужемъ и женою примирять кротостью. Къ тому жъ Подколзинъ служить по адмиралтейству полицмейстеромъ; такъ что можетъ гражданская власть надъ нимъ сдѣлать? У него есть свое начальство». Вице-губернаторъ и самъ сказалъ протоіерею, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло; но я чрезъ свою неосторожность нажилъ себѣ и еще двухъ недоброготовъ, протоіерея и губернаторскаго секретаря Похитонова, неразлучнаго друга Пятницкаго.

Седмое. Весною 1809 года пріѣхалъ въ Херсонъ полковникъ артиллеріи Ив. Ив. Львовъ для исправленія въ крѣпости арсенала, построеннаго еще во время князя Потемкина, и по рекомендаціи инженернаго генерала обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ принять на себя завѣдываніе работами, сказавъ притомъ, что адмиралтейскій департаментъ полагаетъ архитектору жалованье 2,500 рублей. Кусочекъ былъ лакомый; но я, зная равнше о желаніи состоявшаго при херсонскомъ адмиралтействѣ архитектора Вунша воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, притомъ не имѣя у себя помощника, ниже ученика и будучи одинокъ и слабого здоровья, отказался отъ сдѣланнаго мнѣ Львовымъ предложенія и указалъ на Вунша, человѣка женатаго и имѣющаго много дѣтей, давно въ этомъ краю живущаго, болѣе меня свѣдущаго въ прочности здѣшнихъ матеріаловъ и мастеровыхъ людей. Львовъ предложилъ ему и Вуншъ охотно согласился. Стали свидѣтельствовать поврежденія въ арсеналѣ. Вуншъ хвалился мнѣ выгодною комиссіею, а я передалъ ему подробно мой разговоръ со Львовымъ. Вуншъ цѣлуетъ меня, благодаритъ и говоритъ, что я поступилъ съ нимъ, какъ лучший его другъ. Но вдругъ дѣло получаетъ неожиданный оборотъ. Предположеніе артиллерійскаго департамента о суммѣ жалованья

архитектору тогда еще не было утверждено, а на представленіи о семь военный министр графъ Аракчеевъ написалъ: «съ перваго взгляда усматриваю я нехозяйственное распоряженіе артиллерійскаго департамента. Какъ можно положить архитектору 2,500 рублей? Довольно 500 руб.» Вуншъ письменно отказался тогда отъ предложенныхъ занятій, а Львовъ опять обратился ко мнѣ; когда же я снова отказался, онъ просилъ губернское правленіе предписать мнѣ составить планъ и смѣты на исправленіе арсенала, а мнѣ грозилъ, въ случаѣ моего отказа, донести генералъ-губернатору Дюку-де-Ришелье, который и самъ находился въ зависимости отъ военнаго министра. Отказываться болѣе было невозможно. Но лишь только Вуншъ узналъ о моемъ согласіи, тотчасъ написалъ представленіе своему портовому начальнику фонъ-Миллеру, заявляя, что готовъ заняться смотрѣніемъ арсенала и безъ жалованья. Заявленіе его однакожь не было принято департаментомъ, Львовъ получилъ даже выговоръ за медленность. Но мнѣ отъ того было не легче. Градская полиція показала цѣны матеріаламъ и мастеровымъ весьма низкія, а Львовъ такъ торопилъ меня составленіемъ смѣтъ, что не доставало мнѣ времени внимательно и подробно вникнуть во всѣ мелочи подробныхъ матеріаловъ и подѣлокъ и положить имъ настоящія цѣны. На всѣ работы было исчислено мною 225,033 р. 95 коп. и сверхъ того я имѣлъ осторожность положить на всю сумму десять процентовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на матеріалы и рабочихъ. Такихъ-то хлопотъ и непріятностей набрался я, желая сдѣлать добро другому!

Восьмое. Военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, видя хорошее управленіе губерніею вице-губернатора Калалеоргія, представилъ его въ губернаторы; но на докладѣ о семь министра внутр. дѣлъ государь изволилъ написать: «молоды!» Причина однакожь была другая: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Калагеоргій, бывши совѣтникомъ въ херсонской казенной палатѣ, за растрату казначаемы денегъ, отрѣшенъ былъ вмѣстѣ съ прочими членами отъ должности, и мѣсто вице-губернатора получилъ единственно по ходатайству великаго князя Константина

Павловича, котораго онъ и Курута учили греческому языку. Губернаторомъ къ намъ, по представленію Дюка, былъ назначенъ служившій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, давнишній мой знакомый, камеръ-юнкеръ Гр. Н. Рахмановъ. Это дало поводъ Калагеоргію сказать: «миѣ около 40 лѣтъ и меня называли молодымъ; а вмѣсто меня поставили губернаторомъ старика 25 лѣтъ»!

Девятое. Григорій Николаевичъ Рахмановъ былъ женатъ на Катеринѣ Аполлоновнѣ Волковой, дочери члена государственнаго совѣта. Это была красавица въ собственномъ смыслѣ и такъ превосходно и быстро играла на фортепьяно, что во всю мою жизнь я не видѣлъ подобной искусной игры; при томъ она и пѣла очень хорошо и имѣла прекрасный голосъ. По вступленіи Г. Н. Рахманова въ должность 1809 года, однажды онъ спрашивалъ секретаря своего Похитонова о познаніяхъ и способностяхъ и о поведеніи многихъ губернскихъ чиновниковъ. Похитоновъ о каждомъ изъ нихъ отзывался по своему расположенію, напоследокъ сказалъ: «есть у насъ губернской архитекторъ Ярославскій, человекъ молодой, гордый, не повинуется предписаніямъ начальства». Григорій Николаевичъ на эту аттестацію о мнѣ сказалъ: «О Василіѣ Ивановичѣ не говорите мнѣ ни слова; я его прежде васъ всѣхъ и лучше васъ всѣхъ знаю». Пересказывалъ мнѣ это полиціймейстеръ Константиновъ, бывшій при томъ разговорѣ.

Десятое. Похитоновъ продолжалъ и далѣе мстить мнѣ; но я нашелъ себѣ защиту въ Рахмановѣ. Строительный комитетъ предположилъ для осушки городскихъ низменныхъ мѣстъ, лежащихъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, раздать землю желающимъ по участкамъ, назначеннымъ по плану, для огородовъ и разведенія садовъ. Я выбралъ себѣ участокъ, гдѣ было посуше, и подалъ въ комитетъ просьбу объ отводѣ его мнѣ; а въ тоже время совѣтовалъ хорошему пріятелю своему кол. асс. Василю Иван. Ксіонзенку, помощнику почтмейстера, просить участокъ подлѣ моего, что тотъ и сдѣлалъ. Похитоновъ, завѣдывавшій дѣлами и въ комитетѣ, захотѣлъ взять себѣ участокъ земли, просимый

Ксионзенкомъ, и написалъ опредѣленіе о раздачѣ участковъ земли всѣмъ просителямъ, кромѣ Ксензенка, о просьбѣ котораго вовсе было умолчано. Увидавъ это опредѣленіе у члена комитета, купца Андрея Козорѣзова, я въ досадѣ разорвалъ оное. О такой дерзости моей Похитоновъ не преминулъ донести губернатору, требуя предать меня уголовному суду; но какъ опредѣленіе не было еще подписано никѣмъ, кромѣ Похитонова, то губернаторъ, узнавъ изъ словеснаго моего оправданія всю несправедливость своего секретаря, оставилъ это дѣло, сказавши только мнѣ, что «не слѣдовало рвать опредѣленія, хотя оно было и несправедливо составлено, и что Ксензенко самъ, если онъ чувствовалъ обиду, могъ жаловаться». Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что всѣ участки остались безъ раздачи: по распоряженію губернатора, на тѣхъ низменныхъ мѣстахъ сдѣланъ былъ по моему плану бульваръ, обсаженный деревьями и обнесенный деревянною рѣшеткою.

Одинадцатое. Осенью 1809 года губернаторъ, отправляясь въ Елисаветградъ и Александрію, для обревизованія губерніи, взялъ и меня съ собою. Въ первомъ городѣ мы остановились въ домѣ богатаго откупщика Фундулѣя, и тутъ было намъ дѣлано великолѣпное угощеніе. Получивъ здѣсь отъ военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье предписаніе о заготовленіи для молдавской арміи провіанта и овса посредствомъ дворянъ помѣщиковъ, Гр. Н. Рахмановъ отвѣчалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры для удачнаго выполненія и съ пользою для казны этого порученія, но съ тѣмъ, если Дюкъ испроситъ у государя производство его въ дѣйств. стат. совѣтники. Дюкъ поспѣшилъ дать ему въ томъ удостовѣреніе, и мы поѣхали въ александрійскій уѣздъ и остановились въ селѣ Онофріевѣ, имѣніи Мих. Ив. Комбурлея. Сюда собраны были помѣщики нѣсколькихъ уѣздовъ; недѣли двѣ угощали ихъ хорошими винами, столомъ, ѣздили на охоту. Такимъ способомъ Рахмановъ успѣлъ склонить ихъ сдѣлать приговоръ о доставкѣ въ Херсонъ, соразмѣрно владѣемаго каждымъ помѣщикомъ числа душъ крестьянъ, положенное количество четвертей ржи, пшена, крупъ и овса. Тутъ были помѣщики елисаветградскаго,

ольвіопольскаго, александрійскаго и херсонскаго уѣздовъ и всѣмъ имъ Григорій Николаевичъ назначилъ цѣну ржи по 7 руб. ассигнаціями. Въ Херсонѣ, куда я въ самомъ началѣ этого дѣла былъ отправляемъ для возвышенія и вымощенія затопляемыхъ водою низменныхъ мѣстъ, закипѣло построеніе вновь и оснащеніе прежнихъ судовъ; началась доставка провіанта и фуража въ Молдавію и Валахію въ назначенные порты. Всю эту операцію Григорій Николаевичъ возложилъ на полиціймейстера Константина и, считая его преданнымъ себѣ, самъ росписывался въ принятіи изъ уѣзднаго казначейства суммъ, а ему выдалъ книгу для записки въ нее, сколько кому будетъ выдано, за доставку провіанта денегъ, придавъ ему въ помощь и для веденія всѣхъ расчетовъ довѣреннаго своего секретаря Требухова. Но Константинъ увѣрилъ этого послѣдняго, что теперь некогда каждую выдачу денегъ заносить въ книгу, довольно брать отъ судовщиковъ росписки въ полученіи ими денегъ, а послѣ на свободѣ можно будетъ записать всѣ расходы въ книгу. Григорій Николаевичъ, слишкомъ довѣряя имъ, не позаботился тогда же взглянуть въ книгу и такое упущеніе было для него впоследствии времени крайне непріятно; но объ этомъ скажу послѣ.

Детнадцатое. Дюкъ выполнилъ свое обѣщаніе и Григорій Николаевичъ въ 1810 г. изъ камеръ-юнкеровъ пожалованъ былъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хотя не задолго предъ тѣмъ издано было именное повелѣніе, что тѣ только камеръ-юнкеры считаются въ 5 классѣ, которые находятся при дворѣ въ должности. Со всѣми губернскими чиновниками и я пришелъ поздравить Григорія Николаевича съ полученіемъ этого вождѣльнаго чина. Помню, что, послѣ поздравленія я стоялъ у окна; Григорій Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «мнѣ только 25 лѣтъ, и я уже дѣйств. ст. совѣтникъ, а тамъ буду тайный, а тамъ, а тамъ»..... Я отъ души пожелалъ ему все получить. Удачная доставка провіанта послужила ему въ 1811 году и къ другой важной наградѣ: имѣя только св. Владиміра 4 степени, онъ прямо получилъ 1 степени св. Анны. Въ другое время, идучи со мною по улицѣ, Григорій Николаевичъ говорилъ

ннѣ: «я выполняю теперь важную комиссію,—поставку провіанта для арміи 150 тысячъ четвертей: показавъ за доставку по 1 руб. выше настоящей цѣны, можно бы получить 150 тысячъ рублей, а по 2 р.—и вдвое больше; но я помню, что мы все смертные и по смерти ничего съ собою не возьмемъ». Я похвалилъ его безкорыстіе; однако послѣ я видѣлъ на лицѣ его пунжекъ, какъ говорить баснописецъ Крыловъ.

Тринадцатое. Составленные мною и посланные въ Петербургъ планы и смѣты на перестройку арсенала разсматривались тамъ весьма долго и возвращены лишь въ ноябрѣ 1809 г. притомъ съ значительными переѣмами. Велѣно было первоначально заняться сложкою арсенала, а потомъ раздѣлить работы такъ, чтобы каждая часть, кромѣ матеріаловъ, не превышала 10,000 рублей. Подрядчикъ Грудницкій брался произвести все работы за исчисленныя по смѣтамъ суммы, съ прибавкою противъ нихъ десяти процентонъ и съ тѣмъ чтобы казначейство каждый мѣсяць выдавало ему на 500 рублей мѣдными деньгами, въ которыхъ былъ тогда большой недостатокъ. Представленіе объ этомъ долго лежало сперва въ артиллерійскомъ департаментѣ, потомъ у военнаго министра, наконецъ въ сенатѣ; такъ какъ подрядчикъ былъ на большую сумму, то вѣрно ждали, что подрядчикъ самъ явится къ нимъ съ поклономъ. Сенатъ наконецъ утвердилъ контрактъ; департаментъ предписалъ Львову заключить съ Грудницкимъ контрактъ съ наддачею противъ смѣтъ десяти процентовъ, но въ размѣнъ денегъ на мѣдъ министерство финансовъ отказало. Прошло между тѣмъ больше года отъ составленія смѣтъ; цѣны на матеріалы и рабочихъ значительно поднялись и перестроить арсеналъ по прежнимъ смѣтамъ не представлялось уже возможности: подрядчикъ, вмѣсто обогащенія, могъ разориться самъ и подвергнуть тяжкой отвѣтственности меня вмѣстѣ съ Львовымъ. Я счелъ нужнымъ объяснить это подрядчику; тотъ сначала не повѣрилъ, а когда призванные имъ каменщики удостовѣрили его, что цѣны стали вдвое дороже противъ смѣты, то онъ рѣшительно на бумагѣ отказался отъ подряда. Припоминаю себя все неудовольствіе на меня и выговоръ со слезами добраго И. И.

Львова: «я считалъ тебя, говорилъ онъ мнѣ, лучшимъ моимъ другомъ, а теперъ вижу, что ты первый мой врагъ! Что мнѣ теперъ дѣлать? Вся служба моя этимъ опорочена!» Для успокоенія его, я сказалъ: «представляя объ отказѣ подрядчика Грудницкаго, вы напишите, что какъ здѣсь нѣтъ другихъ подрядчиковъ, то въ такой крайности не остается вамъ иного средства, какъ взять на себя обязанность перестройки арсенала хозяйственнымъ образомъ, стараясь по возможности не выходить изъ смѣтнаго положенія». Въ такомъ смыслѣ было отъ него написано представленіе арт. департаменту, которое, по докладу военного министра, государь изволилъ утвердить, съ тѣмъ лишь, чтобы перестройка арсенала производилась подъ главнымъ надзоромъ военного губернатора, Дюка-де-Ришелье.

Четырнадцатое. Учрежденный для перестройки арсенала комитетъ повелъ быстро работы. Между тѣмъ Григорію Николаевичу прискучилось жить въ крѣпости, отстоящей отъ города версты на полторы, и особенно въ осеннее и зимнее время, въ городѣ же для его помѣщенія удобнаго дома не было. Онъ захотѣлъ строенный комитетомъ домъ для квартиръ офицерамъ обратить для помѣщенія гимназіи, съ тѣмъ, чтобы устроить при этомъ и для себя квартиру. Помѣщеніе для гимназіи тѣмъ болѣе было необходимо, что уже и директоръ ея въ Херсонъ прибылъ. За отказомъ подрядчика Вармера отъ этой перестройки, комитетъ самъ началъ производить работы; но для этого новаго предположенія надлежало изъ маленькихъ комнатъ дѣлать большія, кухни обратить въ залу для экзаменовъ, а погреба въ кухни; также сдѣлать конюшни и сараи. Все это требовало большихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что при рытьѣ рововъ для фундамента оказались такія же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глубокія ямы, закиданныя навозомъ. Случилось еще, что сосѣдній весьма ветхій домъ, который я надѣялся поддержать постройкою новой стѣны, почти обвалился. Это вмѣнено было мнѣ въ упущеніе, и надзоръ за работами порученъ былъ сперва инженерному подполковнику Банову, а послѣ отказа его морскому архитектору Вуншу. Всѣмъ этимъ распоряжался Григорій Николаевичъ и

той же осени перешелъ въ этотъ домъ жить. Въ двухъ комнатахъ близъ большой его залы учителя гимназіи преподавали науки. Въ 1811 году онъ принималъ въ этомъ домѣ Марью Антоновну Недышкину, путешествовавшую по южнымъ губерніямъ Россіи. Въ томъ же домѣ въ большой залѣ угодно было ему назначить лѣтомъ произвести дворянскіе выборы. Женское любопытство побудило Катерину Аполлоновну одинъ или два раза войти въ залъ во время выборовъ сказать нѣсколько словъ александрійскимъ помѣщикамъ. Губернскій прокуроръ Мержіевскій, съ котораго полиціймейстеръ Константиновъ взыскивалъ должныя имъ кому-то тысячу рублей и которому Григорій Николаевичъ на его жалобу о семъ сказалъ, что Константиновъ исполняетъ свою должность, воспользовался этимъ случаемъ и послалъ доносъ министру юстиціи, что губернаторъ назначилъ выборы въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ, склонялъ дворянъ выбирать въ разныя должности такихъ, какіе ему были удобны и что жена его выходила во время выборовъ въ залъ и о томъ же дворянъ уговаривала. При докладѣ о семъ министромъ, государь изволилъ велѣть сенату потребовать отвѣтъ отъ губернатора. Григорій Никол. просилъ Дюка писать государю въ защиту его; но Дюкъ отказался. И такъ надобно было Григорію Никол. ѣхать самому въ Петербургъ для отвѣта. Тутъ только спохватились члены строительнаго комитета, видя, что весьма большая сумма употреблена на домъ гимназіи, что по этому предмету не сдѣлано никакого постановленія въ комитетѣ и что вся отвѣтственность обратится на нихъ однихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Бановымъ и его отказа, пришлось мнѣ, по просьбѣ Григорія Николаевича, составлять фальшивую смѣту, со многимъ грѣхомъ и ложью, чтобы вывести издержанную сумму. Секретарь Похитоновъ написалъ опредѣленіе и всѣ члены комитета подписали. Само собою разумѣется, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ съ Григоріемъ Николаевичемъ объясненій.

Пятнадцатое. Видя его неудовольствіе на меня, котораго я отнюдь не заслуживалъ, я вовсе пересталъ къ нему ходить;

но въ началѣ іюля захотѣлось мнѣ поѣхать въ Одессу, гдѣ хорошій мой пріятель В. И. Ксіонзенко исправлялъ должность почтмейстера, и я поневолѣ долженъ былъ идти къ Григорію Николаевичу и просить его уволить меня на 29 дней и выдать подорожную. Онъ былъ однако столько милостивъ ко мнѣ, что не только далъ мнѣ отпускъ и подорожную, но даже спросилъ, отъ чего я пересталъ къ нему ходить, и потомъ сказалъ, что онъ не можетъ на меня сердиться. Поѣздка моя въ Одессу была для меня весьма полезнаю. Кромѣ свиданія съ моимъ пріятелемъ Ксіонзенкомъ, я познакомился у него и коротко подружился съ учителемъ російской словесности въ ришельевскомъ лицей Ив. Ив. Гуржеевымъ, который, занявъ вскорѣ мѣсто правителя канцеляріи при военномъ губернаторѣ, графѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ Ланжеронѣ, много благодѣтельствовалъ мнѣ по службѣ.

Шестнадцатое. Губернскій землемѣръ Анатольскій, мой кумъ и землякъ, умеръ. Григорій Николаевичъ предложилъ мнѣ его мѣсто. Зная, что губернскому землемѣру на сто рублей больше жалованья, нежели губернскому архитектору, что должность эта въ 8-мъ классѣ, а архитектору не назначено класса, и что сверхъ того ему дается казенная квартира для чертежной и прислуги, а для письмоводства писецъ, я охотно согласился. Григорій Николаевичъ сдѣлалъ представленіе межевому департаменту сената, а я написалъ къ благодѣтельному князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, и по его ходатайству вскорѣ определенъ въ губернскіе землемѣры.

Григорій Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ взять къ себѣ сына несчастнаго губернскаго землемѣра Сиврачева, котораго мать за убіеніе мужа сослана въ Сибирь, въ каторжныя работы, образовать его и дать ходъ по службѣ, что я охотно и исполнилъ. Выучилъ его ариметикѣ, геометріи и въ практикѣ межеванію. Видя удивительную въ немъ способность къ рисованію, я давалъ ему хорошія картины для рисованія—сначала тушью кистію, а послѣ и красками; онъ снималъ даже съ портретовъ въ уменьшенномъ видѣ. По представленіямъ моимъ онъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, а потомъ и мѣсто херсонскаго уѣзднаго землемѣра. Но въ 1841

году онъ нарисовалъ 25 руб. ассигнацію... По счастью тогда вызывались желающіе гражданскіе чиновники въ военную службу, и какъ онъ изъявилъ согласіе, то по просьбѣ моей вице-губернаторъ Калагеоргій отправилъ его въ Варшаву. Спустя много лѣтъ, служа въ московскомъ гренадерскомъ полку, онъ былъ уже произведенъ въ подполковники.

Семнадцатое. Родной братъ мой, учитель изюмскаго училища, Иванъ Ивановичъ 1812 г. прислалъ мнѣ меньшаго своего сына Василя, котораго назвалъ моимъ именемъ изъ любви ко мнѣ, и просилъ принять его вмѣсто сына. Я обучилъ его и опредѣлилъ въ губернское правленіе, которое прикомандировало его ко мнѣ писцомъ. Будучи опредѣленъ совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату 24 мая 1817 года, я и его туда перевелъ. Этотъ племянникъ имѣлъ послѣ чинъ надворнаго совѣтника, былъ совѣтникомъ при бессарабскихъ озерахъ; вышедши въ отставку, пріѣхалъ въ Екатеринославъ, но здѣсь заболѣлъ и умеръ въ 1842 году.

Восемнадцатое. Швейцарцу Ревильдеру, за его благоразумныя распоряженія въ Одессѣ во время чумы 1812 г., Дюкъ, по просьбѣ его, захотѣлъ дать земли подъ разведеніе шпанскихъ овецъ. Избранный для сего пустопорожній казенный участокъ 12,000 дес. земли я въ натурѣ отводилъ; Ревильдеръ построилъ на немъ каменные овчарни и завелъ нѣсколько тысячъ овецъ; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, при учрежденіи въ херсонской губерніи военныхъ поселеній, этотъ участокъ, не смотря на защиту военнаго губернатора графа Ланжерона, былъ обращенъ на сѣнокосъ для поселеній и Ревильдеру заплачены были только издержки, употребленныя на постройку овчаренъ.

Девятнадцатое. Варвара Алексѣевна, жена моего пріятеля В. Ив. Ксіонзенка, получивъ отъ отца своего нѣсколько душъ крестьянъ въ селѣ Санджарахъ, полтавской губерніи, захотѣла перевести ихъ въ херсонскую губернію. Я прискалъ казенный пустопорожній участокъ въ 1500 дес. въ елисаветградскомъ уѣздѣ, сдѣлалъ планъ и послалъ его Василю Ивановичу. Дюкъ-де-Ришелье, по просьбѣ его, отдалъ ему этотъ участокъ подъ поселе-

ніе. Въ 1816 году я былъ у нихъ въ этой деревенькѣ и видѣлъ его маленькое хозяйственное заведеніе.

Двадцатое. Послучаю постройки бобруйской крѣпости велѣно было 500 душъ бобылецкихъ крестьянъ, занимавшихъ эту мѣстность, перевести въ херсонскую губернію и поселить на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ. По недостатку лѣса, избы для нихъ оплетены были камышемъ и имъ покрыты, а внутри и снаружи вымазаны глиною. Крестьяне, надѣясь, что будутъ переведены на прежнее ихъ жительство, не хотѣли перейти въ такое жилье и избы отъ времени обветшали и разорены. По жалобѣ крестьянъ министру внутреннихъ дѣлъ на худое устройство избъ, министръ прислалъ для обзрѣнія на мѣстѣ своего чиновника, который подтвердилъ справедливость жалобы. Наряжена была слѣдственная коммисія, состоявшая изъ предсѣдателя уголовной палаты Бор. Бор. Лопатинскаго, министерскаго чиновника и меня. Мы объѣхали всѣ бобылецкія селенія; я сдѣлалъ смѣту на поправленіе и постройку новыхъ избъ, а также планъ для надѣленія участками земли каждаго селенія. Всѣ эти предположенія были утверждены правительствомъ и потомъ присланы для исполненія къ военному губернатору графу Ланжерону. Построеніе избъ онъ поручилъ служащему при немъ чиновнику Николаю Дмитріевичу Кулаковскому, а мнѣ предписалъ имѣть надзоръ надъ постройкою избъ и отдѣлать земли, назначенныя по плану для каждаго бобылецкаго селенія. Я старался выполнить данное мнѣ порученіе; но въ одномъ селеніи бобылецкіе крестьяне не допустили меня провестъ между подъ тѣмъ предлогомъ, что я отвожу имъ худшіе участки, а лучшіе, хотя и въ отдаленіи, останутся помѣщикамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года, въ проѣздъ государя, они подали ему на меня жалобу, что я не ту землю имъ отвелъ, а крестьяне прочихъ селеній жаловались на Кулаковскаго, что непрочныя избы имъ построены. Государь поручилъ генераль-маіору Сталю разсмотрѣть и удовлетворить на мѣстѣ просьбу крестьянъ. Я вовсе не зналъ о поданной на меня жалобѣ; но, за отсутствіемъ губернскаго землемѣра, получивъ предписаніе губернатора Сень-При доста-

вить фонъ-Сталю планъ землямъ бобылецкихъ крестьянъ и поѣхать съ нимъ, я имѣлъ случай на мѣстѣ, при этихъ крестьянахъ, показать ложность ихъ жалобы и прочность постройки избъ. Генераль Сталь оправдалъ Куликовского и меня предъ государемъ.

Двадцать первое. Гр. Н. Рахановъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не былъ принятъ государемъ. По счастью для него, генераль Эртель заключилъ контрактъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ на поставку провіанта для молдавской арміи. Тогда государь принялъ Раханова и возложилъ на него должность генераль-интенданта. Принявъ эту должность, Рахановъ вызвалъ къ себѣ Константинова и Требухова. Въ концѣ 1812 года, по соединеніи молдавской арміи съ главною, онъ выполнялъ эту должность и за границу, и за службу тамъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Владиміра 2-й степени. Послѣ лейпцигскаго сраженія Рахановъ былъ назначенъ въ герцогство для продовольствія войскъ: но сказался больнымъ и отпущенъ въ Россію для излѣченія. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Херсонъ для составленія отчетовъ по поставкѣ провіанта въ молдавскую армію въ 1810 и 1811 годахъ; съ нимъ пріѣхалъ и Константиновъ, уже надворный совѣтникъ и имѣя орденъ св. Анны 2 класса. Въмѣсто всякаго отчета Константиновъ представилъ книгу, въ которую мало было записано статей, а вмѣсто ихъ привезъ полный мѣшокъ росписокъ отъ судовщиковъ въ полученіи ими денегъ за доставленный въ молдавію провіантъ. Тогда только Григорій Николаевичъ увидѣлъ, какъ худо Константиновъ оправдалъ его довѣріе. Чтобы составить изъ этихъ росписокъ отчетъ, для этого требовалось много времени и труда, словомъ: это слишкомъ долгая была пѣсня. Григорій Николаевичъ повезъ Константинова въ свое село Бобринъ; но сколько не трудились тамъ въ составленіи отчета, все таки не досчитались около двухъ сотъ тысячъ рублей. Видя свою вину, Константиновъ скрытно уѣхалъ въ Петербургъ и узнавъ тамъ, что Комбурлей отданъ подъ судъ за допущеніе контрабандъ въ волынской губерніи, сдѣлалъ доносъ, что и Елизавета Петровна, мать Григорія Николаевича, пользовалась от-

туда контрабандными товарами. Для разслѣдованія по этому до- носу присланы были изъ Петербурга чиновники, но товаровъ конечно не нашли. А Григорій Николаевичъ ничего не могъ сдѣ- лать съ отчетомъ и вынужденъ былъ заплатить недостающую сумму. Это подтверждали многіе свѣдующіе люди.

Двадцать второе. Графъ Аракчеевъ просилъ военнаго гу- бернатора графа Ланжерона приказать сдѣлать для него карту херсонской губерніи, на которой всѣ земли казенныхъ селеній означены были бы особою краскою, чтобы можно было ихъ отличить отъ земель помѣщичьихъ селеній. Составленная мною такая кар- та была представлена графу Аракчееву, и онъ руководствовался ею въ причисленіи казенныхъ селеній къ военнымъ, отъ меня же болѣе по сему предмету свѣдѣній не было требуемо.

Двадцать третье. Въ 1817 году мой благодѣтель Иванъ Хр- Балагеоргій, въ домѣ котораго не только онъ, но его жена Ели- савета Григорьевна и всѣ ихъ дѣти меня любили, былъ назна- ченъ въ Екатеринославъ губернаторомъ; на мѣсто его вице-гу- бернаторомъ прибылъ къ намъ Антонъ Ивановичъ Тимановичъ, бывший правитель канцеляріи Дюка-де-Ришелье.

Двадцать четвертое. Памятенъ для меня этотъ годъ и по другой причинѣ: занимаясь надзоромъ надъ постройкою избъ и измѣреніемъ земель, напаченныхъ бобылецкимъ крестьянамъ, въ такихъ степяхъ, гдѣ еще водились дикія лошади, я подмочилъ ноги и сильно простудился. Приходилось проживать тамъ иногда по цѣлому мѣсяцу, не имѣя для ночлега какой либо избы; спалъ я въ бричкѣ, переносилъ всякую перемѣну погоды и получилъ сильный воспалительный ревматизмъ и ломъ въ ногахъ. Всѣ употребленныя мною средства къ излеченію долго были беспо- лезны, я не могъ распрямить спины и стоять твердо на ногахъ; три мѣсяца не выходилъ изъ комнаты. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи я сдѣлался набожнымъ; прочелъ ветхій и новый за- вѣтъ, подаренные мнѣ помѣщикомъ Якимовичемъ, членомъ быв- шаго Библейскаго общества. Въ это-то время, когда Богъ за грѣхи мои и неумѣренность въ сладострастныхъ наслажденіяхъ

наказаль меня, я прибѣгнуль къ нему съ сердечною молитвою и излилъ предъ нимъ мысли свои въ трехъ бесѣдахъ 1) о зависти и вмѣстѣ съ тѣмъ о страданіи, смерти и погребеніи Господа Иисуса Христа, 2) о раскаяніи въ грѣхахъ въ день блуднаго сына и 3) о безсмертіи души. Только время и питье декокта въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы облегчили мое болѣзненное состояніе; но уничтожить его не могли, какъ и о кавказскихъ водахъ сказано, что онѣ отъ другихъ болѣзней навсегда излечиваютъ но ревматизмъ и другія мѣстныя, въ тѣлѣ происходящія отъ него, болѣзни при малѣйшей неосторожности возобновляются.

Двадцать пятое. Вмѣсто ордена св. Владиміра 4 степени, къ которому графъ Ланжеронъ представлялъ меня, объявлено мнѣ монаршее благоволеніе. Чувствуя свою обиду въ замѣнѣ для меня одной награды другою, я по сему случаю выступалъ съ рапортомъ къ графу Ланжерону, и онъ былъ такъ милостивъ, что не только чрезъ правителя его канцеляріи обѣщалъ при первомъ случаѣ доставить мнѣ желаемую награду, но, будучи въ Херсонѣ проездомъ въ Крымъ, сказалъ при всѣхъ представлявшихся ему чиновникахъ, «не буду я графъ Ланжеронъ, если не доставлю вамъ владимірскаго креста».

Двадцать шестое. Въ 1816 году на мѣсто Гр. Н. Рахманова былъ переведенъ къ намъ изъ каменецъ-подольской губерніи губернаторъ графъ Сен-При и занялъ квартиру въ домѣ гимназіи. Осенью этого года ожидали приѣзда въ Херсонъ великаго князя Николая Павловича. Губернаторъ велѣлъ мнѣ сдѣлать рисунокъ для иллюминаціи; я сказалъ ему, что вовсе не занимался этимъ и не знаю, въ какомъ видѣ произвести. — Ну, въ видѣ какихъ-либо триумфальныхъ воротъ, сказалъ онъ; но и этому желанію его удовлетворить я не могъ и обѣщалъ лишь рисунокъ воротъ. Упросили полковника Львова сдѣлать ихъ по моему рисунку. Колонны и карнизы онъ означалъ круглыми дырочками, заклеенными разноцвѣтными тафтами. Иллюминація вышла весьма неудачна. Въ этомъ же году я опять страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ ревматизмомъ, не могъ расправить сины и ходилъ съ трудомъ, согнувшись. Губерна-

торъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на перестройку находившагося въ развалинахъ дома бывшего молдавскаго господара Ипсиланти, для помѣщенія въ немъ городской больницы. Я отказывался отъ этой трудной работы по причинѣ болѣзненного моего состоянія. Онъ наговорилъ мнѣ много неприятныхъ словъ и угрозъ. Опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мною чего-либо худшаго, я подалъ ему прошеніе объ увольненіи меня отъ должности землемѣра по болѣзни. Графъ Ланжеронъ, которому представлено было мое прошеніе, зная меня за хорошаго по службѣ чиновника, хотя представилъ въ сенатъ объ увольненіи меня отъ землемѣрской должности, но въ тоже время вошелъ съ представленіемъ къ министру финансовъ объ опредѣленіи меня совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату, въ которую я и былъ опредѣленъ 1817 года, мая 24-го. И на этой должности губернаторъ Сен-При не далъ мнѣ покоя: онъ просилъ меня удѣлить свободное время для составленія плана и смѣты для починки и перестройки каменнаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Суворовъ, для помѣщенія въ немъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и я долженъ былъ выполнить его желаніе.

Двадцать седьмое. Во время служенія моего въ казенной палатѣ также случались со мною неприятности.

1) При производствѣ торговъ на отдачу питей въ одесскихъ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ, когда торги остались за одесскимъ откупщикомъ, короткимъ пріятелемъ вице-губернатора Тимановича, казенная палата въ угожденіе ему постановила было тогда же заключить съ подрядчикомъ и контрактъ, какого права сенатъ ей не предоставилъ. Я спорилъ и не подписывалъ опредѣленія потуда, пока не прибавили въ немъ словъ: «если объявленныя на торгахъ цѣны будутъ утверждены сенатомъ». Этотъ случай подалъ поводъ вице-губернатору быть ко мнѣ не расположеннымъ.

2) Министръ финансовъ нѣсколько разъ требовалъ отъ палаты присылки сравнительной вѣдомости прежней ревизіи съ новою, съ объясненіемъ, куда дѣвалась каждая душа,

показанная по прежней ревизіи. Недоброхоть мой Похитоновъ большею частію былъ увольняемъ вице-губернаторомъ въ деревню, оттого замедлилось по моему отдѣленію это дѣло. Онъ винилъ меня въ медленности и я принужденъ былъ сказать ему всю правду.

3) Министръ финансовъ велѣлъ обложить владѣльческія незаселенныя за Бугомъ земли податями. Надобно было собрать чрезъ земскіе суды имена всѣхъ забугскихъ владѣльцевъ, сколько числится за каждымъ земли, а отъ екатеринославской межевой конторы свѣдѣніе, сколько въ каждомъ владѣльческомъ участкѣ удобной земли оказалось въ натурѣ по формальному межеванію, ибо неудобную землю не слѣдовало облагать податю. Эту продолжительною работою я занялся самъ и не мало мнѣ стоило труда составить подробную вѣдомость для всѣхъ владѣльческихъ забугскихъ земель трехъ уѣздовъ; въ то же время всѣ тѣ земли, которыя по числу поселенныхъ душъ остались излишними, были обложены податю.

Двадцать восьмое. Графъ Ланжеронъ повторилъ свое представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о наградѣ меня орденомъ св. Владиміра, указавъ ему, что я занимался обмежеваніемъ бобылецкимъ крестьянамъ земли; но и на сей разъ мнѣ, вмѣсто креста, былъ назначенъ подарокъ изъ кабинета, брилліантовый перстень въ 500 рублей.

Двадцать девятое. Когда въ 1818 году государь находился въ Одессѣ, то графъ Ланжеронъ, не надѣясь, чтобъ уважено было министромъ внутреннихъ дѣлъ его о мнѣ представленіе и помня данное имъ мнѣ обѣщаніе, въ составленной имъ самимъ запискѣ о наградѣ разныхъ чиновниковъ помѣстилъ и меня къ наградѣ Владиміромъ 4 степени; но при этомъ ошибочно назвалъ меня, вмѣсто титулярнаго совѣтника, коллежскимъ ассесоромъ. Эту записку онъ подалъ лично государю. И такъ 3 мая былъ я награжденъ этимъ вождедѣннымъ для меня орденомъ и получилъ оный при письмѣ графа. Въ газетахъ обѣихъ столицъ я былъ названъ коллежскимъ ассесоромъ; но когда полученная изъ капитула

грамота на этотъ орденъ была прислана графомъ губернатору для выдачи мнѣ, то губернаторъ отослалъ ее обратно съ тѣмъ, чтобы вытребовать отъ капитула другую грамоту, въ которой былъ бы написанъ настоящій мой чинъ. Зная милостивое ко мнѣ расположеніе графа Ланжерона, я осмѣлился особымъ письмомъ просить его всеподданнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи меня въ чинъ коллежскаго ассесора, такъ какъ многократные бывали случаи, что при разныхъ чиновникамъ наградахъ, хотя по ошибкѣ названы были они высшими чинами, но всецѣдые монархи повелѣвали оставить оныя безъ перемѣны. Графъ Ланжеронъ былъ столько милостивъ ко мнѣ, что удостоилъ меня 31 іюля отвѣтомъ, что о наименованіи меня въ грамотѣ на орденъ св. Владиміра коллежскимъ ассесоромъ онъ спрашиваетъ у министра финансовъ разъясненія, а грамоту мою на этотъ орденъ прислалъ мнѣ обратно для храненія.

Тридцатое. Для пріѣзда государя въ Херсонъ назначена была квартира въ адмиралтействѣ, въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ 1787 году. Управляющій портомъ велѣлъ покрасить полъ; этимъ воспользовался губернаторъ графъ Сень-При, объявля присланному впередъ чиновнику, что во дворцѣ непріятный масленный духъ отъ покраски пола, что лучше будетъ государю квартировать у него, гдѣ и искусный поваръ французъ, и что если бы государь остановился во дворцѣ, тогда и приготовленная иллюминація, недешево городу стоящая, осталась бы безъ употребленія. Сверхъ того, Сень-При, какъ хитрый французъ, полагалъ, что государь, квартируя у него, увидитъ библіотеку и портретъ роднаго его брата, генерала, убитаго въ 1814 году въ сраженіи противъ Наполеона подъ Рейсомъ, и явить къ нему особенное благоволеніе. Его хитрость удалась, государь дѣйствительно остановился въ его квартирѣ. Велѣно было собраться председателямъ палатъ и совѣтникамъ въ большой залѣ, гдѣ предварительно повѣрялъ флигель-адъютантъ Данилевскій списокъ этимъ чиновникамъ. Потомъ велѣно было намъ перейти нѣсколько комнатъ и остановиться предъ угольною, гдѣ сидѣлъ государь на диванѣ;

съ германскимъ принцемъ. По выходѣ государя въ эту комнату, губернаторъ началъ читать списокъ. Когда произнесена была фамилія вице-губернатора Тимановича, государь спросилъ: «вы при Дюкѣ Ришельѣ служили»?—Такъ, ваше величество, отвѣчалъ Тимановичъ.—«Давно-ли оставили его»?—По выѣздѣ за границу. Болѣе никого государь не спрашивалъ; но предъ каждымъ нѣсколько склонялъ голову въ знакъ поклона. Всѣ думали, въ томъ числѣ и я, что вопросы, сдѣланные государемъ вице-губернатору, означаютъ особенную милость къ нему; но на дѣлѣ оказалось иначе. На него въ Одессѣ подана была отъ его племянниковъ жалоба, что, бывши правителемъ канцеляріи при Дюкѣ де-Ришелье, онъ нажилъ большія деньги, купилъ имѣніе за 70 тысячъ и хочетъ его отдать кому-то другому. По отъѣздѣ государя вице-губернаторъ Тимановичъ вскорѣ подалъ просьбу въ отставку, а на его мѣсто былъ опредѣленъ мой соученикъ и пріятель Вас. Вас. Петрулинъ.

Тридцать первое. Постройка арсенала въ Херсонѣ, начатая въ 1811 году, продолжалась нѣсколько лѣтъ. По окончаніи каждаго мѣсяца я составлялъ вѣдомость о томъ, что было построено, для отсылки въ артилерійскій департаментъ, а полковникъ Львовъ вѣдомость издержанной суммѣ. Въ 1813 г., подъ осень, Дюкъ де-Ришелье, бывши въ Херсонѣ, осматривалъ арсеналъ и остался доволенъ постройкою. Въ 1816 году государь императоръ изволилъ возложить подобную обязанность на вновь опредѣленнаго военнаго губернатора графа Ланжерона. Въ 1818 году, въ маѣ мѣсяцѣ, государь изволилъ лично осматривать постройку арсенала съ графомъ Аракчеевымъ. Пройдя по всему арсеналу, онъ сказалъ какому-то германскому принцу: «C'est batimant superbe» (это зданіе величественное). Тогда еще одинъ павильонъ не былъ совсѣмъ достроенъ. Графъ Аракчеевъ спросилъ полковника Львова: «почему этого павильона не достроилъ,—вѣрно не достало денегъ»? Львовъ отвѣчалъ, что еще остается произвести работъ по смѣтѣ слишкомъ на 17 тыс. рублей. Графъ сказалъ ему: «пріѣду въ Петербургъ, велю отпустить». Я ходилъ назади съ планомъ по арсеналу, видѣлъ и

слышалъ все это. Въ 1819 году всѣ постройки по арсеналу были кончены; по донесеніи о томъ графу Ланжерону, онъ прибылъ въ Херсонъ для освидѣтельствванія произведенныхъ построекъ и къ сему назначилъ коменданта, инженернаго генерала Хотяева и артилерійскаго подполковника Заварковскаго. Всѣ они, живя въ крѣпости, могли видѣть часто, какъ производятся работы, и о прочности ихъ дали графу письменное свидѣтельство. Что касается меня, то во все продолженіе постройки арсенала я рѣдко при немъ бывалъ, особенно, когда былъ губернскимъ землемѣромъ и долженъ былъ отлучаться на долгое время въ уѣзды. Могу по совѣсти сказать, что почти даромъ получалъ каждый годъ положенное мнѣ жалованье. Полковникъ Львовъ, отправившись въ семъ же 1819 году въ Петербургъ съ отчетомъ, писалъ мнѣ оттуда, а потомъ 12 августа изъ Рязани, что онъ произведенъ генераль-маіоромъ, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и получилъ въ награду землю, а о награжденіи меня просилъ лично графа Ланжерона, бывшего тогда въ Петербургѣ, на что тотъ обѣщалъ подать обо мнѣ записку кн. Волконскому. Вѣроятно, по этой-то запискѣ государь велѣлъ въ 1820 г. выдать мнѣ одновременно 1000 рублей ассигнаціями, которые и были мнѣ высланы изъ херсонской казенной палаты. Во второмъ письмѣ И. И. Львовъ, между прочимъ, писалъ, что «имѣть ко мнѣ чувствительную и истинную безъ лести благодарность за мои настоящіе совѣты и исполненія и во вѣкъ ихъ не забудеть; что онъ сыну своему говорилъ о мнѣ, если случится мнѣ какая нужда, то выполнялъ бы просьбы мои съ усердіемъ». Не такова бы была насъ обоихъ участь, когда бы подрядчикъ Грудницкій строилъ арсеналъ. Легко могло стать, что вмѣсто награды мы подверглись бы суду. Теперь, вспоминая о томъ, явно вижу всеблагій промыслъ Божій, вразумившій меня такъ говорить и дѣйствовать въ то критическое время:

Тридцать второе. Сдѣланные мною планъ и смѣта на поправленіе суворовскаго дома для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ графъ Ланжеронъ лично представлялъ государю въ Одессѣ. По одобреніи ихъ и ассигнованіи потребной суммы, работы,

за неявкою желающихъ взять на себя эту постройку, производились хозяйственнымъ способомъ подѣ моимъ наблюдениемъ и при участіи губернскаго землемѣра Гречины и полиціймейстера Богдановича. Въ этомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ со всею осторожностію, велъ подробныя записи, вызывалъ черезъ полицію подрядчиковъ особо на поставку порознь каждаго матеріала и также особо на каждую работу мастеровыхъ. Благодаря этому, когда послѣдовало повелѣніе объ увольненіи меня отъ должности совѣтника и опредѣленіи чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ попечителю колонистовъ южнаго края генераль-адъютанту Инзову, я и изъ этого дѣла вышелъ чистъ и, составивъ подробный отчетъ, что уже сдѣлано и сколько соблюдено противъ смѣты экономіи, съ оставшеюся у меня суммою представилъ въ комитетъ.

Тридцать третье. На службу къ генераль-лейтенанту Инзову я былъ лично имъ приглашенъ, въ проѣздъ его черезъ Херсонъ, а побудило меня къ этой перемѣнѣ то, что я не видѣлъ конца дѣлу объ утвержденіи меня въ чинъ коллежскаго ассесора.

Тридцать четвертое. Живя долгое время въ Херсонѣ, я имѣлъ незаконныхъ дѣтей—сына Петра и дочь Анастасію; но они умерли въ младенчествѣ. Благость Божія чрезъ преждевременную ихъ смерть избавила ихъ отъ несчастной жизни, которой по возрастѣ они могли-бы быть подвержены, а меня отъ стыда выставлять ихъ на показъ свѣту, какъ явные знаки беззаконнаго моего сожителства.

Тридцать пятое. Я имѣлъ въ Херсонѣ небольшой домъ, который при отъѣздѣ удачно продалъ адмиралтейскому чиновнику за 1900 рублей; но въ этомъ городѣ пропала у меня на невѣрныхъ должникахъ такая же сумма, и если бы я болѣе тамъ прожилъ, то, по снисхожденію моему къ должникамъ, могъ бы потерять всѣ деньги, которыя отдалъ бы имъ въ займы.

Сдавъ отчетъ о постройкѣ присутственныхъ мѣстъ строительному комитету, я отправился въ Екатеринославъ и, прибывъ туда въ концѣ ноября мѣсяца 1819 года, остановился въ

квартирѣ эзекутора Гридякина, въ домѣ, занимаемомъ комитетомъ. Каждый день мы обѣдали у генерала Ивана Никитича Инзова. Онъ обходился со мною весьма ласково, какъ и со всѣми чиновниками; но долгое время не давалъ мнѣ никакихъ порученій. Наконецъ велѣно было мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на постройку въ казенномъ саду (котораго Инзовъ былъ также попечителемъ) хворостяной избы для помѣщенія учениковъ садовника. Хотя этотъ трудъ, послѣ херсонскихъ строеній, произведенныхъ мною, былъ для меня камъ бы низкимъ; но надобно было исполнять повелѣніе. Потомъ Инзовъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ для построенія въ нѣмецкой колоніи Гейдебергъ католической каменной церкви. Сдѣланныя мною на планѣ двѣ башенки въ видѣ колоколенъ, которыя, по мнѣнію моему, составляли красоту фасада, не понравились члену комитета Контеніусу, и мнѣ велѣно сдѣлать другой планъ съ одною башнею; но я уже не дѣлалъ его,—надобно было отдѣлать земли для каждой менонитской колоніи. По сдѣланному менонитскимъ старшиною вчернѣ проэктору я сдѣлалъ на бѣло планъ и нарѣзку, въ какомъ видѣ слѣдуетъ надѣлать землею каждую колонію по числу семействъ. Эту нарѣзку одобрилъ тотъ старшина и генераль.

Пользуясь благосклонностью Ивана Никитича, я рассказалъ ему при случаѣ о сдѣланной графомъ Ланжерономъ ошибкѣ при представленіи меня лично государю къ награждѣ орденомъ св. Владимира 4 степени и просилъ его войти съ представленіемъ по начальству объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора. Инзовъ дѣйствительно ходатайствовалъ объ удовлетвореніи моей просьбы, но и его ходатайство осталось безъ успѣха.

Въ началѣ 1820 года присланъ былъ изъ Петербурга къ генералу извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ. За какіе-то сочиненные имъ противъ правительства стихи его хотѣли было сослать; но російскій историографъ Ник. Мих. Карамзинъ и другіе упросили государя пощадить его по молодости лѣтъ, видя въ немъ отличный даръ къ стихотворству. Зная хорошую нравственность и аккуратность въ жизни генерала

И. Н. Изова, прислали Пушкина къ нему какъ бы для исправленія его поведенія. При этомъ случаѣ генераль сказалъ: «что я буду няньчиться съ нимъ? онъ уже слишкомъ великъ выросъ». Пушкинъ, остановясь въ трактирѣ еврея, велъ тамъ развратную и разгульную жизнь, которая могла бы быть для него весьма пагубна; онъ даже рѣдко являлся къ столу генерала. Къ счастью для него, приѣхалъ въ Екатеринославъ прославленный въ 1812 г. въ войнѣ противъ французовъ генераль Раевскій, ѣдучи на кавказскія воды. Сынъ его, увидѣвъ Пушкина, сталъ просить отца уговорить Ивана Никитича, чтобъ отпустилъ Пушкина съ ними на Кавказъ. Иванъ Никитичъ согласился съ тѣмъ, чтобы Раевскій написалъ къ вице-канцлеру Нисельроде, что беретъ его на свою отвѣтственность. Тамъ-то или послѣ того Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ написалъ извѣстную поэму «Кавказскій плѣнникъ».

13-го апрѣля 1820 года генераль далъ мнѣ на бумагѣ въ четырехъ пунктахъ инструкцію, что я долженъ дѣлать по приѣздѣ моемъ въ колоніи съ старшимъ членомъ екатеринославской конторы Фадѣевымъ, а 2-го іюля, извѣщая меня, что по высочайшей волѣ онъ назначенъ къ отправленію должности бессарабскаго намѣстника, предписалъ мнѣ отправиться съ тѣмъ же Фадѣевымъ въ Крымъ для содѣйствія ему по предметамъ, до избранія земель относящимся, по окончаніи же сего имѣть надзоръ за построеніемъ молочанской церкви, равно за дѣйствіемъ землемѣровъ по обмежеванію земель и надѣленію землею виртембергскихъ выходцевъ. Когда постройка молочанской церкви была совершенно окончена, Изовъ предложилъ комитету отправить меня въ Бессарабію. Усмотрѣвъ изъ этого предписанія, что я долженъ оставаться въ молочанскихъ колоніяхъ на долгое время и вынужденъ буду вести жизнь... и незавидную, что подобными затѣями я не только не сооставлю себѣ впредь чести и славы, но еще могу потерять въ общемъ другихъ людей и собственномъ своемъ мнѣніи и тѣ, что доселѣ приобрѣлъ, я, по возвращеніи въ Екатеринославъ, подалъ генералу просьбу объ отставкѣ по болѣзни. Генераль не только не разсердился на

меня за это, но былъ такъ добръ, что, получивъ на представленіе свое отъ управленія министерства внутреннихъ дѣлъ согласіе, прислалъ изъ Кишинева мнѣ хорошей аттестатъ отъ 11 октября 1820 года и предложилъ комитету выдать мнѣ формулярный списокъ и удовлетворить меня по день увольненія жалованьемъ.

Генералъ-лейтенантъ Ив. Ник. Инзовъ былъ рѣдкой доброты сердца, опытности, кротости, снисхожденія, ласковости, безкорыстія и здраваго сужденія; но въ обхожденіи онъ изъяслялъ сомнѣніе и недовѣрчивость, что происходило отъ природныхъ свойствъ его ума или отъ великой опытности. Его адъютанты, маіоры, два брата.... (по словамъ нѣкоторыхъ они были незаконныя дѣти знаменитаго генерала Ермолова) говорили мнѣ, что онъ испытывалъ меня и что со временемъ я могъ бы войти къ нему въ довѣренность. Но признательно сказать, что мои свойства и правила были таковы, что вмѣсто искательства я самъ удаляюсь отъ тѣхъ людей, которые сомнѣваются въ честныхъ и добрыхъ моихъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ. Изъ откровеннаго со мною обращенія и третьяго адъютанта, Егора Егорыча Гильдежинецъ, я видѣлъ, что они меня любили; послѣдній былъ у меня два раза, когда я служилъ въ Тулѣ. Принятая или данная Ивану Никитичу фамилія есть неразрѣшимая загадка: меня увѣряли, что когда самозванецъ Пугачевъ истреблялъ поволжскимъ губерніямъ дворянскія семейства, то его нашли младенцемъ въ ~~колыбели~~, висящей въ лѣсу на суку; не зная подлиннаго его прозванія, назвали его *Инъ-зовъ*. Меня также увѣряли, что онъ *массонъ*; это весьма вѣроятно. Онъ любилъ читать этого рода книги, но никогда не говорилъ объ этой сектѣ. У него въ спальнѣ надъ постелью висѣлъ портретъ знаменитаго генерала Николая Васильевича князя Репнина, который, какъ извѣстно, былъ высокой степени массонъ, уважаемый всѣми массонами временъ Екатерины и Павла. Инзовъ служилъ при немъ адъютантомъ и отзывался о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Говорятъ, что Инзовъ имѣлъ крестьянъ, но отпустилъ ихъ на волю. Во время мое были у него четыре деньщика, которые исправляли въ его

домъ всѣ должности: одинъ былъ дворецкій, другой комнатный, третій поваръ и четвертый вучеръ. Я никогда не слышалъ, чтобъ онъ выбранилъ кого-либо или сказалъ обидное слово; даже простому колонисту въ разговорахъ говорилъ: *душа моя*. Бывшіе въ то время въ Екатеринославѣ извѣстные массоны вице-губернаторъ..... и директоръ гимназіи Мизко весьма уважали его и онъ съ ними былъ въ дружбѣ. Нельзя не упомянуть и о добротѣ души члена комитета иностранныхъ поселенцевъ, коллежскаго совѣтника Ивана Николаевича Ланова, который въ обхожденіи со мною всегда былъ весьма ласковъ.

Нерѣдко въ праздничные и воскресные дни я ходилъ обѣдать къ Елизаветѣ Григорьевнѣ, женѣ добраго Ивана Христофоровича Калагеоргія. Она была почти всегда задумчива и печальна, и было о чемъ ей задумываться. По пріѣздѣ Ивана Христофоровича въ Екатеринославъ, будучи посланъ по высочайшему повелѣнію въ Таганрогъ для произведенія слѣдствія надъ тамошнимъ градоначальникомъ, онъ, прогуливаясь однажды по городу въ заморозъ, неосторожно ступилъ на кочку и вывихнулъ ногу въ косточкѣ; но не излѣчившись еще совершенно отъ болѣзни, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, а на пути разсудилъ побывать у великаго князя Константина Павловича и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ пришлось ему проводить и праздникъ Рождества Христова. Наканунъ новаго года Константинъ Павловичъ сказалъ ему: «Калагеоргій! завтра будетъ большой парадъ войска, тебѣ надобно видѣть моихъ молодцевъ». Иванъ Христофоровичъ рано выѣхалъ смотрѣть ихъ, долго ждалъ и сильно озябъ отъ большаго мороза. Когда возвратился во дворецъ, то въ жарко натопленной комнатѣ вдругъ сдѣлался ему такой сильный ударъ, что языкъ отнялся. Тамошніе медики, употребя всѣ средства къ пособію ему, въ консиліумѣ рѣшили, что только кавказскія воды могутъ его излѣчить. По письму великаго князя государь уволилъ его для пользованія тамъ. По возвращеніи его оттуда я былъ у него и обѣдалъ въ день Александра Невскаго; онъ могъ говорить, хотя весьма тихо; но память его уже не возвратилась; бывши прежде всегда веселъ, сдѣлался печаленъ и за-

думчивъ. Рассказывая преосвященному Юву (который былъ родственникъ жены Ивана Христофоровича и родной племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина), онъ самъ удивлялся, что послѣ удара боль ноги у него прекратилась и онъ сталъ свободно ходить. Послѣ обѣда я увидѣлъ чудо, никогда невиданное мною въ Херсонѣ: всѣ обѣдавшіе чиновники, видя хозяйку и хозяина, не кланяясь, выходили изъ комнаты, какъ бы давая ему знать, что, получая отъ государя столовые деньги, онъ обязанъ дѣлать для нихъ въ высокаторжественные дни обѣды. Иванъ Христофоровичъ напрасно вступилъ въ должность; увидѣвши самъ, что уже не можетъ ее исполнять, онъ вскорѣ подалъ въ отставку и, кажется, уволенъ съ пенсіономъ. Такъ въ жизни со многими людьми случается, что гдѣ они надѣются найти свое благополучіе, тамъ находятъ свое несчастіе!

Въ Екатеринославѣ я нашелъ своего соученика Николая Петровича Насѣдкина, нѣкогда занимавшагося архитектурою у моего дяди; онъ служилъ здѣсь губернскимъ архитекторомъ; построилъ себѣ деревянный домъ, засадилъ обширное мѣсто тутювыми деревьями и занимался шелководствомъ.

Еще въ Херсонѣ я получилъ отъ профессора архитектуры въ харьковскомъ университетѣ Евгенія Алексѣевича Васильева въ 1819 году письмо съ завѣреніемъ, что я могу надѣяться выдержать экзаменъ, и какъ отъ Екатеринослава до Харькова только 217 верстъ, то по увольненіи я рѣшился поѣхать туда попытаться счастья, ибо надобно было достигнуть этого толико вождельянаго чина *коллежскаго ассесора*.

По приѣздѣ въ Харьковъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евг. Вас. Васильевъ принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Между тѣмъ подалъ я прошеніе въ университетъ о допущеніи меня къ экзамену на чинъ коллежскаго ассесора, приложивъ аттестатъ изъ училища и формулярный о службѣ списокъ. Ректоромъ тогда

былъ профессоръ математики Осиповскій; но онъ вскорѣ потомъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ масонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи, и мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка..... Такъ какъ сыновья ректора учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ, то его рекомендація обо мнѣ ректору много мнѣ помогла. Заболтали также о мнѣ доброе слово и Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, и жившая въ дружбѣ съ женою ректора. Хотя вопросы по разнымъ наукамъ даны были мнѣ заранѣе; но я, не надѣясь на свою слабую память, составлялъ письменные отвѣты по каждой наукѣ и исписалъ около трехъ десятковъ бумаги; по нѣскольکو разъ ихъ прочитывалъ и можно сказать почти выучивалъ. Особенно всемірная и россійская исторія, всеобщая и россійская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года: всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны, а профессоръ россійской словесности Борзенко былъ даже ко мнѣ благосклоненъ; онъ назначилъ мнѣ написать сочиненіе о томъ, какъ первоначально и постепенно открывались художества, полагая, что это должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ богословія отцу Афанасію Могилевскому, еще прежде экзамена, я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ, и онъ хвалилъ изъ нихъ бесѣду о безсмертіи души. Только профессоръ физики Комлышинскій, знакомый мнѣ изъ дѣтства, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, конфузилъ меня и видимо хотѣлъ смѣшать; но на счастье мое какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ попадались мнѣ все легкіе вопросы. Болѣе другихъ страшилъ меня экзаменъ по французскому языку, въ которомъ я былъ мало свѣдуецъ, такъ какъ началъ учиться ему въ позднія лѣта и разговорами не занимался. Но приглашенный для испытанія меня въ разговорной рѣчи французъ находился въ другой комнатѣ и его забыли позвать, а чтеніе мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. И такъ, съ

помощію Божією, я счастливо окончилъ свой ѳкзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ Евгений Алекс. Васильевъ показывалъ мнѣ планы прожектированной имъ соборной колокольни и читалъ мнѣ мнѣніе о нихъ архитектора Стасова. Последній славился въ Петербургѣ многими зданіями, съ большимъ ввусомъ имъ построенными; императоръ Александръ Павловичъ преимущественно предъ другими архитекторами употреблялъ его для казенныхъ зданій, и онъ дѣйствительно имѣлъ изящный вкусъ въ архитектурѣ. На замѣчанія его относительно проэкта колокольни Евгений Алексѣевичъ не придумалъ ничего сказать, какъ только, что столичный архитекторъ не могъ одобрить провинціального архитектора. Разсматривая этотъ проэктъ, я отважился замѣтить ему, что стѣны толстотою въ двѣ сажени не могутъ хорошо просохнуть, что для постройки такой высокой колокольни нужно имѣть весьма хорошій кирпичъ, котораго нѣтъ въ Харьковѣ, что такіе большіе свѣсы у карнизовъ невозможно изъ кирпича сдѣлать. На эти замѣчанія онъ отвѣтилъ мнѣ: «что же? мы сдѣлаемъ въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ дыры, чтобы стѣны могли просыхать, кирпичъ будемъ дѣлать сами, а карнизы будемъ выливать изъ чугуна; мнѣ хочется, чтобы эта колокольня была выше кіевской». Ничто однако не помогло: при постройкѣ этой колокольни оказались такія трещины, что для подпорки ея принуждены были построить на сѣверной и южной сторонахъ двѣ каменные высокія стѣны съ контрфорсами, гдѣ помѣщаются лавки, и крѣмъ того уменьшить ее на одинъ этажъ. Безъ этой предосторожности огромное и слишкомъ широкое зданіе колокольни могло подвергнуться паденію. И дѣйствительно, долговременный опытъ во всѣхъ государствахъ и въ разные вѣка показалъ, что изъ всѣхъ башенныхъ строеній тѣ только и долговременны, которыя были построены въ видѣ конуса, постепенно въ широтѣ уменьшаясь. Въ такомъ видѣ построена и кіево-печерская колокольня въ половинѣ прошедшаго столѣтія archit. Шейденомъ, и притомъ изъ превосходнаго тамошняго кирпича, каковаго нигдѣ нѣтъ въ Россіи.

Показывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ и другой свой прожектъ, предназначаемый для библіотеки и обсерваторіи университетской. Фасадъ сходенъ съ фасадомъ библіотеки въ Касселѣ. Евгеній Алексѣевичъ затруднялся, чѣмъ лучше укрѣпить углы этого весьма широкаго зданія, чтобы они не разошлись; но видно, что строивши его, онъ не придумалъ для этого вѣрнаго способа. Разрушеніе этого зданія составило его несчастіе: государь Николай Павловичъ, бывши въ Харьковѣ послѣ 1835 года, велѣлъ удалить его отъ должности. И такъ, начавши свою службу весьма счастливо, онъ кончилъ ее бѣдственно.

Разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ, какъ профессоръ физики Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, бывши ректоромъ университета, возгордился было этимъ достоинствомъ и хотѣлъ показать надъ имъ свою власть. Было, говорить, вакаціонное время; я поѣхалъ къ помѣщику Вукотичу. Возвращаюсь въ Харьковъ, а ректоръ присылаетъ ко мнѣ писмоводителя спросить, у кого я спрашивалъ отпускъ. Я отказался дать ему отвѣтъ. Тогда онъ потребовалъ отъ меня отвѣта на бумагѣ; я сказалъ посланному: «пусть ректоръ возметъ назадъ свою бумагу, а въ противномъ случаѣ будетъ сожалѣть о своемъ неумѣстномъ поступкѣ». Стойковичъ потребовалъ отъ меня отвѣта другою бумагою. Я написалъ ему, что стыжусь отвѣчать такому ректору, который во зло употребляетъ законы: вмѣсто книгъ для университета выписываетъ венгерское вино и разсылаетъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ продавать его по назначенной имъ цѣнѣ. По донесеніи объ этомъ министру просвѣщенія, послѣдній велѣлъ ему подать въ отставку, грозя въ противномъ случаѣ отдать его подъ судъ.

Еще о другомъ низкомъ поступкѣ Стойковича разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ. Женился онъ на помѣщицѣ изюмскаго уѣзда, женщицѣ некрасивой, но у которой было полтора душа крестьянъ; выпросилъ себѣ землю въ херсонской губерніи для поселенія крестьянъ, склонилъ жену продать ея землю, а крестьянъ перевести въ ту губернію; деньги за проданную землю отчасти употребилъ на переселеніе, а отчасти на свои нужды; потомъ переселенныхъ крестьянъ продалъ тамъ и, взявъ деньги,

уѣхалъ въ Петербургъ, а жену бросилъ оплакивать ея бѣдственную участь. Выслушавъ это, я сказалъ Евгению Алексѣевичу, что землю Стойковичу, въ числѣ 12,000 десятинъ, пришлось отводить мнѣ и когда я собралъ для этого понятыхъ и рабочихъ изъ разныхъ селеній, то онъ отказался кормить ихъ и заплатить имъ за ихъ труды. За мое же усердіе и безкорыстіе онъ также отплатилъ мнѣ неблагодарностію.

Въ бытность мою въ этотъ разъ въ Харьковѣ пришлось мнѣ встрѣтиться съ моимъ соученикомъ, Степаномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, который, изъ уѣзднаго землемѣра сдѣлавшись губернскимъ архитекторомъ, нажилъ себѣ порядочный домикъ. На вопросы мои объ умершемъ дядѣ моемъ Петрѣ Антоновичѣ онъ разсказалъ мнѣ, что по отставкѣ онъ жилъ въ скудости и когда умеръ, некому было его хоронить. Сынъ его Николай, служившій тогда при новгородской гимназіи, пріѣхалъ въ Харьковъ, продалъ отцовскій домъ и поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Я ходилъ на кладбище подъ Холодную Гору, пересмотрѣлъ всѣ на крестахъ и памятникахъ надписи; но могилы почтеннѣйшаго этого моего благодѣтеля и добрѣйшаго чловѣка не нашелъ и принужденъ былъ возвратиться съ горестію.

Степанъ Григорьевичъ также мнѣ разсказалъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, какія непріятности перенесъ Григорій Романовичъ Шидловскій отъ своего сына Федора (моего ученика). Послѣдній, выйдя въ отставку поручикомъ, жилъ безолаберно и пьянствовалъ вмѣстѣ съ племянникомъ Н. Н. Надаржинской. Во время дворянскихъ выборовъ Григорій Романовичъ хотѣлъ, чтобъ его избрали въ какую-то должность; сынокъ явился пьяный въ собраніе, завелъ съ кѣмъ-то споръ и брань; его вывели изъ собранія и хотѣли сдѣлать опредѣленіе о выключкѣ его изъ дворянства. Престарѣлый отецъ, услыша о такомъ для своего рода посрамленіи, явился въ собраніе и со слезами просилъ пощадить его сѣдины за тѣ услуги дворянству, которыя въ жизнь свою онъ имѣлъ случай оказать ему. Послѣ этого безславія, безпутный Федя слюбился съ дочерью родного своего дяди Ром. Ром. Шидловскаго, тайно женился на ней или хотѣлъ жениться, уѣхалъ съ ней за границу и жилъ въ Вѣнѣ. Безутѣшный отецъ, въ тяжкой горести

своей, сдѣлалъ духовную, которою утвердилъ свое недвижимое и движимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдавъ прежде ей въ залогъ Мерчижъ, будто бы за занятыя у нея двѣсти тысячъ рублей. И такъ кончилъ жизнь свою въ прискорбной и безотрадной горести. Передъ смертію послѣднюю онъ имѣлъ отраду отъ своихъ слугъ и крестьянъ, отпустивъ изъ нихъ сто человѣкъ на волю, какъ видно изъ описанія слободско-украинской губерніи епископа Филарета.—Родная сестра Гр. Р. Шидловскаго, графиня Варвара Романовна Подгоричани, при старости своей, испытала подобную горькую участь: старшій сынъ ея Михайло (горбатый) въ молодости не женился; жилъ всегда въ разслабленномъ состояніи, въ какомъ и умеръ. А меньшей, любимецъ ея, Феодоръ, уѣхавшій въ Петербургъ (противъ ея воли), хотѣлъ опредѣлиться или былъ уже опять опредѣленъ въ военную службу, съ кѣмъ-то вышелъ на дуэль и имъ убитъ. Племянники ея мужа, гр. Подгоричани, Вунчи или Вукотичи, по суду овладѣли ея Пархомовкою, изъ которой досталась ей седмая часть. Я былъ у нея въ томъ домѣ, который въ Харьковѣ построенъ по моему плану, и ласково ею былъ принять; примѣтилъ на лицѣ какую-то печаль, но не смѣлъ спрашивать о ея семейныхъ дѣлахъ. Къ немалому удивленію моему, увидѣлъ я чрезъ улицу прямо противъ ея дома построенный еще Григоріемъ Романовичемъ, на купленномъ имъ мѣстѣ, каменный домъ, совершенно сходный съ домомъ Пар. Мих. Штеричевой въ Басахъ. 6-го декабря видѣлъ въ николаевской церкви Н. Н. Надаржинскую старухю, уже потерявшею всю пріятность лица своего и совсѣмъ не узналъ ее, но Борисъ Бор. Лопатинскій подвелъ меня къ ней, какъ стараго знакома Григорія Романовича. Я учтиво поклонился ей, тѣмъ дѣло и кончилось; въ домъ ея я не хотѣлъ быть отъ того, что она связью своею съ Григоріемъ Романовичемъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, вооружила противъ него сына и дочь и сдѣлала ихъ къ отцу неуважительными и неблагодарными.

Наставникъ мой Ал. Ал. Палицынъ давно уже умеръ; и такъ ничто уже не привязывало меня къ родинѣ моей; и я сталъ искать мѣста службы. Видя, что экзамень мой идетъ удачно, я еще прежде послалъ просьбу къ благодѣтелю моему

графу Ланжерону, прося его дать мнѣ приличное мѣсто въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ новороссійскаго края; но для большаго успѣха моей просьбы рѣшился лично явиться ему. Изъ Харькова въ Одессу я выѣхалъ на первой недѣлѣ великаго поста; черезъ Днѣпръ и Бугъ переѣзжалъ еще по льду, а въ Одессѣ нашелъ по улицамъ глубокую грязь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рѣчь М. А. Максимовича надъ гробомъ генераль-фельдмаршала князя Сакена ¹⁾).

Еще гробъ доблести и славы!... Еще маститая жертва смерти!...

За шесть недѣль, въ субботній день веселія мірскаго, Кіевъ предавалъ землѣ первосвященника церкви своей, служителя престола Божію. Нынѣ, въ субботній день празднованія христіанскаго, передъ нами гробъ другаго старца—героя отечества нашего, служителя престола царскому. Древняя *матерь русскихъ градовъ* въ

---

1) Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, русскій генераль-фельдмаршалъ, родился 1752 г. въ Ревелѣ; 1769 года вступилъ въ военную службу; 1771—1772 г. сражался подъ начальствомъ Суворова противъ польскихъ конфедератовъ, а въ 1789 г. противъ Турціи; въ 1806—7 г. участвовалъ въ битвахъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау; 1812 года былъ назначенъ въ армію Торماسова, а потомъ въ армію Чичагова; въ 1813 г. участвовалъ въ покореніи Варшавы и въ дѣйствіяхъ противъ Австріи; поступилъ въ силезскую армію Блюхера, отличился въ лейпцигской битвѣ и первый перешелъ черезъ Рейль; въ 1814 г. содѣйствовалъ побѣдѣ при Ларотьерѣ, выдержавъ равнше нападеніе Наполеона при Бриеннѣ, а послѣ при Монмиралѣ, далѣе участвовалъ въ битвахъ при Краонѣ и Лаонѣ. Въ томъ же 1814 г. былъ губернаторомъ Парижа; въ 1818 г. назначенъ главнокомандующимъ первою арміею; въ 1826 г. генераль-фельдмаршаломъ; въ 1831 г. дѣйствовалъ противъ польскихъ мятежниковъ. Квартира его, по званію главнокомандующаго первой арміею, была сначала въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, а съ 1831 г. въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался 7 апрѣля 1837 г. въ Липкахъ, въ домѣ, занимаемомъ нынѣ кіевскимъ губернаторомъ, спустя подмѣсяца по смерти митрополита кіевскаго Евгенія. Сакенъ погребенъ въ лаврѣ на площадкѣ подлѣ крѣпостнаго вала и церкви дальнихъ пещеръ, гдѣ въ послѣдствіи погребены также извѣстные генералы: Аѳ. Ив. Красовскій и Паисій Серг. Кайсаровъ. Выносъ тѣла фельдмаршала Сакена изъ квартиры совершалъ и до могилы провожалъ преосвященный викарій кіевской епархіи и ректоръ кіевской духовной академіи, епископъ чигиринскій, Иннокентій (Борисовъ), съ городскимъ духовенствомъ. Рѣчь надъ гробомъ фельдмаршала произнесена М. А. Максимовичемъ въ его квартирѣ, предъ выносомъ гроба. Она тогда же была напечатана въ университетской типографіи, но въ собраніе его сочиненій не вошла.—*Ред.*

этихъ двухъ заслуженныхъ сынахъ отечества лишилась первостепенныхъ сановниковъ своихъ, а нашъ новый храмъ наукъ—своихъ первыхъ почетныхъ членовъ.

Внезапно похищена смертію маститая жизнь іерарха, которая до послѣднихъ дней посвящена была мирному, ученому труду, вызывавшему изъ забвенія давнюю жизнь и славу русской земли.

Но медленно и робко приступала смерть къ герою, который быстро и смѣло распоряжался ею на пагубу врагамъ нашего отечества и всеобщаго мира. Почившій герой нынѣ переходитъ въ тотъ міръ, какъ бы для того, чтобы смертію своею живѣе напомнить *сему* міру недавнія великія времена русской жизни и славы: при видѣ гроба сего, оживляются въ памяти нашей эти бессмертныя дѣла Россіи, эти великія времена, въ которыя блеснула побѣдоносно жизнь и сего мужа брани.

Рѣдкому человѣку сужденъ бываетъ столь полный кругъ жизни, какой прошелъ нашъ славный фельдмаршалъ. Тотъ срокъ, за который переступаетъ цѣлая жизнь только немногихъ людей, былъ временемъ его служенія престолу и отечеству, и 70-лѣтняя его служба представляетъ рядъ подвиговъ, проходя кои, можно бы рассказать полувѣковую исторію побѣдоносной жизни Россіи.

Еще въ началѣ славнаго вѣка Екѣтерины Великой, въ 1766 году, юный Сакенъ вступилъ подпрапорщикомъ на поприще военной службы, которая постепенно возвышала его и проводя чрезъ многочисленныя брани, учила его битвѣ и храбрости. Будущій фельдмаршалъ былъ въ сраженіяхъ почти вездѣ, куда летали тогда русскіе орлы—на славу своимъ вождямъ и повелителямъ; для нихъ не были не приступны высокія крѣпости Измаила, не были непроходимы высоты и твердыни альпійскія: русскимъ вождемъ былъ князь богатырь-Суворовъ, который, предводя въ 63-хъ сраженіяхъ, самъ былъ весь избитъ, но ни разу не былъ разбитъ, всегда побѣждая:

«Былъ вездѣ первымъ, въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ—низлагалъ молитвой и Богомъ!»

(Державинъ, 1800 г.).

При Измаилѣ, на стѣны коего первый взомель со крестомъ полковой священникъ, по взятіи коего сами русскіе солдаты диви-

лись храбрости своей, подполковник Сакенъ былъ замѣченъ Суворовымъ и представленъ отъ него въ числѣ «отличившихся мужественными подвигами на штурмѣ».

Въ 1797 году Сакенъ былъ уже русскимъ генераломъ. Война водила его на Альпійскія горы, снѣгами ихъ закалила его въ мужествѣ и потомъ поставила на чреду значительныхъ дѣйствій, въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго.

Насталъ годъ великій для русскаго царя и народа—*дѣнадцатый годъ!* Сожженіемъ Москвы Россія принесла величественную жертву христіанскому челоѣчеству. Очистивъ нѣдро свое отъ полупросвѣщенныхъ враговъ, вполне сознавъ свою моготу и самобытность, святая Русь устремила въ путь, самимъ Богомъ ей указанный—расторгнуть плѣнь, наложенный на царства самозваннымъ властелиномъ запада, даровать миръ европейскому міру и воздвигнуть крестъ вѣры Христовой въ просвѣщеніе разума челоѣческаго. Великое, всемірное дѣло совершили русскіе, по манію царя, самимъ Богомъ на сіе дѣло воззваннаго и *благословеннаго*:

«... въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ».

(Пушкинъ, 1831 г.).

Въ сіи-то роковыя, великія минуты русской жизни и славы, и жизнь фельдмаршала просвѣтлѣла подвигами блистательными, и его имя записала уже исторія на тѣхъ страницахъ, гдѣ представляетъ она Россію въ ея высококомъ величіи, на верху могущества и славы всемірной.

Глядя на эти знаки отличія и блестяція звѣзды, конми усыпана была грудь почившаго героя, кто живо не вспомнитъ поприща его славы и тѣхъ путей, которыми Россія достигла наконецъ обѣтованной цѣли?...

Этотъ орденъ Чернаго Орла: имъ украшенъ былъ новый генералъ отъ инфантеріи за славную побѣду при Кацбахѣ.

Этотъ орденъ Георгія Побѣдоносца: онъ напоминаетъ участіе Сакена въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ совершилось кровавое междоусобіе всѣхъ народовъ Европы.

А сей важный орденъ Андрея первозванного: это награда за славнѣйшее дѣло Сакена подѣ Бріенномѣ, въ которомѣ была первая военная школа юнаго Наполеона и подѣ которымѣ теперь западный исполинъ брани проигралъ роковую битву, первую во Франціи съ русскимъ воинствомъ. Главнымъ виновникомъ сего дѣла былъ Сакенъ и въ самомъ Бріеннѣ (17 генваря) и подѣ Ларотьеромѣ (20 генваря). И съ какимъ радостнымъ предвѣстіемъ воскликнулъ онъ въ своемъ донесеніи о побѣдѣ: «въ сей достопамятный и великолѣпный день Александръ можетъ сказать: *«я даю вселенной миръ»!*

А бриліантовая шпага, хранящаяся въ московской оружейной палатѣ на память отъ Сакена: она напомнила бы и бывшей столицѣ Запада то время, когда она съ восторгомъ преклонилась передъ русскимъ царемъ, плѣнившимъ ее и силою войны и благостию великодушнаго мира. Читая свою надпись на шпагѣ: «*Миръ 1814 года. Городъ Парижъ, генералу Сакену*», шумный Парижъ съ благодарностию къ Россіи помянулъ бы нашего война, своего генераль-губернатора, котораго встрѣчалъ онъ и сопровождалъ повсюду съ рукоплесканіями и восклицаніями: «да здравствуетъ Сакенъ!» Онъ вспомнилъ бы его и по другой *золотой шпагѣ* отъ національной гвардіи, и по *портрету Людовика*, которымъ дарованный Франціи король подарилъ русскаго генерала за благотворное управленіе столицею Франціи.

Вотъ блистательнѣйшія минуты жизни нашего славнаго фельдмаршала!

По возстановленіи общаго мира, послѣ знаменитыхъ подвиговъ своихъ, маститый герой поставленъ былъ отъ царя главнокомандующимъ 1-ой арміи (1818 г.) и возведенъ въ графское достоинство (1821 г.).

Подѣ державою Николая I-го, заблестѣли новые герои—*на стражѣ врагамъ*, прогремѣли новыя побѣды—*на славу намъ*... Заслуженный воинъ оставался ревностнымъ стражемъ престола и отечества, и нашъ возлюбленный монархъ почтилъ его высокимъ вниманіемъ своимъ: возвелъ его въ санъ генераль-фельдмаршала (1826 г.), возвысилъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи (1832 г.) и драгоцѣннымъ своимъ изображеніемъ украсилъ (1831 г.) *твер-*

докаменную грудь, подъ которою билось сердце, исполненное вѣрности и любви къ царю и царству русскому — чувства, которыми бьется сердце всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи!

Тихо и мирно dokonчилъ дни свои престарѣлый герой. Ближніе оплачуть его кончину; русское воинство, съ грустнымъ маршемъ и прощальнымъ громомъ, проводить гробъ своего фельдмаршала; отечество не забудетъ его подвиговъ и заслугъ; и сама православная церковь, уважая кровь, которую проливалъ онъ за святую Русь, воздастъ ему *вѣчную память!*...

Бытовая малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст.

Говорить о недостаточной разработкѣ нашей краевой, малорусской исторіи значитъ повторять старую, всѣмъ извѣстную истину. Кое-какъ разработана внѣшняя полтическая жизнь или судьба Малороссіи; нѣсколько болѣе сдѣлано для уясненія судебъ, равно духа и строя южнорусской церкви. Но и тамъ, какъ и здѣсь, можно сказать, *темна* подь часть *вода во облацѣхъ воздушныхъ*... Наиболѣе богатый матеріалъ собранъ для исторіи духовной жизни малорусскаго народа въ памятникахъ его устнаго творчества. Исторія письменной южнорусской литературы едва тронута; исторія законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, а также „обычнаго“ права—точно также. Если бы мы захотѣли получить представленіе о будничной жизни нашихъ предковъ и ея обстановкѣ, объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и обуви, пищѣ и питѣ, занятіяхъ и забавахъ, привычкахъ и вкусахъ, степени достатка и культуры, заботахъ повседневной жизни и ихъ цѣляхъ, то въ этомъ отношеніи точныхъ фактическихъ данныхъ нашлось бы весьма и весьма немного, а изъ цѣльныхъ памятниковъ такого рода, кромѣ частички Дневныхъ записокъ Я. Марковича и Дневника Н. Ханенка, ничего больше и указать нельзя.

Настойтъ надобность въ подборѣ и приведеніи въ извѣстность такихъ документовъ, которые уясняли бы эту наименѣе извѣстную сторону минувшей нашей жизни. Они важны могутъ быть для историковъ, филологовъ, юристовъ, но особенно для романистовъ и драматурговъ, порывающихся нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ въ область прошлаго, но не дающихъ себѣ труда изучать наиболѣе живую и любопытную часть нашей исторіи—бытовую. Намъ кажется, что ни въ однихъ изъ письменныхъ памятниковъ этого рода не отражается такъ полно и наглядно будничная жизнь нашихъ предковъ, какъ въ ихъ наприм. „тестаментхъ“ или „духовныхъ“ со списками распредѣляемаго имущества, въ „вѣно-

выхъ“ предбрачныхъ записяхъ, въ реестрахъ наслѣдствъ, въ спискахъ вещей конфискованныхъ, арестованныхъ, погорѣвшихъ, пограбленныхъ или украденныхъ, гдѣ на лицо все, что наживалъ и чѣмъ жилъ человекъ, что любилъ онъ, чѣмъ утѣшался и наполнялъ свою жизнь, что наконецъ составляло результатъ его цѣло-жизненныхъ заботъ, его достатокъ, удобство и такъ сказать матеріальное счастье. Есть списки и счета, которые трудно подвести даже подъ какую либо категорію, но которые обнимаютъ все ту же будничную жизнь человека съ малоизвѣстной какой либо стороны, и тѣмъ они важнѣе, если принадлежать людямъ различныхъ классовъ и положенія общественнаго.

Такихъ списковъ можно найти массы въ архивахъ общественныхъ и частныхъ. Для примѣра, мы имѣемъ свѣдѣніе о хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи рядной записи гетмана Самойловича при выдачѣ имъ дочери за боярина Ѳ. П. Шереметева; въ нашихъ рукахъ подобная же записъ жены лѣтописца Гребянки, и т. д., и т. д.

Начиная печатаніемъ рядъ такихъ документовъ, мы избираемъ на первый разъ *восемь*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ, судя по почерку, концу XVII, а остальные первымъ десятилѣтіямъ XVIII ст. Въ печатаніи такихъ документовъ мы не будемъ держаться строго хронологическаго порядка, но будемъ только отдавать преимущество болѣе древнимъ предъ позднѣйшими. Помѣщаемые теперь списки и реестры составлялись по самымъ разнообразнымъ случаямъ и принадлежатъ лицамъ различныхъ классовъ, хотя одной и той же мѣстности—Черниговщины, частнѣе Стародубовщины.

Документъ первый представляетъ совершенно случайную замѣтку о вещахъ одной простой женщины, жительницы, кажется, мѣстечка Новгородка, Татьяны Орѣшковой. Мѣстная старшина заарестовала у нея по какому-то случаю домашній скарбъ. Часть онаго была возвращена женою сотника и войтомъ, у которыхъ вещи хранились. Какой-то Федоровичъ, быть можетъ изъ числа старшины, или близкій Орѣшковой человекъ, дѣлаетъ объ нихъ замѣтку. Скарбъ не большой, вещи все простыя и не напрасно обозначены названіемъ *худобы*. Заглавіе и содержаніе замѣтки слѣдующее.

Реестръ мнѣ для памяти Якиму Федоровичу, сколько какой худобы Татьяны Орѣшковой, старшиною новгородскою забрати, возвращено.

Панѣ сотникова Галецкая отдала: скатерть одну, серпанокъ одинъ, сорочекъ женскихъ чотири, кунтушь тонкаго сукна женскій,

простѣри до постелѣ двѣ, наволока до подушки одна, ручникъ одинъ, подушка одна, скриня одна, мѣдникъ одинъ, кораловъ шнуровъ два, фляшечка цѣнованая, клубочковъ ілянихъ шесть, путо зелѣзное, на двое розломанное, кожушины черной шмать, подушка одна.

Отъ войта новгородского: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чотири, двѣ наволоки до подушокъ, ручникъ одинъ, шапка мужицкая, кунтушь женскій гранатовій, чорнимъ футромъ подшитій, скринка, подушка одна, шпигъ желѣзний, кожушины бѣлои шмать, мѣдникъ.

Отъ пана Мануйла, бывшего атамана: скатерть одна, сорочка женская одна, наволочокъ до подушокъ двѣ, серпанокъ одинъ, пилака желѣзная, запаска штаметовая, шапка мужицкая, шнуровка полтабинковая зеленая, килимецъ старій зшитій по половинѣ.

Отъ городничаго: сорочокъ женскихъ двѣ, плахта старая.

Дальше замѣтка ведена на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги и подъ заглавіемъ *отбори* представляетъ слѣдующій текстъ:

Феско отобралъ киндякъ, свердель великій, мушкетъ, пистолеть, рурку, крестъ зъ вентабками, стругъ, сокиру, путо залѣзное.

Тимофѣевъ зять отобралъ казанокъ, сало, чоботи пришви, рушницу, горѣлку зъ бариломъ, лубку, горщокъ съ черницами, стримень пару, матеріи пасистой шмать.

II. Помаранскому, писару сотенному, грошей чтири золотихъ безъ алтина, габело 1, сиромятникъ, поясъ рябій старій, подушокъ двѣ, наволочокъ двѣ, кошуль женскихъ двѣ, ручникъ 1, матокъ полотна московского. А всѣ тие рѣчи звѣтшаліе. Отъ Помаранского писаря сотенного толко що килимецъ.

Любопытно въ этомъ документѣ то, что заарестованныя вещи хранились не въ помѣщеніи мѣстнаго управления, а на рукахъ старшинъ и даже ихъ женъ.

Второй документъ—это очевидно запись для суда по иску нѣкоего Полубинскаго къ неизвѣстнымъ лицамъ, разорившимъ его дворъ и имущество. Содержаніе его слѣдующее:

Реестръ хороннаго строенія въ дворѣ Полубинскаго, отъ владѣльцовъ отъ 1712 году спустошенного, безъ поправи въ немъ мешкающаго.

Свѣтлицъ три, козната, сенцѣ, пркганки, на версѣ свѣтелка, а округъ—кганки новіе, брусование подъ одну кровлю, кгонтами побивани.

Дверей снѣцарское работи семеро, зъ замками и завѣсами великой руки, билого зелѣза.

Воконъ большихъ, у волово оправнихъ, и обикончинъ, на завѣсахъ бѣлого зелѣза, чотирнадцать.

Печей покошчанихъ жилихъ три, а на горѣ похованихъ покошчанихъ печей болшихъ зъ цеглою на комени було на три.

Лазня и кухня рубленнѣе болшия зъ прикомарками чотирма.

Погребъ походнѣй болшѣй дубовѣй брусованѣй новѣй, а при немъ було лѣховъ два, сажень по тридцать.

Стайнѣя була рубленнаѣя болшѣя, а на версѣ сѣнникъ.

Ледовня брусованнаѣя дубовѣя болшѣя, а на версѣ инбаръ сосновѣй брусовѣй болшѣй, на инбарѣ въ шпаръ построени були чулани.

Шафа вазовѣя болшѣя.

И оное все строеніе погноено, попалено, до основанія спустошено.

За пожилие года за оный дворъ, належачѣй минѣ, на владѣльцяхъ доправити, хочъ мало на годъ противъ людскихъ наймовъ, рублей по шість.

Волокити, харчи, проторовъ моихъ годъ за вусѣмнадцать, якъ право учить, а самой утрати, доходячи того двора, чинить минѣ за тие года рублей пятьдесятъ.

Третій документъ вводитъ насъ въ жизнь торговаго человѣка или „крамара“ начала XVIII в. и знакомить насъ съ предметами торговли и потребленія. Это приложение къ жалобѣ купца Черниговца, посредствомъ которой онъ отыскивалъ свои долги на разныхъ лицахъ, перенеся почему-то свой искъ въ Петербургъ, въ посольскую канцелярію. Вотъ его текстъ.

Копія съ росписи товаромъ и денгамъ долговымъ стародубовскаго мещанина Семена Черниговца, какову онъ подаль въ Санктпетербургѣ въ посольской канцеляріи, при челобитъе своемъ, октября въ 24 д.
1716 г.

На полковникѣ Миклашевскомъ, на женѣ и на дѣтехъ ево за бѣлугу полтора рубли, за четыре осетра два рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги, за две бѣлыя рыбицы три рубли, за три свѣски вязиги четыре рубли съ полтиною, осетровой икры

пудъ десять фунтовъ два рубли двадцать три алтина две денги, две семги рубль шесть алтынъ четыре денги, икры сигаовой полпуда рубль двадцать алтынъ, цытрыну (лимонъ) въ патоке пятнадцать фунтовъ три рубли, инбирию въ патоке двадцать фунтовъ четыре рубли, шефрану фунтъ семь рублевъ, золотомъ шитыхъ рукавиць три пары четыре денги, романей боченокъ восемь рублевъ, боченокъ мушкатного ренского семь рублевъ, боченокъ секту восемь рублевъ, коричной водки на польанкерка десять рублевъ, мунгалской водки въ двадцати скляночкахъ три рубли, за пару соболей двадцать четыре рубли, двѣ пары серегъ четыре рубли, черевки бархатные, шитые золотомъ, четыре рубли, шапка бархатная три рубли, за мѣхъ горностаевъ шеснатцать рублевъ, извощику три рубли съ полтиною, лекарства и водокъ пять рублевъ, за пару ножей асписовыхъ пятнадцать рублевъ, десять спинокъ осетровыхъ шесть рублевъ, за два аршина сукна четыре рубли, еще полъ аршина сукна рубль, полуобяри два локтя сорокъ четыре алтина, за дваждь локтя полуобяри сорокъ четыре алтина, за два-ждь локтя обяри сорокъ четыре алтина, рудожелтой полуобяри тридцать четыре локтя двадцать два рубли четырнадцать алтынъ четыре денги, восемь цевокъ круживъ сребреныхъ и золотыхъ одинадцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги, сребреныхъ пуговокъ четыре золотника тридцать алтынъ, мѣхъ бѣлей четыре рубли, четыре цевки круживъ золотныхъ и сребреныхъ пять рублевъ двадцать алтынъ, двѣ пары платковъ персицкихъ сорокъ алтынъ, мѣхъ лисій черевей двенадцать рублевъ, сѣрая овчина два рубли, шеснадцать локоть выбойки рубль двадцать алтынъ, пара платковъ персицкихъ дватцать алтынъ, сукна два локтя съ четвертью алого четыре рубли съ полтиною, кушакъ персицкой шелковый два рубли, полпята аршина полуобяри четыре рубли, штофу шелкового алого десять аршинъ по рублю аршинъ, четыре аршина съ четвертью сукна восемь рублевъ съ полтиною, того-ждь сукна пять локоть десять рублевъ, золотного и серебряного шнуру полъ-трети цевки три рубли десять алтынъ, пять цевокъ сребреныхъ круживъ и два золотника шесть рублевъ тридцать алтынъ, четыре цевки и два золотника золотныхъ и серебряныхъ круживъ шесть рублевъ два алтина четыре денги, золотного и сребреного шнура восемь цевокъ и одинъ золотникъ одинадцать рублевъ восемь денгъ, тесма къ саблѣ шелковая двадцать алтынъ,

олетры шитые золотомъ и серебромъ десять рублей, четыре аршина сукна восемь рублей, еще сукна четыре аршина восемь рублей, аршинъ бархату венецкого три рубли, черная овчина два рубли, кушакъ персической два рубли, девять цевокъ золотныхъ и серебряныхъ круживъ двенадцать рублей дватцать алтынъ, двѣ штуки персической матеріи четыре рубли, сукна четыре аршина восемь рублей, еще четыре аршина сукна восемь рублей, два мѣха бѣлые восемь рублей, шоръ пара тридцать рублей, серги алмазные дватцать рублей, карманные часы золотые сорокъ рублей, бархату полъ-локтя рубль, два рострухана серебряные сорокъ восемь рублей, шесть цевокъ золотного и серебряного кружива семь рублей съ полтиною, семь цевокъ позументу и шнуру золотного и серебряного девять рублей дватцать шесть алтынъ четыре денги, шесть цевокъ круживъ золотныхъ восемь рублей тринадцать алтынъ две денги, штофу шолокового пять локоть четыре рубли, кружива четыре цевки и два золотника золотного и серебряного шесть рублей три алтына две денги, пара платковъ шолоковыхъ дватцать шесть алтынъ четыре денги, сѣрая овчина два рубли, пять локоть штофу четыре рубли, того жъ штофу три локтя два рубля тринадцать алтынъ две денги, пять локоть коричневаго сукна восемь рублей десять алтынъ, полъ-локтя сукна дватцать шесть алтынъ четыре денги, семь цевокъ золотного и серебряного позументу девять рублей дватцать шесть алтынъ четыре денги, полъ-шеста локтя сукна одиннадцать рублей, полъ-шеста локтя штофу четыре рубли тринадцать алтынъ две денги, черного сукна дватцать пять локтей и полъ локтя сорокъ рублей, того жъ сукна дватцать локоть тридцать два рубли, двѣ штуки тузинку дватцать четыре рубли, шесть цевокъ круживъ серебряныхъ восемь рублей, тринадцать алтынъ двѣ денги, сукна три локтя четыре рубли дватцать шесть алтынъ четыре денги, цевка шнуру золотного рубль тринадцать алтынъ две денги, пять локоть сукна десять рублей, алмазные серги тридцать рублей, запонокъ шесть серебряныхъ съ камешками шесть рублей, триста зеренъ жемчугу девять рублей, инбирю въ патокѣ польсуда четыре рубли, готовыхъ денегъ три рубли, анису десять фунтовъ оснадцать алтынъ две денги, за рыбу дватцать алтынъ. Старосте Миклашевского денегъ дватцать алтынъ, два мѣха лисьи черевьи дватцать четыре рубли, два локтя съ чет-

вертью сукна четыре рубли съ полтиною, обари четыре аршина съ поль-аршиномъ четыре рубли, пять локоть съ четвертью сукна десять рублевъ съ полтиною, того-жь сукна поль-пята локтя девять рублевъ, сукна поль-шеста локтя семь рублевъ двадцать три алтына две денги, того-жь сукна локоть съ четвертью шестьдесятъ алтынъ съ поль-гривною, водки боченокъ мастихвиной девять рублевъ, поль-анкерка коричной водки десять рублевъ, восемь осетровъ шесть рублевъ, десять локоть сукна дватцать рублевъ, штофа три локтя два рубли тринадцатъ алтынъ две денги, того-жь штофа четыре локтя три рубли две гривны, сукна четыре локтя шесть рублевъ тринадцатъ алтынъ две денги, полуобари два локтя рубль двадцать алтынъ, четверть аршина сукна полтина.

На бурмистре Михайлѣ Фомичѣ и на сынѣ его Иванѣ двѣсти рублевъ, которые далъ въ займы въ 1705-мъ году.

На Гамалѣевой женѣ Андреихе недоплатныхъ денгъ за евангеліе шестьдесятъ рублевъ, да на ней-же за перстень сорокъ рублевъ.

На Петре Корецкомъ сто ефимковъ, которые даны займы на ярмонке въ Королѣвце въ 1706 году, опъ-же взялъ смуши сорокъ восемь на девяносто на шесть рублевъ.

На Станиславе Полубинскомъ за золотые парчи сто восемьдесятъ шесть рублевъ.

На стародубовскомъ мещанинѣ Яковѣ Андреевѣ тридцать четыре рубли.

На мещанинѣ-жь стародубовскомъ Осипѣ Самуйленку двѣсти рублевъ.

На бурмистрѣ стародубовскомъ на Демьянѣ Григорьевѣ сто шестьдесятъ рублевъ.

На бурмистрѣ Никитѣ Потаповѣ за жемчугъ, что взялъ у брата его Степана въ 1706-мъ году на шестьсотъ рублевъ.

Въ 1706-мъ году занялъ у него прикащикъ Демьяна Григорьева Спиридонъ Демешковъ на Москвѣ на его хозяйскіе промыслѣ двѣсти рублевъ.

Четвертый документъ—это урядовая запись, составленная въ стародубскомъ магистратѣ по смерти лица одинокого или же оставившаго малолѣтнихъ сиротъ. Озаглавлена она такъ:

Реестръ вещей, по небожчику Никитѣ Потаповичу позосталыхъ, списанныхъ року 1719 декабря 15 дня.

Кто былъ небожчикъ Потаповичъ, неизвѣстно. Судя по отсутствію въ спискѣ его вещей оружія, онъ не принадлежалъ къ козачему званію, но былъ вѣроятно стародубскій мѣщанинъ, быть можетъ членъ магистрата, человекъ съ большимъ достаткомъ. Тутъ все его господарство и пожитки. Опись составлялась въ порядкѣ осмотра вещей и нисколько не систематизирована. Найдено и записано:

Въ склепу, въ скринѣ великой, шкатула, въ той шкатулѣ вынайшлось сребра штукъ толко (*число монетъ не означено*).

Штофа на пукляхъ, ашпурской работы, болѣе цеховой квартиры, зъ накривкою, зъ середины вызлоченая, сребреная.

Кубокъ вибияный зъ середины, злоцѣстий, яко бы въ полкварти.

Кубокъ выбиванный, на пукляхъ, серебряный.

Кубковъ паристыхъ, ашпурской работы, въ срединѣ вызлочованныхъ, 4.

Стаканчиковъ зъ середины вызлочованныхъ, на пукляхъ, зъ накришечками, 2.

Роструханчикъ сребренный, высоченкій, московскаго дѣланя, подъ смалчемъ, 1.

Роструханчикъ меншенкій, тоже ашпурской работы, вызлочованный, 1.

Кубковъ столовыхъ не заживанныхъ, ашпурской работы, вызлогованныхъ, 12.

Ложокъ сребренныхъ, просто робленныхъ, 12.

Ложокъ сребренныхъ болшихъ, добраго робленя, 5.

Чарка вызлочованая, малая, 1.

Меншая чарка, вызлочованая, 1.

Болшенкая, простой работы, 1.

Чарка болшая, чистѣйшаго сребра, въ квѣтъ выбиваная, зъ двома ручками, 1.

Накришечка вызлоованая зъ середины и берега позолочованиѣ, зъ пуклемъ, 1.

Майстерной работы ашпурской вызлочованныхъ ложекъ 12.

Ложокъ бѣлыхъ сребрныхъ не заживанныхъ 12.

Пуколь злоцѣстий зъ кубка 1.

Въ мѣшечку одномъ маленькомъ чирвоныхъ золотыхъ подвойныхъ 7.

А поединковыхъ въ томъ-же мѣшечку 74.

Въ другомъ мѣшечку подвойныхъ червоныхъ 39.

А поединковыхъ тутже 3.

Въ мѣшечку болшомъ самомъ, где два меншихъ зъ подвойными червоными вложены суть, поединковыхъ червоныхъ найшлося числомъ 399.

Талярей битыхъ въ мѣшку 150.

Кгузѣкъ серебряный и уломочокъ отъ кубка срѣбрнаго въ при-скринку.

Скрина великая една, въ которой и шкатула зъ грошми вложена есть; въ той скринѣ полотна ткацкого бѣлого штукъ 8.

Въ той-же скринѣ кунтушь фѣялковый, бѣлками подшитій, женскій, 1.

Кунтушь тонкій суконный черный женскій 1.

Кунтушь кгранатовый женскій, бѣлками подшитій, 1.

Кунтушь музский ношеный, шарый 1.

Жупанъ суконный родзинковый 1.

Жупанъ суконный, шарый, ношеный и кгузѣковъ серебряныхъ 13.

Кунтушь попелястый, лисами подшитій, 1.

Въ той-же шкатулѣ, где и червонцѣ, зъ копѣйками мѣшковъ два, за печатми; тыхъ не лѣчили, но утвердили печатію майстра-товою.

Кунтушь ношеный темнозеленый музскій, лисами подшитій, 1.

Кунтушь порпуровый, ношеный, женскій, мѣючій кгузѣковъ серебряныхъ 15.

Кунтушь суконный, ношеный, лисами подшитій, фѣялковый, 1.

ТАМЪ-ЖЕ ВЪ СБЛЕПУ ВЪ СКРИНѢ МЕНШОЙ:

Клиимъ простой украинскій 1.

Кошуль женскихъ зъ подставками 10.

Ручникъ простой 1.

Въ другомъ звязку кошуль женскихъ-же зъ подставками 9.

Въ третемъ звязку кошуль музскихъ паръ 6.

Пологъ 1, обрусъ тонкій полскій 1, обрусъ простой 1.

Зъ тои-жъ скринѣ до столовъ взяли обрусовъ 5.

ВЪ ТОМЪ-ЖЕ СГЛЕДУ:

Мѣдень ужыванный 1.

Штопка зъ накривкою ценованою, глиняная, кролевецкая 1.

Фляша циновая кгарцовая зъ светою водою.

Збаночокъ глиняный безъухый.

Фляша шкляная полкгарцовая зъ шрубкомъ.

Казань горѣланый безъ трубъ.

Панва мѣдяная една, великая.

Кумань мѣдяный великій, въ томъ куманѣ цѣну зъ фунтъ ламаного.

Братына мѣдяная.

Горщикъ мѣдяный зъ ушкомъ.

Штофа цѣновая зъ накривкою.

Другая штофа цѣновая меньшая зъ накривкою.

Фляшъ двѣ цѣновыхъ зъ шрубками.

Кандѣйка мѣдяная.

Лѣхтарь мосенжный, плоскій, зъ ручкою великою.

Мѣдяный лѣхтарь, малый, зъ ручкою.

Лѣхтарикъ спѣжовый, маленкій, высоченкій.

Соляночка цѣновая.

Лѣхтарикъ кругленкій, зъ ручечкою.

Сіе всѣ въ бочцѣ были речи и тамъ-же складены:

Полумисковъ два погнутыхъ, цѣновыхъ.

Мозджерокъ спѣжовый безъ тлунка.

Воску болѣе пуда, горщокъ масла.

Кумань цѣновый зъ накривкою цѣноюю.

Штофа зъ накривкою цѣновая.

Штофъ двѣ, безъ накривокъ, цѣновыхъ.

Моздери съ зъ тлучкомъ спѣжовый.

Полумисковъ малыхъ и великихъ 33.

Талѣрокъ тузѣновъ 3 и 2 талѣрки.

Девять полумисковъ, талѣрокъ 2.

Мѣдень зъ двома ручками, великій.

Казанчикъ мѣдяный.

Корець мѣдяный.

Полумисокъ мѣдяный, великій.

Два казаны мосенжныхъ.

Ящикъ мѣдяный.

Лѣйка мѣдяная, великая.

Панва малая мѣдяная и другая такая-же.

Въ пѣчце въ лѳоху чопъ желѣзный до колеса млынового.

Ухъ желѣзныхъ отъ казана двѣ; скосковъ шесть; сковорода спаленая желѣзная; путь желѣзныхъ три, сошниковъ три; шинѣ полтори желѣза; бляхи желѣзныхъ двѣ.

У ИМБАРИ ОТЪ ВОРОТЬ:

Медвежина великая.

Саквы шкурятяніе новіе.

Въ скринцѣ круглой наволочокъ простыхъ.

Плахта простая, хустокъ три полотняныхъ.

Кунтушъ питаметовый ношенный, зайцами подшитій.

Шатковница.

Парь сѣмь чоботъ новыхъ, пара старая.

Свѣтокъ сѣмь, кожушки два ношеніе.

Опанча повстяная.

Контушъ гарусовый, баранками подшитый и кгузѣковъ 3.

Кгранатовый суконный жупанъ старій, кгузѣковъ 4.

Климъ суконный бѣлый.

Лѣбокъ три меду, лѣбка зъ саломъ.

У КОМНАТЬ ВЪ ШКАТУЛѢ:

Кгузѣковъ большихъ 51.

На низцѣ кгузѣковъ 15.

Гафтокъ парь 2.

Кгузѣковъ поламанныхъ 2.

Крестовъ серебряныхъ 2.

Коралей зъ пугвицами шестма низка една.

Шнурочокъ коралей пилованныхъ.

СКРИНЯ ВЪ КОМНАТЬ:

Шапка лися, зимняя, новая.

Коруночковъ серебряныхъ локоть зо два въ папѣрку.

Лудану шматокъ.

Полотна трубка простого.

Хустка, чернымъ шовкомъ шытая.

Хустокъ двѣ рябыхъ турецкихъ.

Хустка полотняная рябая.

Ручникъ простой.

Поясъ старенкій шовковый.

Поясъ другій шовковый зъ парястыми ножами.

Обрусь полскій, намѣтка простая.

Баволницъ чотыри, рубокъ еденъ.

Ручниковъ три, заполочю перетиканіе.

Запояски три штаметовіи.

Капотъ полутабѣнковый.

Шапка старая куняя.

Чепецъ на атласѣ, гаптованый злотомъ.

Чепецъ на киндяку московскій.

Чепецъ на черномъ атласѣ, гаптованый злотомъ.

Чепцовъ три, на полотнѣ вышиваніе злотомъ.

Грошей копѣекъ зол. 50 безъ шести шаговъ и полтіна битая.

Копѣекъ мѣдныхъ копъ три.

Наволочка цвѣлиховая, при которой и шматковъ сколько привязано.

Полотна шмать швабского и просцѣрадло.

Другое просцѣрадло, шитое заполочю.

Кошуль двѣ женскихъ тонкого полотна.

Папѣрокъ имберу, серпанковъ два, намѣтокъ двѣ простыхъ, цукру голова цѣлая, еще намѣтокъ чотыри, фунгъ перцу, намѣтка полотна простого, хустокъ двѣ, вѣделки одны, убрание суконное.

У П У З Д Р Ъ:

Въ шуфлядѣ талярей 3, простыхъ талярей 2, полталяровъ 4, пятая четвертка гривениковъ 6.

Кензаръ шведскій алтинниковъ, 8 шаг., целковыхъ 4, копѣекъ шаг. 6, полгузѣка серебряного.

Перстень серебряный, на двѣ нашлося шаговъ полскихъ 5.

Фляшокъ шкляныхъ зъ шрубками 4.

Пуздерко; фляшь 4 полгарцовыхъ.

Пуздерко, въ томъ фляшечокъ 5, стаканчиковъ и кубочковъ кришталевыхъ штучечокъ 8.

Въ пuzдерку фляшечокъ двѣ зъ шрубками и кубковъ два кристалевыхъ.

Въ третемъ пuzдерку фляшечокъ пять, венецкаго шкла.

Шкатулка зъ рожнымъ корѣніемъ и цукру голова.

Килимовъ 2; свердловъ два, пилокъ двѣ и стругъ.

Безмѣнъ 1; полумисковъ 6; талѣрокъ 3; у клетѣ салъ семь; въ імбари на горѣ два мушкети, пѣстолетовъ пара простыхъ; одѣвало, вовками подштытое; перина, подушка, штытая чорнымъ шовкомъ; подушокъ простихъ три; шкуръ яловичихъ выправныхъ три.

В И Н Н И Ц Я:

На два казаны горѣлку гонятъ при березѣ озера.

Борошна на полшости браги.

Імбаръ единъ зъ горѣлкою, а въ немъ горѣлки куфъ 16.

Свиней подлѣ винницы великихъ 20, подсвинковъ 20.

Дворъ на горѣ, отъ винницы не оподаль, зъ одной стороны Іванъ Резникъ, зъ другой Нѣжинчихинъ (дворъ); въ томъ дворѣ ямокъ двѣ, една зъ жытомъ, другая овсомъ насыпаная.

Дворъ на Красной улицѣ зъ огородомъ и зъ садомъ, а смежніе двори—Сава Зайковскій, а зъ другой Шакга.

Подписи: Емельянъ Василіевичъ, хоружій значковый; Григорій Самойловичъ, войтъ майстрату стародубскаго; Іерофей Середа, бурмистръ майстрату стародубскаго; Григорій Отвѣновскій писарь майстратовый стародубскій и Аникій Сидура, лавникъ майстратовый стародубскій.

Пятый документъ—это три списка вещей, отобранныхъ у одного и того же вора, по прозвищу Логвина, по имени Димитрія, изъ которыхъ одни раньше сданы были на храненіе мѣстнымъ властямъ въ городѣ Новгородѣ, а другія потомъ доставлены разными лицами въ мѣстную ратушу. Вещи до покражи принадлежали людямъ разныхъ классовъ и представляютъ разнокалиберную смѣсь, которую разбереть однако изслѣдователь стараго быта. Списки имѣютъ слѣд. заглавія и содержанія:

Реестръ, что хто зъ урядниковъ взялъ зъ рухлядей воровскихъ Логвиновыхъ.

Напродъ до двору его милости пана сотника: кунтушъ тонкаго сукна женскій новій, масти коричневоу, простирадловъ 2;

едно заполоцю шитое, другое ляховчаное, скатерть 1, бавелница 1, серпанокъ 1, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка женская куняя 1, чепецъ золотомъ и шовкомъ чорнымъ шитый 1, подушокъ крашениною поволѣканихъ 2, скриня замчистая 1, мѣдникъ 1, кожушокъ старий 1, коралювъ низокъ 3, желѣза все, що находилось, фляшечка маленькая цѣновая 1, бѣлѣ клубокъ 1, илянихъ клубковъ 8, девятий малий вовняний, ящикъ съ тарѣлками. Року 1723, юля 9.

Пану атаману: скатерть одна, сорочокъ женскихъ чтири, наволокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушь женскій зеленый на сѣромъ футру, скринка 1, подушка 1, мѣдникъ маленький 1, пилка 1, бѣлѣ клубокъ 1, шмать чорной кожушины. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Гляя Аванасовичъ, войтъ новгородскій.

Пану войту: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушь женскій гранатовый на чорномъ футру 1, скринка 1, подушка 1, заслонка желѣзная 1, шипъ 1, бѣлѣ клубокъ 1, шмать бѣлой кожушины. Року 1723 г. юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие; отъ пана вуйта принятие всѣ рѣчи, якъ вишшей сего означено, кромѣ заслонки.

Свѣдение, сколко зъ рухлядей вора Логвина досталось писару ратушному.

Скатерть 1, намѣтокъ двѣ малихъ, сорочокъ 2 женскихъ, третья безъ рукавовъ, наволочка 1, ручникъ 1, запаска штаметовая 1, шапка мужицкая 1, кунтушь мужицкій чорный 1, подлий, скринка 1, килимецъ старий 1, прачъ 1, круцѣфѣксъ (распятіе) 1, удила 1, капоть полутабинковий зеленый 1, пляшка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

Пану асавулѣ сотенному: капоть штаметовий старий 1, ручникъ 1, наволочокъ 2, сорочокъ женскихъ 3, кафтанъ китаевий старий 1, серпанокъ 1, серпи 2, уздечка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 10.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородскій.

Свидение, что зъ рухлядей вора Логвина досталось
городничому:

Ручникъ 1, сорочекъ женскихъ 3, наволочка 1, серпанокъ 1, плахта, шовкомъ перетиканая 1. А тие всѣ рѣчи старіе и зветшале. 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородскій.

Б) Реестръ, что принесено на ратушѣ зъ рухлядей
вора Логвина.

Подушокъ крашениновихъ 4, полотняная пятая, шостая малесенкая, кожушинъ двѣ старихъ, коць старій одинъ, килимца старого половинокъ двѣ, вишневая жупанина дитячая, которую отдали злодѣйской дитинѣ; шкурка сыромятная малая, копилъ бортній, заступъ 1, рурка ручничная, кожушина черная драная, ящикъ зъ ложками и тарѣлками, мѣдень одень, тертка 1, чарка мосенжная 1, ковадло малое, пилка 1 старая, уздечка 1, прась кравецкій, клубковъ лянихъ 5, путо конское ламаное, коса одна, подосковъ пара, ости рибние, колиски двѣ, каванъ китаевій старій, шнуровка полтабинковая, серповъ 2, подшевка крашениновая, шматокъ зеленого штамету, фляпка зъ светою водою, кунтушъ каперовій женскій суконній, кунтушъ зеленій суконній, сѣрими баранками подбитій, бѣлѣ клубочковъ 2, вершокъ аксамитній зеленій горской, чоботи пришви одни, ножица, чарка кришталевая, опанча худая и повсть бездѣльная, поль-ложника, которое отдали злодѣйской дитинѣ, штани сермяжніе старіе одни, заслонка желѣзная, сокирь двѣ, свердель и долото, до которого прискался швагеръ его, шворень одинъ, до которого прискался Андрѣй Лака, триногъ одень, камень жлуктяній 1, куля 1, трубокъ свѣчныхъ 3, тертушка 1, фляшечка малая циновая 1, порохъ съ пушкою, лихтарь желѣзній 1, циркель 1, конскихъ подковъ 3, долотъ пара, баніокъ коснихъ пара, форчка кульная, замки два, ящики зъ обрѣзками, штамету зеленого шмаговъ три, до которихъ сознался Гойскій, маниста три шнурки, грошей готовихъ копъ шесть и шаговъ 17 и еще зол. 7, которые отобрала шкодуючая Маря; шапка жоночая кунная, кунтушъ черній мужскій старій, поясъ старій рябій, шмать сукна черного, до которого признался Орѣщенко, поясъ одинъ шовковій Гойского, околица простая Гойского, перстнѣ два сребніе, фашея 1, удила 1.

Скриня першая; въ ней рѣчей напродъ: кошуль женскихъ 15, плахта, шовкомъ перетиканая 1, чепецъ, шовкомъ шитій со золотомъ 1, баволница 1, серпанокъ 1, скатертей 2, ручниковъ 4, запаска жовтогарячая, штаметовая, старая 1, чарки двѣ сребнныя.

Скриня другая: наволочокъ 5, клубочковъ ляннхъ три, воску шматковъ 4, ручникъ 1, наволочка 1 малая, три шматки полотна попсованого, куманъ мѣднй зъ медомъ, до которого сознался Орѣщенокъ и отобраль, ланцугъ до армати, Орѣщенковъ-же впятъ, кресъ ручничнй, ручница Благовѣщенского попа (отобраль), пороховница зопсованая Орѣщенкова, шапка суконная съ черною околицею, ленчикъ старй зо всѣмъ приборомъ, корова одна, скатерть 1, шмать полотна старого, сорочка драная и старая мужская, серпанковъ нарѣзанихъ 2, шпиринка 1, казанецъ, которй отобрала Маря Тимофѣевна, шипъ долгй зъ черепами, пѣшня 1, списъ, киядяку зеленого штучка, до которого приискался Глухй и отобраль, кандѣйка мѣдная Орѣщенкова, круцѣфиксъ 1, мѣдникъ маленкй, горѣлки въ барилцѣ куфловъ на 2, которую отобрала Маря.

В) Реестръ, что на ратушѣ принесенно зъ рухлядей Дмитровыхъ.

Скриня, а въ ней: простирadlo, заполоччу шитое 1, простирadlo ляховчаное 1, капоть штаметовй 1, наволочокъ холстинннхъ 3, ручниковъ 3, полотна шматокъ 1, байбаракъ синѣй, чорнимъ хугромъ подбитй; сорочокъ женскихъ и мужскихъ 10, духовница на пляцъ, скатертей 3, серпанковъ 5, кунтушъ мужескй каруновй, взята въ дворъ полкового сотника, шабля простая кулечина, которая отобрана, корова гнѣдая съ телямъ.

Шестой документъ даетъ понятіе объ имуществѣ священника и гардеробѣ его и его дочери по тѣмъ пожиткамъ, какіе захвачены были разбойниками изъ его загороднаго двора. Документъ относится къ 1729 г. Имущество значительной цѣнности, хотя это только часть его. Владѣлецъ его, протопопъ стародубскй Феодоръ Подгурскй, вѣроятно желалъ разыскать пограбленное и представилъ реестръ въ магистратъ:

Реестръ, сколько и якіе пожитки зъ двора моего загороднаго стародубовскаго напавши разбойники побрали, о чемъ ниже сего явствуеть со цѣною.

Ряса новая перцового сеетового сукна, мѣри полшеста локтя, завойками лисѣми подшитая и съ срѣбнимъ шнуркомъ, подъ фут-

- ромъ, лиштви крашениніе, кошгуеть мене совсѣмъ 14 р. 55 к.
- Кафтанъ новыи блакитного лудану середной руки, мѣри аршинъ тринадцять изъ срѣбнимъ шнуркомъ и срѣбнихъ гузѣковъ 24, на бавовнѣ, подшитій крашениною блакитною . . . . . 15 » 60 »
- Кунтушь дочери моеи рецетовой, жовтый, новыи, зъ золотимъ галономъ въ кругъ по разу, а по шлямахъ по два рази и шнуркомъ золотимъ обложеній, лисѣми шляхами добрими подшитій и гарлами добре опушень . . . . . 50 » — »
- Кунтушь дочерѣ моеи зъ локтевого полугранату, новыи, золотими корунками й шнуркомъ золотимъ округъ обложенъ, сѣбѣрковимъ фугромъ подшитій . 24 » — »
- Кунтушь оливкового полугранату, мѣри локоть пять, срѣбнимъ шнуркомъ уси золотимъ галономъ обложени, лиштви полутабинковіе . . . . . 16 » 40 »
- Кунтушь сеети кропивной, нови, золотимъ пузументомъ уси обложени, лиштви аксамитніе . . . . . 15 » — »
- Кунтушь лудану вишневого дванадцять аршинъ, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви додолній лудану кропивного, подшитіи крешениною . . . . . 12 » — »
- Кунтушь буракового лудану великой руки, аршинъ десять, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви зеленіи полутабинковіе, крашениною подшитій . . . . . 14 » 40 »
- Сподница новая, бѣлокосу доброго, у пять бритъ, локоть десять вкругъ, золотимъ галономъ обложена въ три ряди, шнуровка другого бѣлокосу, якъ водится, галономъ золотимъ обложена и вся сподница крашениною подбитая . . . . . 16 » 50 »
- Сподница новая блакитного лудану великой руки, у чтири брити, локоть восѣмъ въ долѣ, кругомъ въ три ряди борщевими басаманами обложена, шнуровка червоного лудану корунками золотими, якъ ведеться, обложена; сподница крашениною вся подшита . . . 12 » — »
- Сподница темнозеленои венецкой дуклѣ, новая, локоть сѣмъ, басаманами червоными кругомъ въ три ряди обложена, которіи басамани купуются локоть по осемъ

копѣекъ, шнуровка рецети гранатовой, такими-жъ ба- саманами обложена, крашеніною подшита	10 р. — к.
Плахоть двѣ новыхъ	10 » — »
Запaska бѣлокосу пасѣстого, локоть чтири	8 » — »
Запасокъ три полутабенковыхъ новыхъ	6 » — »
Поясовъ три, единъ полушаловый, другій дуклѣ венецкой пять локоть, третій атласковой великой руки	6 » 40 »
Чепцовъ пять, едень на аксамѣтѣ венецкомъ, золо- томъ гаптованій, другій на табицѣ золотомъ гапто- ваній, а три шовкомъ на луданахъ шитіе	17 » — »
Шапка аксамиту венецкого червоного, соболяя, широ- кими корунками золотими обложена	14 » — »
Шапка куняя суконная, карунками золотими широкими обложена	6 » — »
Звензокъ чтири, одна дуклѣ венецкой, зъ галіономъ зо- лотимъ, шириною въ полъ чвертки, а три зъ бей- берейки по чтири локтѣ, да еще одна стафтовая, всѣ чтири не шити	13 » 20 »
Золота и срѣбра цѣвокъ три	4 » 20 »
Конецъ золотій зъ френзлями золотими	8 » — »
Баволницъ новыхъ три, а мало заживанихъ баволницъ пять, рубковъ добрихъ пять штукъ, серпанковъ сѣмъ, подвичокъ пять	29 » — »
Караліовъ червонихъ, въ низцѣ одной двадцять шесть, большиною въ орѣхъ лѣсковій зерно	25 » — »
Ланцужокъ у восьмъ червонихъ, тамже и срибра ла- маного съ фунтъ	22 » — »
Зливокъ золота червонихъ двадцять сѣмъ	59 » 40 »
Персиновъ два злоцѣстихъ, у пять червонихъ, единъ зъ яхонтомъ, а другій съ кривавцемъ	14 » — »
Два кубки шрубованіе, срѣбніи позлоцаніи	5 » — »
Ложокъ чтири, срѣбнихъ двѣ, позлоцанихъ, а двѣ нѣтъ .	10 » — »
Келѣшокъ срѣбній позлоцаній	2 » — »
Запона новая, полуколоменковая, зъ лиштвами коломей- ковими	5 » — »
Цѣнѣ тарѣлокъ осѣмъ, полумисокъ великій одинъ и фляша болшая	9 » 60 »

Мѣдній ковшъ великій, фунтовъ сѣмь, кандѣйка, фунтовъ два, мождиръ зъ кручкомъ спижовимъ, фунтовъ 8.	5 р. 10 к.
Куницъ робленихъ чиненихъ пять	9 » — »
Рисювъ добрихъ чиненихъ пять	25 » — »
Бобровъ три добрихъ, видиръ добрихъ двѣ	8 » — »
Бейберейки вишневой косякъ цѣлій	8 » — »
Бейберейки кропивной двадцять локоть	10 » — »
Лудану блакитного полкосяка	5 » — »
Червоного лудану локоть чтири	4 » — »
Зъ платя бѣлого: сорочокъ новихъ женскихъ, полотна швабского 10, рубкового 10, московского 15, да ношенихъ сорочекъ 15, да музкихъ новихъ швабского и рубкового полотна пять паръ	— » — »
Постѣль новая швабского полотна, срѣбромъ и чернимъ шолкомъ шитая, наволочокъ 4, да простира у пять полъ, такъ-же золотомъ и шолкомъ шитая	15 » — »
Наволочокъ новихъ цвѣлѣховихъ сѣмь	3 » 50 »
Постѣль московского полотна съ карунками, наволочокъ сѣмь и простира	5 » — »
Постѣль заполочю шитая и простира, наволочокъ великихъ 7, а малихъ шестнадцать	8 » — »
Скатертей гданскихъ три и ручниковъ гданскихъ пять.	18 » — »
Скатертей наскихъ добрихъ, заполочю перетиканихъ 11 и ручниковъ наскихъ, заполочу-жь перетиканихъ, да шитихъ двадцать, да хустокъ серпанковыхъ заполочнихъ тридцать	24 » — »
Хустокъ золотомъ и сребромъ шитихъ 30	45 » — »
Хустокъ злотомъ и срѣбромъ шитихъ 40, а матеріальныхъ пятьдесятъ	55 » — »
Рукавицѣ палчатіе гданскіе и рукавицѣ зъ лапъ волчіе.	1 » — »
Кубокъ резаній чистого кришталю, на днѣ визолоченъ, и окуляръ двое	1 » — »
Панѣру лѣберъ пять и панчохи гданскіе	1 » — »
А о прочіихъ вещахъ не могу упомнить. Итого	810 » 35 »

Седьмой документъ особаго рода. Это счетъ портного, поданный сотнику (фамилія неизвѣстна) въ мѣстечкѣ Воронежѣ объ уплатѣ за

разныя портняжныя, исполненныя для него и его семья, работы. Заглавіе и счетъ слѣд.:

Реестръ мнѣ Карпу, кравцю для ради памѣяти на сотника воровничского много одежи пошивъ.

Пошивъ вилчурю, а за вилчурою попелястий каптанъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ Павлу пошили киндяковий каптанъ,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ папужий кунтишь,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ лудановий соломбястий,
еще тежъ пошивъ сотниковнѣ тузинъ новихъ кунтишь на чорному футрѣ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ гусарку лудановую на бѣлкахъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ фиалковую гусарку на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ согляцѣ табиновий кунтишь,
еще тежъ коломийковий каптанъ Павлу,
еще тежъ лудановий попелястий переправлявъ и подшивавъ сѣбѣ бѣрками,
еще тежъ пошивъ Павлу дукловий чирвоний чеканений каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику темнозелений косолбаский каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику кунтишь полушкарлатовий,
еще тежъ пошивъ согницѣ гвоздѣковий на зайцахъ,
еще тежъ пошивъ Семенку каптанъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ сотнику бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ Павлу французский кунтишь,
еще тежъ пошивъ Павлу бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ мамсовий каптанъ Павлу,
еще тежъ пошивъ Ивасю каптанъ и кунтушикъ,
еще тежъ пошили сотницѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Ганнусѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Гридю каптанокъ и кунтушикъ,
еще тежъ сотнику кармазиновий кунтушь лицовали и подшивали,
еще тежъ и другий кунтишь переправляли,
еще тежъ пошивъ Семенку киндяковий каптанъ безъ баволны,
еще тежъ Парасѣ лицовали блакитний кунтушь; темнозелений кунтушь тонкий лядский пану сотнику перешивавъ, а потимъ, якъ износилъ, и сыну его тотже кунтушь перешилъ. За все сее не платилъ.

Мѣсть панъ сотникъ сему суплѣкуючому заплатити за всю работу сюю тридцать золотихъ его милости, а вже узялъ сей кравецъ Карпъ Яременко полпята золотого.

Наконецъ восьмой документъ—списокъ вещей неизвѣстнаго, переданныхъ на удовлетвореніе кого-то по рѣшенію судебному, отличается особливо обстоятельностью въ описаніи матеріи вещей и ихъ украшеній. Документъ относится къ 1734 г.

Реестръ, сколько по указу суда еeneralного имѣнія зъ Фантъ матки моей и моихъ бунчуковимъ товарищемъ Федоромъ Чуйкевичемъ сотнику новомѣлинскому Івану Шишкевичу отдано:

Кунтишь матки моей матеріалній лудановій фіялковій зъ сребнимъ шнуркомъ; цена въ ному десять рублей.

Кунтишь мужескій тонкого сукна папушого, лисѣмъ футромъ добримъ подшитій, съ тясмою сребною и подпашниками сребнимъ-же пузыментомъ; цена въ ному тридцать одинъ рубль сорокъ коп.

Кунтишь мужескій тонкого сукна капарового, футромъ попелицями подшитій, съ шнуркомъ сребнимъ и подпашники пузыменту сребного, цена въ ному пятнадцать рублей.

Кафтанъ мужескій матеріалній ззигренеговій зеленій зъ сребнимъ пузыментомъ; цена оному дванадцать рублей.

Кунтишь мужескій тонкого сукна кармазинового, кругомъ оногo сребній пузыментъ зъ тясмою кругомъ же сребною и подпашники сребного-же пузыменту, зъ лиштвами аксамитними зеленими: цена оному двадцать рублей тридцать копеекъ.

Кафтанъ мужескій матеріалній штофовій зъ сребнимъ шнуркомъ, цена въ ному двадцать руб. двѣ копѣйки.

Кунтушь мужескій тонкого сукна злоткового, футромъ попелицями добримъ подшитій, около оногo сребній шнурокъ 1, подпашники пузыменту сребного, цена въ ному двадцать рублей сѣмдесять коп.

Кунтишь мужескій другій тонкого сукна злоткового-жь, футромъ попелицями добримъ подшитій, около оногo сребній шнурокъ зъ подпашники сребного-жь пузыменту: цена въ ному двадцать рублей сѣмдесять копѣекъ.

Килимъ добрій новій, цена въ ному чтиру рубли. Скриню болшую, зелѣзомъ окованую; цена оной пять рублей.

Итого за означеніе пожитки денегъ 159 руб. 12 коп.

Сонъ пресв. Богородицы по списку генеральнаго войсковаго судьи Савы.

Въ числѣ фамильныхъ бумагъ Савичей сохранилась небольшая, въ нѣсколько осьмушечныхъ листиковъ, рукописная книжечка, бумаги, утратившей свой первоначальный цвѣтъ, въ бумажной клееной обложкѣ, до крайности засаленной и истертой, что все свидѣтельствуетъ о древности книжечки и ея частомъ употребленіи. Въ этой-то книжечкѣ, принадлежавшей, судя по почерку XVII ст., родоначальнику Савичей, войсковому генеральному судѣ Савѣ, записанъ когда-то сильно распространенный въ южнорусскомъ обществѣ апокрифъ, въ составъ котораго входилъ такъ называемый „Сонъ пресв. Богородицы“ и „Листъ“ (письмо, сказаніе) о *недѣль*, т. е. о празднованіи дня воскреснаго, съ присовокупленіемъ и вообще морали христіанской.

Списковъ этого апокрифа существуетъ уже въ печати такъ много (въ „Калѣкахъ Перехожихъ“ 27, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1861 г. два, въ „Собраніи поученій“ протоіерея Малова одинъ), что надобности въ новомъ спискѣ по видимому не представлялось бы вовсе. Но списокъ, о которомъ мы говоримъ, во первыхъ принадлежитъ извѣстному историческому лицу и его роду, во вторыхъ онъ одинъ изъ числа наиболѣе древнихъ и въ третьихъ въ немъ замѣтна сильная малорусская окраска не только въ языкѣ, но едва ли и не въ самомъ текстѣ, по крайней мѣрѣ, послѣдней его части. Ради этихъ-то особенностей сего списка мы и даемъ ему мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Происхожденіе обоихъ апокрифовъ „Сна“ и „Листа о недѣлѣ“ несомнѣнно западное, хотя мы и не знаемъ ихъ прототиповъ. Въ основѣ перваго лежитъ измышленное преданіе о томъ, что пресв. Матерь Божія видѣла въ пророческомъ снѣ возлюбленнаго Сына своего. Преданію придана форма бесѣды Іисуса Христа съ пречистою Его матерью о видѣнномъ ею снѣ, а къ нему присочинены слова Спасителя о благодатныхъ послѣд-

ствіяхъ содержанія при себѣ записи о такомъ снѣ. Въ основу втораго сказанія положено небесное его происхожденіе и чудодѣйственная сила храненія христіаниномъ при себѣ списка этого сказанія. Дальнѣйшія христіанскія сентенціи и заключеніе, съ проклятіемъ не почитающихъ сказанія и широкими обѣщаніями для хранящихъ и распространяющихъ оное, составляютъ по всей вѣроятности позднѣйшую приставку и амплификацію на готовую тему. Отсюда повторенія въ сказаніи, отсутствіе единства мысли и нѣкоторая абсурдность, которой не могло не примѣчать только суевѣріе старца, невѣжественнаго времени.

Какъ рано проникли къ намъ эти апокрифы, рѣшить трудно. Въ Лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г., послѣ приведенія двухъ списковъ названнаго апокрифа замѣчено, что листъ этотъ писанъ 1546 года. Сличая нашъ списокъ съ спискомъ Ерлича, усматриваемъ между ними буквальное сходство. Не можетъ быть однако сомнѣнія, что здѣсь не польскій текстъ переложень съ южно-русскаго, а наоборотъ южно-русскій представляетъ переводъ съ польскаго. Одинъ изъ списковъ этого перевода попалъ и къ войсковому генеральному судѣ Савѣ, сохранившему его для своего рода и нашего времени. Вотъ этотъ списокъ, воспроизведенный съ точностію съ оригинала.

Сонъ пресвятой Богородицы, спящей на горѣ Оливной.

Гди единого часу заснула пресвятая Богородица на горѣ Оливной, и пришлоъ до ней Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и рекъ до ней: «наймилшая матко моя! Слিশъ или чуюшь»? Очнулася пресвятая Богородица и рекла до Него: «Сыну мой наймилшій! алемъ ся очнула и снился мнѣ сонъ дивній о Тебѣ: видѣлемъ Тебѣ пойманого и звязанного предъ Яниша и Каиафу приведенного и у столпа бичованнаго, и съ Твоей святой головы кровь струменми плинула, и Твое пребожественное тѣло, якъ ксра отъ древа отпала». Іисусъ Христосъ рекъ до ней: «матко моя милая! правдивый сей сонъ снился о мнѣ, такъ маеть быти; гди кто колвекъ будетъ тотъ листъ при собѣ мѣти, то будетъ ласку мою мѣти, и при смерти его я самъ буду и пресвятая Богородица, матка моя будетъ, и аггели озмутъ душу его до царства небесного на вѣчнія вѣки. Аминь».

Сей листъ былъ у гроба Божого, и писанъ сей листъ у Іерусалимѣ.

Листъ Іисуса назарейскаго, царя іудейскаго.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Тие слова святіе на сей свѣтъ зосланніе отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа Львовѣ папѣжевѣ; а Левъ тежъ, освятивши его, послалъ брату своему королю противъ непріятели. А тотъ листъ такую мощъ маеть, же кто его хотѣлъ бы читати, albo съ пилностью слухати, то таковой чловѣкъ на сорокъ дний отпущенія грѣховъ своихъ маеть и жадная речъ злая шкодити не можетъ; а въ которому дому тотъ листъ будетъ, тому дому ни огонь, ни громъ, ни чари, ни иная речъ злая шкодити можетъ; а которая жена бѣлоглова, беременна будучи, и тотъ листъ при собѣ мѣти будетъ въ тотъ часъ, легко отроча породитъ, мовячи тие слова: «Іисусъ надо мною и со мною обронцемъ моимъ естъ, Іисусъ мене стережетъ отъ усякаго зла во дни и въ нощи и на каждую годину отъ діавола шкаредного. Прошу Тебе Господа Бога моего презъ муку Твою святую, которую еси терпѣлъ за насъ грѣшнихъ и кровь Твою святую вилати рачиль. Святій великій Іоанне, пророче, предотече и крестителю Христовъ, которого еси Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во Іорданьстѣй рѣцѣ крестиль, стережи и насъ грѣшнихъ отъ огня, и меча, и стрелби, и отъ всякаго зла, аби мнѣ нѣчого злого шкодити не могло. А сей листъ найденъ въ землѣ британской, на горѣ Оливной, предъ образомъ архистратига Христова Михаила», и кто его хотѣлъ читати, albo переписати, то самъ ся ему отворувалъ. А тотъ листъ написанъ билъ златими лѣтерами, ижъ мовить: «Я Іисусъ Христось, Сынъ Бога живаго, приказую вамъ и объявляю мощъ Божества Своего, абисте день неделний чтили и жаднихъ работъ не робили, и корѣня въ городахъ не копали, и на пожитокъ душамъ своимъ не оборочали, и жеби вѣрили и молилися, ижъ правдивий Сынъ Божий моцю Божества Своего тотъ листъ написалъ и училь, абисте добре ся справовали на семь подолѣ земномъ, бо Я вамъ даль шесть дній работы, а семій день, неделю, святити его, на добрая дѣла и учинки, ку помноженю хвали Своея; а если не будете добре чинити, то буду васъ карати голодомъ нестерпимымъ, повѣтрамъ злимъ, войною срогою, побужу царя на царя, короля на короля, пана на пана, мѣсто на мѣсто (и востанетъ) отецъ на сына, сынъ на отца, сестра на сестру, братъ на брата, сусѣдъ на сусѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе,

всѣхъ васъ ускромлю и пиху у васъ отиму. И еще васъ буду карати громомъ и блистаніемъ, абисте познали гнѣвъ Божій и справедливость Мою; а то для грѣховъ вашихъ. Еще васъ упоминаю, которій есть день неделя, абисте до церкви ходили, а злихъ учинковъ не чинили, и если не будете приказаня Моего слухати, то перепущу на васъ птахи чорние, которіе, лѣтаючи, на васъ будутъ кричати и нещадно кусати, отъ которыхъ злое повѣтріе походити будетъ. И еще вамъ приказую, абисте въ субботу по вечерни не робили, для пречистой Матки Моей, бо гди-би Матка Моя за васъ не молилася, давно бисте погинули и горкою смертію померли. А въ неделю повиненъ кождій человѣкъ старій и молодой зъ женами своими и зъ дѣтками до церкви Божой ходити и розмишляти о грѣсехъ своихъ, что есте согрѣшили. Еще вамъ упоминаю презъ муку Мою святую, абисте криво не присягали, свѣдоцтва фалшивого вистерѣгалися, и ни небомъ, ни землею, ни чинною коею клятвою не клялися, буди-же вамъ ей-ей, ни-ни: бо Я васъ сотворилъ по образу Своему, а ви, людие, гнѣву Моего не пожадайте, отца и матку шануйте, старихъ поважайте, нищими убогими не гордѣте. Если будете ведлугъ словесъ Моихъ справоватся, то дамъ вамъ царство небесное и отпущеніе грѣховъ вашихъ. А въ востатку приказую вамъ, абисте вѣрили тому листу; а которій человѣкъ не вѣритъ, проклятъ будетъ и наглою смертію помретъ; а которій человѣкъ тому листъ вѣрити будетъ и тотъ листъ у себе мѣти будетъ, аби его роздзвалъ отъ дому до дому читати и переписовати: то если-би мѣлъ человѣкъ грѣховъ якъ пѣску въ морѣ, якъ листу на деревѣ, якъ звѣздъ на небѣ, то всѣ ему отпущенн будутъ и царства небесного доступить. Ему-же честь и слава нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

Библіографія.

Гр. Алексѣевичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887 г.

Въ свое время, давая отзывъ о первомъ томѣ «Трудовъ» одесскаго археологическаго съѣзда, мы говорили и о помѣщенномъ тамъ солидномъ трудѣ названнаго выше ученаго, представлявшемъ плодъ раскопки 16 кургановъ въ окрестностяхъ мѣстечка Смѣлы, произведенныхъ имъ въ 1881—1884 г. Тогда мы высказывали сожалѣніе, что рефератъ гр. Бобринскаго не былъ иллюстрированъ ни однимъ рисункомъ. Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ, снабженный множествомъ великолѣпно выполненныхъ рисунковъ, способенъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ со стороны полноты, точности и изящества изданія. Графъ Бобринскій ученый въ высшей степени добросовѣстный, аккуратный и осторожный; онъ не гонится за окончательными выводами тамъ, гдѣ они могутъ быть преждевременными: у него всегда впереди фактъ, точнѣйшимъ образомъ записанный, потомъ слѣдуетъ объективное и разностороннее изслѣдованіе его, на основаніи аналогій съ опубликованными ранѣе данными по археологіи Россіи, Азіи и западной Европы, и наконецъ антропологическія измѣренія. Строго соблюдая такую объективность въ своемъ трудѣ, гр. Бобринскій по этому самому избѣгаетъ искусственности въ изложеніи и печатаетъ нынѣ «дневники» своихъ пятилѣтнихъ раскопокъ, удѣляя особо мѣсто своимъ «соображеніямъ».

Вновь изданный теперь трудъ гр. Бобринскаго даетъ четверо больше археологическаго матеріала, чѣмъ рефератъ его на одесскомъ съѣздѣ, заключаая дневники раскопокъ свыше пятидесяти кургановъ и кромѣ того описаніе случайныхъ находокъ близъ мѣстечка Смѣлы, которыя случилось ему пріобрѣсти у крестьянъ, или только видѣть у другихъ

владѣльцевъ. Но самъ онъ отнюдь не принадлежитъ къ типу антикваровъ коллекціонистовъ, напротивъ наука у него всегда на первомъ мѣстѣ, строгое изслѣдованіе выше золота и серебра; онъ говоритъ: «... послѣдователь, желающій принести свою долю пользы....., долженъ заранѣе отрѣшиться отъ погони за цѣнными предметами, даже вообще отъ исключительнаго розыска предметовъ древняго быта. Изслѣдованіе кургана, въ которомъ не найдено никакихъ вещей, можетъ, при тщательномъ описаніи встрѣтившихся въ немъ костей животныхъ и подробностей положенія человѣческаго остова, принести наукѣ несомнѣнно большую пользу, нежели находка золотыхъ или серебряныхъ предметовъ».

Полученный раскопками матеріалъ гр. Бобринскій дѣлитъ на нѣсколько культурно-историческихъ группъ.

Къ первой хронологической группѣ относится стоянка и мастерская каменнаго вѣка у подножья Юрьевой горы, въ сѣверу отъ мѣстечка Смѣлы. Здѣсь найдено много кремневыхъ ножей, скребковъ, стрѣлъ, ядрищъ, глиняныхъ черепковъ отъ посуды первобытнаго производства, прислицъ, а въ верхнемъ слоѣ почвы—мѣдная проволока. Наиболѣе тщательной отдѣлкой отличались, по замѣчанію автора, скребки и ножи, напротивъ наконечники стрѣлъ отличались крайнею грубостью, какъ будто «болѣе изящныхъ стрѣлокъ не требовалось». Любопытно, что кремневые орудія попадались изрѣдка и въ могилахъ, содержавшихъ металлы. Въмѣстѣ съ названными предметами найдены кости лошади, коровы, барана, свиньи, оленя, лисицы и дикой козы. Интересно было бы знать, всѣ ли найденныя кости принадлежали породамъ животныхъ дикихъ; но на это мы не нашли указаній въ трудѣ гр. Бобринскаго.

Раскопки могилъ неподалеку отъ указанной стоянки каменнаго вѣка, равно и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ изслѣдованной мѣстности, открыли слѣды погребенія въ неглубокой грунтовой ямѣ, въ деревянномъ склепѣ; скелетъ находился всегда на боку, въ согнутомъ положеніи, часто скелетъ и кости извлекались покрытыми красной краской, и обыкновенно въ сильно разрушенномъ состояніи; чаще всего скелетъ лежалъ головою къ западу; вещей обыкновенно не находимо было никакихъ, изрѣдка только попадались куски краски, осколки кремня и черепки грубой выдѣлки посуды. Окраска череповъ и костей вызвала автора на соображенія, при чемъ, основательно затрудняясь высказать рѣшительное заключеніе по этому предмету, онъ съ большимъ довѣріемъ остановился на томъ, что окраска эта могла перейти на кости отъ обрушившейся кровли склепа, внутреннія части котораго могли быть выкрашены, хотя какъ самому автору, такъ и намъ вмѣстѣ съ нимъ, объясненіе это кажется не вполне удовлетворительнымъ. Могилы описан-

наго типа находимы были раньше въ екатеринославской губерніи, а въ послѣднее время и въ херсонской. Изъ кургановъ этой категоріи замѣчательнѣе майданъ на Юрьевой горѣ; собственно, это не курганъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а круглый валъ, съ углубленіемъ по срединѣ; тѣмъ не менѣе раскопка его дала доказательства, что часть его служила для цѣлей погребенія и при томъ очень своеобразнаго: покойники были положены въ толстые выдолбленные стволы и прикрыты сверху деревьями; вещественныхъ находокъ сдѣлано мало, но найденное указываетъ на чрезвычайную древность могилы. Однако вопросъ о томъ, дана ли кургану настоящая его форма при первоначальной насыпкѣ, или же погребальный курганъ иного вида былъ утилизированъ послѣ для другихъ цѣлей, остается открытымъ.

Въ особую группу выдѣляются авторомъ два кургана на берегу р. Серебрянки, содержавшіе мелкія кремневые орудія, глиняные черепки и такіе-же цѣлыя горшки, мѣдную урну и удила. Одинъ изъ этихъ кургановъ отличался своеобразною особенностью, а именно въ насыпи открыты двѣ большія деревянныя крыши загадочнаго назначенія, покрывавшія ее и построенныя одна сверху другой. Второй экземпляръ такой же могилы съ крышами констатированъ въ другомъ пунктѣ побережья р. Серебрянки, но эта могила заключала желѣзныя вещи (принадлежности удила и ножи).

Рѣзко характерными чертами отличаются одинадцать кургановъ въ группѣ надъ Холоднымъ Яромъ. Достойно вниманія, что группа эта состоитъ изъ небольшихъ могилъ, совершенно одинаковыхъ по наружному виду, но по условіямъ погребенія и по своему содержимому распадающихся на два различныхъ типа: одинъ, древнѣйшій, примыкаетъ къ первому изъ указанныхъ выше типовъ (согнутое положеніе остова, крашенные черепа, отсутствіе предметовъ быта), другой напротивъ того принадлежитъ народности высоко-культурной и богатъ предметами ремесла и искусства. Могильныя ямы этого типа могилъ, вырытыя въ грунтѣ, отличаются большими размѣрами и расширяются внизу; иногда онѣ обстраиваются деревянными склепами, подобно могиламъ древнѣйшаго типа; человѣческіе остовы находятся въ лучшей сохранности; об окраскѣ костей нѣтъ и помину; покойники обыкновенно положены на спинѣ, большею частію головами на западъ; въ головахъ ихъ постоянно встрѣчаются кости животныхъ, а именно лошади, коровы и барана и при нихъ желѣзные ножи; находимы были также: глиняная посуда, остатки деревянныхъ вещей, слѣды тканей и одѣяній, предметы изъ камня, кости, стекла, желѣза, бронзы, серебра, золота, янтаря и халцедона, относящіяся къ оружію и къ предметамъ украшенія. Посуда—болѣе совер-

шенной отдѣлки; въ нѣкоторыхъ экземплярахъ замѣтно подражаніе греческимъ образцамъ, а одна небольшая изящная вазочка несомнѣнно греческой работы. Одѣяніе было цвѣтное и украшалось изящнымъ, разноцвѣтнымъ галуномъ. Любопытно, что изрѣдка и въ этихъ могилахъ попадались отдѣльными экземплярами кремневыя орудія. Часто попадались игральныя кости (астрагалы козъ). Замѣчательнѣе костяной набалдашникъ палки или орудія, искусно выдѣланный въ видѣ львиной головки. По замѣчанію гр. Бобринскаго, «набалдашникъ этотъ носитъ отпечатокъ древняго востока: такіа львиныя головки встрѣчаются на ассирійскихъ предметахъ разнаго рода». Находимы были бусы—стеклянныя, костяныя и янтарныя. При одномъ женскомъ остоѣ найдены были двѣ стеклянныя круглыя пластинки, и на одной изъ нихъ видѣнъ былъ изящный рисунокъ, изображавшій женщину птицу, быть можетъ, Леду и лебедя. Изъ желѣзныхъ вещей найдены копыя, ножи, браслеты, кольца, иглы, изъ бронзовыхъ и мѣдныхъ стрѣлы, зеркала, браслеты и кольца, изъ серебряныхъ серьги и другія украшенія, изъ золотыхъ нѣсколько маленькихъ четырехъугольныхъ пластинокъ съ изображеніемъ грифоновъ. Но особенно важною находкою былъ цилиндръ изъ халцедона, на которомъ выгравированъ конь, съ крылатымъ шаромъ—ассирійской эмблемой верховнаго существа. Ассирійскіе цилиндры, служившіе печатями, ранѣе не были находимы въ мѣстности столь сѣверной. Предметъ этотъ свидѣтельствуетъ о большой роскоши древнихъ обитателей изслѣдованной мѣстности и объ ихъ отдаленныхъ торговыхъ сношеніяхъ. «На обширныя торговыя сношенія указываютъ: янтарь (съ сѣверомъ), греческіе предметы (съ югомъ) и ассирійскія украшенія (съ востокомъ)». Но при этомъ бытъ этихъ давнихъ обитателей Смѣлы отличался и воинственностью: въ могилахъ ихъ постоянно встрѣчается оружіе, даже при женскихъ остовахъ; на костяхъ замѣчаются иногда слѣды ранъ, зажившихъ еще при жизни, а въ черепѣ одного покойника сохранилась вонзившаяся въ него брѣззовая стрѣла, бывшая вѣроятно причиною его смерти. На основаніи разнообразныхъ указаній, почерпнутыхъ изъ изслѣдованія могилъ этой категоріи, авторъ останавливается на предположеніи, что могилы эти могутъ принадлежать эллинамъ, покинувшимъ побережья Чернаго моря, поселившимся среди варваровъ и отчасти смѣшавшимся съ ними.

Два особыхъ типа погребенія представляютъ курганы обширнаго могильника близъ Гуляй-города, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 400 могилъ. Одинъ типъ, обнаруженный въ одномъ только курганѣ, отличается слѣдующими чертами: въ грунтѣ выкопана была очень большая яма, на днѣ ея положено четыре покойника головами къ западу, въ особо вырытыхъ канавкахъ, въ головахъ ихъ, въ особыхъ нишахъ, поставлены

глиняные сосуды; по бокамъ ямы возведены деревянныя стѣны, надъ которыми устлана толстая деревянная же крыша и на ней положены еще покойники головами къ сѣверу, также съ горшками у изголовьевъ; наконецъ и надъ этимъ вторымъ этажемъ воздвигнута деревянная крыша. Изъ вещей, кромѣ довольно грубой посуды, найдена въ этой могилѣ бронзовая, спиралевидная бляшка. Второй типъ могилъ у Гулай-города имѣетъ слѣдующія особенности: квадратная большая грунтовая яма обдѣлана склепомъ; скелеты лежатъ вдоль стѣнокъ ямы, въ разныхъ направленіяхъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями; изъ предметовъ быта золотыхъ и серебряныхъ вещей не оказалось, но въ изобиліи попадались бронза, желѣзо, предметы изъ кости, стекла, дерева, кожи и глины. Изъ бронзовыхъ предметовъ замѣчательно одно зеркало, ручка котораго украшена бараньей головкой. Бронзовыя иглы для прикрѣпленія одежды похожи на гвозди и свидѣтельствуютъ о грубости тканей. Наконечники стрѣлъ—особаго типа и довольно большіе. Встрѣчались бронзовыя украшенія въ видѣ головы барана, волка, лошади; желѣзный панцирь изъ пластинокъ, нашитавшихся на одежду въ видѣ чешуи; куски красокъ красной, желтой и бѣлой. По замѣчанію гр. Бобринскаго, бронзовые предметы этаго могильника напоминаютъ кавказскія бронзы. Здѣсь мы не находимъ слѣдовъ греческаго вліянія, столь явственныхъ въ могилахъ надъ Холоднымъ Яромъ. Но съ другой стороны есть нѣкоторые факты, служащіе соединительнымъ звеномъ между этими двумя группами могилъ. Такимъ образомъ, хотя осторожный авторъ самъ и уклоняется отъ положительнаго отвѣта на вопросъ о народности покойниковъ послѣдняго могильника, но по всѣмъ полученнымъ имъ даннымъ самъ собою напрашивается отвѣтъ, что это были скифы.

Случайныя находки близъ м. Смѣлы состояли изъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, изъ желѣзныхъ мечей, изъ издѣлій костяныхъ и глиняныхъ предметовъ и т. п.; кромѣ того, найдено было два древнихъ клада, состоявшихъ изъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. На всемъ этомъ останавливаться мы не будемъ, потому что случайныя находки всегда имѣютъ интересъ больше для любителей, чѣмъ для науки.

Въ приложеніи помѣщена записка безъ подписи, на французскомъ языкѣ, прошлаго вѣка, о древностяхъ окрестностей Смѣлы.

Трудъ снабженъ двумя картами, украшенъ многими рисунками въ текстѣ и 24 особыми таблицами роскошныхъ рисунковъ, изображающими какъ предметы, найденные авторомъ, такъ и положеніе скелетовъ и вещей въ могилахъ и планы послѣднихъ.

Пожелаемъ почтенному труду гр. Бобринскаго вполне заслуженнаго имъ успѣха.

В. Ястребовъ.

Квитка (Основьяненко), Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.

На дняхъ вышла въ Харьковѣ новая книга „Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грыцькомъ Основьяненко“. Изданіе харьковского уѣзднаго земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Ѳедоровича Квитки (Основьяненко), подъ редакціей профессора А. А. Потебни. Цѣна за 2 тома 2 рубля.

Мысль объ изданіи сочиненій Григорія Ѳедоровича Квитки (Грыцька Основьяненка), читаемъ въ предисловіи, возникла еще въ то время, когда харьковское общество готовилось праздновать столѣтіе (исполнившееся 18 ноября 1878 г.) со дня рожденія этого замѣчательнаго украинскаго писателя и выдающагося общественнаго дѣятеля своего времени. Починъ принадлежалъ земскому собранію харьковского уѣзда. Прочитанная въ его засѣданіи записка Ф. А. Павловскаго (бывшаго члена управы и училищнаго совѣта) и словесное заявленіе покойнаго гласнаго о. Александра Подольскаго (настоятеля церкви въ селѣ Основѣ) вызвали общее сочувствіе, сказавшееся въ слѣдующемъ постановленіи 16-го іюня 1878 г.: учредить въ с. Основѣ, на родинѣ писателя, школу съ преподаваніемъ садоводства и огородничества, и ходатайствовать о присвоеніи этой школы имени Г. Ѳ. Квитки. Содержаніе школы принято на средства земства съ небольшимъ пособіемъ, какое по приговору обязалось ежегодно вносить мѣстное сельское общество. Четыре десятины земли подъ школу подарены земству Андреемъ и Валеріаномъ Валеріановичами и Елисаветою Карловною Квитками. На постройку употребленъ матеріалъ отъ большаго амбара, пожертвованнаго крестьянскимъ обществомъ, и отъ старой церкви (по предложенію протоіерея Подольскаго и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства), а также особый капиталъ (около 2,000 р.), составившійся въ управѣ ранѣе изъ пожертвованій, и всѣ остатки отъ земскихъ ассигновокъ по школѣ въ Основѣ. Заботы по учрежденію школы, выработкѣ программы и проч., а также по устройству юбилейнаго торжества возложены были земствомъ на особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, какъ преемника той обязанности, которую много лѣтъ несъ покойный писатель. Въ составъ комитета первоначально вошли: Ф. А. Павловскій (секретарь комитета), о. Александръ Подольскій и А. Е. Зайкевичъ (профессоръ агрономіи въ харьковскомъ университетѣ).

Утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ программа празднованія юбилея включила въ обязанности комитета заботы объ изданіи сочиненій Г. Ѳ. Квитки. Право изданія уступлено внуками писателя А. В. и В. В. Квитками въ собственность земства харьковского уѣзда,

подъ условіемъ, чтобы чистый доходъ поступалъ въ пользу школы, построенной въ Основѣ въ память Г. Θ. Квитки. Фондомъ изданія послужили спеціальныя пожертвованія отъ многихъ лицъ, поступившія въ комитетъ, начавшій дѣло изданія, продолженіе котораго, по постановленію земскаго собранія, поручено уѣздной управѣ.

Комитетъ, начавшій дѣло изданія сочиненій Квитки, вскорѣ распался, и самое дѣло остановилось на долгое время. Предсѣдатель харьковской уѣздной земской управы П. П. Флота въ прошломъ году взялся привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе объ изданіи сочиненій Г. Θ. Квитки и настойчиво довелъ это дѣло до вполне благополучнаго исхода. Въ выборѣ и редактированіи сочиненій Квитки П. П. Флотъ оказалъ содѣйствіе профессоръ А. А. Потебня. Малорусскія повѣсти Квитки изданы въ видѣ сборника въ 2 томахъ и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, причемъ сборникъ стоитъ 2 руб. съ пересылкою, а отдѣльныя брошюры тѣхъ повѣстей по цѣнамъ безъ пересылки: Маруся 20 коп., Мертвецкій великъ день 6 к., Добре робы, добре буде—10 к., Конотопьска видьма 20 к., Отъ тоби и скарбъ 6 к., Козырь дивка 12 к., Сердешна Оксана 12 коп., Пархимово сніданья 5 в., Перекоты поле 10 к., Божи диты 10 к., Щира любовь 15 к. и Лысты до любезныхъ земляковъ 6 к. За пересылку этихъ брошюръ прилагаются почтовыя марки въ 2 к. за 4 лота, или по расчету марокъ въ 2 коп. за брошюры цѣною въ 5, 6 и 10 к. и по 2 к. за брошюры цѣною 12 и 20 к.

Приобрѣсти книги эти можно въ помѣщеніи харьковской уѣздной земской управы на Клочковской улицѣ въ домѣ Пашенкова Тряпкина.

Книгопродавцамъ при требованіи не менѣе 25 экземпляровъ малороссійскихъ повѣстей въ двухъ томахъ и полного комплекта брошюръ дѣлается уступка въ 10% съ пересылкою за счетъ управы.

Г. Флота имѣетъ въ виду въ непродолжительномъ времени издать всѣ сочиненія Квитки на русскомъ литературномъ языкѣ, также въ пользу основянской школы имени Квитки. Хотя русскія повѣсти Квитки и не могутъ сравниться съ его малорусскими повѣстями по художественности, но и въ нихъ разбросано много цѣнныхъ историко-бытовыхъ подробностей и чертъ, ярко обрисовывающихъ жите-бытье слободско-украинскаго дворянства въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Изданіе русскихъ повѣстей Квитки тѣмъ болѣе желательно, что онѣ давно уже стали библиографическою рѣдкостью.

С.

*Историческіе очерки сель конотопскаго уѣзда, А. Лазаревскаго.
Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ. 1886 г.*

Это небольшая брошюра, заключающая всего 33 страницы убогистаго шрифта и тѣмъ не менѣ имѣющая неоспоримое право на примѣненіе къ ней пословицы: «малъ золотиныкъ, да дорогъ». Если не ошибаемся, она представляетъ оттиски изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1886 г., издана, очевидно, въ небольшомъ количествѣ и потому весьма легко можетъ остаться не замѣченною для тѣхъ, кто не слѣдитъ за провинціальными листками. Цѣль настоящей замѣтки обратить вниманіе любителей мѣстной старины на этотъ новый цѣнный трудъ неутомимаго ученаго, имя котораго издавна и совершенно заслуженно пользуется почетною извѣстностью въ нашей исторической литературѣ.

Настоящій выпускъ обнимаетъ историческіе очерки слѣдующихъ 11-ти поселеній юго-восточной части конотопскаго уѣзда: с.с. Великаго и Малаго Самборовъ, Дептовки, Кошаръ, Поноръ и Коренецкой, дер. Фесевки, Юровки, Савинецъ и Базилевки и мѣст. Краснаго Колядина, и—какъ объясняетъ почтенный авторъ—служить продолженіемъ такихъ же очерковъ, напечатанныхъ во II т. Записокъ черн. губ. статистическаго комитета 1868 г. и посвященныхъ описанію другихъ сель того же уѣзда. Главное достоинство настоящаго очерка, какъ и всѣхъ предыдущихъ ученыхъ трудовъ А. М. Лазаревскаго, составляютъ: а) обиліе новаго историческаго матеріала и б) особое искусство или умѣнье автора пользоваться имъ. Подобно другимъ южнорусскимъ историкамъ (Максимовичу, Костомарову, В. Б. Антоновичу), г. Лазаревскому приходится одновременно быть и собирателемъ историческихъ матеріаловъ, и заниматься научною ихъ обработкою. Людямъ, имѣющимъ удовольствіе лично знать почтеннаго ученаго, хорошо извѣстно, какъ велики и драгоценны имѣющіяся въ его библіотекѣ коллекціи историческихъ матеріаловъ, надъ собираніемъ которыхъ онъ трудился всю жизнь. Поэтому все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, независимо уже отъ общепризнанной эрудиціи автора, имѣетъ прежде всего высокую научную цѣнность со стороны новизны, свѣжести и богатства фактическаго содержанія. Такъ и въ настоящихъ „очеркахъ“ исторія каждаго поселенія, со времени его возникновенія и до нашихъ почти дней, передается преимущественно на основаніи неизданныхъ, новыхъ матеріаловъ и нерѣдко богата весьма интересными бытовыми и экономическими подробностями, очень цѣнными и для общей исторіи края. Другой, менѣ опытный изслѣдователь, располагая столь богатымъ и еще, такъ сказать,

нетронутымъ матеріаломъ, легко могъ бы загроздить свой трудъ массою мелочныхъ подробностей и малозначительныхъ, хотя бы и новыхъ, фактовъ. Г. Лазаревскій всегда счастливо умѣетъ избѣжать подобной крайности, и это чувство мѣры придаетъ еще большую цѣну его ученымъ трудамъ.

Въ провинціи всегда найдется не мало образованныхъ людей, которые, руководясь чувствомъ естественной привязанности къ мѣсту ихъ родины или жительства, живо интересуются всѣмъ, что относится къ прошлому данной мѣстности, и нерѣдко озадачиваются составленіемъ исторіи роднаго села, города или даже цѣлаго уѣзда. Для такихъ лицъ нельзя указать въ нашей литературѣ лучшаго образца, какъ разбираемый нами трудъ почтеннаго историка. Историческіе очерки отдѣльныхъ мѣстностей крайне желательны: они вносили бы въ общую исторію страны все новые факты и уснѣшно распространяли бы въ обществѣ результаты спеціальныхъ научныхъ изысканій и тѣмъ способствовали бы развитію и укрѣпленію въ немъ историческаго знанія и самосознанія. Пожелаемъ, чтобы ученая дѣятельность А. М. Лазаревскаго, съ такою любовью посвящающаго свои труды, между прочимъ, и изученію исторіи своей ближайшей родины, нашла какъ можно болѣе подражателей не только въ средѣ присяжныхъ ученыхъ, но и среди обыкновенныхъ образованныхъ людей.

Э—ь.

О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи.

Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г.

Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украинѣ. Львовъ. 1886 г.

Брошюры, заглавіе которыхъ мы выписали, представляютъ оттиски знакомыхъ уже постояннымъ читателямъ «Кіев. Старины» двухъ рефератовъ, читанныхъ въ свое время на VI археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Одессѣ. Первый изъ нихъ принадлежитъ профессору Вл. Б. Антоновичу и напечатанъ въ «Трудахъ» названнаго съѣзда, второй составленъ г. К. Медвѣдникомъ и помѣщенъ въ «Литературномъ Сборникѣ», издаваемомъ галицко-русскою матицею во Львовѣ. Настоящею замѣткою мы только хотимъ поставить въ извѣстность читателей, не располагающихъ названными изданіями, о выпускѣ этихъ рефератовъ отдѣльными брошюрами, слегка приведа на память ихъ содержаніе.

Брошюра Вл. Б. Антоновича трактуетъ объ изслѣдованныхъ имъ пещерахъ, находящихся въ скалахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Пещеры эти, какъ говоритъ онъ, обратили, еще раньше на

себя вниманіе писателей и ученыхъ, а въ 1883 г. были изслѣдованы имъ, по порученію распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда. Всѣ онѣ расположены въ скалистыхъ берегахъ р. Днѣстра и его притоковъ: Збруча, Жванчика, Смотрича, Студеницы, Теремка, Ушицы, Лядавы и др. и служили жилищемъ первобытнаго человѣка въ неолитической періодъ, что доказывается обиліемъ въ нихъ и близъ нихъ каменныхъ орудій различныхъ видовъ: самой грубой первобытной выдѣлки посредствомъ одного удара, болѣе совершенной выдѣлки посредствомъ мелкихъ ударовъ и орудій шлифованныхъ. Въ иныхъ пещерахъ попадаются предметы и болѣе высокой культуры. Такова особенно пещера, лежащая въ селѣ Бушѣ ямпольскаго уѣзда, гдѣ на площадкѣ, окруженной съ трехъ сторонъ скалами, на одной изъ скальныхъ стѣнъ найденъ слѣдующій горельефъ. На камнѣ высѣчено дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей этого дерева сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ въ профилѣ изображеніе человѣческой фигуры на колѣняхъ съ чашей въ рукахъ, напоминающей каменныя бабы; передъ этой фигурой изображеніе оленя съ вѣтвистыми рогами. Всѣ признаки указываютъ на древность этого изображенія. По справедливому предположенію Вл. Б. Антоновича группа эта представляетъ сцену изъ славянскаго религіознаго культа, предшествовавшаго христіанству. Важно было бы подтвердить эту догадку краниологическими данными; но въ массѣ найденныхъ въ пещерахъ костей человѣческихъ скелетовъ не оказалось вовсе череповъ, что объясняется благочестивымъ обычаемъ жителей погребать черепа.

Таково главное содержаніе брошюры проф. Антоновича. Издана она очень изящно и сопровождается прекрасно исполненными рисунками вида пещеры у с. Нагорянъ, пещерной церкви у с. Лядавы и горельефа на скалѣ у с. Буши.

Брошюра г-жи Мельникъ передаетъ содержаніе реферата о мегалитическихъ постройкахъ въ Украинѣ лишь съ незначительными измѣненіями противъ того, какъ этотъ рефератъ былъ напечатанъ въ „Трудахъ“ съѣзда. Доселѣ признано было, что длинный путь мегалитическихъ сооружений, идущихъ отъ Индіи и сѣверной Африки чрезъ всю почти Европу, прерывается въ Россіи. Заслуга открытія такихъ сооружений въ южной Россіи принадлежитъ Е. Н. Мельникъ. Они найдены ею въ александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, въ системѣ р. Ингульца и частію на побережьи р. Днѣстра.

Брошюра даетъ подробное описаніе этихъ интересныхъ памятниковъ, а въ концѣ оной приложены и чертежи мѣстностей, гдѣ они находятся, съ рисунками самыхъ сооружений.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Памятники древностей въ окрестности Корсуня.

Въ приложеніяхъ къ прекрасному труду графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы» помѣщена записка о памятникахъ древности, находящихся въ окрестности Корсуня. Записка эта составлена на французскомъ языкѣ лицомъ не подписавшимъ на ней своего имени. Незвѣстный авторъ ея, одинъ изъ землевладѣльцевъ юго-западнаго края, прибылъ въ южную Украину въ началѣ 1787 года и повидимому поселился въ ней, пріобрѣвъ поземельную собственность. Его записка, хранившаяся въ корсунскомъ архивѣ кн. Лопухина, была написана очевидно въ качествѣ отвѣта на предложенные вопросы, касавшіеся мѣстныхъ древностей; авторъ отвѣчаетъ по пунктамъ на предложенные вопросы и потому сообщаемыя имъ свѣдѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ какъ-бы безъ связи, представляя рядъ отдѣльныхъ данныхъ, не соединенныхъ между собою систематически. Не смотря на этотъ недостатокъ, записка сообщаетъ очень много интересныхъ данныхъ о древнихъ памятникахъ въ окрестности Корсуня и о мнѣніяхъ, высказанныхъ о нихъ учеными конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, а потому полагаемъ, что содержаніе ея будетъ не безынтересно для читателей «Кіевской Старины». Вотъ точный переводъ этой записки.

Я прибылъ въ этотъ край первый разъ за нѣсколько недѣль до прїѣзда покойнаго польскаго короля Станислава-Августа, явившагося въ Каневъ для свиданія съ ея величествомъ, императрицею Екатериною II и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидавшаго въ Каневѣ ея прїѣзда ¹⁾). Такъ какъ свита, сопровождавшая короля, состояла исключительно изъ сановниковъ, никогда не бывавшихъ въ этомъ краѣ, то свѣдѣнія о немъ передавали королю дворяне, съѣхавшіеся для встрѣчи короля изъ воеводствъ: кїевскаго, подольскаго и волынскаго. Они рассказывали подробно событія, случившіяся при взятїи Умани запорожцами, или такъ называемыми гайдамаками, а также передавали много народныхъ преданій.

О Корсунѣ рассказывали королю, что нѣкогда это былъ большой городъ, что въ немъ прежде существовала крѣпость, защищенная рвомъ и дубовымъ палисадомъ; внутри укрѣпленія находилась небольшая православная церковь, которую считали самою древнею во всей странѣ. Утверждали притомъ, что имена Корсунъ и Херсонъ тождественны. Управляющій князя Станислава Понятовскаго ²⁾ сталъ было раскапывать эту крѣпость, и изъ земли, добытой въ ней, пытался извлекать селитру; но послѣ того, какъ нѣкоторые депутаты на варшавскомъ сеймѣ стали упрекать старость въ томъ, что они разоряютъ крѣпости, устроенныя для защиты государства, князь Станиславъ Понятовскій приказалъ возстановить корсунскія укрѣпленія; онѣ существуютъ и понынѣ, только палисадъ не былъ на нихъ возобновленъ. Что-же касается подземныхъ выходовъ изъ крѣпости, то мнѣ о нихъ ничего не довелось слышать, и я полагаю, что за такіе выходы приняты были рытвины, вымытыя теченіемъ воды.

---

¹⁾ Изъ дневника королевскаго путешествія, составленнаго епископомъ Нарушевичемъ, извѣстно, что король прїѣхалъ въ Каневъ 24 марта 1787 г. Слѣдовательно авторъ записки прибылъ въ Украйну въ январѣ или февралѣ того же года (*Diariusz podróży Stanisława Augusta na Ukrainę w roku 1787, przez Adama Naruszewicza*. Варшава. 1805 г., стр. 219).—*Ред.*

²⁾ Корсунское староство было подарено сеймовымъ постановленіемъ королю Станиславу-Августу, который въ свою очередь подарилъ оное въ 1777 году своему племяннику, кн. Станиславу Понятовскому, бывшему, такимъ образомъ, владѣльцемъ Корсуна въ 1787 году.—*Ред.*

Въ странѣ есть много валовъ, изъ нихъ нѣкоторыя тянутся на протяженіи нѣсколькихъ миль; ихъ называли *Трояновыми валами*, у народа-же они слывутъ подъ именемъ *Зміевыхъ валовъ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Корсунъ поселеніе весьма древнее; здѣсь часто находили древнія римскія монеты, я самъ собралъ ихъ болѣе 200 экземпляровъ; генераль Фанъ-Сухтеленъ (Van Suchtelen), долго занимавшійся нумизматикою, нашелъ въ моей коллекціи весьма рѣдкіе экземпляры; особенно онъ дорожилъ одною монетою Юлія Цезаря, которую я ему и подарилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими; остальные я отдалъ покойному князю Лопухину, такъ какъ онѣ были найдены на принадлежащей ему землѣ.

При рытьи фундаментовъ для постройки ледника, противъ зданія суконной фабрики (въ Корсунѣ), нашли огромный человѣческій черепъ, вдвое больше обыкновенной человѣческой головы; около него находилось сабля, изогнутая такимъ образомъ, что она окружала черепъ, сабля эта была изъѣдена ржавчиною; случайно при раскопкѣ разбили сосудъ, бывшій у головы, самую-же голову, по суетвѣрію, бросили обратно въ яму.

То мѣсто, на которомъ стоитъ нынѣшній дворецъ, долго оставалось не занятымъ. Мельники, селившіеся надъ рѣкою, выбирали для постройки мельницъ другія мѣста, гдѣ теченіе рѣки уже или гдѣ паденіе ея быстрѣе. Наконецъ одинъ изъ нихъ обратился около 1750 года къ корсунскому управляющему г. Суходольскому съ просьбою разрѣшить ему постройку мельницы на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній дворецъ; но тогда извѣстный въ краѣ прорицатель Верни-гора сказалъ ему: «зачѣмъ хочешь ты строить мельницу на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ возвышаться чертоги, которые будутъ посѣщать цари и короли для того, чтобы любоваться нашею мѣстностью». Подробность эту рассказывалъ мнѣ самъ г. Суходольскій.

Самый большой курганъ на Украинѣ находится у села Сахновки. Нѣкоторыя лица утверждали, будто это гробница Тамерлана; но епископъ Нарушевичъ, авторъ извѣстной исторіи Польши, отрицалъ это мнѣніе на томъ основаніи, что Тамерланъ умеръ не въ нашей странѣ; онъ осматривалъ вмѣстѣ съ королемъ этотъ курганъ и говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, онъ гораздо древнѣе Тамерлана и правдоподобно былъ воздвигнутъ въ память какого либо ца-

ря или предводителя скивовъ. Въ народѣ разсказываютъ слѣдующее преданіе: Сахновка была нѣкогда большимъ городомъ; весь городской скотъ находился на попеченіи одного пастуха, который исполнялъ свою обязанность столь рачительно въ теченіи 150 или 200 лѣтъ, что ни разу ни одна скотина не была похищена волками. Въ награду за свою вѣрную службу онъ потребовалъ, чтобы всякая дѣвушка, приходившая за коровою, приносила-бы въ передникѣ землю и высыпала ее на могилѣ его единственной очень любимой дочери, которой онъ такимъ образомъ соорудилъ несокрушимый памятникъ ¹⁾. Графъ Ѳаддей Чацкій полагалъ также, что курганъ этотъ насыпанъ на могилѣ какого-то скивскаго предводителя. Мы составили было компанію съ цѣлю произвести роскопку, но подрядчикъ, къ которому мы обратились, взявъ у него 4,000 злотыхъ для покупки тачекъ и другихъ инструментовъ и затѣмъ скрылся.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Расава впадаетъ въ Рось, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ мѣстности расположено, въ разстояніи 3—5 верстъ другъ отъ друга, нѣсколько четырехугольныхъ укрѣпленій, окруженныхъ двойными рвами. Епископъ Нарушевичъ, осмотрѣвшій одинъ изъ этихъ четырехугольниковъ, высказалъ предположеніе, что жители, поселившіеся въ этой мѣстности, замѣтивъ, что Расава представляетъ весьма большія неудобства для переправы вслѣдствіе окружающихъ ее болотъ, насыпали эти небольшія укрѣпленія для того, чтобы защищать отъ варваровъ тѣ мѣста, въ которыхъ они могли-бы переправиться, и такимъ образомъ они обезопасили уголь между Росью и Расавою. Эти четырехугольныя укрѣпленія заключаютъ не больше 200 квадратныхъ шаговъ.

Вообще весь край усѣянъ курганами. Епископъ Нарушевичъ утверждаетъ, что они возникли въ то время, когда страна была занята кочевниками; варвары эти останавливались кочевьями въ мѣстахъ удобныхъ, изобиловавшихъ хорошею водою и пребывали довольно долго въ такихъ мѣстахъ. Всѣхъ умершихъ они хоронили

---

¹⁾ Упомянутая могила существуетъ понынѣ у села Сахновки; она величиною въ гору и носитъ названіе „Пастушки“; рядомъ съ нею находится другой, такой-же почти величины, курганъ, называемый „Дѣвица“ (Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кievской губерніи, стр. 579).—*Ред.*

на мѣстѣ стоянки и на могилахъ ихъ насыпали высокіе курганы, какъ для того, чтобы почтить память покойниковъ, такъ и съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить, на случай возврата на то же кочевье, мѣста удобныя для стоянокъ, лежавшія по сосѣдству съ водою, а также тѣ части рѣкъ, которыя можно было переходить въ бродъ. Разсматривая многочисленныя небольшіе курганы, разсѣянныя по всей странѣ, можно убѣдиться въ томъ, что кочевыя орды обозначали этими насыпями направленіе путей, по которымъ проходили.

Г. Дюбуа былъ отправленъ берлинскимъ университетомъ съ порученіемъ составить историческое изслѣдованіе о курганахъ; онъ прожилъ болѣе года въ Таганчѣ и предпринималъ оттуда поѣздки на Волынъ и въ Подолію; онъ составилъ весьма подробное изслѣдованіе о курганахъ и поднесъ оное его величеству императору Николаю I, который соблаговолилъ наградить его и поощрить къ продолженію его труда ¹⁾.

Сверхъ сказаннаго, въ нашей мѣстности есть еще особый родъ насыпей, называемый «*Бурты*», которыя, какъ полагаютъ, представляютъ остатки фабрикъ поташа или селитры. Г. Дюбуа, которому я ихъ показывалъ, утверждалъ, что насыпи эти остались какъ слѣды землянокъ, служившихъ жилищами для тѣхъ татарскихъ семействъ, которыя должны были отказаться отъ кочевой жизни по причинѣ болѣзни или по какому либо другому поводу. Землянки эти могли вмѣщать каждая по нѣсколько лицъ ²⁾. Впрочемъ я пола

¹⁾ Frédéric Dubois de Montpereux помѣстилъ свѣдѣнія о курганахъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Voyage au Caucase“, Paris-Neuchâtel, 1840—1843 и въ статьѣ „Des tumulus, des ports et des remparts de la Russie Occidentale“ (О курганахъ, городищахъ и валахъ въ западной Россіи), помѣщенной въ изданіи „Annuaire des voyages et de geographie“ р. Lascroix-Paris, 1845—1847. Здѣсь между прочимъ говорится (1845 г., стр. 192): „Эти курганы-трофеи гораздо больше обыкновенныхъ кургановъ; громадная масса ихъ насыпи указываетъ важность событія, въ память котораго они насыпаны. Я укажу одинъ курганъ, который по объему не уступаетъ Перепету; онъ находится у села Сахновки, близъ устья Роси и извѣстенъ подъ именемъ *Пастушки*; высота его 150 футовъ, а длина діаметра у основанія въ 1000 футовъ—онъ представляетъ правильный конусъ“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о неудачной попыткѣ раскопать этотъ курганъ и приводится преданіе о пастухѣ, схожее съ вышеннеложеннымъ. Говорится также о томъ, что нѣкоторые польскіе помѣщики называли этотъ курганъ могилою Тамерлана.—*Примѣч. графа А. А. Бобринскаго.*

²⁾ Такъ называемыя бурты—это дѣйствительно насыпи, оставшіяся отъ производства селитры. Изъ многочисленныхъ указаній документовъ XII и XIII

гаю, что татары основали даже нѣсколько селъ на правомъ берегу Днѣпра, которыя существуютъ понынѣ и носятъ названія тюркскія; они насадили здѣсь виноградныя лозы, отъ которыхъ происходятъ виноградники, существующіе до настоящаго времени.

О городѣ Трахтемировѣ сохранилось народное преданіе, по словамъ котораго имя города произошло по слѣдующему поводу. Былъ нѣкогда (татарскій) эмиръ, состоявшій въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ жителями правой стороны Днѣпра и производившій съ ними торговлю; потому и селеніе, основанное на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно переправлялся черезъ Днѣпръ, было названо Трахт-эмировъ (т. е. путь эмира).

Архимандритъ (каневского базилианскаго монастыря) Физикевичъ увѣрялъ меня, что онъ читалъ въ «Русскихъ Древностяхъ», будто каменьщики, приходившіе изъ Цареграда для постройки церкви св. Софіи въ Кіевѣ, оставили дневникъ своего путешествія, въ которомъ помѣстили извѣстіе, будто они видѣли въ Каневѣ церковь византійской архитектуры. Онъ даже читалъ мнѣ этотъ отрывокъ, но теперь я его точно не припомню.

Я вспомнилъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ моихъ имѣній, которое называется Агендерувка ¹⁾, въ лѣсу есть четырехугольное укрѣпленіе, въ которомъ образовалось нѣсколько проваловъ; въ нихъ можно замѣтить кирпичные фундаменты, хотя кирпичъ отъ времени превратился въ глину, но можно еще выбрать не вполне разложившіеся куски. Одинъ изъ моихъ сосѣдей увѣрялъ меня, что въ его имѣніи с. Коцыловѣ, лежащемъ въ кіевскомъ уѣздѣ, при раскопкѣ Троянова вала, въ основаніи его найденъ былъ также кирпичный фундаментъ.

столѣтія мы знаемъ, что этимъ именемъ обозначались селитряные заводы. Селитру производили такимъ образомъ, что собирали кучи навозу, смѣшивали ихъ съ золою и прикрывъ толстымъ слоемъ земли, оставляли бродить въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; затѣмъ добывали содержимое насыпи и изъ него выщелачивали селитру; въ мѣстахъ, гдѣ происходило это производство, и остались насыпи, похожіе на раскопанные курганы или на обрушившіяся землянки, которыя и по нынѣ сохранили прежнее названіе „Бурты“.—Ред.

¹⁾ „Агендерошкѣ“... Поселенія, носящаго такое названіе, нѣтъ вовсе въ кіевской губерніи. Здѣсь, очевидно, описка или ошибка въ чтеніи рукописи. Въ каневскомъ уѣздѣ, о которомъ говоритъ авторъ записки, есть село Шендеровка и по всей вѣроятности это названіе и было въ рукописи, но или переписчикъ написалъ, или читавшій прочелъ невѣрно первую букву, каковою должно быть С, а не А.—Ред.

Южно-русскій списокъ „Александрія“ конца XVIII ст.

Въ послѣднее время «Александрія», т. е. легендарное жизнеописание Александра Македонскаго, все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ. Надъ выясненіемъ отдѣльныхъ сторонъ ея литературной исторіи трудились: Канпъ, Цингерле, Гастеръ, Поль Мейеръ, Кинцель, Ягичъ, Новаковичъ, Донать. Изъ русскихъ ученыхъ о ней писали: г. Пыпинъ («Очеркъ лит. ист. старин. скав. рус.»), А. Н. Веселовскій («Изъ исторіи романа и повѣсти»), статьи въ Жур. М. Н. Пр.) и т. д. Обнародованы и болѣе или менѣе разработаны ея греческіе, нѣмецкіе, французскіе, румынскіе, сербскіе, русскіе списки; выяснено болѣе или менѣе ея вліяніе на искусственную и народную поэзію европейскихъ народовъ; приблизительно отмѣчены отличія въ различныхъ редакціяхъ ея и т. д.

Но, какъ почти во всѣхъ случаяхъ, эта разработка не коснулась южно-русскаго матеріала: южно-русскіе списки «Александрія» не только не изучены, но даже и не приведены въ извѣстность.

Кромѣ принадлежащаго намъ списка (XVIII в.) мы знаемъ о существованіи еще двухъ: на одинъ есть указаніе въ «Опис. рук. церк. арх. музея» г. Петрова (вып. I, стр. 106), а другой принадлежитъ, кажется, Румянцевскому музею (копію съ него мы видѣли у одного изъ кievскихъ учителей): оба относятся къ XVI и XVII в. Насколько мы знаемъ, о другихъ спискахъ въ литературѣ не было указаній.

Наша «исторія великаго царя Александра Македонскаго» «списанна (вѣроятно, съ болѣе ранняго экземпляра) 1780 года мѣсяца генвара», какъ гласитъ приписка въ концѣ. Написана она на 109 листахъ, дефектовъ нѣтъ.

Въ подробный разборъ рукописи мы входить не будемъ: для этого нужно было бы имѣть подъ руками всѣ другіе южно-русскіе списки, сличить ихъ между собою, а также съ русскими, сербскими и другими списками. Но это пока невозможно, какъ ни желательна была бы подобная работа въ виду весьма возможнаго вліянія «Александрія» на малорусскую народную поэзію: вспомнимъ распространенные въ южной Руси рассказы о песиголовцяхъ, рахманахъ, сходство нѣкоторыхъ эпизодовъ «Александрія» съ мало-

русскими сказками и т. д. «Исторія»¹⁾ начинаетъ прямо съ характеристики египетскаго царя Анектонава, рассказываетъ о нападеніи враговъ на Египетъ, его бѣгствѣ, пребываніи въ Македоніи, проѣздѣ съ Олимпіей, женой Филиппа, рожденіи и воспитаніи Александра, битвѣ съ царемъ Алтемѣшемъ Куманскимъ, нападеніи пеллагинскаго царя Анаскарханоса, смерти Филиппа, о посольствѣ Дарія въ Македонію и Александра въ Персію, о союзѣ Александра съ селунскимъ царемъ Пахидономъ, его походѣ на Дарія, осадѣ «великаго мѣста» Рима, битвѣ съ «дивными людьми» въ «полуденныхъ странахъ» (звѣрообразные «хитивари», «крылатіе жени дивніи»), о походѣ къ «морю окиаву» и приморскихъ царяхъ, основаніи Александрии, походѣ къ Троѣ, посланіи Дарія къ Александру и его отвѣтѣ, походѣ въ Іерусалимъ, Египетъ (болѣзнь Александра), битвѣ Александра съ воеводой Дарія Минандромъ и самимъ Даріемъ, походѣ въ Вавилонъ, о покушеніи на жизнь Александра (слуги Дарія Аввита), Александрѣ—послѣ къ Дарію, посольствѣ Дарія къ индійскому царю Пору, битвѣ съ Даріемъ и «индіянами», походѣ на «Лыдонское царство», «о горахъ сѣверскихъ, о краяхъ озерскихъ и мѣлканцахъ въ нихъ», о дивныхъ людяхъ, окованныхъ желѣзомъ, луговыхъ,—походѣ на Пору, о «герцѣ» Александра и Пору и смерти послѣдняго, о «мастридонскомъ» царствѣ (царца Конмедра), убіеніи мерсильонскаго царя Евремистра, о «Гогахъ и Магогахъ», однорукихъ и одноногихъ людяхъ, о Кандавлусѣ мастридонскомъ, о томъ, какъ «Александръ самъ себе посломъ учинилъ до царицы мастридонской», о царяхъ, «которые називались еллинскими боги», царицѣ Кандакіи, явленіи Александру пророка Іереміи, посольствѣ отъ Олимпіи, пріѣздѣ ея, отравленіи Александра Ревноушемъ, его прощальной рѣчи и смерти.

Мы нарочно привели краткое изложеніе содержанія, чтобы показать, что и въ именахъ, и въ порядкѣ эпизодовъ нашъ списокъ болѣе или менѣе отличается отъ извѣстныхъ списковъ.

Языкъ рукописи—малорусскій съ сильнымъ и замѣтнымъ вліяніемъ языка великорусскаго.

Для образчика языка приведемъ одинъ отрывокъ: «когда царь Дарій съ персяни и индіяни противъ Александра до битви въ поле

¹⁾ Имя „писателя“ ея и мѣсто „писанія“ опредѣлить нельзя.

ишоль: тогда Дарій въ великую потугую сталъ противъ Александра и послалъ напередъ избравши сколко рицеровъ, дабы разсмотрѣли войско Александрово. Тогда Александрова сторожа поймала дариевихъ сторожовъ и привели до Александра, и повелѣлъ ихъ на високия мѣста возвести, дабы оглядѣли македонское войско, а въ той часъ всѣмъ велѣлъ стати военнымъ обычаемъ, и казалъ у трубы трубити и въ бубни бити и на всѣхъ шаломаяхъ играти» и т. д.

Интересно, что повѣстію «Александрій», какъ усладительнымъ чтеніемъ, кто-то заинтересовался еще наканунѣ XIX в. и не остановился передъ громадностью работы!

На листахъ «Исторіи»¹⁾ надпись: «Сія книга раба Божія Григорія Григоріева сына Михайловскаго; куплена за цѣну двадцать копѣекъ». Такъ дешево былъ оцѣненъ трудъ переписчика!

В. Каллашъ.

Добрый починъ.

Мнѣ случилось видѣть минувшимъ лѣтомъ въ Полтавѣ начало археологическаго собранія, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

По инициативѣ управляющаго полтавскою епархіею, викарнаго епископа, преосв. Иллариона, въ мѣстную духовную семинарію стали поступать изъ архивовъ и библиотекъ церквей губерніи имѣющіяся тамъ рукописи и старопечатныя книги. Кому извѣстно, какъ безповоротно и въ какомъ количествѣ погибаетъ въ глуши рукописная и книжная старина, тотъ оцѣнитъ благія послѣдствія этого почина. Изъ южнорусскихъ губерній ни для одной эта мѣра настолько не умѣстна, какъ для полтавской, церковная старина которой до сихъ поръ не имѣла своего изслѣдователя. Форма, какая будетъ дана возникающему собранію, еще не опредѣлилась окончательно. Покуда присылки поступаютъ въ

¹⁾ Кстати отмѣтимъ сходство двухъ эпизодовъ: бѣгство Анектонава изъ Египта и сходный мотивъ въ легендѣ о Палѣ («Кіев. Стар.», 1882 г., сент., стр. 579—580); неплодіе Олимпіи, угроза и удаленіе Филиппа и т. д. и соответствующій эпизодъ въ малорусской сказкѣ о Сучичѣ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Т. III. Kraków. 1879. Dział etnologiczny. E. Rulikowski. Zapiski etnograficzne z Ukrainy, стр. 69).

семинарію, образуя при ея бібліотекѣ какъ бы археологическое отдѣленіе. Но сущности дѣла, возможности спасенія и сбереженія важныхъ для науки остатковъ старины, самымъ фактомъ открытія приѣма книгъ и рукописей уже положено начало.

За первые мѣсяцы текущаго года поступило нѣсколько книгъ и рукописей, не лишенныхъ значенія. Изъ церковныхъ и бого-служебныхъ книгъ присланы два евангелія львовской печати, которыя такъ распространены были въ южнорусскихъ церквяхъ, одно 1614 года, съ виньетками и заставками, другое тоже XVII вѣка (на рисункахъ послѣдняго видна подпись гравера: Георгій Ердіакъ), учительное евангеліе Транквилліона, первопечатный Духовный Регламентъ, поученія еписк. Иліи Кефалонитянина (1765 г.) и пр. Изъ рукописей доставлены славянское евангеліе in 4° 1625 г., съ иллюминированными рисунками евангелистовъ (въ византійскомъ стилѣ), заставками и виньетками, синодикъ 1720 г. церкви села Грабаровки, пирятинскаго уѣзда, гдѣ въ скромномъ козацкомъ родѣ Пасковъ надо, кажется, видѣть предковъ фельдмаршала Паскевича, «Метрика, которая що значить, для чого и якъ давно есть въ церквѣ Божой, тутъ вкратцѣ описуется», Шумлянскаго, копія 1720—30 г., съ обстоятельной научной замѣткой объ Іосифѣ Шумлянскомъ, написанной свящ. с. Вечорокъ, пирятинскаго уѣзда, о. Григоріемъ Каневскимъ, доставившимъ эту рукопись; любопытная бытовыми данными приходо-расходная книга воскресенской церкви города Глинска (нынѣ мѣст. роменскаго уѣзда) съ 1736 по 1752 г., собранія печатныхъ и рукописныхъ указовъ правительственныхныхъ, синодальныхъ, митрополичьихъ и епископскихъ, изъ церквей с.с. Гавронцевъ, Ковалей и друг.

Здѣсь особенное значеніе имѣютъ распоряженія мѣстной духовной власти, не бывшія въ печати, не собранныя и не изслѣдованныя, по которымъ будущій историкъ южнорусской церкви отмѣтитъ и изслѣдуетъ ея дѣятельность и характерныя черты. Въ этихъ же собраніяхъ встрѣчаются исповѣдныя книги разныхъ временъ, съ статистическими свѣдѣніями, которыя могутъ пополнить пробѣлы и утраты уже извѣстныхъ описей.

Надо желать, чтобъ прекрасный починъ преосвящ. Иларіона получилъ наибольшую огласку въ епархіи и вызвалъ возможно дѣя-

тельное содѣйствіе настоятелей церквей. Тѣмъ же путемъ собраны въ настоящее время въ Полтаву и хранятся пока при архіерейскомъ домѣ древніе антиминсы, которые, помимо указаній на время открытія церквей въ разныхъ пунктахъ края, представляютъ интересъ печатавшимися на нихъ гравированными изображеніями, работы нерѣдко лучшихъ южнорусскихъ граверовъ: Тарасевича, Щирскаго и др.

Скажемъ еще, что тоже маленькое полтавское археологическое хранилище обладаетъ драгоцѣнностью, которой позавидовали бы и болѣе богатые собранія, знаменитое пересопницкое евангеліе, которое, въ противность распространившимся слухамъ, осталось по счастью въ Полтавѣ и достойно послужило началомъ собранію. Пожелаемъ ему рости и множиться.

В. Г.

Археологическая находка.

Въ г. Слуцкѣ, минской губерніи, въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года найденъ кладъ. Мѣстность, гдѣ найденъ кладъ, была густо застроена деревянными постройками, которыя всѣ были уничтожены пожаромъ. Для постройки новаго каменнаго дома, вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго, понадобилось положить фундаментъ. Во время этой работы на глубинѣ 1½ арш. найденъ кладъ. Этотъ послѣдній былъ помѣщенъ въ каменномъ небольшомъ склепѣ, въ двухъ сѣчатыхъ, проволочныхъ мѣшкахъ. Кладъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 2,000 одинаковой цѣнности монетъ, такъ называемыхъ талеровъ. Изъ этихъ монетъ я имѣлъ 33 слѣдующія: 28 талеровъ нидерландскихъ, между которыми 15 чеканены для испанскихъ Нидерландовъ, а именно: 2 при Альбрехтѣ и Елисаветѣ, 6 при Филиппѣ IV (1631—1660 г.) и семь при Карлѣ II (1673—1695 г.). Далѣе восемь талеровъ чеканены въ Соединенныхъ Штатахъ Нидерландовъ: 2 для штата Голландіи (1672—1676 г.), два для штата Зеландіи (1694 г.), два для штата Утрехта (1694—1695 г.) и два для штата Оберъ-Исселя (1695—1698 г.). Затѣмъ два талера чеканены были въ городѣ Девентерѣ (1698—1699 г.) и три представляютъ монеты самостоятельныхъ епископовъ лютихскихъ (1653—1676 г.).

Остальные 5 талеровъ, бывшіе въ моемъ распоряженіи, принадлежать: три швейцарскому кантону Сень-Галлену (1620—1623 г.), одинъ талеръ имперскій, чеканенный при Фердинандѣ II (1624 г.) и одинъ талеръ герцога савойскаго Виктора-Амадея 1690 года.

Сколько я слышалъ, всѣ монеты въ кладѣ были подобны тѣмъ, которыя я имѣлъ. Въ кладѣ не было ни одной русской, польской, шведской монеты. Самая старая монета 1620 года, а самая новая 1699 года.

Можно допустить, что кладъ зарытъ въ началѣ XVII в. передъ началомъ сѣверной войны. Что кладъ состоялъ изъ иностранныхъ монетъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ Польшѣ не было собственной крупной серебряной монеты; а такъ какъ уплачивать большія суммы польской мелкой серебряной монетой (ортами, шестигрошками, трехгрошками, полториками и грошами) было крайне неудобно, то иностранные талеры были во всеобщемъ ходу въ Рѣчи Посполитой. Конечно болѣе значительные денежные обороты, а слѣдовательно и большія суммы иноземныхъ талеровъ сосредоточивались въ тѣхъ немногихъ городахъ, которые, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, сохранили болѣе интенсивную промышленную и торговую дѣятельность. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ несомнѣнно Слуцкъ, городская община котораго охранялась покровительствомъ его могущественныхъ владѣльцевъ: князей Олельковичей Слуцкихъ, а потомъ Радзивилловъ. Слуцкъ получилъ грамоту на магдебургское право еще въ 1441 г. и не только сохранилъ магдебургское право, но и постоянно усиливалъ свою промышленную дѣятельность. Время самаго большаго процвѣтанія города представляетъ XVII столѣтіе, когда въ надеждѣ на заступничество Радзивилловъ, исповѣдывавшихъ кальвинизмъ, въ Слуцкъ стекались, подъ ихъ защиту, гонимые во всей Рѣчи Посполитой купцы и ремесленники протестанты. Особенно же оживилась торговля города около 1640 года, когда въ немъ поселилась, по призыву Богуслава Радзивилла, колонія шотландцевъ пресвитеріанъ, изгнанныхъ якобитами изъ отечества. Шотландцы эти отличались большою торговою предпримчивостью, не только раскинули торговыя связи по всей Рѣчи Посполитой, но вошли въ торговыя сношенія съ городами прусскими, голландскими, германскими, съ великимъ княжествомъ московскимъ и прославились своимъ богатствомъ.

Вѣроятно въ эту эпоху процвѣтанія города и соборны были талеры, найденны въ разсматриваемомъ кладѣ. Можетъ быть открытій случайно склепъ и былъ казнохранилищемъ одного изъ богатыхъ слущкихъ купцевъ туземнаго или шотландскаго происхожденія.

Н. Ч.

Актъ „побратимства“ въ церковной метричѣ.

Въ с. Протопоповкѣ, александрійскаго уѣзда херсонской губерніи, при церкви хранится метрическая книга, относящаяся первыми записями еще ко времени существованія въ нынѣшней Новороссіи запорожскаго козачества (записи съ 1761 г.). Въ этой книгѣ обращаетъ на себя вниманіе подъ 1801 годомъ запись съ такимъ заглавіемъ; «Сіе слово завѣщательное между двумя братьями Федоромъ и Федоромъ». Дальнѣйшій текстъ слова слѣдующій:

«1081 года октября 28 мы нижеподписавшіеся даемъ отъ себе сіе завѣщаніе передъ Богомъ о томъ, что мы—братія, и съ тѣмъ, кто нарушитъ братства нашего союзъ, тотъ передъ Богомъ отвѣтъ да воздастъ передъ нелицемѣрнымъ судею нашимъ Спасителемъ. Вышеписанное наше обѣщаніе вышеписанныхъ Федоровъ есть: дабы другъ друга любить, не взирая на напасти зъ стороны нашихъ либо пріятелей, либо непріятелей, но взырая на миродателя Бога; къ сему заключили хмельного не пить, братъ брата любить. Въ семъ братія росписуемось».

Дальше вмѣсто подписи слѣдуютъ значки, собственноручно проставленные побратимами.

Въ этомъ своего рода актѣ любопытно особенно то, что «завѣщательное слово» побратимовъ попало въ церковную метрическую книгу, именно въ 2-ю ея часть, гдѣ обыкновенно записываются брачныя акты. По цѣлости переплета книги видно, что запись эта попала сюда не случайно, а внесена по тому вѣроятно соображенію, что документу о союзѣ братскомъ прилично быть внесеннымъ въ ту же книгу, въ какую записывались и брачныя союзы.

Побратимство существовало издавна у всѣхъ южныхъ славянъ, было въ ходу и на Запорожьѣ и вообще въ малорусскомъ народѣ. Самое существованіе въ малорусскомъ языкѣ словъ «побрататься» и «посестрыться» указываетъ на распространенность этого обычая

у насъ въ прежнее время. Тяжелыя условія жизни, подверженной ежедневнымъ опасностямъ, располагали людей искать поддержки и защиты въ человѣкѣ одинаковаго положенія и профессіи, съ которыми установились сердечныя близкія отношенія. Обычаемъ побратимства такія отношенія скрѣплялись на всю жизнь и становились нравственно-обязательными и столь же священными, какъ и связи родственныя. Побратимы давали клятву жертвовать жизнью другъ за друга, обмѣнивались въ знакъ братства крестами и иконами. Это извѣстно всѣмъ и давно; но съ «завѣщательнымъ словомъ» побратимовъ и внесеніемъ таковаго въ метрическія книги мы встрѣчаемся въ первый разъ.

Село Протопоповка, въ церковной метрикѣ котораго находится вышеприведенная запись 1801 года, не задолго до этого времени была шанцемъ одной изъ ротъ новосербскаго желтаго гусарскаго полка, поселеннаго, какъ и другіе три сербскихъ полка, въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и на его земляхъ. Мѣстность эта нѣкоторое время носила названіе Новой Сербіи, хотя на самомъ дѣлѣ выходцевъ изъ австрійской Сербіи здѣсь была лишь незначительная часть, а большинство насельниковъ этого края были выходцы изъ правобережной и лѣвобережной Украйны, и приливъ ихъ сюда усилился особенно послѣ разгрома Запорожской Сѣчи. Нѣтъ по этому надобности предполагать, что обычай побратимства занесенъ сюда австрійскими сербами; скорѣе могли распространить его здѣсь выходцы изъ Запорожья.

«Завѣщательное слово» не называется, къ сожалѣнію, побратимовъ по фамиліямъ и тѣмъ лишасть возможности сдѣлать какое либо предположеніе объ этнографической группѣ, къ которой принадлежали заключавшіе союзъ братства.

Л. П.

Вольнская бывальщина.

Дѣйствительному случаю, о которомъ хочу разсказать, предшествовала небывлица, циркулирующая и теперь въ православномъ и католическомъ населеніи Волыни подъ именемъ сказки о Кирикѣ, или о попѣ и хлопѣ. Сущность этой сказки въ томъ, что какой-то священникъ, православный или католическій, узнавъ на испо-

вѣди отъ одного бѣдняка о найденномъ имъ кладѣ, задумаль отнять у него кладъ и явился къ нему ночью подь видомъ чорта, а для того надѣлъ на себя воловью шкуру съ рогами. Хитрость удалась, но корыстолюбивый священникъ былъ наказанъ отъ Бога тѣмъ, что шкура приросла къ его тѣлу и отстала лишь послѣ долгаго и мучительнаго раскаянія. Подь вліаніемъ борьбы между православными и католиками сказка эта примѣнялась одной стороною къ другой и случай наказаннаго такъ позорно корыстолюбія приписывался то католическому, то православному священнику.

Въ исходѣ первой четверти настоящаго столѣтія сказочный случай примѣненъ былъ къ живому ксензу въ окрестностяхъ Дубна. Рассказывали точь въ точь, какъ въ сказкѣ. Жилъ де въ Дубнѣ какой-то бѣдный шляхтичъ и нашель онъ богатый кладъ. Находка сильно подѣйствовала на счастливаца: онъ потерялъ аппетитъ, сталъ мало спать и наконецъ дошелъ до галлюцинацій. Шляхтичъ сталъ молиться Богу и затѣмъ пошелъ къ ксендзу на исповѣдь. Ксендзъ разъяснилъ смущенному шляхтичу, что найденный кладъ принадлежитъ злему духу, что для взятія его, видно, не насталь еще часъ и что потому можно ждаль, что злой духъ скоро явится къ нему, шляхтичу. Послѣ такого разъясненія шляхтичъ окончательно растерялся; ксендзъ замѣтилъ это и рѣшилъ воспользоваться оплошностью бѣдняка. Скоро въ полночь, надѣвъ на себя воловью шкуру съ рогами, онъ отправился къ хатѣ шляхтича, постучался къ нему въ окно рогами, назвалъ себя злымъ духомъ и потребовалъ отъ шляхтича кладъ. Перепуганный шляхтичъ поспѣшно высунулъ въ окно мучившій его кладъ, и ксендзъ возвратился домой съ богатой добычей. Но когда онъ захотѣлъ снять съ себя шкуру, оказалось, что шкура приросла къ его тѣлу и всѣ усилія отодрать ее были тщетны. На утро шляхтичъ сталъ рассказывать людямъ, что къ нему ночью приходилъ чортъ въ воловьей шкурѣ съ рогами и взялъ кладъ. Пошли слухи по городу о такомъ чрезвычайномъ случаѣ. Въ то же время прислуга ксендза, не мало обезпкоенная тѣмъ, что ксендзъ долго не показывался изъ своей комнаты, стала стучаться и ломиться къ нему. Скоро все объяснилось, и пошло дальще, какъ въ сказкѣ.

Ловко дущенный кѣмъ-то слухъ взволноваль все населеніе Дубна и его окрестностей; сметливые ксендзы сразу догадались,

чѣмъ и какъ отразить столь обидную для нихъ молву: тотъ часъ они пустили слухъ, что вся исторія эта случилась не съ ксендзомъ, а съ попомъ, что попа этого показывали въ Львовѣ, Злочевѣ, Почаевѣ и Кременцѣ и что на дняхъ будутъ показывать его и въ Дубнѣ. Новая молва осилила старую; населеніе Дубна съ нетерпѣніемъ ждало, когда приведутъ къ нему диво-дивное, попа съ рогами.

Было это лѣтомъ 1825 года.

10-го іюля того-же года пріѣхалъ въ Дубно и остановился близъ мѣстнаго духовнаго правленія священникъ ближайшаго къ Дубну села Збитина, о. Яковъ Остальскій. Повозка, на которой онъ пріѣхалъ, была «старинная, простая, съ высокою и узкою кибиткою». Когда эта оригинальная и привлекавшая къ себѣ всеобщее вниманіе повозка остановилась близъ зданія духовнаго правленія, то по городу съ необыкновенной быстротой распространился слухъ, что въ ней привезли попа съ рогами. Хотя повозка вскорѣ уѣхала, но народъ во множествѣ тѣснился близъ духовнаго правленія, ожидая увидѣть попа съ рогами; мѣщане и жида заглядывали въ окна, «а высшаго сословія люди входили внутрь». Вдругъ кто-то сказалъ въ толпѣ, что попа отвезли въ церковь, и толпа отхлынула.

Было 5 часовъ дня; въ соборной церкви слышался благовѣсть ко всеобщей. Народъ всей массой двинулся къ церкви; по пути кто-то шепнулъ толпѣ, что будутъ служить молебенъ съ водосвятиемъ, чтобы Богъ освободилъ несчастнаго попа отъ воловѣй шкуры.

Когда подходилъ къ собору мѣстный священникъ Владимірскій, то вся церковная ограда была набита жидами, въ церкви толпились католики и униаты, въ самомъ олтарѣ расхаживали прибывшіе изъ замка князей Любомірскихъ какой-то фратеръ Базилій и не извѣстный по имени нѣмецъ. Народъ во всѣхъ углахъ церковныхъ разыскивалъ попа съ рогами; фратеръ Базилій перерылъ все въ ризницѣ, разыскивая чудовище попа, а нѣмецъ, важно расхаживая взадъ и впередъ вокругъ престола, усердно просилъ церковнаго старосту Соколовскаго не скрывать дивнаго попа и показать его по крайней мѣрѣ ему, нѣмцу, за что онъ и сулилъ старостѣ три рубля. Не смотря на просьбу священника Владимірскаго, народъ не расходился, а продолжалъ безчинствовать не только внѣ церкви, но и въ самой церкви. Священникъ просилъ бывшаго тамъ

пристава образумить толпу, но приставъ полякъ только посмѣялся надъ просьбой священника. Черезъ минуту въ толпѣ пронесся говоръ, что надо зажечь церковь и тогда по неволѣ явится предъ народомъ попъ съ рогами. Приставъ спохватился и сталъ уговаривать народъ разойтись; но не скоро и его послушались.

Особенно сильно, по заявленію протоіерея, безчинствовали въ церкви и вокругъ церкви уніаты и латиняне. Два дня сряду въ православной церкви совершалось богослуженіе съ цѣлодневнымъ звономъ: 10-го іюля въ день рожденія великой княжны Александры Николаевны и 11-го въ день тезоименитства великой княжны Ольги Николаевны. Католики и уніаты распространили слухъ, что такое усиленное богомоленіе въ православной церкви производится для того, чтобы превратить гнѣвъ Божій на милость къ несчастному попу съ рогами. Протоіерей дубенскаго собора, Ѳома Кирчинскій, донося о прописанномъ происшествіи епископу Стефану, просилъ его защитить православную церковь и ея духовенства отъ такихъ открыто враждебныхъ и явно нахальныхъ поступковъ со стороны латинянъ и уніатовъ. По сношенію архіерея съ губернаторомъ, назначено было по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ со стороны духовенства; но чѣмъ кончилось и что дало разслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Офіціальный источникъ, которымъ мы пользовались для нашего разсказа, на этомъ обрывается.

Разсказанный случай служить отголоскомъ той кровавой борьбы, кака я цѣлыя вѣка велась православнымъ населеніемъ Украйны, Волыни и Подоліи съ нахлынувшимъ на него польско-католическимъ шляхетствомъ, и показываетъ, какія напряженныя отношенія существовали между ними въ весьма недавнее еще время. Интереснѣе всего, что въ этой борьбѣ обѣ стороны пользовались ходившею въ народѣ легендою, неизвѣстно кѣмъ и когда сложенною, но дышащею злой насмѣшкой паствы надъ недостойнымъ пастыремъ.

О. И.

Кобелякское повѣтовое училище.

(1808—1833).

Прилагаемыя замѣтки о кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ составлены по уцѣлѣвшимъ отрывочнымъ бумагамъ архива этого училища; въ нихъ нѣтъ поэтической ни строго обдуманнаго плана, ни

полнаго очерка жизни этого училища за все время его существования. Не руководила насъ при этой работѣ и какая либо предвзятая мысль въ выборѣ матеріала; бралось напротивъ все, что могло представлять хоть какой-нибудь интересъ для исторіи народнаго у насъ образованія.

Городъ Кобыляки одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Полтавщины. Въ началѣ XVII ст. за Ворсклой ходили, говорятъ, цѣлыя табуны кобылъ; отсюда будто бы и названіе городу. Начало его относятъ къ первой половинѣ XVII ст., а основаніе приписываютъ одному изъ Немиричей. Собственно уѣзднымъ городомъ онъ сталъ съ 1803 г.; до того же времени тянуль то къ Голтвѣ, то къ Кременчугу.

Въ началѣ XIX ст. городъ Кобыляки ютился на горѣ надъ Ворсклой. Жителей въ немъ было 3,577 муж. пола и 3,640 женск. пола. Главную массу населенія составляли козаки (3059 м. п. и 3100 ж. п); остальные сословія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дворянъ м. 87, ж. 91, священно и церковно-служителей 63—68; купцовъ 25—20; мѣщанъ: христіанъ 22—20, евреевъ 55—65; разночинцевъ 9—11; помѣщичьихъ крестьянъ 350—249. Вокругъ города существовали два завода селитрянныхъ, два кирпичныхъ, два пивоваренныхъ и одинъ винокуренный. На Ворсклѣ стояло 16 водяныхъ мельницъ. Церквей было 11, обывательскихъ домовъ 854. Дѣлами города правилъ городничій; надъ нимъ возвышались маршалъ и подскарбій. До 1804 г. существовало здѣсь «малое народное училище», открытое на средства бригадира Адабаша; но съ его смертію умерло и училище и только въ 1808 году, мая 24-го, «попечительностію императорскаго харьковскаго университета и стараніемъ директора училищъ полтавской губерніи Огнева, открыто кобелякское повѣтовое училище, съ приличными при семъ случаѣ обрядами и церемоніями, въ присутствіи повѣтоваго маршала Чорбы, почетнѣйшаго дворянства, духовенства и прочихъ посѣтителей». Училище помѣщалось въ двухъ деревянныхъ домахъ, принадлежавшихъ полтавскому приказу общественнаго призрѣнія, за городомъ, на кладбищѣ; зданія обветшалыя; книгъ и необходимой классной мебели не было.

Повѣтовое училище состояло изъ 2-хъ классовъ; кромѣ того было еще «нижнее отдѣленіе» съ 3-мя разрядами, которое служило

подготовительной ступеню къ собственно повѣтовому училищу. Окончившіе 2-й классъ могли безъ экзамена поступать въ гимназію, но большинство поступало «къ цѣсьменнымъ дѣламъ», т. е. раско-дилось по всевозможнѣйшимъ канцеляріямъ. Возрастъ учащихся колеблется между 5 и 15 годами. По сословіямъ учащіеся распре-дѣлялись такъ: дѣтей штабъ-офицерскихъ 3%, оберъ-офицерскихъ 70%, дворянъ въ подушномъ окладѣ 7%, духовнаго званія 2% и ос-тальныхъ сословій 18%; причемъ на долю козаковъ и крестьянъ при-ходилось только 2%, слѣдовательно училище было народнымъ только по названію, на самомъ же дѣлѣ оно было дворянскимъ.

Въ низшее отдѣленіе поступали неграмотные; начинали съ азоевъ, переходили къ складамъ, потомъ къ цѣлымъ рѣченіямъ и т. д. Этотъ процессъ длился долго; учитель низшаго отдѣленія въ отчетѣ за 1809 годъ рапортуеть: «съ оными (8 чел.) букварь прошелъ весь, которые оной теперь и репетуютъ; оные (11 чел.) учатъ букварь и прошли до 14 стр., которые уже складывать на-чинаютъ; оные (30 чел.) находятся въ познаніи начальныхъ буквъ до сего времени». Если принять во вниманіе, что этотъ рапортъ писался въ маѣ, то слѣдовательно это и есть результатъ годовичныхъ занятій. Впрочемъ эту медленность учитель объясняетъ тупостью учениковъ; въ вѣдомости о способностяхъ ихъ 15 учениковъ онъ относитъ къ числу слабыхъ, 15 къ тупымъ и только 19 къ спо-собнымъ. 1-й и 2-й классы поражаютъ своею многопредметностью; тутъ цѣлая энциклопедія наукъ. При 2-хъ учителяхъ проходились слѣдующія науки: законъ Божій, россійская грамматика, ариѳметика, геометрія, алгебра, всеобщая и россійская исторія и географія, естественная исторія, технологія, физика, чтеніе и письмо латин-скаго и нѣмецкаго языка, рисованіе и о должностяхъ челоуѣка и гражданина (отдѣльный предметъ). Руководителямъ народнаго про-свѣщенія приходила иногда мысль распространять какое либо знаніе, имѣющее ближайшее примѣненіе въ жизни, чрезъ уча-щихся. Такъ въ 1811 г. признано было путемъ школь распростра-нять привитіе оспы, вслѣдствіе чего предписываемо было и кобеляк-скому повѣтовому училищу учить старшихъ учениковъ прививать телячьѣ оспу. Научить этому дѣлу должны были учителя; но такъ какъ они и сами не знали этого искусства, то рекомендовалось имъ ознакомиться съ нимъ до особо разосланной въ училище брошюрѣ.

Преподаваніе «наукъ» было, можно сказать болѣе умерительное; учителя не имѣли ни одного пособия, географіи учили безъ глобуса и картъ, физикѣ безъ приборовъ, технологии и естественной исторіи безъ коллекцій и рисунковъ. Все обученіе заключалось въ томъ, что учителя спрашивали уроки, задавали новыя, а ученики зубрили. Въ помощь учителямъ для спрашиванія уроковъ въ 1811 г. было предписано изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса выбрать репетиторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы выспрашиваніе уроковъ у учениковъ до прихода учителя. Такимъ образомъ дѣятельность учителей упростилась еще болѣе, имъ только оставалось, по вслушаніи отчета репетитора, воздать коемуждо по дѣломъ его... Только этими педагогическими приѣмами и можно объяснить ужасающій % неуспѣвающихъ, именно 60%.

Въ тогдашней, даже благородной, школѣ царил розга. «Розга, говорилось тогда, остритъ умъ и память возбуждаетъ». А такъ какъ большая половина учащихся, по мнѣнію учителей, были тупы и слабы, то ясно, что необходимость въ розгѣ сознавалась постоянно и примѣненіе ея было очень частое и обильное. Были попытки со стороны начальства обуздывать рьяныхъ педагоговъ; но одно изъ такихъ распоряженій (отъ 17-го іюня 1809 г.), рекомендуя относительно учениковъ «болѣе снисхожденія и уваженія, нежели жестокости», предоставляетъ наказаніе розгами благоразумію смотрителя. Энергичнѣе и съ указаніемъ мотивовъ было распоряженіе 1811 г., которымъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, по поводу производившихся двухъ дѣлъ о жестокомъ наказаніи въ слободско-украинской гимназіи, предписалъ, чтобы «всѣ чины училищъ тѣлесныхъ наказаній, запрещенныхъ училищными постановленіями, не употребляли, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности». Но такія предписанія оставались чаще всего вгунѣ, какъ несогласныя съ традиціею школы, твердившей своимъ питомцамъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та сѣуть безвинна, тѣхъ не проклиняйте.

Протеста противъ тѣлесныхъ наказаній со стороны общества, воспитаннаго въ такихъ же понятіяхъ, конечно, не могло быть и если прапорщикъ Войновъ въ 1812 г. жаловался полтавскому губернатору на учителя «кобеляцкаго» повѣтоваго училища Леонова,

то не за наказаніе розгами, а за то, что онъ «причинилъ его сыну, ученику 1-го класса, *побои*». По поводу сего случая и директоръ училищъ предписывалъ только смотрителю «какъ можно стараться о примиреніи просителя, дабы не вышли неприятности для начальства по учебной части»; а учитель Леоновъ, не добившись примиренія, оправдывался тѣмъ, что «наказалъ сына Войнова за разные проступки, а особливо за лѣность и ослушаніе къ *родителямъ*—не какъ классный учитель, а какъ особливаго рода опекунъ». Дѣло кончилось перемѣщеніемъ Леонова въ купянское училище, харьковской губерніи.

Экзамены въ повѣтовыхъ училищахъ были двухъ родовъ: 1) *частные*, на которыхъ учителя, производя испытанія для переводовъ учениковъ въ высшіе классы, оставленія въ тѣхъ же классахъ и исключенія, не стѣснялись тѣмъ, что въ экзаменскихъ вѣдомостяхъ половина всѣхъ учениковъ попадала въ рубрику тупыхъ и слабыхъ, и *публичные*, составлявшіе пустую формальность и прямой какъ бы обманъ публики. Къ послѣднимъ экзаменамъ начинали готовиться мѣсяца за два, за три. Выбирались лучшіе ученики; одинъ готовилъ отвѣтъ по физикѣ, другой по технологіи и т. д., словомъ по каждому предмету долженъ былъ отвѣтить одинъ изъ учениковъ. Въ одномъ изъ донесеній смотрителя кобелякскаго училища директору училищъ такъ описывается публичное испытаніе: «оно открылось привѣтвенною рѣчью, произнесенною ученикомъ перваго класса Ольховскимъ, послѣ чего ученики испытываемы были въ знаніи закона Божія и другихъ предметовъ. Испытаніе сіе окончено было благодарственною рѣчью, произнесенною ученикомъ 2-го класса Потоцкимъ. Посѣтители, будучи довольны успѣхами учениковъ, изъявили лично признательную благодарность какъ учащимъ, такъ и учащимся и, кромѣ того, вида на самомъ опытѣ отличные успѣхи учениковъ, сдѣлали пожертвованіе на сумму 83 рубля. Благородное собраніе, участвовавшее въ семь испытаній, было приглашено маршаломъ въ собственный домъ и угощено обѣденнымъ столомъ».

Господствовавшее до начала отечественной войны пренебреженіе къ религіозной сторонѣ въ школьномъ образованіи отразилось и въ кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ. Съ 1808 по 1811 годъ законъ Божій занималъ въ немъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ предметовъ; не было даже законоучителя и предметъ этотъ препода-

валь одинъ изъ учителей. Но въ слѣдъ за тѣмъ издается цѣлый рядъ приказовъ, направленныхъ къ тому, чтобы поднять религіозное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, и самое министерство съ этого времени называется уже министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Предписывалось, чтобы «во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ науки имѣли основаніемъ священное писаніе и вообще христіанское ученіе; чтобы уроки естествовѣдѣнія и технологии замѣнены были уроками закона Божія и грамматики; чтобы предъ началомъ уроковъ читалось евангеліе; чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики вмѣстѣ съ учителемъ ходили въ церковь; чтобы книга «о должностяхъ и обязанностяхъ гражданина» замѣнена была евангеліемъ, какъ заключающимъ въ себѣ все то, что должно знать гражданину» и пр. Въ это же время дьячки, пономари и священнослужители получили разрѣшеніе обучать грамотѣ безъ установленныхъ аттестатовъ, а также были освобождены и отъ взиманія въ казну 5⁰/₃ сбора съ доходовъ за обученіе.

Учителя въ кобелякскомъ училищѣ были въ то время по большей части съ высшимъ образованіемъ,—воспитанники харьковскаго университета и кіевской академіи, но не окончившіе полнаго курса, или же плохо «аттестованные начальствомъ въ познаніяхъ наукъ». Образованіе въ то время цѣнилось гораздо менѣе, чѣмъ теперь, а матеріальное содержаніе учителей было крайне скудное. Учителю полагалось жалованья въ годъ 340 руб. асс., что по курсу 1812 года составляло 113¹/₃ руб. сер., а по курсу 1817 г. всего 85 руб. сер. Посторонніе заработки были также крайне незначительны: за годовой урокъ платили 15—30 руб. асс. Между тѣмъ жизнь была дорога: по цѣнамъ 1819 г. квартира изъ двухъ комнатъ стоила 150 руб. асс. въ годъ, сажень дровъ 30 р., пудъ сальныхъ свѣчей 20 руб., четверть ржаной муки 14 р. 50 к., четверть пшеница 18 р. И все остальное, необходимое въ жизни, было также дорого: оконная рама стоила 5 р., оконное стекло 50 к., тысяча кирпича 25 руб., возъ глины 1 р. и т. д. Учитель Горгона просилъ вспоможенія потому, что не имѣлъ приличнаго платья, чтобы ходить въ училище. Учителя того времени были жалки, загнаны, жили обособленною жизнью и третировались властью имѣющими, какъ лакеи. Почетный смотритель, напр., дѣлаетъ грубый выговоръ всему педагогическому

составу за то, что одинъ изъ учителей осмѣлился написать свой рапортъ къ нему на полулистѣ сѣрой бумаги. Не удивительно поэтому, если многіе изъ этихъ обездоленныхъ бѣдняковъ находили утѣшеніе въ «горѣлкѣ». Указаній на это въ училищномъ архивѣ не мало. Въ 1814 г. директоръ училищъ писалъ смотрителю: «такъ какъ нѣкоторые учителя обращаются въ пьянствѣ и черезъ то дѣлаются неспособными къ отправленію должности, то рекомендую вамъ, чтобы вы объявили содержаніе сего нынѣ на лицо состоящимъ въ вѣдомствѣ вашемъ чиновникамъ съ подписомъ, что оное ими слушано. А въ противномъ случаѣ они будутъ увольняться и пропечатываться въ вѣдомостяхъ».

И въ то же время эти люди, по волѣ начальства, должны были «двигать» науку впередъ. Уставомъ учебныхъ заведеній, § 52, имъ вмѣнялось въ обязанность «вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ нихъ свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при земледѣльствѣ орудіяхъ» и проч. и проч. «Записки, гласилъ параграфъ, должны быть писаны простымъ и чистымъ слогомъ, такъ называемымъ историческимъ. Впрочемъ не только не возбраняется дѣлать описанія произведеній природы и искусствъ слогомъ украшеннымъ, но еще весьма желательно, чтобы занимались онымъ, только безъ нарушенія истины. Сіе лучше дѣлать при описаніи особенныхъ какихъ либо предметовъ, какъ-то: живописныхъ видовъ, величественныхъ зданій и пр.».

Неизвѣстно, какъ отнеслись учителя кобылякского училища къ этому призыву; въ архивѣ остался только одинъ образчикъ описанія явленія, писанный, повидимому, слогомъ украшеннымъ. «Сентября 4-го, 1813 г., пишетъ смотритель, бывши по надобности версть за 10 отъ города съ женою, мальчикомъ и дѣвкою, при самомъ отъѣздѣ, часовъ въ 8 вечера, наступала черная туча и начинала блистать молнія. Часу въ 9-мъ вся атмосфера покрывалась непроницаемою тьмою и началъ итти сильнѣйшій проливной дождь. Молнія и громъ съ превеличайшимъ трескомъ раздавался надъ нами. Въ семъ ужасномъ состояніи мною, женою, мальчикомъ и дѣвкою усмотрѣна была электрическая сила слѣдующимъ образомъ: 1) края шинели моей у воротника и шубка на женѣ какъ бы опушены были бѣлымъ свѣтомъ; 2) на возжахъ, краю кнута и мѣ-

стами на хомутѣ видимъ былъ тотъ же свѣтъ; 3) на самыхъ остріяхъ лошадиныхъ ушей сила сія блистала величиною съ гороховину».

Кобылякское училище не располагало самыми необходимыми для него предметами. Въ одной изъ архивныхъ бумагъ директоръ рекомендуетъ смотрителю «имѣть стройшее наблюденіе, чтобы учителя одновременно приходили въ училище и занимались по часамъ», а смотритель отвѣчаетъ, что въ училищѣ и учителей часовъ нѣтъ, а изъ обывателей «развѣ только у лицъ высшихъ». Послѣ долгой переписки рѣшено было испросить разрѣшеніе у городничаго—звонить въ колоколъ кладбищенской церкви, гдѣ помѣщалось училище, дабы оповѣщать о началѣ занятій учителямъ и учащимся.

Всею жизнью училищъ тогдашнихъ руководилъ училищный комитетъ при харьковскомъ университетѣ, состоящій изъ профессоровъ. Назначеніе и увольненіе учителей, разрѣшеніе къ расходованію различныхъ суммъ, провѣрка кассовыхъ книгъ и пр.—все это вѣдалъ университетъ. Такъ называемые визитаторы, профессора харьковскаго университета, осматривали училище, производили учащимся испытанія, свидѣтельствовали училищную сумму и, если все находили исправнымъ, объявляли свое благоволеніе. Повидимому университетъ, гимназія и повѣтовое училище составляли одно, ступени одного зданія или, храма просвѣщенія, тѣсно были связаны другъ съ другомъ. Предполагалось, что повѣтовое училище даетъ учениковъ для гимназій, гимназія¹⁾ даетъ студентовъ для университета, а университетъ, въ свою очередь, даетъ имъ учителей, руководить ихъ жизнью. Но повѣтовое училище давало въ гимназію только 3—4%, остальные не нуждались въ высшемъ образованіи: жизненные условія были таковы, что и питомцы повѣтовыхъ училищъ могли прямо, минуя гимназію и университетъ, обращаться «къ письменнымъ дѣламъ». Единеніе университета съ повѣтовымъ училищемъ доходило до того, что о всякомъ событіи въ университетѣ, какъ-то: назначеніи новаго ректора, профессора, смерти кого либо изъ нихъ, сообщалось и въ повѣтовое училище; рѣчи профессоровъ, сочиненія студентовъ присылались обязательно въ бібліотечу училища.

¹⁾ Директоръ гимназій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ народныхъ училищъ.

Повидимому между училищнымъ начальствомъ и подчиненными учителями существовали чисто отеческія отношенія. Начальство входило во всѣ мелочи обыденной жизни учителей, заботилось объ ихъ нравственности, вѣшности и пр. Оно также заботилось, чтобы гражданскіе и иные чины не учиняли какихъ либо притѣсненій учителямъ. Въ этомъ случаѣ обида учителя какимъ нибудь постороннимъ вѣдомствомъ считалась обидою всего министерства народнаго просвѣщенія. Въ архивѣ очень часто встрѣчаются такія защиты: въ одномъ случаѣ директоръ и смотритель чрезъ полтавскаго губернатора добились того, что учитель Николаевъ могъ, вопреки протесту городничаго, огородить свой дворъ плетнемъ; въ другомъ училищный совѣтъ, по жалобѣ учителя Леонова на своего родственника, захватившаго его землю, дѣйствуя черезъ военнаго губернатора, добился полного удовлетворенія означеннаго учителя.

При училищѣ существовалъ почетный смотритель, выборное лицо изъ среды дворянъ. Судя по даннымъ архива, онъ имѣлъ большое вліяніе и значеніе для училища, представлялъ собою око общества, посредствомъ котораго оно контролировало жизнь училища. Для характеристики отношеній между почетнымъ смотрителемъ и училищемъ приведу нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ архива.

Въ 1813 г. почетный смотритель Марковъ писалъ штатному смотрителю:

«М. г. препровождаю шкафъ для училищной бібліотеки, который прошу васъ поставить въ лучшемъ видѣ; велѣлъ я своимъ столарямъ всячески стараться, чтобы его съ балюстрадомъ поставили ибо безъ онаго много виду потеряетъ. Долгомъ считаю объявить, что многіе дворяне, имѣющіе своихъ дѣтей въ училищѣ, жалуются, что дѣти ихъ ничего не успѣваютъ по причинѣ, что учителя мало объ нихъ пекутся, сами поздно въ училище ходятъ, сидятъ дома или у гостяхъ, а при томъ употребляютъ дѣтей для посылокъ даже и за горѣлкой; прошу васъ имъ сіе воспретить и подтвердить, чтобы они свою должность лучше выполняли, а иначе я принужденъ буду отнестись къ высшему начальству, ибо по неуспѣху дѣтей и моя честь будетъ страдать, а я привыкъ всегда службу свою продолжать съ похвалою».

Въ 1816 г. тотъ-же Марковъ писалъ тому же смотрителю слѣд.: «въ бытность мою въ училищѣ, нашель я совершенную въ бібліотекѣ

неисправность, въ классахъ нечистоту и холодъ; посему предписываю вашему благородію, дабы все сіе исправлено было въ библіотекѣ, а въ классахъ было бы чисто и ученики не сидѣли бы въ шубахъ, и замѣчено мною, что всему сему причиною сторожъ, а потому и *предписываю* вамъ *отрѣшить* его отъ должности».

Почетному смотрителю учителя обязаны были ежемѣсячно представлять свѣдѣнія о числѣ учениковъ, ихъ успѣхахъ, о пройденныхъ предметахъ. Но за то почетный смотритель былъ благодѣтелемъ училища: кромѣ ежегоднаго взноса въ 250 руб., онъ снабжалъ училище всѣмъ необходимымъ для него; онъ жертвуетъ, наирямѣрь, шкафъ для библіотеки, столъ, 15 зимнихъ рамъ, книгъ на 300 руб., ежегодно также отдавалъ на пользу училища старыя газеты и т. п.

Въ первое время своего существованія кобылякское повѣтовое училище по видимому интересовало высшія власти. Въ лѣтописи училища до 1819 г. записано нѣсколько посѣщеній такихъ лицъ. Въ 1808 г. іюня 24 училище удостоено было посѣщеніемъ малоросійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго съ полтавскимъ губернаторомъ Козачковскимъ, «при чемъ, какъ сказано въ лѣтописи, его сіятельство былъ привѣтствованъ рѣчью, произнесенною учителемъ, и съ удовольствіемъ слушалъ преподаваемую послѣ сего ариеметику и россійскую грамматику». Упоминается о посѣщеніи военныхъ губернаторовъ Тутолмина и Репнина; но привѣтственные имъ рѣчи говорились уже учениками. Послѣ 1819 г. столь высокія лица не встрѣчаются уже въ записяхъ о посѣщеніяхъ; мѣсто ихъ заняли маршалъ, городничій и директоръ; послѣ 30-хъ годовъ училище посѣщаетъ только директоръ, какъ непосредственное начальство. Особою патріархальностію, чтобъ не сказать болѣе, отдаетъ слѣдующее предписаніе директора 1811 г. «Намѣреваюсь я въ скорости отправиться въ разные города полтавской губерніи для обозрѣнія подвѣдомыхъ мнѣ повѣтовыхъ училищъ и посему рекомендую вашему благородію къ пріѣзду моему привести все то, что подлежать будетъ къ усмотрѣнію моему, въ совершенную исправность».

Кобылякское повѣтовое училище служило учебнымъ заведеніемъ для дѣтей лицъ привилегированныхъ, которыя составляли 90% всѣхъ учащихся. Мѣщане и козаки, за рѣдкимъ исключеніемъ, не отдавали туда своихъ дѣтей, хотя обученіе въ училищѣ было без-

платное. По видимому, они считали правительственное учебное заведеніе со многими науками не подходящимъ для себя и потому имѣли свои школы, въ которыхъ учили тому, чему они хотѣли, и гдѣ они чувствовали себя полными хозяевами. Школы эти были двухъ родовъ: низшія, въ которыхъ изучали граматку, часословъ и псалтырь, и высшія, гдѣ обучались писать и «цыфири». Смотритель кобылякского училища въ 1811 г. доноситъ, что въ городѣ находятся слѣдующія школы:

1) У священника покровской церкви Базилевича 2 уч.; 2) у *крестьянина* протоіерея соборной церкви—Тешнова 19 уч.; 3) у пономаря той-же церкви Хорунженка 4 уч.; 4) у дьячка троицкой церкви Кучера 4 уч.; 5) у пономаря рождество-богородичной церкви Умаха 6 уч.; 6) у прапорщика Крихоцкаго 10 уч., 7) у дьячка рождество-богородичной церкви Катранова 5 уч. Всѣ они обучались письму и цыфири; «сверхъ того, писалъ смотритель, въ присутственныхъ мѣстахъ до 50 учениковъ, коихъ учатъ повытчики». Въ селахъ казенныхъ училищъ не было; вездѣ при церквахъ учили дьячки и пономари, а въ волостныхъ правленіяхъ писаря.

Плата за выучку была вездѣ равномерная: за граматку 1 р. за часословъ 1½ руб., за псалтырь 2 руб. За выучку письму и цыфири брали 5 р. за cadaго ученика. Присяжные педагоги, въ лицѣ смотрителя, относились ко всѣмъ таковымъ незаконнымъ училищамъ крайне враждебно; во всѣхъ своихъ донесеніяхъ они старались доказывать, что таковыя школы «дѣлаютъ разстройку повѣтовому училищу, въ которомъ учащихся очень мало (50 чел. въ 1811 г.), по той причинѣ, что дьячки, пономари и повытчики учатъ дѣтей». Само министерство старалось искоренить такія контрабандныя школы. Въ цѣломъ рядѣ указовъ предписывалось уничтожить ихъ изморомъ. Въ 1810 г. директоръ сообщаетъ о распоряженіи министра, коимъ воспрещалось учить дѣтей не аттестованнымъ учителямъ. Въ томъ же году директоръ писалъ смотрителю: «такъ какъ платежу 5% денегъ подлежатъ содержатели частныхъ училищъ, то предписываю вамъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы никакое частное учебное заведеніе безъ дозволенія университета не существовало, а въ противномъ случаѣ каждый учитель будетъ оштрафованъ по 100 р., въ силу указа 1757 г.»

Подъ именемъ частныхъ учебныхъ заведеній разумѣлось въ законѣ «мѣсто, гдѣ кто-либо учить чужихъ дѣтей и брать плату»; слѣдовательно всѣ эти дьячки, пономари и повытки, въ силу приведеннаго распоряженія, должны были брать разрѣшеніе отъ университета. Конечно, никто изъ нихъ этого не дѣлалъ и всѣ они продолжали себѣ учить по прежнему; скоро впрочемъ, само правительство пришло къ нимъ на помощь, разрѣшивъ имъ свободу обученія и избавивъ ихъ отъ 5% сбора.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ фактъ, относящійся къ жизни кобылякскаго повѣтоваго училища. Въ послѣдовавшую за окончаніемъ отечественной войны эпидемію циркулярно преписывалось, между прочимъ, «залы училищныя провѣтривать и курить порошкомъ, составленнымъ по слѣдующему рецепту: межжевелъныя елки, межжевелное дерево, дягель, корня ирнаго, ладону, селитры, сѣры—смѣшать все въ видѣ порошка и курить». Такое окуриваніе способствовало, можно думать, не столько просвѣтленію, сколько потемненію ученическихъ въ кобылякскомъ училищѣ головъ, большинство которыхъ со стороны учителей аттестовались тупыми.

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣтки о кобылякскомъ повѣтовомъ училищѣ въ промежутокъ времени съ 1804 по 1833-й годъ, когда оно было преобразовано въ уѣздное 3-хъ классное училище, по уставу 1828 г.

г. Кобеляки.

А. Фисенно.

Къ портрету С. Я. Ширая.

Родъ Шираевъ принадлежитъ къ числу болѣе богатыхъ, нежели знатныхъ малороссійскихъ родовъ. Глава этого рода, Спиридонъ Яковлевичъ Ширай, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, былъ стародубскій мѣщанинъ и занималъ по выборамъ почетную и вліятельную должность войта стародубскаго съ 1681 по 1708 г. Уже одно продолжительное, слишкомъ 27-лѣтнее пребываніе его на этомъ отвѣтственномъ и шаткомъ посту свидѣтельствуеетъ о его умѣ, равно довѣрїи и почетѣ, какими онъ пользовался въ мѣстномъ обществѣ. Благодаря привилегированному положенію Стародуба, недавно пользовавшагося магдебургскимъ правомъ, и его особому торговому значенію, по которому онъ былъ главнымъ пунк-

томъ отпускнуой для всей Малороссіи торговли, преимущественно пенькою, въ рижскій и архангельскій порты, а также склада и сбыта получаемыхъ оттуда колоніальныхъ товаровъ, Ширай скопиль огромныя богатства, завелъ обширныя связи. пользовался большимъ вліяніемъ не только въ своей общинѣ, но и въ средѣ полковой и генеральной старшины; женилъ сына своего Степана на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, вошелъ въ дружбу съ самимъ гетманомъ Мазепою и пожалованъ отъ него имѣніемъ, не состоявъ никогда въ войсковомъ урядѣ. Сынъ его Степанъ, по окончаніи курса въ кievской академіи, скоро сталъ бунчуковымъ товарищемъ, а внукъ Ѳедора воспитывался уже за границею. Родъ Сп. Ширая приумножилъ его богатства, вошелъ въ родство съ знатнѣйшими малороссійскими и русскими родами и къ концу XVIII ст. занялъ выдающееся положеніе между богатѣйшими родами того времени. Тѣмъ не менѣе глава этого рода былъ и остался стародубскимъ мѣщаниномъ, стародубскимъ привилегированнымъ войтомъ, мирнымъ гражданиномъ, обывателемъ средней руки, типомъ малорусскаго мѣщанства конца XVII и начала XVIII ст.

Чтобы дать наглядное представленіе о томъ, каковъ былъ богатый мѣщанинъ того времени, мы и избрали для приложенія портретъ Спиридона Яковлевича Ширая. Голова его имѣетъ совершенно простой видъ натуральной растительности, въ порядкѣ однако содержимой; волосы лишь на лбу слегка подстрижены и лежатъ равными прядями. Одѣтъ онъ въ богатый парчевый *кунтушъ*, съ золотыми цвѣтами по зеленому полю. Кунтушъ сверху искошенъ и застегнутъ золотыми или позолоченными мелкими пуговицами, идущими густымъ рядомъ до малиноваго, незначительной ширины, атласнаго пояса, по всей вѣроятности слуцкой работы. Рукава кунтуша сѣуживаются къ кистямъ рукъ и заканчиваются бархатными закарвашами алаго цвѣта. Поверхъ кунтуша длинный *жупанъ*, скроенный по талии и надѣтый на рукава, въ отличіе отъ широкой безрукавной *опанчи*, составлявшей верхнее платье войсковой старшины. Кунтушъ на лисьемъ мѣху, покрытъ сукномъ или бархатомъ пунцоваго цвѣта. На ногахъ обыкновенные кожаные сапоги *чернаго* цвѣта, принадлежность людей солиднаго возраста; въ рукавъ *иннокъ*, общеупотребительная въ то время палка съ золотымъ набалдашникомъ, ставшая въ послѣдствіи принадлежностію только лицъ

священнаго сана. Выраженіе лица Ширая серьезное, сосредоточенное, какъ во время молитвы. При немъ изображенія двухъ малолѣтнихъ его сыновей въ длинныхъ кунтушикахъ или кафтанкахъ, на одномъ желтаго, на другомъ зеленаго цвѣта, при чемъ у перваго голубой поясокъ и желтые сафьянные сапожки, а у другаго поясокъ малиновый и сапожки краснаго сафьяна. У обоихъ мальчиковъ, какъ и у отца ихъ, волосы подстрижены спереди въ скобки, а ручки въ молитвенномъ положеніи сложены и подняты вверхъ— характерная черта того времени давать молитвенную позу лицамъ въ женскихъ и дѣтскихъ портретахъ.

Настоящій портретъ С. Я. Ширая обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ. Это современный оригиналъ въ высоту трехъ аршинъ, писанъ на холстѣ масляными красками. Такого же размѣра и письма портретъ жены Ширая съ двумя маленькими дочерьми и портрета старшаго сына Степана, снятый, какъ видно, по окончаніи имъ курса въ академіи и прежде поступленія на войсковой урядъ. Всѣ три портрета сохранились очень хорошо; до минувшаго года они хранились въ церкви села Спиридовой Буды, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, бывшемъ имѣніи Ширая, а нынѣ составляютъ собственность А. М. Лазаревскаго. Со временемъ мы надѣемся ознакомить читателей «Кіевской Старины» съ этими замѣчательными портретами малорусской средняго класса дамы XVII ст. и такого же кавалера и щеголя того времени.

Поправка. Въ предъидущей сентябрьской книжкѣ „Кіев. Стар.“, въ отдѣлѣ Библиографіи, въ рецензій на книгу Змигродскаго, на стр. 160, строка 3 снизу, напечатано Leipzig, 1863 г., слѣд. 1833 г., тамъ же, строка 7, напеч. 1856 г. слѣд. 1865 г. и на стр. 168, строка 20 снизу, вмѣсто Сото напеч. Со то.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день рассылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получеііе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполучеііе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже получеііа или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка еію не была получена и 5) если о переиѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За переиѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятидесять коп.*, а при переиѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ эземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейго, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ эземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 в.**, за границу **11 руб.**

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1886) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ ХІХ.

НОЯБРЬ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1887 г.

Отъ Редакціи.

- РАИНА МОГИЛЯНКА, КНЯГИНЯ ВИШНЕВЕЦКАЯ . . . I.
- I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ и ПЪСЕНЬ. (*Окончаніе*).—Н. Ф. Сумцова. 401
- II. БЕЗТАЛАННЫЙ. (ПОЭМА Т. ГР. ШЕВЧЕНКА) 557
- III. САВВА ЧАЛЕНКО (изъ исторіи Гайдамачины прошлаго вѣка).—Д-ра Антонія I. (*Переводъ съ польскаго*). 471
- IV. КЪ ВОПРОСУ О «ПАРУБОЦТВѢ», КАКЪ ОСОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППѢ.—Н. Н. Чернышева. 491
- V. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО. (*Окончаніе*). 505
- VI. ЛѢТОПИСЬ ЯНА ЮЗЕФОВИЧА, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ РУСИ.—В. Антоновича. 546
- VII. О КАРПАТСКОЙ РУСИ (*краткій этюдъ Андрея II. Дешка*). 537
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1887 г.—*К. Цыбульскаго*.—б) Историческая записка о злотопольской гимназіи, составленная ко дню 50-ти лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. инспекторомъ А. Андриевскимъ. Кіевъ, 1887 г.—*В. П.*—в) Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Т. I. Воронежъ. 1887 г.—*К. Шнейдеръ* 559
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мимолетное знакомство мое съ Т. Гр. Шевченкомъ и мои объ немъ воспоминанія.—*Ф. Лободы*. б) Еще свѣдѣніе о «дикомъ попѣ».—*А. Л.*—в) Къ исторіи рода Свѣчекъ.—*Н. Стороженка*—г) Замѣтка къ статьѣ «О шелудивомъ Бунякѣ».—*Н. Авенариуса*.—д) Народное преданіе о взятіи Бендеръ.—Сообщ. *Л. П.*—е) „Писанный крестъ“—*О. К.*—ж) Небесныя архистратиги во образѣ запорожцевъ.—*А. Р—ва*—з) Пѣсня о Кармелюкѣ . . . . .
- Приложеніе: Портретъ Райны Могилянки, княгини Вишневецкой. Объявленіе.

Продолжается подписна на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.

Дозволено цензурою: Київъ, 31-го октября 1887 года.

Отъ редакціи.

Съ выпускомъ 12-й (декабрьской) книжки, которая выйдетъ 1-го декабря, изданіе «Кіевской Старины», за болѣзнь редактора-издателя, *приостанавливается*. Подписка вновь не принимается ни въ редакціи, ни у книгопродавцевъ; не можетъ производиться и взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями.

О возобновеніи или совершенномъ прекращеніи журнала будетъ объявлено особо.

Желающіе приобрести экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887) могутъ обращаться по прежнему: *Въ Редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская улица, № 12.* Изданіе перваго года, оставшееся въ числѣ не свыше 10-ти экзempl., высылается по прежней цѣнѣ 10 руб. съ перес. Выписывающіе затѣмъ одновременно за слѣдующія *пять* лѣтъ пользуются уступкою 25%, за *четыре* года 20%, за *три* 15% и за *два* 10% съ общей подписной суммы. Книжнымъ магазинамъ уступается сверхъ того 5% комисіонныхъ. Цѣна годовому изданію въ одномъ экземплярѣ 10 р. съ пересылкой. Отдѣльныя книжки выдаются на мѣстѣ и высылаются по 1 р. с.

Гг. подписчиковъ не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы редакція покорнѣйше проситъ послѣшить высылкою слѣдующихъ денегъ.

Раина Могиланка, княгиня Вишневецкая.
(† 1619 г.).

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.

.....Течніе скончахъ, вѣру соблюдохъ;
Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды.
(2-е посл. къ Тимоѳ., IV, 6—7).

Раина Могилянка, дочь Іереміи Могилы, господаря молдавскаго, двоюродная сестра знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы, жена богатѣйшаго изъ русскихъ князей Михаила Вишневецкаго, мать отступника Іереміи, бабка польскаго короля Михаила, по мужу старостянка овручская, каштелянша кіевская, какъ значится на ея старинномъ портретѣ, представляетъ собою замѣчательную женщину въ южно-русскомъ обществѣ начала XVII ст. Время пощадило ея портретъ и съ помощію его мы ясно можемъ представить себѣ ея внѣшнія черты; но исторія слишкомъ мало сохранила свѣдѣній о ея жизни, и при посредствѣ ихъ мы не можемъ возсоздать въ полномъ очертаніи ея нравственнаго облика. Есть впрочемъ одна яркая черта, которая свѣтлой полосой проходитъ чрезъ всю ея недолгую жизнь, и по ней-то мы причисляемъ Раину Вишневецкую къ числу замѣчательныхъ женщинъ своего времени: это глубокая ея набожность, твердость въ отеческой вѣрѣ и непоколебимая преданность ей до конца жизни. Въ наше время маловѣрія и невѣрія такое качество не сочтется, быть можетъ, ни добродѣтелью, ни достоинствомъ; но въ тѣ бурныя времена религіозной борьбы и кровавыхъ войнъ за вѣру, когда княжескіе и дворянскіе русскіе роды, подъ неотразимымъ напоромъ цѣлаго строя и духа государственной и общественной жизни, десятками и сотнями

переходили то въ католичество, то въ протестантство, устоять въ православной вѣрѣ стоило величайшихъ усилій, а для слабой женской натуры это составляло прямой, при томъ тягчайшій подвигъ. Клеймя позоромъ отступниковъ нашей вѣры, подрывавшихъ въ корнѣ благополучіе и славу родной страны, мы должны хранить въ нашей памяти имена лицъ, выдержавшихъ въ свое время этотъ тягчайшій искусь жизни, и они яркими свѣточами стануть для насъ на темномъ жизненномъ пути нашемъ и всего народа...

Но возвратимся къ Райнѣ Могилянскѣ.

Отецъ Райны Іеремія Могила былъ однимъ изъ лучшихъ правителей Молдавіи и отличался набожностью и глубокою преданностью православной церкви. Будучи обязанъ своимъ господствомъ польскому королю Сигизмунду III, но зная его, какъ фанатическаго виновника и распространителя въ своихъ русскихъ земляхъ униі, онъ предъ самымъ вступленіемъ на престолъ, обѣщая всякую покорность своему патрону, выговорилъ для своего государства полную свободу греческаго вѣроисповѣданія. Въ недолгое время своего управленія 1595—1606 г., расходуясь много на дани и подарки, чтобы удержаться на шаткомъ престолѣ, набожный Іеремія дѣлалъ частыя и щедрыя пожертвованія на церковныя нужды и дѣла благотворенія. «Отъ нашея юности, писалъ онъ въ одной изъ дарственныхъ грамотъ Скульскому монастырю, боголюбивымъ желаніемъ и сердечнымъ распаленіемъ утверждение и честь и украшеніе св. церкви непременно въ душу вгоренны имамы». Не ограничиваясь предѣлами собственной земли, Іеремія до самой смерти своей былъ наиболѣе усерднымъ благотворителемъ и покровителемъ православнаго львовскаго братства. Великолѣпная, донинѣ существующая въ Львовѣ церковь Успенія Богородицы, заложенная братствомъ въ 1591 г., создана почти исключительно на средства Іереміи и брата его Симеона. Независимо отъ денежныхъ пособій, пользуясь хорошими отношеніями къ королю Сигизмунду и къ вліятельнымъ польскимъ сановникамъ, онъ весьма часто оказывалъ львовскому братству и другія важныя услуги, ограж-

дая его своимъ ходатайствомъ отъ латинскихъ притѣсненій и выпрашивая ему нужныя привилегіи. Въ домѣ его и братнемъ являлись учителя, которыхъ высылало имъ львовское братство. Мать Раины Елисавета, дочь сенатора изъ Трансильваніи, была также набожная женщина и по смерти мужа не переставала благотворить тому же львовскому братству. Такимъ образомъ та твердая преданность вѣрѣ, которую потомъ Раина обнаружила въ своей жизни внѣ родительскаго дома, вынесена была ею отсюда и составляла, какъ мы знаемъ по другимъ примѣрамъ, отличительную черту рода Могилы.

Раина была старшею дочерью Іереміи Могилы; кромѣ нея было у него три сына и еще три дочери: Марія, Катерина и Анна, и всѣ онѣ, по примѣру сестры, были выданы замужъ въ Русь и Польшу: Марія за брацлавскаго воеводу Стефана Потоцкаго, усерднаго кальвиниста, Катерина за православнаго волынскаго князя Самуила Корецкаго, Анна за ленчицкаго воеводу Максимилиана Пржерембскаго. Последняя была потомъ за ленчицкимъ каштеляномъ Яномъ Чарковскимъ, далѣе за краковскимъ воеводою Владиславомъ Мышковскимъ и наконецъ за короннымъ гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ, роднымъ племянникомъ Стефана, мужа сестры Маріи. Выходъ двухъ сестеръ Раины въ замужество за поляковъ-иновѣрцевъ не помѣшалъ имъ оставаться въ той же вѣрѣ, въ какой онѣ были воспитаны набожнымъ отцемъ: Марія и умерла православною, а Анна вписалась даже (въ 1630 г.) въ реестръ братчиковъ львовскихъ¹⁾. Примѣры подобной религіозной стойкости въ то время были необыкновенно рѣдки въ бракахъ иновѣрцевъ съ православными.

Раньше всѣхъ вышла замужъ старшая изъ сестеръ, Раина. Можно полагать, что это было въ 1605 г., еще при жизни ея отца: подъ этимъ именно годомъ князь Михаиль Вишневецкій внесъ въ книги люблинскаго трибунала вѣновую и дарственную записи своей молодой женѣ. По этимъ записямъ можно заключать, какъ велико было приданое молдавской государовны, если женихъ, въ обезпеченіе его, записалъ невѣстѣ 50,000 червонцевъ

¹⁾ Памятники кiev. ком., т. III, отд. 1, стр. 19.

на половинѣ всѣхъ родовыхъ своихъ имѣній и сверхъ того другимъ актомъ записалъ ей въ даръ еще 100,000 червонцевъ.

Мужъ Раины, князь Михайль Михайловичъ Вишневецкій, староста овручскій, ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ исторіи; но, помимо древности и знатности рода, онъ славился богатствомъ и необъятностью своихъ территоріальныхъ владѣній. Кроме мѣстечка Вишневецка и многихъ другихъ имѣній на Волыни и въ Кіевщинѣ, ему принадлежали еще обширныя земельныя пространства на лѣвой сторонѣ Днѣпра, тянувшіяся широкой полосой черезъ всю нынѣшнюю полтавскую и часть черниговской губерніи, отъ устьевъ р. Сулы почти до Конотопа. Эти громадныя владѣнія, такъ и называвшіяся въ XVII ст. «Вишневецкиной», какъ кажется, были пріобрѣтены отцемъ мужа Раины, княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, который задолго еще до соединенія Литвы съ Польшею былъ старостою черкасскимъ и каневскимъ, а послѣ любдинской уніи былъ въ теченіе 15-ти лѣтъ каштеляномъ кіевскимъ, неоднократно громилъ татаръ и похороненъ въ 1584 году въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ то время это были пустыя, незаселенныя степи, съ многочисленными городищами и другими слѣдами нѣкогда бывшихъ здѣсь поселеній; но съ началомъ XVII ст. онѣ стали быстро заселяться, такъ что во 2-й четверти того же вѣка въ Вишневецкинѣ насчитывалось уже болѣе 50-ти городовъ и селеній.

За такимъ богатымъ мужемъ молодой и къ тому же необыкновенно красивой государовнѣ жизнь, казалось, сулила въ будущемъ однѣ радости. Такъ бы оно, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ, еслибы личное счастье Раины не было омрачаемо безпрестанными огорченіями по поводу раздоровъ, возникшихъ между ея родными изъ-за наслѣдства престола по смерти отца ея, послѣдовавшей въ 1606 году, годъ спустя послѣ ея брака. Изгнанная изъ родной страны племянникомъ своимъ Симеономъ, мать Раины проживала у нея съ дѣтьми, пока три зятя ея ходили добывать престолъ Молдавіи для старшаго ея сына Константина. Походъ оказался удачнымъ и Константинъ безъ особаго труда овладѣлъ престоломъ отца; но за ослушность свою падишаху скоро смѣщенъ былъ съ него

турецкимъ кандидатомъ Стефаномъ Томжею. Новый походъ имѣлъ послѣдствія роковыя: Константинъ былъ разбитъ на голову и попалъ въ плѣнъ, таже горькая судьба постигла и двухъ его зятевъ: Стефана Потоцкаго и отважнаго рыцаря князя Самуила Корецкаго. Не трудно себѣ представить, какимъ горькимъ воплемъ отозвалась эта вѣсть въ Вишневецъ и еще болѣе, конечно, въ Корцъ и въ Золотомъ-Потокъ, въ груди несчастныхъ Катерины и Маріи Могилянскъ! Но что еще печальнѣе: князь Корецкій, какимъ-то чудомъ бѣжавшій изъ тюрьмы, проплывъ на купеческомъ суднѣ въ Италію и побывавъ въ Римѣ и въ Лоретѣ, вернулся оттуда на родину рьянымъ католикомъ, а за тѣмъ, понавъ въ плѣнъ въ злосчастной цецорской битвѣ, былъ задушенъ въ цареградской тюрьмѣ. Бѣжалъ и Стефанъ Потоцкій и возвратился на родину добрымъ католикомъ, а освободившійся позже всѣхъ братья Раины, Константинъ, долженъ былъ отказаться отъ всякой мечты о престолѣ и прожилъ до самой смерти своей въ Подоліи, въ отцовскомъ имѣніи Устьѣ, не подалеку отъ резиденціи его старшей сестры.

Среди такихъ-то безпокойствъ, хлопотъ и огорченій прошли молодые годы Раины Вишневецкой. А далѣе приближалась для нея еще болѣе печальная пора преждевременнаго вдовства. Князь Михаилъ, хотя и избѣжалъ горестной судьбы своихъ шурьевъ, но возвратился домой изъ несчастнаго молдавскаго похода больнымъ, съ надломленными силами и черезъ три года умеръ, оставивъ Раину съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему сыну Іереміи было не болѣе четырехъ лѣтъ, а его сестрѣ Аннѣ и того меньше. Тогда для вдовы настали новыя хлопоты и огорченія, столь обычные въ то время при переходѣ большихъ имѣній въ руки наследниковъ. Деверъ Раины и опекунъ ея дѣтей, князь Юрій Михайловичъ Вишневецкій вздумалъ воспользоваться смертію брата для увеличенія своего состоянія и не допустилъ невѣстку вступить во владѣніе заднѣпровскими имѣніями. Надо было вести съ нимъ тяжбу, хлопотать по судамъ и трибуналамъ, пока смерть Юрія (въ 1618 году) не положила концъ этимъ непріятностямъ. Въ то же время нашлись и другіе претенденты на Вишневецчину: какой то п. Лавринъ Черкасъ, неизвѣстно

по какому праву, занялъ тамъ замки: Михайловъ или Пирятинъ и Журавку, и когда былъ изгнанъ оттуда, то затѣялъ съ княгинею Раиною процессъ, окончившійся лишь послѣ ея смерти. А черезъ годъ княгини не было уже въ живыхъ.

Не долго жила Раина, но оставила по себѣ свѣтлую память на Украйнѣ, какъ основательница трехъ православныхъ монастырей: густынского-прилуцкаго, ладинскаго-подгорскаго и мгарскаго-лубенскаго. Эти вѣковѣчные памятники ея благочестія имѣли немаловажное значеніе въ исторіи обширной страны, тогда только-что начавшей выходить изъ состоянія необитаемости, а черезъ нѣсколько десятилѣтій представлявшей уже цвѣтущую провинцію, въ которой народная жизнь была живымъ ключемъ. Основателями перваго изъ этихъ монастырей были иноки межигорской обители, въ числѣ нѣсколькихъ направившіеся изъ Кіева «въ страны восточныя заднѣпрскіе, до державы благороднаго князя Михайла Кобычута-Вишневецкаго», а устройтеlemъ его былъ инокъ кіево-печерскаго монастыря, въ теченіе 16-ти лѣтъ «въ пещерѣ работавшій Господеви въ постѣхъ и молитвахъ», — Исаія Копинскій, внослѣдствіи митрополитъ кіевскій. Онъ-то лично испросилъ у князя Михайла и его благочестивой жены первыя земельныя пожалованія обители и былъ принятъ ими съ особымъ почетомъ, «понеже, какъ говоритъ лѣтопись, князь добродѣтеленъ быше, княгиня же его, Раина Могилянка, зѣло благонароচিতа и благочестива быше: велми бо любяше слуги Христовы, валугери»¹⁾. Это происходило въ мартѣ 1614 г. А полгода спустя густынскіе чернцы вторично побывали въ Вишневцѣ и выпросили тамъ другой такой же фундушъ для устроеннаго ими свита подгорскаго (или ладинскаго) на той же рѣкѣ Удаѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Густыни.

Когда Исаія задумалъ основать третій монастырь подъ Лубнами, въ мгарскомъ лѣсу, къ тому времени князя Михайла уже не было въ живыхъ; но его набожная жена, по просьбѣ Копинскаго, выдала ему (въ январѣ 1719 г.) новыя фундушевыя записи

¹⁾ Лѣтопись монастыря Густынскаго, стр. 9

въ пользу заднѣпровскихъ монастырей, съ подтвержденіемъ прежнихъ «наданій» и съ придачею новыхъ. Надѣливъ щедро густынской монастырь, княгиня Раина позволила подгорскій скитъ преобразовать въ женскій ладинскій монастырь и настоятельство въ немъ предоставила пожизненно родной сестрѣ Исаи, инокинь Александрѣ. Особымъ фундушемъ (18 янв. 1619 г.) она дала Кошинскому полномочіе на устройство въ ея владѣніяхъ мгарскаго монастыря, отпустила для него строительный матеріалъ, оставшійся послѣ перестройки замка въ Лубнахъ, щедро надѣлила новую обитель землями, рыбными ловлями и разными угодьями и отдала ее, наравнѣ съ густынскимъ и ладинскимъ монастырями, въ пожизненное завѣдываніе, на правахъ игумена, тому же Исаи Кошинскому. Сверхъ того она поручила благочестивому игумену завѣдывать всеми приходскими церквами въ ея украинскихъ мѣстностяхъ, съ подчиненіемъ ему священниковъ и остального духовенства и съ правомъ «подаванья» приходовъ, по соглашенію съ ея старостами. А чтобы вѣрнѣе обезпечить на будущія времена неотмѣняемость своихъ распоряженій, набожная княгиня, по обычаю того времени, наложила клятву на нарушителей ея воли: «А хто бы мѣлъ тую фундацію нашу нарушати и касовати въ потомные часы и одыймовати то, що есми надали разъ тымъ святымъ мѣстамъ, або на старожитную благочестивую восточную православную вѣру нашу наступовати и отмѣняти хотѣлъ, теда нехай на немъ будетъ клятва св. отецъ, 318, иже въ Никеи, и разудится тотъ со мною передъ маестатомъ Божіимъ!»

Бѣдная княгиня! Могла ли она думать, что не далѣе, какъ черезъ 10—20 лѣтъ, первымъ нарушителемъ ея благочестивой воли и самымъ лютымъ врагомъ и «наступателемъ» на ея пратеческую вѣру явится не кто иной, какъ ея любимый сынъ, «пожаданная ея утѣха», князь Іеремія, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она приложила столько заботъ «на уфундоване и размноженя хвалы Божои и житія законного иноческаго старожитной реліи греческой, восточнаго православія», онъ будетъ «фундовать» бернардиновъ (въ Лубнахъ) и доминикановъ (въ Прилугѣ), на-

строить латинскихъ костеловъ (въ Ромнахъ, Лохвицѣ, Мошнахъ, и явится злѣйшимъ гонителемъ и мучителемъ¹⁾) тѣхъ самыхъ смиренныхъ «калугеровъ», которыхъ она «велики любяше, яко слуги Христовы и богомолцы!» Не рѣшившись упразднить православные украинскіе монастыри, которымъ благотворила его мать, и подтвердивъ даже ея фундуши, онъ вырвалъ однако ихъ (1636 г.) изъ рукъ престарѣлаго Исая Конискаго, изгнаннаго изъ Кіева и съ титуломъ архієпископа задиѣпрскаго и сѣверскаго проживавшаго по большей части въ Лубнахъ или въ Ладинѣ.

Но до всѣхъ этихъ печальныхъ перемѣнъ не дожидая набожная Раина Могилянка. Она скончалась въ 1619 г., оставивъ семилѣтняго Іеремію на попеченіе его троюроднаго дяди, князя Константина Константиновича Вишневецкаго, тогда старосты черкаскаго, одного изъ первыхъ вѣроотступниковъ (1595 г.) въ родѣ Вишневецкихъ.

Умерла Раина въ возрастѣ лѣтъ 30-ти. Всего 14 лѣтъ прожила она въ русской землѣ, но связала себя съ нею неразрывными узами, какъ и двоюродный братъ ея знаменитый Петръ Могила, оставила по себѣ вѣковѣчные памятники своей глубокой набожности и благочестія, напечатала свое имя на страницахъ нашей исторіи, сохранила въ чистотѣ вѣру среди неповѣрной родни, въ такую притомъ пору, когда вѣра эта повсюду подвергалась жесточайшимъ преслѣдованіямъ и осмѣянію и считалась вѣрой хлопской, унижительной для лица высшаго званія. Подлинно, умирая, она могла повторить слова св. ап. Павла: *теченіє скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается мнѣ въспнзъ правды, его же воздасть ми Господь въ день онъ, судья праведный.*

На прилагаемомъ портретѣ Раины Могилянки мы видимъ женщину умную и энергическую, въ цвѣтѣ молодости, силъ и здоровья. Портретъ заимствованъ нами изъ портретной гал-

---

¹⁾ Впослѣдствіи, въ 1648 г., козаки, жалуясь на безчеловѣчную расправу Іереміи съ мирными малороссіянами, между прочимъ упоминали; «а священникамъ нашимъ онъ глаза буравомъ просверливалъ». См. письмо полковника Максима Кривоноса—Памяти. кiev. комисіи, т. I, отд. 3, стр. 157.

лереи князей Вишневецкихъ, хранившейся въ деревнѣ Новомъ-Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, откуда получены, между прочимъ, и портреты князя Константина Острожскаго и его жены, помѣщенные въ «Кіев. Старинѣ» за 1883 г. Кромѣ историческаго значенія, онъ представляетъ немаловажный археологическій интересъ, какъ живое изображеніе *костюма* знатной южно-русской женщины начала XVII ст. Въ нашей литературѣ пока нельзя указать ни одного сочиненія по исторіи старинныхъ южнорусскихъ одеждъ и украшеній, и потому нарядъ Раины, какъ онъ изображенъ на портретѣ, нуждается въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ.

Изъ подъ черной бархатной «сукни» или платья, съ большимъ вырѣзомъ на груди, видна «*кошулька*»—родъ шемизетки изъ батиста, съ голубыми шелковыми прошивами, вся расшитая жемчугомъ и золотомъ. Поверхъ нея монисто изъ крупныхъ жемчужинъ («перель урианскихъ») и золотой крестикъ на такой же цѣпочкѣ; а ниже на груди, поверхъ платья, спускается длинная золотая цѣпь («ланцугъ»), украшенная крупными рубинами. Верхнее платье—это что-то въ родѣ кунтуша, очень своеобразнаго кроя, съ короткими рукавами и золотымъ шитьемъ въ видѣ каймы.

На головѣ княгини бѣлый кружевной «*чепецъ*», перевитый красными лентами. Онъ составлялъ необходимую принадлежность костюма замужней женщины со дня брака, когда онъ возлагался на ея голову съ извѣстными обрядами (обрѣзаніе косы). Въ XVI ст. «чепецъ» обыкновенно имѣлъ форму сѣтки, сплетенной изъ шелка и украшенной золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, какъ то можно видѣть, наприм., на портретѣ княгини Софіи Острожской; но въ XVII ст. его форма, матеріаль, цвѣтъ, способъ украшенія и проч. не были постоянными, а мѣнялись безпрестанно, по прихоти моды, законодателями которой въ то время для всей Европы служили Парижъ и Лондонъ. Поверхъ чепца надѣтъ бархатный, фіолетоваго цвѣта «*береть*» съ страусовыми перьями и золотою «запоною», украшенною драгоценными кам-

нями. Такой же «беретъ» мы видимъ и на портретъ княгини Острожской.

Наконецъ, еще одна подробность, уже не относящаяся къ костюму. Въ правой рукѣ Раина держитъ книжку, на лицевой сторонѣ которой надпись: «молитвословъ славянорусскій».

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень.

(Окончаніе) ¹⁾.

30.

Св. Николай.

Имя св. Николая весьма популярно въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ; въ честь этого святаго сложено нѣсколько духовныхъ стиховъ, весьма распространенныхъ въ народѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имя св. Николая по видимому приурочивается къ Кіеву. Такъ въ духовномъ стихѣ, записанномъ въ мѣстечкѣ Млѣвѣ, черкаскаго уѣзда, говорится:

Будь похвальны, святителю,
Мирнокіевскій учителю, св. Николай!
(Чуб., т. I, стр. 170).

Въ великорусской переработкѣ наиболѣе распространеннаго стиха «О хто, хто Миколая любить», записанной въ орловской губерніи, встрѣчаемъ тѣ же слова, но измѣненныя до потемненія смысла:

Будь похваленъ, святителю,
Между кіевскихъ въ пещеры,
Мирно во вѣки. (Безсон., Калѣки переходіе, т. III,
стр. 761).

Не трудно однако догадаться, что въ первомъ стихѣ слово: *мирнокіевскій* есть прямое искаженіе слова: *мирликійскій*, котораго не

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябр. кн., стр. 1—64.

могъ могъ осилить народный пѣвецъ, не знакомый съ географіею, а во второмъ искаженное слово разбито на два и поставлено въ двухъ отдѣльныхъ стихахъ.

Пріуроченіе св. Николая къ Кіеву могло находить основаніе въ его житіи, гдѣ, въ числѣ совершенныхъ имъ чудесъ, описываются два чуда, бывшія въ Кіевѣ.

Чудо первое. Двое кіевлянъ, мужъ и жена съ маленькимъ ребенкомъ, отправились однажды изъ Кіева въ Вышгородъ поклониться мощамъ свв. Бориса и Глѣба, въ день ихъ памяти. Возвращаясь домой по Днѣпру, жена уронила ребенка въ рѣку. Отецъ и мать обратились съ молитвой къ св. Николаю. Св. Николай взялъ дитя изъ воды и принесъ его въ палату, находившуюся при кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Церковный сторожъ нашель ребенка передъ образомъ св. Николая и передалъ его родителямъ ¹⁾. Старинное изображеніе этого чуда, писанное масляными красками на холстѣ, находится и нынѣ въ колокольнѣ кіево-софійскаго собора и съ любопытствомъ разсматривается богомольцами.

Другое чудо. Одинъ кіевлянинъ отпустилъ на волю плѣннаго половчанина, послѣ того какъ послѣдній поклялся именемъ св. Николая, что привезетъ выкупъ. Половчанинъ думалъ, что икона св. Николая, передъ которой онъ далъ обѣщаніе кіевлянину, ничего ему не сдѣлаетъ, если онъ и не выполнитъ обѣщанія. Св. Николай три раза напоминалъ половчанину о его обязательствѣ, а въ третій разъ сбросилъ половчанина съ коня, металъ, корчилъ и билъ его о землю. Половчанинъ отвезъ выкупъ кіевлянину.

Эти сказанія о чудесахъ св. Николая въ Кіевѣ возникли въ древности, до монгольскаго нашествія, и, можетъ быть, существованіе этихъ и другихъ подобныхъ мѣстныхъ кіевскихъ сказаній о святителѣ Николаѣ побудило кіевского митрополита Ефрема (1096—1098 г.) установить празднованіе перенесенія мощей св. Николая изъ Мѹра въ Баръ 9-го мая, празднованіе, существовавшее въ западной церкви и неизвѣстное на греческомъ востокѣ.

Народные рассказы и пѣсни упоминаютъ о св. Николаѣ, какъ соотрудникѣ апостоловъ и спутникѣ Иисуса Христа во время Его

¹⁾ Сказаніе объ этомъ чудѣ издано Калужняцкимъ въ „Обзорѣ слав.-рус. памяти.“, стр. 16—18, по рукописи львовскаго университета.

земныхъ странствованій по землѣ. Св. Николай участвуетъ въ обходахъ апостольскихъ (Драг., стр. 112). Сущестующее въ ушницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, повѣрье, что волки находятся подъ покровительствомъ св. Николая (Чуб., т. I, стр. 167), вышло, по-видимому, изъ превратно понятаго другаго, также народнаго разсказа. Св. Николай, сопутствуя Іисусу Христу и апостоламъ въ хожденіи по землѣ, старался, чтобы волкъ не съѣлъ коровы одной бѣдной вдовы. Богъ отдалъ волку рябую корову этой вдовы; но св. Николай, жалѣя вдову, опередилъ волка и вымазаль вдовину корову болотомъ, чтобы она казалась черной и волкъ не могъ бы съѣсть ее (Драг., стр. 112). На основаніи этого разсказа могъ возникнуть другой, противоположный. Св. Николай отдаетъ корову вдовы волкамъ за то, что вдова дѣлала убытки людямъ (Чуб., т. I, стр. 167). Въ большинствѣ случаевъ покровителемъ и повелителемъ волковъ считается св. Георгій, и св. Николай случайно замѣнилъ его въ немногихъ народныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе случайно, что въ самомъ житіи святителя нѣтъ рѣчи о волкахъ.

На основаніи житейнаго сказанія о св. Николаѣ и отпущенномъ на откупъ половчанинѣ сложился одинъ народный разсказъ, записанный И. И. Манжурой въ селѣ Благовѣщенкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Одинъ бѣдный мужикъ не могъ заплатить подушнаго. Призвали его въ «сборню», стали наказывать, бить, наконецъ привязали къ столбу. Еврей далъ ему денегъ, взявши съ него въ церкви передъ иконой св. Николая обѣщаніе, что онъ заплатитъ. Но мужикъ, разбогатѣвъ, не выполнилъ своего обѣщанія. Однажды въ полѣ, на дорогѣ, его настигъ фургонъ. Мужикъ свернулъ съ дороги, фургонъ за нимъ, такъ въ другой, въ третій разъ и дальше, наконецъ фургонъ наѣхалъ на мужика и переломаль ему ту руку, которою онъ бралъ у еврея деньги. Мужикъ отдалъ деньги еврею, и еврей принялъ христіанство (изъ рукоп. Сборника малоруск. пѣсень).

Житейное сказаніе о св. Николаѣ и Аріѣ получило среди малоруссовъ своеобразную переработку, съ приуроченіемъ св. Николая и Арія къ Кіеву, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи: «Вызывала печерська Божа Мати Миколая угодника та Арія свого собору у Къиви святити. Хто, каже, швидче

прибуде, той и посвятить. Отъ Миколай угодникъ избравсь та и поихавъ; въ дорози ставъ кони годувать, ажъ ось и Арій бижить и соби ставъ на тому постояльному. Миколай вже своихъ выгодувавъ и каже запрягать, а Арій баче, що Миколай рушати збирается, та веливъ своимъ слугамъ позрубувати у Миколаевыхъ коней головы. Ти пошли, та такъ и зробили. Отъ Миколаеви слуги вертаются, та и кажутъ, що щось поодрубовало головы конямъ. Пидить, каже, поприставляйте. Коли приставили, ажъ такъ и е, тильки билому коневи зъ вороного приставили, а вороному зъ билого, запрягли та и поихали. Арій и байдуже, все кормивъ, а дали и соби подавсь. Прибига, ажъ Миколай уже и святе церкву. Арій до слугъ: та мы, кажутъ, позрубували. Подививсь той на кони, бачить, у вороного коня била голова, а у билого ворона. Тоди Арій и ставъ вже Миколая за старшого почитать» (иръ рукоп. Сборника г. Манжуры).

Кромѣ Кіева, есть на югѣ Россіи еще одно мѣсто, съ которымъ связываются народные рассказы о св. Николаѣ,—это святогорскій монастырь (изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи), съ чудотворнымъ образомъ святителя, найденнымъ въ древности на столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, называвшійся раньше по имени св. Николая. Объ этомъ то храмѣ ходитъ въ народѣ любопытный рассказъ, что онъ вышелъ изъ воды, что три раза показывался подъ селомъ Богородичнымъ (въ 3-хъ верстахъ отъ Святыхъ Горъ) и все переходилъ съ мѣста на мѣсто, пока не сталъ въ Святыхъ Горахъ, что передъ страшнымъ судомъ онъ снова войдетъ въ воду вмѣстѣ съ людьми, которые на ту пору будутъ въ немъ и что тогда, какъ земля и все на ней сторить, не сторить одинъ этотъ храмъ съ оставшимися въ немъ людьми (изъ рукописн. Сборника И. И. Манжуры). По другому рассказу (Основа, 1862 г., т. VI, стр. 44) чудотворецъ Николай, что въ Святыхъ Горахъ, нерѣдко беретъ дитя у женщины, пришедшей на богомолье и носить его по-надъ Донцемъ и по-надъ лугомъ, а потомъ снова положить на руки той женщины.

Малорусскіе духовные стихи о св. Николаѣ большею частію сухи, съ явнымъ отпечаткомъ школы и схоластики. Въ нихъ въ общихъ чертахъ передаются главныя событія жизни св. Николая, преимущественно его чудеса. Попадаютъ слова книжныя, церковно-

славянскія и польскія, плохо понятыя народными пѣвцами. Наибольшей популярностью пользуется стихъ «Хто, хто Миколая любить», сравнительно съ другими стихами о св. Николаѣ простой и легкой. Стихъ этотъ встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ стихотвореній духовно-нравственнаго содержанія, напр. въ Кантичкѣ XVIII—XIX ст. ¹⁾. Изъ южной Руси этотъ стихъ проникъ въ Великороссію и даже въ Сербію ²⁾.

Въ колядкахъ встрѣчается любопытный поэтический мотивъ, какъ слѣдъ, придя къ крестьянину,

Святый Микола
 На конецъ стола,
 Пидперся мечемъ
 Пидъ правымъ плечемъ,
 Склонивъ головку,
 Вронивъ слизеньку.
 Де слеза кане,
 Тамъ Дунай стане (Чуб., т. III, стр. 344).

По другой колядкѣ

Конецъ престола сидитъ Микола,
 Ризами вкрывся, слизами умывся.
 (Чуб., т. III, стр. 307).

Въ галицкой пѣснѣ поется: «зъ той слизеньки ясна керничка» (Гол., т. II, стр. 40). Въ рѣкѣ Дунаѣ, вспикшемъ изъ слезы св. Николая, купается Исусъ; въ криницѣ пресв. Богородица бѣлить ризы.

Къ св. Николаю часто обращаются въ заговорахъ, напримѣръ: «святителю Миколаю, угодниче Божій, помомнику скорый! допоможи мени ласкою своею небесною вымовити и выговорити и соячницы, и веретильницы, и заспани, и наслани, и ранній, и пизній (Чуб., т. I, стр. 114).

31.

Св. Георгій.

Литературная исторія христіанской легенды о св. Георгіи изслѣдована проф. А. И. Кирпичниковымъ въ диссертациі: «Св.

¹⁾ *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, т. II, стр. 420.

²⁾ *Безсоновъ*, Калѣки переходжіе, т. III, стр. 762.

Георгій и Егорій храбрый» 1879 г. и акад. А. Н. Веселовскимъ въ обширной статьѣ «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», напечатанной въ 1 кн. 37 тома Записокъ Академіи Наукъ 1880 г. Можно сказать, что эти два изслѣдованія исчерпали содержаніе сказаній и пѣсенъ о св. Георгіи, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ, и другимъ ученымъ остается только ограничиваться отдѣльными замѣчаніями при нахожденіи вновь открываемыхъ рукописныхъ списковъ житія св. Георгія. Такъ И. В. Ягичъ, напечатавшій въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Архива слав. филологіи сербскій изводъ житія св. Георгія, ограничивается краткими комментаріями и отсылаетъ при этомъ читателя къ изслѣдованіямъ А. И. Кирпичникова и А. Н. Веселовскаго.

Сказанія, пѣсни и повѣрья о св. Георгіи распространены во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ особенности на Кавказѣ и въ Великороссіи. Въ Малороссіи св. Георгій входитъ изрѣдка въ народные рассказы и пѣсни, и только въ народныхъ повѣрьяхъ, преимущественно въ дневникѣ, св. Георгій занимаетъ видное мѣсто.

Образъ св. Георгія воина, поражающаго змѣя, отразился въ народной поэзіи въ представленіи св. Юрка въ видѣ козака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ (Весел., стр. 150). Въ галицко-русской колядкѣ:

Самъ святыи Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ.

(Голов., т. III, стр. 20).

Другое обычное представленіе св. Георгія въ малорусскихъ народныхъ рассказахъ въ видѣ старика. Въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, рассказываютъ, что одинъ путникъ, ѣхавшій наканунѣ Юрьева дня ночью подъ лѣсомъ, замѣтилъ въ лѣсу огонекъ. Онъ поѣхалъ на огонь и вскорѣ увидѣлъ человѣка, убѣленнаго сѣдинами; передъ нимъ горитъ свѣча, а вокругъ него волковъ видимо невидимо» (Чуб., т. I, стр. 171).

Во всей Россіи, въ частности въ Малороссіи, Юрій—покровитель животныхъ, въ особенности рогатаго скота (Чуб., т. I, стр. 51—52). Въ харьковской губ. народъ постигъ 23 апрѣля, «цѣлобъ Егорій скотину спасъ отъ звиря» (Харьковск. Сборникъ, вып. I, 1887 г., стр. 76). Въ особенную близость къ Юрію поставляются

волки: «Святый Юрій звиря пасе»; волкъ—«Юрова собака» (Номись, стр. 10). Юрій назначаетъ, какую крестьянскую корову сѣбѣсть волку (Чуб., т. II, стр. 7). На Юрьевъ день впервые выгоняють въ поле скоть, совершивъ моленія, иногда гонятъ его освященной вербой (Терец., бытъ рус. нар., т. VI, стр. 29). Подобнаго рода обычаи и повѣрья встрѣчаются у болгаръ, грековъ и кавказскихъ горцевъ (Веселов., Зап. Акад. н., т. 37. стр. 6 и др.).

Юрьевъ день не только пастушескій, но и земледѣльческій праздникъ, что объясняется сельско-хозяйственными условіями: около Юрева дня, во второй половинѣ апрѣля, крестьяне сѣють овесъ и гречку, и вообще это время есть начало, а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ. Праздникъ св. Георгія бываетъ весною, въ которой языческое міросозерцаніе издавна установило цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій; кое-что изъ языческой обрядности сохранилось до настоящаго времени, впрочемъ весьма немного, большая же часть связанныхъ съ весеннимъ Юріемъ повѣрій и обрядовъ имѣетъ чисто бытовой сельско-хозяйственный характеръ. Св. Георгій вошелъ въ разнообразныя религіозно-миѣческіе обряды. Такъ у галицкихъ гуцуловъ и подгорянь весной «палятъ Юрка», что соотвѣтствуетъ малорусскому обычаю сжигать весной символизирующее зиму чучело Марену или Мару (Весел., стр. 99); у малороссіянъ Юрій, какъ весеннее божество—громовникъ, отмыкаетъ небо и посылаетъ росу, а у чеховъ отмыкаетъ землю, чтобы трава росла (ib. стр. 97); въ великорусскихъ и малорусскихъ сѣвѣрьяхъ св. Георгій поставляется иногда въ связь съ явленіемъ грозы и сближается съ св. Ильей (ib. стр. 86). Въ малорусскомъ народномъ повѣрьѣ, записанномъ въ уицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, фазы луны происходятъ отъ того, что тамъ заслонка, которую Юрій постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ (Чуб., т. I, стр. 9). А. Н. Веселовскій указалъ на сходныя болгарское и польское повѣрья (стр. 931—133). Св. Георгій часто встрѣчается въ заклинаніяхъ, напримѣръ въ заговорѣ отъ волковъ: «Молюся Богу, Матери Божій, св. Георгію, хортивъ припынающему» (Ефим., стр. 48). Въ другомъ заговорѣ отъ волковъ: «засикаю отъ юрьевыхъ собакъ» (Ефим., стр. 50). Въ заговорѣ отъ бѣльма. «Ѣхавъ св. Юрій на воронныхъ коняхъ, на четырехъ колесахъ; кони разбѣглись; колеса раскотились по синему морю, по чистому полю» (Ефим., стр.

9). Въ заговорѣ отъ червей: «Ѣхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы» (Ефим., стр. 20).

32.

Св. Меланія.

Канунъ новаго года у малороссовъ называется «Меланкой», по имени преп. Меланія римлянки. Тоже и въ Галиціи; но у галицкихъ поляковъ день этотъ носитъ названіе Сильвестръ, по имени чествуемаго въ этотъ день латинской церковью папы Сильвестра (Kolberg, Rogacie, т. I, стр. 121). У русиновъ «Меланка» день обрядный и пѣсенный. Въ этотъ день одинъ какой либо парень, молодой, безъ растительности на лицѣ, одѣвается въ женскій костюмъ и называется Меланкой, другой называется Василькомъ, а третій Дѣдомъ. Последний подвѣшиваетъ искусственную бороду, усы, горбъ, опоясывается соломеннымъ поясомъ и къ боку привѣшиваетъ деревянную саблю. Эта веселая компанія въ сопровожденіи скрипача ходитъ по селу и щедруетъ подъ окнами. Домохозяева даютъ хлѣбъ мѣхоношѣ и бросаютъ мѣдныя деньги (крейцеры) въ передникъ Меланки. Если колядовщики ничего не получаютъ, то Дѣдъ вскакиваетъ въ хату, разливаетъ воду, опрокидываетъ горшки, корпаетъ печь и затѣмъ быстро убѣгаетъ подъ защиту товарищей. Любопытны мѣстныя галицкія особенности празднованія Меланки. Подъ Коломней парубокъ дѣлаетъ изъ дерева фигурки разныхъ животныхъ, преимущественно бычковъ, иногда солнце и мѣсяцъ, носитъ ихъ по домамъ, показываетъ дѣтямъ и получаетъ за то подарки отъ ихъ родителей; затѣмъ уже слѣдуетъ хожденіе Меланки, причѣмъ являются добавочныя маски, цыганъ, коза, жандармъ и жолнѣръ. Меланка входитъ иногда въ хату, выметаетъ ее, моетъ полы и шутки ради исполняетъ другія женскія домашнія обязанности. Обычай «Меланки» огрубѣлъ и сталъ падать. Меланка и ея спутники, въ особенности Дѣдъ, стали красть, и потому полиція стала преслѣдовать этотъ выродившійся обычай (Kolberg, т. I, стр. 121—129). Съ хожденіемъ Меланки иногда связывается глубоко древній обычай таскать плугъ по хатамъ, образное паханіе и разбрасываніе хлѣбныхъ зеренъ (Голов., т. III, стр. 145). Обрядъ Меланки живеть еще на Подиѣстровѣ; въ остальной Малороссіи обрядъ этотъ,

повидимому, не встрѣчается, но пекутся блины, поются щедривки, сходныя съ тѣми, которыя поются въ Галиціи. Великорусскія повѣрья и пѣсни не знаютъ Меланки. А. Н. Веселовскій, высказывая предположеніе, что галицкія пѣсни о Меланкѣ и самый обрядъ захожія, сближаетъ Меланку съ западно-европейской Бертой. «Берта, олицетвореніе рождественскаго цикла, обходитъ людей въ дни, посвященные ея чествованію и требуетъ ихъ соблюденія; не то она наказываетъ непослушныхъ, оскверняя пряжу работницъ, грозя работнику, у котораго пахатный снарядъ не въ порядкѣ, какъ въ галицкомъ обрядѣ Меланка производитъ беспорядокъ въ хозяйствѣ, мотивированный ея неумѣлостью. Что хозяйки (въ Галиціи) прячутъ отъ нея посуду, вѣники и т. д., это отвѣчаетъ требованію Берты въ нѣмецкихъ преданіяхъ о ней, чтобы все было прибрано. Плугъ также является въ окруженіи Берты, какъ въ обрядѣ на Меланку. Первая представляется то милующей, то карающей, то свѣтлой, то черной; иногда ее замѣняетъ въ разсказахъ Богородица, и нѣмецкіе изслѣдователи указывали на параллелизмъ между представленіями *Schwarze Bertha* и черными византійскими изображеніями св. Дѣвы. Меланія является новымъ и болѣе вѣскимъ мотивомъ такого сближенія: Меланія означаетъ черная; она—*Schwarze Bertha*; обѣ привязаны къ одному и тому же праздничному циклу» (Зап. Акад. Наукъ, т. 37, кн. 2, стр. 196). Всѣ эти сопоставленія мало убѣдительны, и я не нахожу достаточнаго повода для сближенія Меланки съ Бертой ни въ обрядности, ни въ названіи Меланки. Я думаю, что Меланка явилась, какъ дополненіе къ св. Василию, чествуемому перваго января, подобно тому, какъ въ Велико-россіи Аграфена Купальница является при Иванѣ Купалѣ, причемъ ближайшимъ поводомъ было самое имя Меланіи, но только не въ греческомъ его значеніи, котораго простой малорусскій народъ не знаетъ, а въ народномъ украинскомъ, отъ слова милая, въ значеніи хорошая, красивая. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы постоянно встрѣчаемъ Меланку, при томъ въ такихъ характерныхъ сочетаніяхъ съ именемъ Василія и съ такими характерными эпитетами:

Красная Меланка,
Еще крашшій Васильчикъ

—

Красная Меланка
 Качури пасла,
 Докъ не стало вечерѣти,
 Зоря не згасла;
 Качурича загубила,
 Шукаючи зблудыла,
 Выблудыла въ чисте поле,
 Тамъ ии Васильчикъ оре.

—

Чесна, красна Меланка,
 А ще крашшій Василько.
 Ой, Васильку, Васильку,
 Чи любишъ ты Маланку?
 (Голов., т. III, стр. 144—140).

—

Ой, черчику Васильчику,
 Чи любишъ ты нашу Маланочку?
 Люде идуць на жниву,
 А Маланка зъ Васылемъ до корчмы на пиво;
 Люде нажали по сто кипъ,
 А Маланка зъ Васылемъ лишъ одинъ снипъ
 (Kolberg, т. I, стр. 123).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ дней, по сопредѣльности ихъ, съ именами святого и святой, и перенесеніе этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ праздничнаго рождественскаго цикла.

33.

Листъ небесный, или Эпистолия о недѣль.

Въ Журналѣ министер. народ. просвѣщенія 1876 г. А. Н. Веселовскій подробно изложилъ внѣшнюю исторію воскреснаго культга, привелъ цѣлый рядъ легендъ, вызванныхъ этимъ культомъ и подробно разсмотрѣлъ редакціи апокрифическаго «Письма съ неба» или «Эпистолии о недѣль», преимущественно западно-европейскія. Отсылая читателя къ этому цѣнному изслѣдованію, я останавлиюсь только на южнорусскихъ сказаніяхъ о недѣль сравни-

тельно съ извѣстными въ печати сѣвернорусскими и польскимъ текстомъ въ «Лѣтописцѣ» Ерлича.

Древнѣйшее положительное свидѣтельство объ эпистолиі относится къ концу VI вѣка. Около 584 г. кареагенскій епископъ Лициніанъ упрекалъ въ письмѣ другаго епископа въ излишней довѣрчивости къ отреченному письму. Затѣмъ упоминанія объ эпистолиі встрѣчаются VIII вѣкѣ, въ XII, XIII уже часто.

«Листъ небесный» одинъ изъ самыхъ популярныхъ апокрифовъ въ Россіи, встрѣчается во многихъ народныхъ разсказахъ и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Апокрифъ этотъ изданъ во 2 т. «Памят. рус. литер.» А. Н. Пыпина по новымъ спискамъ и во 2 т. «Памят. рус. отреч. литер.» Тихонравова по рукописи XVI ст. Г. Франко въ № 9 «Зари» 1886 г. издалъ въ значительной степени отличную южнорусскую редакцію апокрифа, взявъ ее изъ Дрогобицкаго рукописнаго сборника половины XVIII ст. Апокрифъ о недѣлѣ множество разъ переписывался, и между отдѣльными списками обнаруживается различіе по величинѣ и по содержанію. Южнорусская редакція отличается краткостью и сжатостью, сравнительно съ напечатанными у Пыпина и Тихонравова. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Листъ небесный—посланіе Иисуса Христа съ неба, которое іерусалимскій патріархъ нашель въ церкви на престолѣ. Патріархъ отправилъ это посланіе въ Римъ къ папѣ, а папа къ польскому королю Сигизмунду, чтобы послѣдній сдѣлалъ это посланіе извѣстнымъ въ разныхъ странахъ. Посланіе, написанное золотыми литерами, гласитъ: «Я правдивый Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, той листъ написалъ, а тотъ листъ такую мощь маеть, гди его кто читаетъ албо съ нильностью слухаетъ, тому чловѣку сто дній отпущеніе грѣховъ будетъ, и которая невѣста беременная, а тотъ листъ при собѣ носити будетъ, то легко отроча породить, а въ которомъ дому той листъ будетъ, въ томъ дому нѣчо злого шкودити не будетъ, а ни огнь, ани чары, ани иншіи речи шкودити не можутьъ»; затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько обѣщаній благъ за храненіе и чтеніе листа небеснаго, обѣщаній, повторяющихся и въ другихъ апокрифахъ заклинательнаго свойства, напр. во «Свѣ пресв. Богородицы». Суть разсматриваемаго апокрифа заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Глаголетъ Иисусъ Христосъ: приказую вамъ и объявляю, мощію Бовства своего, абысте

день недѣльный святили и жадныхъ работъ не робили, ани корѣня въ городахъ своихъ не копали и на пожитокъ свой не обертали; тое вамъ приказую, же бысте съ жидами добровольне не ѣли и не пили, ижъ я правдивый Сынъ Божій той листъ написалъ, а бысте ся добре справовали на томъ свѣтѣ и тому листу вѣрили... Приказую вамъ во вечеръ суботній поперестати отъ всякихъ работъ, для поцтвности Матки моеи; бо гды бы Матка моя до Бога Отца моего не молила ся, давно бысте погинули. Про то въ недѣлю каждый человекъ маеть ити до церкви на молитву, старіи и молодіи, зъ офбрами, розмышляючи о грѣсехъ своихъ, а если то для поцтвности Матки моеи чинити не будете, буду васъ карати голодомъ и войною строгою, напущу на васъ пружи поганые, которые працю ващу поядятъ... А не хотѣли бысте ся покаяти, то большимъ караніемъ буду васъ карати: побужу короля на короля, мѣсто на мѣсто, пана на пана, одинъ на другого, отца на сына, брата на брата, дщерь на мать свою, невѣстку на свекруху свою и кровопролитіе будетъ и ненависть межи вами будетъ, а если и по томъ караню не покаетесь..., то перепущу на васъ птахи черныя, сромливныя, которые прилетаючи будутъ васъ кусати, же и единъ отъ васъ скрыется, и отъ тихъ птаховъ злое повѣтріе начнется, а гды не покаетесь, еще буду васъ карати голодомъ, и нестерпивымъ моромъ, и блискавицею, и градомъ огненнымъ и иными карностями»...

Сравнивая дрогобицкую редакцію апокрифа съ редакціями, изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ, мы находимъ, что въ южно-русскомъ изводѣ угрозы значительно сокращены и упрощены и совсѣмъ выпущено перечисленіе событій ветхозавѣтной исторіи, совершившихся будто бы въ воскресный день. Затѣмъ южнорусская редакція «Сказанія о недѣли» заключаетъ въ себѣ требованіе почитанія только воскреснаго дня, а великорусскія, кромѣ воскресенья, еще среды и пятницы, что съ особенной отчетливостью сказывается у г. Тихонравова въ слѣдующемъ мѣстѣ апокрифа: «Чтите святую недѣлю, среду и пятокъ; тѣми бо тремя днями земля стоитъ» (т. II, стр. 316). Кромѣ того, въ галицко-русской редакціи нѣтъ проклятія по адресу тѣхъ, кто усумнится въ небесномъ происхожденіи эпистоліи о недѣлѣ.

Дрогобицкая редакція апокрифа проникла въ южную Русь, должно быть, изъ Польши. Она обнаруживаетъ большое сходство съ польскимъ текстомъ «Листа небеснаго», находящимся въ хроникѣ Іоахима Ерлича половины XVII ст. (перепечат. въ 184 г. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., стр. 102—103). Сходство настолько значительно, почти буквально, что дрогобицкій «Листъ небесный» можно считать повтореніемъ листа Ерлича, съ небольшими измѣненіями въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. По замѣчанію же А. Н. Веселовскаго, «подробности польскаго пересказа не только указываютъ на его западный оригиналъ, но и открываютъ въ этомъ оригиналѣ особую разновидность древней эпистоли, въ которой дѣйствующими лицами являлись папа Левъ III и Карлъ Великій» (т. 184, стр. 103). Западно-европейское, а не византійское происхожденіе дрогобицкаго текста видно далѣе изъ того, что здѣсь не упоминается среда, почитаніе которой отмѣнено было для западной церкви около 300 года на Элиберійскомъ соборѣ и замѣнено почитаніемъ субботы. Въ западныхъ редакціяхъ эпистоли соблюденіе среды не внушается вѣрующимъ, въ русскихъ это постоянная черта, отличающая вѣроятно и византійскіе пересказы» (Журн. мин. нар. просв. 1877 г., т. 191, стр. 122).

Эпистолія о недѣлѣ оказала вліяніе на народную словесность. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ «Богъ Недили подарувавъ цей день и сказавъ: «гляди, щобъ люде не робили». Съ початку, кажуть, люде робили и въ недилю, але дуже давно, а теперъ вже не роблять и въ суботу въ вечери, якъ сонце зайде; бо свята недиленька накаже такъ, що Господи!» (Чуб., т. II, стр. 432). Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчается народный разсказъ, что одна молодлица пряха въ воскресенье. Въ хату вошла неизвѣстная женщина, «така хороша, якъ сонечко святее, червона, та ясна», пообрѣзывала на рукахъ пряхи кожу и повѣсила ее на прялку (Чуб., т. II, стр. 433). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» въ фельетонѣ «Изъ Волини» напечатанъ волинскій разсказъ о Недѣлѣ, въ вольной литературной передачѣ корреспондента. Суть его въ томъ, что одному крестьянину, ѣхавшему въ воскресный день изъ города въ село, встрѣтилась какая-то женщина, предлагавшая ему покормить лошадей сѣномъ, которое она указала подъ кустомъ, называя это сѣно Божіимъ, а себя посредницею

между Богомъ и людьми, дающею послѣднимъ все необходимое. Подъ конецъ разговора женщина на вопросъ крестьянина объ ней назвала себя святою «Недилею» и, показавъ скрытое подъ вуалью лице, изрытое глубокими язвами, пояснила, что это раны, нанесенныя ей людьми, не почитающими ее, работающими, пьянствующими и безчинствующими въ день, ей посвященный, и т. д.

Воскресный культъ выразился также въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ исторической пѣснѣ о плѣнѣ и ослѣпленіи Коваленка татарами:

Ой въ недилю рано—пораненько
Тай избиравъ женцивъ Коваленко...
Ой повивъ женцивъ доломъ долиною
А на тую пшеныченьку на озимую.

Пошелъ Коваленко обѣдать; въ это время ворвались татары, схватили Коваленка, связали и ослѣпили его. Коваленко говорить:

Десь же мене та Господь покаравъ,
Що я въ недилю женци позбиравъ,
У недилю до схидъ сонця поснидати давъ.
Ой десь мене Господь Богъ не простивъ,
Що я у недилю серпы позубивъ.

Въ вариантахъ Коваленко просить Бога:

Дай же ми, Боже, недѣли диждати,—
Буду я знати, якъ святковати.

(Ант. и Драг., Ист. пѣс. т. I, стр. 79—93).

Воскресный культъ выразился также въ приведенной уже нами однажды галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте, дѣвойки». Здѣсь свѣтлое солнце жалуется Богу, что люди въ воскресный день работаютъ: мужики дрова рубятъ, дѣвушки косу чешутъ (Голов., т. II, стр. 243).

Такъ какъ малорусскія сказанія записаны большею частью въ Галиціи и на Волыни, въ областяхъ, гдѣ нѣмецкая колонизація издавна свила себѣ гнѣздо и послѣднее время сильно развилась, и такъ какъ въ малорусскихъ сказаніяхъ Недѣля обнаруживаетъ сходство съ западно-европейской сказочной Бертой, то можно было бы

предположить вліяніе западныхъ сказаній о Бергѣ, которая, подобно малорусской Недѣлѣ, обходитъ дома въ дни, посвященные ея чествованію, и наказываетъ тѣхъ, кто работаетъ, особенно пряхъ. Предположеніе это однако представляется ненужнымъ, такъ какъ малорусскія народныя сказанія о Недѣлѣ находятъ достаточное объясненіе въ Эпистоліи о недѣлѣ или Листѣ небесномъ и затѣмъ въ значительной степени опираются на этимологическое значеніе самого слова Недѣля отъ слова не дѣлать, какъ олицетвореніе праздничнаго досуга.

34—35.

Сказанія о пятницѣ и сказанія о двѣнадцати пятницахъ.

Почитаніе пятницы идетъ изстари. Въ «Жизни Константина», сочиненіи епископа кесарійскаго Евсевія Памфила († 340), уже внушается соблюденіе пятницы (Журн. минист. нар. просв. 1876 г., т. 185, стр. 326). Христіанское уваженіе къ пятницѣ, какъ дню, освященному воспоминаніемъ о смерти Спасителя, осложнилось и развилось подъ вліяніемъ неугасшихъ языческихъ представленій о пятницѣ, какъ о днѣ, посвященномъ богинѣ весны и плодородія. Въ Россіи почитаніе пятницы отразилось въ обрядахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ Аванасьевъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи зола, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ». (Поэт. возвр. слав., т. I, стр. 231). Почитаніе пятницы не ограничилось общимъ характеромъ воздержанія отъ работы въ этотъ день, но развилось подъ вліяніемъ зашедшихъ изъ чужихъ странъ литературныхъ сказаній о 12 пятницахъ въ почитаніе временныхъ или именныхъ пятницъ, приходящихся передъ большими годовыми праздниками, а въ Великороссіи, по бытовому развитію обычая, выразилось въ формѣ обѣтныхъ пятницъ, когда по случаю какихъ-либо несчастій даютъ обѣтъ постить и праздновать пятницы. Важнымъ значеніемъ народныхъ сказаній и повѣрій о пятницѣ обусловлено появленіе цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій по этому предмету, изъ коихъ мы здѣсь сошлемся на статью гг. Порфирьева въ «Правосл. Собесѣд.» 1859 г., Некрасова въ «Филол. Зап.» 1870 г. и А. Веселовскаго въ Журн. минист. народ.

просв. 1876 г., причемъ особенно цѣннымъ является обширное изслѣдованіе г. Веселовскаго. Не имѣя желанія отклоняться въ сторону отъ предмета изслѣдованія—южно-русскихъ сказаній и пѣсень, я остановлюсь только на украинскихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ о пятницѣ.

Въ XI ст. преп. Θεодосій печерскій писалъ къ великому князю Изяславу: «аще кто отречеся въ среду или въ пятницу мясъ не ясти, добро, вельми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю; но святіи апостоли; тако бо законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ среду и въ пятницу... въ среду бо жидове совѣтъ сотвориша на Иисуса и въ пятокъ распяша Господа». Это древнѣйшее въ южной Руси внушеніе о соблюденіи пятницы пало на добрую почву. Уваженіе къ пятницѣ въ народѣ съ теченіемъ времени росло; въ частности укрѣплялась идея о необходимости поста въ пятницу, особенно развившаяся въ сѣверной Руси. Въ Духовномъ Регламентѣ, составленномъ Θεофаномъ Прокоповичемъ, родившимся и проведеннымъ молодость въ Малороссіи, говорится: «Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы». Обыкновеніе водить торжественно женщину или дѣвушку подъ тѣмъ или другимъ названіемъ несомнѣнно языческое. Оно въ разныхъ видоизмѣненіяхъ встрѣчалось и теперь еще встрѣчается у славянскихъ народовъ, великоруссовъ, болгаръ, сербовъ. Подобнаго рода обыкновеніе, по свидѣтельству Стоглава, встрѣчалось въ Великороссіи въ XVI ст. У сербовъ и болгаръ водятъ Додолу или Дюдюлю. Появленіе въ роли странствующей женщины Пятницы доказываетъ ея важную роль въ народномъ міровоззрѣніи.

Свидѣтельство Θεофана Прокоповича о культѣ пятницы въ Малороссіи находитъ фактическое подтвержденіе въ одномъ оффициальномъ дѣлѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, извлеченномъ изъ архива полтавскаго губернскаго правленія г. Бакаемъ и напечатанномъ имъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., т. XII, стр. 845—747, подъ заглавіемъ «Городничій и св. Пятница». Такъ какъ въ этомъ «дѣлѣ» обнаруживаются весьма характерныя вѣрованія о пятницѣ, то мы здѣсь повторимъ въ короткихъ словахъ любо-

пытную замѣтку г. Бакаѣ». Во время первой холеры въ 1831 г. среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на полѣ во ржи въ образѣ женщины явилась св. Пятница въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами (у Теофана Прокоповича пятница—простовласая). Повалили народъ смотрѣть св. Пятницу; пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Разростаясь, молва добавляла, что городничій поѣхалъ, и Пятница сказала ему: «смотри городничій, вотъ жито прекрасное, да некому будетъ его жать! Не чтуть меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать, а то и тебѣ не избѣжать смерти». Городничій увѣщевалъ жителей не вѣрить этому нелѣпому слуху: но слухъ разростался, и въ ближайшую пятницу явилось опасное къ нему дополненіе, что десятскіе по приказу городничаго бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу. Опасаясь народнаго волненія, городничій доноситъ полтавскому губернатору о всемъ случившемся и проситъ у него надлежащихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ городничему, во первыхъ, просить помѣщиковъ дать при полиціи по 20 розокъ крестьянамъ, виновнымъ въ распусканіи слуховъ о явленіи Пятницы и, во вторыхъ, просить золотононскаго протоіерея распорядиться, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя». Крестьянъ не сѣкли, частью по случаю горячей рабочей поры, частью, должно быть, потому, что сами помѣщики вѣрили этому слуху. Священники сказали надлежація проповѣди; но слухъ о явленіи св. Пятницы прекратился лишь постепенно, съ прекращеніемъ холеры. Такъ проглянуло, говоритъ г. Бакаѣ, въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія; она помѣщается въ расгущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, что хлѣба некому будетъ жать, такъ какъ за непочтеніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ».

Народныя сказанія о Пятницѣ сходны, а иногда тождественны съ сказаніями о Недѣлѣ. Св. Пятница, какъ и Недѣля, ходитъ по хатамъ и наказываетъ работниковъ и особенно пряхъ. Она бросила однажды въ окно цѣлый пучекъ веретенъ и приказала прядущей дѣвушкѣ запрясть ихъ въ одну ночь. Дѣвушка схитрила; она на-

мотала на одно веретено нитку, на другое нитку, намотала такъ на всё, выбросила ихъ за окно и затворила двери и окно плотно («Кіев. Стар.» 1885 г., т. IX, стр. 187). Въ другомъ мѣстѣ Пятница обрѣзала кожу на пальцахъ пряжи и повѣсила эту кожу на прялку. Иногда она корчитъ пальцы пряхамъ (Чуб., т. I, стр. 217). Подобнаго рода отношеніе къ пряхамъ обнаруживаетъ въ западно-европейскихъ сказаніяхъ Берта. Запретъ пряжи вездѣ является существенной чертой сказанія или повѣрья, запретъ, обусловленный тѣмъ, что пряжа въ народной словесности служитъ символомъ домашняго женскаго труда. Пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на смерть. Такъ, въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила одному крестьянину возможность жить въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ (Чуб., т. II, стр. 428). Здѣсь мы должны указать на одинъ духовный стихъ въ рукописномъ сборникѣ И. И. Манжуры, «Стихъ Пятницы», повторяющій духовный стихъ Остапа Вересая про «Пустельника и Пятницу» (стр. 32) и представляющій простой пересказъ на малорусскомъ языкѣ великорусскаго духовнаго стиха, напечатаннаго въ 13 вариантахъ въ «Калѣкахъ переходжихъ» Безсонова, т. XI, стр. 160—174. Очень сходные варианты этого стиха записаны въ новгородской, пермской, тверской, олонцкой, симбирской, псковской, орловской и рязанской губерніяхъ. Малорусское переложеніе гласитъ:

А въ пустыни трудовникъ трудился,
 Не влада ни руками, ни ногами,
 А ёму во снѣ Пятинка явилась.
 Хрестомъ ёго оградила,
 Свечею освѣтила,
 Словесами ёго огласила,
 И во снѣ ёго испросила:
 А вставай, рабе божій, чоловиче,
 Пиды, рабе божій, по всимъ свиту,
 Закажи, рабе, всимъ женамъ,
 Щобъ у пятницю пыломъ не пылили,
 А въ субботу платя не золили,
 Въ воскресный день въ церковь ходили,
 Богу свичу становили,

И на святы церкви покладали,
 Нищюю братію награждали.
 Молитеси Богу со слезами,
 Низкіи поклоны склоняйте,
 Божіи молитвы сотворяйте,
 А братья брата почитайте,
 Сестра сестры не попижайте,
 Отець-мати дитей не кляните,
 А жидами-врагами не зовите.
 Бо жида не вирныи...

Далѣе слѣдуетъ еще нѣсколько стиховъ, вырванныхъ изъ духовнаго стиха, какъ жида Христа мучили. Начало стиха, гдѣ говорится о безногомъ «трудовникѣ», возникло подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ въ Великороссіи, и уже отсюда проникло въ малорусское населеніе. Гораздо полнѣе и точнѣе былевой эпизодъ о дѣтствѣ Ильи и полученіи имъ силы отъ калѣкъ переходящихъ переданъ въ малорусскомъ народномъ разсказѣ объ Ильѣ пророкѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Разсказъ этотъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ-кровосмѣсителѣ. Последнее сказаніе имѣетъ довольно обширную научную литературу (см. Драгом., Малор. народ. преданія, стр. 131). Мы приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ объ Ильѣ пророкѣ, во первыхъ, по новизнѣ его первой части, и во вторыхъ по историко-литературному интересу второй его части, какъ вариантъ широко распространеннаго сказанія о кровосмѣсителѣ:

«Илья пророкъ тридцать симъ годъ живъ у батька и въ матери; та такъ ёму було, шо руки та ноги позростались и не можна ёму було встати, або питы куды. Отъ якъ вышло ёму тридцать симъ годъ, приходятъ до ёго Богъ та св. Петро, а батько та мати десь на ниви жали, та й кажуть ёму: устань! Та я бѣ и уставъ, такъ не можу.—Пидводься.—Ставь винъ пидводьтись—ноги окриплы. Пидійми руки.—Пиднявъ винъ руки у гору, вони и розигнулись. Ну, теперъ принеси намъ напиться.—Винъ пишовъ принись.—Пий, кажуть.—Винъ напився.—А шо, теперъ чуешь силу?—Чую, каже.—Яку?—Та увесь свить бы повернувъ.—Ну, буде съ тебе и третини, иди, батькови помагай.—Отъ Богъ та св. Петро пишли соби дали,

а Илья пророкъ пишовъ до батька на ниву. Та йде писками, а дубы таки страшени стоять, то винъ ихъ и валя, а батько та мати якъ побачили—то, кажуть, нашъ Илья пророка иде, та зъ ляку и повмирали, а Илья пишовъ у розбойники и стильки вишь народу перебивъ, що и счету нема; а разъ убивъ чоловика за пять копіёкъ, та такъ ёму стало, що пишовъ каяться.—Приходе до попа.—Наложу покуту.—Бий, каже, поклоны, а шо людей ризавъ, то ничего, бо и на вйни рижуть ще бильшь.—Винъ взявъ та того попа й убивъ. Пишовъ до другого, и другой такій-жь; винъ и того вбивъ. Пишовъ до третёго, такъ той взявъ его та у лёхъ и заперъ. Пидешъ ты, каже, тутъ водою ажъ у Русалимъ. Якъ заперъ тай ключики у море закинувъ. Отъ разъ невидныки ловили рыбу, та й піймали щуку, распустили кишки, ажъ тамъ ключи, понесли до попа—той изгадавъ, шо у ёго десъ сидить на покути Илія пророкъ. Отбили ляду, а винъ вже вмеръ та сидить, якъ живый и письмо въ рукахъ держе. Теперь ёго мощи у Києви—кажуть и порода друга, не така, якъ теперь, лежить—тільки не забалака».

Духовный стихъ «А въ пустыни трудовникъ трудився» заимствованъ недавно, что обнаруживается въ слабости стиха. Вполнѣ мѣстной и своеобразной является галицко-русская пѣсня:

Эй скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свить освичати,
Бо зли газдыни понаставала,
Въ пятонку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали...

(Голов., т. II, стр. 243).

Здѣсь Пятница, согласно съ общимъ складомъ народныхъ суевѣрій, жалуется на женщинъ, на домохозяекъ; какъ извѣстно, женщины въ особенности внимательно соблюдаютъ пятницкіе праздники и посты, и потому всякое уклоненіе ихъ въ сторону отъ освященнаго вѣками обычая уже вызываетъ неудовольствіе, жалобы и мщеніе со стороны Пятницы.

Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ апокрифическихъ сказаній, которыя составились на Востокѣ еще въ первые вѣка христіанства и получили широкое распространеніе на католическомъ западѣ и среди православныхъ славянъ, причемъ древнѣйшіе списки сказанія о 12 пятницахъ, французскій и сербскій, относятся къ XIV ст. А. Н. Веселовскій въ IV ч. Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды, въ 185 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., раздѣляетъ сказанія о 12 пятницахъ на двѣ редакціи: Элеверьевскую, извѣстную только по славянскимъ рукописямъ, и Климентовскую, извѣстную по европейскимъ и русскимъ рукописямъ и по русскимъ духовнымъ стихамъ. Разница между этими редакціями обусловливается различнымъ распредѣленіемъ чтимыхъ пятницъ по большимъ праздникамъ, причемъ въ элеверьевской группѣ сказаній преобладаютъ воспоминанія ветхозавѣтныя, а въ климентовской группѣ новозавѣтныя. «Русскія редакціи Климентовскаго сказанія, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распредѣленныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ съ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года». Такъ, первая мартовская пятница соединялась съ памятью объ убійствѣ Авеля, и вотъ соблюдающимъ ее обѣщано сохраненіе отъ напраснаго убійства; ильинская пятница (6, иногда 7, либо 8) сопровождается обѣщаніемъ охранить человѣка, соблюдающаго ее, отъ огня, пламени и грома, и пр. Частіе эти особенности означаются въ сказаніяхъ о каждой изъ 12 пятницъ, а такихъ сказаній извѣстно въ печати три: одно напечатано въ «Общерусскомъ Дневникѣ» Петрушевича (Львовъ, 1865 года), другое, записанное въ подольской губерніи Степ. Руданскимъ, напечатано въ «Малороссійскихъ народ. преданіяхъ» Драгоманова, стр. 144—145, третье записанное въ черниговской губерніи отъ кобзаря Павла Братыци, издано во 2 т. Записокъ Юго-Зап. отд. геогр. общ., стр. 116—118. Распредѣленіе и значеніе пятницъ въ этихъ редакціяхъ сказанія различно, а именно:

Первая пятница на первой недѣлѣ великаго поста (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: человекъ не будетъ убогимъ (Руд.); будетъ сохраненъ отъ «скверности и близности» (Бр.). Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ въ «Калѣкахъ», т. VI, стр. 132 и др.

Вторая пятница передъ Благовѣщеніемъ (Брат. и Петруш.); Свѣтлымъ Воскресеніемъ (Руд.). Награда—огражденіе отъ скоропостижной смерти. Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ, въ «Калѣкахъ», т. VI, стр. 134 и др.

Третья страстная (Петруш. и Брат.); вознесенская (Руд.). Награда: «не буде смутку мати» (Руд.); избѣгнетъ неправого суда (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: сохраненъ будетъ отъ непріятеля и кровопролитія.

Четвертая георгіевская, святодуховская или вознесенская (Петруш.), вознесенская (Брат.), троицкая (Руд.). Награда: не утонетъ (Руд.), сохраненъ будетъ отъ «сумертвленія» (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ потопленія.

Пятая святодуховская (Петруш. и Брат.), петро-павловская (Руд.). Награда: избавленіе отъ напасти (Руд.), потопа (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ—отъ меча, лѣснаго заблужденія, скорпійнаго змія, зубной боли, лихорадки, смерти непокаянной, потопа, плѣна (Безсон., т. VI, стр. 129—160)

Шестая передъ Петровымъ днемъ или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (Петруш.), ильинская (Брат.), спасовская (Руд.). Награда: сохраненіе отъ грома (Брат.); «въ грѣхахъ смертельныхъ не умре» (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ огня, пожара и грома.

Седьмая успенская или ильинская (Петруш.); успенская (Брат. и Руд.). Награда: охраненіе отъ лихорадки (Брат.); увидитъ передъ смертью пресв. Богородицу (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ бѣдности, разбойниковъ, потопа, лихорадки, всѣхъ грѣховъ.

Восьмая передъ Усѣкновеніемъ Главы Іоанна Крестителя (Петруш. и Брат.), успенская (Петруш.), или передъ Рождествомъ пресв. Богородицы (Руд.). Награда: охрана отъ враговъ и меча. Въ великорусскихъ стихахъ: лихорадки, нужды, печали, бѣдности.

Девятая воздвиженская или козьмо-демьянская (Петруш. Руд. и Брат.). Награда: не будетъ муки (Руд.), охрана въ дорогѣ (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ боли головной и зубной.

Десятая по Воздвиженіи или предъ архангеломъ Михайломъ (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: охрана отъ звѣря (Брат.), избавленіе отъ грѣховъ (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: передъ смертью узрѣть Богородицу, избѣгнетъ отъ скоропостижной смерти звѣря.

Одиннадцатая передъ Андреевымъ днемъ или передъ Рождествомъ Христовымъ (Петруш. и Брат.), покровская (Руд.). Награда: въ книгу небесную запишутъ (Руд.), избавленіе отъ напасти (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: охраненъ будетъ отъ знобленой смерти отъ морозу, узрѣть Богородицу.

Двѣнадцатая по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ (Петруш., Брат. и Руд.). Награда: охрана отъ вѣтра и лютыхъ морозовъ (Брат.); Господь возьметъ душу на небо (Руд.). Тоже и въ великорусскихъ стихахъ.

Сравнительный обзоръ великорусскихъ и малорусскихъ духовныхъ стиховъ о 12 пятницахъ обнаруживаетъ большое между ними сходство, почти тождественность, и съ значительной долей вѣроятности можно сказать, что въ Малороссіи повторяются великорусскіе духовные стихи о 12 пятницахъ, при отсутствіи мѣстныхъ и своеобразныхъ. По крайней мѣрѣ, можно положительно утверждать, что псалма про 12 пятницъ Павла Братыци зашла на югъ изъ сѣверной Россіи, такъ какъ самый языкъ псалмы мѣстами, особенно въ концѣ, сохраняетъ вполне великорусскій складъ, напримѣръ:

Встаньте вы, братья, да и послушайте,
 Приходите вы, братья, ко святой церкви,
 Создавайте вы милостыню неосужденную, незговоренную;
 Зговорена милостыня не польза души.

Въ великорусскомъ вариантѣ стиха, записанномъ въ орловской губерніи, читаемъ:

Друзья-братія, подавайте милостыню незаговоренную,
 Незаговорную и незаклеветенную

(«Калѣки переходіе» т. VI, стр. 143).

Псалма Братыци оканчивается словами, что изъ ребенка, зачатого въ одну изъ перечисленныхъ пятницъ, выйдетъ воръ и разбойникъ. Слова эти повторяются въ десяти вариантахъ великорус-

скаго духовнаго стиха о 12 пятницахъ, изъ общаго числа 12 парантовъ, напечатанныхъ въ VI вып. «Калѣкъ переходжикъ».

36—38.

Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай.

Въ числѣ древнихъ апокрифовъ встрѣчается «Хожденіе ап. Павла по мукамъ», иначе называемое «Откровеніе апост. Павла», «Слово о видѣніи апост. Павла» или просто «Видѣніе апост. Павла». Апокрифъ этотъ былъ уже сильно распространенъ въ IV вѣкѣ. Въ средніе вѣка онъ пользовался большой популярностью. Ближайшее сходство съ «Павловымъ видѣніемъ» имѣетъ «Видѣніе Филиберта» X в. Данте говоритъ о сошествіи апост. Павла въ адъ во второй пѣснѣ «Божественной Комедіи». Въ Россію «Видѣніе апост. Павла» проникло изъ Византіи черезъ южно-славянскія земли, привилось на русской почвѣ и пустило глубокіе корни въ народную словесность. «Видѣніе апост. Павла» распадается на три части, и каждая изъ нихъ имѣетъ важное и самостоятельное значеніе въ исторіи русской, въ частности въ исторіи южно-русской народной словесности.

Въ первой части, превосходной по мысли и изложенію, солнце, мѣсяць и земля жалуются Богу на беззаконія человѣка. Богъ говоритъ, что за дѣлами людей слѣдятъ ангелы. Богъ не караетъ людей, потому что они могутъ еще покаяться. Этотъ апокрифическій мотивъ нашелъ мѣсто въ народной повѣсти, въ великорусскихъ, преимущественно раскольничьихъ духовныхъ стихахъ о плачѣ земли и въ разсмотрѣнной уже нами галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки». Кромѣ того, я ранѣе уже указалъ, что этотъ мотивъ выравился въ одномъ изъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Во второй части «Видѣнія апостола Павла» ангелъ показываетъ апостолу Павлу души праведныхъ и грѣшныхъ послѣ смерти. Ангелъ осторожно беретъ душу праведнаго и говоритъ ей: «душе, познай свое тѣло, отнюду же изыде, достоинъ ти паки обратитися», затѣмъ онъ оберегаетъ ее въ небесныхъ мытарствахъ. Грѣшная душа, вышедши изъ тѣла, встрѣчаетъ демоновъ; добрые ангелы сторонятся отъ нея, проклинаяютъ ее, потому что душа эта заботилась на землѣ только о ѣдѣ и питѣи и грѣшила (Тихонравов., т. II,

стр. 42—45). Выдающійся мотивъ второй части апокрифа—разставаніе души съ тѣломъ—развитъ въ византійскомъ житіи Василія Новаго. Этотъ мотивъ повторяется во многихъ письменныхъ устныхъ памятникахъ русской словесности, чаще всего въ синодикахъ, или поминальныхъ книжкахъ, и въ духовныхъ стихахъ о Лазарѣ и о грѣшной душѣ. Небольшой духовный малорусскій стихъ о разставаніи души съ тѣломъ находится въ сборникѣ пѣсенъ Вересая (стр. 22), стихъ безцвѣтный.

Въ одномъ вариантѣ стиха о Лазарѣ душу праведнаго ангелы берутъ изъ тѣла осторожно, «изъ тиха тихенько», а душу грѣшнаго демоны берутъ «ливимъ бокомъ заливимъ крюкомъ» (рукоп. сборн. Манжуры). Эти подробности представляютъ общее мѣсто въ духовной письменности и въ миниатюрахъ, напримѣръ, въ миниатюрахъ праведныхъ во 2 т. «Историч. очерковъ» Ѳ. И. Буслаева (Рис. къ л. л. 121, 151, 153). Въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ праведную душу вынимаютъ ангелы «честно и хвально въ сахарны уста», а грѣшную берутъ демоны «нечестно и нехвально скрозь реберь его». Малорусскій стихъ о Лазарѣ повидимому подергся вліянію великорусскихъ пѣсенъ этого рода, а вариантъ г. Манжуры представляетъ близкое по содержанію переложеніе великорусскихъ духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ. Лучшія малорусскія пѣсни о грѣшной душѣ записаны въ Галиціи. Такъ въ одной галицкой щедровкѣ Господь съ ключами въ рукахъ:

Рай видмыкае,
 Души впускае.
 Ено одной не допускае,
 Що отца, матеръ .
 Не за що мае,
 Старшого брата
 Позневажала,
 Старшу сестройку
 Споличковала... (Гол., т. II, стр. 158).

Въ другой галицко-русской пѣснѣ, попавшей въ сборникъ г. Головацкаго въ отдѣлъ думъ господарскихъ и скотарскихъ, поется: «спидь небомъ е стежейка». По этой дорожкѣ пришли къ раю двѣ праведныхъ души и одна грѣшная. Св. апостоль Петръ отперъ

райскія двери и пропустилъ праведныя души, а грѣшную завернулъ назадъ. Божія Матерь просить Спасителя пустить грѣшную душу въ рай: «най тамъ буде хочъ изъ краю». Но Спаситель отказалъ Богоматери въ просьбѣ, потому что душа очень грѣшная:

Вона до церкви не ходила,
 Поклонъ нигды не вдарила,
 А ни посту не постила,
 А на брата чары брала,
 А на сестру мечъ зрывала (стр. 235).

...въ пятницу танцевала,
 Въ субботу ся не вымывала,
 А въ недѣлю посвѣдала,
 Тай до церкви не ходила (стр. 236).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели грають.
 Лемъ святыи Петро тако й не грае,
 Бо его мати ажъ на днѣ въ пеклѣ.
 «Позвѣдуй же ся та й святыи Петре,
 Та й святыи Петре своей маточки!
 Ци сила дала во имя Боже?»
 «Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
 Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного».
 Складуй же ты ихъ до волокенця,
 Подай же ты ихъ на дно до пекла,
 Ой стане она ся того хапати».
 Подавъ же Петро на дно до пекла.
 Стала она ся того хапати,
 Стали ся на ню душки вѣшати,
 Стала ся она огриповати:
 «Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
 Бо вы не дали во имя Боже!»
 Святыи Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
 Эй, мати жъ моя та й проклятая!
 Не творила-сь добре, то южъ и не будешъ:
 Не вышла-сь съ пекла, та южъ не выйдешъ».
 Голов., т. II, стр. 45).

Очень сходные прозаическіе рассказы паходятся въ первомъ томѣ Записокъ о южн. Руси П. А. Кулиша, стр. 307—308 и въ Филол. зап. 1878 г. т. IV, стр. 101. Здѣсь старшій титарь Онисимъ хочетъ вытащить изъ ада свою мать, взявши за луковицу, которую она однажды дала нищему. Мать держалась за «стрѣлочку» луку; но грѣшныя души прицѣпились къ ея плахтѣ и намиткѣ, «стрѣлка» перервалась, и мать снова упала въ горячую смолу. По другому разсказу, души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами. «Хто старцямъ подававъ милостыню, то все попередъ имъ и лежить: чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба».

Эти и подобныя имъ сказанія о грѣшной душѣ вводятъ насъ уже въ отдѣлъ многочисленныхъ сказаній объ адѣ и адскихъ мученіяхъ. Сказанія объ адскихъ мученіяхъ опираются преимущественно на третью часть «Видѣнія апостола Павла». Здѣсь апостолъ Павель осматриваетъ рай и адъ, причемъ подробно описываются мученія грѣшниковъ. Грѣшники мучатся въ огненной рѣкѣ, одни до колѣнъ, другіе до пояса, третіи до устъ, четвертые погружены еще глубже. Кромѣ того, грѣшники находятся въ зловонномъ колодцѣ, иные безъ рукъ и безъ ногъ; ихъ бьютъ демоны, ѣдятъ черви, причемъ степень и свойство муки опредѣляется характеромъ грѣха (см. Тихонравова, Памят. отреч. литер., т. II, стр. 48—58). Подъ вліяніемъ «Видѣнія апостола Павла» и нѣкоторыхъ другихъ апокрифовъ, на примѣръ, евангелія Никодима, гдѣ говорится о сошествіи Иисуса Христа въ адъ, возникла обширная, особенно въ западной Европѣ, литература сказаній о загробныхъ странствованіяхъ праведныхъ и грѣшныхъ. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Данте и символическая поэзія католичества» (IV т. Вѣстника Европы 1866 г., стр. 167—190) приводитъ много западныхъ легендъ о схожденіяхъ въ адъ. Кромѣ того, обширную литературу предмета мы находимъ въ «Dictionnaire des legendes du christianisme» Миня и въ «Croyances et legendes de l'antiquite» Альфреда Мари. Въ южной Руси христіанскія легенды о схожденіи Спасителя, апостола Павла, святыхъ угодниковъ Божиихъ и даже простыхъ смертныхъ въ адъ, о возвращеніи ихъ и разсказахъ объ адскихъ мученіяхъ получили большое распространеніе, быть можетъ, не только подъ византійскими и юго-славянскими вліяніями, но и подъ вліяніемъ католическаго запада. Въ Малороссіи сильно распростра-

нево повѣрье объ «обмираніи» людей, или временномъ прекращеніи жизни и посѣщеніи рая и ада. Иногда старики и старухи совершенно серьезно передають о томъ, что они «обмирали», были въ раю и въ аду и видѣли награды за добрыя дѣла и наказанія за дѣла злыя. П. А. Кулишъ, отмѣтившій это любопытное явленіе народной жизни въ «Зап. о южн. Руси» (т. I, стр. 303), замѣчаетъ при этомъ, что разсказчики и разсказчицы не сознають свой обманъ. «Образы мукъ и радостей загробныхъ, говоритъ г. Кулишъ, напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣйства... Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на простыя умы свидѣтельство старика или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости. Слушатели на всю жизнь сохраняють убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа и, если съ кѣмъ нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ въ болѣзненномъ состояніи мозга легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ». Повѣрья этого рода любопытны въ особенности потому, что доказывають, какъ сильно влияетъ письменность, въ частности апокрифическая литература, на народную мысль. При этомъ встрѣчаются черты древняго славянскаго язычества, религіозно-миѣческаго міровоззрѣнія, черты, вплетенныя въ христіанско-апокрифическія рамки, напримѣръ, представленіе души умершаго птицей (Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 905). Малорусскіе народные разсказы о мукахъ грѣшниковъ довольно своеобразны; напримѣръ:

«Браты побились, йдучи степомъ... То Богъ и сказавъ: «нехай же стануть вони собаками и грызутьця, поки не буде ѡхати Мартирмянь» (?) (Кулишъ, т. I, стр. 306).

Въ степи глубокая яма. Пролѣзть черезъ нее, и будетъ другой свѣтъ (т. I, стр. 306). Дантовская подробность, соотвѣтствующая глубокому колодцу Павлова Видѣнія.

Богатые, не помогавшіе бѣднымъ, обращены въ воловъ. Они стоятъ въ большой травѣ, но не могутъ ею питаться, и потому тощи, бѣдные обращены въ воловъ жирныхъ на бесплодной нивѣ (т. I, стр. 306). Можетъ быть въ связи съ этимъ разсказомъ находится замѣчаніе Котляревскаго въ «Энеидѣ», что Цирцея обернула малороссовъ въ воловъ.

Человѣкъ, не принявшій зимой въ хату прохожаго, который замерзнулъ подъ плетнемъ, горитъ между двумя дубами и еще жалуется, что ему холодно, что онъ замерзаетъ (т. I, 307).

Человѣкъ, не давшій въ спасовскую жару прохожему напитокъ, лежитъ послѣ смерти въ аду около колодца; вода течетъ ему черезъ ротъ, и онъ испытываетъ страшную жажду (т. I, стр. 307).

Человѣкъ, не захотѣвшій жениться на той дѣвушкѣ, которая назначена была ему Богомъ («Богъ пары паруетъ», какъ языческій Родъ), стоитъ въ аду по поясъ въ горячихъ угольяхъ (т. I, 309).

Разбойникъ наказанъ такимъ образомъ, что онъ носитъ змѣй и его подгоняютъ демоны (т. I, стр. 309).

Дивчина, которая во время обѣдни наряжалась, а въ будни ходила не умывшись и не расчесавъ косы, обращена въ лихорадку (Филол. зап. 1870 г., т. IV, стр. 5).

Мужикъ, кравшій въ праздникъ во время обѣдни куръ и гусей, обращенъ въ змѣя съ курами и гусями на спинѣ, хвостомъ и крыльями (Филол. Зап. 1870 г., т. IV, стр. 3, 5). Этотъ рассказъ напоминаетъ общее средневѣковое представленіе сатаны въ видѣ громаднаго змѣя.

Не трудно замѣтить, что наказаніе опредѣляется грѣхомъ, причемъ человѣкъ, обидѣвшій своего ближняго, терпитъ ту же обиду въ аду, только въ гораздо большей степени: не пріютившій зимой прохожаго мерзнетъ въ аду, не напившій лѣтомъ странника въ аду испытываетъ жажду и т. д.

Въ обрисовкѣ рая и райскихъ блаженствъ народная фантазія, равно какъ фантазія отдѣльныхъ поэтовъ, не обнаружила той силы и изобрѣтательности, что въ обрисовкѣ ада и адскихъ мученій. Извѣстно, что даже у Данте въ виду неизреченныхъ откровеній неба подломились крылья фантазіи, и Рай Данте вышелъ въ художественномъ отношеніи слабѣе Ада. Въ «Видѣніи Альберика» первой половины XII вѣка подробно описываются адъ и чистилище, но затѣмъ Альберикъ говоритъ, что не можетъ рассказать того, что видѣлъ въ раю (Веселов., Вѣстн. Евр. 1866 г. т. IV, стр. 188). Такая же оговорка находится въ посланіи новгородскаго архіепа. Василія († 1352 г.) о земномъ раѣ. Въ «Видѣніи апостола Павла» объ адѣ и адскихъ мученіяхъ говорится втрое болѣе, чѣмъ о раѣ и райскихъ блаженствъ. При всемъ томъ, описаніе рая въ Павло-

вомъ Видѣннiи представляется весьма важнымъ въ исторiи литературы и искусства, такъ какъ это древнее и содержательное описанiе оказало большое влiянiе на литературныя и художественныя изображенiя райа на католическомъ западѣ и православномъ востокѣ. У воротъ райа стоятъ два золотыхъ столба; на нихъ скривжали, гдѣ записаны праведные. Градъ Христовъ стоитъ на островѣ посреди озера. Онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ рѣками; одна рѣка медовая, другая молочная, третья масляная, четвертая изъ вина. На берегахъ рѣкъ растутъ финиковыя пальмы. Въ райу на высокомъ престолѣ Давидъ славить на гуслихъ Бога, и лицо Давида подобно солнцу (Тихонравовъ, т. II, стр. 47—48). Малорусскiя простонародныя представленiя о раѣ не представляютъ чего-либо своеобразнаго. Обычно представленiе райа въ видѣ прекраснаго сада (Чуб., т. I, стр. 195). Встрѣчается представленiе райа въ видѣ веселаго и свѣтлаго лѣса. Въ этомъ лѣсу стоитъ хорошая хата, гдѣ живетъ Спаситель. Потолокъ и стѣны хаты украшены иконами; по срединѣ столъ. Ангелы летаютъ около хаты и поютъ пѣсни. Вблизи большой столъ, за которымъ сидятъ праведники и вкушаютъ просфиры и паляницы, и райское дерево съ цвѣтами. Маленькiя дѣти летаютъ вокругъ дерева, срываютъ цвѣты и кладутъ ихъ себѣ за пазуху. «Якихъ мати пидперезала, такъ у тихъ вони и держатьця, а якихъ ни, такъ у тихъ падають, а Мати Божа втишається ими, и отъ яке тамъ товкне друге, такъ вона и пригрозыть пальчикомъ (Филол. вiп. 1860 г., т. IV, стр. 4). Эта любопытная черта народнаго сентиментализма; точнѣе сказать, черта искренняго семейнаго чувства, придающая Пресвятой Дѣвѣ Марiи нѣжный характеръ женственности, повторяется съ небольшимъ измѣненiемъ въ другомъ народномъ разсказѣ: Обмиравшая старуха говоритъ одной опечаленной женщинѣ, потерявшей двухъ дочерей, что она была въ райу и «бачила и Ганнусю, бачила й Катрусю». Пани ажъ зъ лижка скочила: «Що жъ вони тамъ роблять?»—«Мати Божа панчишку плете, а вони передъ нею золоти клубочки держать». Такъ таки и каже: «Мати, каже, Божа панчишку плете (т. е. чулки вяжегъ), а вони передъ нею золоти клубочки держать» (Кулишъ, Зап., т. I, стр. 305).

Сказаніе о Рахманахъ.

Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа Божія (Лѣтоп. по Лавр. сп, стр. 14). Фантастическое сказаніе о блаженной жизни брахмановъ, или индійскихъ браминовъ, обращенныхъ въ христіанскихъ легендахъ въ образцовыхъ христіанъ, подробно передается въ «Хожденіи Зосимы къ Рахманомъ», изданномъ г. Тиханравовымъ по двумъ спискамъ, по рукописи XIV в. и по рукописи XVII в., буквально сходныхъ (Памят. отреч. литер. т. II, стр. 78—92). Преп. Зосима 40 дней не вкушалъ пищи и просилъ Бога показать ему страну блаженныхъ. Желаніе его было исполнено. Сначала верблюдъ перенесъ его черезъ пустыню; затѣмъ вѣтеръ принесъ его къ рѣкѣ, за которой жили блаженные. Перебравшись черезъ рѣку съ помощью громадныхъ деревьевъ, наклонившихъ съ одного берега на другой свои верхушки, пр. Зосима вступилъ въ землю рахмановъ и пробылъ среди нихъ семь дней. Рахманы днемъ и ночью пребываютъ въ молитвѣ. Они питаются плодами земли и пьютъ сладкую воду, вытекающую изъ подъ корня одного дерева. Нѣтъ у нихъ ни винограда, ни желѣзныхъ сосудовъ, ни ножей желѣзныхъ, ни домовъ, ни огня, ни золота и серебра, нѣтъ и одежды. Приживъ съ женой двухъ дѣтей, рахманы разводятся и живутъ далѣе цѣломудренно. Они спятъ въ пещерахъ на землѣ, устланной древесными листьями. Ангелы сообщаютъ рахманамъ о праведныхъ и грѣшныхъ людяхъ на земли, сколько кому назначено лѣтъ жизни, и рахмане молятся за людей, потому что, какъ сказали они Зосимѣ, «мы отъ вашего рода есмы». Въ посту рахмане вмѣсто древесныхъ плодовъ питаются манной, спадающей съ неба, и толь-

ко поэтому судятъ о перемѣнѣ времени. «Егда жъ приблизится день Воскресенія Господня, тогда пустятъ древа плоды добровонны и тако разумѣмъ, яко начало лѣта бываетъ; а въ службы мѣсто воскресенія Господня бдѣнія бываютъ у насъ: пребываемъ бдяща три дни и три нощи». Рахмане живутъ отъ 100 до 360 и даже до 1800 лѣтъ. Они знаютъ время своей кончины и умираютъ безъ болѣзни и безъ страха. Ангелы возносятъ души умершихъ рахмановъ къ Господу Богу. Душа кланяется Богу и затѣмъ идетъ «на мѣсто покойно». Рахмане составили описаніе своего блаженнаго житія, передали его Зосимъ и дружелюбно проводили его до рѣки.

Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы—христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чуб., т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей (ib. т. I, стр. 220). Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіи года. Пуская скорлупу на воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ: «плыньте въ рахманьскіи край». На рахманскій велькдень, бывающій въ среду на четвертой недѣли послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Гарасимовѣ однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чортовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велькдень, умерла на другой день (Kolberg, Pokicie т. I, стр. 199). На Украинѣ на рахманскій велькдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное

значеніе («правять кость») рахманскій великденъ называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой середой».

Разные домыслы ученыхъ о значеніи словъ «рахмане, рахманскій», доводы большею частью неосновательные, приведены въ «Рокисіе» Кольберга, т. I, стр. 199, 351—353. Слово рахманы, очевидно, представляетъ небольшое искаженіе слова брахманы, браманы или брамины. Сказаніе о блаженныхъ и мудрыхъ рахманахъ есть дань уваженія европейцевъ, въ частности русскаго народа, къ мудрости индійскихъ жрецовъ, дань, вполне заслуженная послѣдними, если принять во вниманіе, какъ много индійскихъ повѣстей и сказаній перешло въ Европу, въ частности въ Россію, и занимало мысль и фантазію народа въ теченіи многихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени.

40.

Исторія о женѣ Майдонѣ

Издана Макушевымъ въ Журн. мин. нар. проsv. 1881 г., т. IX, стр. 96—97 и Калитовскимъ въ «Рус. апокриф. литер.» 1884 г., стр. 35—38. Исторія эта занимаетъ среднее мѣсто между повѣстью и апокрифомъ. Въ цѣломъ она имѣетъ повѣствовательный характеръ, но отдѣльныя ея части напоминаютъ съ одной стороны апокрифическія сказанія объ Антихристѣ, съ другой—одно мѣсто въ «Хожденіи апостоловъ».

Содержаніе «Исторіи о женѣ Майдонѣ, царицѣ безбожной и bestiальной». состоитъ въ слѣдующемъ: злая и распутная Майдона будетъ царствовать при кончинѣ міра. Она будетъ преслѣдовать христіанскую вѣру и кощунствовать надъ крестомъ Христовымъ и св. иконами. Сама развратная, она будетъ насильственно распространять развратъ между людьми. Въ царствованіе ея умножатся убійства, наступитъ голодъ, моръ и иныя бѣдствія. Майдона будетъ царствовать четыре года. Она будетъ называться не только царицей, но и богиней и станетъ кощунствовать надъ самимъ Богомъ. Тогда Богъ пошлетъ архангела Михаила, который схватитъ ее за волосы, подниметъ высоко, подрѣжетъ серпомъ волосы, ударитъ скипетромъ по головѣ и съ большимъ шумомъ погрузитъ ее въ море, до самаго ада, куда она пойдетъ на вѣчныя муки. Видя это, люди начнутъ молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ.

Макушевъ, судя по имени царицы и многимъ полонизмамъ, высказалъ мнѣніе, что «Исторія о Майдонѣ» западнаго (италианскаго) происхожденія и перешла въ южную Русь, вѣроятно, черезъ Польшу въ концѣ XVI ст. или нѣсколько позже, когда между Короною и Литвою установилась тѣсная связь, усилилось на южной Руси польское вліяніе и порча нравовъ.

Сказаніе о Майдонѣ сохранилось только въ небольшомъ рукописномъ сборникѣ бібліотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда и было извлечено для печати Макушевымъ и потомъ Калитовскимъ, причемъ въ изданіи г. Калитовскаго есть пропуски словъ и фразъ. Повидимому, исторія о Майдонѣ не пользовалась большимъ распространеніемъ и не оказала вліянія на народную словесность. Нельзя сказать, чтобы самая «Исторія о Майдонѣ» была совсѣмъ свободна отъ вліянія народной поэзіи. Въ изложеніи незаконній обнаруживаются слѣды стихотворнаго склада, происшедшіе, можетъ быть, отъ того, что русскій переписчикъ или читатель изложилъ это мѣсто рукописи въ духѣ и складомъ извѣстнаго ему духовнаго стиха. Въ «Исторіи о Майдонѣ», послѣ указанія на усиленіе ссоръ, ненависти, грабежей, говорится: «Увы мнѣ, міре мѣзерный! хто бы мѣлъ по достатку описати твои злости; прочее жъ помолчу и слезами затру, узавши отъ стараго пророка ажъ до самаго малого отрока, не знайдешъ въ томъ злосливомъ мірѣ, абы хто билъ безъ порока. Днесъ бо не токмо короли и цари, князи и пани и простіи люде у блотѣ ся валяють и въ лукавствѣ кохаютъ».

Относительно способа наказанія Майдоны сходную черту находимъ, какъ мы замѣтили выше, въ «Хожденіи апостоловъ». Жители одного города, не желая принять апостоловъ, поставили въ воротахъ нагую блудницу. Св. ап. Андрей обратился къ Богу съ молитвой: «Господи Иисусе Христе, пусти Михаила архистратига, да обиситъ (т. е. повѣситъ) жену сію за власы на аере» (Тихонравовъ, т. II, стр. 9).

Отъ личнаго имени развратицы Майдоны, повидимому, произошло одно бранное, неприличное въ печати, слово, прилагаемое въ Малороссіи къ распутнымъ женщинамъ.

Сказанія объ антихристѣ.

Сказанія объ антихристѣ опираются на откровеніе св. Іоанна. Извѣстно, что содержаніе Апокалипсиса св. Іоанна не отличается ясностью и что нѣкоторые отцы и учителя церкви, напримѣръ, св. Епифаній и св. Григорій Нисскій, относили эту книгу въ разрядъ апокрифовъ (Христ. чтеніе 1871 г., т. I, стр. 55). Толкованія на Апокалипсисъ содѣйствовали отчасти развитію образа антихриста. Еще болѣе этому развитію содѣйствовали историко-бытовья обстоятельства, религіозныя гоненія и борьба сторонниковъ разныхъ вѣроисповѣданій. Въ XVI и въ особенности въ XVII ст. въ Руси, какъ литовской, такъ и московской, идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста сильно развилась, въ Малороссіи подъ вліяніемъ уни и религіозныхъ гоненій со стороны католиковъ, въ Великороссіи подъ вліяніемъ раскола и открытаго патр. Никономъ гоненія на защитниковъ старопечатныхъ книгъ и обряднаго старовѣрства. Южно-русскія, составленныя православными, сочиненія объ антихристѣ проникли въ Великороссію и углубили раскольническія представленія объ антихристѣ. Въ южной Руси подъ вліяніемъ борьбы съ папствомъ выработался мистико-апокалипсическій взглядъ на Римъ, какъ на царство антихриста. Съ особенной силой взглядъ этотъ выразился въ толкованіи XV слова св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ Стефана Зизанія 1596 г. и въ Словѣ объ антихристѣ въ концѣ «Книги о вѣрѣ». Въ доказательство того, что римскій папа есть антихристъ, Стефанъ Зизаній указываетъ на стремленія папъ подчинить себѣ царей и царства, измѣнить календарь и искоренить православіе. Авторъ «Книги о вѣрѣ» повторяетъ эти доводы, причѣмъ называетъ папъ предтечами антихриста и говоритъ, что появленіе самого антихриста должно состояться въ 1666 году. Южно-русскіе писатели сошлись съ протестантскими писателями въ томъ отношеніи, что подъ именемъ антихриста разумѣли нѣкое боговраждебное царство или рядъ многихъ лицъ, преемственно занимающихъ одно и то же мѣсто и совершающихъ одно и то же богоборное дѣло. Эта точка зрѣнія усвоена отчасти и раскольниками. Православная церковь, какъ извѣстно, учитъ, что антихристъ будетъ одно опредѣленное лицо, имѣющее явиться передъ

вторымъ пришествіемъ Христовымъ (Правосл. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 268). Рядомъ съ протестантскимъ представленіемъ антихриста въ южной Руси уживалось вполнѣ православное, что видно изъ апокрифическаго сказанія «О царствѣ антихристовѣ и днѣхъ послѣднихъ» въ львовскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., сказанія, изданнаго г. Калитовскимъ въ «Рус. литер. апокр.», стр. 45—46. Здѣсь говорится о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и наречетъ себя Богомъ. Онъ начнетъ собирать себѣ слугъ, ложныхъ ангеловъ, апостоловъ, пророковъ, «крылатыхъ шатановъ во плоти», будетъ творить чудеса, низводитъ съ неба огонь, переставлять горы, воскрешать умершихъ; все это будетъ ложное, совершаться «мечтами и приведенными дьявольскими». Кто поклонится ему, получитъ на челѣ или на рукѣ знакъ и будетъ пользоваться временными благами, а которые не поклонятся, претерпятъ мученія отъ антихриста и въ послѣдствіи удостоятся вѣчнаго блаженства. Антихристъ возсядетъ въ Іерусалимѣ въ церкви на престолѣ и побываетъ въ Капернаумѣ, Хоразинѣ и Виесаидѣ, гдѣ всѣ ему поклонятся, особенно «Жидове, которые чекають его приходу отъ многихъ лѣтъ, ти ся ему перше поклонятъ и дари богатые отъ него пріймутъ». Антихристъ воцарится на три года; но Богъ сократитъ это время на три дня. Наконецъ, антихристъ прійдетъ въ Римъ и «замордуетъ папежа римскаго, намѣстника святаго апост. Петра и самъ сядетъ на престолѣ». Ему поклонятся турки, татары, жиды, нѣмцы и прочіе народы. Кто не будетъ имѣть на лбу или рукѣ знака антихристового, не будетъ имѣть права ни купить, ни продать что-либо. Пустынниковъ и монаховъ будутъ отыскивать въ пещерахъ и приводить къ антихристу на поклоненіе. Виѣшній видъ антихриста измѣнится; сначала онъ будетъ очень красивый, на другой годъ «огрубѣетъ», а на третій волоса на головѣ и бородѣ уподобятся сгрѣламъ, правый глазъ будетъ блестѣть, какъ «зорница», а лѣвый, какъ уголь: палецъ на правой ногѣ будетъ имѣть видъ сломанный, и сдѣлается антихристъ звѣрообразенъ, свирѣпъ и лютъ». Наименованіе папы намѣстникомъ св. ап. Петра даетъ поводъ подозрѣвать въ авторѣ или переписчикѣ сказанія униата. Въ сказаніи замѣтно стремленіе автора поставить жидовъ въ ближайшія отношенія къ антихристу, стремленіе, достаточно понятное для южно-русса, приходившаго въ постоянныя столкновенія съ евреями, не только

въ экономическомъ отношеніи, какъ нынѣ, но и въ религіозномъ, какъ было, наприимѣръ, въ XVII ст., особенно во второй его половинѣ, во время волненія еврейства по случаю появленія въ Смирнѣ лже-мессіи Сабефы.

Подробность о волосахъ антихриста заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѡаворской». Здѣсь такъ описывается наружность антихриста: «власи главы его остры, яко стрѣлы; око ему десное, аки звѣзда заутри восходящая («зорница» львовскаго сборника), а другое аки лвоу; уста ему локти; зубы ему пядь; персти ему, аки серпи; стопа ногу его пядию двою» (Тихонравовъ, т. II, стр. 176). Другая подробность, о сокращеніи времени господства антихриста съ трехъ лѣтъ на три дня, также заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова», гдѣ сокращеніе времени проведено далѣе: три дня сокращены на три часа, а три часа на три стопы (Тихонравовъ, т. II, стр. 184).

Мрачный образъ антихриста почти не коснулся малорусской народной словесности. Встрѣчаются кое-какія повѣрья объ антихристѣ, но нѣтъ ничего цѣльнаго, яснаго, опредѣленнаго, что отвѣчало бы ярко очерченному образу антихриста раскольнической словесности. Въ простомъ украинскомъ народѣ этнографами найдены общія повѣрья о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и будетъ мучить людей, заставляя ихъ прыгать черезъ копые и будетъ жарить ихъ на сковородѣ (Чубинскій, т. I, стр. 195).

42.

Сказанія о страшномъ судѣ и кончинѣ міра

наравнѣ съ сказаніемъ объ антихристѣ львовскаго сборника подтверждаютъ тотъ фактъ, что апокрифическіе «Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѡаворской» нѣкогда обращались въ южной Руси и пользовались большой извѣстностью. Апокрифъ этотъ изданъ Тихонравовымъ въ двухъ сходныхъ спискахъ, одинъ XV, другой XVI ст. Нужно при этомъ замѣтить, что это одинъ изъ самыхъ крупныхъ апокрифовъ по художественности, ясности и простотѣ, и потому неудивительно, что онъ былъ очень любимъ грамотными людьми, хотя въ Малороссіи и не сохранилось или точнѣе не найдено рукописныхъ его обработокъ и списковъ.

Въ народномъ разказѣ о страшномъ судѣ говорится: «якъ буде страшный судъ, то тоди уся земля горитиме и вода кипитиме, а небо скотыться у клубочекъ и впаде до долу, на землю» (Чубинскій, т. I, стр. 221).

Въ пѣснѣ о страшномъ судѣ поется:

Якъ зыйде Христось,
 Огненніи рики будутъ клетотати
 И скверную землю очицати,
 Пиднесутся (что ?) подъ небеса...
 Ой на штыри части анголи затрублять,
 Въ той часъ всихъ умерлихъ въ гробахъ збудять...
 На Сафатовой долини зыйдугся люде.

(Чуб., т. I, стр. 220).

Въ «Вопросахъ Іоанна Богослова» Господь говоритъ: «и тогда пошлю ангела моя святія и да зажгутъ землю и погорить земля лакоть ѱ тысяць и Ѡ согъ въ глубину, и изгорять горы великія, и низпадутъ и сокрушатся, изгорить все древо, изгорить всякъ скоть и всякъ гадъ ползай по земли, и всякая птица, парящая по аеру... И тогда отпечатлѣю чегыре части восточныя, изыдутъ 4 вѣтры велиціи и возвѣють на лицо всея земли... и убѣлится земля, яко снѣгъ и яко хартія изравнится, не имуще ни коея же скверны... И послеть Господь четырехъ сильныхъ ангель съ небеси и возопіють велимъ гласомъ, трубою глаголюще». (Тихонравовъ, т. II, стр. 178—179).

Въ исторіи литературы пріятно останавливаться на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ обнаружилась народная фантазія или въ которыхъ раскрылась самостоятельная мысль народа. Къ сожалѣнію, такихъ явленій не много и въ опредѣленіи ихъ требуется большая осторожность. Въ приложеніи къ народнымъ разказамъ о страшномъ судѣ мы отмѣтимъ только одну, довольно мелкую, но вполне мѣстную и своеобразную подробность. Въ народѣ существуетъ такое повѣрье: «вже мученикъ Иванъ у Києви въ печеряхъ по шію въ земли стоить, а якъ увійде зовсимъ у землю, тоди николи буде каятись» (Кулишъ, зап. т. I, стр. 311).

Нельзя, однако, отрицать и того, что опредѣленіе литературныхъ заимствованій представляетъ большой научный и даже бы-

товой интересъ, особенно, когда является возможность точно опредѣлить самый источникъ заимствованія и нѣтъ надобности нагромаживать сравненія и теряться въ гипотезахъ, откуда что пошло. При достаточно точномъ опредѣленіи источника обнаруживается степень устойчивости преданія и основные психологическіе мотивы его измѣненія и принаровленія къ даннымъ, исторически сложившимся условіямъ народнаго быта и міровоззрѣнія.

43

Евангелистая пѣсня.

Въ сборникѣ галицкихъ и угорскихъ народныхъ пѣсень г. Головацкаго (т. II, стр. 146—147) находится пѣсня «Дячку, дячку вывченный», съ вопросами, что значить одинъ, что два и т. д. до 9 включительно и съ отвѣтами религіознаго характера: одинъ Богъ, два «божихъ святца», три патріарха, четыре евангелиста, пять божихъ ранъ, шесть «грають лелію паняноквъ Маріовъ», семь радостей у Бога, восемь свѣчей передъ Богомъ и девять коронъ ангельскихъ. Эта пѣсня встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Велико-россіи подъ названіемъ евангелистой пѣсни. Въ 2 ч. «Калѣкъ переходжихъ» помѣщено четыре великорусскихъ и одинъ болгарскій вариантъ этой пѣсни. Академикъ А. Н. Веселовскій и румынскій ученый Хиждеу указали на очень сходныя пѣсни—румынскую, провансальскія, португальскія, нѣмецкія, польскія, чешскія, кавказскую, латинскую и еврейскую¹⁾. Къ евангелистой пѣснѣ близко подходят сказки съ преніемъ-загадками на такіе же числовые вопросы, причемъ наиболѣе типичной сказкой А. Н. Веселовскій считаетъ малорусскую сказку въ Сборникѣ Драгоманова, стр. 56—57, въ которой чортъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ на три года, съ условіемъ, что по истеченіи этого времени чортъ предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить. По мнѣнію г. Веселовскаго, сказка эта существовала изъ-стари и независимо отъ нея издавна былъ въ ходу родъ катехизическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: что одинъ?

¹⁾ *Веселовскій*, Сборникъ отд. рус. яз. акад. н., т. 32, стр. 78—82. 432—433 и 92—95.

одинъ Богъ и т. д. Такіе пѣсенные вопросы и отвѣты иногда включались въ сказку о преніи числовыми загадками, и получалась смѣшанная форма, въ родѣ одной кавказской и одной сицилійской сказокъ (94—95). Общій характеръ отвѣтовъ евангелистой пѣсни религіозно-догматическій, обличающій школьное происхожденіе и цѣли христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ 12; меньшее ихъ число представляется позднѣйшимъ оступленіемъ. У евреевъ въ Германіи и въ славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI ст. и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи (стр. 79).

А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что «русскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ юго-западной школы» (стр. 79). Трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варианту пѣсни, темному и схоластическому. Великорусскіе варианты «евангелистой пѣсни» сравнительно съ галицко-русскимъ просты и ясны. Такъ на вопросъ, что одинъ? слѣдуетъ отвѣтъ: «Единъ Сынъ Маріинъ королюетъ надъ нами», что два?—2 тавлеи Моисея, что три?—св. Троица или три патріарха; что четыре?—4 евангелиста; что пять?—5 главъ соборныхъ или пять ранъ Спасителя; что шесть?—6 херувимскихъ крылъ или 6 сосудовъ въ Канѣ Галилейской; что семь?—7 соборовъ или 7 чиновъ ангельскихъ; что восемь?—8 круговъ солнечныхъ или 8 гласовъ Божіихъ; что девять?—9 въ году радостей или 9 чиновъ ангельскихъ; что десять?—10 заповѣдей или 10 прокаженныхъ, исцѣленныхъ Богомъ или 10 «панскихъ сакраментовъ», т. е. таинствъ Господнихъ; что одиннадцать?—11 апостоловъ или 11 малыхъ звѣздъ; что двѣнадцать?—12 апостоловъ или 12 мѣсяцевъ. Въ словахъ «королюетъ», «панскій», «сакраментъ» обнаружилось польское вліяніе, а, можетъ быть, южнорусское схоластическое.

Въ галицко-русскомъ вариантѣ любопытенъ только запѣвъ евангелистой пѣсни съ указаніемъ на дьяка, какъ наставника, на что мы уже указали въ началѣ настоящаго изслѣдованія, когда говорили о хранителяхъ и разпространителяхъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень въ южной Руси.

Въ Малороссіи, повидимому, не знаютъ евангелистой пѣсни. Къ простому народу не привилось ея сухое догматическое содержаніе.

Апокрифическія молитвы.

Въ индексѣ отреченныхъ книгъ упоминаются «живыя молигвы». Проф. И. Я. Порфирьевъ въ статьѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, напечатанной въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда, говорить: «Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣ же приемы и тѣ же выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какіе издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія мифическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ посреди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ или заклятія»...

Сохранившіяся въ старинныхъ рукописяхъ апокрифическія молитвы отличаются болѣе церковнымъ характеромъ, чѣмъ апокрифическія молитвы, записанныя изъ устъ народа въ послѣднія два три десятилѣтія. Такъ, апокрифическія молитвы, изданныя г. Порфирьевымъ въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда по рукописяхъ соловецкой бібліотеки, заключаютъ въ себѣ мало языческихъ суевѣрій.

Въ южнорусскихъ и западнорусскихъ рукописяхъ встрѣчаются живыя молитвы, напримѣръ, въ двухъ-трехъ рукописяхъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи (Петровъ, Опис. рукон., т. II, стр. 350) находятся молитва женѣ родити, молитва егда боль не спитъ, молитвы отъ трясавицъ и нѣкоторыя другія; но молитвы эти не изданы. Малорусскія живыя молитвы записаны почти исключительно изъ устъ простаго народа, и почти всѣ онѣ насквозь пропитаны языческимъ міровоззрѣніемъ, такъ что съ болѣею основательностью могутъ быть названы заговорами со вставкой изрѣдка церковно-молитвенныхъ выраженій. Малорусскія живыя

молитвы изданы въ III т. «Памятн. стар. рус. литер.» А. Н. Пыпина, въ I т. «Трудовъ этн. ст. экспед.» Чубинскаго, въ «Кіевск. Старинѣ» 1885 г., кн. 12, въ Сборникѣ шептаній, составленномъ П. В. Ивановымъ и въ сборникѣ малорусскихъ заклинаній П. С. Ефименка. Наибольше любопытныя малорусскія лживыя молитвы находятся въ сборникахъ Чубинскаго и П. В. Иванова.

Въ ряду апокрифическихъ молитвъ выдаются молитвы-заговоры противъ лихорадки: у г. Пыпина т. III, стр. 167, Чуб., т. I, стр. 119—120, г. Иванова стр. 739—741, Ефим., т. II. Одни варианты, напр. у Пыпина, т. III, стр. 167, имѣють вполнѣ языческій характеръ, причемъ отсутствуютъ даже христіанскія имена, другія, напр. у г. Иванова, стр. 740, вертятся на имени Авраама, св. Исаакія, поминають пресв. Богородицу. Основа молитвъ и заговоръ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ древняго Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавиць къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на чело-вѣческую судьбу, ученію усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско-каббалистическую литературу, напримѣръ въ *Alphabetum Siracidis* VIII в. и въ богомильскую литературу. Индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іереміи Богомилу и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавиць, дочери Ирода. А. Н. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что подъ Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса, ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя. У богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указанъ церковнославянскимъ текстомъ (Сборн. ак. наукъ, т. 32, стр. 41). Къ замѣчаніямъ г. Веселовскаго о молитвахъ противъ трясавиць, разбросаннымъ въ 32 т. Сборн. акад. наукъ на стр. 40—50, 220—223, 427—430, добавимъ, что въ глаголитскомъ памятникѣ X-го в., Синайскомъ Требникѣ, помѣщена «Молитва надъ трясомомъ заоутра», начинающаяся словами: «Изгонить тя трясовице югрьѣѣ» (Кочубинскій, Итоги слав. філологіи, 38). Эта мелкая подробность представляется интересной при сравнительно-литературномъ изу-

ченіи малорусскихъ заговоровъ отъ поганки, гдѣ упоминаются трясовицы утреннія, полдневныя и вечернія (Пып., Чуб., Ив.).

Въ малорусскихъ заговорахъ отъ лихорадки вмѣсто Сисинія являются св. Авраамій, Пафнугій или Исаакій. Шель св. Авраамій дорогою и встрѣтилъ 77 иродовыхъ или змѣнныхъ дочекъ (Иван.), трясовицъ (Еф., Чуб.), 12 дѣвицъ красавицъ (Еф.), 77 женъ (Ив.). Св. Авраамій спрашиваетъ трясовицъ, куда онѣ идутъ. Послѣднія отвѣчаютъ: «на Бѣлу Русь людей мордувати, тиломъ труждати и кости ломати» (Еф. и Чуб.), «въ Рассею ласо наидатися, сладко напиватися» (Ив.). Указаніе на Бѣлую Русь, Рассею, должно свидѣтельствовать, что нѣкоторые возвращающіеся въ Малороссіи варианты заговора отъ лихорадки сложились въ Бѣлоруссіи. Въ другихъ малорусскихъ вариантахъ нѣтъ этого указанія. Св. Авраамій приказываетъ своему сыну Самсону (Еф. и Чуб.) или Исакию (Ив.) сдѣлать и накалить желѣзную шину (Еф.) или трость (Ив.), чтобы побить или нанести раны трясовицамъ; послѣднія обѣщаютъ впредь не мучить людей, разбѣгаются. Въ одномъ вариантѣ св. Пафнугій собственноручно жезломъ наноситъ каждый иродовой дочкѣ трясовицѣ по 70 ранъ. Названіе лихорадокъ иродовыми дочками получило общее бранное значеніе, въ приложеніи къ женщинамъ. Названія лихорадокъ измѣняются по заговорамъ, причемъ обнаруживаются домыслы и вставки старинныхъ книжниковъ и грамотѣевъ, напримѣръ, во вставкахъ въ число трясавицъ Дида и Лады (Ив.). Глубоко-древняя черта—упоминаніе Сіонской горы сохранилась въ одномъ только вариантѣ, у г. Иванова, стр. 740: «на Осиянской гори, на святой земли ихавъ Михайло; у его сынъ Авраамій». Въ одномъ изъ заговоровъ противъ лихорадки (Еф., 11) начальная фраза вырвана изъ апокрифическаго сказанія о томъ, какъ жида Христа мучили. Вообще, этотъ вариантъ любопытенъ, какъ образецъ заговора, въ которомъ свалено въ одну кучу много разнообразныхъ элементовъ, апокрифическихъ и повѣствовательныхъ. «У недѣлю рано, якъ сонце сходило, Христа до ратуши приведено. Стали его вязати и въ стовпа мордовати. Стоитъ жидъ, трясеться». «Чого ты, жиде, боишься? Я не боюсь, тильки въ мене руки, ноги трясуться. Царь Давыдъ позаганявъ иродовы дочки въ каминни горы, ставъ ихъ каменовати и печатати. Хто те можетъ знати, отъ ныни и до вику у него не можетъ вона бувати». Здѣсь почти каждое

слово нуждается въ историко-литературномъ объясненіи. «У недилу рано»—обычный пѣсенный запѣвъ, «якъ сонце зъиходило»—расширеніе его; слова о мученіи Христа основаны на извѣстныхъ уже намъ апокрифическихъ пѣсняхъ; Давидъ, заключающій трясавицъ въ каменныя горы, замѣна извѣстнаго повѣствовательнаго мотива объ Александрѣ Македонскомъ, Гогѣ и Магогѣ.

Въ народныхъ повѣрьяхъ обнаруживаются особые спеціальныя цѣлители отъ лихорадки, независимо отъ заговорныхъ Авраамія и Исаакія, именно арх. Рафаиль и преп. Зосима Соловецкій (Ив., стр. 739).

Отдѣльные мотивы, эпизоды, фразы и слова апокрифовъ вошли въ разныя малорусскія заговоры и шептанія. Такъ въ заговорѣ на собираііе травъ: «Святый Адамъ оравъ. Исусъ Христосъ насія дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа поливала, та всимъ православному на помичъ давала» (Пыпинъ, т. III, стр. 167).

Въ началѣ заговора отъ сглазу: «Мати Марія, бабушка Соломонія, на пути-дорози стояла»..; а въ серединѣ того же заговора: «Стали жиды Христа распинати» и проч. согласно съ евангельскимъ текстомъ (Ивановъ, стр. 736).

Въ заговорахъ отъ зубной боли: «Первый княжичъ мѣсяцъ на небѣ Адамъевичъ», «Ты, мисяцю Адаме!» (Еф., стр. 4, 5; Чуб., т. I, стр. 125).

Въ заговорѣ отъ водобоязни:

Шло собѣ трехъ бративъ,
 Балакали, встеклаго собаки пытали.
 Иди правою дорогою
 Черезъ Орданьску рѣку,
 На высолянску гору.
 Тамъ ходить баранъ
 Зъ великими рогами
 И выстрижи ему вовну
 Межи рогами.
 И вернись назадъ,
 Орданьской воды набери,
 Билого камня зъ скалы влупи.

(Еф., стр. 16).

Подъ темными символами здѣсь скрываются священные христіанскіе предметы и лица, Иисусъ Христосъ, Сіонская гора, причемъ самая символика восходитъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ въ катакомбахъ.

45.

Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ.

Народная поэтическая ботаника и зоологія заслуживаютъ спеціального изслѣдованія. При изученіи массы сказаній и повѣрій о растеніяхъ и животныхъ необходимо опредѣлить различные ихъ источники, художественное воззрѣніе на природу, воззрѣніе религиозно-миѣическое, этимологическое толкованіе, повѣсти и апокрифы. Мы остановимся только на тѣхъ сказаніяхъ о растеніяхъ и животныхъ, которыя основаны на апокрифической литературѣ. Въ названіи многихъ растеній скрывается уже намекъ на то, что съ ними связаны религиозныя или апокрифическія сказанія, но какія именно—нельзя сказать, такъ какъ этнографы не дали надлежащихъ свѣдѣній, какъ объясняютъ крестьяне причину возникновенія того или другаго названія. Такъ въ «Опытѣ словаря народныхъ названій растеній юго-западной Россіи» А. С. Роговича (Зап. ю. в. отд. геогр. общ., т. I, стр. 109—178), мы находимъ названія: Божье дерево, Божя ручка, Божя благодать, Богородычна коса, черевычки Божой Матери, ручка Божой Матери, Петрова закуска, Петровъ багигъ, Петривъ хрестъ, Миколайчики, Адамово ребро, чортивъ хлибъ, чоргова весѣлка, чортове ребро, чортови орихи. Можно думать, что съ нѣкоторыми изъ этихъ растеній связаны народно-поэтическія сказанія, коментирующія ихъ названія.

Сосна—всегда зелена, по благословенію Божію, потому что древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестномъ страданіи Христа Спасителя (Чуб., т. I, стр. 75).

Осина—проклята Богомъ за то, что не поклонилась пресв. Богородицѣ во время бѣгства св. Семейства въ Египеть (Костомаровъ, въ «Бесѣдѣ» 1872 г., т. VIII, стр. 71), потому что шелестьѣла листьями, когда войны искали Спасителя во время бѣгства св. Семейства въ Египеть (Чуб., т. I, стр. 76), потому что она не соблюла тишину, когда Спаситель скрлся подъ нею отъ жидовъ передъ своей крестной смертью (Nowos. т. I, стр. 143), потому что

на ней повѣсился Іуда (Чуб., т. I, стр. 76; Еф., стр. 11, Рогов., стр. 132)¹⁾.

Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣлаемы были гвозди, которыми сколачивали крестъ Спасителя (Чуб., т. I, стр. 76) или за то, что ивовыя иголки забивали Спасителю подъ ногти. Господь сказалъ, что черви будутъ ее точить отъ молодости до старости, отъ корня до верхушки (Голов., т. III, стр. 719).

Береза побѣлѣла отъ испуга, потому что Іуда хотѣлъ на ней повѣситься (Чуб., т. I, стр. 76).

Бузина—проклятое дерево, потому что на ней повѣсился Іуда, по другому варианту повѣсили св. Варвару, по третьему—потому что подъ нею постоянно сидитъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 77).

Камышъ принадлежитъ чертямъ. Черти завладѣли имъ во время земной жизни Спасителя. Однажды чортъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чортъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался, и на вопросъ волка, чего такъ скачетъ? позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «Богъ мени давъ очеретъ и осетъ», и потому черти владѣютъ только очеретомъ и осетомъ (Чуб., т. I, стр. 79).

Осетъ, Осотъ. Подъ этимъ названіемъ извѣстны *Cirsaea lutitiana*—Видмино зиллье, *Cirsium arvense* Scop.—наголоватки, жербій и *Sonhus arvensis*—молочакъ (Рогов., §§ 186, 187, 653). Въ народныхъ разсказахъ осотъ принадлежитъ чорту, по извѣстной уже намъ причинѣ (Чуб., т. I, стр. 79). Вариантъ: ап. Павелъ испугалъ чорта (Чуб., т. I, стр. 81).

Куколь (*Ägrastema githago* L.)—чортово зелье, полученное чертомъ вмѣсто овса. Разсказъ о куколѣ сходенъ съ разсказомъ объ осотѣ. Дьявола испугалъ человекъ (Драг., стр., 15).

Хлѣбный колосъ во время земной жизни Спасителя шелъ отъ земли (стokolосъ). Ап. Петръ «обшморгалъ» его въ гнѣвъ за то, что одна женщина дала Спасителю въ дорогѣ грязный блинъ (Драг., стр. 14).

¹⁾ Тожественныя сказанія о проклятой осикѣ у нѣмцевъ и сербовъ.—Смъ у Веселовскаго въ Сборн. акад. наукъ, т. 32, стр. 245—246, примѣч., и потомъ стр. 455—456.

Табакъ заимствованъ отъ чертей. Разсказъ объ этомъ у Драг., стр. 13.

Воля и ослы сотворены Богомъ. Это благословенныя животныя, потому что укрывали Спасителя въ ясляхъ соломой и согрѣвали его (Чуб., т. I, стр. 49; разн. духов. стихи).

Лошадь—превращенный дьяволъ, проклята Богомъ, потому что разбрасывала сѣно въ тѣхъ ясляхъ, гдѣ лежалъ Спаситель (Чуб., т. I, стр. 49).

Свинья—отъ жидовки. Спаситель, странствуя по землѣ, обернулъ въ свинью жидовку, спрятавшуюся подъ корытомъ (Чуб., т. I, стр. 49, Драг., стр. 4).

Собака служила Богу при сотвореніи перваго человѣка изъ глины, оберегала его отъ дьявола и такъ какъ однажды, не имѣя шерсти, почувствовала холодъ и заснула, чѣмъ воспользовался дьяволъ и оплевалъ человѣка, то Богъ далъ ей шерсть (Драг., стр. 1). Собака—изъ ребенка, который бѣгалъ за Спасителемъ и лаялъ, подобно собакѣ (Чуб., т. I, стр. 53).

Медвѣдь. Мужикъ хотѣлъ испугать Спасителя; надѣвши шубу мѣхомъ вверхъ, онъ крикнулъ на Иисуса, и былъ за то обращенъ въ медвѣдя (Чуб., т. I, стр. 50, Драг., стр. 5).

Волкъ. Спаситель во время странствованія по землѣ отдалъ однажды корову бѣдной вдовы волку (Драг., стр. 119). Такъ какъ люди въ старину не берегли своего скота, то Богъ приказалъ чорту слѣпить изъ глины волка. Чортъ быстро сдѣлалъ живаго волка и привелъ его къ Богу. Волкъ былъ величиной съ коня, и Богъ велѣлъ чорту уменьшить его. «Чортъ взялся стругати вовка и съ остружкивъ зробилися *шерини*, а зъ меньшихъ *оводы*, а ще зъ меньшихъ *мухи*, а зъ самыхъ меньшихъ *комари*». Волкъ такъ разозлился отъ боли, что сказалъ Богу, что будетъ нападать не только на скотину, но и на людей (Чуб., т. I, стр. 52). А. Н. Веселовскій указалъ на южно-славянское, греческое, албанское и эстонское преданія о созданіи волка дьяволомъ (Сборн. ак. н., т. 32, стр. 328, 332, 458—459).

Кошка создана Богомъ. Она охраняетъ человѣка отъ всего злаго. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ, то дьяволъ впустилъ *мышь*, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ. Кошка задавила эту мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ

литинскаго уѣзда). По другому разсказу, чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море соблазнить Еву; но пресв. Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу; изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ ушниц. уѣзда).

Многія растенія и животныя связаны въ народныхъ разсказахъ съ чортомъ, напимѣръ, терлычъ, тоя, чортополохъ (прогоняють чорта), сорока, павлинь (оборотъни чорта), воробьи (вышли изъ чертей); но присутствія чорта еще недостаточно, чтобы повѣрья подобнаго рода относить исключительно къ апокрифическимъ источникамъ; нѣкоторыя повѣрья этого рода основываются на древнихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ народа на природу.

Вороны нѣкогда были бѣлые. Почернѣли же они вотъ отчего: Ной послѣ потопа послалъ ворона отыскать землю, «але овѣнъ нашовъ мерлаго человѣка, изъ него ѣвъ и за то почернѣвъ» (Головац., въ «Чтеніяхъ» 1872 г., т. IV, стр. 417).

Ласточка. «Якъ жида Христа роспинали, то ластовки крали у ихъ цвяшки» (Чуб., т. I, стр. 59).

Воробьи прокляты потому, что кричали «живъ, живъ», когда жида мучили Христа (Чуб., т. I, стр. 59).

Кукушка и чайка произошли огъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя (Чуб., т. I, стр. 60).

Аистъ произошелъ изъ служанки пресв. Дѣвы Маріи, которая не исполнила приказанія своей госпожи (Чуб., т. I, стр. 62).

Жабы мѣшали своимъ крикомъ царю Давиду писать псалтырь. Царь Давидъ приказалъ истребить ихъ, но жабы заявили ему, что «всякое дыханіе да хвалить Господа». Давидъ призналъ основательность этихъ словъ, закончилъ ими псалтырь и благословилъ жабъ (Чуб., т. I, стр. 65).

Однорога рыба. Во время благовѣстія пресв. Дѣва кушала рыбу, и одинъ бокъ ея былъ уже съѣденъ; остались одни ребра. Выслушавъ благовѣстіе, пресв. Дѣва сказала: «Тоди мій сынъ воскресне, якъ оця рыбка оживе», а рыбка: плюсь .. и ожила (Чуб., т. I, стр., 67).

Камбала упала на землю съ тарелки, когда пресв. Дѣва ее кушала. Камбала проклята Богородицей (Чуб., т. I, стр. 67).

Приведенныя сказанія о растеніяхъ и животныхъ даютъ ясныя указанія, какіе апокрифы оказали вліяніе на народно-поэтическую

батанику и зоологію, апокрифы о сотвореніи міра (разказы о происхожденіи камыша и собаки), апокрифы о построеніи ковчега (кошка, мышь, воронъ), апокрифы о Давидѣ (жабы), апокрифы о Рождествѣ Спасителя (воль и осель) и о бѣгствѣ св. семейства въ Египетъ (осина), въ особенности апокрифы о хожденіи Спасителя съ апостолами по землѣ и о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Сказанія объ однобокой рыбѣ и о камбалѣ, вѣроятно, сложились подъ вліяніемъ римско-католическихъ изображеній пресв. Богородицы съ рыбой, образцомъ которыхъ можетъ служить извѣстная картина Рафаэля въ мадридскомъ Прадо. Многія сказанія о растеніяхъ и животныхъ весьма близко повторяютъ апокрифы, точнѣе отдѣльные ихъ мотивы, извѣстные по древнимъ рукописямъ, напримѣръ:

Въ народномъ разказѣ литинскаго уѣзда: „Когда Ной, по приказанію Бога, забралъ въ ковчегъ по парѣ всѣхъ животныхъ, то чортъ впустилъ секретно мышь, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ; но кошка, замѣтивъ мышь, схватила ее и задавила и такимъ образомъ разрушила козни дьявола“ (Чуб., т. I, стр. 54).

Въ сказаніи Мееодія Патарскаго о Ноѣ, издан. А. Н. Пыпинымъ по рукописи 1602 г. „Тогда окаянный дьяволъ хотяше потопить весь родъ чловѣчь и превратився мышью и нача грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу, и присни лютый звѣрь (левъ) и выскочиста изъ ноздрій его воть и кошка, и скочиша, и задавиша мышь, и не избысть дьяволу злохитрство“ (Памят., т. III, стр. 18).

Народное сказаніе о царѣ Давидѣ и жабахъ (Чуб., т. I, стр. 65) почти буквально повторяетъ апокрифъ (Порф., стр. 93—94), о которомъ я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ 8 главѣ настоящаго изслѣдованія.

Народное сказаніе о сотвореніи волка дьяволомъ (Чуб., т. I, стр. 52) сходно съ тѣмъ, что говорится въ «Чтеніи отъ Адама»: дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя и волкодаковъ (Веселовскій, въ 32 т. «Сборн. акад. наукъ», стр. 459).

46.

Вопросы и отвѣты св. Отцовъ.

Подъ такимъ названіемъ въ одной галицко-русской перемышльской рукописи помѣщенъ апокрифъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ «Бесѣда трехъ святителей». «Бесѣда» издана Пыпинымъ по рукописи XVII—XVIII ст. (Памят. стар. рус.-лит., т. III, стр. 169—178) и Тихонравовымъ по рукописи XV в. и рукописи XVII в.

(Памят. отреч. литер. т. II, стр. 429—438). Василий Великий, Григорий Богословъ и Иоаннъ Златоустъ задаютъ другъ другу вопросы: гдѣ Богъ жилъ до сотворенія свѣта? изъ чего созданы ангелы, громъ, мѣсяць? сколько вѣтровъ, большихъ горъ, рѣкъ? на какомъ деревѣ повѣсился Иуда? и сами же отвѣчаютъ на эти и многіе другіе вопросы. «Бесѣда» одинъ изъ самыхъ популярныхъ и важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи апокрифовъ. Мы имѣли случай, говоритъ г. Калужняцкій, присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, на примѣръ, отъ какихъ частей Богъ сотворилъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе назвалъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христова? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце и мѣсяць? Какое мастерство древнѣе другихъ и пр. и пр. А если захотите узнать, каково мнѣніе нашихъ горянъ о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцовъ, услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ седми частей (тѣло отъ земли, кости отъ камня и пр.), что Адамъ въ настоящее время находится на четвертомъ небѣ, что Бога Богомъ впервые назвалъ сатана, что Христосъ крестился въ Иорданѣ, гдѣ смывалъ свои грѣхи и Адамъ (а Ева въ р. Тигрѣ); что святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши; ангелы завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ будетъ судить языкомъ сирійскимъ; что громъ—оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ дьявола, а молніи—очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти Сына своего Иисуса Христа и о смерти человѣка; что мѣсяць произошелъ отъ епитрахля Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.» (Обзоръ

слав.-рус. памят., стр. 22—23). Одно сказаніе о душѣ умершаго, записанное въ кіевской губерніи, начинается словами: «Три святителя, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ во время своей земной жизни ходили вмѣстѣ и учили народъ» (Чуб., т. I, стр. 148). Имена святителей взяты изъ «Бесѣды».

Въ народныхъ разсказахъ о Страшномъ Судѣ: „Уси мертви повстають изъ ямъ своихъ, и вси воны стануть тридцатилитками, и старе и мале, хтобъ явимъ не вмеръ, уси стануть одинаковыхъ литъ, тридцатилитками“ (Чубин., т. I, стр. 221; Драг., стр. 109).

Въ Вопросахъ Іоанна Богослова на горѣ Фаворской: „Яко бо пчела нѣсть лучши друга други, но суть вся купно единымъ образомъ, тако есть воскресеніе; то убо нѣсть правости, ни черьмности, или различна лица, но вси единымъ образомъ возстануть и вси единымъ возрастомъ“ (Тих., т. II, стр. 177).

Въ Бесѣдѣ трехъ святителей: Вопросъ: Како стати челоувѣкомъ на воскресеніе и которыя дѣтища умроша, дѣтски ли имъ возстати? Отвѣтъ: Все измѣнимся, и на воскресеніе стати всѣмъ челоувѣкомъ тридцати лѣтъ, въ единъ возрастъ, и во единой одежды облукуются (Пыпинъ, т. III, стр. 172).

Такимъ образомъ, малорусскій народный разсказъ о воскресеніи мертвыхъ стоитъ ближе къ «Бесѣдѣ трехъ святителей», чѣмъ къ «Вопросамъ Іоанна Богослова» и заимствованъ очевидно изъ «Бесѣды».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже нами апокрифическихъ сказаній и пѣсень, есть еще другія, судя по краткимъ указаніямъ старинныхъ южнорусскихъ письменныхъ памятниковъ и народной словесности. Такъ въ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ находятся отвѣты на вопросы, почему Богъ попустилъ дьяволу бороться съ челоувѣческимъ родомъ, «какъ бѣ по плоти Богородица сродница Елизаветы», «како Предтеча сьродникъ бысть первой женѣ Іосифа обручника», «како Марія Клеопова бысть сестра святѣй Богородицѣ». Эти вопросы и отвѣты извѣстны подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсевию іерусалимскому. Въ томъ же сборникѣ находятся «Видѣніе Нифонта о роусаліяхъ», «Повѣсть св. Аѳанасія о чародеѣ Меситѣ» и «Преніе ап. Петра съ Симономъ волхвомъ». Въ рукописяхъ перемышльской соборной бібліотеки встрѣчаются «Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ», «Слово о Страшномъ Судѣ», приписанное пророку Даніилу, «Живота вѣчнаго зеркало», гдѣ говорится

о судьбахъ человѣка по смерти и «Пекельная вѣчность»—сказаніе о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду (Калужн., стр. 25). Въ духовныхъ стихахъ находятся апокрифическія черты о жизни святыхъ, напримѣръ, въ стихахъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ.

Къ апокрифическимъ сказаніямъ примыкаютъ многія повѣсти, напримѣръ, «Повѣсть о преніи живота со смертію», источникъ которой находится въ старинной нѣмецкой литературѣ (см. специальное изслѣд. г. Жданова «Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи 1881 и рецензію А. Н. Веселовскаго въ Журн. м. н. пр.». 1881 г. янв.).

Можно навѣрно сказать, что апокрифическая литература вліяла и на южнорусскую иконопись. Извѣстно, напримѣръ, что на фрескахъ кіево-софійскаго собора изображена Анна передъ птичьимъ гнѣздомъ, скорбящая о своемъ неплодствѣ и получающая благовѣстіе отъ ангела о томъ, что она родитъ пресв. Богородицу (Барсовъ, О воздѣйствіи апокрифовъ на иконопись, въ Журн. м. н. пр., 1885 г., т. XII, стр. 105), черта апокрифическая, взятая изъ «Апокрифической исторіи о Рождествѣ Богоматери».

Дополнительныя замѣтки.

Народныя сказанія о св. Николаѣ связаны, кромѣ Кіева и Святыхъ горъ, также съ нѣкоторыми другими мѣстностями Малороссіи. Такъ, Галатовскій сообщаетъ въ «Небѣ Новомъ» (1665 г. гл. 28) слѣдующія преданія о г. Заваловѣ и монастырѣ Погоня: городъ Заваловъ получилъ названіе отъ валовъ, давно насыпанныхъ; три вала на горѣ и между ними монастырь съ церковью св. Николая. «Повѣдають старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, же Бунякъ, яко они мовять, але рачей Батый, царь татарскій, разоря русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ во снѣ св. Николая, который велѣлъ ему биться и на мѣстѣ побѣды построить въ честь пресв. Богородицы церковь, что Романъ потомъ и исполнилъ: онъ построилъ церковь во имя Успенія пресв. Богородицы и монастырь подъ названіемъ Погоня».

Довольно много апокрифическихъ сказаній о пресв. Богородицѣ вошло въ «Небо Новое» Галатовскаго, вышедшее первона-

чально во Львовѣ въ 1665 г. (2 изд. въ Черниговѣ въ 1677 г., 3 изд. въ Могилевѣ въ 1699 г.). Во 2 главѣ мы находимъ сказанія о томъ, что пресв. Дѣва жила въ Соломоновомъ храмѣ, слышала здѣсь гласъ Бога, видѣла ангеловъ и являлась въ чудесномъ видѣннн Елисаветѣ. Первосвященникъ приказалъ всѣмъ людямъ рода Давида принести въ храмъ палки. Палка Юсифа зацвѣла и на нее сѣлъ Духъ Божій въ видѣ голубя; по этому знаку послѣдовало обрученіе пресв. Дѣвы съ Юсифомъ. Въ 4 главѣ говорится о томъ, что смоковница раздвоилась, чтобы доставить Иисусу Христу и пресв. Дѣвѣ жилище; пальмовое дерево, по приказанію Иисуса, нагнулось, и пресв. Дѣва взяла его плоды. Когда пресв. Дѣва вошла въ языческой храмъ, 365 идоловъ пали передъ ней, и царь Ефродозій (Афродитіанъ апокрифовъ) вмѣстѣ съ своимъ войскомъ крестился. Въ этой же главѣ говорится о нападеніи разбойниковъ на св. Семейство во время его бѣгства въ Египеть и о томъ, что львы и тигры указывали ему дорогу. У Гермополя св. семейству поклонилось дерево; въ одномъ храмѣ двери отворились передъ пр. Дѣвой. Пресв. Дѣва мыла пеленки передъ уходомъ въ Египеть, и этой водой одна женщина вылѣчила своего сына отъ проказы. Въ 5 главѣ говорится, что пресв. Дѣва знала будущее, что на горѣ Елеонской Ей однажды деревья кланялись и что Она вмѣстѣ съ апостолами получила даръ знанія языковъ. Въ 6 главѣ говорится, что передъ кончиной пр. Богородицы ангелъ принесъ Ей съ неба пальмовую вѣтвь, которую потомъ несли впереди Ея гроба и что апостолы на облакахъ были принесены въ Иерусалимъ на погребеніе пресв. Богородицы. Иисусъ самъ взялъ Ея душу и отнесъ Ее на небо; жида хотѣли опрокинуть гробъ, но ослѣпли; ангелы пѣли на похоронахъ пресв. Богородицы.

Въ дополненіе къ тому, что ранѣе было сказано о сближеніи пресв. Богородицы съ лиліей, укажемъ на слѣдующее замѣчаніе Галятовскаго въ «Небѣ», глава 3. Для устраненія всякаго сомнѣнія въ дѣвственности пресв. Дѣвы Егидій три раза ударялъ въ землю своимъ жезломъ, говоря: до рождества Дѣва, въ рожденіи Дѣва и по рождествѣ Дѣва, и каждый разъ выростала лилія. Въ главѣ 7 сообщается, что когда умеръ одинъ человекъ, постоянно говорившій: «радуйся, Марія!», то изъ устъ его выросла лилія съ надписью: «радуйся, Марія!»

Въ 7 главѣ «Неба» говорится, что въ Голландіи одинъ монахъ постоянно читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ м, а, р, і, я. Когда онъ умеръ, то изъ его ушей, глазъ и устъ выросли розы; роза, вышедшая изъ устъ, не увяла и была вставлена въ оправу.

Въ 8 главѣ «Неба» говорится, что пр. Дѣва соткала Иисусу одежду; одежда эта потомъ росла съ возрастомъ Иисуса. Передъ своей кончиной пр. Дѣва свою ризу и поясъ передала ап. Ѳомѣ.

Сказанія объ обмираніяхъ и о томъ, что рассказывала грѣшная душа, побывавшая въ аду, проникали въ Малороссію, между прочимъ, литературнымъ путемъ. Такъ Галатовскій въ 10 главѣ «Неба» 1665 г. говоритъ, что въ Англіи умеръ одинъ развратный молодой человекъ, но вскорѣ онъ воскресъ и рассказалъ священнику, что злые духи тянули его въ адъ за то, что онъ не давалъ десятины отъ своихъ доходовъ священникамъ, тайкомъ ловилъ рыбу въ монашескомъ прудѣ и на охотѣ топталъ крестьянскій хлѣбъ.

Въ 18 главѣ «Неба» говорится, что арабскій царь Анфілогъ видѣлъ въ церкви, какъ священникъ въ таинствѣ евхаристіи закололъ Іусуса въ видѣ младенца. Рассказъ этотъ повторяется и въ «Мессіи Правдивомъ».

Поэтическій мотивъ русско-галицкой пѣсни «Війте дѣвойки» — жалоба Богу на женщинъ, что онѣ по воскресеньямъ расчесываютъ свои волосы, не представляеть повидимому одиночнаго явленія въ исторіи литературы. Нѣчто подобное находится въ италійской народной поэзіи, въ приложеніи къ пятницу. Въ Сициліи говорятъ, что Спаситель, странствуя съ своими апостолами по землѣ, съѣлъ однажды въ пятницу отдохнуть и попросилъ воды у одной женщины. Женщина въ то время расчесывала себѣ волосы и грубо отказала. Тогда Спаситель сказалъ: «да будутъ прокляты тѣ косы, которыя расчесываютъ по пятницамъ!» (Питре, въ Журн. мин. народ. просв., 1876 г., т. CLXXXIII, стр. 922).

Гогъ упоминается у пр. Іезекіиля (гл. 38 и 39), какъ завоеватель, поселившійся въ землѣ Магога. Тайновидецъ Іоаннъ, говоря о временахъ антихриста, упоминаетъ Гога и Магога (Апок., стр. 20, 8). По свидѣтельству Плинія (кн. V, стр. 25) подъ именами Гога и Магога разумѣлись иногда цари Ассиріи и окрестныхъ странъ. Но въ пророчествѣ видно иносказаніе, и учителя церкви

прилагають его то къ туркамъ, ведущимъ брань съ христіанами, то къ скиѣамъ (Плюшаръ, Энцикл. словарь, т. XIV, стр. 325). Въ «Мессіи Правдивомъ» Галятовскаго Гогъ и Магогъ упоминаются въ изъясненіи 6 и 18 пророчествъ, въ первомъ случаѣ въ значеніи народовъ, заключенныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, во второмъ Гогъ въ значеніи антихриста, а Магогъ его воинства. Въ концѣ міра Иисусъ поразитъ Гога и Магога на Елеонской горѣ, причѣмъ на полѣ битвы будетъ столько копій и луковъ, что евреи могли бы отопиться ими вмѣсто дровъ въ теченіи семи лѣтъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» Симеона Полоцкаго излагаются различныя мнѣнія церковныхъ писателей о Гогѣ и Магогѣ: по однимъ Гогъ и Магогъ заклятые народы, запертые въ горахъ, другіе подъ именемъ Гога разумѣли подданныхъ антихриста, дѣйствующихъ противъ христіанъ тайно, а подъ именемъ Магога слугъ антихриста, дѣйствующихъ открыто противъ христіанъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

БЕЗТАЛАННЫЙ.

(Поэма Т. Гр. Шевченка ¹⁾).

На память 9-го ноября 1843 года княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Душѣ съ прекраснымъ назначеньемъ
Должно любить, терпѣть, страдать,
И даръ Господній вдохновенъе
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово!...
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,

. . . . .
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихостройными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Яготинъ, 11 ноября,
1843 г.

Души ваши очистивше въ послушаніи истины духомъ, въ братолюбіи нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно: порождени не отъ сѣмени истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога пребывающаго во вѣки. Зане всяка плоть, яко трава, и всяка

---

¹⁾ Изъ журнала „Маякъ“ за 1844 г., т. XIV.

слава человѣча, яко цвѣтъ травный: изше трава, и цвѣтъ ея отпаде, глаголь же Господень пребываетъ во вѣки. Се же есть глаголь благовѣтствованный въ васъ.

(Первое соборное посланіе св. апостола Петра, 1, 22—25).

Двѣнадцать приборозъ на кругломъ столѣ,
 Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ;
     И часъ ужъ проходить,
     Никто не приходитъ;
     Должно быть друзьями
     Забыты они.

Они не забыты,—въ урочную пору,
 Обѣтъ исполняя, друзья собрались
 И вѣчную память пропѣли соборомъ.
 Отправили тризну—и всѣ разошлись.
 Двѣнадцать ихъ было; всѣ молоды были,
 Прекрасны и сильны. Въ прошедшемъ году
 Найлучшаго друга они схоронили
 И другу поминки въ тотъ день учредили,
 Пока на свиданье къ нему не сойдутъ.
 Счастливое братство! единство любви
 Почтите вы свято на грѣшной земли:
 Сходитесь, други, какъ нынѣ сошлись,
 Сходитесь долго и пѣснею новой
 Воспойте побѣду безъ злобы и крови!
 Благословенъ твой малый путь,
 Пришлецъ убогій, неизвѣстный!
 Ты силою Господа чудесной
 Возмогъ въ сердца людей вдохнуть
 Огонь любви, огонь небесный.
 Благословенъ! ты Божью волю
 Короткой жизнью освятилъ
 И долю рая въ сей юдоли
 Безмолвно ты провозгласилъ.
 Когда братъ брата алчетъ крови—
 Ты сочеталъ любовь въ чужихъ;

Свободу людямъ въ братствѣ ихъ
 Ты проявилъ; великимъ словомъ
 Ты міру миръ благовѣстилъ;
 И отходя благословилъ
 Свободу блага, — духъ любви!
 Душа избранная, зачѣмъ
 Ты мало такъ у насъ гостила?
 Тебѣ здѣсь тѣсно, трудно было!
 Но ты терпѣла здѣшній плѣнь;
 Ты, непорочная, взирала
 Скорбя на суетныхъ людей
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . . и теперь
 На міръ нашъ темный и лукавый
 Съ тоской безстрастно глядишь.
 Благоговѣю предъ тобою,
 Въ безмолвномъ трепетѣ дивлюсь;
 Молюсь, тоскующій душою,
 Какъ передъ ангеломъ молюсь!
 Сниди, пошли мнѣ исцѣленье!
 Внуши, навѣй на хладный умъ
 Хоть мало свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
 Хоть на единое мгновенье
 Темницу сердца озари
 И мракъ строптивыхъ помышлений
 И разгони и усмири.
 Правдиво тихими рѣчами
 Ты Расскажи мнѣ все свое
 Земное благо-житіе
 И научи владѣть сердцами
 Людей кичливыхъ и своимъ,
 Уже растлѣннымъ, уже злымъ...
 Скажи мнѣ тайное ученье—
 Любить гордящихся людей

И рѣчью кроткой и смиреньемъ
Добро лишь сѣять въ жизни сей.
Да просвѣщаю гимнъ пророчій
И долу правду низведу
И погасающія очи
Безъ страха къ небу возведу.
И въ этотъ часъ послѣдней муки
Пошли мнѣ истинныхъ друзей
Сложить хладѣющія руки
И безкорыстія елей
Пролить изъ дружескихъ очей.
Благословлю мои страданья,
Отраднo смерти улыбнусь
И къ вѣчной жизни съ упованьемъ
Къ тебѣ на небо вознесусь.
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ неславленный, чудесный!
Въ семьѣ убогой, неизвѣстной
Онъ выросталъ; и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано;
Упреки злые встрѣтилъ онъ
За хлѣбъ насущный... Дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый;
Тоска, какъ воръ, нетерпѣливо
Въ разбитомъ сердцѣ притаилась,
Губами родными впиалась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... умъ горѣлъ,
Въ крови гордыня клокотала...
Онъ трепеталъ... онъ цѣпенѣлъ...
Рука сжимаяся дрожала...
О, если бѣ могъ онъ шаръ земной
Схватить озлобленной рукой,
Со всѣми гадами земными,
Схватить, измять и бросить въ адъ!...
Онъ былъ бы счастливъ, былъ бы радъ.

Онъ хохоталъ, какъ демонъ лютый,
И длилась страшная минута,
И мiръ пылалъ со всѣхъ сторонъ;
Рыдалъ, нѣмѣлъ онъ въ изступленьи,
Душа терзалась страшнымъ сномъ;
Душа мертвѣла, а кругомъ
Земля, Господнее творенье,
Въ зеленой ризѣ и цвѣтахъ,
Весну встрѣчая, ликовала.
Душа отраднo пробуждалась
И пробудилась... Онъ въ слезахъ
Упалъ и землю лобызаетъ,
Какъ перси матери родной!..
Онъ снова чистый ангелъ рая
И на землѣ онъ всѣмъ чужой.
Взглянулъ на небо: «о какъ ясно,
Какъ упоительно прекрасно!
О, какъ тамъ вольно будетъ мнѣ»!
И очи въ чудномъ полуснѣ
На сводъ небесный устремляетъ
И въ безпредѣльной глубинѣ
Душой невинной утопаетъ.
По высотѣ святой широкой
Платочкомъ бѣлымъ одинока
Прозрачна тучка въ даль плыветь.
«Ахъ тучка, тучка! кто несетъ
Тебя такъ плавно, такъ высоко?
Ты что такое? и зачѣмъ
Такъ пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кѣмъ?»..
И тучка тихо растопилась
На небѣ свѣтломъ; взоръ унылый
Онъ опустилъ на темный лѣсъ...
«А гдѣ край свѣга, край небесъ,
Концы земли?».. И вздохъ глубокий,
Не дѣтскій вздохъ онъ испустилъ,

Какъ будто въ сердцѣ одинокомъ
Надежду онъ похоронилъ.
Въ комъ вѣры нѣтъ,—надежды нѣтъ!
Надежда—Богъ, а вѣра—свѣтъ.
«Не погасай, мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силою
И путь тернистый, путь унылый
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ напѣемъ напой,
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!»..
Надежды онъ не схоронилъ;
Воспрянулъ духъ, какъ голубь горній,
И мракъ сердечный, мракъ юдольный
Небеснымъ свѣтомъ озарилъ;
Пошелъ искать онъ жизни, доли,
Уже прошелъ родное поле,
Уже скрывалось село.....
Чего то жаль внезапно стало;
Слеза рѣсницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего то жаль намъ въ прошломъ нашемъ,
И что то есть въ землѣ родной....
Но онъ, бѣднякъ, онъ всѣмъ не свой
И тутъ и тамъ. Планета наша,
Прекрасный міръ нашъ, рай земной
Во всѣхъ концахъ ему чужой;
Припаль онъ къ персти милой
И, какъ родную, лобызалъ
Рыдая тихо и уныло,
На путь молитву прочиталъ...
И твердой вольною стопой
Пошелъ... и скрылся за горой.

За рубежомъ родной земли
Скитался нищимъ сиротою.
Какія слезы не лились!
Какой ужасною цѣною
Уму познанія купилъ
И дѣтство сердца сохранилъ!
Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочестъ всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла...
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы!
Се человѣкъ.... безъ крова жить,
Людей извѣдать—и любить!
Незлобнымъ сердцемъ сожалѣя
О недостойныхъ ихъ дѣлахъ
И не кощунствуя въ погъмахъ,
Какъ царь ума. Убогимъ, нищимъ
Изъ за куска насущной пищи
Глупцу кичливому годить
И мыслить, чувствовать и жить!...
Вотъ драма страшная, святая!..
И онъ прошелъ ее, рыдая,
Ее онъ строго разыгралъ
Безъ слова; онъ не толковалъ
Своихъ всеневныхъ приключеній,
Какъ назидательный романъ;
И тьму различныхъ сновидѣній
И Байроническій туманъ
Онъ не пускалъ; «толпой ничтожной»
Своихъ друзей не поносилъ;
Чиновъ и власти не казнилъ,
Какъ Н, глашатай осторожный.
И тотъ, кто мыслить безъ конца
О мысляхъ Канта, Галилея,

Блаженъ и свободенъ!... но тотъ, кто не окомъ,
 А смотреть душою на козни людей
 И можетъ лишь плакать въ тоскѣ одинокой,
 О Боже правдивый, лиши ты очей!
     Твои горы, твое море,
     Всѣ красы природы
     Не искупятъ его горя,
     Не дадутъ свободы.

И онъ, страдалецъ жизни краткой,
 Все видѣлъ, чувствовалъ и жилъ,
 Людей извѣдавши любилъ
 И тосковалъ о нихъ украдкой.
 Его и люди полюбили¹⁾,
 И онъ ихъ братіями звалъ;
 Нашелъ друзей и тайной силой
 Къ себѣ друзей причаровалъ;
 Между друзьями молодыми
 Порой задумчивый... порой,
 Какъ вохвъ-вѣщатель молодой,
 Рѣчами звучными, живыми
 Друзей внезапно изумлялъ
 И силу дружбы между ними
 Благословляя укрѣплялъ.
 Онъ говорилъ, что обще благо
 Должно любовію купить
 И съ благородною отвагой
 Стать за добро и зло казнить.
 Онъ говорилъ, что праздникъ жизни,
 Великій праздникъ, Божій даръ,
 Должно пожертвовать отчизнѣ,
 Должно поставить подъ ударъ.
 Онъ говорилъ о страсти нѣжной;
 Онъ тихо грустно говорилъ
 И умолкалъ!... Въ тоскѣ мятежной
 Изъ за стола онъ выходилъ

¹⁾ Какъ цвѣтокъ, процвѣвшій на ихъ болотѣ.

И горько плакаль. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни съ кѣмъ, страдалецъ, не дѣлилъ.
Друзья любили всей душою
Его, какъ кровнаго; но онъ
Непостижимою тоскою
Быль постоянно удрученъ,
И между ними свѣтлой рѣчью
Онъ пламенѣлъ. Но межъ гостей,
Когда при тысячѣ огней
Мелькали мраморныя плечи,
О чемъ то тяжело онъ вздыхалъ
И думой мрачною леталъ
Въ странѣ родной, въ странѣ прекрасной,
Тамъ, гдѣ никто его не ждалъ,
Никто о немъ не вспоминалъ,
Ни о судьбѣ его неясной.
И думалъ онъ: «за чѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными.
Они равны всѣ межъ собой:
А я!»... И тихо онъ выходитъ
Идетъ задумавшись домой;
Никто изъ дому не выходитъ
Его встрѣчать; никто не ждетъ.
Вездѣ одинъ.... тоска, томленье!..
И свѣтлый праздникъ Воскресенья
Тоску сторичную несетъ.
И вянетъ онъ, вянетъ, какъ въ полѣ былина,
Тоскою томимый въ чужой сторонѣ,
И вянетъ онъ молча.... Какая кручина
Запала въ сердечной его глубинѣ?
«О горе мнѣ, горе! зачѣмъ я покинулъ
Невинности счастье, родную страну?
За чѣмъ я скитался, чего я достигнулъ?
Утѣхи познаній?... Клянупу ихъ, клянупу!

Они то мнѣ годы, мой умъ истощили,
 Съ моимъ тихимъ счастьемъ они разлучили!
 Кому я тоску и любовь расскажу?
 Кому сердца раны въ слезахъ покажу?
 Здѣсь нѣту мнѣ пары, я нищій межъ ними,
 Я бѣдный поденщикъ, работникъ простой!
 Что дамъ я подругѣ моими мечтами?
 Любовь.... Ахъ любви, любви одной
 Съ нею на три вѣка, на вѣчность бы стало!
 Въ своемъ бы я сердцѣ ее схоронилъ.
 О какъ бы я нѣжно, какъ нѣжно любилъ!»
 И крупныя слезы, какъ искры, казались,
 И блѣдныя щеки и слабую грудь
 Росили—и сохли. «О дайте вздохнуть,
 Разбейте мнѣ черепъ и грудь разорвите:
 Тамъ гады, тамъ змѣи,—на волю пустите!
 О дайте мнѣ тихо на вѣки заснуть!»
 Страдалъ несчастный сирота
 Вдали отъ родины счастливой
 И ждалъ конца нетерпѣливо.
 Его любимая мечта—
 Полезнымъ быть родному краю,
 Какъ цвѣтъ, съ нимъ вмѣстѣ увядаетъ!
 Страдалъ онъ. Жизни пустота
 Предъ нимъ могилой раскрывалась:
 Пріязни братской было мало,
 Не грѣла теплота друзей,
 Небесныхъ солнечныхъ лучей
 Душа парящая алкала,—
 Огня любви, что Богъ зажегъ
 Въ стыдливомъ сердцѣ голубиномъ
 Невинной женщины, гдѣ бы могъ
 Полетъ превьспренній, орлиный
 Остановить и сѣдинить
 Пожаръ любви, любви невинной;
 Кого бы могъ онъ пріютить
 Въ свѣтлицѣ сердца и разсудка.

Какъ беззащитную голубку,
 Отъ жизни горестей укрыть
 И къ персямъ юнымъ изнывая
 Главою усталую прильнуть,
 И цѣпенѣя, и рыдая
 На лонѣ жизни, лонѣ рая
 Хотя минугу отдохнуть.

. . . . .

. . . . .

Но было некого любить,
 Сочетаваться не съ кѣмъ было;
 А сердце плакало и ныло
 И замирало въ пустотѣ.
 Его тоскующей мечтѣ
 Въ грядущемъ что то открывалось,
 И въ безпредѣльной высотѣ
 Святое небо улыбалось.
 Какъ воску яраго свѣча
 Онъ таялъ тихо, молчаливо,
 И на задумчивыхъ очахъ
 Туманъ ложился. Взоръ стыдливый
 На немъ красавица порой
 Покоя, тайно волновалась
 И симпатической красой
 Украдкой долго любовалась.

. . . . .

И можетъ многія грустили
 Сердца дѣвичія о немъ.
 Но тайной волей, высшей силой
 Путь одинокій до могилы
 На камняхъ острыхъ проведенъ.
 Изнемогалъ онъ, грудь болѣла,
 Темнѣли очи, за крестомъ
 Граница вѣчности чернѣла
 Въ пространствѣ мрачномъ и пустомъ.

Уже въ постелѣ предмогильной
 Лежить онъ тихъ, и гаснетъ свѣтъ.
 Друзей тоскующій совѣтъ

. . . . .

Тревожить духъ его безильный.
 Поочередно почевали
 У друга вѣрные друзья,
 И всякій вечеръ собиралась
 Его прекрасная семья.
 Въ послѣдній вечеръ собралися
 Вокругъ предсмертнаго одра
 И просидѣли до утра,
 Уже разсвѣтъ смыкаль рѣсницы,
 Друзей унылыхъ сонъ клонилъ,
 И онъ внезапно оживилъ
 Ихъ грустный сонъ огнемъ бывалымъ
 Послѣднихъ пламенныхъ рѣчей;
 И други друга утѣшали
 Что черезъ семь иль восемь дней
 Онъ будетъ пѣтъ между друзей.
 «Не пропою вамъ пѣсни новой
 О славѣ родины моей.
 Сложите вы псаломъ суровый
 Про злобу и грѣхи людей
 И свѣтлымъ гимномъ помяните
 Предтечу друга своего.
 И за грѣхи.... грѣхи его
 Усердно Богу помолитесь....
 И со святыми упокой
 Пропойте, други, надо мной!»
 Друзья вокругъ его стояли,
 Онъ отходилъ, они рыдали,
 Какъ дѣти.... Тихо онъ вздыхалъ,
 Вдохнулъ, вдохнулъ... Его не стало!
 И міръ поэта потерялъ,
 И слава сына потеряла.

Печально други понесли
На утро въ церковь гробъ дубовый,
Рыдая предали земли
Остатки друга, и лавровый
Вѣнокъ, зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили
И на могилѣ положили
И со святыми упокой
Запѣли тихо и уныло.
Въ трапезѣ за круглымъ, за братскимъ столомъ
Ужъ подъ вечеръ други сидѣли кругомъ,
Печально и тихо двѣнадцать сидѣло;
Ихъ сердце одною тоскою болѣло.
Печальная тризна, печальны друзья!...
Ахъ, тризну такую отправилъ и я.
Согласьемъ общимъ положили,
Чтобъ каждый годъ былъ столъ накрытъ
Въ день смерти друга, чтобъ забыть
Не могъ быть другъ ихъ за могилой,
И всякій годъ они сходились
Въ день смерти друга поминать.
Ужъ многихъ стало не видать,
Приборы каждый годъ пустѣли,
Друзья все больше сиротѣли,—
И вотъ одинъ ужъ сколько лѣтъ
Къ пустымъ приборамъ на обѣдъ
Старикъ печальный пріѣзжаетъ;
Печаль и радость юныхъ лѣтъ
Одинъ грустя воспоминаетъ.
Сидитъ онъ долго, мраченъ, тихъ
И поджидаетъ: «нѣтъ ли брата
Хоть одного еще въ живыхъ»?
И одинокій въ путь обратный
Идетъ онъ молча.... И теперь,
Гдѣ круглый столъ стоитъ накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И братъ, что временемъ забытый,

Вошелъ согбенный... Грустно онъ
Окинулъ столъ потухшимъ взоромъ
И молвилъ съ дружескимъ укоромъ:
«Лѣнтяи! видишь, какъ законъ
Священный братскій исполняютъ!
Вотъ и сегодня не пришли,
Какъ будто за море ушли!»
И слезы молча утираетъ,
Садясь за братскій круглый столъ.
«Хоть бы одинъ тебѣ пришелъ!»
Старикъ сидитъ и дожидаетъ.
Проходить часъ, прошелъ другой,
Ужъ старику пора домой;
Старикъ встаетъ. «Да, измѣнили!
Послушай, выпей, братъ, вино»,
Сказалъ слугѣ онъ: «все равно,
Я не могу; прошло, что было,
Да поминай за упокой,
А мнѣ пора уже домой!»
И слезы снова покатались.
Слуга вино дивясь выпилъ.
«Дай шляпу мнѣ... какая лѣнь
Идти домой»!.. и тихо вышелъ.
И черезъ годъ въ урочный день
Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ,
И день ужъ проходить,
Никто не приходитъ.
На вѣки, на вѣки забыты они!

САВВА ЧАЛЕНКО.

(изъ исторіи гайдамачины прошлаго вѣка) ¹⁾.

Украинскій народъ до сихъ поръ поетъ думы о Чаленкѣ, а историки, описывающіе исторію пограничныхъ разбоевъ въ эпоху, предшествовавшую «Коліивщинѣ», извѣстной у насъ повсемѣстно подъ названіемъ уманской рѣзни, посвящаютъ названному ватажку больше или меньше словъ, одни идя вслѣдъ пѣсни, другіе—въ слѣдъ легенды, кто какъ хочетъ, соотвѣтственно съ подробностями, мѣняющимися въ народныхъ разказахъ. Писали о Саввѣ и Свальковскій, и Мордовцевъ, и Антоновичъ, послѣдній наиболѣе близко къ правдѣ, безпристрастно, однако сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ ошибокъ, такъ какъ ему не доставало источниковъ, которые намъ случайно попались. Это—большой фоліантъ, содержащій въ себѣ распоряженія рашковскаго губернатора Михаила Рогускаго, который, именемъ воеводы сандомирскаго и фельдмаршала королевскихъ войскъ, князя Юрія Любомирскаго, управлялъ цѣлымъ Побережьемъ. Фоліантъ обнимаетъ нѣсколько лѣтъ отъ 1728 до 1740 г. и для соціальной исторіи Подністровья составляетъ неоцѣненный матеріалъ.

Исторію впрочемъ хозяйства нашихъ предковъ въ этой землѣ оставляемъ въ сторонѣ; теперь мы намѣрены разсказать приключенія одного человѣка, непродолжительныя, правда, но не лишеныя яркихъ красокъ, и разсказать потому, что ему принадлежитъ скромное мѣсто и въ нашей исторіи.

---

¹⁾ Переводъ съ польскаго. Изъ кн. D-ra Antoni J. Szkice i opowiadania. Seryja piąta. Krakow-Warszawa. 1887.

Извѣстно, что князь Юрій Любомирскій приобрѣлъ отъ Конецпольскихъ обширныя пустоши, лежавшія между Бугомъ и Днѣстромъ и занимавшія ббльшую часть Подоліи и Брацлавщины. Это былъ такъ называемый трактъ бугскій и днѣстровскій; начинался онъ подъ Винницей и кончался подъ Ягорликомъ и Конецполемъ, выдвинутымъ далеко за савранскія равнины. Колонизацію, бойко начатую здѣсь въ началѣ XVII вѣка великимъ короннымъ гетманомъ и дѣдичемъ этихъ окраинъ, подорвала бозацкая мятелица, поднятая Хмельницкимъ, уничтожила окончательно двадцатисемилѣтняя турецкая неволя, а затѣмъ новыя ея зачатки погубила Палѣивщина, безумствовавшая на этомъ пространствѣ до 1719 г. Тогда-то наиболѣе энергичныя наши земляне опустили руки, спуская за что попало окраинныя владѣнія, не приносящія доходовъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Любомирскій, совершилъ скоро и выгодно торгъ съ наследниками Конецпольскаго и, сдѣлавшись владѣльцемъ пустопорожнихъ мѣстъ, рѣшился извлечь изъ нихъ пользу. Это не малая заслуга: онъ первый изъ крупныхъ владѣльцевъ прошлаго столѣтія далъ новый толчекъ къ заселеніямъ здѣсь, «у мультанской и татарской стѣны». На шаргородскія владѣнія вызвалъ мазуровъ, на Побережье по сосѣдству пригласилъ волоховъ, и эти послѣдніе, привлеченные привилегіями, толпами начали селиться на урочищахъ, разсыпанныхъ вдоль лѣваго берега Днѣстра.

Но стягивать поселенцевъ — это еще не все: нужно было создать энергическую администрацію, и вотъ эти обширныя земли были подѣлены на нѣсколько ключей; два мѣстечка—Шаргородъ и Рашковъ были какъ-бы двѣ столицы этого побережскаго государства, тянувшагося на какихъ нибудь тридцать миль и считавшаго слишкомъ 2,500,000 морговъ земли. Цѣлыя толпы официалистовъ роились въ панскихъ фольваркахъ. Не знаю почему, мы съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ проходимъ мимо ихъ заслугъ; но какъ въ XVI и XVII вѣкахъ пограничныя ротмистры оберегали землю отъ нашествія варваровъ, такъ въ прошломъ вѣкѣ эти «губернаторы и генеральныя писари» отбивались отъ гайдамакъ, запорожцевъ и татаръ; тѣ, рыцарскіе

ихъ предшественники, за труды, подъятыя здѣсь, добыли себѣ кресла въ сенатѣ, эти же воспитали будущихъ землянь: потомки ихъ до сего времени сидятъ на земляхъ, переданныхъ имъ пра-дѣдами, этими скромными ключевыми администраторами въ по-бережскомъ государствѣ. Одна изъ столицъ этого государства—Шаргородъ имѣлъ замокъ, построенный Замоискими еще ante hosticum и не совсѣмъ разрушенный турками, имѣлъ камен-ный «караванъ сарай», построенный этими послѣдними; было, значить, гдѣ расположиться и захозяйничать. И въ Рашковѣ было кой-какое удобство: новый владѣлецъ нашелъ здѣсь зна-чительныя руины, родъ «кастеля», давнюю резиденцію несчаст-ной Роксанды Хмельницкой, вдовы Тимофея и дочери господаря Лупула; послѣ трагической ея смерти, нѣкоторое время въ этомъ замкѣ пребывалъ Дука, фантастическій владѣтель фантастиче-скаго княжества немировскаго. Кой какъ исправленные «муры» дали безопасное мѣсто для храненія архива и экономической кассы. Рашковъ и потому еще представлялъ не малыя удобства, что, положенный при Днѣстрѣ, облегчалъ сношенія съ сосѣд-ней Волощиной. Но однихъ стѣнъ было недостаточно; нужно было охранять ихъ соотвѣтствующей милиціей. Князь-дѣдичъ создалъ и ее подъ названіемъ надворной милиціи, издалъ для нея даже уставъ, по которому составлялись козацкіе отряды, устраиваемые потомъ другими крупными землевладѣльцами. Из-вѣстное число дворовъ давало крестьянина на замковую служ-бу; этотъ послѣдній, вольный отъ панщины, получалъ одежду, оружіе, коня и даже скромное жалованье, увеличиваемое обык-новенно добытыми отъ гайдамакъ вещами или живымъ ин-вентаремъ, а иногда даже деньгами. Такой козакъ за заслуги съ рядоваго могъ сдѣлаться поручикомъ (начальникомъ поль-сотни), ротмистромъ (сотникомъ) и даже при счастіи полковни-комъ. Милиціи явились во владѣніяхъ Любомирскаго между 1724 и 1730 годомъ; были они подчинены губернаторамъ, т. е. ключевымъ управляющимъ, и имѣли во главѣ молодцовъ, выбран-ныхъ изъ своей среды.

Не спрашивали о прошломъ такого предводителя, былъ бы только ловкій, зналъ бы «фигли» и хитрости гультяевъ, умѣлъ бы ихъ выслѣдить, а спокойныхъ людей оборонить отъ нападенія разбойниковъ—вотъ и все. Такъ какъ Любомирскій владѣлъ огромными имѣніями, то и надворныхъ козаковъ у него было много въ такъ называемыхъ экономіяхъ; замѣстить всѣ пограничныя посты на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль, оборонять двѣ крѣпости, одиннадцать ключевыхъ резиденцій—не такъ легко, какъ это кажется. Потому-то на Побережьи считалось козаковъ до 3,000; кромѣ того, въ Шаргородѣ «кантоновала» польская хоругвь на подобіе украинскихъ, состоявшая изъ сотни людей и находившаяся подъ начальствомъ поручика Лубковскаго; ея назначеніемъ было слѣдить за дѣйствіями дворскихъ козаковъ, наблюдать, чтобы они не допускали насилій, не связывались съ гайдамаками и, что найважнѣе, не волновали крестьянъ, которые легко вѣрили всякимъ розказнямъ о свободѣ. Штабъ хоругви, употребимъ теперешнее выраженіе, находился въ Шаргородѣ; во главѣ его стоялъ полковникъ Верланъ, старый козакъ, помнившій давнія времена, нравившійся князю; за свою службу онъ получилъ отъ князя село Качковку; доходы съ этого имѣнія составляли постоянную его пенсію. Пользовался онъ довѣріемъ не только самого дѣдича, но и многихъ губернаторовъ; ему подчинены были и замковая стража и волошскія хоругви, разбросанныя вдоль Днѣстра. Такое названіе онѣ получили потому, что состояли главнымъ образомъ изъ волоховъ, недавно поселившихся на Побережьи. И Верланъ, какъ можно заключить изъ названія, навѣрно происходилъ изъ Валахіи; при немъ былъ сынъ, который въ этомъ войскѣ исполнялъ обязанность ротмистра, такую же должность занимали Стефанъ Скорычъ, Михалко Флоринскій, Иванъ Рынгачъ и много другихъ. Къ этой же категоріи принадлежалъ и Савва Чалый, или собственно Чаленко, поручикъ рашковской милиціи, малороссъ, родомъ изъ Молокишъ, небольшого села, расположеннаго надъ Днѣстромъ и въ описи княжескихъ имѣній отнесеннаго къ крутянскому ключу. Въ то время губернаторомъ Побережья былъ Михаилъ Рогускій,

также много лѣтъ служившій у Любомирскихъ; за ревностное исполненіе своихъ обязанностей имѣлъ онъ подаренное ему село Берчовку, на краю шаргородскихъ пуцць, по дорогѣ, ведущей въ Могилевъ. Названный начальникъ имѣлъ пребываніе въ Рашковѣ и для безопасности держалъ при себѣ милиціантовъ съ Чаленкомъ во главѣ. Молодой козакъ подавалъ надежды въ будущемъ, подчиненные его выглядывали лучше другихъ, были всѣ какъ на выборъ, особенно ловко владѣли «списами», научились отъ волоховъ искусно ловить «арканомъ» не только дикихъ коней изъ табуна, но и гайдамакъ, часто болѣе дивихъ, чѣмъ звѣри. Савка владѣлъ особымъ даромъ выслѣживать гультаевъ, никто ловче его не умѣлъ захватывать «батовню» (коней, навьюченныхъ награбленными вещами), а также подсматрѣть минуту «паеванья» (раздѣла грабежа). Собралъ онъ и денегъ достаточно, и былъ предметомъ удивленія и обожанія не только крестьянокъ, но и мѣщанокъ рашковскихъ, во всѣ времена извѣстныхъ своей красотой такъ далеко, что татары не разъ совершали нападенія на мѣстечко съ тою только цѣлью, чтобы поймать хоть нѣсколько дѣвушекъ, весьма дорого цѣнимыхъ въ цареградскихъ гаремахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ памятномъ для пограничныхъ жителей 1734 г. Въ то время союзныя войска вступили въ Украйну, будучи приглашены поддерживать элекцію Августа III; русскій полковникъ Поляновскій сталъ квартирой въ Умани; имъ-то данъ былъ толчекъ къ возникшему вскорѣ народному движенію: оцъ позволилъ надворнымъ козакамъ формировать полки съ цѣлью тѣснить многочисленныхъ въ той странѣ сторонниковъ Станислава Лещинскаго... Получившіе полномочіе къ вербовкѣ не вполне хорошо поняли свою задачу, объяснили ее по-своему и пригласили крестьянство къ соучастію. Крестьяне, жадные къ свободѣ, поднялись во мгновеніе ока, неслыханный жаръ обнялъ толпу... Брались они за ножъ четыре раза въ прошломъ вѣкѣ: 1702, 1734, 1750 и 1768 гг... однако годъ, событія котораго мы намѣрены описывать, если въ отношеніи ужасовъ не равнялся позднѣйшей Коліивщинѣ, то превзошелъ ее въ отношеніи про-

странства, какое обняло возстаніе; пламя бунта бушевало въ границахъ цѣлыхъ трехъ воеводствъ, а по прекращеніи его одно только брацлавское воеводство не досчиталось девяноста гербовныхъ землевладѣльцевъ, убитыхъ необузданнымъ народомъ.

Изъ Умани, повторяемъ, былъ данъ сигналъ; тамошній сотникъ Писаренко, первымъ посвященный въ тайну, сейчасъ снесся съ Верланомъ, а этотъ поспѣшилъ надъ Днѣстръ и поднялъ цѣлую Волощину, такъ что чрезъ нѣсколько дней его полкъ считалъ уже 1207 людей. Въ составъ этого полка вошли вышеупомянутые ротмистры, кромѣ того Савва Комаргородскій и Кифа Крутинскій; Савва Чаленко также сталъ подъ знамя появившагося «наказнаго» атамана... Традиція давней организаціи сохранилась неизмѣнной; Верланъ въ одну почти минуту сталъ на Поднѣстровьи грознымъ предводителемъ; обѣщалъ онъ народу полную свободу — обѣщаніе слишкомъ понятное, чтобы его могъ отвергнуть крестьянинъ, а какія милости и благодѣянія должны политься на козаковъ, которые для пріобрѣтенія этой свободы готовились лить кровь и въ крайности положить свою голову!...

Рогускій еще предъ началомъ возстанія, замѣтивъ, что дѣлается около него, сталъ представлять милиціантамъ печальныя послѣдствія бунта и убѣждать ихъ къ послушанію, тѣмъ болѣе, что панъ ихъ, князь воевода сандомірскій принадлежалъ къ сторонникамъ Августа III. Мѣра эта возымѣла свое дѣйствіе: надворные любили губернатора, не стѣснялъ онъ ихъ ни въ чемъ, давалъ имъ больше свободы, чѣмъ гдѣ-либо это было. Но какъ-то въ это время самъ губернаторъ попалъ въ тюрьму, а заключилъ его туда начальникъ союзнаго отряда, имѣвшій временное пребываніе въ Бершадѣ: послалъ онъ рашковскому комисару «ордеръ», чтобы тотъ немедленно явился съ милиціей въ его обозъ; Рогускій отвѣчалъ, что безъ дозволенія князя онъ не можетъ этого сдѣлать; это и было причиною ареста, непродолжительнаго, впрочемъ, въ началѣ іюня 1734 года. Но возвратясь на мѣсто, губернаторъ не засталъ уже ни одного козака: всѣ оставили пограничную свою службу и вышли въ поле подъ команду

Верлана. Отрядъ же этого послѣдняго росъ съ каждымъ днемъ; ватажекъ, успенный триумфомъ, распустилъ загоны вездѣ по краю. Шаргородъ и окрестныя села были разграблены, евреи вырублены, надъ латинскимъ духовенствомъ издѣвались ужасно, «жонкамъ и дѣвкамъ дѣлали гвалты». Наконецъ Верлану не достаточно было крестьянъ, сталъ онъ заманивать въ товарищи чиншевую шляхту, упорнымъ грозилъ муками, и одинъ изъ Радзѣвскихъ въ Мервинцахъ, сидѣвшій на плохой землѣ, купилъ жизнь только тѣмъ, что «принялъ указъ на ватамана», т. е. обязался собрать разбойничью шайгу. По порядку досталось и другимъ мѣстечкамъ, сосѣднимъ съ Шаргородомъ: Лучинецъ Ржевускихъ преданъ огню, Замѣховъ воеводы Стефана Гумѣцкаго разрушенъ; здѣсь козаки крестили евреевъ, «будучи сами имъ кумовьями». Подверглись грабежу Рашковъ, Могилевъ, Мурафа; въ Винницѣ, Меджибожѣ и Барѣ козаки расположили гарнизонъ. Не прошло и мѣсяца, какъ цѣлое нагорное Подолье перешло въ руки экс-предводителя надворной милиціи кн. Юрія Любомирскаго; по порядку онъ взялъ Жванецъ, дошелъ даже до Бродъ и занялъ ихъ въ свое владѣніе. Стефанъ Гумѣцкій поспѣшилъ на помощь находящимся въ опасности окраннымъ и своимъ имѣніямъ, неустанно гонялся за Барлумомъ (такъ въ корреспонденціяхъ называли Верлана), однако нигдѣ не могъ настичь ловкаго козака.

И Савва принималъ участіе въ походахъ ватажка—исполнялъ при немъ какъ бы должность начальника штаба, наблюдалъ за порядкомъ въ рядахъ, добывалъ провіантъ, взымалъ контрибуцію... Однако сердце тянуло его въ Рашковъ; онъ любилъ, хотя съ своей любовью долженъ былъ укрываться, потому что избранница его была женой другаго, какаго-то скромнаго сапожника, который, подъ вліяніемъ обѣщаній вербовщиковъ, бросилъ свое ремесло и записался въ сотню Чаленка рядовымъ. Савва долженъ былъ оставаться при предводителѣ даже изъ-за страха позорной кары, какая ожидала непослушнаго, потому что уставъ этого новаго легіона былъ краткій и состоялъ въ слѣдующемъ: «въ случаѣ бы кто безъ вѣдома войско-

вой старшины отлучился изъ войска, тому кара—пятьдесятъ кievъ и въ продолженіе трехъ дней ходить ему пѣшкомъ впереди знамени и выпить гарнецъ воды». Но все таки Савва, воспользовавшись первымъ случаемъ, когда Верланъ двинулся на сѣверъ, поспѣшилъ къ своей любовницѣ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ караванъ, состоящій изъ грековъ; это были кievскіе бунцы, везшіе стамбульскіе товары; увѣренные въ opiekъ «ея императорскаго величества», они вовсе не слушались предостереженій добрыхъ людей и послѣ непродолжительнаго отдыха въ Могилевѣ двинулись далѣе. Вдругъ ихъ окружила толпа козаковъ; защищая себя, бунцы дали нѣсколько выстрѣловъ и этимъ проиграли дѣло: напавшіе ограбили ихъ совершенно, торговцы едва живыми ушли... Чаленко пошелъ далѣе съ триумфомъ, повезъ красавицъ „молодыци“ богатые подарки, но вмѣстѣ повезъ и трауръ: сапожникъ, смертельно раненный, по дорогѣ испустилъ духъ.

Слезы вдовы смѣнились слезами радости при видѣ «атамана», пылающаго такой неподдѣльной страстью. Правда, Чаленку не совсѣмъ безопасно было показываться людямъ, потому что союзники уже вошли въ сношенія съ гербовыми и приказывали надворнымъ козакамъ повиноваться давнимъ панамъ, но здѣсь, въ Рашковѣ, еще господствовала попрежнему «козацкая воля». Рогускій по давнему губернаторствовалъ, однако сидѣлъ такъ тихо, что о немъ никто не слыхалъ... На случай тревоги недалеко была Волощина, а тревога уже давала о себѣ знать, посому что Верланъ явился поспѣшно въ Рашковъ во главѣ своей уменьшившейся шайки, съ нѣснями переплылъ рѣку, а за нимъ потянулись тысячи мультавскихъ колонистовъ, скомпрометированныхъ въ послѣднемъ возстаніи; подговаривалъ онъ и Савву искать у господари защиты, но Савва хотѣлось въ Умань; желалъ онъ тамъ поразвѣдать и вмѣстѣ продать вещи, награбленныя у грековъ. И вотъ, забравъ вдову-любовницу и ея тестя, пробрался Савва къ Писаренку. Однако здѣсь уже знали о грабежѣ. Чаленко попалъ въ кандалы и былъ отправленъ въ Бѣлую-Церковъ, по приказанію бывшаго тамъ російскаго полковника Фрейдента, который пожелалъ самъ снять съ него допросъ.

Товары грековъ расплылись куда-то въ Умани, добрые люди разобрали ихъ для собственнаго употребленія. Но случилось пѣчто необычайное: заключеннаго въ тюрьму козака спасло собственно то, что должно было его погубить. Греки также въ Бѣлой-Церкви ожидали окончанія слѣдствія, хлопотали они не столько о гультяѣ, сколько о товарѣ. Полковникъ призывалъ купцовъ: вотъ, говоритъ, смотрите, тотъ ли самый.—Я не запираюсь, протестовалъ козакъ, что на Дзыговскихъ поляхъ ограбилъ этихъ людей: не показывали мнѣ «указу», стрѣляли, убили козака, другихъ удержать было трудно. На этомъ и кончился первый допросъ. Но и слѣдующій не многимъ отличался отъ этого перваго. Греки долго думали и выдумали весьма забавный планъ: случай произошелъ на землѣ пана воеводы сандомирскаго, хорошо зналъ объ этомъ генеральный комиссаръ этого воеводы, Михаилъ Рогускій, поэтому и требовали, чтобы онъ возвратилъ убытки. Это было немного дико, и губернаторъ запротестовалъ противъ такихъ несправедливыхъ претензій, но явились новые извѣты: кто-то видѣлъ Рогускаго на ярмаркѣ въ Сорокахъ, какъ онъ продавалъ коней, принадлежащихъ грекамъ,—основательная причина къ заключенію въ тюрьму, и бѣдняка доставили въ Бѣлую-Церковь во время Пасхи 1735 года и посадили въ тюрьму. Посѣтили его греки-торговцы: откупись, говорили ему, мы устроимъ твое освобожденіе. Пораженный комиссаръ потерялъ голову, его прямо обвиняли въ кражѣ, не хотѣлъ онъ ни о чемъ слышать; но на счастье имѣлъ друга въ лицѣ Володковича, «генеральнаго писаря подольскихъ имѣній сіятельнаго князя»; тотъ поспѣшилъ въ слѣдъ за заключеннымъ, разузналъ въ чемъ дѣло и, увѣренный въ невинности товарища, обратился къ принципалу, тяжело заболѣвшему въ то время въ Лабуні, и тотъ приказалъ удовлетворить претензіи грековъ... Уже въ декабрѣ довольные купцы возвращались въ Кіевъ, рашковскій губернаторъ, изнуренный, пзмученный, отправился на прежнее свое мѣсто, а Савва Чаленко немного раньше успѣлъ освободиться изъ заключенія, въ чемъ помогли ему сами купцы изъ опасенія, чтобы онъ при видѣ Рогускаго

не принялъ па себя всей вины... освободился и исчезъ изъ глазъ людскихъ, пропалъ гдѣ-то въ степяхъ, найдя у запорожцевъ убѣжище и гостепріимство.

Прошолъ почти годъ послѣ вышеописанныхъ событій; обстоятельства перемѣнились на столько, что крестьянскія возстанія совсѣмъ потухли, цѣлый край покрыла сѣть висѣлицъ и коловъ; суды *boni ordinis*, пограничные *causarum exorbitantiarum*, наконецъ городскіе и даже замковые, которые точнѣе можно назвать помѣщичьими, имѣли слишкомъ много работы..., а что уже говорить о тѣхъ экстренныхъ судахъ, на краю дубровы, гдѣ первая крѣпкая вѣтвь заступала мѣсто машины, употребляемой для вѣшанія... О разстрѣляніи не было рѣчи, обыкновенный зарядъ пороху въ пороховницѣ цѣнился выше, чѣмъ одна личность гайдамака, да и веревка иногда стоила больше, чѣмъ степовой гультяй, поэтому его оставляли съ поломанными ребрами въ полѣ, чтобы самъ мало по малу догаралъ... Мстили мы съ извѣстной опредѣленностью за тѣ девяносто головъ, что сняты съ туловищъ, украшенныхъ гербами, но противники гибли безъ протеста, съ равнодушіемъ проникнутыхъ фатализмомъ обитателей недалекаго Востока... Итакъ, бунты подавлены до времени—при благосклонномъ посредничествѣ союзныхъ войскъ, но справиться съ гайдамаками не были мы въ силахъ, и годы, наступившіе послѣ этого страшнаго 1734 года, были самые тяжкіе. Рѣчь Посполитая не могла выставить много войскъ на пограничной линіи, надворнымъ милиціямъ не довѣряли, да и тѣхъ было слишкомъ мало, ибо волошская колонизація вдоль Днѣстра, начатая тажъ удачно воеводой сандомирскимъ, но теперь разогнанная, пропала въ нѣсколько мѣсяцевъ; окраины стали пустыми; народъ, осѣвшій даже въ глубинѣ Украйны, желая избѣгнуть жестокихъ экзекуцій, выселился за Днѣпръ и пріютился въ голой степи, примыкающей къ польскимъ окраинамъ, къ Малороссіи, Запорожью и Татарщинѣ.

Въ этой степи и помину не могло быть о земледѣліи, даже о кровлѣ, которая бы защитила отъ зноя и дождя... Чорный лѣсъ, бурьяны и камыши бугскіе были единственной защитой; приходилось умирать съ голоду, поэтому болѣе смѣлые пробовали дѣлать набѣги: удастся—хорошо, а не удалось, что могло ожидать пойманнаго? Смерть... а смерть на колу или отъ голода—все равно. Такова была логика гайдамакъ, и, нужно сознаться, довольно основательная.

Все южное Пограничье и часть юго-восточнаго сдѣлалось тогда окномъ, чрезъ которое проникали разбойничьи банды въ глубь края, кое-какъ упорядоченнаго. Такъ какъ отъ Днѣпра была наиболѣе слабая сторона этой границы, то здѣсь постоянно пребывалъ региментарь украинской партіи, а резиденціей его была назначена Лысянка. Обязанностью его было наблюдать за приходомъ непрощенныхъ гостей, и онъ наблюдалъ, день и ночь бодрствовалъ, но досмотрѣть не могъ. Эту тяжелую должность занималъ въ то время Малинскій, староста новгородскій. Въ его региментарство осенью 1736 года гайдамаки ограбили Павлочъ и Смѣду; они устроили здѣсь настоящую баталію, губернатора Зозулинскаго, захвативъ въ плѣнъ, убили, тридцать сличкомъ евреевъ пало подъ топоромъ разбойниковъ, угнали стадо вн. Любомірскихъ, воеводичей сандомирскихъ, забрали экономическую кассу, сверхъ того цѣнныя вещи мѣщанъ, «школьныя агентеріи»; цифра потерь простиралась до 124,750 золотыхъ. Со съѣдъ убитаго губернатора, комиссаръ вн. Рожинскаго, въ жалобѣ, занесенной въ градскій судъ, въ число предводителей разбоя— а были между ними Галаганъ, Медвѣдь, Грива, Харко, Рудъ и Жила—помѣстилъ и Савву Чаленка. Но этотъ послѣдній въ письмѣ, написанномъ Малинскому, протестовалъ противъ взводимаго на него обвиненія, такъ какъ въ грабежѣ не принималъ никакого участія, и при этомъ прибавилъ, что въ степи находится много людей, готовыхъ возвратиться на родину и служить ей честно, если только имъ простятъ прежнія ихъ вины и проступки. Региментарь отослалъ письмо къ великому коронному гетману вмѣстѣ съ запросомъ, какъ ему поступить. —Присоединить къ милиціи,

отвѣчалъ Потоцкій, а такъ какъ Рѣчь Посполитая не назначила на содержаніе ихъ суммы, то «его милость *de proprio motu* придумалъ имъ консервацію», говоря яснѣе, гетманъ, въ то время воевода кievскій, обѣщалъ возвратившимся выплатить жалованье изъ собственныхъ средствъ. Одними изъ первыхъ, явившихся на призывъ, были полковникъ Касьянъ и Савва Чаленко; послѣдній и теперь представился не какъ нибудь: привелъ съ собой триста всадниковъ съ самопалами, только олова и пороху у нихъ не доставало. Это было въ концѣ 1736 года. Скальковскій говоритъ, что богатырь нашъ эти нѣсколько мѣсяцевъ провелъ у Пхайка, полковника запорожскаго, въ его «богогардовомъ» форпостѣ... И однако ни разу онъ не пробовалъ счастья, не вторгался въ границы Польши—фактъ, достойный примѣчанія.

Малинскій принадлежалъ къ числу ревностныхъ стражей окраинъ и если бы не удостоившись въ полномъ исправленіи недавнихъ бунтовщиковъ, то не предпринялъ бы небезопаснаго похода въ окрестности Чигирина... Но онъ бросился туда, имѣя при себѣ Савву, а противъ себя Медвѣдя, одного изъ отважнѣйшихъ гайдамакъ, стоявшаго во главѣ значительнаго отряда. Столкновение послѣдовало подъ Боровицей, богатыремъ боя былъ Савва: онъ бросился съ ножомъ на противника, нанесъ ему нѣсколько ранъ, положилъ нѣсколькихъ на мѣстѣ, пятнадцать взялъ живыми, остальные же пошли въ разсыпную. Потомъ въ февралѣ 1737 года «съ своими козаками давними и вновь принятыми для нуждъ Рѣчи Посполитой» онъ былъ посланъ на жительство въ Бѣлозерье; ему было поручено охраненіе пограничныхъ постовъ вдоль Тясмина. Но Савва этимъ не ограничился: не достаточно отгонять непріятели, думалъ онъ, болѣе важное дѣло—давить его въ его же логовищѣ; отсюда частые его походы въ эту анархическую степь и засады; однажды онъ загналъ даже подъ Кодавъ, дошелъ до пасѣки Сироты, которая была гнѣздомъ гайдамачины, разорилъ ее въ конецъ, обитателей ея перебилъ, сто слишкомъ головъ скота угналъ и ушелъ прежде, чѣмъ сосѣдніе гультяи узнали о его пребываніи тамъ. Уже

тогда приобрѣлъ онъ себѣ славу грознаго преслѣдователя гайдамакъ: Медвѣдь не могъ поправиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему, Бродавка, помощникъ Медвѣдя, пойманный также Чаленкомъ, пошелъ на висѣлицу, захваченные «были застрѣлены» тутъ же, на побоищѣ, безъ суда и слѣдствія... Мстить—это дѣло ляховъ, а козаку не годится подносить руку... даже на гультаевъ—то вѣдь одной вѣры люди... Такъ ронталъ народъ и клялся отомстить Саввѣ; болѣе энергичные пробовали, не удастся ли подкупить кого-нибудь изъ подчиненныхъ его. Наирасно, атаманъ умѣлъ подбирать людей.

Независть росла; но полковникъ не обращалъ вниманія, непоколебимо стоялъ подъ знаменемъ. Новыя доказательства этой вѣрности онъ показалъ въ началѣ іюня 1738 г. Въ то время многочисленные загоны степныхъ «левицовъ» разсыпались по краю; они представляли собой значительное число: 200, а иные говорятъ, и 330 ихъ оставило свои логовища. Употребляли они обычную тактику: близко границъ не дѣлали никакихъ пакостей, а только въ глубинѣ провинціи; тутъ, разбившись на небольшіе отряды въ нѣсколько человекъ, они незамѣтно достигали до перваго мѣстечка, предводитель ватаги заручался симпатіей мѣстныхъ разбойниковъ и, увѣренный въ ихъ помощи, совершалъ нападеніе, хорошо зная, гдѣ можно пожитья. Въ это время одновременно почти подверглись грабежу Рашиковъ и Грановъ, два многолюдныя мѣстечка, отстоявшія одно отъ другаго не менѣе какъ на двадцать миль. Въ первомъ нападшіе воспользовались не многимъ: экономическая касса по счастливому случаю, вслѣдствіе приказанія короннаго подстоля, кн. Станислава Любомірскаго, послѣ недавней смерти отца, генеральнаго администратора имѣній, была переведена въ Шаргородъ, а Рогускій, раньше увѣдомленный о предстоявшемъ нападеніи, спасся бѣгствомъ; погнбло лишь нѣсколько евреевъ и забрано нѣсколько штукъ скота. Но въ Грановѣ послѣдствія нападенія были далеко печальнѣе: евреевъ убито безъ числа, губернаторъ и ксендзь подлатились головой, денегъ взято не мало. Одновременно испытали ту же судьбу Тальное, Субботовъ, Животовъ и даже Могилевъ на Днѣстрѣ.

О печальномъ событіи дано знать въ Лысянку; въ резиденціи regimentаря было немного драгуновъ regimentа его милости нана Міера; былъ здѣсь и Савва съ горстью козаковъ. Онъ тотчасъ же пустился въ погоню за разбойниками, догнавъ ихъ уже въ степи подъ Чорнымъ лѣсомъ и, по обыкновенію, разбилъ на голову: пойманные пошли на висѣлицу, «батовня» досталась въ руки побѣдителей.

Это доставило Чаленку великую славу, и вотъ, когда земляне, убѣдившись, что охрана границы не вполне ихъ обезпечиваетъ отъ нападеній, рѣшили отбиваться на мѣстѣ мелкими отрядами, тогда великій коронный гетманъ вызвалъ Савву въ Нѣмировъ; въ свое брацлавское имѣніе, поручилъ ему команду надъ милиціей, обязанностью которой было наблюденіе за безопасностью обширнаго ключа, состоявшаго изъ 50 селъ и, къ пущей бѣдѣ, заселеннаго людьми беспокойными и обнаруживающими неподдѣльное влеченіе къ гайдамачеству. Полковникъ принялъ почетное мѣсто съ охотой, тѣмъ болѣе, что оно давало ему независимое положеніе; но не столько это занимало козака, денегъ онъ успѣлъ себѣ собрать, ему хотѣлось больше покоя, мечталъ онъ о семейномъ счастіи, о домашнемъ очагѣ, о любви... Тамъ на рубежѣ, вѣчно на конѣ, вѣчно на сторожѣ, а здѣсь подъ кровлей покой и отдыхъ.

Командиру надворной милиціи гетманъ назначилъ за службу два села—Рубань и Степашки; первое изъ нихъ многолюдное, шумное, другое—едва состоящее изъ нѣсколькихъ хатъ, скорѣе похожее на хуторъ. Здѣсь однако онъ основалъ свою резиденцію, а въ мѣстечкѣ, отстоявшемъ на три мили, расположены были его сѣни; тамъ онъ былъ полковникомъ, здѣсь землинномъ. Скорѣ въ Степашкахъ появился опрятный домъ, возлѣ него вишневы садъ и хозяйственныя постройки; такъ какъ Савва любилъ лошадей и держалъ даже порядочное стадо, то и для лошадей было приличное помѣщеніе, и все это, окруженное дубовымъ частоколомъ, производило впечатлѣніе оборонительнаго поста.

Уже въ слѣдующемъ году Савва ввелъ подъ эту крышу жену; вѣнчалъ ихъ священникъ Рубанской церкви. Молодица

была прекрасная; это вдова того сапожника, который умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ стычкѣ съ греческими кунцами. Что она жила въ Рашковѣ, объ этомъ упоминаетъ Рогускій въ письмѣ къ шаргородскому губернатору; козакъ видимо произвелъ на комисара впечатлѣніе: «изъ гультая вышелъ порядочный обыватель, пишетъ далѣе Рогускій, показалъ себя honeste, тихо, съ покорностью служилъ въ замѣтъ, да и вкусъ пиѣть не хлопскій, и жену взялъ славную, любить его удивительно». Съ той поры солнце засвѣтило имъ обоимъ, послѣ тревогъ и волнений — сельское затишье, почетъ отъ людей, а въ будущемъ несомнѣнное повышеніе.

Однако и изъ Немирова не оставилъ Чаленко походовъ въ пустыни, положенныя за окраинами. Гайдамаки не переставали безнравить, особенно въ 1740 г. полубилили савранскія окрестности, и вотъ полковникъ обращается съ просьбой оъ великому коронному гетману, чтобы онъ позволилъ ему попробовать счастья — выдунить на мѣстѣ гнѣздо «шершня». Дотошній позволилъ. Медовые мѣсяцы уже прошли, отдыхъ былъ тиндо; Савва жаждалъ войны, которая до того времени наполняла всю жизнь, и мѣтъ ничего въ томъ удивительнаго; былъ шолодь, вправъ играли въ щемъ. И вотъ осторожно и проворно двинулся омаъ въ югу, надъ Бугъ, снесъ «гарду», разогналъ запорожскій пивать, и моноднявдй тамъ службу, сжегъ церковь, здѣсь построенную, разграбилъ нѣсколько сосѣднихъ зимовниковъ, а сколько гультаевъ убилъ и цовѣшалъ, это только Богу и ему было извѣстно.

Счастливо возвратился Чаленко къ любящей и тоскующей жевѣ, а какъ она готовилась скоро быть матерью, то привезъ «гостинцы» для этого ожидаемаго потомка. И дѣйствительно въ концѣ года подковница спеленала сына. — Назовемъ его Саввой, сказала она мужу, пусть будетъ похожъ на тебя по отвагѣ, осанкѣ и даже по имени.

И счастливые не замѣтили грозныхъ тучъ, собирающихся надъ ихъ головами... Цѣлая степь, недавно опустошенная Чаленкомъ, вспылала къ нему новой ненавистью; гайдамаки думали, что по перемѣщеніи полковника изъ подъ Тямина на всегда избавились отъ страшнаго, никому не прощающаго про-

тивника, а тутъ изъ глубины края онъ опять показался, хотя ему никто, какъ говорится, не сталъ на ногу, разогналъ гультаевъ, но что важнѣе, не щадилъ спокойныхъ запорожцевъ, даже церковь ихъ сжегъ... Покаялись они отомстить дерзкому; нашелся даже такой, который рѣшился исполнить клятву. Это былъ большой смѣльчакъ, пользовавшійся извѣстностью среди гайдамакъ; называли его Игнатомъ Голымъ, потому что онъ при «паеваньи» награбленнаго бралъ себѣ незначительную частичку, остальное же раздавалъ подначальнымъ; не любилъ вообще излишества, довольствовался чѣмъ нибудь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, простыя, козловые сапоги; одна рубашка, вымазанная жиромъ и дегтемъ, служила ему цѣлый годъ; конь подъ нимъ некачествый, съ большой головой, но выносливый, проворный, вѣрнѣй въ ногахъ; настоящій подоольскій конь; самопалъ, немного свинца въ торбѣ, въ карманѣ табакъ и люлька, безъ которой не могъ обойтись, больше, чѣмъ безъ хлѣба и водки... вотъ и все богатство... Игнатъ былъ родомъ изъ Сѣчи, изъ медведовскаго «курения». Еще въ 1737 году подобралъ онъ себѣ нѣсколько товарищей и «засѣлся» въ Черномъ лѣсу и потомъ столько охотниковъ успѣлъ собрать, что скоро засѣлку въ «кошъ» превратилъ. Пограничныя команды хотя и наслѣдили птичегу, но подобраться къ ней не могли, кругомъ пуца непроходимая, а пилеты гультаевъ на деревьяхъ, скрытые въ вѣтвяхъ, стрѣляли по смѣльчакамъ, какъ по уткамъ, сами не подвергаясь никакой опасности. И Савва во время послѣдняго похода много слышалъ о Голымъ и, кажется, даже зналъ его раньше, но обходилъ предусмотрительно гайдамацкій постъ. Голый имѣлъ во всемъ успѣхъ, самъ съ мѣста не двигался, строилъ только планы, велъ переговоры съ шпионами и высылалъ загоны, а тѣ сносили награбленныя вещи въ кошъ... Начинаясь тогда дикая гульба: около костра на полянѣ «стеновички», приглашенные съ «зимовниковъ» или насильно захваченные изъ брацлавскихъ сель, скромныя и почтенныя женщины, должны были играть роль восточныхъ баядерокъ, плясать и пѣть, пока дружина, обезпамятѣвшая отъ водки, не засыпала глубокимъ сномъ, кромѣ предводи-

тебя засѣки, который бодрствовалъ тогда за всѣхъ. Народъ рассказывалъ чудеса объ Игнатѣ, о его жестокости и издѣвательствѣ надъ плѣнниками; Савва этому вѣрилъ и не вѣрилъ, всячески чувствовалъ себя въ безопасности въ своей усадьбѣ, отдаленной по меньшей мѣрѣ на пятьдесятъ миль отъ резиденціи знаменитаго разбойника, да и о новыхъ разбойничьихъ набѣгахъ въ то время не было слуху кругомъ.

Время текло спокойно. Зима 1741 года была умѣренная, снѣга выпало въ мѣру, лишь столько, чтобы покрыть землю бѣлымъ саваномъ. Въ Степашкахъ скромно праздновали канунъ Рождества Христова, нѣсколько подчиненныхъ сѣли съ полковникомъ за *вечерю* „святаго вечера“ и послѣ долгой бесѣды разѣхались по сосѣднимъ селамъ. Но вотъ на разсвѣтѣ необыкновенное движеніе обнаружилось на усадьбѣ Чаленка: какіе-то неизвѣстные люди шарили по дворскимъ строеніямъ, прежде всего въ конюшняхъ, въ людской... только глухой шумъ обнаруживалъ ихъ присутствие; тихо, съ ловкостью тигра переходили эти пришельцы отъ одного спящаго «парубка» къ другому, по порядку лишая ихъ жизни... Потомъ окружили домъ полковника и безъ большого шума высадили двери; Савва, разбуженный, выскочилъ въ гостинную избу и... встрѣтился лицомъ къ лицу съ непрощеннымъ гостемъ; горящая лампадка, повѣшенная у иконы въ углу комнаты, освѣщала лице выступившаго впередъ незнакомца, это былъ Игнатъ Голый.

„По кровь твою пришелъ“, закричалъ онъ и сталъ осыпая хозяина бранью.

Испуганная жена полковника съ сыномъ у груди ушла незамѣтно боковыми дверьми чрезъ садъ и поля, добралась до Рубани, подняла на ноги все село. Подчиненные Чаленка въ мгновеніе ока явились въ Степашки, но никого уже не застали... Среди комнаты лежалъ трупъ любимаго предводителя, еще теплый; кругомъ господствовалъ страшный безпорядокъ, полъ вездѣ политъ былъ кровью, только лампадка по-прежнему освѣщала эту ужасную сцену, а изъ за нея спокойно глядѣлъ на все это ликъ святаго холоднымъ, неподвижнымъ взоромъ: не тронули даже

его серебрянной ризы. Но всё наличныи деньги и цѣнности исчезли; кромѣ того, грабители увели все стадо коней.

Полковница осталась вмѣстѣ вдовой и пищей; возный, составлявшій реестръ потери, опредѣлилъ ее въ 80,000 злотыхъ. Нужда—это еще бездѣлица въ сравненіи съ сиротствомъ. Великій коронный гетманъ, дѣдичъ Немирова, узнавши о несчастной смерти козака, повелѣлъ мѣстному губернатору имѣть особое попеченіе о женѣ его, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась.

Доселѣ источники російскіе; здѣсь они прекращаются, переходимъ поэтому къ польскимъ... И тамъ легенда, и здѣсь легенда; ту во всякомъ случаѣ освѣтили и исправили новыя архивныя изысканія, а эта еще ждетъ поправокъ.

Въ козацкій полкъ Саввы случайно попалъ, какъ поручикъ милиціи, нѣкто Моциискій, родомъ изъ Короны; онъ оказывалъ особое вниманіе оставшейся послѣ полковника вдовѣ, полюбилъ ея мальчика, какъ бы своего сына, и въ концѣ концовъ предложилъ Чаленковой выйти за него замужъ. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобы онъ вывезъ ее изъ Украины, полной тяжелыхъ для нея воспоминаній. Обвѣнчавшись, новобрачные отправились въ село Мощаны, въ плоцкомъ воеводствѣ, гдѣ поручикъ имѣлъ скромную усадьбу; дѣтей они не имѣли, отчимъ, умирая, оставилъ убогое имѣніе пасынку. Подростокъ воспитывался среди мазуровъ, и Чаленка они измѣнили на Цаленка, а потомъ, какъ того требовалъ мѣстный обычай, на Цалинскаго, добавили ему даже имя, прежнее же приобрѣло значеніе родового прозвища. Вотъ этотъ-то сирота по убитомъ козацкѣ написалъ свое славное имя въ книгѣ нашей исторіи. Онъ есть извѣстный во времена барской конфедераціи маршалъ вышегородской земли, котораго Бартошевичъ, не знаю—почему, называетъ Калинскимъ. О его происхожденіи знали наши историки. Качковскій называетъ его родителя «славнымъ полковникомъ надворныхъ козаковъ»; Войцицкій для этого отца выискалъ имя Ивана, но весьма попуталъ съ датами... Какъ бы

то ни было, молодой Иосифъ Савва Цалинскій въ 1770 году выступаетъ на болѣе широкое поле дѣятельности: начавъ походъ во главѣ 300 людей, онъ скоро увеличилъ свой отрядъ до 2,000, одержалъ побѣду подъ Дробиномъ, заходилъ иногда подъ самую даже Варшаву. Его желаніемъ было поддержать Коссаковского; въ концѣ того же года забрался онъ наконецъ въ предѣлы брестъ-литовскаго воеводства, но настигнутый Браницкимъ, короннымъ ловчимъ, долженъ былъ податься назадъ. Въ мартѣ 1771 года побѣжденный подъ Красникомъ, а въ апрѣлѣ раненый подъ Шренскомъ, онъ заплатилъ жизнью за поражение. Объ этой-то смерти его существуетъ много разнорѣчивыхъ разсказовъ; Войцицкій говоритъ, что Цалинскій, унесенный съ поля битвы и укрытый въ млавскихъ лѣсахъ, на «грондѣ», или возвышенномъ и сухомъ мѣстѣ, которое до сего времени называется могилой Саввы, вслѣдствіе измѣны попалъ въ заключеніе въ Праснышъ, гдѣ его, по разсказу г. Петрова, союзные солдаты убили за то, что онъ воевалъ противъ своихъ братьевъ. Очень можетъ быть, что Цалинскій всегда считалъ себя козакомъ; козакомъ называли его и товарищи по оружію... Вѣроятно мать разсказала сиротѣ печальную жизнь родителя, а она, должно быть, жила еще въ время неволи сына... Печаль этой матери, полагать надо, была ужасная, и мы понимаемъ, что нѣтъ красокъ для изображенія ея... Вдова по трехъ мужьяхъ, изъ которыхъ два первые погибли отъ пули, и единственнаго сына положила въ холодной могилѣ... Дѣйствительно, можно потерять рассудокъ съ отчаяніемъ.

О Цалинскомъ прекрасный разсказъ—настоящую поэмю—оставилъ Ржевускій, пробовали и другіе свои силы на этомъ сюжетѣ. Объ отцѣ писали русскіе писатели, о сынѣ—польскіе. Пѣснь о рыцарскихъ дѣлахъ Чаленка доселѣ носится по Украйнѣ, къ рапсодіи подобрана музыка и малорусскія барышни унылымъ тономъ воспѣваютъ его подвиги. Народъ также чтитъ въ разсказахъ своего богатыря: въ ночныя стражи, на пастбищѣ, когда вокругъ огня усидется молодежь, передаются самыя разнообразныя легенды о Саввѣ богатырѣ, козацѣ запорожскомъ, который въ бою положилъ свою голову за крестьянскую волю и недолю,

чорную, закованную, кровью обгащенную, потомъ орошенную, слезами облитую. Легенда превращается въ пѣсню и эта пѣсня, разсѣкая туманъ, покрывающій поляну, исчезаетъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ. Нужды нѣтъ, что пѣсня расходитя съ исторической правдой, — во всякомъ случаѣ она производитъ благотворное вліяніе, возвышаетъ и облагораживаетъ..

Такъ на Украйнѣ; а въ млавскихъ лѣсахъ около «Гронды», мазурь, тамошній крестьянинъ, поглядывая на могилу Саввы, не разъ задаетъ себѣ вопросъ, откуда здѣсь этотъ курганъ среди пущи и болотъ съ чуждымъ названіемъ?... И шевелится въ его памяти также легенда, слышанная, можетъ быть, отъ дѣда и на половину забытая, на половину утерянная въ долготѣннѣмъ смитаніи по свѣту...

И: удивительно вяжутся между собой эти народныя преданія, сжимаются, какъ братья, въ объятіяхъ; но это только въ разсказѣ, ибо въ жизни... ахъ, тутъ самая ужасная ненависть та, которая запала въ сердца родственниковъ!

ИСТОЧНИКИ:

- Скальковскій, *Исторія Новой Сѣчи*, стр. 11, 131—135.
 Мордовцевъ, *Гайдамаки, историческая монографія*, Спб. 1870 г.
 Антоновичъ, *Архивъ юго-зап. Россіи, Кіевъ, т. III, часть III. Предисловіе, особ.* стр. 353.
 Петровъ, *Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами*, т. III, стр. 205.
 Kaczkowski, *Wiadomość o konfederacyi barskiej*, s. 185, 201, 202.
 Sóplica (Rzewuski), *Pamiętniki starego szlachcica litewskiego*.
 Wojeicki, *Encyklopedia powszechna Orgelbranda*, XXIII, s. 27.
 Sadok Barącz, *Pamiętniki dzieów polskich*, s. 262.
Kuryer polski г. 1737, № 1, 10, 11, 12, 21, 131; г. 1738, № 75, 78.
Tygodnik ilustrowany, IV, 1861, № 115.
 Большая связка инвентарей изъ первой половины прошлаго столѣтія, касающихся имѣній кн. Любомирскаго, письма Рогускаго, бывшаго губернатора рашковскаго, владѣльца Берчовки, находящейся на границѣ нынѣшняго моголевскаго уѣзда, даны мнѣ г-жей Тржецьской, позднѣйшей послѣ Рогускаго владѣлицей имѣнія.

Къ вопросу о „парубоцтвѣ“, какъ особой общественной группѣ.

Сэръ Генри Мэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾ между прочимъ писалъ: «многое, что я лично наблюдалъ въ Индіи, утверждаетъ меня въ мысли, что лишь съ весьма большою осторожностью надлежитъ принимать всѣ соображенія, дѣлаемые обыкновенно о древности какихъ либо обычаевъ. Мнѣ приводили нѣкоторые обычаи, происхожденіе которыхъ относили къ весьма отдаленной древности и которые считали характерными для дѣтства человечества; а между тѣмъ оказывается, что они возникли въ нѣкоторыхъ племенахъ въ наше время подъ давленіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ или новѣйшихъ соблазновъ».

Но если это такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если нѣкоторые обычаи, пользующіеся репутаціей стародавнихъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, должны быть лишены этого значенія, то не слѣдуетъ упускать изъ виду и случаевъ обратнаго характера. Нерѣдко обычай или учрежденіе, имѣющіе повидимому сравнительно недавно, такъ сказать, историческое происхожденіе, ведутъ въ дѣйствительности свое начало съ отдаленныхъ временъ до-историческаго прошлаго; подвергнутыя сравнительному этнографическому изслѣдованію, они пріобрѣтаютъ обще-соціологическій характеръ и подъ историческими наслоеніями обнаруживаютъ ядро, возникшее на первоначальныхъ ступеняхъ культуры. Мы имѣли уже случай на страницахъ этого изданія указать на одинъ изъ подобныхъ обычаевъ, бытующій и по сіе время въ жизни малорусскаго народа (мы имѣемъ въ виду обычай «понедилкування»), опытъ истолкованія котораго былъ пред-

---

¹⁾ Деревенскія общины.

ложенъ нами въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ). Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на другой, не менѣе интересный и столь же древній по своему происхожденію, малорусскій обычай, а именно на явленіе «парубоцтва» или «парубоцкой громады», многоцѣнное сообщеніе о которомъ г. Боржковскаго помѣщено въ сентябрьской книжкѣ «Кіев. Стар.» за настоящій годъ.

Наблюдая «парубоцтво» въ современномъ его состояніи, говоритъ г. Боржковскій, нельзя не видѣть, что многое изъ того, чѣмъ оно живетъ и обставлено теперь, съ мелочною даже обрядностью, есть остатокъ давно минувшей жизни, гдѣ нерѣдко духъ и смыслъ давно испарились и осталась одна только форма¹⁾. Хотя здѣсь и говорится о давно минувшихъ временахъ, но, конечно, это говорится лишь въ относительномъ смыслѣ, и начало «парубоцтва», какъ общественной группы, не выводится г. Боржковскимъ за предѣлы историческаго прошлаго. Если имѣть въ виду нѣкоторыя права и обязанности, принадлежащія нынѣ парубоцкой громадѣ, то возможно согласиться, что эти обязанности и эти права она получила во времена историческія и притомъ не особенно давнія, — въ періодъ возникновенія въ малорусской жизни братствъ, и что съ этой точки зрѣнія весьма возможно, что «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нынѣшнее парубоцтво, какъ думаетъ г. Боржковскій, представляется ничѣмъ инымъ, какъ осколкомъ молодшихъ братствъ». Но если мы примемъ во вниманіе не нѣкоторыя, а всю сумму присущихъ парубоцтву правъ и практикуемыхъ имъ обыкновеній, если мы примемъ на видъ, что такія обыкновенія какъ «улыця» и «вечерницы» присущи, какъ правило, исключительно парубоцтву, то мы принуждены будемъ отодвинуть возникновеніе «парубоцтва», какъ общественной группы, въ несравненно болѣе отдаленное, выходящее за предѣлы историческаго, прошлое. Сравнительно-этнографическое изслѣдованіе этого вопроса даетъ удовлетворительное подтвержденіе высказанному мнѣнію. Намъ думается, что данныя, представляемыя этимъ изслѣдованіемъ, даютъ достаточныя основанія къ утвержденію, что *наблюдаемое нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе ор-*

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1887 г., т. IX, стр. 766.

ганизованныя группы, выдѣляющіяся изъ остальныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и что впоследствии жизнь, подъ давленіемъ извѣстныхъ условий и требованій, лишь воспользовалась уже готовою формою и принаровила ее къ своимъ цѣлямъ, оставивъ ее и соответствующею симъ цѣлямъ обрядностью.

Періодъ отъ дѣтства къ состоянію совершеннолѣтія и половой зрѣлости отмѣчается у громаднаго большинства, если не у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, особыми обрядовыми дѣйствіями надъ подлежащимъ индивидуумомъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ относящіяся сюда дѣйствія, объектомъ которыхъ является дѣвушка, впервые подвергшаяся мѣсячному очищенію, мы обратимъ наше исключительное вниманіе на дѣйствія, относящіяся къ достигнуему половой зрѣлости respect. совершеннолѣтія юношѣ. У горныхъ альфуровъ на Церамѣ, по свидѣтельству Геста (Joest)¹⁾, каждый молодой человѣкъ, достигшій пятнадцатилѣтняго возраста, торжественно опоясывается *твидако* (особый родъ пояса) и отъ него ожидаютъ теперь пріобрѣтенія головы (непріятельской). Съ этихъ поръ онъ спитъ въ *баилео* (большія общественныя зданія) и причисляется къ воинамъ, въ совѣтахъ и празднествахъ которыхъ отнынѣ онъ можетъ принимать участіе. У минкоповъ, обитателей андаманскихъ острововъ, по свидѣтельству Франсиса Дея²⁾, молодая дѣвушка, достигшій брачнаго возраста, носятъ извѣстные цвѣты, которые отличаютъ ихъ отъ ихъ сотоварокъ, болѣе молодыхъ или уже вышедшихъ замужъ. Молодые-же люди, покушавъ одинъ видъ ската, именуемаго *гоот-дахъ*, получаютъ титулъ *гоот-то*, что означаетъ «молодой человѣкъ, желающій жениться»³⁾. Съ этого мо-

¹⁾ Verhandlungen der Berliner Ges. für Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte. 1882, s. 68.

²⁾ Revue d'anthropologie, 1872, p. 203.

³⁾ Интересно сопоставленіе этого наименованія съ малорусскимъ наименованіемъ „парубокъ“. Въ основѣ того и другаго лежитъ мысль о приближеніи даннаго индивидуума къ брачному состоянію. Но въ то время какъ у андаманцевъ, сохранившихъ живые слѣды первобытныхъ отношеній половъ, упомянутое наименованіе выражаетъ общую мысль о намѣреніи юноши вообще сочтаться бракомъ, у малорусскаго народа, давно вступившаго въ строго моно-

мента въ теченіе цѣлаго года онъ подчиняется специальному режиму. Юноша совершенно воздерживается отъ вкушенія меда. Если онъ охотникъ на кабановъ, то продолжаетъ свои экскурсіи для нуждъ населенія, самъ же долженъ отказать отъ употребленія этой дичи и жить продуктами рыбной ловли. Наоборотъ, если онъ рыболовъ, долженъ питаться мясомъ. Когда каффрскій юноша, говоритъ миссіонеръ Наугаусъ ¹⁾, достигаетъ 15—18-лѣтняго возраста, онъ подвергается обрѣзанію (обычный на этотъ случай обрядъ у большинства африканскихъ народовъ) и при посредствѣ этого акта входитъ въ кругъ мужчинъ. Съ этою церемоніею связаны многочисленные танцы и празднества, въ которыхъ особенно живое участіе принимаютъ женщины и дѣвушки. Въ продолженіи всего этого времени молодые люди натираютъ тѣло бѣлой глиной до неузнаваемости, имѣя видъ дьяволовъ. Они образуютъ въ это время тѣсно замкнутую общину и живутъ въ сторонѣ отъ деревень въ особомъ, специально выстроенномъ для нихъ домѣ, такъ какъ они почитаются нечистыми. У индійцевъ сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ, по словамъ Каррингтона ²⁾, молодой человекъ, желающій быть принятымъ въ число воиновъ, подвергается жестокому испытанію. Въ Австраліи и Полинезіи встрѣчаемъ тѣ же истязанія и мученія при достиженіи возмужалости. Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь практикуется обрѣзаніе, но вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ или вмѣсто него встрѣчается изувѣченіе другихъ частей тѣла, какъ напр. выбиваніе зуба или отсѣченіе пальцевыхъ суставовъ ³⁾.

Мы не станемъ утруждать далѣе читателя цитированіемъ многочисленныхъ свидѣтельствъ по сему предмету различныхъ путешественниковъ. Богатое собраніе однородныхъ съ приведенными фактовъ любопытный читатель найдетъ въ сочиненіяхъ Мантегацца ⁴⁾ и Плосса ⁵⁾, а равно и въ цитированной только что статьѣ г. Ку-

гамическую форму брака, это наименованіе выражается въ терминѣ, соответствующемъ моногамической формѣ: *goom-mo*—просто желающій сочетаться бракомъ, *парубокъ же*, имѣющій въ виду спаруваться, найти себѣ *пару*.—Прим. авт.

¹⁾ Verhandl. der Berl. Gesch. cit. p. 205.

²⁾ Cit. у St. Wake. Revue d'antropologie, 1876, V, 149.

³⁾ M. Kulischer. Zeitschrift für Ethnologie, 1888, 15, s. 200.

⁴⁾ L'amour dans l'humanité.

⁵⁾ Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttgart. 1876.

типера. Приведенные нами примѣры, взятые на выдержку изъ этнографіи азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ и океанійскихъ народовъ, достаточно, какъ намъ кажется, выясняютъ общій характеръ обрядовъ, практикуемыхъ надъ пришедшими въ возмужалость юношами. Изъ нихъ читатель усмотритъ, что у народовъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта проводится грань между юношами, достигшими и не достигшими зрѣлости. Такая-же грань лежитъ и между сими послѣдними и мужчинами женатыми. Обособленное сими гранями молодое поколѣніе, достигшее брачнаго возраста, образуетъ особую группу, въ высшей степени интересную въ соціологическомъ отношеніи. Чтобы дать понятіе о характерѣ подобныхъ группъ, приведемъ относящіяся сюда свидѣтельства путешественниковъ.

«Всѣ неженатые молодые люди (у горныхъ альфуровъ), говорить есть; другое свидѣтельство коего относительно тѣхъ-же альфуровъ мы уже цитировали выше, спятъ вмѣстѣ въ большомъ общественномъ зданіи, баileo, обязательно существующемъ во всякой деревнѣ. Это—платформа, покоящаяся на древесныхъ стволахъ на высотѣ 6—8 дюймовъ подъ поверхностью земли, безъ стѣнъ, но съ пальмовой крышей, поддерживаемой бамбуковыми столбами, вполне достаточная для сотни постелей»¹⁾. Въ каждой гаросской деревнѣ, по извѣстію Годвина Аустена²⁾, имѣется домъ подъ названіемъ *больбанг*, предназначенный для молодыхъ людей; домъ этотъ по величинѣ самый большой; онъ построенъ на высокихъ сваяхъ и имѣетъ фасадъ разукрашенный различной рѣзбой. Не женатые мужчины, достигшіе зрѣлости, спятъ исключительно здѣсь, и ни одинъ путешественникъ не можетъ туда проникнуть. Этотъ обычай, по свидѣтельству того же лица, распространенъ также между микирами и нагасами, другими племенами, обитающими по Брамапутрѣ. Подобные же дома, посяціе названіе «доомьореа» (домъ холостыхъ), имѣются по свидѣтельству Дальтона³⁾, и въ каждой ораонской деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по словамъ того же изслѣдова-

¹⁾ Jost. loc. cit.

²⁾ Revue d'antropologie, 1873, 2, p. 727.

³⁾ Cit. у Н. Зибера. Очерки первобытной экономич. культуры. Москва, 1883 г., стр. 314.

теля, имѣются особые дома и для незамужнихъ дѣвушекъ; надъ ними въ видѣ дуэны назначаются старая женщина; она всегда вооружена палкою для удержанія вдали мальчишекъ. Круговое пространство передъ фронгомъ доокорен поддерживается въ чистотѣ, какъ мѣсто для деревенскихъ танцевъ; оно обыкновенно прикрывается тѣнью прекрасныхъ старыхъ деревьевъ, а вокругъ располагаются мѣста для зрителей или для уставшихъ танцоровъ..... Благодаря этому обычаю, взрослые юноши и дѣвушки представляютъ изъ себя совершенно особое общество; сходиться имъ между собою почти не ставится препятствій; они образуютъ изъ самихъ себя пріятную компанію, отъ которой старики замѣтно держатся вдали. Если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша вноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены. Тотъ же обычай, по словамъ г. Зибера, встрѣчается въ Абиссиніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ восточной Африки. У туземцевъ маріанскихъ острововъ, по свидѣтельству Ле-Гобіена ¹⁾, неженатая молодежь живетъ въ общественныхъ домахъ, куда они помѣщаются также для брачнаго сожителства нанятыхъ или купленныхъ для сей цѣли дѣвушекъ. Наконецъ, однородное явленіе мы встрѣчаемъ и у обитателей Новаго Свѣта, какъ напр. у чикитовъ, одного изъ южно-американскихъ племенъ, у которыхъ, по словамъ д'Орбиньи ²⁾, въ каждой деревнѣ, кромѣ частныхъ жилищъ, существуетъ обширный общинный домъ, предназначенный для приѣма иностранныхъ посѣтителей, а также и для молодыхъ людей обоюга пола, которые удаляются изъ своихъ семействъ, чтобы жить вмѣстѣ до брака.

На сколько намъ извѣстно, впервые обратилъ вниманіе на подобные факты и указалъ ихъ важное соціологическое значеніе г. Зиберъ въ статьѣ своей «Еще о братствахъ», помѣщенной въ январьской книжкѣ журнала «Слово» за 1881 годъ, а затѣмъ и въ позднѣйшемъ уже цитированномъ нами сочиненіи своемъ по первобытной экономической культурѣ. Обобщая эти факты, г. Зиберъ подводитъ ихъ подъ общую формулу обычая, согласно которому молодежь обоюга пола удаляется отъ своихъ родныхъ и живетъ вмѣстѣ

¹⁾ Ibid., стр. 314.

²⁾ Ibid., стр. 311.

тѣ до брака ¹⁾, и не безъ основанія видить въ этомъ «родъ переживанія въ молодомъ поколѣннн первобытныхъ формъ общиннаго брачнаго союза, уже покинутыхъ старыми» ²⁾. Изложенные нами выше факты, правдоподобно. подтверждаютъ такой взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ во вниманіе, что хотя въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, а именно въ свидѣтельствахъ Іеста и Годвина Аустена объ альфурахъ и гаросахъ и не говорится прямо о половомъ сожителствѣ молодежи, но что тѣ-же изслѣдователи свидѣлствуютъ дальше, что «дѣвству они (альфуры) не придаютъ никакой цѣны ³⁾», обстоятельство, предполагающее существованіе добрачной свободы въ отношеніяхъ половъ, и что у гаросцевъ, микировъ и нагасовъ въ равной степени существуетъ эта свобода ⁴⁾, то мы въ правѣ будемъ заключить, что во *всѣхъ* приведенныхъ примѣрахъ *группированія* молодежи мужскаго пола въ особыя группы имѣетъ мѣсто и свободное *сожителство* ея съ женскою молодежью. На подобное *сосуществованіе* сихъ двухъ явленій едва ли было бы правильно смотрѣть, какъ на случайное. Мы позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что оно является *типичнымъ* для общаго строя жизни народовъ, въ періодъ, когда семейно-общественныя отношенія жилились на началѣ коммунизма, наиболѣе законченный образецъ чему являютъ индійцы Новаго Свѣта. Путешествующій по индійскимъ территоріямъ центра или юга Соединенныхъ Штатовъ часто встрѣчаетъ деревни, состоящія изъ одного или двухъ домовъ, имѣющихъ отъ 100 до 150 фут. длины, гдѣ скучены 40 или 50 родственныхъ семей. Минитаріи и манданы живутъ въ многоугольныхъ хижинахъ, въ когорыхъ помѣщаются нѣсколько хозяйствъ, а длинныя хижины индійцевъ Колумбійской рѣки (Columbia River) вмѣщаютъ въ себѣ сотни обитателей. Нѣкоторыя индійскія деревни, какъ напр. Тумачемугуль, въ долинѣ Колумбіи, или Таисъ (въ Новой Мексикѣ) состоятъ исключительно изъ одного, или двухъ колоссальныхъ домовъ, поднимающихся на 5 или на 6 этажей посредствомъ ряда террасъ, нагроможденныхъ одна на другую, и содержать въ себѣ отъ 3 до 400 людей. Въ кантонѣ Ріочано на сѣверо-западъ отъ Санта Фе

1) Очерки etc., стр. 311.

2) „Еще о братствахъ“ Слово. 1881 г., т. I, ст. 199.

3) Loc. cit. p. 70.

4) Loc. cit. p. 729.

сохранилась до сихъ поръ группа изъ семи *pueblos*, развалины общественныхъ зданій, изъ которыхъ каждое могло вмѣщать въ себя отъ 700 до 800 человѣкъ¹⁾. «Подобныя зданія, замѣчаетъ по поводу этого извѣстія Жиро-Телонъ²⁾, принимавшіяся первыми испанцами за дворцы, суть массивныя постройки, наполненныя индѣйцами, живущими въ половомъ смѣшеніи³⁾. Мексика, Юкатанъ и Гватемала до появленія европейцевъ имѣли множество подобныхъ деревень». Можно сказать, что обычай общинныхъ домовъ (общезитій) былъ господствующимъ у всѣхъ индѣйцевъ Америки (Gir. Teul. les origines etc. p. 183). Въ виду сихъ фактовъ, мы думаемъ, что и *существованіе у достигшаго половой зрѣлости молодаго поколѣнія группированія въ особыя отъ взрослыхъ организаціи съ свободнымъ половымъ сожителствомъ вполне правдоподобно можетъ почитаться переживаніемъ указанной формы семейно-общественныхъ отношеній первобытнаго времени или, точнѣе, той культурной ступени, на которой наблюдается господство коммунизма въ сферѣ брачныхъ отношеній.*

Вотъ къ такимъ-то явленіямъ первобытной организаціи молодаго поколѣнія относится, по нашему мнѣнію, и явленіе «парубоцтва».

Впервые на это соотношеніе, сколько намъ извѣстно, указалъ также г. Зиберъ въ упомянутой уже статьѣ «Еще о братствахъ». Къ сожалѣнію, однако, дѣлая сопоставленіе института парубоцкой громады съ первобытными организаціями молодежи, г. Зиберъ не счелъ необходимымъ опереться при этомъ сопоставленіи на одной изъ характерныхъ принадлежностей этого института, а именно на явленіи вечерницъ, а безъ этого сдѣланное имъ сопоставленіе является проблемматичнымъ и совершенно произвольнымъ, ибо собственно организація молодежи въ особенную группу, наблюдаемая

¹⁾ Lew. Morgan. Smiths. Contributions of knowledge, v. 17, p. 254, 258, 261, 262 и 488.

²⁾ Жиръ-Телонъ. Происхожденіе семьи. Спб. 1876 г., стр. 22.

³⁾ Когда Колумбъ прибылъ въ Кубу, его эмиссары нашли здѣсь деревни, состоящія изъ большихъ домовъ, занятыхъ каждыи многочисленными семьями, живущими въ полномъ безпорядочномъ половомъ смѣшеніи. См. Girard-Teulon. Les origines du mariage et de la famille, Gen. 1884, p. 181. Здѣсь подробности относительно подобныхъ индѣйскихъ общезитій, стр. 181—184.

въ институтѣ парубочкой громады, можетъ принадлежать самымъ различнымъ культурнымъ эпохамъ. Если-же что и даетъ право на огнесеніе сего института къ категоріи очерченныхъ выше первобытныхъ организацій молодежи, то именно *соутствование его явленіемъ вечерницъ*.

Соціальное явленіе «вечерницъ» не такъ давно обратило на себя вниманіе между прочимъ и на страницахъ настоящаго изданія. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г. г. Сумцовъ подробно остановился на этомъ явленіи. Соглашаясь съ общимъ взглядомъ автора на вечерницы, какъ на явленіе, принадлежащее глубокой древности, мы, къ сожалѣнію, не можемъ вслѣдъ за нимъ придавать имъ *первоначальное* значеніе пробнаго брака. Остановимся прежде всего на самомъ явленіи пробнаго брака и постараемся выяснитъ, по возможности, его соціологическій характеръ.

По мнѣнію г. Сумцова пробный бракъ представляетъ собою «переходную ступень отъ коммунизма и полигаміи (?) къ моногаміи»¹⁾. Съ этимъ положеніемъ (отбросивъ, конечно, полигамію) можно согласиться, но лишь подъ нѣкоторымъ условіемъ. Какъ извѣстно, характерную черту переходныхъ явленій, обусловливающую ихъ высокой соціологической интересъ, составляетъ оригинальное, лишь имъ однимъ свойственное, сочетаніе формы и содержанія. Форма — элементъ наиболѣе консервативный. «Народъ, говоритъ г. Ефименко, вырабатываетъ формы своего быта страшно медленнымъ стихійнымъ процессомъ и когда жизнь представляетъ ему новыя требованія, онъ не имѣетъ сначала возможности удовлетворить ихъ иначе, какъ въ старыхъ формахъ, которыя съ нимъ такъ сказать срослись»²⁾. Нѣсколько меньшій консерватизмъ наблюдается въ процессѣ измѣненія *содержанія* соціальныхъ явленій. Хотя и въ этомъ отношеніи смѣна одной системы идей другой не происходитъ мгновенно, а совершается лишь постепенно, однако этотъ послѣдній процессъ несомнѣнно идетъ быстрѣе перваго. Если-бы мы пожелали выразить соотвѣтствіе между ходомъ сихъ двухъ процессовъ въ математическихъ терминахъ, то мы подошли бы ближе всего къ истинѣ, сказавъ, что въ то время какъ смѣна идей совершается

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1886 г., т. III, стр. 431.

²⁾ Слово, 1880 г., сентябрь.

въ геометрической прогрессіи, смѣна формъ, облекающихъ эти идеи въ соціальныхъ явленіяхъ, происходятъ въ прогрессіи арифметической. Этимъ-то обстоятельствомъ, обнаруживающимъ наличность загадочнаго для насъ закона экономіи въ соціальному строительствѣ, и обуславливается присутствіе старыхъ формъ быта не только въ явленіяхъ переходныхъ отъ прежней системы общественныхъ отношеній къ новой, но даже и въ сферѣ явленій, уже всецѣло подчиненныхъ новому строю идей. Такимъ образомъ, въ области переходной отъ одного строя жизни къ другому всегда можно ожидать встрѣтиться съ такимъ явленіемъ, идеальное содержаніе коего принадлежитъ новой системѣ міровоззрѣнія, въ то время какъ форма носитъ на себѣ еще ясные слѣды уже отжившей эпохи.

Въ такомъ видѣ, по нашему мнѣнію, представляется и явленіе пробнаго брака. По своему содержанію это явленіе отнюдь не принадлежитъ эпохѣ коммунальнаго брака. По крайней мѣрѣ въ этой эпохѣ мы не видимъ элементовъ, которые могли бы послужить къ возникновенію положенной въ основу пробнаго брака идеи предварительнаго испытанія невѣсты со стороны ея годности къ брачной жизни и дѣторожденію¹⁾. Если же мы примемъ во вниманіе, что и прочность моногамическаго союза не могла оказать вліянія на возникновеніе этого обычая, ибо обыкновенно неспособность къ брачной жизни и дѣторожденію служатъ вездѣ одною изъ главныхъ причинъ расторгненія брака, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что идея пробнаго брака возникла независимо какъ отъ моногамическихъ идей, такъ равно и отъ строя идей, соответствующихъ системѣ коммунальнаго брака. Намъ думается, что при изысканіи причинъ возникновенія института пробнаго брака нѣтъ

¹⁾ Не указываетъ ихъ и г. Сумцовъ, а равно напрасно стали бы мы искать такого указанія и у Поста, ставящаго пробный бракъ также въ связь съ эпохой коммунальныхъ брачныхъ отношеній. „Съ первоначальной общностью женъ, говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ „Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit“ в. 38, въ самой тѣсной связи стоитъ древнѣйшее состояніе брачныхъ отношеній. Даже тамъ, гдѣ одинъ мужчина вступаетъ въ брачную связь съ одною женщиной, эта связь первоначально чрезвычайно рыхла. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ здѣсь часто браки на пробу и на время, съ другой стороны большую легкость въ расторженіи брачнаго союза“. Вотъ и все, что г. Постъ считаетъ необходимымъ сказать въ разъясненіе такого явленія, какъ пробный бракъ. Недостаточность этого очевидна сама собою.

нужды становиться на почву общихъ социологическихъ причинъ. Подобно тому, какъ въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ обычай похищенія невѣсты можетъ быть вполне правдоподобно объясненъ частными экономическими мотивами (желаніемъ избѣгнуть уплаты выкупа за невѣсту), такъ и въ данномъ случаѣ такіе же экономическіе мотивы, желаніе избѣжать вторичныхъ свадебныхъ издержекъ (мы имѣемъ въ виду не выкупъ, а другіе расходы, не возвращаемые при расторженіи брака по винѣ жены), могли послужить поводомъ къ возникновенію обычая отдавать предпочтеніе дѣвушкѣ, доказавшей способность къ брачной жизни и дѣторожденію.

Но если такимъ образомъ *идея* обычая пробнаго брака *ни* какимъ образомъ не можетъ быть выведена изъ *обычаевъ* и *понятій*, присущихъ эпохѣ коммунальныхъ брачныхъ отношеній, то *форма*, въ которую облакается эта *идея*, можетъ, наоборотъ, находиться подъ сильнымъ вліяніемъ сихъ *понятій* и *обычаевъ*. Со стороны формы мы различаемъ въ пробномъ бракѣ двѣ стадіи: первая стадія, когда отъ женщины требуются только явныя доказательства ея способности къ дѣторожденію, а слѣд. и къ брачной жизни (состояніе беременности или имѣніе дѣтей), причемъ не обращается вниманія на контрагента ея прелиминарнаго сожительства, и вторая, когда этимъ контрагентомъ является обязательно лице заинтересованное. Примѣры первой стадіи мы можемъ наблюдать у вотяковъ, у которыхъ парни только въ такомъ случаѣ женятся на дѣвушкѣ, когда она обѣщаетъ въ скоромъ времени сдѣлаться матерью¹⁾, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ на примѣръ въ мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ невинность дѣвушки вовсе не цѣнится, а напротивъ родившая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ мужа, чѣмъ сохранившая дѣвственность²⁾. Примѣры второй стадіи являютъ намъ нѣкоторые американскіе и азіатскіе народы. У мускогивъ, одного изъ индѣйскихъ племенъ, бракъ длится одинъ годъ, но возобновляется, если плодомъ его являются дѣти³⁾ (знакъ способности къ дѣторожденію). У отоміевъ, тоже одного изъ индѣйскихъ племенъ, молодой человекъ спитъ съ дѣвушкой, на которую палъ его выборъ, одну ночь; если

1) Сумцовъ, „Кіев. Стар.“ 1886 г., т. 3, стр. 431.

2) Ibid. стр. 432.

3) Post. Die Geschlechtsgenoss. der Urzeit, s. 39.

она не понравится ему, онъ расходится съ ней; если же понравится, то онъ остается съ ней весь слѣдующій день и тогда уже не имѣетъ права кинуть ее¹⁾ (способность къ брачной жизни). На Цейлонѣ въ продолженіи первыхъ 14 дней бракъ имѣлъ временный характеръ; по истеченіи же сего срока онъ или объявлялся недѣйствительнымъ или же утверждался²⁾ (способ. къ брачной жизни).

Очевидно, что первая стадія обусловлена понятіями *сохранившимися* еще отъ эпохи коммунальнаго брака, когда дѣвству невѣсты не придавалось никакого значенія и когда допускалась свобода половыхъ отношеній дѣвушки, вторая же — понятіями, *возникшими* уже въ эпоху установленія моногамическаго брака, когда со стороны невесты требовалось соблюденіе цѣломудрія и когда добрачное лишеніе невѣсты дѣвства, предполагаемое институтомъ пробнаго брака, осуществлялось самимъ лицомъ заинтересованнымъ (женихомъ). Эта-то послѣдняя форма (собственно видоизмѣненіе ея) и наблюдается въ современныхъ малорусскихъ вечерницахъ.

Такимъ образомъ малорусскія вечерницы ни по идеѣ, ни по формѣ воплотившагося въ нихъ обычая пробнаго брака не могутъ почитаться явленіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ коммунальнаго брака, а потому взгляде на нихъ съ одной стороны, какъ на пробный бракъ, съ другой же, какъ на явленіе, вытекшее изъ коммунальнаго брака является, по нашему мнѣнію, противорѣчіемъ. Это противорѣчіе, однако, легко устраняется, если мы обратимъ вниманіе на другую сторону вечерницъ, а именно на присущій имъ характеръ *коллективности*. Исходя изъ этого элемента коллективности, мы различаемъ въ процессѣ развитія соціальнаго явленія вечерницъ три момента.

Въ первый моментъ вечерницы являются ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ сожительствомъ молодежи обоюго пола, сожительствомъ, не преслѣдующимъ какихъ либо постороннихъ, внѣ его лежащихъ, цѣлей, а *существующимъ само для себя*.

Въ такомъ видѣ они являются въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ организаціи молодежи (на маріанскихъ островахъ и у чикитовъ). Типическимъ представителемъ подобнаго

¹⁾ Ibid., в. 39.

²⁾ Ibid., в. 40.

рода сожителства можетъ почитаться относящійся сюда обычай домарровъ, одного изъ горныхъ племенъ Белуджистана. По свидѣтельству Беллева (Bellew) «въ извѣстныхъ эпохи весною и лѣтомъ молодые люди и дѣвушки (домарровъ) сходятся вечеромъ при крикахъ «Pig magg, padai, jivanda! dai» (старикъ не умеръ, онъ живъ еще!) и предаются всякаго рода играмъ и танцамъ. Когда же наступитъ темнота, они собираются, избираютъ другъ друга и каждая пара отдѣльно исчезаетъ за скалами и кустами и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока родители сильными криками не подадутъ сигнала къ возвращенію. Эти временныя связи, прибавляетъ Беллевъ, *обыкновенно не имѣютъ своимъ слѣдствіемъ бракъ* (курсивъ нашъ), но этому странному обыкновенію приписываютъ значительное увеличеніе племени, а равно замѣчательное физическое развитіе, отличающее домарровъ»¹⁾. Точно также, по свидѣтельству Эйра, у многихъ австралійскихъ племенъ сожителство молодежи обоего пола допускается, какъ обычай, безъ всякаго ограниченія. Молодой человѣкъ во время собранія уводитъ съ собою молодую дѣвушку и по утру возвращаетъ ее обратно. Дѣвушки на 11 году, а мальчики на 13 или 14 году входятъ во взаимныя половыя сношенія²⁾.

¹⁾ Revue d'anthropologie, 1874, 3, p. 169.

²⁾ Cit. у Зибера. Очерки и проч., стр. 315. Быть можетъ, къ категоріи тѣхъ же фактовъ надлежитъ отнести и слѣдующее частное сообщеніе ученаго лѣсовода Добровлянскаго (отъ 29 іюня сего 1887 года), обязательно сообщенное намъ М. К. Васильевымъ. „Для иллюстраціи значенія мѣстныхъ промысловъ, пишетъ г. Добровлянский, приведу одинъ фактъ, сильно меня заинтересовавшій. Въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревняхъ муромскаго уѣзда (владимірской губ.) существуетъ фактъ свободнаго сожителства молодежи и существуетъ съ незапамятныхъ временъ; съ нимъ свыклись, и когда парню приходилось отдѣляться и заводить свое хозяйство, то онъ женился, не особенно смущаясь тѣмъ, что у его супруги есть уже нѣсколько ребятъ отъ него или отъ кого другаго. Крестьяне занимались смолокурениемъ, которое въ послѣднее время упало и заставило ихъ обратиться къ механической разработкѣ лѣса, дающей меньше заработковъ; въ результатъ оказалось, что народъ „шибоко обѣднялъ“ и брать супругу съ ребятами оказалось уже накладнымъ; такъ какъ отказаться отъ гульбы было не легко, а спросъ явился на бездѣльныхъ, то мигомъ явились и мастерицы, начавшіе фабриковать бездѣтность.... Кроме того раздѣлы стали болѣе часты, браки стали поэтому заключаться чаще и слѣд. раньше, и для гульбы (здѣсь называютъ это „стоппіемъ“) остался 12—15 лѣтній возрастъ“. По отсутствію необходимыхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить, что здѣсь надлежитъ отнести къ общимъ законамъ развитія брака и что къ частному паденію нравственности.

Во второй моментъ, наступающій *при встрѣчѣ* очерченного только что обыкновенія съ возникшею подъ вліяніемъ *спеціальныхъ* причинъ идей пробнаго брака, фактическое сожителство молодежи *само для себя* обращается въ *прелиминарное* сожителство, имѣющее въ виду бракъ, а подъ вліяніемъ моногамическихъ идей кромѣ того и въ сожителство заинтересованнаго лица. Примѣръ такой фазы мы видѣли выше у ораонцевъ, у которыхъ «если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша вноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены». Примѣръ состоянія переходнаго отъ перваго по второму моменту могутъ представить вечерницы, наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ напр. въ новгородской и псковской губерніяхъ дѣвицы вмѣняютъ себѣ въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, или, какъ тамъ говорятъ, дружина, что вовсе не мѣшаетъ имъ потомъ выйти замужъ *за кого бы то ни было*. *Обыкновенно* дружень впоследствии становится мужемъ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Наконецъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія моногамическихъ идей наблюдаемое во 2-й моментъ *фактическое* прелиминарное сожителство обращается въ *номинальное*, и вечерницы вступаютъ въ третій и послѣдній періодъ своего развитія, въ которомъ они существуютъ и по настоящее время. Въ этотъ періодъ они превращаются въ простое нравственное увеселеніе молодежи, доставляющее ей удобный случай для сближенія и служа такимъ образомъ первой ступенью къ браку.

Такимъ образомъ вечерницы въ третьей фазѣ своего развитія, т. е. въ той именно фазѣ, въ какой онѣ въ настоящее время связаны съ институтомъ «парубочкой громады», представляютъ комбинацію двухъ элементовъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ эпохамъ брачныхъ отношений,—элемента пробнаго брака, принадлежащаго эпохѣ индивидуализаціи сихъ отношений, и элемента коллективизма, принадлежащаго эпохѣ коммунальнаго брака. Восходя же отъ этой фазы къ первоначальному моменту въ развитіи вечерницъ, мы все болѣе и болѣе выходимъ изъ сферы моногамическихъ отношений и все болѣе и болѣе приближаемся къ сферѣ общин-

¹⁾ Путевыя писма Якушкина cit. у Сумцова op. cit. p. 433.

ныхъ брачныхъ связей, пока наконецъ не достигаемъ чистыхъ формъ коммунальнаго брака безъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Въ такомъ видѣ и представляется *прототипъ* современныхъ вечерицъ, обязательно связанныхъ съ институтомъ «парубочкой громады». Принявъ же это во вниманіе и припомнивъ сказанное нами о первобытныхъ организаціяхъ молодежи, мы, думается намъ, будемъ въ правѣ придти къ высказанному нами выше заключенію, а именно, что *наблюдаемою нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе организованныя группы, отъ остальныхъ общественныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и должно быть причислено къ категоріи явленій первобытной организаціи молодаго поколѣнія съ свободнымъ половымъ сожителствомъ внутри сихъ организацій.* А такъ какъ эти первобытныя организаціи, какъ было указано раньше, представляютъ собою ничто иное, какъ переживаніе эпохи коммунальнаго брака, то *существующее нынѣ въ жизни малорусскаго народа явленіе «парубочтва» или «парубочкой громады» должно почитаться свидѣтельствомъ и памятникомъ того, что эта эпоха нѣкогда была пережита симъ народомъ.*

Н. Н. Чернышевъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(О К О Н Ч А Н І Е) ¹⁾.

Когда, прибывъ въ Одессу, явился я къ графу Ланжерону, онъ съ восклицаніемъ спросилъ меня:

— А мосье Ярославскій! чѣмъ васъ поздравить, коллежскимъ ассесоромъ? Получили отъ университета аттестатъ?

Я представилъ ему аттестатъ.

— Вы хотѣли быть коллежскимъ ассесоромъ по моей ошибкѣ, теперь будете имъ по закону, сказалъ тогда графъ и за тѣмъ спросилъ:

— Отъ чего вы не хотите служить при Инзовѣ?

— Если вамъ не угодно будетъ дать мнѣ мѣсто подъ вашимъ начальствомъ, отвѣчалъ я, то поѣду къ нему.

Тогда графъ сказалъ:

— Есть вакансія совѣтника таврическаго губернскаго правленія. По полученіи вашей просьбы, я никого на нее не представлялъ. Но вы опять меня оставите?

Я отвѣчалъ, что намѣренъ жениться.

— Это другое дѣло, сказалъ онъ.—Такъ добръ и такъ снисходителенъ и ласковъ былъ графъ Ланжеронъ!

Отдавая мой аттестатъ правителю канцеляріи Гуржееву, онъ велѣлъ написать обо мнѣ представленіе. Откланявшись ему и простясь съ Ив. Ив. Гуржеевымъ, я выѣхалъ изъ Одессы съ тѣми же извозчиками, съ которыми пріѣхалъ изъ Харькова.

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., октябр. кн., стр. 289—330.

Въ Херсонѣ былъ въ казенной палатѣ и видѣлъ, что все совѣтники получили Владимірскіе кресты, даже оба бывшіе мои столоначальники имѣли Аннинскіе 4-й степени, а вице-губернаторъ Петрулинъ Владиміра 3 класса. Вотъ какъ щедро награждаетъ графъ Ланжеронъ, подумалъ я—не такъ, какъ Инзовъ! Они оба добры, но разныхъ правилъ и свойствъ.

Пообѣдавъ у вице-губернатора, на другой день я выѣхалъ въ заштатный городъ Бериславъ, при рѣкѣ Днѣпрѣ, надѣясь оттуда часто ѣздить къ другу своему Ник. Дм. Куликовскому, который, равно и жена его Варвара Ивановна, дочь добраго Ив. Христ. и Елиз. Гр. Калагеоргіевыхъ, всегда любили меня. Въ первое же воскресенье поѣхалъ я къ нему въ село Каховку. Обое они непритворно обрадовались мнѣ и настояли, чтобы я къ нимъ переѣхалъ жить, и я въ тотъ же день выполнилъ ихъ волю. Въ Каховкѣ я жилъ во всемъ удовольствіи и изобиліи, по пословицѣ—купаясь, какъ сыръ въ маслѣ, до того времени, какъ 6 іюня 1821 года опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ таврическое губернское правленіе.

Хотя и увѣрялъ меня Ник. Дм. Куликовскій и другіе, будто бы въ Крыму лучше мнѣ будетъ жить, нежели было въ Херсонѣ; но, кромѣ повышенія моего чинами (коллежскаго ассесора 1822 г. іюля 28 и надворнаго совѣтника 1825 г. сентября 14), на самомъ дѣлѣ я испыталъ по службѣ моей все непріятности, какихъ прежде не зналъ, такъ что могъ сказать о себѣ, какъ Наполеонъ: «звѣзда моя померкла».

Первое. Графъ Витгенштейнъ, бывши въ Евпаторіи для купанья въ морѣ, обѣщавъ Болданіевой, хозяйкѣ, у которой стоялъ на квартирѣ, стараться, чтобъ ея другой домъ, еще не достроенный, былъ взятъ въ казну для помѣщенія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ томъ же 1821 году графъ Ланжеронъ, по его просьбѣ, командировалъ меня въ Евпаторію сдѣлать тому дому планъ и смѣту, что онъ будетъ стоить, чтобъ сдѣлать его удобнымъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Я нашелъ наружныя стѣны этого дома, хотя камепныя, но на глинящ складенныя, перегородки и потолоки хворостяныя, не оштукату-

ренныя, а только обмазанныя глиною; не было въ немъ ни половъ, ни дверей, ни оконныхъ рамъ, ни другихъ мелочей, ни огорожи двора. На все это я сдѣлалъ смѣту по цѣнамъ полиціи, приложивъ и планъ дома; но въ донесеніи своемъ я не могъ утвердительно сказать, проченъ ли и удобенъ ли онъ будетъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Кончилось тѣмъ, что домъ не былъ взятъ въ казну.

Второе. Въ Севастополѣ случилось по женскимъ интригамъ такое дѣло. Отставной маіоръ Новиковъ ударилъ на улицѣ инженернаго подполковника Шаумбургъ, бывшаго въ мундирѣ и орденяхъ, два раза въ щеку за то, что тотъ, въ угожденіе дочери артиллерійскаго генерала Сиверса, въ виду многочисленнаго народа, бывшаго на качеляхъ, остановилъ на улицѣ экипажъ его жены. Во всемъ этомъ самъ Новиковъ признался въ глупомъ прошеніи своемъ, которое сочинялъ Чернявскій, домашній секретарь... морскаго начальника въ Севастополѣ. По этому дѣлу, по высочайшему повелѣнію, какъ обезчещенъ инженерный мундиръ, наряжена была комиссія военнаго суда. Депутатомъ въ эту комиссію со стороны гражданской, для защиты маіора Новикова, губернское правленіе командировало меня, за отказомъ, подъ видомъ болѣзни, ассесора Луговскаго. Каждый день я являлся въ комиссію и подписывалъ ея опредѣленія. Она назначила меня съ маіоромъ Ивановымъ по даннымъ отъ нея пунктамъ спросить подъ присягою дочерей генерала Сиверса; при приводѣ къ присягѣ были Новиковъ и Шаумбургъ. Но эти свидѣтельницы показали, что все, написанное Новиковымъ въ прошеніи, имъ выдуманно, что маіорша Новикова сама велѣла кучеру остановиться, что Шаумбургъ, подойдя къ ней, снялъ шляпу, учтиво разговаривалъ, потомъ, поклонясь, отошелъ къ нимъ. Тогда Чернявскій написалъ Новикову другое прошеніе, выставивъ новыхъ свидѣтелей, какихъ то матросовъ, которые будто видѣли и слышали все дѣйствіе. Комиссія приняла прошеніе и дала ему ходъ. Зная, что законъ запрещаетъ допускать новыхъ свидѣтелей, сверхъ принятыхъ обѣими сторонами, и что за нарушеніе этого закона можно подвергаться суду, я подалъ рапортъ г. ко-

менданту, генераль-маіору Юрковскому о своей болѣзни и просилъ его истребовать на мѣсто мое другого депутата. Надобно сказать, что къ этому присоединилось еще другое происшествіе, которое произвело ужаснѣйшее послѣдствіе. Сторону Шаумбурга принялъ инженерный полковникъ Мишо; онъ послалъ графу Ланжерону донесеніе, писанное по французски, въ которомъ, изложивъ, что маіоръ Новиковъ судился за покраденный въ казні свинець, прибавилъ, что контръ-адмиралъ Быченскій есть первый упорствующій покровитель сего злодѣя, содѣлывающаго такія преступленія. и показалъ къ нему даже особенное покровительство по учиненіи имъ послѣдней соблазнительной обиды, вмѣшавшись, противно законамъ, въ дѣла комиссіи и запутывая ея дѣйствія бумагами, коихъ не должно бы вовсе принимать. Посланное подлинникомъ отъ графа Ланжерона генераль-адъютанту князю Волконскому, это донесеніе было возвращено въ комиссію съ замѣчаніями великаго князя Николая Павловича, которому оно было представлено Волконскимъ. По выпискѣ изъ него объ участіи Новикова въ покражѣ свинца и о покровительствѣ ему, комиссія требовала отъ Быченскаго объясненій, а Быченскій въ свою очередь требовалъ доказательствъ отъ полковника Мишо. Въмѣсто отвѣта отъ Мишо, разнеслась по городу вѣсть о его смерти. Утверждали, будто онъ дня четыре былъ нездоровъ; но еще наканунѣ, 16 ноября, были у него въ вечеру его пріатели: генералъ Сиверсъ, полковникъ Бибииковъ, подполковникъ Шаумбургъ, и карантинный докторъ Экъ; послѣдній разстался съ хозяиномъ въ первомъ часу ночи, ни малѣйше не подозрѣвая объ опасности. Мишо всталъ, говорятъ, очень рано (а по словамъ нѣкоторыхъ, вовсе не ложился), велѣлъ затопить въ грубѣхъ или каминѣхъ, сѣлъ подлѣ, рвалъ секретныя бумаги и бросалъ въ огонь; потомъ сказалъ позвать къ себѣ барона Шаумбурга, но тотъ засталъ его уже безъ языка; Мишо облокотился на него и часу въ 5 утра, 17 числа, скончался. Всѣ единогласно полагали, что онъ окончилъ жизнь свою насильственною смертію, и эта догадка подтверждалась отчасти синевою его губъ. Могъ ли я оставаться въ комиссіи для занятія такимъ казуснымъ дѣломъ? Я написалъ Ив.

Ив. Гуржееву обо всемъ и, получивъ отъ него извѣстiе, что онъ читалъ мое письмо графу, я снова просилъ объ отчисленiи меня отъ комисси. Генераль Юрковскiй уважилъ наконецъ мою просьбу; и по требованiю его присланъ былъ вмѣсто меня ассесоръ Максимовичъ. А какъ онъ согласился допустить къ свидѣтельству поименованныхъ Новиковымъ матросовъ, то, вѣроятно, по просьбѣ Шаумбурга, это дѣло вскорѣ велѣно производить въ Херсонѣ военно-судной комисси.

Командантъ Юрковскiй отпущался въ 1812 и 1813 годахъ въ войнѣ противъ Наполеона. Въ воскресные и праздничные дни я часто обѣдывалъ у него; онъ любилъ откровенно разговаривать со мною о многихъ предметахъ. Хотя Быченскiй былъ зять его, онъ не хвалилъ его, что вмѣшался въ дѣло Новикова съ Шаумбургомъ, оказывая защиту первому.

Третье. Въ 1822 году графъ Ланжеронъ, давая знать вице-губернатору объ ассигнованiи до полу-милліона рублей для построенiя въ Симферополѣ зданiя присутственныхъ мѣстъ и соборной церкви св. Александра Невскаго, а также починки бакчисарайскаго ханскаго дворца, предписалъ составить строительную комиссию, въ которую назначилъ первымъ членомъ меня, вторымъ ассесора Максимовича и третьимъ петербургскаго архитектора Колодина. Планъ и смѣта на эти работы составлены были раньше; но я нашелъ въ нихъ значительныя упущенiя и недостатки. По моимъ замѣчанiямъ, которыя я представилъ ихъ вновь опредѣленному гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Перовскому, планъ и смѣта были исправлены пріѣхавшимъ изъ Петербурга архитекторомъ Колодинымъ: вмѣсто пристроекъ къ одно-этажному каменному дому, построенному еще въ 1787 году для пріѣзда императрицы Екатерины, проектирована постройка на немъ втораго этажа, назначена огорожа двора, которой на прежнемъ планѣ не было, постройка архива, типографiя и сараевъ для дровъ; вмѣсто хворостяныхъ потолковъ, черепичной крыши, назначено покрыть желѣзомъ и сдѣланы другiя перемѣны. Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ этотъ планъ и прислалъ для построенiя по немъ въ натурѣ; но

строительный при немъ комитетъ изложилъ свое мнѣніе, что «какъ отъ него посылается архитекторъ Колодинъ для производства въ натурѣ строеній, то неприлично уже кому-либо вмѣшиваться при томъ производствѣ». Это замѣчаніе относилось собственно ко мнѣ. Я однако занимался дѣлами комитета, а работы велъ Колодинъ, какъ самъ зналъ, или какъ указывалъ губернаторъ. Всѣ древнія напр. зданія въ Крыму были строены изъ дикаго камня, изъ него же строятся и новыя и нѣтъ ни одного, которое бы построено изъ кирпича; но архитекторъ Колодинъ въ смѣтѣ положилъ строить пяти-купольную церковь св. Александра Невского изъ кирпича, который дѣлается только въ Карасу-Базарѣ изъ глины и имѣя въ себѣ известковыя частицы, такъ плохъ что если полить его водою, то начнетъ кипѣть, какъ негашенная известь, а нерѣдко и совсѣмъ разрушается. Другое дѣло. Дворецъ въ Бакчисараѣ велѣно возобновить въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при ханахъ; но губернаторъ Черовскій поѣхалъ туда съ архитекторомъ и велѣлъ строить конюшни и сараи не на прежнихъ мѣстахъ, а на другихъ. Было нѣчто и худшее. Лѣтомъ 1823 года поѣхалъ я съ семействомъ старшаго совѣтника Никифорова смотрѣть большой рѣки Салгира, бьющей изъ нависшаго огромнаго камня. Возвращаясь оттуда уже въ сумерки, мы встрѣтили нѣсколько воловыхъ подводъ, на которыхъ везли тесанный камень и известь. Я спросилъ извозчиковъ: куда везете? — «Губернатору на дачу, отвѣчали они. — Гдѣ брали? — «У присутственныхъ мѣстъ». — Кто вамъ отпустилъ? — «Ассесоръ Максимовичъ». Вскорѣ послѣ этого я подалъ рапортъ губернатору объ увольненіи меня отъ строительнаго комитета и сдалъ расходную книгу и сумму ассесору Максимовичу.

Четвертое. Лѣтомъ 1822 года графъ Ланжеронъ пріѣзжалъ въ Крымъ, и съ нимъ былъ правитель канцеляріи Иванъ Ив. Гуржеевъ. Онъ остановился квартирою въ домѣ татарскаго генерала Кая-бея. Этотъ хитрый татаринъ прежде уговорилъ его купить у татаръ участокъ земли въ еодосійскомъ уѣздѣ, гдѣ есть хорошія соляныя озера, изъ которыхъ добываемую соль

можно выгодно отпускать въ Черноморію и за-границу. А въ этотъ прїѣздъ онъ вмѣстѣ съ прочими тамошними владѣльцами подали графу просьбу, прося его ходатайствовать у государя о позволеніи имъ вновь выволакивать изъ озеръ соль и продавать ее, что воспретилъ имъ министръ финансовъ съ высочайшаго утвержденія. Жалѣя объ участи добраго графа, я отважился сказать И. И. Гуржееву:

— Что вы не остережете графа, чтобъ онъ не вмѣшивался въ это дѣло? Пусть татары мимо его подають просьбу, кому слѣдуетъ. Онъ долженъ стараться о казенномъ интересѣ и не подавать ни малѣйшаго вида, что вступается за частныя выгоды.

— Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, я говорилъ ему; онъ не хочетъ меня и слушать.

— Ну, сказалъ я, увидите, какъ это покровительство причинитъ ему непріятность!

Предсказаніе мое сбылось. Министръ финансовъ графъ Гурьевъ, докладывая государю это представленіе графа Ланжерона, сказалъ: «я стараюсь о увеличеніи доходовъ вашего императорскаго величества, а генераль-губернаторъ, который долженъ бы во всемъ мнѣ содѣйствовать, препятствуетъ тому». Это произвело въ государѣ невыгодное мнѣніе о графѣ Ланжеронѣ. Къ этой тягостной для него непріятности въ тоже время случилась другая. Еватеринославскій губернаторъ (*пробль*) представилъ ему, что въ губерніи неурожай, угрожающій голодомъ и что для предупрежденія его необходимо полъ-милліона денегъ. Графъ, повѣривъ его донесенію, представилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ. Посланъ былъ въ эту губернію чиновникъ, который нашелъ, что жители ея безъ нужды могутъ прокормиться и что у нихъ останется еще хлѣба для заграничной продажи. За ложное донесеніе губернаторъ удаленъ былъ отъ должности, но и для графа Ланжерона это была большая непріятность. Случилось съ нимъ и другое несчастье. Праздниками Свѣтлаго Воскресенія, какъ была въ Одессѣ большая грязь, то для отданія визитовъ онъ поѣхалъ на дрожжахъ, которыя опрокинулись; отъ подмочки сильно ногъ возобновилась у него подагра. Для совершеннаго ея

излѣченія медики совѣтовали ему ѣхать во Францію пользоваться минеральными водами. По просьбѣ его, государь, быть можетъ, охотно его уволилъ, поручивъ исправленіе его должности генералу Инзову; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣсто его былъ опредѣленъ генераль-губернаторомъ графъ Воронцевъ, а ему велѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ новый генераль-губернаторъ, перемѣнивъ правителя своей канцеляріи, старался и въ губерніяхъ замѣщать должности своими чиновниками.

Пятое. Командированіе меня въ 1822 году губернскимъ правленіемъ въ Евпаторію для совмѣстнаго съ инженернымъ чиновникомъ составленія смѣты на постройку офицерскаго флигеля дало мнѣ случай излечиться отъ глухоты, которая приключилась мнѣ отъ простуды, по выходѣ изъ бани безъ картуза. Ложась три раза въ сакскую грязь и купаясь въ морѣ, я опять сталъ слышать. Но порученіе мнѣ присмотра за окончательною сего флигеля постройкою, производимую тамошнимъ городничимъ Бабенкомъ, было для меня очень тягостно. Флигель находился разстояніемъ отъ города верстахъ въ двухъ и я принужденъ былъ часто ходить туда пѣшкомъ. Бабенко потомъ началъ нить такъ неумѣренно, что даже въ умѣ помѣшался. Хотя я просилъ исполнительную экспедицію уволить меня отъ присмотра за работами; но мнѣ въ томъ отказали, и я долженъ былъ вести съ нимъ и съ другими непріятную переписку, да и завсѣмъ тѣмъ занимался этимъ затруднительнымъ присмотромъ и въ послѣдующіе 1824 и 1825 годы.

Шестое. Купецъ 1-й гильдіи Зеленковъ (шившій мундиры для государя императора) взялъ въ таврической губерніи откупъ, по которому распорядитъ дѣлами поручилъ коллежскому ассесору Алексѣю Григорьевичу Высоцкому. Высоцкій такъ повелъ дѣло, что въ теченіе года откупъ пришелъ въ упадокъ. Пріятели Зеленкова, а болѣе, кажется, Высоцкаго, присовѣтовали ему, оставивъ по прежнему управленіе откупомъ за Высоцкимъ, принять его къ себѣ въ третью часть. Высоцкій согласился. Написанъ былъ обширный контрактъ; но всѣ пункты онаго слу-

жили въ его лишь пользу. Въ контрактѣ напр. сказано было, что «Зеленьковъ принимаетъ Высоцкаго въ третью часть *вз барышахъ*», а слѣдовательно не въ убыткахъ. Правда, Высоцкій обязанъ былъ присылать Зеленькову мѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ всего имущества по откупу и давать по требованію его отчеты; кромѣ того Зеленьковъ во всякое время имѣлъ право вступить въ управленіе откупа самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ, и тогда Высоцкій могъ самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ управлять только своею третьею частью. Но на бѣду свою Зеленьковъ допустилъ въ контрактъ самую вредную для себя статью, по которой «въ случаѣ споровъ, несогласій, недоразумѣній, оба они обязывались, не обременяя присутственныхъ мѣстъ бумагами, вѣдаться совѣстнымъ или третейскимъ судомъ». При отъѣздѣ Высоцкаго въ Крымъ, Зеленьковъ вручилъ ему сто тысячъ рублей для покупки вина и прочихъ нужныхъ по откупу предметовъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Высоцкій не присылалъ вѣдомостей и не давалъ никакого свѣдѣнія объ откупѣ. Зеленьковъ усумнился въ честности Высоцкаго и захотѣлъ самъ видѣть Крымъ, который называли ему второю Италією. Зеленьковъ былъ богачъ, имѣвшій единственную дочь и три съ половиною милліона руб. въ ломбардѣ. Первымъ дѣломъ его было, ѣдучи черезъ Перекопъ, забрать въ тамошней питейной конторѣ всю наличную сумму. Хотя онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы не платить за пересылку вѣсовыхъ, и взятыхъ деньги, по пріѣздѣ въ Симферополь осенью 1823 г., отдалъ въ главную контору; но это подало Высоцкому предлогъ дать секретное предписаніе всѣмъ повѣреннымъ, чтобъ не исполняли никакихъ требованій Зеленькова. Поживши нѣкоторое время здѣсь и видя, что Высоцкій ничего не говоритъ и не даетъ отчета ни по откупу, ни о полученныхъ имъ ста тысячахъ рублей, Зеленьковъ напомнилъ ему разъ, другой; но все напрасно. Тогда дождавшись новаго 1824 г., онъ подалъ въ губернское правленіе прошеніе о допущеніи его повѣреннаго Петриченка къ управленію двумя частями откупа на основаніи контракта; но Высоцкій ловко воспользовался другою статьею контракта, по которой они обязались не обременять присут-

ственныхъ мѣсть бумагами, а разбираться совѣстнымъ или третейскимъ судами, и просилъ губернское правленіе не входить въ разбирательство ихъ несогласій; а чтобы добиться чего либо отъ тѣхъ судовъ, то скорѣе откупъ могъ бы прекратиться. Старшій совѣтникъ Никифоровъ и я держали въ этомъ дѣлѣ сторону Зеленькова; но ассесоръ Луговскій, задобренный Высоцкимъ, отчасти вице-губернаторъ Курута и вновь опредѣленный третій совѣтникъ Фабръ, а также поступившій на мѣсто Перовскаго губернаторъ Нарышкинъ, стояли за Высоцкаго. Нарышкинъ купилъ тогда дачу и надобно было ее обстроить. Зеленьковъ не догадался предложить губернатору денегъ, а Высоцкій черезъ Фабра предложилъ ихъ. Придумана новая хитрость: друзья Высоцкаго затѣяли увезти дочь Зеленькова и обвинять ее съ адъютантомъ дивизіоннаго генерала, квартировавшаго въ Симферополѣ, и только жандармскій полковникъ, разставивъ караулъ вокругъ питейнаго дома, воспрепятствовалъ выполненію губительной затѣи. Высоцкій навѣрное зналъ, что это произведетъ параличъ преемнику Зеленькову, и тогда всѣ счеты между ними кончатся. Узнавъ объ этомъ, Зеленьковъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Петербургъ и подалъ въ Царскомъ Селѣ государю просьбу; законное удовлетвореніе по ней, черезъ графа Аракчеева, передано въ особое наблюденіе министра юстиціи. По требованію его, губернаторъ предписалъ губернскому правленію 21 октября 1824 г. объ оставленіи крымскаго питейнаго откупа въ единственномъ управленіи купца Зеленькова и о принужденіи коллежскаго ассесора Высоцкаго дать Зеленькову за все время управленія своего откупомъ немедленно вѣрный отчетъ, а также чтобы всѣ дѣла, счеты, документы, откупное имущество, питья и капиталы сданы были Зеленькову или его повѣренному со всею вѣрностью. Кромѣ того министр юстиціи предписалъ еще губернскому прокурору «имѣть неослабное наблюденіе въ исполненіи сего указа сената, и о малѣйшемъ послабленіи губернскихъ властей доносить ему, подь собственною своею строгою отвѣтственностію». Что жъ вышло?—Высоцкій подь предлогомъ болѣзни отказался отъ сдачи. Поручено было мнѣ съ совѣтникомъ уголовной палаты Гнутовымъ заняться сдачею; но мы ничего не могли сдѣлать и только скрѣпляли

всѣ мѣсячныя вѣдомости и книги всѣхъ конторъ по листамъ, какъ простые писцы. Въ 1825 году, въ прїѣздъ государя на южный берегъ Крыма, совѣтникъ Фабръ и ассесоръ Луговскій, по представленію губернатора, получили св. Анны 2-й степени, и губернаторъ въ присутствіи всѣхъ насъ, поздравляя ихъ, не устыдился сказать, что они награждены за защиту Высоцкаго; «а васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Никифорову и мнѣ, пусть награждаетъ Зеленъковъ». Губернскій прокуроръ Василій Ивановичъ Михно, по предписанію министра юстиціи, доносившій ему о послабленіяхъ губернатора Высоцкому, по высочайшему повелѣнію былъ удаленъ, а на мѣсто его былъ назначенъ Фабръ. Никифоровъ, видя все униженіе и притѣсненіе, самъ подалъ въ отставку; а меня командировали въ разныя непріятныя дѣла. Высоцкій, не смотря на неоднократныя повторенія указовъ сената, все таки не далъ отчетовъ объ употребленныхъ имъ суммахъ, да и не могъ ихъ дать, иначе пришлось бы показать, кому и сколько онъ далъ изъ полученныхъ ста тысячъ рублей и изъ собранныхъ имъ за время его управленія денегъ. Напослѣдокъ, уже въ царствованіе императора Николая, онъ отправился въ Петербургъ. Но какъ скоро онъ прїѣхалъ туда, Зеленъковъ объявилъ о томъ министру юстиціи, а тотъ отнесся къ главнокомандующему С.-Петербурга о высылкѣ его въ Крымъ. Высоцкій сказался больнымъ; но главнокомандующій велѣлъ отправить его въ больницу и о здоровьѣ его доносить ему каждый день, а коль скоро сдѣлается ему легче, въ то же время отправить его въ Крымъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не видя себѣ ни откуда помощи, Высоцкій принялъ ядъ и тѣмъ свой откупной процессъ и жизнь кончилъ. А тѣ чиновники, которымъ давалъ онъ деньги, спокойно зажили, бывъ увѣрены, что некому уже ихъ требовать отъ нихъ. Такъ почти бываетъ всегда на свѣтѣ, что худыя дѣла имѣютъ и худой конецъ.

Седьмое. Евпаторійскій исправникъ Каза-бей донесъ губернатору Перовскому, что градской голова Сима Бобовичъ обманымъ и притѣснительнымъ образомъ покупаетъ у татаръ земли. Для изслѣдованія этого дѣла губернаторъ послалъ своего чинов-

ника Семена Мейера, который со всею натяжкою произвелъ слѣдствие. Дѣло поступило въ евпаторійскій уѣздный судъ; судья Волковскій всячески старался перепросами татаръ обвинить Симу Бобовича; по убѣдительной его просьбѣ губернаторъ велѣлъ составить изъ членовъ земскаго суда подѣ моимъ предсѣдательствомъ особый судъ. Переспросили мы всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу татаръ, ни одинъ изъ нихъ не обвинилъ Симу Бобовича, всѣ напротивъ говорили, что и въ глаза его не видали, но другихъ караимовъ. Случилось, что въ это время губернаторъ Перовскій по какому-то дѣлу пріѣхалъ въ Евпаторію; неожиданно пріѣхалъ сюда же и вновь опредѣленный генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ, не заставъ Перовскаго въ Симферополѣ. Ъхавшій съ нимъ адъютантъ Александръ Мейеръ, старшій братъ Семена, въ дорогѣ разсказалъ графу, что губернаторъ нарочито послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Къ этому сдѣлался такой непріятный случай, что графъ Воронцовъ, заѣхавъ прямо въ домъ Симы Бобовича, засталъ у него за обѣденнымъ столомъ губернатора и меня съ другими чиновниками. Графъ сѣлъ съ нами за столъ, порядочно кушалъ, былъ веселъ и разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Но послѣ обѣда позвалъ губернатора въ кабинетъ и сдѣлалъ выговоръ, что онъ вмѣшался въ судное дѣло, перемѣнилъ судей и послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, что бы чрезъ это дѣло новый генераль-губернаторъ не возымѣлъ о мнѣ худаго мнѣнія, я съ натяжкою написалъ самъ приговоръ, которымъ оставлялъ Симу Бобовича въ подозрѣніи. Другіе члены и секретарь не хотѣли было подписывать этого приговора, но я упросилъ ихъ подписать. Уголовная палата уничтожила этотъ несправедливый приговоръ.

Восьмое. Добрый мой бывшій начальникъ Иванъ Ник. Инзовъ лѣтомъ 1824 года пріѣзжалъ въ Крымъ для осмотра нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ тамъ. Какъ онъ отправлялъ должность генераль-губернатора, то всѣ губернскіе начальники явились къ нему отдать почтеніе. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ и поцѣловалъ меня, сказавъ: «А, бѣглець! не хотѣлъ при

миѣ служить». Всѣ удивились его ласковому со мною обхожденію. Съ нимъ былъ Фадѣевъ и Гильдешанецъ.

Девятое. Графъ Воронцовъ по многимъ дѣламъ требовалъ отъ губернатора Перовскаго объясненія. Чтобъ избавиться отъ непріятныхъ отвѣтовъ, онъ просилъ уволить его отъ этой должности, надѣясь, что другая должность—*Феодосійскаго градоначальника*, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе первой, останется за нимъ неприкосновенною; но и на ней не долго удержался. На мѣсто его вскорѣ былъ опредѣленъ губернаторомъ дѣйств. стат. сов. Дмитрій Вас. Нарышкинъ. О пристрастномъ дѣйствіи его по откупу было изложено выше, въ 1-й статьѣ, а о прочихъ его ко миѣ придиркахъ и притѣсненіяхъ будетъ разсказано дальше.

Десятое. Въ началѣ 1824 года исправники разныхъ уѣздовъ донесли губернатору, что по причинѣ неурожая прошлаго года татары терпятъ большой недостатокъ въ хлѣбѣ и предвидится между ними голодъ. Губернаторъ Нарышкинъ послалъ меня въ татарскія селенія. Составя подробную вѣдомость, сколько въ каждомъ изъ нихъ душъ и сколько въ наличности хлѣба, я представилъ ее губернатору; но пособія татарамъ отъ правительства, для ихъ прокормленія, графъ Воронцовъ не рѣшился требовать.

Одинадцатое. Засѣдатель днѣпровскаго земскаго суда Бабенко 2-й писалъ письмо къ брату своему Бабенку 3-му, служившему въ канцеляріи генераль-губернатора, о разныхъ злоупотребленіяхъ исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса. Графъ Воронцовъ для изслѣдованія послалъ своего старшаго адъютанта, гвардіи полковника Селехова; а губернаторъ предписалъ командировать меня для совмѣстнаго изслѣдованія. Мы объѣхали всѣ казенныя селенія, въ которыхъ взятъ^е былъ изъ запасныхъ магазиновъ казенныхъ обывателей хлѣбъ и сняли показанія со всѣхъ возившихъ этотъ хлѣбъ въ Симферополь на дачу бывшаго губернатора Перовскаго. Нѣкоторые извозчики показали, что губернаторша сама была при приѣмѣ хлѣба и велѣла насыпать его хорошо въ мѣрки, говоря, что за него деньги заплачены. Другое слѣдствіе произведено нами по наряду вошиковъ для отвезенія вѣтряной мельницы предсѣдателю уголов-

ной палаты Ивану Дмитриевичу Тодорову, не знаю, купленной имъ или подаренной. По приѣздѣ въ Симферополь, я увидѣлъ, что не только приемъ бывшимъ губернаторомъ Перовскимъ казеннаго хлѣба былъ считаемъ за ничтожное дѣло, но нашлись покровители исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса, именно прокуроръ Фабръ, а за нимъ и самъ губернаторъ. Вскорѣ Селеховъ пожалованъ былъ генераль-маіоромъ и бригаднымъ начальникомъ и я одинъ, по отъѣздѣ его, производилъ слѣдствіе по дѣламъ засѣдателя Толстолѣса; а потомъ по любовнымъ связямъ въ разныхъ селеніяхъ съ дѣвками и самага донощика засѣдателя Бабенка, на котораго прежде доносилъ исправникъ Мизельскій. Послѣ сего губернаторъ поручилъ мнѣ обревизовать уголовныя дѣла въ днѣпровскомъ уѣздномъ судѣ и въ перекопскомъ магистратѣ, что я и исполнилъ. На возвратномъ пути я былъ представленъ имъ въ Армянскѣ генераль-губернатору Воронцову; а въ вечеру, бывши у него, засталъ Н. Дм. Куликовскаго, съ которымъ началъ заводить шпанскихъ овецъ. Между прочими разговорами Нарышкинъ похвалился, что купилъ дачу и началъ уже строить на ней каменный домъ. Я былъ такъ неостороженъ и не разсудителенъ, что спросилъ его:

— Уже начали и домъ строить?

— Чтожъ тутъ удивительнаго? спросилъ онъ.

— Можетъ статья, отвѣчалъ я, что лѣтъ чрезъ пять вамъ прискучитъ жить въ Крыму, тогда вы оставите вновь построенный домъ и все въ саду заведеніе, какъ бы они дорого вамъ ни стоили.

Это было какъ бы предсказаніе и оно скоро сбылось: послѣ насильственной смерти Высоцкаго, Нарышкинъ, взявшій отъ него деньги Зеленькова на покупку этой дачи, сталъ задумываться, мѣшаться въ умъ, досадовать, скучать; наконецъ отказался отъ должности губернатора, которую тяготился, и уѣхалъ изъ Крыму.

Девятнадцатое. Въ концѣ 1824 г. я едва не перешелъ съ казенной службы на частную. Лѣтомъ того же года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Викторъ Павловичъ Кочубей, для поправленія здоровья чахоточной своей дочери, по совѣту вра-

чей, пріѣхалъ на житье въ Феодосію. Въ то время пріятель мой, Ник. Дм. Куликовскій, видя, что сближается срокъ взятыхъ имъ въ Кіевѣ на контрактахъ 50 или 60 тысячъ рублей подъ залогъ Каховки, искалъ такую сумму, чтобы выкупить это имѣніе. Познакомившись съ Кочубеемъ, онъ объяснилъ ему крайне свое положеніе и просилъ дать ему эту сумму и принять Каховку въ залогъ. Кочубей притворился, что у него нѣтъ столько наличныхъ денегъ, занялъ ихъ у карантиннаго начальника и у другихъ, живущихъ тамъ, сдѣлалъ съ Куликовскимъ условіе и далъ ему деньги, а послѣ взялъ отъ него закладную на Каховку. Во время этой сдѣлки онъ какъ-то сказалъ Куликовскому, что ему нуженъ архитекторъ для основанія поселеній на землѣ, купленной у бывшей губернаторши Гейкиной, въ херсонской губерніи, близъ Берислава, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Куликовскій рекомендовалъ меня. Кочубей письмомъ изъ Одессы 10 декабря 1824 г. предлагалъ мнѣ тысячу рублей жалованья, экипажъ и все содержаніе. Я совсѣмъ было рѣшился подать въ отставку; но добрый пріятель мой Илья Осиповичъ Барышовъ уговорилъ меня не дѣлать этой глупости, говоря: можно-ли частное мѣсто равнять съ короннымъ, притомъ въ такое время, когда есть вѣрныя свѣдѣнія, что вскорѣ будетъ прибавка губернскимъ чиновникамъ жалованья? Я послушалъ его, и дѣйствительно, въ началѣ слѣдующаго года вмѣсто 600 сталъ получать 1000 руб. жалованья. Другое письмо графъ Викторъ Павловичъ писалъ мнѣ 17 января 1825 года о присканіи каменщиковъ для построенія въ Загрядовкѣ церкви. Я отвѣчалъ ему, что въ Херсонѣ удобнѣе отыскать каменщиковъ, и гораздо искуснѣйшихъ. Послѣ того управитель его, по его приказанію, два раза писалъ ко мнѣ о доставленіи разныхъ свѣдѣній, и я выполнялъ его требованія.

Тринадцатое. Императоръ Александръ I пріѣхавшему въ Таганрогъ графу Воронцову рассказалъ о всѣхъ неудобствахъ для житья тамъ больной его супруги. Воронцовъ указалъ ему другія удобныя для житья мѣста: на южномъ берегу Крыма, въ Бакчисараѣ и въ Евпаторіи, чѣмъ самымъ склонилъ государя обозрѣть лично эти мѣста. Въ октябрѣ мѣсяцѣ государь пріѣ-

халъ въ Симферополь и остановился въ квартирѣ дивизионнаго генерала, заранѣе уважаемаго имъ, у котораго и въ 1818 году останавливался. Рассказывали, что при отъздѣ государя этотъ генераль, зная, что государь по обыкновенію раздавалъ подарки тѣмъ хозяйкамъ, гдѣ была его квартира, подвелъ къ нему трехъ дѣвиць, какъ бы своихъ дочерей. Государь, имѣя счастливую память, сказалъ ему:

— Помнится мнѣ, что у васъ была одна дочь?

— Это двѣ воспитанницы мои, отвѣчалъ сконфуженный генераль.

Губернскимъ чиновникамъ приказано было явиться на другой день всемъ въ 8-мъ часу утра къ обѣднѣ, которую будетъ слушать государь. Онъ остановился на лѣвой сторонѣ, стоялъ какъ вкопанный, не поворачиваясь ни въ одну сторону и не говоря съ окружающими, только иногда крестился. Послѣ обѣдни государь тотчасъ поѣхалъ: тогда по южному берегу нельзя было ѣхать въ экипажѣ, а верхомъ; день былъ теплый, государь иногда скидалъ картузь. Рассказывали, что Дабичъ ему говорилъ: «государь! надѣньте картузь». Онъ отвѣчалъ: «и такъ жарко. Это настоящая весна». Вѣроятно, лобъ его былъ въ поту, и онъ получилъ простудную крымскую лихорадку, весьма опасную. О полуднѣ государь прибылъ въ казенный садъ, называемый Никитскій, и потребовалъ чего нибудь закусить; у садовника ничего готоваго не было, и онъ съѣлъ кусокъ ржанаго хлѣба. Къ вечеру государь пріѣхалъ въ Урзуфъ, имѣніе графа Воронцова (первоначально принадлежало дюку-де-Ришелье, который при жизни своей подарилъ адъютанту Сенковскому); тамъ начертилъ онъ карандашемъ расположеніе дома, для построения въ Ариаднѣ, купленномъ имъ помѣстьѣ близъ Урзуфа, и далъ графскому архитектору для начертанія фасада (этотъ домъ по тому расположенію послѣ построенъ императоромъ Николаемъ). Тогда рассказывали, что государь сказалъ Воронцову: «графъ! со временемъ вы выйдете въ отставку, и я также оставлю свой престоль, и тогда мы будемъ запросто одинъ другаго посѣщать». По пріѣздѣ въ Севастополь курьеръ привезъ ему первое извѣстіе о возмущеніи квартировавшаго въ Малороссіи полка подъ коман-

дою Муравьева-Апостола. Опечаленный государь сказалъ: «неблагодарный русскій народъ! онъ вотъ чѣмъ платитъ за всѣ мои для него труды». Здѣсь случилась другая ему неприятность: дочери (а ихъ было десять, по большей части малолѣтнія) карантиннаго лѣкаря надворнаго совѣтника Эка, лѣчившаго полковника Мишо, котораго жена доказывала, что онъ отравилъ ся мужа, будучи подкупленъ маіоромъ Новиковымъ (объ этомъ дѣлѣ было описано подъ *вторымъ*), подали ему просьбу, что отецъ ихъ невинно содержится подъ карауломъ, и они остаются вовсе безъ пропитанія. Государь поручилъ Дибичу уговорить мадамъ Мишо, чтобъ она оставила это дѣло, что онъ дастъ ей пенсіонъ и всѣ удобства для жизни, хочетъ ли она остаться въ Россіи, или выѣхать въ Италію. Но она, какъ мстительная итальянка, не уважила милостиваго предложенія государя, что должно было быть ему прискорбно. Переночевавъ, онъ поѣхалъ въ Бақчисарай. Здѣсь татарскіе мурзы подали ему прошеніе о дозволеніи имъ на свой счетъ составить татарскій эскадронъ съ обмундированіемъ, аммуниціею и лошадьми. Государь милостиво принялъ ихъ къ просьбу, а они приготовили ему въ ханскомъ дворцѣ великолѣпный обѣдъ. Извѣстно, что татарскія кушанья весьма жирныя и тяжелыя для варенія желудка. Если государь и весьма мало кушалъ, то все же этотъ обѣдъ могъ усилить приступы лихорадки. Къ вечеру онъ пріѣхалъ въ Евпаторію, остановился въ лучшемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ гунца Калыги, стоящемъ близъ морскаго берега, гдѣ пристають судна. Ночь была мѣсячная, луна чудно разливала игривый свой свѣтъ по морскимъ волнамъ. Государь, сидя на балконѣ, въ благоговѣйномъ удивленіи о величій природы пѣлъ гимны, вѣроятно: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, и другіе подобныя. Выѣхавъ изъ Евпаторіи, онъ почувствовалъ уже дѣйствіе лихорадки; но, нигдѣ не останавливаясь на пути, спѣшилъ въ Таганрогъ, куда и прибылъ 3 ноября. Рассказывали, что государь не хотѣлъ принимать лѣкарства. Никто не могъ уговорить его, ни Волконскій, ни Дибичъ, ни государыня, но только духовникъ, исповѣдывая его. Но лѣкарство было принято уже поздно и не могло произвести свое дѣйствіе.

Такъ Россія лишилась своего благодѣтельнаго государя! По вскрытіи черепа, нашли много воды.

Четырнадцатое. Ассесоръ Луговскій настаивалъ, чтобы переимѣнить расходчика губернскаго правленія, который былъ медлителенъ, и поручить эту должность вновь опредѣленному его племяннику. Мнѣ поручено было повѣрить книгу прежняго расходчика; я занялся съ ними этою повѣркою дома. У меня была маленькая собачка, которая безпрестанно кидалась подъ ноги новому расходчику. Я удивлялся, что она не кидается къ прежнему расходчику. Черезъ два года оказалось, что это былъ мой тайный злодѣй. Однажды я, принявъ отъ совѣтника Никифорова вырученныя имъ отъ продажи одного имѣнія деньги 250 рублей, передалъ ихъ этому расходчику и велѣлъ росписаться въ полученіи ихъ на особомъ мѣстѣ, на которомъ записывались всѣ получаемыя деньги. Разсудивъ потѣмъ сдѣлать тетрадь и внести въ нее всю наличную сумму, я разорвалъ тотъ листъ при этомъ же расходчикѣ. Деньги не отсылались, кому слѣдуетъ, болѣе двухъ лѣтъ; а потомъ этотъ мошенникъ сказалъ, что онъ отъ меня ихъ не получалъ. Ассесоръ Луговскій присланъ былъ въ Евпаторію для истребованія отъ меня этихъ денегъ, съ угрозою отъ губернатора, что въ случаѣ не платежа мною онъ велитъ произвести слѣдствіе. Чтобы избавиться отъ непріятности, я далъ эту сумму ассесору Луговскому. Но, будучи уже въ Тулѣ, я получилъ свѣдѣніе, что этотъ расходчикъ промоталъ тамъ казенныхъ денегъ тысячу рублей, и члены присутствія должны были ихъ пополнить.

Пятнадцатое. Сверхъ вышерасказанныхъ непріятныхъ для меня слѣдствій, губернаторъ Нарышкинъ еще возложилъ на меня произвести слѣдствіе по жалобѣ караимовъ на городничаго Эссена. Вотъ въ чемъ она состояла. Въ пятницу, въ вечеру, пріѣхалъ нарочный съ указомъ о приведеніи къ присягѣ на вѣрность подданства императору Николаю I-му. Городничій требовалъ, чтобы караимы тотчасъ присягнули, а они отказывались наступленіемъ уже шабаса, заявляя, что по прошествіи его они немедленно присягнуть. Можетъ статья, что Эссенъ и выполнилъ

бы ихъ желаніе, еслибъ они поднесли ему денежный подарокъ; но они, не любя его, поскупились дать ему. Эссенъ задержалъ въ полиціи раввина и нѣкоторыхъ изъ ихъ старшинъ, когда уже всѣ прочіе собрались въ синагогу для молитвы. Караимы были правы, но губернаторъ держалъ сторону Эссена. Рассказывали, что Нарышкинъ просилъ у Симы Бобовича въ займы десять тысячъ рублей, и тотъ отказалъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ у него наличныхъ, а жена городничаго Эссена дала ему пять тысячъ изъ своего приданнаго. Встрѣчая пренятствія отъ губернатора и терпя отъ него разныя непріятности, я не могъ кончить этого вляузнаго дѣла, а городничій Эссенъ, пользуясь пріѣздомъ губернатора въ Евпаторію, собралъ татаръ, грековъ и армянъ, живущихъ въ городѣ, и послалъ ихъ съ жалобой, что караимы овладѣли всею торговлею города, забывая, что караимы, какъ были богаче прочихъ націй, то болѣе имѣли и способовъ лучше торговать. Сима Бобовичъ и другіе изъ нихъ богатые вели и заграничную торговлю.

Шестнадцатое. Прежде пріѣзда государя въ томъ же 1825 году я былъ боленъ также лихорадкою. Ѣздивши по татарскимъ селеніямъ для повѣрки ревизіи, нельзя было перебирать пищею, но ѣсть только ту, которую можно было у нихъ сыскать. Лихорадка нѣсколько разъ начиналась и покидала: бывало время, когда по видимому она совсѣмъ уже бросить; но выпью кофе съ молокомъ или съѣмъ яицъ, или небольшой морской жареной рыбки, и она вновь начиналась. Въ общей сложности она продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ и совершенно разрушила мое здоровье.

Семнадцатое. Въ такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ обратилъ я съ прошеніемъ къ графу Воронцову 22 апрѣля 1826 года и, описавши въ немъ давнишнюю свою болѣзнь и четырехъ-мѣсячное страданіе лихорадкою, просилъ его войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о перемѣщеніи меня въ должность совѣтника губернскаго правленія, гдѣ откроется вакансія въ поименованныхъ мною губерніяхъ. Просьба моя была принята при содѣйствіи Андреева, помощника правителя канцеляріи

графа Воронцова, бывшего секретаря Комбурлея и вмѣстѣ съ нимъ понавшаго подѣ судѣ, а его просилъ за меня мой землякъ, товарищъ герольдмейстера В. Н. Романовъ, помогшій ему выпутаться изъ дѣла Комбурлея. И такъ, указомъ сената по герольдіи 1826 года іюля 15-го я перемѣщенъ въ тульское губернское правленіе совѣтникомъ.

Восемнадцатое. И въ Крыму я имѣлъ также хорошихъ для себя пріятелей. Первый былъ совѣтникъ казенной палаты Илья Осиповичъ Барышовъ, съ которымъ я почти каждый день видѣлся или у него въ домѣ, или у себя на квартирѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ со мною переписку и по переводѣ меня въ Тулу, извѣщая меня каждый разъ о происшествіяхъ въ Крыму. Второй пріятель совѣтникъ казенной палаты Николай Васильевичъ Сушковъ, извѣстный по сочиненіямъ въ стихахъ и прозѣ; у него въ Крыму жилъ Грибоѣдовъ, сочинитель извѣстной въ стихахъ комедіи «Горе отъ ума». Они съ общаго совѣта изобрѣтали для нея дѣйствующія лица. Отъ него я заимствовался французскими книгами, а послѣ часто бывалъ у него на квартирѣ въ Петербургѣ. Въ 1832 году онъ приглашалъ меня служить въ виленскомъ губернскомъ правленіи, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. Но тогда тамъ происходили возмущенія, и я побоялся, что меня будутъ посылать на слѣдствія надѣ поляками, и я, дѣйствуя снисходительно, невинно могу самъ пострадать. Третій пріятель былъ грекъ Ангелій, который по пріѣздѣ въ Крымъ принялъ меня къ себѣ на квартиру, а потомъ по продажѣ дома сыскалъ мнѣ удобную квартиру. Во время отлучекъ моихъ онъ присматривалъ за наемною работницею, давалъ ей деньги на харчи, а по отъѣздѣ изъ Крыма иногда писалъ мнѣ.

Девятнадцатое. Я не могъ выполнить даннаго мною графу Ланжерону обѣщанія жениться въ Крыму. Были тамъ разныя невѣсты: старшій совѣтникъ Никифоровъ имѣлъ двухъ дочерей отъ умершей жены польки; но, не видя моего къ нимъ особаго расположенія, онъ по благоразумію своему не предлагалъ мнѣ ихъ. У предсѣдателя гражданской палаты Мейера также были двѣ не-

вѣсты, старшая уже въ лѣтахъ. Жена пріятеля моего, знакомая мнѣ еще въ Херсонѣ, предлагала мнѣ ее. Въ домѣ его меня первоначально и ласкали; но увидѣвши, что у средняго брата ея Семена отъ проказы волосы на всей головѣ совершенно вылѣзли, я побоялся имѣть жену еврейскаго племени, которая могла быть той же болѣзни подвержена. Удаленіе мое отъ этого дома произвело въ ея братьяхъ недоброхотство ко мнѣ. Хитрый плутъ ассесоръ Луговскій самъ набивался мнѣ своею дочерью, сказавши однажды: «возьми мою Любку за себя; она тебя любитъ». На это откровенное предложеніе я отвѣчалъ смѣхомъ. Исправникъ Поповченко ласкался ко мнѣ; дошла до ушей моихъ вѣсть, что жена его передъ смертію сказала своей дочери: «вотъ твой женихъ; какъ умру, ни за кого другого не выходи». По моему рисунку сдѣланъ надъ ея могилой каменный надгробокъ, тогда еще первый въ Симферополѣ. Отъ матери остался порядочный домъ и дача. Эта невѣста мнѣ нравилась болѣе потому, что она была единственная дочь. Но во время откупнаго дѣла жена вице-губернатора Куруты стала приглашать ее къ себѣ въ домъ, чего прежде не бывало, и уговорила ее выйти замужъ за француза, контролера казенной палаты. Разсуждая теперь спокойно и безпристрастно, я вижу и въ неудачахъ моей женитьбы благодѣтельный для меня промыслъ Божій, располагающій событія въ жизни людей на пользу имъ. Женясь въ Крыму, я долженъ былъ бы всегда переносить всѣ непріятности и униженія отъ несправедливыхъ и корыстолюбивыхъ начальниковъ; а можетъ статься принужденъ былъ бы выйти въ отставку и тамъ погребсти себя въ неизвѣстности, не видѣвъ въ женѣ привязанности, имѣя уже за сорокъ лѣтъ.

На этомъ мы прерываемъ печатаніе Записокъ В. И. Ярославскаго, въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ теряющихъ и тотъ не большой мѣстный интересъ, какой они сохраняли доселѣ. Листахъ на 6-ти еще самаго мелкаго письма, съ приписками на поляхъ, авторъ съ утомительною подробностію разсказываетъ о дальнѣй-

шихъ годахъ своей службы сперва въ Тулѣ въ должности совѣтника губернскаго правленія, а потомъ въ Калугѣ въ должности контролера казенной палаты. Служебныя дѣла и столкновенія, интриги и подвохи, казнокрадство и взяточничество чиновнаго люда, не исключая вице-губернаторовъ и губернаторовъ—таково главное содержаніе разсказа, въ которомъ личность автора по прежнему является средоточнымъ пунктомъ. Среди этихъ мелочей провинціальной жизни проскальзываютъ по временамъ болѣе крупныя и болѣе общаго характера факты: холерная паника, грозная ревизія сенатора Огарева, пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, встрѣчающаго чиновъ губернскаго правленія словами: «всѣ вы взяточники, пьяницы, мерзавцы, лѣнивцы!» докладъ графа Беккендорфа императору Николаю въ пріѣздъ его въ Калугу о грандіозномъ взяточничествѣ вице-губернатора Гессе, вопросъ государя губернатору Бибикову: «твой вице-губернаторъ воръ»? и отвѣтъ губернатора: «такъ, ваше императорское величество, воръ!» и наконецъ позорное хожденіе дворянства на торги по откупамъ, азартная на нихъ игра съ повышеніями и отступными и подзадориваніе къ этой игрѣ министромъ финансовъ Канкринымъ. Большимъ траги-комизмомъ отдаетъ длинная повѣсть автора о скитаніяхъ его по петербургскимъ переднимъ, послѣ того, какъ онъ случайно лишился мѣста подъ часъ грознаго нашествія Закревскаго, и выслушиваніе стереотипныхъ отвѣтовъ и обѣщаній петербургскихъ чиновниковъ, пока наконецъ Ярославскій не добился кое-какъ мѣста въ Калугѣ съ помощію Кляжевича, тогда директора канцеляріи, а впослѣдствіи министра финансовъ. Ему же онъ обязанъ и «честнымъ» выходомъ своимъ въ отставку въ 1834 г. съ пенсіономъ въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ жалованья. Переѣхавъ по настоятельному совѣту своей племянницы въ г. Сумы, онъ жилъ тамъ до самой смерти, занимаясь на досугѣ составленіемъ своихъ не хитрыхъ записокъ. Заканчивая эти записки, онъ восклицаетъ: «Благодарю несказанную милость Творца моего ко мнѣ недостойному! Уже слишкомъ 30 лѣтъ живу я здѣсь въ спокойствіи и благополучіи, среди добрыхъ людей, которые любятъ меня болѣе моихъ родныхъ». А подводя итоги своей жизни, даетъ самъ себѣ такую характеристику: «Вспоминая своихъ соучениковъ и разныхъ знакомыхъ, ясно вижу, что я счастливѣе ихъ кончилъ свою службу, не бывъ ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ, ни исклю-

чень изъ службы, а для безбѣднаго и спокойнаго прожитія получаю отъ милости монарха пенсію. Иные изъ нихъ превосходили меня душевными талантами, крѣпостію и способностію своихъ силъ: но я, не имѣя ни быстрога воображенія, ни изобрѣтательнаго ума, при всей великой ограниченности этихъ талантовъ, имѣлъ правильное о вещахъ и дѣлахъ понятіе и здоровое о нихъ сужденіе. Любя справедливость и правосудіе, я старался по возможности располагать по нимъ и свои дѣйствія».

Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси.

Лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзефовича представляетъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для исторіи юго-западной Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Она написана на латинскомъ языкѣ въ началѣ XVIII столѣтія; оригинальная рукопись Юзефовича не дошла до насъ, но сохранилось нѣсколько рукописныхъ списковъ съ нея. Одинъ изъ такихъ списковъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 124. Рукопись эта представляетъ собою большой томъ in folio въ 1219 нумерованныхъ страницъ и списана современнымъ намъ, очень четкимъ и красивымъ почеркомъ съ копій, составленной въ 1769 году для кармелитскаго львовскаго монастыря, какъ это видно изъ пространнаго заглавія, занимающаго всю первую страницу въ названномъ спискѣ. По этому списку мы и намѣрены ознакомить читателей съ содержаніемъ столь важнаго памятника вообще и въ частности для южно-русской исторіи.

Изъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ самой лѣтописи, можно собрать свѣдѣнія какъ о поводахъ составленія лѣтописи, такъ и о генеалогіи и біографіи ея составителя. Янъ-Тома Юзефовичъ родился въ 1663 году во Львовѣ въ богатомъ мѣщанскомъ семействѣ. Предки его, судя по фамильному названію, принадлежали вѣроятно къ числу армянскихъ выходцевъ, издавна поселившихся во Львовѣ. Дѣдъ Яна, Николай, былъ хранителемъ городскаго арсенала (*apotecarius in re armamentaria*); во время осады Львова Хмельницкимъ въ 1648 году онъ отличился храбростію и энергіею при защитѣ города, за что, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1651 году, магистратъ освободилъ его вдову, Катерину Фейербаховну, отъ всѣхъ городскихъ податей, даней и повинностей и приказалъ занести ея имя въ списокъ 12 почетныхъ городскихъ вдовъ. Отецъ лѣтописца, Станиславъ, велъ обширную торговлю и въ частности промышлялъ подрядами на доставку провіанта въ польскія арміи; благо-

даря этой дѣятельности, онъ сблизился съ извѣстнымъ польскимъ военачальникомъ Стефаномъ Чарнецкимъ, который считалъ его своимъ другомъ и, бывая въ Львовѣ, всегда жилъ въ его домѣ. Въ 1664 г. Юзефовичъ доставилъ большой транспортъ провіанта въ польскую армію, осаждавшую козаковъ въ Ставищахъ; прибывъ въ лагерь, онъ не ограничился ролью поставщика, а отправился осматривать осадныя работы и какъ человѣкъ, обладавшій значительными свѣдѣніями въ артиллерійскомъ и осадномъ дѣлѣ, помогалъ полякамъ въ устройствѣ батарей и столь искусно направлялъ пушки, что обратилъ на себя вниманіе осажденныхъ. Козаки замѣтили опаснаго врага, отличавшагося отъ жолнеровъ богатымъ мѣщанскимъ костюмомъ и, увидѣвъ его на слѣдующій день вновь на батареѣ, направили на него выстрѣлы; однимъ изъ нихъ сраженъ былъ Юзефовичъ. Смерть его повлекла за собою разстройство его торговыхъ дѣлъ и разореніе его семейства, тѣмъ болѣе, что польскіе военачальники сочли излишнимъ расплатиться съ его семействомъ за доставленный въ армію провіантъ. Янъ Юзефовичъ остался послѣ смерти отца груднымъ младенцемъ; въ виду разстройства семейныхъ дѣлъ, мать предназначила его къ духовному званію и отдала на воспитаніе монахамъ. Въ 1696 году молодой Янъ былъ уже священникомъ, носилъ титулъ королевскаго секретаря и, не смотря на относительную молодость свою, получилъ званіе каноника львовскаго капитула. Вскорѣ онъ сталъ въ близкія, дружелюбныя отношенія къ львовскому католическому архіепископу, Константину Зелинскому, который, довѣряя его учености, поручилъ ему въ 1703 году составить исторію львовской католической архіепископіи за истекшее столѣтіе; выполняя это порученіе, каноникъ и написалъ тотъ трудъ, съ которымъ мы хотимъ ознакомить читателей и который имѣетъ весьма важное значеніе и для нашей исторіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Юзефовича, мы знаемъ не много. Въ 1704 году, послѣ взятія Львова Карломъ XII, Юзефовичъ весьма дѣятельно хлопоталъ объ облегченіи участи покореннаго города и уменьшеніи требуемой съ него контрибуціи; цѣль эта была въ значительной мѣрѣ достигнута, благодаря его просьбамъ и предстательству предъ шведскими генералами Штейнбоккомъ и Пиперомъ, а также передъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ. Объ осадѣ Львова шведами Юзефовичъ оставилъ отдѣльныя записки, изъ которыхъ извлеченіи помѣстилъ Ходынецкій въ своей исторіи Львова¹⁾. Затѣмъ изъ бѣглой замѣтки самаго Юзефовича мы знаемъ, что онъ жилъ еще въ 1725 году²⁾.

¹⁾ Chodynieski. Historia miasta Lwowa. Lwow, 1865, str. 249—261; Зубрицкій. Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844., стр. 454.

²⁾ Замѣтка эта помѣщена на 43 страницѣ рукописи.

Историческій трудъ Юзефовича начинается съ 1613 г., со времени вступленія Яна Прухницкаго въ санъ львовскаго архіепископа, и продолжается до 1700 года, т. е. до назначенія на ту же кафедру Константина Зелинскаго. Весь трудъ раздѣленъ на главы, которыя названы именами львовскихъ архіепископовъ; затѣмъ событія рассказаны по годамъ, пріемомъ лѣтописнымъ. Подъ каждымъ годомъ событія расположены въ известномъ порядкѣ: прежде всего рассказаны дѣянія самаго архіепископа и всѣ событія, относящіеся къ церковному устройству; далѣе идутъ свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ, при чемъ авторъ обращаетъ почти исключительно вниманіе на событія, происходившія въ южной Руси; затѣмъ слѣдуютъ извѣстія, относящіеся къ исторіи города Львова и, наконецъ, въ заключеніе каждаго года помѣщенъ перечень случившихся въ теченіе его общественныхъ бѣдствій и выдающихся природныхъ явленій. Въ концѣ нѣкоторыхъ годовъ помѣщены замѣтки о вышедшихъ новыхъ сочиненіяхъ, содержаніе которыхъ обратило на себя вниманіе лѣтописца.

Обстоятельный и изобилующій подробностями рассказъ Юзефовича основанъ на многочисленныхъ источникахъ, которые онъ по большей части цитируетъ. Изъ цитатъ видно, что онъ пользовался, особенно для первой половины своей лѣтописи, сочиненіями печатными: Коховскаго, Пясецкаго и др., но сверхъ того располагалъ многочисленными рукописными источниками: мы встрѣчаемъ у него ссылки на записки и дневники, хранившіеся въ монастырскихъ бібліотекахъ и въ мѣщанскихъ семействахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ онъ выписываетъ цѣликомъ, а изъ другихъ дѣлаетъ извлеченія; затѣмъ чаще всего онъ основываетъ свое повѣствованіе на многочисленныхъ актахъ и документахъ, заимствованныхъ изъ архивовъ: магистратскаго, консисторскаго, капитульнаго, а также изъ архивовъ разныхъ монастырей; наконецъ, очень многое рассказываетъ со словъ «старыхъ, вѣры достойныхъ людей», очевидцевъ описываемыхъ имъ событій, а такія показанія ему было легко собрать среди львовскихъ мѣщанъ старожиловъ, въ числѣ которыхъ были многочисленные его родственники, друзья и знакомые.

Главная и самая объемистая часть лѣтописи Юзефовича посвящена, согласно цѣли, съ которою составлялось сочиненіе, описанію фактовъ, относящихся къ исторіи львовской католической архіепископіи. Излагая до мельчайшихъ подробностей дѣянія архіепископовъ и капитуловъ, перечисляя всѣ другіе факты, относящіеся къ церковному управленію и къ состоянію католической церкви: засѣданія конвентовъ различныхъ монашескихъ орденовъ, приговоры духовныхъ судовъ, постройки или исправленія церковей и т. п., авторъ въ изложеніи этихъ событій обна-

руживаетъ свое настроеніе, вытекающее изъ его воспитанія и общественнаго положенія и согласное съ настроеніемъ современнаго ему общества, въ религиозныхъ же вопросахъ онъ является не только ревностнымъ католикомъ, но, не смотря на свою начитанность и развитіе, слѣпымъ фанатикомъ съ значительною склонностью къ мистицизму. Съ особымъ пристрастіемъ и наивною вѣрою описываетъ онъ въ концѣ каждаго года многочисленныя чудеса, случившіяся въ львовской епархіи, въ родѣ напр. наказанія (1626 г.) одной несохранившей чистоты дѣвушки, которую въ то время, когда она шла приложиться къ чудотворной иконѣ Богородицы, въ церкви Доминиканскаго монастыря во Львовѣ, влетѣвшій въ церковь діаволь схватилъ и разбилъ ея черепъ ударомъ о церковную стѣну, сорвавъ съ нея косы и ленты, или чудесной кары, постигшей (1632 г.) мѣщанку Дороту Голицанку за нарушеніе обѣта дѣвства, которая въ самый день брака, когда она уже надѣла вѣнчальное платье, внезапно упала и на третій день скончалась среди продолжительныхъ судорогъ и страданій, или превращенія въ 1700 году въ вепря дворянина Валихновскаго за ропотъ на Бога вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Явленія духовъ у Юзефовича на каждомъ почти шагу и иногда ставятся въ связь съ текущими политическими событіями: такъ подъ 1652 годомъ встрѣчаемъ разсказъ, будто въ пещерѣ у города Ладжижина поселился духъ нѣкоего Спасовича (Spasovius), который предостерегалъ поляковъ объ угрожавшемъ имъ пораженіи на Батогѣ и потомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, давалъ имъ различныя совѣты, относящіеся къ политическимъ событіямъ того времени; а подъ 1661 годомъ помѣщенъ разсказъ о томъ, будто Яну Собѣскому являлся духъ умершаго кievскаго воеводы Станиславскаго для того, чтобы увѣрить его, что католическое ученіе о причастіи подъ однимъ видомъ есть единственное правильное ученіе объ этомъ таинствѣ. Кромѣ явленій духовъ въ лѣтописи Юзефовича встрѣчаемъ много другихъ мистическихъ извѣстій: о плакавшихъ иконахъ, о статуяхъ, покрывавшихся потомъ, о нечестивыхъ людяхъ, выдававшихъ діаволу «цырографы» на душу, уличенныхъ въ этомъ преступленіи передъ духовнымъ судомъ и сожженныхъ на кострѣ по его приговору, и т. д.

Но и въ этой главной части лѣтописи Юзефовича, посвященной дѣламъ католической церкви, встрѣчаются, не многочисленныя правда, свѣдѣнія, относящіеся къ состоянію православной церкви во Львовѣ въ XVII столѣтіи. Извѣстія эти переданы авторомъ съ весьма субъективнымъ, фанатически-католическимъ освѣщеніемъ и даютъ новыя данныя къ исторіи преслѣдованія православной церкви польскимъ обществомъ XVII столѣтія. Подъ 1623 и 1641 годами записаны строгіе приговоры като-

лическаго духовнаго суда, покаравшіе двухъ православныхъ священниковъ за то, что одинъ изъ нихъ совершалъ похороны днемъ, а не ночью, другой-же повѣнчалъ католика съ православною дѣвицею. Подъ 1639 годомъ записанъ приговоръ того-же суда, по которому опредѣлено было сжечь черезъ палача вышедшее въ Львовѣ сочиненіе, написанное Михаиломъ Слѣзкою въ защиту православія и носившее слѣд. заглавіе: „*Augoa na horyzoncie L.wowskim, świeca przooswieconemu exarsze swietego tronu apostolskiego Konstantynopolskiego*». Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію духовной цензуры, признавшей сочиненіе Слѣзки вреднымъ для католичества. Подъ 1655 годомъ вставлено, не смотря на нарушеніе хронологическаго порядка лѣтописи, жизнеописаніе Іосафата Кунцевича, извлеченное Юзефовичемъ изъ вновь вышедшей книги, написанной съ цѣлю возвеличенія этого фанатическаго гонителя православія¹⁾. Наконецъ, подъ 1700 годомъ разсказано подробно насильственное занятіе братской ставропигіальной львовской церкви уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, который явился принимать ее въ сопровожденіи отряда солдатъ; послѣдніе по его приказанію вырубили церковныя двери и такимъ образомъ открыли епископу доступъ въ братскую церковь.

Въ отдѣлѣ лѣтописи, посвященномъ разсказу о политическихъ событіяхъ, Юзефовичъ обращаетъ особенное вниманіе на факты, происходившіе въ южной Руси; весь этотъ отдѣлъ посвященъ почти исключительно описанію козацкихъ возстаній, татарскихъ набѣговъ и упорной борьбы поляковъ съ турками за обладаніе Подоліемъ и сосѣдними съ нимъ областями. Политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи Юзефовича, не смотря на его мѣщанское происхожденіе, заимствованы имъ всецѣло отъ окружавшей его шляхетской среды. Онъ презрительно относится къ „сельской черни“ (*plebs rustica*), возмущается непокорностью козаковъ, хотя и признаетъ, что польское правительство несправедливо съ ними поступало, и сожалѣетъ объ утратѣ Рѣчью Посполитою этого храбраго, ничего не стоившаго войка. Къ личности Хмельницкаго Юзефовичъ относится съ крайнею ненавистью и почти всегда прилагаетъ къ его имени бранные эпитеты: *carnifex, tyrannus, vulpes, fallax* и т. д.

Въ началѣ лѣтописи, до 1648 года, Юзефовичъ заимствуетъ свѣдѣнія о козакахъ по большей части изъ печатныхъ источниковъ, но съ этого времени разсказъ его становится вполне самостоятельнымъ и въ лѣтописи его появляются многочисленныя, весьма точныя и обстоя-

¹⁾ Въ текстѣ приведено заглавіе книги: *Nabożny affekt do błogosławionego Josaphata. Wilnae, 1705.*

тельные подробности, заимствованныя изъ мѣстныхъ, письменныхъ и изустныхъ, источниковъ: записокъ львовскихъ мѣщанъ, магистратскаго архива, рассказовъ очевидцевъ и, впоследствии, изъ личныхъ воспоминаній. Въ 1648 году онъ описываетъ первыя побѣды Хмельницкаго, пользуясь сочиненіемъ Коховскаго; но послѣ рассказа о Пилявецкой битвѣ оставляетъ этотъ источникъ и переходитъ къ самостоятельному рассказу о пребываніи польскихъ regimentарей во Львовѣ, объ осадѣ этого города Хмельницкимъ и т. д., основываясь на мѣстныхъ источникахъ (запискахъ мѣщанина Кушевича, городскомъ архивѣ и рассказахъ очевидцевъ), при чемъ онъ помѣщаетъ слѣдующую оговорку: «все это я вкратцѣ описалъ, собравъ извѣстія въ актахъ магистратскихъ, въ запискахъ объ упомянутой осадѣ и въ рассказахъ вѣры достойныхъ стариковъ, потому что Коховскій записалъ далеко не все, касающееся осады Львова». Дальнѣйшій рассказъ Юзефовича сохраняетъ вполне самостоятельный характеръ до конца лѣтописи; особенно подробно описана вторая осада Львова Хмельницкимъ въ 1655 году; Юзефовичъ внесъ здѣсь цѣлякомъ въ свою лѣтопись дневникъ этой осады, составленный львовскимъ студентомъ, современникомъ самаго событія—Борженцкимъ.

Несомнѣнно самую живую часть лѣтописи Юзефовича представляетъ тотъ ея отдѣлъ, который авторъ посвятилъ исторіи львовской городской общины. Мѣщанское происхожденіе лѣтописца сказывается въ его горичемъ мѣстномъ городскомъ патріотизмѣ: онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ къ городскому магистрату, съ особою любовью выставляетъ на видъ ученость, гражданское развитіе и нравственный авторитетъ представителей городской общины, указываетъ злоупотребленія по отношенію къ ней шляхтичей и съ торжествомъ рассказываетъ тѣ случаи, въ которыхъ магистратъ побѣдоносно вышелъ изъ столкновеній съ членами дворянскаго сословія.

Среди извѣстій, относящихся къ исторіи города Львова, значительный интересъ представляютъ свѣдѣнія Юзефовича о колоніяхъ инородческихъ, поселившихся въ Львовѣ. Подъ 1630 годомъ онъ рассказываетъ подробно исторію львовской армянской колоніи, которая пользовалась многочисленными привилегіями, гарантировавшими ея торговую дѣятельность и самоуправленіе. Затѣмъ во всей лѣтописи разсѣяны свѣдѣнія объ упорной борьбѣ горожанъ львовскихъ съ поселившимися въ городѣ евреями, которые, пользуясь покровительствомъ воеводъ, старостъ и другихъ административныхъ чиновниковъ и не признавая надъ собою власти магистрата, а также не неся повинностей, возложенныхъ послѣднимъ на членовъ христіанской городской общины, вступили въ весьма удачную торговую конкуренцію съ купцами и ремесленниками христіанами и тѣмъ

вызвали упорную, не смолкавшую борьбу, доходившую иногда до весьма рѣзкихъ столкновений. Въ 1644 году происходила на улицахъ Львова въ теченіи трехъ дней формальная война между евреями и защищавшею ихъ старостинскою милиціею съ одной стороны, и горожанами христіанами и принявшими ихъ сторону студентами съ другой; съ большимъ трудомъ удалось городскимъ властямъ прекратить кровопролитныя схватки и заставить спорившія стороны подчиниться судебному разбирательству. Рассказывая о столкновенияхъ съ евреями, Юзефовичъ раздѣляетъ вполне чувства раздраженія, существовавшія у его согражданъ; онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ и эпитетахъ и приписываетъ евреямъ всевозможныя преступленія, въ которыхъ обвиняла ихъ городская молва, каковы: похищеніе дѣтей, насилія, систематическія убійства изъ побужденій религіознаго фанатизма и т. п. Многія изъ этихъ обвиненій основаны были вѣроятно на молвѣ, возникавшей на почвѣ сильнаго и продолжительнаго раздраженія, фактическое же основаніе могли имѣть лишь постоянныя упреки евреямъ въ ростовщичествѣ. Очень характерно въ лѣтописи Юзефовича то обстоятельство, что, налегая на эту непривлекательную сторону дѣятельности евреямъ, онъ подъ 1633 годомъ приводитъ въ доказательство ея, какъ событіе, будто случившееся во Львовѣ, общеизвѣстную европейскую легенду, послужившую основою трагедіи Шекспира «Венеціанскій купецъ».

Желающій пользоваться лѣтописью Юзефовича для нашей исторіи долженъ имѣть въ виду только ту часть его труда, которая посвящена описанію политическихъ событій, случившихся въ южной Руси въ XVII столѣтіи, послѣ 1623 года, такъ какъ извѣстія за первые 10 лѣтъ (1614—1623), рассказанныя Юзефовичемъ, не представляютъ вовсе оригинальныхъ данныхъ и списаны цѣликомъ изъ сочиненій общеизвѣстныхъ польскихъ писателей.

Самую пространную часть сочиненія Юзефовича, относящуюся къ исторіи католической львовской архіепископіи, можно оставить въ сторонѣ, какъ матеріалъ слишкомъ объемистый, можетъ быть важный для исторіи католической церкви въ Польшѣ, но почти совершенно лишенный интереса для исторіи южной Руси. Точно можно также опустить свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи города Львова, какъ вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго ихъ характера, такъ и потому, что всѣ почти извѣстія этого отдѣла уже вошли въ составъ нѣсколькихъ монографій, посвященныхъ исторіи этого города, написанныхъ Зиморовичемъ, Ходынецкимъ и Зубрицкимъ¹⁾.

¹⁾ Zimorowicz, *Historja miasta Lwowa*. Lwow, 1835; Chodyniecki, *Historja miasta Lwowa*. Lwow, 1828 w 1865; Dionizy Zubrzycki, *Kronika miasta Lwowa*. Lwow, 1844

Лѣтопись Юзефовича никогда не была издана въ подлинникѣ и въ полномъ ея составѣ. Только нѣкоторая часть ея (съ 1634 по 1690) появилась въ печати во Львовѣ въ 1854 году въ польскомъ переводѣ Пивоцкаго¹⁾. Но изданіе это при сравненіи съ оригиналомъ оказывается весьма недостаточнымъ: переводчикъ не только переводилъ подлинникъ, но дѣлалъ въ немъ произвольныя перемѣны, выбиралъ одни факты по своему усмотрѣнію и опускалъ другіе, сокращалъ текстъ разсказа, перемѣнялъ или стушевывалъ характеръ повѣствованія и сверхъ того, по неизвѣстной причинѣ, исключилъ изъ перевода первые 20 и послѣдніе 10 лѣтъ данной лѣтописи. Убѣдиться въ этихъ недостаткахъ можно, сличивъ подлинный текстъ Юзефовича о событіяхъ въ южной Руси по списку института Оссолинскихъ съ соответствующими отрывками перевода Пивоцкаго.

В. Антоновичъ.

---

1) Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690, obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej, a zwłaszcza historją arcybiskupstwa Lwowskiego w tejże epoce, napisana przez X. J. Tomasza Józefowicza, przełożona przez M. Piwockiego. Lwow, 1854.

О КАРПАТСКОЙ РУСИ¹⁾.

(Краткій этюдъ Андрея П. Дешка).

Все близкое видится мнѣ отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

Отъ границы молдавско-трансильванской, населенной волохами, тянутся по карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ, черезъ семь графствъ королевства венгерскаго, поселенія русскаго народа. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ, вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. Угры увѣряють, что здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію и съ ними за одно отвоевала ее у словаковъ; но мы руснаки думаемъ, что наши праотцы во времена Ягеллоновъ были

---

1) Помѣщаемая здѣсь небольшая статейка о Карпатской Русии извѣстнаго угро-русскаго писателя и этнографа Андрея П. Дешка печатается съ рукописи, составляющей его автографъ и имѣющей видъ небольшой книжечки въ малую четверку, оправленной въ шагреновый переплетъ. На первомъ чистомъ ея листѣ крупными готическими буквами написаны слѣд. слова: *его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Арсенію, архіепископу каменецъ-подольскому и брацлавскому*, а внизу этихъ строкъ поставленъ 1847 годъ. На второмъ чистомъ листѣ нарисованъ видъ мункачевскаго замка, работы, конечно, самаго Дешка, а за нимъ уже идетъ самый текстъ рукописи, тщательно отъ начала до конца писанный однимъ почеркомъ; въ концѣ подпись: *Андрей П. Дешко*. Очевидно, это личное подношеніе Дешка архіепископу Арсенію, вполнѣдствіи кievскому митрополиту; но когда и при какихъ обстоятельствахъ оно сдѣлано, зачѣмъ обращался Дешко къ каменецкому владыкѣ и объ чемъ хлопоталъ предъ нимъ, мы, къ сожалѣнію, ничего объ этомъ сказать не можемъ. Мы не можемъ даже припомнить, какъ давно и отъ кого досталась намъ эта рукопись. Въ Россіи она не была напечатана, а только въ галицкой „Семейной Библиотекѣ“ 1855 г. Не смотря на нѣкоторыя устарѣлыя свѣдѣнія, даемъ ей мѣсто, какъ матеріалу историческому. Очеркъ написанъ живо, совершенно почти правильнымъ русскимъ языкомъ и даетъ намъ вѣрно начерченную картину Угорщины и ея жителей, столь близкихъ намъ по крови, вѣрѣ и языку.—*Ред.*

вызваны венгерскимъ королемъ изъ Подолья вмѣстѣ съ ихъ княземъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, чтобы заселить горы и долины карпатскія, опустошенныя песьеголовцами татарами.

Есть преданіе, что Коріатовичъ съ своимъ народомъ, занявши въ Карпатахъ сперва берега Унга и Латорицы, а потомъ берега Тисы, разъ въ ночи видѣлъ ангела холящаго по водамъ Латорицы и указывавшаго на гору Чернецкую. На этой горѣ князь построилъ монастырь Мункачевскій, а на другомъ берегу, на отдѣльной высокой и круглой горѣ, красивый мункачевскій замокъ (называемый при королевскомъ дворѣ золотымъ яблокомъ). Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ карпатской Руси! Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя царей и славныхъ подвижниковъ: Раковція, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная угорская героиня Елена Зринья. Въ его душныхъ подземельныхъ темницахъ еще и въ новыя времена много изомлено узниковъ, преступныхъ противъ имперіи.

Жилища руснаковъ по обѣимъ сторонамъ Тисы заняли почти все графство мараморское, берегское, угочское и унгарское, большую часть графства землинскаго, сукмарскаго и саболчскаго.

На венгерскую землю указываютъ, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ; но отнимите отъ нея Карпаты, и вы отняли всю ея красоту. На вершинахъ этихъ горъ, называемыхъ бѣлыми полонинами, вы видите неподвижныя голубо-бѣлыя облака: то никогда не тающіе снѣга карпатскіе ¹⁾. Подъ этими полонинами всегда стоятъ черно-зеленыя тучи, то обширныя дремучіе лѣса высокой смереки, надъ которыми летаютъ только орлы и въ которыхъ гуляютъ одни лѣнныя медвѣди и роютъ дикіе кабаны. Подъ густою сѣнію этихъ лѣсовъ, непроницаемою для солнца и прохладительнаго вѣтра, усталый охотникъ не найдетъ себѣ травнаго ковра, ему природа постлала здѣсь только колючіе сухіе листья, на которыхъ онъ можетъ спать спокойно, не тронутый ни медвѣдемъ, ни вепремъ, ибо они только защищаются отъ человѣка, но сами на него не нападаютъ.

---

¹⁾ Наибольшія бѣлыя полонины находятся въ Марамороши. Горы менѣе высокія, на которыхъ скоро таетъ снѣгъ и на сго мѣстѣ зеленѣетъ трава, называются полонинами зелеными.

Ниже этих угрюмых и безмолвных боровъ спускаются по горамъ обширные лѣса, гдѣ огромные буки и дубы перемежаны съ каштанами, съ дикими яблонями и грушами. Здѣсь природа живѣе и разнообразнѣе, земля покрыта уже зеленью и цвѣтами, воздухъ колыхается вѣтерками и олашается то цѣніемъ различныхъ птицъ, то непрерывнымъ звономъ колокольчиковъ, которыми увѣшаны здѣсь пасущіяся стада, то жалобными звуками пастушьихъ роговъ, на которыхъ съ отличнымъ искусствомъ играютъ овчари, обыкновенно въ ночную пору. Здѣсь и тамъ весело шумятъ рѣки, выходя изъ нагорныхъ ключей и снѣговъ полонинскихъ, они быстро падаютъ съ вышины и уже на долинахъ сливаются въ большія рѣки, каковы: Иза, Унгъ, Латорица, Бережава; всѣ они впадаютъ въ широкую Тису, черезъ которую русскіе Карпаты передаютъ свои воды великому Дунаю. Въ этихъ нагорныхъ широколиственныхъ лѣсахъ, по обширнымъ чисташамъ или порубамъ, начинаются уже села, большею частію многоядныя, и при каждомъ селѣ поля, раздѣленные на двѣ половины: одно, на которомъ сѣется хлѣбъ и снимается сѣно, называется *цариною*, другое, назначенное въ тотъ же годъ для пастбища, называется *толокою*.

Между этими высокими горами простираются уже обширныя долины, пересекаемыя рѣками и уставленныя возвышенностями меньшей величины; но здѣсь и села обширнѣе, и люди рослѣе, и разводимый ими скотъ крупнѣе, чѣмъ на горахъ. Подкарпатскимъ долинамъ принадлежитъ и все наше городовое населеніе. На лѣсныхъ горахъ почти нѣтъ городовъ. Между тѣмъ на возвышенностяхъ, находящихся въ долинахъ, почти на каждой есть развалины прежде бывшихъ крѣпостей, объ которыхъ ведутся въ народѣ разныя сказки, но почти не осталось историческихъ извѣстій. На этихъ же возвышенностяхъ воздѣлываются виноградники; русскія вина изъ нихъ весьма уважаются, ибо середнянское изъ графства унгарскаго и лоховское изъ графства берегскаго считаются первымъ послѣ токайскаго. Здѣсь еще нельзя не вспомнить о славныхъ мараморскихъ копаяхъ, доставляющихъ неистощимое количество соли; ея разработка и вывозъ по Тисѣ до самаго города Солнока производится почти исключительно народомъ русскимъ.

Примѣчанія достойно еще богатство здѣшней земли минеральными ключами, изъ которыхъ особенно славится цѣлебною силою

своею вода собранская въ унгарскомъ графствѣ, и свальевская и сянйкъ въ графствѣ берегскомъ. Мараморошъ славится своею кипучею холодною кислую водою, называемою шулигуліемъ. Но, не вдаваясь въ подробное описаніе произведеній здѣшной природы, я поспѣшу познакомить васъ съ здѣшнимъ народомъ.

Большую частью его составляетъ кмитство или кмити, то есть поселяне; они живутъ на владѣльческихъ земляхъ и обрабатываютъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ венгерскимъ королевскимъ собраніемъ (сеймомъ).

Другой классъ народа составляють мѣщане; изъ нихъ образуется сословіе почетныхъ людей, къ которому причисляются всѣ ремесленники, купцы и тѣ изъ кметей, которые окончили гимназическій курсъ наукъ. Они свободны отъ поголовной подати и общественныхъ работъ.

Третій классъ народа дворянство; это званіе пріобрѣтаемо было военными заслугами, потому особенно важными для Венгріи, что руснаки, живучи на границѣ молдавско-трансильванской, всегда первые принимали на себя и отражали напоръ турецкой силы. Русинъ въ дворянствѣ пользуется тѣми-же правами, какъ и венгерецъ, хотя по состоянію они вообще бѣднѣе дворянства венгерскаго, что конечно зависѣло много отъ раздробленія между дѣтьми благопріобрѣтаемыхъ не слишкомъ большихъ имѣній.

Духовенство карпаторусское составляетъ частію изъ дворянства, но еще болѣе изъ кмитства, получившаго образованіе. Кмитъ, пріобрѣвъ духовное званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ уже и права дворянства какъ относительно владѣнія землею, такъ и относительно участія въ дворянскихъ и королевскихъ собраніяхъ. Всѣ эти сословія равно принадлежать къ церкви греко-уніатской, въ прежнее время православнаго исповѣданія.

Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ государства изъ достойнѣйшихъ и притомъ безженныхъ священниковъ, бѣльцовъ, а не монаховъ. Потому, по утвержденіи папскою буллою, они посвящаются или въ карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи. Епархій русскихъ двѣ, одна мункачевская, а другая пряшевская; къ этой послѣдней принадлежать не одни русскіе, но и словаки. Русскіе епископы пользуются одинакими правами съ католическими, засѣдаютъ и подають голосъ

при высшемъ столѣ магнатовъ на королевскихъ собраніяхъ (чего не имѣютъ епископы православные, напримѣръ расціанскіе). До нашего еще времени русскіе епископы, по древнему православному обычаю, носили бороду и длинныя волосы, но епископъ мункачевскій Василій Поповичъ первый явился на посвященіе 1838 года въ Львовѣ безъ бороды и съ обстриженными волосами, къ немалому удивленію народа.

Что касается до священниковъ, то изъ нихъ лишь не многіе старики украшаютъ себя бородами. Большая часть священниковъ женятся до посвященія; впрочемъ это не поставляется въ необходимое условіе. Дѣти ихъ считаются наравнѣ съ дворянскими. Для достиженія священства должно, кончивъ шестиклассный курсъ гимназическихъ наукъ, учиться еще два года философіи и потомъ четыре года богословія. Гимназіи находятся въ русскихъ городахъ Сиготъ и Унгваръ, философія преподается только въ городахъ венгерскихъ, а богословіе въ Унгварѣ; сюда стекаются для обученія не только русскіе, но и волохи, потому число обучающихся здѣсь клериковъ и стороннихъ слушателей бываетъ весьма значительно.

Кромѣ сказанныхъ школъ, есть еще особыя монастырскія двѣ школы, въ которыхъ однимъ только монахамъ преподается философія и богословіе на карпато-русскомъ языкѣ. Они находятся въ двухъ значительныхъ монастыряхъ, а именно: въ мункачевскомъ и повчанскомъ.

Русскій городокъ Повча стоитъ далеко отъ Карпатъ въ графствѣ саболчкомъ, какъ островъ, окруженный венгерскими кальвинами. Монастырь его славится въ народѣ находящимся здѣсь чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Богородицы. Ко дню Успенія, когда великая Русь стекается отовсюду въ Кіевъ на поклоненіе чудотворному образу (Богоматери) Печерскому, карпатская Русь, идетъ молиться Богоматери Повчанской. Къ ней сходится на молитву и народъ католическій, и такимъ образомъ въ здѣшнемъ храмѣ можно слышать служеніе на языкахъ: славянскомъ, латинскомъ и румынскомъ или волоскомъ. Въ одно и то же время вокругъ храма тысячамъ толпящагося народа возглашается проповѣдь на языкахъ: русскомъ, волоскомъ, венгерскомъ и нѣмецкомъ; но прелестное петербургское пѣніе слышится здѣсь только въ каедральной церкви унгарской и заведено здѣсь за 12 лѣтъ стараніемъ при-

шельца нашего Константина Матезонскаго, при бывшемъ епископскомъ викаріи Иванѣ Чурговичѣ.

Монахи карпато-русскіе всѣ одного чина, базилиане, одѣваются они въ черную рясу и ходятъ съ бородами, но не въ клобукахъ, а въ шляпахъ.

Монастырей женскихъ совсѣмъ нѣтъ, также, какъ нѣтъ никакихъ особенныхъ заведеній для образованія женскаго пола. Дѣвушки учатся славянской грамотѣ и катехизису вмѣстѣ съ мальчиками въ сельскихъ школахъ. Въ большихъ селахъ для школъ назначаются особыя дома и особыя учителя, но въ селахъ меньшихъ учать дяки, и не рѣдко въ собственныхъ домахъ. Ученіе бываетъ большею частію только въ зимнее время, ибо въ лѣтнюю пору дѣти занимаются пастушествомъ. За обученіе полагается обыкновенно 10—30 грошей съ ученика ежегодно, въ дополненіе къ тому дается еще учителю квартира и участокъ земли. Ученіе, какъ сказано выше, весьма ограничено; оно состоитъ въ чтеніи венгерской и русской азбуки, обученіе русскаго краткаго катихизиса ведется по книжкамъ, издаваемымъ въ Будинѣ. Учить дѣтей поставляется въ обязанность всѣмъ родителямъ; такимъ образомъ грамотность, хотя и весьма скудная, принадлежитъ всему карпаторусскому народу. Для ея расширенія надо бы учить не только чтенію, но и письму русскому; но къ сожалѣнію въ сельскихъ школахъ учать неможно писать только по венгерски, да и въ самыхъ семинаріяхъ русскому письму учать только нѣсколько дней при изложеніи науки пасторальной. При такомъ бѣдномъ состояніи русскаго письма въ Карпатахъ случается не рѣдко, что священники хотя сочиняютъ проповѣди по славяно-русски, но пишутъ ихъ буквами латинскими. Катихизисъ, давно уже сочиненный русскимъ каноникомъ Куткою, есть еще почти единственная русская книга. Грамматика славяно-русская, изданная въ недавнія времена, и то на латинскомъ языкѣ Лучкаймъ, есть необыкновенное у насъ явленіе ¹⁾.

---

¹⁾ Недавно скончавшійся унгварскій священникъ Михаилъ Лучкай, былъ нѣкоторое время аббатомъ въ Луккѣ, когда князь луккскій, желая показать грекамъ свое вниманіе къ ихъ исповѣданію, содержалъ при дворѣ своемъ аббата съ двумя священниками и причтомъ русскимъ изъ Карпатовъ; но все это продолжалось не долго.

Должно помянуть еще недавно умершаго старика священника Лешковича; его изъ презрѣнія называли идиотомъ, но онъ умѣлъ сочинять русскія пѣсни и распространять ихъ въ народѣ. Другіе руснаки, становясь выше этой первоначальной образованности, являются уже весьма сильными умами. Въ доказательство довольно назвать здѣсь имя Михаила Вѣсяника, главнаго вѣнскаго доктора, Петра Типулы, профессора политической экономіи въ университетѣ пештскомъ, канониковъ Ивана Чурговича, Ивана Ляховича, священника Андрея Молнара, Василія Довговича, членовъ академіи наукъ пештской. Нельзя умолчать здѣсь и почтенныя имена Орласа, Михаила Балугіанскаго и нѣкоторыхъ другихъ карпатскихъ уроженцевъ, прославившихъ себя и родину свою служеніемъ въ имперіи русской; говорятъ, и Венелинь, столько уважаемый болгарами, былъ нашъ землякъ, но въ Карпатахъ этого не знаютъ. Можно надѣяться, что между тамошними руснаками скоро соскроется и духъ русскій, и письменное русское слово для просвѣщенія своего народа; ибо при нынѣшнемъ епископѣ Василіѣ Поповичѣ въ Унгарѣ заведена уже типографія, бывшая прежде въ Кошицахъ. Пожелаемъ отъ души, чтобы въ ней краснорѣчивый священникъ Гаджега, Иванъ Раковскій, Иеронимъ Гайду, Антоній Чопей и другіе даровитые карпаторуссы, издали побольше своихъ произведеній для пользы и славы своей отчизны.

Но отъ этихъ сладкихъ надеждъ на ея будущее просвѣщеніе возвратимся опять къ теперешней доли ея поселянъ, изъ которыхъ и возникаетъ лучшій цвѣтъ ея народа. Языкъ его ясно показываетъ, что онъ есть вѣтвь народа южно-русскаго; въ его нарѣчій есть впрочемъ нѣкоторыя особенности отъ нарѣчія малороссійскаго и галицкаго, таково напримѣръ весьма твердое *и*, которое у горцевъ не смягчается и послѣ гортанныхъ *г*, *к*, *х*. По давнему общенію съ венгерцами и въ нарѣчіе карпаторусское вошло много венгерскихъ отдѣльныхъ словъ и даже звуковъ. Этимъ особенно отличается говоръ жителей долинъ, которые и по виду, и по одеждѣ гораздо болѣе обугрились; у нихъ слышится напримѣръ часто звукъ *й*, столь употребительный въ венгерскомъ языкѣ, почти не извѣстный въ другихъ русскихъ и славянскихъ нарѣчійхъ. Но и у горцевъ господствуетъ тотъ-же звукъ *и* вмѣсто *о*, какимъ отличается выговоръ украинцевъ и галичанъ. Сами между собою горцы называются лишаками, а жители долинъ лемаками, по поговоркѣ *лиши*

и *лемъ*, употребляемой ими въ рѣчи, подобно тому, какъ словаки у венгерцевъ прозваны товтами, за частое употребленіе слова *тотъ*.

Есть и въ самомъ лицѣ горцевъ большое сходство съ мало-россіянами. Одежда женская также напоминаетъ убранство украинокъ: таже вышитая красною ниткою сорочка, и запаска съ плахтою, подвязанныя краснымъ поясомъ. Голову здѣшнія женщины повязываютъ платками, подбирая подъ нихъ всѣ волосы, а у дѣвушекъ они заплетаются въ длинную косу; но головнымъ уборомъ ото всѣхъ отличаются женщины мараморскія, превосходящія всѣхъ въ Венгріи своею красотою. Тамошнія дѣвицы заплетаютъ волосы свои въ двѣ косы и на голову надѣваютъ красивую *парту*, сплетаемую въ видѣ толстаго и широкаго вѣнка изъ искусственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ гранатъ, а на лѣвой сторонѣ прикрѣпляютъ къ ней еще высокій пучокъ изъ цвѣтовъ натуральныхъ. Шею украшаютъ женщины горянскія множествомъ монистовъ, особенно красныхъ. На ногахъ какъ женщины, такъ и мужчины горскіе носятъ кожаные постолы, завязываемые черными либо красными шерстяными волоками. Что касается до убранства мужчинъ, то у горянъ рубахи очень похожи на великороссійскія по ихъ боковой распоркѣ (пазухѣ) и потому что носятъ поверхъ узкихъ гатей. Волосы у нихъ длинные, подстригаемые только на лбу. На головѣ лѣтомъ носятъ клбаны съ круглою тульею и широкими брылами; но мужчины мараморскіе носятъ широкія гати, коротенькія рубашки, съ чрезвычайно широкими рукавами, всего же примѣчательнѣе въ ихъ нарядѣ кожаные, шириною въ полъ-аршина, пояса, называемые чересами, и ихъ верхнее длинношерстное одѣяло, называемое гунею, въ родѣ бурки съ рукавами; женскія гуни нѣсколько короче. Чересь переходитъ изъ рода въ родъ по завѣщанію отцовскому.

Домъ или хижина у горцевъ строится изъ сосноваго дерева и покрывается осокою, раздѣляется на жилую избу, сѣни и комору, какъ внутри, такъ и снаружи вымазанъ и выбѣленъ; но крыша отъ копоти скоро чернѣетъ, ибо дымовыхъ трубъ на домахъ нагорныхъ обыкновенно не дѣлаютъ.

Строенія при домѣ суть обыкновенно: хлѣвъ для рогатаго скота и лошадей, кутецъ для свиньи, въ особой отгородкѣ или стежарѣ стоятъ высокіе оборогы сѣна, сложеннаго между четырехъ столбовъ, прикрытыхъ съ верху шаркою. Передъ вызорами (окнами) стоятъ

подвижные изъ прутьевъ сплетенные коши, для храненія кукурузы, составляющей здѣсь самое употребительное хлѣбное растеніе какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ: изъ нея не только приготовляются разные кушанья, но и печется хлѣбъ, а потому и на поляхъ иногда встрѣчаете только одну ее.

Середину села всегда занимаетъ церковь, по большей части каменная, вблизи церкви домъ священника, домъ дьячка и сельская школа; иногда возлѣ церкви ставится и куна или колода, но чаще этотъ станокъ для наказанія виновныхъ имѣетъ мѣсто возлѣ того дома, гдѣ живетъ бировъ, или сельскій старшина. Бировъ избирается изъ знатнѣйшихъ кметей ежегодно сельскою громадою. Ему въ помощники, которые называются божениками, и въ другія общественныя должности избираются кмети также громадою, но по указанію бирова, съ назначенія котораго собирается и громада на совѣтъ, или раду о дѣлахъ общественныхъ.

Кмети, какъ уже сказано выше, живутъ на земляхъ господскихъ, церковныхъ и коронныхъ, но принявъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, они владѣютъ ее уже потомственно, только безъ раздробленія между дѣтьми, а съ передачею меньшому сыну. Обрабатывая принятую имъ землю, онъ за цѣлый ея участокъ (телекъ) обязанъ работать на владѣльца 52 (пѣшихъ) дня въ годъ, или 25 тяглыхъ и давать *дѣжму* или десятину съ полевого сбора хлѣбнаго. Прежде была и подымная дань, но она за нѣсколько лѣтъ предъ симъ уничтожена, также, какъ и прежняя власть владѣльцевъ наказывать кметей тѣлесно.

При этихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ владѣльцу, кметь не привязанъ къ его землѣ и воленъ ее оставить. Въ отношеніи къ священнику кметь обязанъ работать два дня въ годъ, и со всего участка земли даетъ два вѣрка (мѣрки) лучшаго хлѣба съ своего поля. Соразмѣрно уменьшенію принимаемой земли, и сказанная повинность кметя уменьшается.

Въ казну даетъ кметь «поголовную порцію», то есть подать, и исполняетъ повинность рекрутскую. Количество ежегодной подати опредѣляется на королевскомъ сеймѣ, бывающемъ черезъ три года, и собирается бировомъ¹⁾; но вмѣсто денежнаго взноса по-

---

¹⁾ Отъ головы человѣка и домашняго скота платится около коп. сер.

дать принимается иногда воробьиными головками и головами волчьими ¹⁾).

Что касается до рекрутства, то еще въ недавнее время оно производилось такимъ порядкомъ, или лучше сказать безпорядкомъ: на тайное приказаніе алл-иш-пана или начальника графства поставить извѣстное число солдатъ или катунъ (изъ венгерскаго катона) бировъ съ своими помощниками и съ командою по ночамъ холодной зимы нападали на дома кметей и брали изъ нихъ силою, кого имъ было угодно. Это чрезвычайно не нравилось народу, и потому они всячески избѣгали рекрутства; молодые парни или легини, слышавъ шумъ набора, послѣшно уходили въ лѣса, гдѣ нерѣдко и пропадали, другіе увѣчили себя различно, чтобъ не быть годными въ службу, или же безденежно и на долгое время отдавались въ службу къ дворянамъ и священникамъ, которыхъ служители свободны отъ рекрутства; родители укрывали своихъ сыновей и иногда отчаянно защищали пойманныхъ, и все это дѣло кончалось не рѣдко смертоубійствами; но теперь, къ великой радости всѣхъ, наборъ войска производится уже не силою и не на неопредѣленное время, но по жребію на восемь лѣтъ; молодые парни, за исключеніемъ наслѣдниковъ земли, идутъ добровольно изъ селъ своихъ въ домъ графства (*domus comitatensis*) и на кого падетъ жребій, тотъ охотно становится въ ряды солдатъ.

Въ сельскомъ быту рабочій день начинается звономъ колокола на молитву Пресвятой Дѣвы Маріи, послѣ которой выходятъ на работу; часу въ 8-мъ садятся за обѣдъ, по здѣшнему завтракъ, состоящій обыкновенно изъ кукурузнаго хлѣба и дзямы (говяжего отвара, подбитаго кукурузною же мукою). Послѣ того продолжается работа, пока на колокольнѣ второй звонъ не воззоветъ къ молитвѣ полудневной; тогда народъ садится уже полуденковать, то есть обѣдать. Обыкновенный обѣдъ состоитъ также изъ дзямы, или изъ киселицы ²⁾ и потомъ изъ бобовъ, или изъ картофлей. Отдохнувъ часть, снова работаютъ до солнечнаго захода; тогда, при звукѣ колокола

¹⁾ Волчья голова принимается въ 5 злотыхъ сер., т. е. 3 рубл. сер.

²⁾ Киселица замѣняетъ собою великорусскіе щи и малорусскій борщъ. Она варится изъ квасу, приготовленнаго изъ отрубей, особенно пшеничныхъ, но безъ зелени. Есть пословица: сербай, Гриду, киселицу, не впадуяся на дурницу.

на вечернюю молитву, возвращаются домой и тамъ уже садятся за ужинъ, на который подается свинное вареное мясо, или саламата, которая здѣсь дѣлается тоже изъ муки кукурузной, и при томъ или густая и называется *токаномъ*, или порѣже и называется *чиромъ*: первую кушаютъ съ овечьимъ сыромъ или съ свинымъ саломъ, а вторую всегда съ молокомъ. Для питья употребляютъ воду, а русскаго квасу и малоросійскаго сыровцу здѣсь не пьютъ. Изъ напитковъ здѣсь извѣстно пиво и виноградное вино; но важнѣе ихъ обихъ водка, которая здѣсь называется *паленкою*.

Всякому русскому кметю можно выкуривать водки сколько угодно для собственнаго употребленія, что и дѣлаютъ многіе въ небольшихъ винокурняхъ, и варятъ ее всего болѣе изъ сливъ; однако большая часть предпочитаетъ ту паленку, которою въ каждомъ селѣ торгуетъ панъ арендарь. Это званіе принадлежитъ всегда жидамъ, которіе и здѣсь наживаются на счетъ руснаковъ. Надобно однакожь отдать справедливость, что у нихъ и дворы и корчмы несравненно опрятнѣе, нежели у жидовъ польскихъ; корчма посѣщается одними только мущинами. Корчемныя гулянья сопровождаются музыкою и пляскою; ремесло музыканта принадлежитъ всегда сельскому кузнецу цыгану и его семейству; играютъ они на гусляхъ (скрипкахъ) и цимбалахъ, но самыя руснаки играютъ болѣе на дудахъ (волынкахъ); что касается до пляски, то, кромѣ обыкновенныхъ венгерокъ и національнаго карпаторусскаго танца, сопровождаемаго пѣніемъ, особенное вниманіе привлекаетъ на себя пляска свиная. Необыкновенное зрѣлище, когда они, по нѣсколько вмѣстѣ, выдѣлываютъ очень трудныя фигуры ногами, и въ тоже время надъ головами своими поворачиваютъ искусно и отважно широкими блестяще наточенными топорами (болтами). Пляски женщинъ можно видѣть только на семейныхъ праздникахъ, они вообще скорѣе и пылкѣе, но не имѣютъ въ себѣ ничего мимическаго.

Что касается до пѣнія, то народъ русскій на Карпатахъ весьма пѣвучъ; мужчины поютъ болѣе въ корчмахъ, но пѣніемъ женскимъ сопровождаются всегда работы сельскія. Напѣвъ здѣсь всегда почти протяжный и грустный. Нѣкоторыя пѣсни здѣсь тѣже самыя, какъ и на Украинѣ, напримѣръ: «Не ходи, Грицу, на вечеряницу».

Много бы еще я могъ говорить вамъ о карпатской Руси, но не знаю, что именно и все ли объ ней будетъ любопытно.

Подъ двойною властію венгерскою и австрійскою она заключена въ своихъ Карпатахъ, какъ бы отрѣшенная отъ міра; но у нея есть еще другіе пріятнѣйшіе узы кровнаго родства съ великимъ народомъ, которому принадлежитъ она не только по имени и языку, но и по своей любви къ нему, составляющей одну изъ лучшихъ стихій ея внутренней духовной жизни.

Библіографія.

---

*Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Изд. II.
Н. Батюшкова. Спб. 1887 г.*

Названное изданіе не составляет нарочитаго самостоятельнаго изслѣдованія о данномъ предметѣ, но только переработку и систематизацію нѣкоторой части содержанія VII и VIII выпусковъ «Памятниковъ русской старины въ западномъ краѣ», издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ. Эти два выпуска посвящены уясненію историческихъ судьбъ русскаго Забужья или Холмской Руси, иначе Холмщины и Подлясья; но въ составъ ихъ, какъ мы говорили въ свое время ¹⁾, вошло много статей, притомъ самага большаго объема, не имѣющихъ прямого отношенія къ Холмской Руси, а только вообще къ исторіи уніи въ Западной Руси, каковы: двѣ статьи о люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. проф. М. О. Кояловича и И. И. Малышевскаго, біографіи Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и Ипатія Потѣя, О. И. Левицкаго, изслѣдованіе объ Іоасафатѣ Купцевичѣ, проф. Петрова, о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ Антоніѣ Господиновичѣ, его же, о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи, Я. О. Головацкаго и пр. Произошло ли это отъ поспѣшности въ выпускѣ названныхъ сборниковъ, обусловленной употребленіемъ Высочайше разрѣшенной на изданіе ихъ суммы, или отъ недостатка людей, которые пожелали бы посвятить свой трудъ нарочитому изученію историческихъ судьбъ русскаго Забужья, или отъ того, что приглашенные сотрудники предпочли новой трудной работѣ утилизацію готовыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, хотя и не имѣющихъ прямого отношенія къ цѣли изданія, все это ближе извѣстно самому издателю. Но когда два обширные и

---

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1885 г. въ іюньской книжкѣ рецензію VII вып. „Памятниковъ“ и 1886 г. въ апрѣльской кн. рецензію VIII вып.

дорого стоившіе сборники одинъ за другимъ явились въ свѣтъ, для всякаго стало очевидно, что цѣль изданія не вполнѣ достигнута, что оно не даетъ цѣльной картины многовѣковой жизни Холмской Руси, что въ немъ недостаетъ связнаго и послѣдовательнаго изложенія ея исторической судьбы, что собраннй въ немъ пригодный для этой цѣли матеріаль разбросанъ, не сведенъ къ единству и тернется въ массѣ другихъ общихъ и не нужныхъ матерій.

Чтобы исправить этотъ недостатокъ, принаровить изданіе къ намѣченной цѣли распространенія въ читающей публикѣ, а особливо мѣстной, точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Холмской Руси, о томъ, что это еесь исконная часть русской земли, что населеніе ея, раньше другихъ подвергшееся дѣйствію польско-католической пропаганды, больше всѣхъ потерпѣвшее отъ нея и совсѣмъ оторванное отъ единства съ русскою жизнью, сохранило до нашихъ дней, хотя и въ искаженномъ нѣсколько видѣ, свою вѣру, языкъ и народность, для этого необходимо было очистить оное отъ лишняго груза, переработать и свести къ единству разбросанный въ немъ пригодный матеріаль, дополнить его новыми изысканіями и дать цѣльную историческую картину минувшей жизни Холмской Руси, словомъ: требовалось новое изданіе, хотя и на основіи прежняго и съ употребленіемъ годнаго изъ него матеріала, нужно было стройное и полное изслѣдованіе, не бьющее въ глаза роскошью иллюстрацій, но раскрывающее предметъ съ большею полнотою и послѣдовательностію, при которыхъ рельефно выдѣлялись бы главнѣйшія перемѣны историческаго существованія холмско-подляскаго края и ярко очерчивался бы основной вѣро-исповѣднй и національный характеръ кореннаго населенія, подъ вліяніемъ непосильной борьбы измѣнявшійся и ослабѣвавшій, но не утратившійся до конца. Въ такомъ, кажется, видѣ мысль о необходимости новаго изданія представлялась и самому издателю, хотя въ предисловіи къ изданію она формулирована нѣсколько иначе и мотивы ея сведены къ общедоступности изданія и практическому его употребленію въ школахъ и среди грамотныхъ людей не только Забужной Руси, но и сосѣднихъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Нѣтъ надобности говорить о пользѣ такого изданія и важности заслуги издателя, послѣ многолѣтнихъ трудовъ своихъ надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ русской старины въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, посвятившаго время и трудъ ознакомленію русскаго общества съ такою исконною частію русской земли, которая до недавняго времени оставалась въ совершенномъ забвеніи и считалась принадлежностію Польши. Привѣтствуя съ полнымъ сочувствіемъ изданіе, въ которомъ давно чувствовалась настоящая потребность, мы позволимъ

себѣ сказать нѣсколько словъ о его выполненіи и, имѣя въ виду практическое его назначеніе, которое можетъ вызвать повтореніе изданія, сдѣлаемъ нѣсколько посылныхъ замѣчаній о томъ, что слѣдовало бы восполнить и чего не мѣшало бы избѣжать при повтореніи изданія.

Историческій очеркъ русскаго Забужья, составляющій главное со- держаніе настоящаго изданія, написанъ профессоромъ кievской духовной академіи г. Петровымъ, извѣстнымъ многими, преимущественно исто- рико-литературными работами. Отличительныя черты другихъ его тру- довъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ «Очеркъ исторіи украинской литературы», отпечатались и въ настоящемъ его трудѣ. И здѣсь г. Петровъ справился съ своею ближайшою задачею хорошо и легко: съ свойственною ему тщательностью онъ разсортивалъ мате- ріаль двухъ выпусковъ прежняго изданія, собралъ всѣ другія печатныя свѣдѣнія о Холмской Руси, свелъ тѣ и другія и далъ связанный и по- слѣдовательный очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья; но онъ не могъ уже ни стать выше, ни пойти дальше готоваго матеріала, ни даже извлечь изъ него все то, что помогло бы ему расширить рамки своего изслѣдованія, освѣтить предметъ съ различныхъ сторонъ, ожи- вить его воспроизведеніемъ не рѣдко мелкихъ, но характерныхъ чертъ мѣстной жизни и быта. Имѣя дѣло съ опредѣленнымъ однохарактер- нымъ матеріаломъ, г. Петровъ, соотвѣтственно ему, установилъ и оснoв- ную точку зрѣнія своего на предметъ изслѣдованія. Сказавъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о политической судьбѣ и подчиненности рус- скаго Забужья до половины XVI в., онъ сосредоточилъ все вниманіе исклю- чительно на церковно-религіозной жизни холмско-подляскаго края, точнѣе на вѣроисповѣдной борьбѣ здѣсь кореннаго православно-русскаго населенія съ наплывавшимъ польско-католическимъ, подкрѣпленнымъ впоследствіи выдѣлившимся изъ православія уніатствомъ; весь поэтому очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья есть ничто иное, какъ изложеніе этой борьбы и постепеннаго подавленія православія, возста- новленнаго лишь въ наши дни. Но этимъ далеко не исчерпывается жизнь русскаго населенія въ Забужьѣ на протяженіи девяти съ лиш- нимъ вѣковъ. Самая борьба, первые признаки ея обнаруживаются лишь съ XIV вѣка и какъ не преобладалъ въ тогдашней и послѣдующей жизни народовъ религіозный характеръ, однимъ этимъ нельзя оправдать такой односторонности въ изслѣдованіи автора о минувшей судьбѣ Забужья. Слѣдя эту судьбу по очерку г. Петрова, подумать можно, что другихъ интересовъ въ тогдашней жизни не существовало; борьба ведется притомъ представителями несогласныхъ исповѣданій лишь при слабomъ участіи общества, и то въ немногіе періоды; самый источникъ

борьбы, ея жизненные стимулы представлены столь же не полно, какъ и не ясно. Отъ чего Польша съ XIV в. движется на Русь? Отъ чего это движеніе совершается съ такимъ постоянствомъ и унорствомъ во всё послѣдующія столѣтія и идетъ все далѣе на востокъ, по пятамъ русской колонизаціи, вплоть до татарскихъ кочевьевъ и отъ чего въ немъ съ рѣдкимъ единодушіемъ принимаютъ участіе всё слои Рѣчи Посполитой? Отъ чего съ другой стороны повсюду и во всё послѣдующія времена это движеніе встрѣчаетъ въ русскомъ населеніи, начиная съ пограничья, самый рѣшительный отпоръ, превращающійся вскорѣ въ ожесточенную и непримиримую борьбу? Религіозными мотивами, какъ они ни сильны, ни этого движенія, ни встрѣченнаго имъ отпора уяснить нельзя. Двинулась Польша на востокъ послѣ того, какъ неразумно потеряла свои владѣнія на сѣверѣ и западѣ; ей тѣсно стало у себя, ей жить было нечѣмъ на своей бѣдной песчанной равнинѣ, ей не возможно было рзвиться снова въ сильное государство, не расширяясь постепенно на счетъ русскихъ княженій, раздробленныхъ и ослабленныхъ послѣ татарскаго погрома и литовскихъ завоеваній. Но Польша несла съ собою не одно политическое господство, а вмѣстѣ съ нимъ особый феодальный, рабовладѣльческій строй общественной жизни, совершенно противоположный извѣчному общинно-демократическому строю русской жизни. Борьба такимъ образомъ зарождалась и держалась на почвѣ глубоко-жизненныхъ интересовъ, на почвѣ основныхъ порядковъ и началъ жизни, и направлялась противъ чуждаго гражданско-общественнаго строя, въ городахъ и мѣстечкахъ разрушавшаго цѣлость общины, самоуправленіе, свободу промысловъ и ремеслъ, а въ селахъ превращавшаго свободнаго челоуѣка въ раба, ограничивавшаго его въ свободѣ труда и передвиженія и въ способахъ существованія. Въ этомъ исходный пунктъ борьбы, основной ея стимулъ; все остальное—посягательство на вѣру, языкъ, нравы и обычаи только усиливало борьбу и придавало ей возвышенный, идеальный характеръ. При такой постановкѣ главнаго предмета въ разсматриваемомъ очеркѣ изображаемая въ немъ борьба получила бы болѣе широкое освѣщеніе и не казалась бы столь однообразной и подъ часъ мелочной и какъ бы лишенной жизненной почвы. Правда, исторія Холмщины и Подлясья едва затронута въ послѣднее время и представляетъ предметъ новый, слишкомъ мало разработанный: но за то разработана значительно исторія земель и княженій сосѣднихъ съ холмско-подляскимъ краемъ, съ которыми онъ жилъ въ одинаковыхъ условіяхъ и въ составъ которыхъ иногда входилъ, потому многое въ сферѣ господствовавшихъ въ немъ гражданско-общественныхъ отношеній и порядковъ можно было бы уяснить даже путемъ ближайшей аналогіи;

при нѣкоторомъ же усердіи и большемъ срокѣ, покопавшись даже въ печатныхъ источникахъ, особливо многочисленныхъ собраніяхъ актовъ виленскихъ, минскихъ и др., не говоря о богатѣйшемъ собраніи неизданныхъ еще актовъ люблинскаго трибунала, варшавскаго главнаго архива и такихъ же собраній въ Львовѣ и Перемышлѣ, можно было бы найти не мало и прямыхъ данныхъ для объясненія культурно-общественной борьбы русскаго населенія Забужья съ вторгавшимся въ его исконныя земли польско-шляхетскимъ элементомъ и его рабовладѣльческими порядками. Будь хотя въ общихъ чертахъ намѣчены главныя пункты и фазисы этой борьбы, набросанная авторомъ картина была бы болѣе полною и жизненною, болѣе интересною и поучительною.

Указаніемъ на этотъ главный и коренной недостатокъ разсматриваемой книги, ослабляющій ея высокой интересъ, мы и закончимъ сдѣланную выше общую ея характеристику. При внимательномъ чтеніи книги, можно бы подмѣтить нѣкоторыя второстепенныя погрѣшности, какъ напримѣръ спутанность соображеній автора объ аборигенахъ Холмщины и Подляся и ихъ племенномъ характерѣ, основываемыхъ между прочимъ на пѣсняхъ, записанныхъ большею частію въ такихъ граничныхъ пунктахъ съ волинскою и гродненскою губерніями, гдѣ теряется всякая этнографическая грань, на что указываютъ иногда содержаніе и языкъ пѣсенъ, или неточность его свѣдѣній о политическомъ положеніи Холмщины и Подляся въ XI и послѣдующихъ вѣкахъ и отношеніи къ нимъ сосѣднихъ земель, доходящую до перемѣшиванія галицко-владимірскаго княженія съ владиміро-волинскимъ, Юрія Даниловича съ Юріемъ Наримунтовичемъ и пр. Но все это мелочи, которыя не портятъ общаго впечатлѣнія ни въ цѣломъ, ни отдѣльно въ каждой главѣ. Исключеніе составляетъ послѣдняя, 7-я глава, излагающая исторію воссоединенія холмско-подляскихъ уніатовъ въ 1875 году.

Кто имѣлъ случай слѣдить за ходомъ этого дѣла или соприкасаться съ нимъ, для того очевидны неполнота и неточность многихъ изложенныхъ здѣсь свѣдѣній; но даже не посвященный въ подробности сего дѣла наталкивается въ настоящемъ изложеніи на нѣкоторыя не разрѣшимыя противорѣчія. Извѣстно напр., что два главные дѣятели по преобразованію Царства Польскаго послѣ мятежа 1864 г. и улучшенію положенія находившихся въ немъ уніатовъ, Н. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскій, далеки были отъ мысли о воссоединеніи уніатовъ въ ближайшемъ будущемъ и не ставили этою прямою цѣлію проводимыхъ ими реформъ; тутъ шло дѣло лишь объ упорядоченіи церковныхъ дѣлъ уніатскаго населенія и объ огражденіи его отъ дальнѣйшей латинизаціи и колонизаціи. Такова же была система дѣятельности и графа Д. А. Толстаго, къ которому съ конца

1868 г. перешли въ завѣдываніе уніатскія дѣла, изъятія изъ его вѣдѣнія снова въ 1874 году. Положеніе самыхъ уніатовъ отнюдь не давало какой либо надежды на скорое ихъ воссоединеніе: управленіе холмскою епархією, переходившее изъ рукъ въ руки, отнюдь этому не благопріятствовало; холмско-подляшское населеніе, особливо его духовенство было до крайности окатоличено и ополячено; въ Подлясьѣ каждая новая мѣра, направленная къ очищенію уніатскаго обряда, вызывала ожесточенныя волненія, усмиряемая только военною силою. Откуда же въ короткій промежутокъ времени, менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ, въ главномъ пунктѣ уніатской оппозиціи⁸ Подлясьѣ, это народное движеніе въ пользу православія, это стремленіе къ вѣрѣ Бѣлаго Царя, увлекшее за собою, по словамъ очерка, и самое духовенство? Одно изъ двухъ: или это движеніе преувеличено, или оно носило иной характеръ и вызвано другими, быть можетъ даже случайными причинами, на что указываютъ продолжающіяся и доселѣ упорныя уклоненія отъ православія бывшихъ уніатовъ преимущественно того же Подлясья. Вотъ другой не менѣ загадочный фактъ. Въ то время, какъ въ Подлясьѣ то и дѣло возникаютъ волненія и бунты при всякой новой мѣрѣ, направленной къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ, Холмщина остается совершенно спокойною и даже такое крупное событіе, какъ вывозъ номинага Каминскаго въ Витку, проходитъ въ ней какъ бы не замѣченнымъ; между тѣмъ когда тоже бунтливое и фанатическое Подлясье, непосредственно послѣ самаго сильнаго волненія, осенью 1874 г. обнаруживаетъ столь серьезное и горячее стремленіе къ православію, Холмщина пребываетъ неподвижною и потомъ идетъ у него на буксирѣ, а затѣмъ опять Подлясье отталкивается отъ православія, а Холмщина въ большей части остается вѣрной ему. Какъ хотите, но тутъ что нибудь да не такъ.

Есть въ этой главѣ много другихъ недомолоекъ, неясностей, упущеній, и всѣ они, кажется, являются послѣдствіемъ односторонности источника, изъ котораго авторъ черпалъ свои свѣдѣнія, а быть можетъ и желанія подогнать факты къ благополучному разрѣшенію уніатскаго вопроса. Ни однимъ напр. словомъ не упомянуто о выдающейся въ семь дѣлъ роли бывшаго сѣдлецкаго губернатора, извѣстнаго С. С. Громеки, безъ объясненія способа дѣйствій котораго останется непонятною вся исторія подляскихъ волненій и неожиданная развязка ихъ и всего уніатскаго дѣла. Не отмѣчена вовсе двойственная дѣятельность временно управлявшаго холмскою епархією протоіерея Войцицкаго, невыяснена такая же политика епископа Куземскаго. Воздано должное широкой и энергической дѣятельности князя Черкаскаго, но упущены изъ виду характер-

ныя ея черты: нѣкоторая искусственность въ его дѣйствіяхъ, недостатокъ прямоты, иногда, какъ это ни странно, даже просто рѣшительности; такія черты особенно отразились въ дѣлѣ замѣщеніи холмской епископской кафедрѣ дѣйствительнымъ, а не поминальнымъ епископомъ, въ дѣлѣ введенія русской проповѣди въ униатскихъ церквахъ и русскаго преподаванія въ униатской холмской семинаріи, даже въ такомъ незначительномъ по видимому дѣлѣ, какъ учрежденіе въ Холмѣ женскаго 6-ти класснаго училища, инициативу котораго авторъ совершенно напрасно приписываетъ тому же князю. Все это частности, мелочи въ сложномъ и великой важности дѣлѣ; но безъ нихъ остается непонятнымъ многое какъ въ общемъ ходѣ его, такъ и въ дѣйствіяхъ оппозиціи. Очевидно, что одни официальные бумаги не обнимаютъ всѣхъ сторонъ дѣла и не исчерпываютъ его. Надо ждать частныхъ записокъ, воспоминаній, переписки неофициальной, но для этого не настала еще пора.

Скажемъ въ заключеніе еще объ одной сторонѣ разсматриваемаго изданія. Оно богато иллюстрировано: въ немъ двѣ хромо-литографіи и 45 гравюръ, дающихъ изображенія древнѣйшей мѣстной святыни и историческихъ дѣятелей, имѣющихъ отношеніе къ холмско-подляскому краю, а также карта люблинской и сѣдлецкой губерній съ обозначеніемъ границъ XIII в. входившихъ въ составъ ихъ земель. Мы остановимся на одной изъ этихъ иллюстрацій, именно хромо-литографированномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя Владиміра, представляющемъ копію съ древнѣйшей будто бы фрески успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Позволяемъ себѣ сказать, что этой фрески нельзя признать изображеніемъ св. Владиміра и на это имѣемъ достаточныя причины.

Изображеніе это, открытое недавно подъ слоями побѣлки въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ, созданномъ въ 1158 году в. кн. Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ, признается въ книгѣ „Холмская Русь“ современнымъ построенію этого храма. Этотъ храмъ дѣйствительно былъ росписанъ живописью при Андрѣ Боголюбскомъ и конечно фресковою, греческою. Но извѣстно изъ лѣтописей, что въ 1185 году онъ страшно потерпѣлъ отъ пожара, при чемъ погибли всѣ его украшенія, дорогіе сосуды, паникадила, иконы въ окладахъ, оксамиты и княжескія одежды, изъ коихъ нѣкоторыя хранились на хорахъ. Послѣ сего братъ Андрея, Всеволодъ Юрьевичъ, возобновляя владимірскій успенскій соборъ, сильно измѣнилъ его, расшаривъ пристройкой 3-хъ стѣнъ съ 3-хъ сторонъ храма и надстроивъ 4 купола вокругъ бывшаго доселѣ одного. Въ 1238 году, по взятіи г. Владиміра, татары, чтобы погубить княжеское семейство, запершея въ успенскомъ соборѣ съ епископомъ Митрофаномъ на хорахъ, произвели въ немъ новый пожаръ, зажегши нанесенный внутри

его въ большомъ количествѣ хворость. Въ послѣдствіи времени, хотя и неизвѣстно когда именно, въ этомъ соборѣ, для его расширенія и лучшаго освѣщенія, выломаны преобразователями три стѣны Андрея Боголюбскаго и хоры. При такихъ огненныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ владимірскій успенскій соборъ и при двукратномъ его преобразованіи, безъ сомнѣнія не много могло уцѣлѣть въ немъ изъ фресковой иконописи князя Андрея, и даже изъ иконописи князя Всеволода, а вмѣсто ихъ, въ послѣдствіи конечно, могла и должна была явиться новая иконопись русской суздальской школы. Что касается въ частности такъ называемаго изображенія св. Владиміра, то, хотя намъ неизвѣстно, фресковое ли оно, или воспроизведенное масляными красками, мы не можемъ отнести его къ XII вѣку. Тутъ во 1-хъ у князя въ рукѣ крестъ восьми-конечный, а не четверо-конечный, между тѣмъ восьми-конечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI в., а на Востокѣ нѣтъ ихъ и по нынѣ; во 2-хъ у него борода длинная, вдинообразная, и волосы расчесаны по великорусскому, а не малорусскому манеру; а на извѣстныхъ древнихъ изображеніяхъ Владиміра, именно: въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, въ новгородской Федоровской церкви 1369 г. и на владиміровскихъ монетахъ, кн. Владиміръ изображенъ съ круглою бородой, въ Федоровской же церкви и на монетахъ, кромѣ того, и съ семи-конечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; въ 3-хъ вѣнецъ на головѣ князя не сходенъ съ вѣнцами Владиміра на его монетахъ; въ 4-хъ въ XII вѣкѣ Владиміръ еще не былъ внесенъ въ число святыхъ; въ числѣ ихъ имя его въ первый разъ встрѣчается въ половинѣ XIII в., а потому ни при Андреѣ, ни при Всеволодѣ Юрьевичахъ онъ не могъ быть изображенъ въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, гдѣ открыто будто бы его изображеніе. Полагаемъ, что приложенное къ книгѣ „Холмская Русь“ изображеніе князя есть произведеніе XVI или XVII вѣка и представляетъ, по всей вѣроятности, Андрея Боголюбскаго, создателя успенскаго собора. Къ этой догадкѣ слѣдуетъ обратиться тѣмъ болѣе, что надпись при образѣ не сохранилась, а противъ столба, на которомъ онъ написанъ, почиваютъ въ ракъ мощи св. князя Андрея Боголюбскаго, который, какъ мученикъ, могъ быть изображенъ съ крестомъ, а какъ воинственный князь, и съ мечемъ.

Всѣ затѣмъ рисунки, помѣщенные въ рассматриваемой книгѣ, сдѣланы весьма отчетливо и искусно; поясненія къ нимъ М. И. Городецкаго, очень сжатая и весьма содержательныя, заслуживаютъ особой похвалы. Книга снабжена, сверхъ всего, алфавитнымъ указателемъ встрѣчающихся въ ней личныхъ именъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія въ слѣдъ за рассказомъ о воссоединеніи униатовъ

помѣщены біографія издателя П. И. Батюшкова и его портретъ, въ другихъ ни біографіи, ни портрета нѣтъ. Почему бы это? Экземпляры перваго рода напечатаны на бумагѣ плохаго достоинства, но стоютъ не дорого, всего 1 р. 50 к. за экземпляръ.

Н. Цыбульскій.

Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея ея въ августъ мѣсяцъ 1887 г. инспекторомъ А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г.

Дѣло народнаго образованія пережило и переживаетъ у насъ столько рѣшительныхъ перемѣнъ, что полувѣковой періодъ составляетъ уже цѣлую эпоху и даже нѣсколько эпохъ въ жизни учебнаго заведенія и по справедливости можетъ послужить интереснымъ и поучительнымъ предметомъ изученія для историка. Авторъ названнаго выше труда, получившій ранѣе извѣстность своими сборниками матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, и въ новомъ своемъ трудѣ отнесся къ дѣлу съ болѣе широкими задачами, чѣмъ это принято обычно въ «историческихъ запискахъ» объ учебныхъ заведеніяхъ; правда, очеркъ его не полонъ, что объясняется недостаткомъ времени, которымъ располагалъ г. Андріевскій для составленія его, но и въ настоящемъ видѣ «записка» заключаетъ нѣкоторый матеріалъ для бытовой исторіи просвѣщенія на югѣ Россіи. Подѣлимся съ читателями существенными подробностями содержанія «записки».

Златопольская гимназія возникла изъ существовавшего тамъ ранѣе уѣзднаго дворянскаго училища, помѣщеніе для котораго, при его открытіи, пожертвовано и приспособлено владѣльцами имѣнія, братьями П. О. и А. О. Лопухинными. Ранѣе открытія этого училища существовалъ въ Златополѣ частный мужской пансіонъ, учрежденный въ 1830 г. иностранцемъ Л. Вильетти и подготавливавшій къ поступленію не только въ гимназію, но и въ высшія учебныя заведенія; ученики этого пансіона распределены были по тремъ классамъ училища, а пансіонъ Вильетти, въ которомъ они продолжали жить, подчиненъ смотрителю. Въ качествѣ приготовительнаго класса къ уѣздному дворянскому училищу открыто было приходское училище, въ домѣ, пожертвованномъ Лопухинными-же. Первый годъ вызвалъ служащихъ въ училищѣ къ усиленной дѣятельности по устроенію не только матеріальной и учебной части, но и воспитательной, по части надзора за воспитанниками, помѣщавшимися на квартирахъ, указанныхъ училищнымъ начальствомъ. Для этой цѣли существовали надзиратели, которымъ смотритель составилъ инструкцію;

учителямъ онъ также предписалъ соблюдать очередь въ надзорѣ за учениками. Вскорѣ послѣ открытія училища, признано было полезнымъ учредить при немъ благородный пансіонъ. Въ училищѣ преобладались: законъ Божій, русскій языкъ, математика, два новыхъ иностранныхъ языка и латинскій языкъ. По замѣчанію дирнктора училищъ кievской губерніи Богородскаго, ревизовавшаго злотовпольское училище въ 1840 году, занятія латинскимъ языкомъ, не смотря на опытность и трудолюбіе учителя, давали результаты плохіе: „большая часть учениковъ, писалъ онъ, зараженная ложнымъ мнѣніемъ, къ сожалѣнію, распространяемымъ нѣкоторыми изъ учителей, считаетъ этотъ предметъ не нужнымъ и бесполезнымъ, а потому занимается мало и не оказываетъ достаточныхъ успѣховъ“. Для недостаточныхъ учениковъ учреждены были общія квартиры, съ платою отъ 60 до 100 р. въ годъ. Въ 1857 году предостовлено было на волю родителей помѣщеніе дѣтей на общей квартирѣ или у частныхъ лицъ. Съ 60-хъ годовъ пробуждается особое рвеніе къ образованію среди еврейскаго населенія, и смотритель училища Сторожевскій признавалъ «огромное» и благотворное значеніе этого факта для улучшенія общественнаго быта мѣстныхъ евреевъ. Въ это же время въ педагогическомъ совѣтѣ начали подыматься и обсуждались разнаго рода педагогическіе вопросы, съ занесеніемъ разсужденій въ протоколы. Подъемъ умственной жизни въ педагогической корпорациі сказался и въ заботахъ о бібліотекѣ. Въ 1861 году вдова статск. сов. Варвара Затлеръ жертвуетъ училищу свою бібліотеку въ тысячу томовъ; имѣлось даже въ виду основать при училищѣ публичную бібліотеку. Въ 1865 году совѣтъ началъ ходатайствовать о заведеніи ученической бібліотеки. Любопытенъ напечатанный въ приложеніи къ «запискѣ» докладъ бібліотекаря Чернявскаго о нуждахъ бібліотеки. Указывая, между прочимъ, на скудость отдѣла естественной исторіи, онъ говоритъ: «можетъ быть, на это мнѣ скажутъ, что заведеніе наше, какъ общеобразовательное, не имѣющее въ виду никакой спеціальности, чуждое всякаго реализма, не должно, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ необходимости заботиться объ обогащеніи себя сочиненіями спеціальнаго направленія. Не стану разбирать здѣсь, какой путь—классическій или реальный способенъ болѣе развить духовныя силы ребенка; споръ объ этомъ давно ведется европейскими учеными и до сихъ поръ не рѣшенъ, кажется, окончательно. Я хочу только сказать, что подобныя сочиненія съ популярнымъ, доступнымъ для неспеціалиста наставника, изложеніемъ, могли бы оживить, оразнообразить и придать болѣе занимательности преподаванію каждаго предмета и въ то же время служить матеріаломъ для домашняго чтенія воспитанниковъ“.

Въ 1868 году училище преобразовано въ 4-классную прогимназію и плата за ученіе увеличена до 15 р., а съ 1883 г. до 40 р.; параллельно съ этимъ и плата за содержаніе въ пансіонѣ возрасла съ 150 р. Въ 1882 г. златопольская прогимназія преобразована въ 6-классную. Въ 1881 году отставной поручикъ Н. А. Цвѣтковъ и почетный гражданинъ Д. И. Бродскій пожертвовали каждый по 30 тысячъ рублей на преобразование ея въ полную гимназію, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе въ 1885 г.

В. П.

Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета.
Т. I. Воронежъ. 1887 г.

Въ ряду другихъ губернскихъ городовъ Воронежъ издавна выдавался превосходствомъ своей интеллигенціи и ея дѣятельностью на пользу науки и просвѣщенія. Кромѣ знаменитаго историка и богослова, ученѣйшаго челоуѣка своего времени и плодотворнаго писателя, митрополита кіевскаго Евгенія Болковитинова, Воронежъ далъ двухъ поэтовъ, Кольцова и Никитина, и нѣсколько другихъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ тутъ работали надъ собираніемъ и изданіемъ историческихъ матеріаловъ два совѣтника губернскаго правленія, Н. Второвъ и К. Александровъ-Дольникъ, отыскавшіе и вытянувшіе изъ грязи постоялаго двора И. С. Никитина. Кромѣ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Воронежѣ издавались и издаются уже свыше 25 лѣтъ Филологическія Записки, а теперь и Воронежскій Телеграфъ. Недавній трехсотлѣтній юбилей Воронежа обогатилъ отечественную литературу нѣсколькими новыми изданіями, о которыхъ мы говорили въ свое время, преимущественно по части мѣстной исторіи, этнографіи и статистики. Нынѣ предъ нами первый огромный томъ, свыше 400 страницъ, историческихъ матеріаловъ, трудъ г. А. Вейнберга и г-жи А. Полторацкой, членовъ мѣстнаго статистическаго комитета, на средства его изданный.

Происхожденіе этого тома, какъ видно изъ предисловія къ нему, таково. Въ теченіи 1885—1886 годовъ въ Воронежѣ велась такая же почти работа, какую велъ въ Кіевѣ бывшій редакторъ неофіціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій, издавшій въ короткое время 10 выпусковъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, съ содержаніемъ которыхъ мы въ

свое время знакомили читателей, т. е. издавались такіе же мѣстные матеріалы, съ такимъ же заглавіемъ и также въ 10 выпускахъ. Воронежскіе издатели, какъ и кіевскій, старались этимъ способомъ спасти отъ гибели акты разрозненные, истлѣвавшіе; разница только въ томъ, что г. Андриевскій дѣлалъ какой то выборъ изъ архивнаго хлама, раздѣляя акты на интересные и не интересные, съ его, конечно, точки зрѣнія и печаталъ только первые, притомъ съ сокращеніями, когда помѣщалось цѣлое *дѣло*, но сортируя дѣла и акты по предметамъ, а издатели воронежскіе посредствомъ печати спасали все истлѣвавшее и, какъ сами сознаются, «помѣстили нѣсколько документовъ мало интересныхъ и частію тождественныхъ по содержанію». Теперь они сдѣлали выборъ, по ихъ словамъ, «наиболѣе интересныхъ документовъ изъ числа напечатанныхъ и вновь подобранныхъ и издали ихъ отдѣльною книгою съ соблюденіемъ хронологическаго порядка».

Изданные акты самаго разнообразнаго содержанія и точно систематизировать ихъ въ настоящемъ видѣ не представляется никакой почти возможности; касаются они болѣе или менѣе заселенія воронежскихъ степей въ XVII и XVIII ст., устроенія городовъ, положенія первыхъ поселенцевъ—острогожскихъ козаковъ, ихъ сторожевой и походной службы, пригѣсненій козаковъ воеводами и разными служилыми людьми, разбоевъ донскихъ казаковъ, бунта Стеньки Разина, построенія судовъ на рѣкѣ Воронежѣ и крѣпостныхъ башенъ въ городѣ Воронежѣ, надѣленія монастырей и частныхъ лицъ землями, аграрной борьбы между первоосѣдлыми «черкасами» и пришлымъ великорусскимъ людомъ, быта колодниковъ и пр. и пр. Всѣхъ актовъ 301, а раздѣлены они на два отдѣла: 1. Царскія грамоты и 2. Разные документы (sic!). Къ нимъ приложены указатели: предметный, личныхъ и географическихъ именъ, городовъ и кургановъ, разсѣянныхъ по воронежской губерніи и наконецъ объясненіе старинныхъ непонятныхъ словъ и словъ иностранныхъ; въ концѣ книги карта воронежскаго края въ XVII ст.

Изъ этого общаго обзора воронежскихъ актовъ видно, что въ массѣ ихъ есть не мало матеріаловъ, относящихся къ исторіи южной Руси; но матеріалы эти рѣдко являются въ видѣ цѣльныхъ документовъ, а разбросаны въ нихъ, какъ случайныя упоминанія и найти ихъ можно лишь съ помощью систематическаго указателя предметовъ, гдѣ они отмѣчены подъ рубриками: *Черкасы, Запороги, Польша и Литва*. Въ одномъ изъ документовъ находимъ перечисленіе сотенъ острогожскаго полка, именно: острогожская, ольшанская, усердская, короченская, палатовская, едидовищенская, землянская и ливенская, что даетъ понятіе о районѣ олка и территоріи, имъ занятой.

Нельзя не отдать полной справедливости усердію редактировавшихъ настоящей сборникъ; ими сдѣлано, кажется, все, что только могли они могли придумать для облегченія пользованія ихъ изданіемъ: тутъ всевозможныя замѣчанія и объясненія, указатели, снимки, карта, обозначенія датъ, печатей номеровъ, страницъ и пр. и пр. И при всемъ томъ занимающемуся исторією справляться съ этою громадою матеріала трудно, а не посвященный въ архивную работу и просто отстранится отъ нея. Сами издатели, не смотря на массу потраченного ими труда, чувствовали, что въ работѣ ихъ не безъ недостатковъ и „не снисхожденія къ нимъ просятъ, а лишь откровеннаго указанія на нихъ“.

Именно въ виду этого откровеннаго обращенія издателей, дѣлающаго имъ особую честь, мы позволимъ себѣ, минуя частности и мелочи, указать на одинъ главный и существенный недостатокъ въ ихъ почтенномъ трудѣ, безъ котораго невозможно устраненіе другихъ, именно отсутствіе въ подборѣ актовъ основной, руководящей мысли, своего рода системы, иначе предметнаго ихъ *подбора*, а не распредѣленія ихъ по предметамъ, когда подборъ уже сдѣланъ по шаткому и субъективному критерию большаго или меньшаго интереса. Ужъ если издатели послѣ напечатанія актовъ додумались до необходимости приложить къ нимъ систематическій указатель предметовъ, въ нихъ заключающихся, то ничего не стоило имъ эту самую предметность, иначе однородность главнаго содержанія актовъ, положить въ основу ихъ подбора. Тогда особо подбирались бы акты напр. относительно колонизаціи, пожалованій землями, построенія церквей и пр. и особо акты, касающіяся острогожскихъ и иныхъ козаковъ, особо опять документы къ бунту Стеньки Разина, кораблестроительнаго дѣла и пр. и пр. Каждая группа такихъ актовъ, при большомъ ихъ числѣ, могла бы составить особый томъ, и томы могли бы чередоваться, и въ каждомъ томѣ была бы своя хронологія, но, что всего важнѣе, каждый томъ давалъ бы извѣстное число документовъ, уясняющихъ одну какую либо сторону въ минувшей жизни края и на основаніи ихъ, а также съ помощію печатныхъ источниковъ и общихъ свѣдѣній, можно было бы уяснить эту сторону въ передовой статьѣ, давая руководящую нить къ уразумѣнію и изученію актовъ всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться ими. Издаваемый матеріалъ входилъ бы тогда въ науку въ правильно разсортированномъ и даже обработанномъ видѣ, и не нужны были бы тогда многія къ нему мелкія поясненія и большаго труда стоющій систематическій указатель. Тогда не мыслимо было бы такое странное и вносящее путаницу дѣленіе, какое встрѣчаемъ въ настоящемъ томѣ актовъ: 1. Царскія грамоты и 2. Разные документы. Тогда наконецъ легче было бы и издателямъ и читателямъ уяснить не

только смыслъ, но и текстъ отрывочныхъ, искаженныхъ или испортившихся отъ времени актовъ.

Очень рады будемъ, если это общее указаніе наше пригодится въ дальнѣйшихъ работахъ воронежскимъ архивистамъ, обнаружившимъ и въ настоящемъ томѣ большую тщательность и усердіе къ пользѣ отечественной исторіи.

Т. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Мимолетное знакомство мое съ Т. Гр. Шевченкомъ и мои объ немъ воспоминанія.

Т. Гр. Шевченко ближайшій мнѣ землякъ. Село Кирилловка, въ которомъ онъ родился и провелъ юные годы, всего въ семи верстахъ отъ мѣста моего рожденія, села Зеленой или по-письменному, Зеленой Дубровы; а въ нашемъ селѣ, на искосокъ чрезъ улицу отъ насъ, рядомъ со *школой*, жила родная старшая сестра поэта, Катерина, по мужу Красицкая, у которой онъ въ дѣтствѣ по долгу проживалъ. Несмотря на это, узнать Тараса пришлось мнѣ не скоро, а познакомиться съ нимъ довелось лишь не задолго до его смерти, и то на короткое время, такъ сказать, мимолетомъ.

Какъ, однако, ни кратковременно было мое знакомство съ нимъ, но и тѣ немногія воспоминанія объ немъ, которыя я хочу здѣсь изложить, не лишены будутъ интереса для почитателей памяти славнаго поэта и пригодятся, быть можетъ, хотя какую-либо чертою для будущихъ его біографовъ.

Имя Тараса стало извѣстно мнѣ съ юношескихъ моихъ лѣтъ по упоминаніямъ объ немъ въ нашей семьѣ, относящимся къ той главнымъ образомъ порѣ его жизни, когда къ его христіанскому имени не прикладывалось еще никакого другаго, кромѣ имени *хлопця* и *погонича*, когда онъ, не окончивъ ученія ни въ школѣ дьячка Петра Богорскаго, ни у хиромантика-діакона с. Майдановки, жилъ нѣсколько лѣтъ, въ неопредѣленномъ положеніи не то най-

мита, не то приемыша, у священника с. Кириловки о. Григорія Кошица. Семья этого соѣзда была въ ближайшемъ знакомствѣ съ нами и если, напр., прїѣзжалъ къ намъ въ гости о. Григорій съ своею супругою Ксенією Прокопівною, то широкохвостую буланую ихъ кобылою по большей части правилъ Тарасъ, будущій украинскій поэтъ, и онъ же продовольствовалъ ее въ нашей конюшнѣ и водилъ на водопой до «Нечитайлового ставка». На той же одинокой кобылѣ доставлялъ онъ сына о. Григорія Яся къ ученію въ Богу-славъ и потомъ въ Кіевъ, а иногда возилъ сливы, яблоки или дыни на продажу въ сосѣднія мѣстечка Бурты и Шполу, совершая каждый разъ переѣздъ чрезъ наше село. Въ одинъ изъ такихъ переѣздовъ Тараса и Яся на Нечитайловомъ мостку «спиткала лиха година»: возъ ли, или мостокъ подломился, не помню, но только сливы высыпались изъ воза въ такой ставокъ, въ которомъ курицѣ угонуть было нельзя, но и вылѣзть изъ него трудно. Прибѣгали они къ намъ просить «поратунку», какъ выражалась матушка Ксенія Прокопівна, и долго вытаскивали сливы изъ болота и полоскали ихъ въ болотной же водѣ. Сколько помнится, торговая эта экспедиція вышла неудачною: такъ называемыя *раннія* сливы не выдержали далекаго переѣзда и какъ они оказались, кромѣ того, въ болотѣ, то и цѣна имъ была грошъ. Тарасу и Ясю досталось, кажется, на бублики отъ расчетливаго, даже нѣсколько скупаго и взыскательнаго о. Григорія, хотя общественное мнѣніе околотка вишило именно его за то, что онъ вздумалъ транспортировать въ далекую дорогу столь нѣжный продуктъ, и даже сама матушка Ксенія Прокопівна не одобряла по существу столь смѣлаго и рискованнаго прозкта своего «господинка», выставляя въ доводъ о раннихъ сливахъ то, что Богъ родитъ ихъ «на всякого долю» и что добрые люди отдають ихъ за *спасѣби*, а излишекъ предоставляютъ даже на потребленіе собакамъ и свиньямъ. Но о. Григорій тѣмъ и былъ оригиналень, что чужихъ доводовъ, а тѣмъ болѣе доводовъ своего *подружя*, не признавалъ, смотрѣлъ вообще на вещи философски или же съ точки зрѣнія экономической.

Приходилось ли мнѣ видѣть когда-либо Шевченка въ этомъ первобытномъ пониженномъ состояніи, никакъ припомнить не могу; не могу также опредѣленно сказать, какова была жизнь Тараса у о. Григорія, какъ долго и на какихъ условіяхъ онъ жилъ у него. Первоначально,

по малому возрасту, былъ онъ *креденсовымъ* (буфетчикомъ), какъ говорилъ въ шутку, т. е. чистилъ и пряталъ въ шкафъ ножи и вилки, перемывалъ тарелки и ложки, топилъ «грубку въ покояхъ», состоялъ на мелкихъ посылкахъ по селу и въ поле, по вечерамъ повторялъ псалтырь и читалъ житія святыхъ, въ досужіе часы рисовалъ углемъ на коморѣ и стайнѣ пѣтуховъ, людей, церковь, даже и кievскую *дзвиницю*, а за тѣмъ его стали употреблять и на всѣ другія хозяйственныя и полевыя работы и даже на самостоятельныя и отвѣтственныя поѣздки съ Ясемъ въ школы и на ярмарки. Получалъ ли Тарасъ за свой трудъ и услуги какую-либо плату, не знаю; думаю, что сначала, будучи еще хлопцемъ, онъ не имѣлъ никакого денежнаго вознагражденія, какъ сирота, котораго надо было одѣть и прокормить, и какъ не приученный еще и малоспособный къ работѣ. И въ послѣдствіи наемная плата его не могла быть сколько-нибудь значительна: въ тѣ годы дюжій парубокъ на хозяйской одежѣ получалъ 15—20 руб. асс. въ годъ, а мальчикъ лѣтъ 16-ти, съ шуточнымъ названіемъ «креденсового», служилъ у насъ приблизительно въ тоже время за три рубля асс. въ годъ.

Зная близко священника Кошица и его жену, можно безошибочно утверждать, что по тогдашнему крестьянскому быту подроставшій Тарасъ нигдѣ не могъ бы найти лучшаго приюта, какъ въ домѣ приходскаго батюшки, и что жизнь его здѣсь (а онъ жилъ, полагать надо, не меньше 3 лѣтъ) была гораздо удобнѣе и безпечальнѣе, чѣмъ жизнь другихъ, даже хозяйскихъ сыновей его возраста. О Григорій былъ хорошій распорядительный хозяинъ и если былъ строгъ и възыскателенъ, то конечно больше на словахъ, ибо о тѣхъ наказаніяхъ и истязаніяхъ, какимъ подвергались неисправные и лѣнливые работники на панщинѣ, тутъ не могло быть и рѣчи; что же касается самой матушки, то это была идеальная женщина по необычайной добротѣ, кротости, снисходительности, заботливости и попечительности обо всемъ и обо всѣхъ. У такой хозяйки рабочимъ не могло быть плохаго житья, а по части кормленія имъ могли завидовать и хозяйскія дѣти. Непосильнымъ трудомъ своей прислуги священники никогда не обременяли; но и праздно сидѣть у нихъ не приходилось, такъ какъ хозяйство ихъ было обширнѣе крестьянскаго и въ немъ заключался главный источникъ ихъ содержанія. И въ

нравственномъ отношеніи здѣсь было больше выдержки, порядка жизни и охраны отъ всякой гульбы и соблазновъ. Можно съ полною увѣренностью допускать, что лучшія нравственныя свои воззрѣнія и идеалы нашъ поэтъ вынесъ отсюда и обязанъ ими боголюбивой, истинно-христіанской душѣ своей матушки и ея сострадательности и любви ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что покойный Тарасъ Григорьевичъ, обязанный быть можетъ, лучшими годами своей жизни о. Григорію Кошицу и его женѣ, ни однимъ словомъ не обмолвился объ нихъ ни въ своей автобіографіи, ни въ послѣдующихъ бесѣдахъ со мною, когда казалось, не было болѣе подходящаго предмета для разговора, какъ эта жизнь у людей, столь близко извѣстныхъ намъ обоимъ. Почему? Не потому ли, что вообще онъ не любилъ обращаться воспоминаніями къ своей сиротской приниженой жизни? Не вспоминалъ онъ и о своей старшей сестрѣ Катеринѣ, въ противоположность Яринѣ, которую печатно величалъ великомученицею. Ее, т. е. старшую сестру Тараса, звали у насъ «Катрею гугнявою», потому что она отъ природы или отъ болѣзни какой гнусила. Послѣ того, какъ Тарасъ не задолго до ссылки своей побывалъ на родинѣ и у ней, Катри, она, вспоминая его дѣтство, разсказывала матери моей о его блуканьѣ въ дѣтскіе годы изъ Кириловки въ Зелену, т. е. отъ отчима къ старшей сестрѣ и обратно. «Приблудю его, матушечко, звали, ей-богу. Было оцѣ ѣ не видно, якъ воно ричъ ѣ ввійде тыхенько до хаты, сяче соби на лави та все мовчить. Ничого въ свити у его не допытася: чи его прогнали видгиля, чи его били, чи исти ему не давали. Було манівцями ходитъ, геть по Дидь дибровою, та черезъ Гарбузивъ лрѣ, та черезъ левады, та мбгилками. И якъ пришло разъ воно, то такъ впало грудочкою ѣ заснуло на лави, а я якъ загляну ему въ голову, ажъ у его, пробачайте, матушечко, въ голови... якъ у свинячому стегни... Ёте, отакѣ було, а далі вистервало... Нихто ѣ не сподивався зъ его чоловіка».

Отъ времени этого посѣщенія остались у меня въ памяти два обстоятельства. Разсказывали, что при выѣздѣ изъ Кириловки Тараса провожала его родня за село и остановились всей гурьбой у корчмы, стоявшей на самомъ выѣздѣ у царины. Вошли въ корчму, усѣлись вокругъ стола, потребовали водки и стали угощаться на прощанье. А жидъ-арендарь снуеть все по корчмѣ, ни торчитъ

передъ ними, пренебрежительно посматривая на подгулявшую компанію. Тарасъ въ свою очередь сталъ пристально смотрѣть на жида. Жидъ былъ въ полномъ старомодномъ своемъ костюмѣ: съ пейсами, въ ермолкѣ, въ лапсердакѣ и въ патинкахъ, тогда какъ именно предъ тѣмъ Высочайшимъ указомъ воспрещено было носить такой костюмъ, брить головы и носить пейсы. Подгулявшій Тарасъ прошелся прежде съ злою ироніею на счетъ жидовскаго костюма и напомнилъ о царскомъ указѣ, воспрещавшемъ носить такіе костюмы. Богатый и зазнавшійся арендарь, которому наглядно тутъ представлялось невысокое происхожденіе Шевченка, отвѣчалъ съ презрѣніемъ и наглостію, что ему дѣла нѣтъ до его костюма и указа и чтобы онъ «глядѣлъ своего носа». Тарасъ уже съ большею рѣзкостью и приправою крѣпкихъ словъ продолжалъ на счетъ кровопійства жидовъ и того, какъ арендарь за проценты у пана беретъ людей на работу. Арендарь расхарахорился, погрозилъ паномъ, полиціею, добавилъ нѣсколько непочтительныхъ выраженій въ родѣ: «ну, ты швыня, мужикъ, сто цортивъ въ твою голову». Тарасъ не выдержалъ и крикнулъ своимъ родичамъ: «хлопцы! а простягнѣть, лишень, сего невиру на воздухѣ та всыпте ему горячихъ». Хлопцы, во главѣ которыхъ былъ рослый широкоплечій Микита, родной братъ Тараса, мигомъ протянули мизернаго арендара и отхлестали его на всѣ бока. Жидовки и жиденята подняли гвалтъ, но пока дали знать пану эконому, Тарасъ уѣхалъ въ Зелену до Катри. Дорога пролегала мимо Боровиковаго хутора и стоявшей подъ лѣсомъ ветхой корчмы, гдѣ глѣтъ за 80 предъ тѣмъ, по воспѣтому Тарасомъ въ «Гайдамакахъ» живому преданію, подобный же Юда-кровопійца, расплачиваясь за свои грѣхи предъ народомъ, подъ звуки музыки, подъ ударами нагаекъ конфедератовъ, выдѣлывалъ уморительный свой танецъ, характерно очерченный словами пѣсни:

Передъ паномъ Хведоромъ,

Ходитъ жидъ передомъ.

Передъ паномъ Хведоркомъ

И задкомъ и передкомъ,

Ходитъ жидъ, ходитъ.

Въ этотъ единственный разъ Тарасъ Григорьевичъ былъ у насъ въ домѣ; но меня въ ту пору не было тамъ и мнѣ не пришлось тогда видѣть его, о чемъ я, конечно, много жалѣлъ.

Провожаль его отъ насъ въ ближайшее село Княжу на почтовую станцію одинъ изъ старшихъ моихъ братьевъ. Пора была вечерняя; на пути лежалъ густой, лиственный лѣсъ *доожокъ*, съ версту шириною. Когда въѣхали мы въ лѣсъ, рассказываль мнѣ братъ, стало совсѣмъ темно. Я ѣхаль съ Шевченкомъ, позади слѣдовалъ братъ его Никита съ другимъ родичемъ. Вдругъ Тарасъ хватился своего кисета съ табакомъ и нигдѣ его не находить. Остановили лошадей, слѣзли съ брички и давай искать, присвѣчивая скоропотухавшими спичками. Никита, остановившись позади, нетерпѣливо ожидалъ конца нашихъ поисковъ, все спрашивая брата, что онъ потерялъ.

— Та яка тамъ згуба?—крикнулъ онъ еще разъ Тарасу.

— Та капшукъ *ѣ* тютюномъ десь дѣвся,—отвѣчалъ тотъ ему.

— Тыффу!—откликнулся на это Микита, *к*атъ-зна що шукать, и крикнувъ родичу: «звертай», свернули съ дороги и умчались впередъ.

Традиціонная въ минувшемъ козачествѣ люлька преслѣдовалась теперь въ убогомъ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ сосѣднихъ селахъ, какъ праздная панская забава, нерѣдко опасная при частомъ и близкомъ обращеніи съ соломою. Вотъ отъ чего и Микита такъ презрительно отнесся къ привычкѣ брата къ табаку и его потерѣ. Коли ты не панъ, то не приходится тебѣ панскимъ прихотямъ предаваться.—такъ, конечно, разсуждалъ про себя Микита.

Куда уѣхаль Тарасъ изъ Княжей, не помню. Родичамъ его пришлось потомъ расплачиваться за расправу съ жидомъ, учиненную по его вдохновенію. Ихъ забрали подъ арестъ, водили въ Ольшану къ управляющему и въ Звенигородку къ становому. Напрасно мечтали они, «що Тарасъ десь тамъ коло царя» и заступится за нихъ. Пришлось бы имъ плохо, если бы не выручилъ ихъ Варѳоломей Гр. Шевченко, вспоминавшій со мною недавно эту трагикомическую сцену, стоившую родственникамъ Тараса не одинъ десятокъ рублей въ видѣ гонорара жиду.

Менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого Тарасъ Гр. Шевченко былъ уже арестованъ, а затѣмъ очутился въ ссылкѣ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Меня живо интересовала судьба незнакомаго земляка-поэта. Я прочель уже его «Гайдамаки» и «Катерину» и проникся величайшимъ уваженіемъ къ его таланту. Съ жадностью слушалъ я разсказы о его дѣтствѣ, ученіи, выкупѣ, о портретѣ генерала, проданномъ имъ на вывѣску и о его собствен-

номъ поргретѣ въ солдатской одежѣ, присланномъ изъ ссылки какому-то пріятелю вмѣсто письма, въ отвѣтъ на вопросъ о житеѣ-бытѣ съ наслажденіемъ прочитывалъ ходившія по рукамъ его не напечатанныя стихогворенія. Кончилось мое ученье, Тарасова ссылка. Я побывалъ уже на службѣ, вдали отъ родныхъ, и успѣлъ перебраться въ родной мнѣ Кіевъ. Прочелъ, наконецъ, «Наймичку» и не повѣрилъ Кулишѣ въ его сочиненной исторіи о происхожденіи этой поэмки. Какая тутъ степная барышня! „Одури, Пантелимоне, того, въ кого носа нема“,—думалъ я про себя, видя въ каждомъ словѣ «Наймички» не барышню, а усаѣго Кобзаря.

Насталъ 1859 годъ. Въ каникулярное время я очутился почему-то въ Кіевѣ, а не у родныхъ; очутился здѣсь и Тарасъ Григорьевичъ, доставленный сюда подъ арестомъ черкасскимъ исправникомъ Табачниковымъ послѣ извѣстной катехизаціи съ зернами, произведенной Тарасомъ въ какой-то корчмѣ въ состояніи невѣ-няемости. Грустная эта исторія могла бы, говорятъ, кончиться ничѣмъ, но тутъ примѣшалось будто бы личное самолюбіе исправника, не осторожно задѣтое Шевченкомъ. Исправникъ, видите ли, любилъ въ часы досуга предаваться поэтическимъ изліяніямъ и когда Тарасъ былъ доставленъ къ нему, то онъ, послѣ распросовъ, успокоивъ его, накормилъ его даже обѣдомъ, а послѣ обѣда представилъ ему на судъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, вынувъ ихъ изъ столика, у котораго они сидѣли. Тарасъ, прослушавъ одно или два стихотворенія и будучи, вѣроятно, въ состояніи нѣкотораго подпитія и веселаго настроенія, взялъ изъ рукъ исправника тетрадку его стиховъ, положилъ обратно въ ящикъ, изъ котораго они были вынуты и, заперши на ключъ, выбросилъ ключъ въ растворенное окно, давъ совѣтъ непризванному поэту не искать ключа. Обидѣвшійся исправникъ сказалъ что-то рѣзкое Шевченку; онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Исправникъ въ старой стереотипной формѣ указалъ на свое служебное положеніе, Шевченко отвѣчалъ: «дурній ты зъ твоимъ».... Тогда исправникъ далъ мѣсто правосудію и раба Божія Тараса препроводили въ Кіевъ, а здѣсь посадили въ крѣпость. Пока подлежащія власти разбирали дѣло о неудачномъ гаданьи Тараса на зернѣ, его выпросилъ къ себѣ на поруки мой школьный товарищъ священникъ Ефимъ Ботвиновскій, которому Н. С. Лѣсковъ въ своихъ «Печерскихъ антикахъ» посвятилъ нѣсколько страницъ.

Было 1-е августа, праздникъ происхожденія, точнѣе предхожденія или преднесенія честныхъ дровъ Животворящаго Креста. На Подолѣ, въ церкви братскаго монастыря, служилъ литургію нѣнѣшній петербургскій, а тогда кіевскій митрополитъ Исидоръ, а оттуда совершалъ обычный крестный ходъ на Днѣпръ для освященія воды. Я пошелъ на церемонію и шелъ рядомъ съ процессіею. Тутъ подмигнулъ мнѣ шедшій въ процессіи о. Ефимъ. Я подошелъ къ нему, а онъ шепчетъ мнѣ: «Тебе Тарасъ шукае». Гдѣ, что и какъ, спрашиваю я, не зная ничего предидущаго, и о. Ефимъ передалъ мнѣ вкороткѣ всю исторію привезенія, какъ онъ выразился, «честныхъ мощей Тараса» въ Кіевъ и содержанія ихъ у него на порукахъ. Я выразилъ намѣреніе самолично въ тотъ же день отправиться на поклонъ къ великому поэту; но о. Ефимъ отклонилъ меня отъ этого. «Загулявъ, — говоритъ, — козакъ зъ горя та зъ печалі. Десь тїняеться по ярамъ та горамъ... Не ночуетъ даже иной разъ у меня; и сегодня нѣтъ его дома. Жди, пока самъ забредеть къ тебѣ». Я прождалъ дня три; навѣдался самъ, но и хозяина дома не засталъ.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, на Подолѣ случился большой пожаръ. Я пошелъ на пожарище почти въ сумерки и неожиданно встрѣтилъ тамъ о. Ефима; онъ тотчасъ всадилъ меня на свой скотъ и препроводилъ къ себѣ на Старый Кіевъ для свиданія съ объявившимся Тарасомъ. У меня невольно забилось сердце при мысли о скоромъ свиданіи съ человѣкомъ, котораго я давно чтилъ въ душѣ за его несравненный талантъ; молодое воображеніе рисовало его въ какихъ-то причудливыхъ, необыкновенныхъ чертахъ; я думалъ о первой встрѣчѣ, первомъ привѣтствіи и, признаюсь, смущенъ былъ немало, не зная, съ чего начать. Увы! скоро всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ, при видѣ глубоко-грустной картины: Тарасъ, котораго не оказалось въ комнатахъ, вскорѣ найденъ нами у воротъ въ преждевременномъ и отнюдь не непорочномъ снѣ.... Не скрываю этого скорбнаго факта, свидѣтельствующаго, какъ теперь мнѣ думается, не столько о вынесенной поэтомъ изъ крестьянской среды привычкѣ, усиленной послѣдующими тяжелыми испытаніями, сколько о той великой тугѣ отъ неудачнаго гаданья на зернь, которую онъ хотѣлъ залить, заохочиваемый, быть можетъ, развеселымъ хозяиномъ, который жилъ, столь же мало думая о вчерашнемъ, какъ и о завтрашнемъ днѣ. Указанное

обстоятельство нисколько, разумѣется, не уменьшило моего глубокаго уваженія къ поэту и сердечныхъ моихъ симпатій къ нему, но повергло меня въ неописанное смущеніе, въ которомъ я счелъ за лучшее удалиться въ комнаты. Не меньше моего, кажется, смущенъ былъ и Тарасъ Гр., когда, кое-какъ разбуженный о. Ефимомъ, вошелъ съ нимъ въ комнату и увидѣлъ меня. «Охъ, Зелена, Зелена!» повторялъ онъ со вздохомъ, то глядя на меня, то опуская голову на грудь. Хотя радушный хозяинъ поспѣшилъ разшевелить насъ наливочкою, но разговариваться на сей разъ мы никакъ уже не могли, и я скоро отправился къ себѣ на квартиру.

На другой день, часовъ въ 5-ть пополудни, Т. Гр. пришелъ ко мнѣ, и тутъ уже мы разговорились не по-вчерашнему. Съ первыхъ почти словъ онъ заговорилъ о задуманномъ тогда въ Петербургѣ изданіи «Основы», ея задачахъ и цѣляхъ, силахъ, способахъ и пр. Я въ свою очередь сообщилъ Т. Гр. о готовившемся у насъ періодическомъ изданіи, духовномъ и даже спеціальномъ, но съ мѣстнымъ историко-литературнымъ и церковно-проповѣдническимъ отдѣломъ, къ сожалѣнію, почти не тронутыми потомъ при выполненіи. Тарасъ Гр. отнесся къ нашему предпріятію съ величайшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, желалъ намъ полнаго успѣха, но въ то же время, указывая на свое петербургское изданіе, широкое и болѣе мѣстное по своей задачѣ, заохочивалъ меня къ участію въ немъ, просилъ указать другихъ, готовыхъ трудиться на этомъ поприщѣ. Трудно было мнѣ дать какой-либо удовлетворительный отвѣтъ на теплыя задушевныя слова земляка-поэта; никто въ нашемъ заколдованномъ кружкѣ не обмакивалъ еще пера для печати и самъ я ничего также не писалъ и не печаталъ, кромѣ одной маленькой статейки, случайно и безъ моего вѣдома попавшей въ томъ году въ „Русскую Бесѣду“. Была, правда, у меня на сей разъ одна небольшая вещица, написанная мною по-малорусски, въ видѣ образчика, для поддержанія мѣстной идеи, которую я проводилъ въ программѣ нашего изданія; но, боясь судьбы стиховъ Табачникова, я не вдругъ и послѣ нѣкотораго насилія надъ собою рѣшился показать ее великому моему гостю. Онъ попросилъ меня прочесть и не успѣлъ я окончить, какъ онъ обѣими руками взялъ ее у меня изъ рукъ и, закладывая въ свой карманъ, сказалъ: «теперь хоть вы мнѣ что, а вже я вамъ и до вику вищнього не отдамъ». Такъ и не отдалъ онъ уже мнѣ

моего рукописанія, увезъ его съ собою въ Петербургъ, читаль землякамъ, восторгался чистотою рѣчи, ея ритмомъ, речитативомъ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, какъ писали мнѣ другіе. Онъ не могъ надивиться, какъ сохранилъ я, пройдя школу, такую чистую народную рѣчь, а меня удивляло самое это удивленіе. Въдъ это таже родная рѣчь, которой научила насъ одна мать—зеленая дуброва, думалъ я, обращаясь мысленно къ поэту, давшему образцы бессмертной рѣчи, только владѣемъ мы ею не однаково, ибо неодинаковыми талантами надѣлилъ насъ Богъ. Не много позже, когда съ изданіемъ «Основы» заговорили въ ней на разныхъ языкахъ, подъ названіемъ малорусскаго, я понялъ причину удивленія Шевченка моей немудрой рѣчи.

Не помню, въ этотъ ли разъ, или при другомъ посѣщеніи, Тарасъ Гр. разсказывалъ мнѣ, въ какое недоумѣніе привели его присланныя ему П. А. Кулишемъ Нижній Новгородъ извѣстныя «Оповѣданія Марка Вовчка», снабженныя его предисловіемъ. «Сижу я, бачите, въ Нижньому, та виглядаю того розрѣшенія (ѣхать въ Москву), якъ стара баба дѣта. Коли це присилає Пантелимонъ оти оповѣданія и такъ уже ихъ захвалює, та просить, щобъ я ихъ прочитаю и сказавъ свое слово. Я, звичайно, починаю спершу, зъ передмовы. И двоохъ стряничокъ не перечитаю, згорнувъ та кинувъ за лаву. Птьфу, кажу, хйба не видно Кулишевой работы. Дежали вони тамъ килька недѣль. Коли зновъ пише до мене Кулишъ, нагадує та просить, щобъ скорѣше перечитаю, або хотъ такъ звернуть. Тоді я розкривъ по середині и читаю. Де, кажу собі, це вже не Кулишева мова, и перечитаю до остатку, благословивъ обома руками».

Въ эти первые дни свиданія моего съ Тарасомъ Григорьевичемъ, онъ получилъ извѣстіе о томъ, что дѣло его приходитъ къ благополучному концу и что ему будетъ разрѣшено свободно отправиться, куда хочетъ. Тарасъ Гр. замѣтно повеселѣлъ и вскорѣ перешелъ на жительство отъ о. Ефима Ботвиновскаго къ фотографу Гудовскому, жившему на углу Мало-Житомирской улицы со стороны Крещатика. Тутъ мнѣ пришлось побывать у него еще раза два по особому его порученію. Просилъ онъ меня поискать, не найдется ли гдѣ въ Киевѣ списка его поэмы «Иванъ Гусъ», просилъ также принести ему для прочета большую тетрадь малорусскихъ стихотво-

реній покойниго нынѣ профессора К. Д. Думитрашка. Поиски за «Гусомъ» оказались совершенно безуспѣшными, а по поводу стихотвореній Думитрашка, которыя мы читали вмѣстѣ, онъ выразилъ сожалѣніе, что этотъ безпорно даровитый человекъ вздумалъ перекладывать стихами оригинальныя народныя легенды, причемъ совершенно утрачивался иногда натуральный ихъ букетъ. Гораздо большую услугу, говорилъ Тарасъ Гр., оказалъ бы наукѣ вашъ поэтъ, если бы записалъ дословно всѣ эти легенды и разсказы, какъ они живутъ въ устахъ народа.

Въ поискахъ за «Гусомъ» Шевченко припоминалъ нѣкоторыя мѣста изъ этой поэмы и мурлыкалъ ихъ про себя; но и то, что можно было разслышать, давно улетѣло изъ памяти моея. Помню, что, живши еще у о. Ефима Ботвиновскаго, онъ записалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги слѣдующіе стихи изъ тирады о папѣ:

Я на апостольскомъ престолѣ
 Чернецъ годованый сидѣть.
 Людскою кровью винъ шинкуе
 Я рай у найми отдае...
 О милый Боже! Судь твѣй все
 Я все царствіе твое.

По поводу тѣхъ же поисковъ случилось Тарасу Гр. познакомиться съ столоначальникомъ кievской консисторіи, Даниломъ Кирилловичемъ Поставскимъ и узнать отъ него много малорусскихъ анекдотовъ, которыхъ онъ прежде никогда не слыхалъ. Въ числѣ ихъ особенно заинтересовалъ его анекдотъ о молодой канонархинѣ женскаго монастыря, посредствомъ припѣвовъ къ стихирамъ передававшей своей подругѣ вѣсть объ ожидающемъ ее свиданіи. Передавая мнѣ этотъ анекдотъ во время прогулки по Крещатику, Тарасъ Гр. до того увлекался имъ, что, забывая о проходящей публикѣ, далеко не вполголоса напѣвалъ: «Мене ждуть праведници, а тебе, Палажко, на гори семинаристы ждуть, дендеже» и проч.

Случилось мнѣ за короткое время моего знакомства съ Тарасомъ Григорьевичемъ быть съ нимъ вмѣстѣ на одномъ семейномъ обѣдѣ, а въ другой разъ на скромномъ гуляньи на Оболони близъ Почайны. Радунѣйшій хозяинъ, пригласившій Тараса Григорьевича на обѣдъ, пожелалъ выдержать всѣ предковскія церемоніи уго-

щений, поѣтому пили «стуканця» настоящей запеканки на калганѣ и бад-
 дянь, пили до борщу и послѣ борщу, пили потому, что рыба въ
 водѣ плавала и потому, что она воду любила, полоскали зубы и на
 потуху пили. День былъ нестерпимо жаркій, въ комнатѣ духота;
 къ концу обѣда Тарасъ Григорьевичъ видимо ослабѣлъ. Когда по-
 томъ замужня дочь хозяина сѣла за фортепянь и подѣ аккомпанимань
 его заплѣла общеупотребительныя тогда „*Віють вітри*“ и „*Хавъ
 козаць за Дунай*“ (изданій народныхъ пѣсенъ съ музыкою тогда
 совсѣмъ еще не было), онъ сталъ непринужденно и съ нѣкоторымъ
 раздраженіемъ высказывать свое неодобреніе всему этому наслѣдію
 гр. Сарти и другихъ италіанско-малорусскихъ композиторовъ,
 а когда добродушнѣйшая хозяйка угостила насъ въ заключеніе такую
 варенуху, какая подавалась развѣ въ гетманскихъ и полковничьихъ
 будынкахъ, то великій поэтъ превратился въ самаго слабаго смерт-
 наго, утратилъ всякое самообладаніе и соображеніе, такъ что не
 только о. Ефимъ успѣшилъ увезти его на квартиру, но и готовив-
 шаяся въ тотъ день поѣздка за Днѣпръ не могла состояться. Со-
 всѣмъ иначе прошло чаепитіе на Почайнѣ, устроенное молодыми
 почитателями таланта Шевченка изъ чиновничьяго и педагогиче-
 скаго кружковъ. Компанія была не^большая; собрались люди близкіе;
 пили чай, расположившись на травѣ и вели бесѣду о прелестяхъ
 кievской природы и Украины вообще, о минувшихъ временахъ, о
 богатствѣ народной поэзіи, о необходимости собирать памятники
 народнаго творчества и пр. и пр. Ничего лишняго не было ни въ
 рѣчахъ, ни въ угощеніи; вечеръ прошель живо и закончился об-
 щимъ удовольствіемъ. Дорогой нашъ гость былъ сначала задумчивъ
 и молчаливъ; потомъ мало по малу разговорился, восхищался Днѣ-
 промъ, Почайной, видомъ Кіева, Андреевской церкви, Щекавицы,
 а когда солнце скрылось за горами, легкій туманъ пошелъ по
 Оболонью и вверху на чистомъ небѣ стали показываться то тамъ,
 то сямъ ярко свѣтившія звѣзды, Шевченко, стоя лицемъ къ западу,
 своимъ чистымъ, серебристымъ, чуть-чуть дрожавшимъ голосомъ
 заплѣла свою любимую пѣсню: «*Ой зійди, зійди, ти вечірняя зі-
 ронько...*». И пѣлъ онъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ глубо-
 кимъ чувствомъ, что звуки этой пѣсни и теперь, спустя 26 лѣтъ,
 отдаются въ моихъ ушахъ. Воздухъ постепенно свѣжѣлъ; августъ
 давалъ себя знать и мы успѣшили по домамъ.

Отъѣздъ Шевченка изъ Кіева въ Петербургъ послѣдоваль такъ скоро и неожиданно, что я не могъ ни проститься съ нимъ, ни проводить его. Изъ Петербурга онъ прислалъ мнѣ свою фотографію, снятую Гудовскимъ, и два экземпляра вышедшаго тогда «Кобзаря». Другой экземпляръ онъ просилъ меня передать проф. Н. Д. Иванишеву, его такъ сказать сослуживцу по комисіи для разбора древнихъ актовъ. Покойный Иванишевъ, рядомъ съ которымъ я квартировалъ, принялъ подарокъ Шевченка съ обычнымъ своимъ зольствомъ, по которому онъ ради краснаго словца не щадилъ иногда и роднаго отца.

— А, это нашъ славный поэтъ! Скажите, какую толстую книгу написаль. Видно, тамъ не даромъ его фухтелями угощали. Въ сущности вѣдь пьянчужка былъ. Право. Какъ-то онъ обѣдалъ у меня. Я, самъ вы знаете, ни ядца, ни пѣйца; ну, и ему много не даю, зная его страстишку. Послѣ обѣда приглашаю его въ мой садикъ, а онъ отказывается, лучше говорить, книжку почитаю. Пока я погулялъ не много, а онъ тутъ весь графинчикъ осушилъ.

Я не возражалъ многоученому профессору, зная довольно уже его натуру и то, что за эгими язвительными словами у него скрываются самыя вѣрныя о людяхъ сужденія, которыхъ онъ однако въ большей части не имѣлъ привычки высказывать.

Прошло болѣе полутора года; я готовился начать семейную жизнь. Въ это именно время привезли въ Кіевъ покойнаго уже Шевченка. Мнѣ было тогда не до похоронъ и не до проводъ; я едва могъ побывать на отпѣваніи и проводить гробъ до парохода. Отъ того и воспоминаній у меня объ этомъ времени осталось не много. Были у меня В. Гр. Шевченко и художникъ Честоховскій въ ту пору, когда гробъ покойнаго остановленъ былъ за Днѣпромъ, и толковали со мною и братомъ о какихъ-то затрудненіяхъ, представившихся для провоза тѣла чрезъ Кіевъ, и о мѣстѣ погребенія, которое окончательно избрали близъ Канева. Не помню, сколько дней гробъ Шевченка простоялъ въ Кіевѣ, но при провозѣ его по набережному шоссе изъ-за Днѣпра къ церкви Рождества Христова и обратно къ пароходу собирались огромныя массы народа, да и вообще въ тѣ дни въ Кіевѣ было значительное оживленіе и возбужденіе въ вѣкоторыхъ кружкахъ. При отпѣваніи церковь была переполнена, Александровская улица запружена самою разнообразною

публикою. Нигдѣ, кажется, нѣтъ населенія столько любопытнаго и охочаго до зрѣлицъ, какъ въ Кіевѣ; поставь только гдѣ-либо будочника и сей часъ соберутся толпы. Простой народъ совсѣмъ не могъ понять, если ему кто и объяснял, что такое поэтъ и за что ему такая честь. Иной десятскій или жандармъ на докучливые вопросы называлъ покойника просто генераломъ. И въ людяхъ понимающихъ не обошлось безъ комичныхъ сценъ. Пришелъ на отпѣваніе учитель гимназіи изъ евреевъ и, стоя у гроба, съ покиваніемъ головы и вздохомъ говорилъ сосѣду: «Нема насого Тараса!» Семинаристы, забравшіеся на клирость, не нашли чѣмъ другимъ заявить своей симпатіи отпѣваемому поэту, какъ затаивъ въ концѣ «*Вѣчная память*»... Одинъ студентъ, говорившій рѣчь на шоссе, величалъ поэта всевозможными именами: «*Тя* нашъ батьку, учителю, пророче». При послѣднемъ словѣ баба-торговка, внимательно слушавшая рѣчь, цюнула со злостью и сказавши: «отъ, ка-зна що говоритъ», ушла домой. Другой студентъ, взлѣзшій на колесо, до того сконфузился и запутался, что не могъ кончить рѣчи. Большая возня была, когда пришлось наконецъ по ту сторону цѣпнаго моста спустить гробъ съ высокой насыпи къ пароходу; простыхъ рабочихъ тутъ не случилось, а почитатели таланта поэта не могли оцѣпить гробъ веревками. Замѣтивъ это, я отдалъ мой зонтикъ и шляпу стоявшему подлѣ меня племяннику Тараса, моему односельцу, Олексѣ Красицкому, а самъ взобрался на верхъ гроба, обвязалъ его съ помощію другихъ вокругъ, затаивъ узелъ съ двумя длинными концами и затѣмъ оглянулся съ высоты, ища глазами Олексы. Онъ въ свою очередь слѣдилъ за мною, боясь потерять меня изъ виду, и, лишь только мы встрѣтились глазами, какъ онъ, потрясая поверхъ головы зонтикомъ и шляпой, во все деревенское свое горло закричалъ: «Паньчу! Ось, ось!» Это привлекло къ нему общее вниманіе и вызвало смѣхъ вокругъ.

Незадолго до привоза тѣла Шевченка въ Кіевъ пришлось мнѣ проѣхать на родину и быть въ послѣдній разъ у о. Григорія и Ксеніи Прокопьевны Кошицовыхъ. Дошла и туда вѣсть о смерти жившаго нѣкогда у нихъ Тараса и о томъ, какъ чествовали его по смерти. О. Григорій и теперь не могъ признать въ своемъ бывшемъ наймитѣ какого-то безсмертнаго поэта и судилъ объ немъ только по воспоминаніямъ, какъ о простомъ работникѣ.

— Не знаю, за що ^{його} його такъ ^и выславили. ^Етъ, такъ ледащо собі було, закончилъ онъ.

А добродѣтельнѣйшая Ксенія Прокопѣвна относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ, и теперь вполне любовно и списходительно.

— Вѣчный покой души его, царство ^{його} ему небесное, говорила она. Робивъ винъ ^и у насъ скільки литъ; не дуже, правда, охочій бувъ до роботи ^и трошки такъ упартій, а все жъ працювавъ для насъ, ^и їздивъ зъ нами, побивався по дорогахъ зъ Ясемъ, худіючки доглядавъ. Пошли ^{його} ему, Господи, царство небесное!

Послѣ распродажи имущества Т. Гр. Шевченка пересланъ былъ мнѣ изъ Петербурга лѣтній парусинный костюмъ его, который и доселѣ хранится у меня.

— О. Лобода.

Еще свѣдѣнія о «дикомъ попѣ».

Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г. (т. XIV, стр. 821—826) сообщены были довольно пространныя свѣдѣнія о «дикомъ попѣ», но основанныя, повидимому, на одномъ преданіи, и потому происхождение интересной личности священника Кирилла Тарловскаго по прежнему осталось невыясненнымъ. Въ № 63 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ г. Дорошенко далъ новыя свѣдѣнія о Тарловскомъ, говоря, что свѣдѣнія эти сообщены ему «глубокимъ старикомъ Ф. И. Д—скимъ, почерпнувшимъ ихъ изъ устъ козелецкихъ старожилонъ и изъ писемъ Тарловскаго къ своему зятю». Вотъ эти свѣдѣнія.

«Тарловскій былъ уроженецъ города Козельца, черниговской губерніи. Не смотря на то, что онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, отецъ его былъ священникомъ при козелецкой Николаевской церкви. Образование Тарловскій получилъ въ кіевской духовной академіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ во священники: былъ сперва при козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ), а затѣмъ, по смерти отца, занялъ его мѣсто при Николаевской церкви. Здѣсь однако онъ пробылъ не долго. Въ 1744 году, по пути въ Кіевъ, Козелецъ посѣтила императрица Елисавета Петровна. Къ ея приѣзду на берегу Остра (на мѣстѣ ны-

нѣшняго городского училища) былъ выстроенъ небольшой деревянный дворецъ. Въ этомъ скромномъ помѣщеніи, съ необычайною простотою и таинственностью, Тарловскій, какъ говорятъ преданіе, сочеталъ императрицу бракомъ съ извѣстнымъ графомъ А. К. Разумовскимъ. Выѣзжая изъ Козельца, Елисавета взяла о. Кирилла съ собою въ Петербургъ и опредѣлила его учителемъ и духовникомъ къ недавно прибывшей въ Россію принцессѣ Ангальтъ-Цербтской, будущей императрицѣ Екатеринѣ II. Достигнувъ такого высокаго положенія, Тарловскій не забывалъ ни своей довольно многочисленной родни, ни бывшихъ своихъ прихожанъ и, по возможности, старался помогать тѣмъ и другимъ. Когда въ 1752 г. во время сильнаго пожара деревянная Николаевская церковь сгорѣла, Тарловскій поспѣшилъ къ бывшимъ «парахвіанамъ» съ денежною помощію и практическими совѣтами. Письма его къ козельчанамъ долгое время хранились при Николаевской церкви и нѣкоторое время были въ рукахъ Ф. И. Д—скаго. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ назадъ они соблазнили кого-то добротностью своей бумаги и были употреблены на оклейку потолка.

Со смертію императрицы Елисаветы, положеніе Тарловскаго при дворѣ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Спасаясь отъ придворныхъ интригъ, онъ бѣжалъ наконецъ въ привольныя приднѣпровскія степи, гдѣ долго скитался, переноса всяческія лишенія, неразлучныя съ жизнью въ почти безлюдныхъ степяхъ. Наконецъ какимъ-то образомъ онъ попалъ въ руки запорожцевъ. Въ своемъ рапортѣ сѣчевому начальству они отрекомендовали его «дикимъ попомъ»—и это названіе осталось за нимъ на всегда. Тарловскій былъ доставленъ въ Сѣчь и, какъ видно, понравился *братчикамъ*, которые пригласили его священствовать въ ихъ сѣчевой церкви. Въ этой должности о. Кириллъ пробылъ не долго. Не понравилась ли ему разгульная жизнь *сичеваго товариства*, или считалъ онъ себя здѣсь не вполне безопаснымъ отъ петербургскихъ враговъ, но только вскорѣ онъ наконецъ покинулъ гостепріимное Запорожье и снова пустился *блукать* по степямъ новороссійскимъ. Во время этихъ блуканій случай свелъ его съ знаменитымъ разбойникомъ прошлаго вѣка Семеномъ Гаркушей. Говорятъ, что, благодаря убѣжденіямъ Тарловскаго, Гаркуша будто бы раскаялся и кончилъ жизнь честнымъ человѣкомъ.

По зруйнованнѣ Сѣчи запорожской, въ Новороссійскій край прибылъ въ качествѣ администратора прежній пріятель Тарловскаго, генераль Чертковъ. Узнавъ объ этомъ, о. Кирилль явился къ нему, былъ имъ ласково принятъ и надѣленъ обширными помѣстьями. Обезпеченный такимъ образомъ съ матеріальной стороны, Тарловскій вызвалъ изъ Козельца свою родню и окончилъ жизнь въ энергической дѣятельности по колонизаціи южной части Новороссійскаго края.

Не смотря на то, что Тарловскій большую часть жизни провель вдали отъ родины, память о «дикомъ попѣ», вѣнчавшемъ царицу съ Разумовскимъ, жива была въ козельчанахъ еще весьма недавно. Въ ризницѣ козелецкой соборной рождество-богородичной церкви до нынѣ хранится портретъ дикаго поца, писанный на полотнѣ маслянными красками. Тарловскій изображенъ во весь ростъ; стоя у открытаго окна, онъ правой рукой опирается на какую-то книгу, лежащую на маленькомъ, изящномъ столикѣ. Наружность о. Кирилла довольно симпатичная: выразительная, нѣсколько строгая фізіономія, правильный носъ, приподнятыя брови, не большая, сѣдовая борода. Одѣтъ Тарловскій въ шелковую темно-зеленую рясу. Подписи, на сколько помню, не имѣется».

На сколько козелецкое преданіе вѣрно въ своихъ подробностяхъ, рѣшить пока нельзя; но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія г. Дорошенка интересны тѣмъ, что собраны на родинѣ Тарловскаго, гдѣ мѣстные старожилы должны сохранять о послѣднемъ, какъ объ интересномъ землякѣ, болѣе достовѣрную память, чѣмъ въ Екатеринославѣ. Козелецкое преданіе ни слова не говоритъ о военной службѣ Тарловскаго и, кажется, вполне основательно, такъ какъ сыну козелецкаго священника естественнѣе было сразу стать священникомъ же, безъ посредства гвардейской будто бы службы. Нельзя также сразу отвергать преданія и о томъ, что Тарловскій вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну... Вѣдь свѣдѣніе о вѣнчаніи ея въ подмосковномъ селѣ Перовѣ (Семейство Разум., т. I, стр. 19—20) основано тоже на одномъ преданіи, при чемъ прибавка г. Васильчикова, что «нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянской», основывается, какъ видно, на одной догадкѣ. А можетъ быть, что обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ и въ Перовѣ, но не Дубянскимъ, а именно Тарловскимъ... Во всякомъ случаѣ козелец-

кое преданіе о происхожденіи «дикаго попа» значительно выдвигаетъ личность послѣдняго изъ того тумана, которымъ она до сихъ поръ окружена.

А. Л.

Къ исторіи рода Свѣчекъ.

Умѣла наживаться малороссійская козачья старшина XVII и XVIII ст. и составлять себѣ крупныя «маетности». Какойнибудь хорунжій, есауль, либо сотникъ выпросить у полковника или гетмана никѣмъ не занятое «мѣстце», впускѣ лежащую нивку или гаекъ, позволеніе устроить гдѣ либо на рѣчкѣ греблю и поставить «млинь», пустить на свою земельку захожихъ людей и пойдетъ прихватывать къ ней близъ лежащіе грунты, лѣски и нивы, покупая ихъ за безцѣнокъ или прямо отнимая у простыхъ козаковъ. Глядишь, лѣтъ черезъ 10—20 является у него нѣсколько сотъ и тысячъ десятинъ земли, а поселившіеся на ней люди оказываютъ ему «послушенство» въ работахъ. По мѣрѣ повышенія въ войсковыхъ должностяхъ, это изъ ничего возникшее земельное достояніе увеличивается пожалованіями цѣлыхъ селъ и хуторовъ за службу и на «рангъ» и является крупное состояніе, занимавшее иногда половину и болѣе нынѣшняго уѣзда, а потомки безвѣстнаго лица образуютъ богатый и знатный родъ. Такимъ путемъ выдвинулся сильный и богатый нѣкогда родъ Свѣчекъ, и мы имѣемъ документальныя свѣдѣнія объ одномъ изъ непривлекательныхъ эпизодовъ ихъ обогащенія.

До появленія Богдана Хмельницкаго, прогнавшаго польскую шляхту изъ предѣловъ Украйны, неограниченнымъ владыкою Лѣво-бережья былъ знаменитый князь Іеремія Вишневецкій, имѣвшій свою главную резиденцію въ г. Лубнахъ. Отсюда, по мановенію его перста, разсылались за сотни верстъ универсалы, наполнявшіе плодородную, но пустынную страну жизнью, создававшіе новыя поселенія. Незадолго до хмельниччины Вишневецкій обратилъ вниманіе на одно живописное мѣсто на берегу р. Удая, находившееся между двумя его маетностями: Пирятинномъ и Куринькою и называвшееся Кручою, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ былъ очень крутъ, и задумалъ устроить здѣсь греблю и мельницы. Уже свезенъ былъ весь необходимый для этой цѣли матеріаль, но

загрѣло оружіе въ Украинѣ и Вишневецкому было не до кручанской гребли.

Послѣ хмельниччины часть маестностей Вишневецкаго вошла въ составъ пирятинской сотни лубенскаго уѣзда и при Самойловичѣ была захвачена приближеннымъ къ нему переяславскимъ полковникомъ, Леонтіемъ Артемьевичемъ Полуботкомъ. По изложеніи Самойловича, Полуботокъ впалъ въ немилость новаго гетмана, Мазепы; этимъ воспользовался Леонтій Назаровичъ Свѣчка и началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣдѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть. За три года своего полковничества Свѣчка сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни.

Въ 1682 году, будучи еще полковымъ лубенскимъ есауломъ, Леонтій Свѣчка осуществилъ намѣреніе князя Вишневецкаго относительно «мѣста Кручи», устроилъ, съ разрѣшенія лубенскаго полковника, Максима Ильяшенка, греблю и поставилъ мельницу объ одномъ колесѣ; въ 1685 году ему было разрѣшено устроить при этой мельницѣ другое колесо, ступное.

Сдѣлавшись полковникомъ лубенскимъ, Леонтій Свѣчка не удовольствовался кручанской греблей и вынудилъ у пирятинскихъ мельниковъ себѣ согласіе на устройство весенней мельницы или вешняка, «на гаткахъ въ Зарѣчѣ, гребли пирятинской»; но ему только и нужно было это согласіе, получивши же его, онъ устроилъ пять колесъ, которыми работалъ круглый годъ. Такое самоуправство, а также то обстоятельство, что кручанская гребля сильно поднимала уровень воды, такъ что приходилось другимъ перестраивать свои мельницы, крайне возмущали пирятинскихъ мельниковъ; но, конечно, при жизни могучаго полковника, имъ и въ голову не приходило жаловаться на него расположенному къ нему гетману Мазепѣ. Послѣ смерти Леонтія Свѣчки, послѣдовавшей въ 1699 году, и паденія Мазепы, пирятинскіе мельники тотчасъ же «ускажились» новому гетману Скоропадскому на самоуправство покойнаго полковника и просили разслѣдовать дѣло. Гетманъ послалъ въ Пирятинъ для «очевиднаго разсмотрю и розыску» Ивана Сулиму, хорунжаго войсковаго генеральнаго, и Василя Велецкаго, гадяцкаго полковаго

судью, которые удостовѣрились, что вдова Леонтія Свѣчки, Домникія, продолжаетъ самоуправно молоть круглый годъ, а потому запретили ей дѣлать это впредь. О результатахъ осмотра было доведено до свѣдѣнія гетмана и онъ выдалъ въ обозѣ подь с. Бѣлоусовкою, 5 мая 1711 года, универсалъ на имя лубенскаго полковника и пирятинскаго сотника, разрѣшавшій дѣло въ пользу пирятинскихъ мельниковъ. Получивши универсалъ, мельники отправились совмѣстно съ горожанами пирятинскими къ сыну Леонтія Свѣчки, Лукьяну, объявили ему о полученномъ универсалѣ и, когда тотъ пришелъ съ ними «до згоды», записали о его согласіи исполнять универсалъ въ городскую книгу «зъ притисненіемъ звиклой печати городовою ратуша пирятинскаго». Но, видно, эта «згода» ни къ чему не привела, такъ какъ уже въ 1715 году въ полковой лубенской канцеляріи былъ полученъ гетманскій универсалъ, въ которомъ говорилось, «иже многокrotnie уже стужаютъ и стужали намъ своими жалобливими донесеніями всѣ обче мелники пирятинскіе, ускаржаючи на пана Лукьяна Свѣчку», который, не довольствуясь вешнякомъ на пирятинской греблѣ, устраиваетъ новую мельницу на кручанской греблѣ; гетманъ угрожалъ Свѣчкѣ, въ случаѣ, исполненія имъ своего намѣренія, штрафомъ въ 2000 таларой. Но и этотъ универсалъ не подѣйствовалъ на Свѣчку, пришлось гетману обратиться къ послѣднему съ личными увѣщаніями. Въ 1715 году лѣтомъ Скоропадскій послалъ Свѣчкѣ слѣдующій листъ:

„Пане Свѣчка. Удивлятися непомаду мусимъ такому твоему глупому и неразумному поступку, же у полтора року ледве до насъ показалесь былъ очи, а потомъ, днєвъ два чили три забавившись, звернулесь хороговъ и безъ вѣдома нашего уехалесь тайно ку дому, а до того зъ леугоумия своего, противно зверхности нашої поступаючи, не выдаешъ, по давнему обикновенію, зъ сель своихъ людей для гаченя греблѣ, подь мѣстомъ Пирятиномъ будучои, яке твое леугоумие не малую въ насъ ку тобѣ побужаетъ уразу, бо уже часъ бы, оставивши дурность, знати свое належное званіе, и не иначе мусимъ зъ тобою впредь поступовати, ажъ хіба зискавши, когда прилучится знову быти въ походѣ. кажемо тебе пилновати умислне, а теперъ пилно подь неласкою нашою приказуемъ, абьсь людей своихъ по давнему для гаченя греблѣ пирятинской не боронилъ, бо если бысь еще въ томъ мѣлъ быти противенъ, то не тилко млини твои кажемо позапечатовати, але маєтностей позбудешъ, декларуемъ. Зъ обозу одъ Макошина, іюля 22. 1715 року. Иванъ Скоропадскій гетманъ рукою власною“

И этотъ «листь», видно, не усکромилъ Свѣчку, въ слѣдующемъ году Скоропадскому пришлось писать къ нему новый «листь» слѣдующаго содержания:

«Свѣчко неразумній. Не зъ чего иншого, тилко зъ твоеи легкомыслности и крайнего неразсудку, походитъ тое, же ты, бынамнѣй указовъ нашихъ не слушаючи и не исполняючи онихъ, не тилко млиновъ, на гаткахъ ку шкодѣ старои греблѣ пирятинской безправне и самоволне построениихъ, не хочешъ зносити и безчережно всегда мелешъ, але еще зъ низу кручанскою своею греблею наплавною, а не стародавною, чинишъ подтопъ, закартовавши тертицами яловій спустъ, на которій свободно вода бивало идетъ, а къ тому хочешъ насилно, ку большой шкодѣ тоей же греблѣ пирятинской, и еще вновъ на иловомъ лотоцѣ на греблѣ кручанской строити клѣтку, зъ якихъ своихъ легкомыслихъ поступковъ, самъ будучи въ винѣ, чинишъ похвалки на Ходолѣя—то бити, то словомъ шпиговати, не уважаючи наконецъ, жеби напередъ тобѣ не словомъ, але чимъ иншимъ не нашпиговано; разсудилъ бись, если мѣшешъ разумъ, што цѣле неслухне, безъ вѣдома и волѣ гетманской, построени млины на гаткахъ, поневажъ покойный отецъ твой упросился у мельниковъ пирятинскихъ, еще будучи полковимъ есауломъ, построить межи ихъ млинами одно толко коло, зъ такимъ договоромъ, жеби оное не всегда мололо, лечъ въ тотъ часъ, когда избилно биваетъ воды, а и то въ чергу, якое постеновление, и на писмѣ выраженное, презентовали нкмъ номинутие мельники; досить биложъ уже тобѣ нашего и на писмахъ упомянена и черезъ висланихъ нашихъ, якие Каменозатонского походу по жалобѣ тихже мельниковъ били ординовани, же бись конечно млины, на гаткахъ построение, позносилъ, аже ты, якъ вуль на рогатину пручися, и по сей часъ онихъ не зносишъ, да еще и вновъ строити збираешся, прето для всеконечного погамована твоего зухвалства, за которое повелѣвши тобѣ приминути въ Глуховъ, учинимъ наказание, видалисмо мельникамъ пирятинскимъ унѣверсаль, позволяючи, зъ помощью старшини тамошнеи, тие твои, не слухне построение, млины роскидати и пречъ зъ мѣсца позносити, тобѣ зась сурово грозимъ и приказуемъ, абись болше онихъ тамъ реставровати и держати не важился, бо если бись мѣлъ еще стояти при упорѣ, то вѣдай певне, же иншихъ млиновъ, а безъ мала и маетностей не позбудешъ, декляруемъ. Съ Глухова, августа 29, року 1716»¹⁾).

¹⁾ Приведенные здѣсь документы хранятся въ копіяхъ середины XVIII вѣка въ усадьбѣ „Отрада“ пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, принадлежащей графинѣ Е. П. О'Руркъ и были любезно предоставлены въ наше распоряженіе графомъ Н. М. О'Руркомъ.

Отмѣтимъ любопытный фактъ: на пирятинской греблѣ теперь нѣтъ ни одной мельницы, а на кручанской, въ шести верстахъ внизъ по Удаю отъ г. Пирягина, и по нынѣ работаетъ четыре мельницы.

Н. Стороженко.

Замѣтка къ статьѣ «о шелудивомъ Бунякѣ».

Въ Дрогичинѣ на Западномъ Бугѣ я слышалъ нынѣшнимъ лѣтомъ преданіе, которое очевидно происходитъ изъ одного источника съ галицкой легендой, рассказанной въ статьѣ г. Кузмичевского «О шелудивомъ Бунякѣ» («Кіев. Стар.», августъ, 1887 г., стр. 693). Однажды мальчикъ заблудился въ подземельѣ дрогичинской замковой горы, отыскивая шапку, заброшенную туда шалуномъ-товарищемъ. Чортъ, сторожившій въ подземельѣ сундукъ съ золотомъ, сжалился надъ мальчикомъ и не только возвратилъ ему шапку, но и позволилъ наполнить ее червонцами. Тогда завистливый товарищъ нарочно забросилъ свою шапку въ тоже подземелье и попалъ ею какъ разъ въ сундукъ съ кладомъ. Но когда онъ сталъ наполнять шапку червонцами, сундукъ захлопнулся и отрубилъ голову мальчика. Замѣчательное сходство обѣихъ легендъ, червоно-русской и дрогичиной, наводитъ на мысль, что онѣ родились до разьединенія волынско-галицкаго великаго княжества.

Н. Авенаріусъ.

Народное преданіе о взятіи Бендеръ.

Крѣпость Бендеры — старая крѣпость. Це не нашъ царь стровивъ, кажутъ, турецкій. Скильки тамъ міру ввести можна, сила! Тильки, розказують, якъ нашъ, значить, царь їи бравъ у туркивъ, то довго не могли наши взять їи, бо у туркивъ була чаривниця. Сидить вона соби на стовпи, що стоять на площади въ Бендерахъ и теперь (я самъ ёго бачивъ), сидить, кажу, та й вертае уси кули руськихъ на нихъ же. Узнали про це наши. Найшовся одинъ салдаты и каже, що я, значить, могу їи вбити (мабутъ винъ зъ нечистымъ знався). Царь позволивъ. Салдаты каже до своихъ: «отъ тильки

выстрѣлю, то вы заразъ накройте мене, бо якъ не накроете, то и самъ згину»; зарядивъ ружжо, та ѿ чекае. Видьма узнала про цее и хоче злизти изъ стовпа; а у неи була мати, тожъ видьма; ось стара и каже: «сиди, дурна, ще не народився такій, що тебе подужае». Дочка послухала, знову сидить, та ѿ кули вертае. Нашъ салдатъ побачивъ, та ѿ выстрелив; выстреливъ и вбивъ видьму, тильки наши не поспили ёго накрыть и салдатъ пропавъ.

(Записано Квятковскимъ отъ крестьянина, въ поѣздѣ одесской желѣзной дороги).

„Писанный крестъ“.

На юго-западной оконечности Волыни, въ кременецкомъ уѣздѣ, при с. Верещакахъ, въ 7 или 8 верстахъ отъ м. Збаража, находящагося въ Галиціи, среди распаханнаго поля одиноко стоитъ давно забытый крестъ на полуосунувшейся могилѣ какого-то героя, павшаго въ одной изъ кровопролитныхъ битвъ, которыми такъ извѣстна въ исторіи эта мѣстность. Крестъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ «писаного», и рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не знаетъ объ немъ. Такихъ памятниковъ въ томъ краѣ разсѣяно много въ разныхъ мѣстахъ по полямъ, лѣсамъ, горамъ, городищамъ и дубровамъ. Кѣмъ и когда они поставлены, память въ народѣ объ этомъ потеряна, и изъ оставшихся преданій въ рѣдкихъ случаяхъ можно вывести сколько нибудь опредѣленныя заключенія о времени и обстоятельствахъ появленія крестовъ. Крестъ, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ надпись; но и она не уцѣлѣла и остались лишь слова: *атаманъ рабъ Бо... Б...ий*. Изъ разспросовъ на мѣстѣ удалось узнать не многое. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ крестъ стоитъ, находился большой дубовый лѣсъ; затѣмъ лѣсъ этотъ вырубленъ, расчищенъ, а земля, бывшая подъ лѣсомъ, засѣяна хлѣбами. Когда мы осматривали эту мѣстность, крестъ находился среди посѣвовъ пшеницы, а холмъ, на которомъ онъ водруженъ, отъ распашки рассунулся и почти сравненъ съ землей, такъ что среди густой и рослой пшеницы крестъ мы могли найти только съ помощью лица, хорошо ознакомленнаго съ мѣстностію. Это былъ 70-ти лѣтній старикъ,

крестьянинъ села Верещакъ, по имени Лукьянъ (прозвище запомнилъ). Лукьянъ помнитъ время, когда крестъ стоялъ на небольшой полянѣ въ глубокомъ лѣсу; холмъ подъ нимъ былъ гораздо выше, но надпись была въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Кстати Лукьянъ грамотенъ; онъ говоритъ, что отецъ его, жившій болѣе 70 лѣтъ и дѣдъ, такой же долговѣчный, знали «писанный» крестъ такимъ же, а дѣдъ прибавлялъ, что на томъ мѣстѣ давно когда то была большая битва. Вотъ и все.

Исторически извѣстно, что во время козацкихъ войнъ Богданъ Хмельницкій осадилъ въ Збаражѣ польское войско и что при этой осадѣ было убито не мало козацкихъ старшинъ, въ томъ числѣ и атаманъ Бурляй. Очень вѣроятно, что могила, на которой стоитъ «писанный» крестъ, принадлежитъ кому нибудь изъ атамановъ Хмельницкаго, а можетъ быть и самому Бурляю.

Въ полуверстѣ отъ креста проходитъ австрійская граница; дорогъ вблизи креста теперь нѣтъ; но старики говорятъ, что очень давно не вдалекѣ отъ креста пролегалъ Збаражскій шляхъ; вѣроятно, дорога эта уничтожена, когда по присоединеніи края къ Россіи проводили кордонную линію между Австріей и Россіей и уничтожили по границѣ лишнія дороги.

Весьма интереснымъ при этомъ представляется слѣдующее совпаденіе. Въ нашемъ краѣ ходитъ по рукамъ много рукописей, подъ названіемъ запорожскихъ, въ которыхъ содержится описаніе мѣстъ, гдѣ зарыты клады. Одна изъ нихъ была издана въ 1856 г. въ Кіевѣ, и въ ней есть такая запись:

«На Верещаки Вышніи зъ Полци иде шляхъ на Субботово, мимо козацкій яръ; а яръ буде у лѣву сторону отъ шляху, а шляхъ по-надъ ярѣмъ близъ, и такъ иде по-надъ велькымъ ярѣмъ, то прійде зъ велького яру малый вершиною до шляху, и тыею вершиною пиды у диброву; увошедши уже у велькій! той яръ, стань и смотри на низъ до луки, и гляди, надъ лукою стоитъ дубъ товстый; отъ дуба на лугъ пять ступеней большихъ крестъ съ тогожь боку, а то бачъ гробъ; на гробѣ крестъ написанный. Добыча!»

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что запорожская рукопись имѣетъ въ виду тотъ самый писанный крестъ, которому мы посвятили настоящую замѣтку.

О. К.

Небесные архистратиги во образѣ запорожцевъ.

Екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, въ селѣ Аеанасьевкѣ, рядомъ съ недавно построенною каменною церковью стоитъ старая деревянная, сложенная изъ толстыхъ дубовыхъ брусевъ, сооруженная еще въ 1782 году полковникомъ запорожскаго войска Аеанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ. Это тотъ самый Колпакъ, который въ послѣдніе годы существованія Запорожья велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній. Онъ вышелъ изъ этой борьбы счастливымъ своего запорожскаго начальства.—по разореніи Сѣчи, зачисленъ въ полтавскій пикинерный полкъ подполковникомъ, получилъ по отводу обширныя земли и основалъ на нихъ слободу своего имени, а въ ней устроилъ приходъ съ церковью.

Церковь эта незначительныхъ размѣровъ, въ формѣ креста, съ небольшимъ крылечкомъ, и не отличается ни архитектурою, ни богатствомъ ризницы, кромѣ развѣ своего иконостаса, современнаго построенію церкви. Иконостасъ пяти-ярусный съ рѣзбою и позолотою; письмо на иконахъ для того времени очень тонкое и искусное. Нѣкоторыя изъ иконъ отъ времени, солнца и сырости пострадали въ такой степени, что трудно опредѣлить, что на нихъ изображено. другія отлично сохранились и свидѣлствуютъ объ искусствѣ живописца. Въ срединѣ иконостаса, выше царскихъ вратъ, утверждень большой образъ Господа Вседержителя, а у престола его позади справа архангелъ Гавріиль, а съ лѣва архистратигъ Михаилъ, и оба эти начальники небесныхъ силъ изображены въ видѣ запорожцевъ, Михаилъ явственно даже въ смушевой шапкѣ и съ мечемъ.

Что за дикая фантазія? спросить читатель.—Прежде всего, можно думать, здѣсь проглянуло высокое сознаніе о себѣ запорожцевъ, что они, всесвѣтныя «лыцари» на морѣ и на сушѣ, достойны охранять престолъ Господа Вседержителя; но вѣрнѣе, кажется, предполагать здѣсь ту мысль, что запорожцы несутъ къ престолу Господню свою завѣтную храбрость и отвагу и готовы сложить головы за имя Его. Если сопоставить впрочемъ стоящихъ здѣсь на стражѣ у престола Господня запорожцевъ съ малороссійскими козаками вообще, которые, какъ удалось намъ прочесть въ одной рукописи

XVII ст., отгоняють отъ креста Іисуса Христа распинающихъ его поляковъ и жидовъ, то внутренній смыслъ названнаго выше изображенія получаетъ новый оттѣнокъ національнаго сознанія своей близости къ Богу и угодности Ему сравнительно съ мучителями христіанскаго рода въ данную пору ляхами и жидами, а также сосѣдями бусурманами. Уцѣлѣвшія другія изображенія въ этомъ родѣ, а также нѣкоторыя произведенія старинной нашей письменности, указываютъ на присущую нашимъ предкамъ особую склонность къ антропоморфизму, стремленіе приблизить себя къ божественному, низвести оное въ кругъ обыденныхъ своихъ образовъ и представленій, чтобы яснѣ видѣть и понять недоступное уму. Изъ иконъ сего рода извѣстны: образъ Покрова Божіей Матери въ ново-московскомъ соборѣ, гдѣ въ качествѣ осѣняемыхъ изображена запорожская старшина, такой же образъ, бывшій въ покровской церкви г. Переяслава, съ изображеніемъ вверху группы малороссіянъ и великороссіянъ, а внизу Петра Великаго съ Екатериною I и Мазепы съ храмоздателемъ полковникомъ Мировичемъ, образъ съ портретомъ Богдана Хмельницкаго въ одной изъ заднѣпрскихъ церквей и другой съ портретами Мазепы, Скоропадскаго и Полуботка, бывшій въ упраздненномъ каменскомъ монастырѣ черниговской губерніи. Изъ произведеній старинной письменности нашей довольно указать на цѣлый рядъ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ послѣдней четверти XVIII ст., гдѣ самыя возвышенныя идеи христіанства облекаются въ реальныя и простыя формы народнаго быта и цѣлый сонмъ ветхо-завѣтныхъ праведниковъ принимаетъ участіе въ радостяхъ земной мужицкой жизни. Во всякомъ случаѣ указанный фактъ изображенія арх. Гаввила и архистр. Михаила во образѣ запорожцевъ у престола Господня, по самой оригинальности своей, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописи мѣстной исторической жизни.

А. Р—въ..

Пѣсня о Кармалюкѣ.

Молодой Кармалюкъ по свиту ходыть,
 Не одну дивчину зъ розуму зводыть,
 Не одну дивчину, не одну вдову,
 На личко бияву, ще й черноброву.

Пишовъ Кармалюкъ до кума въ гости;
Скинувши вбранье, сивъ на помости.
— Ой куме, куме, порадьмося,
Меду, горилки напіймося,
Сядемо соби пидь яблонькою,
• Будемо пити медъ зъ горилкою,
Будемо пити, ще й говорити,
Якъ съ Кармалюкомъ на свити жити.
Ще й рада въ раду,
Пидемъ до саду,
Натрусимъ грушокъ
Повенъ хвартушокъ,
Будемо пити, будемо спивати,
Прійде чорнява, будемо гуляти.
Скажи, чорнява, якъ тебе звати,
Щобъ потрапивъ до твоеи хаты.
— Моя хатина надъ долиною,
Мене зовуть Магдалиною,
Моя хатина въ самій долини,
Прійди, Кармалюкъ, въ добрій годни.
Моя хатина снопками шита,
Прійди, Кармалюкъ, хочъ буду бита.
Хочъ буду бита,—знати за кого:
За Кармалюка молодого.

(Записана г. Туркевичемъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губ.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ОДИНЪ ГОДЪ

ЮЖНО-РУССКАГО СЛОВАРЯ

К. В. ШЕЙКОВСКАГО.

Въ этомъ томѣ будетъ до 40 печатныхъ листовъ въ два столбца (около 19,000 словъ; при нѣкоторыхъ изъ нихъ чертежи и рисунки). Подписная цѣна 3 р. По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ 5 р. Для сельскихъ учителей и священниковъ въ районѣ, гдѣ живутъ малороссы, цѣна 2 руб. 50 коп., въ виду того, что сельскіе учителя и священники могутъ содѣйствовать пополненію словаря. За каждое новое слово назначается гонораръ отъ 2 до 15 коп., или по взаимному соглашенію. Дѣятельный учитель или священникъ очень легко можетъ доставить до 30 словъ, и такимъ образомъ томъ словаря окупится. Присланнымъ деньги немедленно высылаются вышедшіе выпуски словаря, которые можно пріобрѣтать и отдѣльно за 2 р. 25 к. Деньги адресовать въ Мензелинскъ (уфимской губ.) на имя Каллиника Васильевича Шейковского. Австрійскимъ русскимъ томъ уступается за два рубля. Пробный листъ высылается за 15 коп.

Отъ редакци.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислапа непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣчныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-этнографическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1886) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѡ. Г. Лебединцевъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ ХІХ.

Д е к а б р ь .

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1887 г.

Отъ Редакціи.

I. БУГСКОЕ КОЗАЧЕСТВО И ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ. (<i>Лѣтописныя наброски о. Владиміра Лобичевскаго</i>)	591
II. МУЗЫКАНТЪ. (<i>Повѣсть Т. Гр. Шевичка</i>).	627
III. РОДЪ ЛАШКЕВИЧЕЙ и ДНЕВНИКЪ ОДНОГО ИЗЪ НИХЪ. <i>Ө. Николайчина</i>	696
IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОТШЕЛЬНИКА К-СКОЙ ПУС- ТЫНИ.— <i>Иер. Ө-ла.</i>	717
V. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Сост. М. М. Владиміровъ. Екатерино- славъ. 1887 г.—Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Состав. преподаватель екатериносл. семинаріи К. Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.— <i>В-о.</i> —б) Программа для собранія этнографическихъ свѣдѣній, сост. при этно- графическомъ отдѣлѣ имп. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Москва. 1887 г.— <i>О.</i> —в) Холмскій народный календарь на 1888 годъ.— <i>Г. IV.</i> Кіевъ. 1887 г.— <i>Холмскаго старожила.</i> —г) Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I. Сост. А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.— <i>К. Шнейдера</i>	761
VI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.— <i>О. Л.</i> —б) Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.— <i>П. Л-ва.</i> в) Къ древней топографіи Кіева.— <i>А. Маркевича.</i> —г) Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.— <i>Ө. Лободы.</i> —д) Междуплеменные соприкосновенія.— <i>И. Колюм- баша.</i> —е) „Царь Максимиліанъ“ въ Ковлѣ.— <i>И. Б.</i> —ж) Два стихотворенія П. И. Артемовскаго-Гулака.—Сообщ. <i>И. П. Со- кальскій.</i> —Рекрутская пѣсня.—Сообщ. <i>И. Пономаревъ</i>	775
Поправка.	804

Принимается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 28-го ноября 1887 года.

Отъ Редакціи.

Съ выпускомъ настоящей книжки изданіе «Кіевской Старины», за болѣзною редактора - издателя, пріостанавливается на неопредѣленное время, но *не прекращается*, какъ не вѣрно сообщено въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ виду сдѣланныхъ намъ положительныхъ заявленій по сему предмету, мы не теряемъ надежды, что изданіе можетъ быть возобновлено, хотя и подъ другою редакціею.

Мы получили и не перестаемъ получать много самыхъ искреннихъ заявленій живѣйшаго и глубокаго сожалѣнія по поводу объявленной нами пріостановки изданія, и это еще болѣе утверждаетъ насъ въ высказанной нами надеждѣ.

Не имѣя возможности, по состоянію здоровья нашего, своевременно отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій, считаемъ долгомъ выразить печатно нашу глубокую душевную благодарность всѣмъ изъявившимъ, по поводу пріостановки изданія, такъ или иначе свое сочувствіе какъ къ самому изданію, такъ и лично къ намъ. Благодаримъ отъ души всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіи шести лѣтъ не переставали оказывать свое сочувствіе и содѣйствіе изданію своими трудами и приношеніями, большими и малыми. Печальная необходимость заставила насъ положить перо; мы сдѣлали однако все, что могли, для дѣла, котораго никогда не считали нашимъ личнымъ, и будемъ рады, если оно найдетъ продолжателей, болѣе насъ искусныхъ и достойныхъ. Остается масса драгоцѣннаго историческаго матеріала, явилось много готовыхъ и намѣченныхъ работъ по исторіи нашей родины. Было бы по истинѣ жаль, если бы все это осталось втунѣ, за неимѣніемъ мѣстнаго органа.

Сохраняя за собою, на основаніи существующихъ постановленій, въ теченіи годичнаго срока, право на возобновленіе изданія или передачу онаго въ другія руки, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе, мы готовы по прежнему принимать отъ всѣхъ желающихъ продолженія изданія всякаго рода заявленія по сему предмету, равно и извѣщенія о готовыхъ и изготовляемыхъ трудахъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи и этнографіи, для передачи въ свое время кому слѣдуетъ. Адресъ нашъ прежній: *Кіевъ, Михайловская улица, № 12. Въ редакцію «Кіевской Старины».*

По этому же адресу покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы, присылать деньги и послѣшить высылкою оныхъ.

Желающіе приобрести экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887 гг.) пользуются объявленной раньше уступкой до 25%, или же по особому соглашенію съ редакціей, и обращаются также: *Въ Редакцію «Кіевской Старины». Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.*

Бугское козачество и военныя поселенія.

(Лѣтописныя наброски о. Владиміра Лобачевскаго).

Можно считать признанными наукою важность и интересъ детальнаго изученія краевой исторіи мѣстными силами въ формѣ историческихъ очерковъ городовъ, сель, приходовъ и другихъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, которыя часто бывають отмѣчены и своеобразными этнографическими чертами. «Кіевская Старина» много разъ имѣла случаи указывать въ библиографическомъ отдѣлѣ на прекрасныя труды въ этомъ родѣ по изученію южно-русской земли. Въ ряду ихъ довольно видное мѣсто занимають работы мѣстнаго духовенства по описанію церквей и приходовъ. Духовенство херсонской епархіи, къ которому принадлежитъ авторъ предлагаемаго нами труда, успѣло опубликовать въ своемъ епархіальномъ органѣ нѣсколько (хотя и не очень много) такихъ работъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сообщаютъ данныя, имѣющія въ большей или меньшей степени интересъ научный, а иныя отличаются и хорошей научной обработкой. Все дѣло зависитъ, конечно, отъ степени заинтересованности автора своимъ сюжетомъ, отъ той искры Божіей, которая въ нѣкоторыхъ людяхъ не угасаетъ до старости, не взирая на тяжелыя невзгоды, преслѣдующія ихъ иногда всю жизнь, не взирая на сельскую глушь, въ которой судьба крѣпко держитъ ихъ многіе годы, на недостатокъ просвѣщеннаго общества, который болѣе слабыхъ гонитъ изъ деревни вонъ.

Къ такимъ выдающимся силамъ среди сельскаго духовенства херсонской епархіи принадлежитъ о. Владиміръ Лобачевскій, священникъ села Олыпанки, елисаветградскаго уѣзда. Ясность и спокойствіе мысли, отчетливость памяти, неослабѣвшей въ теченіе долгой жизни, разнообразно направленная пытливость, теплая пастырская гуманность и не подкупная справедливость сужденій и наконецъ скромное довольство своей судьбою—все это сквозитъ въ его трудѣ, привлекаетъ къ нему и сооб-

щаетъ ему особенное значеніе. Недавно о. Лобачевскій переступилъ за 25 лѣтъ своего священства въ селѣ Ольшанкѣ; ранѣе священствовалъ тамъ лѣтъ 10 отецъ его. Во время долгаго служенія своего о. Владиміръ успѣлъ приобрѣсти довѣріе прихожанъ, и въ историческомъ трудѣ своемъ часто обращается къ ихъ воспоминаніямъ, а еще чаще къ своимъ наблюденіямъ. Трудъ его носитъ заглавіе: «Лѣтопись прихода села Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви». «Лѣтопись» представляетъ рукопись въ 31 листъ (листы не сшиты) и раздѣляется на три части, изъ которыхъ однако только двѣ первыя были въ нашемъ распоряженіи. По плану и по задачамъ, по разнообразію и обширности матеріала, трудъ этотъ шире формальныхъ рамокъ приходской лѣтописи и въ этомъ главный его интересъ для насъ; въ своихъ наблюденіяхъ, воспоминаніяхъ и сужденіяхъ авторъ часто выходитъ далеко за околицу своего села и за границы своего прихода, хотя конечно остается неизмѣнно на мѣстной, херсонской почвѣ; жизнь своего прихода онъ изучаетъ въ соотношеніи съ условіями краевой природы, съ условіями этнографическими и историческими, по скольку эти послѣднія отразились въ его микрокосмѣ—селѣ Ольшанкѣ. Въ трудѣ о. Лобачевского находимъ свѣдѣнія: о почвѣ, флорѣ и фаунѣ, о рѣкѣ Синюхѣ, на которой расположено село, о мѣстныхъ древностяхъ, находимъ этнографическій очеркъ мѣстныхъ жителей—болгаръ: узнаемъ о ихъ одеждѣ, о монетахъ, служащихъ украшеніемъ для женщинъ, о пищѣ, о нравахъ и характерѣ населенія, о религіозномъ его состояніи, объ обычаяхъ, предразсудкахъ, суевѣріяхъ, о занятіяхъ и промыслахъ ольшанцевъ, о рынкахъ сбыта, объ экономическомъ состояніи прихожанъ. Всѣмъ этимъ матеріаломъ мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться для «Кіевской Старины»: онъ представляетъ свой значительный, но спеціальнѣйшій интересъ и не отвѣчаетъ задачамъ этого изданія. Точно также опускаемъ церковную и приходскую лѣтопись въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ограничимся тою, значительною впрочемъ, частью лѣтописи, которая касается двухъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни нашего края: эпохи существованія бугскаго козачества и эпохи военныхъ поселеній. Эта часть представляетъ наибольшій обще-научный историческій интересъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) авторъ пользуется нѣкоторыми, попавшими ему въ руки, документами, не обнародованными въ печати, приводя ихъ дословно и восполняя устными разказами и преданіями прихожанъ, а также своими личными долготѣтными наблюденіями, 2) исторія бугскаго козачества едва тронута въ исторической литературѣ; точно также и для исторіи военныхъ поселеній на югѣ Россіи мало опубликовано матеріаловъ, и между ними трудъ о. Лобачевского, по обилію свѣдѣній, заслу-

женно можетъ занять видное мѣсто. Выпуская въкоторыя части труда, мы считаемъ необходимымъ округлить печатаемую часть его и сдѣлать ее болѣе понятною для читателя, предпосылая ей, въ сокращеніи, замѣчанія автора о положеніи села Ольшанки и о характерѣ мѣстнаго населенія; точно также не считаемъ себя въ правѣ опустить и замѣтокъ о мѣстныхъ древностяхъ, которыя могутъ пригодиться для археолога.

В. Я.

Село Ольшанка находится въ херсонской губерніи, въ елисаветградскомъ уѣздѣ, въ ольшанской волости, при рѣкѣ Синюхѣ, на мѣстѣ бывшего когда-то Ольшанскаго шанца. Названіе свое Ольшанка получила отъ имени ручейка Ольшаны, протекающаго по юго-восточной сторонѣ селенія и впадающаго въ рѣку Синюху. Ручеекъ Ольшана получилъ свое названіе, какъ говоритъ преданіе, отъ небольшого лѣска, который находился когда-то на вершинѣ балки, съ восточной стороны села, по теченію ручейка Ольшаны и состоялъ изъ деревьевъ ольхи. Находили въ балкѣ засыпанными въ почвѣ и дубовыя деревья. Кромѣ настоящаго названія, Ольшанка имѣетъ еще и другое, древнее — Маслова, которое, говорятъ, получила отъ имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, жившихъ здѣсь еще до прихода настоящихъ жителей ольшанскихъ—болгаръ. До настоящаго столѣтія Ольшанка называлась «Ольшанское село».

Вся земля ольшанцевъ, за небольшимъ исключеніемъ, находится на ровной, возвышенной и открытой мѣстности, съ одиноко стоящими по мѣстамъ нагими степными курганами. Больше кургановъ видно на возвышенностяхъ по рѣкѣ Синюхѣ, бывшей границею между Польшей и Россіей: это, очевидно, были пограничныя сторожевыя посты запорожскихъ козаковъ, какъ говорятъ и мѣстные старожилы. Но есть курганы и въ глубинѣ степей, на возвышенныхъ равнинахъ. Такъ, имѣютъ свои названія: Новакова могила, съ столбообразнымъ камнемъ на ней, Брингачева могила, Чернева могила, Остра могила, Раскопанная могила. Эта послѣдняя дѣйствительно разрыта; разрывается она охотниками до кладовъ—нѣкоторыми крестьянами деревни Осичокъ и теперь, но въ глубинѣ ея могли только дорыться до чего-то въ родѣ погребя, выложеннаго камнемъ. Она находится по дорогѣ изъ Ольшанки въ

село Добрянку, на шестой или пятой верстѣ, на возвышенности. Такая же раскопанная могила, съ двумя меньшими, находится по дорогѣ въ городъ Ольвиополь изъ Ольшанки, на 12-й верстѣ. На юго-востокъ отъ Ольшанки, по дорогѣ въ село Исаевку, на четвертой или пятой верстѣ, по правую руку, стоитъ громадный курганъ и поодаль отъ него, въ линію, еще 3—4 меньшихъ. Недавно около этого большаго кургана охотники сложили сажени двѣ камня, которыми былъ обложенъ весь курганъ. Кургана самаго не разрывали, но на вершинѣ его имѣется впадина съ отверстиемъ на юго-западъ. Квартировавшіе въ Ольшанкѣ офицеры военнаго поселенія называли этотъ курганъ «Суворовскимъ», объясняя это тѣмъ, что Суворовъ, въ войнѣ съ Турціей или съ Польшей, стоялъ здѣсь лагеремъ и на этомъ курганѣ находилась будто бы его палатка. Говорятъ, что на военныхъ картахъ этотъ курганъ и значится «Суворовскимъ». Есть еще около села Чумная могила. Она стоитъ надъ самою рѣкою Синюхою, на высокому утесѣ, въ одной верстѣ по дорогѣ изъ Ольшанки къ Осичкамъ. Насыпь эта когда-то видно была высокая, сдѣлана въ формѣ трехугольника и обкопана глубокой и широкой траншеей. Здѣсь погребены всѣ умершіе во время чумы, бывшей въ Ольшанкѣ въ 1812 году. Здѣсь же, между чумной могилой и селомъ, по-надъ рѣкой тянутся на плоской, какъ будто нивелированной, равнинѣ какія-то, едва уже возвышающіяся надъ уровнемъ земли, но правильно расположенныя, земельныя сооруженія или окопы. Одни изъ старожиловъ говорятъ, что это былъ чумный кварталъ, съ палатками для заболѣвающихъ и выздоравливающихъ, а другіе, позднѣйшіе, что тамъ же былъ расположенъ лагерь полка рабочихъ солдатъ или депо для устройства, при введеніи военныхъ поселеній, госпиталя и другихъ казенныхъ зданій. На чумной могилѣ въ настоящее время водруженъ крестъ.

Къ числу приходскихъ памятниковъ можно отнести и такъ называемыя въ народѣ «фигуры», или большіе кресты, стоящіе при дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ. Такихъ крестовъ, поставленныхъ по разнымъ случаямъ, особенно по поводу бывшихъ эпидемій, имѣется у насъ въ приходѣ болѣе десяти. Нѣсколько ихъ стоитъ въ самомъ селеніи, при въѣздѣ и выѣздѣ изъ него, два при колодцахъ и одинъ при церкви, а остальные въ степи, при раздѣленіи дорогъ.

Устроены они всё въ одной почти формѣ: на крестѣ изображено распятіе Господне, по бокамъ трости и другія орудія страданій Господнихъ, затѣмъ иногда 30 сребренниковъ, ангелы предстоящіе, надписи и проч.; нѣкоторые огорожены рѣшеткой.

Отличительныя черты нравовъ и характера ольшанскихъ жителей болгаръ—это консервативность во всемъ, кастовая замкнутость, домовитость, семейственность, трудолюбіе, умѣренность во всемъ до скупости и, сравнительно, трезвенность. По своему южному темпераменту, большая часть изъ нихъ весьма горячи и склонны къ мщенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ добры и чрезвычайно терпѣливы, готовы къ примиренію. Постоянство въ терпѣніи, выносливость и умѣренность болгаръ часто меня удивляли. Любятъ легальность, любятъ слѣдовать разъ установившимся порядкамъ, но на прогрессъ въ чемъ бы то ни было туги и вообще мало предпріимчивы. Въ обыденной жизни радушны и гостепріимны, но не до увлеченій; свадебныя только пиршества у нихъ тянутся долго, и то преимущественно съ своими же родными. Въ словѣ многіе еще очень честны: твердо держатъ данное слово, но часто очень долго и туго выполняютъ его, въ отношеніи, на примѣръ, отдачи долговъ, свадебныхъ подарковъ и проч.

Ольшанка населилась исключительно болгарами, вышедшими изъ Турціи въ 1773 году. Въ семъ году, во время бывшей тогда войны Россіи съ Турціей, болгары ольшанскіе вышли изъ села Флатарь, изъ подь-Силистріи, въ числѣ 400 почти семействъ, на жительство въ Россію. Были также между ними переселенцы и изъ другихъ мѣстъ, изъ-подь Руцука и Виддина, даже изъ Добруджи; это послѣднее видно изъ того, что и теперь еще одна часть населенія Ольшанки называется «добруджанами». Главнокомандующій русской арміей въ Турціи графъ Румянцевъ принялъ ихъ милостиво и поручилъ майору Штеричу съ 72 гусарами провести отъ рѣки Дуная до крѣпости святыя Елисаветы (нынѣ городъ Елисаветградъ). Прибывъ туда осенью 1773 года, они были размѣщены на зимовлю въ селеніяхъ Дмитровкѣ, Аджамкѣ и Диковкѣ, пока Румянцевъ не прибылъ въ городъ Кременчугъ, и тогда, по совѣ-

щаніи съ мѣстнымъ начальствомъ, ихъ поселили (въ 1774 г.) на избранномъ ими самими урочищѣ, при рѣкѣ Синюхѣ, на настоящемъ мѣстѣ. Здѣсь, по преданію, было уже нѣсколько хижинъ поселенцевъ—молдаванъ, которыхъ выселили въ сосѣднія села молдавскія: Синюхинъ Бродъ и Лысую гору.

Болгары—ольшанцы, поселившись на земляхъ, отведенныхъ прежнимъ выходцамъ изъ Турціи, названнымъ «свойскомъ бугскимъ», тотъ-часъ же вошли въ составъ бугскаго войска, а за тѣмъ и бугскихъ козаковъ.

Отъ этой эпохи документовъ историческихъ никакихъ почти не осталось, а память народная передаетъ намъ еще меньше. Одинъ только quasi документъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на темное прошлое прихода: это выписка изъ «Памятника законовъ о бугскихъ козакахъ», свѣренная и подписанная окружнымъ начальникомъ, полковникомъ и скрѣпленная окружнымъ аудиторомъ. Она была, какъ видно изъ переписки, поднесена министрами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ на высочайшее воззрѣніе въ 1803 году, и копія съ нея найдена мною при дѣлахъ бывшаго окружнаго комитета 12-го округа военного поселенія. Въ ней читаемъ:

Начало и перемѣны бугскаго войска.

«Войско сіе воспріяло начало свое въ 1769 году и образовалось изъ людей иноплеменныхъ. Въ бывшую тогда противъ Россіи турецкую войну, когда россійская армія находилась подъ Хотиномъ, собранъ былъ Портою полкъ изъ молдаванъ, волоховъ и изъ другихъ христіанскихъ народовъ, за Дунаемъ живущихъ. Люди сіи, вмѣсто того, чтобы сражаться противъ Россіи, оставили родину и семьи свои и явились къ командовавшему арміей, гевераль-фельд-маршалу, графу Румянцеву-Задунайскому, которымъ были приняты и служили подъ знаменами его на собственномъ иждивеніи во все продолженіе той войны безотлучно».

«Когда война окончилась, гр. Румянцевъ увѣрилъ ихъ, что подъ покровительствомъ русской державы найдутъ они покойную жизнь и награждены будутъ выгодными для поселенія и обзаведенія землями, при чемъ объявленъ былъ и манифестъ, обещающій имъ 30-лѣтнюю льготу. Почему, оставивъ жилища свои въ Молдавіи, Валахи и за Дунаемъ, они перешли въ предѣлы россійскіе и по-

селились по рѣкѣ Бугу, а въ сосѣдствѣ съ ними, по той же рѣкѣ водворился и другой полкъ, также составленный во время войны изъ разныхъ иностранцевъ, извѣстный тогда подъ именемъ «нововербованнаго козачьяго полка». По пустотѣ отведеннаго для поселенія ихъ мѣста и отдаленности его отъ городовъ, обзавелись они съ великимъ трудомъ и пользовались обѣщанною имъ льготою восемь только лѣтъ».

Къ этому времени относятся ходячіе въ приходѣ рассказы старожилловъ, что когда осмотрѣлись болгары на своихъ новыхъ жилищахъ и не нашли здѣсь ни садовъ, ни виноградниковъ, встрѣчая вездѣ одну только голую степь и безлюдье, то возроптали на свою судьбину и стали крѣпко скучать о прежнемъ Египтѣ, изъ котораго бѣжали. Многие, пользуясь близостью границы, эмигрировали обратно: нѣкоторые черезъ рѣку Бугъ въ нынѣшнюю Голту—бывшее турецкое урочище, а другіе, черезъ рѣку Синюху, въ нынѣшнюю каменецъ-подольскую губернію—бывшую тогда Польшу, а оттуда въ Турцію. Русское правительство вынуждено было перехватывать бѣглецовъ и тогда пойманнымъ отрѣзывали косы (которыя носили всѣ болгары) и отдавали ихъ въ солдаты, въ регулярныя войска, и по выслугѣ уже всей службы возвращали опять на мѣсто новаго жительства, въ Ольшанку. Продолжаемъ выписку «Памятника».

«Въ 1783 году, по повелѣнію князя Потемкина, они поступили паки на службу и содержали по рѣкѣ Бугу противъ турокъ кордоны.

Въ 1787 году, когда открылись со стороны Порты вновь непріятельскія дѣйствія, люди сіи перемѣщены были княземъ Потемкинымъ отъ рѣки Буга во внутрь губерніи, за 200 верстъ, въ селенія Красносельскія, имъ купленныя. По пришествіи же къ границамъ россійской арміи, они возвращены опять на прежнія жилища. Но сими перемѣщеніями перетерпѣли они крайнее разстройство».

Старожилы говорятъ, что перемѣщеніе въ красносельскія селенія и подъ Бахмутъ екатеринославской губерніи коснулось нѣкоторыхъ переселенцевъ турецкихъ, но что собственно болгары-ольшанцы перемѣщаемы не были и оставались на мѣстѣ.

«Въ 1788 году сформированъ былъ изъ выходцевъ сихъ полторатысячный козачій полкъ, который до заключенія мира на-

ходился въ непрерывномъ дѣйстви и былъ при штурмѣ крѣпостей Очакова и Измаила. Въ продолженіи сей войны многіе изъ бугцевъ побиты и ранами изувѣчены, а вдовы и сироты ихъ оставлены безъ довлѣющаго призрѣнія. Наконецъ употребленъ былъ полкъ сей противъ польскихъ мятежниковъ и охранялъ по рѣкѣ Днѣстру и берегамъ Чернаго моря границу. За все то время по многимъ требованіямъ не удовлетворены они заслуженными за фуражъ и провіантъ деньгами».

И теперь еще помнятъ нѣкоторые изъ старожиловъ фамиліи тѣхъ лицъ изъ ольшанцевъ, которые находились въ бугскомъ козачемъ кавалерійскомъ полку и принимали участіе въ штурмѣ турецкихъ крѣпостей Очакова и Измаила.

«Въ 1796 году покойная государиня императрица, во уваженіе усердной сего полка службы и претерпѣнныхъ изнуреній, всемилостивѣйше повелѣла князю Зубову оставить оный полкъ на всегда на службѣ и причислить къ сему сословію 3,796 душъ купленныхъ княземъ Потемкинымъ у разныхъ помѣщиковъ, снабдить приличнымъ штатомъ, назначить при рѣкѣ Днѣстрѣ пограничную землю, офицеровъ наградить чинами, отвезти имъ ранговыя дачи и удовлетворить всѣми прежде заслуженными суммами, но за кончиною ея величества все сіе оставлено безъ исполненія.

«Въ 1797 году покойный государь императоръ повелѣлъ распустить полкъ сей изъ службы въ дома, при чемъ не сдѣлано ни какого постановленія, на какомъ положеніи впредь ему оставаться; одна часть его тогда же распущена, а другая оставалась при содержаніи кордоновъ по Днѣстру и Черному морю до 1800 года, а потомъ и она распущена и всѣ люди сіи поверстаны въ крестьянское состояніе. Число ихъ, кромѣ поселенныхъ на принадлежащихъ имъ дачахъ 600 душъ болгаръ, состоитъ нынѣ съ причисленными послѣ ревизіи изъ 6,383 мужеска пола душъ, водворенныхъ въ трехъ уѣздахъ: елисаветградскомъ, ольвіопольскомъ и херсонскомъ. Дворовъ у нихъ 1,595, земли удобной 169,758 десятинъ».

По обращеніи всего бугскаго войска въ крестьянское сословіе и по надѣленіи офицеровъ ихъ земельными угодьями, многіе изъ новыхъ помѣщиковъ сихъ стали заселять подаренные имъ правительствомъ участки пустопорожней земли разнымъ бродячимъ по

ожнымъ степямъ людомъ. Вслѣдствіе этого, какъ говорятъ старожилы, пошла глухая, но упорная молва между всѣми выходцами изъ Турціи, что паны и ихъ всѣхъ закрѣпостятъ. Тогда ольшанцы-болгары, какъ помнятъ еще нѣкоторые, при посредствѣ какого-то «капитана» (вѣроятно, упоминаемаго ниже Хмельницкаго), вытребовали себѣ на общанную имъ прежде льготу грамоту, за которою отправлялись депутаціей въ Полтаву, откуда и привезли ее и хранили у своего выборнаго начальника, «пана Ивана», какъ называютъ его, въ воспоминаніяхъ и теперь еще. Между тѣмъ всѣ бугскіе козаки обратились съ коллективною просьбою къ государю и просили о возстановленіи прежнихъ, данныхъ имъ правъ и о обращеніи ихъ снова въ служилое войско. По неимѣнію на этотъ предметъ другихъ данныхъ, обращаюсь опять къ прерванной выпискѣ изъ «Памятника законовъ», въ которомъ обстоятельно и подробно изложено это дѣло.

«Повѣренный отъ сихъ козаковъ, капитанъ Хмельницкій подалъ 12 сентября 1801 года просьбу на высочайшее имя о обращеніи ихъ паки на службу изъ крестьянскаго состоянія. Дѣло сіе подносимо было отъ генераль-прокурора Беклешова на благоусмотрѣніе его императорскаго величества и по высочайшей волѣ предложено совѣту. По мнѣнію его опредѣлено до времени оставить бугскихъ козаковъ въ настоящемъ ихъ крестьянскомъ состояніи, а между тѣмъ черезъ генерала Михельсона предписано бывшему новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому на мѣстѣ обозрѣть селенія сихъ козаковъ и удостовѣряться, подлинно ли всѣ они желаютъ возстановленія въ первобытное состояніе, представить вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Вслѣдствіе сего генераль Михельсонъ поднесъ собранныя губернаторомъ Миклашевскимъ о бугскихъ козакахъ слѣд. свѣдѣнія обще съ мнѣніемъ своимъ на благоусмотрѣніе его императорскаго величества.

Причины, требующія возстановленія бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе.

1) Бугскіе козаки, изъ иноплеменныхъ (странъ) перешедшіе въ Россію и всегда вѣрно ей служившіе, службою пріобрѣли себѣ право на преимущества своего званія; отвыкнувъ чрезъ долговре-

менное упражненіе въ военномъ дѣлѣ отъ крестьянскаго состоянія они противъ воли ихъ были въ оное причислены.

2) Бывъ обращены въ прежнее ихъ положеніе козачьихъ войскъ, могутъ они, на своемъ иждивеніи, оставаясь, такъ сказать, въ домахъ своихъ, содержать кордонную на границѣ стражу. Стража сія будетъ самая надежная, ибо, защищая границы, защищать будутъ ови свои жилища; казна избавится черезъ сіе довольно важныхъ издержекъ, нужныхъ на приводъ изъ отдаленности войска и на содержаніе его въ пограничныхъ мѣстахъ.

3) Возстановленіе бугскихъ козаковъ изъ нынѣшняго въ первобытное ихъ состояніе полезно будетъ и для внутренняго устройства всего новороссійскаго края: ибо, по новости его, по обширности степей, по разнообразію народа, въ немъ обитающаго, нерѣдко встрѣчается земской полиціи надобность въ подкрѣпленіи военномъ; для сего иногда цѣлыя донскіе полки внутри его содержались на счетъ казны. Бугское же войско, живя въ домахъ своихъ, на всякій случай достаточнымъ подкрѣпленіемъ земской полиціи служить будетъ.

4) Устроеніемъ жребія сихъ козаковъ подается примѣръ воздаянія заслугамъ и тѣмъ самымъ привлекается болѣе еще ихъ соотчичей въ предѣлы Россіи.

5) Обращеніемъ сихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе казна потеряетъ доходу до 1,500 рублей, но сія потеря, въ сравненіи съ выгодами, отъ того ожидаемыми, не можетъ быть уважительна, тѣмъ болѣе, что по силѣ обѣщанной имъ 30-лѣтней дѣлоты во все сіе время должны они свободны быть отъ государственныхъ повинностей.

И такъ, возстановленіе бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе не только исполнитъ мѣру справедливости, но принесетъ пользу какъ имъ, такъ и государству. На какомъ же основаніи произвести сіе возстановленіе, имѣемъ счастье представить здѣсь на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества наше мнѣніе, раздѣливъ его по существу предмета на 3 части.

А. ОБРАЗОВАНІЕ ЧАСТИ ВОИНСКОЙ.

1) Обративъ бугскихъ козаковъ, согласно мнѣнію генерала Михельсона, въ первобытное ихъ воинское состояніе, съ присово-

купленіемъ къ нимъ и тѣхъ 600 болгаръ, кои въ послѣдствіи на ихъ земляхъ поселились и участъ ихъ раздѣлить желаютъ, учредить изъ нихъ, подъ начальствомъ войскового атамана, три пяти-сотные нерегулярные полка подъ названіемъ бугскихъ козачьихъ. Одинъ полкъ всегда по очереди долженъ содержать кордонную на границѣ стражу, а по востребованію нужды и всѣ три могутъ быть высланы на службу».

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится о томъ, что количество чиновъ въ полку и устройство ето должно быть такое же точно, какъ въ донскомъ и черноморскомъ козачьихъ войскахъ, что мѣста офицеровъ должны занять служащіе нынѣ въ бугскихъ войскахъ, или избранные вновь изъ того же войска; чтобы служба отправлялась по очереди и лично, безъ всякихъ наймовъ и замѣновъ; офицерамъ, командируемымъ на кордонную службу далѣе 100 верстъ отъ мѣста жительства и вообще командируемымъ на службу, выдавать изъ государственной казны жалованье по окладу армейскихъ гусарскихъ полковъ, а простымъ козакамъ по 12 р. въ годъ и провіантъ, полковому писарю по 30 р. въ годъ и провіантъ, а также фуражъ для лошадей. Порохъ и свинець отпускать, какъ и прочимъ козакамъ, изъ артиллерійскаго вѣдомства.

В. Гражданское и экономическое устройство.

Учреждается войсковая канцелярія подъ предсѣдательствомъ войскового атамана, двухъ членовъ непремѣнныхъ изъ штабъ-офицеровъ и двухъ ассесоровъ по выбору на 3 года. По гражданской части состоятъ въ вѣдомствѣ мѣстнаго губернскаго начальства и въ особенности управляющаго губерніей. Канцелярія состоитъ на иждивеніи козаковъ; она участвуетъ въ постройкѣ мундировъ, сбруи и пр., созываетъ обывателей и на ихъ волю отдаетъ выборъ расходчиковъ, сборъ и раскладку суммъ и пр.

С. Особныя постановленія для войска бугскаго.

1) Предоставить бугскимъ козакамъ право приумножать сословіе ихъ людьми изъ заграницы, имъ единоплеменными, какъ-то: молдованами, волохами, болгарами и пр., къ чему они, содержа по Днѣстру стражу, могутъ имѣть всякую удобность; но строго запретить имъ, для предупрежденія могущихъ случиться злоупотребленій,

принимать природныхъ поселенъ въ козаки, равно какъ и поселять крестьянъ на ихъ землю.

За тѣмъ войску предоставляется землю имѣть общую войсковую, но не воспрещается каждому покупать въ собственность стороннія земли на общемъ положеніи.

4) Состоящіе на бугскихъ козакахъ за послѣдніе годы въ недоимкѣ 15,191 р. 12 к. всѣ простить—какъ по причинѣ разстроеннаго состоянія ихъ отъ бывшихъ переселеній съ мѣста на мѣсто и нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшихся тамъ неурожаевъ въ хлѣбѣ, такъ и во уваженіе того, что по силѣ обѣщанной имъ льготы, въ теченіи цѣлыхъ 30 лѣтъ, должны были быть свободны отъ всякихъ повинностей.

5) По сей же причинѣ не взыскивать съ нихъ и рекрутскихъ денегъ, слѣдующихъ по силѣ высочайшаго указа отъ 21 минувшаго сентября за каждаго человѣка по 360 рублей.

Затѣмъ предоставляется ніколаевскому военному губернатору избрать мѣсто для учрежденія войсковой канцеляріи и проч.

8) Поелику въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сихъ козаковъ земли мало, а въ другихъ съ избыткомъ, то при обращеніи ихъ въ воинское состояніе позволить имъ переселиться изъ первыхъ въ послѣднія и въ семь предоставить имъ полную свободу. Что касается до предполагаемой генераломъ Михельсономъ прибавки бугскому войску земли и отдачи ему всей той, какая между рѣками Бугомъ и Ингуломъ впускѣ находится, то сіе предоставить также мѣстному усмотрѣнію и соображенію ніколаевскаго военнаго губернатора, равно какъ и всѣ тѣ подробности, какія могутъ быть сверхъ настоящихъ главныхъ положеній нужны къ дальнѣйшему устройству сего войска.

Положеніе сіе во всѣхъ вышеизложенныхъ пунктахъ было поднесено на воззрѣніе государя императора и 28 апрѣля 1803 года высочайше конфирмовано, какъ сказано въ самой выпискѣ; но было ли оно въ то же время приведено въ исполненіе, на это данныхъ не имѣемъ. Говорятъ старожилы, что бугцы съ негерпѣніемъ ожидали возстановленія излюбленнаго козачества и нѣкоторые изъ ихъ, какъ слышно тогда было, напрімѣръ, вознесенскіе бугцы, волновались даже; но ольшанцы, какъ можно догадываться изъ нѣкоторыхъ документовъ црковныхъ и преданій народныхъ, оставались

въ крестьянскомъ состояніи даже еще спустя полтора десятка лѣтъ, до введенія уланщины бугской или военныхъ поселеній, когда, вмѣсто проэктированныхъ бугскихъ козаковъ, сформированы были изъ бугцевъ, въ томъ числѣ и изъ моихъ прихожанъ, полки бугскихъ уланъ, и ольшанцы вошли въ составъ 4-го бугскаго уланскаго полка. Но такъ какъ до введенія этой реформы прошло 15—18 лѣтъ, то и этотъ небольшой періодъ старины можно все таки освѣтить нѣкоторыми собранными мною данными. Этотъ періодъ можно назвать состояніемъ ольшанцевъ въ сословіи казенныхъ крестьянъ или гражданскимъ состояніемъ, такъ какъ они тогда находились совершенно подъ управленіемъ гражданскаго начальства, избирали изъ среды себя головъ, старостъ и другихъ выборныхъ, имѣли надъ собою начальниками земскихъ застѣдателей, исправниковъ и проч. Ни о какихъ полковникахъ, сотникахъ, хорунжихъ и т. д. не слышно въ народѣ и по документамъ не видно. Потому-то объ этомъ періодѣ, предшествовавшемъ уланщинѣ, или военному поселенію, прихожане старики обыкновенно и теперь говорятъ: «это было еще за гражданства, до поселенія». «За гражданства» первымъ старостою или головою въ Ольшанкѣ былъ, какъ рассказываютъ старики, вышеупомянутый панъ Иванъ (Панта, онъ же Добровъ); фамилія его и теперь еще есть въ приходѣ и довольно распространенная. О немъ осталось въ народѣ такое повѣствованіе. Болгары, не довольные его управленіемъ, и въ особенности какими-то неудовлетворительными общественными расчетами, собравшись къ его дому, начали его корить и упрекать. Разсерженный панъ Иванъ вынулъ изъ сундука хранившіеся у него какіе-то общественные документы и въ присутствіи всѣхъ бросилъ въ горѣвшую печь, гдѣ они всѣ и сгорѣли. Болгары говорятъ, будто чрезъ уничтоженіе сихъ документовъ они потеряли права свои на льготу и попали въ военные поселяне.

За періодъ «гражданства» у старожиловъ остались самыя отрадныя воспоминанія и преданія. То было доброе старое время, когда всего было въ изобиліи у крестьянскаго люда. Когда пообжились выходцы въ нашихъ степяхъ, познакомились съ ихъ почвой, климатомъ и другими условіями жизни, то увидѣли, что и здѣсь, такъ же, какъ и за Дунаемъ, жить можно безбѣдно и даже въ довольствѣ. Почва, всюду черноземная, была дѣвственна и плодо-

родна, травъ было въ изобиліи, и они никогда не выкашивались, дрововидные бурьяны каждый годъ залегали на зиму нетронутыми, давая логовища многимъ звѣрямъ и пристанища птицамъ. По степямъ родили въ изобиліи даровые степные фрукты и ягоды: теренъ, дикія вишни, полуницы (клубника дикая), ожина (ежевика) и многія другія, которыя теперь уже рѣдкостны. На рѣкахъ и прудахъ водились безчисленныя стада дикихъ гусей, утокъ и прочей разной дичи. На поляхъ водилось множество полезныхъ звѣрей, даже стада дикихъ лошадей и козъ. Отъ всего этого теперь и слѣда не осталось уже. На поляхъ также разводили ольшанцы въ большомъ количествѣ пасѣки, даже до нѣсколькихъ сотъ пней. Многіе, послѣ ройбы пчель, вывозили ульи въ отдаленныя степи и тамъ, среди громадныхъ бурьяновъ, оставляли ихъ на цѣлое лѣто, забирая потомъ, уже осенью, наполненными медомъ и цѣлыми, ни кѣмъ нетронутыми. Стада овецъ, скота и лошади водились въ изобиліи, выпасаемые на привольныхъ и тучныхъ степяхъ бугскихъ. Это плодородіе и изобиліе земли, обширное и прибыльное скотоводство и овцеводство, цвѣтущее пчеловодство, при трудолюбіи болгаръ, сдѣлало многихъ изъ нихъ зажиточными и богатыми хозяевами.

Въ это доброе, старое время, рассказываютъ старожилы, кромѣ того, что природа благоприятствовала довольству, и сами люди всѣ берегли это доброе. Плугъ, напимѣрь, которымъ работали въ степи, на праздникъ бросали тамъ же, безъ всякаго присмотра, и все было цѣло; такъ же оставляли пасѣки, баштаны, иногда стадо—и никакихъ пропажъ не бывало. Запоры сараевъ, домовъ и пр. были деревянные, а замки считались большею рѣдкостью. Счеты скота, овецъ, пчель, даже денегъ никогда не записывались хозяевами или должниками на бумагахъ или роспискахъ, а все это отмѣчалось «карбами», т. е. нарѣзывалось на палочкѣ известное число знаковъ, или карбовъ, означавшихъ число овецъ - приплодовъ, роевъ прибывшихъ, или же число рублей, и то «накарбованное» число было не наруσιμο и свято съ обѣихъ сторонъ велось и сохранялось. Старики говорятъ, что люди тогда были дѣйствительно очень просты и неумны очень, теперь же молодое поколѣніе гораздо умнѣе, расторопнѣе и хитрѣе, но все это направлено только къ худу, а прямоты и честности прежней не видно.

Въ 1818 году начала вводиться реформа бугскихъ поселенцевъ. Реформа эта была въ началѣ строго военнаго режима. По принятіи поселянами присяги на вѣрность военной службѣ, всѣ годные и молодые были приняты въ 4-й бугскій уланскій полкъ, а прочіе оставались въ резервѣ и занимались хозяйствомъ. Всѣ здоровыя дѣти—мальчики отъ 7 лѣтъ были забраны въ военныя кантонистскія школы и тамъ учились грамотѣ и разнымъ военнымъ артикуламъ до 18 лѣтъ. Послѣ 18 лѣтнаго возраста юноши поступали на пополненіе состава того же 4-го уланскаго полка и служили вмѣстѣ съ своими братьями и родителями. Каждый изъ нихъ былъ обмундированъ въ аммуницію синяго сукна и имѣлъ верховую лошадь; оружіе его состояло изъ пика, сабли и двухъ пистолетовъ. Для дѣтей военныхъ поселянъ 4-го бугскаго полка былъ устроенъ въ Ольшанкѣ такъ называвшійся кантонистскій дивизионъ, гдѣ ихъ обучали и измала подготавливали къ военной службѣ. Каждый мальчикъ имѣлъ деревянную саблю и деревянный карабинъ, съ помощью которыхъ учился военнымъ артикуламъ на деревянной же лошади, а иногда при помощи деревянныхъ же пушекъ, обтянутыхъ листовою мѣдью. Неспособныхъ къ строевой службѣ учили разнымъ искусствамъ и ремесламъ: портняжному, столярному, малярному, слесарному, а также отдавали въ особо заведенныя военныя школы: фельдшерскія, писарскія, таксаторскія (топографовъ) и др. Здѣсь же въ Ольшанкѣ былъ учрежденъ такъ называемый штабъ 4-го уланскаго полка и здѣсь была резиденція администраціи какъ дѣйствующаго полка уланъ, такъ и поселенныхъ резервныхъ его эскадроновъ. Здѣсь были устроены: военный госпиталь, дворецъ царскій и домъ для проѣзжающихъ военныхъ начальственныхъ лицъ, съ огромной залой для пѣшихъ ученій кантонистовъ, манежъ для конныхъ ученій зимою, трубаческая школа для военныхъ музыкантовъ, гауптвахта, полковая канцелярія, комитетъ окружной и пр. Здѣсь же, въ штабѣ, построены были квартиры для военныхъ начальствующихъ лицъ: полковника, казначея, квартирмейстера и др., а также для госпитальнаго персонала дивизионнаго, капельмейстера, ветеринара, инженера и пр.

Въ Ольшанку, какъ штабъ 4 го бугскаго полка, часто наѣзжали для смотровъ и ревизій разныя административныя лица: дивизионные корпусные генералы и инспекторы военныхъ поселеній: гр. Арачевъ,

гр. Витъ и гр. Никитинъ. Инспекторы производили смотры по преимуществу въ полномъ сборѣ бугскихъ уланъ, военныхъ кантонистовъ и военныхъ поселянъ въ одномъ пунктѣ и чаще всего въ гор. Вознесенскѣ, какъ штабѣ четырехъ бугскихъ полковъ. Послѣ смотровъ, всѣхъ уланъ, большихъ и недорослей, распускали на полевныя и домашнія работы, а затѣмъ опять собирали для военныхъ упражненій.

Военный режимъ этого времени положилъ свою печать на всѣ части управленія поселеній. Онъ коснулся даже церковей и духовенства. Сейчасъ по введеніи военныхъ поселеній церковъ ольшанская была сдана подъ вѣдомство вознесенскаго военнаго благочиннаго Теофилакта Башинскаго, который назывался и писался «дивизионный благочинный бугскою уланскою дивизіи». Въ Ольшанкѣ же, какъ и въ штабѣ каждаго бугскаго уланскаго полка, одинъ священникъ назначался на весь полкъ, или округъ старшимъ и писался «старшій окружной священникъ», будучи помощникомъ дивизионному благочинному, у котораго такихъ окружныхъ священниковъ было четыре. Затѣмъ были при штабѣ особенные «штабные діаконы», ведшіе все письмоводство церковей округа при старшемъ окружномъ священникѣ. Благочинные и старшіе священники имѣли обязательно форменныя рясы темно-зеленаго сукна съ краснымъ подбоемъ, а рядовые священники и діаконы—рясы такого же сукна, но съ голубымъ подбоемъ, причетники носили такіе же подрясники и волосы у нихъ должны были быть заплетены въ косу съ голубой лентой. Такую форму издало военное начальство поселеній. Для вознагражденія за требоисправленія военнымъ начальствомъ введена была извѣстная «аракчеевская такса». При совершенной организаціи военныхъ поселеній, церкви и духовенство его испытали на себѣ много перемѣнъ и вліянія со стороны высшаго военнаго начальства. Такъ, церкви въ военныхъ поселеніяхъ начали строиться по особымъ планамъ, изданнымъ военнымъ начальствомъ, въ формѣ квадратнаго креста, введены были однообразныя форменныя церковныя облаченія зеленой матеріи съ золотистыми квадратными крестами, форменныя хоругви—круглыя, металлическія, съ сіяніемъ на трехъ древкахъ. Встрѣчи военно-начальствующихъ лицъ въ церкви съ крестомъ и святой водой были обязательны для приходскихъ священниковъ, которые выходили встрѣчать этихъ лицъ не-

премѣнно въ форменныхъ церковныхъ облаченіяхъ. Оффиціальными ктиторами церквей были впослѣдствіи, кромѣ избранныхъ поселянъ, военные волостные командиры, которыми часто состояли иновѣрцы-нѣмцы и поляки. Старостами при штабѣ въ послѣднее время были устроены и свѣчной заводъ, откуда свѣчами снабжались обязательно всѣ церкви полка или округа, и куда опять свозились всѣ огарки и воскъ для выдѣлки новыхъ свѣчъ. Контроль надъ производствомъ и продажей восковыхъ свѣчъ былъ какъ со стороны духовнаго начальства, такъ и со стороны военнаго, и ежемѣсячная выручка отъ продажи свѣчей въ церквяхъ, а также кошельковая въ концѣ каждаго мѣсяца, представлялась отъ всѣхъ церквей старшему окружному священнику, который ежемѣсячно же сдавалъ сумму въ окружной комитетъ. Въ концѣ года, впрочемъ, отчетъ представлялся дивизионному благочинному, при которомъ была также небольшая канцелярія съ писмоводителемъ, или военнымъ писаремъ, на казенномъ содержаніи. Въ духовныя правленія причты военныхъ поселеній уже не относились и подчинены были, кромѣ епархіальнаго начальства, ближайшему и широкому вѣдѣнію дивизионнаго благочиннаго, купно и военнаго начальства.

Хотя духовенство церквей военныхъ поселеній и зависѣло много отъ военнаго начальства, но за то оно всегда почти пользовалось его вниманіемъ къ своему матеріальному положенію и мощнымъ покровительствомъ. Благочинные, на примѣръ, и старшіе священники всегда развѣзжали по своимъ районамъ по дѣламъ службы на лошадяхъ бесплатныхъ; благочинному выдавалось по открытымъ листамъ 4 лошади, а окружному священнику 2. Квартіры почти у всѣхъ священно и церковнослужителей, не имѣвшихъ собственныхъ домовъ, были отъ военныхъ поселеній. Отопленіе и прислуга священникамъ были также отъ поселенія: священнику давался для прислуги инвалидъ-солдатъ, или кантонистъ, и на него отпускалось все содержаніе отъ военнаго поселенія, даже отпускался ежемѣсячно провіантъ, на каждаго служителя по 2 четверика муки и по 1½ гарнца крупъ. Затѣмъ, при полномъ развитіи военныхъ поселеній и при введеніи штатовъ, духовенство получило на каждый причтъ полную пропорцію подцерковной земли, а двухъ-штатный причтъ—двойную пропорцію, 198 десятинъ. Всему духовенству назначено было казенное жалованье: священникамъ старшимъ по

147 рублей, младшимъ по 114 р., штатнымъ діаконамъ по 85 р., дьячкамъ по 36, пономарямъ по 17 р. и просфорнямъ по 14 руб. Духовенство военныхъ поселеній въ селахъ прежде всего и стало получать установленныя за службу пенсіи. Въ годы неурожайные духовенству наличному, а также его сиротамъ и вдовамъ выдавался изъ запасныхъ магазиновъ военныхъ поселеній провіантъ мукою и зерно на обсмѣненіе полей. Духовенство военныхъ поселеній пользовалось бесплатнымъ лѣченіемъ въ мѣстныхъ госпиталяхъ и имѣло много другихъ выгодъ и услугъ со стороны администраціи военныхъ поселеній.

Въ 1820 году Ольшанку посѣтилъ блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ августѣйшимъ братомъ своимъ Николаемъ Павловичемъ. О посѣщеніи государя вотъ что помнятъ старожилы. Государь пріѣхалъ въ Ольшанку изъ Лысой Горы и здѣсь ночевалъ, такъ какъ тутъ былъ устроенъ такъ называемый дворецъ. На другой день утромъ посѣтилъ ольшанскую церковь, затѣмъ на площади церковной дѣлалъ смотръ бугскимъ уланамъ, бесѣдовалъ милостиво съ стариками, разспрашивалъ о хлѣбопашествѣ и о томъ, какой хлѣбъ лучше здѣсь родить и гдѣ поселяне его сбываютъ. Поселяне отвѣчали, что лучше всего родить пшеница арнаутка и что взять ее для продажи въ Одессу. Помнятъ еще одинъ случай великодушія государя, когда онъ, идучи со смотра уже во дворецъ, встрѣтилъ сидѣвшаго около дома старика, мало видѣвшаго болгарина Іосифа и спросилъ его: сколько тебѣ, старикъ, лѣтъ? Старикъ отвѣчалъ: сто лѣтъ. Государь далъ ему тутъ же 100 рублей на его старость. Такое милостивое обхожденіе государя подало болгарамъ ольшанцамъ смѣлость просить монарха объ освобожденіи ихъ отъ военнаго поселенія и возвращеніи имъ льготныхъ правъ колонистовъ; но крѣпко боялись они своего военнаго начальства, а потому ухитрились, говорятъ старожилы, вотъ что сдѣлать. Приготовивъ прошеніе государю, въ которомъ, ни на кого и ни на что не жалуясь, просили о возвращеніи дарованной имъ при переселеніи изъ Турціи льготы, они вручили его подъ глубокой тайной избранному расторопному болгарину Іорданчику для подачи государю по отъѣздѣ изъ Ольшанки, въ

пути. Государь выѣхалъ изъ Ольшанки на с. Добрянку и здѣсь, на дорогѣ, нагналъ царскій поѣздъ Іорданчикъ, съ бумагой въ рукѣ. Остановивъ одну изъ каретъ поѣзда, онъ сунулъ прошеніе сидѣвшему въ ней лицу и умчался на лихомъ конѣ безъ оглядки въ степь. Объ этомъ, говорятъ, было большое разслѣдованіе, но оно, за всѣми розысками, не открыло, кто подалъ прошеніе отъ имени ольшанцевъ; ольшанцы, страха ради, совсѣмъ отреклись отъ прошенія и изложенныхъ въ немъ пожеланій, и оно осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Съ 1827 года ольшанцы и остальные мѣстные военные поселяне, сохранивъ за собою это послѣднее наименованіе, перестали называться бугскими уланами. Не извѣстно мнѣ, по какому государственному акту или распоряженію уланщина была упразднена, а могу констатировать изъ повѣствованій живыхъ еще поселенскихъ дѣятелей того времени слѣдующіе факты измѣненій въ военныхъ поселеніяхъ. Въ 1827 году уланы бугскіе изъ мѣстныхъ поселянь и резервы ихъ были совсѣмъ разоружены и распущены для занятія хозяйственными дѣлами; но извѣстно, что въ слѣдующемъ году 4-й бугскій полкъ выступилъ въ походъ и участвовалъ въ турецкой компаніи (въ числѣ участвовавшихъ въ ней было до 60 человекъ ольшанцевъ). Дѣти всѣхъ уланъ бугскихъ были также распущены изъ кантонистскихъ дивизионовъ и возвращены родителямъ, всѣ военныя ученія и смотры отмѣнены. Селенія поселянь стали именоваться уже не дивизионами или поселенными эскадронами, а просто «военными селеніями», поселяне назывались «военными поселянами». Взамѣнъ оружія и аммуниціи уланъ, поселяне носили установленную для нихъ форменную одежду, состоявшую изъ козакина сѣраго сукна съ такимъ же кушакомъ, и круглой, того же матеріала, фуражки, съ выставленными на ней красными буквами для ольшанцевъ, напр. «12. О. Н. В. П.» (12-го округа новороссійскаго военного поселенія). Бугскіе уланскіе полки стали именоваться по названіямъ городовъ военного поселенія; такъ 4-й бугскій уланскій полкъ названъ ольвіопольскимъ и комплектовался уже людьми изъ общаго рекрутскаго набора, какъ и другіе войска имперіи. Въ учрежденные кантонистскіе дивизионы набирали дѣтей солдатскихъ и преимущественно сиротъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи и здѣсь приготовляли ихъ наукою къ военной службѣ. Дѣти же военныхъ

поселянъ стали поступать на службу по рекрутскому набору на общемъ положеніи. Военные поселяне могли уже заниматься исключительно хозяйствомъ, и бугскіе казаки и уланы снова стали хлѣбопашцами. Они пользовались тѣми льготами, что не несли никакихъ государственныхъ денежныхъ налоговъ, пользовались землею въ полномъ избыткѣ и бесплатно и были подъ опекою и попеченіемъ военнаго начальства. За то они были обязаны, занимаясь свободно хозяйствомъ, снабжать квартировавшій въ округѣ полкъ провіантомъ, фуражемъ, отопленіемъ и квартирами. Вѣсто кавалерійскихъ начальниковъ, у нихъ явились такъ называемые поселенные: окружные, волостные командиры и низшіе—вахмистры, карабинеры и прочіе военные чины. А потому во всемъ, даже и въ хозяйственныхъ занятіяхъ, царила все таки строгая военная дисциплина, поддерживаемая военными начальниками. И не смотря на все это, положеніе ольшанцевъ и вообще военныхъ поселянъ въ это время, по отзывамъ старожиловъ, было очень удовлетворительно.

20 апрѣля 1828 года получено было официальное извѣщеніе о прибытіи въ нашъ край государя императора. Между тѣмъ, по документамъ видно, что Ольшанку и церковь ея посѣтила въ этомъ году (12 сентября) августѣйшая супруга его, государыня императрица Александра Ѳеодоровна. Изъ рассказовъ старожиловъ извѣстно, что государыня вѣхала въ Ольшанку ночью, при большой, устроенной военнымъ начальствомъ иллюминаціи изъ бочекъ, горѣвшихъ на возвышенностяхъ вокругъ села, и изъ плошекъ, горѣвшихъ по улицамъ. Государыня ночевала во дворцѣ, а на другой день была въ церкви. Въ церковной оградѣ наканунѣ насаженъ былъ садъ изъ разныхъ деревьевъ, которыя и днемъ и ночью изобильно поливали водой, поддерживая зелень и свѣжесть къ пріѣзду государыни, что военно-поселенной администраціей часто практиковалось при смотрахъ начальствующихъ лицъ. Рассказываютъ очевидцы, что когда государыня проходила по аллеѣ этого сада изъ церкви, то, любуясь имъ, взялась за вѣтку одного молодого деревца, чтобы оторвать ее, но за вѣткой потянулось изъ свѣжаго ила все деревцо. Государыня удивилась и спросила: «давно ли растетъ этотъ садъ»?—Находчивый мѣстный начальникъ поселенія отвѣтилъ: «онъ выросъ вчера, къ пріѣзду вашего императорскаго величества». Государыня снисходительно улыбнулась и пошла дальше. На пло-

щадѣ, около дворца, она любовалась затѣйливыми нарядами ольшанскихъ болгарокъ. Къ столу поднесенъ былъ ей отъ помѣщика Адабаша изъ приходской деревни Осичокъ виноградъ, выросшій и созрѣвшій здѣсь же, въ Осичкахъ. Съ государыней былъ большой штатъ фрейлинъ, которыя были размѣщены по квартирамъ; былъ также въ Ольшанкѣ и извѣстный царскій кучеръ Ильюшка, который ночевалъ въ домѣ болгарина Льва Жекова, живущаго и теперь еще. Государыня выѣхала, говорятъ старожилы, на мѣстечко Лысую Гору, гдѣ былъ сборъ военныхъ поселенъ, и тамъ встрѣтилась съ государемъ, прѣѣхавшимъ туда другимъ путемъ изъ Елисаветграда.

Въ 1856 году, когда военныя поселенія, за 40 лѣтъ своего существованія, достигли уже апогея своего развитія, болгары села Ольшанки, въ которомъ безсмѣнно находился штабъ 12-го округа и полка и которое черезъ то болѣе всего выносило тягостей военнаго управленія, начали опять изыскивать средства къ возвращенію давно обѣщанной и потерянной ими 30-тилѣтней льготы. Для этого они, секретно отъ начальства военнаго поселенія, уполномочили своего церковнаго старосту Григорія Кройтора, снабдили его деньгами и отправили въ Одессу для пріисканія свѣдущаго по дѣлу ходатая. Кройторъ отыскалъ занимавшагося адвокатурою отставнаго поручика Петра Бестужева-Рюмина, который составилъ имъ и подалъ 13 іюня 1856 г. прошеніе на высочайшее имя. Прошеніе это сохранилось въ копіи, въ бывшемъ комитетскомъ архивѣ и мы черпаемъ изъ него интересныя свѣдѣнія. Изложивъ исторію своего переселенія и поселенія въ Россіи (мы рассказали ее раньше), просители продолжали такъ: «но мы, сохраняя многіе обычаи предковъ нашихъ и языкъ Болгаріи, имѣемъ большое затрудненіе въ супружествахъ сыновей нашихъ, потому что вступленія въ законный бракъ съ дѣвицею нашего происхожденія не дозволяютъ родственныя связи по малочисленности обществъ нашей націи; въ теченіе 83 лѣтъ сдѣлалось между нами родство, но нѣкоторые вынуждены были вступать въ таковыя браки, чѣмъ нарушалась религія и святость законовъ. А вступя въ супружество съ дѣвицею другаго происхожденія, отъ различія обычаевъ и характеровъ происходятъ въ семействахъ распри и ссоры, чѣмъ нарушается супружеское сожи-

тіе. Болгары же-колонисты, хотя до переселенія нашего въ благословенную Россію были намъ соотечественники, но не соглашаются выдавать дочерей своихъ въ замужество за сыновъ нашихъ, потому что мы не пользуемся тѣми правами, каковые представлены имъ, и чрезъ холостую жизнь молодыхъ людей нашего общества происходятъ разстройства въ домашнихъ обзаведеніяхъ и земледѣліи, отъ чего многіе терпятъ нужду и бѣдность». Изложивъ мотивъ просьбы, ольшанцы переходятъ къ сей послѣдней: «великій монархъ, пишутъ они, повели обратить насъ изъ казенныхъ поселянъ въ первобытное состояніе по переселеніи насъ въ благодатную Россію, на правахъ колонистовъ болгаръ, соотечественниковъ нашихъ. Малочисленность душъ нашихъ, всего до 300 семействъ, не можетъ умалить поселеній твоихъ. Державный отецъ нашъ! мы не ропщемъ на какое либо угнетеніе или начальство наше, мы всѣмъ счастливы въ благоустроенной Россіи, но ради религіи святой умоляемъ тебя, какъ земнаго Бога нашего: отпусти дерзновеніе вѣрноподанныхъ рабовъ твоихъ и осчастливь повелѣніемъ отчислить нашу деревню къ колоніямъ болгаръ, которая одна включена къ военнымъ поселеніямъ, а соотечественники наши, со дня переселенія въ Россію, пользуются неограниченными милостями» и проч. За подписями читаемъ: «Сочинялъ и переписывалъ сіе прошеніе со словъ просителей отставной поручикъ Петръ Владиміровъ Бестужевъ-Рюминъ».

Какъ явствуетъ изъ сего прошенія, главнѣйшимъ мотивомъ просьбы ольшанцевъ о перечисленіи въ колонисты было то, что они встрѣчали большое затрудненіе въ бракосочетаніи своихъ дѣтей съ лицами ихъ же націи изъ колонистовъ; односельцы же болгары почти всѣ перероднились. Причина эта въ дѣйствительности была не маловажною, и теперь еще она отчасти существуетъ. Но и по уничтоженіи уже военныхъ поселеній, колонисты-болгары съ ольшанцами-болгарами въ браки все таки не вступаютъ, вѣроятно, по отдаленности разстоянія между тѣми и другими (около 200 верстъ), а можетъ быть и потому, что они подъ различными условіями жизни прожили такой длинный періодъ времени. Были случаи за время военного поселенія, что ольшанскія болгарки охотно выходили въ замужество за колонистовъ, чтобы избавиться отъ казенныхъ работъ военныхъ поселеній; изъ колонистокъ же никто не выходилъ сюда въ замужество, боясь военно-

поселенщины. Слѣдовательно, мотивъ, выраженный въ прошеніи, былъ не единственною причиною, побуждавшею ольшанцевъ искать перечисленія въ колонисты: имъ вообще не въ моготу было уже выносить на себѣ военнопоселенщину. Не жалѣя средствъ, они, какъ говорятъ, собрали и потеряли на это дѣло около 700 рублей. Но 1856 годъ былъ кануномъ уничтоженія всѣхъ военныхъ поселеній, а потому въ ходатайствѣ о перечисленіи въ колонисты имъ было отказано, за предстоявшимъ въ слѣдующемъ же году расформированіемъ всѣхъ военныхъ поселеній.

На канувъ упраздненія своего военныя поселенія казались столь благоустроенными и внѣшне усовершенствованными, что никто и не подумалъ бы объ ихъ уничтоженіи. Проѣзжая военными поселеніями, бывало, удивляешься тѣмъ порядкамъ, устройствамъ и учрежденіямъ, которыя существовали исключительно въ однихъ только поселеніяхъ. Только вступивъ на территорію военныхъ поселеній, бывало, вы уже видите и чувствуете, что находитесь какъ бы въ совершенно иной, благоустроенной странѣ. Дороги вездѣ прямыя, широкія, нивелированныя, съ обѣихъ сторонъ обрѣзанныя глубокими, ровными бороздами; на каждой четверти версты съ обѣхъ сторонъ поставлены деревянные крашеные, или каменные выштукатуренные и побѣленные столбы, а на каждой верстѣ—особый большой верстовой столбъ, съ обозначеніемъ цифрами числа пройденныхъ верствъ отъ селенія до селенія. На срединномъ разстояніи между селеніями устроены пріюты для проѣзжихъ, съ разведеннымъ вокругъ садомъ, или же цѣлой плантаціи шелковицы, акаціи и другихъ деревьевъ; въ пріютѣ найдете покойную меблированную комнату для проѣзжающихъ; для утоленія жажды всегда почти имѣется при немъ колодезь или фонтанъ; все это содержится въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ и охраняется нарочнымъ сторожемъ. На границахъ округовъ военныхъ поселеній, на дорогахъ, стоятъ большія каменные, изящно отдѣланныя пирамиды съ надписями въ нишахъ, свидѣтельствующими объ окончаніи территоріи одного округа и началѣ другаго. Всѣ крутизны, встрѣчающіяся на дорогахъ, срѣзаны и обставлены барьерами; рывтины и ручьи перекрыты хорошими мостиками съ деревянными, выкрашенными, или же каменными и

кирпичными рѣшетчатыми перилами, часто обсаженными аллеями деревьевъ. Вообще пути сообщенія въ военныхъ поселеніяхъ находились въ образцовомъ, щеголеватомъ видѣ.

Не въ худшемъ видѣ представлялась и хозяйственная сторона поселеній. На необозримомъ пространствѣ нашихъ, прежде дикихъ. степей бросались въ глаза обширныя поля пшеницы и другихъ разнородныхъ хлѣбовъ. При въѣздѣ въ каждое селеніе военныхъ поселеній васъ приятно поражалъ громадный токъ, или гумно, на которомъ сложена масса хлѣба, выработаннаго руками поселянъ для потребностей военныхъ поселеній. Токъ расположенъ въ почти-тельномъ разстояніи отъ селенія, обнесенъ дерновымъ валомъ съ воротами и будкою; весь токъ уставленъ громадными скирдами разнороднаго хлѣба, симметрически и красиво сложенными на небольшихъ постаментахъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ площади. Посреди тока стоитъ обширная клуна, гдѣ осенью (подъ контролемъ окружнаго командира, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, а также цѣлаго сонма вахмистровъ, карабинеровъ, десятниковъ, членовъ токовыхъ, лановыхъ и проч.) производится проба урожая, а затѣмъ вымолотка зерна руками поселянъ, въ послѣднее же время и при посредствѣ конныхъ молотильныхъ машинъ. Здѣсь при первой пробной вымолоткѣ для опредѣленія качества урожая разныхъ хлѣбовъ присутствовалъ въ послѣднее время обязательно, какъ членъ окружнаго комитета, и старшій окружной священникъ и участвовалъ въ подписаніи составлявшагося по сему акта вмѣстѣ съ прочими членами, военными офицерами. Отсюда, изъ такъ называемаго въ военномъ поселеніи казеннаго тока, этого кормильца военныхъ поселеній, шло продовольствіе всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ и постоянно находившихся на квартированіи кавалерійскихъ эскадроновъ уланъ и гусаръ; отсюда шель провіантъ для служащихъ и паекъ для вдовъ и сиротъ, фуражъ для казенныхъ лошадей, отопленіе для квартиръ разныхъ чиновъ и околотъ для покрыши и ремонта многочисленныхъ казенныхъ зданій. Отсюда же шло иногда и масло, выработанное изъ разныхъ маслособойныхъ сѣмянъ для казенныхъ красильныхъ работъ. Это была кладовая военныхъ поселеній, въ которую свозились всѣ продукты и результаты тяжелыхъ полевыхъ работъ нашихъ военныхъ хлѣбопашцевъ.

Подъѣзжая къ селу съ другой окраины, вы непременно остановили бы вниманіе свое на одномъ или нѣсколькихъ солидныхъ зданіяхъ, построенныхъ изъ камня или прекраснаго туземнаго кирпича, и покрытыхъ въ послѣднее время то желѣзомъ, то черепицей военно-поселенскаго издѣлья. Это зданія или казенныя коюшни и манежи для квартирующихъ войскъ, или хлѣбныя магазины, госпитали, кантонистскіе дивизионы, фермы, разныя школы и пр. Если при въѣздѣ въ селеніе есть балка, рытвина или ручей, непременно устроенъ прочный и красивый мостикъ съ аллеей деревьевъ; вблизи часто увидите колодезь, изящно и затѣливо отдѣланный въ восточномъ вкусѣ, съ желѣзной или черепичной крышей на каменныхъ столбахъ и аркахъ. При самомъ въѣздѣ въ селеніе, улицу заслоняетъ непременно огромная каменная стѣна, аккуратно выштукатуренная и выбѣленная известью, или же кирпичная рѣшетчатая, среди стѣны—широкія, отлѣланныя ворота прямо въ улицу, заслоненныя шлагбаумомъ. Эти подъѣзды къ военнымъ селеніямъ и главныя площади въ нихъ особенно были красиво и даже вычурно отдѣланы въ такъ называемыхъ штабныхъ селеніяхъ, гдѣ находился штабъ одного изъ 12 округовъ военныхъ поселеній, каковымъ состояло до самаго упраздненія поселеній и с. Ольшанка. Поэтому, какъ тогдашній очевидецъ и житель Ольшанки, я опишу виѣшній ея видъ, въ какомъ она находилась наканунѣ упраздненія военныхъ поселеній. Спускъ къ селенію съ юго-восточной стороны по крутой горѣ на ручей Ольшану тщательно обрѣзанъ, углаженъ и огражденъ крашенными перилами до самого моста, а отъ моста опять на гору до шлагбаума. Около моста, по равнинѣ шла аллея изъ двухъ рядовъ огромныхъ вѣтвистыхъ деревьевъ. Мостъ устроенъ прочно изъ мѣстнаго гранита, съ тумбами и перилами по бокамъ. Съ лѣвой стороны моста стоитъ колодезь съ изящно сдѣланнымъ навѣсомъ на четырехъ кирпичныхъ столбахъ или аркахъ, вычурно обкарнизованныхъ и выбѣленныхъ. При въѣздѣ въ шлагбаумъ, который также раздѣланъ красками по казенной формѣ и поднятъ на желѣзной цѣпи, съ правой стороны стоитъ столбъ съ круглой таблицей, на которой краскою по черному фону написано: «Штабъ 12 округа новороссійскаго военнаго поселенія с. Ольшанка», за тѣмъ число душъ мужеска пола, число хозяевъ 1-го и 2-го разряда, число такъ называемыхъ нехозяевъ

и проч. По въѣздѣ въ шлагбаумъ, съ правой стороны, около воротъ построенъ каменный, изящно отдѣланный домикъ, или караулка съ готическими окнами и дверями на улицу; назначеніе его служить приютомъ для сторожа, который неизвѣстно что оберегалъ, развѣ чистоту и порядокъ. Далѣе идетъ плановая улица, съ красивыми по обѣ стороны домиками, построенными изъ жженаго кирпича и раскрашенными мѣстной краской охрой, а угловые пилястры известью бѣлой; каждый домикъ построенъ съ двумя окнами на улицу и третьимъ по срединѣ фальшивымъ, съ наличниками и ставнями; крыши на домахъ аккуратно покрыты околотомъ и устроены съ двумя высокими боковыми фронтами, въ коихъ видно по одному полукруглому окошку; на каждомъ домѣ подъ фронтономъ укрѣплена черная таблица, на которой краскою проставленъ номеръ дома и къ которому разряду принадлежитъ хозяинъ дома, а также изображенъ тотъ предметъ, съ которымъ хозяинъ обязанъ выходить на случившійся пожаръ. Вдоль улицы, съ обѣихъ сторонъ, подъ домами устроены возвышенные тротуары для пѣшеходовъ, утрамбованные сверху щебнемъ и съ боку выложенные камнемъ и выбѣленные известью; надъ тротуарами возвышается красивая рѣшетка изъ жженаго кирпича отъ дома къ дому съ каменными фигурными столбиками на воротахъ cadaго двора, выкрашенными красной краской съ побѣленными верхами и круглыми на нихъ каменными шарами. Минувши улицу, вы въѣзжаете въ штабъ, какъ говорятъ здѣсь и теперь еще. Штабъ—это площадь, посреди которой стоитъ церковь, а вокругъ нея и около расположены: окружной комитетъ, волостной комитетъ и сельской, полковая канцелярія, гауптвахта, каланча, пожарная команда, школа трубачей, цейгаузы полковой и поселенный, швальня и проч., а также квартиры окружнаго и полковаго командировъ, волостного начальника, доктора, священника и другихъ военнослужащихъ при штабѣ. Всѣ квартиры были крыты околотомъ (исключая двухъ крышъ черепичныхъ), но содержались въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, нѣкоторыя были облицованы жженнымъ кирпичемъ и покрашены красной краской. Отъ домика къ домику шли вездѣ рѣшетчатые, изъ жженаго кирпича и разныхъ фигуръ заборики. Вся площадь была окаймлена довольно высокимъ каменнымъ тротуаромъ, утрамбованнымъ щебнемъ и съ боковъ всегда побѣлен-

нымъ извѣстью. Вокругъ всей площади былъ низкій барьеръ на каменныхъ тумбахъ, который ограждалъ аллею деревьевъ. Лучшими зданіями на площади были: домъ окружнаго начальника, гауптвахта, устроенная съ открытымъ корридормъ на круглыхъ каменныхъ колоннахъ съ кордегардіей, съ деревянной платформой огражденной крашенымъ барьеромъ, съ навѣсомъ для ящика съ казной и для часового, съ вѣстовымъ колоколомъ и вообще со всѣмъ такимъ устройствомъ, какое видимъ теперь при военныхъ гауптвахтахъ. Каланча съ помѣщеніемъ для не военной (поселянской) кордегардіи и для пожарныхъ инструментовъ была также красиво устроена на столбахъ, съ открытыми полукруглыми подъѣздными арками и раскрашенными пилястрами. При выѣздѣ изъ штаба на с. Добрянку, по обѣимъ сторонамъ плановой улицы былъ разведенъ казенный садъ съ разбитыми дорожками, рѣшетчатой огородей, красивыми воротами, тротуарами и пр. Въ концѣ сада, на выѣздѣ изъ селенія—опять готическая караулка, высокая стѣна, шлагбаумъ, столбъ съ надписью и пр., какъ при вѣздѣ. На окраинахъ селенія находились: огромное зданіе кантонистскаго дивизіона съ полковою домовою церковью, военно-поселенный госпиталь, дворъ рабочей роты, магазины, кавалерійскія конюшни, разныя мастерскія, бани, пекарни и пр.

Нынѣ уже все почти описанное нами не существуетъ, не существуютъ уже болѣе четверти вѣка и самыя поселенія. Оглянувшись назадъ, на это прошлое, попробуемъ теперь взвѣсить и добро, и зло, принесенныя военными поселеніями.

Благо военныхъ поселеній для народа заключалось въ томъ, что онъ, во первыхъ, никогда не платилъ никакихъ ни подушныхъ, ни поземельныхъ, пользуясь даже въ крайнихъ случаяхъ заведенною вспомогательною кассою. Изъ получавшагося въ началѣ жалованья военными поселянами, находившимися въ строю, дѣлались вычеты въ кассу для вспомошествованія нуждающимся хозяевамъ при падежѣ скота, неурожаѣ и пр. Еще въ 30-хъ годахъ этого капитала въ с. Ольшанкѣ было, какъ видно изъ подлинныхъ вѣдомостей, 7,657 р.

Затѣмъ земли свободной въ военномъ поселеніи было въ избыткѣ и каждый могъ обрабатывать столько, сколько хозяйствен-

ныхъ силъ его доставало. Такъ называемые перворазрядные хозяева засѣвали (по вѣдомостямъ поселеннымъ) по 30 четвертей хлѣба, средніе по 20, а слабые до 10. Урожай въ посредственный годъ бывалъ самъ пять. Сѣвооборотъ съ начала поселеній наблюдался правильно подѣ руководствомъ опытныхъ въ хозяйствѣ начальниковъ. За своевременною и аккуратною обработкою полей, за посѣвами, уборкою травъ и хлѣбовъ не только военно-поселенскихъ, но и частныхъ хозяевъ былъ строгій и неослабный надзоръ и военныя понужденія, такъ что урожаи были въ большинствѣ обильные, и невольные военные поселяне имѣли несравненно больше хлѣба и скота, чѣмъ теперешніе, уже свободные хлѣбопашцы-крестьяне. Туеядцевъ въ поселеніи не было, потому что энергичныя военныя мѣры вахмистровъ и карабинеровъ направляли всѣхъ къ дѣлу, и въ особенности въ рабочую пору выгоняли всѣхъ способныхъ въ поле, на казенную или собственную ниву, не позволяя никому залеживаться, или же, Боже храни, бражничать дома. Волей неволей всѣ трудились и въ избыткѣ пользовались за тѣмъ плодами своихъ трудовъ; въ несчастныхъ же обстоятельствахъ, какъ то, въ случаѣ неурожая, эпизоотіи, пожара, воровства, болѣзни, сиротства и т. п., военный поселянинъ всегда находилъ помощь въ отеческомъ попеченіи своего военного начальства. Во время неурожая въ одной мѣстности военного поселенія хлѣбъ привозился изъ другой мѣстности или округа и раздавался поселянамъ на обѣдненіе полей, запасной же хлѣбъ изъ магазиновъ раздавался на прокормленіе нуждающимся. Сироты и бѣдныя вдовы ежемѣсячно получали назначенный имъ провіантъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Если у поселянина пала скотина, или была уворована, ему выдавали изъ запаснаго капитала субсидію. Если онъ погорѣлъ, ему возобновляли постройки отъ казны, да и вообще всѣ дома въ послѣднее время перестраивали на линію общенароднымъ способомъ. Въ болѣзняхъ къ услугамъ поселянь всегда были даровая аптека, госпиталь, докторъ и фельдшера, а оспа прививалась всѣмъ дѣтямъ регулярно. Въ случаяхъ заболѣванія рабочаго скота всегда имѣлся ветеринарный врачъ, фельдшера и лекарства даровыя.

Кромѣ этого, въ военномъ поселеніи учреждены были заводы породистыхъ лошадей, скота, которые улучшали скотоводство и хозяйство поселянь. Въ послѣднее время введено было много ремес-

ленныхъ заведеній, въ которыхъ обучали поселянъ столярнымъ, слесарнымъ, кровельнымъ, каретнымъ, малярнымъ, живописнымъ, рѣзнымъ, лѣпнымъ и даже позолотнымъ мастерствамъ. Вездѣ завели плантаціи садоводства, лѣсоразведенія, шелководства, а также устроили много заводовъ кирпичныхъ, черепичныхъ, известковыхъ, селитренныхъ, восковыхъ, пивочныхъ и т. п., куда направлена была значительная доля труда военныхъ поселянъ.

Такое разнообразіе занятій, возлагавшихся на военныхъ поселянъ, такое усложненіе ихъ работъ отвлекало народъ отъ главнѣйшаго, первоначальнаго его дѣла—хлѣбопашества. Забота ближайшихъ военныхъ властей о томъ, чтобы наружная, казовая сторона военныхъ поселеній всегда представлялась ревизорамъ-инспекторамъ, при повторявшихся чаще и чаще смотрахъ, въ блестящемъ и изящномъ видѣ, ложилась новымъ, тяжелымъ бременемъ на поселянъ. Съ весны до осени періодически производились смотры въ военныхъ поселеніяхъ. Сначала осматривалъ свой округъ окружной командиръ, затѣмъ начальникъ четырехъ округовъ, далѣе-начальникъ девяти округовъ, послѣ инспекторъ поселеній, главный начальникъ всѣхъ военныхъ поселеній, генераль-адъютанты изъ Петербурга и т. п. Приготовленія ко всѣмъ этимъ смотрамъ отнимали много рабочаго времени и рукъ поселянъ, въ ущербъ земледѣлію. Передъ пріѣздомъ сихъ начальниковъ начиналась поправка, побѣлка, подкраска всѣхъ военно-поселенскихъ разнообразныхъ зданій и построекъ: церкви, комитеты, мосты, мостики, колодцы, тротуары, аллеи, садики, шлагбаумы, будки—все это приводилось въ нарядный, праздничный видъ. Дороги исправлялись, выравнивались, столбы дорожные отъ селенія до селенія, по всей степи штукатурились, бѣлились, красились, а для всего этого нужно было развозить по всѣмъ степямъ камень, песокъ, воду, известь и пр., на все это нужны были руки поселянъ. Въ самыхъ селахъ поселянскихъ хаты вездѣ мазались, бѣлились, хотя бы то и въ жнива или косовицу, крыши исправлялись, главные улицы выравнивались, заматались вѣниками, тротуары бѣлились, посыпались щебнемъ, пескомъ. Даже женщины и дѣти въ это время спѣшили выполнять означенныя работы. Въ послѣднее время, когда начали оскудѣвать сборы хлѣба въ военномъ поселеніи, то, при проѣздѣ высшихъ начальниковъ поселеній, въ селахъ, на главныхъ улицахъ, въ дворы жившихъ

тамъ поселянъ нарочно свозили чужой хлѣбъ и складывали его въ большіе стога на виду, на время проѣзда инспекторовъ. Окна такихъ домовъ на главныхъ улицахъ уставляли чужими самоварами, чайниками, чашками, цвѣтами и другими предметами роскоши, чтобы представить поселянъ благоденствующими. Часто, при проѣздѣ высшихъ лицъ, на видныхъ мѣстахъ устраивались искусственные парки и аллеи изъ выкопанныхъ наканунѣ въ садахъ и лѣсахъ деревьевъ, которые затѣмъ безостановочно поливались, чтобы представить благоустройство военныхъ поселеній и произвести отрядное впечатлѣніе на инспектирующаго начальника. А сколько это непроизводительное дѣло стоило трудовъ, времени, а часто и побоевъ бѣднымъ землепашцамъ поселянамъ! Съ инспектирующими, въ особенности высшими начальниками слѣдовалъ въ экипажахъ цѣлый кортежъ низшихъ мѣстныхъ военныхъ властей, встрѣчаемый и провожаемый передовыми, вѣстовыми, сигнальными, махальными и пр., что все требовало множества лошадей и людей. При усилившемся посѣщеніи военныхъ поселеній высшими, разныхъ специальностей, лицами по части военной, поселенной, медицинской, инженерной, лѣсной, разныхъ заводовъ и пр., умножились постройки новыхъ зданій и квартиръ для многихъ служащихъ. Для пріѣзжающихъ собственно лицъ нарочно устроены были такъ называемые «комитеты для пріѣзжающихъ лицъ». Зданія эти были въ каждомъ селеніи, и на большихъ трактахъ устраивались съ возможными удобствами, изяществомъ и даже роскошью. Въ каждомъ изъ нихъ была мебель: кушетки, шторы, часы и пр. И всѣ эти зданія, какъ и квартиры всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ отапливались собственнымъ матеріаломъ военныхъ поселянъ, ими же ремонтировались и содержались всегда въ изысканномъ порядкѣ и чистотѣ. Около этихъ комитетовъ обязательно разводились и поддерживались поселянами изящные садики, аллеи, дорожки и пр. Для устройства всѣхъ подобныхъ зданій и ремонта ихъ поселяне должны были своими подводами вывозить изъ далекихъ мѣстъ нужные матеріалы, какъ то лѣсъ, камень пиленный, известковый камень, гипсъ и пр. Для отапливанія всѣхъ квартиръ военнотружениковъ поселяне должны были перевозить на своихъ подводахъ, за нѣсколько десятковъ верстъ цѣлыя скирды соломы, кирпича, дровъ, а также фуражъ войскамъ: сѣна, овса, хлѣба и пр. Въ особенности тяжелою и изнурительною

повинностью для поселянъ была въ послѣднее время вывозка зимою дерева изъ черкасскихъ лѣсовъ. Выражалось въ лѣса, часто на цѣлый мѣсяць, по нѣскольکو десятковъ поселенскихъ возовъ, на которыхъ везлись и сани, и сѣно, и харчи; каждый поселянинъ обязанъ былъ имѣть, кромѣ собственной подводы съ лошадьми или волами, еще собственную провизію для себя и скота и всѣ путевые расходы нести на собственный счетъ. Отъ этихъ выѣздовъ въ лютыя зимы, или ненастья многіе изъ поселянъ, при плохой одеждѣ и слабомъ скотѣ, теряли здоровье и лишались рабочей скотины. Въ крымскую же компанію постоянное передвиженіе цѣлыхъ скирдъ, мѣшковъ съ хлѣбомъ, фуража, сѣна, отопленія и пр. въ районѣ военныхъ поселеній и даже до самаго города Берислава, въ ненастья и суровую погоду, свело не одного поселянина съ хозяйства.

Но еще два новыхъ обстоятельства въ военномъ поселеніи послужили большимъ зломъ для народа и разорили совсѣмъ военныхъ поселянъ. Это перестройка всѣхъ селъ военныхъ поселеній по новымъ, составленнымъ инженерами, планамъ и вновь выработанное въ поселеніи такъ называемое «урочное положеніе работъ».

Сначала на новыя, проектированныя планами, улицы выводились исподволь только тѣ, которые, по ветхости домовъ, имѣли надобность въ перестройкѣ ихъ или выдѣляли новое семейство и новопоселенцы. Въ послѣднее же время съ особенною настойчивостью стали строить нарядомъ цѣлыя почти улицы на новыхъ линияхъ и выселять туда жителей изъ старыхъ, насиженныхъ и обстроенныхъ усадьбъ; старыя, лежавшія не на линіи усадьбы, разорялись совершенно, со всѣми бывшими тамъ хозяйственными постройками, садами, огородами и пр. По новымъ планамъ, нѣкоторыя старыя усадьбы совершенно сметались съ лица земли, поступали подъ площади, улицы и разныя казенныя постройки. Иногда въ бывшихъ садахъ устраивались во время компантовъ коновязи для цѣлыхъ эскадроновъ лошадей, а левады и хутора поселянъ также выводились и уничтожались. Это, повторяю, многихъ разорило въ хозяйствѣ. Распланировка лишила жителей многихъ хозяйственныхъ удобствъ и службъ, взамѣнъ чего давалась только красивая, веселая, но голая хата и на голой же линіи. Сады поселянъ, въ которыхъ въ 20-хъ годахъ, по рассказамъ сторожиловъ, почти утопала вся Ольшанка, были разорены, уничтожены, а взамѣнъ

ихъ явились, какъ я выше говорилъ, строго распланированныя аллеи, сельскіе парки, древесныя питомники и пр., служившіе большею частью только веселой декорацией военныхъ поселеній. Всѣ сіи прихотливыя и хлопотливыя нѣмецкія затѣи были чужды духу нашихъ русскихъ хлѣбопашцевъ, лежали на нихъ тяжелымъ бременемъ и не отвѣчали насущной потребности народа. И потому то, какъ скоро упразднились военныя поселенія, многіе изъ жителей стали возвращаться опять на старыя усадьбы, застраивать ихъ и вновь разводить простые хозяйственныя сады, которыхъ теперь несравненно больше, чѣмъ было въ поселеніи; плановые форменные дома стали перестраивать сейчасъ же, сообразно своимъ хозяйственнымъ удобствамъ: фронтонныя крыши вездѣ сломали и перестроили, ставни оконныя снимали, тротуары разобрали, камень изъ нихъ вынули и употребили на болѣе полезное приложеніе, жженый кирпичъ изъ столбовъ и рѣшетчатыхъ заборовъ употребили на печи и трубы, шлагбаумы, будки, парки, аллеи—все это исчезло теперь.

Самымъ тяжкимъ и разорительнымъ бременемъ военныхъ поселеній было урочное положеніе работъ, вводившееся съ военною точностію и неумолимою строгостію. Когда еще начальниками въ военныхъ поселеніяхъ были большею частью люди русскіе, вышедшіе изъ народа, или по крайней мѣрѣ близко стоявшіе къ народу, хорошо знакомые съ его жизнью и со всѣми ея условіями, то они хозяйство и порядки всѣ вели по русски, съ народомъ обращались человѣчнѣе, и хозяйства, какъ военныхъ поселеній вообще, такъ и частныхъ лицъ—поселянъ, шли тогда хорошо, и вообще въ поселеніи, по рассказамъ старожиловъ, все благоденствовало. Но когда поселеніе наводнили иностранцы и иновѣрцы, чуждые русской жизни и духу, желавшіе сдѣлать изъ русскаго нѣмца и все перестроить на внѣшній нѣмецкій ладъ, тогда всюду въ поселеніи выходило все для нѣмцевъ прекрасно, а для русскихъ ужасно. Почти всѣ высшіе и лучшіе посты начальниковъ въ поселеніи заняли нѣмцы и частью поляки. Герштенцвейги, Шварцы, Шмидты, Моллеры, Лауницы, Берги, Корфы, Филеборны, Миттерманы вездѣ почти красуются своими подписями на всѣхъ важнѣйшихъ циркулярахъ и распоряженіяхъ по поселеніямъ. Отъ нихъ происходила инициатива всѣхъ реформъ и нововведеній въ военномъ поселеніи,

которыя всё безапелляціонно вводились въ жизнь низшими властями съ полною военною субординаціею и математическою пунктуальностію. Сначала по высшей, вѣроятно нѣмецкой, инициативѣ выбранны были здоровые, сильные работники изъ поселянъ и въ присутствіи избранной комисіи поставлены на пробныя работы въ полѣ. Одни изъ нихъ въ присутствіи комисіи должны были копать, другіе жать, третьи вязать, сѣно метать, наконецъ затѣмъ возить, молотить, вѣять и проч., и сколько было каждымъ такимъ рабочимъ въ присутствіи ихъ въ одинъ день сработано, это признано за норму для каждаго работника-поселянина. По этому образцу сдѣлана проба для оранки, посѣва, молотбы, наконецъ, сколько здоровый рабочій скотъ можетъ поднять, перевезть тяжестей на возу и пр. Все это строго математически было опредѣлено, урегулировано, и отсюда вышло «урочное положеніе работъ» для поселянъ. Прежде поселяне обыкновенно работали три дня поселенію или казнѣ, а три дня себѣ; а теперь уже каждому давались для работъ, на основаніи урочнаго положенія, уроки. Уроки эти поселянинъ долженъ былъ выработать во сколько можетъ времени, но чисто и аккуратно. А такъ какъ уроки посильны были только для избранныхъ работниковъ, самыхъ сильныхъ и здоровыхъ, то и вышло, что большинство поселянъ заданныхъ имъ урочныхъ работъ выработать въ три дня были не въ состояніи, а работали четыре и больше. Тогда для собственныхъ работъ поселянину оставалось два или одинъ день въ недѣлю, а если приходилось ненастье или праздники, то, не сдѣлавъ ничего на собственной нивѣ, онъ долженъ былъ опять поступить въ нарядъ на урочныя поселенныя работы. Урочное положеніе не брало во вниманіе ни разности силъ рабочихъ, ни погоды, ни урожайности хлѣба, ничего. Всякую недомку по урочнымъ работамъ приписывали нерадѣнію и лѣности поселянъ и строго взыскивали старымъ военнымъ способомъ—розгами. Кромѣ того, иному работнику приходилась нива чистая, легкая для работъ, а другому бурьяноватая, густая, тяжелая; иному выпадало время въ сухую погоду, другому въ сырую, когда опасно и убирать хлѣбъ, или въ вѣтряную, когда трудно бываетъ чисто и слѣшно убирать. А за всѣмъ этимъ слѣдило множество военныхъ начальниковъ контролеровъ, которые за всякую казавшуюся неисправность тутъ же сѣкли розгами; но многіе изъ нихъ, сказать къ слову, назначен-

ные изъ кавалерійскихъ полковъ гусаръ и уланъ въ послѣднее время, были недоросли-бѣлоручки, которые не только не умѣли управлять хозяйствомъ, но даже вовсе не понимали его, руководясь низшими вахмистрами, членами изъ поселянъ и пр. Если кто не успѣлъ отработать своего урока изъ-за погоды—сѣкутъ; если кто спѣшно работает и не совсѣмъ чисто—сѣкутъ; если кто, выработывая свой урокъ, поспѣшилъ убрать часть зеленоватую, или сыроватую сѣкутъ; если кто отсталъ и допустилъ перестоять хлѣбъ, тоже сѣкутъ. Двѣсти-триста розогъ была заурядная порція, а то часто доходило до 500—600. Единолично, безапелляціонно наказывалъ такъ cadaго военного поселанина окружной начальникъ, волостной командиръ, завѣдующій селеніемъ и даже вахмистръ; а низшіе чины: карабинеры, десяточные, ефрейторы и даже избранные отъ поселянъ, такъ называемые члены, тѣ имѣли привиллеію прямо бить по зубамъ, и не одинъ еще и теперь есть изъ поселянъ, которые потеряли зубы отъ этихъ низшихъ экзекуторовъ. О послѣднихъ волостныхъ командирахъ, С—мъ и З—чѣ рассказываютъ поселяне, что они развѣзжали по полямъ во время лѣтнихъ работъ съ дюжимъ кучеромъ, вооруженнымъ нарочитымъ аралникомъ, и тутъ же, на нивѣ, при замѣченной неисправности или при казавшейся только, кучеръ слѣзаль съ козелъ и, по приказанію волостного, тѣмъ же арапникомъ, что сейчасъ стегаль четверку лошадей, отсчитываль на трудовой спинѣ безотвѣтнаго поселанина не одну сотню. Нечего говорить о томъ, что собственныя хозяйства поселянъ разстраивались и стали приходиться въ упадокъ; но и тутъ, при упущеніяхъ и не успѣхѣ въ своихъ работахъ, нужно было тоже отвѣчать предъ военнымъ начальствомъ, и отвѣчать также спиной. Это наводило панической страхъ на всѣхъ поселянъ и заставляло ежедневно трепетать за свою кожу. Многіе, какъ рассказываютъ старожилы теперь, слабосильные работники въ зимнюю пору, когда дни уже малы, чтобы выработать урокъ и не быть наказанными, выходили на молотбу на казенный токъ часа за два до свѣта и оставляли работу уже въ позднюю вечерю. Такъ же изнуряли себя поселяне собственными спѣшными и непосильными работами, отчего умалаялась рабочая сила въ поселеніи и поселяне ослабѣвали духомъ и тѣломъ.

При упадкѣ рабочей силы людей и скота, опека военного начальства надъ поселянами еще болѣе усилилась. Поселянинъ не имѣлъ права продать своихъ воловъ или лошадей безъ дозволенія начальства, не могъ отлучиться изъ села, выѣхать на ярмарку, наняться въ работники, продать домъ, перестроить его, даже жениться или женить дѣтей безъ дозволенія и разрѣшенія военного начальства. Военное начальство требовало отъ поселянина, чтобы у него самого былъ посѣвъ, чтобы были убраны хлѣбъ и сѣно, чтобы былъ въ порядкѣ домъ и дворъ, чтобы былъ въ порядкѣ плугъ, возъ, упряжь и все прочее, а за неисправности и упущенія сѣкли. Контроль надъ работами поселянъ до того развился, что ежемѣсячно и даже черезъ каждыя двѣ недѣли собирались свѣдѣнія и представлялись по инстанціямъ многочисленныя срочныя вѣдомости о произведенной оранкѣ, о сдѣланныхъ посѣвахъ, о ходѣ строительныхъ работъ, о прибыли и убыли населенія и рабочихъ силъ, о благосостояніи поселеній, о заболѣвшихъ и выздоровѣвшихъ, объ отлучившихся по билетамъ, о проѣхавшихъ чрезъ селеніе служащихъ и т. д. Помнится мнѣ, что въ послѣднее время начальство военно-поселенное, озабоченное тѣмъ, чтобы поселяне не теряли рабочаго времени прїѣздомъ съ поля на праздникъ домой, сдѣлало распоряженіе, чтобы приходское духовенство въ страдную пору выѣзжало въ воскресные дни на поле и тамъ служило бы обѣдницу для рабочаго люда. Къ этому распоряженію критически отнеслось все духовенство, и не знаю, было ли оно введено на практикѣ въ другихъ селахъ, знаю только, что въ Ольшанкѣ оно не практиковалось.

Такимъ образомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ неотступнымъ коитролемъ и преслѣдуемые во всемъ строгою опекою военного начальства поселяне работали много и тяжело, выбивались изъ силъ и потому то въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ и во всемъ царилъ внѣшній порядокъ, изысканная чистота, благоустройство и благоденствіе, а во внутренней жизни ихъ тяготы, тѣсноты и велия скорби. Не съ радостью работали военные поселяне на своихъ даровыхъ земляхъ, но глубоко тяжело вздыхающе ко Господу. Ему возвѣщали печали своя и отъ Него Единого ждали помощи, неся свой крестъ безропотно и съ полнымъ терпѣніемъ. При всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ военномъ поселеніи высшихъ лицъ, военно-

поселяне на вопросы ревизоровъ объ обидахъ, страха ради, отвѣчали обыкновенно выраженіемъ довольства всѣми порядками и благодарности начальству. Только въ храмахъ Божіихъ, передъ лицомъ всевидящаго Господа и передъ своими духовными отцами они искренно изливали свое горе и накупѣвшія слезы. Вообще военно-поселяне почему-то своимъ небеснымъ патрономъ считали св. Іоанна Воина и къ нему особенно часто прибѣгали; при исходѣ же военныхъ поселеній, вездѣ и всегда, сколько помню изъ рассказовъ священниковъ, заказывали въ церквахъ молебны преимущественно св. Іоанну Воину и его имени сооружали образа.

И услышалъ Господь молитвы тяжело труждающихся и обремененныхъ и послалъ имъ нуждающую и скорую помощь. Сердце царевы въ руцѣ Божіей, говоритъ священное писаніе. И дѣйствительно, не смотря на внѣшній блескъ и благоденствіе военныхъ поселеній, не смотря на постоянныя ревизіи и донесенія о благосостояніи поселянъ, государь императоръ блаженный памяти Александръ Освободитель, вскорѣ по восшествіи на престоль, а именно 4 іюня 1857 года, освободилъ первыми военныхъ поселянъ.

МУЗЫКАНТЪ.

(Повѣсть М. Ср. Шевченка).

ЧАСТЬ I.

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проѣзжая городъ П., п—ой губ., совѣтую вамъ остановиться на сутки въ этомъ городѣ, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое сутокъ и во-первыхъ познакомиться съ отцемъ протоіереемъ Илією Б., а во-вторыхъ посѣтить съ нимъ-же, отцемъ Илією, полуразрушенный монастырь Г., по ту сторону рѣки Удая, верстахъ въ трехъ отъ г. П. Могу васъ увѣрить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство. Тутъ все есть: и каналъ глубокой и широкой, когда-то наполнявшійся водою изъ тихаго Удая, и валъ, и на валу высокая каменная зубчатая стѣна со внутренними ходами и бойницами, и безконечные склепы или подземелья, и надгробныя плиты, вросшія въ землю, между огромными суховерхими дубами, быть можетъ, самимъ ктикторомъ насажденными. Словомъ, все есть, что нужно для самой полной романической картины, разумѣется, подъ перомъ какого-нибудь Скотта Вальтера или ему подобнаго писателя природы. А я... по причинѣ нищеты моего воображенія (откровенно говоря), не беруся за такое дѣло, да у меня, признаться, и рѣчь не къ тому идетъ. А то я только такъ, для полноты разсказа, заговорилъ о развалинахъ Самойловичева памятника.

И, изволите видѣть, по порученію кievской археографической комиссіи, посѣтилъ эти полуразвалины и, разумѣется, съ помощію почтеннѣйшаго отца Іліи, узналъ, что монастырь воздвигнутъ кош-

томъ и працею несчастнаго гетмана Самойловича въ 1674 году, о чемъ свидѣтельствуется портретъ его, яко ктитора, написанный на стѣнѣ внутри главной церкви.

Узнавши все это и нарисовавши, какъ умѣлъ, главныя или святыя ворота, да церковь о пяти главахъ Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, гдѣ погребенъ вѣчныя памяти достойный князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, да еще уцѣлѣвшій циклопическій братскій очагъ, сдѣлавши, говорю, все это, какъ умѣлъ, я на другой день хотѣлъ было оставить городъ П. и отправиться въ Л. посмотрѣть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Еремѣи Вишневецкаго Корибута. Сложилъ было уже всю свою мизерію въ чемоданъ и хотѣлъ фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцію, только входитъ мой хозяинъ въ комнату и говоритъ:

— И не думайте, и не гадайте; вы только посмотрите, что на улицѣ творится.

Я посмотрѣлъ въ окно, и дѣйствительно вдоль грязной улицы тянулося двѣ четырехмѣстныхъ кареты, нѣсколько коласокъ, бричекъ, вагоновъ разной величины и наконецъ простыя телѣги.

— Что все это значить? спросилъ я своего хозяина.

— А это значить то, что одинъ изъ потомковъ славнаго п—аго полковника, современника Мазепы, завтра имянинникъ.

Хозяинъ мой, нужно замѣтить, былъ уѣздный преподаватель русской исторіи и любилъ щегольнуть своими познаніями, особенно передъ нашимъ братомъ—ученымъ.

— Такъ неужели весь этотъ транспортъ тянется къ имяниннику?

— Э! это только начало, а посмотрите, что будетъ къ вечеру: въ городѣ тѣсно будетъ.

— Прекрасно. Да какое-же мнѣ дѣло до вашего имянинника?

— А такое дѣло. что мы съ вами возьмемъ добрыхъ тройку коней, да и покатымъ чуть свѣтъ въ Д.

— Въ какіе Д.?

— Да просто къ имяниннику.

— Я вѣдь съ нимъ не знакомъ!

— Такъ познакомитесь.

Я призадумался.—А что въ самомъ дѣлѣ, не махнуть-ли по праву разыскателя древностей полюбоваться на сельскія импрови-

зированныя забавы? Это будетъ что-то новое. Рѣшено!... И мы на другой день поѣхали въ гости.

Начать съ того, что мы сбились съ дороги не потому, что было еще темно, когда мы выѣхали изъ города, а потому, что возница (настоящій мой землякъ!), переѣхавши черезъ удайскую греблю, опустилъ возжи, а самъ призадумался о чемъ-то, а кони, не будучи глупы, и пошли транспортнои дорогой, разумѣется, по привычкѣ. Вотъ мы и пріѣхали въ село И.; спрашиваемъ у перваго встрѣтившагося мужика, какъ намъ проѣхать въ Д.

— Въ Д., говоритъ мужикъ... А просто берите на П.

— Какъ на П.? Вѣдь мы ѣдемъ съ П.

— Такъ не треба було вамъ и ѣздить въ П., отвѣчалъ мужикъ совершенно равнодушно.

— Ну, какъ же намъ тецерь проѣхать въ Д., чтобы не возвращаться въ П., а? спросилъ я.

— Позвольте, тутъ гдѣ-то недалеко есть село С., тоже потомка славнаго полковника. Не знаетъ-ли онъ этого села?

— А С., земляче, знаешь? спросилъ я у мужика.

— Знаю! отвѣчалъ онъ.

— А Д. отъ С. далеко?

— Ба ни.

— Такъ ты покажи намъ дорогу на С., а тамъ ужъ мы найдемъ какъ-нибудь Д.

— Ходимъ за мною, проговорилъ мужикъ, и пошелъ по улицѣ впереди нашей удалой тройки.

Онъ повелъ насъ мимо старой деревянной одноглавой церкви и четырехъ-угольной бревенчатой колокольни, глядя на которую я вспомнилъ картину незабвеннаго моего Штернберга «Освященіе пасокъ» и мнѣ грустно стало. При имени Штернберга я многое и многое воспоминаю.

— Оце вамъ будо шляхъ просто на С., говорилъ мужикъ, показывая рукою на едва замѣтную дорожку, блестящую между густой зеленой пшеницею.

Замѣчательно, что возница нашъ въ продолженіе всей дороги отъ П. до И. и во время разговора моего съ мужикомъ все молчалъ и только увидѣвъ изъ-за темной полосы лѣса крытый бѣлымъ желѣзомъ куполь, проговорилъ: вотъ вамъ и С.!, а потомъ опять

онѣмѣль. Это общая черта характера моихъ земляковъ. Землякъ мой, если что и впадетъ сдѣлаетъ, такъ не разговорится о своей удали, а если, Боже сохрани, опростофилится, тогда онъ дѣлается совершенной рыбой.

Въ С. мы узнали дорогу въ Д. и поѣхали себѣ съ Богомъ между зеленою пшеницею и житою.

Товарищу моему, кажется, не совсѣмъ нравилось такое путешествіе, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ претензію на щеголя (а надо вамъ замѣтить, мы были одѣты совершенно по бальному). Онъ, какъ и возница нашъ, тоже молчалъ и не проговорилъ даже: а вотъ и С., такъ былъ озлобленъ пылью и прочими дорожными неудачами. Я же, не смотря на фракъ и прочія принадлежности, былъ совершенно спокоенъ и даже счастливъ, глядя на необозримыя пространства, засѣянные житою и пшеницею. Правда, и въ мое сердце прокрадывалась грусть, но грусть иного рода. Я думалъ и у Бога спрашивалъ: Господи, для кого это поле засѣяно и зеленѣетъ? Хотѣлъ было сообщить мой грустный вопросъ товарищу, но, подумавши, не сообщилъ. Когда-бы не этотъ проклятый вопросъ, такъ не кстати родившійся въ моей душѣ, я былъ-бы совершенно счастливъ, купаясь, такъ сказать, въ тихо-зыблемомъ морѣ свѣжей зелени. Чѣмъ ближе подвигались мы къ балу, тѣмъ грустнѣе и грустнѣе мнѣ дѣлалось, такъ что я готовъ былъ повернуть, какъ говорится, оглобли назадъ. Глядя на оборванныхъ крестьянъ, попадавшихъ намъ на встрѣчу, мнѣ представлялся этотъ балъ какимъ-то нечеловѣческимъ весельемъ.

Такъ-ли, сякъ-ли, мы наконецъ добрались до нашей цѣли уже передъ закатомъ солнца. Не описываю вамъ ни великолѣпныхъ дубовъ, насажденныхъ прадѣдами, составляющихъ лѣсъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, среди котораго висится бельведеръ съ куполомъ огромнаго барскаго дома, ни той широкой и величественной просѣки или аллеи, ведущей къ дому, ни огромнаго села, загроможденнаго экипажами, лошадьми, лакеями и кучерами; не описываю потому, что насъ встрѣтила передъ нашимъ взъездомъ въ аллею безконечная кавалькада амазонокъ и амазоновъ и совершенно сбила меня съ толку; но товарищъ мой не оробѣлъ: онъ ловко выскочилъ изъ телѣги и хватски раскланивался со всею кавалькадою, изъ чего я заключилъ, что онъ порядочный шутникъ. По ми-

нованіи амазонокъ, амазоновъ и наконецъ грумовъ или жокеевъ, я тоже вылъзъ изъ телѣги, расплатился съ нашимъ возницею и на вопросъ его: дежъ я буду ночевать? сказалъ: въ зеленой дуброви, земляче, послѣ чего онъ посвисталъ и поѣхалъ въ село, а мы скромно пошли вдоль великолѣпной аллея къ барскому дому. Но чтобы придать себѣ фізіономію, хоть сколько-нибудь походящую на джентельменовъ, зашли мы въ такъ называемый холостой флигель, отстоящій не далеко отъ главнаго зданія, гдѣ встрѣтили насъ джентельмены самаго неблагопрістойнаго содержанія. Обыкновенно бываетъ, что люди, послѣ немалосложнаго обѣда и не шуточной выпивки, предаются сновидѣніямъ, а у нихъ какъ-то вышло это напротивъ. Они скакали, кричали и чортъ знаетъ что выдѣлывали, и всѣ, разумѣется, въ шотландскихъ костюмахъ. Цинизмъ, чтобы не сказать мерзости, и больше ничего! *Виргилій мой* добился кое-какъ умывальника съ водою и лоханки, и мы, въ корридорѣ умывши свои лики и согнавши пыль съ фраковъ, посредствомъ вытряхиванія, отправились въ садъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ хозяевами.

Надежда насъ не обманула. Мы вошли сначала въ домъ и, пройдя двѣ залы, очутились на террасѣ, уставленной роскошнѣйшими цвѣтами. Спустившись съ террасы и пройдя дорожкой, тщательно пескомъ усыпанной, черезъ зеленую площадь (изъ патріотизма называемую левадою), вошли мы въ садъ, къ немалому моему удивленію, не въ англійскій и не въ французскій садъ, а въ простой естественный дубовый лѣсъ или въ дубраву. И, если-бы не желтыя дорожки блестѣли между старыми, темными дубами, то я совершенно забылъ-бы, что нахожусь въ барскомъ саду, а не въ какой-нибудь заповѣдной дубравѣ. *Виргилій мой* повелъ меня къ высокому, раскидистому, огромному дубу и показалъ мнѣ на стволѣ его небольшое отверстіе въ родѣ маленькаго окошечка, сказавши: «посмотрите въ это оконце!» Я посмотрѣлъ и, разумѣется, ничего не увидѣлъ.—«Посмотрите пристальнѣе!» Я посмотрѣлъ пристальнѣе и увидѣлъ что-то въ родѣ иконы Божіей Матери. И, дѣйствительно, это была икона Иржавецкой Божіей Матери (такъ мнѣ пояснилъ мой *Виргилій*), врѣзанная въ этотъ дубъ знаменитымъ п—скимъ полковникомъ, годъ спустя послѣ полтавской битвы.

Слушая поясненія сего историческаго факта, я не замѣтилъ, какъ мы вышли опять на леваду, гдѣ и встрѣтили хозяина и хозяйку, окруженныхъ толпою улыбающихся гостей своихъ.

Виргилій мой, довольно ловко для уѣзднаго преподавателя, расшаркнулся передъ хозяиномъ и хозяйкою, причѣмъ хозяинъ протянулъ ему покровительственно указательный палецъ лѣвой руки, украшенный дорогимъ перстнемъ. Виргилій мой съ подобострастіемъ схватилъ его палецъ обѣими руками и рекомендовалъ меня, какъ своего друга и ученаго собрата. Я въ свою очередь тоже расшаркнулся, надо сказать правду, довольно по ученому, то есть по медвѣжьи, послѣ чего толпа гостей увеличилась двумя членами.

Не описываю вамъ ни хозяйки, ни хозяина, потому что во время нашей аудіенціи на дворѣ было почти темно, слѣдовательно, подробностей разсмотрѣть было не возможно. А какъ ни будь хороша картина въ цѣломъ, но если художникъ пренебрегъ подробностями, то картина его останется только эскизомъ, на который истинный знатокъ и любитель посмотреть и только головой покачаетъ и отойдетъ со вздохомъ къ портретамъ Зорянки—восхищаться гербами, съ убійственною подробностію изображенными на пуговицахъ какого нибудь виць-мундира.

Во избѣжаніе помаванія главы знатока и любителя оконченныхъ картинъ, я ограничусь только первымъ впечатлѣніемъ, что, по мнѣнію психологовъ, самая важная черта при изображеніи характеровъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня хозяйкою, было самое пріятное впечатлѣніе, а хозяиномъ—напротивъ. Но это, быть можетъ, указательный палецъ лѣвой руки, такъ благосклонно протянутый моему пріятелю, былъ причиною непріятнаго впечатлѣнія. Веселая толпа гостей тихонько двигалась къ дому, уже освѣщенному ярко внутри, а на террасѣ между роскошными цвѣтами и лимонными деревьями только еще разноцвѣтные фонари развѣшивали.

Лишь только хозяинъ съ хозяйкою вступили на террасу, какъ крѣпостной оркестръ грянулъ знаменитый маршъ изъ Вильгельма Теля. Послѣ марша сейчасъ, не переводя духу, полонезъ,—и балъ начался во всемъ своемъ величіи.

Нѣкій ученый мужъ, кажется, баронъ Бодѣ, поѣхалъ изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса и описалъ довольно тщательно свое путешествіе до самой долины Мардамтъ; увидѣвши же величественныя руины Персеполиса, сказалъ: «такъ какъ многіе путе-

шественники описывали сіи знаменитыя развалины, то мнѣ здѣсь совершенно нечего дѣлать». Я то же могу сказать, глядя на провинціальный балъ, хотя мое путешествіе не имѣло цѣли описанія провинціального бала и не было сопряжено съ такими трудностями, какъ путешествіе изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса, да и сравненіе, надо правду сказать, я дѣлаю самое неестественное; но что дѣлать,—что подъ руку попалось, то и валяй.

Любую повѣсть прочтите современной нашей изящной словестности, вездѣ вы встрѣтите описаніе, если не столичнаго, то ужъ непременно провинціального бала и, разумѣтся, съ разными прибавленіями на счетъ нарядовъ, ухватокъ или манеръ и даже самыхъ фізіономій, какъ будто природа для провинціальныхъ львицъ и львовъ особенныя формы дѣлала. Вздоръ! Формы однѣ и тѣже, и ежели есть между ними разница, такъ это только та, что провинціальные львы и львицы несомнѣнно ручнѣ столичныхъ, чего, сколько мнѣ извѣстно, описатели провинціальныхъ баловъ не замѣтили. Слѣдовательно, всѣ балы описаны, начиная отъ бала на «Фрегатѣ Надежда» до русской пирушки на нѣмецкій ладъ, гдѣ устьсысольскіе ребята немножко пошалили. И въ отношеніи провинціального бала я могу сказать смѣло, что мнѣ совершенно нечего дѣлать, какъ только любоваться свѣжими, здоровыми лицами провинціальныхъ красавицъ.

Одно меня немного озадачило на этомъ балѣ, именно то, что не видно было ни одного мундира, несмотря на то, что въ п—омъ уѣздѣ квартировалъ стрѣлковый баталіонъ. Не постигая сей причины, я обратился къ моему *Виргилію*; а *Виргилій* мой въ эту самую секунду выдѣлывалъ въ кадрили *на* самымъ классическимъ образомъ. Я терпѣливо ожидалъ конца послѣдней фигуры кадрили, а между тѣмъ разгадывалъ вопросъ предположеніями. Можетъ быть, думалъ я, они тово?.. Но нѣтъ, эта профессія принадлежитъ болѣе гусарамъ и вообще кавалеріи, а вѣдь они пѣхотинцы, да еще съ ученымъ *Кантомъ*. Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ!

Въ эту минуту кадрили кончилась и вспотѣвшій мой *Виргилій* подошелъ ко мнѣ.

— А, каково пляшемъ? проговорилъ онъ, утираясь.

— Ничего, изрядно, отвѣчалъ я разсѣянно.

— А вотъ что, сказалъ я ему почти шепотомъ: отъ чего это военныхъ нѣтъ на балѣ?

— Ихъ почти нигдѣ не принимаютъ, тѣмъ болѣе въ такомъ домѣ, какъ домъ нашего Амфитріона.

— Странно, подумалъ я и, подумавши, спросилъ:

— А барышни ничего?

— Совершенно ничего!

Въ это время заиграли вальсъ и менторъ мой завертѣлся съ какой-то аппетитной брюнеткой. А я, протолкавшись кое-какъ между зрителей и зрительницъ, т. е. между горничныхъ и лакеевъ, столпившихся у растворенныхъ дверей, вышелъ на террасу и думалъ о томъ, какъ:

«Мы подвигаемся замѣтно»...

Балъ былъ увѣчанъ самымъ роскошнымъ ужиномъ и не спрыснуть, не запить, а буквально былъ залить шампанскимъ всѣхъ наименованій. Меня просто ужаснула такая роскошь.

Послѣ ужина Амфитріонъ предложилъ гроссъ-фатера, что и было принято съ восторгомъ счастливыми гостями.

Гроссъ-фатеръ начался и продолжался со всей деревенской простотою до самаго восхода солнца.

Красавицы, особенно красавицы въ родѣ героинь покойнаго Бальзака, т. е. красавицы не первой свѣжести, не совѣтую вамъ танцовать до восхода солнечнаго! Власть, удержанная при свѣтѣ свѣчей надъ нашимъ бѣднымъ сердцемъ, распадается, при свѣтѣ солнца и обаяніе, навѣянное вами въ продолженіе ночи, смѣняется какимъ-то горько-непріятнымъ чувствомъ, похожимъ на пресыщеніе. Но вы, алчныя пожирательницы бѣдныхъ сердецъ нашихъ, въ торжествѣ своемъ и не замѣчаете, какъ близится день и могущество ваше исчезаетъ, какъ прозрачный туманъ, разостлавшійся надъ болотомъ.

Такъ думалъ я, оставляя веселый, непринужденный гроссъ-фатеръ и пробираясь между дубами къ нашему лагерю (гости не помѣщались въ зданіяхъ; разбивалось нѣсколько палатокъ въ концѣ сада, что и означало лагерь, или, ближе, цыганскій таборъ). При-

ближаясь къ палаткамъ, блестящимъ на темной зелени, я, къ немалому моему удивленію, услышалъ пѣсни и хохоть въ одной палаткѣ. То были друзья-собутыльники, предпочитавшіе мірскую суету единенію, нельзя сказать совершенному. Я кое-какъ пробрался въ свою палатку, наскоро перемѣнилъ фракъ на блузу и скрылся въ кустахъ орѣшника.

Я не зналъ, что къ саду примыкаетъ прудъ, и мнѣ показалось страннымъ, когда густыя, темныя вѣтви орѣшника стали рисоваться на бѣломъ фонѣ. Я вышелъ на полянку, и мнѣ во всей красѣ своей представилось озеро, осѣненное старыми берестами или вязами и живописнѣйшими вербами. Чудная картина!—вода не шелохнется,—совершенное зеркало, и вербы-красавицы какъ-бы подошли къ нему группами полюбоваться своими роскошными широкими вѣтвями. Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, очарованный этою дивною картиной. Мнѣ казалось святотатствомъ нарушить малѣйшимъ движеніемъ эту торжественную тишину святой красавицы-природы.

Подумавши, я рѣшился однакожь на такое святотатство. Мнѣ пришло въ голову, что не дурно-бы было окунуться раза два три въ этомъ волшебномъ озерѣ, что я тотчасъ-же и исполнилъ.

Послѣ купанья мнѣ такъ стало легко и отрадно, что я вдвойнѣ почувствовалъ прелесть пейзажа и рѣшился имъ вполнѣ насладиться. Для этого я усѣлся подъ развѣсистымъ вязомъ и предался сладкому созерцанію очаровательной природы.

Созерцаніе однакожь не долго длилось. Я прислонился къ бересту и безмятежно уснулъ. Во снѣ повторилась таже самая отрадная картина, съ прибавленіемъ бала, и только странно— вмѣсто обыкновеннаго вальса, я видѣлъ во снѣ извѣстную картину Гольбейна «Танецъ смерти».

Видѣнія мои были прерваны пронзительнымъ женскимъ хохотомъ. Раскрывши глаза, я увидѣлъ рѣзвую стаю нимфъ, плескавшихся и визжавшихъ въ водѣ, и мнѣ волею-неволею пришлось разыграть роль нескромнаго Аякса-пастуха. Я однакоже вскорѣ овладѣлъ собою и ползкомъ скрылся въ кустарникахъ орѣшника.

Въ одиннадцать часовъ утра посредствомъ колокола сказано было холостымъ гостямъ, что чай готовъ (женатые гости наслаждались имъ въ своихъ нумерахъ). На сей отрадный благовѣсть гости потянулись изъ своихъ уединенныхъ пріютовъ къ велико-

лѣпной террасѣ, украшенной столами съ чайными приборами и нѣсколькими пузатыми самоварами и кофейниками. Не успѣлъ я кончить вторую чашку свѣтло-коричневаго сиропа со сливками, какъ грянулъ вальсъ и въ открытыя двери въ залѣ я увидѣлъ вертящихся нѣсколько паръ. Когда-жъ они навертятся! подумалъ я и, сходя съ террасы, встрѣтилъ своего Просперо, который сообщилъ мнѣ по секрету, что сегодняшній вечеръ начнется концертомъ, чему я не мало обрадовался, хотя, правду сказать, многого и не ожидалъ. Я однако-же ошибся.

Вскорѣ послѣ вечерней прогулки гости собрались кто въ чемъ попало, т. е. кто въ сюртукѣ, кто въ пальто, а кто держался хорошаго тона или корчилъ изъ себя англomана, такіе пришли во фракахъ; а о костюмахъ нѣжнаго пола и говорить нечего. Это уже всему міру извѣстно, что ни одна женщина, въ какой-бы степени ни была она красавица, не задумается разъ двадцать въ сутки перемѣнить свой костюмъ, если имѣетъ въ виду встрѣтить толпу, хотя-бы даже уродовъ, только не своей породы. Прошу не погнѣваться, мои милыя читательницы, — это не выдумка, а неопровержимый фактъ.

Гости собрались и заняли свои мѣста, разумѣется, съ нѣкоторой сортировкой: что покрупнѣе, выдвинулось впередъ, а мелочь (въ томъ числѣ и насъ, Господи, устрой) помѣстилась въ кіоскахъ, въ потьмахъ, между колоннами. Когда все пришло въ порядокъ, явился на подмосткахъ, въ родѣ сцены, вольноотпущенный капельмейстеръ довольно объемистой стати и самой лакейской фізіономіи.

— Ученикъ знаменитаго Шпора! кто-то шепнулъ возлѣ меня.

Еще мигъ, — и грянула «Буря» Мендельсона и, правду сказать, грянула и продолжала гремѣть удачно. Меня задѣлъ не на шутку віолончель. Віолончелистъ сидѣлъ ближе другихъ музыкантовъ къ авансценѣ, какъ-бы на показъ (что дѣйствительно и было такъ). Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный и худощавый, — все, что я могъ замѣтить изъ-за віолончели. Соло свои онъ исполнялъ съ такимъ чувствомъ и мастерствомъ, что хотя-бы самому Серве такъ въ пору. Меня удивило одно, — отчего ему не аплодируютъ. Самому же мнѣ начинать было неприлично. Что я за судья, да и что я за гость такой? — Богъ знаетъ что и Богъ знаетъ откуда! Что скажутъ гости перваго разбора!

Между тѣмъ «Буря» кончилась и я услышалъ произносимыя въ полголоса похвалы артисту такого рода: «ай-да Тарасъ! ай-да молодецъ! Не даромъ побывалъ въ Итали!»

Пока оркестръ строился, я успѣлъ узнать отъ сосѣда кое-что о заинтересовавшемъ меня артистѣ. Началась увертюра изъ «Преціозы» Вебера, и я, къ удивленію моему, увидѣлъ віолончелиста со скрипкою въ рукахъ, почти рядомъ съ капельмейстеромъ, и теперь я его могъ лучше разсмотрѣть.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, стройный и граціозный, съ черными оживленными глазами, съ тонкими, едва улыбающимися, губами, высокимъ блѣднымъ лбомъ. Словомъ, это былъ джентельменъ первой породы и, вдобавокъ, самой симпатической породы.

Когда онъ исполнилъ арію Преціозы, я не утерпѣлъ,—закричалъ «браво!» и изо всей мочи сталъ аплодировать. Всѣ посмотрѣли на меня, разумѣется какъ на сумасшедшаго. Я однако-жь не струсилъ и продолжалъ хлопать и кричать «браво!», пока наконецъ воловьіе глаза самаго хозяина не заставили меня опомниться.

Оркестръ снова строился, но я, не ожидая услышать что-нибудь лучшее, вышелъ изъ зала въ садъ. Ночь была лунная, теплая и спокойная. Я бродилъ около дому недалеко и до меня долетали изъ хаоса звуковъ чудные звуки віолончеля или скрипки. Образъ грустнаго артиста, съ его меланхолическою улыбкою, носился, какъ бы живой, передо мною. Гдѣ я его видѣлъ? Гдѣ я съ нимъ встрѣчался? спрашивалъ я самъ себя и, послѣ долгаго напряженія памяти, я вспомнилъ, что я видѣлъ его во время обѣда, съ рукой, обернутою салфеткой, за стуломъ самаго хозяина.

Мнѣ сдѣлалось почти дурно послѣ такого открытія.

Музыка затихла, и я пошелъ черезъ левую дорожку къ старосвѣтскимъ таинственнымъ дубамъ. Пройдя не много, я услышалъ тихій шорохъ шаговъ за собою, оглянулся и узналъ преслѣдующаго меня віолончелиста. Я обратился было къ нему съ вопросомъ, но онъ предупредилъ меня; схвативъ мои руки, и со слезами прижалъ ихъ къ губамъ своимъ.

— Что вы, что вы? что съ вами сдѣлалось? спрашивалъ я его, стараясь освободить руки.

— Благодарю васъ, благодарю! говорилъ онъ шопотомъ. Вы, вы одинъ, единственный человѣкъ, который слушалъ меня и понималъ меня!

Онъ не могъ продолжать за слезами. Я молча взялъ его подъ руку и привелъ къ дерновой скамейкѣ, устроенной вокругъ столѣтняго развѣсистаго дуба.

Долго мы сидѣли молча, наконецъ онъ заговорилъ:

— Вы со мною очень милостивы!

Въ это время раздался голосъ, называвшій его по имени.

— Идите въ виноградную бесѣдку, сказала онъ, вставая.—Я сію минуту приѣду къ вамъ.

И онъ поспѣшно удалился.

Глядя въ слѣдъ ему, я думалъ: вотъ вдохновенный миннезингеръ XII вѣка. Какъ мы не далеко однако-жъ ушли отъ благородныхъ рыцарей, разбойниковъ того плачевнаго вѣка! А просвѣщеніе идетъ себѣ впередъ крупными шагами...

Я всталъ со скамьи и пошелъ по дорожкѣ, ведущей къ виноградной бесѣдкѣ. Не знаю почему, а я не надѣялся услышать отъ него его безоградную повѣсть, какъ это обыкновенно бываетъ, и я, слава Богу, не совсѣмъ ошибся. Правда, онъ передо мною высказался даже болѣе, можетъ быть, нежели самъ хотѣлъ; но то не простой нашъ бѣдный языкъ, которымъ онъ заговорилъ со мною,—то были божественные звуки, въ которыхъ отразились стоны страдающаго, непорочнаго сердца.

Пришелъ онъ ко мнѣ въ бесѣдку съ віолончелью и, не сказавъ ни слова, началъ настраивать инструментъ и, въ родъ пробы, какъ бы шутя, проигралъ знаменитую каватину изъ «Нормы». У меня духъ захватывало при этихъ звукахъ. Не отнимая смычку отъ струнъ, онъ заигралъ одну изъ задушевныхъ мазурокъ вдохновеннаго Шопена. Кончивши мазурку, онъ едва внятно проговорилъ: «вотъ у насъ свой балъ». Проигралъ онъ еще нѣсколько мазурокъ, одну другой лучше, одну другой задушевиѣе.

Къ концу послѣдней мазурки я замѣтилъ сквозь виноградные листья безмолвныя лица многочисленныхъ слушателей; то были горничныя, лакеи и форрейторы прїѣзжихъ господъ. Они оставили окна, въ которыя глазѣли на нѣмецкіе танцы вымуштрованныхъ господъ и госпожъ своихъ и пришли послушать, какъ Тарасъ играетъ.

Орфей мой, отдохнувъ немного и настроивъ свою лиру, повелъ медленно смычкомъ по струнамъ—и подилася полная сердечной сладкой грусти, моя родная мелодія на слова:

Котилися возы зъ горы,
А въ долини стали.

Проигравши тему, онъ варьировалъ ее на тысячу ладовъ и такъ варьировалъ, что я ничего подобнаго въ жизнь мою не слыхалъ, да, кажется, и не услышу никогда. Слушатели вокругъ бесѣдки въ продолженіе игры не пошевелились, и, когда онъ кончилъ свои чудныя варіаціи, слушатели долго еще слушали, не переводя духа, разразились наконецъ общимъ вздохомъ и снова замолчали.

Я молча взялъ его за руки и знакомъ просилъ его выйти изъ бесѣдки. Мы вышли и долго молча ходили по дорожкѣ, какъ-бы боясь заговорить. Наконецъ я, овладѣвши собою, спросилъ его:

— Гдѣ вы учились?

— Сначала дома.

— А потомъ?

— А потомъ баринъ съ барыней ѣздили за границу и меня съ собою брали, и, пока они жили въ Берлинѣ, я ходилъ нѣсколько разъ къ Шпору и больше нигдѣ не учился.

— Да вѣдь Шпоръ игралъ на скрипкѣ?

— Я на скрипкѣ у него и учился; скрипка и есть мой настоящій инструментъ, а віолончель это уже такъ.

— Что-же вы намѣрены теперь съ собою дѣлать? Вѣдь вы настоящій, великій артистъ!

— А что мнѣ съ собою дѣлать? Повѣситесь, ничего больше.— Правду сказать, я и самъ не могъ ему ничего лучшаго предсказать.

— Прошедшаго лѣта, заговорилъ онъ, пріѣзжалъ къ намъ изъ Качановки Глинка, слушалъ мою игру на скрипкѣ и на віолончели, хвалилъ меня и просилъ барина, чтобы отпустилъ меня на волю. Они общались ему, но тѣмъ, кажется, и кончилось.

— Не унывайте, молитесь Богу! Дастъ Богъ, все устроится.

— Я не отчаиваюсь. Михайло Ивановичъ, кажется, доброй такой; на него можно надѣяться.

— Совершенно можно, если только онъ про васъ не забылъ. Напишите вы ему письмо.

— Написать-то я напишу, да какъ-же я перешлю его? Вѣдь я адреса не знаю.

— Я знаю, и вы передайте письмо мнѣ. Напишите письмо сегодня, а я завтра буду въ городѣ и подамъ его на почту.

Въ это время мы подошли къ бесѣдкѣ и онъ спросилъ меня, наклонясь къ віолончели.

— Не сыграть-ли вамъ еще что-нибудь?

— Весьма вамъ благодаренъ. Вы устали, отдохните немного и приготовьте къ завтраму письмо.

И мы расстались.

Послѣ ужина (передъ восходомъ солнца), раскланявшись съ хозяйномъ и хозяйкой, я, не заходя въ таборъ, пошелъ въ село нанять лошадей съ телѣгой для совершенія обратнаго путешествія до города или хоть до почтовой станціи. Но, увы! во всемъ огромномъ селѣ ни лошади, ни телѣги не оказалось. Нечего сказать, мужики зажиточные! Пьяницы, я думаю, да лѣнтяи по большей части, а то какъ-бы не найтись во всемъ селѣ одной лошади съ телѣгой!.. Удивительный народъ наши мужики! Не припусти его, такъ ничего и не будетъ. А васъ однако-жь, какъ видно, черезчуръ припустили, подумалъ я, глядя на обнаженное село.

Дѣлать нечего, отправился я къ жидамъ въ корчму и нанялъ у него, разумѣется, за жидовскую цѣну, клячу на пять верстъ до какой-то фермы. А тамъ, увѣрялъ меня жидъ, хоть четверку можно нанять до самой П.

Съ помощію услужливаго Тараса Фодоровича (віолончелиста) мы уложили кое-какъ свою мизерію и выѣхали изъ села по дорогѣ въ П.

— Скажите мнѣ, что это такое за ферма, на которую онъ насъ теперь везетъ? спросилъ я у своего полусоннаго ментора.

— Ферма—это хуторъ Антона Карловича. Прекраснѣйшіе люди, т. е. онъ и Варвара Яковлевна! Прекраснѣйшіе люди! Заѣдемъ, непременно заѣдемъ! Я уже ихъ давно не видалъ.

— Пожалуй, заѣдемъ. Мнѣ теперь за одно ужъ гулять-то, пока не выберусь на почтовую дорогу.

— Не будете жалѣть. Антонъ Карловичъ презамѣчательный человекъ. Онъ, изволите видѣть, началъ и кончилъ свою службу во флотѣ лѣкаремъ, путешествовалъ раза два вокругъ свѣта, оставилъ

службу и получаетъ себѣ полный пенсіонъ. Да теперь приватно занимаетъ мѣсто домашняго лѣкаря у нашего Амфитріона, а онъ ему вдобавокъ еще и хуторъ подарилъ со всѣми угодами. Чего-жь еще? Живи, да Бога хвали!

— И давно онъ уже живетъ здѣсь?

— Да будетъ лѣтъ около десяти съ небольшимъ.

— Что они семейные люди?

— Нѣтъ, только вдвоемъ. Правда, подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ воспитываются двѣ дочери помѣщика—премиленкія дѣти—и они-то, можно сказать, и замѣняютъ имъ настоящихъ дѣтей. Одной, я думаю, будетъ уже лѣтъ около шести, а другая годомъ меньше.

— Что-же ихъ не видно было на балѣ? Вѣдь онѣ, я думаю, уже качучу танцуютъ. А это, вы знаете, какое украшеніе бала.

— Нѣтъ. Я думаю, что онѣ качучи не танцуютъ, и, знаете, мать хочетъ ихъ воспитать въ совершенномъ уединеніи и послѣ выпустить на свѣтъ совершенно невинныхъ, какъ двухъ птенцовъ изъ подъ крылышка. Знаете, мнѣ эта идея чрезвычайно нравится, нравственно-философская и, можно сказать, поэтическая идея.— Какъ вы думаете?

— Дѣйствительно, поэтическая идея, но никакъ не больше. Я не подозрѣвалъ, однако-жь, чтобы у Софьи Самойловны были дѣти. Она еще такъ свѣжа!...

— И прекрасна, прибавьте!

— Дѣйствительно, прекрасна.

Въ это время повстрѣчался намъ мужикъ и, снявши свой соломенный бриль, поклонился. И, когда мы проѣхали мимо его, то онъ все еще стоялъ съ открытой головой и смотрѣлъ на нашъ экипажъ и вѣроятно думалъ: чортъ его знаетъ, что воно такое,—чи воно паны, чи воно жида? — Паны, да еще изъ балу возвращающіеся.

Конечно, вы знаете лубочную картинку, изображающую, какъ жида на шабашъ поспѣшаютъ. Много было общаго между этою картинкою и нашимъ экипажемъ, пожалуй и пассажирами. Какъ-же тутъ было мужику не остановиться и не полюбоваться такимъ величественнымъ поѣздомъ? А надо вамъ сказать, что пылъ не скрывала нашего великолѣпія, потому что мы двигались шагомъ и только

наши особы торчали изъ глубокой жидовской брочки, а самъ хозяинъ шель пѣшкомъ, погоняя свою тощую клячу.

Нѣсколько разъ до меня долетали какія-то жидовскія слова, со вздохомъ произносимыя нашимъ возницею, и такъ часто повторялъ онъ одну и ту-же фразу, что я невольно ее затвердилъ и просилъ его перевести мнѣ ее, но онъ все не соглашался, увѣряя меня, что то были не хорошія слова.

— Такія крупныя, прибавилъ онъ, что объ нихъ и думать не хорошо, а не то, чтобы ихъ еще говорить.

Но я ему посулилъ гривну мѣди на водку, и онъ, посмотрѣвши на меня недовѣрчиво, сказалъ:

— Уни хушавке месъ; по вашему буде означать, что живой человѣкъ безъ денегъ, все равно, что мертвый.

Настоящая жидовская поговорка!

Вотъ мы и ѣдемъ себѣ тихонько по дорожкѣ между прекраснѣйшей зелени, освѣщенной утреннимъ солнцемъ. Роса уже немного подсохла и кузнечики начинали въ зеленомъ житѣ свой шопоть, такой тихій, такой мелодическій шопоть, что если-бы меня не укусила муха за носъ, то я непременно-бы заснулъ. Сognавши проклятую муху, я невольно взглянулъ впередъ. Боже мой, да откуда-же все это взялося? Представьте себѣ, изъ зеленой гладкой поверхности, можно сказать, передъ самымъ носомъ, выглянули верхушки тополей, потомъ показались зеленыя маковки вербъ, потомъ цѣлый лѣсъ разстилался подъ горою, а за нимъ во всю долину раскинулося, какъ бѣлая скатерть, тихое свѣтлое озеро. Прекрасная, душу радующая, картина!

Я растолкалъ своего товарища и показалъ ему рукою на великолѣпный пейзажъ.

— Это ферма Антона Карловича. Мы тутъ встанемъ и пойдемъ черезъ рощу пѣшкомъ, а онъ пусть остановится около шинка подъ горою.

Сдѣлавши наставленіе жиду, мы пошли къ рощѣ; но-въ рощу мы не такъ легко попали, какъ думали, потому что она обвѣшена довольно широкимъ рвомъ, а противоположная сторона рва была защищена живою изгородью, т. е. усажена крыжовникомъ.

Взявшись съ пріятелемъ подъ руки (чего я между прочимъ терпѣть не могу), пошли мы вдоль изгороди, уставленной высо-

кими роскошными тополями. Изъ-за тополей кой-гдѣ просвѣчивались молодыя березовыя рощицы или темнѣль стройный молодой дубнякъ; то вдругъ стройный рядъ тополей прерывался усѣвшимися надъ самымъ ровомъ старымъ дубомъ, протянувшимъ свои живописныя вѣтви далеко за ровъ, на самую дорогу.

Пройдя добрыя полверсты, мы дошли до угла изгороди и поворотили влѣво по тропинкѣ, идущей параллельно со ровомъ подъ гору. При этомъ поворотѣ намъ открылось во всей красѣ своей тихое свѣтлое озеро, окаймленное густымъ зеленымъ камышемъ и раскидистыми огромными вербами. Подойдя къ озеру, мнѣ такъ и хотѣлось окунуться раза два-три въ его прозрачной водѣ. Но вожатый мой замѣтилъ мнѣ довольно основательно, что подобное дѣйствіе было-бы неприлично, тѣмъ болѣе, что въ то время мы подошли къ воротамъ парка, осѣненнымъ двумя старыми вербами. Мы безъ труда отворили ворота и вошли въ паркъ. Длинная тѣнистая дорожка вела къ дому, вдали бѣлѣвшемуся сквозь вѣтвей. Не доходя до дома, мы въ сторонѣ, недалеко отъ дороги, между деревьями увидѣли человѣческую фигуру въ бѣлой полотняной блузѣ, въ соломенной простой шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ.

— Антону Карловичу имѣемъ честь кланяться, закричалъ мой вожатый.

Фигура въ блузѣ приподняла шляпу и, вынувши сигару изо рта, сказала:

— Добро жаловать!

Мы подошли другъ къ другу поближе. Это былъ самъ хозяинъ парка или фермы, свѣжій коренастый старикъ самой нѣмецкой фizioноміи. Я былъ отрекомендованъ моимъ разбитнымъ путеводителемъ со всѣми прилагательными, на что Антонъ Карловичъ съ добродушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Очень радъ.

Я съ своей стороны проговорилъ тоже какую-то лаконическую вѣжливость, и мы вышли снова на дорогу. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ къ намъ выбѣжали изъ-за куста цвѣтущей черемухи двѣ бѣлокурыя прекрасныя дѣвочки лѣтъ пяти и шести и бросились къ Антону Карловичу, крича: «а что, испугали, испугали!»

Антонъ Карловичъ молча указалъ имъ рукою на насъ, и дѣвочки оставили его и скрылись за кустъ черемухи.

Тѣмъ временемъ мы вышли на зеленую площадку, примыкающую одной стороной къ озеру, а другой къ крылечку чистенькаго бѣленькаго домика, кругомъ усаженнаго кустами сирени.

Дивное впечатлѣніе произвела на меня эта тихая граціозная картинка!

Вслѣдъ за нами дѣвочки выбѣжали на лужокъ, а изъ дому на крылечко вышла молодая, прекрасная собою женщина, съ книгою и съ зонтикомъ въ рукѣ и пошла къ дѣтямъ. Это была гувернантка-француженка, какъ я послѣ узналъ.

Мы вошли на крылечко, и хозяинъ предложилъ намъ отдохнуть въ тѣни, а самъ пошелъ въ домъ.

Я на досугъ залюбовался на дѣтей, играющихъ на зеленомъ лужкѣ и, правду сказать, на стройную, величественную фигуру прекрасной гувернантки, залюбовался до того, что не замѣтилъ, какъ къ намъ вышла на крылечко сама хозяйка.

Поклонившись, я извинился въ своей развѣянности.

— Ничего, ничего, любуйтесь! У насъ, слава Богу, есть на что полюбоваться.

И она лукаво улыбнулась и обратилась къ моему товарищу. Тотъ началъ было рекомендовать меня, но она ему сказала нецеремонно.

— Не безпокойтесь, мнѣ ужъ Антонъ Карловичъ отрекомендовалъ. А вы лучше расскажите, каково вы повеселились на балѣ?

И пріятель мой пустился описывать ей балъ, а я тѣмъ временемъ сталъ разсматривать нецеремонную хозяйку дома.

Это была лѣтъ тридцати пяти, по крайней мѣрѣ, прекрасно сохранившаяся брюнетка, съ большими выразительными карими глазами, съ довольно свѣжимъ для ея лѣтъ румянцемъ на полныхъ щекахъ, со вздернутымъ носомъ, съ прекрасными бѣлыми крупными зубами и съ едва отвисшимъ подбородкомъ. А въ цѣломъ она была настоящій типъ малороссіянки. Даже голосъ ея и особенно произношеніе напоминалъ мнѣ мою землячку, какуюнибудь чиновницу средней руки или высокой руки протопопшу, не смотря на то, что она была одѣта какъ настоящая барыня.

— А нуте васъ съ вашимъ баламъ! проговорила она скороговоркой, остановилась въ дверяхъ, да и затараторила:

— Прошу покорно въ покой! Вы хоть и съ балу сегодня, а вѣрно еще чаю не пили. Правду сказать, и мы еще только что поднялись.

Я пошелъ вслѣдъ за хозяйкою, а товарищъ мой, какъ чело-
вѣкъ, знакомый съ мѣстностью, пошелъ отыскивать жида и распо-
рядиться на счетъ помѣщенія.

Въ первой комнатѣ, довольно большой, встрѣтилъ насъ Ан-
тонъ Карловичъ уже не въ полотняной блузѣ, а въ сѣромъ пальто
изъ лѣтняго трико, и просилъ меня садиться безъ церемоніи.

— А вы, Марьяна Акимовна, пошлите свою Арину просить къ
завтраку Адольфину Францовну съ дѣтьми.

На зовъ хозяйки явилась горничная, скромная и миловидная,
въ деревенскомъ костюмѣ и, получивши приказаніе отъ Марьяны
Акимовны на чистомъ малороссійскомъ языкѣ, вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ комнату гувернантка съ
двумя дѣвочками, а за нею и мой товарищъ. И всѣ мы усѣлись
вокругъ стола, увѣнчаннаго громаднымъ самоваромъ. Если бы я не
зналъ, чьи это были дѣти, то я подумалъ-бы, что Марьяна Аки-
мовна была имъ настоящая мать: такъ мило, такъ матерински мило
она ухаживала за ними. И, къ немалому моему удивленію, она,
обращаясь къ гувернанткѣ, разговаривала съ нею по французски.
Вотъ тебѣ и чиновница средней руки! Вотъ тебѣ и протопопша
высшей руки! подумалъ я. Я былъ просто очарованъ Марьяной
Акимовной, и, если-бъ она обращалась къ своей Аринѣ (кажется,
единственной прислугѣ) хоть на великороссійскомъ діалектѣ, то я
подумалъ бы, что я имѣю счастье видѣть передъ собою, по крайней
мѣрѣ, графиню или хоть просто даму высшаго полета.

Такова сила предубѣжденія противъ своего роднаго нарѣчія!

За чаемъ я случайно узналъ имена двухъ дѣвочекъ. Одну, кажется,
старшую (онѣ были обѣ одинаковаго роста), звали Лизой, а другую
Наташей. И такъ онѣ были похожи одна на другую, что, пересади
ихъ съ мѣста на мѣсто, то и не зналъ-бы, которая изъ нихъ Лиза,
а которая Наташа. А обѣ онѣ были чрезвычайно похожи на свою
милую маменьку.

Хозяйка, между прочимъ, обратилась ко мнѣ и спросила, по-
явился ли мнѣ концертъ въ Д.?

Вѣдь ужъ вѣрно тамъ не обошлось безъ концерта? прибавила
она.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А каковъ виолончелистъ? Не правда-ли прекрасный?

— Превосходный! отвѣчалъ я.

— Это нашъ большой пріятель, и, кромѣ того, что онъ артистъ превосходный, нужно знать, что онъ и человѣкъ самаго нѣжнаго, самаго благороднаго сердца. Но что будешь дѣлать? прибавила она со вздохомъ. Лиза и Наташа плачутъ, когда не видятъ его два дня сряду, а про Адольфину Францовну и говорить нечего, сказала она шутя и поцѣловала гувернантку въ загорѣвшуюся щеку, изъ чего я замѣтилъ, что она понимаетъ по русски.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно слышать подобный отзывъ о человѣкѣ, котораго я съ одного разу полюбилъ, какъ что-то близкое моему сердцу.

Послѣ чая Антонъ Карловичъ обратился къ намъ и просилъ въ свою хату.

— Я къ нимъ только въ гости захожу, а хата моя въ саду. И онъ взялся за свою шляпу. Мы послѣдовали его примѣру.

Бѣлая, соломой крытая хата, къ которой насъ привелъ Антонъ Карловичъ, стояла между фруктовыми деревьями и служила кабинетомъ Антону Карловичу и вмѣстѣ караульной. Чисто нѣмецкая штука!

Хата Антона Карловича, какъ вообще малороссійскія хаты, раздѣлялась сѣнями на двѣ половины: собственно на хату съ комнатою и на такъ называемую комору. Въ коморѣ, освѣщенной однимъ окномъ, помѣщалась у него аптека и библіотека, въ сѣняхъ лабораторія. Это можно было заключить изъ стоявшаго на широкомъ каминѣ алембика, реторты и стекляныхъ и глиняныхъ банокъ. Стѣны свѣтлицы или кабинета были украшены луками, стрѣлами, томагауками и другими орудіями дикарей, что и свидѣтельствовало о кругосвѣтномъ странствованіи Антона Карловича. Около стѣны стояло двѣ кушетки, а между ними у стѣны простой дубовый столъ и на немъ электрическая машина.

— Не угодно-ли отдохнуть съ дороги, а я пока навѣдаюсь къ Д.: вѣдь я ихъ домашній медикъ. До свиданія!

И онъ оставилъ насъ въ своемъ кабинетѣ совершенными хозяевами.

— Не думалъ я, отправляясь на балъ, попасть въ кабинетъ наго путешественника и, вдобавокъ, путешественника скромнѣе подумалъ я вслухъ, когда мы остались одни.

— Да это что еще! сказалъ мнѣ товарищъ: вы загляните въ комнату, вотъ гдѣ рѣдкости!

И дѣйствительно рѣдкости! Во всю длину комнаты, около стѣны, дубовый широкій столъ уставленъ разнообразѣйшими и красивѣйшими раковинами тропическихъ морей и по срединѣ стола, какъ разъ противъ окошка, плоскій ящикъ въ аршинъ длины и ширины со стекляной крышкой, заключавшій въ себѣ нумизматическія рѣдкости Антона Карловича.

Между разной формы и величины монетъ я увидѣлъ австрійскій таллеръ 17 вѣка съ глубоко-вдавленнымъ клеймомъ, изображавшимъ московскій гербъ.

— Не правда-ли, любопытная монета? сказалъ мнѣ товарищъ, указывая на талеръ: или, лучше сказать, любопытно клеймо.

— Но что оно значить—это клеймо? спросилъ я его.

— А вотъ изволите видѣть. Когда въ 1664 или 5-мъ году ходилъ наказнымъ гетманомъ Иванъ Золотаренко съ полками малороссійскими, то наши козаки не захотѣли брать жалованья московскою монетою, вотъ имъ и выдали австрійскими талерами, положивши московское тавро на каждый таллеръ.

Налюбопытствовавшись рѣдкостями Антона Карловича, я вышелъ въ садъ, оставивши своего товарища пометчать каединѣ, т. е. маленько приуснуть.

Я обошелъ весь садъ или, лучше сказать, паркъ и не могъ довольно налюбоваться прелестью деревьевъ, чистотою дорожекъ и вообще истинно-нѣмецкою аккуратностью, съ какой все это содержится. Напримѣръ, у кого вы увидите, кромѣ нѣмца, чтобы между фруктовыми деревьями были посажены арбузы, дыни и даже кукуруза? Въ Германіи это понятно, но у насъ это просто непостижимо.

Изъ саду вышелъ я на греблю, усаженную вербами. Полюбовавшись чистенькой, аккуратной мельницей обь одномъ шумящемъ колесѣ и пройдя плотину, я очутился въ селѣ.

Село всего-на все, можетъ быть, хать двадцать. Но что это за прелесть, что ни хата, то и картина!

— Вотъ, подумалъ я, и не великое село, а весело. Попробовалъ я у встрѣтившагося мужика спросить, можно-ли у нихъ будетъ нанять лошадей до П.

— Можно, чому не можна, хоть пару, хоть дви пары, такъ можна!

— Хорошо. Такъ я зайду послѣ, поторгуюсь.

— Добре, поторгуйтесь.

За селомъ я увидѣлъ панскую клуню или господское гумно, уставленное скирдами разнаго хлѣба. Подходя къ гумну, я встрѣтилъ токоваго и онъ показаль подвѣдомственный ему токъ или гумно. Я, какъ не агрономъ, смотрѣлъ на все поверхностно и разспрашиваль тоже поверхностно; но изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною заключилъ, что не мѣшало бы записнымъ агрономамъ поучиться кой-чему у Антона Карловича или хоть у его токоваго.

Спросилъ я у таковаго и на счетъ винокурни, почему, дескать, Антонъ Карловичъ, имѣя столько хлѣба, не построишь себѣ винокуренку, хоть небольшую, и получилъ въ отвѣтъ:

— Богъ ихъ святой знае! Я и самъ имъ говорилъ, чтобъ построить хоть небольшую. Зачѣмъ? говорятъ: чтобъ пьяницъ голыхъ пускать по свѣту? Не нужно! Они у насъ такіе чудные, и, Боже сохрани, какъ они того проклятаго вина не любятъ.

— Дѣйствительно странный человѣкъ. Ну, а мужики у васъ въ селѣ есть пьющіе?

— Ни одного.

— Прекрасно. Куда же вы сбываете свой хлѣбъ?

— А куда сбываемъ? Никуды больше, какъ у Д. Видите, паны тамъ бенкетуютъ, а мужики голодаютъ. Да еще мало того: въ селѣ, кромѣ корчмы, что ни улица, то и шинокъ, а въ каждомъ шинкѣ, для приману людей, шарманка играетъ. Вотъ мужикъ бѣдный и пропиваетъ послѣднюю нитку подъ нѣмецкую музыку. Сказано, мужикъ—дуракъ.

— За то паны умудрились! О, филантропія! подумаль я и простился съ токовымъ.

Подходя къ греблѣ, я неволью остановился полюбоваться старыми вербами, опустившими свои длинныя зеленыя вѣтви въ свѣтлую прозрачную воду. А изъ за этихъ роскошныхъ вѣтвей, съ противоположной стороны пруда, выглядываетъ изъ темной зелени бѣленькій, улыбающійся домикъ Антона Карловича и, какъ красавица, любитъ свою прелестью передъ зеркаломъ, такъ онъ любитъ собою въ прозрачномъ тихомъ озерѣ.

— Благодать! подумаль я и пошелъ чрезъ греблю къ кокетливому домику.

Къ этому времени Антонъ Карловичъ возвратился отъ своихъ паціентовъ и, къ великой моей радости, привезъ съ собою милаго

моего виртуоза и съ віолончелью. Мы встрѣтились съ нимъ при входѣ въ садъ и дружески привѣтствовали другъ друга, какъ самыя старыя знакомыя.

Къ намъ подошла Марьяна Акимовна и, нецеремонно взявъ меня за руку, сказала:

— Вы должны быть благороднѣйшій человѣкъ, коли полюбили нашего милаго Тараса Ѳедоровича. Отъ души вамъ благодарна.

Я молча поцѣловаль ея руку. Въ это время подходилъ къ намъ Антонъ Карловичъ.

— Посмотри, посмотри, что нашъ гость дѣлаеть! сказала она, обращаясь къ мужу.

— Ничего, ничего, говорилъ Антонъ Карловичъ, улыбаясь. А не лучше-ли будетъ, если мы пойдемъ, да съ борщемъ покуртизанимъ. Какъ вы думаете, Марьяна Акимовна?

— И въ самомъ дѣлѣ лучше. Прошу покорно, господа! сказала она, обращаясь къ намъ, и мы пошли обѣдать.

Многіе-ли изъ васъ господа, имѣющіе хоть одну крѣпостную душу, посадятъ рядомъ съ собою крѣпостнаго человѣка, хотя-бы этотъ человѣкъ былъ величайшій геній въ мірѣ? Ручаюсь, что ни одного не найдется, кромѣ истинно-благороднаго Антона Карловича.

Тарасъ Ѳедоровичъ сидѣлъ между шалуньями Лизой и Наташей, и онѣ ему бѣдному покоя не давали во время обѣда. Чудное, благородное равенство! Вотъ бы какъ надо людямъ жить между собою! Да что-же ты будешь дѣлать? Нельзя! Между прочимъ я услыпалъ нѣсколько французскихъ фразъ, произнесенныхъ Тарасомъ Ѳедоровичемъ и гувернанткою. Этимъ окончательно полонилъ меня мой милый виртуозъ.

Послѣ обѣда мы, т. е. мужчины, отправились къ Антону Карловичу въ хату покурить. Но такъ какъ я человѣкъ не курящій и виртуозъ мой оказался такимъ-же, то мы пошли себѣ гулять по саду, пока не вышли на небольшую лощину, на которой стоялъ небольшой стогъ свѣжаго сѣна. Не устоялъ я противъ такого могучаго соблазна. Снявши галстухъ и сюртукъ, прилежъ, опустился на ароматное сѣно, и за мною, разумѣется, товарищъ мой тоже. А чтобы дрема не одолѣла, я повелъ издали рѣчь о двухъ дѣвочкахъ, жившихъ, такъ сказать, на хлѣбахъ у почтеннѣйшаго Антона Карловича.

— Какія милыя, прекрасныя дѣти! сказалъ я.

— И, прибавьте, счастливыя дѣти. Я не знаю, чтобы изъ нихъ было, еслибъ-бъ не существовало около нашего роскошнаго села этой фермы и эгихъ добрыхъ людей.

— Да въ самомъ дѣлѣ, расскажите мнѣ, что это за оригинальная мать, которая воспитываетъ своихъ дѣтей такимъ образомъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ возрастѣ дѣтямъ никто не можетъ замѣнить матери.

— Марьяна Акимовна имъ совершенно ее замѣнила. Вотъ что! Софья Самойловна, мать ихъ по названію, великосвѣтская дама, а главное—красавица. Красавица конфузится, когда ее кто спроситъ о здоровьи ея дѣтей. Для нея это все равно, что сказать: какъ вы Софья Самойловна, подурнѣли. И притомъ, какъ дама свѣтская, она послѣ cadaго бала (а ихъ у насъ въ году бываетъ три, а въ высокосный и четыре) должна отдать визиты своимъ гостямъ. А гостей, вы сами видѣли, сколько наѣхало. А 17 сентября такъ вдвое столько наѣдетъ, не смотря ни на какую погоду, потому что она сама тогда бываетъ именинница. Пока отдастъ визиты, смотреть—другой балъ готовится, тамъ трегій... Такъ годъ и проходить. А тамъ если выберется время, надо и въ Петербургъ съѣздить: а то, говорить, между этими хохлами совсѣмъ очерствѣешь. Такъ сами посудите, до дѣтей-ли ей при такой жизни? И, по моему, лучше она ничего выдумать не могла, какъ отдать ихъ на руки Марьянѣ Акимовнѣ.

— Я съ вами согласенъ, что они умно сдѣлали, но хорошо ли, это другой вопросъ.

— Конечно, здѣсь сердце матери спрятано подъ себялюбіемъ свѣтской красавицы. Я слышалъ, однако-жь, какъ-то недавно она о нихъ вспоминала. Года черезъ два она хочетъ ихъ отправить въ Смольный институтъ: въ п—скомъ, говорить, онѣ хохлачками сдѣлаются.

— И то правда. Какъ-же она не побоялась ихъ отдать М. Акимовнѣ? Или она думала оградить ихъ французенкою гувернанткой, да нѣмкою-горничною?

— Какое! нѣмецкая горничная сама скоро сдѣлается хохлачкою, а про гувернантку и говорить нечего. Послушайте, что я вамъ расскажу. Адольфинѣ Францовнѣ вздумалось учиться по-русски,

Вотъ Марьяна Акимовна ее учитъ, да вмѣсто того, чтобы по-русски—выучила ее по малороссійски. Софья Самойловна чуть было не поссорилась изъ-за этого съ Марьяной Акимовной. И знаете, что еще: она прекрасно поетъ нѣкоторыя наши пѣсни. Будемъ ее просить, чтобы она намъ хоть одну спѣла.

— Непремѣнно.

— Вонъ они! вонъ они! услышали мы невдалекѣ дѣтскіе голоса, и едва успѣли мы надѣть сюртуки, какъ подбѣжали къ намъ Лиза и Наташа и, ухватившись за полы сюртука Тараса Федоровича, потащили въ садъ, приговаривая:

— Пойдемте, пойдемте! Васъ мама просить играть.

Пройдя нѣсколько шаговъ вслѣдъ за артистомъ, я увидѣлъ прислонившуюся къ дереву Адольфину Францовну и, подойдя къ ней, сказалъ ей какую-то любезность по малороссійски, на что она, сдѣлавши милую гримасу, очень незастѣнчиво отвѣчала мнѣ: спасибо! Мы пошли вслѣдъ за дѣтьми, разговаривая, какъ короткіе знакомые. Между прочимъ, въ доказательство своего знанія въ малороссійскомъ языкѣ, гувернантка прочитала мнѣ два стиха:

Катерино, сердце мое,
Лышенько съ тобою.

И съ такимъ милымъ выраженіемъ прочитала она эти стихи, что, не знай я, что она французенка, то, не запинаясь, сказалъ-бы, что она моя истинная землячка.

Любезничая съ мадамъ Адольфиной по хохладки на французскій ладъ, мы немного отстали отъ дѣтей и арестованнаго артиста, а когда подошли къ дому, то нашъ артистъ уже на крылечкѣ игралъ на скрипкѣ плясовую малороссійскую пѣсню, а Лиза и Наташа передъ крылечкомъ съ поднятыми ручонками, какъ-бы прищелкивая, танцевали, приговаривая:

Гопъ-чукъ грычаньки,
Гопъ-чукъ печеныи.

Антонъ Карловичъ, сидя на крылечкѣ, добродушно улыбался, а Марьяна Акимовна брала поочередно дѣтей на руки, цѣловала съ самой искренней материнской нѣжностію. Поодаль стояла нѣмка-горничная и, увлекшись живымъ мотивомъ пѣсни, прищелкивала въ тактъ пальцами.

Одни простодушные счастливыцы могутъ группировать изъ себя подобную картину.

Въ саду, кромѣ хаты Антона Карловича, была еще небольшая хатка съ навѣсомъ и вмѣсто завалинь стояли вокругъ рѣшетчатыя деревянныя скамейки, а передъ хаткою старая липа, тоже со скамейкою вокругъ, только не деревянною, а дерновою. Хатка эта была мастерская или рабочая Марьяны Акимовны. Здѣсь сушились фрукты, варились варенья и созидались разныя великолѣпныя настойки и наливки. А подъ липою Марьяна Акимовна отдыхала по трудахъ.

Въ эту хатку на все лѣто выносилось фортепіано, потому что Марьяна Акимовна, не смотря на свои прозаическія годы и занятія по части спитобной и сѣдобной, осталася въ душѣ артисткой и любила въ часы досуга забывать свое прозаическое насущное существованіе и уноситься въ міръ созвучій, въ небесныя предѣлы божественной фантазіи.

Часто и долго сидя подъ липою, добрый Антонъ Карловичъ, куря свою сигару, слушалъ холодныя практическія думы поэта. Какъ снѣгъ предъ лицомъ весенняго солнца, нѣмецкая фантазія оживала, сигара гасла во рту и старикъ молодѣлъ.

Въ эту-то завѣтную хатку Марьяна Акимовна просила своихъ гостей чай пить.

Послѣ чая въ хаткѣ зажгли свѣчи. М-ше Адольфина, безъ всякихъ просьбъ и уговариваній, какъ это обыкновенно бываетъ съ порядочными барышнями, сѣла за фортепьяно, а Тарасъ Федоровичъ вооружился віолончелью и, послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, тихо, стройно, какъ будто съ неба, раздалася одна изъ божественныхъ сонатъ божественнаго Бетховена.

Мы всѣ остались подъ липою и, въ продолженіе сонаты, сидѣли, притая дыханіе; даже рѣзвыя дѣти—и тѣ прильнули къ Марьянѣ Акимовнѣ, затихли и только, улыбаясь, посматривали другъ на друга.

За сонатой Бетховена были сыграны съ одинаковымъ мастерствомъ двѣ сонаты Моцарта, послѣ нѣкоторыхъ мѣста изъ знаменитаго «Реквіума» и въ заключеніе совершенно неожиданно:

Ходытъ гарбузь по городу...

Дѣти закричали около Марьяны Акимовны, а Антонъ Карловичъ пошелъ въ хатку закурить сигару.

Тарасъ Ѳедоровичъ такія раскинулъ варіаціи на этотъ полувеселый, полугрустный мотивъ, что дѣти опять молча прильнули къ колѣнамъ Марьяны Акимовны, а у Антона Карловича опять сигара погасла.

Многіе-ли изъ людей въ блескѣ и роскоши проводятъ свои длинные вечера такъ нецеремонно, просто и такъ возвышенно-изящно, какъ мы простые, почти бѣдные люди провели этотъ незабвенный вечеръ? Я думаю, не многіе. И выходитъ, что истинно-прекрасное и возвышенное духовное не нуждается въ ремесленныхъ золоченыхъ или даже золотыхъ украшеніяхъ.

Кончивши варіаціи, артисты наши вышли изъ хатки и обратились съ просьбою къ Марьянѣ Акимовнѣ, чтобы и она сыграла для нихъ что-нибудь. Она отказалась. Мы присоединились къ нимъ—рѣшительно ничего не помогло:

— Завтра, говорить, я вамъ сыгрую, а то сегодня это значитъ— послѣ меду хрѣну. Пойдемте лучше гулять. Вонъ смотрите изъ-за деревьевъ луна выглядываетъ.

И съ этими словами она вошла въ хатку, погасила свѣчи, притворила и замкнула двери, и всѣ мы, весело разговаривая, пошли любоваться, какъ полная луна изъ-за мельницъ и изъ-за старой вербы выглядываетъ и отражается въ темной прозрачной водѣ. Я совершенно былъ очарованъ и декораціями, и этими добрыми, простыми людьми.

Долго мы еще гуляли по саду вдвоемъ съ Тарасомъ Ѳедоровичемъ, который меня просто приворожилъ къ себѣ. Онъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ довѣрчивыми добряками, рассказалъ мнѣ исторію своего печальнаго дѣтства, безъ всякаго съ моей стороны домогательства, какъ это тоже обыкновенно бываетъ съ пишущей братіей, и рассказалъ мнѣ потому, что я его со вниманіемъ, или, лучше сказать, съ участіемъ слушалъ.

— Отца, говорилъ онъ, я не помню и мать моя мнѣ никогда о немъ ничего не говорила. Хаты у насъ тоже своей не было, и мы, какъ говорятъ у насъ, жили въ сосѣдяхъ, т. е. переходили отъ одного мужика къ другому, пока я началъ ходить. Тогда она, какъ стала уже свободнѣе, то хотѣла было наняться у кого-нибудь на годъ, но ее никто не хотѣлъ нанять, не знаю почему: можетъ изъ-

за меня, или потому, что она была такая худая и блѣдная; только, обойдя всѣ села безъ успѣха, нанялася, наконецъ, у жида въ корчмѣ. Не могу вамъ сказать, сколько именно лѣтъ она служила у жида, только знаю, что я уже былъ порядочный мальчуганъ, когда она умерла. А умерла она, сколько я припомню, отъ чахотки. И, какъ теперь помню, за нѣскольکو дней передъ смертью пришла въ свой чуланъ, или, лучше скавать, въ стойло съ стадомъ, слегла и ужъ больше изъ стойла не выходила. За нѣсколико минутъ передъ ея смертью я принесъ ей воды въ кружкѣ. Но она уже пить не могла и говорить тоже, а только поманила къ себѣ рукою и, когда я нагнулся къ ней, она едва-едва прикоснулась къ моей головѣ рукою, поцѣловала меня и двѣ слезы выкатились изъ ея потухающихъ очей. Потомъ она тихо вздохнула и умерла.

Сотскій похоронилъ ее за тотъ рубль, что оставался у жида ею неполученный. А я шлялся по селу, пока не присталъ къ партіи нищихъ. Между нищими былъ слѣпой кобзарь или бандуристъ; ему и рекомендовали меня, какъ мальчика скромнаго. Онъ и замѣнилъ мною своего прежняго жоака.

И, знаете, мнѣ понравилось мое новое положеніе, потому что я имѣлъ хоть какой-нибудь, а все-таки пріютъ. А еще больше мнѣ нравился слѣпецъ, котораго я водилъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ и, помню, чрезвычайно сухощавый и съ длинными пальцами. А въ особенности мнѣ нравилось, когда онъ самъ для себя, медленно перебирая струны бандуры, тихонько напѣвалъ:

На мори синему, на камени билому
Ясный сокиль квилить проквляе...

Что-то необыкновенное представлялось моему дѣтскому воображенію въ звукахъ и въ словахъ этой унылой пѣсни.

Вотъ такой-же, какъ и теперь, былъ въ Д. балъ, съ тою только разницею, что тогда и для нищихъ обѣды готовили, а теперь уже не готовятъ. Вотъ и мы съ толпами нищихъ пришли на обѣдъ. Вотъ мы сидимъ себѣ подъ деревомъ, и, въ ожиданіи обѣда, настроивши кобзу, заигралъ мой кобзарь. Насъ народъ такъ и обступилъ. Вотъ онъ играетъ, а я смотрю по сторонамъ и вижу—къ намъ господа съ барышнями. Толпа, разумѣется, разступилась предъ господами и сама Софья Самойловна подошла ко мнѣ и, потрепав-

ши меня по щекѣ, проговорила: какой хорошенькій! И, обратясь къ господамъ, сказала: я его непременно возьму къ себѣ въ пажи!

Такъ и сталося! На другой день я былъ уже въ числѣ многочисленной дворни. Но какъ я, не знаю почему-то, оказался не способнымъ для должности пажа, то меня начали учить пѣнію, и я оказывалъ успѣхи. А потомъ стали учить и играть сначала на скрипкѣ, а потомъ и на віолончели.— Вотъ вамъ моя простая исторія, прибавилъ онъ и замолчалъ.

— Грустная, правду сказать, исторія!

— Что дѣлать? Прошедшее мое дѣйствительно грустно, но настоящее такъ безнадежно, такъ безотрадно, что если-бъ не эти благородные люди, то я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать.

— Не отчаивайтесь, мой другъ, любите свое прекрасное искусство и Господь успокоитъ вашу страждущую душу и пошлетъ вашему терпѣнію счастливый конецъ.

— Не знаю, найдеть-ли мое письмо Михайла Ивановича въ Петербургѣ?

— О, навѣрное, онъ никуда не уѣхалъ: это было-бы извѣстно.

— Да и можно-ли надѣяться, чтобы мое письмо могло имѣть успѣхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Я очень хорошо знакомъ съ Михайломъ Ивановичемъ. Это добрѣйшее, благороднѣйшее созданіе! Словомъ, это самый благодушный артистъ. Еще вотъ что. Я завтра разстанусь съ вами надолго, а быть можетъ и навсегда, но вы и эти добрые люди и эти часы, проведенные вмѣстѣ съ вами, такъ дороги моему сердцу, что для меня были-бы величайшимъ подаркомъ ваши, хоть коротенькія, письма. Прошу васъ, извѣщайте меня хоть изрѣдка. А о результатѣ вашего письма Михайлу Ивановичу вы непременно меня увѣдомьте. Я вамъ завтра сообщу свой адресъ.

И онъ обѣщался мнѣ вести дневникъ и посылать его каждый мѣсяць ко мнѣ вмѣсто писемъ.

— Мнѣ, сказалъ онъ, такъ пріятно вамъ открываться во всемъ и вы съ такимъ вниманіемъ слушаете меня, что и я тогда буду вообразать, что рассказываю вамъ лично о моихъ впечатлѣніяхъ.

Въ хатѣ Антона Карловича свѣтился еще огонь, когда мы подошли къ ней, но движенія уже никакого не было. Виргилій мой такъ усердно храпѣлъ, что за хатою было слышно. Вскорѣ и мы ему начали вторить.

На другой день поутру я пошелъ было на хуторъ нанять лошадей съ повозкою для перевезенія себя съ товарищемъ въ П., но Антонъ Карловичъ догналъ меня уже на гребль и воротилъ въ домъ, говоря, что порядочные люди такъ не дѣлають, а Марьяна Акимовна и слышать не хочетъ, чтобы вы ранѣ трехъ дней оставили нашу ферму. Дѣти—и тѣ даже заплакали, услыхавши о такомъ вашемъ неделикатномъ поступкѣ.

Отъ Марьяны Акимовны я выслушалъ еще убѣдительнѣе рацею. И не думайте, говорила она, и не помышляйте! Какъ на свѣтѣ живу, то еще не видала, чтобы порядочные люди на другой-же день изъ гостей уѣзжали; даже и на мужицкихъ коняхъ! Этого не токмо что у насъ, я думаю, и у нѣмцевъ не водится; такъ Антонъ Карловичъ, ты вѣдь нѣмецъ? а?

— Такой нѣмецъ, какъ ты нѣмка, проговорилъ Антонъ Карловичъ и засмѣялся.

— Вотъ и Тарасъ Федоровичъ останется у насъ, продолжала Марьяна Акимовна.

— Ему теперь послѣ бала совершенно тамъ дѣлать нечего. А Адольфина обѣщается намъ пѣть сегодня малороссійскія пѣсни; дѣти обѣщаются вамъ танцовать хоть цѣлый день «гречаньки».

— И метельцю, мамаша, проговорили разомъ обѣ дѣвочки.

Прогивостоятъ не было возможности, и я сдался. Виргилій мой заговорилъ было о службѣ, объ обязанностяхъ, о попечителѣ.

— Ужь хоть-бы вы молчали, а то разносились съ своимъ попечителемъ, право, ей-Богу! А еще старый знакомый... Пойдемте лучше въ мою хату чай пить, а то съ вами не сговорисься.

Переглянулись мы съ Виргиліемъ и пошли молча за Марьяной Акимовной.

Прогостили мы еще два дня у этихъ добрыхъ людей и въ это время удалось мнѣ сдѣлать карандашемъ нѣсколько видовъ счастливой фермы и почти одними чертами всю нашу компанію; а на первомъ планѣ помѣстилъ я Наташу и Лизу, танцующихъ «гречаньки». Все это едва-едва набросано. Но вотъ уже проходитъ двадцатый годъ, какъ любовался я этой живой картиной, и, глядя на этотъ эскизъ, я какъ будто снова люблюю этой живой картиной и даже слышу скрипку и прищелкиванье пальцами нѣмецкой горничной.

Мнѣ кажется, никакое гениальное описаніе лица и мѣстности не можетъ такъ оживить давно минувшее, какъ удачно проведенныхъ карандашемъ нѣсколько линій. По крайней мѣрѣ, на меня это такъ дѣйствуетъ.

На четвертый день нашего пребыванія на благодатной фермѣ. часу въ десятомъ утра, проводили насъ, какъ самыхъ близкихъ друзей своихъ, гостепріимные и счастливые обитатели фермы со всѣмъ своимъ домомъ. Даже Наташу и Лизу взяли съ собою. И проводили не только черезъ греблю, даже черезъ село до самой клуни. Тутъ мы усѣлись въ спокойную нетычанку Антона Карловича, запряженную парю добрыхъ коней и покатались по гладкой извилистой дорожкѣ.

Долго стояли друзья наши на одномъ мѣстѣ и махали намъ платками. А одна изъ дѣвочекъ, чтобы лучше видѣнь былъ ея платокъ, вскочила на плечо Антону Карловичу и преусердно махала платкомъ. Нетычанка покатила бѣстрѣе и бѣстрѣе и группа нашихъ друзей едва была замѣтна на горизонтѣ. Еще четверть версты, маленькая ложбина—и друзья исчезли за горизонтомъ. Я взглянулъ еще разъ назадъ, выѣхавши на пригорокъ, но увѣ! кромѣ клуни и скирдь, на горизонтѣ ничего не было видно. Мнѣ стало грустно, такъ грустно, какъ будто я разставался съ своими родными на долгое, на неопредѣленное время. Оно такъ и случилось.

Во всю дорогу пріятель мой молчалъ, чему я былъ очень радъ, погому что не чувствовалъ въ себѣ способности вести самый пустой разговоръ. Вскорѣ на горизонтѣ показался нашъ городъ П., а нѣсколько ближе изъ-за темнаго лѣсу выглядывали главы, бѣлымъ желѣзомъ крытыя, соборной церкви Г—скаго монастыря.

Проѣзжая мимо этого обновляющагося замка-монастыря, меня чрезвычайно непріятно поразила новая, еще неопшукатуренная четырехугольная башня съ плоскою крышею, точно каланча.

— Что это такое за уродъ торчитъ? спросилъ я своего пріятели.

— Это колокольня вновь отдѣланной домашней настоятельской церкви, что надъ малыми воротами.

— И вѣрно какой-нибудь досужій костромскій мужичекъ смастерилъ этакую штуку!

— Нѣтъ, извините, не мужичекъ, а настоящій патентованный художникъ!

— Какъ же онъ мастерски поддѣлался подъ византійскій стиль!

— Не извольте смѣяться надъ нашимъ художникомъ. Его торопятъ и денегъ не даютъ. А вотъ, когда поѣдете изъ П. въ Н., такъ увидите въ селѣ помѣщицы Н. настоящій храмъ царя, этимъ художникомъ сооруженный. Уже на что нашъ посвященный знатокъ и покровитель искусствъ, можно сказать Меценатъ нашихъ дней, Н—я тотъ посмотрѣлъ, да только ротъ разинулъ, а про непросвѣщеннаго и говорить нечего.

— Честь и слава вашему художнику!

Тѣмъ временемъ мы вѣхали въ городъ, а черезъ часъ я уже прощался съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, прося его для пользы науки записывать все, что касается археологіи и вообще народнаго характера, какъ-то: пословицы, присказки, пѣсни, преданія и тому подобное. А найпаче просилъ я его по временамъ извѣщать меня о нашихъ добрыхъ друзьяхъ на фермѣ. Онъ обѣщался мнѣ все исполнить по мѣрѣ силъ своихъ. И мы разстались, и разстались надолго.

ЧАСТЬ II.

Разставаясь съ моимъ путеводителемъ, не думалъ я тогда, что я съ нимъ на долго-долго расстаюся; я тогда думалъ, что авось-либо въ будущемъ году поѣду вновь по Малороссіи по порученію кievской археографической комиссіи, буду въ Черниговѣ, а изъ Чернигова поѣду черезъ Нѣжинъ въ П. и по дорогѣ посмотрю хваленый храмъ, возвигнутый кошгомъ помѣщицы К. и трудами патентованнаго художника, архитектора Н., а въ П. погощу денекъ-другой у моего Виргилія и, если можно будетъ, навѣстимъ достойнѣйшаго Антона Карловича и Марьяну Акимовну и полюбуемся ихъ прекраснѣйшею фермою.

Такъ я тогда думалъ, а вышло, что человекъ распредѣляетъ, а Богъ опредѣляетъ. Вышло то, что я въ продолженіе двадцати лѣтъ (со дня выѣзда моего изъ П.) не только что не видѣлъ Кіева, Чернигова, Нѣжина, П. и моего Авгомедона, и фермы, и всего, что я тамъ видѣлъ прекраснаго, но въ продолженіе двадцати лѣтъ не видѣлъ моей милой родины, ни даже звука роднаго не слыхалъ.

Вотъ что иногда судьба съ нами дѣлаетъ!

Послѣ двадцатилѣтняго моего странствованія по чужимъ краямъ, возвращаюсь я въ Малороссію и, проѣзжая смиренный городъ П., вспомнилъ сѣренкій домикъ на углу грязныхъ улицъ и велѣлъ ямщику или почтарю остановиться у этого мизернаго домика. Вылѣзъ я изъ телѣги, вхожу на дворикъ, меня встрѣчаютъ два мальчугана; я спрашиваю, здѣсь-ли живетъ Иванъ Максимовичъ С.

— Здѣсь! отвѣчаютъ мальчуганы оба разомъ.

— Дома онъ?

— Нѣтъ! они въ училищѣ.

— А есть-ли у васъ дома кто-нибудь постарше васъ?

— Есть мати дома, только они опочиваютъ; мы ее разбудимъ.

— Не нужно, не будите. Я послѣ зайду.

И я поѣхалъ на почтовую станцію.

День былъ прекраснѣйшій и уже клонился къ вечеру, и я, сложивши вещи свои, т. е. чемоданъ и котомку, на крылечкѣ станціоннаго дома, а дорожную отдавая смотрителю, просилъ его не торопиться съ лошадьми.

Учредивши-же такимъ образомъ, я усѣлся на своей мизеріи, т. е. на чемоданѣ, и принялся рисовать прекрасно освѣщенную вечернимъ солнцемъ каменную церковь, довольно неуклюжей, но довольно оригинальной архитектуры, построенную полковникомъ п—скимъ, Игнатомъ Г., тѣмъ самымъ, что первый отложился отъ Мазепы и передался царю Петру, за что и былъ, по смерти полковника Носа, возведенъ въ званіе п—скаго полковника и одаренъ великими маестностями въ томъ-же полку. Пока я срисовалъ сей памятникъ знаменитаго полковника, солнце повисло надъ горизонтомъ и толпа школьникоуъ показалаь на улицѣ, а за толпою школьникоуъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, появилась на улицѣ тощенькая, согбенная фигурка, съ зонтикомъ вмѣсто палки въ рукѣ. Это былъ мой Виргилій, и я почти побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Долго мы стояли среди улицы другъ противъ друга и наконецъ, послѣ долгихъ припоминаній, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Антикварій! антикварій. Такъ это вы?... А я было уже васъ совсѣмъ похоронилъ!... Да какъ-же вы перемѣнились! Совсѣмъ было не узналъ...

— Спасибо еще, что хотъ вспомнили.

— Да я васъ всегда вспоминалъ, только по наружности не узналъ. Прощу-же васъ покорнѣйше навѣстить меня въ моей убогой келии.

И мы, разговоривая, подошли медленно къ воротамъ сѣренькаго, давно знакомаго мнѣ, домика.

У воротъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ маленькихъ городахъ, стояла въ землю вросшая скамейка. Мы молча посмотрѣли на нее и сѣли.

— Да, такъ вотъ вы и попутешествовали, проговорилъ Иванъ Максимовичъ грустно; и свѣтъ Божій посмотрѣли, чай и за границей не разъ побывали... А я, какъ залѣзъ въ этотъ темный уголь, такъ и на свѣтъ Божій не показываюсь: сижу себѣ, можно сказать, безъ всякаго движенія!...

И долго мы бесѣдовали, вспоминая каждый изъ насъ свое прошедшее. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ нашей разлуки онъ женился на благородной и прекрасно-воспитанной, хотя и бѣдной, дѣвушкѣ. И думалъ, говорить, я съ нею вѣкъ свой коротать въ счастіи и любви; но Богъ судилъ мнѣ въ одиночествѣ вѣкъ свой коротать!—И старикъ заплакалъ.

— Братецъ! раздался женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты, нора вечерять, дѣти спать хотять.

— Накормите ихъ, сестрица, и уложите, а мы еще немного здѣсь посидимъ.—Сестрица! прибавилъ онъ: съ нами гость сегодня вечерять, то вы-бы тамъ что-нибудь лиінее... хоть карасика поджарили, да послали-бъ Оеклу, знаете, на счетъ того...

— Пошлю, братецъ.

— Да... На третьемъ году нашего блаженства, продолжалъ онъ, съ разстановкой, она оставила меня на вѣки. Правда, я не совсѣмъ еще сирота: она оставила мнѣ малое дитя свое, для котораго, можно сказать, и прозябаю я. Въ тотъ самый годъ у сестры моей мужъ скончался скоропостижно и оставилъ ее тоже съ маленькимъ сиротою; вотъ мы съ нею и сошлись въ одинъ кутокъ, да и дѣлимъ свое горе, какъ намъ Богъ помогаетъ. Дѣтей, я думаю, съ Божіей помощью, въ гимназію... а тамъ...

— Братецъ, раздался снова женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты! На дворѣ роса и холодно, а вы только во фракѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сестрица! Пойдемте въ нашу хату, а то и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы намъ съ вами не простудиться. Вѣдь мы

съ вами не можемъ похвалиться молодостью, цвѣтущей здоровьемъ. Пойдемте!

И мы оставили скамейку и молча вошли въ комнату.

Комнатка, въ которой я двадцать лѣтъ тому назадъ провель нѣсколько дней на холостую ногу, была та-же, да не та. Бѣдность та-же, да только бѣдность эта была умытая и принаряженная женскою рукой; на чистенькомъ полу чистенькіе половики, у оконъ бѣлыя занавѣски, на окнахъ бальзамины и герань въ горшкахъ; столъ, досчатый диванъ, табуретки липовыя—тѣ-же, да какъ-то иначе смотрѣли. Что значить женская рука въ домашнемъ быту даже аккуратнаго мужчины!

Въ быту гражданскихъ мужчинъ это еще не такъ рѣзко бросается въ глаза, какъ у военныхъ. Напримѣръ, зайдите въ комнату холостого офицера: изба избой, такъ и несетъ отъ нее пѣнкой и табачищемъ. А у женатаго офицера—тоже изба, да только въ этой избѣ сундукъ, на которомъ у холостого деньщикъ спитъ съ собакою, покрытъ коврикомъ и замѣняетъ диванъ. На досчатомъ столикѣ, вмѣсто табачницы и гвоздя для ковырянья трубокъ, пестренькая ярославская салфеточка, зеркальце и какое-нибудь женское рукодѣліе. Словомъ, въ семейной жизни, даже въ бѣдности, есть какая-то свѣжая матеріальная прелесть: о нравственной прелести я и не говорю...

Изъ другой комнатки вышла къ намъ старушка въ черномъ платкѣ и въ бѣлѣйшемъ чепчикѣ, такая милая, чистенькая старушка, какую я рѣдко встрѣчалъ на своемъ вѣку.

— Рскомендую вамъ! Моя сестрица, Марья Максимовна!

Я поклонился,

— А они, сестрица, мой старый, добрый знакомый N. N.

Я снова поклонился, а она проговорила:

— Прошу садиться.

Я сѣлъ, а Иванъ Максимовичъ заглянулъ въ другую комнату и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Какая у меня добрая, умная, догадливая сестрица! Представьте, мнѣ и въ голову не пришло, чтобы предложить вамъ съ дороги чаю, а вѣдь это какъ пріятно! Я просто живу у нея, какъ у Бога за дверьми. Ну, потчуйте-жь насъ, моя дорогая, моя безцѣнная хозяйка!.. А дѣти спать уже легли, сестрица?

— Уже легли, братецъ, отвѣчала старуха, ставя на столъ чашки съ чаемъ.

— Ну хорошо, я вамъ завтра ихъ покажу. А по которому уже годочку имъ пошло теперь, сестрица? Они у насъ, знаете, однолѣтки, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да вотъ на Пегра и Павла минеть по двѣнадцатому!

— Уже по двѣнадцатому! Боже мой, съ какою быстротой летятъ наши старыя лѣта! проговорилъ онъ какъ-бы съ самимъ собою.

— Двѣнадцать, двѣнадцать!.. Да!.. почти вскрикнулъ онъ, ударивши себя по лбу ладонью: чуть-чуть было не забылъ! У меня есть письмо на ваше имя, еще до моей свадьбы полученное мною. Такъ и лежитъ не распечатанное... И знаете отъ кого?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Отъ вашего почтеннѣйшаго, благороднѣйшаго Тараса Ѳедоровича, помните виолончелиста у Антона Карловича на фермѣ?

— Боже мой, какъ не помнить! Я только что хотѣлъ было спросить о немъ у васъ.

— Все расскажу, дайте время. Много трогательнаго и даже поучительнаго въ жизни этого достойнаго человѣка. У меня даже есть записаны нѣкоторые случаи изъ его жизни; я, знаете, самъ хотѣлъ было на старости лѣтъ пуститься въ литературу, да какъ прочиталъ Марлинскаго, така у меня и руки опустились. Что за блестящій, что за геніальный слогъ!... Сестрица, потрудитесь намъ вынуть изъ нижняго ящика пачку бумагъ, веревочкой перевязанныхъ.

Старушка не замедлила внести порядочную пачку бумагъ, сахарной веревочкой перевязанныхъ и, отдавая ихъ брату, спросила:

— Эти, братецъ, бумаги?

— Эти, сестрица, благодарю васъ.— Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: вотъ сколько перепорчено бумаги, а все это литература виновата.

И, развязавши бумаги, онъ сталъ ихъ перелистовать и, остановивъ на лоскуткѣ синей бумаги, сказалъ:

— А помните-ли, вы меня тогда просили записывать все, что я услышу, касающееся поэзій и философіи нашего простаго народа, помните?

— Помню, говорю.

— Вотъ я и исполнилъ вашу просьбу. Эдѣсь вы много премудрости найдете... Да гдѣ-же это письмо? Ужъ не потерялъ-ли я его?

Нѣтъ, нѣтъ, вотъ оно. Я посылая его въ Кіевъ на ваше имя, а мнѣ возвратили его. Васъ уже въ Кіевѣ не было. И онъ подалъ мнѣ почтеннѣйшій конвертъ, говоря:

— А знаете что? Сегодня у насъ среда... Погостите у насъ до воскресенья, а въ воскресенье пустимся мы съ вами въ путешествіе, помните, какъ когда-то, только не на балъ, а просто-запросто на ферму. Тамъ вы лично увидите и автора сего письма; а до воскресенья я разберу эти лоскутки и, можетъ быть, и вамъ что нибудь прочитаю.

Я согласился и, послѣ долгихъ упрасиваній со стороны брата и сестрицы остаться ночевать у нихъ, взялъ письмо и отправился на почтовую станцію.

Случалось-ли вамъ читать письмо, написанное вашимъ искреннимъ другомъ и полученное почти пятнадцать лѣтъ спустя? Кто не читалъ подобнаго письма, тому напрасно бы я сталъ рассказывать и описывать впечатлѣніе, произведенное на меня письмомъ моего достойнѣйшаго друга Тараса Федоровича, впечатлѣніе невыразимое, впечатлѣніе, которое только тотъ пойметъ, кому случалось читать подобное письмо.

Главный эффектъ такого письма тотъ, что вы какъ-будто только что простились и читаете строки только вчера написанныя, а пятнадцать лѣтъ вамъ покажутся какимъ-то непродолжительнымъ сновидѣніемъ.

Вотъ что писалъ мнѣ мой безцѣнный другъ:

Я былъ близокъ къ смерти, или, лучше сказать, къ помѣшательству, когда мы пріѣхали въ Петербургъ и я узналъ, что Михайлъ Ивановичъ уже другой годъ за границей. Вотъ причина, почему мое письмо, которое вы ему переслали, осталось безъ всякихъ послѣдствій. О. какъ горько, какъ невыразимо горько намъ, когда наши прекрасныя, блестящія надежды разбиваются молотомъ неумолимой судьбы!

Я обѣщаль писать вамъ сейчасъ-же, какъ только узнаю какой-бы ни было результатъ моего письма къ Михайлу Ивановичу, и вотъ уже проходитъ третій годъ, какъ я только что собрался съ духомъ писать о своихъ, такъ безжалостно разрушенныхъ надеждахъ.

Послѣ бала, или, лучше сказать, послѣ того концерта, гдѣ вы мнѣ такъ чистосердечно аплодировали, концерта, въ слѣдствіе ко-

тораго я полюбилъ васъ какъ родного моего брата, такъ послѣ этого бала, недѣли двѣ спустя, у нашей Софьи Самойловны показался прыщикъ на лѣвой щекѣ; она его расцарапала; изъ прыщика сдѣлался вередь, а изъ вереда къ августу мѣсяцу сдѣлалась рана такая, что она ее едва рукою закрывала. Вообразите себѣ ея положеніе, красавица, а не прошло мѣсяца, какъ на нее смотрѣть нельзя было; красавица, замѣтите, такая, которая именемъ матери пожертвовала красотѣ своей... Не страдалъ такъ величайшій музыкантъ Бетховенъ, когда оглохъ, или великій вашъ Буонароти, когда ослѣпъ, какъ она бѣдная страдала.

Въ половинѣ августа рѣшено было ѣхать въ Петербургъ. Въ числѣ квартета и я былъ назначенъ. Радость мою только вы можете понять. Я думалъ: вотъ когда насталъ конецъ моимъ страданіямъ! А страданія только что начинались...

Поѣхали мы. Дорогою и *самъ* захворалъ я, не доѣзжая Великихъ Лукъ, на станціи Выругы, умеръ. Думаю, что она его въ гробъ вогнала своими капризами. И правду сказать: ничего въ свѣтѣ не можетъ быть ужаснѣе, какъ внезапно обезображенная красавица. Гіена, просто, гіена!

По пріѣздѣ въ Петербургъ, разумѣется, было не до гостей и не до квартетовъ; лакейская-же моя обязанность была не велика: уберу поугру комнаты, да и маршъ на цѣлый день, куда глаза глядятъ.

О, лучше-бы я никогда не видѣлъ свѣта Божьяго, чѣмъ видѣть его, чувствовать и не смѣть ни чувствовать, ни смотрѣть на него!

Послѣ того дня, въ который я узналъ, что Михаилъ Ивановичъ за границей, я заболѣлъ сначала лихорадкою, а потомъ, мѣсяцъ спустя, я увидѣлъ или сознавалъ себя въ Петровской больницѣ, что на петербургской сторонѣ.

Меня стали посѣщать по средамъ и по субботамъ товарищи мои, лакеи - виртуозы и, во одну отъ субботъ, сказали мнѣ, что наша Софья Самойловна скончалась подъ ножомъ какого-то знаменитаго хирурга и мы остались сиротами.

Я плохо поправлялся, такъ плохо, что даже самъ главный докторъ Кохъ, проходя мимо моей койки, не останавливался.

Весною однако-жъ я могъ уже прогуливаться по длинному широкому корридору, а въ маѣ мѣсяцъ меня уже въ полдень и въ садъ выпускали часа на два.

Надо вамъ сказать, что въ Петровской больницѣ есть и женское отдѣленіе, въ третьемъ этажѣ, и женщинъ выздоравливающихъ тоже выпускають въ полдень погулять въ саду. Вотъ однажды я сижу на скамейкѣ, подходитъ ко мнѣ больная въ тиковомъ халатѣ и въ бѣломъ чепчикѣ или такомъ колпакѣ, какой былъ и на мнѣ. Мы просидѣли молча, пока служитель не загналъ насъ въ палаты. На другой день были погода хорошая и насъ снова послали гулять въ полдень. Походивши немного, я присѣлъ на скамейкѣ. Вчерашняя дама снова приходитъ и садится около меня. Я какъ-то нечаянно взглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ, что она была красавица, но только такая исхудалая, такая грустная, что у меня сердце заболѣло на нее глядя. Я не утерпѣлъ и спросилъ ее:

— О чемъ вы такъ грустите?

— О томъ, я думаю, о чемъ и вы: о здоровьи.

Я не удовольствовался ея отвѣтомъ и, немного помолчавъ, сказалъ ей:

— Здоровье ваше возобновится, да о здоровьи и не грустятъ такъ, какъ вы грустите.

— Да, это правда, сказала она и закрыла глаза рукою.

Служитель опять загналъ насъ въ палаты.

Нѣсколько дней сряду шелъ дождь, и я скучалъ, не видя моей знакомой-незнакомки. Наконецъ, дождикъ пересталъ и насъ опять выпустили въ садъ. Я прямо пошелъ къ скамейкѣ и, къ удивленію моему, на скамейкѣ уже сидѣла моя грустная знакомка. Я ей поклонился, она мнѣ тожъ, съ едва замѣтною, но такую грустною улыбкой, что я чуть было не заплакалъ.

— Вы должно быть страшно несчастны, сказалъ я ей, садясь на скамейку.

— А вы счастливы? спросила она, взглянувши на меня такъ выразительно, что я затрепеталъ и, прійдя въ себя, взглянулъ на нее; а она все еще смотрѣла на меня съ прежнимъ выраженіемъ.

— Всмотритесь въ меня, сказала она.

Я силился посмотреѣть на нее, но не могъ вынести устремленнаго на меня взгляда ея глубоко-впалыхъ большихъ черныхъ очей.

— Неужели вы меня не узнаете? спросила она едва внятнымъ шепотомъ.

— Не узнаю, отвѣтилъ я.

— Такъ я должно быть страшно перемѣнилась? И, немного помолчавъ, сказала:

— Ну такъ вспомните Кленовку и 23 апрѣля 18.. года. Что, вспомнили?...

— Боже мой! неужели это вы, м-ше Тарасевичъ?

— Я, едва проговорила она и залилась горькими слезами.

На другой день мы снова съ нею встрѣтились у завѣтной скамейки и она мнѣ рассказала свою грустную исторію.

Я и безъ того писать или выражать свои мысли на бумагѣ не мастеръ, а какъ буду пускаться въ отвлеченности да въ отступленія, то письму моему и конца не будетъ. Но грустная исторія, которую мнѣ про себя рассказала бѣдная Тарасевичъ, должна заставить и нѣмого говорить, и глухого слушать.

О, если бы я имѣлъ великое искусство писать, я написалъ-бы огромную книгу о гнусностяхъ, совершающихся въ с. Кленовкѣ.

Не помню, въ какой именно книгѣ, я начиталъ такое изреченіе, что если мы видимъ подлеца и не показываемъ на него пальцами, то и мы почти такіе-же подлецы.—Правда ли это? Мнѣ кажется, что правда.

Поэтому я и рассказываю вамъ исторію Тарасевичъ и Кленовскаго *пана*, а вы съ нею что хотите, то и дѣлайте, а если напечатаете, то это будетъ самое лучшее. Только перепишите се по своему, потому что у меня складу недостаетъ.

Была у насъ помѣщица п. уѣзда, богатая помѣщица, душъ около 4000, бездѣтная вдова-старушка, добрая такая, благочестивая, да Богъ ее знаетъ, что ей вздумалось: разъ поѣхала она въ Кіевъ на поклоненіе, да и вышла замужъ за молодого человѣка, красавца собою, нѣкогого г. Кленовскаго. Она, можетъ быть, бѣдная въ лѣтахъ заматерѣлая, о наслѣдникѣ чаяла,—не знаю. И сказано: человѣкъ изъ ума вышелъ: передала все свое имѣніе, вмѣстѣ съ собою, въ руки молодого красавца мужа, а онъ, не будучи дуракомъ, повернулъ все по своему. И то правда: вѣдь не на старушкѣ же онъ женился, а на ея деревняхъ. Кромѣ разныхъ улучшеній по имѣнію, отъ которыхъ мужички запищали, онъ завелъ у себя оркестръ, сначала наемный, а потомъ и крѣпостной, выстроилъ великолѣпный театръ, выписалъ артистовъ и завелъ театральную школу, разумѣется, крѣпостную. Цирамъ и бенкетамъ коца не было.

Старуха была въ восторгѣ отъ своего молодого мужа. Когда-же собственныя актрисы подросли и начали уже играть роли любовницъ и одалисокъ, то онъ, смотря по возрасту и наружнымъ качествамъ, учредилъ изъ нихъ гаремъ на манеръ турецкаго султана. Разумѣется, подобное заведеніе въ тайнѣ не могло процвѣтать; только странно, что послѣдняя о немъ узнала старуха-жена, а узнавши все это, занемогла, бѣдная, отъ ревности и вскорѣ Богу душу отослала. На смертномъ одрѣ она простила своего вѣроломнаго мужа и со слезами просила его исполнить ея послѣднюю волю, т. е. положить капиталъ въ банкъ и на проценты его воспитывать трехъ сиротъ-дѣвицъ въ п—скомъ институтѣ. Онъ, разумѣется, поклялся въ точности исполнить волю умирающей.

Онъ ее и исполнилъ, да только по своему.

Послѣ смерти жены его выбрали предводителемъ дворянства, какъ человѣка достойнаго и благонамѣреннаго. Онъ тутъ-же у себя въ уѣздѣ нашель не трехъ, а пять сиротокъ и завель у себя въ селѣ благородный пансіонъ. Нанялъ учителя, какого-то отставнаго поручика и гувернантку безъ аттестата, а главный надзоръ за нравственностью воспитанницъ поручилъ сестрѣ своей, грязной и красноносой старухѣ. Когда сиротки стали подростать, то имъ, кромѣ русской грамоты, стали преподавать и изящныя искусства, то есть пѣніе, музыку (игру на гитарѣ), танцы и сценическое искусство. И все это, разумѣется, свои крѣпостные наставники и наставницы. Въ число этихъ-то несчастныхъ воспитанницъ попала и Тарасевичъ. Когда воспитанницы уже порядочно подросли, то, которыя по-красивѣе были, сдѣлались, по ходатайству главной надзирательницы, украшеніемъ гарема, не какъ рабыни, а какъ благородныя султанши. Тарасевичъ хотя была красивѣе всѣхъ ихъ, и умнѣе и благороднѣе, но была тощенькая, и потому-то не обратила на себя ласковаго султанскаго взора. Не завидовала она своимъ счастливымъ подругамъ, что онѣ и на балахъ являлись и танцевали, а на театрѣ являлись передъ многочисленными гостями, разумѣется, съ крѣпостными артистами, ибо не образовывать-же въ самомъ дѣлѣ для нихъ сиротокъ-мальчиковъ благороднаго происхожденія!—возьметъ бывало себѣ потихоньку какой-нибудь романъ изъ бібліотеки, да и спрячется гдѣ-нибудь въ саду, читаетъ его да плачетъ. Такъ она прочитала всѣ романы, какіе только

были въ библіотекѣ. И вышло то, что она не знала, что съ собою дѣлать; пуще прежняго похудѣла: такъ и думали всѣ, что умереть. Уже и въ постель было слегла, на ладонь, какъ говорятъ, дышала, уже и крестъ намогильный сдѣлали; хотѣли было и гробъ дѣлать, да боялись, чтобы не укоротить, потому что люди когда умирають, то, говорятъ, вытягиваются; а крестъ сдѣлали сажени въ двѣ вышины, дубовый; выкрасилъ его домашній живописецъ зеленою краскою; на одной сторонѣ намалевалъ Распятіе, а на другой Скорбящую Божію Матерь; внизу прибилъ желѣзную доску и написалъ на ней: «здѣсь покоится раба Божія Марія Тарасевичъ, воспитанница г. Кленовскаго, скончавшаяся 18... года, мѣсяца... числа. Только случилось такъ, что она выздоровѣла, а умерла любимая горничная сестры Кленовскаго, и умерла, говорятъ, не своею смертію. Она гладила утюгомъ своей барынѣ платье въ воскресенье. да немного опоздала: уже во всѣ колокола прозвонили, а платье не было готово; вотъ барыня разсердилась, выхватила у нея изъ рукъ утюгъ, да и хватъ ее *нечаянно* по головѣ такъ, что та бѣдная тутъ-же и ноги протянула. Правда-ли, нѣтъ ли, навѣрное не знаю. А крестъ я самъ собственными глазами видѣлъ и надпись читалъ. И, знаете-ли, такой крестъ—это своего рода картина, особенно на убогомъ сельскомъ кладбищѣ, гдѣ все крестики Богъ знаетъ какіе: то пошатнувшіеся, то совсѣмъ упавшіе, а то и просто десятокъ другой могилъ совсѣмъ безъ крестовъ. А тутъ вдругъ *фигура*, да еще какая фигура! Я думаю, г. Кленовскій самъ рассчитывалъ на этотъ эффектъ: смотрите, дескать, какъ мы своихъ воспитанницъ хоронимъ! А вышло, что похоронили не воспитанницу, а горничную... Ну, да это все равно, лишь-бы крестъ даромъ не пропалъ...

Музыкантская была въ одномъ флигелѣ съ нашимъ пансіономъ, продолжала свой разговоръ больная, и когда я начала выздоравливать и понимать себя, то мнѣ чрезвычайно пріятно было слушать, когда они съигриваются; моему больному воображенію представлялся какой-то необыкновенно чудный міръ, особенно, когда весь оркестръ, какъ лѣсъ или море, вдали шумитъ и изъ этого неопредѣленнаго рокота выходитъ какой-нибудь одинъ инструментъ, скрипка или флейта. О, я тогда была выше всякаго блаженства!

Звуки эти мнѣ казались чистѣйшею, отраднѣйшею молитвою, выходящей изъ глубины страдающей души.

О, зачѣмъ я выздоровѣла, зачѣмъ на вѣки не осталася въ томъ болѣзненно-блаженномъ состояніи!

Въ домѣ было прекрасное фортепьяно, и когда я могла уже выходить, то пошла прямо къ нашему капельмейстеру и просила его, чтобы онъ меня научилъ читать ноты и показалъ первые приемы фортепьянной игры. Онъ... О, я давно прокляла его за его науку! Зачѣмъ открылъ онъ мнѣ тайну сочетанія звуковъ, зачѣмъ открылъ онъ мнѣ эту божественную, погубившую меня гармонію!...

Я быстро поглощала его первые уроки, такъ что не успѣли у меня на вершокъ волосы отрости (и больна была горячкой), какъ я уже быстрѣе его читала ноты и вырабатывала свои пальцы на сухихъ этюдахъ *Листа*.

Но не одни звуки питали мое больное сердце. Мнѣ нравилась сцена. Я прочитала все, что было въ нашей библіотекѣ драматическаго (репертуаръ нашего домашняго театра мнѣ не правился), начиная съ *Синеуса* и *Трувора* Сумарокова до Гамлета Висковатова. Я дни и ночи бредила Офеліей, а дѣлать было нечего: я для своего дебюта принуждена была выучить роль дочери Льва Гурыча Синичкина. Успѣхъ былъ полный, и я окончательно погибла!

Когда видѣли вы меня въ Кленовкѣ, я уже бредила петербургской сценой: домашняя для меня была слишкомъ тѣсна. На несчастіе мое того-же лѣта заѣхалъ къ намъ Михаилъ Ивановичъ Глинка; онъ тогда выбиралъ въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы.

Увидѣвши меня на сценѣ и услышавши мой голосъ и игру на фортепьяно, онъ рѣшилъ, что я великая актриса. А я... о, горе мое, горе!... Я просто сердечно ему повѣрила. Да и кто-бы не повѣрилъ на моемъ мѣстѣ?

Не замѣтили-ли вы тогда у насъ на балѣ молодого, весьма скромнаго человѣка, съ большими, выпуклыми глазами, съ вздернутымъ носомъ и большимъ ртомъ? Это былъ художникъ Штернбергъ. Онъ тогда у насъ все лѣто пробылъ. Кроткое, благороднѣйшее созданіе!

Однажды я (мнѣ аккомпанировалъ Михаилъ Ивановичъ) пѣла для гостей изъ его, еще не оконченной тогда оперы *Русланъ и Людмила* арію, помните въ чертогахъ Черномора поетъ Людмила. Только что я кончила пѣть, посыпались аплодисменты, разумѣется, не мнѣ, а автору. И, когда все замолкло, подходитъ ко мнѣ Штернбергъ, со слезами на глазахъ, и молча цѣлуетъ мои руки. Я тоже заплакала и вышла вонъ изъ залы. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ сдѣлались друзьями. Я часто для него въ сумерки пѣла любимую его арію изъ «Преціозы» и онъ каждый разъ, слушая меня, плакалъ.

Спустя два года послѣ моихъ успѣховъ въ Кленовкѣ, Кленовскій съ своею сестрицею начали собираться въ Петербургъ на зиму. Я, разумѣется, начала проситься съ ними. Они долго не соглашались. Но наконецъ согласились съ условіемъ, но съ какимъ условіемъ! вы понимаете меня? Да! понимаете!... И знаете что? Я согласилась!... О, будь я проклята, прокляга, проклята!.. Я все забыла для искусства и для столицы, все, всѣмъ пожертвовала! И вотъ результатъ мой великой жертвы! Нищая, въ больницѣ и въдобавокъ подъ именемъ его крѣпостной дѣвки!...

Она за слезами не могла говорить. На другой день я услышала отъ нея подробности такого рода... Впрочемъ, онѣ такъ гнусны, что гнусно ихъ и повторять.

Скажу вамъ вкратцѣ конецъ ея бѣдственной исторіи. Пріѣхала она въ Петербургъ уже беременною и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не выходя изъ квартиры, разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ. Послѣ родовъ заболѣла горячкою. А г. Кленовскому нужно было ѣхать обратно въ свою Кленовку; вотъ онъ ее и отправилъ въ Петровскую больницу подъ именемъ своей крѣпостной дѣвки. Вотъ вамъ и вся недолга.

Я пробылъ еще двѣ недѣли въ больницѣ и каждый день, въ урочные часы, выходилъ въ садъ, садился на завѣтную скамейку и дожидался несчастной больной.

Какой-же въ самомъ дѣлѣ подлый эгоистъ человекъ вообще, а въ особенности я! Мнѣ стало на душѣ легче; я видимо сталъ поправляться послѣ ея исповѣди. Это значить—я доволенъ былъ, что есть несчастіе меня.

Страдальцы! воображайте такъ, и вы будете хоть на полъ-грана менѣе страдать!

Я каждый день спрашивалъ у знакомаго мнѣ служителя изъ женскаго отдѣленія: что № такой-то? и онъ отвѣчалъ мнѣ совершенно равнодушно: лежить. За день передъ моей выпиской изъ больницы спросилъ я служителя: что № такой-то? Въ покойницкой, отвѣтилъ онъ мнѣ и пошелъ за своимъ дѣломъ, быть можетъ за длинною плетеною корзиною, въ родѣ гроба, чтобы другого уже, не страдальца, вынести въ покойницкую.

На другой день, выписавшись изъ больницы, я просилъ позволенія похоронить тѣло такой-то, назвавшись: такой-то. И мнѣ было позволено.

Я пригласилъ своихъ товарищей. Вы помните, что насъ было четверо привезено въ Петербургъ (т. е. квартетъ), и мы вынесли ее на Смоленское каадище, а послѣ панихиды пропѣли «*Со святыми упокой*», да бросили земли по горсти въ ея вѣчное жилище—и больше ничего.

Вскорѣ послѣ этого прислалъ намъ управляющій имѣніемъ *плакатные* билеты, и мы остались еще на годъ въ Петербургѣ. И знаете, что мы сдѣлали? Прикинулись нѣмцами, да и пошли по улицамъ потѣшать добрыхъ людей своимъ искусствомъ. И знаете, хорошо было: мы почти что каждый по рублю серебромъ домой приносили.

За исключеніемъ харчей и квартиры, я каждое воскресенье получалъ рубль серебра, и каждую недѣлю я былъ два-три раза въ театрѣ (разумеется, въ райкѣ). Откладывая каждую недѣлю полтину серебра на предвидѣнный случай, т. е. для Серве, чтобъ приобрести нѣсколько его этюдовъ для віолончели и, главное, самого его послушать.

Въ газетахъ давно уже публикуютъ, что онъ непременно будетъ къ великому посту въ Петербургѣ. Дай-то Богъ! Мнѣ какъ-то страшно становится, когда я подумаю, что я буду слушать Серве. Неужели слава такъ могущественна?

Приближается зима, и наши уличные квартеты должны будутъ прекратиться. Что намъ дѣлать? Товарищи мои хотятъ бросить искусство и искать лакейскихъ должностей. А мнѣ-бы хотѣлось удержатъ ихъ отъ этого соблазна; да какъ удержатъ?

Съ этой благой мыслию пошелъ я однажды на Крестовскій островъ въ вѣмецкій трактиръ, поговорилъ съ хозяиномъ, что такъ и такъ... есть у меня квартетъ богемцевъ; можно-ли имъ будетъ прийти въ воскресенье попробовать счастья въ вашемъ заведеніи? Хозяинъ согласился, и мы въ первое-же воскресенье потѣшали почтенѣйшую публику, какъ истинные чехи, и потѣшали не безъ пользы. Мы въ одинъ день достали себѣ пропитаніе на цѣлую недѣлю съ избыткомъ. Товарищи мои ободрились. Слѣдующее воскресенье намъ еще лучше повезло, а слѣдующее еще лучше, потому что уже настала настоящая зима.

Тутъ-же, въ трактирѣ, мы стали получать заказы черезъ содержателя трактира на вечеринки, на свадьбы и т. под. Товарищи выбрали меня подрядчикомъ и казначеемъ, и мы зиму прожили припѣваючи.

Съ Песковъ мы перебрались къ Николѣ Морскому. Квартира у насъ была уже не одна маленькая комнатка, а двѣ большія съ прихожей.

Въ свободное время, въ продолженіе зимы, я проштудировалъ всего Ромберга и Серве, что могъ достать.

Большой театръ посѣщалъ я постоянно два и три раза въ недѣлю и хоть изрѣдка, а видѣлъ и слышалъ, все, что было лучшаго въ ту зиму въ столицѣ.

Прошла наконецъ и бѣшеная масляница, прошла и первая недѣля великаго поста...

О, незабвенная афиша!.....

Надо вамъ сказать, что я часто дѣлалъ большой кругъ, чтобы пройти мимо котораго-нибудь театра, собственно для того, чтобы прочитать афишу.

Въ воскресенье былъ я на соборномъ проклятіи въ Казанскомъ соборѣ. Вышелъ изъ церкви, перехожу Невскій проспектъ и издали вижу, что что-то бѣлѣетъ за проволочной рѣшеточкой у подъѣзда дома Энгельгардтъ. Я прибавилъ шагу. Подхожу къ подъѣзду, или, лучше, къ проволочному ящичку, и мнѣ показалось, что я вижу самага Серве, Вьетана. А это были только буквы. Долго я читалъ эти завѣтныя буквы, пока добрался до настоящаго ихъ смысла. А смыслъ былъ такой, что Серве даетъ концертъ сегодняшній-же день. Начало въ 7 часовъ вечера. Я сейчасъ-же купилъ билетъ. И цѣ-

лѣй день ходилъ по Невскому проспекту, заходя иногда къ Александринскому и Михайловскому театру прочесть афишу. Въ 6 часовъ вечера я уже былъ въ залѣ. Зала уже была въ половину освѣщена, и я вошелъ въ нее первый. Швейцаръ, впуская меня въ залу, сначала пристально осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потому вѣроятно, что я вовсе не былъ похожъ на человѣка, для котораго пяти-рублевая депозитка ничего не значить. Ну, да Богъ съ нимъ: пускай думаетъ, что хочетъ!

Публика начала уже собираться, и къ половинѣ седьмого зала уже была цолна. Меня пронимала дрожь. Но когда кто-то около меня сказалъ: уже семь часовъ, я затрепеталъ, а сердце у меня обдало какимъ-то холодомъ: какъ будто въ одно мгновеніе теплая кровь оставила его и вмѣсто крови потекла холодная вода.

Увертюра, которую я не слушалъ, кончилась. Оркестръ отдохнулъ, поправился—и, черезъ нѣсколько мгновеній, выходитъ Серве и за нимъ Вьетанъ...

Боже мой! я не слышалъ, да и не услышу никогда ничего прекраснѣе!

Листъ передъ Серве—фанфаронъ, простой механикъ, ремесленникъ передъ художникомъ, больше ничего! Я смутно помню, какъ я вышелъ изъ залы и какъ пришелъ домой. Помню только, что товарищи отняли у меня виолончель и спрятали.

Съ того вечера я уже не беру виолончеля въ руки и звуковъ ея слышать не могу: для меня это все равно, что ножемъ по сердцу.

Въ продолженіе поста я читалъ только афиши и только разъ былъ въ Большомъ театрѣ, когда давали ораторію Гайдна «Сотвореніе Міра». Это истинное сотвореніе міра. Только для Большого театра слишкомъ громко: трудно слушать. Тутъ нужно по крайней мѣрѣ Михайловскій манежъ.

Еще давали концертъ въ Патріотическомъ институтѣ, въ которомъ участвовалъ, между многими знаменитостями, и графъ Вьельгорскій.

Чего-бы я не отдалъ, чтобы послушать его! Но, увы, свѣтъ сей не для всѣхъ равно созданъ.

Какъ разъ въ великую субботу позвали насъ всѣхъ четырехъ въ часть и объявили намъ, что помѣщикъ требуетъ насъ къ себѣ

въ деревню и чтобы мы приготовились къ слѣдующей средѣ выступить въ походъ съ севастопольской партіей. Къ средѣ мы были совершенно готовы. И рано утромъ въ среду вышли за толпою колодниковъ изъ воротъ Литовскаго замка съ инструментами за плечами, и грустно, молча потянулись къ Московской заставѣ.

Не описываю вамъ путешествія нашего, потому что оно нестерпимо однообразно и отвратительно гнушно.

На третій мѣсяцъ нашего путешествія съ толпою злодѣевъ мы прибыли наконецъ въ П.

Странное и страшное чувство обуяло меня при видѣ роднаго мѣста.

Я долго не рѣшался послать изъ острога къ нашему доброму Ивану Максимовичу. Наконецъ черезъ великую силу превозмогъ ложный стыдъ и страхъ и послалъ за нимъ тюремнаго служителя. Черезъ полчаса явился Иванъ Максимовичъ и взялъ меня на поруки.

Въ продолженіе цѣлой ночи мы глазъ не смыкали, сообщая другъ другу все о себѣ, какъ родные братья послѣ долгой разлуки. Между прочими новостями онъ мнѣ сообщилъ, что промотанное и разоренное имѣніе покойнаго Г., нашего барина, купилъ съ публичнаго торгу г. Кленовскій и что хотѣлъ было взять Лизу и Наташу къ себѣ на воспитаніе, но Антонъ Карловичъ отдалъ только Лизу, а Наташу у себя оставилъ, что м-лле Адольфина оставила ихъ вмѣстѣ съ Лизою. На другой день я оставилъ П. и ночевалъ на фермѣ. На фермѣ все, какъ было и прежде, только Лизы и м-лле Адольфины нѣ достаетъ, а хозяйева ея кажется и помолодѣли и подобрѣли.

Солнце уже спускалось за горизонтъ, когда я подходилъ къ фермѣ. Мужички, попадавшіеся мнѣ около села, привѣтствуя меня съ добрымъ вечеромъ, посматривали на меня и, снявши шапки, крестились. Меня это не мало удивило: что-бы такое значило, что они крестятся? спрашивалъ я самъ себя. Когда я входилъ въ село. дѣти, завидя меня, бросили игры и, остановясь около хаты, молча посматривали на меня, а которыя были постарше, тѣ крестились. Я хотѣлъ было подойти къ нимъ и узнать причину благоговѣнія къ моей особѣ, но дѣти разбѣжались. Я пошелъ далѣе, и уже на греблѣ попалась мнѣ старуха и, перекрестясь, остановила и спросила у меня.

— Куда вы гробокъ несете? Въ Д. священникъ померъ, поховать никому буде, бо нового попа ще не прислано.

Тутъ-то я только догадался, что они скрипичный ящикъ мой принимали за дѣтскій гробъ.

Подойдя къ самымъ воротамъ сада, я остановился въ раздумьи: заходить-ли мнѣ къ нимъ, или пройги мимо, и только было рѣшился на послѣднее, какъ послышался мнѣ дѣтскій голосъ въ саду. Это былъ голосъ Наташи. Я отворилъ ворота, но войти въ садъ все еще какъ-бы боялся. Только Наташа, увидя меня, закричала: мамо! мамо! нищій пришолъ! (Марью Акимовну она мамою называла).

— Гдѣ ты видишь нищаго? спросила ее Марья Акимовна, выходя изъ-за дерева.

— Онъ за воротами!

И онѣ подошли ко мнѣ на нѣсколько шаговъ. Наташа бросилась ко мнѣ, крича:

— Мамо! мамо! это не нищій: это нашъ Тарасъ Федоровичъ!

Меня и въ самомъ дѣлѣ не мудрено было принять за нищаго: оборванный, запыленный, съ палкою въ рукѣ и съ ящикомъ за плечами. Марья Акимовна подошла ко мнѣ, посмотрѣла на меня, взяла меня за руку, сказавши: войдите, и заплакала. У меня ноги подкосились и я упалъ на землю и зарыдалъ, какъ дитя. Наташа побѣжала за Антономъ Карловичемъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже всѣ трое шли къ дому и всѣ трое плакали. Наташа тоже плакала, разумѣется, бессознательно. Впрочемъ ей уже 12-й годъ.

И что это за дитя, еслибъ вы посмотрѣли! Это такая красота, такая дѣтская прелесть, какой мнѣ не удавалось видѣть даже на картинахъ.

Подходя къ дому, Антонъ Карловичъ почти что вырвалъ меня изъ рукъ Марьи Акимовны и повелъ свою хату. Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, сажая меня на стулъ въ своей хатѣ. Я сію-же минуту, прибавилъ онъ уже за дверью.

Въ хатѣ его было все по прежнему, даже воздухъ былъ прежній, и мнѣ казалось, что я вчера только вышелъ изъ этой комнаты.

Черезъ минуту вошелъ мальчикъ съ умывальникомъ и бѣльемъ, а за нимъ и самъ Антонъ Карловичъ, неся въ рукахъ свое сѣренькое пальто и прочія принадлежности туалета.

— А сапоги найдете въ этой комнатѣ, сказалъ онъ, указывая на боковую дверь. А когда вы кончите, приходите чай пить. Мы васъ ждемъ! прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Преобразившись, я пошелъ въ домъ. На крыльцѣ встрѣтила меня Наташа и, схватя за руку, закричала:

— Мамо! мамо! посмотрите, я его и не узнала!

И съ этими словами ввела меня въ комнату и, сажая меня на стулъ около стола, прибавила:

— Садитесь вотъ здѣсь, какъ разъ противъ меня и противъ мамы. Мы на васъ будемъ смотрѣть: вѣдь мы васъ давно не видѣли!

Я осмотрѣлся кругомъ и сѣлъ. Съ минуты длилось молчаніе. Марья Акимовна, молча глядя на меня, заплакала и проговорила:

— Теперь насъ только трое, а помните—было пятеро.

И, наливая чай, рассказала знакомую уже мнѣ исторію съ прибавленіемъ, что м—де Адольфинъ чрезвычайно не хотѣлось разставаться съ ними и что они ее на силу уговорили перейти къ г. Кленовскому, что она тамъ будетъ необходима для Лизы, потому что Лиза такая бойкая!.. Что Наташа противъ Лизы? Это просто ангель у меня, а не дитя, прибавила она, цѣлуя Наташу.

Марья Акимовна начала было спрашивать меня о моихъ пожденіяхъ, но Антонъ Карловичъ перебилъ ее, говоря, что для этого будетъ завтрашній день. а что сегодня нужно спросить у гостя, не хочеть-ли онъ ѣсть и спать.

Послѣ ужина пошелъ я въ хату, гдѣ уже для меня была приготовлена постель. Боже мой! подумалъ я: за что эти добрые люди такъ полюбили меня? Встрѣчалъ-ли отецъ съ матерью съ такою любовью своего сына послѣ долгой разлуки, какъ они меня встрѣтили? Добрые, благородные люди!

На другой день поутру Антонъ Карловичъ съѣздилъ въ Д. и исходатайствовалъ мнѣ позволеніе у управляющаго остаться на фермѣ по случаю болѣзни.

Весь августъ мѣсяцъ я прожилъ въ кругу этихъ добрыхъ людей совершенно, какъ сынъ у отца и матери, и совершенно забылъ о моемъ грустномъ пребываніи въ Петербургѣ и о моемъ горькомъ странствованіи, не смотря на то, что я каждый день повторялъ свои рассказы.

Въ раю праведники едва-ли такъ блаженствуютъ, какъ я теперь блаженствую.

Наташа отъ меня совершенно не отходитъ, просить меня, чтобы я ее училъ на фортепьяно, хотя она сама не хуже играетъ. Просить меня учить ее по французски говорить, а сама меня поправляетъ. А когда я по вечерамъ рассказываю о моихъ приключеніяхъ на этапахъ, она плачетъ пуще самой Марьи Акимовны; просто она меня чаруетъ своею привязанностью ко мнѣ...

Въ четвертый разъ принимаюсь я за письмо это и не знаю, удастся-ли мнѣ хоть теперь кончить. Просто свободной минуты не имѣю. Представьте, что мы сидимъ иногда на пролетъ ночи въ уютной хаткѣ Марьи Акимовны, она за фортепьяно, а я со скрипкою.

Виолончель я думаю совсѣмъ оставить; да и хватить ли ужъ духу играть на ней, слышавши Серве?!

Конецъ моему блаженству близится; на дняхъ я оставляю ферму и являюсь къ моему новому властителю.

Не предчувствую ничего для себя добраго впереди, а впрочемъ—все въ рукахъ Божіихъ.

Я это письмо такъ долго писалъ, что наконецъ привыкъ къ нему, и мнѣ грустно стало, когда я его кончилъ. Я мысленно никогда не разставался съ вами, но въ это время я съ вами просто жилъ и открывалъ вамъ всѣ мои мысли и чувства, и теперь какъ подумаю о предстоящей мнѣ жизни, а въ ней предвижу я много для себя грустнаго, и грустное это некому будетъ передавать, то мнѣ теперь уже тяжело.

Напишите мнѣ хоть три слова, напишите только, что вы получили мое письмо, и я буду счастливъ.

Прощайте, незабвенный другъ мой. не забывайте преданнаго вамъ и безталаннаго музыканта N.

Ферма:

18.. года, августа.. дня.

По прочтеніи письма я думалъ было заснуть хоть немного съ дороги, но не тутъ-то было. Передо мною стоялъ, какъ живой, мой бѣдный музыкантъ съ своей виолончелью и, глядя на меня, грустно улыбался, и такъ грустно, что я хотѣлъ было достать огня и прочитатъ снова его печальное посланіе, только смотрю—въ окнахъ уже бѣлѣтъ. Я накинулъ на себя шинель и вышелъ на крылечко.

Не прошло пяти минутъ, какъ подходитъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и, послѣ обоюдныхъ привѣтствій, жалуется мнѣ, что ему тоже всю ночь не спалось и что онъ давно уже ходитъ и посматриваетъ, не выйду-ли я.

— Мнѣ, не знаю почему, казалось, говорилъ онъ, что и вамъ тоже не спится. Я хотя и не читалъ письма Тараса Федоровича, но зналъ, что оно не веселое, не правда-ли?

— Правда! отвѣчалъ я; даже очень невеселое.

— И оно, конечно, вамъ заснуть не дало?

— Дѣйствительно такъ.

— Я такъ и думалъ. Но это все ничего, а вы послушайте, что послѣ съ нимъ было!... Вечеромъ я вамъ лучше прочитаю. Я, знаете, на старости туда-же пустился въ литературу. Да что, думаю, вѣдь не святые-же горшки лѣпятъ!.. Предметъ же и самъ по себѣ интересный, а если его обработать, такъ это зыдетъ просто романъ. Вотъ я и принялся... А сестрица, я думаю, давно уже насъ съ самоваромъ дожидаетъ. Ей, бѣдной, тоже что-то не спалось въ эту ночь. Впрочемъ, это съ нею часто случается. Пойдемъ-ка, это будетъ лучше литературы.

И дѣйствительно, старушка насъ дождала съ чаемъ, только не въ комнатахъ, а въ садикѣ, въ лѣтнемъ кабинетѣ брата. Садикъ заключалъ въ себѣ нѣсколько тощихъ фруктовыхъ деревьевъ; тутъ-же стоялъ досчатый чуланъ, приткнутый къ сосѣднему забору. Это-го и былъ лѣтній кабинетъ Ивана Максимовича.

Не смотря однакожь на нищету этого садика, въ немъ было такъ все уютно, такъ спокойно, что я невольно позавидовалъ бѣдному Ивану Максимовичу.

Напившись чаю подъ кустомъ цвѣтущей бузины, Иванъ Максимовичъ повелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ на досчатомъ, обнаженномъ диванѣ и, вынимая изъ столика бумаги, сказалъ:

— Теперь мы въ тиши уединенія займемся литературою.

— Вотъ эти бумаги, сказалъ онъ, откладывая въ сторону нѣсколько листовъ мелко исписанныхъ: эти бумаги принадлежать вамъ. Помните, вы просили меня когда-то собирать для васъ все, касающееся исторіи, философіи и поэзіи нашего народа. Тутъ всего есть по немногу. Историческія свѣдѣнія, касающіяся собственно города П., сообщилъ мнѣ покойникъ отецъ Илья Б., а прочее я за-

писываль гдѣ попало. А вотъ это уже чистая литература, говорилъ онъ, разбирая другія бумаги.

— Я описываю все случившееся съ нашимъ музыкантомъ со дня его выѣзда въ Петербургъ, со-словъ его-же самаго, только украшаю иногда слогъ на манеръ Марлинскаго. Божественный писатель! Даже и названіе даю моему разсказу въ родѣ незабвеннаго Марлинскаго, т. е. *Музыкантъ или двѣ сиротки*. Помните *Лизу* и *Наташу*? Онѣ у меня тоже играютъ не малую роль.

— Такъ съ чего же намъ начать? Онъ вамъ вѣрно въ письмѣ своемъ описаль все, хотя вкратцѣ, по день прибытія своего на родину.

— Дѣйствительно все, сказалъ я, кромѣ обратнаго своего путешествія изъ столицы.

— То-есть слѣдованія по этапамъ. Я такъ и думаль, потому, что и мнѣ не мало стоило труда выпросить у него нѣкоторыя подробности этого, можно сказать, живописнаго путешествія.

И Иванъ Максимовичъ улынулся своей остротѣ.

— Такъ я начну вамъ именно съ путешествія

«Уже вечерній солнца лучъ златиль величественное и широкое ложе рѣки Луги,—такъ началъ читать Иванъ Максимовичъ, и когда мы перешли безконечно длинный и разными вавилонами на сваяхъ воздвигнутый мостъ черезъ едва выглядывающую изъ камышей рѣку Лугу, то лучезарный Фебъ уже скрылся за горизонтомъ въ объятія Оетиды.

Но такъ какъ въ полярныхъ странахъ лѣтнія ночи бываютъ довольно ясны, то мы засвѣтло еще вступили въ городъ Лугу. Насъ, разумѣется, препроводили въ острогъ»....

Но тутъ, знаете, картина не авантажная, говорилъ Иванъ Максимовичъ; а потому я ее не описываю. По моему, чисто изящныя произведенія не должны касаться картинъ грязныхъ, хоть это теперь, къ несчастію, вошло въ моду. Но я все таки предпочитаю придерживаться классическаго стиля; да и гдѣ намъ, старикамъ, передѣлывать себя!...

Такъ вотъ они (я вамъ буду простыя происшествія разсказывать, а что касается поэзіи, то уже прочитано)... такъ вотъ они на другой день у этапнаго командира испросили позволенія, потому что у нихъ была дневка и къ тому-же день праздничный... испросили позволенія (разумѣется, предложивши ему часть зара-

ботка) пройтись по улицамъ съ инструментами и дать нѣсколько концертовъ.

Предпріятіе ихъ, не смотря на то, что городъ Луга, можно сказать, нарочито не великій, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ что, не смотря на значительную часть пріобрѣтенія, отдѣленную ими командиру этапа, у нихъ хватило пропитанія до самого Порхова. Близъ Порхова я описываю (по его-же разсказу) длинную, тонкую возвышенность въ родѣ циклопическаго вала, по которому тянется почтовая дорога почти до Порхова; потомъ самый Порховъ и величественную Шелонь, на лѣвомъ берегу которой высятся древнія развалины замка.

На счастье ихъ, въ Порховъ они пришли какъ разъ на Духовъ день. Пошли по улицамъ на другой-же день съ музыкою. какъ и въ Лугѣ это дѣлали. Только Порховъ—не Луга: тутъ ихъ забросали гривенниками. Одинъ прикащикъ какого-то мыловареннаго завода Жукова (значить, не того табачнаго фабриканта) разомъ выкинулъ три цѣлковыхъ. Имъ такъ повезло въ Порховѣ, что они уже нанимали на каждомъ этапѣ лошадку съ телѣгою для своихъ инструментовъ до самыхъ Великихъ Лукъ, а изъ Великихъ Лукъ у нихъ уже своя была лошадка, правда не мудрая, но все таки своя.

Такъ какъ они приближались къ странѣ постоянно голодной, т. е. къ Бѣлоруссiи, то, кромѣ инструментовъ, отъ города до города везли за ними и порядочный запасъ печенаго хлѣба.

Трогательныя картины случалось ему видѣть въ сей убогой странѣ. Знаете, голодь, нищета, развратъ и грустные спутники разврата. Все это я описываю въ назидательномъ тонѣ.

Такъ напримѣръ, когда они проходили чуть-ли не Усваты, то, вмѣсто того, чтобы арестантамъ подать милостыню, толпа мальчишекъ съ толстыми полѣвнами бросилась къ арестантамъ и стала просить хлѣба, а когда увидѣла, что имъ давали хлѣба наши арестанты, за мальчишками бросились и взрослые, и старики. Голодь не знаетъ стыда. Пройдя срану сѣтованія и плача, они вступили, наконецъ, въ благословенныя предѣлы нашей милой Малороссiи и наконецъ въ нашу скромную П. Въ тотъ-же вечеръ пили мы чай съ нашимъ милымъ музыкантомъ и дружески бесѣдовали въ этой самой бесѣдкѣ.

— Теперь вот что я вамъ скажу... Вы извините меня: я человекъ, знаете, обязанный службой...

— Сдѣлайте милость, распорядитесь какъ вамъ угодно! сказалъ я ему.

— Я вотъ что сдѣлаю, говорилъ онъ. Я схожу не надолго въ училище, а вы читайте мою рукопись. Тутъ вы стрѣтите нѣсколько подлинныхъ писемъ Тараса Федоровича, въ которыхъ онъ изображаетъ большею частью состояніе души своей и прочія домашнія обстоятельства. И еще знаете что. Я забѣгу на станцію и скажу, чтобы принесли и ваши вещи сюда, и мы съ вами такъ и прокочемъ до воскресенья, а въ воскресенье на ферму вмѣстѣ. Веле? прибавилъ онъ, сжимая мою руку.

— Benissimo, отвѣтилъ я, и мы разстались.

Рукопись, правду сказать, пугала меня; за то письма, въ ней помѣщенные, меня чрезвычайно интересовали, а потому я и принялся за нее.

Письма были вклеены въ рукопись, а потому-то мнѣ ихъ нетрудно было отыскать.

И первое изъ нихъ было такого содержанія:

«Я обѣщался вамъ, мой незабвенный Иванъ Максимовичъ, извѣщать васъ по временамъ какъ о себѣ самомъ, такъ и о предметахъ, меня окружающихъ. И вотъ уже скоро наступитъ третій годъ, какъ я пресмыкаюся у ногъ моего новаго властителя, и только теперь вспомнилъ я данное вамъ обѣщаніе. Мое горе такого рода, что само себя питаетъ и не любить угѣшенія. Простите меня, добрый Иванъ Максимовичъ, за такое выраженіе; но что дѣлать?— истинно! Теперь мнѣ лучше, и такъ лучше, что могу бесѣдовать съ вами. Что это вы къ намъ никогда не заглянете? То-то бы наговорились! Приѣзжайте-ка, да и супругу вашу привезите. У насъ 23 апрѣля праздникъ. Вѣдь вы прежде такъ любили увеселенія! И этой любви обязанъ и знакомствомъ моимъ съ антикваріемъ, помните? Гдѣ-то онъ теперь, бѣдный! Напишите мнѣ, если получите о немъ какое извѣстіе.

Вчера я возвратился съ фермы; я тамъ гостилъ три дня; впрочемъ, я тамъ никогда меньше двухъ дней не гощу. Вотъ мое одно, единственное счастье. И правда, великое счастье! Отъ сотворенія міра я думаю ни одному страдальцу не удавалось такъ заживлять свои сердечныя раны, какъ я ихъ заживляю въ кругу этихъ бла-

городныхъ людей. А Наташа, вообразите себѣ, такъ меня полюбила, что, когда я уѣзжаю, она на взрыдъ плачетъ. И что это за дѣвочка, что это за чудное созданіе! И въ этихъ лѣтахъ (ей четырнадцатый годъ) сколько глубокаго чувства и не дѣтскаго ума! Она полюбила музыку, и такъ полюбила, что дни цѣлме проводитъ за фортепьяно; и, представьте, она до сихъ поръ не знаетъ, что она сирота. Правда, при Марьѣ Акимовнѣ трудно ей это узнать, потому что она для нея больше, нежели мать родная; за то и Наташа вполне вознаграждаетъ ее своею дѣтскою безотчетною любовью. А Антонъ Карловичъ просто не знаетъ, гдѣ и посадить свою Наташу. Представьте, онъ для нея цѣлый день не выходитъ изъ своей лабораторіи, чтобы вечеромъ потѣшить Наташу какою-нибудь замысловатою игрушкой. Я вамъ рассказываю то, что вы сами недавно видѣли. Мнѣ говорили, что вы недавно съ супругою вашею гостили у нихъ. Какъ жаль, что я не зналъ, а то-бы непременно отпросился.

Странная, однакожъ, психологическая задача! Напримѣръ, Лиза—двѣ капли воды похожа на Наташу, и я ее каждый день вижу, а не могу любоваться ею, какъ Наташею люблюсь. Она мнѣ кажется слишкомъ бойкой, болѣе похожа на мальчика, ни къ чему не привязывается, не охотно учится и музыки не любитъ.

Что-бы это значило? Дѣтство ихъ было совершенно одинаково, а теперь такая разница.

М-Ле Адольфинѣ, какъ вамъ извѣстно, въ тотъ-же годъ отказалъ Кленовскій. И знаете за что? Гнусный сластолюбецъ! Онъ не могъ обольстить ее и выгналъ изъ дому, назвавши при всѣхъ распутною дѣвкою.

Богъ ее знаетъ, гдѣ она теперь. Доброе, непорочное созданіе. Вы знаете, что я ей обязанъ французскимъ языкомъ и теперь только узналъ я ему настоящую цѣну. Библіотека у насъ состоитъ почти! вся изъ французскихъ книгъ, хотя, правду сказать, болѣе изъ романовъ, но все таки лучше это, нежели ничего.

Да, м-Ле Адольфина была необходима для Лизы.

Бѣдное дитя! Чему она выучится, что усвоить себѣ хорошаго отъ своей воспитательницы—безграмотной, старой, подлой дѣвки? Это почтеннѣйшая сестрица г. Кленовскаго. Она отдѣлила ее отъ общества пансіонерокъ и перевела къ себѣ, и все это, я подозрѣ-

ваю, но приказанію брата. Гнусные люди! Лиза чрезвычайно быстро вырастаетъ. Г. Кленовскій пишетъ, чтобъ его нынѣшній годъ дожидали изъ-за границы. Онъ вѣдь еще въ прошломъ году уѣхалъ принимать ванны отъ какой-то застарѣлой болѣзни.

А знаете что! Пріѣзжайте къ 26 августа на ферму. Вы знаете — въ этотъ день Наташа именинница. Увѣрю васъ будетъ весело. Пріѣзжайте, я хоть посмотрю на васъ.

Къ этому дню я составлю нѣсколько квартетовъ, т. е. я съ товарищами моего странствованія. Только чуръ — не проболтайте, если раньше нашего пріѣдете. Я хочу сдѣлать это въ видѣ сюрприза. Антонъ Карловичъ готовитъ для нея еще иллюминацію и щитъ съ ея вензелемъ. Щитъ будетъ поставленъ между кустовъ, а за щитомъ помѣстится нашъ квартетъ. Не правда ли, хорошо придумано? Еще я приготовилъ для Наташи сюрпризъ; не знаю только, понравится-ли ей. За ноты я не боюсь: я ноты просто печатаю, а фронтисписъ меня беспокоитъ. Я, видите-ли, какъ умѣлъ, переписалъ на веленовой бумагѣ серенаду Шуберта и украсилъ заглавный листъ собственнымъ издѣліемъ; скопировалъ, правда, съ какого-то ничтожнаго романса, ну, да это ничего.

Пріѣзжайте 26 августа, Бога-ради, пріѣзжайте! Только непременно вмѣстѣ съ супругою».

Едва кончилъ я это первое письмо, какъ вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ, запыхавшись.

— Фу, какъ усталъ! почти бѣжалъ всю дорогу: боюсь, не соскучились-ли вы. А, да вы читаете, прочитываете! Что, каково, а? по стариковски, не правда-ли! Слогъ, слогъ главное, а прочее само собою придетъ. Не правда-ли?

— У васъ слогъ прекрасный!

— Устарѣлъ маленько; что-же дѣлать, мы и сами устарѣли, не такъ-ли?

Я въ знакъ согласія кивнулъ головою, а онъ, взглянувши на рукопись, сказалъ:

— А, такъ вы на письмѣ остановились?... Продолжайте. продолжайте.

— Я уже кончилъ письмо,

— Кончили?—И, немного помолчавъ, онъ проговорилъ:

— Да, оно кончается приглашеніемъ меня на именины Наташи съ моею незабвенною!—И онъ замолчалъ и отвернулся.

— Музыка... иллюминація... Наташа! приходя въ себя, говорилъ онъ съ разстановкою.

— Да, прекрасно, торжественно прекрасно было. Нѣтъ, мы лучше прочтемъ: этотъ праздникъ у меня торжественнымъ стилемъ описанъ.

— Братецъ! пожалуйста обѣдать! раздался голосъ сестрицы.

— И въ самомъ дѣлѣ, лучше пойдете пообѣдаемъ, а потомъ уже придемъ и прочитаемъ.

И мы пошли обѣдать.

Не знаю, дѣло-ли то было аппетита, или дѣло просто сердечнаго радушія, или просто борщъ съ сушеными карасями (который такъ гениально варятъ мой землячки), не знаю, что именно было причиною, знаю только, что я преплотно пообѣдалъ и еще плотнѣе заснулъ послѣ обѣда. Вещи мои были принесены съ почтовой станціи и я поселился до воскресенья въ бесѣдкѣ гостепріимнаго Ивана Максимовича. Во время его отсутствія прочитывалъ просто-сердечныя письма моего непорочнаго музыканта.

Второе письмо, предлагаемое здѣсь, было писано спустя два съ лишнимъ года послѣ перваго.

М. Г. Иванъ Максимовичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы повторяете свою прежнюю просьбу, чтобы я записывалъ изъ устъ нашего народа, какъ вы пишете, все, что касается его философіи, поэзін и исторіи. Благодарю васъ, что вы напоминаете мнѣ объ этомъ. Это значить, что ваше горе вполонину уменьшилось, что вы наконецъ вспомнили и нашего антикварія и наконецъ меня, вашего искреннаго друга. Антикварія нашего и я помню хорошо, только Богъ его знаетъ, гдѣ онъ теперь находится; а я для него или все равно для васъ записалъ на-дняхъ дивную пѣсню.

Иду я однажды по самой большой улицѣ въ селѣ и, правду сказать, иду къ корчмѣ, чтобы посидѣть съ добрыми людьми на за-валинѣ: не услышу-ли чего-нибудь поучительнаго? Только иду и вижу, по самой серединѣ улицы идетъ пьяная баба и, какъ видно, не убогая. Идетъ и во все горло поетъ, поглядывая на высунувшіяся на улицу хагы:

Упилася я,

Не за ваше я:

Въ мене курка неслася—

Я за яйца виписался!...

Это-ли не философія? Это-ли не поэзія?

Мнѣ хотѣлось сдѣлать варіаціи на эту тему, но, увы! музыка не въ силахъ выразить этого великаго сарказма.

Вы теперь, какъ видно изъ вашего письма, немного успокоились послѣ вашей невознаградимой потери. *Выйте лихомъ обз землю, якъ швецъ мокрою халлявою обз ливу*, да прїѣзжайте въ воскресенье на ферму. А я прїѣду туда съ віолончелью и буду играть для васъ цѣлый день и все ваши именно любимыя мало-россійскія пѣсни.

Я вамъ кажется не писалъ еще о віолончели. Чудный, дивный инструментъ. И я не знаю, гдѣ онъ могъ его достать за такую ничтожную цѣну.

Въ прошломъ году нашъ поправившійся Кленовскій возвратился изъ за-границы и, между многими диковинными игрушками, привезъ и віолончель. Боже мой, что это за игрушка! Только одна душа человѣка можетъ такъ плакать и такъ радоваться, какъ поэтъ и плачетъ этотъ дивный инструментъ.

Мастеръ, создавшій его, никто иной былъ, какъ самъ Прометей. Я спать ложуся и кладу его около себя. Это моя любовница, моя жизнь, мое я. И еслибъ я былъ два раза рабъ, то за этотъ инструментъ продалъ-бы себя въ третій разъ. О, я теперь совершенно забылъ Серве. А если-бы видѣли, что дѣлается съ Наташей, когда я заиграю на этомъ божественномъ инструментѣ? Она цѣплетъ—и больше ничего.

А Марья Акимовна увѣряетъ меня, что я на скрипкѣ лучше играю, нежели на віолончели. Но это она говоритъ только такъ; она сама не можетъ равнодушно слушать віолончели.

Разносился я однакожь съ своею віолончелью, какъ дурень съ писаною торбою, а о главномъ-то чуть было и не забылъ. Предчувствія мои сбылись. Едва ожившій Кленовскій ухаживаетъ уже за Лизою собственною персоною. Какъ видно, усердіе милой сестрицы не имѣло успѣха.

Лиза и знать ничего не хочетъ. Бѣгаетъ по заламъ, бьетъ горшки съ цвѣтами, ломаетъ стулья—совершенный ребенокъ. А этому ребенку, замѣтте, 17 годовъ. Меня одно только утѣшаетъ: если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, что если и успѣетъ г. Кленовскій, то этотъ успѣхъ обойдется ему не такъ-то дешево.

Мнѣ по крайней мѣрѣ не случилось еще встрѣчать такъ сильно развитой природы въ Лизины лѣта. Это совершенная женщина! Сестрица Кленовскаго въ тупикъ становится передъ ея выходками. Что если-бы хоть какое-нибудь образование этой дѣвушкѣ? Это была-бы совершенная Семирамида или Клеопатра.

Мѣсяцъ тому назадъ, однажды сидятъ они всѣ трое за обѣдомъ молча и только поглядываютъ другъ на друга изъ подлобья. Кушанья подавали только для формы, никто къ нимъ и не прикасался. А я отъ нѣчего дѣлать, стоя за стуломъ Лизы, сталъ всматриваться въ лицо Кленовскаго. Руина! совершенная руина! Онъ не старикъ еще, но опередилъ даже дряхлыхъ стариковъ. Повисшія, едва сжимающіяся губы, полураскрытые безцвѣтные глаза, желто-зеленый цвѣтъ лица и вдобавокъ сѣрые, жиденькіе волосы и глухота дѣлаютъ его чѣмъ-то отвратительнымъ, чѣмъ-то на полипа похожимъ.

Обѣдъ кончился. Лиза, выходя изъ-за стола, заплакала и, обращаясь къ г. Кленовскому, сказала:

— Прикажите заложить лошадь, или я пѣшкомъ уйду къ Антону Карловичу.

Быть бѣдѣ! подумалъ я и не ошибся. Черезъ нѣсколько дней дворня шопотомъ заговорила о женитьбѣ барина на Лизаветѣ Теодоровнѣ, а еще черезъ нѣсколько дней явились уже и подробности, сопровождающія всякую будущую свадьбу: изъ П. между тѣмъ пріѣхалъ стряпчій г. Кленовскаго, И. П. Ермолинъ, пробылъ у нихъ двое сутокъ и уѣхалъ такъ, что его почти никто и не видалъ.

Это тоже что-нибудь да значитъ!

Не прошло и мѣсяца послѣ этого происшествія, какъ сестрица Кленовскаго засуетилась, забѣгала, всю дворню подняла на ноги и своимъ благороднымъ воспитанницамъ приказала приготовить самую лучшую пьесу къ свадьбѣ.

Къ свадьбѣ? подумалъ я. Стало быть между Лизой и Кленовскимъ это вещь возможная. Странно! Я на другой-же день съѣздилъ на ферму, рассказалъ все видѣнное и слышанное. Антонъ Карловичъ сказалъ: *хорошо*, а Марья Акимовна только головой кивнула.

Свадьба совершилась тихо; гостей много не собралось; были только ближайшіе сосѣди. Въ театрѣ тоже не были. Хотѣли было дать концертъ, да тоже до завтра отложили.

Завтра тоже прошло безъ особыхъ приключеній, а послѣ-завтра управляющій получилъ приказаніе отъ Кленовскаго приготовить экипажи, людей и лошадей для поѣздки въ Кіевъ.

Все это происшествіе вамъ покажется невѣроятнымъ, фантастическимъ, какъ и самому мнѣ оно показалось. Но вспомните, что Лиза выросла подъ непосредственнымъ надзоромъ распутной, старой дѣвки. Вспомните это, и неестественное замужество Лизы дѣлается самымъ натуральнымъ. Грустно только смотрѣть на это милое созданье, такъ безчеловѣчно нравственно изуродованное: въ ней и тѣни не видно той ангельской прелести, какая такъ свойственна ея возрасту. Воспитательница однакожь ошиблась въ своихъ расчетахъ. Цѣль ея была развратить Лизу до такой степени, чтобы она была способна выйти замужъ за ея отвратительнаго брата; въ этомъ она успѣла. Но главное—ей надоѣдалъ братецъ своимъ самовластіемъ и ей нужно было сокрушить эту власть; она и сокрушила: т. е. она сдѣлала Лизу полной, независимой помѣщицей всего имѣнія, прежде принадлежавшаго Кленовскому. Для того и пріѣзжалъ стряпчій изъ П. Дѣло въ томъ, что когда Лиза сдѣлалась помѣщицей, то, вмѣсто половинной власти и состоянія, предложила своей наставницѣ мѣсто ключницы у себя въ домѣ.

Распорядившись такъ съ своей милой наставницею, она вручила полную власть своему управляющему надъ домомъ и всѣмъ имѣніемъ; потомъ взяла своего дряхлаго мужа и отправилась въ Кіевъ, якобы пользоваться тамошними минеральными водами. Въ домѣ оставалось все по прежнему. Хозяйка обѣщалась зиму провести въ имѣніи, а до зимы, слѣдовательно, мнѣ въ домѣ было нечего дѣлать. И я, пользуясь своимъ добрымъ случаемъ, отпросился у управляющаго мѣсяца на два въ Д., т. е. на ферму. И вотъ уже третій день я разыгрываю Моцартовскія сонаты въ хаткѣ Марьи Акимовны на моей віолончели.

Какъ тепло мнѣ, какъ хорошо въ кругу этихъ милыхъ моихъ друзей! Наташа день отъ дня становится все краше и милѣе. Что за умница. что за скромница, просто прелесть! Она, знаете, со мною хочетъ этикетничать, держать себя, какъ прилично взрослой дѣвицѣ, но никакъ не можетъ; важничаетъ, важничаетъ, да вдругъ схватитъ съ меня шляпу, побѣжитъ и спрячется въ кустахъ. Я ищу ее, а она перебѣгаетъ изъ куста въ кустъ, пока устанетъ, а потомъ

пойдетъ жаловаться Марьѣ Акимовнѣ, что я ей покою не даю, что она на мой соломенный бриль безъ смѣху смотрѣть не можетъ. Милое, прекрасное созданіе! Глядя на нее, иногда я себя чувствую выше человѣка, такимъ безгранично счастливымъ существомъ, какимъ человѣкъ никогда быть не можетъ. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю, она начинаетъ задумываться и почти плачетъ, когда я играю ея любимую серенаду Шуберта.

Марья Акимовна предлагаетъ Антону Карловичу поѣхать съ Наташей на зиму въ Кіевъ. Но Антонъ Карловичъ упорно молчитъ, только головою потряхиваетъ. Разъ было сказала Марья Акимовна: — Ну коли не въ Кіевъ, такъ хоть въ Кленовку, къ Лизѣ.

Но онъ на нее такъ посмотрѣлъ, что съ тѣхъ поръ о Лизѣ и помину не было.

Я совершенно повимаю и оправдываю мысль Марьи Акимовны, но никакъ не могу равнодушно вообразить себѣ Наташи въ кругу незнакомыхъ ей людей; мнѣ дѣлается страшно за нее. Она такая живая, впечатлительная и ей уже семнадцать лѣтъ. Ей предстоятъ большія опасности впереди.

Вотъ еще что меня не мало удивило. Когда я рассказалъ съ подробностями про свадьбу Лизы, Наташа равнодушно дослужала мой рассказъ и проговорила:

— Несчастливая она!—и залилась слезами.

Неужели она въ эти лѣта такъ глубоко успѣла заглянуть и уразумѣть, въ чемъ состоитъ истинное наше счастье?

Я завтра поѣду въ Кленовку за партитурою Мендельсона «Сонъ въ Ивановскую ночь». Наташа еще не слыхала ея. Я положу для нея эту чудную симфонію для фортепьяно и баса.

Приѣзжайте когда-нибудь въ нраздникъ и вы послушаете; а между тѣмъ напишите о себѣ хоть пару словъ, съ нашимъ посланнымъ, напишите хоть только то, что вы получили мое посланіе.

Преданный вамъ вашъ Музыкантъ».

На оставшемся отъ письма чистомъ полулистѣ бумаги, въ родѣ примѣчанія, было написано рукою Ивана Максимовича такъ:

«29 іюня, въ день Петра и Павла, ѣздилъ я въ гости на ферму и гостилъ два дня съ великимъ удовольствіемъ. Віолончель и фортепьяно—это такая божественная гармонія, что вѣчно-бы слушалъ и не наслушался, особенно, когда они вдвоемъ исполняютъ

эту волшебную серенаду. Я впрочемъ думаю, и не безъ основанія, что, кромѣ гармоніи звуковъ, между ними существуетъ высочайшая гармонія самыхъ нѣжныхъ чувствъ. Мнѣ даже объ этомъ сама Марья Акимовна косвенно намекнула, когда они играли серенаду. Она обратилась ко мнѣ, взоромъ показывая на музыкантовъ и шепнула:

— Не правда-ли, парочка? Какъ вы думаете?

Я, разумѣется, въ знакъ согласія кивнулъ головой.

Другой разъ, когда мы гуляли въ саду, и они вдвоёмъ шли впереди насъ и о чемъ-то тихо разговаривали, Антонъ Карловичъ, глядя на нихъ, проговорилъ, какъ бы самъ съ собою.

— Во-что-бы то ни стало, а я ему добуду свободу.

Благородное чувство! подумалъ я, Это значитъ стоять выше предразсудковъ вѣка. Давно пора бы всѣмъ такъ думать и чувствовать. Но, увы! гордыня обуяла насъ. А какъ-бы они счастливы были! Я всякій день ѣздилъ бы на ферму любоваться на ихъ счастье. Я тутъ не вижу ничего невозможнаго; все будетъ зависѣть отъ Антона Карловича, а сомнѣваться въ искреннемъ сочувствіи этого благороднаго человѣка, значитъ не вѣрить въ Бога. Подождемъ! Увидимъ»!

Въ слѣдующемъ за письмомъ повѣствованіи собственнаго издѣлія Ивана Максимовича продолжаются разсужденія въ томъ же родѣ филантропическомъ, только уже слогомъ возвышеннымъ, обработаннымъ,—такимъ слогомъ, что я съ трудомъ прочиталъ пол-страницы. Настоящій Марлинскій. Миръ памяти его!

Перевернувши нѣсколько листовъ краснорѣчивой рукописи, я открылъ еще одно письмо музыканта, писанное годъ спустя послѣ предыдущаго.

Письмо начиналось такъ:

Незабвенный Иванъ Максимовичъ!

Я такъ счастливъ, такъ бесконечно счастливъ, что едва ли могу писать вамъ, а писать необходимо, потому что счастье задушить меня, если я не выскажусь. Но съ чего-же вамъ начать? Дайте прійти въ себя. Да, начну съ того, что прошедшей осенью возвратился изъ Кіева Кленовскій совершенно больной и безъ жены. Елизавета Оедоровна бросила его въ Кіевъ, на попеченіе сестрицы, а сама уѣхала съ какимъ-то гусаромъ на маневры въ Вознесенскъ, да и не возвращалась. Уже изъ-за границы (кажется, изъ Вѣны)

написала управляющему письмо, чтобы онъ всю дворню и музыкантовъ распустилъ на оброкъ—кто пожелаетъ, а остальныхъ обратилъ-бы въ хлѣбопашцевъ; благороднымъ воспитанницамъ выдалъ-бы по тысячѣ рублей и тоже распустилъ, а дворовыхъ дѣвушекъ выдавалъ-бы замужъ съ приданнымъ по сту рублей, хоть за солдатъ; г. Кленовскому и сестрѣ его выдавалъ-бы по сту рублей въ мѣсяцъ, и больше ничего.

Жалко и отвратительно было смотрѣть на этого изувѣченнаго сластолюбца, когда онъ смотрѣлъ на сборы въ дорогу своихъ воспитанницъ и не могъ остановить этихъ сборовъ. Ему не хотѣлось разстаться съ своими жертвами, и онъ плакалъ въ безсиліи. Онъ пошелъ было къ нимъ во флигель проститься съ ними, но онъ передъ нимъ двери заперли. Достойная благодарность развратителю!

Лизавета Ѳедоровна можетъ-быть и бессознательно, но вполне справедливо и достойно наказала своего развратителя. Я въ душѣ ей благодаренъ. За одну бѣдную Тарасевичъ его слѣдовало-бы сдѣлать каторжникомъ. Если совѣсть его проснется когда-нибудь, то она забичуетъ его лучше всякаго палача. Только мнѣ не вѣрится въ присутствіе совѣсти въ развращенномъ сердцѣ.

Оркестръ нашъ почти весь пущенъ на оброкъ, и отправился въ Кіевъ. Выбрали было меня капельмейстеромъ, но я рѣшительно отказался и выпросилъ себѣ у управляющаго мѣсто лѣсничаго въ Д. Эта должность какъ-разъ пришла по мнѣ: брожу себѣ цѣлый день по лѣсу, какъ-будто дѣло дѣлаю, а въ вечеру отправляюсь на ферму. Віолончель осталась со мною. Слушатели мои—самые искренніе слушатели, и я просто блаженствую. Если бы ко всему этому прежняя рѣзвость и беззаботность Наташи, я былъ-бы совершенно счастливъ. А то она такая отчего-то грустная ходитъ, что я не знаю, что и дѣлать.

Марья Акимовна тоже будто-бы перемѣнилась, тоже чего-то по временамъ задумывается и скучаетъ. Одинъ только Антонъ Карловичъ по прежнему молчитъ и добродушию улыбается. Въ отношеніи же меня, они всѣ по прежнему ласковы, только что-то какъ будто-бы скрываютъ.

Меня это мучить, и я по цѣлымъ днямъ иногда хожу по лѣсу и плачу, самъ не знаю отчего...

Нѣсколько дней тому назадъ Антонъ Карловичъ ѣздилъ къ нашему управляющему и возвратился чрезвычайно весель, такъ весель, что заставилъ меня съ Наташею итрать «Горлицю», а самъ чуть было танцовать не пустился. А между прочимъ все-таки ни слова никому не говорить о причинѣ такой радости...

Черезъ недѣлю послѣ этой радости, Антонъ Карловичъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ опять къ управляющему, а къ вечеру того-же дня прислалъ записку, чтобы его не ждали вечеромъ, что съ управляющимъ онъ уѣхалъ въ Полтаву.

Мы, разумѣется, ахнули и минутъ пять не могли проговорить ни слова, только смотрѣли другъ на друга; наконецъ заговорила первая Марья Акимовна.

— Что-же это онъ сдѣлалъ со мною? Вотъ уже тридцать лѣтъ, слава-Богу, мы съ нимъ не разлучались ни на день единый, а тутъ взялъ да уѣхалъ, и хоть-бы сказалъ слово. Вотъ до чего я дожила, горькая!

И, минуто помолчавъ, она тихо заплакала, Наташа также, и, взявшияе за руки, они пошли въ покой.

Я какъ вкопанный остался на мѣстѣ, и долго-бы простоялъ еще, если-бы Наташа не позвала меня въ комнаты.

Послѣ долгихъ разсужденій и предположеній, зачѣмъ и для чего такъ, можно сказать, воровски уѣхалъ Антонъ Карловичъ въ Полтаву, я вызвался сейчасъ-же съѣздить въ Кленовку и узнать все положительно на мѣстѣ, а чтобы имъ не страшно было безъ мущины, я сходилъ на мельницу и пригласилъ стараго мирошника на ферму, въ видѣ сторожа и собесѣдника (Наташа чрезвычайно любила слушать его старья сказки и прибаутки).

На разсвѣтѣ я возвратился на ферму изъ Кленовки, не узнавши ничего. Конторскіе писаря, пользуясь отсутствіемъ управляющаго, перепились пьяны, и на вопросъ мой отвѣчали: уѣхали въ Полтаву! и больше ничего.

Наташа заснула, а Марья Акимовна ждала моего возвращенія у воротъ сада и, завидя меня, подбѣжала ко мнѣ съ вопросомъ: что? Я, хоть и горько мнѣ было, сказалъ ей, что въ Кленовкѣ никто ничего не знаетъ.

— Идите-же въ его хату, да отдохните съ дороги, сказала она мнѣ и, закрывъ лицо руками, такъ пошла къ дому.

Бѣдная женщина! подумалъ я, глядя ей вслѣдъ: неужели такъ тѣсно сдружилася ты съ нимъ, что не можешь одинъ день прожить безъ него? Счастливая, завидная твоя доля, и многія, многія жены тебѣ въ правѣ позавидовать. А тебѣ еще больше, счастливый благородный старче, должны завидовать мужья-горемыки!

Прошелъ день, другой, наконецъ и третій, а объ Антонѣ Карловичѣ ни слуху, ни духу. На фермѣ все такъ притихло и приуныло, что я боялся и подумать о музыкѣ.

Марья Акимовна всѣ дни ходила взадъ и впередъ по одной дорожкѣ и только молча вздыхала, а Наташа ей вторила.

Казалось, что мы уже на вѣки разстались съ нашимъ Антономъ Карловичемъ. Въ теченіе дня Марья Акимовна заходила въ его хату, чего прежде никогда не дѣлала, обмахивала платкомъ пыль съ электрической машины и съ другихъ вещей, садилась на кушетку и плакала, словомъ, она походила на самую нѣжную любовницу.

Въ продолженіе этихъ дней я только и слышалъ отъ нея, и то она говорила какъ бы сама съ собою:

— Ну, слыхано-ли на свѣтѣ такое горе? Уѣхать въ такую даль и не сказать женѣ ни слова? О я несчастная!

Дни проходили медленно, а вечера еще медленнѣе, и 26 августа быстро близилось. Я думалъ было прежде о сюрпризахъ для дня ангела Наташи; но послѣ этого случая я такъ растерялся, что совершенно обо всемъ забылъ.

Я ѣздилъ еще разъ въ Кленовку и хотѣлъ было проѣхать въ П. къ повѣренному Елизаветы Ѳедоровны, но мнѣ сказали въ Кленовкѣ, что и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

Вотъ уже и 25 августа, а на фермѣ будто-бы ничего не бывало: ни малѣйшаго движенія; о предстоящемъ праздникѣ и поминуть нѣтъ.

Я вспомнилъ про мѣсячную розу въ Д. въ оранжерееѣ, которую я давно выпросилъ у садовника для дня ангела Наташи, и, не сказавъ никому ни слова, отправился пѣшкомъ въ Д. Возвращался я съ цвѣткомъ на ферму уже вечеромъ. И—вообразите мою радость! Антонъ Карловичъ сидѣлъ за столомъ между Марьей Акимовной и Наташей и, по обыкновенію, улыбаясь, пилъ чай.

— А, и вы пришли! сказалъ онъ, увидѣвши меня.—Садитесь-ка, я вамъ расскажу, что я видѣлъ въ Полтавѣ.

Я сѣлъ—и нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Ну, рассказывай, безпутный, проговорила Марья Акимовна, что ты видѣлъ въ твоей скучной Полтавѣ.

— А что я тамъ видѣлъ? грязь и больше ничего!

— А что-же ты тамъ дѣлалъ столько времени?

— Тоже ничего!

— Зачѣмъ-же ты ѣздилъ туда, вѣтрогонъ ты старій?

— Такъ, прогуляться!

— Такъ, прогуляться? Слышите, люди добрые: такъ прогуляться! Охъ, ты сѣдая, старая голова! И это тебѣ не совѣстно такъ мучить меня на старости лѣтъ?

И Марья Акимовна поцѣловала его такъ нѣжно, такъ просто, сердечно, какъ самая нѣжная мать цѣлуетъ покорное дитя свое.

Вечеръ прошелъ тихо и весело.

На другой день проснулись всѣ рано, а Антонъ Карловичъ раньше всѣхъ. Разбудивши меня, онъ сказалъ:

— А что, ты приготовилъ что-нибудь для имянинницы?

— Приготовилъ,—проговорилъ я.

— Ну, такъ вставай-же, одѣвайся и пойдемъ поздравимъ; она уже бѣгаетъ по саду.

Я наскоро умылся, одѣлся и, взявши свою розу, пошелъ къ дому вслѣдъ за Антономъ Карловичемъ. Наташа, увидя насъ, побѣжала въ комнаты.

Мы вошли вслѣдъ за нею, а она уже сидѣла за чайнымъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, около Марьи Акимовны и просила сухарика къ чаю.

Я поздравилъ ее и приподнесъ ей свой скромный подарокъ. Антонъ Карловичъ поздравилъ то-же и, вынувъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо бумагу и подавая Наташѣ, сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ гостинецъ изъ Полтавы.

Сказавши это, онъ, улыбаясь, сѣлъ около нея. Наташа долго молча читала бумагу и, не дочитавши, выпустила ее изъ рукъ и со слезами бросилась обнимать и цѣловать Антона Карловича, а мы съ Марьей Акимовной съ изумленіемъ посматривали другъ на друга.

Наконецъ, я поднялъ бумагу, посмотрѣлъ на нее, то была моя «отпускная»!..

Все, что сказалъ-бы я вамъ про свои ощущенія въ эту великую минуту, все-бы это и тѣни не было похоже на то, что я чувствовалъ.

— Виолончель тоже наша! проговорилъ, улыбаясь, Антонъ Карловичъ.

Я упалъ передъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки, обливаясь слезами.

— Ну, Наташа, теперь за тобою очередь, продолжай! сказалъ Антонъ Карловичъ, обращаясь къ Наташѣ. Возьми эту бумагу и отдай нашему другу и скажи: вотъ, молъ, тебѣ мое приданное. А мы съ Марьей Акимовной скажемъ: Боже васъ благослови!

Всѣ четверо мы бросились другъ къ другу и залились слезами.

И вотъ уже болѣе недѣли, какъ мнѣ мое счастье спать не даетъ. И знаете, кто все это сдѣлалъ? Наташа, моя милая, моя безцѣнная Наташа! Она предпочла меня и знатнымъ и богатымъ, меня, крѣпостного музыканта.... и, открывшись во всемъ своимъ благороднымъ благодѣтелямъ, просила ихъ дѣлать съ нею, что найдутъ лучшимъ. А добрый, молчаливый Антонъ Карловичъ, не долго разсуждая и не говоря никому ни слова, рѣшилъ по своему, однимъ разомъ. Онъ заплатилъ за мою свободу съ виолончелью 2500 руб. Если-бы Кленовскій былъ моимъ владыкою, этого-бы никогда не случилось. Спасибо тебѣ, Елизавета Ѳедоровна! Тебѣ и во снѣ не снится, что ты—невинная причина моего настоящего блаженства...

Теперь Антонъ Карловичъ хлопочетъ объ опредѣленіи меня въ канцелярію дворянскаго предводителя,—ужъ это я и самъ не знаю для чего,—а когда это сбудется, тогда мы съ вами будемъ видѣться, по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю. А пока пріѣзжайте въ воскресенье на ферму и полюбуйтесь на совершенно счастливыхъ людей.

Преданный вамъ музыкантъ N.

Дочитавши это, самимъ счастьемъ написанное, письмо, я впалъ въ какую-то болѣзненную задумчивость. Боже мой! Неужели это была зависть? Нѣтъ, я не завидовалъ никому на свѣтѣ! Это было

горькое, невыразимо горькое чувство одиночества. Я чуть не заплакалъ отъ внутренней болѣзни.

Въ то время, какъ я собирался плакать, вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и спросилъ:

— Ну что, далеко уже прочитали мое немудрое повѣствованіе?

— Все прочиталъ, отвѣтилъ я.

— И описаніе свадебнаго пира?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ прочитайте, непременно прочитайте, потому что я, можно сказать, больше всего рассчитываю на эффе́кть этого великолѣпнаго изображенія.

— А скажите, Иванъ Максимовичъ, старики еще живы?

— Здоровехоньки, а о счастья и говорить нечего. А если-бъ вы видѣли, что за внучку имъ Богъ послалъ! Совершенный ангель Божій!

Я снова задумался. А знаете что, Иванъ Максимовичъ? спросилъ я его черезъ минуту.

— А что?

— Отпустите меня завтра одного на ферму, а сами въ воскресенье приѣзжайте.

— Ни за что. А коли вамъ ужъ такъ захотѣлось, то и я завтра могу съ вами ѣхать. Да что это вамъ такъ вдругъ?...

— У меня ужъ характеръ такой: я ужасно люблю смотре́тъ на счастливыхъ людей, и, по моему, нѣтъ прекраснѣе, нѣтъ усладительнѣе зрѣлица, какъ образъ счастливаго человѣка.

— Это совершенная правда.

На другой день мы были на фермѣ, и я видѣлъ и былъ совершенно счастливъ счастіемъ эгихъ простодушныхъ, благородныхъ людей. Видѣлъ и свидѣтельствую истину сего неложнаго сказанія.

Т. Шевченко.

15 января

1857 г.

Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ¹⁾).

Царствованіе Екатерины II, по отношенію къ Малороссіи, было, какъ извѣстно, періодомъ усиленнаго приравненія всѣхъ внѣшнихъ сторонъ мѣстной жизни къ общегосударственнымъ формамъ. Рядъ столь важныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ, какъ отиѣна гетманства (1764 г.), уничтоженіе запорожской Сѣчи (1775 г.), учрежденіе намѣстничествъ (1781 г.), окончательное закрѣпощеніе крестьянъ (1783 г.), нобилитація козацкой старшины (1785 г.) и проч., не могъ не отразиться весьма сильно на народной жизни. Въ короткое время измѣнилась не только оффиціальная фізіономія края, но въ значительной степени и его внутренніе распорядки. Особенно сильное вліяніе имѣли екатерининскія реформы на жизнь высшихъ слоевъ тогдашняго малорусскаго общества. Выдѣляя изъ себя массу дѣятелей для преобразованной гражданской и военной администраціи, новыхъ судовъ, разнаго рода земскихъ должностей, козацкая старшина, превратившаяся затѣмъ въ малороссійское

---

¹⁾ Откладывая съ году на годъ печатаніе давно обѣщаннаго дневника Степана Ивановича Лашкевича, мы имѣли въ виду отыскать недостающіе его годы; но этого не случилось, а между тѣмъ наступаетъ пріостановка изданія, которое, Богъ вѣсть, когда возродиться можетъ. Не желая оставлять нашихъ читателей безъ удовлетворенія ихъ ожиданія, мы помѣщаемъ здѣсь давно готовый генеалогическій обзоръ рода Лашкевичей и самаго дневника, въ надеждѣ, что представитель сего рода, уважаемый А. С. Лашкевичъ, обязательно сообщившій намъ сохранившіяся части дневника, приложитъ стараніе къ отысканію затерявшихся частей и издастъ этотъ цѣнный памятникъ въ полномъ его видѣ, съ пополненіемъ генеалогическихъ свѣдѣній о самомъ родѣ и исправленіемъ неточностей, какія могли бы оказаться въ настоящемъ обзорѣ.—*Ред.*

дворянство, входила въ самую тѣсную связь съ остальнымъ русскимъ служащимъ міромъ и съ внѣшней стороны быстро ассимилировалась съ нимъ. Государственная служба, съ ея отличіями и преимуществами, всегда была привлекательна для состоятельныхъ малороссовъ; всѣ лучшіе люди шли въ нее, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что служилый классъ, усвоивавшій бытовыя формы російскаго культурнаго челоуѣка, постоянно былъ предметомъ подражанія для остальной массы южнорусскаго дворянства. Подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, изъ малорусскаго державцы конца XVII и половины XVIII вѣка постепенно вырабатывались тѣ хорошо извѣстные типы украинскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, низшій видъ которыхъ увѣковѣчилъ въ литературѣ Гоголь. Въ высшей степени интересенъ процессъ этой культурной переработки. Всякія данныя, относящіяся къ этой области нашей исторіи, заслуживаютъ поэтому полнаго вниманія.

Оставленный однимъ изъ рода Лашкевичей дневникъ, въ связи съ другими, относящимися къ его автору документами, и заключаетъ въ себѣ прежде всего именно тотъ интересъ, что до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ бытомъ средняго по образованности и общественному положенію малороссійскаго помѣщика переходнаго періода.

Сказаннымъ уже отчасти опредѣляется сравнительное значеніе упомянутаго дневника въ ряду такихъ, однородныхъ съ нимъ, памятниковъ южно-русской старины, какъ «Записки» Якова Марковича и «Діаріушъ» Ханенка. Слѣдующія за симъ, болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ и самомъ дневникѣ дадутъ намъ возможность провести болѣе полную параллель между ними.

Авторъ дневника, Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, бунчуковый товарищъ въ стародубовскомъ полку, впослѣдствіи надворный совѣтникъ и предѣдатель новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, родился 1734 г. ¹⁾, умеръ 1782 г.

---

¹⁾ Дневникъ, 28 марта 1772 г.

Родъ Лашкевичей, какъ это видно изъ родословныхъ ихъ документовъ, происходитъ отъ бѣлорускаго выходца Ильи Лашкевича, переселившагося будто бы въ Стародубъ изъ рѣчицкаго повѣта въ 1679 году. Кто такой былъ этотъ Илья Лашкевичъ, неизвѣстно. Когда въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія дворянская коммисія новгородсѣверскаго намѣстничества потребовала у Лашкевичей доказательствъ дворянскаго ихъ происхожденія, то потомки Ильи нашли въ мозырскомъ повѣтѣ несомнѣнныхъ шляхтичей Лашкевичей, которые иодъ присягою показали, что могилевскіе и сѣверскіе Лашкевичи происходятъ отъ одного предка. Затѣмъ въ рогачевскомъ уѣздномъ судѣ былъ найденъ въ городскихъ книгахъ чечерскаго, рѣчицкаго и другихъ замковъ рядъ грамотъ, данныхъ разными польскими королями, начиная отъ Сигизмунда II до Августа, фамиліи «землянъ» Лашкевичей, а у Папроцкаго и Окольскаго было заимствовано подробное описаніе герба этой фамиліи. Такимъ образомъ получилась цѣпь данныхъ, подкрѣпленная свидѣтельствами «вѣры годныхъ» людей, вполне достаточная для убѣжденія членовъ дворянской коммисіи въ шляхетскомъ происхожденіи рода Лашкевичей и для внесенія ихъ въ шестую часть дворянской родословной книги, въ отдѣленіе древняго дворянства ¹⁾).

На самомъ дѣлѣ древность едва ли не ограничивалась упомянутымъ выше Ильею Лашкевичемъ. Не даромъ авторъ «Исторіи руссовъ» замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ о польскихъ выходцахъ: «шляхта сія ежедневно почти умножалась новыми выходцами изъ музыкантовъ, мастеровыхъ и панскихъ служителей, которымъ никакого разбора здѣсь (въ Малороссіи) не было; а когда кто покажется изъ Польши, то уже и шляхтичъ, какъ-бы онъ былъ избраннаго рода левитскаго отъ древнихъ іудеевъ» ²⁾). Сынъ Ильи Тихонъ приобрѣлъ куплею домъ въ Стародубѣ, а

¹⁾ Въ высшей степени любопытны эти родословные документы, образчикъ, такъ сказать, аргументаціонной брони, устранившей скептиковъ изъ дворянской коммисіи, и матеріалъ вообще для изображенія „людей старой Малороссіи“; но, по недостатку мѣста, мы привести ихъ не можемъ.

²⁾ Ист. руссовъ, москов. изд. 1846 г., стр. 249.

внукъ его Семень уже на столько разбогатѣлъ, что могъ породниться съ древнимъ шляхетскимъ родомъ Сѣверцины—Рубцами. Онъ женился на одной изъ Рубцовенъ, взялъ за нею въ приданное маѣтности въ стародубовскомъ полку и имѣлъ отъ нея пять сыновей; старшій изъ нихъ, Карпъ, умеръ вѣроятно молодымъ, а остальныхъ отецъ пристроилъ къ знатному козацеству, записавъ ихъ въ службу значковыми товарищами. Ни одинъ изъ сыновей Семена, должно быть по отсутствію протекціи, не пошелъ далеко по службѣ: старшій, Иванъ, правда, умеръ въ 1765 году бунчуковымъ товарищемъ, за то слѣдующій, Артемій, оставаясь до смерти значковымъ товарищемъ (третьей сынъ, Онисфоръ, кажется, вовсе не поступалъ на службу), а послѣдній, Федоръ, дослужился до полковаго хорунжаго. Сыновья и внуки трехъ меньшихъ братьевъ затерялись затѣмъ въ массѣ мелкаго дворянства, а старшій, Иванъ Семеновичъ, успѣлъ собрать значительное состояніе и тѣмъ выдвинуть свое потомство. Онъ скупилъ у тѣтокъ своихъ по матери, Рубцовенъ, обширныя помѣстья, по сосѣдству съ своимъ материнскимъ, такъ что сдѣлался богатымъ державцею въ стародубовскомъ полку. Ивану Лашкевичу принадлежали: половина селъ Брахлово, Любечанъ, Повхова, Обтень, слободки Шамовки (всѣ въ нынѣшнемъ новозыбковскомъ уѣздѣ), половина села Еліонки, слобода Воронежъ¹⁾; мельницы: на рѣчкѣ Бобинцѣ подъ городомъ Стародубомъ, на рѣчкѣ Снови, на рѣчкѣ Ирпѣ и на ручьѣ подъ мѣстечкомъ Новымъ Ропскомъ (новозыбковскаго уѣзда), дворъ и комора на рынкѣ въ городѣ Стародубѣ. Иванъ Семеновичъ женатъ былъ на Евфросиніи Ивановнѣ Губчицѣ, бывшей уже въ замужествѣ за Василіемъ Журманомъ, и имѣлъ отъ нея пасынка Илью Журмана, сына Степана и дочь Марю.

Степанъ Ивановичъ, авторъ дневника, въ 1751 году, 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ генеральную войсковую канцелярію, въ званіи войсковаго канцеляриста, и состоялъ въ ней три

---

¹⁾ Еліонка и Воронокъ (прежній Воронежъ) нынѣ великорусскіе раскольничьи посады стародубскаго уѣзда.

года. Все время онъ находился при гетманѣ, то въ Глуховѣ, то при «походной» гетманской канцеляріи въ Москвѣ и Петербургѣ. Столичная жизнь при штабѣ Разумовскаго, который покровительствовалъ молодому Лашкевичу отчасти и по личнымъ связямъ ¹⁾, конечно много повліяла какъ на карьеру Лашкевича, такъ и на его развитіе. По словамъ «сказки», поданной Лашкевичемъ въ стародубовскую полковую канцелярію въ 1762 г., онъ уже въ 1754 г., 20 лѣтъ, былъ сдѣланъ бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1758 г. Степанъ Ивановичъ женился на Параскевіи Григорьевнѣ Галагановой, дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, и взялъ за нею, кромѣ богатой движимости, слободку Норицу въ стародубовскомъ полку (она-жь и Галагановка).

По выходѣ изъ генеральной канцеляріи Лашкевичъ поселился въ селѣ Брахлово и занялся хозяйствомъ, при чемъ не упускалъ случаевъ округлять свои помѣстья новыми пріобрѣтеніями. Такъ, у погарскаго подкоморія Галецкаго онъ купилъ землю въ городѣ Погарѣ, съ крестьянами, у нѣкоего Случановскаго— «грунта курковскіе» (стародубовскаго уѣзда), у жителей раскольничьихъ слободъ Воронка и Еліонки отобралъ половину мельницы на рѣчкѣ Брусь (стародубовскаго уѣзда); по раздѣлу съ двоюродными братьями, дѣтьми Ѳедора Лашкевича, ему достались дворы въ Стародубѣ и проч. Если свести всѣ упоминанія дневника объ имѣніяхъ автора, то получается слѣдующій, быть можетъ еще не полный, перечень его владѣній. Главное помѣстье и мѣсто жительства Степана Лашкевича было село Брахлово (новозыбковскаго уѣзда), гдѣ была мельница о двухъ поставахъ, садъ и проч.; затѣмъ домъ съ «трепальнымъ дворомъ» (для выдѣлки пеньки) и землями, мельницей и винокурней былъ въ городѣ Погарѣ, нѣсколько дворовъ съ мельницей въ городѣ Стародубѣ, земли съ мельницами въ хуторѣ Ирпѣ, на рѣчкѣ того-же имени и на притовѣ ея Прудцѣ—въ нынѣшнемъ ново-

¹⁾ Братъ Лашкевича по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, былъ женатъ на Агафѣѣ Давидовнѣ Стрѣшневой (?), „изъ дома гетмана“.

зыбковскомъ уѣздѣ; домъ, шинюгъ и винокурня въ селѣ Ущерпѣ суражскаго уѣзда, домъ съ землями и пасѣной въ Норицѣ или Галагановкѣ мглинскаго уѣздовъ, дворъ и половина мельницы въ хуторѣ Брусѣ стародубовскаго уѣзда, земли въ селахъ: Курковичахъ (стародубовскаго уѣзда), Желѣзномъ мостѣ (новгородсѣверскаго уѣзда), Любечанахъ, Повховѣ, Шамовкѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ, Тимновичахъ (новозыбковскаго уѣзда) и въ хуторѣ Гремячкѣ (новгородсѣверскаго уѣзда) ¹⁾.

При своемъ богатствѣ Степанъ Ивановичъ обладалъ мягкимъ, общежительнымъ характеромъ, и потому пользовался большою популярностью между окружнымъ шляхетствомъ. Въ 1764 году онъ былъ избранъ земскимъ судьей въ погарскомъ повѣтѣ ²⁾ и въ этой должности состоялъ до 1779 г. Въ 1772 году погарское шляхетство кромѣ того выбрало его своимъ предводителемъ. Во время предводительства Лашкевичъ сильно хлопоталъ о полученіи «россійскаго чина»; такъ въ дневникѣ говорится, что поѣздка автора въ Москву въ 1775 году была совершена съ этою цѣлью. Но прежде Степанъ Ивановичъ былъ сдѣланъ въ 1779 году подкоморимъ ³⁾, и только въ 1781 году, при утвержденіи его въ должности предсѣдателя верхняго земскаго суда повѣта новгородсѣверскаго, онъ былъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ слѣдующемъ 1782 г. Лашкевичъ умеръ.

Сыновья и дочери автора дневника росли и воспитывались уже, какъ дѣти богатаго, со связями, украинскаго помѣщика. У Степана Ивановича было восьмеро дѣтей, два сына—Иванъ и Василій и шесть дочерей. По дневнику и другимъ фамилльнымъ бумагамъ можно прослѣдить отчасти судьбу старшаго сына, Ивана, и старшей дочери, Агафьи. Иванъ родился въ 1765 году и до 13 лѣтъ воспитывался дома, при родителяхъ. 10-ти лѣтъ онъ былъ записанъ капраломъ въ измайловскій полкъ, счи-

¹⁾ Кромѣ того тестъ дарилъ Лашкевичу въ разное время лошадей, которыя оставались въ галагановскомъ заводѣ въ Гнилицѣ и размножались, такъ что напр. къ 1772 году въ заводѣ было 50 лошадей, принадлежавшихъ Лашкевичу.

²⁾ *Дневникъ*, 8 марта 1778 г.

³⁾ *Ibid.*, 21 іюня 1779 г.

тавшийся подъ командой графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, и тогда-же отецъ привезъ къ сыну изъ Москвы учителя, француза Давена, договореннаго за 150 р. въ годъ. Но съ Давеномъ дѣло не сладилось: французъ вѣроятно былъ неуживчиваго характера и заносчивъ, за что скоро былъ прогнанъ ¹⁾). Въ январѣ 1778 года мальчика отвезли учиться въ Москву, и подъ 6 ноября того-же года отецъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «изъ Москвы отъ сына (получилъ извѣстiе), что онъ во университетѣ уже учится». Десятилетнiй Иванъ Лашкевичъ получилъ чинъ капитана, но въ слѣдующемъ году, по неизвѣстной причинѣ, вышелъ секундъ-маіоромъ въ отставку.

Къ дальнѣйшей судьбѣ Ивана Степановича Лашкевича относится любопытное «дѣло», хранящееся въ фамильномъ архивѣ графа Милорадовича и состоящее болѣе чѣмъ изъ 100 листовъ, о женитьбѣ его на дочери бывшаго черниговскаго полковника, генераль-маіора Петра Степановича Милорадовича. Послѣднiй былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка и получилъ за женою обширныя имѣнiя, которыя должны были перейти, по смерти жены, къ дочери ихъ отъ этого брака, Анастасiи, по выходѣ послѣдней замужъ. Отецъ, «по своему пристрастiю къ дитинному имѣнiю», держалъ дочь при себѣ, отказывая сватавшимся къ ней женихамъ. Анастасiя, будучи уже двадцати съ лишнимъ лѣтъ, убѣжала къ бабушкѣ своей Полуботковой и, съ ея согласiя, вопреки волѣ отца, вышла въ 1789 году замужъ за Ивана Степановича Лашкевича. Милорадовичъ поднялъ дѣло о самовольномъ выходѣ дочери въ замужество, имѣя цѣлью, конечно, удержать за собою ея материнскiя имѣнiя. Дѣло тянулось очень долго, прошло по всѣмъ инстанціямъ и было окончено уже по смерти Петра Милорадовича, въ пользу Анастасiи. Иванъ Степановичъ Лашкевичъ такимъ образомъ къ своей наслѣдственной части прибавилъ об-

¹⁾ Любопытная отмѣтка касательно этого француза стоитъ въ дневникѣ подъ 5 января 1776 г.: „сей день у вечеру учитель Давенъ неучтиво изъ за вечера всталъ і пошолъ, при чемъ были Петро Павловскiй и Николай Лашкевичъ“. Должно быть, по случаю „кутти“, была очень длинная „вечера“ и французъ не могъ выдержать ее до конца.

ширныя полуботковскія владѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ и былъ владѣльцемъ двухъ съ половиною тысячъ душъ крестьянъ. Къ нему перешелъ и Браховъ. Въ 1811 году Лашкевичъ подписывался почему-то уже подполковникомъ, какъ видно изъ описанія герба представителя рода Лашкевичей въ 1811 г., и умеръ въ этомъ чинѣ.

Старшая дочь автора дневника, Агафья, была выдана за Михаила Семеновича Кочубея, сына послѣдняго генеральнаго обознаго, тайнаго совѣтника, Семена Васильевича. Агафья Степановнѣ при обрученіи не хватало 6 дней до 15 лѣтъ. Въ дневникѣ есть нѣсколько интересныхъ бытовыхъ указаній объ ея свадьбѣ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Сынъ молодой четы, мѣсячный ребенокъ Семень Кочубей, былъ записанъ въ преображенскій полкъ каптенармусомъ.

Изъ пяти сыновей Ивана Степановича четверо старшихъ умерли молодыми, и кореннымъ наслѣдникомъ остался пятый сынъ Степанъ, въ настоящее время уже умершій. Сыну послѣдняго, Александру Степановичу Лашкевичу, принадлежитъ Браховское имѣніе; у него богатая библіотека и значительное собраніе рукописныхъ документовъ, изъ числа которыхъ имъ обязательно сообщены редакціи «Кіевской Старины» и упоминаемый дневникъ его прадѣда съ фамильными документами.

Дневникъ былъ веденъ Степаномъ Лашкевичемъ изо дня въ день въ продолженіи 14 лѣтъ, отъ 1768 г. до смерти автора, послѣдовавшей въ 1782 г. Но намъ доставленъ только отрывокъ его, обнимающій промежутокъ времени съ 20 февраля 1771 г. по 24 іюня 1779 г., и то съ пропускомъ въ серединѣ, съ 23 мая 1773 г. по 19 ноября 1774 г.¹⁾ Этотъ отрывокъ состоитъ изъ 6 тетрадей, заключающихъ въ себѣ вмѣстѣ 74 листа сѣрой бумаги (4 тетради по 12 листовъ, одна 18 и одна 8 л.). Дневникъ былъ

---

¹⁾ По сообщенію нынѣшняго владѣльца „Дневника“, недостающія части послѣдняго были отосланы имъ въ бывшій юго-западный отдѣлъ импер. геогр. общества. Предпринятія нами однако разысканія въ указанномъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ.

названъ авторомъ, какъ видно изъ замѣтокъ его внука, «Запиской домашней ежедневной».

Не считая возможнымъ въ общемъ обзорѣ исчерпать всего разнообразнаго содержанія дневника, мы отмѣтимъ главнѣйшія и болѣе важныя для исторіи его данныя, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько общихъ категорій.

Прежде всего въ дневникѣ выдѣляются ежедневныя отмѣтки о погодѣ. Отмѣтки заключаются въ общихъ, принятыхъ тогда въ житейскомъ обиходѣ выраженіяхъ, напр. зимою: «въ ночи и въ день силнѣй морозъ; въ ночи и въ день умѣренная стужа; въ ночи морозъ и въ день холодно, но отъ солнца таяло; въ ночи вѣтеръ и морозецъ, въ день пасмурно»; лѣтомъ: «въ ночи пріятно и ясно, въ день ясно и сторонами дождь; ночь хмарная, теплая, день жаркій, свѣтлый, сторонами дождь; ночь хмарная, день на перемѣнѣ; ночь свѣтлая, день ясный, жаркій; ночь ядреная, день холодноватый» и т. д. На сколько такія замѣтки цѣнны для метеорологовъ, судить не беремся; но въ виду выразившихся въ свое время упрековъ издателю записокъ Марковича за то, что онъ выпустилъ всѣ замѣтки автора о погодѣ, ограничимся пожеланіемъ, чтобы при изданіи «Дневника» Лашкевича, если оно состоится, не была повторена та-же ошибка.

Другая категорія данныхъ дневника—извѣстія политическія. Авторъ читалъ газеты и получалъ ихъ отъ Ильи Васильевича Журмана изъ Глухова, большею частію по случаю, при письмахъ или другихъ посылкахъ. Такъ въ дневникѣ отмѣчается: «Иванъ Зятченко въ игруши привезъ и газеты», «михалчинского человѣка отпустилъ, который привозилъ газеты и зразцы печные» и проч. Нигдѣ въ дневникѣ не передается впечатлѣній о прочитанномъ, не отмѣчается политическихъ разговоровъ со знакомыми. Изрѣдка только вписываются случаи изъ придворной хроники, о рожденіяхъ и смерти членовъ императорскаго дома, да въ концѣ года, подъ 31 декабря, посвящается нѣсколько общихъ фразъ вышнимъ событіямъ, чаще всего войнамъ. Конечно, отсутствіе политическихъ замѣтокъ свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ отношеніи автора къ политикѣ и вообще ко всему тому,

что выходило за предѣлы обыденной жизни. Но надо отмѣтить и личное качество автора, иногда проглядывающее въ дневникѣ, умѣнье держать, что называется, языкъ за зубами.

Остаются наконецъ данныя экономическія и бытовыя, составляющія наибольшую часть содержанія дневника и дающія ему цѣну культурно-историческаго памятника. При всей кажущейся сухости дневника, данныя послѣдней категоріи разсѣяны въ немъ на столько обильно, что даютъ возможность читателю довольно отчетливо представить себѣ какъ нравственный обликъ автора, такъ и его житейскую обстановку. Не имѣя претензіи исчерпать все бытовыя указанія этого памятника, попробуемъ извлечь изъ него наиболѣе рельефныя черты и сгруппировать ихъ по возможности въ бѣглый бытовой набросокъ, съ единственною цѣлью дать приблизительное понятіе о научной цѣнности разсматриваемаго дневника.

Обширныя владѣнія Степана Ивановича Лашкевича находились въ стародубскомъ полку, именно въ нынѣшнихъ пяти сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи: новгородсѣверскомъ, новозыбковскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и суражскомъ, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ: Десны Судости и Снови и лѣваго притока Сожи, рѣчки Ипути. Послѣдняя въ настоящее время вовсе не судоходная, едва годная къ сплаву лѣса въ половодье¹⁾, въ прошломъ вѣкѣ еще носила байдаки, по крайней мѣрѣ весною. Лашкевичъ 29 марта 1771 г. отправилъ въ село Ущерпье на байдакѣ 30 бочегъ водки, а 14 апрѣля того-же года отмѣчается въ дневникѣ, что какой-то «Александръ у вечеру ввезалъ на Ущерпье для отправки на байдацѣ». Если въ теченіе послѣдняго столѣтія край этотъ, надо полагать, вообще значительно измѣнился въ топографическомъ отношеніи, напр. исчезла масса лѣсовъ, обмелѣли нѣсколько рѣчки и проч., то система сельскаго хозяйства и продукты послѣдняго остались неизмѣнными. Авторъ дневника наживаетъ на своихъ земляхъ

---

¹⁾ См. „Списки населенныхъ мѣстъ по даннымъ 1839 г., изд. центр. стат. комит. министерства внутр. дѣлъ“, стр. 4.

до 2000 копенъ (по отмѣткѣ 31 іюля 1777 года) жита и только 36¹/₂ коп. пшеницы, потому что пшеница почти вовсе не родила въ этихъ мѣстахъ, какъ и въ настоящее время. Особенно важная статья въ мѣстномъ хозяйствѣ теперь—производство пеньки. И сто лѣтъ назадъ конопля культивировалась вѣроятно не въ меньшихъ размѣрахъ, если помѣщики, какъ и авторъ дневника, имѣли особые «трепальные двory» и находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригю¹). Родина автора дневника весьма интересна въ этнографическомъ отношеніи. Это историческая Сѣверщина въ тѣсномъ смыслѣ. Населеніе ея помѣщается между тремя русскими племенами: мало, велико и бѣлорусскимъ и представляетъ особый, средній этнографическій типъ съ наклономъ по крайнѣ къ сосѣднему племени. Жители средней полосы этого края, напр. южныхъ частей новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ, до сихъ поръ отличаютъ себя отъ всѣхъ трехъ племенъ. Говорится, напр.: поѣхать «на Вкраину», поѣхать «въ Бѣлорусію»; великороссы-же (колонисты-старобрядцы) называются «москалями». Тѣ-же выраженія встрѣчаются и у автора дневника: онъ имѣетъ торговыя сдѣлки съ «москалями» Сухаревыми, ѣздитъ къ тестю Галагану «на Украину» и посылаетъ по торговымъ дѣламъ «въ Бѣлорусію».

Въ этомъ-то краѣ, на пространствѣ до сотни верстъ между крайними пунктами (напр. село Ущерпье и городъ Погарь), расположены были помѣстья Лашкевича. Что-бы присмотрѣть за прикащиками въ каждомъ селѣ, надо безпрестанно ѣздить. И дѣйствительно, все время у Лашкевича, вся его будничная жизнь проходитъ въ поѣздкахъ. Нѣтъ надобности приводить выдержки изъ дневника о переѣздахъ автора, потому что на каждой страницѣ ихъ нѣсколько. Переѣзды дѣлаются вольготно, не спѣша, съ поворотами въ стороны къ родственникамъ, знакомымъ, друзьямъ, которые у Лашкевича разсѣяны не только по стародубовскому, но и по другимъ полкамъ. Земскій судья и пред-

¹) Образчикъ коммерческаго письма изъ Риги см. въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., апрѣль, стр. 780—781.

водитель, Лашкевичъ водить хлѣбъ-соль не только со всѣми извѣстными сѣверско-малороссійскими родами, но и мелкими дворянскими сошниками и, какъ гласить эпитафія, «страннопріимствомъ (точнѣе гостепріимствомъ) былъ почти что Авраамъ». Съ одной стороны идутъ Безбородки, Борковскіе, Будлянскіе, Велинскіе, Гудовичи, Галаганы, Долинскіе, Дублянскіе, Журавки, Журманы, Завадовскіе, Искрицкіе, Кочубеи, Марковичи, Миклашевскіе, Милорадовичи, Рославцы, Рубцы, Разумовскіе, Сулимы, Скоропадскіе, Туманскіе, Ханенки, Ширай и проч., и проч.; съ другой — протопопы, поны, сотенная и полковая старшина, подсудки, писаря, коморники, офицеры квартирующихъ полковъ и т. д. У всѣхъ ихъ Лашкевичъ то крестить, то присутствуетъ на стоворинахъ, свадьбахъ, похоронахъ; тщательно замѣчаетъ въ дневникѣ, у кого кто родился, кто были воспріемники и проч. Такъ какъ рѣдкій день проходилъ безъ поѣздокъ, слѣдовательно безъ обѣдовъ и ужиновъ съ попойками у знакомыхъ, а еще рѣже выпадали дни, въ которые Лашкевичъ не бывалъ въ гостяхъ, или у себя ихъ не принималъ, то эти рѣдкіе дни отмѣчаются въ дневникѣ, какъ нѣчто изъ ряду выходящее: «сей день (3 февраля 1776 г.) проводилъ безъ гостей». За то такъ-же часты, какъ поѣздки, выраженія: «сей день попили средствомъ (20 іюля 1771 г.), «а сей день (21-го) попили полутче», «попили ладно», «попили добре», «попили не худо», «и попили», «и погуляли». Что-же пили эти добрые, веселые люди? Вѣроятно, чаще всего наливки и настойки всякія, ганнусковую горѣлку съ курдимомомъ, циномомомъ, перцемъ, нибиремъ, алоисомъ, сабуромъ и даже херувимскимъ ладномъ¹⁾. Впрочемъ, когда дѣло идетъ о Миклашевскихъ, или Ширахъ въ Стародубѣ, то упоминается уже шампанское. Затѣмъ, разумѣется, надо исключить погреба Разумовскаго. Кстати сказать: когда Разумовскій пріѣзжалъ въ мѣстечко Ропскъ, свое имѣніе, то давалъ обѣдъ всему окружному стародубовскому дворянству, а затѣмъ по родственному заѣзжалъ и въ Браховль къ Лашкевичу, что послѣднимъ отмѣчается съ особеннымъ удовольствіемъ.

1) См. „Марцѣпаны и Ганнусковая горѣлка“ въ „Кіев. Старинѣ“ за 1883 г.

Такъ какъ мы заговорили о поѣздкахъ автора, то прибавимъ къ нимъ и два путешествія его въ Москву и Петербургъ, а также «на Украину», къ тестю Галагану. Разъ Лашкевичъ ѣздилъ въ Москву въ 1775 году и пробылъ въ путешествіи съ 9 августа по 27 октября, въ другой—въ Москву и Петербургъ въ 1779 г., съ 26 января по 18 апрѣля. Поѣздки дѣлались на нанятыхъ лошадяхъ. Отъ Почепа до Москвы 11 дней ѣзды; ѣдетъ Лашкевичъ на 5 лошадяхъ, за которыя отъ Брянска до Калуги заплатилъ по 3 руб. съ лошади¹⁾. Цѣль поѣздки—во первыхъ, какъ уже было сказано, похлопотать «о российскомъ чинѣ» для себя и записать въ военную службу сына, во вторыхъ, удовлетворить разныя назрѣвшія домашнія нужды: нужно къ дѣтямъ учителя-француза договорить, нужно покупки сдѣлать. Посѣщая лавки въ Москвѣ, Лашкевичъ не пропускаетъ случая зайти «въ авкціонъ»; однажды напр. онъ купилъ тутъ, по сходнымъ цѣнамъ, «двѣ чаши серебряныя съ двома лотоками серебряными жъ, вѣсу 22 фунта, да нахтишь деревянный китайскій». Но рядомъ съ «авкціономъ» онъ не разъ заходитъ (въ Петербургѣ) и въ академическую книжную лавку и покупаетъ книги; при одномъ изъ посѣщеній книжной лавки покупка отмѣчена въ дневникѣ въ 35 руб. Въ Москвѣ Лашкевичъ останавливается сперва на постояломъ дворѣ, потомъ у бригадира Степана Ефимовича Карновича; обѣдаетъ иногда «въ погребци». Приѣхавъ въ 1779 г. въ Петербургъ, Лашкевичъ сначала остановился въ домѣ графа Разумовскаго, потомъ перешелъ на квартиру, нанявъ двѣ комнаты за 7 руб., наконецъ поселился на Мѣщанской и платилъ за квартиру 12 руб., парикмахеру давалъ «за одѣванье» по 5 алтынъ и за карету по 2 рубля ежедневно. Въ Петербургѣ онъ часто бывалъ у Разумовскаго, а у себя «трактовалъ сенатскихъ», такъ какъ подалъ въ сенатъ жалобу на Сулиму. Въ Москвѣ Лашкевичъ отмѣчаетъ въ днев-

¹⁾ Должно быть мало было поклажи. Осипу Артемовичу Лашкевичу, экзекутору 6-го департамента сената, авторъ иногда посылалъ въ Москву ветчину, масло, сало, колбасы, утокъ соленыхъ, шерсть, конфеты (!), всего до 50 пуд. въ разъ. Несомнѣнно, что много подобныхъ вещей Лашкевичъ возилъ и съ собою.

никѣ: «у вечеру былъ на опери» (4 апрѣля 1779 г.), «у вечеру на комедіи были» (7 апрѣля), «у вечеру былъ въ Бѣшенцова и на качели ѣздилъ».

Другаго рода поѣздки къ тестю въ Сокоринцы. Ѣдетъ вся семья автора, жена и дѣти, на собственныхъ лошадяхъ, въ собственныхъ, покойныхъ экипажахъ; о послѣднихъ такого рода замѣтки въ дневникѣ: «подъ спалнею ось переломилась, а въ каретѣ дроги». Поѣздки совершаются обыкновенно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, а потому ѣдутъ не сиѣша, заворачиваютъ по дорогѣ въ гости къ знакомымъ и непременно къ зятю Долинскому въ Курень (конотопскаго уѣзда). Къ Галагану, по случаю пріѣзда Лашкевича, собираются изъ ближнихъ селъ знакомые, вечера проводятся «при музыки», а дни иногда на охотѣ «съ ястребами». Отъ тестя возвращается Лашкевичъ съ подарками; Галаганъ даритъ зятю: барановъ, лошадей, масло, сыръ, пшено, „вовну“, арбузы, бочки меду и проч. Интересна поѣздка Лашкевича съ женою въ Сокоринцы послѣ смерти тестя, чтобы поживиться чѣмъ нибудь изъ наслѣдства.

Въ то время, какъ мужъ все ѣздитъ, жена съ дѣтьми проживаетъ въ Брахловѣ и только изрѣдка посѣщаетъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ Лашкевичъ отпустилъ жену съ дѣтьми къ отцу въ Сокиринцы. Черезъ 19 дней онъ такъ стосковался, что пишетъ въ дневникѣ (25 февраля 1777 г.): «не можно описать, какая скука одному, безъ жены, для того полагаю никогда на долгое время не оставаться безъ жены». Въ Брахловѣ у Лашкевича домъ съ садомъ, къ которому относится слѣдующая замѣтка подѣ 13 апрѣля 1773 г.: «лабиринтъ я засадилъ въ Брахловѣ¹⁾; около дома цвѣтники. Здѣсь-же помѣщалась библіотека, содержащаяся, очевидно, въ большомъ порядкѣ, такъ какъ въ бумагахъ Степана Ивановича есть нѣсколько разъ переписанный, по мѣрѣ дополненій (раза два собственною его рукою), алфавитный каталогъ книгъ. Помѣщеніе его дало бы возможность судить объ

¹⁾ 2 сентября 1776 г. отмѣчено: „начали галлерейку подѣ водою (!) въ Брахловѣ (р. Сновъ) дѣлать“.

умственномъ достояніи автора дневника. Дѣти учатся. 25 апрѣля 1773 г. въ дневникѣ отмѣтка: „сегодня уконтраговался Яковъ Юревичъ Гиллеръ у мене троихъ дочерей учить на клавибордахъ играть и двоихъ хлопцовъ на скрипици играть же; а жить ему въ моемъ домѣ на моемъ содержаніи зъ жалованемъ въ годъ сто двадцать рублей и пара платя“. Въ свободное отъ ученья время ѣздятъ лѣтомъ „за ягодами суніцами въ поле“, зимою по вечерамъ „молодіюжь танчить“. Лѣтомъ, когда отецъ бываетъ въ Брахловѣ, устраиваются семейныя поѣздки „къ криницѣ подь Ропскъ“, „на Ирпу (хуторъ) обѣдать“ и проч.

Когда-же Степанъ Ивановичъ бываетъ въ семьѣ, въ Брахловѣ, а еще любопытнѣе, когда онъ отправляетъ свои служебныя обязанности? Въ Брахловѣ Лашкевичъ говѣеть съ семьей. Говѣнье неизмѣнно происходитъ въ первую недѣлю великаго поста, всегда съ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ авторъ отмѣчаетъ: «начали до церкви ходить и готовиться къ принятію божественныхъ таинъ», въ субботу: „сей деньъ причастилися божественныхъ таинъ—я, жена и дѣти“. Первые дни праздника Пасхи тоже проводятся въ семьѣ; бываютъ только ближайшіе сосѣди. Затѣмъ всѣ семейныя торжества происходятъ конечно въ Брахловѣ: 26 февраля 1771 г. напримѣръ отмѣтка: «у вечеру родились у мене дочка Ульяна; воспріемною маткою была Елена Онисифовна Яснопольская (двоюродная сестра Лашкевича); крестили на другой день, а 2 марта отецъ пишетъ «письмо въ Прилуку зъ родиннимъ хлѣбомъ, чрезъ атамана Иваницкаго», 3-го посылаетъ «родинный хлѣбъ» и въ Курень къ Григорію Карповичу Долинскому. Вотъ какъ Лашкевичъ выдаетъ замужъ старшую дочь Агафью. Женихъ дочери, Михайло Семеновичъ Кочубей, изъ Глухова—весьма завидная для него партія. Лашкевичъ перѣдко ѣзжалъ въ Глуховъ и водилъ знакомство со всѣми членами малороссійской коллегіи, но что важнѣе, тамъ былъ его родной братъ по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, чрезъ котораго вѣроятно главнымъ образомъ и устроилось сватовство. Дочери Лашкевича было безъ малого 15 лѣтъ, вѣроятно и женихъ былъ очень молодъ; естественно, что сначала сдѣлка должна

была произойти между родителями. Женихъ прїѣзжаетъ къ невѣстѣ съ товарищемъ Рожалинымъ и въ первый же прїѣздъ живетъ у будущаго тестя 3 недѣли; въ это время онъ знакомится съ невѣстой и обручается. 21 апрѣля 1776 г. Лашкевичъ записываетъ въ дневникъ: «сей день было обрученіе Михайла Семеновича Кочубея съ дочерью моею Агапіею, для чего и компанія была большая, и погуляли». Новообрученная креститъ съ товарищемъ жениха у нѣкоего Шаблинскаго. Послѣ обрученія женихъ остается въ домѣ невѣсты 5 дней и уѣзжаетъ, а свадьба откладывается до 25 сентября. Въ день свадьбы гостей прїѣзжаетъ: «пановъ 76, а слугъ 174, лошадей 270». 25-го «гуляли добре», на другой день „еще умножилось гостей“, а третій еще «болшъ пили и гуляли». На четвертый день прїѣхавшіе съ женихомъ отправились въ Глуховъ съ невѣстой, а домашніе остались, «коихъ заужиною было 23».

Что касается служебныхъ обязанностей Лашкевича, то объ нихъ въ дневникъ очень мало упоминается. Есть замѣтки о полученіи денегъ съ топальскаго и новгородсѣверскаго комиссарствъ ¹⁾, а про дѣла земскаго погарскаго суда почти никакихъ упоминаній. Хотя и полагалось земскому судѣ, какъ и подсудку и писарю, быть неотлучно въ повѣтовомъ городѣ три раза въ году—отъ Богоявленія до Пасхи, отъ Троицына дня до іюля и отъ октября до Рождества Христова ²⁾, но должно быть Лашкевича очень часто замѣнялъ засѣдатель, подсудокъ Соболевскій, а шляхетство не было въ претензіи на хлѣбосольнаго и общительнаго судью.

За то въ дневникѣ множество замѣтокъ, относящихся къ хозяйственнымъ занятіямъ автора. Мы не коснемся данныхъ дневника о тогдашнихъ цѣнахъ на самые разнородные предметы и на трудъ; ихъ въ дневникѣ такая масса, что въ совокупности они могутъ представить цѣлую хозяйственно-экономическую картину описываемаго района. Мы отмѣтимъ только бытовые черты изъ области хозяйственно-экономической. Изъ дневниковъ Мар-

¹⁾ См. Шафонскій, Топогр. оп. чернигов. нам., стр. 100—101.

²⁾ Ibidem, стр. 96.

ковича и Ханенка извѣстно, что малороссійскіе державцы, будь они даже весьма важныя въ общественной іерархіи лица, издавна вели торговлю не только продуктами собственнаго хозяйства, но болѣе стяжательные не прочь были заняться и чистой коммерціей, при чемъ нѣкоторые (напр гадяцкіе полковники, братья Милорадовичи) даже злоупотребляли своимъ официальнымъ положеніемъ. Любилъ коммерцію, только безъ злоупотребленій, и Лашкевичъ. Рядомъ съ торговлей пенькой и водкой собственнаго издѣлія, онъ иногда закупаетъ эти предметы у другихъ и перепродаетъ на барышъ. У Лашкевича были для коммерческихъ услугъ не только „москаля“ изъ сосѣднихъ раскольничьихъ посадовъ, но и лица изъ мелкаго дворянства; изъ послѣднихъ въ дневникѣ упоминаются Алексѣй Уманецъ и Яковъ Багинскій, 24 октября 1772 г. Лашкевичъ даетъ Алексѣю Ѳеодоровичу Уманцу 250 р. на покупку «олѣю», и отмѣчаетъ «а что будетъ барыша— по поламъ со мною»; того же Алексѣя Уманца посылаетъ съ 1000 руб. въ Погаръ за пенькою. Лашкевичъ ссужаетъ по дружбѣ деньгами—по 100, 500 и 1000 р. Полетику, Губчица, Галецкаго, Велинскаго, Миклашевскаго и др. Разъ (21 мая 1772 г.) Михайло Андреевичъ Миклашевскій взялъ у Степана Ивановича, «въ позику» 10 осьмачекъ гречки. Степанъ Ивановичъ тщательный хозяинъ. Подъ 16 ноября 1778 года онъ записываетъ: „зарѣзано въ Брахловѣ гусей сто, вишло пуху 10 фунтовъ; утокъ двѣстѣ—пуху вышло два фунти; и такъ съ десяти гусей 1 фунтъ, съ одной гусѣ 10 золотниковъ пуху выходитъ; съ утокъ со ста фунтъ, съ одной золотникъ, для того користиѣе гусей держать, нежели утокъ: 10 утокъ за одну гусь». 2 авг. 1771 г.: «я цѣлій день былъ подля женцовъ, жито и пшеницу жали». 18 февраля 1776 г.: «сей день у мене въ Брахловѣ на гумнѣ отмолотилися». Но хозяйственное усердіе пана тяжело ложилось на мужиковъ. Въ дневникѣ отмѣчаются иногда побѣги и поимки разныхъ дворовыхъ людей.

Прибавимъ къ сказанному, что Лашкевичъ, какъ сѣверянинъ, ходилъ въ баню, а какъ человѣкъ своего времени, часто лѣчился пусканіемъ крови.

Наконецъ надо отмѣтить любовь автора къ духовенству и церкви. Всѣ окружные священники посѣщаютъ Лашкевича; погарскій-же, о. Иванъ Плосконный, былъ его кумомъ и близкимъ другомъ. Разъ въ дневникѣ проскользнула замѣтка, почему этотъ священникъ былъ уважаемъ въ компаніи Лашкевича, всегда любившей «попить добре». 2 мая 1778 г.: «посля обѣда былъ я въ гостяхъ въ Псіола и Томиловскаго, и попили *ладно*; и отецъ Иванъ Плосконный былъ съ нами... цупки!»... Иногда попадаетъ такая замѣтка (4 августа 1778 г.): „обѣдали у мене чернецъ съ Ерусалима и попи“. Лашкевичъ построилъ церковь въ одномъ изъ своихъ имѣній (мы не могли узнать, въ которомъ) и въ ней былъ похороненъ.

Окончимъ этотъ абрисъ жизни автора дневника современной эпитафіей надъ нимъ, сочиненной неизвѣстнымъ лицомъ и хранящейся въ бумагахъ Лашкевичей.

Читатель благосклонный! проводя жизнь свою,
 Прочешь случай имѣешь ты надпись здѣсь сію.
 Къ сему влечетъ тебе причина не иная,
 Какъ толко разумъ зрѣлый, о всемъ познать желая.
 Затѣмъ, увидѣвъ, чтешь, что здѣсь слова блестятъ;
 Конечно, всѣ они не праздно вещь гсаятъ!
 Дѣйствительно такъ есть, читателю похвалній:
 Здесь, въ гробѣ каменномъ, погребенъ мужъ преславній,
 Судбой Творца «Стефанъ» по имени названъ;
 За трудъ же и заслуги, сколь въ жизни былъ избранъ,—
 Скажу тебѣ подробно, какъ было отъ начала,
 Чемъ благость Вышняго во всемъ его вѣнчала.
 1732 года родился онъ на свѣтъ
 Вселенну украшать, какъ всякій селній цвѣтъ.
 Но въ возрастъ зрѣлъ пришедши и въ мужа совершенна,
 Узналъ, на что сія сотворена вселенна.
 Итакъ ученіемъ просвѣщенъ умъ имѣя,
 Нелѣпно служилъ, отечеству радѣя,
 За что прослилъ, какъ мужъ преславно именитій,
 И въ награжденіе имѣлъ чинъ нарочитій:
 Товарищъ бунчуковій, какъ то въ Малой Россіи
 Къ отечеству за службу чины были такіи,

1754 года пожалованъ симъ чыномъ.
 Но честь его не въ семь скончалася единомъ,
 Еще на вышшій степень не разъ подвышенъ былъ.
 1758 года въ супружество вступилъ.
 1764 года въ повѣтъ Погарскій избранъ былъ судіею,
 Привлекъ любовь отъ всѣхъ онъ ревностью своею.
 Затѣмъ и предводитель того повѣта былъ,
 Что къ ползѣ всякаго усердіемъ служилъ.
 Въ дѣлахъ неутомимъ, теченіемъ нескоримъ,
 За то 1779 года избранъ и подкоморимъ,
 Потомъ надворній совѣтникъ 1781 года,
 Того жъ года и предсѣдатель верхняго земскаго суда
 Въ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ мало ужъ онъ былъ,
 Затѣмъ, что вскорѣ рождъ жизнь такъ его скратилъ.
 1782 года преставилъ въ чертогъ,
 Въ кой самъ принялъ его владыка твари, Богъ.
 Не думаешь ли ты, читателю почтенній,
 Что здесь писателя всѣ мысли дерзновенны,
 Когда почившаго щитаеъ онъ въ чертогѣ
 И веселящася въ покои томъ о Богѣ?
 Не можетъ быть иначе, когда пророкъ поетъ,
 Что таковой причтенъ во оній вѣчній свѣтъ,
 Отдаленъ онъ отъ тмы, парить посредѣ звѣздъ,
 Населникъ бывъ достоинъ всѣхъ горнихъ свѣтлыхъ мѣстъ.
 Кой жизнь на пользу ближнихъ проводилъ всю свою,
 То тотъ обитель точно наслѣдилъ вдругъ сію.
 Притомъ нелестно сердце и правду такъ имѣлъ,
 Что бѣдныхъ духъ во всѣмъ печалію вскипѣлъ;
 Когда его узнали день преставленія,
 Сочли свойго покрова тотъ день лишенія.
 Не толко-жъ тѣ одни вездѣ печальны самп,
 Но всѣ почти гласятъ неложными устнами,
 Что жизнь его хотя и прекратила смерть,
 Но добродѣтель такъ сіяетъ вся, какъ твердь,
 Которую на время хотя мракъ покрываетъ.
 Но цѣлость онія во вѣки пребываетъ.
 Страннопріемствомъ былъ—почти что Авраамъ!
 Еще тебѣ скажу: возри на сей лишь храмъ:
 Се трудъ и коштъ его. се ревности есть плодъ!
 И онъ, какъ древо здесь, что близъ текущихъ водъ,

Во храмѣ семъ почывъ, лежитъ подъ сей стѣной.
 Среди трудовъ своихъ, дая примѣръ собой,
 Сколь твердъ въ отеческой и правой вѣрѣ былъ,
 Сіе не словомъ онъ, но дѣломъ утвердилъ,
 Ни мало ни щадивъ на то трудовъ своихъ,
 Въ чемъ вѣрная надежда негиблющихъ благихъ.
 Но какъ судобѣ такой подвластны человекѣ,
 Что всё, живъ мало здесь, туда спѣшать на вѣки,
 То ты, читателю, сколь можно, умились
 И искренну молбу къ Творцу принести потщись.
 Оставивъ суету и страхъ весь отменяя,
 Къ началу своему съ весельемъ возлетая,
 Спѣши во щастіе, готовано тебѣ;
 Покоя духъ усопшаго, получишь то себѣ»

Въ этотъ набросокъ мы собрали только немногія изъ *бытовыхъ* чертъ, разсѣянныхъ въ дневникѣ Лашкевича. Но въ немъ встрѣчаются еще, правда въ незначительномъ количествѣ, и замѣтки, имѣющія значеніе для исторіи населенныхъ мѣстъ черниговской губерніи. Таковы отиѣтки о приобрѣтеніи авторомъ «грунтовъ» въ разныхъ мѣстахъ, указанія мѣста жительства разныхъ владѣльцевъ, замѣтки объ отнятіи у автора с. Ущерпя Завадовскимъ и проч.

Языкъ дневника, подъ покровомъ плохо усвоенныхъ авторомъ тогдашнихъ російскихъ литературныхъ формъ, представляетъ интересную почву для изслѣдователя областныхъ говоровъ главнѣйшихъ русскихъ нарѣчій.

Сравнивая дневникъ Лашкевича съ «Записками» Якова Марковича и «Діаріушемъ» Ханенка, мы вообще должны сказать, что первый обнимаетъ болѣе узкую сферу общественной жизни, чѣмъ послѣдніе. Лашкевичъ ни по своему образованію, ни по общественному положенію не могъ играть такой видной роли въ жизни родины, какъ Марковичъ или Ханенко, слѣдовательно не зналъ многого того изъ этой жизни, что знали послѣдніе. Поэтому-то многія замѣтки Марковича и нѣкоторыя Ханенка имѣютъ политическое значеніе, между тѣмъ какъ все содержаніе дневника Лашкевича заключаетъ въ себѣ единственно культурно-

историческій интересъ. Наконецъ дневникъ Лашкевича относится къ срединѣ *второй* половины XVIII в., а дневники Марковича (1716—67 г.) и Ханенка (1727—53 г.) главнымъ образомъ къ первой. Хотя Лашкевичъ писалъ свою «Записку» уже въ то время, когда не только существовала, но была въ ходу даже періодическая литература, но онъ не пользовался ею для своихъ записей, не дѣлалъ компиляцій, не заимствовалъ даже ходячихъ вѣстей. Ему и въ голову не приходило писать что-либо въ родѣ мемуаровъ, съ литературной обработкой; его дневникъ есть отголосокъ того стараго малороссійскаго обычая, по которому украинскіе грамотные люди, въ силу сосредоточенности и замкнутости національнаго характера, любили отмѣчать пережитое *единственно для себя*, для собственнаго развлечения и назиданія.

Остается сказать нѣсколько словъ о внѣшности дневника. Всѣ тетради исписаны рукою автора, безъ помарокъ, съ отчеркнутыми небольшими полями по обѣ стороны одной и той-же страницы. Дневникъ очевидно путешествовалъ съ авторомъ въ Москву и Петербургъ, потому что мѣста, гдѣ отмѣчается дорога, болѣе запачканы и исписаны иногда весьма плохими чернилами. Каждый годъ начинается восклицаніемъ: «Господи благослови!» Оно же ставится иногда и передъ сентябремъ, а передъ Пасхою: «Христосъ Воскресъ!» На поляхъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ написано поперекъ строкъ: «сирная недѣля», «страстная недѣля», «зеленая недѣля» или «зеленіе свята». Почеркъ автора не имѣетъ уже характера стариннаго письма и какъ на остатокъ онаго можно указать на употребленіе въ собственныхъ именахъ и нѣкоторыхъ нарицательныхъ славянской буквы *к*с и начертанія твердаго и мягкаго знаковъ въ видѣ надстрочнаго значка. Пунктуація дневника самая несложная: изъ знаковъ препинанія авторъ употребляетъ, и то не всегда кстати, одну лишь запятую.

Ө. Николайчикъ.

Изъ воспоминаній отшельника к—ской пустыни.

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Псал. 52, ст. 8 и 9).

Родители мои были крестьяне, и это обрекло меня съ дѣтства на жизнь крестьянскую. А кому не извѣстно, какова была эта жизнь лѣтъ 50 назадъ, притомъ въ томъ краѣ, въ которомъ я родился, въ стѣнавшей всегда отъ польскаго ига Подоліи. Плугъ да рало, жена да мірскіе хлопоты, трудъ до поту, да панскіе нагаи... Трудно, почти невозможно было тогда кому нибудь изъ крестьянъ выбиться изъ своей горькой доли. Кто хотѣлъ бы освободиться, конечно, чрезъ выкупъ, отъ панской неволи, на того паны смотрѣли какъ на бунтовщика, возмущающаго и другихъ противъ ихъ власти. Да и гдѣ было взять денегъ на выкупъ? Меньше, чѣмъ кто либо, могъ думать объ этомъ и я, а потому, придя въ возрастъ, спокойно принялся за плугъ и за чумачку и безъ ропота несъ назначенный мнѣ отъ Бога крестъ. Богъ однако судилъ о мнѣ иначе и неожиданно ни для меня самого, ни для родныхъ и близкихъ моихъ, исторгъ меня изъ яремнаго ига моего и упокоилъ меня отъ всѣхъ тягостей и скорбей житейскихъ во святой обители своей, еще задолго до освобожденія крестьянъ отъ рабства и неволи панской.

Хочу разсказать о томъ, какъ все это совершилось и какимъ испытаніямъ подвергалъ меня Господь прежде, чѣмъ явить на мнѣ вседѣйствующую свою силу; хочу вспомнить при этомъ мое дѣтство и какъ выросли тогда люди одинаковаго со мною состоянія, чему и какъ они научались и какъ, страдая въ пан-

ской неволѣ, не теряли вѣры въ Бога и надежды на лучшую жизнь. И если читатель найдетъ во всемъ этомъ что либо неизвѣстное и любопытное, а быть можетъ и поучительное для себя, то цѣль моя будетъ достигнута.

Родъ мой, какъ я уже сказалъ, былъ простой; отецъ и мать моя были помѣщичьи крестьяне и жили въ с. Поборкѣ, гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, входившемъ въ составъ большаго имѣнія графини Александры Станиславовны Потоцкой. Я помню еще дѣда моего Михайла Барана; высокій и статный былъ старикъ. Зашелъ онъ сюда изъ Брацлавщины и женился здѣсь на дочери униатскаго священника Федора Малицкаго, Евдокіи. Не знаю почему, помѣщичья контора записала дѣда моего по фамиліи его жены и съ того времени фамилія эта перешла и на насъ. Бабка моя считала себя въ родствѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Іероошемъ Малицкимъ; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ, утверждать не берусь. Была она женщиною глубоко набожная и многое видѣла на своемъ долгомъ вѣку. Въ Коліивщину она была еще дѣвушкой, и чего бывало не пораскажетъ намъ о гайдамакахъ, о польской съ ними расправѣ, о набѣгахъ татаръ, о злодѣйствахъ конфедератовъ и т. п. Изъ рассказовъ бабки моеи о Коліивщинѣ осталось у меня въ памяти, какъ въ это ужасное время, когда разъяренные гайдамаки вырѣзывали *до нощи* всѣхъ ляховъ и жидовъ, были въ нашемъ милосердномъ народѣ люди, которые укрывали у себя панскихъ и жидовскихъ дѣтей и женщинъ, убѣгавшихъ отъ всеобщей рѣзни, наряжая ихъ въ свою одежду и выводя ихъ съ собою на свои работы. Удивительна однако была и сообразительность гайдамакъ. Узнали они объ этомъ и чтобы не мучить своихъ людей допросами и обысками, придумали вотъ какой способъ «выкрывать» шляхтянокъ и жидовокъ. «Оце, рассказывала бабка, зыдуть було до села и якъ де куна жинокъ або дивокъ, на городи, чи на ричци,— такъ и кинутьця до ихъ верхами; то котори свои, закричатъ: «Охъ мени лыхо», або: «рятуйте, хто въ Бога віруе»! А котора закричить: «ой Іезу», або: «ой вей миръ», ту заразъ ратищемъ, або ножемъ такъ и колють.

Родился я 22 октября 1820 г. и при рожденіи получилъ имя Аверкій. Изъ времени моего дѣтства вѣзались особо въ мою память слѣдующія два обстоятельства.

Мать моя въ бесѣдахъ съ родными и сосѣдами то и дѣло повторяла: «я съ своимъ Аверкіемъ въ монастырь ходила», и это значило, что, будучи беременна мною, она ходила на богомолье съ сосѣдній Грановскій монастырь. Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мать моя давно почіетъ въ землѣ, а слова ея и теперь отдаются въ моемъ сердцѣ, и я вѣрю, что скорбный путь ея и былъ тотъ путь, которымъ Господь отъ утробы матерней велъ меня къ иноческой жизни.

Помню другое обстоятельство; оно произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, но осталось до времени столь же мало понятнымъ, какъ и первое. Играли мы какъ-то въ хатѣ съ маленькой сестрой Наталочкой, а мать, стоя у печи, досматривала, чтобы не пересидѣлъ находившійся въ печи хлѣбъ; вдругъ слышимъ, на дворѣ у насъ залаяли собаки. Я и сестра бросились къ окну, а вслѣдъ за нами и мать. Видимъ, среди двора обороняется отъ собакъ высокій сгорбленный старикъ въ лохмотьяхъ панскаго платья. Это былъ шляхтичъ, служившій когда-то писаремъ или приказчикомъ у помещика нашего села, Каминскаго. Настоящей его фамиліи я не знаю, а въ селѣ звали его Чугаинкою и звали такъ потому, что онъ носилъ всегда сѣрый *чуай*, въ родѣ плаща или эпанчи. Состоя въ должности и власти, Чугаинка былъ страшно жестокъ по отношенію къ крестьянамъ, немилосердно, чисто звѣрски наказывалъ ихъ, находя какъ-то дикое удовольствіе въ томъ, чтобы мучить ихъ и разнообразить самыя эти мученія. Но вотъ Богъ наказалъ его и онъ, лишась мѣста и не собравъ ничего про черный день, долженъ былъ, оставшись въ нашемъ же селѣ, жить подаваніями тѣхъ самыхъ людей, съ которыми передъ тѣмъ онъ такъ гордо и такъ жестоко обходился. Этотъ-то самый Чугаинка шелъ теперь къ намъ просить хлѣба.

— Отъ старый собака, сказала моя мать, увидавъ его; ходить по пидъ вкна, та милостыни просыть; а самъ, якъ *бувъ*

писаремъ, не хотивъ бути милостивымъ для людей. Колысь и мени досталось видъ его.—Якъ я слабила тобою, продолжала мать, глядя на меня, та не вышла на панцину, то винъ казавъ на другій день привести мене до двору, положивъ въ корыто и давъ мени десять лозъ.—Та Богъ зъ нимъ! Винъ теперь бидный, закончила мать и съ этими словами подошла къ печи, вынула оттуда свѣжій хлѣбъ, помазала сверху саломъ и вынесла Чугаинкѣ, успѣвшему уже добратися до дверей.

Возвратясь въ хату, мать перекрестилась, слегка вздохнула и чуть слышно сказала: «нехай ёго Богъ судить»!

Такъ-то еще въ утробѣ матерней пришлось уже мнѣ терпѣть отъ папскихъ рукъ, которыя не переставали преслѣдовать меня и потомъ, пока Богъ не судилъ мнѣ успокоиться отъ нихъ въ своемъ святомъ убѣжищѣ!

Родители мои были люди богобоязненные и знали многое изъ того, что требуется для жизни христіанской. Особый случай помогъ имъ въ этомъ. Не задолго до моего рожденія умеръ приходскій священникъ нашего села. Приходъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время, былъ зачисленъ за его осиротѣлыми дочерьми, а къ намъ для совершенія требъ назначенъ былъ временно наблюдающимъ священникъ безсемеинный, благочестивый старикъ о. Стефанъ. Домъ у священниковъ были тогда свои, а не общественные, притомъ тѣсные. О. Стефану крайне не хотѣлось стѣснять осиротѣлой семьи умершаго священника и потому, когда отецъ мой предложилъ къ его услугамъ свое убогое жилище, онъ охотно и даже съ радостію принялъ это предложеніе и поселился у насъ. Прожилъ у насъ о. Стефанъ полтора года и ему-то, его глубоко назидательнымъ бесѣдамъ, чтеніямъ изъ евангелія и рассказамъ изъ житій святыхъ Божиихъ, родители мои, а съ ними и я, обязаны своимъ духовнымъ просвѣтлѣніемъ, нашею вѣрою въ Бога, терпѣніемъ, любовію къ ближнимъ. Мысль о Богѣ, о спасеніи своей души, о жизни загробной никогда, кажется, не покидала моей матери среди непрерывныхъ трудовъ бѣдной крестьянской жизни. Чтобы чѣмъ нибудь явить свое усердіе и готовность служить Господу,

мать моя дала обѣтъ ежегодно ходить на богомолье въ Бершадскій монастырь, находившійся не въ далекомъ отъ нашего села разстояніи; весною, лишь только управится она, бывало, съ самыми спѣшными хозяйственными работами, немедленно отправляется въ свое благочестивое путешествіе. Стараясь вдохнуть и въ меня то же религіозное настроеніе, какимъ была проникнута сама, она всегда брала меня съ собою въ монастырь и даже, когда я былъ еще такъ малъ, что не въ состояніи былъ идти самъ, не тяготилась нести меня во всю почти дорогу на своихъ рукахъ. Не могу безъ особаго умиленія сердечнаго вспоминать о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ она вступала въ св. обитель, съ какимъ усердіемъ, усталая отъ дороги, выстаивала продолжительныя монастырскія службы, съ какимъ пламеннымъ чувствомъ шептала молитвы, съ какимъ сокрушеніемъ, слезами и вздохами полагала земные поклоны и простиралась ницъ на землѣ. А меня то и дѣло наставляла: вотъ такъ стой, вотъ такъ смотри, вотъ такъ молись! Ея примѣръ неотразимо дѣйствовалъ на меня, ея слова глубоко западали мнѣ въ душу, и не было у меня иной мысли, другого желанія, какъ только подражать во всемъ матери. По дѣтской впечатлительности, я бралъ иногда черезъ край и тѣмъ причинялъ беспокойство и огорченіе моей доброй матери. Имѣла она напр. обычай каждый разъ, когда я иду въ церковь, давать мнѣ собственнаго приготовленія свѣчку, чтобы я поставилъ предъ иконою. Что же? Я такъ привыкъ къ этому, что потомъ не хочу, бывало, идти въ церковь безъ свѣчки, и если мать не приготовитъ мнѣ свѣчки съ вечера, то я съ полночи уже не дамъ ей покоя, мычу и пишу: «вставайте, сучить мени свичку, бо уже до церкви пора». Былъ другой неизмѣнный обычай у моей матери: во всѣ посты и въ обыкновенное время по средамъ и пятницамъ она постилась до вечерней зари и только, по заходѣ солнца, позволяла себѣ принимать немного пищи. Меня, конечно, она не заставляла выдерживать съ нею такой суровый постъ. Но какъ мнѣ отстать отъ матери! И вотъ я упорно отказываюсь отъ ѣды, и мать не знаетъ, что дѣлать со мною, или же стараюсь не быть у

нея на глазахъ, чтобы она не напоминала мнѣ о пищѣ, либо спрячу данный мнѣ кусокъ хлѣба и скажу, что съѣлъ. Но голодъ не свой братъ, особливо у дитяти: съ полдня уже затопнить, позеленѣть лице, животъ подведетъ; я стяну животъ ремненнымъ пояскомъ и все терплю, лишь бы не отстать отъ матери. Иной разъ она и посердится на меня, но ничего не можетъ сказать противъ своего убѣжденія и обычая.

Много другаго добраго, истинно христіанскаго внушала мнѣ мать моя словомъ и дѣломъ. Чего, чего не наскажетъ было она мнѣ, какихъ правилъ и наставленій не надаетъ, какихъ примѣровъ и случаевъ не приведетъ! А ея пѣсни, глубоко печальныя, и доселѣ щемяютъ мнѣ сердце. Какъ теперь вижу ее, сидитъ, бывало, за прялкой, или за какою нибудь другою работою и поетъ пѣсню о прекрасномъ Іосифѣ египетскомъ (это была любимая ея пѣсня), поетъ и плачетъ. Глядя на нее, и я начинаю плакать и спрашиваю у нея:

— Мамо! якій то Іосифъ?

— А такій, отвѣчаетъ мать, що зли братья продали ёго въ Египеть за те, що винъ бувъ добрымъ.

И мать начинаетъ рассказывать мнѣ объ Іосифѣ прекрасномъ, не забывая прибавить:

— Оттакимъ и ты будь—тихимъ, смирнымъ: никого не зачипай, ходи ягъ линъ по дну, а якъ хто тебе зачепить, полы врижъ та втикай, то може й тебе Господь колысь на люди выведе.

Много и другихъ назидательныхъ пѣсенъ и рассказовъ знала она и многому доброму научала меня при посредствѣ этихъ пѣсенъ и рассказовъ.

Но еще больше этихъ пѣсенъ и рассказовъ зналъ мой отецъ и также часто, какъ и мать, любилъ наставлять ими свою семью. Особенно часто пѣвалъ онъ любимую въ нашемъ народѣ пѣсню о св. великомученицѣ Варварѣ, о томъ, какъ и чѣмъ она навлекла на себя гнѣвъ своего отца Діоскора, какъ и за что онъ подвергалъ ее самымъ жестокимъ наказаніямъ и мученіямъ. Время изгладило изъ моей памяти слова и даже содержаніе этихъ

пѣсенъ, но пѣснь о св. великомученицѣ Варварѣ отецъ пѣлъ такъ часто, что и до сихъ поръ я помню еще начало ея:

Свята Варвара на муки ставала,
Що три викни въ Јани сбудувала.

Особенное душевное удовольствіе доставляли мнѣ его рассказы о жизни и дѣлахъ св. угодниковъ Божіихъ. Житій святыхъ мой отецъ зналъ очень много, но чаще всего рассказывалъ онъ мнѣ житіе св. чудотворца Николая; этого святого особенно онъ чтилъ и ежегодно въ день его памяти непременно посылаетъ, бывало, чрезъ меня въ церковь «мисочку» и просить священника отслужить святителю Николаю молебенъ.

Всего охотнѣе, однакожь, выслушивалъ я рассказъ своего отца о житіи моего патрона св. Аверкія, чудотворца Іерапольскаго, съ восторгомъ и радостнымъ сердечнымъ трепетомъ внималъ его словамъ, съ умиленіемъ и любовью замѣчалъ всѣ, даже самыя малѣйшія, подробности повѣствованія о томъ, какъ св. Аверкій путешествовалъ въ Римъ для изгнанія бѣса изъ царевны и какъ потомъ заставилъ этого самого бѣса отнести камень въ Іераполь и поставить его подлѣ дверей іерапольскаго храма. Какія-то смутныя, неопредѣленныя представленія возникали въ моемъ воображеніи при этомъ рассказѣ, какое-то пламенное непреодолимое желаніе возгоралось въ моей душѣ, куда-то я рвался, къ чему-то стремился, чего-то искалъ, самъ не въ силахъ будучи дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ, и надъ всѣмъ этимъ царило во мнѣ одно желаніе также угодить Господу своею жизнію и своими дѣлами; но какъ и чѣмъ достигнуть его, это превышало мое дѣтское разумѣніе и вызывало во мнѣ пламенную молитву къ Богу и св. угоднику Его Аверкію.

Но не одними этими рассказами дѣйствовалъ на меня отецъ, вызывая во мнѣ стремленіе къ какой-то другой жизни; нерѣдко преподавалъ онъ мнѣ наставленія и для будничной моей жизни, отклоняя меня отъ дурныхъ привычекъ. Всего чаще отъучалъ онъ меня отъ употребленія бранныхъ словъ, но дѣлалъ это

кратко, безъ гнѣва. Скажешь, бывало, по привычкѣ: «чортъ его знае!» и отецъ тотъ часъ:

— Не говори такъ, бо такъ грихъ, а говори: «Богъ его святой знае!» И якъ хто тебе зобидыть, николи не кажи: «щобъ тебе чортъ взявъ», а кажи; «Богъ съ тобою!» бо якъ ты чорта стадуешь, то винь до тебе пристуае ближче, а ангель отдаляется отъ тебе.

Тоже и относительно клятвы и божбы, такъ обыкновенныхъ въ быгу крестьянскомъ. Изъ этихъ замѣчаній и наставленій и слагались у меня правила жизни и вырабатывались привычки; они-то замѣняли для меня то, что даетъ другимъ воспитаніе и наука.

Впрочемъ и относительно ученія на мою долю выпало рѣдкое въ крестьянскомъ быту счастье. Школа была въ ту пору не рѣдкость въ нашемъ краѣ и едва миѣ минуло 6 лѣтъ, какъ родители мои отдали меня учиться къ дьячку. Это былъ завѣтъ жившаго у насъ о. Стефана, и ему я обязанъ моимъ скромнымъ начальнымъ обученіемъ.

Въ школу меня отдали столь малымъ, что въ дурную погоду, особливо въ мятель, меня носилъ туда на рукахъ наймитъ. Школа была близъ церкви, но далеко отъ нашего двора. Училъ конечно дьячекъ. Охоты къ ученю у меня совсѣмъ не было, да врядъ ли она у кого нибудь и могла быть. Такое тогда было ученье, что скорѣе на всякую работу не только домашнюю, но и панскую готовъ бы итти, чѣмъ въ школу. Что ни учишь, какъ ни бьешься, бывало, ничего въ толкъ не возьмешь, а затвердишь поневолѣ, повторяя цѣлые дни одно и то же. Иначе и поступить нельзя впередъ, пока не вытвердишь все заданное. Учили насъ не многому; всего три книжки было: граматка, часловець и псалтырь. Но какъ много времени требовалось на нихъ! Иной три-четыре года учится, а я даже пять лѣтъ ходилъ въ школу, пока сталъ безъ запинки читать всю псалтырь и выучился кое какъ писать, и то не на бумагѣ, а на деревянной досточкѣ разведеннымъ въ водѣ мѣломъ. И то сказать надо: начинали мы ходить въ школу только по снѣжному пути, а бросали книжку,

какъ только снѣгъ сходилъ съ полей. Что выучишь за зиму, то за лѣто забудешь и зимою вновь старое твердишь. Иначе впрочемъ и быть не могло, когда всѣ въ семьѣ, и даже подростки, должны были и на *пана* работать, и свои нужды справлять. А *паны* ненавидѣли школу и школяровъ чаще другихъ гнали на работу. Грамотный человѣкъ считался у нихъ самымъ опаснымъ и просто пронащимъ человѣкомъ; они преслѣдовали его, какъ-то было потомъ и со мною, всѣми способами и старались сдать въ солдаты. Удивляться даже надо, какъ у тогдашняго крестьянина доставало еще охоты посылать, при всѣхъ трудностяхъ и нуждахъ, дитя свое въ школу, когда грамотнаго ждалъ «нагай» отъ *пана*, а нерѣдко и «красная шапочка». Правда, и училось насъ немного, всего 10—12 душъ, а иногда и меньше десяти. Въ школу могли посылать дѣтей только зажиточные люди, которые имѣли чѣмъ заплатить и не нуждались дома въ помощи дитяти. Сначала я отвиливалъ отъ школы и однажды два дня съ ряду прогулялъ съ чужими дѣтьми. Но дьячекъ далъ знать родителямъ, что уже два дня, какъ я не былъ въ школѣ. Мать только пожурила, но отецъ больно наказалъ меня. Это навело на меня страхъ, но не внушило любви и охоты къ ученію. Охота явилась уже тогда, когда дьячекъ выучилъ насъ подтягивать ему въ пѣніи, научилъ насъ виршамъ, сталъ брать насъ не только на клиросъ, но иногда и на «оказіи», то поручая что либо понести, то заставляя прочитать вмѣсто него *Трисвятое* и *Отче нашъ*, а потомъ и *Помилуй мя Боже* или *Благословлю Господа*. Премудрый это былъ обычай у тогдашнихъ учителей-дьячковъ ставить насъ школяровъ на клиросъ и предоставлять намъ прочесть въ слухъ то, что мы уже твердо, больше наизусть, чѣмъ по книгѣ, изучили. Не будь этого, мы скоро забывали бы то, что съ великимъ трудомъ и мученіемъ выучивали въ школѣ, да и совсѣмъ бросали бы школу. Клиросъ былъ для насъ практикою, другою и лучшею школою. Тутъ и охота къ ученію, и соревнованіе съ другими; тутъ мы съ разу видимъ, что ученіе не пропало даромъ, а для родителей и не могло быть большаго удовольствія, какъ слышать дитя свое читающимъ или

поющимъ въ церкви. Правда, это чтеніе въ слухъ всѣхъ, при томъ въ церкви, приводило меня въ страхъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но похвалять родители, похвалять чужіе и — земли не слышишь подъ собою. Не скоро, подъ конецъ ученія, и то не всякому, удавалось получить отъ дьячка дозволеніе или порученіе прочесть *Коль возлюбленна* или *Благослови душе моя Господа*. Вся трудность въ томъ была, что тѣ же псалмы въ школьныхъ книгахъ были напечатаны меньшими буквами, чѣмъ въ книгахъ церковныхъ, и слова и строки ихъ приходились не на тѣхъ мѣстахъ, что тамъ; кромѣ того по окончаніи ихъ въ церкви слѣдовали еще тропари и кондаки, которые положены не подъ рядъ и которыхъ мы и найти не умѣли. До всего этого доходили мы постепенно, многіе уже по окончаніи ученія, а иные и совсѣми не доходили. Кто могъ прочитать въ церкви *вечерню* и *часы*, тотъ считался выучившимся совершенно. Но высшею честію и вѣнцемъ ученія признавалось, если кто могъ громко, внятно, безъ ошибокъ и занинки прочесть по срединѣ церкви *Апостола*. Дозволеніе читать *Апостола* давалось отъ дьячка, какъ особая награда, тому изъ школяровъ, кто заявилъ себя не только усерднымъ ученіемъ и посѣщеніемъ церкви, но и твердымъ чтеніемъ молитвъ и псалмовъ. Не было предѣла моей радости, когда я наконецъ дождался этого дозволенія, о которомъ мечталъ все время ученія. Только послѣ этого и родители мои признали, и самъ я увѣрился, что учился не даромъ. Дома послѣ этого въ шутку стали звать меня дякомъ. Но что особенно важно было для меня, это то, что я привыкъ ходить неупустительно и даже охотно въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни баяждый воскресный и праздничный день. Церковь была для меня новою и самою важною школою: какъ ни мало понималъ я тогда, какъ ни смутны были объясненія дьячка, къ которому я то и дѣло обращался съ вопросами, но все же я не могъ не замѣчать, что знаю больше другихъ, особливо моихъ ровесниковъ, могу сказать напр., когда начало службы въ церкви, средина или конецъ, когда какой праздникъ бываетъ, когда начинается какой постъ, могу объяснить, по какому случаю праздникъ или

постъ, могу иногда и евангеліе пересказать. Въ послѣднемъ много помогаль мнѣ мой отецъ, который, не смотря на то, что былъ неграмотный, внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что читается и поется въ церкви и многое зналъ наизусть. Приучилъ его къ этому долго жившій у насъ о. Стефанъ, и онъ сталъ и отъ меня требовать того-же. Памятенъ мнѣ случай, когда отецъ въ первый разъ обратился ко мнѣ съ распросами о томъ, что читалось въ церкви. Была недѣля Заххей. Послѣ обѣдни пришли мы домой и, перекрестившись, сѣли обѣдать. За обѣдомъ отецъ говоритъ:

— А скажи-но мени, яке сегодня евангеліе читалось?

Я смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ото такой нашъ красный дякъ! не знае, яке евангеліе читалось! сказалъ отецъ и, пристыдивши меня за мою расбѣянность, началъ по своему рассказывать, что читалось въ тотъ день изъ евангелія.

— Се, бачъ, читавъ намъ сегодня батюшка, яка-то причта була зъ однимъ багатыремъ та дуже гришнымъ чоловікомъ, тоди, якъ Христосъ ходивъ по земли. Було то въ жидивскій земли. Бувъ тамъ, може и теперь е, городъ Іерихонъ, а въ ёму людей сила. Були тамъ всяки начальники, були и таки, що подати собирають, якъ отъ у насъ сипаки подушне правлять, а найстаршій надъ ними, якъ бы то у насъ асаула, бувъ чоловікъ, на имя Закхей. Не милостивый, та ще й несправедливый то бувъ чоловікъ: не вважавъ на бидного, на вдову, на сироту, дравъ зъ усихъ, скільки треба й не треба, та й чи мало соби добра придбавъ. Отъ одного часу приходитъ Господь до Іерихону. Люди вси такъ и пошли за нимъ, щобъ послухать ёго, або хоть поглянути на его. Побигъ и той Закхей, дарма що багатырь та нечестивецъ бувъ. Тильки одно, що сила людей ишла, а друге, що самъ малый на зреть бувъ, не мигъ ниде угледити Христа. Отъ забигъ винъ впередъ людей и вылизъ на дерево, на смоковницю, та такъ пыльненько дивитьця на Господа. А Господь до ёго: излизъ, рече, Закхее, днесъ бо подобае мени у тебе въ господи бути. Закхей поспихомъ злизъ зъ дерева, и ввивъ, и витавъ у

себе Христа. Спознавъ винъ, що то есть Сынъ Божій, спознавъ свои тяжкіи грихи, впавъ до нигъ его и каже: Господи, каже, отже половину добръ мого биднымъ отдамъ и що въ кого взявъ, вчетверо одверну. А люди ремствували на Христа: до гришныка, кажутъ, въ господу зайшовъ,—бо такихъ збирчикивъ и тоди ненавидили, якъ отъ у насъ асауливъ ти сишакъ. А Христось видытъ, якъ-то каитьця той гришникъ, тай каже ёму, що отъ сего дня спасеніе ёму, на те я й прыйшовъ, же бы гришникивъ спасти.

Въ такомъ же родѣ рассказываетъ, бывало, мнѣ отецъ о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о страшномъ судѣ, при-совокупляя къ этому благочестивыя наставленія. Этими онъ заставилъ меня быть внимательнымъ къ тому, что читается въ церкви. Не выучившись самъ грамотѣ, онъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, изустно научился многимъ евангельскимъ рассказамъ отъ о. Стефана.

Сказавши такъ много уже о моемъ ученіи, я ничего почти не сказалъ о моихъ учителяхъ. Ихъ было два, оба дьячки нашего же села. Первый Осипъ Грймайло: того я мало и помню. Высокій, сухой старикъ, очень строгій человекъ: билъ насъ «дисциплиною», ставилъ колѣнныи на горохъ и гречку; ходилъ стриженный въ какой-то козачкѣ и поверху опанча. Былъ онъ, кажется, изъ униатовъ, зналъ много кантовъ и набожныхъ пѣсенъ, училъ насъ виршамъ и въ Рождество и Пасху водилъ насъ по хатамъ съ поздравленіемъ. Когда онъ умеръ въ 1827 г., на его мѣсто опредѣленъ Ефимъ Сендерко, одинъ изъ сыновей его предѣльника, зашедшій къ намъ изъ херсонской губерніи. Отецъ его умеръ въ нашемъ же селѣ задолго до моего рожденія, а мать (звали ее Ефросинія) осталась въ крайней бѣдности съ нимъ и груднымъ еще братомъ Иванкомъ. Но вотъ какъ Богъ промышляетъ о сиротахъ. Несеть однажды въ сумерки эта бѣдная вдова воду изъ керницы, а на встрѣчу ей ѣдетъ бричкою панъ. Остановился и проситъ воды напиться. Дьячиха подставила переднее ведро. Панъ напился, поблагодарилъ, а потомъ спрашиваетъ:

— А не знаешь, молодичко, дебъ тутъ у васъ переночувать? Ничъ заходить, кони потомились.

— А коли ваша ласка, отвѣчаетъ Ефросинія, заиздить до моеи господы. Повозку можно заточить въ клуню, тамъ и кони на току стануть, а вашу милость до хаты просимо.

Панъ заѣхалъ во дворъ и расположился на ночлегъ. Молодая, пригожая дьячиха съ разу приглянулась ему и послѣ первыхъ распросовъ онъ нредложилъ ей ѣхать съ нимъ и выйти за него за мужъ.

— Тенерь, говорилъ онъ, я ѣду въ мѣстечко Кибличъ закупить тамъ плуги, рала, возы, колеса, вила, грабли, и пр., а оттуда заѣду за тобою и поѣдемъ вмѣстѣ. Будь готова!

Ефросинія согласилась и, не сказавъ никому ни слова, чрезъ нѣсколько дней ночью уѣхала изъ села съ возвращавшимся женихомъ, взявъ съ собою дѣтей и кое-какіе пожитки. «Пропала дьячиха», говорили долго въ селѣ, а потомъ и забыли объ ней.

Прошло много лѣтъ. Отецъ мой, доставлявшій чью-то пшеницу въ Одессу, на обратномъ пути подрядился съ другими чумаками доставить откуда-то камень въ село Ганское, херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, гдѣ строилась тогда большая каменная церковь. Привезли камень, свалили и пошли къ управляющему за расплатою. Тутъ на встрѣчу имъ жена управляющаго и съ радостнымъ крикомъ бросается къ отцу моему. Это и была наша дьячиха Ефросинія. Разговорились. Пошло угощеніе; накормили, напоили и подводчиковъ и воловъ; просили и въ другой разъ по пути заѣзжать. Въ слѣдующее лѣто отецъ, идучи въ Одессу съ пшеницей мимо Ганского, зашелъ провѣдать Ефросинію: но нашелъ ее уже въ крестьянской хатѣ, въ горѣ и слезахъ. Оказалось, что и второй мужъ ее умеръ, а какъ онъ былъ изъ крѣпостныхъ, то помѣщикъ засчиталъ и Ефросинію и ея сыновей, теперь уже почти взрослыхъ, въ число своихъ крестьянъ. Взмолилась Ефросинія къ отцу, чтобы не допустилъ ее пропасть на чужбинѣ, а отецъ сказалъ ей:

— Перебидууй до весны. На зиму попродай худобу, скажи, що ничимъ годувать; позбувай и все, що маешь въ хазяйствѣ,

такъ щобъ никто не догадувався, а на лито я буду зъ Адесу йти, то зайду за тобою противъ ночи, та й заберу тебе до Поборокъ, якъ колись ты звидить помандрувала зъ твоимъ небожчикомъ. А прибудемо до себе, то тамъ побалакаемо зъ громадою, та зробимо твого старшого сына дякомъ, а молодшого палама-ремъ; то й будешь ты при ихъ вику доживать.

Ефросинія съ радостью согласилась, въ точности исполнила совѣтъ отца и на слѣдующее лѣто была уже у насъ въ Поборокахъ. Къ тому времени умеръ старый нашъ Гримаило, пономаря жъ и давно у насъ не было; потому громада охотно приняла старшого Сендерка, Ефима, дячкомъ, а молодого Ивана пономаремъ. Такъ-то Сендерки стали моими учителями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оба они вышли во священники, старшій въ село Стну, а младшій въ село Малую Кропивну.

Ефимъ Сендерко былъ доброй души и веселаго нрава; любилъ съ нами школярами поигратъся и поѣтъ не только набожныя, но и мірскія пѣсни. Онъ-то и пріохотилъ насъ ходить на клирось. Молодой, здоровый и сильный, онъ умѣлъ при случаѣ постоять за себя и за другихъ.

Тогда великое навожденіе было народу не только отъ назовъ, но и отъ жидовъ. На водку былъ вездѣ откупъ, а откупщики и ихъ прислужники вездѣ были жиды. По сламъ въ корчмахъ такую съверную водку продавали, что пить было не возможно; разбавляли ее на половину водою, заправляли табакомъ, а брали вдвое дороже, чѣмъ за самую лучшую водку. Не возможно было человѣку справить крестины или свадьбу, доставши водки на сторонѣ. Сей часъ пронюхаютъ жидки и явятся во время угощенія, и когда отыщутъ чужую водку, совѣмъ ограбятъ человѣка. На проводахъ, на храму, на обѣдахъ общественныхъ, и тутъ было явятся жидовскіе сыщики. Принялись наконецъ и за духовныхъ. Вотъ какъ-то на 4-й или 5-й день Пасхи пришли мы въ школу и сидимъ, ожидая своего учителя-дьяка, котораго сосѣди попросили въ гости. Приходить въ школу приказчикъ нашего арендаря Маіорки, Хаймъ, съ сотесними и понятами и спрашиваетъ насъ, гдѣ дьякъ. Мы отвѣчаемъ:

не знаемъ.—Ну, а въ ёго чужа горилка? спрашиваетъ опять Хаимъ и, не дождавшись отвѣта, лѣзетъ къ сундуку, стучить сверху и по бокамъ, нюхаетъ крышку сундука. Но какъ хозяина не было дома, то Хаимъ и не рѣшился больше ничего сдѣлать и съ тѣмъ ушелъ. Мы тотъ часъ къ дяку и рассказали, какъ приходилъ Хаимъ «трусить горилки».

— Добре, хлопци, бижить же до корчмы та скажить жидамъ, що дякъ уже дома, говорить намъ Сендерко, а самъ, распрощавшись съ сосѣдями, пошелъ домой.

Приходимъ мы отъ корчмы и видимъ, стоитъ нашъ учитель среди школы, рукава засучены, самъ веселый, довольный, а у стола «добрый кіекъ».

Погуляйте тамъ соби на двори, говоритъ намъ, а самъ принялся прибирать что-то въ школѣ. Мы вышли на дворъ. Своро появился Хаимъ съ сельскою полиціею. Дьякъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ и, лишь только тотъ переступилъ порогъ, тотъ часъ захлопнулъ за нимъ дверь на засовку и давай «латать» его дубинкою на всѣ бока. Хаимъ не своимъ голосомъ кричалъ: «гвултъ! ратуйте!» Но никто не спѣшилъ оборонять его: сотскіе и понятые—свои люди только для виду потолкались въ дверь и равнодушно слушали тяжелые удары дьяка и отчаянные крики жида. Сбѣжались люди изъ села, прибѣжала жидова отъ корчмы. Люди потѣшались, жида голосили: «ой вей миръ! гвултъ!» а дьякъ, втащивъ Хаима въ школу и поваливъ на полъ, билъ его руками и ногами. Вдругъ сѣни растворились и оттуда полетѣлъ, перекувыркнувшись раза три, Хаимъ. Всѣ расхохотались, а развирѣпѣвшій дякъ крикнулъ намъ: «быйте жидивъ, женить ихъ до корчмы!» И мы бросились на оторопѣлыхъ жидовъ и погнали ихъ передъ собою, какъ стадо барановъ, сбивая съ нихъ ермолки и патынки, обрывая лапсердаки и бросая въ нихъ, чѣмъ понало.

Прогнавъ жидовъ до корчмы, мы возвращались съ торжествующимъ видомъ къ нашему учителю. Онъ высоко стоялъ въ нашемъ и всѣхъ людей мѣнни. При насъ пришелъ батюшка и говорить, смѣясь, дьячку:

— А це ты, Юхиме, на Амалыка ходивъ?

— А ходивъ, батюшечка, отвѣчаетъ Ефимъ.

— И ребра ему сокрушивъ?

— А сокрушивъ, батюшечка. Бггь мени допомигъ, якъ Давидови на Голиаѳа.

— Гляди, Юхиме, щобъ тобі чого не було, закончилъ батюшка и съ тѣмъ пошелъ.

Ефимъ съѣздилъ къ благочинному и возвратился оттуда веселый.

— А що благочинный? спрашиваютъ его.

— А що жъ? отвѣчаетъ Ефимъ. Питавъ, чи хорошенко побивъ.—Здаетьця, кажу, рукъ не жаливъ.—То-то, говорить, надо бы еще лучше, а самъ сміетьця.

Тѣмъ и кончилась вся эта исторія. Скажу больше: жидаки присмирѣли и не смѣли уже являться для обысковъ, по крайней мѣрѣ во время общественныхъ обѣдовъ въ поминальные дни и въ храмовый праздникъ. Самъ свѣсивый Маіорко приходилъ къ дяку Ефиму просить прощенія за своего повѣреннаго и принесъ въ подарокъ два гарнца водки, которые дякъ передалъ бывшимъ при той оказіи людямъ. Миръ былъ заключенъ; но жидаки продолжали понтъ народъ одурманенною водкою и сосать съ него кровь. Кто захотѣлъ бы строго судить дяка Ефима за его жестокую расправу съ жидами, тому слѣдовало бы знать, какъ нахальны и безчеловѣчны были жидаки съ тѣмъ, у кого находили хоть рюмку не ихней откупной водки. Расправа Ефима, конечно, дикая; но онъ поступалъ только по жидовскому закону: око за око и зубъ за зубъ, а жидаки, кромѣ того, что били, еще грабили и обманывали.

Съ дѣтства не зналъ я праздности и съ самыхъ раннихъ лѣтъ, по мѣрѣ возраста и силы, исполнялъ все хозяйственныя работы, домашнія и полевые. Сперва я пасъ гусенятъ, поросятъ и ягнятъ, потомъ отецъ сталъ брать меня въ помощь себѣ до плуга, или до рала, посылать въ поле съ волами на пастбу и употреблять на всякую не трудную работу, а лѣтъ съ 13-ти посылалъ меня и на панцину. Работа для своего хозяйства,

дома или въ полѣ, никогда не тяготила меня; напротивъ, переночевать напр. съ волами гдѣ нибудь въ балкѣ, или подъ лѣсомъ, въ звѣздную либо лунную ночь и пригонять по утренней росѣ домой воловъ съ восходомъ солнца составляло для меня величайшее наслажденіе. Иное дѣло работа на панщинѣ, весь день безъ отдыха, когда солнце прожигаетъ тебя насквозь, а надъ шеей у тебя торчитъ эконокъ или писарь, асаулъ или си-нака, то и дѣло понукая къ работѣ бранью, палкою или кнутомъ. Однажды пришлось мнѣ возить панское жито съ поля и подавать снопы на скирду. Скирда высокая, снопы тяжелые: поднимаешь снопъ, руки и ноги дрожать, въ глазахъ потемнѣть. Снопъ за снопомъ, жара нестерпимая, выбился я изъ силъ. Размахнулся еще однимъ снопомъ, чтобъ выбросить его вверхъ на скирду, вилы повернулись въ рукахъ, снопъ съѣхалъ на рогъ, распахнулъ вилы и грохнулся на землю такъ, что зерно посыпалось вокругъ. Вдругъ какъ потянетъ меня писарь «пугою» сзади черезъ плечо и самымъ концемъ по мокрой отъ поту груди, —я такъ и шарахнулся съ воза. Подняли меня, едва водою отлили. Идти я уже не могъ и меня отвезли домой. Вся грудь мнѣ распухла, со мною сдѣлалась горячка и я пролежалъ около двухъ недѣль. Мнѣ было тогда лѣтъ 15-ть, и это было первое крещеніе панскимъ нагаемъ.

Къ счастью, отецъ мой былъ зажиточный человѣкъ, держалъ наймита, который большею частію выручалъ меня и его въ отбываніи панщины, пока я не выросъ и не сталъ самъ хозяиномъ.

Имѣя чѣмъ выручиться дома, отецъ мой въ лѣтнее и осеннее время предавался любимому своему занятію— *чумачить*, доставляя на собственныхъ волахъ въ Одессу большею частію чужую, а иногда и свою пшеницу, а на обратномъ пути подряжаясь перевозить другія тяжести въ ближайшіе къ главной дорогѣ пункты, или привозя за собственные деньги соль или рыбу для продажи по ярмаркамъ. Еще 7-ми лѣтъ отецъ въ первый разъ взялъ меня съ собою въ такую далекую дорогу, а когда я подросъ, посылалъ меня съ другими и такъ пріохотилъ меня къ

этому дѣлу, что я 25 разъ сходилъ въ Одессу съ пшеницей, а однажды доставлялъ въ Николаевъ дубы для кораблей. Ничего пріятнѣе и представить я себѣ не могу, какъ это путешествіе въ теченіи пяти, шести, иногда и больше недѣль, особливо въ лѣтнюю пору.

Вздили чумаки валкою, воровъ 50—60, иногда и больше. Херсонская губернія, по которой пролегалла большая часть нашего пути, была тогда еще очень мало заселена. Цѣлые дни бывало идемъ и не встрѣтимъ души живой; въ рѣдкій день встрѣтимъ на пути какой либо хуторъ или село въ сторонѣ отъ дороги. Выступали мы послѣ ночлега съ утренней зарей. Взойдетъ солнце и освѣтитъ намъ путь. Кругомъ все степь: куда ни глянешь, конца ей не видно; широкая, ровная, чуть-чуть подымается мѣстами; вездѣ густыя, высокія травы, а въ нихъ безъ числа всякихъ цвѣтовъ; солнце блеститъ на нихъ такъ, что глаза слѣпнеть. Одно слово: море при восходѣ солнца. А вдоль этого зеленого безбрежнаго моря черной лентой чуть замѣтно вьется ровная, твердая дорога. Валка растянется чуть не на полверсты. Волы идутъ «вольною ступою», покачивая круторогими головами. Прочныя, свѣже подмазанныя вozy широкими ободьями чуть замѣтно катятся по широкой дорогѣ. Ни скрипу, ни стуку. Широко шагаетъ передній чумакъ, помахивая безъ нужды батономъ, *вартвовники*, сторожившіе всю ночь воловъ, хранятъ, растянувшись на возахъ; молчаливо, задумчиво идутъ старики, каждый около своихъ воловъ, молодые весело поглядываютъ вверхъ и по сторонамъ, иной пѣною затыкаетъ, другой достаетъ длиннымъ батономъ перебѣгающаго черезъ дорогу овражка, тотъ окликаетъ своихъ круторогихъ. Копошится и жужжитъ въ травѣ насѣкомая тварь, весело порхаютъ и поютъ птички надъ головой. Всякое дыханіе хвалитъ Господа по своему. Въ воздухѣ благодать, въ душѣ истинный рай. Невольно припоминаешь слова псалтири: *Изыдетъ человекъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера. Господи, вся премудростію Твоею сотворилъ еси!*

Подобьется солнце къ полудню, попристанутъ волы; пора нашу варить. Спустимся гдѣ либо въ балку, готовая паша и

водопой; тогда еще рѣдко гдѣ платили за это. Достаемъ щепки изъ воза, запасаецъ дровъ или кизягу, разставляемъ триногъ, нацѣпляемъ котелокъ. Тутъ, какъ въ семьѣ, всякій знаетъ свою работу. Часъ-другой и каша готова. Кто не ѣдалъ каши въ степи послѣ нѣсколькихъ часовъ утренней ходьбы, тотъ не испыталъ настоящаго аппетита и чувства удовольствія отъ пищи.

Въ жаркіе дни привалъ длится часа четыре и мы отдыхаемъ въ тѣни воевъ; въ дни пасмурные и прохладные снимаемся раннѣе, дѣлаемъ еще одинъ короткій привалъ, а съ заходомъ солнца останавливаемся на ночлегъ, гдѣ поближе кормъ и водопой. Вечеромъ большею частію варили галушки. За «вечерей» шли веселые рассказы, раздавались шутки, прибаутки. Иногда кто нибудь наигрывалъ на «сопилку», молодежь пускалась въ плясъ, пѣла пѣсни, особлява, если удавалось гдѣ либо застать и подкрѣпиться водкой. Но случалось это больше на обратномъ пути, когда чумаки получали деньги за провозъ.

Такъ тянулись дни и недѣли. Дневные привалы смѣнялись ночлегами, какъ каша галушками и галушки кашей. Казалось, конца нѣтъ степи и дорогъ; а все таки придемъ наконецъ въ Одессу и домой возвращаемся.

Въ дорогѣ, въ компаніи чумаковъ, соблюдался самый строгій порядокъ. Въ самомъ началѣ пути сошедшіеся изъ разныхъ сель чумаки избирали себѣ атамана, который и распорядился всѣмъ въ дорогѣ, по чумацкому обычаю, съ общаго совѣта и согласія въ случаяхъ неожиданныхъ и болѣе важныхъ. По его командѣ снимались съ привала и останавливались на новый. Онъ велъ всѣ дорожные расходы и счета, назначалъ по очереди «вартовниковъ», мирилъ ссорящихся, удерживалъ отъ буйства и дракъ, а тѣмъ болѣе отъ обидъ кому либо изъ встрѣчающихся въ дорогѣ и на ночлегахъ, журилъ неисправныхъ и сонливыхъ, во всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ, а особливо при сдачѣ груза и расчетѣ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всѣхъ. Мнѣ не было еще 18 лѣтъ, какъ меня выбрали однажды атаманомъ, и этимъ я обязанъ главнымъ образомъ тому, что умѣлъ читать и писать. «Вартовники» назначались не только для воловъ,

но и для возовъ. Все пропавшее по ихъ прямой винѣ взыскивалось съ нихъ; въ чемъ вина ихъ не могла быть доказана, то вознаграждалось на общій счетъ. Всякое несчастье съ гѣмъ либо изъ чумаковъ, а особливо болѣзнь, считалось общимъ всей валки горемъ и всѣ старались помочь впавшему въ бѣду; за то обидѣвшихъ кого либо, а особливо уличенныхъ въ кражѣ, били нещадно батогами, по общему приговору.

Въ воскресенье, въ праздникъ чумагъ ни за что не тронется въ дорогу, но даетъ въ эти дни покой себѣ и скотинѣ. По дорогѣ попадались церкви—наши, румынскія и болгарскія. Оставимъ было вартовниковъ при волахъ и возахъ, а сами идемъ въ церковь. Я, какъ умѣлъ читать и пѣть, еще малымъ будучи, становился на клиросъ и пѣлъ даже въ румынскихъ церквахъ, хотя одно только «*Домине милосѣити*». Народъ вездѣ почти былъ зажиточный и гостепріимный: завидя чумаковъ и разбираютъ изъ церкви по хатамъ на обѣдъ. Мнѣ, какъ помогавшему на клиросѣ, доставалась наибольшая честь и угощеніе; скорѣе всего запросить къ себѣ дьячекъ, а иногда и священникъ; напоить, накормить, еще и на дорогу чего нибудь съѣтнаго дадутъ. Такъ-то угостили меня съ отцемъ въ Ганскомъ, гдѣ я пѣлъ съ сыновьями управляющаго Сендерка, не зная, что придется быть у нихъ школяромъ. А то разъ выпало мнѣ заступить какъ бы священника и дьячка вмѣстѣ. Приходимъ мы въ слободу Кошкову, имѣніе Потоцкаго. Вдругъ на встрѣчу намъ люди.

— Чи не ма у васъ, спрашиваютъ, письменного. У насъ померъ богатый старый чоловикъ, а никому псалтырь почитать.

— Есть, отвѣчаемъ мы. Щобъ то мы за чумаки, щобъ межъ нами письменного не було.

— То становитьця, будьте ласкави, до насъ на ночлигъ; все одно вечеръ заходять. Выпрягайте волю, нехай пасуться зъ нашими, а вы йдуть до насъ уси на вечерю, а той нехай псалтырь чита.

Мы охотно согласились, ибо не только день кончался, но небо заволокло тучами. Два дня шелъ дождь; два дня читалъ я псалтырь. Звали насъ обѣдать и вечерять; волю поправились

и мы подгрѣпились и отъ непогоды укрылись. На третій день пришлось хоронить. Мнѣ подали святую воду и кропило изъ васильковъ; я окропиль гробъ и покойника. Тѣло вложили въ гробъ и понесли до могилы, а я всю дорогу пѣлъ: *Святый Боже*. Надъ могилой сговорилъ всѣ: *Отче нашъ*, а я сказалъ и пропѣлъ *вѣчную память*. Такъ похоронили безъ священника, котораго и за 100 верстъ нельзя было достать. Такъ и чумаковъ хоронили, а случалось, что чумакъ чумаку въ степи передъ смертью исповѣдывался, а тотъ, приди домой, передавалъ исповѣдь священнику. Нужда законъ измѣняетъ. Такъ и съ нами теперь было. Похоронили, а потомъ зазвали насъ на обѣдъ, угощали щиро, еще и сѣна на возы наклали намъ много.

Но не всегда чумаковъ ждали одни пріятности въ дорогѣ и не всякому чумаку бывала удача въ его дѣлахъ. Кому неизвѣстна пѣсня:

Ой ходивъ чумагъ симъ ригъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.

Или кто не слышалъ другой:

А вже чумагъ та й дочумаковався,
Нема свиты, жовухъ обидрався.

Нельзя по одному лѣтнему походу судить о пріятности другаго такого же похода; нельзя по одному удачному обороту заключать о доходности вообще чумацкаго дѣла. Случаются съ чумаками всякія несчастья въ дорогѣ; случаются съ ними крупныя неудачи, разрушающія иногда всю ихъ жизнь. «Нихто такъ усердно, говорили у насъ, Богу не молится, якъ матросъ на морѣ, а чумагъ въ дорози». Самый тяжкій бичъ для чумака — это знойное лѣто. Выгорить трава, засуха страшная, умалится и водопой, негдѣ накормить и напоить скотинку. Стоить жара невыносимая, по дорогѣ пыль столбомъ; волы задыхаются и млѣють, отъ поту изъ сѣрыхъ становятся черными; не рѣдко останавливаются, тяжело поводятъ бѣками, слезы каплютъ изъ глазъ. Въ нѣсколько дней скотина теряетъ тѣло и силу; не можетъ ѣсть, не хочетъ пить. Лежатъ волы, лежимъ и

мы, какъ мертвецы, у возовъ. А коли издохъ волъ у чумака, пропалъ весь его лѣтній заработокъ. Въ иное лѣто вмѣсто засухи льетъ дождь по цѣлымъ недѣлямъ. Новая бѣда для чумака: раскиснетъ дорога, позамокаютъ возы, попрѣютъ шеи у воловъ, стоимъ по цѣлымъ днямъ, время и деньги теряемъ; а каково намъ цѣлыя недѣли на дождь и холодъ пробыть, о томъ не говорю. Чумаковъ въ собственную кладью, съ пшеницей въ Одессу и съ солью изъ Крыму, немного; большею частью это извощики. Подрядятся съ зимы или ранней весны въ извозъ и деньги впередъ заберутъ; а при неудавшейся дорогѣ приходится послѣднее продавать, чтобъ выполнить подрядъ и пополнить убытки.

Бывали и другія приключенія въ дорогѣ. Въ херсонскихъ степяхъ жило тогда хуторами не мало волоховъ, оставшихся отъ перваго заселенія тѣхъ мѣстъ; теперь ихъ и слѣда уже нѣтъ. Немилосердые то люди были и промышляли надъ нашимъ братомъ чумакомъ за потраву будто ихъ посѣвовъ и сѣнокосовъ. Вотъ какой случай былъ съ нами.

Проѣхали мы село Жеребково, ананьевскаго уѣзда, вышли въ степь, выбрали догодное мѣсто и такъ въ обѣдъ остановились попасать. Пovýпрягали воловъ; волы пасутся, а мы кашу варимъ. Откуда ни возьмись волохъ на лошади верхомъ. Подъѣхалъ къ воламъ, отбилъ изъ гурта одного вола и погналъ передъ собою. Мы повывлазили на возы и смотримъ, куда онъ погонитъ. Видимъ, за горбкомъ въ балкѣ труба отъ хатъ показалась, значить хуторъ; туда и погналъ волохъ вола и все немилосердно бьетъ его арапникомъ. Отрядили мы троихъ товарищей выручать вола. Приходятъ они къ тому хутору; видятъ, богатые люди живутъ: хаты порядочныя, огороды хорошіе, много хлѣба, скота, работниковъ. Только стали въ балгу спускаться, а на встрѣчу имъ два волоха, отецъ и сынъ,—тотъ самый, что вола угналъ. Кланяются имъ наши, просятъ вола отдать, а тѣ какъ накинутся на нихъ:

— А мой чумакъ арнавать пасъ, сякой такой сынъ, польщагъ..., кричатъ оба волохи, траву рвутъ и со злостію броса-

ють нашимъ въ глаза, давая тѣмъ знать, что наши вола попортили ихъ пшеницу арнаутку.

Наши кланялись, просили, ничто не помогаетъ: волохи ругаются и безъ выкупа вола не отдають, а выкупа требуютъ 20 руб. Бились наши до вечера, за совѣтомъ къ намъ приходили и опять къ волохамъ ходили, упрашивали ихъ всячески, кланялись до земли, руки и ноги цѣловали, но ничего не успѣли. Только на другой день богатые волохи выпустили вола, взявъ выкупу вмѣсто 20 руб. только 20 коп. А волъ все время стоялъ голодный, не ѣвши, не пивши. Пригнали его чуть живаго. Надо было опять стоять, чтобы подкрѣпить вола. Не столько уже намъ вола и денегъ жаль было, сколько безчестія, которое приняли наши отъ волоховъ. По свойственной человѣку склонности къ мщению рѣшились мы наказать волоховъ.

Стоимъ мы; кашу сварили и сѣли обѣдать. Смотримъ, а волохъ изъ-за могилы верхомъ опять ѣдетъ къ намъ. Побоялись мы, что опять вола отобьеть, и давай скорѣе воловъ запрягать. Но видимъ, волохъ за полверсты отъ насъ повернулъ въ бокъ и поѣхалъ къ Жеребковой.

— Дивитьця, хлопцы, кричить одинъ изъ нашихъ; въ его кульбаки коло сидла; тамъ у трокахъ въ его баклажки, або барильця, и то напевне винъ ѣде по дешеvu до Жеребковой.

Присмотрѣлись, такъ и есть. Рѣшили мы выждать волоха и отплатить ему за обиду. Проѣхали нѣсколько впередъ и остановились. Вызвалось пять охотниковъ на волоха, а въ числѣ ихъ сторожъ церковный Исаакъ, ростомъ въ сажень. Попли они на перерѣзъ волоху; четверо спрятались въ кустахъ, а Исаакъ пошелъ къ сапавшимъ невдалекѣ баштанъ. Заговорился съ ними, какъ тутъ и волохъ. Исаакъ къ нему и спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ еще одного нашего вола. Хитрость удалась; волохъ остановился. Тогда Исаакъ схватилъ лошадь за поводья, свиснулъ на своихъ, а волоха въ мигъ стащилъ съ коня. Прибѣжали наши, забрали водку и лошадь, а волоха пустили. Усѣлись мы и пьемъ водку, какъ бѣгутъ волохи лошадь выручать. Отплатили же мы имъ: потребовали съ нихъ 50 р., грозя иначе до-

ставить корчемную водку въ контору откупщика. Накланялись и намъ волохи, а кончили мы тѣмъ, что взяли съ нихъ 8 руб. и 4 изъ нихъ отдали въ Ананьевѣ на церковь, а на 4 купили рыбы до ваши.

— Не по христіански мы поступили, говорю я потомъ товарищамъ.

— Може воно й такъ, отвѣчали они; а все жъ таки на другій разъ волохамъ осторога буде.

Но осторога для однихъ не остановила другихъ, худшихъ людей, и въ слѣдующемъ году мы чуть было не лишились въ другомъ уже мѣстѣ пары воловъ. Шли мы въ обратный путь изъ Одессы и шли «порожнемъ», безъ клади. Было уже послѣ Покрова; время позднее, холодное; негдѣ покормить воловъ, развѣ попить. Говорили тогда, что по дорогѣ грабятъ, разбиваютъ, убиваютъ, да мы на то не смотрѣли. Прошли уже верстъ сто, съ лишнимъ даже. Спустились въ одномъ мѣстѣ въ балку; видимъ, трава при дорогѣ такая, хоть коси. Остановились мы, пустили на пашу воловъ, повечеряли и спать легли. Небо звѣздное, ясное, все видно. «Вартовники» ходятъ окола воловъ. Вдругъ видить одинъ, двое разбойниковъ съ топорами въ рукахъ выползли изъ обрыва, отбили пару наилучшихъ воловъ и погнали. Вартовникъ испугался, шепнулъ товарищу, а тотъ скорѣе къ намъ. Погнались мы гуртомъ, скоро догнали и оцѣпили воровъ. Кричимъ: «сдавайтесь!» А они съ топорами противъ насъ: «хто, говорятъ, подступитъ, тильки вже хлиба ѡвъ». — «Намъ и пидступать не треба, отвѣчаемъ имъ; стійте оттакъ, поки съвить, а тоди мы вамъ дамо рады». Грызлись они съ нами, бросались на насъ, а мы на нихъ, наконецъ сдались. Скрутили мы имъ руки назадъ и повели до валки на судъ. Стали судить. Одни говорятъ: «зъ якои обрывы вылизлы, туда ихъ сторчъ головами», другіе говорятъ: «батогами ихъ обчухратъ, по чумацькому звичаю», третьи говорятъ: «привяжемо до возивъ на ничъ, а раненько до станового приставимъ». — «Э, говорю (а я въ тотъ разъ атаманомъ былъ), браття; въ прирву кинемъ, души загубимъ; пидъ батоги визьмемъ, часомъ не уважимъ, а до стано-

вого—одна тяганина». Не слушаютъ, спорятъ; кто на батоги приставалъ, и тѣ кричатъ: «убить ихъ въ смерть». А воры лезть у насъ въ ногахъ, плачутъ, молятъ. Спорило еще товариство, а потомъ видятъ, что до ладу дать не можно, говорятъ: «ну, якъ панъ отаманъ розсудить, на те й пристанемъ».

— А коли такъ, говорю, то отъ якъ буде.

Всѣ притихли. Я досталъ чистый ручникъ, положилъ его на *vijя*, а на немъ хлѣбъ и сверху дрибочокъ соли и говорю ворамъ: «нехай васъ Богъ та хлѣбъ и силъ побьютъ, а мы васъ бить, а ни вбивать не будемъ. Идить себи, звиткиль взялись». И развязалъ имъ скрученныя назадъ руки.

Воры пали предъ нами на колѣни, цѣловали у всѣхъ руки и ноги, горько каялись въ своихъ грабежахъ и убійствахъ, глялись впредъ пальцемъ никого не тронуть. Всѣ радовались, а у кого и слезы на очи выступили.

— Господи! подумалъ я: какая-же то радость на небѣ бываетъ, когда Богъ грѣшника простить!

На сей разъ мы только страхомъ отдѣлались, а съ другими чумаками и не то бывало. Не говорю: воловъ украдутъ,—стой тогда валка!—а то ограбятъ еще и убьютъ. Въ степяхъ херсонскихъ было тогда еще много бродягъ, воровъ и разбойниковъ. Въ темную ночь подкрадутся къ возамъ, отобьютъ сундучокъ съ деньгами и уйдутъ. А случалось, днемъ верхами налетятъ, захватятъ свиту, кожухъ или торбу съ саломъ либо пшеномъ и драла. Ищи вѣтра въ полѣ!

Когда наконецъ прибудемъ бывало въ Одессу, какъ камень съ плечей свалимъ. Но тутъ новая бѣда отъ жидовъ, безъ которыхъ никакого товару ни продать, ни сдать нельзя. Станемъ пшеницу ссыпать, расчетъ брать, жидъ непременно какого нибудь фагля выкинетъ, чтобы обмануть и обсчитать. Говорили у насъ: жидъ и хлѣба въ ротъ не возьметъ, пока не обманетъ кого. Выпала рааъ и на мою долю такая штука, да Богъ помогъ мнѣ одолѣть жидовъ.

Было это въ 1839 году. Мнѣ тогда было уже 19 лѣтъ. Привозимъ мы пшеницу въ Одессу какому-то купцу Хаиму. Ну,

извѣстно, купца не скоро у видишь. Обступили насъ приказчики, все жида, гергочуть по своему, кто ихъ тамъ разбереть. Сказали къ амбару подъѣзжать, мѣшки на гору, на 2-й этажъ носить. Оставалось на моемъ возу еще два мѣшка, когда одинъ изъ послѣднихъ я понесъ по лѣстницѣ вверхъ. Какъ разъ въ это время воды мон, отъ мухъ ли, или отъ чего другаго, перешли на другую сторону улицы, а на мѣсто моего воза сталъ другой. Замѣтили это жида и подняли гвалтъ:

— А, злодіи, пшеницу сховали!

— Хйба, говорю, тоби powyлазили, не бачишь, що воды зъ миста рушили, поки я вернусь.

-- Добре рушили! самъ нагнавъ, а може кого напрохавъ... Обманщики, злодіи! кричатъ жида и добавляють, что можетъ быть уже не одинъ возъ съ мѣшками отъѣхалъ.

— Та же ты, нависный жиде, на миру прыймаешь, а не на мишки: ну, то миряй! говорю я ему.

Но нѣтъ, слушать не хотятъ жида и все кричатъ: «злодіи, пшеницю покрали». Уже перемерѣрили, сосчитали, на четверть, больше вышло, а они все свое. Пошли мы къ купцу за деньгами и квитанцію, приказчики насъ не допустили. Деньги мы, правда, часть впередъ взяли; но тутъ по уговору намъ слѣдовало по 1 рублю съ воза, а всего 40 рублей; безъ квитанціи жь мы не могли дома остальныхъ денегъ получить.

Вернулись мы къ своимъ возамъ и не знаемъ, что дѣлать. Сижу я и грызу сухарь; идетъ бѣдный человекъ и проситъ хлѣба. Я далъ ему сухарей и спрашиваю, кому намъ на жидовъ жаловаться, рассказываю, какъ насъ жида обидѣли.

— Въ часть, говорить, идить.

— А часть, спрашиваю, за нами потягне, чи за купцемъ?

— А за купцемъ.

— А дежъ намъ правды шувать?

— До полиціи йдить.

— А полиція за нами постоить?

— Ни, и полиція за купцемъ; бо купци полиціи гостынци на праздыны посылають и такъ хабаря дають.

Лиха наша година, думаю себѣ; а впрочемъ что Богъ дастъ. Подбиваю двухъ стариковъ въ полицію съ жалобою идти.

— Побый ихъ сила Бога тихъ жидивъ! Ще засудятъ насъ, отвѣчаютъ старики, а потомъ согласились.

Пришли мы въ полицію, жалуемся полицмейстеру; такъ и такъ, говоримъ.

— Ваше, говоримъ, благородіе! Змилуйтесь надъ нами бѣдными чумаками: обѣдивъ насъ купецъ на вики.

— Пойдите, говоритъ онъ, распросивши насъ и записавши наши фамиліи. Пошелъ въ другую комнату, позвалъ какого-то писаря и скоро выслалъ къ намъ присяжнаго—солдата съ бумагою.

Вышли мы съ присяжнымъ на улицу, а онъ такой веселый, отошелъ немного и говоритъ намъ:

— Эхъ, вы чумачки, не будьте дурачки. Вотъ повѣстка до купца, чтобы шелъ въ полицію на расправу. Купецъ не пойдетъ; ему стыдно въ полиціи съ чумаками судиться; онъ будетъ говорить: я имъ давалъ старые карбованцы, а они не захотѣли брать, требовали новыхъ. Я буду бранить васъ, кричать на васъ; но вы ничего не говорите. Купецъ деньги отдастъ, а вы мнѣ око вина купите. Хорошо?

— Добре, говоримъ, купимо; а сами думаемъ: отъ тагъ штука!

Приходимъ къ купцу. Присяжный пошелъ къ нему въ комнаты, а насъ прикащики не пустили, еще «злодіями» называли насъ и ругали. Выходитъ присяжный, а за нимъ купецъ. Присяжный на насъ съ кулаками:

— Ахъ, вы сягіе такіе, вамъ деньги даютъ, а вы не хотите брать, да еще жалуетесь.

— Какихъ же имъ еще денегъ нужно? говоритъ купецъ, бросая на столъ старые елисаветинскіе рубли. Сдается мнѣ, что эти старые лучше еще, какъ новые. Я давалъ имъ, а они... извѣстно, мужикъ.

Дивуемся мы. Я таки не вытерпѣлъ: дававъ, говорю, тзъ кишени не выймавъ.

А присяжный на меня багъ крикнетъ:

— Получай деньги и убирайся, а то я тебя расколочу.

Мы скорѣе деньги со стола, да въ двери. Вышли на улицу, пересчитали: 40 рублей старыми карбованцами. Радуюсь мы и опять говоримъ: отъ такъ штука! Какъ догоняетъ насъ, не скоро, правда, присяжный, тычетъ въ руки квитанцію и говоритъ: — Ну, спасибо вамъ чумаки. Около васъ и я поживился,—и показываетъ намъ десятирублевую ассигнацію, что получилъ отъ купца.—Ну, говоритъ; теперь могорычъ: уговоръ паче денегъ.

Купили мы ему око вина; купилъ и намъ онъ око-жь вина. Съ тѣмъ и попрощались.

— А що? говоритъ одинъ изъ нашихъ. Хотивъ купецъ выдры, такъ самъ ледви выдержалъ!

Занятый нѣсколько лѣтъ подъ рядъ чумачкою, проводя все почти лѣто и осень въ далекихъ дорогахъ, думая только о томъ, какъ бы благополучно совершить путь и возвратиться съ заработкомъ, я никогда не приходилъ къ мысли о женитьбѣ, да и не представлялось мнѣ повода и случая къ избранію себѣ подруги жизни. Вдали, могу сказать, отъ жизни, ея утѣхъ и соблазновъ воспитали меня мои родители; не зналъ я ни «улыци», ни «вечерныцъ», ни другихъ сельскихъ собраній, гдѣ сходятся и сближаются молодые люди обоого пола, и родители сами должны были напомнить мнѣ о женитьбѣ, когда мнѣ минулъ 22-й годъ. Въ крестьянскомъ быту не рѣдкость и то, что отецъ самъ указываетъ сыну невѣсту; такъ случилось это и со мною. Посылалъ меня отецъ вмѣстѣ съ сватами къ одному крестьянину въ сосѣднее село Метановку «на оглядины». Говорили тутъ за меня сваты, но ничего изъ того не вышло. Отецъ рѣшился самъ ѣхать со мною въ Метановку, но въ сельскомъ быту считается за стыдъ для всѣхъ сельчанъ, если кто не находитъ на мѣстѣ невѣсты и ищетъ ее на сторонѣ и потому сосѣди наши отсовѣтовали отцу моему задуманную имъ поѣздку и указали невѣсту для меня у крестьянина нашего села, Софрона Гонорука, на которой, послѣ обычныхъ обрядовъ сватовства, и женили меня. Случилось это въ 1843 году послѣ свѣтлыхъ праздниковъ.

Жену мою звали Агафьей; была она очень добрая, благо- нравная и вмѣстѣ съ тѣмъ проворная и пригожая женщина, Когда она шла за меня, ей едва исполнилось 16 лѣтъ. Любовь должна была прійти съ супружествомъ, и она дѣйствительно пришла, но не на долго. Еще во время нашей свадьбы одинъ юродствовавшій сродникъ моей жены, по имени Лаврентій Криво- рукій, предсказывалъ намъ, что мы проживемъ вмѣстѣ не болѣе шести лѣтъ и что чрезъ 6 лѣтъ моя Агафія умретъ. Другой родственникъ съ моей стороны, слѣпой 70-ти лѣтній старикъ предсказывалъ намъ тоже самое. «Отъ», говорилъ онъ, «въ яку гарну пару сдруживъ васъ Богъ, та не довго будете вы вкупи жити, скоро васъ Господь распаруе». Ужасно было для насъ такое предсказаніе въ самый день свадьбы, и какъ ни странно, но это дѣйствительно сбылось. Напуганные имъ, мы не могли отвязаться отъ мысли, что намъ не долго жить вмѣстѣ и это наложило особую печать на нашу супружескую жизнь. Уже на 5-й день послѣ свадьбы, когда моя жена отправлялась въ Кіевъ на богомолье и поклоненіе мощамъ св. угодниковъ Божіихъ, мнѣ невольно пришло на мысль: а что если, не дай Богъ, жена моя заболѣетъ и умретъ въ дорогѣ, или въ Кіевѣ! Невольный страхъ охватилъ меня; но я тогда же подумалъ, что не женился бы ни за что въ другой разъ, а посвятилъ бы себя на служеніе Богу. Въ свою очередь жена, не смотря на молодость, полную силъ и здоровья, не рѣдко поддавалась грусти, навѣваемой ужаснымъ предсказаніемъ, и только ежедневная злоба дня и хлопоты, неизбѣжныя при вступленіи въ новую жизнь, мало по малу отгоняли отъ насъ мысль объ ожидавшемъ насъ несчастіи.

Жили мы сначала не отдѣльнымъ хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ моими родителями, и никогда не возникало у насъ никакого несогласія. Жена скоро привязалась ко мнѣ, какъ и я къ ней, и жили мы съ нею въ полной любви и согласіи. При совмѣст- номъ хозяйствѣ съ родителями и щедрой помощи моего тестя не терпѣли мы ни въ чемъ недостатка. Умѣлъ я довольно искусно владѣть топоромъ: дѣлалъ самъ плуги, рала, бороны, колеса, ульи, учился гнуть ободья, не безъ успѣха занимался бондар-

ствомъ, шилъ, когда было нужно, сапоги и отчасти не дурно ткалъ полотна на ткацкомъ станкѣ, выучившись этому ремеслу отъ отца. Много помогало все это въ хозяйствѣ и приумножало наши достатки. Только и несчастія испыталъ я за первые года супружества, что злые люди украли у меня пару лошадей, и мнѣ пришлось, отыскивая ихъ, побывать въ Жашковѣ и Бердичевѣ, извѣстныхъ издавна своими «злодійскими» ярмарками, и въ компаніяхъ разныхъ конокрадовъ. Много потратилъ я на это времени и денегъ; но когда, по совѣту добрыхъ людей, заказалъ три обѣдни въ трехъ сосѣднихъ церквахъ, лошади какимъ-то чудомъ нашлись и я невольно воскликнулъ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ!*

Благословилъ насъ Богъ и дѣтьми, сыномъ и дочерью. На здоровьѣ мы не терпѣли, въ хлѣбѣ и одежѣ не нуждались, панщину отбывали больше работникомъ. Казалось бы жить да Бога хвалить; но не тутъ-то было. И Господь сказалъ: *егда речете: миръ и утвержденіе, тогда внезапно найдетъ на вы день той, день несчастій.* Такъ случилось и съ нами.

Началось съ того, что отецъ мой, видя умноженіе моея семьи, захотѣлъ отдѣлить насъ и самъ заложилъ для насъ новую хату съ отдѣльной усадьбой и полемъ. Надѣлилъ онъ насъ правда всѣмъ для хозяйства; но теперь пришлось уже самому обо всемъ думать, когда доселѣ мы жили у него, по пословицѣ, «якъ у Бога за дверьми». Мало того: ставъ самостоятельнымъ хозяиномъ, я сталъ отвѣтственнымъ за все передъ паномъ и громадой, а это и повлекло за собою всѣ почти послѣдующія мои несчастья.

Было у насъ въ селѣ двѣ власти: своя громадская и ненавистная панская. Первой надо было слушаться, второй бояться и все равно исполнять, что потребуетъ та или другая.

Памятуя мою чумачку и мое въ ней атаманство, а болѣе потому, можетъ быть, что я былъ грамотный, громада выбрала меня сборщикомъ «подушнаго» и другихъ налоговъ. Господи, что это за пытка требовать деньги у человѣка, когда знаешь, что ихъ у него нѣтъ, ходить къ нему по 10 разъ, напоминать,

приставать, требовать, грозить, браниться и выслушивать брань, забирать одежду, выставлять окна и двери, выламывать печь, какъ это дѣлали всѣ почти сборщики!... Ни на какія «здирства» у меня духу не хватало, а громадскую повинность надо было отбыть точно, аккуратно, и вотъ я, на первыхъ порахъ моего хозяйничанья, долженъ былъ приплатиться не однимъ десяткомъ рублей изъ собственного кармана.

Послужилъ я громадѣ, потратился для нея; но за то заслужилъ у нея доброе мнѣніе и расположеніе, и она не разъ выручала меня изъ бѣды.

Не такъ было справляться передъ панами. Натерпѣлся я отъ нихъ столько, что и теперъ въ старости не могу вспомнить о томъ равнодушно. Село Поборки, какъ сказано мною выше, принадлежало графинѣ А. С. Потоцкой, но вмѣстѣ съ другими сосѣдними селами оно сдавалось въ поссесію. Была значительная разница въ пооложеніи крестьянъ тѣхъ селъ, въ которыхъ жили сами помѣщики или ихъ управляющіе, и тѣхъ, которыя сдавались въ аренду. Поссесія прибавляла намъ новую власть, кромѣ помѣщицѣй, и новую тяжесть въ работахъ и разныхъ сборахъ, такъ какъ поссесоръ долженъ былъ арендную плату выработать и для себя заработать, а за все отвѣчалъ одинъ и тотъ же мужикъ. Съ другой стороны не даромъ пословица говоритъ: «не такъ паны, якъ пидпанки». Если и можно было еще бѣдному мужику искать милости и правды, то развѣ у большихъ пановъ, всѣ же эти поссесоры, экономы, надсмотрщики и писаря были прямыми тиранами нашими. Тяжкое иго была панщина. Говорилъ я объ ней выше и еще скажу. Хотя и было такое положеніе, что три дня въ недѣлю челоувѣкъ работаетъ на пана, а три дня на себя, но это такъ развѣ на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ мы были въ полной власти у пановъ: сколько скажутъ, столько и работай и куда прикажутъ, туда и иди. Въ жнива, въ косовицу заберутъ всѣхъ, такъ что и хаты не на кого покинуть, и дѣтей надо съ собою въ поле забирать. Но что всего хуже—это сѣченіе и побои. Чуть что не такъ, или не по нраву пану, сейчасъ въ зубы, въ спину, по шеѣ, по щекамъ и головѣ кулакомъ, палкой, либо нагаемъ. А

какъ возьмутъ подъ лозы на полѣ, въ сборнѣ или на панскомъ дворѣ, тутъ только проси Бога, чтобы остался живъ. Не приведи Богъ, какъ били и мучили насъ, и не то что управляющіе и экономы, а просто писаря и досмотрщики. И думаешь было не разъ, зачѣмъ это Господь такой порядокъ допустилъ, что одни работаютъ и сухимъ хлѣбомъ питаются, да еще и побои терпятъ, а другіе на богу лежатъ да бенкетуютъ, и ни въ чемъ не находишь отвѣта на такой вопросъ.

Тяжело было положеніе наше до 1847 г., т. е. до изданія «инвентарныхъ правилъ», но не легче оно было и потомъ, и виною сему были тѣже паны. «Царь хотивъ намъ добро зрѣть, та иродови паны перепутали по своему», — такъ говорилъ народъ объ этихъ правилахъ, когда они вошли въ дѣйствіе, и говорилъ вѣрно. Что изъ того, что въ «Правилахъ» говорилось, съ какихъ лѣтъ можно брать человѣка въ работу и съ какихъ не должно, сколько дней работать въ недѣлю мужчинѣ и сколько женщинѣ, сколько напр. сноповъ и какого хлѣба и какой мѣры нажать, или обмолотить и проч. Но попробуй сказать, что онъ требуетъ не по «Правиламъ», сейчасъ тебя въ зубы или нагаемъ, либо на конюшню подъ розги, а то къ становому отправить, какъ бунтовщика. И сколько изъ насъ за такія упоминки о «Правилахъ» заплатились розгами въ стану, въ тюрьмахъ сидѣли, были выселяемы и ссылаемы! Досталось и мнѣ, и больше за это. На бѣду мою, я былъ грамотный, слушалъ, читалъ и помнилъ «Правила». Чуть было паны чего лишняго требуютъ, люди за работой спрашиваютъ меня, а я конечно не могу отказать ихъ просьбѣ. Какъ узнали про это паны, то такъ взяли на меня, что рады были бы со свѣта меня согнать, или изъ села выжить.

Поссесоромъ въ то время въ нашемъ селѣ былъ нѣкто Фавстъ Каминскій, а экономомъ Яворскій. Оба они сильно не любили меня и постоянно выскивали случай чѣмъ-нибудь досадить мнѣ и обидѣть меня. Разъ, во время свозки хлѣба, экономъ накинудся на меня за то, что я не выслалъ третьяго воза „на лань“. Я говорю ему: „въ Правилахъ нема“, а онъ меня „баць“, едва на ногахъ удержался: «я говорить, покажу тобі правила» и хотѣлъ

меня еще нагаемъ, да я отскочилъ. Нажаловался онъ на меня поссессору. Думаю, не посмѣеть и поссессоръ бить меня, когда я правъ. Не тутъ-то было. Ъду я на другой день въ поле, правда не съ разсвѣтомъ, ибо для пана это все равно, лишь бы я привезъ ему сноповъ, сколько положено. Налетаетъ на меня фольварковый козакъ и давай драть меня нагайкой за то, что поздно на ланъ ъду. Оказалось, что его поссессоръ наслалъ на меня. А въ то время какъ разъ пріѣхалъ къ намъ изъ Варшавы Липинскій, управляющій имѣніемъ графини Потоцкой. Я и пожаловался ему на эконома и козака. Липинскій поручилъ разобрать это дѣло «ключевому эконому» и, по докладу его о томъ, что я былъ обиженъ экономомъ Яворскимъ и фольварковымъ козакомъ совершенно напрасно, приказалъ имъ обоимъ удовлетворить меня за нанесенные мнѣ ими побои.

За эту жалобу еще больше озлился на меня поссессоръ Каминскій и велѣлъ какъ меня, такъ и отца моего забить «въ колодку» и посадить «на зборню». Проходитъ онъ черезъ нѣсколько часовъ мимо насъ и начинаетъ выговаривать мнѣ, издѣваться надо мною, бранить меня. Я только что началъ было оправдываться предъ нимъ, а онъ какъ стоялъ предъ нами съ палкою, такъ и ткнулъ мнѣ ею въ зубы. Прoderжалъ насъ панъ поссессоръ на зборнѣ три дня на сухомъ хлѣбѣ и на водѣ. Потомъ приходитъ къ намъ арендарь и уговариваетъ насъ просить у пана прощенія. Мы не покорились. На другой день панъ требуетъ насъ къ себѣ. Приходимъ, какъ были, въ колодкахъ, думаемъ, опять будетъ бить; а онъ вдругъ говоритъ намъ такія рѣчи: «ну, то я вже вамъ вшистка дарую; я панъ, тай вы люди поважни.—на що намъ сердитися, щобъ насъ люде судили»? Мы только переглянулись съ отцемъ, а панъ велѣлъ разбить колодки и отпустить насъ. Потомъ мы узнали, что онъ ждалъ Зелинскаго опять въ Поборки и боялся, чтобы мы уже на него не нажаловались пленипотенту графини.—Панъ, какъ и жидъ, верховодилъ надъ мужикомъ, когда чувствовалъ за собою силу, но готовъ былъ унизиться, если видѣлъ какую либо опасность для себя.

Унизился и посессоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ посессоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское Присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли. Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, не женатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-ти лѣтній срокъ тогдашней военной службы—это все равно почти, что идти на явную смерть. И какъ идти? Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкой или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ двѣ-три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погоняютъ за сотни и тысячи верстъ. Прощай семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки! Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ папу угодно! Самъ онъ лично присутствовалъ при сдачѣ изъ опасенія, чтобы я какъ-нибудь не ускользнулъ отъ рекрутчины. Уже меня раздѣли и я готовъ былъ отправиться въ присутствіе. Но тутъ подошли мои ооносельцы, пришли и многіе знавшіе меня жители Соболевки и другихъ сосѣднихъ селъ. Заволновалась вся эта громада и заступилась за меня. Видитъ посессоръ, что можетъ раздражить народъ, и говоритъ: «нехъ буде по вашему, тилько визъ-мечь его соби зъ мого села; грунтъ ему сплачу и три годы буду за нѣго подати платити». Входитъ тутъ комиссаръ Липинскій, при-

слушивается и говорить: «я возьму его за козака до скарбу». А священникъ нашъ о. Теодоръ Сокальскій перебиваетъ: «а я его за старосту церковного радъ бы взять». Такъ и освободили меня отъ рекрутства.

Насталъ 1848 г., памятный для насъ холерою. Въ нашей семьѣ первыми заболѣли я и мать моя. Отвезли насъ обоихъ въ больницу, а тамъ сразу пустили намъ кровь. Лежимъ мы, на одного Господа уповая. Провалились недѣли двѣ, пока насъ домой не забрали. Я сталъ выздоравливать, а мать моя на другой же день скончалась. Умеръ вскорѣ и меньшій братъ мой и родная дочь, а сынъ раньше сего. Все разомъ; не даромъ говорятъ: одна бѣда не ходитъ, а ведетъ съ собою другую. Напала на меня такая тоска и печаль, что не приведи Господи. Сталъ я и самъ думать о смерти, и ношусь съ этими мыслями денно и пощно.

Предъ праздникомъ Св. Троицы рѣшилъ я устроить помпональный обѣдъ за умершихъ сродниковъ и не пожалѣлъ для этого лучшаго вола. Прихожу въ церковь къ обѣднѣ и слышу, священникъ читаетъ въ евангеліи: *аще кто оставитъ домъ, или сла, или отца, или мать, или жену, или чада имене Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный насльдуетъ*. Господи! думаю, да зачѣмъ же я скитаюсь въ семь мѣръ? И что это за жизнь? Одни скорби и лишенія, страхи и мученія. Если и удалось что собрать, то кому оно останется? Дѣтей Богъ къ себѣ забралъ... А если оставить все это для Бога и самому послужить Богу? Тутъ впервые посѣтила меня мысль о монашествѣ. А жена? подумалъ я опять и остановился. Но вспомнилъ изъ житій святыхъ не одинъ примѣръ, какъ супруги, по взаимному согласію, оставляли мѣръ и шли на служеніе Богу, и опять принялся за мысль, всецѣло меня обнявшую. А слова Христовы глубоко запади мнѣ въ душу и я не могу ихъ забыть. Прихожу изъ церкви и говорю своей женѣ:

— А що, моя голубко, якъ я оце тебе покину?

Жена приняла мои слова за шутку, размѣялась и говоритъ:

— То кидай! тилько и шкоды, я ще кращого соби знайду.

Дальше говорить было невозможно, и я замолчалъ. Но волне-

ніе въ душѣ моей не улегалось цѣлый день, а ночью снилось уже мнѣ, что я діаконовствую въ нашей сельской церкви. Пробудился я и хотѣлъ было забыть свои мысли, но нѣтъ, никакъ нельзя; за что ни возьмусь, все изъ рукъ валится. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяць. Собрался я съ духомъ и опять говорю женѣ, что хочу оставить ее.

— Що ты це таке чудне, та дивно думаєшь? спрашиваєть меня жена.—Нема мабуть тобі чого робити? Онъ, у тебе хазяйство, об'я тимъ думай, а то не знати що верзе.

Я однако серьезно и настойчиво сталъ объяснять ей мое намѣреніе и то, какъ оно могло бы быть выполнено. Жена слушала меня внимательно, видѣла, что это не шутка, но никакъ понять моего желанія не могла, и когда я кончилъ, глубоко вздохнула и, подумавши немного, сказала:

— А щобъ я лучше вмерла, ніжъ бы мала такъ оставатись!

Проходили дни за днями. Запавшая мнѣ въ душу мысль росла и врѣла, а жена впадала все въ большую задумчивость. Истекалъ шестой годъ нашего супружества. Припомнились ей зловѣщія предсказанія на нашей свадьбѣ и она стала все чаще и чаще говорить о смерти, и не только говорить, но и самымъ дѣломъ готовиться къ ней: все наше имущество, невѣдомо для моего отца, она стала раздавать бѣднымъ, какъ будто бы намъ самимъ уже ничего не нужно было. Я и не препятствовалъ ей въ этомъ, но какая то глубокая тоска запала мнѣ вновь въ душу, какое то тяжелое предчувствіе давило меня. Свадебныя предсказанія начинали сбываться: не прошло и мѣсяца послѣ нашего разговора о моемъ монашествѣ, какъ жена моя заболѣла. Чѣмъ она болѣла, никто разгадать не могъ; но мысль о смерти не покидала ее. Продолжала она раздавать все свое имущество и оставила себѣ нужное только на случай смерти. Лице, рѣчь и всѣ мысли ея совсѣмъ измѣнились. И какъ она радовалась, что, раздавая свое добро бѣднымъ, она тѣмъ самымъ готовится къ будущей блаженной жизни!

Болѣзнь моей жены длилась отъ Покрова до Пасхи. На страстной, въ пятницу, какъ будто пришелъ ей часъ умереть, такъ она ослабла и обезсилѣла. Собралась сродники. По просьбѣ жены

я сталъ читать псалтирь, а затѣмъ и молитвы на исходъ души; но смерть отступила отъ нея. Родные разошлись, женѣ стало легче и она дождалась еще Свѣтлаго Праздника и пережила первые его дни, а наканунѣ свѣтлаго четверга тихо, съ радостію Богу душу предала.

Въ свѣтлый пятокъ похоронилъ я жену и въ тотъ же самый день—повѣрить ли кто?—взяли опять меня въ рекруты. Вотъ что творили съ нами паны! Сначала поссессоръ склонился на просьбы нашего священника и въ воскресенье меня выпустили изъ колодежь; но скоро я узналъ, что это сдѣлано лишь изъ опасенія волненія громады, а что затѣмъ вѣрно схватить меня въ тотъ день, когда рекрутъ будутъ везти изъ села къ приему; когда-жъ наступитъ этотъ день, никто не зналъ. Одинъ изъ моихъ односельцевъ, тотъ самый, который долженъ былъ взять меня, по предварительному уговору, далъ мнѣ о семъ знать, встрѣтивъ меня на улицѣ и дотронувшись до меня рукою. Принялъ онъ, правда, за это отъ пана 50 розокъ; но я успѣлъ скрыться.

Побрелъ я тайно отъ всѣхъ въ Грановскій монастырь, чтобы дать на сорокоусть по женѣ и по матери. Прихожу и рассказываю игумену все, что творилось со мною.

— Хорошо, говорить; оставайся здѣсь, тутъ никто тебя не тронетъ, а хочешь въ монахи, и въ этомъ не откажемъ.

Съ великимъ страхомъ остался я въ монастырѣ и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Но наступалъ праздникъ Пятидесятницы и мнѣ захотѣлось справить обѣдъ по моей покойницѣ для всего села. Какъ ни уговаривалъ меня игумень подождать, чтобы опять не попасть въ руки пановъ, но я рѣшился исполнить свой долгъ и пошелъ въ свое село.

Поминальный обѣдъ прошелъ благополучно, хотя поссессоръ и отдалъ приказъ слѣдить за мною. Собрались всѣ, кого я просилъ, пришли и тѣ, которымъ приказано было отъ поссессора стеречь меня. Я ввелъ ихъ въ хату, посадилъ за столъ и сказалъ имъ: «якъ маете зъ боку дивитись за мною и стерегти мене, то лучше сидить тутъ зъ людьми и поминайте мою покойницу».

Чтобы устранить однако грозившую мнѣ опасность отдачи въ солдаты и вмѣстѣ препятствія къ поступленію въ монастырь, о чемъ узнали уже паны и люди, я пустилъ слухъ, что хочу жениться, приодѣлся, подбрился и сказалъ пріятелямъ, чтобы искали мнѣ невѣсту. Хитрость моя удалась. Такъ чрезъ это и прекратились толки о моемъ намѣреніи уйти въ монастырь. Одному отцу моему я открылся во всемъ раньше и онъ одинъ зналъ о моемъ рѣшеніи. Сначала онъ не соглашался и не совѣтовалъ этого дѣлать.

— То тоби, говорилъ, такъ чогось въ голову зайшло, зъ нудьги, та зъ печали. Визьмись до работы, або забирай пшеницю та йди въ Адесъ, то тая дурныця, якъ пара, геть по степамъ розійдеця. Якій зъ тебе чернець? Хиба тымъ душу спасешъ, що чорну одежу на себе надинешъ? Спасись, кажуть, въ мыри, а не въ манастыри. Отъ що!

Но я не могъ нарушить обѣта, даннаго въ душѣ Богу, и преслѣдовалъ свою цѣль неустанно. А пока я достигъ осуществленія моихъ желаній, пришлось мнѣ вытерпѣть еще не мало.

Началась уборка хлѣба; въ первый день я послалъ на барщину въ поле своего работника, а самъ собирался ѣхать въ грановскій монастырь вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ, который взялся девезти меня, отпрапляясь въ Гайсинъ. Когда я велъ его лошадей съ поля, встрѣчаетъ меня экономя.

— А ты чомъ не на лану? Не знаешь, де ты повиненъ бути зъ серпомъ? закричалъ онъ на меня.

— Я, говорю, пославъ за себе на ланъ.

— Самъ повиненъ бути тамъ, крикнулъ экономя и велѣлъ мнѣ идти за нимъ.

Пошелъ я за нимъ. Привелъ онъ меня къ «скарбовымъ» плугамъ, гдѣ рабочіе пахали, и крикнулъ: „розогь!“ Тотъ часъ явились розги; меня раздѣли и начали бить немилосердно.

— Павочку, голубчику! Змилуйся надо мною! прошусь я у эконома, но онъ не обращаетъ вниманія на мои мольбы и только покрикиваетъ парубкамъ: «дужче его, дужче»!

Больно было мнѣ, не дай Богъ, какъ больно; рвусь, кричу:

— Мати Христова, Царица Небесная, не оставь мене!

А экономя сидеть на лошади и только подсмѣивается надо мною.

— А! говорить, богомольный, вмѣшь проситися? Быйте его щилненько!

Перестали наконецъ бить меня.

— Теперь, говорить мнѣ экономя, ступай на лань!

— Въ мене, говорю, серпа нема; пиду перше по серпъ, а тогда прыйду на лань.

Пошелъ я будто бы за серпомъ, а между тѣмъ отправился къ священнику и рассказалъ ему о томъ, что случилось со мною. Священникъ немедленно написалъ къ поссессору записку о томъ, что дѣлаеть экономя, и затѣмъ, усадивъ меня съ собою на повозку, поѣхалъ въ Гайсинь, а оттуда въ монастырь.

Люди на полѣ видѣли, какъ мы проѣзжали, и стали говорить экономя:

— Ой буде, вамъ пане! цежъ Аверкій поихавъ зъ батюшкою въ судъ жалитися на васъ.

Люди смѣялись надъ экономя, а онъ повѣрилъ имъ и полетѣлъ за 20 верстъ въ м. Тепликъ къ становому приставу. Но для пристава это былъ суцїй кладъ, когда панъ обращался къ нему за помощью или съ жалобою, особливо по дѣлу о причиненїи побоевъ крестьянамъ. Конечно, крестьянамъ отъ того не легче было, но изъ пана пристава виварить воду, обдереть его, какъ лишку. Что ужъ тамъ на сей разъ у нихъ было, не знаю; но только экономя, воротясь домой, долго шушукался съ поссессоромъ, оба какъ-то присмирѣли и хотя приказали заковать меня въ желѣзные оковы и посадить «на сборищъ», но со страхомъ выжидали приѣзда пристава. Прошло такъ двѣ недѣли. Къ приѣзду пристава поссессоръ и экономя пригласили поссессора изъ с. Шимановки Ингулцакого и помѣщика с. Рижавки, Коссовскаго, набрали изъ «громады» 12 человекъ свидѣтелей. Готовился какъ будто судъ надо мною за то, что меня побили. Послѣ я узналъ, что былъ предъ тѣмъ отъ высшаго начальства приказъ уѣздной полициї строго наблюдать за панамъ, чтобы они не допускали жестокости въ наказанїи крестьянъ, и наши паны не на шутку боялись, чтобы пристава

не подвелъ ихъ подъ судъ. Приѣхалъ наконецъ и приставъ. Меня велѣли расковать и привели къ поссессору. Приставъ самъ разспрашивалъ меня обо всемъ подробно. Когда я рассказалъ ему, какъ со мною поступилъ экономя, то онъ тутъ же, обратясь къ эконому и поссессору, сталъ выговаривать имъ:

— А! такъ вотъ какъ! Сами вы, господа, виноваты, а стараетесь обвинить человека совершенно невиннаго! Такъ вы вотъ какъ управляете людьми!

Тутъ паны стали усердно просить пристава въ комнату. Можно было подумать, что приставъ горюю готовъ стоять за бѣднаго мужика и унечь пановъ: но ничего такого на самомъ дѣлѣ не было: онъ только ловко пугнулъ пановъ и памъ «туману» въ глаза пустилъ.

Долго переговаривались паны съ приставомъ въ «покояхъ», конечно за «кнлишками» и закускою, а мы все стояли на дворѣ передъ крыльцемъ. Наконецъ выходитъ къ памъ .. кто же? — панъ Коссовскій, сосѣдній помѣщикъ, которому конечно и дѣла никакого до насъ не было, и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, кромѣ меня:

— Нашиталисте соби клопотъ презъ одного гультяя. Все вы люди, якъ люди, панщину одбуваете, податки складаете, нана послушаете, опрнчъ того грубияна (при этомъ панъ со злостію взглянулъ на меня). Наробивъ теперь гвалту, шо доставъ у шкуру! Щожъ то? звычайна речъ. Варто бъ вамъ его видъ себе видалити. То естъ, якъ една паршива скотника въ згощи. Бо громада...

Панъ удержался отъ неслестнаго для громады сравненія съ «быдломъ» и, въ замѣнъ того кашлянувъ раза два, закончилъ:

— Ну, иди же соби зъ Богомъ!

— А зо мною якъ же буде? спросилъ я его.

— А коли тебе никто не арештуе, то не маешь на шо ждати, отвѣтилъ онъ мнѣ и съ тѣмъ потянулъ до своей компаніи.

Приставъ такъ и не показывался къ намъ. Очевидно, панъ Коссовскій посланъ былъ къ намъ отъ всей компаніи. Выслушавъ его не мудрую рѣчь, я подумалъ про себя, что теперь ни

паны, ни громада не будутъ меня удерживать и жѣшать мнѣ въ моемъ намѣреніи принять иночество. Должно быть однакожь приставъ хорошенько обчистилъ нашихъ пановъ, потому что экономъ на другой же день, не найдя меня на лаву, послалъ за мною козака и еще разъ жестоко высѣлъ меня.

Послѣ этого я успѣшила упросить монахъ односельцевъ подписать изготовленное мною свидѣтельство объ увольненіи меня изъ сельскаго общества и съ этимъ свидѣтельствомъ пошелъ къ становому приставу, чтобы попросить у него совѣта на счетъ увольненія меня изъ помѣщичьяго подданства. Приставъ посоветовалъ мнѣ подать просьбу объ этомъ управляющему, для представленія ей графинѣ, а до времени увольненія меня изъ ея подданства, чтобы я могъ спокойно жить въ монастырѣ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, срочное свидѣтельство на полгода. Очевидно, что все было заранее условлено между нимъ и моими панами и они готовы были на все, только бы сбѣть меня съ рукъ и спокойно, безъ протеста угнетать монахъ односельцевъ.

По срочному свидѣтельству, которое возобновлялось на каждое полугодіе, прожилъ я въ монастырѣ цѣлыхъ три года и все ждалъ увольненія, посылая просьбу за просьбой. Жилось мнѣ тамъ хорошо: игумень былъ очень привѣтливъ ко мнѣ и поручилъ мнѣ, какъ знакомому съ хозяйствомъ, завѣдываніе монастырскою экономіею; но меня постоянно смущало то, что мнѣ не даютъ увольненія изъ подданства, а чрезъ это я лишуюсь надежды когда либо принять постриженіе въ монашество. Не желала ли того сама графиня, или главноуправляющій всѣми ея имѣніями, не знаю. По прошествіи трехъ лѣтъ управляющій Липинскій, о которомъ я не разъ упоминалъ, былъ смѣненъ, а на мѣсто его поступилъ Слицкій, зять главноуправляющаго Гродецкаго, который и самъ по этому случаю прибылъ изъ Варшавы въ м. Теплицъ, гдѣ было управленіе подольскихъ имѣній графини. Узнавъ о пріѣздѣ Гродецкаго, я отправился къ нему. Онъ охотно обѣщалъ выхлопотать мнѣ у графини увольненіе изъ ея подданства, но потребовалъ, чтобы я доставилъ ему отъ монастырской братіи свидѣтельство о моемъ поведеніи въ монастырѣ во все время пребыванія моего тамъ. Игумень не только не отказалъ

мнѣ въ этомъ свидѣтельствѣ, но далъ мнѣ даже просфору, чтобы я вручилъ ее Гродецкому. Иду я и, не доходя версты три до м. Теплиба, встрѣчаю Гродецкаго, который шелъ пѣшкомъ. Поздравивъ его съ праздникомъ Пасхи, вынимаю просфору и даю ему вмѣстѣ съ прошеніемъ и свидѣтельствомъ. Панъ остался по видимому очень доволенъ вниманіемъ игумена, оказаннымъ черезъ меня, взялъ просфору и бумаги и обѣщалъ чрезъ два мѣсяца прислать мнѣ изъ Варшавы увольненіе. Я попросилъ его выдать мнѣ дозволеніе на прожитіе въ монастырѣ до присылки увольненія.

— Хорошо, сказалъ онъ, иди ко мнѣ. Я вотъ только встрѣчу своихъ дѣтей (дочь съ мужемъ), ѣдущихъ изъ Дашева, и сей часъ домой. Пріѣдетъ зять и выдастъ тебѣ свидѣтельство.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась на дорогѣ коляска, запряженная цугомъ. Изъ нея вышли зять и дочь Гродецкаго, почтительно привѣтствовали его и, усадивъ съ собой, поѣхали въ Тепликъ. Я пошелъ въ слѣдъ за ними и на другой день получилъ необходимое мнѣ свидѣтельство за подписью новаго управляющаго. Но вотъ что разсказалъ мнѣ кучеръ Гродецкаго, который привозилъ его дѣтей и у котораго я ночевалъ.

Когда, говоритъ, нашъ панъ садился въ коляску, то, показывая своимъ дѣтямъ просфору, говорилъ: «Это, видите ли, хлопъ встрѣтилъ меня на дорогѣ съ благословеннымъ хлѣбомъ».—А это хорошій знакъ, замѣтилъ ему зять и полюбопытствовалъ узнать, чтобы это былъ за хлопъ, что встрѣтилъ пана съ просфорой, да еще въ полѣ.—А это, говоритъ, такой хлопъ, что хочетъ стать чортомъ.—Какъ такъ?—Да онъ, говоритъ, хочетъ быть монахомъ.—Что жъ, и хорошо! замѣчаетъ зять.—Что же тутъ хорошаго? отвѣтилъ ему тестъ и прибавилъ: «хлопъ законникъ, а чортъ, то все одно».

Зять, говоритъ (Богъ его знаетъ, откуда онъ, а видно добрый панъ), заступился за нашу вѣру. Вы, говоритъ, не знаете конечно, что когда мнѣ (давно то, говоритъ, уже было) случилось заболѣть, да такъ, что и доктора уже отказались лечить меня, то исцѣлился я не въ другомъ мѣстѣ, а только въ кievской лаврѣ, которая у хлоповъ считается такою великою святынею. Много слышалъ

я объ ней у насъ на Украинѣ, поѣхалъ туда, помолился и вернулся домой здоровымъ, и съ тѣхъ поръ здоровъ и до сего дня. Ахъ, какъ тамъ хорошо! И сколько тамъ святыхъ! Изъ того я, говоритъ, вижу, что и хлопская вѣра угодна предъ Богомъ.

— А что, васпанъ, говоришь? отвѣтилъ ему Гродецкій. Ничего, говоритъ, ты не разумѣешь. Наша католическая вѣра первая у Господа Бога и она одна Ему пріятна, а хлопская вѣра ничего предъ Нимъ не значить. Чортъ чортомъ, а хлопъ хлопомъ; чортъ и хлопъ—то все одно.

Вотъ какъ наши паны думали объ насъ и о нашей вѣрѣ, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было костеловъ, они ходили въ наши церкви, прикладывались къ кресту и евангелію, принимали и подносимыя имъ просфоры, допускали священниковъ къ окропленію ихъ домовъ въ Крещение и пр.

Выслушавши весь этотъ разсказъ, я понялъ, что мнѣ нечего полагаться на обѣщанія Гродецакаго и рѣшился лично отправиться въ Варшаву и тамъ выпросить себѣ непосредственно у графини увольненіе изъ ея подданства. Распросивъ у того же кучера дорогу до Варшавы и взявъ въ комиссарскомъ управленіи проходное свидѣтельство, а по нему въ уѣздномъ казначействѣ плакатный паспортъ, попрощался я въ родномъ селѣ съ отцемъ и съ обществомъ, а въ монастырѣ съ игуменомъ и братією, пустился въ далекій путь чрезъ Почаевъ и прибылъ въ Варшаву спустя недѣлю послѣ Пасхи.

Въ Варшавѣ я зашелъ прямо въ архіерейскій домъ и попросился переночевать, въ чемъ мнѣ и не отказали. На другой день доложили обо мнѣ архіепископу Арсенію. Этотъ умный и достойнѣйшій архипастырь, внослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ прежде въ Подоліи; поэтому появленіе въ Варшавѣ человека изъ подольской его паствы, пришедшаго сюда искать увольненія изъ подданства и поступленія въ монашество, его заинтересовало. Владыка приказалъ позвать меня къ себѣ, распросилъ, обласкалъ и обѣщалъ даже принять меня въ одинъ изъ своихъ архіерейскихъ домовъ въ Почаевъ или Житомирѣ (тогда варшавская епархія еще не была отдѣлена отъ волынской).

Того же дня я отправился къ графинѣ Потоцкой. Оказалось, что графиня выѣхала за границу; вмѣсто нея пришлось обратиться къ тому же Гродецкому. Онъ принялъ меня сурово, расходился было не на шутку, грозилъ отправить меня обратно въ грановскій монастырь, наконецъ сказалъ, что безъ графини ничего не можетъ сдѣлать и что она возвратится не скоро. Я отвѣчалъ, что готовъ и подождать, и на вопросъ его, гдѣ же буду ждать? сказалъ: меня тутъ архіерей принялъ. Гродецкій замолчалъ и, подумавъ немного, сказалъ: «ну, какъ хочешь».

Владыка Арсеній опредѣлялъ меня временно въ послушаніе просфорникомъ при кафедральномъ соборѣ и свѣчаромъ въ архіерейскихъ домовыхъ церквахъ. Между тѣмъ чрезъ двѣ недѣли вернулась изъ-за границы графиня Потоцкая. Владыка самъ начертилъ мнѣ прошеніе и отослалъ къ графинѣ чрезъ копенгегенскую, а когда я не могъ лично явиться графинѣ, послалъ со мною одного іеромонаха. Графиня ласково приняла меня, обѣщала на другой же день прислать увольненіе, какъ и дѣйствительно сдѣлала. Это окончательно рѣшило мою судьбу, и съ тѣхъ поръ я не возвращался въ міръ.

Того же дѣла графиня отправилась въ теплицкое свое имѣніе навѣдаться, какъ тамъ идутъ дѣла, какъ живутъ ся люди. Много милостей она оказала тогда: во всѣхъ православныхъ храмахъ была и гдѣ требовались исправленія, велѣла произвести таковыя, вознаградила людей за притѣненія и обиды, которыя они терпѣли отъ посессоровъ и даровала всѣмъ правдивый судъ и милость. «Я желаю, говорила она посессорамъ, чтобы мои люди не плакались на меня. Смотрю на нихъ не какъ на подданныхъ, а какъ на дѣтей моихъ, ибо другихъ дѣтей у меня нѣтъ».

Заканчивая на этомъ мои воспоминанія о мірской моей жизни, скажу коротко: много врагъ ставилъ препятствій моему намѣренію посвятить себя на служеніе Богу; но Богъ помогъ мнѣ ихъ преодолѣть и ввелъ меня въ тихое пристанище. Послѣ многихъ перемѣнъ и въ пнческой моей жизни, водворился я наконецъ въ к—ской пустыни, и здѣсь въ мірѣ скончаваю животъ свой, благоволя Бога, спасшаго меня отъ малодушія и отъ бури.

Іер. Ѡ—лъ.

Библиографія.

Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Сост. М. М. Владиміровъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Сост. преподаватель екатеринославской семинаріи Константинъ Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Объ названныя книжки вышли въ свѣтъ весною текущаго года въ Екатеринославѣ и явились продуктомъ празднованія столѣтняго юбилея основанія этого города, прошлаго 9 мая. Пора эта вызвала усиленную дѣятельность мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы то было и желательно, и возможно, суди по ихъ наличности. Помимо обилія корреспонденцій въ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ (особенно, выходящихъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Николаевѣ), въ самомъ Екатеринославѣ выходила въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, апрѣля и мая, специально-посвященная событію газета «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», помѣщавшая замѣтки и статьи, исключительно о жизни Екатеринослава и его окрестностей въ истекшемъ столѣтіи. Даже «Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости», обыкновенно безжизненные и наполненные лишь ссыскими статьями да перепечатками, стали помѣщать и «приватныя» замѣтки Егорова, Манжуры, Новпцкаго и др., все по тому-же вопросу археологіи Екатеринослава, придававшія и этому омертвѣлому органу нѣчто оживленное. Въ эту-то пору и напечатаны объ книжонки, названія коихъ приведены нами въ заголовкѣ, и мы считаемъ необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Книга «Первое столѣтіе», въ 19 печатныхъ листовъ (275 страницъ), составлена по порученію екатеринославской городской думы, выраженному въ постановленіи 19 февраля 1887 г. и возложенному на го-

родскую управу въ такой формулѣ: «отпечатать въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ докладъ управы, заключающій въ себѣ краткій историческій очеркъ города Екатеринослава за минувшіе сто лѣтъ». Управа же, въ свою очередь, поручила эту работу своему городскому секретарю Владимірову, въ распоряженіи котораго для исполненія этой работы оставалось (до 9 мая) около двухъ мѣсяцевъ. Всѣми этими условіями опредѣляются и характеръ изданія, и его содержаніе; и съ этой точки зрѣнія мы только и можемъ трактовать исполненіе г. Владиміровымъ своей задачи. Никакой программы для него не было дано; никакихъ, болѣе осязательныхъ указаній о содержаніи «краткаго историческаго очерка города Екатеринослава» не было сдѣлано. Время было спѣшное; медлить было некогда; надо было «хоть что нибудь» дать населенію по части исторіи города, и дума, вѣроятно, была-бы рада всякому «докладу», самого казеннаго и сухаго содержанія, какъ и вообще дѣловые управскіе доклады. Но г. Владиміровъ далъ думѣ не сухой докладъ, не бѣглый перечень чиселъ, именъ и событій, а очеркъ живой и чрезвычайно интереснѣй. Напрасно рецензентъ „Русской Мысли“, въ октябрьской книжкѣ (стр. 598-я), упрекаетъ трудъ г. Владимірова въ «случайномъ подборѣ матеріала» и въ его отрывочности, тѣмъ болѣе, что и ему извѣстенъ былъ короткій срокъ, данный на исполненіе (съ 19 февраля до 9 мая); упрекать въ этомъ слѣдуетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ вопросомъ, не составителя «Перваго столѣтія», а тѣхъ, которые сдѣлали порученіе, не соразмѣривъ ни времени, ни средствъ, ни условій предстоящей работа и не снабдивъ составителя всѣмъ тѣмъ, что для подобнаго труда было бы необходимо. Да и слова: «матеріалы для историческаго очерка» уже сами собою опредѣляютъ сущность задачи, какъ понималъ ее и самъ авторъ, а слѣдовательно и тѣ требованія, какія можно предъявить къ исполненію ея. Отъ «матеріаловъ» не требуется ни строгой систематичности, ни художественнаго изложенія, ни вообще отчетливой литературной обработки предмета; требуется лишь возможная полная и доброкачественность собраннаго матеріала. Но разсматривая и съ этой зрѣнія точку работу г. Владимірова, мы думаемъ, что размѣры историческихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ его книжку, можно было бы значительно расширить. Разобранныя дѣла думскаго архива могли бы дать, полагаемъ, много свѣдѣній, напримѣръ, о постепенномъ развитіи въ городѣ торговли и промышленности, о его врачебной и вообще санитарной части; о его территоріальномъ владѣніи и недвижимыхъ имуществвахъ населенія, облагаемыхъ сборами; о системѣ и размѣрахъ обложной сборами; о прежнемъ городскомъ управленіи и составленіи смѣтныхъ росписей; о проявленіи художественныхъ вкусовъ общества

(музыка, живопись, церковное пѣніе, архитектура, театральное искусство); наконецъ о выдающихся явленіяхъ внѣшней и внутренней жизни городского общества (примѣчательныхъ событіяхъ, эпидеміяхъ, внутреннихъ замѣшательствахъ, поморахъ, наводненіяхъ) и пр. и пр. Ничего почти по всемъ этимъ сторонамъ жизни города Екатеринослава за истекшее столѣтіе въ книжкѣ Владимірова нѣтъ, между тѣмъ какъ архивныя дѣла управы представляли для всего этого богатый источникъ, и воспользоваться имъ едва ли было трудно. Затѣмъ, и въ матеріалахъ, внесенныхъ въ книжку, видна недодѣланность, лишаящая ихъ того значенія, какое они могли бы имѣть. Такъ напр., въ таблицѣ «Представители екатеринославскаго городского общественнаго управленія», на стр. 240, помѣстивъ списокъ городскихъ головъ и гласныхъ, начиная съ 1787—1887 г., составитель ограничился приведеніемъ лишь ихъ именъ, отчествъ и фамилій, безъ обозначенія званій и сословности; за послѣдніе же годы, съ 1871 г., со времени учрежденія новой думы, и совсѣмъ не помѣноваль гласныхъ. Подобные списки, съ указаніемъ сословности, могли бы служить отвѣтомъ на вопросы о причинахъ такого или иного хозяйничанія въ городѣ, о направленіи, такъ сказать, внутренней городской политики; но безъ указанія сословности городскихъ дѣятелей списки не имѣютъ, по нашему мнѣнію, никакой цѣны. Словомъ, книжка «Первое столѣтіе», хотя и дала намъ не мало о Екатеринославѣ весьма интересныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ разныхъ, мало доступныхъ, а частію и совсѣмъ недоступныхъ источниковъ, по могла бы дать ихъ, при тѣхъ же условіяхъ ея изданія, гораздо больше; но всецѣло винить въ такой неполнотѣ ея одного лишь автора ея, искренно признающаго, что онъ «далъ, что могъ и какъ умѣлъ», мы едва ли въ правѣ. Виною этому всего болѣе сама дума, слишкомъ неопредѣленно выразившаяся о желаніи ея имѣть «докладъ» съ очеркомъ города Екатеринослава и не по заботившаяся поставить составителей такого «доклада» въ полную возможность удовлетворить ея желанію возможно-обстоятельнымъ обзоромъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ другая книжка — «*Столтній юбилей города Екатеринослава*», составленная г. Корольковымъ. Предъявляя извѣстную притязательность на полноту и всестороннее изложеніе предмета, она даетъ намъ право отнестись къ ней съ болѣе строгими требованіями. Самъ авторъ, въ предисловіи, говоритъ, что онъ желаетъ дать «очеркъ жизни Екатеринослава за истекшія сто лѣтъ» и малую книжицу свою назвалъ первымъ выпускомъ. Это даетъ намъ право ожидать и послѣдующихъ выпусковъ, по выходѣ которыхъ можно будетъ говорить о цѣломъ изданіи. Авторъ не даетъ намъ подробной программы своего труда; онъ даже и вскользь не дѣлаетъ намека о томъ, какихъ

сторонъ жизни города Екатеринослава онъ думаетъ коснуться въ своемъ трудѣ. Говоря о значеніи юбилеевъ вообще, въ кротенькомъ вступленіи, названомъ имъ громкимъ именемъ «исторической замѣтки», онъ разсматриваетъ юбилей, какъ историческое событіе большой важности, съ «четыреухъ» различныхъ точекъ зрѣнія, обхватывающихъ все прошлое города самымъ широкимъ образомъ. Это «предисловіе» сулитъ намъ въ его будущемъ трудѣ именно подобное всестороннее изслѣдованіе нашего города, и мы можемъ только радоваться появленію такого труда и пожелать ему скорѣйшаго осуществленія. До этого же вождельнаго времени обратимся къ подлежащей брошюркѣ, сравнительно очень краткой, всего въ 126 страничекъ.

Собственно общимъ судьбамъ города Екатеринослава удѣлено въ этой брошюрѣ очень мало мѣста, 11-ть листочковъ (3—24 страницъ); остальная же часть ея посвящена специально изложенію основанія и развитія екатеринославской епархіи и вообще учрежденій духовнаго вѣдомства. Въ изложеніи событій обще-городской жизни авторъ не пошелъ далѣе 1803 года, но и тутъ онъ говоритъ собственно о мѣропріятіяхъ административнаго свойства, касавшихся болѣе внѣшняго устройства города Екатеринослава. Послѣ кнѣжки г. Владимірова «Первое столѣтіе» и раньше вышедшей брошюрки Егорова: «Екатеринославское блуканіе» (см. Киев. Старину, 1887 г., апрѣль), книжица г. Королькова не даетъ намъ въ этомъ отношеніи ничего новаго; это перифразировка того, что всякому уже извѣстно, положимъ, довольно гладкая и плавная, но никакъ не болѣе. Часть брошюры, излагающая судьбы екатеринославской семинаріи, сильно напоминаетъ статьи бывшаго ея преподавателя Никольскаго, помѣщавшіяся въ Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ. Точной ссылки на эти статьи у г. Королькова не находимъ ни въ его «исторической запискѣ», гдѣ онъ указываетъ матеріалы для своего труда, ни въ рубрикѣ «Епархіальныя Вѣдомости» (стр. 121), и хотя встрѣчается на стр. 70 бѣглое указаніе на нихъ, но затѣмъ «пользованіе» ими у автора вышло какъ-то слишкомъ рабское. Трудъ г. Королькова печатался первоначально въ тѣхъ-же Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ (№№ 8, 9 и 10 за 1887 г.), такъ что весь первый выпускъ есть лишь оттискъ статей, тамъ помѣщенныхъ. Пройдутъ-ли и послѣдующіе его выпуски чрезъ тѣ-же Вѣдомости, намъ неизвѣстно; но, преслѣдуя свою спеціальную задачу, Вѣдомости едва-ли не наложатъ особой окраски и на послѣдующую работу г. Королькова, а это не можетъ не ослабить общаго значенія его труда. Повременное помѣщеніе имъ своего очерка въ видѣ отдѣльныхъ статей давало ему полную возможность къ осмотрительности въ работѣ, къ точности изложенія. Посему не знаемъ, чѣмъ

объяснить напр. такой недосмотръ, какой встрѣчаемъ на стр. 29-й. Онъ говоритъ здѣсь, что „въ екатеринославской епархіи не было ни одного монастыря“ въ пору перенесенія въ Екатеринославъ архіерейской кафедры (1804 г.), а чрезъ три листика, на стр. 35-й, поясняетъ вдругъ, что «въ первое время по основаніи екатеринославской епархіи существовать въ ней только Самарскій монастырь». — Затѣмъ вся его статья, посвященная екатеринославской епархіи, говоритъ почти исключительно о «пасущихъ» стадо Христово и ихъ дѣятельности, но совершенно умалчиваетъ о самомъ „пасомомъ стадѣ“ города Екатеринослава, о степени его религіозной воспримчивости и взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и жителей, о положеніи церквей и приходовъ, кладбищъ, церковныхъ братствъ и попечительствъ, буде таковыя существовали; словомъ, умалчиваетъ обо всемъ томъ, что именно составляетъ «исторію» жизни городской общины, что наилучше характеризовало-бы духъ и направленіе городскаго населенія и наиболѣе входило бы въ задачу самого автора — дать „очеркъ жизни города Екатеринослава“. Впрочемъ быть можетъ, авторъ все это восполнить въ слѣдующихъ выпускахъ своего изданія... Мы желали бы также, что-бы въ этихъ выпускахъ было поменьше сладкихъ рѣчей о дѣятеляхъ живыхъ, современныхъ, дѣйствующихъ на одномъ поприщѣ съ авторомъ и въ томъ-же служебномъ районѣ. Даже и достойное похвалы, при воздаяніи таковой подчиненнымъ, не можетъ не казаться не нужнымъ преувеличеніемъ, не можетъ не вызывать сомнѣнія въ объективности изложенія и потому значительно утрачиваетъ даже въ своемъ достоинствѣ.

Сопоставляя обѣ вышеназванныя книжки, нельзя не сознаться, что брошюра «Столѣтній юбилей Екатеринослава» настолько кратка и бѣдна фактами изъ общественной жизни этого города, насколько сравнительно богата ими книга «Первое столѣтіе города Екатеринослава», три главы которой — I, II и III (въ текстѣ 153 страницъ) наполнены по преимуществу выдержками изъ дѣлъ и бумагъ архива екатеринославской управы и иныхъ источниковъ. Тутъ обиліе сырья даже затмѣняетъ общій порядокъ событій и лишаетъ изложеніе необходимой ясности и цѣльности представленія: очевидно, авторъ подавленъ былъ массою матеріала и не могъ разобраться въ немъ съ достаточною послѣдовательностью. Отсюда неожиданные переходы отъ факта совершающагося къ давно-совершившемуся, возвраты къ событіямъ прежней поры, лирическія отступленія и вообще отсутствіе въ «Первомъ столѣтіи» прагматической стройности повѣствованія. — Общій обьемъ изданія въ недостатокъ въ томъ, что они въ фактическомъ изложеніи устроенія города не идутъ далѣе 1803 г., съ этого же времени до послѣднихъ дней, прерывая послѣдовательное из-

ложеніе хода обще-городской жазни, дають лишь отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ ея сторонахъ.

«Историческаго очерка города Екатеринослава» намъ, очевидно, ни одно изъ названныхъ изданій не дало, и смутно-выраженное въ этомъ отношеніи желаніе городскихъ представителей осталось невыполненнымъ. Будущему бытописателю города Екатеринослава много даль-бы, полагаемъ, «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», который, несмотря на краткое свое существованіе, успѣлъ вмѣстить въ себѣ не мало интересныхъ воспоминаній старожиловъ и вообще замѣтокъ весьма разносторонняго содержанія. На страницахъ его высказывалось предположеніе о продолженіи „Листка“. Осуществленію его можно-бы было лишь порадоваться. Наши населенные пункты, даже крупныя города, такъ мало описаны, изучены и изслѣдованы, что всякая въ этомъ направленіи работа, всякая литературная затѣя не можетъ быть бесплодна.

В—о.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи Москва. 1887 г.

Состоящее при московскомъ университетѣ общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи приступило къ изданію программъ для собиранія юридическихъ обычаевъ и этнографическихъ свѣдѣній. Сначала вышла въ свѣтъ программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, въ видѣ отдѣльной книжки солидной величины, въ 335 стр., а теперь передъ нами лежитъ немного меньшая по объему этнографическая программа (147 стран.). Изъ находящагося въ началѣ программы введенія видно, что инициатива этого полезнаго предпріятія принадлежитъ проф. В. Θ. Миллеру, а заслуга приведенія его въ исполненіе М. Н. Харузину и Н. А. Янчуку. Въ основу юридической программы положены программы А. Θ. Кистяковского, П. А. Матвѣева и П. С. Ефименка; въ основу этнографической—программы Мангардта, Потанина, А. Матвѣева. При составленіи программъ имѣлись въ виду всѣ народности, населяющія Россію; но при этомъ указана научная потребность въ мѣстныхъ программахъ. «Потребность въ мѣстныхъ программахъ является уже теперь крайне настоятельною, замѣчаетъ г. Харузинъ. Сколь велика разница въ бытѣ жителей разныхъ мѣстъ Россіи, окажется очевиднымъ, если сравнить между собою даже чисто русскихъ крестьянъ,

напримѣръ, сѣвернаго поморья, московской губерніи и Новороссіи, великоросса съ малороссомъ и т. д.

Чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ, которыя тѣмъ болѣе заявляютъ себя, чѣмъ обстоятельнѣе и глубже становится изученіе обычнаго права, программа для собиранія юридическихъ обычаевъ должна быть составлена изъ ряда мѣстныхъ программъ, выработаннымъ какъ по племеннымъ особенностямъ обитателей Россіи, такъ и по отдѣльнымъ полосамъ Россіи, обнимающимъ мѣстности, которыя имѣютъ общія типическія особенности быта». Замѣчаніе это сохраняетъ свою силу также въ приложеніи къ этнографіи.

Этнографическая программа заключаетъ въ себѣ вопросы по слѣдующимъ общимъ главамъ: 1) географическія и историческія свѣдѣнія, 2) антропологическія свѣдѣнія, 3) жилище и его принадлежности, 4) одежда, 5) пища и питье, 6) бытъ и занятія, 7) семейныя нравы и обычаи, 8) вѣрованія, 9) языкъ, письмо, искусства и 10) народная словесность. Наиболѣе вопросовъ предложено относительно вѣрованій народа.

Полнота и подробность изданныхъ обществомъ любителей естествознанія программъ составляютъ и крупное достоинство ихъ, когда ими будутъ пользоваться специалисты, и недостатокъ ихъ въ приложеніи къ массѣ любителей этнографіи.

Такая полнота и подробность можетъ смутить или запугать чловека неопытнаго въ дѣлѣ собиранія этнографическаго матеріала. Не всякому прійдетъ на мысль воспользоваться богатымъ арсеналомъ научныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ программахъ. Желательно было бы на ряду съ этими прекрасными программами имѣть программы болѣе краткія, простыя, притомъ мѣстнаго характера, и тѣмъ и другимъ программамъ, толстымъ и тоненькимъ, дать самое широкое распространеніе по лицу всей русской земли, направляя мѣстныя программы, разумѣется, въ тѣ стороны, гдѣ наиболѣе могутъ ими интересоваться. Хотя давно уже прошли годы, благоприятныя для изученія этнографіи, годы живаго увлеченія вопросами народнаго быта и любовнаго ихъ изученія, что потомъ такъ жестоко и грубо было осмѣяно съ придачей разныхъ „фильствъ“, однако и теперь что нибудь можетъ быть сдѣлано въ области собиранія и изученія этнографическихъ и юридическихъ особенностей народа отдѣльными исключительными лицами, сохранившими еще въ глуши лѣсовъ или на просторѣ полей чистоту и цѣльность чувства любви къ родному краю. Самый фактъ появленія такого рода людей, независимо отъ того, что они соберутъ съ народнаго поля, будетъ уже отраднымъ фактомъ сохранности явленій жизни.

0.

Холмскій народный календарь на 1888 годъ. Годъ IV. Изданіе холмскаго правосл. св. богородицкаго братства. Кіевъ. 1887 г.

Постоянные читатели «Кіевской Старины» достаточно ознакомлены съ характеромъ названнаго изданія, четвертый годъ выпускаемаго, по выраженію старинныхъ нашихъ издателей, «працею и коптомъ» существующаго въ городѣ Холмѣ при соборной рождество-богородичной церкви православнаго братства, возстановленнаго послѣ вѣковаго перерыва въ 1879 г. Едва ли однако не въ этотъ первый годъ холмскій календарь, если даже считать и нѣсколько лѣтъ его первоначальнаго выхода съ 1865 г., заслуживаетъ вполне названія *народнаго*. Опытъ умудряетъ насъ во всемъ, и это сказывается даже на такомъ изданіи, какъ календарь. Давно чувствовалась потребность низвести холмскій народный календарь съ высоты научно-историческихъ изслѣдованій, для которыхъ, быть можетъ, не было тамъ и надлежаще подготовленныхъ дѣятелей, въ сферу религіозно-практическихъ интересовъ русскаго населенія холмско-подляскаго края, едва начинающаго примыкать къ православно-русской жизни и въ нѣкоторой части то запутывающагося еще въ сѣтяхъ латино-польской пропаганды, то слѣпо-вѣрующаго ей и держащагося за нее, какъ держится слабое дитя за того, кто раньше далъ ему свою руку... Нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой потребности дѣлаемы были раньше, но рѣшительно изданіе холмскаго братства становится на новый путь только теперь. Быть можетъ, исчерпано уже все, что можно было по добытымъ доселѣ матеріаламъ сказать о минувшихъ судьбахъ Холмщины и Подлясья; быть можетъ, просто руководство издательскимъ, да и вообще братскимъ дѣломъ перешло въ болѣе умѣлыя руки; но указываемой нами перемѣны не можемъ не привѣтствовать съ особою радостью.

Содержаніе холмскаго календаря на 1888 г. подраздѣляется на три части. Первая содержитъ собственно календарныя свѣдѣнія, общія и мѣстныя, во второй помѣщены популярныя статьи историко-практическаго характера, а третья представляетъ смѣсь практически нравоучительныхъ, медицинскихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, съ нѣкоторыми официальными свѣдѣніями (о холмскомъ духовномъ училищѣ и братствѣ), заканчивающимися краткимъ отчетомъ о дѣятельности холмскаго братства въ 188⁵/₆ г.

Въ первой части, кромѣ хронологическаго перечня церковно-историческихъ событій, имѣющихъ отношеніе къ Холмской Руси, составленнаго правда безъ строгаго соображенія съ научно-историческими данными, и болѣе серьезно сдѣланнаго списка холмскихъ православныхъ епископовъ, со времени учрежденія холмской епархіи, обращаютъ на себя

вниманіе прекрасно задуманный и выполненный „Церковный годъ православнаго христіанина“, а также вполне пригодныя для тамошняго сельскаго люда «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ и торжественныхъ празднованіяхъ въ церквахъ люблинской и сѣдлецкой губерній, съ показаніемъ крестныхъ ходовъ и мѣстъ особеннаго стеченія богомольцевъ». Въ „Церковномъ годѣ“ почтенный о. Антоній Медвѣдь мастерски дѣлаетъ историко-правоучительное объясненіе взятыхъ имъ на выборъ 13-ти дней въ году, отнюдь не изъ числа великихъ и наиболѣе замѣчательныхъ. Чтобы дать понятіе о манерѣ его изложенія и его умѣнны самую общую истину примѣнить къ положенію и потребностямъ мѣстнаго населенія, приведемъ нѣсколько строкъ изъ наставленія по поводу 1-го января. Сказавъ о необходимости внутренняго обновленія въ новый годъ, о. Антоній дѣлаетъ такое обращеніе къ мѣстнымъ поселенцамъ: «Люди! уразумѣйте свое достоинство: нѣдь мы первобытныя жители этой страны, цѣлыя тысячелѣтія живемъ на землѣ Холмской Руси. Земля наша богата, а мы бѣдны. Почему? Потому, что не обновлялись съ каждымъ годомъ, какъ дерево, какъ природа... Чужіе люди пришли къ намъ, на нашу Русь, и за воротами нашихъ домовъ покупаютъ нашу землю, и на нашихъ глазахъ богатѣютъ, а мы смотримъ, заложивъ руки, не имѣя ни копѣйки, и пожимаемъ плечима. Соромъ намъ, соромъ!» Или вотъ выводъ изъ объясненія 2 мая, дня перенесенія мощей св. князей Бориса и Глѣба: „Даже нашъ народъ, холмчане и жители Подлясской Руси, прибѣгалъ съ молитвами къ православнымъ князьямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Въ Голетовѣ на Подлясѣ и теперь въ этотъ день храмовый праздникъ, храмовый праздникъ былъ недавно и въ Ортелѣ, Все это ясно говоритъ, что мы издавна были православнымъ, отторгнута правда на время къ уни, но, благодареніе Богу, опять соединились съ православною церковію». Если это даже рядъ коротенькихъ поученій, которыя о. Антоній говорилъ въ своей приходской церкви, то тѣмъ болѣе они дѣлаютъ ему честь. Только въ такомъ духѣ и объемѣ и такъ просто можно говорить съ тамошнимъ сельскимъ людомъ. Это памятна поученія знаменитаго въ своемъ родѣ о. Родіона Путятина!

На сколько умѣстны въ холмскомъ народномъ календарѣ и пригодны для воссоединеннаго съ православіемъ холмско-подляскаго русскаго населенія «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ» и пр., это можетъ вполне понять только тотъ, кто знаетъ глубокую набожность этого населенія, воспитаннаго въ семь направленія общимъ строемъ господствовавшей тамъ польско-католической церковной жизни и ея пышныхъ церемоній. Къ особой чести и проницательности духовныхъ руководителей тамошняго воссоединеннаго люда надо отнести то, что они позаботились не

только поддержать, но распространить и усилить тѣ крестные ходы и торжественныя празднованія, какія существовали въ возсоединенныхъ приходахъ на пространствѣ двухъ смежныхъ губерній, люблинской и сѣдлецкой. Помѣщенныя въ холмскомъ народномъ календарѣ на 1888 годъ свѣдѣнія объ этихъ крестныхъ ходахъ и празднованіяхъ показываютъ, въ какіе дни въ году и въ какихъ приходахъ они совершаются и какое число богомольцевъ привлекаютъ. Кому изъ коренныхъ русскихъ не покажется удивительнымъ, что есть цѣлыя десятки приходовъ, гдѣ они привлекаютъ отъ 1,000 до 15,000 богомольцевъ? Много ли на необъятномъ пространствѣ внутренней Россіи можно указать мѣстъ подобнаго проявленія народнаго благочестія и набожности? Богомольцы идутъ къ мѣсту праздненства большими или меньшими партіями, съ хоругвями, крестами, съ церковными или народно-набожными пѣснями и по пути слѣдованія поднимаютъ погрязшихъ въ суетѣ мірской, будятъ и поддерживаютъ въ народѣ религіозное настроеніе и память о чествуемыхъ святыхъ и святыняхъ. По приходѣ на мѣсто празднованія, они, во время торжественнаго богослуженія, приобщаются святыхъ таинъ, а предварительно на исповѣди, тутъ-же совершаемой, получаютъ *отпущеніе* грѣховъ, откуда и самыя праздненства получили названіе *отпустовъ*. Названіе, какъ и самое учрежденіе, очень давнее и общее какъ польско-католической, такъ и всей юго-западной русской церкви. Посредствомъ *отпустовъ*, пышно устраиваемыхъ, польско-католическіе ксендзы, совмѣстно съ униатскими священниками, уловляли сотнями и тысячами православное населеніе Холмщины и Подлясья въ унию и католичество, а потомъ и самыхъ униатовъ приводили къ тому же католичеству. Теперь православное духовенство той мѣстности ведетъ тѣмъ же путемъ бывшихъ униатовъ къ православію, а въ возсоединившихся уже поддерживаетъ духъ единства съ русскою православною жизнью, наглядно представляя величіе, чистоту и умиленность православнаго богослуженія, совершая оное всенародно и даже подъ открытымъ небомъ, бесѣдуя съ народомъ объ истинахъ вѣры православной въ живыхъ и простыхъ бесѣдахъ его же языкомъ и огромными массами распространяя въ немъ православныя крестики и образки, а также популярно составленныя и поучительныя книжечки, говоряція его уму и сердцу о его прошломъ и настоящемъ. Указать народу, гдѣ и когда происходятъ такіе отпусты, значить облегчить ему возможность принять въ нихъ участіе, и онъ, получившій вѣковую привычку къ такимъ торжествамъ, пойдетъ на нихъ и теперь и обновится духомъ, просвѣтится мыслию. Просматривая эти указанія въ названномъ отдѣлѣ холмскаго календаря, приходишь въ невольное изумленіе при видѣ того, какъ широко сѣются сѣмена древняго

«благочестія» и какъ быстро выростають они, если уже теперь возможны многотысячныя стеченія богомольцевъ въ такъ недавно вполнѣ католической и глубоко фанатической Радечницѣ, въ Щебрешинѣ, насчитывавшемъ 20 лѣтъ назадъ едва 11 униатовъ, въ Краснородѣ, гдѣ ихъ было лишь 3, и т. д. и т. д. Вотъ что значитъ побивать врага его же оружіемъ!

Открывающему 2-ю часть холмскаго календаря популярному разсказу о св. равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ предшествуетъ литографное изображеніе этого князя. Откуда оно и насколько приближаетъ къ намъ историческій образъ просвѣтителя Россіи? Сколько можемъ припомнить, такой образъ писалъ въ 1866 г. для холмскаго кафедральнаго, тогда еще униатскаго, собора пріѣзжавшій изъ Галиціи „историчный маляръ“ Устиновичъ, который на наше замѣчаніе о томъ, что въ изображенной фигурѣ примѣчается легкость, не свойственная русскому князю такого далекаго времени и напоминающая скорѣе легкую позу Аполлона Бельведерскаго, отвѣчалъ: „власне, мавемъ на угледи Аполліона, але то ниць; бо скоро понуцу му паса, то винъ стане грубшій въ плечахъ“. И на представленномъ въ календарѣ изображеніи Владимира „пась“ замѣтно „понуцень“ и «плечи грубши», но осталась почти таже легкость фигуры и чуждые ей типъ лица и вышитая на выпускѣ рубаха. Пора бы установить общій, хотя приблизительно вѣрный историческій типъ великаго просвѣтителя Россіи, чуждый всякой тенденціи!

Самый разсказъ о равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ не отличается ни особою живостью и общедоступностію изложенія, ни строго сообразнымъ подборомъ лѣтописныхъ сказаній, но въ немъ довольно искусно установлена и показана, конечно, на основаніи преданія, связь равноапостольнаго просвѣтителя всей Руси съ Холмщиной, съ самымъ Холмомъ и съ однимъ изъ древнѣйшихъ окрестныхъ его поселеній, извѣстнымъ подъ именемъ Спаса.

Въ томъ же родѣ и духѣ слѣдующій разсказъ священника В. Якубовскаго о просвѣщеніи Руси св. крещеніемъ, принаровленный къ наступающему въ 1888 году празднованію 900 лѣтія сего событія и сопровождаемый литографированнымъ изображеніемъ крещенія кіевлянъ.

Разсказъ г. Шайдицкаго объ основаніи св. кіево-печерской лавры и о созданіи въ пей великой церкви воспроизводитъ слагавшіяся въ теченіе двухъ вѣковъ въ младенческомъ представленіи нашихъ предковъ легенды объ этомъ предметѣ, сообщенныя въ XIII уже вѣкѣ въ посланіи Симона, епископа суждальскаго, къ игумену печерскаго монастыря, въ какомъ видѣ сказанія эти вошли и въ печерскій Патерикъ. Къ этому разсказу приложенъ видъ великой церкви кіево-печерской лавры и колокольни при ней.

Небольшой также рассказ свящ. П. Гапонова о жизни и подвигах преподобнаго Иова почаевского какъ нельзя болѣе пригоденъ для воссоединеннаго населенія Холмщины и Подлясья, по давней связи онаго съ почаевскою обителью и особымъ симпатіямъ къ ней. Но, подобно предъидущимъ рассказамъ, и онъ не держится на почвѣ строгой исторической дѣйствительности и еще менѣ ихъ можетъ похвалиться простотою и легкостью изложенія.

Двѣ «Бесѣды священника съ прихожанами по поводу самовольныхъ похоронъ», прот. Н. Страшкевича, весьма почтенны по замыслу и имѣютъ благую цѣль, но недостаточно, кажется, продуманы и обработаны. Вызваны эти бесѣды существованіемъ въ воссоединенномъ населеніи такъ называемыхъ «упорствующихъ», или по народному «калакутовъ», проще сказать не желающихъ быть православными и, за невозможностію исполнить случающихся у нихъ требы по увіатскому или католическому обряду, рѣшающихся обходиться въ сихъ случаяхъ безъ всякаго священника и впадающихъ перѣдко въ совершенное безвѣріе. Въ основѣ бесѣдъ факты мѣстпой печальной дѣйствительности, доказательства же противъ защитниковъ самовольныхъ похоронъ заимствуются изъ Ветхаго Завѣта и менѣ ветхаго Свода Законовъ. Тонъ бесѣдъ не для пастыря, языкъ ихъ не для простаго народа, особливо той мѣстности. Діалогическая форма одна изъ самыхъ трудныхъ и требуетъ большой тонкости и искусства, иначе она просто не пригодна.

Иначе совсѣмъ построены слѣдующія за «бесѣдами» два рассказа: „Степанъ и Анна“ и „Бесѣды стараго дѣда“. Въ первомъ излагается простой случай, какъ молодые супруги изъ воссоединенныхъ, Степанъ и Анна, по поводу пріѣзда православнаго епископа въ одно село, пожелали причаститься св. таинъ, но подѣ влияніемъ мелочныхъ обстоятельствъ своей будничной жизни исполнили свой христіанскій долгъ не одинаково: первый съ благоговѣніемъ и къ великой душевной радости, вторая съ небреженіемъ, въ состояніи раздраженія, а потому къ пущей своей досадѣ, и въ этой-то незатѣйливой формѣ искусно проведена мысль о достойномъ приготовленіи къ принятію св. таинъ по духу и обычаямъ церкви православной. Во второмъ старый дѣдъ, пользующійся почетомъ и любовью всего села, прочитываетъ и толкуетъ молодымъ односельчанамъ извѣстный „Польскій Катехизисъ“ 1717 г. объ уничиженіи русской вѣры и народности въ русскихъ областяхъ Польши. Хотя это матерія нѣсколько трудная для пониманія народа, но «старый дѣдъ» справляется съ нею довольно успѣшно, особенно потому, что онъ, какъ и авторъ предъидущаго рассказа, очень хорошо владѣетъ языкомъ, близкимъ къ народному пониманію. По языку и изложенію этимъ послѣднимъ двумъ рассказамъ безспорно принадлежитъ первое мѣсто.

Относительно 3-й части холмскаго календаря скажемъ коротко, что вся она составлена очень разнообразно и разумно, проникнута желаніемъ прійти въ помощь тамошнему простому сельскому люду и, не смотря на свою краткость, даетъ ему весьма существенныя и полезныя свѣдѣнія въ нуждахъ и бѣдахъ его повседневной жизни. Особенно хорошо составлена и вполне доступно и тепло написана статья А. Бескидина о посѣвѣ разныхъ кормовыхъ травъ.

Заканчивающій 3-ю часть и весь календарь краткій отчетъ холмскаго православнаго братства за 1885/6 г. оставляетъ въ читателѣ самое отрадное впечатлѣніе. Приращаются средства братства, расширяется его благотворная дѣятельность, видятся ясныя признаки новой жизни тамъ, гдѣ два десятка лѣтъ назадъ, какъ на полѣ Іезекіилевомъ, приходилось съ подавляющимъ сомнѣніемъ вопрошать: *Господи, оживутъ ли кости сія?*

Отъ души желаемъ юному братству преуспѣянія въ его начинаніяхъ и дѣлахъ, а его руководителямъ и всѣмъ потрудившимся въ изданіи столь разумной и полезной книжки для тамошняго русскаго люда всегда будетъ честь и великое спасибо отъ всего русскаго общества.

Холмскій старожиль.

Сводная галицко-русская летопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I-я. Составилъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.

Мы только что получили книгу, названіе которой приведено. По краткости остающагося времени мы не можемъ представить здѣсь подробнаго ея разбора, ограничимся сообщеніемъ о ея выходѣ и самыми общими замѣчаніями о ея содержаніи и значеніи.

Имя достоуважаемаго составителя настоящей книги, о. А. С. Петрушевича давно пользуется почетною извѣстностью не только въ галицко-русской, но и нашей исторической литературѣ. Недавно въ семь году, въ Львовѣ состоялось скромное чествованіе 35-лѣтія ученой его дѣятельности, прошедшее у насъ совершенно незамѣченнымъ.

Отличительный характеръ многочисленныхъ трудовъ о. Антонія Петрушевича по исторіи Руси Галицкой и вообще южной есть лѣтописный. Такой характеръ носить и настоящая работа. Годъ за годомъ авторъ кратко, а иногда и довольно обстоятельно, отмѣчаетъ всѣ сколько нибудь примѣчательныя событія въ судьбахъ южной Руси и преимущественно Галичины. Событія одного года записываются по мѣсяцамъ и днямъ, а при неизвѣстности ихъ нѣсколько событій записываются подъ рядъ, переходною жъ и связующею ихъ фразою служатъ въ большей части такъ обычныя въ малорусскихъ лѣтописяхъ слова: „того жъ року“.

Большая или меньшая краткость записей зависитъ отъ характера событія, количества свѣдѣній объ немъ и источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ ихъ авторъ. Въ поясненіе и подтвержденіе записей изъ этихъ источниковъ авторомъ дѣлаются выписки. Эти-то выписки и составляютъ самую цѣнную часть книги, такъ какъ авторъ располагаетъ массою рукописей и старо печатныхъ изданій, ему лично принадлежащихъ или доступныхъ весьма не многимъ спеціалистамъ. Для любителей легкаго, хотя бы и историческаго чтенія трудъ о. Петрушевича представить значительную трудность какъ по способу изложенія, такъ и по языку; но не ихъ конечно онъ имѣлъ въ виду. Задачею его, какъ видно, было группировать, хотя въ хронологическомъ порядкѣ, всё имѣющіяся у него и доступныя ему историческія данныя и ими освѣтить судьбу своей родины вообще и въ частности за указанный періодъ времени, сдѣлавъ эти данныя достояніемъ людей науки.

Достопочтенный авторъ въ названномъ трудѣ не ограничился исключительно ролью лѣтописца, но въ довольно обширномъ къ нему предисловіи устанавливаетъ ту общую точку зрѣнія, которая служитъ связующею нитью отмѣчаемыхъ событій. Во всей совокупности ихъ въ очерчиваемый періодъ онъ видитъ разширеніе униі въ западно-русскихъ областяхъ съ постепеннымъ погубленіемъ въ нихъ русской народности не только въ средѣ православныхъ, но и униатовъ, а это потугленіе, систематизированное проектами уничтоженія Руси 1717 и 1786 гг., считаетъ прямымъ дѣломъ всей внутренней политики Польши, навязанной ей Римомъ и представляющей продолженіе борьбы, погубившей Моравское княжество. Съ этой стороны трудъ о. Петрушевича можетъ служить поучительнымъ указателемъ для современной польско-католической лиги въ Галиціи и для всего славянскаго запада. Какъ научная работа, онъ соединяетъ въ себѣ полную добросовѣстность и точность, обиліе драгоценнаго матеріала и необычайную кропотливость въ его собираніи и группировкѣ.

Настоящему своду предшествовалъ такой же сводъ событій 1600—1700 гг., напечатанный въ «Литературномъ Сборникѣ» галицко-русской Матицы 1874 г. Окончаніе этого свода событій 1772—1800 гг. авторъ обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени. Грустно подумать, что «Сводныя лѣтописи» его же за XIV, XV и XVI ст. остаются не изданными «для недостатка иждивенія» и что только составленная имъ же «Сводная молдавско-русская лѣтопись» будетъ издана, какъ надѣется авторъ, «стараніемъ румыновъ, любящихъ свою отечественную исторію».

К. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.

Недавно оконченная на страницахъ «Кіев. Старины» монографія г. Сумцова «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень» вѣроятно не нами одними, но и многими другими была прочтена съ большимъ интересомъ. Нельзя однако скрыть того, что, какъ всякій первый опытъ въ научной обработкѣ новаго матеріала, трудъ г. Сумцова, въ общемъ весьма добросовѣстный и талантливый, не лишень въ некоторыхъ недосмотровъ, упущеній и, быть можетъ, прямыхъ даже ошибокъ. Будемъ надѣяться, что специалисты не преминутъ сдѣлать подробныя указанія на всѣ подобнаго рода недостатки въ новомъ изслѣдованіи молодаго ученаго; а пока что, да позволено будетъ намъ, лицу вовсе не спеціальному въ данной области, предложить два замѣчанія, или, точнѣе, дополненія къ названному труду: одно изъ нихъ касается вопроса о такъ называемой *евангелистой* пѣснѣ, а другое сказаній объ антихристѣ.

1. Евангелистая пѣсня.

Приводя мнѣніе г. Веселовскаго о томъ, что великорусскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ югозападной школы, г. Сумцовъ замѣчаетъ: «трудно сказать что-нибудь положительное и определенное, судя по одному галицко-русскому варианту пѣсни (въ сборникѣ Головацкаго)... Въ Малороссіи, по видимому, не знаютъ евангелистой пѣсни». Нѣтъ, знаютъ ее хорошо и въ Малороссіи,

и можно лишь удивляться, почему она не вошла ни въ одинъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ. Разумѣется, знаетъ ее не простой народъ, къ которому, по справедливому замѣчанію г. Сумцова, и не могло привиться сухое догматическое содержаніе этой пѣсни, а знаетъ и донныѣ распѣваетъ ее то сословіе, въ средѣ котораго получила она и свое бытіе, т. е. малороссійское духовенство. Намъ неоднократно приходилось слышать эту пѣсню въ полтавской губерніи; ее обыкновенно пѣвали на храмовыхъ празднествахъ и тому подобнѣхъ съѣздахъ духовенства, и помнится, что въ пѣніи принимали участіе не одни священно- и церковно-служители, но и ихъ жены. Помню также, что среди полтавскихъ семинаристовъ въ 60-хъ годахъ пѣсня эта была общеизвѣстной; таковою же она была и нынѣ есть въ средѣ питомцевъ семинаріи кievской, да вѣроятно, и многихъ другихъ. Очень жалѣемъ, что въ свое время не догадались записать сполна текстъ этой пѣсни. На дняхъ намъ сообщили мотивъ и текстъ ея изъ гаращанскаго уѣзда, но, къ сожалѣнію, не сполна. Въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть и полный текстъ, а пока помѣщаемъ лишь первую половину:

1. Ой ты, дяче, дяче ученый, надъ школами выбранный,
Скажи мени, дяче, що то есть *единъ*?
—Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.
2. Ой ты, дяче ученый, надъ школами выбранный,
Скажи мени, дяче, що то есть *два*?
—Дви табылицы Мусієви,
Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.
3. Ой ты, дяче.., и проч., що то есть *три*?
—Три янголи билохори
Дви табылицы Мусієви и т. д.
4. Ой ты, дяче... що то есть *штыри*?
—Штыри листы—вангелисты,
Три янголи билохори... и проч.

5. Ой ты, дяде... що есть *пять*?

—Пять ранъ терпивъ Панъ
 За насъ грѣшныхъ христіанъ,
 Штыри листы—вангелисты,
 Три янголи... и проч.

Лице, сообщившее намъ эту пѣсню, къ сожалѣнію, не могло припомнить дальпѣйшихъ стиховъ, но увѣряетъ, что вопросы и отвѣты продолжаются далѣе числа 9, вѣроятно, они доходятъ до 12, каковое число, по изслѣдованію г. Веселовскаго, признается нормальнымъ для евангелистоѣ пѣсни, распѣвавшейся въ средніе вѣка почти въ цѣлой Европѣ.

Сравнивая текстъ этой пѣспи съ галицкимъ (по сборнику Головацкаго), находимъ разницу, отчасти текстуальную, а особенно языковую: галицкій вариантъ переполненъ полонизмами. Ближе другихъ нашъ текстъ къ великорусскимъ вариантамъ, какъ по сходству большей части отвѣтовъ, такъ еще болѣе по тождественности выраженій (сравни, напр., отвѣтъ на первый вопросъ), что на нашъ взглядъ еще болѣе подтверждаетъ предположеніе г. Веселовскаго относительно происхожденія великорусскихъ вариантовъ этой пѣсни.

II. Сказанія объ антихристѣ.

Г. Сумцовъ справедливо замѣчаетъ, что въ концѣ XVI и особенно въ XVII ст. въ южной Руси, подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій, сильно развилась идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста; авторъ извѣстной «Книги о вѣрѣ» положительно утверждалъ, что появленіе антихриста должно состояться именно въ 1666 г. Въ ближайшей связи съ этими общими чаяніями, какъ намъ кажется, стоитъ одно любопытнѣйшее южно русское сказаніе XVII в. объ антихристѣ *уже народившемся*,—сказаніе, почему-то оставленное г. Сумцовымъ совсѣмъ безъ вниманія, между тѣмъ какъ оно дало бы ему благодарнѣйшій матеріалъ для интересныхъ соображеній и выводовъ. Сказаніе это называется «*Исторія albo новина о антихристѣ*»; текстъ его списанъ г. Голубевымъ изъ современной рукописи, принадлежащей извѣстному галицкому ученому Петрушевичу, и помѣщенъ нами въ VI томѣ 1-й ча-

сти «Архива юго-западной Россіи» подъ № 286. Отсылая спеціалістовъ къ подлинному тексту, считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого, повторяемъ, весьма любопытнаго апокрифа.

«Исторія albo новина о анѣтихристѣ» составлена въ формѣ какъ-бы универсала отъ имени мальтійскаго маистра и «справцы королевства и панства іерусалимскаго», адресованнаго князьямъ, панамъ и «каждому христіанскому человѣкови, великому и малому». Въ немъ повѣствуется о томъ, что въ 1634 году «у вавилонской краинѣ сталася барзо дивная и чудная новина», именно народился анѣтихристь. Съ цѣлью точнаго освѣдомленія относительно этого событія, маистръ якобы посылалъ на мѣсто происшествія «на розвѣдки» нарочитыхъ пословъ, которые донесли ему слѣдующее. Мать анѣтихриста—жидовка, по имени Кармута, «барзо красная и спанѣлая жена»; ея порожденіе не унаслѣдовало однако маменькиной красоты; вотъ его «тварь и постава»: черный цвѣтъ тѣла, короткая шея, «колчистая» голова, длинныя уши и уста, острые зубы, «зморщенное чоло» и все лице, «а нусъ (носъ) долгий и кривый, якъ орловый». Рожденіе чудовища было ознаменовано «дивами и зраками барзо великими»: днемъ нѣсколько разъ затмѣвалось солнце, а ночью «указалася великая свѣтлость и ясность, такъ, якобы огни изъ повѣтря падали надъ тымъ домомъ, въ которомъ ся народило». Тогда же всѣ горы «и пагорки пороспадалися на двое», а въ самомъ Вавилонѣ упалъ и разбился деревянный идолъ, а внутри его «оказалася картка», на которой было написано по жидовски: «южь пришло нарожене анѣтихриста, южь ся народиль». Въ тотъ же часъ, когда анѣтихристь родился, слышенъ былъ на 300 миль въ въ окружности «страшливый голось зъ неба: приправтесь, приправтесь и приймайте сына моего! Благословенный будетъ, который увѣруеть въ него, и не будетъ зотраченный!» На восьмой день дитя «почало ходити и мовити», и такъ разумно «мовило», что на его «розумъ великий людъ барзо ся чудоваль». Съ того же дня анѣтихристь началъ «чуда великии чинити»: исцѣлялъ нѣмыхъ, глухихъ и хромыхъ, воскрешалъ мертвыхъ и творилъ разныя знаменія.—Когда послы обо всемъ этомъ донесли маистру, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ было постановлено: избрать новую комиссію изъ членовъ сейма, духовныхъ и свѣтскихъ, и послать ихъ

въ Вавилонскую землю «для большого свѣдоцтва и для лѣпшей певности того всего, що ся тамъ стало». Новое посольство вполнѣ подтвердило донесенія прежнихъ пословъ. Сказаніе заканчивается слѣдующимъ увѣщаніемъ: «прего жъ вы, панове, и вы отци духовныи и все набоженства христіянскаго и вѣры правдивое люде, пилно смотрите и всегда паметайте, що кончина вамъ ознаируетъ... а бысте ся всѣ въ часъ трудный отъ сна пробудили и чуйными были завше во дни и въ ноци, а о томъ старались, абысте тому злому и фалшивому антихристу опиратись умѣли, а зводитись не давали и не вѣровали ему, але при евангелии І. Христовомъ трѣвали и отъ него не отступовали, але и животь свой при немъ скончали. Аминь».

Приписка: «тая новина... принесена до Угорской землѣ року 1635 г.».

Приписка эта даетъ поводъ предполагать, что, быть можетъ, и самое сказаніе проникло въ южную Русь черезъ Угорскую Русь; но это должно входить уже въ область изслѣдованія апокрифа, каковое предоставляемъ сдѣлать специалистамъ.

О. Л.

Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была любопытная замѣтка о томъ, какъ въ 1613 г. кіевляне, по поводу захвата уніатами соборной церкви св. Софіи, съ большою поспѣшностію поправили стоявшую впусѣ послѣ разоренія татарскаго церковь Успенія Вожіей Матери на Подолѣ и на время замѣнили ея отнятую софійскую катедру; но о степени древности этой церкви, о времени ея построенія не было въ той замѣткѣ сказано ничего.

Оказывается, что эта церковь Успенія пресвятыя Богородицы, именуемая и по нынѣ градскою соборною, принадлежитъ несомнѣнно къ числу древнѣйшихъ въ Кіевѣ, къ постройкамъ древняго, великокняжескаго періода; въ этомъ убѣждаютъ насъ и ея планъ, представляющій собою удлиненный прямоугольникъ съ 3 абсидами или закругленными выступами на восточной сторонѣ, и матеріаль, изъ

котораго она построена, именно: широкой и тонкой, почти квадратной формы, кирпичъ, а также толстые слои цемента изъ брайловской извести, смѣшанной съ жженымъ кирпичемъ. Кѣмъ и когда построена эта церковь, точныхъ историческихъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но можно полагать, что она была тѣмъ храмомъ, посвященнымъ чудотворной иконѣ Божіей Матери «Пирогощей», къ которому ѣхаль, спускаясь по Боричеву изъ Кіевского Кремля, князь Игорь Святославичъ, по сказанію Слова о полку Игоревѣ. Это единственный случай указанія на существованіе этой церкви въ древнѣйшій періодъ. Затѣмъ ея имя не понадается нигдѣ въ русскихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Въ первые встрѣчаемъ упоминаніе о ней уже въ XVI вѣкѣ въ ревизіи кіевского замка 1543 года. Къ 1581 году относится свѣдѣніе, что воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, отдалъ Щекавицкую гору подъ пашню во владѣніе настоятелю этой церкви, названному Матеробозскимъ протопопомъ. Съ 1613 по 1633 годъ кіево-подольская церковь Успенія Божіей Матери, какъ указано было въ вышеупомянутой замѣткѣ, замѣняла для православныхъ кіевлянъ отнятый у нихъ униатами кіево-софійскій кафедральный соборъ. Въ 1620 году ее посѣщаетъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, возстановившій православную кіевскую митрополию. Въ 1651 году, при занятіи Кіева поляками подъ предводительствомъ князя Радзивилла, она сторѣла вмѣстѣ съ прочими церквами Подола. Въ 1654 году успенская церковь была оправлена на столько, что въ ней совершенъ приводъ къ присягѣ бывшихъ въ Кіевѣ козаковъ и всѣхъ кіевлянъ на вѣрность подданства московскому государю. Въ томъ же году эту церковь посѣщаль антиохійскій патріархъ Макарій, возвращаясь изъ Москвы. Въ 1672 году тетманъ Самойловичъ своимъ универсаломъ подтвердилъ пожалованное ей прежде право брать «помѣрное» или плату за мѣру съ зерноваго хлѣба, привозимаго на кіевскій базаръ. Въ 1772 году при ней построена отдѣльная каменная колокольня «общимъ милостиннымъ подаяньемъ», съ церковью въ нижнемъ ея этажѣ во имя св. великомученицы Варвары. Въ 1811 году, во время страшнаго пожара, постигнаго весь Подоль, не уцѣлѣла и соборная успенская церковь, а въ 1830 году сломана до основанія ея прекрасная колокольня, оказавшаяся по новому плану г. Кіева по срединѣ улицы. Въ замѣнъ ея

въ 1835 году надстроена настоящая круглая колокольня надъ западнымъ придѣломъ, который самъ составляетъ пристройку первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Вотъ все, что можно сказать о судьбѣ древнѣйшей изъ кіево-подольскихъ церквей. Скучныя эти свѣдѣнія можно дополнить еще кое-чѣмъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ о Кіевѣ, сдѣланныхъ въ началѣ XVII вѣка въ древней рукописной книгѣ уставщикомъ той же успенской церкви, іереемъ Кириломъ Ивановичемъ.

Этотъ случайный хроникеръ самъ вѣрилъ древности церкви, при которой состоялъ, «оглядѣлъ въ ней все очима своими» и желалъ сказать что-либо о ея началѣ; но даже о томъ, «яко поправлена она на старомъ фундаментѣ, отъ перваго початку стараго, ни гдѣ, говорить, въ кроникахъ не обрѣтохомъ». Оставалось одно указаніе, и то не на очень еще сѣдую тогда древность ея, это «антиминсъ на томъ же престолѣ старомъ, сице подписанный: Освятися олтарь великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа пресвятыя Богородицы честнаго ея успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ, при великомъ королѣ Казимери, а положенъ бысть здѣ въ лѣто 690-е (1474), индикта 6, марта 30 дня, на память преподобнаго отца нашего Іоанна Лѣтвичника». Обрѣлъ еще о. Кирилъ въ какой то «Кроницѣ» извѣстіе близкаго за симъ времени о томъ, какъ при нападеніи на Кіевъ Менгли-Гирея, «сія божественная церковь была изнищена, все побрано серебро и злато, кресты и иконы полулены (ободраны) и попалено все отъ поганаго царя перекопского и отъ нечестивыхъ его агарянь»; какъ очевидецъ, онъ рассказываетъ, какъ исправляема была успенская перковь въ 1613 и слѣдующемъ году, замѣчая, что «поправлялъ ее майстеръ зе Влахъ (Италіи) Севастіанъ Брану», и по свѣжему преданію, а быть можетъ и личной памяти, передаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ уніатовъ овладѣть кіевскими церквами (памекая тѣмъ косвенно и на судьбу успенской церкви) и о томъ отпорѣ, какой они здѣсь встрѣчали.

«Року 1609 панъ Жолковскій, гетманъ великаго князства литовскаго, наехалъ на воеводство кіевское. Того жъ року и святая Софія церковь остала отъ службы, не почали священники до неи со кресты ходити и службы Божои отправовати, пре то, ижъ митрополить Ипатій приступиль до костела римскаго, и казалъ былъ

тамъ священникомъ кіевскимъ за себе Бога просити, за што и самъ зле живота своего доконалъ у Володимери; позвалъ поповъ мандатомъ на трибуналъ, да самъ и справъ своихъ не побралъ. А предъ нимъ былъ митрополитъ Михаилъ Рогоза. Тотъ начальникъ того боливства найпервей прислалъ тутъ до Кіева врядника своего, именемъ Янъ Хрушинскій, щырый ляхъ,—того николи не бывало,—который задавалъ трунковъ попамъ о послушенство; теды и того Богъ явне скаралъ, же якъ сытили медъ ко рожеству Богородици, хотѣлъ мѣтъ поповъ въ себе на обѣдѣ, имѣя сполечность показывать костела римского исъ церковью восточною; але не допустилъ котель: пришли до него сыты глядѣти, мусели въ немъ и долго сидѣти, а они ей не почали глядѣти, такъ и той даль покой».

Послѣднее извѣстіе очень напоминаетъ другое, какъ козаки подобнаго же посланца Юзефовича, желавшаго захватить выдубецкій монастырь, пустили въ Днѣпръ подъ ледъ «воды пити».

П. Л—въ.

Къ древней топографіи Кіева.

По записанному въ нашей древней лѣтописи преданію объ основаніи города Кіева, у полянъ было три брата: Кій, Щекъ и Хоревъ, а также сестра Лыбедь; эти три брата съ родами своими жили на трехъ горахъ, которыя стали потомъ называться ихъ именами. Братья создали небольшой городъ и назвали его по имени старшаго брата Кіевомъ. Такъ осмыслялся фактъ основанія города Кіева примѣрно въ XI вѣкѣ: на мѣстѣ современнаго Кіева было раньше три поселенія, каждое на особой горѣ, названіе которой звучало именемъ одного изъ его первыхъ поселенцевъ; еще одно поселеніе было внизу на рѣчкѣ, называвшейся Лыбедью. Жители первыхъ трехъ поселеній основали общее укрѣпленіе или городъ на мѣстѣ главнаго, значительнѣйшаго поселенія, т. е. у старшаго брата, и городъ этотъ сталъ историческимъ Кіевомъ.

Не имѣемъ основанія сомнѣваться, что въ этомъ преданіи скрывается фактъ синойкизма трехъ поселеній, сперва обособленно существовавшихъ на вершинахъ трехъ кіевскихъ горъ, а затѣмъ слившихся своими промежуточными поселками. Это сліяніе сдѣлало

всѣ три поселенія какъ бы однимъ, а затѣмъ необходимость защиты вынудила жителей укрѣпить одно, конечно, важнѣйшее поселеніе, или по крайней мѣрѣ самую возвышенную часть его, гдѣ жители могли бы укрываться въ случаѣ опасности. Это укрѣпленіе на одной изъ горъ и было городомъ Кіевомъ, центральнымъ пунктомъ, отъ котораго шли не укрѣпленныя, но защищаемыя городомъ слободы. Очень возможно, что укрѣпленіе было предпринято съ цѣлью обезпеченія перевоза черезъ рѣку Днѣпръ, на что указываетъ другое, извѣстное въ древности преданіе объ основаніи города Кіева перевозчикомъ Кіемъ, встрѣчающее себѣ аналогію во многихъ народныхъ сказаніяхъ.

Мѣсто древняго города Кіева опредѣлено съ достовѣрностью: городъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ находятся церкви Десятинная, Андреевская, Трехвятительская и прилегающія къ нимъ съ юго-востока усадьбы. Здѣсь и можно съ достовѣрностію полагать мѣсто поселенія лѣтописнаго Кія, заключающаго и устроенный имъ «городъ», или укрѣпленіе.

Не трудно опредѣлить и ту гору, на которой, по лѣтописному преданію, было другое поселеніе второго брата Щека. И лѣтописи и народныя преданія указываютъ на возвышенность, довольно близкую къ собственно кіевской и доннынѣ называемую Щековицею, или, по мѣстному народному, Скавикою.

Иначе стоитъ дѣло относительно третьяго поселенія и горы Хоревицы, мѣстность которой остается еще неопредѣленною. Хотя на нынѣшнемъ Кіевскомъ Подолѣ и есть улица Хоревая, идущая отъ подошвы горы Киселевки, но названіе ея чисто административнаго происхожденія и относится уже къ XIX в.

Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей, кажется начиная еще съ кн. Щербатова, руководимые идеей, что всѣ три горы названы лѣтописью въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ идутъ вверхъ по теченію р. Днѣпра, готовы были видѣть Хоревицу въ горѣ Вышгородской, отстоящей отъ города Кіева верстъ по крайней мѣрѣ на 12, такъ какъ ближе къ Щековицѣ вверхъ по р. Днѣпру горы нѣтъ. Но это предположеніе совершенно неосновательно; 12 верстъ и нынѣ большое разстояніе, а для того, весьма отдаленнаго времени, къ которому приходится приурочивать укрѣпленіе Кіева, со-

вершенно не возможно такое сопоставленіе мѣстъ, столь удаленныхъ одно отъ другого въ топографическомъ отношеніи.

И такъ Хоревицу надо искать въ какой то другой горѣ, болѣе близкой къ кievской, чѣмъ выпгородская, стоящей въ первой примѣрно въ такомъ же отношеніи, какъ и Щековица, и жители которой могли бы дѣйствительно въ случаѣ опасности стать подъ защиту города Кіева.

Намъ кажется, что лѣтопись дѣйствительно ставитъ всѣ три горы въ извѣстную систему, но не въ ту линейную, которую думали уловить въ лѣтописномъ разсказѣ прежніе изслѣдователи. Лѣтописный разсказъ помѣщаетъ Щековицу отъ Кіева на правой сторонѣ; естественно предполагать, что Хоревицу онъ помѣщалъ на лѣвой. Такъ размѣщаютъ народныя преданія другихъ мѣстностей лицъ, аналогичныхъ тремъ кievскимъ братьямъ. Вотъ напр. извѣстный разсказъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ. Первый селится въ Новѣгородѣ, у озера Ильменя, или въ Ладогѣ, у озера Нево (Ладожскаго), что безразлично; направо отъ него, если смотрѣть изъ Кіева, гдѣ записанъ въ лѣтопись разсказъ, на Бѣлѣозерѣ занимаетъ мѣсто Синеусъ, на лѣво въ Изборскѣ, у псковскаго озера, Труворъ. Въ такомъ же родѣ иноземныя преданія о трехъ основателяхъ ирландскихъ городовъ: Амлавѣ (Дублина), Ситаракѣ (Гватерфорда) и Иворѣ (Лимрика), или о трехъ сестрахъ богатыршахъ: Люціи, Розаліи и Маріи, основательницахъ крѣпостей Люцинской, Рѣжицкой (Розитенской) и Маріенгаузенской.

Конечно, не вездѣ въ разсказѣ о поселеніи трехъ родственныхъ лицъ можно наблюдать строгую симметрію; притомъ мы не всегда можемъ знать, или сообразить, гдѣ именно составилось преданіе, но все же старшее лицо живетъ по срединѣ, младшія по бокамъ. Нѣчто подобное можемъ усмотрѣть и въ библейскомъ разсказѣ о сыновьяхъ Ноя и размѣщеніи ихъ потомковъ, по которому, какъ ни толковать его, Симъ сидитъ среди братьевъ. Аналогично расположеніе земель, завоеванныхъ Гераклидами въ Полопонезѣ и хотя въ этомъ преданіи Лаконія, находящаяся въ центрѣ, досталась меньшему брату (собственно дѣтямъ его), но первенство меньшого брата, или сестры надъ двумя старшими, особенно если эти старшія обижаютъ меньшихъ, что именно имѣло мѣсто при дѣленіи Гераклидовъ, вещь обычная въ народныхъ сказаніяхъ. Не говоря уже

о легендахъ объ Иванушкѣ дурачкѣ и о Сандрильонѣ, какъ общеизвѣстныхъ, укажемъ на легенду о Кадмѣ, младшемъ изъ трехъ, но наиболѣе геройскомъ сынѣ царя Агенора, о Колоксаисѣ, младшемъ сынѣ скиѳа Тарштая, взявшемъ въ руки золото, которое обожгло руки его старшихъ братьевъ, а также на легенду о Психеѣ, хотя и младшей, но болѣе достойной. Изъ трехъ чешскихъ сестеръ: Любуша, т. е. любимая, тоже младшая сестра, владѣетъ Вышгородомъ; наконецъ тенденція, что младшій братъ можетъ стать выше старшихъ, есть и въ библіи.

Разсказъ о Любушѣ и ея сестрахъ, связывающій съ ихъ именами мѣста ихъ жительства, по видимому, располагаетъ эти послѣднія по теченію рѣки, хотя въ порядкѣ обратномъ нашему преданію о трехъ кievскихъ братьевъ; но если допустить, что Касина могила лежала именно между городами Тетинымъ и Вышеградомъ, тогда разсказъ представить аналогію съ нашимъ кievскимъ преданіемъ. Сходное размѣщеніе встрѣчаемъ въ позднемъ книжномъ чешскомъ разсказѣ о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Русѣ: Лехъ живеть около Чеха, а за нимъ Русь.

Преданій, параллельныхъ появленію сестры Лыбеди при братьяхъ, тоже существуетъ достаточно; такъ въ греческихъ преданіяхъ Елена является при Діоскурахъ, Гармонія при Дардолѣ и Ясіонѣ, Клеопатра при Гетесѣ и Калаисѣ, Ифигенія при Орестѣ и Пиладѣ и т. д.

Слѣдую порядку, отмѣченному болѣе или менѣе ясно во всѣхъ указанныхъ преданіяхъ, и кievское поселеніе, связанное съ именемъ Хорева, естественно искать вблизи поселенія Кія, но въ сторону, нѣсколько обратную той, гдѣ находится Щековица, а потому не на Киселевкѣ, гдѣ нынѣ флоровскій монастырь, и не на древней Уздыхальницѣ, прилегавшей и причислявшейся къ горѣ Кія.

По видимому, всего естественнѣе было бы искать Хореву въ тѣхъ возвышенностяхъ правого берега р. Днѣпра, которыя составляютъ ближайшую къ рѣкѣ часть такъ называемыхъ Липокъ. Но историческія свѣдѣнія объ этой мѣстности не допускаютъ подобнаго предположенія. Судя по лѣтописямъ и по сказаніямъ Патерика печерскаго, нынѣшнія Липки, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были мѣстами не кievскими, но отдѣленными отъ города Кіева лѣсистымъ удольемъ (нынѣшнимъ Крещатикомъ) и въ свою очередь покрытыми густымъ лѣсомъ, среди котораго были села, напр. Берестово, уже

не причисляемая къ Кіеву. Этими дебрями надо было очень долго ѣхать въ печерскій монастырь; словомъ вся эта мѣстность еще въ XI в. не была Кіевомъ.

Извѣстно, особенно изъ разсказа кіевской лѣтописи о волненіяхъ въ Кіевѣ въ 1147 г., что г. Кіевъ въ то время былъ пересѣченъ оврагомъ, настолько глубокимъ, что черезъ него былъ построенъ мостъ. Найти мѣсто этому оврагу не трудно, тѣмъ болѣе, что голова его сохранилась еще и нынѣ. Это и теперь еще довольно широкой и глубокой оврагъ, идетъ съ Крещатика, отъ котораго онъ отдѣленъ уже домами, и оканчивается недалеко около михайловскаго монастыря: въ половинѣ же XII в. онъ пересѣкалъ всю нынѣшнюю площадь между михайловскимъ монастыремъ и софійскимъ соборомъ, шелъ тамъ, гдѣ нынѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, и далѣе выходилъ на сѣверъ, впадая въ ущелія, отдѣлявшія кіевскую гору отъ Щековицы; теперь вся эта часть оврага уже засыпана. По нашему мнѣнію, этимъ оврагомъ и отдѣлялась отъ горы Кія древняя Хоревица, которая занимала въ такомъ случаѣ мѣстность нынѣшняго софійскаго собора и окрестныхъ усадебъ. Что здѣсь еще въ X в. были поселенія, и даже довольно значительныя, видно изъ того, что вел. кн. Ярославъ счелъ необходимымъ ввести эту часть города въ укрѣпленіе, соорудивъ кругомъ ея валы, остаткомъ которыхъ служатъ Золотія Ворота. Вѣроятно тогда же улучшено было и сообщеніе между старымъ и новымъ городомъ, на примѣръ построенъ мостъ черезъ оврагъ, вслѣдствіе чего древнее хоревицкое поселеніе вполнѣ слилось съ Кіевомъ и св. Софія уже была построена въ Кіевѣ. Этимъ можетъ быть объясненъ и тотъ весьма странный фактъ, что названіе Хоревица, мелькнувъ всего одинъ разъ въ самомъ началѣ древней лѣтописи, исчезаетъ затѣмъ на вѣки, тогда какъ названія другихъ кіевскихъ урочищъ постоянно появляются въ разсказахъ о войнахъ въ Кіевѣ. Подобный фактъ не покажется страннымъ, если предположить, что Хоревица уже въ XI в. стала частью города Кіева. За этою же, обнесенною валами, частью города опять шли слободы, доходя до самой рѣчки Лыбеди, что и дало поводъ лѣтописи причислить Лыбедь къ семьѣ трехъ кіевскихъ братьевъ.

Возможно и еще одно предположеніе, что Хоревицею называлась гора, на которой стоитъ нынѣ михайловскій монастырь.

Мѣста для небольшого поселенія здѣсь достаточно, и эта часть города довольно рано слилась съ Кіевомъ и могла потерять свое собственное названіе. А между этою горою и кіевскою находилось небольшое удолье, по которому шель Боричевъ взвозъ. Но именно этотъ-то путь и препятствуетъ видѣть въ михайловской горѣ Хоревиду, такъ какъ Боричевъ взвозъ, главный путь въ Кіевъ съ рѣки Днѣпра, т. е. съ мѣста переправы черезъ него и изъ Почайнской пристани, выходилъ на Кіеву гору и вся мѣстность этого взвоза причислялась къ Кіеву. Мало того, лѣтописный рассказъ какъ бы подчеркиваетъ, что именно мѣстность Боричева взвоза, т. е. михайловская гора, была первымъ мѣстомъ поселенія Кіа, а потомъ уже три брата устроили г. Кіевъ тамъ, гдѣ онъ въ послѣдствіи и находился. Если понять лѣтописный рассказъ такимъ образомъ, то еще удобнѣе признать за Хоревиду мѣстность нынѣшняго софійскаго собора, такъ какъ она съ третьей стороны замыкаетъ кіевскую возвышенность, къ которой съ одной стороны примыкаетъ михайловская гора, а съ другой подходятъ отроги Щеквицы, четвертая же сторона обрывомъ падаетъ къ рѣкѣ Днѣпру, или, вѣрнѣе, къ прежней Почайнской пристани.

Окончимъ нашу небольшую замѣтку оговоркою, что мы не имѣемъ здѣсь въ виду вопроса о древнѣйшемъ поселеніи на мѣстѣ нынѣшняго Кіева. Очень возможно, что справедливы тѣ предположенія, которыя, на основаніи найденныхъ кладовъ, указываютъ на нынѣшній Подоль, какъ на мѣсто самаго ранняго поселенія въ Кіевѣ. Пещеры въ обрывахъ около кирилловскаго монастыря тоже могутъ быть весьма древняго происхожденія, равно какъ и пещеры вдоль берега Днѣпра ниже цѣпнаго моста. Но все это не Кіевъ. Пространство, нынѣ занятое этимъ городомъ, такъ велико, что въ него вошли многія мѣстности, хотя бы на примѣръ тотъ же Печерскій монастырь, которыя по лѣтописямъ находились возлѣ Кіева, но не въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ могъ втянуть въ себя многія и древнѣйшія поселенія, какъ втянулъ села Берестово, Предславино и др. Но мы вели рѣчь собственно о той мѣстности, которая была Кіевомъ при составленіи древне-русской лѣтописи (собственно свода), т. е. приблизительно въ XI—XII вѣкѣ.

Аленсѣй Маркевичъ.

Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.

Кому изъ читателей не извѣстно имя славнаго кіевскаго профессора, Н. Д. Иванишева, автора нѣсколькихъ капитальныхъ изслѣдованій въ области исторіи юго-западной Руси (Жизнь князя Курбскаго, О кошныхъ судахъ, О сельской общинѣ), вице-предсѣдателя и одного изъ учредителей кіевской археографической комисіи, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ ея трудахъ и выработавшаго прекрасную программу для ея работъ, удерживаемую и нынѣ, бывшаго декана юридическаго факультета и ректора университета св. Владиміра, послѣ кратковременной службы въ Варшавѣ въ званіи вице-директора юридической комисіи, мирно окончившаго жизнь въ Кіевѣ надъ грудями архивныхъ бумагъ, въ широкихъ замыслахъ о будущихъ работахъ? Въ обширной біографіи его, составленной вскорѣ послѣ его смерти проф. Романовичъ-Словатинскимъ, обстоятельно очерчена его профессорская и ученая дѣятельность, рассмотрѣны и обслѣдованы его научные труды, собраны многія біографическія о немъ свѣдѣнія; но осталась почти не тронутою его внутренняя жизнь, въ особенности та сторона его характера, которою онъ преимущественно остался въ памяти всѣхъ знавшихъ или приходившихъ съ нимъ въ какое-либо соприкосновеніе, именно его отрицательное по преимуществу направленіе и критическое отношеніе къ людямъ и ихъ дѣйствіямъ, сказавшееся между прочимъ въ выдававшейся его наклонности шутить и острить надъ всѣми и всѣмъ, не исключая и самаго себя. Это тотъ особый складъ души и мысли, которымъ покойный Николай Дмитріевичъ рѣзко выдѣлялся изъ среды его сослуживцевъ и знакомыхъ, который дѣлалъ его душою своего кружка, доставлялъ ему пріятелей, а нерѣдко и враговъ. Этой стороны въ его характерѣ я и хочу коснуться въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ, удерживаясь отъ всякихъ выводовъ и заключеній.

Судьба привела меня къ Николаю Дмитріевичу еще се студенческой скамьи. Я писалъ диссертацию по исторіи уніи и мнѣ посоветовали обратиться къ нему за нѣкоторыми рукописными источниками и пособіями. Это было въ 1851 г. Николай Дмитріевичъ принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ и снабдилъ меня всѣмъ, что только было у него подъ рукою, приглашалъ и впредь обращаться

къ нему, чѣмъ я охотно пользовался. Съ тѣхъ поръ и началось мое знакомство съ нимъ, не близкое, но самое искреннее, продолжавшееся, иногда съ большими перерывами, до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1874 г. Отсюда-то у меня въ памяти тѣ случаи, о которыхъ хочу здѣсь рассказать.

Саркастическое настроеніе Николая Дмитриевича памятно мнѣ прежде всего по тѣмъ вопросамъ, съ которыми онъ встрѣчалъ меня, и тѣмъ сообщеніямъ, которыя онъ дѣлалъ мнѣ, когда я приходилъ къ нему.

— Скажите, какъ это у васъ тамъ, въ академіи, плетью философію изгоняли? спрашивалъ онъ меня однажды, по поводу дошедшаго до него слуха о вырвавшемся у покойнаго митрополита Филарета восклицаніи: «плетью ее, эту философію!» въ то время, когда послѣ отчетливыхъ отвѣтовъ по философіи, кто-то изъ студентовъ не могъ рассказать жизни св. ап. Павла. А этотъ митрополитъ памятенъ былъ Н. Д. по извѣстному случаю публичнаго перерыва его рѣчи въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о конкубинатѣ.

— Скажите, спрашивалъ онъ въ другой разъ, какой это монахъ у васъ, въ семинаріи, составилъ психологію по *антифонамъ* и *сѣдальнамъ*?— Былъ дѣйствительно такой чудакъ, который вводилъ *антифоны* и *сѣдальны* въ свои лекціи по психологін, разумѣется, ни къ селу, ни къ городу.

— Вообразите, встрѣтилъ онъ меня въ третій разъ: монахъ кіевопечерской лавры изобрѣлъ машину!—Не вѣрите? Я вамъ покажу.— И показалъ мнѣ книжку «Трудовъ вольнаго экономическаго общества» съ рисункомъ лодки, безъ паруса и весель плывущей вверхъ. Устройства машины, равно и имени изобрѣтателя, за давностію я уже не помню.

Само собою разумѣется, что эти и подобные случаи служили темою для дальнѣйшаго въ томъ же тонѣ разговора.

Въ одно изъ посѣщеній пришлось мнѣ присутствовать при разговорѣ декана Иванишева съ студентомъ, пришедшимъ просить о назначеніи ему стипендіи.

— Скажите, вы очень бѣдны? спрашиваетъ его Иванишевъ.— Быть можетъ вамъ нечего кушать? Такъ вы бы ходили ко мнѣ.

Студентъ смутился. Оскорбленное чувство ясно отразилось на его лицѣ. Иванишевъ замѣтилъ это и тотъ часъ перемѣнилъ разговоръ.

— Нѣтъ, это я такъ, шутя. А вы мнѣ пожалуста скажите, гдѣ вы живете.

— На Глубочицѣ (самая бѣдная часть Кіева и далекая отъ университета).

— У кого же?

— У бубличницы мѣщанки.

— Что же? Можетъ быть у нея дочь есть дѣвица?

— Есть.

— А вы бы приложились за ней. Право. А она васъ бубликами стала бы кормить. Впрочемъ вы знаете мой характеръ. Не смущайтесь; тамъ ужъ какъ нибудь устроимъ вамъ стипендію.

Иванишевъ былъ одно время инспекторомъ классовъ въ кievскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Кто въ то идеальное для институтовъ время не служилъ въ нихъ предметомъ обожанія? Даже горбатый Шульгинъ, даже одноглазый учитель пѣнія Петрашень, оба давно почившіе. А Иванишевъ имѣлъ много прекрасныхъ внѣшнихъ достоинствъ. Вотъ передаютъ ему однажды, что такая-то класная дама (подгулявшая на счетъ красоти) вздыхаетъ по немъ.

— Скажите ей, отвѣчаетъ Иванишевъ, что я лучше ея откапывалъ въ древнихъ курганахъ.

Если не измѣняетъ мнѣ память, ему принадлежитъ извѣстный каламбуръ относительно профессора Мирама или Мирома, точнѣе плохаго знанія имъ русскаго языка. А каламбуръ въ томъ, что проф. Миромъ, будучи приглашенъ на обѣдъ къ викарію 8-го ноября и приди къ обѣднѣ въ михайловскій монастырь, рассказывалъ будто потомъ преосвященному, какъ вѣжливо встрѣтилъ его въ церкви большой священникъ, сказавъ очень громко: «*Миромъ Господу помолимся!*»

Въ день выхода изъ Кіева банды повстанцевъ въ 1863 году прихожу я рано утромъ въ помѣщавшуюся въ домѣ Иванишева канцелярію археографической комисіи, которой я былъ секретаремъ. Слышу, въ сосѣдней комнатѣ, въ которую дверь была открыта, сестра Николая Дмитріевича въ страшномъ испугѣ передаетъ ему о томъ, что повстанцы идутъ уже въ городъ и начнутъ рѣзю.

— Не безпокойтесь, сестрица, говоритъ ей Николай Дмитріевичъ. Вы не знаете еще, что какъ войны съ поляками дѣло древнее, то усмиреніе ихъ поручено нашей комисіи древностей. Какъ пойдёмъ мы съ нашимъ предсѣдателемъ, разнесемъ ихъ въ прахъ. Право!

Въ самомъ началѣ польскаго возстанія Иванишевъ былъ уже ректоромъ университета. Является къ нему депутація отъ студентовъ поляковъ и съ нахальствомъ, какое царило тогда въ нихъ, заявляетъ петицію относительно открытія въ университетѣ каѳедры польскаго языка, польской исторіи, польскаго права и еще чего-то, на томъ основаніи, что это край польскій и университетъ польскій же. Иванишевъ съ серьезнѣйшею миною выслушалъ студентовъ и затѣмъ говоритъ:

— Я совершенно признаю справедливость вашихъ требованій. Сдѣлаю надлежащее представленіе и надѣюсь, что мое ходатайство будетъ уважено, тѣмъ болѣе, что край вскорѣ вновь можетъ принадлежать вамъ. Но, господа, если вамъ удастся возстановить Польшу и дойдетъ до выборовъ короля, пожалуйста, не забудьте составить мнѣ протекцію...

Поклонился и ушелъ. Студенты поголклись на мѣстѣ и также вышли, не солоно хлебавши.

Въ ректорство Николая Дмитріевича читались въ университетской залѣ профессоромъ богословія Н. А. Фаворовымъ публичныя лекціи о Ренанѣ, по поводу извѣстной его книги: «Жизнь Иисуса». Талантливыя чтенія, блестящее изложеніе, превосходная дикція лектора, помимо самаго предмета, привлекли массу публики. Вѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, одинъ Иванишевъ сидѣлъ у каѳедры съ зажмуренными глазами. На мое замѣчаніе объ этомъ Иванишевъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я, знаете ли, какъ только споръ заходитъ далеко, всегда предпочитаю вздремнуть немножко.

Ректура была больнымъ его мѣстомъ и тяжелымъ временемъ въ его жизни. Проѣзжался онъ тогда на сѣрыхъ, только не въ яблокахъ, проѣзжался и на счетъ университета. Не любилъ онъ новаго тогда устава: «завели, говоритъ, у насъ республику, а вы знаете, республиканское правленіе самое безтолковое». Въ то время въ университетѣ происходила борьба партій, возмущавшая его до глубины души.

Прихожу я къ нему какъ-то не скоро послѣ занятія имъ ректорской должности и застаю нѣсколькихъ профессоровъ. Спрашиваю: какъ же вы, о ректоръ, на новой должности себя чувствуете?

— А видите ли, когда я сижу у нихъ въ совѣтѣ, то воображаю себя въ положеніи Спасителя въ храмѣ іерусалимскомъ и думаю: сотворить бы бичъ отъ вервія и...

Въ другой разъ, когда ему пришлось прежде времени оставить должность ректора, на вопросъ мой: кто же будетъ вашимъ преемникомъ? Николай Дмитриевичъ, въ присутствіи также нѣсколькихъ профессоровъ, отвѣчалъ:

— Пока еще они придумали только способъ выбора: будутъ принимать эти, знаете, бѣлые, и на кого они придутся, тотъ и будетъ моимъ преемникомъ.

Около того же времени состоялся 1-й внутренній заемъ съ выигрышами, а по всей Галиціи и Польшѣ собирались деньги на канонизацію Юсафата Кунцевича, на что требовалось 200,000 р.

— А знаете ли, говоритъ мнѣ Ивнишевъ въ одно изъ моихъ посѣщеній, я купилъ себѣ билетъ внутренняго займа.

— А на что онъ вамъ? спрашиваю. У васъ вѣдь и такъ денегъ куры не клюютъ.

— Какъ на что? Выиграю 200,000 т. и пошлю пацѣ; онъ меня канонизируетъ вмѣсто Юсафата, на котораго поляки не могутъ собрать такой суммы. И представьте: доселѣ не было изъ ректоровъ университета никого во святыхъ, а тутъ вдругъ....

Тутъ же въ ректорской квартирѣ происходило однажды годичное собраніе членовъ археографической коммисіи. Я читалъ отчетъ. По прочтеніи отчета усѣлись за чай, роскошно сервированный гостепріимнымъ хозяиномъ. За чаемъ мы, какъ археографы, вели рѣчь больше о древнихъ манускриптахъ. Къ концу уже, когда матеріалъ для разговора сталъ истощаться, покойный профессоръ Селинь, извѣстный своею аффектированной декламаціею, сталъ декламировать посланіе Іоанна Грознаго къ монахамъ Іосифова волоколамскаго монастыря.

— Помните, говоритъ, какъ смиренно онъ начинаетъ: «У, лютѣ мнѣ, псу смердящему!» А потомъ, войдя въ свой нравъ, какъ начнеть: «ахъ вы, кабацкіе пропойцы!» и т. д.

И, воодушевившись, Селинь прочелъ все посланіе до конца. Настало общее молчаніе. Тогда Иванишевъ, сидѣвшій рядомъ съ Селинымъ, наклоняется къ нему въ полъборота и говоритъ:

— А что, Александръ Ивановичъ, небось и вы иной разъ, сидя въ минуты раздумья, восклицаете про себя: «У, лютѣ мнѣ»!...

Раздался всеобщій хохотъ и тѣмъ ученое засѣданіе наше окончилось.

Любилъ Николай Дмитріевичъ пошутить и надъ собою. Былъ онъ сынъ священника кіево-подольской успенской церкви и никогда не скрывалъ своего духовнаго происхожденія, какъ-то дѣлали въ ту пору многіе; напротивъ любимую его шуткою при встрѣчѣ съ однимъ изъ священниковъ, состоявшимъ при той же церкви, было: «а, вы отбили у меня приходъ!» и т. д.

Раобралъ онъ свой флигелекъ и сталъ строить домъ на улицу. Прихожу я, а онъ говоритъ: «рекохъ въ сердцѣ моемъ: разорю житницы моя и большая сихъ созижду». А потомъ прибавилъ: «безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ»...

Пришелъ я къ нему разъ послѣ пожалованія его генеральскимъ чиномъ и спрашиваю о здоровьѣ.

— Теперь лучше, а то мнѣ совсѣмъ было худо стало. Представьте, ничего не могу дѣлать. За что ни возьмусь, все валится изъ рукъ. Думаю: засидѣлся. Пошелъ пройтись, все равно. Пойду, думаю, въ гости. Опять тоже. Что такое со мною?—Ба! догадываюсь наконецъ; я дѣйствительный статскій совѣтникъ. Забылъ объ этомъ, и работа, какъ по маслу, пошла.

Извѣстенъ переходъ его въ Варшаву и обстоятельства, его сопровождавшія. Въмѣсто обѣщаннаго директорскаго мѣста ему предоставили лишь мѣсто вице-директора въ юридической комисіи и въ добавокъ насадили въ помощь его ученой работѣ людей съ бору да съ сосенки. Самолюбивый отъ природы и серьезный въ работѣ, онъ не могъ сносить этого положенія, и добродушная въ большей части его шутка переходила уже въ злую иронию. Былъ я не разъ у него въ Варшавѣ и видѣлъ возростающее его недовольство, заставившее его наконецъ бросить службу и возвратиться къ своимъ пенатамъ.

— Наѣхали, говорилъ онъ, сюда русскіе дѣятели; а поскребите любого: или нѣмецъ, или татаринъ... Бываю иногда у А. Θ. Кошелева. У него, знаете, сейчасъ кулебяка, бараній бокъ съ кашей...

— А что тотъ вашъ, что говорилъ въ Немировѣ: «я за православіе готовъ голову сложить»? (Намекъ былъ на Θ. Θ. Витге).

Спросилъ я какъ-то о комисіи, юридической, конечно.

— Да что, говорить, насажали мнѣ сюда такихъ *филовъ*, что не знаютъ ни носа, ни рыла... Давно, знаете, хочу бросить все и въ Кіевъ уйти. Одно только останавливаетъ. Помните вѣдь, меня сюда,

какъ восьмое чудо, выписывали, въ Петербургъ вызывали, государю представляли. И вдругъ эго восьмое чудо бѣжить... Вотъ что!

Изъ Варшавы проѣхалъ Николай Дмитриевичъ однажды въ Люблинъ порыться въ архивѣ люблинскаго трибунала. Было это въ концѣ 1864 или началѣ 1865 г. То была пора самаго высшаго поднятія тамъ русскаго духа. Квартировавшіе въ Люблинѣ военные разнаго оружія рѣшили почтить славнаго ученаго обѣдомъ, устроеннымъ въ клубѣ. При гостѣ за его здоровье много говорили о томъ, что самое прочное завоеваніе путемъ науки и что хотя моль мечи наши и сокрушили польскую гидру, но что дальнѣйшая работа принадлежитъ вашимъ главамъ.

— Итакъ, господа, провозглашаетъ Иванишевъ въ отвѣтъ на эту любезность, за ваши мечи и наши головы!

Громкое ура, шумныя оваціи и все такое. Съ тѣмъ и проводили рѣдкаго и почетнаго гостя. Только уже немного спустя спохватились, что въ его гостѣ была ѣдкая острота. Бросились къ Николаю Дмитриевичу за объясненіемъ, а его и слѣдъ простылъ,— укатилъ въ Варшаву.

По переселеніи Иванишева въ Кіевъ доходили до меня слухи, что онъ тамъ скучаетъ, сталъ нелюдимымъ, никого не принимаетъ, самъ нигдѣ не бываетъ и ничего не производитъ. Пріѣзжаю въ 1869 г. въ Кіевъ и первымъ дѣломъ къ нему. Къ удивленію, онъ принялъ меня самымъ радушнѣйшимъ образомъ, съ живѣйшимъ любопытствомъ распрашивалъ о Варшавѣ и Польшѣ, рассказывалъ о задуманныхъ имъ научныхъ работахъ, строилъ широкіе планы. Не обошлось и въ этотъ разъ безъ обычныхъ его шутокъ, даже надъ самимъ собою. Разстались мы самымъ сердечнымъ образомъ. Но это было послѣднее наше свиданіе.

Припоминаю еще: когда Николай Дмитриевичъ велъ меня, въ качествѣ новаго члена археографической коммисіи, въ центральный архивъ, то говорилъ съ добродушнѣйшей усмѣшкой: «я васъ введу въ храмъ безсмертія, въ которомъ самъ много времени провелъ. И представьте, мы оба будемъ безсмертны!» Но и его судьба привела лишь къ почетной извѣстности.

Ө. Лобода.

Междуплеменные соприкосновенія.

Три сосѣдственныя и родственныя племена: великорусское, малорусское и польское, а также влѣзшее въ среду ихъ чужеянное жидовское племя въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ приходили въ постоянныя, то такія, то иныя соприкосновенія другъ съ другомъ, и это отразилось въ сознаніи каждаго изъ нихъ и породило массу сказокъ и анекдотовъ, характеризующихъ взглядъ ихъ другъ на друга и самыя ихъ соприкосновенія.

Хохоль въ глазахъ великороссіянина представляется дурако-татымъ и «москаль» всегда проводитъ «безмозглаго хохла». Анекдотовъ на этотъ счетъ и не перечесть. Общеизвѣстенъ одинъ изъ нихъ, какъ хохоль, забравшись въ Москву, считалъ галокъ или воронъ на Ивановской колокольнѣ и заплатилъ за то не мало ловкому солдатнику. Но вотъ отвѣтный анекдотъ.

Пріѣхали хохлы въ Москву на волахъ съ какимъ-то провіантомъ, который должны были сдать въ Кремль. Нало было вѣзжать черезъ Спасскія ворота. Показался первый возъ и его хозяинъ, а часовой: «шапку долой!» Повернулъ хохоль головой; видитъ, всюду иконы, а предъ одной горитъ лампадка, и кричитъ къ своимъ:

— Гей, Иване! не наганяйся, та назадъ завертай.

— Чого?

— Бо въ церкву заихали.

Другой анекдотъ.—Шель хохоль лѣсомъ, встрѣчаетъ его разбойникъ изъ великороссіянъ. Повалилъ хохла и хотѣлъ зарѣзать.

— Дядечку, голубчику! взмолился къ нему хохоль. Не рижь мене; отдамъ тобі все, що маю, тильки даруй мене душею.

— А что у тебя есть? спрашиваетъ разбойникъ.

— Е хлибъ и сало.

— Ну, давай хлибъ и сало. Покушаемъ прежде, а потомъ я тебя зарѣжу, потому—выдашь меня.

Усѣлся разбойникъ, порѣзалъ сало на мелкіе куски, накалываетъ по кусочку на ножъ и отправляетъ прямо въ свою пасть. Хохоль долго посматривалъ на своего обидчика и, какъ только тотъ еще разъ поднесъ ножъ ко рту, онъ кулакомъ по ножу. Погалился разбойникъ, а хохоль къ нему, связалъ ему руки, оторвалъ отъ сапога старую подошву и давай пилить ему горло.

— Да не мучь ты меня, безмозглый хохоль! кричитъ разбойникъ. Возьми ножъ да скорѣй кончай.

— Э! говоритъ хохоль, посмотрѣвъ на солнце. До вечера ще далеко; допиляю и подошвою.

У поляковъ сложился иной взглядъ на хлопа-русина. Мужикъ ворона, а хитрѣйшій видъ чорта—пословица польская. Анекдотовъ впрочемъ на эту тему не много или почти нѣтъ, такъ какъ вообще они слагаются въ средѣ народной, а съ народомъ польскимъ мы мало соприкасались. Но относительно пановъ польскихъ у насъ масса анекдотовъ и сказокъ.

Есть сказка, начинающаяся словами: «Ой бувъ собі Конинь, та пишовъ до пана красти коней, а Тихинь та й знавъ объ тимъ, а Панась та й той прійшовъ до насъ». Суть ея въ томъ, что три мужика, провѣдавъ, что набожный ихъ панъ боялся страшнаго суда даже во время сна и, чтобы убаякивать себя, клалъ у своей постели казачка, которому, просыпаясь, велѣлъ каждый разъ рассказывать какую либо сказку, воспользовались этимъ, чтобъ одурачить пана и увести его лошадей, да и обокрасть совѣмъ. Одинъ изъ нихъ, по уговору съ козачкомъ изъ своихъ же, замѣнилъ его у постели пана, пробравшись чрезъ незапертыя двери, и когда панъ въ просонкахъ крикнулъ: «бай байку!»! рассказалъ ему какую-то страшную сказку, предвѣщавшую скорую кончину міра. Подъ впечатлѣніемъ рассказаннаго панъ грезилъ, а когда проснулся, увидѣлъ, что вся комната освѣщена яркимъ свѣтомъ, доходившимъ со двора. Онъ бросился къ окну и видигъ, —земл горить, а то остальные воры зажгли на дворѣ сотни восковыхъ свѣчекъ. Панъ къ дверямъ, а оттуда входятъ два хлопца въ бѣломъ, съ свѣчками въ рукахъ, и говорятъ: «пришли отъ Бога по твою душу! Лизь сюды въ мишокъ, понесемъ тебе на небо». Потерявшійся отъ страха панъ полѣзъ въ мѣшокъ, хлопцы понесли его и повѣсили въ полѣ на вербѣ при дорогѣ. Вѣтеръ колышетъ, а панъ думаетъ, что летитъ на небо. Тѣмъ временемъ Конойъ, Тихонь и Панась обобрали пана дочиста и увели всѣхъ его лошадей. Только на утро слѣдующаго дня одураченнаго пана снялъ съ вербы его сосѣдъ, проѣзжавшій мимо.

Другой анекдотъ на счетъ панскаго лакомства.—Бдетъ панъ мимо пруда, а изъ пруда выкинулась большая щука. Панъ спрашиваетъ своего фурмана, чтобы тотъ сдѣлалъ, еслибъ ему пойма-

лась такая щука.—А щожъ? отвѣчаетъ тотъ; ошкромадивъ бы та въ кашусту вкинувъ.—Панъ такъ и шарахнулся съ ветычанки. Фурманъ къ нему, ничего не подѣляетъ; лежитъ панъ безъ признаковъ жизни. Ёдетъ другой панъ, распросилъ фурмана, въ чемъ дѣло и говорить.

— O gałgan jesteś, kiep! Powinien-byś odpowiedzić, że zgotuje z niej nadziewanę, ta z octem, ta z chrzanem, ta z pieprzem, ta z olejkami...

Панъ задвигалъ ногами, зачмокалъ губами и сказавъ: «o to co innego»! поднялся съ земли и, выбравивъ фурмана, поѣхалъ дальше.

Анекдоты о жидяхъ осмѣиваютъ ихъ жадность къ деньгамъ, трусость, лукавство и пр. Вотъ одинъ изъ цѣлой массы. Ёдетъ жидъ съ мужикомъ ночью черезъ лѣсъ. На встрѣчу ему разбойникъ и требуетъ денегъ. Видитъ жидъ, разбойникъ дряблый и безоружный, а съ нимъ мужикъ здоровый; набрасывается на разбойника, бранить его, какъ можетъ, грозить связать и къ становому доставить. Вдругъ изъ-за деревьевъ еще пять молодцевъ. Жидъ униженно подбѣгаетъ къ старшему изъ нихъ и говорить:

— Ну, отъ цоловикъ поважный, я сѣму дамъ гроши, а не тоби, свиня, мурло, сто цортивъ въ твою голову....

— А бы гроши. отвѣтилъ старшій, и—обобрали жида до нитки.

Но вотъ анекдотъ, аналогичнаго которому не приходилось намъ слышать.—Ёдетъ молодой парубокъ съ молодою же жидовкою куда-то въ далекое мѣстечко. Стали въ полѣ ночевать. Ночь темная. Жидовка дрожить отъ страха въ возу, а парубокъ изъ предосторожности привязалъ возжами хомуть и отъ скуки дергаетъ возжей, поглядывая на пасущуюся вблизи лошадь. Хомуть то поднимется, то опустится, точно что прыгаетъ.

— Иванку, Иванку! а що то скаче? кричить испугавшаяся жидовка.

— А що? Вовкъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ой, Иванку, лизь до мене, сховай мене одъ вовка!

Иванко полѣзъ въ возъ и тамъ уже объяснилъ жидовочкѣ, что напугалъ ее хомутомъ, а спустя не много опять на свое мѣсто.

— Иванку, Иванку! кличетъ не много погода жидовка уже другимъ голосомъ.

— Чого тобі? откликається Иванко.

— А знаєш що? Налякай мене ще разъ хамутою....

И. Куломбашъ.

„Царь-Максимиліанъ“ въ Ковлѣ.

Рождественскіе праздники въ Ковлѣ (волинской губерніи) празднуются мѣщанами также, какъ и въ другихъ городахъ и селахъ той же губерніи. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, на второй и третій день праздниковъ мальчики дѣлятся на небольшія группы, устраиваютъ такъ называемыя звѣзды и съ ними ходятъ подъ окна домовъ колядовать. Взрослые безъ звѣзды ходятъ колядовать, а передъ Новымъ годомъ щедровать, въ самый же Новый годъ мальчики посыпаютъ. Наканунѣ Новаго года мѣщанскіе парни рядятся: кто евреемъ, кто цыганомъ и т. п. и съ музыкой ходятъ по домамъ своихъ знакомыхъ. Особенность же здѣсь въ празднованіи Рождества Христова, какой нѣтъ, кажется, на Волини нигдѣ, заключается въ томъ, что во время праздниковъ парнями мѣщанами играется «Царь-Максимильянъ». Это длинная пьеса, и передается по памяти изъ устъ въ уста, а списанной нѣтъ. Обыкновенно задолго еще до Рождества, Филиповымъ постомъ собирается большая партія парней и мальчишекъ (нужное число, по числу ролей) и разучиваютъ пьесу; каждый старается выучить данную ему роль; а дѣло это не легкое, ибо учить ее приходится не по запискамъ, а изустно, пьеса же очень длинная. Репетиціи дѣлаются часто и труппа любителей актеровъ бываетъ довольно многочисленна, такъ какъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ довольно много: царь Максимильянъ, сынъ его, Скороходъ (адъютантъ), Черный арапъ, Гробокопатель, Великовоишъ и мн. др. Великовоиномъ всегда выбираютъ какого либо рослаго сильнаго парня.

Съ наступленіемъ праздника вся труппа любителей актеровъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его роли костюмѣ, идетъ по домамъ и въ каждомъ разыгрываетъ пьесу. Труппа обыкновенно ждетъ у дома на дворѣ, а впередъ въ хату посылаютъ скорохода (адъютанта) спросить хозяевъ, позволятъ ли показать «Царя Максимиліана». Скороходомъ обыкновенно бываетъ какой либо шустрый,

бойкій на словахъ и на дѣлѣ парень, который, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Скороходъ, войдя въ домъ, обыкновенно говорить шуточками и прибаутками, какъ бы предисловіе, а затѣмъ уже говоритъ о дѣлѣ, за которымъ пришелъ, спрашиваетъ, можно ли представить «Царя Максимилиана»? Вотъ образчикъ рѣчи Скорохода: «Здравствуйте, почтенные господа! Я не самъ, но съ царской свитой пріѣхалъ сюда. У меня скюртукъ парадный! въ тридцать три заплатки; у меня заплатки гладки... Можно ли представить «Царя Максимилиана»? Хозяева обыкновенно отвѣчаютъ согласіемъ. Тогда Скороходъ извѣщаетъ объ этомъ труппу, и она входитъ въ домъ и начинается игра, по окончаніи которой хозяева награждаютъ труппу деньгами, иногда усаживаютъ всю ее за столъ и угощаютъ. Труппа изъ одного дома переходитъ въ другой и обходитъ весь городъ.

Какъ самая пьеса, такъ и игра ея весьма интересны. Ковельскіе парни играютъ съ воодушевленіемъ, непринужденно и подъ часъ совѣмъ хорошо; видно, что она пришлась имъ по вкусу. Я старался добиться, когда и какъ эта пьеса попала сюда, и вотъ что мнѣ рассказали объ этомъ.

Давно давно когда-то забрелъ въ Ковель и поселился на концѣ города отставной солдатъ. Откуда онъ самъ былъ родомъ, какъ его звали, никто того не знаетъ. Знаютъ, только, что онъ собралъ мѣщанскихъ парней, рассказалъ содержаніе пьесы, объяснилъ, растолковалъ, какъ и что слѣдуетъ дѣлать и выучилъ каждого наизусть, что кому слѣдуетъ говорить и какъ дѣйствовать. Солдатъ умеръ, а занесенная имъ «комедія» живетъ въ Ковлѣ и до нынѣ и обязательно играется каждый годъ во время рождественскихъ праздниковъ.

Форма ея стихотворная, содержаніе принаровлено къ праздничному событію, на подобіе «Вертепа», языкъ смѣшанный—великорусско-малорусско-польскій.

И. Б.

Два стихотворенія П. П. Артемовскаго-Гулака.

Предлагаемыя стихотворенія написаны покойнымъ поэтомъ въ самомъ началѣ крымской войны, въ концѣ 1853 или въ началѣ 1854 года, вскорѣ послѣ сѣнопской битвы, и въ свое время чита-

лись съ восторгомъ на всемъ югѣ Россіи. Мною записаны они тогда же въ Одессѣ, во время службы моей въ Ришельевскомъ лицейѣ, и недавно отысканы въ ворохѣ старыхъ бумагъ. Не помню, чтобы они когда либо были напечатаны. Во всякомъ случаѣ не лишне освѣжить ихъ въ памяти.

I.

Ой не мандруй Султане,
До Андриополя,
Бо тамъ тебе застане
Лихенькая доля.
Ой не бажай, Султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи стане
Гирше видъ горчыци.
Ой не схиляйся, Султане,
До Балканивъ зъ ухомъ,
Бо пахне погано
Кульмовскимъ духомъ.
Нехай твій писъ, Султане,
Туды й не досягае,
Бо тамъ Дыбычъ якъ встане,
До смерти влякае.
Не поглядай, Султане,
На Чорнее море,
Бо тамъ въ хвиляхъ, въ тумани,
Плыве твое горе.
Бачъ въ Синопи, Султане,
Клубы дыму вьются,
Отгожъ твои пиддани
Зъ Нахименкомъ бьются.
Бачъ, якъ море, Султане,
Видъ ихъ гармать стогне,
Твое вѣско погане
Зъ байдаками тоне.

Ой подивись, Султане,
Зъ моря на ту хуру,
Тамъ доставъ, та й ще достане
Турчанъ добре въ шкуру.
Не посылай, Султане,
Війска до Арпачаю,
Бо вернетця шьяне
Видъ руського чаю.
Не накликай, Султане,
На руськихъ Шамиля,
Бо винъ лѣбонь не встане
Зъ руського похмилля.
Не вызволють, Султане,
Праньци й агличаньци,
Москаль свое достане
Не ничью, то враньци.
Такъ спиждь, Меджиде,
Мы буркаты не будемъ,
А якъ москаль прійде,
Мы тоди розбудимъ.

II.

Сыдыть Абдуль,
Губы надувъ,
Та й гадку гадае:
Що тамъ мое
Турецькое
Війско пороблае?
Скільки воно
Въ море на дно
Москаливъ пустило?
Скільки ребьятъ
Зъ рушницъ, зъ гармать
Трупомъ положило.
Ой вже жь ти
Турецкіи

Війска розчухрали,
Нахименко зъ Бебутомъ
Й Андроникомъ отспивали.
Вже й въ Пегенбурхъ
Гинець Явтухъ
Черкнувъ, що мавъ сили
Зъ лыстомъ объ тимъ,
Що Туркамъ всімъ
Пенька въ нисъ встромили.
Сполать тоби
Въ руській земли
Андронъче, козаче,
Ты бусурманъ
Зимьявъ въ гаманъ,
Нехай Меджидъ скаче.
Сполать тоби
Въ руській земли
Нахименку хвацькій,
Що потопивъ
И попаливъ
Байдаки султаньски!
Такъ бачъ, Султанъ
На свій изьянъ
Ще въ гору нисъ пиндючить,
На пань-отця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучить.
Сучи арканъ,
Абдуль Султанъ,
Тай сучи тугенько,
Бо туркамъ всімъ
На аркани тимъ
Висить хорошенько.

Сооб. И. П. Сокальсній.

Рекрутская пѣсня.

Та по-за садомъ-виноградомъ,
Дорижка лежала.
Гей туды наша та судариня
Некруть выряжала,
Выряжала на воронимъ кониченьку.
Выйди, выйди, сердце мое, дивчинонько!
Ой не выйшла дивчинонька,
Выйшла стара мати,
Взяла коня за поводы
Та й стала питати:
Ой, сыну жъ мій, соколику,
Де жъ тебе шукати?
Шукай въ стѣну край-дороги,
Моя ридна мати;
Тамъ я буду, моя мати,
Горемъ горювати,
Своимъ чубомъ кучерявымъ
Степы устилати,
А своею кривицею
Моря доновняти,
А ще своимъ билимъ тиломъ
Орливъ годувати.
— Бодай же вы, вориженьки,
Вси разомъ пропали,
Якъ вы тую биду знали—
Мени не сказали;
А тоди вже вы сказали,
Якъ сына піймали.
Ой піймали мого сына
Ще й руки звизали,
А звязавши били руки.
Везуть на Прилуки,
А зъ Прилуки до Полтавы—
До вичнѣй присяги.

Присягъ царю—присягъ Богу:
Одрикся одъ роду.
Прощай, сыну, мій голубе!
Не думай до-дому.

Сообщ. И. Пономаревъ.

Поправки. Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, за болѣзнь нашу, вкрались двѣ существенныя погрѣшности, которыя спѣшимъ исправить.

1) Въ концѣ рецензіи на книгу „Холмская Русь“, изд. П. Н. Батюшкова, сказано, будто въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги есть біографія и портретъ издателя. Рецензентъ смѣшалъ въ семъ случаѣ майскую книжку „Русской Старины“, гдѣ таковыя помѣщены, съ книгой „Холмская Русь“, гдѣ ихъ не было и нѣтъ, а смѣшалъ потому, что при составленіи рецензіи пользовался экземпляромъ одного кіевского ученаго, имѣющаго обыкновеніе для своихъ работъ переносить однородныя статьи изъ одного изданія въ другое и переплетать ихъ вмѣстѣ. Считаемо долгомъ извиниться въ семъ предъ достоуважаемымъ издателемъ.

2) Въ той же рецензіи на страницѣ 556, строка 20, вмѣсто *четыро* конечнымъ крестомъ, сказано *семи* конечнымъ. Ошибка произошла отъ неразборчивости письма въ рукописи.

Р е д.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина» посвященъ исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, и выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1887) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель В. Г. Лебединцевъ.